

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLIII-й.

ІЮЛЬ.

1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. 1812-й годъ. Избраніе Кутузова главнокомандующимъ надъ всѣми арміями, пріѣздъ его въ армію и первые дни его дѣятельности. В. М. Коллюбакина	3— 32	тріарха Гермогена. (Къ 300-лѣтію его кончины). Адр. Круковского	118—125
II. Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ. Д. Бѣльковича	33— 70	XI. Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни. (1870—1875 г.). В. С. Чеважевскаго	127—133
III. Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву. В.	71— 85	XII. Сто лѣтъ назадъ. Письма Н. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова	134—144
IV. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1812 г. Сообщ. П. А. Вилламовъ	88— 94	XIII. Кто управлялъ русскими войсками въ іюнѣ 1812 г., послѣ переправы арміи Наполеона черезъ Нѣманъ. П. Воронова	145—163
V. Къ бою 7-го іюля 1812 года при Гр.-Энкау. Сообщ. Ка-Эль	95— 96	XIV. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
VI. „День Субботній“. Д. Перскаго	97—103	а) Порядокъ провоза иноземцевъ отъ Архангельска къ Вологдѣ (1613 г.). Сообщ. Ив. Суворовъ	86— 87
VII. По поводу воспоминаній г. И. И. Янжула. С.	104—107	б) Отцу бить сына плетью (1680 г.). Сообщилъ Ив. Суворовъ	126
VIII. По поводу ст. „Встрѣчи и столкновенія“, Р. Сементковскаго	108—109	XV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4 по 25 августа 1911 г. (на оберткѣ).	
IX. Посѣщеніе Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря Императрицей Маріей Феодоровной, 1 мая 1818 г., и Императоромъ Александромъ I, 23 августа 1823 года. Н. Дашкова	110—117	Въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“ — Записки генерала Ермолова, въ Отечественную войну 1812 года	16— 44
X. Къ характеристикѣ па-			

Приложеніе: Портретъ князя Петра Ивановича Багратіона.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва и. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1912.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы

съ 4 по 25 августа 1911 г.

Толстой, Л. Н. Послѣ смерти. (Путь жизни, вып. 29-я). М. 1911. Изд. Посредникъ (Петровскія линіи). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовская, соб. д.). 8° (14×20). 20 стр. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 15.200 экз.

Чеботаревская, Анаст. О Ѳедорѣ Сологубѣ. Критика, статьи и замѣтки. Спб. 1911. Тип. т-ва „Екатерингофское печатное дѣло“ (Екатерингофск. пр., 10). 8° (16×21). 356 стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 6 л. 1.200 экз.

Ѳемелиди, А. М. Генрихъ Сенкевичъ. Его литературная эпоха, жизнь, труды и мысли. Изъ серіи „Художники и мыслители XIX в.“ Польша. Одесса. 1912. Изд. 2-е. Тип. Акц. Ю.-Р. О-ва Печ. Дѣла (Пушкинская, 18). 8° (17×24). 6 неч.+409 стр.+1 портр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 12 л. 1.960 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. Съ автографами и письмами автора, указателемъ разбираемыхъ писателей и произведеній, указателемъ темъ и вопросовъ, затрагиваемыхъ авторомъ попутно въ различныхъ статьяхъ и критико-біографическимъ очеркомъ Г. В. Александровскаго. Подъ ред. В. К. Фукса. Т. V. Кіевъ. 1911. Изд. книгоизд. В. К. Фукса. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 442+2 неч. стр. Складъ: кн. маг. В. А. Просяниченко (Фундуклеевская, 6). Ц. за 6 т. 3 р. 50 к. Въсь 1 ф. 7 л. 6.000 экз.

Бюллетень Библіотеки Императорскаго Харьковскаго Университета. Апрель 1911 г. Харьковъ. 1911. Тип. Сергѣева и Гальченка (Московская, 10). 8° (17×25). 15 стр. Въсь 2 л. 300 экз.

В-въ, П. Т. Посѣщеніе въ іюль 1891 года Благовѣрнымъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ Томской губерніи и гор. Томска. Томскъ 1911. Тип. Губ. Управл. 8° (15×20). 32 стр.+2 портр. Въсь 3 л. 4.300 экз.

Вейхельтъ, К. О., Коваленскій, М. Н., Петрушевскій, В. А. и Улановъ, В. Я. Книга по русской исторіи для начальныхъ школъ и первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній (Историческая группа Исполн. Комиссіи по учрежд. Московскаго городского музея наглядно учебныхъ пособій). М. 1911. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстн. бульв., сб. д.) 8° (16×23). 263 стр. Съ карт. и рис. Ц. 55 к. Въсь 22 л. 10.000 экз.

Гивѣушевъ, А. М. Новгородскій дворцовый приказъ въ XVII вѣкѣ (Краткій очеркъ дѣятельности приказа и документы). М. 1911. Тип. Русская Печатня (Садовая-Трѣумф., 170). 8° (17×26). XXXVI+162 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 20 л. 300 экз.

Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 г., за третій 1910—11 г. м. 1911. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8° (18×28). 112 стр. Въсь 14 л. 600 экз.

Иловайскій, Д. Руководство ко всеобщей исторіи. Средній курсъ. М. 1911. Изд. автора (у ц. Стараго Пимена), 34-ое. Тип. Т-ва И. М. Машистова (Б. Садовая, соб. д.). 16° (14×19). 492 стр.+3 карты. Ц. 1 р. Въсь 30 л. 8.000 экз.

Каманинъ, И. Памяти проф. Филиппа Алексѣевича Терновскаго (по поводу 25-лѣтія со времени его смерти). Кіевъ. 1911. Тип. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (17×26). 26 стр.+1 портр. Въсь 4 л. 100 экз.

Кулжинскій, Я. С. Какъ сложилась сказка о Кириллѣ Кожемякѣ. (О превращеніи исторіи въ сказку). Кіевъ. 1911. Изд. Книгоизд. Сотрудникъ. Тип. С. П. Яковлева (Золото-воротская, 11). 8° (13×21). 16 стр. Съ рис. Въсь 1 л. 5.100 экз.

Лебедевъ, Н. К. XVI столѣтіе о ратномъ дѣлѣ. М. 1911. Изд. автора (4-я Мѣщанская, 14). Тип. Посредникъ, Я. Г. Сазонова (Никитскія вор., 31). 8° (16×24). 158+IV стр.+1 карта. Ц. 1 р. 75 к. Въсь 22 л. 2.500 экз.

Матеріалы для исторіи церквей Владимірской губерніи. Отдѣлъ третій для Владимірской, Гусской, Медужской и Ярополческой десятинь. Вып. шестой. М. 1911. Тип. Русск. Т-ва (Мыльниковъ пер., соб. д.). 8° (15×23). 146+1 неч. стр. Въсь 15 л. 125 экз.

Микулинъ, П. А. Слово о Толстомъ. Томскъ. 1911. Тип. Сибирскаго Т-ва Печ. дѣла (уг. Дворянской и Ямск. пер., соб. д.). 8° (18×26). 8 стр. Въсь 3 л. 250 экз.

Михайловъ, Дм. Дм. Курсъ устной народной словесности и хрестоматія. Спб. 1911. Изд. 2-е. Тип. Государственная. 8° (17×25). VII+177+V стр. Складъ: Спб., Петербургская Страница, Большой пр., д. 6. Адр. Изд.: Книжн. магаз. „Учебное Дѣло“. Ц. 90 к. Въсь 26 л. 10.000 экз.

На память о 150-лѣтнемъ юбилеѣ Холмской Духовной Семинаріи. Холмъ. 1910. Тип. Вайнштейновъ. 8° (17×24). 192 стр. Съ рис. Въсь 20 л. 1.000 экз.

Озобишинъ, Н. Незвѣстные Герои. Разказы изъ Русско-Японской войны. Варшава. 1911. Изд. Автора. Тип. Эстетическая (Ново-Вельская, 25). 8° (16×24). 73+1 неч. стр. Ц. 60 к. Въсь 8 л. 1.000 экз.

Орловъ, полковникъ. Генераль-майоръ Гайдаровъ. Слава и гордость Самурцевъ. Спб. 1911. Тип. Улей (Кирнич. пер., 3). 8° (15×23). 19 стр. Съ портр. Въсь 4 л. 300 экз.

О Толстомъ. Воспоминанія и характеристики представителей различныхъ націй. Подъ ред. П. А. Сергѣенко. Т. I. М. 1911. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (15×19). 255+16 стр. Ц. 1 р. Въсь 22 л. 3.000 экз.

О Толстомъ. Воспоминанія и характеристики представителей различныхъ націй. Подъ ред. П. А. Сергѣенко. Т. II. М. 1911. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (15×19). 259+16 стр. Ц. 1 р. Въсь 22 л. 3.000 экз.

Князь Петръ Ивановичъ Багратионъ
рисунокъ съ натуры ген.-лейт. Маркова
(изъ собраній Б. М. Колубакина).

Кавалерійскій генераль Марковъ, сподвижникъ Кутузова и Багратиона; рисоваль очень хорошо и преимущественно портреты; значительное число рисунковъ Маркова находится въ собраніи П. Я. Дашкова.

РУС

СТАРШИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1912.

ЮЛЬ. — АВГУСТЪ. — СЕНТЯБРЬ.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1912.

1812-ЫЙ ГОДЪ.

Избраніе Кутузова главнокомандующимъ надъ всеми арміями, прїездъ его въ армію и первые дни его дѣятельности ¹⁾.

Въ началѣ августа положеніе дѣлъ на главномъ театрѣ войны требовало принятія чрезвычайныхъ мѣръ для отраженія находившейся уже въ самомъ сердцѣ Россіи арміи Наполеона. Въ числѣ таковыхъ мѣръ прежде всего требовалось назначеніе общаго полномочнаго главнокомандующаго надъ всеми арміями. На это неотложное мѣропріятіе и назначеніе таковымъ главнокомандующимъ именно *Кутузова* указывало общественное мнѣніе Россіи. Склоняясь на избраніе общаго главнокомандующаго, но не останавливая своего выбора на *Кутузовѣ*, Императоръ Александръ повелѣлъ опредѣлить выборъ такого главнокомандующаго особому „Чрезвычайному Комитету“.

Первое засѣданіе установленнаго по повелѣнію Императора Александра Чрезвычайнаго Комитета для избранія главнокомандующаго состоялось 5-го августа въ 7 часовъ вечера въ домѣ предсѣдателя этого Комитета и предсѣдателя Государственнаго Совѣта генераль-фельдмаршала *графа Салтыкова*.

Членами Комитета состояли: Главнокомандующій столицы генераль *Вязмитиновъ*, предсѣдатели Государственнаго Совѣта князь *Лопухинъ* и *графъ Кочубей* и министръ полиціи *Балашевъ*.

Послѣ вступительной рѣчи предсѣдателя *графъ Аракчеевъ* представилъ Комитету рапорты и донесенія на Высочайшее имя главно-

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюнь 1912 г.

командующаго 1-ой арміею *Барклая* и 2-ой князя *Багратиона*, а равно и частныя письма Государю князя *Багратиона*, генераль-адъютантовъ графа *Шувалова*, графа *Сенъ-При* и *Винценгероде* и полковника *Толя* ¹⁾).

По выслушаніи всѣхъ этихъ документовъ члены Комитета единогласно признали, что „недѣятельность въ военныхъ операціяхъ“ происходитъ отъ отсутствія „положительной единоначальной власти“, что, при невыгодѣ въ настоящее время „раздробленія сей власти, ей необходимо общее соединеніе“ и что „согласованіе дѣйствій разныхъ армій требуетъ назначенія надъ всѣми арміями одного общаго главнокомандующаго“.

Признавъ далѣе неудобство соединенія власти военнаго министра и главнокомандующаго 1-ой арміею въ одномъ лицѣ *Барклая* и что будучи въ чинѣ моложе другихъ главнокомандующихъ, *Барклай* можетъ быть стѣсненъ въ рѣшительности предписаній, Комитетъ единогласно пришелъ къ мнѣнію, что „назначеніе общаго главнокомандующаго арміями должно быть основано: во-первыхъ, на извѣстныхъ опытахъ въ военномъ искусствѣ, отличныхъ талантахъ, на довѣріи общемъ, а равно и на самомъ старшинствѣ; по сему единогласно убѣждаются предложить къ сему избранію генерала-отъ-инфантеріи князя *Кутузова*“ ²⁾).

Признавъ такимъ образомъ необходимость назначенія общаго и единого главнокомандующаго, Комитетъ, не останавливаясь на *Барклай* и выставивъ главными мотивами—извѣстный опытъ и общее довѣріе и предлогомъ еще и старшинство, единогласно остановилъ свой выборъ, въ согласованіи съ общественнымъ всей тогда Россіи мнѣніемъ, на *Кутузовъ*, высоко цѣня котораго еще великая монархія называла „мой генераль *Кутузовъ*“, который пользовался исключительнымъ уваженіемъ и довѣріемъ великаго *Суворова* и только что оказавшаго отечеству громадную услугу побѣдой у *Руцук* и заключеніемъ въ столь трудное для государства время выгоднаго для насъ мира съ Турціею.

Въ заключеніе постановлено, что *Барклай*, останется ли онъ при арміи подъ начальствомъ *Кутузова*, или вернется въ Петербургъ, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть уволенъ отъ званія военнаго министра.

8-го августа послѣдовало Высочайшее назначеніе *Кутузова*

¹⁾ Судя по журналу засѣданій Комитета письма Ермолова Государю Комитету представлены не были.

²⁾ Подлинная редакція журнала засѣданій Комитета.

главнокомандующимъ надъ всѣми арміями, повелѣно выдать ему 30.000 рублей на подъемъ, и Кутузовъ удостоенъ рескриптомъ:

„Михаилъ Илларионовичъ. Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ нашихъ дѣйствующихъ армій хотя и предшествовало было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ Мнѣ той быстрой дѣятельности, съ каковою бы надлежало дѣйствовать на пораженіе непріятеля.

Соображая сія послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы и на самомъ старшинствѣ.

Извѣстныя военныя достоинства ваши, любовь къ отечеству и неоднократные опыты отличныхъ подвиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію Мою довѣренность.

Избирая васъ для сего важнаго дѣла, Я прошу всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ россійскаго оружія и да и оправдаются тѣмъ счастливыя надежды, которыя отечество на васъ возлагаетъ. Пребывая вамъ всегда благосклонный“.

Въ тотъ же день, 8-го августа, Императоръ *Александръ* въ письмѣ къ сестрѣ Великой Княгинѣ *Екатеринѣ Павловнѣ* слѣдующимъ образомъ изображаетъ обстоятельства этого назначенія: „я нашель, что настроеніе здѣсь хуже, чѣмъ въ Москвѣ и провинціи; сильное озлобленіе противъ военнаго министра (*Барклая*), который, нужно сознаться, самъ тому способствуетъ своимъ нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій и безпорядочностью, съ которой ведетъ свое дѣло. Ссора его съ *Багратиономъ* до того усилилась и разрослась, что я былъ вынужденъ, изложивъ всѣ обстоятельства небольшому нарочно собранному мной для этой цѣли Комитету—назначить главнокомандующаго всѣми арміями; взвѣсивъ все основательно, остановились на *Кутузовѣ*, какъ на старѣйшемъ, и дали такимъ образомъ *Беннигсену* возможность служить подъ его начальствомъ; кромѣ того, они еще и очень дружны¹⁾. Кутузовъ вообще въ большомъ фаворѣ у здѣшняго общества и въ Москвѣ“²⁾.

Признавъ здѣсь лично ошибки *Барклая* и объясняя ихъ главнымъ образомъ его нерѣшительностью, Императоръ Александръ,

¹ Остается неизвѣстнымъ откуда установилось у Государя мнѣніе объ этой дружбѣ, во всякомъ случаѣ оказавшейся непрочной.

Вел. Кн. Николай Михайловичъ: Переписка Императора Александра съ сестрой Вел. Кн. Екатериной Павловной.

считавшій *Беннигсена* болѣе другихъ подходящимъ для главнаго командованія, признаетъ весьма важнымъ участіе *Беннигсена* въ руководствѣ операціями, на что, по мнѣнію Государя, *Беннигсенъ* можетъ разсчитывать въ силу его дружбы съ *Кутузовымъ*, что въ дѣйствительности однако не оправдалось, частью по недоброму вѣрію *Кутузова* къ *Беннигсену* и главнымъ образомъ по противодействию тому ревниваго къ своему значенію и положенію генералъ-квартимейстера арміи полковника *Толя*.

Позднѣе, уже 18-го сентября, въ письмѣ къ той же Великой Княгинѣ *Екатеринѣ Павловнѣ* Императоръ *Александръ* такъ изображаетъ обстоятельства назначенія общаго главнокомандующаго:

„Можно ли требовать большаго отъ человѣка, когда онъ поступаетъ согласно своему убѣжденію? этимъ убѣжденіемъ я только и руководился; оно заставило меня назначить *Барклая* главнокомандующимъ 1-ой арміи въ виду репутаціи, которую онъ заслужилъ во время войнъ съ французами и шведами. Наконецъ то же убѣжденіе заставило меня думать, что по познаніямъ своимъ онъ стоитъ выше *Багратіона*. Крупныя ошибки, сдѣланныя послѣднимъ въ эту кампанію, послужившія отчасти причиной нашихъ неудачъ, поддерживали во мнѣ это убѣжденіе, и я больше, чѣмъ когда-либо, считалъ его неспособнымъ командовать соединенными арміями подъ *Смоленскомъ*. Хотя я не былъ особенно доволенъ дѣйствіями *Барклая*, но все-таки я считаю его лучшимъ стратегомъ, чѣмъ *Багратіонъ*, который о стратегіи понятія не имѣетъ. Наконецъ въ то время въ силу того же убѣжденія я не имѣлъ въ виду никого лучшаго.

...Мой адъютантъ *Кутузовъ* сказалъ, что въ арміи считаютъ *Барклая* и *Багратіона* одинаково неспособными командовать такими большими массами и что желали бы видѣть во главѣ арміи—*Петра Палена*. Не говоря уже о его другихъ отрицательныхъ качествахъ, вспомните только, что болѣе 18—20 лѣтъ не видѣлъ онъ непріятеля и что послѣдній разъ, когда онъ участвовалъ въ бою, онъ былъ только бригаднымъ генераломъ. Могъ ли я положить на этого человѣка и гдѣ доказательства его военныхъ дарованій?

Въ *Петербургѣ* я увидѣлъ, что рѣшительно все были за назначеніе главнокомандующимъ старика *Кутузова*; это было общее желаніе. Зная этого человѣка, я вначалѣ противился его назначенію, но когда *Ростопчинъ* письмомъ отъ 5-го августа сообщилъ мнѣ, что вся *Москва* желаетъ, чтобы *Кутузовъ* командовалъ арміей, находя, что *Барклай* и *Багратіонъ* оба неспособны на это, а тѣмъ временемъ и когда, какъ нарочно, *Барклай* надѣлалъ подъ *Смоленскомъ* рядъ глупостей, мнѣ оставалось только усту-

пить единодушному желанію и я назначилъ Кутузова. Я и теперь думаю, что при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы тогда находились, изъ трехъ генераловъ, одинаково неспособныхъ для роли главнокомандующаго, я долженъ былъ остановить свой выборъ на томъ, на кого указывалъ общій гласъ¹⁾.

Наконецъ, уже значительно позже, 24 ноября Императоръ Александръ удостоилъ Барклая отвѣтомъ на его письмо, и обстоятельства назначенія Кутузова изложены въ этомъ письмѣ слѣдующимъ образомъ:

„Потеря Смоленска произвела огромное моральное впечатлѣніе во всей Имперіи. Къ общему неодобренію нашего плана кампаніи присоединились еще и упреки; говорили: „опытъ покажетъ, насколько гибеленъ этотъ планъ, Имперія находится въ неминуемой опасности“, и такъ какъ Ваши ошибки, о которыхъ я выше упомянулъ, были у всѣхъ на устахъ, то меня обвиняли въ томъ, что благо Отечества я принесъ въ жертву своему самолюбію, желая поддержать сдѣланный въ Вашемъ лицѣ выборъ. Москва и Петербургъ единодушно указывали на князя Кутузова, какъ на единственнаго человѣка, могущаго, по ихъ словамъ, спасти отечество. Въ подтвержденіе этихъ доводовъ говорили, что по старшинству Вы были сравнительно моложе Тормасова, Багратиона и Чичагова; что это обстоятельство вредило успѣху военныхъ дѣйствій и что это неудобство высокой важности будетъ вполнѣ устранено съ назначеніемъ князя Кутузова. Обстоятельства были слишкомъ критическія. Впервые столица Государства находилась въ опасномъ положеніи и мнѣ не оставалось ничего другого, какъ уступить всеобщему мнѣнію, заставивъ все-таки предварительно обсудить вопросъ за и противъ въ совѣтѣ, составленномъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ Имперіи. Уступивъ ихъ мнѣнію, я долженъ былъ заглушить мое личное чувство. Мнѣ только остается сохранить Вамъ возможность доказать Россіи и Европѣ, что Вы были достойны моего выбора, когда я Васъ назначилъ главнокомандующимъ. Я предполагалъ, что Вы будете довольны остаться при арміи и заслужить своими воинскими доблестями, что вы и сдѣлали при Бородинѣ, уваженіе даже Вашихъ хулителей“²⁾.

¹ Великій Князь Николай Михайловичъ. Переписка Императора Александра съ сестрой Вел. Кн. Екатериной Павловной.

² Вел. Кн. Николай Михайловичъ. Та же переписка.

8-го августа, послѣ обѣда, Императоръ Александръ приказалъ *Кутузову* приѣхать на Каменный Островъ и объявилъ ему о состоявшемся его назначеніи. Отъ Государя *Кутузовъ* поѣхалъ прямо въ Казанскій соборъ, гдѣ, какъ рассказываетъ его первый исторіографъ, „снявъ мундиръ, ордена, знаки отличія и украшенія, молился передъ иконою Божьей матери со слезами и на колѣняхъ“.

На слѣдующій день, 9-го августа, *Кутузовъ* съ женой молился въ церкви Владимірской Божьей матери, „что въ придворныхъ слободахъ“. 10-го августа, наканунѣ отъѣзда къ арміямъ, *Кутузовъ* сдаетъ дѣла по начальствованію Петербургскимъ ополченіемъ, заканчиваетъ послѣдніе сборы и одновременно уже распоряжается по должности главнокомандующаго, рапортуетъ Государю, сносится съ графомъ *Ростопчинымъ*, управляющимъ военнымъ министерствомъ княземъ *Горчаковымъ*, ген. *Эртелемъ*, графомъ *Орловымъ* и другими должностными лицами, а губернаторовъ—*Кологривова*, барона *Аша* и *Сумарокова* проситъ о заготовкѣ ему лошадей; изъ сношеній видно, что *Кутузовъ* беретъ съ собой чиновниковъ (офицеровъ) ополченія: *Казначеева*, *Хвостова*, *Сомова* и *Данилевскаго*.

11-го *Кутузовъ* выѣзжаетъ въ армію. Въ 9 часовъ утра онъ садится въ карету, около дома его на Дворцовой набережной толпы народа вынуждаютъ его ѣхать шагомъ, изъ толпы ему шлютъ пожеланія счастливаго пути и побѣды. По пути *Кутузовъ* посѣщаетъ Казанскій соборъ, гдѣ, стоя на колѣняхъ, выслушиваетъ молебствіе, цѣлуетъ крестъ и послѣ окропленія святой водой возлагаетъ на себя поданный ему образъ Казанской Божьей матери ¹⁾ и, выходя изъ церкви, успѣвшей наполниться толпами народа, обращается къ священникамъ со словами: „молитесь, ибо посылаютъ меня на великое дѣло“.

Думалъ ли тогда кто-нибудь, что *Кутузову* оставалось жить 8 всего мѣсяцевъ и что черезъ 9 мѣсяцевъ въ тотъ же соборъ для погребенія будетъ доставлено тѣло его.

По свидѣтельству одного изъ его біографовъ—*Синельникова*, *Кутузовъ* всю дорогу держалъ въ рукахъ карту театра войны, изучалъ его и твердилъ: „Господи! донеси меня здороваго до мѣста моего назначенія, сохрани армію до того времени въ цѣлости! объ

¹⁾ „Въ маломъ медальонѣ, украшенномъ золотой ризой“, добавляетъ историкъ его („анекдоты о *Кутузовѣ*“): „принявъ сей честный даръ, маститый герой возложилъ его на себя; въ семь мѣстъ запечатлѣлъ онъ въ чувствахъ своихъ клятву, что первая добыча, отнятая у непріятели, будетъ украшеніемъ сего храма, что и не приминулъ исполнить“.

одномъ молю, благоволи мнѣ застать еще *Смоленскъ* въ нашихъ рукахъ и врагу Россіи не бывать тогда въ первопрестольномъ градѣ ея“.

На первой станціи, въ *Ижорѣ*, отъ проѣзжаго курьера, по данному ему праву вскрывать бумаги изъ арміи, *Кутузовъ* узнаеть о паденіи *Смоленска* и говоритъ: „Ключъ въ *Москву* взять!“, а вечеромъ встрѣчаетъ на пути въ *Петербургъ* Великаго Князя *Константина Павловича*, отъ котораго узнаеть подробности паденія *Смоленска*.

Съ дороги *Кутузовъ* посылаетъ приказы, отзывы, запросы и другія подобныя распоряженія въ цѣляхъ оповѣщенія о своемъ назначеніи, ориентированіи высшихъ властей своими личными воззрѣніями на положеніе дѣлъ и важнѣйшими мѣропріятіями, равно съ цѣлью отдать себѣ отчетъ въ силахъ и средствахъ возможнаго усиленія арміи (затребовавъ свѣдѣнія о рекрутскихъ депо, новыхъ формированіяхъ регулярной арміи и ополченій) и въ цѣляхъ ускорить всѣ формированія и вообще приготовленія и намѣтитъ пункты сосредоточенія всѣхъ этихъ создаваемыхъ силъ и средствъ ¹⁾.

Кутузовъ уже съ первыхъ дней пути оцѣниваетъ общее положеніе дѣлъ и въ его головѣ совершенно опредѣленно складывается ближайшая цѣль дѣйствій и соотвѣтствующія неотложныя и важнѣйшія мѣропріятія. „*Время и обстоятельства подвинутъ какую-либо сторону къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ*“, пишетъ *Кутузовъ* съ пути и 11-го августа командиру резервныхъ войскъ *Милорадовичу*, „нынѣшній предметъ состоитъ въ прегражденіи непріятеля въ *Москву*“ и далѣе наставляетъ *Милорадовича* мѣстомъ сосредоточенія этихъ подкрѣпленій, дабы они „не замедлили поддержать и усилить отступающую къ *Москвѣ* главную армію“.

12-го вечеромъ *Кутузовъ* прибываетъ въ *Крестцы*; все это время продолжается непрерывно его распорядительная дѣятельность.

Двигаясь безостановочно, *Кутузовъ* 13-го уже на пути въ *Вышний-Волочокъ*, куда прибываетъ утромъ 15-го и гдѣ встрѣчаетъ барона *Беннигсена*, возвращающагося изъ арміи въ *Петербургъ* съ новыми обличеніями *Барклая* и не безъ тайной надежды получить главное командованіе. *Кутузовъ* сообщаетъ ему свое назначеніе и волю Государя, чтобы онъ—*Беннигсенъ* принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Беннигсенъ въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾ говоритъ, что *Кутузовъ* отговорилъ его отъ намѣренія все же проѣхать въ *Петер-*

¹⁾ Журн. исходящ. бумагъ *Кутузова*. Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. шт.

²⁾ Рус. Стар. 1909 г., стр. 492.

бургъ, представиться Государю и повидаться съ семьей. „Изъ чувствъ самолюбія и честолюбія“, говоритъ *Беннигсенъ*, „мнѣ было непріятно служить подъ начальствомъ другого“ и далѣе говоритъ о своихъ заслугахъ въ борьбѣ съ Наполеономъ въ войну 1806 и 1807 годовъ, „но я заглушилъ въ себѣ эти чувства“, добавляетъ *Беннигсенъ*.

Кутузовъ пригласилъ *Беннигсена* въ армію, исполняя волю Государя, но со свойственной ему проницательностью прекрасно понималъ, что *Беннигсенъ* делѣялъ мысль, въ случаѣ чего, стать на мѣсто *Кутузова*, что и предусматривало пріуготовленная ему должность „начальника штаба надъ всѣми арміями“, и едва-ли *Кутузовъ* рассчитывалъ на его полное и искреннее ему—*Кутузову* содѣйствіе.

Изъ *Вышняго-Волочка* *Кутузовъ* имѣлъ намѣреніе направиться въ *Вязьму*, хотя по свѣдѣніямъ земскаго исправника непріятельскіе развѣзды были уже недалеко *Вязьмы*, что отвѣчало дѣйствительности, такъ какъ 15-го арміи уже оставили *Вязьму* позади. Извѣстіе это поразило *Кутузова*, не представлявшаго себѣ столь быстрого отступленія и столь быстрого хода событій, и *Кутузовъ* ускорилъ свою поѣздку, выѣхавъ въ тотъ же день въ *Торжокъ*.

Прибывъ еще 15-го въ *Торжокъ*, *Кутузовъ* сообщаетъ *Барклаю*, что онъ въ тотъ же день выѣзжаетъ далѣе, въ *Старицу*, и проситъ: „Ежели что до пріѣзда моего можетъ случиться, то симъ трактомъ прошу увѣдомить“. Къ вечеру *Кутузовъ*, свернувъ теперь уже на смоленскую дорогу, выѣзжаетъ въ *Старицу*, куда и прибываетъ рано утромъ 16-го ¹⁾. 16-го же *Кутузовъ* выѣхалъ изъ *Старицы* въ *Зубцовъ*, гдѣ имѣлъ ночлеги.

На протяженіи всего пути распорядительная дѣятельность *Кутузова* не прекращается.

Торопясь въ армію, *Кутузовъ* въ 8 часовъ вечера и уже изъ *Зубцова* пишетъ *Барклаю*: „настоящее дождливое время препятствуетъ мнѣ быть завтра къ обѣду въ армію, но едва только съ малымъ разсвѣтомъ сдѣлается возможнымъ мнѣ продолжать мою дорогу, то я надѣюсь съ 17-го на 18-ое быть непременно въ главной квартирѣ. Сіе, однако, короткое замедленіе ни въ чемъ не препятствуетъ В. В. производить въ дѣйствіе предпринимаемый вами

¹⁾ Такъ слѣдуетъ по письмамъ *Кутузова*, съ пути, къ *Барклаю*, а историкъ *Мих.-Данилевскій* говоритъ, что 15-го *Кутузовъ* прибылъ въ *Вышній-Волочокъ*, а 16-го въ *Торжокъ*, тогда какъ у насъ есть письма *Кутузова* изъ *Торжка*, помѣченныя 15-мъ. Тотъ же *Мих.-Данилевскій* утверждаетъ, что 16-го въ *Торжкѣ* *Кутузовъ* встрѣтилъ *Беннигсена* и *Ифуля*, а *Беннигсенъ* утверждаетъ, что эта встрѣча состоялась въ *Вышнемъ-Волочкѣ*.

планъ до прибытія моего“. Весьма характерно это предоставленіе Кутузовымъ Барклаю свободы дѣйствій до своего личнаго прибытія.

Рано утромъ 17-го *Кутузовъ* выѣзжаетъ изъ *Зубцова* и къ 11-ти часамъ утра находится уже въ виду *Гжатска*, и почти одновременно обѣ арміи выступаютъ изъ с.с. *Федоровскаго* и *Максимовки* и въ теченіе утра исполняютъ переходъ къ *Цареву-Займищу*, гдѣ и располагаются вблизи подготовляемой къ бою позиціи.

Въ приказѣ по арміи объявлено о прибытіи сего 17-го августа къ арміи „его свѣтлости князя Кутузова-Голенищева“.

Въ началѣ полудня *Кутузовъ*, находившійся уже въ 5-ти верстахъ отъ г. *Гжатска*, былъ встрѣченъ множествомъ вышедшихъ ему навстрѣчу жителей, которые выпрягли лошадей его кареты и везли ее на себѣ до приготовленнаго для него дома купца *Церевитинова*.

Въ *Гжатскѣ* *Кутузовъ*, по свидѣтельству его біографовъ ¹⁾, увидя первый встрѣтившійся полкъ, обратился къ нему съ восклицаніемъ: „Боже! кто бы могъ меня увѣрить, что когда-либо врагъ нашъ могъ сражаться на штыкахъ съ такими молодцами, какъ вы, братцы!“, и подарилъ полку 150 рублей ²⁾.

Слова эти быстро распространились по арміи.

Въ *Гжатскѣ* *Кутузовъ* занялся разрѣшеніемъ важнѣйшихъ и неотложныхъ вопросовъ и въ числѣ таковыхъ тутъ же отвѣтилъ на только что полученное имъ здѣсь письмо графа *Ростопчина*, которому писалъ, что, не видѣвшись еще съ *Барклаемъ* и *Багратиономъ* и не ознакомившись еще съ силами и средствами арміи, онъ не можетъ ему сообщить ничего определеннаго (положительнаго) о планѣ предстоящихъ дѣйствій и далѣе выдвигаетъ важнѣйшее положеніе въ формѣ вопроса: „не рѣшенъ еще вопросъ—потеря ли армію или потеря Москву“? А далѣе тутъ же высказываетъ и свое личное мнѣніе: „по моему мнѣнію съ потерей Москвы соединена потеря Россіи“.

„Теперь я обращаю все свое вниманіе на приращеніе арміи“, заканчиваетъ *Кутузовъ* это свое высокой важности откровеніе графу *Ростопчину*. Далѣе, въ томъ же письмѣ, *Кутузовъ*

¹⁾ „Анекдоты о Кутузовѣ или достопамятныя сказанія“ и пр. 1814 г

²⁾ Это обращеніе, видоизмѣняемое историками, отнесено къ приему почетнаго караула. Извѣстно также въ обращеніи солдатское присловіе: „пріѣхалъ Кутузовъ—бить французовъ“.

просить возможнаго содѣйствія графа *Ростопчина* по вопросу о вооруженіи „Московской военной силы“.

Такимъ образомъ *Кутузовъ* еще только ориентуруется и осматривается въ сложной обстановкѣ середины августа войны 1812 г., озабочиваясь пока только усиленіемъ арміи. Неизвѣстнымъ остается искренность заявленія, что „съ потерей Москвы соединена потеря Россіи“, чему противорѣчитъ его заявленіе въ *Филлахъ*, или же *Кутузовъ* такъ говорилъ *Ростопчину* для вѣрнѣйшаго его успокоенія и ввѣренной ему столицы, какъ бы устраняя самую мысль о возможности уступленія арміею *Москвы*, въ чемъ усматриваемъ только мудрость *Кутузова*.

Послѣ полудня *Кутузовъ* выѣхалъ въ *Царево-Займище*, гдѣ свидѣлся съ главнокомандующими, принялъ почетный караулъ и, наскоро пообѣдавъ, отправился верхомъ въ армію и объѣхалъ войска, которыми былъ встрѣченъ восторженно.

„День былъ пасмурный“, свидѣтельствуется очевидецъ *Щерби-нинъ*, „но сердца наши прояснились“.

Разсказываютъ, что, подъѣзжая къ войскамъ и видя часть, люди которой суетились, чистились, строились и выравнивались, *Кутузовъ* направился къ части, не ожидая окончанія ея приготовленій, и обратился къ людямъ со словами: „не надо ничего этого, я пріѣхалъ посмотрѣть, здоровы ли вы, дѣти мои; солдату въ походѣ не до щегольства, ему надобно отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ ¹⁾“.

Появленіе *Кутузова* среди войскъ и его особое, въ духъ *Суворова*, обращеніе и отношеніе, вызвало радостное возбужденіе и особый подъемъ духа. „Вотъ пріѣхалъ отецъ, всѣ нужды наши знаетъ, какъ не подражаться съ французомъ на его глазахъ, всѣ до одного рады головы положить!“

И *Кутузовъ* понялъ настроеніе арміи и умѣло подымалъ дальѣе ея духъ. „Армія въ полномъ духѣ“, писалъ онъ женѣ, „духъ въ арміи чрезвычайный, хорошихъ генераловъ много, я полонъ надежды“.

Объѣхавъ позицію, *Кутузовъ*, по словамъ *Барклая*, нашелъ ее будто бы сильной, изъявилъ будто бы согласіе дать на ней генеральное сраженіе и приказалъ ускорить постройку укрѣпленій.

Казалось, что наступило наконецъ время рѣшительнаго сраженія и именно здѣсь, такъ казалось и не одному *Барклаю*, а мно-

гимъ въ арміи, которая въ этотъ день уже не получила приказанія продолжать дальнѣйшее отступленіе на слѣдующій день. На 18-ое приказано арміямъ оставаться на мѣстѣ, но 18-го, въ полдень внезапно послѣдовало приказаніе отойти къ *Гжатску* и *Ивашиково* 2-му корпусу, всей II-ой арміи, части артиллеріи и всѣмъ обозамъ.

Стало несомнѣннымъ, что *Кутузовъ* рѣшилъ продолжать отступленіе.

Положеніе *Кутузова* ко времени принятія имъ главнаго командованія нашими арміями было чрезвычайно трудно по причинамъ близости противника къ *Москвѣ*, огромнаго превосходства противника главной арміи и поздняго его назначенія главнокомандующимъ, когда спасеніе *Москвы* было почти безнадежно.

Трудность положенія *Кутузова* была обусловлена прежде всего и главнымъ образомъ огромнымъ превосходствомъ противника во всѣхъ смыслахъ.

Обѣ противныя арміи, будучи первоклассными тогда въ Европѣ, были равны только по духу, но неравны по основамъ своихъ учрежденій и по боевой подготовкѣ въ широкомъ и тѣсномъ значеніи слова.

Французская армія опиралась на новыя военныя учрежденія, обеспечивавшія ей полное и высшее развитіе военнаго искусства, десятки лѣтъ вела на новыхъ началахъ рядъ побѣдоносныхъ войнъ и была руководима величайшимъ полководцемъ всѣхъ временъ и народовъ.

Русская армія со временъ Императора Павла отошла во многомъ отъ таковыхъ же учрежденій Великаго Петра и продолжателей его началъ,—*Румянцева*, *Потемкина* и *Суворова*—и во многомъ восприняла учрежденія и военную систему, исходившую изъ свойствъ вербовочныхъ армій запада, уступала французской въ боевой подготовкѣ арміи въ широкомъ значеніи слова и въ тактической подготовкѣ въ частности и, наконецъ, уступала въ управленіи войсками по сравненію съ таковымъ величайшимъ геніемъ.

Говоря объ учрежденіяхъ и военной системѣ, слѣдуетъ указать на господство тогда у насъ линейной тактики и теоріи пассивныхъ позицій и связанной съ ними излишней въ высшей инстанціи централизациею управленія войсками.

Помимо этихъ столь важныхъ данныхъ превосходства противника, онъ превосходилъ насъ и численно, и тогда какъ *Кутузовъ*, на случай генеральнаго передъ *Москвой* сраженія, могъ бы сосредоточить со всѣми ожидаемыми имъ подкрѣпленіями наибольшее

115.000—120.000 человекъ, изъ коихъ только 90.000 старыхъ солдатъ и 30.000 рекрутовъ и ополченцевъ, Наполеонъ могъ сосредоточить до 150.000 человекъ старыхъ испытанныхъ и отборныхъ войскъ (Подъ *Бородинымъ* Наполеонъ имѣлъ болѣе 130.000, имѣя остальныя войска въ *Смоленскѣ* и на маршѣ къ *Бородину*)¹⁾.

Помимо всѣхъ невыгодъ условій силы, трудность положенія *Кутузова* обусловлена была еще *всѣми невыгодами его поздняго назначенія*, когда, кромѣ боя, положеніе дѣлъ уже ничѣмъ не могло быть исправлено, и также *несовершенствами организаціи верха арміи*, при которой *Кутузовъ* не имѣлъ въ органахъ управленія (въ старшихъ начальникахъ) вполнѣ гибкихъ и послушныхъ орудій, какъ то было въ арміи его геніальнаго противника.

Сравненіе власти и положенія во главѣ своихъ армій *Наполеона* и *Кутузова* является болѣе чѣмъ не въ пользу послѣдняго. Наполеонъ императоръ и вмѣстѣ полководецъ, безграничный авторитетъ, соединяя неограниченную власть, имѣлъ въ своемъ начальникѣ штаба и маршалахъ—корпусныхъ командирахъ гибкіе, безусловныя и послушныя органы и единицы управленія, проявлявшія свое личное только въ искусномъ исполненіи его предначертаній. *Кутузовъ*, по существу, главнокомандующій только двумя „западными“ арміями, невольно долженъ былъ считаться и сообразоваться съ положеніями своего начальника штаба и обоихъ главнокомандующихъ, и каждый изъ троихъ считалъ, что именно ему по праву принадлежало главное командованіе: *Беннигсенъ*, бывший также главнокомандующимъ въ 1807 году, считалъ, что онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ генераловъ могъ съ успѣхомъ вести борьбу съ Наполеономъ, и что только близорукость и несправедливость общественнаго мнѣнія отняла у него командованіе въ 1812 году; глубоко оскорбленный, *Барклай* считалъ, что низведенъ съ главнаго командованія интригами, недоброжелательствомъ къ нему и непониманіемъ его заслугъ страной и арміею, и князь *Багратионъ* считалъ, что именно ему, по заслугамъ, славному боевому прошлому и старшинству—одному принадлежало главное командованіе.

Въ начальникѣ своего штаба—*Беннигсенъ*, бывшемъ по положенію самымъ близкимъ его помощникомъ, *Кутузовъ* имѣлъ тайнаго недоброжелателя и не могъ рассчитывать на его искреннее и полное содѣйствіе и сотрудничество, а оскорбленный своимъ подчиненіемъ *Барклай* будировалъ и сталъ сразу въ непріязненное отношеніе къ *Кутузову*, его окружающимъ и всѣмъ его мѣропріятіямъ

Итальянская дивизія *Лино* пришла къ *Бородину* вечеромъ дня сраженія, а въ *Смоленскѣ* оставалась гвардейская дивизія *Делаборда*.

со всей страстностью и субъективностью глубоко уязвленного человека.

Умаленный въ своемъ званіи и положеніи главнокомандующаго, преисполненный чувства острой обиды и горечи, *Барклай*, отнынѣ какъ бы опальный и неудачникъ и чуть ли не измѣнникъ въ глазахъ арміи и всей Россіи, естественно становится въ натянутое и враждебное положеніе со всѣми окружающими новаго главнокомандующаго, и забывъ всѣ неурядицы въ арміяхъ со времени ихъ соединенія у *Смоленска*, видитъ отнынѣ все происходящее лишь въ мрачномъ свѣтѣ и не щадитъ въ глазахъ Государя въ составленномъ имъ для личнаго пользованія Государя трудѣ, ни *Кутузова*, ни его близкихъ окружающихъ. „Тогда оказались“, пишетъ *Барклай*, „первые признаки духа пристрастій, безпорядковъ, пронырствъ, ежедневно умножавшихся вполнѣдствіи времени и приближавшихъ армію къ гибели. Вскорѣ по прибытіи князя *Кутузова* окружила его толпа праздныхъ людей, въ томъ числѣ находились многіе, высланные мною изъ арміи. Полковникъ князь *Кудашевъ*, отличившійся съ самаго начала отъ прочихъ, какъ все дѣлающій и намѣревающійся командовать арміею отъ имени *Кутузова* и компаніи. За нимъ слѣдовалъ полковникъ *Кайсаровъ*, что въ качествѣ наперсника и свод . . . имѣлъ не менѣе права на командованіе арміею. Съ перваго дня каждый имѣлъ уже своихъ приверженцевъ“.

Ко всѣмъ этимъ трудностямъ положенія *Кутузова* слѣдуетъ прибавить еще извѣстную неполноту его власти и нерасположеніе къ нему Государя.

Итакъ *Кутузову* приходилось бороться и считаться съ гениемъ Наполеона, огромнымъ превосходствомъ его арміи во всѣхъ смыслахъ, мириться съ невыгодами его, *Кутузова*, поздняго назначенія, считаться съ непріязненнымъ къ нему отношеніемъ и особымъ положеніемъ *Барклая* и *Беннигсена*, считаться съ желаніями Государя и общественнымъ мнѣніемъ страны и арміи, требовавшими во что бы то ни стало рѣшительнаго сраженія.

„*Кутузовъ* принялъ начальство надъ арміями“, свидѣтельствуется всегда рѣзкій въ своихъ отзывахъ *Ермоловъ*“, и если единогласіе не могло совершенно прекратить несогласія между командующими арміями, по крайней мѣрѣ, оно было уже безвредно и продолжалось подъ лучшими формами. Но возродило оно ощутительнымъ образомъ въ каждомъ изъ подчиненныхъ надежду на прекращеніе отступленія, большую степень порядка и успѣха“.

Дѣятельность *Кутузова* въ первый день по принятіи главнаго командованія заключалась въ ориентированіи общимъ положеніемъ дѣлъ, въ ознакомленіи съ общими условіями неизбѣжно предстоящаго и долженствовавшаго рѣшить судьбу Москвы генеральнаго сраженія, въ приказаніи развѣдки мѣстности у *Гжатска* и въ различныхъ административныхъ мѣропріятіяхъ по вопросамъ пополненія арміи,—ея снабженія и искорененія было начавшагося, по недостаткамъ довольствія, мародерства въ арміи.

Что касается до важнаго рѣшенія, гдѣ именно встрѣтитъ французскую армію, здѣсь ли—у *Царева-Займища* или гдѣ либо, отходя далѣе, то очевидно, что *Кутузовъ* до времени, до полнаго своего ознакомленія со всѣми условіями состоянія и положенія арміи и противника, сохранялъ себѣ свободу рѣшенія и дѣйствія, и изъ письма его *графу Ростопчину* утромъ этого же дня изъ *Гжатска* не видно даже намека на принятіе сраженія здѣсь—у *Царева-Займища*, скорѣе напротивъ, между строкъ читается возможность отхода на прибывающія по московской дорогѣ подкрѣпленія. Вечеромъ *Кутузовъ* переѣзжаетъ въ д. *Старая* ¹⁾.

На слѣдующій день 18-го арміи съ утра продолжаютъ оставаться на отдыхѣ, и утромъ же *Кутузовъ* въ своемъ первомъ приказѣ по арміямъ объявляетъ о Высочайшемъ врученіи ему предводительства надъ тремя западными и бывшей Молдавской арміями. „Прибывъ лично нынѣ къ первымъ двумъ, отнынѣ всѣ впередъ донесенія отъ нихъ Его Императорскому Величеству Государю Императору“, объявляетъ онъ далѣе, „не иначе восходить будутъ, какъ черезъ меня повергаемая. Власть каждаго изъ гг. главнокомандующихъ арміею остается при нихъ на основаніи учрежденія большихъ дѣйствующихъ армій“. Здѣсь же объявлено назначеніе *Беннигсена* начальникомъ Главнаго Штаба арміи.

Въ полдень того же дня 18-го *Кутузовъ* неожиданно для арміи приказываетъ упомянутой части ея перейти къ *Гжатску* и *Иваново*, что окончательно открыло рѣшеніе его продолжить отступление.

Этотъ приказъ объ оставленіи части арміи *Царева-Займища* поразилъ *Барклая*, какъ громомъ, и повергъ его въ смущеніе, перешедшее въ негодованіе; теперь у него отнималась надежда, что ему принадлежала идея и рѣшеніе предстоящаго сраженія, что въ предстоящемъ сраженіи ему принадлежалъ по крайней мѣрѣ выборъ

¹⁾ Между *Царево-Займище* и г. *Гжатскомъ*.

мѣста и времени сраженія и инженерная подготовка поля сраженія, и теперь у *Барклая* отнималась всякая надежда оправдаться отъ обвиненія, что онъ избѣгалъ сраженія за все время своего командованія, и отнынѣ роль его ограничивалась подчиненнымъ и пассивнымъ положеніемъ.

И въ этомъ оставленіи позиціи у *Царева-Займище* *Барклай* склоненъ видѣть интригу приближенныхъ *Кутузова* князя *Кудашева* и *Кайсарова*, которые, говоритъ *Барклай* въ своемъ „изображеніи воен. дѣйствій въ 1812 г.“, „условились замѣтить престарѣлому князю, что по разбитіи (Наполеона яко бы) въ позиціи у *Царева-Займище* слава сего подвига не ему припишется, а избранному позицію. Причина достаточная для самолюбивца, какимъ былъ князь, чтобы снять армію съ сильной позиціи“.

Если *Барклай* могъ унизиться до стѣпени подобнаго объясненія Государю непринятія *Кутузовымъ* сраженія у *Царева-Займище*, то это можно объяснить только страстями человѣческими, которымъ не былъ чуждъ какъ человѣкъ прежде всего и *Барклай* въ своемъ тяжеломъ состояніи острой обиды и горечи, страстями, приведшими его до потери равновѣсія и всякаго чувства справедливости. *Барклай* болѣе чѣмъ кто-либо могъ тогда искать объясненіе въ этомъ оставленіи *Кутузовымъ* *Царева-Займище* стремленія *Кутузова* передъ принятіемъ рѣшительнаго сраженія возможно усилить армію, такъ какъ *Барклаю* было извѣстно, что только резервныя (запасныя) войска *Милорадовича* въ числѣ 14.000 ожидались къ 18-му и 19-му августа въ *Гжатскъ*, а что всѣ остальные ожидаемыя и слѣдующія подкрѣпленія, какъ—запасная кавалерія, запасныя артиллерійскія роты, рекрутскіе баталіоны, баталіоны внутренней стражи (гарнизонъ) и московское ополченіе, всѣ эти части могли бы присоединиться къ арміи у *Царева-Займище* при самомъ форсированномъ движеніи не ранѣе 28-го—30-го августа, опаздывая по меньшей мѣрѣ на недѣлю, если бы *Кутузовъ* далъ сраженіе у *Царева-Займище*, тогда какъ, продолжая отступленіе на эти подкрѣпленія и сокращая время ихъ присоединенія, армія получала возможность значительно усилиться передъ рѣшительнымъ сраженіемъ.

Въ резервѣ у *Барклая*, впрочемъ, оставалась намѣченная имъ „на всякій случай“ позиція у *Гжатска*, и онъ ухватился за идею дать здѣсь сраженіе. 18-го *Кутузовъ* съ *Барклаемъ* и *Беннигсеномъ* осматривали эту позицію, и *Барклай* настаивалъ на расположеніи на ней и принятіи здѣсь сраженія, но встрѣтилъ сильную оппозицію въ *Беннигсентъ*. „Нынѣ представилось новое явленіе“, свидѣтельствуеть *Барклай*, „генералъ *Беннигсенъ*, гордась похищенной

имъ славою ¹⁾ и почитающій себя первымъ генераломъ на свѣтѣ, сію мысль старался онъ внушить при всякомъ случаѣ и даже мнѣ объявилъ сіе. Все, что не отъ него происходило, или не имъ было предлагаемо, подвергалось осужденію. Съ самой *Вильны* питалъ онъ ко мнѣ злобу, по неудачѣ его происковъ, для полученія нѣкотораго вліянія въ управленіе арміею. Онъ, по обыкновенію, нашелъ *Гжатскую* позицію невыгодной. *Кутузовъ* былъ моего мнѣнія и твердо рѣшился сражаться на семъ мѣстѣ ²⁾. Но въ ночь съ 19-го по 20-е получили мы приказъ продолжать отступленіе“.

Какъ это свидѣтельство *Барклая* о его возобновившихся треніяхъ съ *Беннигсеномъ*, такъ и приведенныя выше тренія его и съ *Баграціономъ* и его отношеніе къ штабу *Кутузова*, все это рисуешь намъ картину нежелательныхъ на верхахъ арміи явленій, но неизбежныхъ при свойственныхъ людямъ всѣхъ положеній страстяхъ.

Около этого же времени огромное значеніе и вліяніе по оперативной части получаетъ у *Кутузова* полковникъ *Толь*, когда-то любимый ученикъ его въ кадетскомъ корпусѣ, и это господство молодого сравнительно годами и опытомъ полковника представляло явленіе также нежелательное при къ тому же излишней его самоувѣренности, властолюбіи, рѣзкости, заносчивости и дурныхъ отношеніяхъ со старшими начальниками. Будучи давно извѣстенъ *Кутузову*, какъ старательный и способный ученикъ, *Толь*, своимъ умѣньемъ импонировать, образованіемъ, характеромъ и дѣятельностью, болѣе другихъ внушалъ къ себѣ довѣріе и занялъ у *Кутузова* немедленно первое мѣсто.

Это зло не было бы велико при децентрализаціи полевого управленія войскъ, когда въ боевыхъ распоряженіяхъ части арміи имѣли бы свободу расположенія и дѣйствій, но при связанной съ линейной тактикой централизаціей управленія войсками въ бою вся распорядительная по оперативной части власть была сосредоточена въ главномъ штабѣ всѣхъ армій, т. е. въ рукахъ *Беннигсена* и *Толя*, а при довѣрїи и расположеніи *Кутузова* къ *Толю*—въ рукахъ сего послѣдняго.

Поздній и крайне спѣшный, такъ сказать экстренный, прїездъ *Кутузова* въ армію и невозможность заблаговременно и основательно образовать себѣ штабъ и наладить его дѣятельность не

¹⁾ Рѣчь идетъ о сраженіи подъ *Пултускомъ*, и замѣчаніе *Барклая* конечно справедливо.

²⁾ Это рѣшеніе *Кутузова* сомнительно и могло лишь казаться *Барклаю* при манерѣ *Кутузова*, не любившаго спорить, какъ бы молчаливо соглашаться; а можетъ быть впрочемъ, что тогда *Кутузовъ*, еще не рѣшился на дальнѣйшее за *Гжатскъ* отступленіе,

могли не повліять на правильную, вполнѣ соответственную и нормальную службу этого штаба.

Препятствіемъ въ нѣкоторой степени къ правильной боевой дѣятельности арміи служила также несоразмѣрность состава обѣихъ армій, такъ какъ первая заключала въ себѣ 11 единицъ управленія (6-ть пѣхотныхъ, 3 кавалерійскихъ корпуса, казачья масса *Платова* и резервная артиллерія), а вторая армія—4 единицы управленія, но составъ армій, оказавшійся, по соединеніи ихъ, неудобнымъ, не могъ быть измѣненъ, какъ Высочайше утвержденный, и если бы *Кутузовъ* взялъ это на себя и переорганизовалъ бы армію въ три частныхъ армій, то это несомнѣнно вызвало бы сопротивленіе и новую обиду *Барклая*, который усмотрѣлъ бы здѣсь новое свое умаленіе и уничиженіе, такъ какъ при этой реорганизаціи число войскъ въ арміи *Барклая* было бы уменьшено значительно.

Распорядительная дѣятельность *Кутузова* въ день 18-го августа заключала въ себѣ разрѣшеніе разнаго рода вопросовъ административнаго характера, клонившихся къ возможному усиленію арміи. Прежде всего были имъ приняты мѣры по возвращенію въ строй разнаго рода людей, вольно и невольно отбившихся отъ строя, и таковыхъ въ этотъ день собрано до 2.000 человекъ, немедленно возвращенныхъ въ строй, а затѣмъ *Кутузовъ* принялъ рядъ строгихъ мѣръ, дабы явленіе это не повторялось.

Усиленіе численности частей пѣхоты запасными войсками *Милорадовича* (14.000) началось уже съ вечера этого дня у *Гжатска*, куда эти войска прибыли.

Кутузовъ полагалъ еще усилиться формированіями князя *Лобкова* и *Клейнмихеля*, считая ихъ достаточно зрѣлыми, и приказалъ первому направить изъ *Костромы*, *Владимира*, *Рязани*, *Тамбова*, *Ярославля* и *Воронежа*, изъ cadaго по 2 полка, къ *Москвѣ*, а *Клейнмихелю* приказалъ направить 9-ый и 10-ый полки также къ *Москвѣ*, а 11-ый изъ *Твери*, 12-ый и 13-ый изъ *Москвы* и 14-ый изъ *Подольска* къ *Смоленску*, т. е. къ нему навстрѣчу, на *Можайскъ* ¹⁾.

Наконецъ, графу *Моркову* *Кутузовъ* приказалъ направить всѣ части московскаго ополченія, такъ называемой „Московской военной силы“, къ *Можайску*.

¹⁾ Но формированія обонхъ генераловъ, по ихъ незрѣлости, къ арміи не присоединились, войдя въ ея составъ уже въ *Тарутинскомъ* лагерѣ.

18-го числа вся II-ая армія, 2-й корпусъ, артиллерія и всѣ обозы перешли въ *Ивашиково* и частью въ *Гжатскъ*.

Кутузовымъ установленъ окончательно новый составъ арріергардовъ, объединенныхъ въ рукахъ начальника 3-ей дивизіи генераль-лейтенанта *Коновницына*, сохранившаго это командованіе до полудня 24-го августа.

Платовъ, уже было донесшій вечеромъ этого дня, что онъ во исполненіе Высочайшей воли и предписанія Барклая, „хотя и слабъ здоровьемъ, но поспѣшаетъ въ Москву“, оставленъ при арміи¹⁾.

Ознакомившись со всѣми условіями обстановки вообще и въ частности съ качествами ввѣренной ему русской арміи конца августа 1812-го года, *Кутузовъ*, столь равнодушный къ достоинствамъ или недостаткамъ той или другой позиціи, которые онъ и не оспаривалъ, чаще соглашаясь съ докладчикомъ, главное значеніе придавалъ условіямъ силы и наиболѣе—духовной сторонѣ, духовной силѣ арміи и качествамъ старшихъ начальниковъ. Эти положительные факторы качествъ нашей арміи 1812-го года были опредѣлены глазомъ опытнаго и прозорливаго полководца, и въ суммѣ всѣхъ факторовъ успѣха именно имъ придавъ онъ наибольшее значеніе и именно они преисполнили его надеждой на успѣхъ.

Въ лаконическомъ письмѣ къ женѣ въ этотъ день продолженія отступленія, уже подъ его началомъ, *Кутузовъ* столь же характерно, сколь и высоко знаменательно, передаетъ слѣдующія свои объ арміи впечатлѣнія: „Я питаю много надежды, духъ въ арміи чрезвычайный, хорошихъ генераловъ весьма много“.

Такова аттестація, данная *Кутузовымъ* русской арміи въ періодъ подготовки и развитія операціи рѣшительнаго сраженія въ данныхъ условіяхъ—Бородинской операціи, аттестація вождя, опытнаго, дальновиднаго и глубоко-русскаго.

Въ другомъ письмѣ къ женѣ *Кутузовъ* пишетъ: „Я вполне увѣренъ, что съ помощью Бога, который никогда не оставлялъ меня, поправлю дѣла къ чести Россіи.“

Весьма характерна здѣсь надежда *Кутузова* только поправить дѣла къ чести Россіи.

Возвращаясь къ неожиданному для арміи выступленію ея 18-го,

---

¹⁾ Отъѣздъ *Платова* изъ арміи былъ обусловленъ неудовольствіемъ на него Барклая за время командованія имъ арріергардомъ, особенно за дни 13, 14 и 15 августа, но тщательное изслѣдованіе дѣяствій арріергарда въ эти дни приводитъ къ винѣ самого Барклая.

замѣтимъ, что нѣтъ основаній думать, что *Кутузовъ* скрывалъ это намѣреніе отъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ.

Кутузовъ скрывалъ свои намѣренія тогда, когда это было необходимо для обезпеченія успѣха предпріятія, а въ данномъ случаѣ этого не требовалось и тайна не имѣла смысла. Естественнѣе искать объясненіе въ томъ, что *Кутузовъ*, до полнаго ознакомленія со всѣми условіями обстановки, не принималъ еще опредѣленнаго рѣшенія и, давъ арміи нѣкоторый отдыхъ и облегчивъ отходъ спасавшихся жителей, сохранилъ себѣ, до времени, свободу рѣшенія и свободу дѣйствія.

Еще менѣе могли вліять на его рѣшеніе достоинства или недостатки позиціи. *Кутузовъ* не принадлежалъ къ заимствованной отъ западныхъ вербовочныхъ армій школѣ „позиціонной войны“ и, какъ представитель школы *Великаго Петра, Румянцева* и *Суворова*, представитель школы такъ называемыхъ „Екатерининскихъ орловъ“, офицеръ громаднаго опыта побѣдоносныхъ войнъ, менѣе всего въ позиціи могъ искать вѣрное средство обезпечить успѣхъ сраженія.

Ознакомившись въ теченіе дней 17-го и 18-го со всѣми условіями обстановки предстоящаго у *Царева-Займища* или у *Гжатска* сраженія и рассчитавъ отступленіемъ трижды усилиться въ то время, какъ французы параллельно ослабнутъ еще болѣе, *Кутузовъ* нашелъ болѣе выгоднымъ отойти еще на нѣсколько переходовъ назадъ. Всѣ ваши позиціи прекрасны, какъ бы говорилъ *Кутузовъ* на всѣ предложенія, но, ставивъ себѣ цѣлью возможное усиленіе арміи, отходилъ назадъ на подкрѣпленія.

Въ тотъ же день 19-го *Кутузовъ* доноситъ Государю: „Я нашелъ, что многіе полки отъ частыхъ сраженій весьма истощились. Я принялъ намѣреніе недостающее число людей пополнить приведенными вчера (въ *Гжатскѣ*) генераломъ *Милорадовичемъ* и впредь прибыть имѣющими (всего 15.589 чел.), распредѣливъ ихъ по полкамъ. Для еще болѣе удобнѣйшаго комплектованія велѣлъ я изъ *Гжатска* отступить на одинъ маршъ и, смотря по обстоятельствамъ, и еще на другой, дабы присоединить къ арміи, на вышеупомянутомъ основаніи (т. е. пополняя ряды частей войскъ и увеличивая численность войсковыхъ частей) отправляемыхъ изъ *Москвы* въ довольнономъ числѣ ратниковъ; къ тому же мѣстоположеніе при *Гжатскѣ* (значить, рѣчь идетъ уже не о *Царевѣ-Займищѣ*, а о *Гжатскѣ*) нашелъ я по обзорѣнью моему для сраженія весьма невыгоднымъ“.

„Усилясь, такимъ образомъ, какъ черезъ укомплектованіе потерпѣвшихъ войскъ, такъ и черезъ приобщеніе къ арміи нѣкоторыхъ полковъ, сформированныхъ княземъ *Лобановымъ-Ростовскимъ*, и части Московской милиціи, въ состояніи буду, для спасенія *Москвы*, отдаться на произволъ сраженія, которое, однако же, принято будетъ со всѣми осторожностями, которыхъ важность обстоятельствъ требовать можетъ“.

Въ письмѣ къ женѣ отъ того же дня *Кутузовъ* говоритъ: „Не будьте же удивлены, что я немного отошелъ назадъ безъ боя: это чтобы усилить себя подкрѣпленіями какъ можно больше“.

Въ директивѣ *Тормасову*, подтверждая и здѣсь мотивъ отступленія: „Предметъ отступленія заключается въ усиленіи насъ такъ, чтобы непріятельскія силы немного насъ превосходили“, *Кутузовъ* далѣе весьма важно и характерно впервые упоминаетъ г. *Можайскъ*, какъ мѣсто сраженія: „Такимъ образомъ ожидать я буду непріятели на генеральное сраженіе у *Можайска*, уповаю на помощь Всевышняго и храбрость войскъ, нетерпѣливо ожидающихъ сраженія“.

Въ директивѣ *Чичагову* *Кутузовъ*, упомянувъ, что засталъ непріятели въ самомъ сердцѣ *Россіи*, подъ *Москвой*, добавляетъ: „Настоящій мой предметъ есть спасеніе *Москвы* самой“¹⁾.

Такимъ образомъ, ко дню своего прибытія къ арміи *Кутузовъ*, силой неотвратимыхъ обстоятельствъ вынуждаемый къ генеральному сраженію гдѣ-либо не доходя *Москвы*, первоначальной и важнѣйшей цѣлью ставить—усиленіе арміи, „приращеніе“ ея всѣми возможными силами и способами, иначе—ставить цѣлью сосредоточеніе превосходныхъ силъ передъ рѣшительнымъ и общимъ сраженіемъ и это сосредоточеніе онъ ставитъ на первое мѣсто, выдвигаетъ главнѣйшимъ факторомъ, изъ достиженія котораго исходятъ всѣ остальные и только въ зависимости отъ котораго опредѣляются мѣсто и время этого сраженія, которыя являются въ данныхъ условіяхъ обстановки факторами уже менѣе важными, при чемъ, однако, мѣсто этого сраженія естественно обусловлено расположеніемъ гдѣ-либо не доходя до *Москвы* и что весьма характерно, что уже 10-го *Кутузовъ* указываетъ таковое вблизи *Можайска*.

Итакъ первыя условія—силы, условія же мѣста и времени—по достиженіи перваго.

Оставаясь у *Царева-Займища* и даже у *Гжатска*, *Кутузовъ* рисковалъ принятіемъ сраженія ранѣе усиленія себя всѣми пред-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

ставлявшимися силами и средствами, и это усиленіе наилучше осуществлялось путемъ отступленія на всѣ эти прибывшія подкрѣпленія, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее отступленіе все болѣе и болѣе ослабляло и истощало французскую армію.

Наконецъ, прибывшія и влившіяся въ ряды арміи укомплектованія и вступившія въ ея составъ цѣлыя части требовали времени на *спайку*, слѣдовательно, и это обстоятельство требовало выигрыша времени, что также достигалось отходомъ арміи и выборомъ мѣста сраженія отдаленнаго, насколько то позволять обстоятельства.

У *Можайска* можно было рассчитывать на присоединеніе еще и войскъ „Московской военной силы“.

Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, нельзя не отдать справедливости *Кутузову*, не потерявшемуся ко времени прибытія къ арміи въ сложной обстановкѣ войны 1812 года и въ сферѣ разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ мнѣній и отзывовъ, въ аренѣ страстей и правильно поставившаго *ближайшей и первоначальной цѣлью—усиленіе арміи всѣми возможными средствами и способами*, изъ чего логично вытекалъ выигрышъ времени, достигавшійся продолженіемъ отступленія.

Въ числѣ существенно важныхъ распоряженій дня было установленіе Главнаго Штаба арміи и въ дополненіе назначенія *Беннигсена* начальникомъ этого штаба въ приказѣ дня было объявлено о назначеніи генераль-маіора *Вистицкаго* „генераль-квартирмейстеромъ“ арміи, полковника *Толя*—состоять при *Кутузовѣ* и полковника *Кайсарова*—„дежурнымъ генераломъ“ тѣхъ же арміи, при чемъ касательно послѣдняго добавлено: „приказы, мной отдаваемые, имъ засвидѣтельствованные и объявляемые, принимать, какъ мои собственные“.

Назначеніе г.-м. *Вистицкаго* было лишь, такъ сказать,—формальное, фиктивное, въ виду, вѣроятно, только его старшинства, и вся квартирмейстерская часть и важнѣйшій отдѣлъ ея (служба генеральнаго штаба) былъ объединенъ и сосредоточенъ фактически и всецѣло въ рукахъ полковника *Толя*, равно какъ въ рукахъ полковника *Кайсарова* была сосредоточена вся административная часть вообще и инспекторская въ частности.

Барклай, значеніе котораго еще болѣе умалялось съ этой организаціей высшаго управленія арміями, отнесся къ ней съ порицаніемъ и свидѣтельствуетъ въ своемъ „Изображеніи войны“: Арріергарду предписано непосредственно доносить генералу *Беннигсену* и получать отъ него предписанія. За причисленіемъ *Толя* къ *Кутузову*, 1-ая армія была безъ генераль-квартирмейстера. Всѣ инженерные и квартирмейстерскіе офицеры, піонеры и понтонеры были

отдѣлены отъ корпусовъ и армій, при самихъ командующихъ генералахъ не оставлено квартирмейстерскихъ офицеровъ, могущихъ сообщать имъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстоположеніяхъ, дорогахъ и позиціяхъ. Все сіе время было достаточно къ истребленію управленія арміею, устроеннаго по новому учрежденію и къ уничтоженію власти главнокомандующихъ. Но сего еще мало. Войска часто получали повелѣнія отъ *Беннигсена*, *Кайсарова*, *Толя*, *Кудашева*, не только безъ свѣдѣнія о томъ главнокомандующаго арміею, но и корпусныхъ командировъ. Тогда сдѣлались главнокомандующіе арміями совершенно излишними. Въ самой арміи трудно было изслѣдовать, кто въ точности начальствовалъ, ибо очевидно, что князь (*Кутузовъ*) носилъ только имя, подъ коимъ дѣйствовали его сообщники. Сіе устройство возбудило партіи, а отъ оныхъ произошли происки. Сильнѣйшая партія, имѣющая при томъ обширнѣйшее вліяніе, принадлежала князю *Кудашеву*. Хотя армія и не имѣла главнаго свѣдѣнія о присоединеніи его къ обществу начальствующихъ, но въ качествѣ зятя князя *Кутузова* сохранялъ онъ первенство надъ прочими“.

Конечно, *Барклай* въ своихъ обличеніяхъ установившихся порядковъ управленія правъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но несомнѣнно, что онъ излишне страстенъ въ осужденіяхъ и даже пристрастенъ и многое нежелательное было неизбѣжно, какъ несовершенство системы и той борьбы страстей, которая сопровождаетъ всѣ людскія дѣянія и къ которой *Кутузовъ* относился съ философскимъ спокойствіемъ. Помимо общихъ причинъ и частью неизбѣжныхъ, извѣстное неустройство заключалось еще и въ позднемъ назначеніи и пріѣздѣ *Кутузова* въ армію, когда новыя установленія въ новыхъ рукахъ не успѣли еще перебродить, наладиться и образоваться, отчасти и въ нѣкоторой дряхлости и малой подвижности *Кутузова*. Но всѣ эти недостатки выкупались выигрышемъ въ духовномъ отношеніи, въ подъемѣ духа арміи, выкупались той громаднаго значенія данной, которую почтенный *Барклай* въ горечи своего положенія и недостаткѣ прозорливости или не замѣчалъ, или не хотѣлъ видѣть.

Прозорливый *Кутузовъ* естественно не могъ довѣрять *Беннигсену*, котораго онъ взялъ начальникомъ своего штаба только во исполненіе воли Государя, а нерасположеніе къ *Беннигсену* и властолюбиваго *Толя*, приведшее къ умаленію значенія перваго, къ установившимся уже треніямъ на верхахъ арміи прибавило еще новыя.

Полковникъ *Толь*, повидимому, пользовался безграничнымъ довѣріемъ *Кутузова*, довѣріемъ къ его способностямъ, служебному рвенію, исполнительности и знаніямъ, отвѣчавшимъ, впрочемъ, тог-

дашнимъ въ нашей арміи понятіямъ приемовъ и способовъ веденія войны и боя. *Толь* получилъ огромное значеніе, играя первенствующую роль въ подготовкѣ Бородинскаго сраженія и во многомъ и въ его розыгрышѣ.

Толь обладалъ характеромъ, умѣлъ внушать и пользовался достаточнымъ въ арміи довѣріемъ и уваженіемъ, но былъ мало любимъ по своей заносчивости, самомиѣнію и рѣзкости; *Ермоловъ* цѣнилъ въ немъ служебную исполнительность и рвеніе, офицеры же квартирмейстерской части, по преимуществу молодежь, стояли за *Толя* и предпочитали его *Вистицкому*; старшіе же, особенно боевые, опытные не жаловали *Толя* (*Монахтинъ*, *Гавелрдовскій*, *Липранди*). Извѣстный впоследствии военный мыслитель, прусскій офицеръ Генеральнаго штаба—*Клаузевицъ*, близко знавшій *Толя* и часто его сопровождавшій въ поискахъ и развѣдкахъ позицій и расположеній войскъ, совершенно опредѣленно охарактеризовавшій *Кутузова* и *Барклая*, говоритъ много о *Толѣ*, но какъ бы уклоняется дать опредѣленную характеристику *Толя*. Между прочимъ, онъ приписываетъ *Толю* идею уступа при расположеніи армій 9-го, 10-го и 11-го августа на р. *Ужъ* у сел. *Усвятыя*, когда вся II-я армія была поставлена такимъ уступомъ для обезпеченія нашего лѣваго фланга, и утверждаетъ, что „это сочетаніе было излюбленной идеей *Толя*“.

Совершенно опредѣленную характеристику *Толя* даетъ *Беннигсенъ* въ своихъ мемуарахъ. Указавъ, что выборъ Бородинской позиціи принадлежалъ *Толю*, *Беннигсенъ* прибавляетъ: „Служа продолжительное время по квартирмейстерской части, *Толь* приобрѣлъ тотъ навыкъ, который эта служба даетъ всякому мало мальски интеллигентному офицеру, чтобы руководить движеніями нѣсколькихъ колоннъ, но она не даетъ ни надлежащей опытности, ни правильнаго взгляда относительно выбора позиціи и веденія боя, особенно при дѣйствіи противъ такого врага, какъ *Наполеонъ*, и которые нужны, чтобы нести столь видныя и отвѣтственныя обязанности“. Осудивъ выборъ Бородинской позиціи, *Беннигсенъ* говоритъ далѣе: „Офицеръ не виновать, если у него нѣтъ вѣрнаго взгляда на вещи, это можетъ дать ему только время, случай и опытъ, если только онъ не обладаетъ отъ природы выдающимися дарованіями, что бываетъ очень рѣдко (*Беннигсенъ* таковыхъ дарованій у *Толя*, слѣдовательно, не признаетъ). Но я скажу, что офицеръ виновать, если *самодовольство* и *самолюбіе* настолько ослѣпляютъ его, что онъ не хочетъ слѣдовать мудрымъ совѣтамъ и не желаетъ поучаться опытамъ другихъ лицъ; онъ виновенъ вдвойнѣ, если онъ дѣлаетъ это изъ *каприза*, подвергая опасности судьбу арміи во время тѣхъ уроковъ, которые

даетъ ему непріятель и которые обыкновенно обходятся слишкомъ дорого Монарху и Государству. Примѣромъ тому *Бородино*. Полковникъ *Толь* овладѣлъ умомъ *Кутузова*, которому тучность не дозволяла производить лично рекогносцировку мѣстности“¹⁾.

Хотя здѣсь *Беннигсенъ* ведетъ рѣчь болѣе объ участіи *Толя* въ выборѣ позиціи при *Бородинѣ* и расположеніи на ней войскъ, но здѣсь есть и характеристика *Толя* вообще. Конечно, *Беннигсенъ* не любилъ *Толя*, дѣйствовавшего ему наперекоръ и ставшаго ему поперекъ дороги, но нельзя не признать, что, даже считаясь съ пристрастіемъ и нерасположеніемъ *Беннигсена*, въ его словахъ есть большая доля справедливости: самодовольство, самолюбіе, капризы (т. е. упрямство), а мы еще прибавимъ—излишняя самонадѣянность, самомнѣніе, заносчивость, временами упрямство и рѣзкость,— всѣ эти качества были присущи *Толю*.

Всѣ эти недостатки были бы простительны, если бы *Толь* обладалъ большимъ боевымъ опытомъ или постиженіемъ расцвѣтшаго при Наполеонѣ военнаго искусства, но въ 1812 г. *Толь* былъ еще молодъ и малоопытенъ и вся его дѣятельность, особенно активное участіе при выборѣ и занятіи Бородинской позиціи, показываютъ, что онъ еще былъ чуждъ тактическому искусству французской арміи²⁾. По свидѣтельству *Липранди*, 23-го августа, при обсужденіи вопроса укрѣпленія центрального кургана и расположеніи войскъ центра большинство начальниковъ и офицеровъ Генеральнаго штаба было на сторонѣ предложенія *Беннигсена* (особенно полковникъ *Монахтинъ*) и что, если противоположное мнѣніе *Толя* взяло верхъ, то только потому, что *Толь* былъ силенъ у *Кутузова*, что самъ былъ докладчикомъ и исполнителемъ, и что *Кутузовъ* не довѣрялъ и не любилъ *Беннигсена*. Изученіе документовъ Бородинской операціи, особенно изслѣдованіе вопроса выбора позиціи и расположенія на ней войскъ, приводитъ насъ къ убѣжденію, что руководство *Толя* расположеніемъ войскъ не обнаруживаетъ въ немъ пониманія идей и основаній военнаго искусства, заложеннаго у насъ *Петромъ Великимъ* и продолжаемаго и развиваемаго *Румянцевымъ*, *Потемкинымъ* и *Суворовымъ*, ни того искусства, которое зародилось на западѣ въ концѣ 18-го и расцвѣло въ 19-мъ столѣтіи въ рукахъ гениальнаго французскаго императора.

Въ централизаціи квартирмейстерской власти и обязанностей, въ порядкахъ расположенія арміи подѣ *Бородинымъ*, въ пассивности

¹⁾ Русская Старина 1909 г. № 9.

²⁾ Въ арміи у насъ уже были сторонники народившагося тактическаго искусства, какъ *Сабантеевъ*, графъ *Воронцовъ* и др.

этого расположенія, въ расположеніи войскъ линіями, хотя бы и нѣсколькими,—во всемъ этомъ *Толь* является рутинеромъ и рутинеромъ того отжившаго ученія о боевыхъ порядкахъ и о веденіи боя, которое крѣпко привилось у насъ съ воцареніемъ *Императора Павла*, будучи слѣпо заимствовано отъ вербовочныхъ армій Западной Европы.

Дальнѣйшая дѣятельность *Кутузова* къ вечеру этого дня, по совершеніи арміями перехода къ *Ивашкову*, помимо указанныхъ—донесенія Государю и директивъ *Тормасову* и *Чичагову*, заключалась въ объявленіи состава арріергарда, въ ходатайствѣ черезъ князя *Горчакова* о разрѣшеніи притянуть на театръ дѣйствій формированія князя *Лобанова-Ростовскаго* и *Клейнмихеля*, въ объявленіи порядка и расчета распредѣленія въ части войскъ для пополненія ихъ числительности формированій *Милорадовича*, въ рядѣ приказаній и распоряженій административнаго характера *графу Ростопчину*, Можайскому предводителю дворянства и, наконецъ, боевыхъ уже приказаній по исполненію уже въ утро слѣдующаго дня 20-го отступательнаго марша-маневра арміи въ д. *Дурькино*. Ожидая разрѣшенія ходатайства объ усиленіи арміи формированіями князя *Лобанова-Ростовскаго* и *Клейнмихеля*, *Кутузовъ* приказалъ полки изъ *Твери*, *Москвы* и *Подолы* направить къ *Можайску*, а всѣ прочіе — къ *Москвѣ*. На мѣру эту не послѣдовало разрѣшенія по полной незрѣлости этихъ формированій, и они вошли въ составъ арміи по оставленіи нами *Москвы*.

Графу Ростопчину данъ рядъ приказаній административнаго характера, напримѣръ, о заготовкѣ и отправкѣ въ армію 1.000 топоровъ, 1.200 жел. лопатъ, 250 буравовъ, о вооруженіи Московскаго ополченія, требованіе помощи Московской губерніи о доставленіи въ *Москву* изъ арміи 8.000 больныхъ и раненыхъ, для чего потребно „на три станціи 300 подводъ“.

Можайскому предводителю дворянства приказано выслать въ армію „землемѣра съ его картою и 4-хъ человекъ изъ дворянъ, знающихъ болѣе положеніе (мѣстность) и дороги уѣзда, 30 чел. крестьянъ, преимущественно лѣсниковъ и охотниковъ, кои могли бы служить проводниками для войскъ“. На него же возлагаетъ *Кутузовъ* „возможное сбереженіе подводъ, которыхъ, собравъ, ввѣрить попеченію генераль-интенданта *Ланскаго* и наблюдать за исполненіемъ этихъ мѣръ въ уѣздахъ“ и „что относится до подводъ, имѣтъ особое попеченіе, предписавъ уѣзднымъ предводи-

телямъ исполнять предписанія верховнаго дежурства съ всевозможной точностью и поспѣшностью“.

20-го *Кутузовъ*, опередивъ армію, рано утромъ переѣхалъ въ *Михалево* (восточнѣе *Дурыкино*), а армія въ теченіе дня тремя колоннами перешла въ *Дурыкино*.

Арріергарды стали передъ г. *Гжатскомъ* и въ теченіе дня съ горячимъ боемъ прошли г. *Гжатскъ* и р. *Гжать* правѣе и лѣвѣе и стали на ночь на линіи дд. *Поляниново—Афанасково*, имѣя впереди казачьи полки. Главныя силы Наполеона къ вечеру заняли *Гжатскъ*, авангардъ Мюрата—*Ивашиково*, IV корпусъ сел. *Павлово* и V—*Будаево*.

Энергичное преслѣдованіе Наполеона 20-го временно прекратилось, такъ какъ на 21-ое и 22-ое онъ назначилъ своей арміи дневку.

Распорядительная дѣятельность *Кутузова* въ теченіе дня 20-го обнимала преимущественно вопросы административнаго характера и въ числѣ таковыхъ—мѣры по принятію порядка въ тылу, устройства почтовыхъ станцій отъ *Дурыкино* до *Москвы* „для беспрепятственнаго слѣдованія курьеровъ, требованіе отъ *Ростопчина* о высылкѣ въ армію лопатъ и топоровъ, распоряженіе о слѣдномъ сосредоточеніи ополченія изъ *Вереи*, *Рузы* и *Москвы* въ *Можайскъ*, а также мѣропріятія по снабженію арміи въ *Можайскъ* запасными для артиллеріи людьми и лошадьми, равно и зарядными ящиками.

Первоначально и еще днемъ 20-го, дано арміи приказаніе „на слѣдующій день 21-го перейти въ с. *Бородино*“, но затѣмъ къ вечеру это приказаніе отмѣнено, по причинѣ ли величины перехода (35—37 в.), недостатка дорогъ или состоянія пути—неизвѣстно, но первое приказаніе отмѣнено и послѣдовало новое—арміи перейти со свѣтомъ только до *Колоцкого монастыря* (переходъ 24—25 в.), двинувъ съ вечера 20-го всю артиллерію и всѣ обозы, часть которыхъ направлена прямо въ *Можайскъ*.

На слѣдующій день 21-го *Кутузовъ* рано утромъ переѣхалъ къ *Колоцкому монастырю*, гдѣ уже засталъ обозы арміи.

Съ 9-ти утра начали прибывать къ *Колоцкому монастырю* и первыя части войскъ, а къ полудню собралась и вся армія.

Для успокоенія *Ростопчина* и главнымъ образомъ первопрестольной столицы, *Кутузовъ*, давно уже рѣшившій принять сраженіе гдѣ-либо у *Можайска*, сообщаетъ *Ростопчину*, что хотя

„позиція здѣсь и хороша, но велика для арміи и могла бы ослабить одинъ флангъ“ и что онъ отступаетъ далѣе для избранія лучшей и заканчиваетъ слѣдующимъ: „Теперь намъ рѣваюсь, по избраніи мѣста вблизи Можайска, дать генеральное сраженіе и рѣшительное для спасенія Москвы“.

Распоряженія *Кутузова* въ этотъ день продолжали обнимать административные вопросы: продовольствія арміи, фуражного довольствія (разрѣшеніе косить овесъ на корню), возвращенія въ строй отсталыхъ и отбившихся, устройства „особаго депо подводъ“ для перевозки больныхъ и раненыхъ и т. п.

Съ прибытіемъ въ армію *Кутузова* значительно успокоился и князь *Багратионъ*—въ его письмахъ больше спокойствія и увѣренности въ успѣхъ. „Шельма лѣзетъ, есть надежда, что мы побьемъ ихъ плотно. Войска знаю въ страшномъ духѣ и мы всѣ; истинно только и нужно, чтобъ дали волю“, пишетъ онъ въ этотъ день графу *Ростопчину*.

Арміи приказано въ ночь на 22-ое перейти къ с. *Бородино*, куда *Кутузовъ* лично прибылъ рано утромъ, произвелъ лично первое обзрѣніе позиціи и далъ свое согласіе на расположеніе здѣсь арміи въ цѣляхъ общаго и рѣшительнаго сраженія.

Цѣлью сраженія *Кутузовъ* ставилъ—спасеніе *Москвы*.

Не было ли для спасенія *Москвы* другого средства, менѣе рѣшительнаго, но и менѣе рискованнаго, чѣмъ сраженіе съ превосходной числомъ и искусствомъ арміею, руководимой величайшимъ геніемъ?!..

Не было ли цѣлесообразнѣе свернуть здѣсь на югъ и, увлекая за собой армію Наполеона, выигрывать время, задерживая, стѣсняя ее и откладывая сраженіе до болѣе благоприятныхъ условій, не рискуя *Москвой*?!.. Или не было ли цѣлесообразнѣе продолжать отступление на Москву и, возможно задерживая и ослабляя непріятельскую армію, стѣсняя ее въ пользованіи мѣстными средствами и выигрывая время, дать сраженіе, хотя бы подъ стѣнами *Москвы*, опираясь на громадныя средства столицы?!

Оставляя открытымъ вопросъ о возможности или невозможности принятія первой мѣры, укажемъ лишь на громадныя тому затрудненія по подготовкѣ новаго пути сообщенія, по недостатку на то времени за позднимъ назначеніемъ *Кутузова* и на неполноту власти и авторитета *Кутузова* бросить направленіе на *Москву*, не испы-

тавъ еще силы оружія жаждавшей боя арміею ¹⁾), обратимся ко второму мѣропріятію—отложить время и мѣсто рѣшительнаго сраженія—хотя бы до самой *Москвы*.

На отступленіе хотя бы до самой *Москвы* было достаточно власти *Кутузова* и вообще несомнѣнно, что было выгоднѣе дать сраженіе возможно позже, ибо французская армія въ своемъ сосредоточеніи, въ виду нашей арміи, стѣсненная въ пользованіи мѣстными средствами, была обречена лишениамъ и убывала съ каждымъ лишнимъ переходомъ, и никогда еще величайшій полководецъ не нуждался въ общемъ и рѣшительномъ сраженіи столь насущно и столь настоятельно, какъ въ концѣ августа 1812-го года.

Кутузовъ съ своимъ яснымъ и дальновиднымъ умомъ конечно прекрасно понималъ, что условія силы все еще были на сторонѣ его противника, и что, конечно, было бы значительно выгоднѣе отходить возможно далѣе назадъ, но надо обнять всю совокупность условій обстановки въ концѣ августа, включая и личное положеніе *Кутузова*, чтобы понять, что если потребность сраженія еще не созрѣла въ условіяхъ силы и времени, то она созрѣла для насъ такъ сказать въ психологическомъ отношеніи, и эта потребность въ рѣшительномъ, наконецъ, сраженіи настолько созрѣла въ общемъ сознаніи, въ сознаніи массы, а постоянное отступленіе настолько осуждалось и даже чуть не проклиналось, что было почти невозможно требовать отъ войскъ продолженія отступленія съ обѣщаніемъ сраженія въ будущемъ.

Глубоко былъ правъ герой многихъ славныхъ дѣлъ князь *Багратионъ* въ его характеристикѣ духа войскъ: „Войска знаю въ страшномъ духѣ и мы всѣ (т. е. начальники), истинно только и нужно, чтобы дали волю“.

Да, наконецъ, и самъ *Кутузовъ*, признававшій, что „духъ въ арміи чрезвычайный“ и что „армія въ полномъ духѣ“, не могъ, живя въ этой атмосферѣ общей жажды боя, не подчиниться въ извѣстной степени этому общему чувству.

Въ концѣ августа требованіе сраженія достигло наивысшей степени, оно какъ бы висѣло въ воздухѣ, и общее во всѣхъ чувство

¹⁾ Перемѣна операціонной линіи—трудная операція, требующая заблаговременной и тщательной подготовки, а въ данномъ же случаѣ особенно трудной, такъ какъ съ ней было связано открытіе дороги въ *Москву*.

только и говорило, что пора наконецъ противостать арміи Наполеона и дать волю арміи сразиться во всю съ дерзкимъ противникомъ.

Казалось, не было такой силы, которая отклонила бы армію отъ рѣшительнаго боя.

Удовлетворяя и подчиняясь ожиданіямъ Государя, требованіямъ арміи и народа, т. е. ожиданіямъ верховной власти и требованіямъ массы, неизбѣжно подчиняясь духовному настроенію арміи, ея нетерпѣнію боя въ этотъ періодъ войны, понуждаемый общимъ желаніемъ и требованіямъ пріостановить, наконецъ, наступленіе, не доходя *Москвы*,—*Кутузовъ*, въ его личномъ положеніи, уже не могъ взять на себя идти наперекоръ всѣмъ этимъ общимъ желаніямъ и требованіямъ и еще разъ уклониться отъ сраженія и продолжать отступление, тѣмъ болѣе, что онъ у *Бородина* усилился всѣмъ, чѣмъ только было возможно, и теперь уже не могъ сослаться на необходимость идти на подкрѣпленія, такъ какъ онъ достигъ ихъ, или на слабость позиціи, такъ какъ настоящая у *Бородина* была признана его квартирмейстерами „наилучшей, какую въ сихъ плоскихъ мѣстахъ найти можно“.

Подчиняясь такимъ образомъ совокупности общихъ требованій, *Кутузовъ* въ утро этого дня рѣшился пріостановить свое отступление и стать всей арміею на поляхъ *Бородинскихъ*.

Утромъ этого дня *Кутузовъ* собственноручно и знаменательно пишетъ *Ростопчину*: „Надѣюсь дать баталію въ теперешней позиціи, развѣ непріятель будетъ меня обходить, тогда долженъ я буду отступить, чтобы ходъ ему къ *Москвѣ* воспрепятствовать..... (точки въ подлинникѣ). Ежели буду побѣжденъ, то пойду къ *Москвѣ* и тамъ буду оборонять столицу“. Отдаваясь общему чувству и уступая всѣмъ требованіямъ, *Кутузовъ* тѣмъ не менѣе настолько сохранилъ равновѣсіе, что какъ бы поставилъ условіе своей арміи — не быть обойденной, а противнику — не смѣть его обходить, что и было разгадано гениемъ *Наполеона*.

Итакъ, рѣшеніе дать сраженіе гдѣ-либо не доходя *Москвы*, вблизи *Можайска* и именно на *Бородинскихъ* позиціяхъ, въ личномъ положеніи *Кутузова* въ концѣ августа было неизбѣжно-необходимо, а слѣдовательно было правильно.

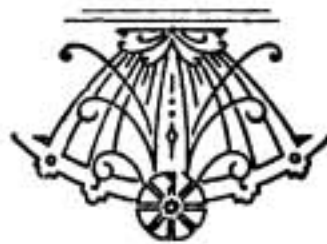
Это рѣшеніе было *Кутузовымъ* твердо и опредѣленно обусловлено лобовой атакой противникомъ его расположенія, каковая при силѣ позиціи и чрезвычайномъ духѣ его арміи и примѣненіи искусства въ расположеніи и веденіи боя могла оказаться поги-

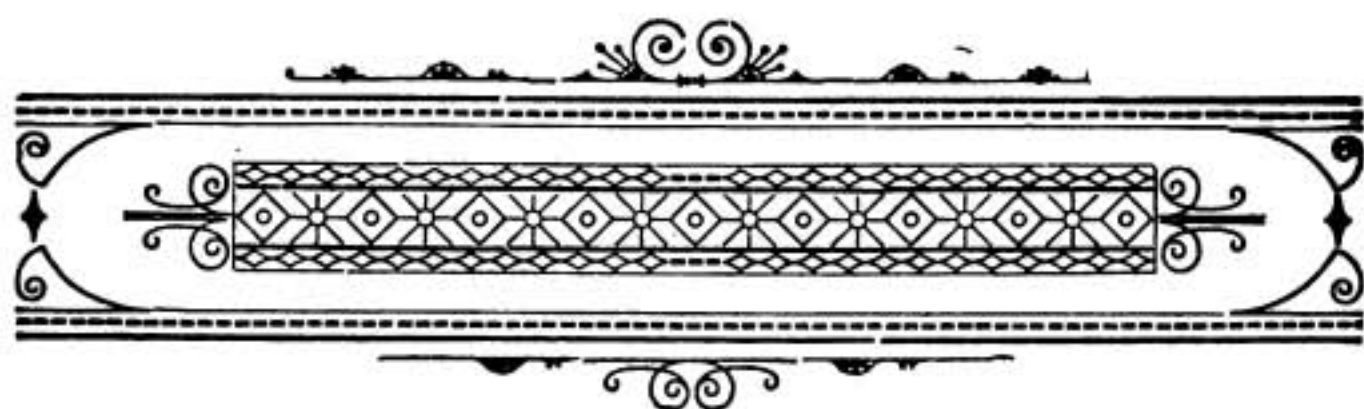
бельной для арміи *Наполеона*, или, въ крайности, могла смертельно разстроить эту армію.

Съ принятіемъ этого рѣшенія, *Кутузовъ* всецѣло отдался подготовкѣ этого знаменитаго сраженія, какъ въ области матеріи, такъ особенно и главнымъ образомъ въ области духа, въ той области, въ которой мудрый полководецъ болѣе всего искалъ опоры въ борьбѣ съ превосходной числомъ и военнымъ искусствомъ перво-классной арміею, руководимой величайшимъ гениемъ всѣхъ временъ и народовъ.

Въ лаконическомъ и характерномъ въ этотъ день письмѣ къ женѣ *Кутузовъ* полонъ надежды и рѣшимости: „Я здоровъ. Слава Богу и съ надеждой на Бога; армія въ полномъ духѣ. Солдаты изъ *Смоленска* вынесли чудотворный образъ Божьей Матери, и сей образъ всюду сопутствуетъ намъ“.

Б. М. Колюбакинъ.

Князь Петръ Ивановичъ Багратионъ.

Господь упованіе мое и крѣпость моя,—кого убоюся“. Вотъ тѣ проникновенныя слова, которыя нашли въ сердцахъ своихъ всѣ русскіе люди въ тяжелый 1812 годъ. Эти слова посылали теплый лучъ надежды, какъ въ сердце Государя, такъ и послѣдняго рядового, призваннаго къ защитѣ отечества; въ нихъ черпали силу и вожди воинства русскаго, да и вся Русь соединилась подъ великимъ стягомъ, на которомъ огненными буквами сіяли эти слова. И люди русскіе, нося ихъ въ сердцѣ своемъ, взывали къ Создателю, прося, чтобы Онъ послалъ силу воинству,—доблесть и мудрость вождямъ его. И теперь нельзя читать повѣствованій объ этой великой брани и не преклониться передъ именами людей, бывшихъ ея участниками и своею доблестью давшихъ Россіи право на ея дальнѣйшую жизнь. Однимъ изъ этихъ великихъ людей былъ и князь Петръ Ивановичъ Багратионъ, душой своей постигшій ту истину, что успѣхъ на войнѣ зависитъ отъ степени подъема духа человѣческаго. Ему была извѣстна скрытая отъ огромнаго большинства людей святая тайна воспламененія огня въ сердцѣ cadaго воина, и онъ пользовался этимъ даромъ, превращая этотъ огонь въ ураганъ всеокрушающаго пламени. Даръ этотъ нельзя позаимствовать отъ людей, ибо онъ не отъ человѣка—нельзя передать его изъ устъ въ уста, т. к., съ переходомъ въ вѣчность, человѣкъ возвращаетъ его къ трону Создателя.

Родъ князей Багратионовъ ведетъ свое начало съ IX столѣтія нашей эры. Нѣкоторые кн. Багратионы были царями Имеретіи, Кахетіи и Карталиніи. При Императорѣ Александрѣ I-мъ въ 1803 году кн. Багратионы внесены въ число російскихъ княжескихъ родовъ. Внукъ царя Грузіи Вахтанга VI состоялъ на русской службѣ еще при Екатеринѣ II-й и въ чинѣ генераль-поручика командовалъ сибирской дивизіей; племянникъ же царя Вахтанга—царевичъ Александръ, въ то же царствованіе, былъ полковникомъ русской же службы. Внукъ этого царевича Александра и былъ герой отечественной войны—князь Петръ Ивановичъ Багратионъ, который еще до этой войны составилъ себѣ имя, будучи однимъ изъ лучшихъ генераловъ въ арміи Суворова.

Кто не помнитъ дѣяній нашего безсмертнаго полководца, а также и того, что въ трудныя и рѣшительныя минуты Суворовъ возлагалъ на своего любимца—кн. Багратиона самыя отвѣтственныя порученія, говоря ему: „атакуй съ Богомъ“, или: „иди, Господь тебя благословитъ“,—и кн. Багратионъ съ честью выполнялъ всѣ эти порученія.

Кн. Багратионъ родился въ 1765 году и въ 1782 г. былъ уже сержантомъ въ мушкетерскомъ полку, съ которымъ и начинаетъ свое боевое поприще въ битвахъ съ кавказскими горцами въ 1783—84—86 и 90 г.г., а также принимаетъ участіе и при взятіи Очакова въ 1788 г. Въ ноябрѣ 1793 г. онъ уже произведенъ въ чинъ премьеръ-маіора и въ 1794 г. переведенъ въ Софійскій карабинерный полкъ, съ которымъ дѣйствуетъ противъ польскихъ конфедератовъ. Здѣсь, командуя небольшими отрядами, онъ выказываетъ въ полной мѣрѣ свое стремленіе всегда атаковать, а не ждать атаки непріятеля,—атаковать, несмотря на то, что численно онъ всегда слабѣе непріятеля: 25 іюня при Бресчи, 7 іюля при Сѣдлицахъ, 26 іюля—при Дерячинѣ, 21 сент.—при Тогнарди и 23 сент.—дѣло съ 6-ю польскими эскадронами, 13 окт. при С. Брокъ—вотъ краткій перечень тѣхъ смѣлыхъ и стремительныхъ налетовъ, которыми онъ составилъ уже извѣстность себѣ среди войскъ и былъ произведенъ въ подполковники. Ни разу за весь этотъ періодъ, онъ не потерпѣлъ неудачи, а наоборотъ наносилъ удары врагу, забирая даже плѣнныхъ и пушки. Во время штурма Праги, онъ отбрасываетъ многочисленную конницу поляковъ къ Вислѣ, чѣмъ облегчаетъ задачу по взятію этого предмѣстья. Тутъ Суворовъ обратилъ на него вниманіе, и съ этой поры кн. Багратионъ становится близкимъ помощникомъ и сотрудникомъ великаго полководца,—становится однимъ изъ наиболѣе чуткихъ его учениковъ, подготавливая себѣ будущность славнаго вождя нашей арміи, вождя, вся дѣятель

ность котораго является какъ бы продолженіемъ дѣлъ его учителя.

Въ 1798 г. кн. Багратионъ былъ назначенъ шефомъ 6 Егерскаго полка и на слѣдующій годъ, будучи уже генераль-маіоромъ, выступилъ въ итальянскій походъ въ рядахъ Суворовской арміи¹⁾. Во время этой кампаніи, блестящія страницы боевой дѣятельности кн. Багратиона смѣняютъ одна другую; тутъ—что ни дѣло, то новый лавръ въ вѣнокъ его славы. Командуя передовымъ отрядомъ изъ батальона и двухъ казачьихъ полковъ, онъ рѣшительно атакуетъ многочисленнаго непріятеля у Бресчии и наноситъ ему поражение: беретъ 1.800 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ былъ и комендантъ этой крѣпости и 42 пушки. Непріятель отходитъ на Бергали, оставивъ у Пуцолло заслонъ силою до 7.000 съ 6-ю пушками. Багратионъ 12 апрѣля атакуетъ и разбиваетъ этотъ отрядъ и, захвативъ 80 плѣнныхъ, гонитъ непріятеля до Лекко, и все это сравнительно съ небольшими силами.

1 мая у Лекко непріятель сосредоточилъ дивизію; у Багратиона было три казачьихъ полка, егерскій полкъ и бат. гренадеръ; съ ними онъ атакуетъ и наноситъ непріятелю потерю до 700 чел. Два раза непріятель, видя малочисленность войскъ Багратиона, переходитъ самъ въ наступленіе, но послѣ 12 часового боя, потерявъ болѣе 3.000 человекъ и 200 плѣнныхъ, отступаетъ. Багратионъ былъ раненъ въ этотъ день пулею въ ногу. Подъ Тортоной Багратионъ отражаетъ внезапную вылазку непріятеля. Подъ Александріей онъ искуснымъ маневромъ угрожаетъ обходомъ праваго фланга французовъ и наноситъ имъ потерю до 2.000 чел., захвативъ до 300 плѣнныхъ. На Тидонѣ, Требии и Нурѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней идетъ упорный бой, при чемъ Багратиономъ взято до 1.600 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ до 120 офицеровъ,—взято также 13 знаменъ и 3 пушки. Подъ Серравали авангардъ Багратиона забралъ въ плѣнъ гарнизонъ этой крѣпостцы. Подъ Нови, во время атаки, онъ беретъ въ плѣнъ 4 генераловъ, 500 н. чиновъ и захватываетъ 21 пушку.

Начался Швейцарскій походъ, гдѣ на каждомъ шагу препят-

¹⁾ Въ гор. Веронѣ Суворову представлялись начальники арміи. Великій полководецъ стоялъ зажмурившись и когда ему называли фамиліи генераловъ, ничѣмъ не заявившихъ о себѣ на воен. поприщѣ, онъ, не открывая глазъ, говорилъ: „Помилуй Богъ—не слыхалъ“. Назвали Багратиона. Суворовъ взглянулъ на него и, сказавъ: „князь Петръ“, обнялъ его и поцѣловалъ въ глаза и въ губы, добавилъ: „Господь съ тобою“. У Багратиона показались на глазахъ слезы. Да и кого не потрясетъ эта глубоко проникновенная сцена.

ствія и отъ суровой природы, и отъ войскъ непріятеля, и отъ недостатка припасовъ, и, наконецъ,—отъ горной стужи. 13 сент. авангардъ Багратиона, состоящій изъ двухъ егерскихъ полковъ и 4 отдѣльных б—новъ, настигъ непріятеля въ окрестностяхъ С.-Готарда у м. Айроло и пошелъ въ штыки противъ праваго фланга противника; послѣдній отступилъ и утвердился за скалами С.-Готарда, но это не остановило Багратиона, который не сталъ заниматься бесполезной въ данномъ случаѣ перестрѣлкой, а снова пошелъ въ штыки и выбилъ французовъ изъ-за скалъ.

14 сент. онъ перешелъ черезъ „Чортовъ мостъ“ и гналъ французовъ до Люцернскаго озера. 16 онъ быстро атакуетъ небольшой непріятельскій отрядъ у д. Мутенталь и забираетъ его въ плѣнъ. 19 съ авангардомъ выступаетъ изъ Мутенталья къ Гларису и у дер. Кленталь встрѣчаетъ сильный отрядъ французовъ. Обойдя съ егерями правый непріятельскій флангъ, онъ ударилъ въ штыки и погналъ французовъ къ оз. Сейруте, захвативъ при этомъ въ плѣнъ командира полка и 70 н. чиновъ. Въ Сейруте, подъ его напоромъ, утонуло до 200 французовъ.

На другой день, соединившись съ дивизіею ген. Швейковскаго, Багратионъ атакуетъ французовъ, укрѣпившихся на трудно доступной позиціи у Клопталя. Сраженіе длится цѣлый день, непріятель упорно сопротивляется. Багратионъ контуженъ картечью, но все же въ полночь упорство французовъ сломлено, и они отступаютъ. 24 сент. мы видимъ Багратиона въ роли начальника арьергарда, прикрывающимъ отходъ арміи Суворова по невѣдомымъ никому горнымъ тропамъ, и здѣсь онъ, какъ раненый левъ, бросался на врага и не только не уступилъ ему ни пяди занимаемаго имъ мѣста, но даже самъ погналъ французовъ, вдохнувъ отвагу въ свои измученныя войска. Этимъ закончилась дѣятельность кн. Багратиона въ эту кампанію, и, конечно, имя его стало бы историческимъ, если бы судьбѣ было угодно поставить точку именно въ этомъ мѣстѣ его книги жизни, но она готовила его будущности еще много тяжелыхъ испытаній. Дѣйствія только лишь 24 сент. могли бы создать для Багратиона историческую извѣстность: сдай онъ тогда со своими голодными и измученными воинами передъ противникомъ и конецъ всѣхъ дѣлъ Суворова въ Швейцаріи былъ бы печаленъ; померкла бы слава русскихъ знаменъ, и самое имя Суворова и память о его „чудо-богатыряхъ“ не были бы такъ святы, какъ святы они теперь не только въ памяти русскаго человѣка, но и въ памяти горцевъ Швейцаріи. Не даромъ же среди нихъ живетъ повѣріе, что по горамъ ходитъ старикъ съ огненнымъ взоромъ и ищетъ чего-то среди угрюмой природы. Это русскій полководецъ Суво-

ровъ, говорятъ они: ходить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бились когда-то его войны; онъ посѣщаетъ могилы павшихъ въ бояхъ и молить Всевышняго о упокоеніи ихъ душъ (Петрушевскій—о Суворовѣ). Но Багратионъ не сдалъ, и его свѣтлое имя не было омрачено темнымъ пятномъ, такъ же, какъ и слава воиновъ русскихъ и ихъ незабвеннаго великаго вождя.

Наступаютъ 1805—6 и 7 годы, и здѣсь на долю Багратиона выпадаетъ быть начальникомъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, изъ которыхъ съ честью только и могутъ выходить люди, одаренные свыше. Въ самомъ началѣ войны онъ уже, въ отвѣтственной роли начальника арьергарда, прикрываетъ отходъ арміи Кутузова и прикрываетъ съ успѣхомъ, но отнюдь не при посредствѣ пассивныхъ дѣйствій, а съ постояннымъ стремленіемъ атаковать. И онъ дѣйствительно атакуетъ, заставляетъ непріятеля отступать и забираетъ плѣнныхъ. Какъ хорошо и полно обрисованъ Багратионъ въ шенграбенскомъ бою гр. Толстымъ, сдерживающій здѣсь со своимъ 6 тысячнымъ отрядомъ натискъ огромныхъ силъ французовъ. Въ этомъ описаніи такъ и сквозитъ то „нѣчто“, чѣмъ былъ одаренъ этотъ воинъ. Безъ многихъ словъ, безъ громкихъ фразъ онъ дѣйствуетъ на войска лишь только своимъ личнымъ присутствіемъ. Читатель не найдетъ въ этомъ правдивомъ повѣствованіи, переданномъ глубокимъ знатокомъ души человѣческой, никакихъ особыхъ приказаній, которыя исходили бы отъ Багратиона, нѣтъ,—онъ увидитъ его спокойно развѣзжающимъ среди войскъ. Онъ то останавливается и всматривается въ поле сраженія, то подъѣзжаетъ къ войскамъ, какъ бы для того, чтобы посмотреть, что они дѣлаютъ,—на самомъ же дѣлѣ только для того, чтобы удостовѣриться въ томъ, что не колеблется ли духъ ихъ. На всѣ доклады адъютантовъ и начальствующихъ лицъ онъ, какъ бы нехотя, отвѣчаетъ: „хорошо, хорошо“. Можно подумать, читая все это, что онъ и совсѣмъ не интересуется этими докладами,—пропускаетъ ихъ мимо ушей, какъ нѣчто не важное и незначительное, но это не такъ. На самомъ дѣлѣ онъ все выслушиваетъ, все взвѣшиваетъ и это апатично сказанное, съ наклономъ головы, „хорошо“ произнесено имъ только лишь для успокоенія его войскъ, съ которыми онъ связанъ теперь невидимыми нитями, по которымъ его настроеніе передается и имъ.

Онъ все слышитъ и все видитъ и, какъ парящій подъ облаками орелъ, онъ уже знаетъ то мѣсто, куда ему нужно низвергнуться, чтобы схватить добычу, такъ и онъ въ рѣшительную минуту уже тамъ, гдѣ его присутствіе необходимо. „Молодцами идете“, говоритъ онъ полку, который, отбивая шагъ, стремится какъ лавина на-

встрѣчу непріятелю. „Рады стараться, го-го-го“ кричатъ польщенные похвалою солдаты, и этотъ вопль уже закрѣпилъ за ними побѣду, потому что они не захотятъ уже уронить себя въ его глазахъ, тѣмъ болѣе послѣ этой похвалы. Онъ и еще похвалить, думаютъ эти люди и въ предвкушеніи этого „еще“ каждый готовъ жертвовать жизнью. Да вотъ и самъ онъ идетъ уже съ ними, вотъ поднялась его рука съ обнаженной шашкой. Значить, настала минута. А-а-а, какъ стихійный ревъ ургана,—могучій и неотразимый застоналъ въ воздухѣ, и съ такимъ воплемъ и съ такимъ порывомъ нельзя быть побѣжденнымъ. Надо умѣть въ-время прибыть туда, куда, по условіямъ боя,—это необходимо; надо умѣть похвалить безъ фальши,—отъ души и сердца, такъ, чтобы солдатъ почувствовалъ, что эта похвала есть братаніе начальника съ его простой солдатской душой; надо умѣть стать впереди части и вести ее въ бой, показывая примѣръ, но сдѣлать это безъ игры, безъ рисовки, а такъ, чтобы солдаты почувствовали, что идущій впереди ихъ начальникъ вдругъ сталъ такимъ же простымъ солдатомъ, какъ и они,—что онъ ихъ старшій братъ, который любитъ ихъ всѣмъ нутромъ своимъ, и тогда они начнутъ боготворить такого человѣка и въ огонь и воду пойдутъ за нимъ и грудью своею закроютъ его. Нужно знать и чувствовать, что душа человѣка русскаго соткана Творцомъ изъ иныхъ „струй“, нежели душа француза, итальянца и т. д. Быть можетъ, Творецъ для созданія этихъ душъ взялъ горячій солнечный лучъ, и душа, не утративъ внутренняго жара, вложеннаго въ нее отъ начала временъ, получила способность воспламеняться отъ какого-нибудь пустяка:—отъ высокопарнаго слова,—отъ театральнаго жеста,—въ чемъ, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего теплотворнаго, „Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ“, слышитъ эта душа и видитъ, что говорящій эти слова выкрикиваетъ ихъ съ полнымъ театральнаго паэоса жестомъ,—и этого довольно для ея воспламененія, ибо достаточно прикоснуться тлѣющимъ уголькомъ къ ней, чтобы загорѣлся неглубоко скрытый въ ней внутренній очагъ. А русская душа,—изъ чего ты соткана Творцомъ, неуловимая въ глубинѣ своей? то холодная, то нѣжная и любящая до предѣловъ святой ласки материнской; то безропотная въ страданіи, то спокойная въ радости. Кто пойметъ тебя и кто дойдетъ до глубинъ твоихъ и найдетъ въ нихъ тотъ святой огонекъ вѣчно горящей предъ Трономъ Создателя лампады, изъ луча которой Онъ и соткалъ, быть можетъ, твои фибры. Только геній можетъ проникнуть въ глубины твои, ибо предъ нимъ снимаются печати отъ нѣдръ твоихъ.

Помню, во время турецкой войны довелось мнѣ быть въ

3-хъ дневномъ бою въ окрестностяхъ Карса, и мы не имѣли тогда того успѣха, на который надѣялись. Богъ знаетъ—чему это приписать,—быть можетъ и тому, что мѣстность была безводна, и всѣ страдали отъ жажды. Библейскій старецъ, Араратъ, въ бѣлой снѣжной шапкѣ, былъ великолѣпенъ. Кутаясь въ туманной фіолетовой дымкѣ солнечнаго заката, онъ хмуро смотрѣлъ на человѣческій муравейникъ, копошащійся гдѣ-то тамъ въ дали—у его подножія. И безстрастенъ былъ старикъ ко всѣмъ воплямъ и стонамъ человѣческимъ, несущимся изъ глубины, какъ безстрастна къ нимъ и сѣдая вѣчность. И мнѣ пришла тогда въ голову такая мысль: что, если бы кто-либо изъ генераловъ, или самъ главнокомандующій, котораго очень любили въ арміи, собравъ утомленные войска, сказалъ бы, указывая на Араратъ: ребята, океаны вѣковъ смотрятъ на васъ съ убѣленной сѣдиной вершины этой горы—и т. д. Думаю: ничего бы изъ этого не вышло, и результатъ получился бы приблизительно такой:

— Чавой то ёнъ говорилъ,—спросилъ бы Ивановъ у Петрова по окончаніи этого „парада“.

— А кто е знаетъ чаво,—рази поймешь ихъ, про чаво они говорятъ; тыкнулъ энто значить въ гору, да и говоритъ, что каки-то вѣки оттель на насъ уставились, а каки-таки и не разберешь.

— Что жъ,—коли глядятъ, то и пуцай себѣ глядятъ,—сказалъ бы Ивановъ.

— И пуцай глядятъ,—подтвердилъ бы Петровъ и вслѣдъ за этимъ заговорилъ бы о какихъ-нибудь подметкахъ, которыя у него изнасились или о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ. Словомъ: изъ всего этого получился бы только лишь мыльный пузырь.

Помню: въ кавказской арміи былъ одинъ старый генералъ, которому секретъ проникновенія въ тайники души солдатской былъ повидимому отчасти знакомъ. Какъ и всегда можетъ случиться на войнѣ, войска очень обносились обувью. Солдаты ходили либо въ стоптанныхъ сапогахъ, изъ которыхъ торчали пальцы, либо въ самодѣльныхъ рваныхъ опоркахъ. Писали, куда надо, и говорили кому слѣдовало, а сапогъ все нѣтъ. Люди ходятъ понурые,—начальники затылки почесываютъ. Словомъ: вопросъ былъ остръ для всѣхъ. Пріѣзжаетъ этотъ генералъ—смотреть полки. Солдаты выстроены. Пальцы изъ сапогъ торчатъ, опорки вопіютъ о своемъ убожествѣ. Начальникъ волнуется: распушить, молъ, насъ неповинныхъ, и будетъ стыдъ передъ людьми. Подѣхалъ старикъ и сразу поправилъ дѣло и не тѣмъ, конечно, что привезъ съ собою сапоги для раздачи, а чѣмъ-то другимъ, на что, быть можетъ, онъ только одинъ и былъ здѣсь способенъ: „Здорово, солдатушки“, сказалъ онъ

громко и такимъ задушевнымъ тономъ, слыша который, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что стоящіе передъ нимъ люди дѣйствительно для него „солдатушки-ребятушки“ и что онъ желаетъ имъ здоровья не потому, что это такъ принято при привѣтствіи, а отъ души и сердца, какъ любящій и желающій имъ всякаго добра старій ихъ начальникъ. Солдаты сразу уловили это и насторожились, ожидая, что-то еще имъ скажетъ этотъ старикъ; а онъ непременно скажетъ, иначе и быть не можетъ. И онъ дѣйствительно сказалъ; всего только три слова и сказалъ имъ, но и этимъ онъ уже привлекъ ихъ простыя сердца. И ничего не было особеннаго въ этихъ словахъ, но именно въ силу ихъ крайней задушевности и простоты, они и дошли до глубины: „Какъ ваши сапожки?“ услышали люди вопросъ, послѣ того, какъ дружно отвѣтили старику на привѣтствіе. Лица солдатъ сразу почему-то повеселѣли; послышался даже сдержанный смѣхъ въ заднихъ рядахъ, и полкъ сбросилъ съ лица своего уныніе и тоску и превратился въ часть, хотя и одѣтую въ лохмотья и опорки, но бодрую и твердую духомъ.

— Орелъ старикъ-то,—говорилъ послѣ смотра Ивановъ Петрову.

— Н-да, братъ, жалосливый: какъ, грить: ваши сапожки, въ самую жилу, значить, угодилъ, потому все горе теперь отъ сапоговъ происходитъ.

— Енъ до всего дойдетъ.

— Дойдетъ; съ такимъ не пропадешь... и т. д.

Зато когда Елизаветпольскій полкъ шелъ подъ Ардаганомъ на штурмъ сильнаго форта Гюлябердъ, то стоило этому старику только сказать солдатамъ: „навались, ребятушки“, и они духомъ взобрались на высокую гору и штыками вырвали у турокъ сильный фортъ и ключъ къ крѣпости. Вотъ какое впечатлѣніе производятъ на сердце солдатское высокопарныя фразы объ „океанахъ вѣковъ“, и вотъ что дѣлаютъ безхитростныя три слова по поводу изношенныхъ солдатскихъ сапогъ. Нужно только умѣть сказать эти слова. Другой бы и сказалъ, да только ровнымъ счетомъ изъ этого ничего бы не вышло.

Вотъ тотъ „секретъ“, который въ сердцѣ своемъ носилъ и кн. Багратионъ; вотъ то „нѣчто“, при посредствѣ чего онъ улавливалъ солдатскія души, покоряя ихъ себѣ и дѣлая людей героями ¹⁾.

Продолжаемъ дальнѣйшее повѣствованіе о дѣятельности кн. Ба-

¹⁾ Не даромъ же солдаты въ пылу боя кидались къ нему, цѣловали его стремя и кричали: „Отецъ нашъ, веди насъ, умремъ съ тобою“.

гратиона:—14-го ноября 1805 г. онъ со своимъ авангардомъ ведетъ упорный бой подъ Вишау, и непріятель подъ его напоромъ отходитъ до Раусница, гдѣ, несмотря на соединеніе войскъ противника, Багратионъ все же успѣшно его атакуетъ и беретъ въ плѣнъ 23 офиц. и 500 н. чиновъ.

Послѣ сраженія подъ Аустерлицемъ, онъ ведетъ арьергардный бой у М. Уртиць.

За войну 1805 г. кн. Багратионъ получилъ чинъ генераль-лейтенанта и орденъ Св. Георгія 2-й ст.

Въ кампаніи 1807 г. кн. Багратионъ принимаетъ едва-ли не самое видное участіе. По обыкновенію, онъ то авангардный, то арьергардн. начальникъ, словомъ—на отвѣтственныхъ постахъ.

15-го января, онъ съ авангардомъ выбиваетъ французовъ изъ ретраншаментовъ Замборы. Тѣмъ временемъ подоспѣваетъ Наполеонъ съ гл. силами и тѣснитъ нашу армію, которую Багратионъ прикрываетъ своимъ арьергардомъ. Главнокомандующій Беннигсенъ рѣшаетъ дать у Прейсишъ-Эйлау отпоръ противнику и приказываетъ Багратиону во что бы то ни стало задержать французовъ, чтобы дать возможность присоединиться къ арміи слѣдовавшимъ изъ Вольфдорфа батареямъ пушкамъ. Французы атаковали нѣсколько разъ, но Багратионъ отразилъ ихъ и стоялъ до тѣхъ поръ, пока не приказали ему присоединиться къ арміи. Въ теченіе дальнѣйшаго 2-хъ дневнаго боя, онъ, присоединивъ къ своимъ войскамъ и корпусъ Дохтурова, много способствовалъ одержанной тогда побѣдѣ.

До 23 мая кн. Багратионъ принималъ непосредственное участіе во многихъ мелкихъ дѣлахъ въ прежней своей роли. Онъ то атакуетъ, то устраиваетъ засады и всегда съ успѣхомъ. Перечислить всѣ эти дѣла въ этомъ краткомъ очеркѣ трудно. 24 мая онъ ведетъ бой съ сильнымъ отрядомъ французовъ у Альткирхена. Въ этомъ бою кн. Багратионъ предварительно маневрируетъ, стараясь поставить свой авангардъ въ наивыгоднѣйшее для нанесенія рѣшительнаго удара противнику положеніе. Непріятель правымъ своимъ флангомъ занялъ Альткирхенъ, лѣвый прикрылъ за густымъ лѣсомъ, а на фронтѣ расположилъ сильныя батареи и множество стрѣлковъ. Передъ фронтомъ мѣстность была болотистая и сильно изрытая. Багратионъ поставилъ отряды Багговута и Раевского противъ фланговъ непріятеля, а самъ во главѣ главной массы своихъ войскъ пошелъ въ штыки на фронтъ непріятеля, который, не выждавъ удара, бросилъ позицію. Конница наша съ конной артил. преслѣдовали и нанесли французамъ значительный уронъ. Въ этомъ дѣлѣ непріятель былъ численно сильнѣе насъ, да и позиція его была крѣпка, но вѣдь Багратионъ, а не кто другой атаковалъ фран-

цузовъ. Давъ войскамъ кратковременный отдыхъ у дер. Квецъ, Багратионъ въ 3 ч. утра слѣдующаго дня снимается съ бивака и настигаетъ ихъ на высотахъ у дер. Анкендорфъ. Правый ихъ флангъ занималъ высокую лѣсистую гору, гдѣ были и батареи, а лѣвый былъ прикрытъ болотами. Передъ всей ихъ позиціей была открытая равнина. Снова повторилась вчерашняя же исторія: прикрываясь огнемъ артиллеріи, Багратионъ ведетъ атаку противъ праваго фланга и принуждаетъ непріятеля къ отступленію, преслѣдуя его конницею Уварова. Оба эти дѣла ведены съ необычайной энергіей. „Глазомѣръ, быстрота и натискъ“.

Непріятель отошелъ за р. Пассаргу; ночью въ тотъ же день, Багратионъ посылаетъ Платова съ казаками, которые тревожатъ его пикеты и берутъ плѣнныхъ. Сидѣтъ на плечахъ отходящаго непріятеля и днемъ, и ночью, — вотъ обычная тактика Багратиона. На слѣдующій день французы успѣли подкрѣпиться свѣжими войсками и рѣшили перейти въ наступленіе, имѣя намѣреніе открыть себѣ путь на Кенигсбергъ. 27 мая они начали переправу черезъ Пассаргу, намѣреваясь обойти правый флангъ нашей арміи. Нашъ главнокомандующій, получивъ объ этомъ извѣстіе отъ Багратиона, началъ отходить къ Гейльсбергу, прикрываясь арьергардомъ Багратиона. 28 мая, сильно напирая на арьергардъ, непріятель атаковалъ его своею конницею. Это было у Гутштата. Несмотря на порывъ и энергію, которыми сопровождалась эта атака, она все же была неудачна. Ощетиненныя штыками каре отбили эти атаки, и такъ повторялось нѣсколько разъ, пока вечеромъ этого числа кн. Багратионъ не присоединился къ арміи на позиціи у Гейльсберга, гдѣ главнокомандующій нашъ рѣшилъ встрѣтить французовъ, но 29 числа опредѣлилось, что французы берутъ направленіе не на Гейльсбергъ, а на Лаунау, и тогда Багратиону приказано выступить противъ непріятеля и боемъ привлечь его къ нашей позиціи. Задача, какъ видно, требующая большого искусства и выдержки, и Багратионъ все это выполняетъ съ полнымъ успѣхомъ. Встрѣтивъ французовъ, онъ вступилъ съ ними въ бой, дѣлая видъ, что препятствуетъ ему на переправѣ черезъ рѣчку, но потомъ онъ начинаетъ медленно отходить, чѣмъ и увлекаетъ за собою французовъ, которые мало-по-малу всѣ устремляются за его слабыми силами. Отходя такимъ образомъ, Багратионъ привелъ за собою французовъ къ нашимъ гл. силамъ и предоставилъ ихъ дѣятельности нашего главнокомандующаго. Государь Императоръ изволилъ выразить ему за всѣ эти дѣйствія Свое особое Монаршее Благоволеніе.

Послѣ этого Багратионъ прикрываетъ отходъ арміи къ Бартенштейну. Онъ до утра 31 мая держится у Гейльсберга, давая воз-

возможность арміи нашей продвинуться дальше и, задерживая французъ на переправѣ черезъ р. Алле, но около 11 ч. дня 31 мая непріятель перебросилъ большія силы черезъ эту рѣчку, и тогда кн. Багратионъ началъ отходить, но, остановившись за дер. Лаутергагенъ, еще на два часа задержалъ противника и уже послѣ сего отошелъ къ Бартенштейну и оттуда присоединился къ арміи у Фридланда, гдѣ снова рѣшено было дать сраженіе.

2-го іюня была битва подъ Фридландомъ. Кн. Багратионъ командуетъ войсками, занимавшими лѣвый флангъ нашей позиціи. Французы противъ этого фланга занимали большими силами лѣсъ, изъ котораго они могли всегда внезапно на насъ обрушиться. Багратионъ рѣшилъ выбить ихъ отсюда. Построивъ свои полки къ атакѣ, онъ ведетъ ихъ на штурмъ, врывается въ лѣсъ и, несмотря на самоотверженное сопротивленіе, овладѣваетъ имъ. Это дало возможность ему имѣть передъ собою болѣе широкій кругозоръ. Непріятель сознавалъ значеніе этой утраты и напрягалъ усилія, чтобы вернуть таковую, но долго имъ не удавалось это осуществить. Наконецъ, сосредоточивъ огромныя силы, они ворвались снова въ лѣсъ, но дальше идти не рѣшались и только лишь въ 7 ч. вечера, собравшись съ новыми силами, они повели дальнѣйшую атаку. Кн. Багратионъ подвергался ежеминутной смертельной опасности, но, по обыкновенію, соблюдалъ полное спокойствіе, руководя боемъ до наступленія темноты.

По окончаніи боя Багратионъ снова прикрываетъ отходъ арміи къ Тильзиту. Почти ежедневно при этомъ у него происходили то бои, то перестрѣлки съ французами: то онъ задерживаетъ ихъ при переправахъ, то прикрываетъ корпусъ пруссаковъ, слѣдующій изъ Кенигсберга и долженствующій пройти черезъ 1½ верстную плотину въ лѣсу Гроссъ-Баушвальдъ, то прикрываетъ переправу нашей арміи черезъ Нѣманъ близъ Тильзита, послѣ чего и самъ съ арьергардомъ, подъ напоромъ противника, переправляется черезъ эту рѣчку, препятствуя потомъ переправѣ непріятеля.

Вотъ та дѣятельность, которую проявилъ кн. Багратионъ въ войну 1807 года. Всѣ тѣ порученія, которыя на него возлагали, показываютъ сами собой на то выдающееся положеніе, которое онъ занималъ тогда среди прочихъ нашихъ военачальниковъ.

Въ 1808 году была объявлена война со Швеціей. Кн. Багратионъ 9-го февраля 1808 г. принялъ начальство надъ 21 пѣх. дивизіей и во главѣ ея выступилъ въ Тавастгусъ, гдѣ и получилъ приказаніе: слѣдовать къ Біорнборгу и занять побережье Ботническаго залива и Аландскіе острова. Въ теченіе 8 дней войска Багратиона сдѣлали 200 верстъ и дошли до Біорнборга, тѣсня

шведовъ, которые устройствомъ засадъ и уничтоженіемъ переправъ всячески старались задерживать наступленіе войскъ Багратиона. На берегу р. Кумо аррьергардъ непріятеля рѣшилъ вступить въ бой, но Багратионъ артиллерійскимъ огнемъ потѣснилъ шведовъ къ ихъ главнымъ силамъ, занявшимъ уже сильную позицію.

Багратионъ безъ промедленія атакуетъ, сбиваетъ непріятеля съ позицій и до поздней ночи преслѣдуетъ шведовъ, захвативъ въ плѣнъ 7 офицеровъ и 50 рядовыхъ. Послѣ этого, 6-го марта, безъ боя былъ занятъ Біорнсборгъ. Такъ на непріятеля подѣйствовалъ быстрый натискъ русскихъ Багратионовыхъ полковъ — и тутъ уже начинается побѣдоносное шествіе этихъ полковъ: 10 марта занятъ Або, 12 — Христіанштадтъ, а 26 — Ваза. Въ то же время былъ посланъ отрядъ на Аландскіе острова, и они были заняты. Такимъ образомъ данная Багратиону задача была рѣшена имъ чрезвычайно быстро. Но все это не понудило шведовъ пойти навстрѣчу желаніямъ и цѣлямъ русскаго Императора, въ силу чего 26 февраля 1809 г. Багратионъ снова выступаетъ въ походъ на Аландскіе острова. Выступивъ означеннаго числа 5-ю колоннами, онъ въ теченіе 4-хъ дней совершаетъ маршъ по льду и 2-го марта доходитъ до цѣли и въ теченіе 3-хъ дней очищаетъ острова отъ войскъ непріятеля. Въ то же время конница Кульнева, преслѣдуя бѣгущихъ съ острововъ шведовъ, заняла часть территоріи на Скандинавскомъ полуостровѣ и послѣ упорнаго боя овладѣла м. Гриссельгамъ. Тогда былъ заключенъ миръ. И снова, при оцѣнкѣ всѣхъ этихъ дѣйствій Багратиона, невольно вспоминаются три завѣтныя слова: глазомѣръ, быстрота и натискъ.

За эти дѣйствія Багратионъ былъ пожалованъ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи и, получивъ въ командованіе Молдавскую армію, вступилъ на этотъ высокій постъ въ августѣ 1809 года.

Прибывъ къ своей арміи, онъ приказалъ продолжать начатую до него блокаду Измаила, но не имѣлъ намѣренія оставаться при этомъ пунктѣ съ главной массой своихъ войскъ. Наоборотъ: главное его намѣреніе заключалось въ быстромъ движеніи за Дунай, дабы путемъ активныхъ дѣйствій достигнуть побѣды. Для этого онъ посылаетъ отряды: ген. Маркова къ Матчину, а Платова — къ Гирсово, съ цѣлью овладѣнія этими пунктами, закрывавшими ему путь за Дунай. 18-го августа Матчинъ, послѣ непродолжительной блокады, сдался съ гарнизономъ (28 офиц., 3.100 н. чин., 13 пушекъ, знамя и всѣ запасы); такъ же быстро покончено и съ Гирсово, въ которомъ взято 1.000 плѣнныхъ. Багратионъ, получивъ свободный ходъ за Дунай, перенесъ свою гл. квартиру въ Рассевать.

Отсюда онъ двигается къ Троянову валу 3-мя колоннами, на-

правляя правую къ Черноводамъ, среднюю—къ Карасу, а лѣвую—къ Кустенджи — на берегу Чернаго моря. Узнавъ, что этотъ послѣдній пунктъ сильно занятъ турками, онъ и среднюю колонну направляетъ туда же. Кустенджи былъ сильно укрѣпленъ. Находясь на полуостровѣ и окруженный глубокими рвами и высокими валами, онъ представлялъ значительную твердыню. Въ городѣ было до 500 каменныхъ домовъ, и каждый изъ нихъ могъ служить редюнтомъ. Но турки не использовали всего этого, и когда началась бомбардировка, то они сдались. Такъ же быстро покончилъ Багратионъ съ 12-ти тысячнымъ корпусомъ отборныхъ войскъ непріятеля, сосредоточеннымъ у С. Рассевата подъ командою Сераскира-Паши, но здѣсь дѣло не обошлось безъ кровопролитія, и непріятель держался очень стойко; но въ концѣ концовъ турки все же были выбиты изъ Рассевата и въ теченіе 8 часовъ преслѣдованы конницею. Тутъ взято: много знаменъ, 14 пушекъ и 1.000 плѣнныхъ; убитыми и ранеными турки потеряли до 4.000 человекъ. Это было 4-го сентября.

10-го сентября Багратионъ начинаетъ блокаду Силистріи, не прекращая въ то же время активныхъ дѣйствій. Войска его одерживаютъ рядъ побѣдъ: подъ Каларашемъ, Монгаліей, Коварны, Варною, Базарджикомъ и Рущукомъ. Въ этотъ же періодъ времени палъ и Измаилъ.

Закончилъ Багратионъ свои дѣйствія въ 1809 году тѣмъ, что у дер. Татарлицъ—10 окт. нанесъ пораженіе Алеппскому 3-хъ бунчужному пашѣ, который былъ высланъ противъ Багратиона великимъ визиремъ. Такъ же, какъ и подъ Рассеватомъ, турки и здѣсь выказали стойкость въ сопротивленіи, но побѣда все же осталась за Багратиономъ. На долю русскихъ достались снова значительные трофеи.

Наступившая зима прекратила военныя дѣйствія, но въ сущности говоря 2½ мѣсячный періодъ, въ теченіе котораго они производились, очень малъ для того, чтобы возможно было сдѣлать такъ много, какъ сдѣлалъ Багратионъ со своими славными войсками, которыя, какъ видно, получили орлиныя крылья, съ прибытіемъ въ ихъ станъ новаго вождя.

Наступилъ 1812 годъ, когда мы видимъ кн. Багратиона на отвѣтственномъ посту командующаго 2-й арміей. Онъ былъ еще далеко не старъ къ этому времени и имѣлъ только 47 лѣтъ. Постоянные походы и битвы вполне подготовили его къ той важной роли, которую судьба приготовила для него во время отечественной войны, но онъ бралъ на себя эту трудную задачу со спокойной совѣстью, такъ какъ закрѣпилъ за собою это высокое положеніе

въ той „школѣ“, полной трудовъ и лишеній, учиться въ которой приходится далеко не каждому военному и тѣмъ болѣе—учиться такъ продолжительно и успѣшно, какъ это довелось кн. Багратиону. Въ школѣ этой пули, ядра, бомбы и картечи читають ученикамъ свои проникновенныя лекціи и къ ея „дверямъ“ нужно подходить съ пламенной молитвой. Кому же, какъ не ему—талантливѣйшему изъ учениковъ этой „школы“ и тонкому знатоку и ловцу душъ человѣческихъ было стоять во главѣ одной изъ нашихъ армій, готовыхъ оказать сопротивленіе нашествію враговъ.

Въ арміи князя Багратиона передъ началомъ войны 1812 г. было 58 б—новъ, 52 эскадрона, 216 орудій и 9 казачьихъ полковъ, что составляло 48 т. человѣкъ. Въ составъ арміи входили слѣдующія части войскъ: 7-й корпусъ—Раевского: 26 дивизія Паскевича, 12-я Колюбакина и Ахтырскіе гусары; 8-й корпусъ Бороздина: 2-я гренад. дивизія—принца Мекленбургскаго, сводная гренад. дивизія гр. Воронцова и 2-я кирасирская дивизія Кноринга; 4-й кавалерійскій корпусъ графа Сиверса, въ составъ котораго входили: Харьковскій, Черниговскій, Кіевскій и Новороссійскій драгунскіе и Литовскій уланскій полкъ; въ составъ же этого корпуса входила и вновь сформированная 27-я дивизія Невѣровскаго, которая была на маршѣ изъ Москвы. Кромѣ того въ составъ 2-й арміи входили 9 каз. полковъ Платова.

Въ то время, какъ наша 1-я армія, насчитывающая въ своихъ рядахъ 127 т. человѣкъ и 558 орудій, была раскинута на С. и Ю. отъ Вильны на фронтѣ 200 съ небольшимъ верстъ и въ глубинѣ до 120 в., кн. Багратионъ съ арміею своею занималъ фронтъ 50 в. (если не считать казаковъ Платова) и армія его была расположена такъ: 8-й корп.—у Волковыска, 7-й—у Н. Двора и 4-й—у Зельвы. Платовъ стоялъ у Гродно. Наполеонъ въ это время находился въ Дрезденѣ; армія его была разбросана отъ Кенигсберга до Люблина—и все, повидимому, благопріятствовало нашему противнику: огромная армія, гордая своими побѣдами и вѣрящая въ счастливую звѣзду и мудрость своего руководителя; опытные въ своемъ дѣлѣ маршалы, составившіе славу себѣ въ безчисленныхъ бояхъ, и наконецъ стоящій во главѣ этой арміи вождь, достигшій необычайной для обыкновеннаго смертнаго высоты своего положенія. И вся эта масса непріятельскихъ войскъ готова была наводнить страну, въ которой жилъ невѣдомый ей народъ, тепло, — безъ паюса и рисовки любящій свою родину и готовый пожертвовать многимъ для того, чтобы она, съ ея проникнутыми тихой грустью полями, съ дремучими лѣсами, съ многоводными и тихо катящими свои струи рѣками и пріютившимися среди тишины и простора деревеньками и

усадебными, — не досталась бы въ руки непріятели. Воины этой страны, не менѣе закаленные въ бояхъ, нежели воины врага, уступали значительно ему въ своей численности, но вожди этихъ воиновъ были искусны и опыты въ своемъ дѣлѣ.

Въ то время, какъ у Наполеона близъ нашей границы было сосредоточено около 500 т. человекъ, мы въ своихъ рядахъ насчитывали не болѣе 218 т. бойцовъ, считая въ томъ числѣ и 3-ю армию Торماسова, числящую въ своихъ рядахъ до 45 т., и корпусъ Эртеля 9.500 чел., которые не могли принять прямого участія въ сопротивленіи врагу. Слѣдовательно, почти передъ 500 тысячной арміей непріятели мы имѣли всего только около 165 т. Но этого еще мало: въ тылу у Наполеона — огромные резервы, которые онъ въ случаѣ надобности можетъ притянуть къ арміи; цѣлыхъ два корпуса Виктора и Ожеро стоятъ на Вислѣ и въ Берлинѣ; изъ Франціи и другихъ подвластныхъ странъ спѣшатъ маршевые батальоны, горящіе желаніемъ снискать себѣ побѣдоносные лавры надъ врагомъ, гибель котораго въ ихъ отуманенныхъ очахъ неизбѣжна. За свой тылъ Наполеону, повидимому, не приходилось особенно опасаться, ибо все, что пройдено имъ, — все было имъ же и загнипотизировано, и всѣ подвластные ему народы какъ будто и не скорбѣли объ утратѣ своей политической личности. Они ликовали вмѣстѣ съ нимъ при успѣхѣхъ и быть можетъ стали бы грустить при неудачѣ. При наличности всего этого можно было и не оглядываться назадъ, а наводнить непокоренную еще страну своими полчищами, и тогда она будетъ, конечно, униженно молить его о пощадѣ. Въ противоположность непріятели, въ тылу нашихъ армій на сотни верстъ не стояло ни одного вооруженнаго воина, и тѣ защитники, которыхъ готовила тогда Русь въ помощь своей арміи, — находились далеко-далеко за лѣсами и болотами, и они не были еще обучены, такъ какъ ихъ только что взяли отъ сохи и призвали къ великому дѣлу — постоять за Вѣру, Царя и Отечество. Вотъ то положеніе, въ которомъ была Россія передъ началомъ великаго испытанія.

Наведя мосты черезъ Нѣманъ у Ковно, Наполеонъ 12 іюня, во главѣ 250 т., перешелъ черезъ рѣку и занялъ никѣмъ не защищаемый городъ. 16-го числа передовыя части его арміи уже атаковали арьергардъ корпуса Тучкова 1-го, который отошелъ на правый берегъ Вилии, направляясь къ Свенцянамъ, въ окрестности которыхъ стягивалась 1-я армія. Въ тотъ же день Наполеонъ торжественно въѣхалъ въ Вильно, гдѣ и встрѣченъ былъ ликующимъ польскимъ населеніемъ города, хотя жителямъ сель и деревень всего наводненнаго войсками непріятели пространства между Нѣ-

маномъ и Виліей,—сдвѣли проходилось ликовать, такъ какъ дома ихъ были разорены, поля потоптаны, и сами они начали уже искать спасенія въ лѣсахъ и дебряхъ.

Занятіемъ Вильно Наполеонъ разобщилъ наши 1-ю и 2-ю арміи, и такимъ образомъ съ этого времени задача, выпавшая на долю кн. Багратиона, изолированнаго со своею малочисленною арміею отъ главныхъ нашихъ силъ, становится очень не легкою. Какъ извѣстно: 1-я армія, сосредоточившись у Свенцянь, пошла отсюда не по минской дорогѣ, двигаясь по которой, она сближалась бы со 2-ю арміею, а—въ совершенно противоположномъ направленіи и 27 іюня сосредоточилась въ укрѣпленномъ лагерѣ у Дриссы, и такимъ образомъ разстояніе между арміями достигло 300 верстъ, считая по прямому направленію.

Во время переправы французовъ черезъ Нѣманъ армія кн. Багратиона находилась у Волковыска. Силы противника, напиравшаго на эту армію съ разныхъ сторонъ, были очень велики и въ то время, какъ у Багратиона было только около 50 т., французы могли насчитывать у себя до 240.000. И дѣйствительно: изъ Вильно по направленію Ошмяны—Минскъ устремился съ 50 т. Даву; оттуда же съ корпусами Сенъ-Сира и Груши потянулся вице-король Италійскій съ 80 т. Уже эти войска значительно превышали численность 2-й арміи. Но этимъ еще не исчерпывались силы непріятеля. Со стороны Гродно король Вестфальскій ведетъ корпуса Понятовскаго, Вандама, Латуръ-Мабура и Ренъе—въ общей сложности—до 80 т. и наконецъ съ Ю.-З на Волковыскъ устремляется 30-тысячный корпусъ Шварценберга съ цѣлью—либо атаковать Багратиона, либо изолировать его отъ 3-й арміи Тормасова. Вотъ то положеніе, въ которое былъ поставленъ кн. Багратионъ въ самомъ началѣ кампаніи,—положеніе, изъ котораго, повидимому, выходъ одинъ:—это отходить скорѣе на востокъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ искать возможности соединиться гдѣ-либо съ 1-ю арміею, тѣмъ болѣе, что въ этомъ соединеніи видѣли залогъ успѣха, какъ Государь, такъ и Россія. Всѣ взоры въ это время были обращены главнымъ образомъ на 2-ю армію и ея вождя, и много теплыхъ молитвъ несло къ Создателю о томъ, чтобы Онъ послалъ помощь Свою войскамъ въ столь трудномъ положеніи.

Завѣты Суворова прочно укоренились въ душѣ кн. Багратиона, и вотъ о чемъ помышляетъ онъ въ это тяжкое для него время. Не о движеніи назадъ и послѣдней ретирадѣ думаетъ онъ, а наоборотъ: о быстромъ наступленіи. Онъ пишетъ в. министру: „Если благоугодно будетъ Его Императорскому Величеству сдѣлать диверсію, по сердечнымъ чувствамъ и по духу извѣстнаго мнѣ

войнства російскаго выгоднѣйшую, которая имѣть будетъ особое вліяніе на всю Польшу и на движеніе союзныхъ армій непріятельскихъ, то я прошу разрѣшенія, чтобы съ корпусомъ Платова и армією, мнѣ ввѣренною, позволено было идти черезъ Бѣлостокъ и Остроленку въ Варшаву. Поражая и истребляя непріятеля, въ сихъ мѣстахъ противъ меня расположеннаго, если наконецъ я найду себя въ необходимости отъ превосходнѣйшаго несравненно въ силахъ отступать и разумѣется уже не къ Борисову, то еще буду имѣть время воспользоваться симъ черезъ Брестъ-Литовскій и соединиться съ Тормасовымъ, который долженъ идти къ Бресту, чтобы совокупно отразить силы непріятельскія подъ командою кн. Шварценберга и другихъ начальниковъ польскихъ тамъ состоящія (Михайл.-Данилевскій). Вотъ какъ намѣревался поступить кн. Багратионъ „въ духъ войнства російскаго“. Предложеніе это осталось безъ отвѣта, и мы не въ правѣ касаться его стратегической стороны, но упомянули о немъ, дабы освѣтить его духъ и тѣмъ обрисовать красоту души одного изъ славныхъ вождей русской арміи.

Исполняя полученную отъ Государя директиву о настоятельномъ соединеніи 2-й арміи съ 1-й, кн. Багратионъ 17-го іюня начинаетъ маршъ на Слонимъ и оттуда сворачиваетъ на Новогрудскъ, намѣреваясь, какъ и было ему вторично указано Императоромъ,—черезъ Вилейку идти къ 1-й арміи. Онъ знаетъ, что на этомъ пути встрѣтитъ большія силы французовъ, которые всю энергію будутъ направлять къ тому, чтобы не только не допустить этого соединенія, но и разбить 2-ю нашу армію, но онъ идетъ, надѣясь на духъ войнства російскаго и на помощь Божію въ столь трудномъ своемъ положеніи. Духъ бодрости и надежда на успѣхъ видимо не покидали кн. Багратиона, и онъ пишетъ Государю: „Опредѣлить точно времени соединенія съ 1-й арміей не смѣю, поелику удостовѣренъ, что непріятель будетъ преграждать путь и беспокоить войска на походѣ толикаго пространства, но по мѣрѣ силъ 2-й арміи и всеподданнѣйшаго усердія, слѣдовать по мановеніямъ Монаршимъ отражая враговъ, поспѣшу въ точности исполнить волю Вашего Императорскаго Величества“.

Отправивъ лишніе обозы и больныхъ въ Бобруйскъ, онъ усиленными переходами стремится къ д. Николаеву на Нѣманѣ, гдѣ намѣревается устроить переправу черезъ эту рѣку. 22-го іюня, пройдя безъ дневокъ 150 верстъ, онъ достигаетъ этого пункта и начинаетъ переправлять армію. Характеренъ приказъ по арміи, отданный приблизительно въ это время: „Непріятель сиѣшитъ къ гор. Минску; сиѣшимъ и мы, гдѣ ихъ настигнемъ, атаковать храбро,

быстро; стрѣльбою не заниматься: артиллеріи бить мѣтко; иррегулярнымъ войскамъ стараться окружить ихъ флангъ и тылъ. Сіе имъ способно: только должно мастерски поступать. Регулярная кавалерія атакуетъ быстро, но весьма стройно, не рассыпаясь никакъ. Эскадроны должны въ атакѣ другъ друга подкрѣплять, имѣя резервы и фланги прикрытыми. Кавалерія должна быть расположена по шахматному. Рекомендую г.г. шефамъ полковъ, чтобы люди для унесенія раненыхъ изъ фронта отнюдь не выходили: на сіе наряжена будетъ особая команда. Во время стрѣльбы какъ можно высылать менѣе стрѣлковъ, развѣ по флангамъ будутъ лѣва, тогда засаду сдѣлать. Корпуснымъ командирамъ стараться и все вниманіе обратить на то, чтобы непріятели поражать штыками въ колоннахъ и наступать на него, коль скоро будетъ опрокинуть. Конная артиллерія должна дѣйствовать сильно, равно и кавалерія, но весьма стройно; безъ малѣйшаго замѣшательства: сіе весьма нужно въ томъ случаѣ, ежели непріятель будетъ имѣть сильныя резервы, чѣмъ можетъ онъ привести въ разстройку наступающихъ, и для того намъ стараться имѣть войска въ колоннахъ и въ готовности; а какъ всѣ обратятся въ бѣгство, тогда сильно колотъ казакамъ, а регулярнымъ подкрѣплять сомкнуто и весьма стройно. Армію въ боевой порядокъ выстраивать не тѣсно, а такъ, чтобы локтями только могли трогать товарища. Сіе нужно для свободнаго заряжанія ружей. Когда непріятельская кавалерія нападетъ на пѣхоту, то ту же минуту построить сомкнутую колонну во всѣ стороны, или батальонъ каре. Всѣ атаки дѣлать съ крикомъ, а особливо казакамъ; во время наступленія барабаны бьютъ скорый походъ, а музыка играетъ.

Артиллеріи генералу предписываю избрать и опредѣлить къ пушкамъ мѣста для вѣрнаго дѣйствія; его обязанность—исправлять ихъ благоразумно и во время сраженія увѣдомлять всѣхъ подчиненныхъ своихъ—гдѣ онъ находится будетъ, чтобы всѣ знали, ибо сіе нужно. Генераль артил. долженъ быть въ серединѣ между первой и второй линіей.

Я увѣренъ въ храбрости ввѣренной мнѣ арміи. Г.г. начальникъ войскъ вселить въ солдатъ, что всѣ войска непріятели не что иное, какъ сволочь со всего свѣта: мы же—русскіе и единовѣрные. Они храбро драться не могутъ, особливо же боятся нашего штыка. Наступай на него—пуля мимо; подойди къ нему—онъ побѣжитъ, пѣхота коли, кавалерія руби и топчи. Г.г. офицеры наши всему свѣту доказали храбрость, преданность, ревность и послушаніе. 30 лѣтъ моей службы, и 30 лѣтъ какъ я враговъ побѣждаю черезъ вашу храбрость. Я всегда съ вами и вы со мною“. (Дѣянія

россійск. полков. и генер. изд. 1822 г. Кіевск. отд. Импер. Русск. В.-Истор. общества).

Въ этомъ приказѣ вся тактика Багратіона, въ виду чего мы и привели его.

Итакъ 2-я армія начала переправляться черезъ Нѣманъ у Николаева.

Когда переправилась уже половина арміи, то Багратіонъ узналъ о томъ, что какъ въ тылу у него, такъ и на лѣвомъ флангѣ—французы. И дѣйствительно: Вестф. король занялъ уже Слонимъ, а вице-король былъ съ лѣвой стороны, впереди же по-прежнему былъ Даву. При этой обстановкѣ стремиться къ 1-й арміи по избранному пути было немислимо, и Багратіонъ 23 іюня поворачиваетъ на Н. Свѣржень, полагая отсюда пройти на Минскъ и далѣе—къ 1-й арміи. Но было уже поздно: въ Мирѣ онъ узналъ, что французы уже у Минска, и тогда Багратіонъ рѣшаетъ идти на Бобруйскъ и далѣе на Могилевъ, стремясь черезъ эти пункты присоединиться къ 1-й арміи. 26 іюня, въ день прибытія Государя въ Дрисскій лагерь, онъ прибываетъ въ Несвяжъ, дабы, послѣ отдыха, продолжать маршъ. Всѣ эти неудачи и, главнымъ образомъ, недовольство Государя за то, что не были выполнены его директивы,—омрачали душу Багратіона. Свое недовольствіе Государь высказалъ князю въ собственноручномъ письмѣ, въ которомъ онъ снова приказываетъ ему идти на Минскъ, говоря, что 50 т. русскихъ всегда осилить превосходящаго ихъ численно непріятеля. Много нужно было имѣть мужества, чтобы, не взирая на эти слова Государя, а также и на то, что въ письмѣ этомъ Его Величество прямо высказалъ увѣренность въ томъ, что въ скоромъ времени ожидается сраженіе, и что въ виду этого прибытіе 2-й арміи пріобрѣтаетъ еще большія важность и значеніе, все же продолжать преслѣдовать цѣль сохраненія арміи и ради ея величія поставить, быть можетъ, крестъ надъ всѣмъ своимъ блестящимъ прошлымъ. Получая всѣ эти невыполнимыя на дѣлѣ директивы, кн. Багратіонъ имѣлъ въ виду основную директиву: — по возможности избѣгать рѣшительнаго сраженія, дабы сохранить армію, и эта директива была объявлена ему какъ военнымъ министромъ, такъ равно и была подсказана ему его же душою глубоко понимающей смыслъ необходимыхъ въ данномъ случаѣ маршей и промедленій. Будь тогда противъ него одинъ только 50 тысячный корпусъ Даву, онъ пошелъ бы противъ него безъ колебаній, но когда съ трехъ сторонъ были французскія полчища въ подавляющихъ силахъ, нужно было думать только лишь объ осторожности и о тѣхъ пагубныхъ послѣдствіяхъ, кои получились бы при несоблюденіи таковой.

„Вся цѣль моей жизни, доносить кн. Багратионъ Государю: состоитъ въ одномъ желаніи имѣть счастье быть угоднымъ Вашему Величеству; сберегая вѣранныхъ мнѣ защитниковъ отечества, я не пожалѣю собственно себя ни въ какомъ случаѣ, чтобы усугубить славу Россійскаго воинства“ (Михайл.-Данил.). Твердо увѣренный въ правотѣ своей, онъ форсируетъ маршъ на Бобруйскъ и 1 іюля въ Слуцкѣ — въ 150 верст. отъ Бобруйска узнаетъ, что непріятель уже въ Свислочи — всего только въ 40 в. отъ этого города. Онъ выдвигаетъ впередъ корпусъ Раевского съ кавалерійскими полками и приказываетъ ему атаковать французовъ въ Бобруйскѣ, съ тѣмъ, чтобы штыками пробить арміи дорогу. Тогда же онъ доноситъ Государю о томъ, что охотно бы атаковалъ короля Вестф. и, разбивъ его, разбилъ бы потомъ и Даву, да не увѣренъ въ томъ, что король приметъ атаку и не уйдетъ назадъ, съ цѣлью — отвлечь его отъ главной цѣли — скорѣйшаго соединенія армій. Все такимъ образомъ препятствовало проявленію имъ активности въ своихъ дѣйствіяхъ, — той активности, при посредствѣ которой онъ одержалъ такъ много побѣдъ въ теченіе своей долголѣтней службы и внесъ въ исторію Россіи не мало блестящихъ и славныхъ страницъ. Тѣмъ не менѣе въ верстахъ въ 20 отъ Слуцка — у дер. Романовой наноситъ сильный ударъ корпусу короля Вестф., забираетъ въ плѣнъ 16 офиц. и 300 н. чин. и этимъ такъ дѣйствуетъ на непріятеля, что у него отпадаетъ уже охота — слѣдовать по пятамъ нашей арміи, и такимъ образомъ Багратионъ освобождаетъ армію отъ давленія на нее съ одной изъ сторонъ. 6-го іюля Багратионъ прибылъ въ Бобруйскъ и отсюда пошелъ на Могилевъ. Даву въ это время былъ всего только въ одномъ переходѣ отъ Могилева, о чемъ Багратионъ и узналъ, когда выступилъ изъ Бобруйска. 8-го числа Могилевъ былъ уже занятъ авангардомъ корпуса Даву, о чемъ также стало извѣстно Багратиону еще въ значительномъ разстояніи отъ Могилева. Тогда же стало извѣстно и о томъ, что непріятель уже тѣснитъ изъ Могилева бывшіе тамъ три слабыхъ нашихъ батальона. Полковникъ Сысоевъ съ 1.000 казаками подоспѣлъ къ нимъ на помощь, погналъ французовъ, захватилъ 8 офицеровъ и 200 н. чиновъ въ плѣнъ и на плечахъ бѣглецовъ едва не ворвался въ городъ. Эпизодъ, обрисовывающій духъ войскъ Багратиона.

Несмотря на всѣ эти вѣсти, Багратионъ все же рѣшился пробиваться у Могилева, и 11 іюля происходитъ кровопролитный бой у дер. Салтыковки, въ которомъ принимаютъ участіе наши 12 и 26 дивизіи. Войска Даву были уже очень многочисленны и занимали сильную позицію за ручьемъ, переправу черезъ который приходилось форсировать подъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ.

Нѣсколько разъ полки наши сдѣпливались съ французами въ штыки, но не могли сдвинуть съ мѣста многочисленнаго непріятеля. Предпринимались обходы противъ праваго фланга противника, обходы—рискованные, но все это не привело къ успѣху—и убѣдило Багратиона только въ томъ, что силы французовъ очень велики.

Потерявъ въ этомъ бою до 2.000 человекъ, Багратионъ, не преслѣдуемый французами, отошелъ къ Дашковкѣ. Непріятель понесъ также большія потери, т. к. подъ раненыхъ въ городѣ были заняты присутствен. мѣста и всѣ лучшіе дома. Повидимому, и духъ французовъ былъ поколебленъ, иначе Даву не далъ бы возможности простоять русскимъ 12 іюля у Дашковки совершенно не тревожимыми, а также не позволилъ бы имъ уйти отсюда и не преслѣдить даже того направленія, по которому они ушли. Словомъ: Даву потерялъ изъ вида нашу 2 армію, и это можно объяснить тѣмъ, что онъ, боясь повторенія атаки, принялъ мѣры къ болѣе прочной оборонѣ и благодаря этому 5 дней простоялъ неподвижно въ Могилевѣ. Вотъ какое важное значеніе имѣлъ бой у Салтыковки. Если бы этотъ бой былъ разыгранъ Багратиономъ вяло и нерѣшительно, то Даву, убѣдившись въ томъ, что имѣетъ дѣло со слабымъ духомъ противникомъ, самъ бы перешелъ въ наступленіе, но такъ какъ войска Багратиона не привыкли къ вялымъ атакамъ, даже и при наличности превосходства силъ противника, то все это и привело французовъ къ пассивности, благодаря которой арміи наши соединились подъ Смоленскомъ.

Выступивъ 13 іюля изъ Дашковки, Багратионъ 17 былъ въ Мстиславлѣ, сдѣлавъ въ 5 дней 200 верстъ. О подобной форсировкѣ марша въ наше время какъ будто даже и не слышно.

22 іюля Багратионъ привелъ свою армію въ Смоленскъ и тутъ, несмотря на то, что онъ былъ старше Барклая по службѣ, все же онъ добровольно подчинился ему, сознавая, что онъ не достаточно освѣдомленъ въ общемъ ходѣ дѣйствій. Кто не оцѣнитъ этого поступка, говорящаго о величіи души нашего славнаго вождя.

При оборонѣ Смоленска, судьба не дала возможности кн. Багратиону принять въ этомъ участія, и его имя не стоитъ рядомъ съ Невѣровскимъ, Раевскимъ, Дохтуровымъ, Коновницкимъ и Тучковымъ, обезсмертившими себя въ этомъ кровавомъ бою подвигами, за которые должна благодарить ихъ Россія. Здѣсь—подъ Смоленскомъ арміи наши совершали марши на Рудню и на Порѣцкую дорогу, т. к. главнокомандующій и штабъ его были увѣрены въ томъ, что Наполеонъ пойдетъ на Смоленскъ именно съ этой стороны. Не раздѣлялъ только этого мнѣнія одинъ кн. Багратионъ, убѣжденный

въ томъ, что непріятель пойдетъ къ Смоленску черезъ Красный, дабы отбросить нашу армію къ С. Событія показали, на сколько правъ былъ Багратіонъ, и повидимому въ данномъ случаѣ онъ проявилъ именно тотъ „глазомѣръ“, которому онъ научился путемъ долготѣней практики.

Въ день битвы подъ Смоленскомъ армія Багратіона пошла по Московской дорогѣ, выполняя данную ей задачу, и ей только подъ Бородиномъ пришлось сойтись съ непріателемъ. Но здѣсь же этой арміи пришлось навсегда проститься со своимъ вождемъ, смерть котораго, какъ смерти многихъ героевъ, положившихъ животы свои въ этой великой брани, оплакивалась русскими людьми.

24-го августа послѣ полудня началось жаркое дѣло подъ Шевардиномъ. Кутузовъ выдвинулъ въ этотъ пунктъ войска изъ состава арміи Багратіона. Тутъ была 27 дивизія, была гренадеры, егеря, драгуны и 2-я кирасирская дивизія.

Неоконченный редутъ, съ 12 батарейными орудіями, занималъ собою высоту къ югу отъ Шевардина. Пѣхота расположилась по обѣ его стороны, занявъ на правомъ флангѣ д. Шевардино, а на лѣвомъ—лѣсъ. Начальство надъ этимъ отрядомъ было ввѣрено кн. Горчакову, но повидимому—кн. Багратіонъ принималъ также дѣятельное участіе въ этомъ бою. Михайловскій-Данилевскій пишетъ, что онъ все время былъ въ огнѣ, а разъ это такъ, то слѣдовательно не въ качествѣ только зрителя онъ былъ на боевомъ полѣ.

Войска наши въ полной боевой готовности поджидали французовъ, но до полудня ихъ не было видно. День былъ ясный, и поля, рощи и луга были проникнуты той тишиной, которая бываетъ обыкновенно передъ наступленіемъ сильной грозы. Лучи солнца привѣтливо освѣщали тихіе пригорки, неподвижные, и какъ бы застывшіе въ напряженномъ ожиданіи лѣса, начавшіе уже мѣнять свой зеленый покровъ на ярко-желтый и оранжевый, и безлюдныя, уснувшія деревни. И несмотря на ласку и привѣтъ, посылаемые солнцемъ землѣ, все же какъ бы тяжелая дума надвинулась на чело природы. Вправо, въ глубокомъ логу, тихо шептала свою вѣчную сказку р. Колоча; за нею видны были пригорки, поля и лѣса, среди которыхъ пролегала дорога на Москву. И вотъ туда и были теперь устремлены взоры тѣхъ людей, которыхъ привели сюда для встрѣчи непріятеля.

Въ тылу верстахъ въ 2—3 видно было, какъ за ручьемъ копошилось и двигалось множество людей. Тамъ и сямъ вспыхивали яркіе отблески отъ штыковъ; видно было, какъ люди усиленно копали землю, суетясь въ этихъ мѣстахъ, какъ муравьи надъ сооруженіемъ муравейника; доносились оттуда громыханія колесъ,

и видны были колонны войскъ, двигающіяся въ разныхъ направленіяхъ. Люди уже утомились ожиданіемъ; они только изрѣдка перебрасывались между собою немногочисленными словами, но вотъ въ полдень на дорогѣ показались конные фланкеры французовъ, за ними появились небольшія сомкнутыя части, и вскорѣ густыя колонны непріятели загрузили собою дорогу и мѣстность по сторонамъ ея. Надъ дорогой, сопровождая войска, поднимались къ небу густыя облака пыли, мѣстами совершенно скрывавшія идущихъ въ нихъ людей—и эти пыльные столбы тянулись отъ самаго горизонта надъ притаившими дыханіе лѣсами и полями. „Французъ валомъ валить“, говорили солдаты, и сердце у cadaго начало биться быстрѣе. Влѣво надъ лѣсомъ показались такіе же пыльные столбы—это корпусъ Понятовскаго, свернувъ со ст. Московск. дороги, шелъ на Шевардино. Дойдя до дер. Фомкино и Валуево, колонны начали сворачивать къ Колочѣ, устремляясь также къ Шевардину. Войска наши стали „въ ружье“; артиллеристы зарядили свои пушки. Головы колоннъ спустились въ оврагъ Колочи. Гроза надвигалась, и предшествующая ей тишина еще болѣе усилилась—и вдругъ эта тишина нарушилась: Та-хъ, та-хъ; та-хъ-та-хъ-та-хъ послышалось изъ лѣса влѣво—и казалось, что тамъ дровосѣки начали рубить дрова; съ каждой секундой число этихъ „дровосѣковъ“ увеличивалось и вскорѣ „топоры“ ихъ застучали такъ часто, что лѣсъ хрипло застоналъ, и этотъ стонъ, сливаясь съ ударами „топоровъ“, соединился въ одинъ звукъ—протяжный и печальный, и можно было подумать, что „дровосѣки“ уже перестали рубить и падаютъ съ болѣзненнымъ храпомъ и стономъ дерева. Со стороны Колочи слышались ружейные выстрѣлы, и здѣсь эти выстрѣлы не напоминали удары топоровъ въ лѣсу. Въ теченіе часа продолжалась эта перестрѣлка, и наконецъ люди, которые стрѣляли, ушли, но нѣкоторые изъ нихъ остались и продолжали лежать неподвижно, какъ бы отыскивая что то потерянное и очень имъ нужное.

А французы все шли и шли. Ихъ батареи уже переправились черезъ Колочу и открыли огонь. Теперь уже не удары топоровъ раздавались со стороны лѣса, а нѣчто болѣе внушительное. Бумъ-бумъ, ударялъ кто-то въ огромный барабанъ и х-р-р,-х-р-р, несло изъ лѣса старческимъ болѣзненнымъ кашлемъ; бумъ-бумъ; бумъ-бумъ-бумъ, билъ барабанщикъ и х-р-р,-х-р-р; х-р-р,-х-р-р,-х-р-р, кашлялъ больной великанъ-старикъ гдѣ-то далеко—въ нѣдрахъ лѣса, но вскорѣ и эти звуки утратили свою правильную послѣдовательность: „барабанщикъ“ началъ бить часто и безтолково, а старикъ захрипѣлъ непрерывно, какъ хрипеть чахоточный въ часы предсмертной агоніи. Ядра, рикошетируя и сердито фурча, начали

пропизывать воздухъ, рыть землю и жмякаться въ живое тѣло. Нѣкоторыя изъ нихъ рвались, и тогда стоналъ и сатанински хохоталъ разлетающійся чугунокъ. Большинство изъ нихъ били въ редутъ, за валами котораго люди торопливо баннили, заряжали и наводили. Пушки безпрестанно отпрыгивали назадъ, и тогда стоящіе у каждой изъ нихъ люди бросались къ нимъ съ такимъ видомъ, какъ бросаются къ желающему убѣжать челоуѣку, котораго нужно удержать и которому въ такомъ случаѣ обыкновенно говорятъ: „постой, голубчикъ, не уйдешь отсюда“, и водворенная на свое мѣсто пушка терпѣливо ждала, пока люди, суетясь, прочищали ей глотку мокрой щетиной банника, потомъ забивали туда все необходимое, наводили ее и, отскочивъ немного въ стороны, прикладывали къ ней курящійся пальникъ; тогда пушка снова рывкала и, отпрыгивая, выпускала изъ своей глотки густое бѣлое облако, которое крутилось и вертѣлось въ разныхъ направленіяхъ. Иной разъ впереди этого облака появлялось совершенно правильное дымное кольцо, которое вращалось съ необыкновенной быстротой всей своей поверхностью вокругъ средней своей кольцевой линіи, и отъ этого вращенія слышенъ былъ легкій свистъ. Кольцо плавно подвигалось впередъ, а дымное облако, какъ бы нехотя, тихо начинало двигаться, и чудилось, что ему, получившему свободу, очень бы хотѣлось остаться тутъ и посмотреть на то, что дѣлаютъ всѣ эти, замѣченныя имъ только сейчасъ, странныя существа, но его осторожно толкала какая-то сила, какъ бы говоря ему: „ступай, ступай: нечего тебѣ тутъ дѣлать“.

Завизжала картечь, потому что французы были уже близко. Видно было, какъ десятками падали люди, и уцѣлѣвшіе смыкались и продолжали валомъ валить впередъ. Батарея уже вся въ дыму, квозь который мелькаютъ суетящіеся у орудій солдаты. Вотъ уже можно различить лица непріятельскихъ солдатъ, съ выраженіемъ не то ужаса, не то злобы и напряженной рѣшимости;—и вдругъ всѣ они сразу застонали и, напрягая послѣднія усилія, ринулись на батарею. Замелькали штыки, приклады и банники. Люди начали бить другъ друга съ ожесточеніемъ, не разбирая куда бьютъ, и скоро тѣ, которые стремились на батарею, перебили и переколодили тѣхъ, которые стрѣляли въ нихъ картечью и больше не кого имъ было убивать, и они, не зная, что имъ дѣлать, какъ пьяные, метались среди занятыхъ ими развалинъ, спотыкаясь о мертвецовъ и скользя и падая въ лужахъ еще не остывшей крови. Они, быть можетъ, въ своемъ опьяненіи и не замѣтили того, что противъ нихъ идутъ густыя массы другихъ людей, спѣшащихъ отомстить

за павшихъ товарищей. И дѣйствительно шли наши гренадеры съ полковыми священниками впереди.

Багратионъ пустилъ своихъ львовъ впередъ еще тогда, когда колонны французовъ шли на батарею, но они за дальностью разстоянія не подоспѣли къ тому моменту, когда непріятель пустилъ въ ходъ свои штыки и приклады, и вотъ теперь они стремительно ломили на батарею съ полной вѣрой въ свою силу. Они были Багратионовы питомцы, и онъ, напутствуя ихъ въ бой, навѣрно сказалъ имъ: „выручай, братцы, товарищей“, или что-нибудь въ этомъ родѣ—простое и краткое, что зажгло душу каждаго изъ нихъ. Если бы у нихъ были орлиныя крылья,—но и безъ нихъ они дойдутъ... вотъ-вотъ уже близко... А-а-а-а,—застонали гренадеры, а-а-а—застонали имъ въ отвѣтъ чуждые имъ люди, бывшіе на батарее, и такой же стонъ присоединился къ какофоніи звуковъ отъ массы новыхъ людей, съ чужими намъ лицами, стремившихся сюда же со стороны непріятеля. Начался ожесточенный рукопашный бой, во время котораго люди искренно ненавидѣли другъ друга,—бой длительный и упорный, въ которомъ ни одна изъ сторонъ не хотѣла признать себя слабою, но въ концѣ концовъ нашъ штыкъ восторжествовалъ, и французы побѣжали. Теперь уже на ихъ лицахъ выражался ужасъ, и они бѣжали съ единственнымъ желаніемъ уйти какъ можно дальше отъ этого страшнаго мѣста. Въ концѣ концовъ ихъ героизмъ не привелъ ни къ чему: наши войска остались на своихъ позиціяхъ, не уступивъ непріятелю ни пяди изъ занимаемаго мѣста.

Настала тихая ночь. Все снова притаилось подобно тому, какъ это было и днемъ, когда ожидали непріятеля, но теперь жутко было среди этой тишины. Въ каждомъ шорохѣ тревожно настроенные нервы слышали приближеніе врага. Около полуночи на правомъ нашемъ флангѣ люди услышали шумъ, какъ бы отъ движенія большой массы войскъ. Въ это же время на сторонѣ непріятеля запылали стога сѣна, и тогда въ свѣтѣ пожара ясно обнаружилась идущая въ атаку большая колонна. Пожаръ скоро былъ потушенъ, но онъ принесъ намъ пользу. Посланная навстрѣчу французамъ 27 дивизія и кирасиры прогнали ихъ и захватили у нихъ 5 пушекъ. Послѣ этого главнокомандующій приказалъ отвести войска отъ Шевардина на главную позицію.

Такъ дрались въ этотъ день Багратионовы полки. Самъ онъ былъ съ ними и своимъ присутствіемъ воодушевлялъ ихъ. Смерть пощадила его въ этотъ кровопролитный день, но близокъ былъ его великій часъ, какъ и близокъ былъ тотъ историческій день, котораго съ теплою молитвой ждала съ трепетомъ вся Русь и все ея христолюбивое воинство.

Наступилъ канунъ Бородинской битвы. Массы войскъ по обѣ стороны Бородина стояли лицомъ другъ къ другу въ разстояніи 2—3 верстъ одна отъ другой. Солнце взошло и освѣтило оба воинскіе стана и каждому изъ нихъ послало ласку и привѣтъ. Золотой крестъ церкви Бородина ярко сіялъ въ утреннихъ лучахъ и казалось, что вотъ-вотъ изъ-подъ этого креста зазвучитъ призывной звонъ къ молитвѣ Создателю міровъ, подарившему людямъ, и это дивное солнце, и свѣжесть, и чистоту утренняго воздуха, и всю эту ширь, красоту и радость среди Его непостыжимаго творенія. Но люди, собранные на этомъ полѣ, не обращали никакого вниманія ни на это солнце, ни на сіявшій въ его лучахъ крестъ; они были заняты мыслями и дѣлами, которыя отвлекали ихъ отъ всего этого, и готовились къ великому и тяжелому испытанію, выпадающему на долю cadaго изъ нихъ—здѣсь на этомъ полѣ, подъ этимъ солнцемъ и подъ сѣнью этого креста.

Въ непріятельскомъ лагерѣ видно было, какъ массы войскъ ползли въ южную сторону, скрываясь въ лѣсу. На нашей сторонѣ также передвигались нѣкоторыя части въ томъ же направленіи—къ дер. Утицѣ, тѣ же, которыя оставались на мѣстахъ,—занимались спокойно кто чѣмъ могъ: пѣхота точила штыки, чистила кивера и мундиры. Нѣкоторые съ баками шли къ ротнымъ котламъ, пѣли молитву, ударяя при этомъ на „исполняёши и отверзаёши“ и въ общемъ глядя на все это обычное движеніе на бивакѣ, можно было повѣрить въ то, что люди оставались тутъ лишь для того, чтобы отдохнуть, пообѣдать и потомъ снова бодрыми и веселыми продолжить свой путь къ мѣсту, назначенному для ночлега. Артиллеристы въ рубахахъ разныхъ цвѣтовъ возились у своихъ пушекъ, приводя ихъ въ порядокъ; на бивакахъ кавалеріи также наблюдалась обыденная жизнь: фыркали лошади, навѣшивали торбы, чистили коней; слышались обычныя „но-о!“, прими, куда прешь, дьяволь“, и т. п. Всюду на бивакахъ солдаты не спѣша мѣняли бѣлье и лишь только въ этомъ можно было усмотрѣть нѣчто, выходящее изъ рамокъ обыденности, т. к. производилось это съ видомъ особаго благоговѣнія, напоминающаго о томъ торжественномъ и святомъ часѣ, ради котораго это дѣлалось.

Багратионовы полки расположились близъ дер. Семеновское, занявъ возведенныя тутъ три укрѣпленія и расположившись въ нѣсколько линій за ними. Гдѣ находился самъ онъ въ этотъ день, намъ неизвѣстно, но навѣрно среди множества заботъ и распоряженій, онъ нашель все же время объѣхать свои войска,—нашель о чемъ поговорить съ солдатами и узнать путемъ общенія съ ними—не колеблется ли духъ ихъ. Что самъ онъ чувствовалъ въ

этотъ день? Сознавала ли его душа, что завтра будетъ его роковой день и не придется ему уже водить за собою свои желѣзные легионы въ кровавую сѣчу, что не придется уже ободрять ихъ примѣромъ и огненнымъ словомъ въ минуты, когда духъ человѣческій мятется и скорбитъ въ ничтожествѣ своемъ. Носила ли его великая душа въ глубинѣ своей скорбь и тоску, если она предугадала, что настала часъ сказать этому міру грустное „прости“, или же она спокойно глядѣла въ глаза вѣчности, зная, что совѣсть ея чиста передъ Богомъ и не зарыть „талантъ“, полученный ею изъ Десницы Создателя при вступленіи въ сей грустный міръ тяжелыхъ испытаній. Намъ неизвѣстна эта его тайна; она скрылась съ нимъ въ его темной холодной могилѣ, и никому-то онъ не повѣдалъ о ней.

Вотъ послышалось церковное пѣніе. Духовенство въ золотыхъ ризахъ, такъ тепло и ласково играющихъ въ лучахъ солнца, сопровождало Пречистый Ликъ Владычицы. Икону бережно и свято несли на плечахъ тѣ самые воины, которые завтра здѣсь—на этомъ же полѣ,—грудью будутъ отстаивать каждую пядь родной земли.

Возносясь и плавно колыхаясь въ прозрачномъ воздухѣ надъ шеренгами солдатъ, Святая икона какъ бы распространяла отъ себя благодатные и теплые лучи, доходящіе до сердецъ человѣческихъ и вносящіе въ нихъ успокоеніе и тихій радостный трепеть сознанія иного бытія,—безъ слезъ, безъ мукъ,—безъ стоновъ земли.

„Всѣ вы, здѣсь собранные воины христіанскіе, слышало сердце, восхищенное святымъ порывомъ: Я смотрю въ души ваши и живу теперь восторгомъ сердецъ и слезами умиленія, что текутъ изъ очей вашихъ. Утѣшайтесь и радуйтесь, ибо праведны пути ваши передъ Господомъ, и въ эти дни Я съ вами и не оставлю и поддержку васъ и пребуду съ вами во вѣки среди слезъ и рыданій земли“.

Процессія остановилась. Начался молебенъ. Никто не говорилъ солдатамъ никакихъ высокопарныхъ проповѣдей, никто при этомъ не называлъ ихъ „птенцами“, которыхъ выслала родина на бой съ врагомъ и за которыми теперь эта родина слѣдитъ, какъ за любимымъ дѣтищемъ... просто: начали молебенъ безъ этого предварительнаго пустословія и искреннія-чистыя слезы потекли изъ глазъ людей, склонившихся передъ иконой. Заступница, Матушка, Царица Небесная, тихо зывали солдаты, утирая эти слезы своими грубыми, мозолистыми кулаками, поддержи и помощи. И въ этихъ немногихъ словахъ было все: и горе, и тоска, и надежда измученнаго и мятущагося сердца человѣческаго. Въ всякаго сомнѣнія, на одномъ изъ такихъ молебновъ былъ и кн. Багратионъ и молился

горячо и просто, какъ простой солдатъ. На самомъ дѣлѣ вѣдь онъ въ душѣ-то и былъ простой солдатъ, хотя и генералъ; въ его душѣ солдаты видѣли свою душу, въ его словахъ они слышали тѣ хорошія мысли, которыя каждому изъ нихъ приходили въ голову, но которыхъ они не могли облечь въ ясную понятную форму.

Молебень конченъ. Люди, тѣсня другъ друга, полѣзли, согнувшись, подъ икону и каждый, крестясь и вздыхая, торопился пройти подъ образомъ, боясь, какъ бы не опоздать. Святыня, на плечахъ солдатъ, величаво поплыла среди войскъ и—опять тѣ же теплыя молитвы, тѣ же слезы понеслись отъ другихъ сердецъ и полились изъ другихъ глазъ, но это были молитвы одной общей русской души, готовящейся къ испытанію и взывающей о помощи свыше.

Въ этотъ же день вниманіе нашихъ войскъ было неоднократно привлекаемо могучими воинственными криками, доносившимися изъ непріятельскаго лагеря. Сначала какъ бы робкіе и нерѣшительные, они мало по малу сливались въ общую фугу, и тогда казалось, что звуками ихъ наполнялись поля и лѣса и все, что видно было кругомъ.

А-а-и-и-р-р... неслись нестройныя волны звуковъ, и люди всматривались въ даль, и каждый старался объяснить другимъ причину ихъ.

„Реветъ ханцузъ — ровно медвѣдь въ берлогѣ“, слышалось въ одной группѣ; „чавой-то тихо было, а сразу заревѣли. Репертятъ должно, какъ ревѣтъ будутъ, когда страженія зачнется. А можа передъ водкой, догадывались другіе: съ радости кричатъ. Обязательно промежъ ихъ императеръ ихній ѣздитъ зачалъ—соскучилъ сидѣмши—дай, гритъ, поѣду, а мнѣ уру кричатъ станутъ—гляди и на сердцѣ полегчаетъ. И то правда: должно на прогулку поѣхалъ“. Словомъ: догадокъ было много. Не обошлось, конечно, и безъ юмора, на который очень щедръ русскій человѣкъ. На самомъ дѣлѣ стоящая противъ насъ армія выражала этими воплями свой восторгъ, который вызывали разными искусственными средствами: то ей показывали слащаво написанный портретъ чуть не грудного младенца, похожаго на херувима и играющаго земнымъ шаромъ, какъ мячикомъ, и тѣ, которые могли видѣть зтотъ портретъ, выражали свой восторгъ крикомъ, несмотря на то, что были голодны и утомлены, а которымъ нельзя было видѣть—тоже кричали, подражая товарищамъ и не зная—почему они кричатъ; то читали передъ ними полный паюса приказъ по поводу предстоящаго боя, и они снова кричали; то наконецъ самъ виновникъ ихъ безконечно продолжительнаго похода въ невѣдомую имъ страну, блѣдный, съ одутловатымъ и строгимъ лицомъ, появился среди ихъ стана и хотя

многіе изъ нихъ, ставшихъ въ ряды этой арміи послѣ порабощенія, сознавали въ душѣ, что этотъ одутловатый человѣкъ, не моргнувъ глазомъ, пошлетъ ихъ всѣхъ на смерть, чтобы этимъ купить свою славу, но они все же кричали не ради чувства, а ради страха. А между тѣмъ и среди этихъ полчищъ было не мало людей утомленныхъ и измученныхъ душою и готовыхъ повѣдать грусть свою Тому, Кто врачуетъ страждущее сердце человѣческое, но имъ вмѣсто этого предлагали взирать на младенца, играющаго земнымъ шаромъ какъ мячикомъ, или же на одутловатое, строгое лицо человѣка, душа котораго была далека отъ святыхъ и чистыхъ порывовъ, то, наконецъ, заставляли выслушивать напускное краснорѣчіе приказовъ.

Настала ночь, и все смолкло. Подулъ холодный вѣтеръ; пошелъ дождь. Обрывки мрачныхъ тучъ быстро неслись въ вышинѣ и видимыя между ними далекія, холодныя звѣзды равнодушно свѣтили. Зажгли костры, которые шипѣли отъ мокроты и больше дымили, чѣмъ горѣли. Трудно было уснуть въ эту холодную, великую ночь. Люди, завернувшись въ шинели, старались обогрѣться у тощаго пламени. Разговоры какъ-то не вязались. Каждый думалъ свою думу.

Въ непріятельскомъ станѣ безшумно передвигались массы войскъ, занимавшихъ исходное положеніе для боя. Покачиваясь на высокихъ и тощихъ коняхъ, двигались въ темнотѣ, какъ тѣни, огромныя кирасиры; молодеватые уланы и лихіе гусары, сидя на невысокихъ и болѣе подвижныхъ коняхъ, шли скорѣе; медленно и грузно ступая по промокшей землѣ, тянулась могучая пѣхота въ киверахъ и въ огромныхъ медвѣжьихъ шапкахъ. И все это безшумно ползло въ разныхъ направленіяхъ, и только лишь тихо проносимыя команды, да хлюпанье ногъ по грязи нарушали тишину и дополняли собою печальные тихіе стоны рыданій холодной дождливой ночи, льющей на грустную землю свои грустныя слезы. Впрочемъ кое-гдѣ слышалась и пѣсня, но и она была скорѣе рыданіе, и казалось, что и ночь, и человѣкъ, сознавъ свое одиночество, одинаково выражали свою тоску. Характерны воспоминанія Брандта объ этой ночи; они отчасти рисуютъ то настроеніе, которое переживали наши враги передъ битвой: „позади нашего лагеря, пишетъ Брандтъ: долго двигались, направляясь къ правому флангу полки. Въ одномъ изъ нихъ пріятный голосъ пѣлъ Шиллерову „Пѣснь всадника“; слабый хоръ тихо вторилъ припѣвъ послѣдней строфы,—припѣвъ, который словами своими выражаетъ тоску и разочарованіе измученной души человѣческой“. Какой это полкъ—спросилъ авторъ этихъ воспоминаній. „Пруссаки“—отвѣчали ему. Воображаю—на сколько были искренны крики восторга этихъ солдатъ, когда ихъ старались бодрить вышеуказанными способами.

Часовъ въ 5, когда было еще темно,—грянула пушка съ одной изъ батарей у Семеновскаго: показалось въ темнотѣ, что колонны французовъ пошли уже на штурмъ. Раскатилось эхо по полямъ и, сердито ворча, замерло гдѣ-то далеко-далеко въ лѣсахъ. Дождь пересталъ, и утро обѣщало быть яснымъ. Главнокомандующій, услышавъ звукъ выстрѣла, поѣхалъ на батарею къ Горкамъ, и вскорѣ сюда собралась вся его свита. Бивачные огни гасли. Войска становились „въ ружье“. Наполеонъ направился къ Шевардину. Его войскамъ читали приказъ, который говорилъ имъ и про теплыя квартиры, и про изобиліе въ питаніи, и про скорое возвращеніе домой, и Богъ знаетъ еще о чемъ. Взошло солнце и начало пригрѣвать и сушить промокшія за ночь поля и продрогшихъ людей; вѣроятно, этотъ свѣтъ и тепло подѣйствовали и на Наполеона и вызвали у него желаніе поактерствовать лишній разъ на глазахъ его окружающихъ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ о томъ, что достаточно ему поднять только одинъ палецъ и молча постоять въ теченіе нѣсколькихъ секундъ съ опущенной головой, какъ бы о чемъ-то думая (на самомъ же дѣлѣ быть можетъ и не о чемъ), какъ исторія истолкуеть это событіе по-своему и запишетъ о немъ на своихъ страницахъ приблизительно такъ: „насталъ роковая минута. Императоръ, обозрѣвъ будущее поле сраженія, долго стоялъ въ задумчивой позѣ, не произнося ни слова. Его правая рука была слегка приподнята, какъ бы ловя глубокую и великую мысль, которую посылало ему въ эту торжественную минуту само небо. Склоненное чело выражало глубокую думу и т. д., а быть можетъ въ данную минуту это „чело“ только и думало о томъ,—какіе это странныя и смѣшныя существа—люди, выдумавшіе такую науку, которая очень не рѣдко великое видитъ только въ смѣшномъ. Такъ было и теперь, и великій человекъ проговорилъ всего только три слова, которыя стали достояніемъ исторіи, совершенно такъ же, какъ и „40 вѣковъ, смотрящихъ съ пирамидъ“. „Вотъ солнце Аустерлица“—изрекъ онъ, указывая театральнымъ жестомъ на дневное свѣтило и давъ тему для спора, т. к. и теперь нѣкоторые утверждаютъ, что онъ сказалъ „вотъ солнце Аустерлица“, другіе же говорятъ, что было изречено: „это солнце Аустерлица“. Съ первыми лучами „солнца Аустерлица“ началось сраженіе, и въ то время, когда надъ Колочью у Бородина лучи свѣта нагрѣвали и поднимали бѣлый утренній туманъ, уже загрохотала перестрѣлка сначала въ самомъ Бородинѣ, а потомъ и у моста на Колочи. Что происходило тамъ,—трудно было опредѣлить за туманомъ, но по звукамъ выстрѣловъ можно было заключить, что дѣло завязалось жаркое. Когда поднялся туманъ, то на обѣихъ берегахъ рѣчки лежало множество людей въ киверахъ, и

можно было подумать, что нѣкоторые изъ нихъ спятъ, а другіе ищутъ чего-то на землѣ. Это полковники Карпенковъ и Вуичъ съ 1 и 19 егерскими полками выполнили возложенное на нихъ порученіе, прогнавъ французовъ за рѣку и уничтоживъ мостъ черезъ таковую.

Такъ былъ законченъ 1-й эпизодъ битвы, но самая гроза готова была разразиться на участкѣ, занимаемомъ войсками Багратіона: съ восходомъ солнца 130 непріятельскихъ орудій начали громить наши укрѣпленія у Семеновскаго и стало замѣтнымъ, какъ массы французовъ двинулись по открытому мѣсту и по лѣсу, что былъ лѣвѣе этихъ батарей. Казалось, что лѣсъ сплошь наполнился людьми, и слышно было, какъ хрустѣли вѣтви подъ ногами. То двигались корпуса Даву, Нея и Жюно и три кавалерійскихъ корпуса подъ общимъ начальствомъ Мюрата. Въ лѣсу не было ни тропь, ни дорогъ, и вся эта лавина медленно продиралась черезъ чащу. Чудилось, что она своимъ неудержимымъ стремленіемъ повалить лѣсъ, дабы очистить себѣ путь. Наконецъ головы колоннъ выбрались на чистое мѣсто передъ нашими батареями и начали строиться къ атакѣ. Завизжали смертоносныя пули картечи, нанося французамъ большія потери. Наши егеря также открыли огонь. Французскіе генералы: Компанъ, Дезе, Раппъ и самъ Даву были ранены и контужены. Духъ и рѣшимость войскъ были поколеблены, и въ концѣ концовъ атака ихъ не имѣла никакого успѣха. Это произошло около 7 часовъ утра, а въ 7 час. Наполеонъ приказалъ возобновить атаку, придавъ къ этимъ войскамъ свѣжія части. Кн. Багратіонъ видѣлъ, что предпринимаетъ противъ него непріятель. Онъ опытнымъ глазомъ окинулъ силы французовъ и понялъ, что у него не хватитъ силъ, чтобы удержать напоръ противника. Тогда онъ стянулъ къ себѣ все, что былъ въ состояніи привлечь къ рѣшительному пункту боя, и послалъ къ главнокомандующему просить о присылкѣ другихъ войскъ. Кутузовъ не замедлилъ присылкой подкрѣпленій. Онъ зналъ, что Багратіонъ не сталъ бы просить о нихъ, если бы не имѣлъ въ этомъ настоятельной надобности, и онъ послалъ три полка кирасиръ, Литовскій и Измайловскій гвард. полки и артиллерию.

Стоя среди колоннъ своихъ войскъ, Багратіонъ ободрялъ ихъ, и они внимали каждому его слову. Вѣроятно, онъ снова напоминалъ имъ о томъ, чтобы не увлекались стрѣльбой, чтобы шли на врага сомкнуто и смѣло, надѣясь на помощь Божию и на острый штыкъ. Наконецъ французы устроились и двинулись въ атаку. Затряслась земля отъ массы бѣгущихъ людей и отъ несущихся дивизій конницы. То французы брали верхъ надъ нами, то наши ихъ

осаживали, и наконецъ уже дивизія Коновницына рѣшила дѣло въ нашу пользу. Непрiятель отхлынулъ, и мѣсто битвы сплошь усѣялось поверженными бойцами. Эта безрезультатная вторая атака, равно какъ и прочія атаки, которыя съ тѣмъ же успѣхомъ производились французами на другія части нашей арміи, повергли въ бѣшенство Наполеона. Мрачный, онъ наблюдалъ поле битвы, посылая свои корпуса на истребленіе. То и дѣло къ нему прибывали адъютанты и докладывали ему про упорство русскихъ, передавая просьбы посланныхъ ихъ начальниковъ о подкрѣпленіи. Но онъ и самъ видѣлъ это упорство русскихъ и то сложное положеніе, которое готовилось для него и его арміи, благодаря этому упорству. Онъ на него не рассчитывалъ очевидно, когда писалъ свой историческій приказъ о теплыхъ квартирахъ, изобиліи и скоромъ возвращеніи и когда, предвкушая славу побѣды, „пѣлъ“ гимнъ восходящему солнцу. Богъ знаетъ, конечно, что испытывала въ эти мучительные часы его душа; быть можетъ, онъ своей душой холодной и глухой къ страданью улавливалъ намеки на укоръ и упрекъ по поводу безцѣльности этого грандіознаго похода и ужаснаго кровопролитія, и мысли эти тяжелымъ молотомъ ударили въ его мозгъ, заставляя его страдать. Онъ видѣлъ, какъ таяла его могучая армія, а за спиной у него на тысячи верстъ раскинулись страны, имъ покоренныя и быть можетъ теперь уже готовыя свергнуть иго его дешевыхъ надъ ними побѣдъ. И только лишь одна гвардія осталась пока не тронутой и цѣлой, тогда какъ прочіе корпуса истекаютъ уже кровью и долго имъ придется залѣчивать свои глубокія, почетныя раны: онъ ни за что не пошлетъ своей гвардіи въ эту бойню: она его послѣдній ресурсъ,—послѣдній оплотъ и надежда. Избалованный удачами, онъ въ сущности говоря въ 1-й разъ натолкнулся на такое упорство своего противника.

Правда, въ его воспоминаніи промелькнулъ „Ваграмъ“, гдѣ непріятель былъ достаточно упоренъ, и гдѣ можно было видѣть, что счастье его виситъ на волоскѣ, но тамъ для того, чтобы перетянуть чашу вѣсовъ на свою сторону, ему достаточно было переодѣть одного изъ своихъ маршаловъ въ мундиръ временъ республики и, поставивъ его во главѣ не очень уже многочисленной колонны своихъ войскъ, сказать: „ступайте и либо умрите, либо раздавите своею массою центръ непріятеля и разрубите мечомъ своимъ скрытый тамъ узелъ побѣды“. И маршалъ пошелъ и выполнилъ все, какъ было ему сказано, и снова геній велѣвшаго былъ превознесенъ до небесъ. Здѣсь же, въ этой великой битвѣ, не одного маршала онъ славитъ во главѣ огромныхъ массъ, а трехъ-четырехъ и всѣмъ имъ со скрежетомъ зубнымъ повторяетъ все то же: „умрите“; подѣ

гипновомъ этого слова лавины войскъ несутся впередъ, но маршалы падаютъ, сраженные на пути своемъ, а лавины таютъ и, докатившись уже жидкими волнами до скалъ береговыхъ утесовъ, со стономъ и ревомъ разсыпаются въ прахъ послѣ могучаго удара.

Онъ вспомнилъ о томъ, что у него есть еще много пушекъ и ядеръ, и рѣшилъ уничтожить сопротивляющихся ему при посредствѣ этого. Болѣе 400 орудій начали громить войска наши, и подъ грохотъ этой канонады начали снова строиться къ атакѣ легіоны непріятеля. Буквально по трупамъ товарищей пошли впередъ, и казалось, что все уничтожатъ и сомнутъ они своимъ стремленіемъ. Кн. Багратионъ, смотря на эту потрясающую картину, ощущалъ въ душѣ своей восторгъ, который всегда закрадывался и охватывалъ его военное сердце при видѣ мужества и безпредѣльной отваги. А французы дѣйствительно достойны были восхищенія въ эти минуты. Картечь вырывала ихъ ряды, а кивера живыхъ людей, мелкая сквозь дымъ, плавно колыхались, и видно было, какъ закаленные въ бояхъ воины несли свои ружья, держа ихъ „подъ прикладъ“, какъ на парадѣ. Любуясь и восхищаясь этимъ зрѣлищемъ, Багратионъ въ восторгѣ неоднократно повторялъ: „браво, браво!—какими молодцами они идутъ“—и ему захотѣлось показать врагамъ, что если они умѣютъ смотрѣть прямо въ глаза смерти, то и мы нисколько не уступимъ имъ въ этомъ. Онъ зналъ, что каждый изъ его воиновъ душой рвется теперь впередъ навстрѣчу врагу. Они теперь стрѣляютъ, потому что это имъ приказано, стрѣляютъ не всѣ, а только егеря, а прочіе только стоятъ, ожидая непріятеля. „Пуля дура, штыкъ молодецъ“, припомнилъ онъ въ эту минуту, и ему захотѣлось сейчасъ же прекратить эту стрѣльбу, которая вела только къ ослабленію духа, и сейчасъ же двинуться впередъ, съ громкимъ „ура“—въ штыки.

Онъ поскакалъ къ полкамъ. „Впередъ, братцы, впередъ; въ штыки; ура!“ закричалъ онъ, и полки услышали въ пылу боя призывной вопль своего вождя и съ могучими криками они пошли впередъ, склонивъ свои штыки. Самъ онъ, ихъ любимый вождь, ведетъ ихъ, подобно тому, какъ это было въ былые, славные дни. А кругомъ то и дѣло порхали ядра и чиненки. „Здѣсь даже и трусъ не найдетъ себѣ мѣста“, сказалъ Багратионъ, обращаясь къ своей свитѣ, и въ этотъ моментъ разорвалась упавшая вблизи чиненка и онъ почувствовалъ сильную боль въ передней части правой берцовой кости. Посмотрѣвъ на ногу, онъ увидѣлъ, что вся она въ крови. Полки его уже сцѣпились съ французами, и въ то время, какъ передніе бились уже штыками и прикладами, задніе, идя въ колоннахъ, кричали „ура!“ въ честь своего вождя и предстоящей сѣчи.

Не желая показать своимъ питомцамъ вида, что онъ раненъ, кн. Багратионъ, махая рукой, въ которой сверкала шашка, кричалъ что-то проходящимъ войскамъ и они, хотя и не слышали за грохотомъ боя его словъ, но сердцами своими улавливали смыслъ того, что онъ говорилъ имъ и, поворачивая головы въ его сторону, кричали еще громче и воинственнѣе. Одинъ полкъ приходилъ за другимъ, и всѣ они исчезали въ горнилѣ битвы, а онъ все стоялъ и трудно было ему разстаться въ эти торжественныя минуты съ солдатами и дѣтьми своими, съ которыми сроднилось сердце его, но наконецъ силы изнемогли. Все помутилось въ его глазахъ: и грохотъ боя и крики людей—все это какъ бы утихло для него и перестало быть. Единственное, что онъ сознательно ощущалъ, это дурноту и головокруженіе, и блѣдный, съ блуждающимъ взоромъ склонился къ сѣдлу. Кто-то поддержалъ его,—кто-то неутѣшно зарыдалъ, и это промелькнуло въ его сознаниі, и онъ не могъ уяснить себѣ, о чемъ рыдаетъ и скорбитъ нагнувшійся надъ нимъ человѣкъ, и кто онъ, и зачѣмъ онъ склонился надъ нимъ. Онъ не сознавалъ того, что его безпомощнаго и окровавленнаго положили на землю, политую кровью человѣческой, и что къ этой крови теперь примѣшалась кровь одного изъ лучшихъ воиновъ русскихъ,—его кровь. Его положили на носилки и, наскоро перевязавъ рану, понесли на перевязочный пунктъ. Неоднократно во время этой переноски сознание возвращалось къ нему, и тогда ослабѣвшимъ голосомъ онъ начиналъ спрашивать у сопровождавшихъ его о томъ—не посрамились ли безъ него его „чудо-богатыри“ и даже дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія для боя. Потомъ онъ снова впадалъ въ забытѣе и умолкалъ, и тогда душа его чувствовала неизъяснимую радость отъ того успокоенія, въ которое она погружалась. Все земное какъ-то вдругъ исчезало передъ ней; всѣ стоны, слезы и вопли земли, среди которыхъ душа жила такъ долго, отодвигались отъ нея куда-то во мракъ времени, и все это теперь казалось такимъ ничтожнымъ и жалкимъ въ сравненіи съ тѣмъ торжественнымъ великимъ покоемъ, въ пучинѣ котораго и таилась истинная жизнь и родина души; и къ этой родинѣ рвалась теперь душа радостная и ликующая,—гордая сознаниемъ исполненнаго ею долга и честнымъ выполнениемъ той мисси, которую возложилъ на нее Творецъ, отпуская эту душу въ одинъ изъ Его безчисленныхъ міровъ, девизъ котораго—страданіе и пѣсня-стонъ. А тѣмъ, которые его несли и сопровождали, было больно и невыразимо тяжело на сердце, ибо сознавали они въ тоскѣ своей, что уходитъ отъ нихъ „человѣкъ“, и невидимая и неуловимая для ихъ земныхъ чувствъ радость и ликование возвращающейся на родину души казалась имъ печатью

холодной и ужасной смерти, безсердечно хватающей отъ нихъ то, что было имъ дорого и мило и что при жизни своей вливало въ нихъ силу и бодрость и давало имъ поддержку на трудномъ, тернистомъ пути каждаго изъ нихъ. Во время перевязки онъ почти не чувствовалъ боли и не испытывалъ страданій, ибо душа его по-прежнему была отвлечена сладкимъ предвкушеніемъ жизни среди свѣта и истины и только, когда докторъ запускалъ свой грубый зондъ въ рану, то ужасная боль заставляла душу снова возвращаться на землю, и она глухимъ болѣзненнымъ стономъ выражала свою тоску отъ минутнаго соприкосновенія съ болью земли и ей не хотѣлось уже больше погружаться въ этотъ міръ, и она готова была молить Создателя о своемъ освобожденіи.

Послѣ перевязки его отправили въ Москву, и воины его, исполнивъ свой долгъ на полѣ брани, усталые и печальные, шли этою ночью по большой Московской дорогѣ, оставивъ половину своихъ товарищей на этомъ полѣ, и печаль ихъ тогда была бы неутѣшной, если бы кто-нибудь увѣрилъ бы ихъ, что не увидятъ они своего вождя, но, къ счастью, каждый изъ нихъ въ эти мрачные и тягостные часы жилъ надеждою на то, что снова онъ вернется къ нимъ и сиротству ихъ придетъ тогда конецъ. Но такова была Великая воля Творца: Онъ взялъ отъ нихъ раба своего, посланнаго въ міръ на тотъ срокъ, продолжительность котораго—въ Его Волѣ и независима отъ жалкихъ человѣческихъ нуждъ и стремленій.

12-го сентября 1812 года, въ м. Симы, Владимірской губерніи, принадлежащемъ кн. Голицыну, тихо почилъ доблестный воинъ, сердцецвѣдецъ и ловецъ душъ человѣческихъ—генералъ-отъ-инфантеріи, князь Петръ Ивановичъ Багратионъ и 17 числа этого же мѣсяца, священникъ, напутствуя душу великаго человѣка къ предѣламъ ея вѣчной родины, тихо и печально просилъ Создателя о принятіи этой души въ свѣтлыя и вѣчныя обители. И плакали всѣ, слышавшіе эту мольбу бѣднаго человѣка предъ Его Создателемъ, и въ этой дерзновенной мольбѣ было такъ много трогательнаго и утѣшительнаго, ибо въ ней становился ничтожный человѣкъ къ подножію трона Творца міровъ и вселенныхъ и, несмотря на ничтожество свое, начиналъ лепетать на языкѣ своемъ и плакать слезами глазъ своихъ, и Великій и Вѣчный слушалъ созданіе Свое и не устраняя его отъ лица Своего, ибо Онъ, Непостижимый, Самъ позволилъ ему нести слезы и горе свое къ Себѣ, дабы утѣшить въ тоскѣ тотъ прахъ, въ который Онъ вселилъ душу живую. И оплакивали почившаго всѣ русскіе люди, ибо былъ человѣкъ и не стало его между ними. Жилъ онъ и трудился въ теченіе своей жизни въ пользу и въ славу родной земли, и вотъ оборвалась нить его жизни,

дѣянiя его записаны на память потомству и въ поученiе людямъ, дабы знали они про человѣка, гордились имъ, потому что былъ онъ изъ ихъ страны, и черпали въ дѣлахъ его назиданiя себѣ. И теперь, когда прошло 100 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ мiръ великiй человѣкъ, невольно хочется спросить у народа русскаго— у бѣдныхъ и богатыхъ, у ученыхъ и темныхъ, и спросить такъ: „Народъ росciйскiй, вѣдомо ли тебѣ о томъ, — кто вѣчнымъ сномъ почилъ въ м. Симахъ?“ И сердце чувствуетъ, что печалень будетъ отвѣтъ, и что всѣ въ одинъ голосъ скажутъ: „нѣтъ, не знаемъ“, и только лишь одиночныя, очень немногiе голоса прокричатъ: „знаемъ, знаемъ—кто вѣчнымъ сномъ почилъ въ м. Симахъ и чтилъ дѣянiя почившаго“. Но быть можетъ, люди русскiе, вы знаете про тѣхъ „богатырей“ земли вашей, которые когда-то жили среди васъ, украшая собою страну вашу и исторiю вашу и къ побѣдамъ водили славныя полчища росciйскiя? И снова слышенъ печальный отвѣтъ отрицанiя, и лишь очень немногiе, почти одиночныя голоса прокричатъ: „знаемъ, знаемъ и цѣнимъ дѣянiя ихъ“. И устыдится тогда народъ темноты своей и скажетъ: „никто не напомнилъ и не сказалъ намъ про этихъ людей и про дѣла ихъ, какъ будемъ знать ихъ и черпать въ нихъ силу и крѣпость, если не вѣдаемъ дѣлъ ихъ. А вы, воины христолюбивые, ужель и вамъ невѣдомо имя почившаго въ Симахъ старшаго брата вашего, который жилъ среди дѣдовъ и прадѣдовъ вашихъ, уча ихъ на собственномъ примѣрѣ тому, какъ надо любить страну свою и жертвовать своею кровью во благо ея. „Нѣтъ, не знаемъ мы про это“, отвѣтятъ и воины: „мы отъ народа, и никто не говорилъ намъ объ этомъ ни въ школахъ, ни въ домахъ; и если въ школахъ учили насъ чему, то это не дошло до глубинъ сердецъ нашихъ и не зажгло душъ нашихъ; „никчемному“ насъ тамъ учили, да и то мы позабыли“. Развѣ не вѣрно то, о чемъ здѣсь говорю съ болью и тоскою.

Въ школахъ нашихъ дальше сказочки: „скирлы, скирлы, — на липовой ногѣ, на березовой клюкѣ“ и т. под. „никчемнаго“ вздора не идутъ. Каждый изъ насъ, имѣющихъ общенiе съ солдатами, можетъ подтвердить это. Спросите у пришедшихъ въ роту новобранцевъ о томъ—кто изъ нихъ былъ въ школѣ и учился въ ея стѣнахъ, и половина изъ нихъ окажется такими, но изъ этой половины одинъ, или два отвѣтятъ вамъ на вопросъ даже о Суворовѣ только то, что онъ былъ „войка“ (буквальное выраженiе), безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненiй, а главное безъ намека на тотъ святой огонекъ, который, при правильномъ взглядѣ на вопросы о воспитанiи народныхъ массъ, непременно долженъ загораться въ русской душѣ при воспоминанiи этого имени. О Багратионѣ лучше и совсѣмъ не спра-

шивать, ибо отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ гробовое молчаніе. „Арфа сломана; аккордъ ужъ не рыдаетъ“,—такъ нужно перефразировать въ данномъ случаѣ стихъ поэта—и больно, и грустно подобное забвеніе великихъ дѣлъ великихъ людей.

Зачѣмъ же эти школы, къ чему всѣ эти гимназіи, если въ ихъ стѣнахъ учатъ всему, чему хотите, но не говорятъ о главномъ, въ чемъ юношество можетъ черпать силу и крѣпость при выполненіи своего долга передъ Царемъ и Россіей. Мы набиваемъ головы юношей разсказами про „Пипиновъ Короткихъ, Генриховъ Птицелововъ“, и т. подобными „историческими сказками“, незнаніе которыхъ не принесло никому никакого бы ущерба, а про такихъ „колоссовъ“, какъ Багратіонъ и ему подобные богатыри земли русской, дѣянія которыхъ должны проникнуть въ глубину души, мы, если и упоминаемъ въ стѣнахъ школъ и средне-учебныхъ заведеній, то только черезъ посредство снотворныхъ и шаблонныхъ повѣствованій, не оставляющихъ въ душѣ никакого слѣда. Надо ли говорить про то, какъ чтутъ своихъ героевъ нѣмцы, французы и японцы; каждому это извѣстно, у насъ же, въ день столѣтней годовщины смерти Суворова, публика, глядя на тѣ приготовленія, которыми хотѣли почтить память усопшаго, говорила почти съ ироніей: „готовятся къ солдатскому празднику“, и въ этихъ словахъ звучало полупрезрительное, — если не сказать сильнѣе, отношеніе къ усопшему. Вотъ плоды системы воспитанія нашего юношества. Въ высшей военной школѣ лѣтъ 15—20 тому назадъ изучали разныхъ „Фридриховъ, Карловъ и Адольфовъ“, съ „Цорндорфами и Кунендорфами“, а своихъ великановъ оставляли въ забвеніи, находя, видите ли, дѣянія ихъ мало поучительными. Безсмертные итальянскій и швейцарскій походы обходили молчаніемъ, а про какое-нибудь „Арколе“, или „Лодди“ говорили съ жаромъ и пламенемъ, стараясь увѣрить слушателей, что все это перлы, про которые долженъ знать весь міръ. Про какого-нибудь Цитена или Зейдлица говорили такъ, что слушатели начинали воображать себѣ фигуры этихъ господъ въ видѣ закованныхъ въ латы исполиновъ, которые, если разъ махнутъ мечемъ,—то переулочки, а другой разъ махнутъ, такъ и улицы, про Багратіона же и ему подобныхъ — таинственное молчаніе. Отчего же это? А Богъ знаетъ; должно быть, такова наша натура, да и не мѣсто здѣсь разбирать этотъ вопросъ.

Спи же вѣчнымъ сномъ, доблестный воинъ русскій и учитель нашъ, князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, и да будетъ тебѣ пухомъ земля родной страны. Духъ твой бессмертный дождется тѣхъ свѣтлыхъ дней, когда всякъ истинно русскій человѣкъ будетъ чтить

имя твое, какъ великаго человѣка, и когда юноши наши будутъ воспитываться, изучая дѣянiя твои и тебѣ подобныхъ людей русскихъ, и тогда загорится въ сердцахъ ихъ любовь только къ своей великой родинѣ, ибо спадеть съ очей ихъ повязка, данная имъ быть можетъ только для того, чтобы усугубить радость прозрѣнiя.

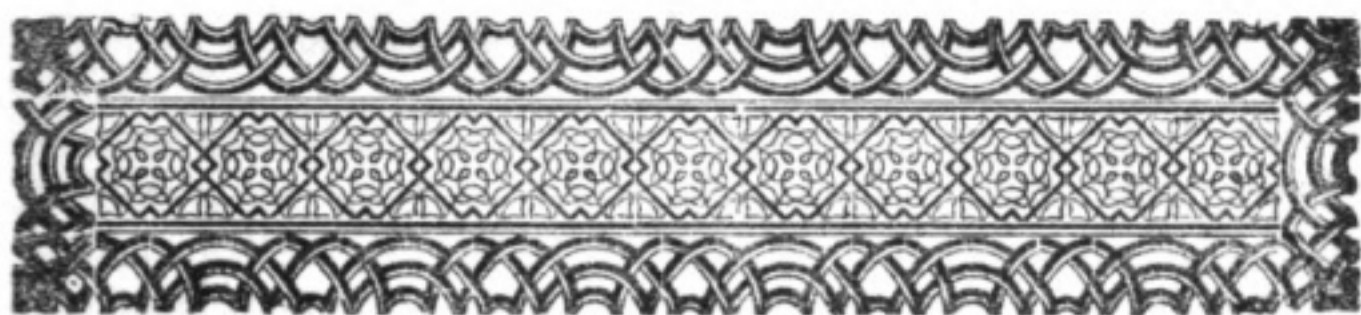
Миръ душѣ твоей и вѣчная тебѣ память.

Надо ли говорить, что прахъ почившаго въ 1839 году былъ торжественно перевезенъ и погребенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ духъ, въ немъ обитавшiй по волѣ Создателя, свершилъ назначенное ему. Прахъ отшедшаго теперь покоится на мѣстѣ, гдѣ пролилась его кровь во славу горячо имъ любимой родины.

Л. Бѣльковичъ.

Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву.

(11—18 іюля 1812 года)¹⁾.

Въ самага начала военныхъ дѣйствій, открытыхъ въ 1812 г. Наполеономъ противъ Россіи, Москва томила неизвестностью и съ жадностью ловила и разносила всякую вѣсть, приходившую съ границъ имперіи. Переходъ непріятели черезъ Нѣманъ, занятіе Вильны, отступление нашихъ войскъ, укрѣпленный лагерь при Дриссѣ,—все было предметомъ толковъ и осудительныхъ разговоровъ. Установившееся съ первыхъ дней возникновенія Петербурга значительное отчужденіе отъ него древней столицы и вызванная этимъ чувствомъ склонность порицать исходящія изъ Петербурга мѣропріятія съ наибольшою силою проявились теперь, когда страна, казалось, подходила къ краю гибели. Въ тѣ годы Москва, уже мѣняя свои старинныя привычки и вводя новые обычаи, сохранила однако во многомъ особенности своего быта, столь характерныя для екатерининскаго времени. Всѣ важнѣйшіе вельможи, за старостью дѣлавшіеся неспособными къ работѣ, или разочарованные, или уволенные отъ службы, пріѣзжали мирно доканчивать свое существованіе въ этомъ городѣ, къ которому всякаго тянуло или по его рожденію, или по его воспитанію, или по воспоминаніямъ молодости, играющимъ такую сильную роль на склонѣ жизни. Каждое семейство имѣло свой домъ, а болѣе зажиточные—имѣніе подъ Москвой. Въ Москву пріѣзжали чтобы веселиться, чтобы жить со своими близкими, съ родствен-

¹⁾ Краткій очеркъ пребыванія Императора Александра I въ Москвѣ въ 1812 г. былъ напечатанъ въ іюньской кн. „Русск. Стар.“, стр. 465—466.

Ред.

никами, видѣться со знакомыми, чтобы дать дѣтямъ приличное воспитаніе и вообще пользоваться преимуществами жизни въ столицѣ; въ губернскихъ же городахъ проживали больше чиновники и купцы. Весною, въ концѣ февраля, дворяне оставляли городъ, переѣзжая въ деревни, отчасти по привычкѣ, а главнымъ образомъ для уменьшенія расходовъ. Такимъ неслужащимъ и независимымъ дворянствомъ составлялось извѣстнаго рода общественное мнѣніе, если только примѣнимо подобное обозначеніе къ разговорамъ мелочного свойства, которымъ, за нѣкоторыми впрочемъ исключеніями, предавались тогда въ московскихъ гостиныхъ; во всякомъ случаѣ съ мнѣніемъ Москвы правительственная власть изъ политическихъ видовъ часто полагала необходимымъ считаться, оказывая ей вниманіе, хотя и проявлявшееся по большей части внѣшнимъ образомъ.

Кромѣ милостей, изливавшихся на высшее московское общество при каждомъ вступленіи на престолъ, когда новый государь пріѣзжалъ короноваться, въ Москву обычно назначался губернаторомъ кто-нибудь изъ прежнихъ главнокомандующихъ или же фельдмаршалъ, который имѣлъ право сноситься непосредственно съ государемъ; въ военное время, каждый разъ, когда надо было извѣщать о побѣдѣ, отправлялся изъ Петербурга курьеръ съ рескриптомъ генераль-губернатору, заключавшимъ въ себѣ лестныя для Москвы выраженія; при каждомъ восшествіи на престолъ посылаются туда кто-либо изъ выдающихся офицеровъ, чтобы возвѣстить объ этомъ событіи и т. п. Наша память и до послѣдняго времени сохраняетъ остатки того преимущественнаго значенія Москвы, которое правительство поддерживало, имѣя дѣло съ городомъ, бывшимъ въ полномъ смыслѣ слова „дворянскимъ гнѣздомъ“. Серьезнаго въ отрицательныхъ взглядахъ тогдашняго московскаго дворянства въ началѣ александровскаго царствованія было, какъ сказано, не очень много; по выраженію одного изъ самыхъ блестящихъ представителей сословія, графа Ѳедора Ростопчина „дворянство было покорно, хотя иногда предавалось болтливости и фрондерству“¹⁾.

Однако среди отдѣльныхъ выдающихся представителей Москвы въ отношеніи къ Императору Александру I-му замѣчалось и болѣе рѣзкаго свойства обличительное направленіе, при которомъ, сохраняя выгодное положеніе „стародумовъ“, „хранителей старины“, эти лица касались завѣтныхъ мыслей и личныхъ распоряженій государя, клонившихся къ обновленію павловской Россіи. Либеральные со-

¹⁾ О Московскомъ обществѣ см. въ Запискахъ гр. Ѳ. В. Ростопчина. „Русская Старина“ 1889 года, декабрь.

вѣтники Императора Александра I, по мнѣнію политиковъ такой складки, приведутъ страну къ мятежу и упадку, „франкъ-масоны“ всѣхъ видовъ, имѣя повсюду проповѣдниковъ и сообщниковъ, скрытно достигаютъ своей цѣли, подготавливая себѣ власть разрушеніемъ существующаго; они же являются сторонниками Наполеона.

Болѣе или менѣе свободно высказываемый взглядъ этотъ на преобразовательныя намѣренія правительства искусно поддерживался тѣмъ, что трагическая кончина Императора Павла для его преемника была незаживавшею ранюю, и удаленные дѣятели минувшаго царствованія, выставляя себя при случаѣ преданными слугами покойнаго государя, полагались на уваженіе Императора Александра I къ памяти отца, вслѣдствіе чего и могли считать себя неприкосновенными. Къ франкамъ, стремившимся ограничить дворянскія преимущества и освободить крестьянъ, былъ отнесенъ самъ Императоръ Александръ, извѣстный дружескій комитетъ первыхъ годовъ его правленія (гр. Строгановъ, кн. Кочубей, Адамъ Чарторижскій), а затѣмъ—М. М. Сперанскій.

Незадолго до войны обнаружилось, что недовольство имѣеть за собою, помимо московской склонности къ фрондерству и боязни преобразованій, иныя причины, глубокія и разнообразныя. Сверхъ того оно сдѣлалось всеобщимъ. Неопредѣленное положеніе наше съ Англіею, воспрещеніе ввоза товаровъ тяжело отражалось на внутренней жизни Россіи. Народъ ропталъ на увеличеніе повинностей, купечество банкротилось вслѣдствіе совершеннаго прекращенія торговли, упадка курса и дурного состоянія финансовъ. Въ 1810 г. серебряный рубль былъ доведенъ до 4 руб. ассигнаціями. „Я вамъ скажу, писалъ П. В. Чичаговъ графу С. Р. Воронцову, что однимъ взмахомъ пера насъ обѣднили на двѣ трети; мука въ Петербургѣ отъ 18 до 25 рублей, дрова отъ 12 до 15 р., сукно отъ 35 до 50 р. аршинъ и т. д. Я не говорю о сахарѣ, т. к. можно обойтись безъ завтрака, но не безъ обѣда. Такимъ образомъ живущіе въ странѣ (Россія), теряютъ еще больше, чѣмъ тѣ, которые выѣзжаютъ изъ нея въ виду разницы образа жизни въ Россіи и въ другихъ странахъ. Удары власти неограниченной, произвольной и необдуманной уничтожили зарождающуюся промышленность, а нововведенія и постоянныя перемѣны окончательно поколебали то небольшое довѣріе, которое сохранилось къ мѣрамъ правительства“.—Чиновничество было недовольно экзаменами, возвышеніемъ цѣнъ на всѣ жизненныя потребности и обвиняло въ томъ купечество, желавшее возмѣстить свои потери на потребителяхъ. Избавленія ждаты было не отъ кого; правительство не вмѣшивалось въ подробности торговли, и Карамзинъ писалъ, что „Россія наполнена недовольными. Жалуются въ

палатахъ и хижинахъ, не имѣють ни довѣренности, ни усердія къ правительству, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры“. Высшій классъ былъ недоволенъ потерей преобладающаго вліянія Россіи въ Европѣ и войною съ Австріей, свидѣтельствовавшей о подчиненіи нашемъ Наполеону.

Слухи самыя нелѣпыя распространялись не только въ Россіи, но и за границу. Въ главной квартирѣ эрцгерцога австрійскаго Фердинанда серьезно рассказывали, что Императоръ Александръ отрекся отъ престола и передалъ регентство Сенату.

Всѣ эти слухи, главнѣйшимъ образомъ, исходили изъ Москвы ¹⁾. Еще въ 1809 году, дабы успокоить взволнованное общественное мнѣніе и понимая значеніе Москвы, Александръ рѣшился самъ подъ благовиднымъ предлогомъ свиданія съ любимой сестрою Екатериною Павловною, жившей тогда въ Твери, посѣтить первопрестольную столицу. Москвичи остались въ восторгѣ отъ Государя, а Государь отъ москвичей. Императоръ не скрывалъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела на него встрѣча и приѣмъ Москвы; вспоминая этотъ день, Александръ впоследствии говорилъ: „C'était le plus beau jour de ma vie“. При слѣдующемъ своемъ посѣщеніи, черезъ три года въ письмѣ къ своей сестрѣ Екатеринѣ онъ о томъ же событіи отозвался такъ: „я не могу передать Вамъ, какія чудныя воспоминанія разбудилъ во мнѣ видъ Москвы. Я плачу, какъ ребенокъ, когда вспоминаю наше пребываніе въ немъ ²⁾“.

Вторымъ и крупнѣйшимъ шагомъ къ сближенію съ обществомъ была отставка и ссылка Сперанскаго 17-го марта 1812 года. Съ его отъѣздомъ исчезла главная помѣха къ примиренію Императора Александра съ дворянскимъ сословіемъ. Дальнѣйшимъ шагомъ по тому же пути было назначеніе 24-го мая графа Ростопчина, представителя охранительнаго направленія въ томъ родѣ, какъ было упомянуто выше, военнымъ губернаторомъ въ Москву ³⁾.

Съ приближеніемъ отечественной войны патриотическое настроеніе, питаемое тревогами, опасеніями и лишеніями, связанными съ именемъ Бонапарта, росло и укрѣплялось. Во всѣхъ слояхъ общества, „въ поволоченныхъ ли салонахъ высшаго круга, въ отличающихся ли простотою казарменныхъ помѣщеніяхъ, въ тихой

¹⁾ См. у Н. Дубровина. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. „Русская Старина“. Сентябрь 1901 г., стр. 450—455.

²⁾ Переписка Имп. Александра Павловича съ Велик. Княг. Екатериною Павловною, изданная Вел. Кн. Николаемъ Михайловичемъ. Письмо отъ 11 іюля 1812 года, № 67.

³⁾ См. у Ю. Карцова и К. Военскаго. Причины войны 1812 года. Спб. 1911 г., стр. 101—103.

ли бесѣдѣ дружеской, въ разгульномъ ли обѣдѣ или вечеринкѣ,—одно, одно только высказывалось: желаніе борьбы, надежды на успѣхъ, на возрожденіе отечественнаго достоинства и славы имени русскаго. Въ домашнемъ кругу отцы благословляли дѣтей своихъ, жены—мужей, любовницы—милыхъ ихъ сердцу на дѣло святое, близкое каждому русскому¹⁾. Нашествіе Наполеона не представляло собою для Россіи чего-либо внезапнаго, „оно давно уже было предвидѣно“, говоритъ Н. И. Гречъ въ своихъ запискахъ, „предсказано и ожидалось со дня на день. Особы, посвященныя въ тайны кабинетовъ, утверждали, что, вѣроятно, все кончится миролюбіемъ, что нѣтъ никакихъ ясныхъ примѣтъ скорого начатія войны: Но публика судила и видѣла иначе, видѣла правду, которой до времени нельзя возгласить во всеуслышаніе“.

Легко себѣ такимъ образомъ представить, какъ со времени вступленія въ страну Наполеонскихъ войскъ, волновалась, всегда расположенная къ подозрѣніямъ, Москва и какъ всѣ неопредѣленные слухи о первыхъ военныхъ операціяхъ, не представлявшихъ собою ничего блестящаго, увеличивали тревогу, тѣмъ болѣе, что Императора Александра не оставляло желаніе руководить дѣйствіями арміи. Онъ прибылъ къ дѣйствующей арміи 14 апрѣля 1812 г.

Хотя война началась отступленіемъ русскихъ войскъ, но тѣмъ не менѣе не сразу была покинута мысль дать сраженіе неприятелю; по вторженіи французовъ въ Россію лишь постепенно пришли къ убѣжденію, что наши силы далеко не соотвѣтствуютъ громадной численности арміи Наполеона, и такимъ образомъ усиленіе нашихъ боевыхъ средствъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій явилось настоятельною потребностью. Къ этой цѣли стали направляться всѣ распоряженія, отдававшіяся Императоромъ Александромъ; вскорѣ они совершенно измѣнили первоначальный планъ дѣйствій, такъ какъ было признано безусловно необходимымъ соединить двѣ арміи и возбудить народную войну. Въ это время наши войска уже двигались изъ Дрисскаго лагеря къ Полоцку²⁾.

Къ ночи 6-го мая велѣно было приготовить коляски, чтобы ѣхать черезъ Смоленскъ въ Москву, а Шишкову поручено было

¹⁾ Записки С. Г. Волконскаго, изд. 1901 г., стр. 149.

²⁾ Авторомъ этой статьи приводились данныя относительно доклада Императору Александру I Аракчеева, Балашова и Шишкова, напечатанныя въ юньской книгѣ „Русск. Стар.“, стр. 455—461; а потому и выпущенныя. Какъ извѣстно, докладъ этотъ былъ причиной отъѣзда Государя изъ арміи.

написать воззваніе къ первопрестольной столицѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи ¹⁾).

Поѣздка въ Москву была окончательно рѣшена.

Недовольные ходомъ военныхъ дѣлъ съ самаго начала кампаніи радовались, что былъ оставленъ Дрисскій лагерь, что Императоръ рѣшился предоставить полную власть главнокомандующему, возложивъ тѣмъ на послѣдняго отвѣтственность за дѣйствія, что онъ ѣхалъ въ средоточіе Россіи, въ Москву, чтобы поднять духъ народа и призвать его на защиту отечества.

Государь приказалъ московскому главнокомандующему графу Ростопчину, чтобы никакой встрѣчи не готовлялось, но чтобы самъ онъ ѣхалъ встрѣтить его на первой станціи отъ Москвы по Смоленской дорогѣ, куда прибытіе предполагалось 10-го іюля къ 3 часамъ дня; 11-го вся Москва узнала о скоромъ пріѣздѣ благодаря отпечатанію Ростопчинымъ полученнаго воззванія вмѣстѣ съ его „извѣщеніемъ въ моемъ родѣ“ (bulletin de ma façon), какъ онъ выражается въ своихъ запискахъ.

Къ 10 часамъ утра 11-го іюля съ распространеніемъ извѣстія о прибытіи Государя взволновалась вся Москва, и улицы наполнились народомъ. Неизвѣстность, которою томилась столица, предчувствуя силу грозившей родинѣ опасности и не имѣя свѣдѣній о принятыхъ для защиты мѣрахъ, должна была окончиться свиданіемъ съ Государемъ; отъ него ждали вѣрнаго и надежнаго слова и разрѣшенія господствовавшаго недоумѣнія относительно настоящихъ и будущихъ дѣйствій противъ врага. Волны народа двинулись по всѣмъ улицамъ, спѣша за заставу на Смоленскую дорогу, чтобы привѣтствовать и встрѣтить Государя. Весь день пршелъ въ ожиданіи, а къ вечеру кто-то изъ ѣхавшихъ въ Москву, увидя двигающуюся по дорогѣ толпу уже на 17-ой отъ города верстѣ, объявилъ, что Государь ночуетъ въ Перхушковѣ, гдѣ ожидаетъ его и гр. Ростопчинъ. Встрѣчавшіе должны были возвратиться обратно. Гр. Ростопчинъ, рассчитавъ встрѣтить Государя въ Перхушковѣ, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ, пріѣхалъ туда къ назначенному времени, но Александръ прибылъ только къ 5 часамъ. „Онъ болѣе часа разговаривалъ со мною наединѣ (пишетъ гр. Ростопчинъ), хвалилъ меня за способъ моихъ дѣйствій, чтобы пріобрѣсть расположеніе жителей Москвы. Онъ говорилъ о войнѣ, никого не обвинялъ въ дурномъ образѣ дѣйствій; казалось, былъ увѣренъ, что

¹⁾ Манифестъ первопрестольной столицѣ уже былъ напечатанъ въ іюньской кн. „Русск. Стар.“, стр. 447. Ред.

армія Барклая и Багратіона соединятся, вовсе не казался унылымъ, но былъ спокоенъ и въ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ разспрашивалъ меня о настроеніи умовъ, сообщилъ мнѣ свое намѣреніе обратиться къ дворянству съ предложеніемъ образовать земское ополченіе и хотѣлъ остановиться въ Москвѣ въ Слободскомъ дворцѣ, находящемся на одной изъ городскихъ окраинъ. Но когда я замѣтилъ, что было бы приличнѣе, если бы онъ находился въ Кремлѣ, во дворцѣ своихъ предковъ и средоточіи города, то онъ согласился съ моимъ замѣчаніемъ. Взглянувъ на мои эпюлеты, сказалъ: „здѣсь кой-чего недостаетъ“, подразумѣвая свой вензель, особенное отличіе, которое въ то время имѣли только двое главнокомандующихъ. Онъ къ этому прибавилъ: „Мнѣ пріятно быть на вашихъ плечахъ“ (*j'aime à être sur vos épaules*).

„При Государѣ находились оберъ-гофъ-маршалъ гр. Толстой, гр. Аракчеевъ, кн. Волконскій и гр. Комаровскій. Узнавъ, что въ свитѣ находился баронъ Штейнъ, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, подъ предлогомъ недостатка въ лошадяхъ, замедлили его пріездъ въ Москву на нѣсколько часовъ. Я сдѣлалъ это въ виду сильно укоренившагося мнѣнія, что всѣ иностранцы наши враги и шпіоны. Въ 8 часовъ Государь приказалъ мнѣ ѣхать, часомъ прежде него, желая прибыть около полуночи въ Москву, для того чтобы избѣгнуть толпы любопытныхъ, которые его ожидали по дорогѣ и намѣревались даже выпрячь лошадей и сами везти его коляску въ Кремль. Эта мысль отъ народа перешла и къ болѣе высшимъ классамъ, и мнѣ было извѣстно, что многія лица, имѣвшія даже ордена, намѣревались отправиться къ заставѣ и, можетъ быть по усердію, а можетъ быть и по глупости, превратиться такъ въ четвероногихъ“.

„На пространствѣ 15 верстъ отъ Москвы, по обѣимъ сторонамъ дороги, были толпы народа, вышедшаго изъ города навстрѣчу Государю. Они лежали или сидѣли, отдыхая по валамъ канавъ. Я ѣхалъ въ дрожкахъ и никогда не забуду этого путешествія, которое произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Ночь была великолѣпная, небо ясно, и ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ. Величественная тишина и лунный свѣтъ, падавшій на страну, населенную, богатую и счастливую, производили сильное впечатлѣніе. Въ каждой деревнѣ, находившейся на дорогѣ, священники съ крестомъ въ рукѣ, въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ съ зажженными свѣчами выходили изъ церквей, чтобы благословить Государя при его проѣздѣ. Эти свѣчи, эти священники, ихъ появленіе, сильно дѣйствовали на воображеніе, волновали чувства и возбуждали множество мыслей, которыя современные обстоятельства об-

вивали погребальнымъ трауромъ. Тяжело становилось на сердце, волновалась душа, и тревожился умъ. Эти процессіи напоминали похороны, и послѣ взгляда на нихъ глаза невольно подымались къ небу, какъ бы желая прочесть на немъ будущую судьбу отечества⁴.

Другой свидѣтель, гр. Комаровскій пишетъ, что отъ послѣдней станціи къ Москвѣ, вся дорога была наполнена такимъ множествомъ народа, что отъ бывшихъ у этихъ желающихъ видѣть своего Государя фонарей было свѣтло, почти какъ днемъ⁴.

Было уже около полуночи, когда Государь приближался къ Москвѣ. Вышедшій ему навстрѣчу народъ уже большею частію возвратился въ городъ. Запоздавшіе и отставшіе соединились съ жителями села Филей или Покровскаго, которые непременно хотѣли встрѣтить Государя. Они послали своихъ гонцовъ въ село Перхушково, которые и дали имъ во-время знать, что Государь выѣхалъ оттуда и приближается. Священникъ отецъ Григорій Гавриловъ, въ полномъ облаченіи, вышелъ впередъ народа на Поклонную гору, неся на серебряномъ блюдѣ крестъ, а старикъ дьяконъ держалъ зажженную свѣчу. Поравнявшись съ ними, Государь велѣлъ остановить лошадей, вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ провозгласилъ: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его“¹⁾.

„Около полуночи (пишетъ гр. Ростопчинъ) Государь пріѣхалъ въ Кремль, гдѣ нашель, что всѣ снятъ; по странному недоразумѣнію, его ожидали въ другомъ дворцѣ⁴. Странное недоразумѣніе, вѣроятно, произошло отъ самого гр. Ростопчина. По его свидѣтельству, Государь предполагалъ остановиться въ Слободскомъ дворцѣ, и безъ сомнѣнія согласно съ этимъ желаніемъ сдѣланы были приготовленія для его приѣма. Онъ измѣнилъ это намѣреніе по совѣту гр. Ростопчина, который ранѣе Государя пріѣхалъ въ Москву изъ Перхушкова, но не далъ знать кому слѣдовало о томъ, что Государь прибудетъ въ Кремлевскій дворецъ.

Въ одномъ общемъ чувствѣ необходимости и готовности къ самопожертвованію для спасенія отечества сливались всѣ слои населенія, и оно-то, переполняя души, вызвало ихъ навстрѣчу Императора. Замѣчаніе гр. Ростопчина, что народъ остался равнодушнъ (indifférent) къ воззванію Императора, не допуская возможности, чтобы непріятель могъ занять Москву, опровергается именно попыткою этой встрѣчи, а еще болѣе собственнымъ его замѣчаніемъ:

¹⁾ С. Н. Глинка. Записки о 1812 г., стр. 11—12.

бороды, по его словамъ, говорили постоянно: „Наполеонъ не можетъ насъ покорить, потому что для этого нужно насъ всѣхъ перебить“. Бороды чувствовали безсознательно вопросъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ поставленъ историческою судьбою. Нашествіе непріятели грозило такимъ же покореніемъ и Россіи, какому уже подверглись многія страны континентальной Европы. Попытка подобной встрѣчи Императору была, такъ сказать, предувѣдомленіемъ только къ выраженію народнаго чувства, которое и обнаружилось на слѣдующій день ¹⁾.

„Всякій, кто читалъ воззваніе Государя“, говоритъ очевидецъ событій А. Д. Бестужевъ-Рюминъ ²⁾, „былъ тронуть до глубины души, всякій готовъ одинъ былъ жертвовать собою для защиты престола и отечества“.

Между тѣмъ гр. Ростопчинъ еще при своемъ назначеніи получилъ отъ Имп. Александра повелѣніе строго слѣдить, чтобы дворянство не переступало извѣстной черты и вообще, чтобы патріотическое движеніе, подъ впечатлѣніемъ неудачныхъ битвъ, не обратилось бы противъ правительства. Ростопчинъ доложилъ Государю въ отвѣтъ, что доколѣ секта франъ-масоновъ „въ большихъ мѣстахъ будетъ имѣть своихъ членовъ“, общество не выкажетъ къ правительству полного довѣрія. Паденіе Сперанскаго и означало переломъ въ отношеніяхъ съ дворянскимъ обществомъ. Вслѣдствіе полученныхъ указаній и по личнымъ соображеніямъ гр. Ростопчинъ, хотя и возбуждалъ народное движеніе, однако одновременно опасался, какъ бы оно не вышло изъ береговъ и не отняло у него руководство событіями. Его беспокоили не только франъ-масоны, но и слишкомъ пылкіе приверженцы его же направленія, на примѣръ, извѣстный тогда Москвѣ С. Н. Глинка, издатель „Русскаго Вѣстника“, ненавистникъ французскаго вліянія на Россію. Этотъ самый Глинка былъ во главѣ толпы, двигавшейся 11-го іюля навстрѣчу Государю по Смоленской дорогѣ. Роль народнаго трибуна, которую принялъ на себя Глинка, пришлась не по вкусу Ростопчину, видѣвшему въ этомъ какъ-бы соперничество съ нимъ самимъ, покушеніемъ на его права, какъ московскаго главнокомандующаго. Онъ самъ желалъ играть ту же роль, что доказываютъ его приемы обращенія съ народомъ и его афиши. „Не знаю почему (пишетъ Глинка вслѣдъ за описаніемъ своего выступленія), приказано было

¹⁾ А. Н. Поновъ. Москва въ 1812 году. „Русскій Архивъ“. 1875 г. Книга вторая, стр. 301.

²⁾ Записки А. Д. Бестужева-Рюмина. „Русскій Архивъ“, 1896 г. № 7, стр. 348.

за мною присматривать“, т. е. другими словами его отдали подъ надзоръ полиціи.

Народный порывъ 11-го іюля показалъ, какъ Государь будетъ принять всѣми сословіями въ самой Москвѣ. Ростопчинъ, желая показать замѣчательному иностранцу (образу мыслей котораго онъ однако жъ не сочувствовалъ) барону Штейну, въ какихъ отношеніяхъ Государь находится къ своимъ подданнымъ въ тяжелое время, послалъ ему слѣдующее приглашеніе на 12 іюля: „гр. Ростопчинъ, свидѣтельствуя свое почтеніе г. барону Штейну, препровождаетъ пакетъ, полученный на его имя и, если ему любопытно видѣть Императора, обожаемаго своимъ народомъ, то предлагаетъ ему пожаловать во дворецъ въ 10 часовъ“.

12-го іюля на утро былъ назначенъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Народъ безъ всякихъ сообщеній зналъ уже, что Государь въ Москвѣ, и съ равныхъ часовъ стремился въ Кремль. Всѣ улицы площади, кровли домовъ наполнились до тѣсноты людьми. Въ 9 ч. появился на Красномъ крыльцѣ Императоръ, при его появленіи вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ и обычнымъ „ура!“, слышались и другіе возгласы: „веди насъ, куда хочешь; веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ!“. На каждой ступени Краснаго крыльца со всѣхъ сторонъ сотни торопливыхъ рукъ (разсказъ очевидца) хватались за ноги Государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами... Быстрый приливъ народа стѣснялъ его все болѣе и болѣе, чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „не троньте, не троньте ихъ, я пройду“. „Стеченіе народа (говоритъ другой очевидецъ гр. Комаровскій) на всей Кремлевской площади было такъ велико, что находившіеся при Государѣ генераль-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобъ довести Императора отъ Краснаго крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами; мы очутились почти у гаубтвахты и оттуда уже кое-какъ добрались до церкви. Между тѣмъ громогласное „ура!“ заглушало почти колокольный звонъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время“.

Описанія свидѣтелей дней пребыванія Александра въ Москвѣ въ общемъ сходны между собою, отличаясь лишь своимъ тономъ и нѣкоторыми подробностями: „Въ этотъ день“ (12 іюля), пишетъ гр. Ростопчинъ, „въ большомъ соборѣ, послѣ обѣдни назначенъ былъ благодарственный молебенъ, по случаю заключенія мира съ Оттоманскою Портою. Государь пошелъ въ соборъ и при входѣ

былъ встрѣченъ архіепископомъ Августиномъ, викаріемъ митрополита Платона, который удался въ маленькій монастырь ¹⁾, построенный имъ въ 60 верстахъ отъ Москвы. Съ нимъ уже нѣсколько разъ были припадки паралича, и онъ плохо владѣлъ языкомъ; но это болѣзненное состояніе не помѣшало ему прислать изъ своего уединенія Государю образъ св. Сергія вмѣстѣ съ прекраснымъ письмомъ, въ которомъ онъ предвѣщалъ славный конецъ войнѣ и сравнивалъ Государя съ пастыремъ Давидомъ, а Наполеона съ Голиафомъ. Но времена уже были иныя: Наполеонъ не сдѣлалъ бы вызова и не таковъ былъ, чтобы позволить себя убить ударомъ пращи“.

Архіепископъ Августинъ, встрѣтившій Государя при входѣ въ Успенскій соборъ привѣтственной рѣчью, пользовался извѣстностью, какъ умный и горячій проповѣдникъ, хотя его „слова“ наряжались въ изысканный риторическій уборъ. Однако въ его привѣтствіи выразилось то необычайное увлеченіе, съ которымъ Москва встрѣчала Александра въ настоящее, угрожающее событіями, время.

„Наша благодарность, наша любовь къ тебѣ не имѣютъ предѣловъ; но твоя отеческая къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувства нашего къ тебѣ усердія и признательности. Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими. Царю! Господь съ тобою: Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бурѣ, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны потопныя“. При вступленіи Государя въ храмъ, вмѣсто обычной пѣсни пѣвчіе, по распоряженію преосвященнаго Авгу-

Императоръ Александръ I въ Москвѣ въ 1812 г.

¹⁾ Визанія, близъ Троице-Сергіевской лавры.

стина, запѣли: „да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его ¹⁾. Образъ св. Сергія, которымъ митрополитъ Платонъ благословлялъ Императора, имѣлъ историческое значеніе: онъ былъ написанъ въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, на доскѣ отъ гроба преподобнаго Сергія. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (въ 1654 году) икона эта находилась при войскахъ въ войнѣ съ Польшею и возвращена потомъ въ Лавру (въ 1658 г.). Во время войны со шведами Петръ Великій поручилъ графу Шереметеву взять ее изъ Лавры, и она сопровождала войскамъ во все продолженіе этой войны.

На 15 іюля Государь назначилъ дворянамъ и купцамъ собраться въ залахъ Слободскаго дворца ²⁾ съ тѣмъ, чтобы непосредственно обратиться къ миѣнію этихъ сословій.—По его приказанію гр. Ростопчинъ и статсъ-секретарь Шишковъ отправились въ это собраніе до его пріѣзда съ тѣмъ, чтобы отъ его имени прочесть какъ дворянству, такъ и купечеству манифестъ 6 іюля. При входѣ гр. Ростопчинъ сказалъ, указывая на залу, гдѣ были собраны купцы: „Отсюда полются къ намъ милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя“. Впослѣдствіи въ своихъ запискахъ онъ такъ рассказываетъ о собраніи 15 іюля: „Передъ прибытіемъ Государя, я отправился во дворецъ вмѣстѣ съ г. Шишковымъ. Прежде мы посѣтили залу дворянъ, а потомъ купцовъ. Въ первой залѣ, въ которой собралось около 1.000 челов., съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ по полученіи извѣстія о пріѣздѣ Государя, все происходило тихо и въ порядкѣ; но во второй залѣ, гдѣ были собраны купцы, я былъ пораженъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело чтеніе манифеста. Сначала—вниманіе, потомъ гнѣвъ; но когда Шишковъ произнесъ слова, въ которыхъ говорилось, что непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы, тогда негодованіе выразилось въ сильнѣйшей степени: ударяли себя въ голову, рвали на себѣ волосы, ломали руки, видны были слезы гнѣва, струившіяся по этимъ лицамъ, напоминавшимъ древнихъ. Я видѣлъ одного, который скрежеталъ зубами. При этомъ шумѣ невозможно было разобрать, что говорили; но явно было, что это угрозы и возгласы гнѣва и стenanія. Это было единственное зрѣлище въ своемъ родѣ, когда русскій челоѣкъ на свободѣ выражаетъ свои чувства и, забывая о своемъ рабствѣ, негодуетъ на оковы, которыя готовитъ ему иностранецъ,

¹⁾ Въ день посѣщенія Императоромъ Успенскаго собора, 12-го іюля, былъ назначенъ благодарственный молебенъ по случаю заключенія мира съ Оттоманскою Портою. Ратификацію Бухаретскаго мира съ султаномъ Государь получилъ въ Смоленскѣ 9-го іюля.

²⁾ Въ Лефортовѣ.

предпочитая смерть позору—быть побѣжденнымъ. Въ этомъ случаѣ открылись старыя русскіе, они сохранили старую одежду, ихъ бороды придавали имъ почтенный и величественный видъ ихъ предковъ. У нихъ не было другого руководства, другихъ началъ, другихъ правилъ, кромѣ четырехъ пословицъ, которыми объясняются причины какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ ихъ дѣйствій: „Русскій Богъ великъ; служить Государю вѣрою и правдою; два раза не умираютъ; чему быть, тому не миновать“.

„Вотъ что дѣлаетъ настоящаго русскаго покорнымъ волѣ Божіей, вѣрнымъ своему Государю, равнодушнымъ къ смерти и предприимчивымъ. И въ какомъ блескѣ выражалось его мужество и вѣрность въ продолженіе 1812 г.! Онъ дѣйствовалъ самъ собою, его инстинктъ одинъ руководилъ имъ. Древняя исторія мало представляетъ примѣровъ такой преданности и пожертвованій. Исторія нашего времени не представляетъ ни одного“.

По поводу наивныхъ на этотъ разъ разсужденій гр. Ростопчина совершенно правильно замѣчаетъ А. Н. Поповъ ¹⁾: „странное объясненіе чувствъ, выразившихся въ это великое мгновеніе исторической жизни народа, четырьмя поговорками показываетъ только, что многія изъ лицъ образованнаго сословія того времени такъ далеко отошли отъ народа, что даже и въ этомъ случаѣ не могли совершенно слиться съ нимъ и хотѣли стоять выше. Увидавъ лицомъ къ лицу настоящихъ русскихъ, они не узнавали ихъ и считали какъ бы за воскресшихъ изъ гроба предковъ“.

Пріѣхавъ во дворецъ, Государь прежде всего вошелъ въ свои покои, куда явился къ нему гр. Ростопчинъ, чтобы доложить, что все готово къ его приему, и сдѣлать отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ манифестомъ. Потомъ Государь вошелъ въ дворцовую церковь, гдѣ совершенно было краткое молебствіе. Государь какъ будто медлилъ вступить въ залы, гдѣ были собраны сословія. Дѣлая рѣшительный шагъ, онъ сосредоточивалъ мысли: прибѣгая къ народной силѣ и сливаясь съ нею, онъ какъ будто отказывался отъ своего личнаго полновластія; но въ то же время онъ чувствовалъ, что въ силѣ народа получаетъ еще большую силу. „Войдя въ дворянскую залу (пишетъ Ростопчинъ), онъ казался озабоченнымъ. Шагъ, который онъ рѣшался сдѣлать, не могъ не быть тяжелъ для каждаго Государя. Онъ милостиво поклонился собранію; потомъ, нѣсколько собравшись съ духомъ, съ лицомъ оживленнымъ, сказалъ прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности, которая произвела электрическое дѣйствіе и расположила всѣхъ

¹⁾ Москва въ 1812 году. „Русскій Архивъ“, 1875 г. Книга вторая, стр. 307.

жертвовать“... Отъ имени дворянства отвѣчалъ бывший главнокомандующій Москвы, гр. Гудовичъ, какъ старшій по положенію и по лѣтамъ. Онъ объявилъ, что дворяне готовы жертвовать своимъ достояніемъ и пролить свою кровь до послѣдней капли и предлагаютъ императору по одному ратнику съ 25 душъ, одѣтому и снабженному на мѣсяць провіантомъ. Лишь только фельдмаршалъ кончилъ рѣчь, какъ раздались голоса: „нѣтъ не по одному съ 25, а по одному съ 10, обмундированныхъ и снабженныхъ провіантомъ на три мѣсяца“. Это съ шумомъ было повторено большею частію собранія. Поблагодаривъ дворянство, Государь перешелъ въ залу, гдѣ было собрано купечество, и гдѣ уже шла подписка. На рѣчь Государя купцы общимъ голосомъ отвѣчали: „Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только своимъ имуществомъ, но и собою“ (см. въ записк. Бестужева-Рюмина) и заявили, что „сдѣланы подписки на нѣсколько милліоновъ рублей, которые они приносятъ въ даръ отечеству“. Городской голова, котораго капиталъ состоялъ изъ 100 тысячъ, первый подписался на 50 тыс., крестясь и говоря: „мнѣ далъ ихъ Богъ, и я отдаю ихъ отечеству“. Сказавъ купечеству нѣсколько лестныхъ словъ, Александръ сѣлъ въ экипажъ и возвратился въ Кремлевскій дворецъ (изъ зап. гр. Комаровскаго).

„Я возвратился въ Кремль (продолжаетъ гр. Ростопчинъ съ извѣстіемъ о 2.400,000 и нашелъ Императора въ кабинетѣ, вмѣстѣ съ Балашовымъ и Аракчеевымъ. Десять человѣкъ на сто, по расчету народонаселенія губерніи, составляло 32 тыс. ¹⁾ человѣкъ, снабженныхъ продовольствіемъ на три мѣсяца, и сверхъ того сумма, пожертвованная купцами. Государь мнѣ сказалъ, что считаетъ себя очень счастливымъ и радуется, что рѣшился пріѣхать въ Москву и что назначилъ меня генераль-губернаторомъ. Александръ несомнѣнно былъ очень усकोенъ выяснившимся настроеніемъ московскаго общества, что онъ неоднократно и выражалъ на письмѣ и на словахъ, говоря, что „никогда не забудетъ этого дня“. Его состояніе духа замѣтно измѣнилось. Вотъ что читаемъ мы въ безприязнительныхъ воспоминаніяхъ свидѣтельницы событій А. Г. Хомутовой ¹⁾, 12-го іюля: „Государь появился такой печальный и такой прекрасный. Сколько заботъ выражалось во взорѣ его голубыхъ глазъ! Онъ обратился къ собравшимся съ ласковымъ привѣтомъ, точно съ просьбой“. 15-го іюля, при проѣздѣ въ собраніе: „Государь былъ блѣденъ и задумчивъ“. По возвращеніи оттуда: „Затѣмъ

¹⁾ Въ письмѣ къ кн. А. И. Горчакову отъ 17-го іюля 1812 г. Ростопчинъ пишетъ, что число вооруженныхъ должно было составить 50 тысячъ человѣкъ „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 152.

появился Государь: онъ былъ свѣтель и раскланивался, какъ бы выражая признательность“.

Опираясь на проявленное патріотическое воодушевленіе общества, Императоръ Александръ почувствовалъ новую силу для предстоявшей тяжелой борьбы съ врагомъ, но онъ еще не предполагалъ, какой подъемъ чувства охватить всѣ слои населенія, какъ простые русскіе люди сумѣютъ отстоять свою независимость.

Въ продолженіе недѣли, проведенной Императоромъ въ Москвѣ, обычныя его занятія не только не прерывались, но усилены были новыми по устройству народнаго ополченія. Но его распоряженія по этой части только что начинались. Въ Москвѣ подписанъ былъ Императоромъ манифестъ о „составленіи внутреннихъ силъ для защиты отечества“.

Александръ выѣхалъ изъ Москвы въ ночь съ 18-го на 19-ое іюля и, прощаясь, сказалъ графу Ростопчину, просившему приказаній и наставленій: „Предоставляю вамъ полное право дѣлать то, что сочтете нужнымъ. Кто можетъ предвидѣть событія? и я совершенно полагаюсь на васъ“. „Онъ не захотѣлъ“, пишетъ гр. Ростопчинъ, „чтобы я проводилъ его до заставы, сѣлъ въ свою коляску и уѣхалъ, оставивъ меня полновластнымъ и облеченнымъ его довѣріемъ, но въ самомъ критическомъ положеніи, какъ покинутаго на произволъ судьбы импровизатора, которому поставили темой: Наполеонъ и Москва“.

В.

---

¹⁾ „Русскій Архивъ“. 1891 г. Т. III, стр. 315, 317.

Порядокъ провоза иноземцевъ отъ Архангельска къ Вологдѣ (1613 г.).

Государю преосвященному Симону, архиепископу Вологоцкому і Белоозерскому, бьютъ челомъ сироты твои Всемиловитваго Спаса Прилуцкаго монастыря крестьяня Оларевского ключа Оедюнка Матвѣевъ, Икунка Ореѣевъ, Івашко Матвѣевъ, Ганка Еерѣмовъ, Аверка Карповъ і всѣ крестьяня Оларевского ключа. Жалоба, государь, нашъ Спаса Рабанского монастыря на крестьянъ на Павла Іванова, на Івана Дементьева, на Еремѣя Онмонова, на Петра Алексѣева і на всѣхъ Рабанского монастыря крестьянъ. Въ прошломъ, государь, во 181-мъ году билі челомъ мы, сироты, тебѣ великому святителю і подавали челобитную на нихъ, Рабанского монастыря крестьянъ, въ томъ, что они, крестьяня, отъ Архангельскаго города и до Вологды торговыхъ людей і иноземцовъ провозятъ—съ нами не перемѣняютца подводами, а твои святительскіе крестьяня съ нами, Рабанского монастыря съ крестьянами, подводами перемѣняютца, ихъ не провозятъ. И ты, великіи святитель, по той нашей челобитной свой святительской милостивой указъ учинилъ,—велѣлъ имъ, Рабанского монастыря крестьянамъ, съ нами сиротами подводами перемѣнятцо и насъ не провозить. И ныне тѣ Рабанского монастыря крестьяня твой святительской указъ называютъ ложной и съ нами сиротами подводами не перемѣняютца и по се время. Умилостивися, государь, преосвященный Симонъ, архиепископъ Вологоцкии и Белоозерскии, пожалуй насъ, сиротъ своихъ, учини свои архиерейской милостивой указъ, не вели государь тѣмъ Рабанского монастыря крестьянамъ на своихъ подводахъ тѣхъ торговыхъ людей мимо нашу очередь бес-перемѣны провозить і вели, государь, своему святительскому сыну боярскому по тѣхъ силниковъ, Рабанского монастыря по крестьянъ, доѣздить и взять ихъ на твой святительской дворъ и роспросить, почему они, Рабанского

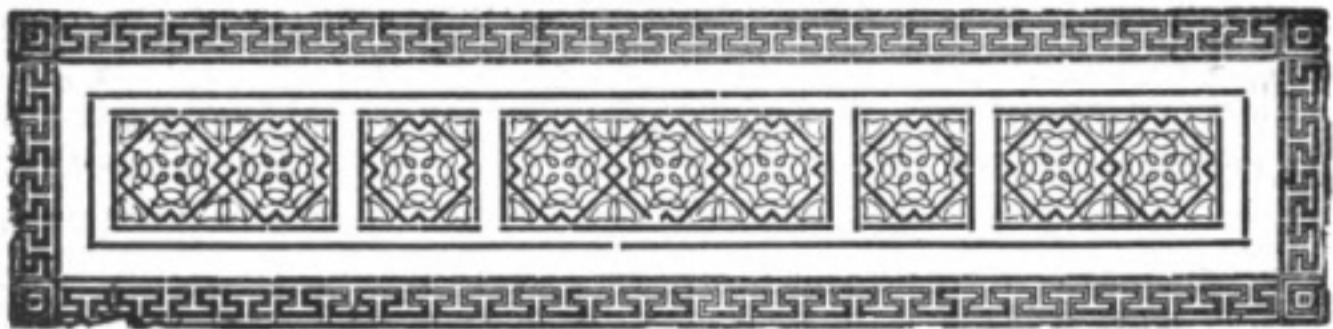
монастыря крестьяня, силны чинятцо і с нами сиротами подводамі не перемѣняютца и роспрося ихъ учині свої архиереіскоі милостивоі указъ, чтобъ намъ сиротамъ отъ ихъ Спаса Рабанского монастыря отъ крестьянъ, насилства въ конецъ не погинуть, Государь, смилуйся, пожалуй.

На обор. резолюція: „182-го декабря въ 14 д. послать по тѣхъ крестьянъ і велѣть ізвоцічать противъ прежнего архіепископля указу, а не провозіть, а у торговыхъ бы людеі на нѣхъ Спасскихъ і на Рабанскихъ крестьянъ в задержкѣ и в не помѣрномъ наіму челобитья не было.—I декабря въ 19 день тѣ Рабанского монастыря крестьяне, на коіхъ въ жалобе написано, сталі и архіепископлъ прежнеі указъ ім сказанъ, каковъ данъ Спасова Прилудскаго монастыря крестьяномъ.

Примѣчаніе. Упоминаемое здѣсь Оларево—нынѣ село на сѣверъ отъ г. Вологды по почтовому Архангельскому тракту въ 20 верстахъ; а бывший Рабанскій монастырь, захудалый еще ранѣе штатовъ 1764 года и нынѣ представляющій приходскую церковь, въ 32 верстахъ отъ Вологды.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1812 г. ¹⁾.

1812 г. іюль 10, четвергъ. Великая Княгиня Екатерина Павловна, которая была здѣсь съ апрѣля или даже съ марта, получила третьяго дня письмо отъ своего мужа, приглашавшаго ее быть въ пятницу въ Новгородѣ, т. к. Государь желалъ, чтобы роды ея происходили въ Ярославлѣ. Она сегодня уѣхала около 12 часовъ со своей свитой. Императрица очень взволнована этимъ отъѣздомъ, который произвелъ сильное впечатлѣніе въ городѣ, т. к. предполагалась опасность. Императрица пишетъ объ этомъ Государю въ письмѣ, отправленномъ съ сегодняшнимъ курьеромъ. Сегодня полученъ Манифестъ о вооруженіи милиціи.

Четвергъ. Моя жена въ городѣ третьяго дня, и я обѣдалъ съ нею; собирався отправиться къ Шараповымъ, по случаю ихъ семейнаго праздника, но былъ принужденъ остаться въ Таврическомъ дворцѣ. Отъѣздъ Великой Княгини Е. П. очень занималъ все общество. Сегодня были получены извѣстія изъ Риги о томъ, что французы перешли Двину у Юнгфергофа и подвигались къ Петербургу; ихъ силы насчитывались отъ 30—40 т. ч. Большое смятеніе. Фельдмаршалъ Салтыковъ, который сообщилъ это извѣстіе, ожидалъ, что сегодня соберется Комитетъ Министровъ, обѣщавъ уведомить, что будетъ рѣшено. Императрица сказала, что она начнетъ приготовленія къ отъѣзду только тогда, когда онъ, фельдмаршалъ, объявитъ ей, что это необходимо.

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1912 г. Къ сожалѣнію дневникъ за 1812 годъ веденъ только съ 10 и включительно по 21 іюля. Ред.

Я былъ посланъ въ 11 часовъ вечера еще разъ къ нему, чтобы узнать рѣшеніе Комитета. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что рѣшено ожидать болѣе положительныхъ извѣстій, а тѣмъ временемъ могутъ быть получены письма отъ Государя или сообщенія изъ арміи, но что всякій министръ въ своемъ департаментѣ уже дѣлаетъ всѣ распоряженія и расчетъ лошадей, ему необходимыхъ, что подъ предлогомъ перевоза артиллеріи и припасовъ былъ отданъ приказъ увеличить число лошадей, приготовленныхъ на станціяхъ. Я вернулся съ этимъ отвѣтомъ, и мы немного успокоились.

11-го пятница. Я получилъ приказаніе написать Чичагову и Гревеницу, чтобы они явились сюда съ отчетомъ о состояніи ихъ кассъ. Императрица написала письмо Государю объ общихъ волненіяхъ, своемъ личномъ спокойствіи и своей увѣренности, что врага сюда не подпустятъ, и послала меня показать это письмо фельдмаршалу Салтыкову. Онъ сказалъ, что это превосходно, но все же благоразуміе требуетъ начать приготовленія для перевозки, т. к. рапортъ Эссена изъ Риги отъ 9 числа констатировалъ переходъ французовъ. Я вернулся съ этимъ отвѣтомъ, когда Вязмитиновъ былъ у Императрицы, которая приказала мнѣ войти и спросила меня, что сказалъ фельдмаршалъ? я передалъ ей его отвѣтъ; она воскликнула: „Никогда“, потомъ объявила, что отправить дѣтей, институты и т. д., но останется сама послѣднею, не покинетъ свой постъ, пока все не будетъ въ безопасности. Она повторила то же самое Эриксону. Когда она въ повышенномъ тонѣ объявила свое геройское рѣшеніе, мнѣ пришли въ голову люди, которые, боясь темноты, начинаютъ пѣть или громко говорить, чтобы разсѣять свой страхъ и придать себѣ храбрости. Сейчасъ же былъ отданъ приказъ г-жѣ Адлербергъ, Бруккоффу, Кругену и Саблукову прибыть сейчасъ послѣ обѣда, а Донаурову—завтра утромъ. Приказали также явиться и Вольфу; вообще было много ажитація и шума. Много толковали о перевозкѣ институтовъ, много говорили съ Саблуковымъ, Кругеномъ и наконецъ съ гр. Адлербергъ. Съ первымъ перечитали распоряженія, написанныя въ мартѣ этого года, 25 числа; нашлось много, что слѣдовало перемѣнить. Волновались тѣмъ, что приходилось работать день и ночь, чтобы изложить письменно эти распоряженія; возбуждался вопросъ, не нужно ли пригласить Полетку для помощи. Словомъ, Императрица была порядочно взволнована, стараясь казаться, передъ другими, совершенно покойною и высказывая это мнѣ. Когда рѣчь зашла съ гр. Адлербергъ о перевозкѣ смолянокъ, я предложилъ сдѣлать это водой, какъ для большаго удобства и лучшаго наблюденія, также и въ виду затрудненія имѣть достаточно лошадей во время общаго передвиженія. Это было

принято. Было отдано приказаніе Чичагову и Гревеницу приготовить ящики, указать вещи для перевозки. Вечеромъ мы вновь были приглашены; приказано было принести большой ящикъ съ рукописями и, съ помощью Гревеница, Императрица начала вынимать и разсматривать различные пакеты, которые затѣмъ были уложены, за исключеніемъ небольшого количества бумагъ, которыя были сожжены.

Я получилъ приказаніе поѣхать завтра въ Зимній дворецъ, чтобы уложить рукописи, находящіяся въ двухъ большихъ сундукахъ, которые стояли въ большомъ кабинетѣ. Церемонія укладки большого сундука задержала меня до двухъ часовъ ночи, а разборка писемъ родныхъ Императрицы заняла еще до 3 съ половиной часовъ утра, когда я наконецъ могъ лечь.

12 суббота. Я всталъ въ 8 часовъ утра и отправился во дворецъ, чтобы уложить въ большой сундукъ бумаги, разобранныя ночью. Я встрѣтилъ Касторскаго, который сообщилъ мнѣ извѣстіе о ратификаціи мира съ Турціей. Императрицу я видѣлъ одну минуту, она повторила то же самое и прочитала письмо Государя изъ Смоленска (сіяющая и успокоенная). Государь писалъ ей, что онъ отслужилъ молебенъ въ городскомъ соборѣ и желалъ, чтобы таковой былъ отслуженъ въ Казанскомъ. Выслушавъ ея переговоры съ курьеромъ, я отправился въ Зимній дворецъ, чтобы продолжать укладку сундуковъ. Не успѣлъ я окончить, какъ былъ позванъ въ Таврической, гдѣ меня задержали до 2-хъ часовъ, а затѣмъ отпустили продолжать укладку. Обѣдалъ дома со своими, а послѣ опять продолжалъ укладку и въ 8 часовъ поѣхалъ въ Таврической. Вечеромъ Императрица разбирала свои портфели; я оставилъ свои дрожки, чтобы отправиться ночевать домой, но, видя, что разборка портфелей очень затянулась, я пожаловался на боль въ глазахъ, но тѣмъ не менѣе меня задержали до 12-ти съ половиною часовъ, когда я, наконецъ, былъ освобожденъ и могъ уѣхать. Между бумагами, которыя Императрица нашла въ своихъ портфеляхъ, было много пословицъ въ лицахъ, ея сочиненія.

13 воскресенье. Послѣ завтрака съ женой и дѣтьми, я одѣлся въ парадную форму и отправился во дворецъ. Гр. М. довезъ меня въ Казанскій соборъ на молебенъ, а оттуда съ Голицынымъ я вернулся во дворецъ. Былъ большой обѣдъ, послѣ котораго продолжалась разборка портфеля. Сегодня жена моя переѣхала въ Павловскъ. У Императрицы съ Пашковымъ былъ разговоръ о сформированіи милиціи на ея счетъ и подъ ея покровительствомъ; Пашкову было поручено написать Чичагову и Вольфу, которые должны были пере-

говорить предварительно съ старостами. Смоленскъ поставилъ къ прїѣзду Государя 20.000 ч., а Москва—80.000 ч.

14-го понедѣльникъ. Я получилъ оба письма, написанныя Пашковымъ Чичагову и Вольфу, и отправилъ послѣднее по адресу, т. к. Вольфъ уѣхалъ изъ дворца, сказавшись больнымъ. Онъ мнѣ прислалъ письмо Пашкова обратно, какъ-бы не зная, что съ нимъ дѣлать; я его спросилъ, не прїѣдетъ ли онъ въ Павловскъ, чтобы собрать крестьянъ. Наконецъ вечеромъ я получилъ отъ него письмо для Гревеница, которое онъ отправлялъ съ письмомъ Пашкова къ Чичагову. Приславъ мнѣ все это, онъ спрашивалъ у меня инструкцій, что было очень странно, т. к. Императрица повторяла ему нѣсколько разъ свои намѣренія. Я ему отвѣчалъ, что всѣ приказанія относились къ нему, тогда какъ я слушалъ ихъ, какъ вещь меня не касающуюся; тѣмъ не менѣе я передалъ ему съ удовольствіемъ все, что осталось у меня въ памяти. Эта корреспонденція настолько задержала курьера, что моя жена могла получить только ночью мое письмо, въ которомъ я уговаривалъ ее остаться еще на дачѣ, т. к. наступила опять чудная погода, а опасности никакой нѣтъ. Она же мнѣ отвѣтила, что уже отправила сегодня часть вещей. Вечеромъ Императрица разбирала множество писемъ, которыя по ея словамъ далъ ей покойный Государь на сохраненіе во время своего путешествія въ Казань.

Это были по большей части письма г-жи Нелидовой къ покойному Государю. Вечеромъ я былъ у своей сестры, вернувшейся наканунѣ ночью изъ повѣзки въ деревню къ своимъ знакомымъ.

15-го вторникъ. Я былъ посланъ къ фельдмаршалу Салтыкову, а затѣмъ къ кн. Лопухину, показать имъ записку, которую я составилъ вчера относительно нашего кредита, ассигнованнаго за счетъ капиталовъ въ учетномъ банкѣ, и предложить уполномочить министра финансовъ изыскать средства изъ другихъ источниковъ, т. к. учетъ, по его словамъ, изсякъ. Фельдмаршалъ обѣщалъ привести все въ порядокъ, а кн. Лопухинъ, котораго я нашелъ въ Совѣтѣ, отправилъ записку г. Гурьеву. Когда вернулся, то засталъ Великаго Князя Николая, замѣнявшаго меня въ переписываніи письма Императрицы къ Государю. Вечеромъ занимались письмами покойнаго Государя.

16-го среда. Сегодня, передъ обѣдомъ опять принялись за портфель съ письмами покойнаго Государя, и Императрица прочитала мнѣ письмо, или, вѣрнѣе, проектъ письма, которое покойный Государь хотѣлъ написать покойной Императрицѣ въ защиту г-жи Нелидовой, гдѣ онъ говоритъ о полнѣйшей невинности ихъ отношеній, о ея чистотѣ и просить мать объ ней позаботиться, такъ какъ эти от-

ношенія много ей повредили. Что еще болѣе доказываетъ чистоту ихъ отношеній — это одно изъ писемъ Нелидовой къ покойному Государю, которое Императрица мнѣ прочитала. Между прочимъ, упоминая въ немъ о своей привязанности, она говоритъ: „находятъ, что никогда не слѣдуетъ говорить мужчинѣ, на сколько его любить, такъ какъ всѣ они неблагодарны, но“, прибавляетъ она, „мужчина ли Вы для меня, я признаюсь Вамъ, что до сихъ поръ, этого не замѣтила, и мнѣ кажется, что Вы моя сестра“. Мы много потомъ говорили объ этой полной чистотѣ отношеній, такъ хорошо здѣсь высказанныхъ. Императрица все же созналась, что она ей принесла много горя. Она много говорила потомъ о полной перемѣнѣ, которая совершилась въ Государѣ послѣ его поѣздки въ Казань и знакомства съ Лопухиной; рассказывала, какъ Нелидова ревновала его и какую сцену сдѣлала Государю, послужившую причиной ихъ ссоры. Она мнѣ тоже говорила о двойственности покойной Государыни, которая ей выражала неудовольствіе этими отношеніями, а Нелидовой, одновременно, сообщала, черезъ гр. Завадовскаго, какъ та сама пишетъ въ этомъ письмѣ, что она можетъ сопровождать Великаго Князя на дачу.

17-го четвергъ. Вечеромъ я отправился домой, такъ какъ жена моя вчера пріѣхала въ городъ и тамъ провела ночь.

18-го пятница. Я вернулся во дворецъ утромъ и намѣревался обѣдать дома, но не было возможности, такъ что я отправилъ дрожки, которыя для этого задержалъ. Была сильная гроза. Императрица получила письмо отъ Государя, который описывалъ ей свой пріѣздъ въ Москву. Онъ былъ тамъ принятъ восторженно. Сейчасъ же послѣ его отъѣзда изъ арміи, Великій Князь Константинъ былъ отправленъ къ нему Барклаемъ подъ предлогомъ порученія. Онъ въ отчаяніи, что и выражаетъ въ своемъ письмѣ къ Императрицѣ, говоря, что отъ него, очевидно, хотѣли отдѣлаться. Это вѣрно, такъ какъ Государь въ своемъ письмѣ говоритъ, что у нихъ съ Барклаемъ это было дѣло рѣшенное. Такимъ образомъ, постепенно, были удалены три лица, присутствіе которыхъ стѣсняло, такъ какъ ихъ надо было оберегать: Самъ Государь, Великій Князь Константинъ и раньше принцъ Георгій Голштинскій. Говорятъ, что пр. Августъ былъ также удаленъ подъ предлогомъ порученій.

19-го суббота. Саблуковъ вздыхалъ о новыхъ напастяхъ, которыя постигаютъ Сохранную казну, такъ какъ оттуда вынуто уже на 828 т. р. вкладовъ; а Императрица, отправивъ почту, послала меня къ фельдмаршалу Салтыкову, поторопить его окончить дѣло съ кредитомъ. Онъ мнѣ сказалъ, что это дѣло подписано уже въ комитетѣ; тогда я отправился къ Гурьеву, который мнѣ подтвердилъ это, при-

бавивъ даже, что онъ уже ассигновалъ 400 т. р. Я тамъ засталъ г. Булыгина, изъ департ. министерства иностранныхъ дѣлъ, отправляющагося изъ Москвы курьеромъ въ Стокгольмъ, по случаю заключенія мира съ Англіей и остановившагося у Гурьева. Онъ привезъ бюллетень изъ арміи съ отчетомъ о двухъ дѣлахъ гр. Толстого и ген. Раевского. Послѣдній нанесъ уронъ противнику свыше 5.000 ч. Гурьевъ приказалъ снять для меня копію съ этого бюллетеня. Большая радость у насъ. Меня послали съ этими бюллетенями къ фельдмаршалу Салтыкову. Вечеромъ я былъ отправленъ въ 8^{1/2} часовъ работать надъ организаціей перевоза смолянокъ. Окончивъ работу, составивъ списокъ необходимыхъ экипажей, я поѣхалъ къ сестрѣ въ ожиданіи своихъ дрожекъ, но въ 11^{1/4} часовъ ихъ еще не было; мнѣ дали экипажъ, чтобы вернуться, но я рѣшилъ домой не ѣхать, хотя встрѣтилъ потомъ свои дрожки, а поѣхалъ въ Таврической, приказавъ пріѣхать за мной завтра къ обѣду. Ожидаютъ Государя.

20-го воскресенье. Б. пришелъ ко мнѣ, и мы толковали о пресловутой перевозкѣ смолянокъ; за мной пришли отъ Императрицы, и я окончивъ свой туалетъ, отправился во дворецъ, гдѣ меня задержали до 3-хъ часовъ. Императрица меня послала къ фельдмаршалу Салтыкову просить его не говорить Государю, что онъ получилъ отъ нея копію бюллетеня. Я, наконецъ, попалъ домой и провелъ тамъ остатокъ дня и ночь.

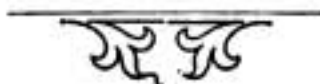
21-го понедельникъ. Я пріѣхалъ въ 8 часовъ утра въ Таврической дворецъ и послалъ за справками своего человѣка, который мнѣ принесъ извѣстіе, что Государь пріѣхалъ въ 2 часа ночи и прямо отправился на Каменный островъ. Я одѣлся и отправился во дворецъ¹⁾. Поѣхалъ въ каретѣ четверикомъ, чтобы имѣть возможность вернуться домой. Государь пріѣхалъ въ 9 часовъ и прошелъ садомъ изъ своихъ покоевъ прямо къ Императрицѣ, которая вышла къ нему навстрѣчу. Онъ оставался у нея часа полтора. Затѣмъ я былъ позванъ. Императрица очень довольна Государемъ, его отношеніемъ, его деликатностью, говоря, что раньше надо знать все за и противъ, чѣмъ судить. Она сказала, что приготовляться къ отъѣзду изъ Петербурга нужно, говорила о чрезвычайной силѣ непріятели, и что такъ какъ Багратиону не удалось достигнуть Могилева, Барклаю пришлось подвинуться къ нему, чѣмъ открыть мѣстность отъ Витебска до Полоцка; а Витгенштейнъ подойти не можетъ. Въ Москвѣ говорили Государю, что если французы придутъ, то: „мы беремъ наши образа и уходимъ, и даже готовы

¹⁾ Въ Павловскѣ.

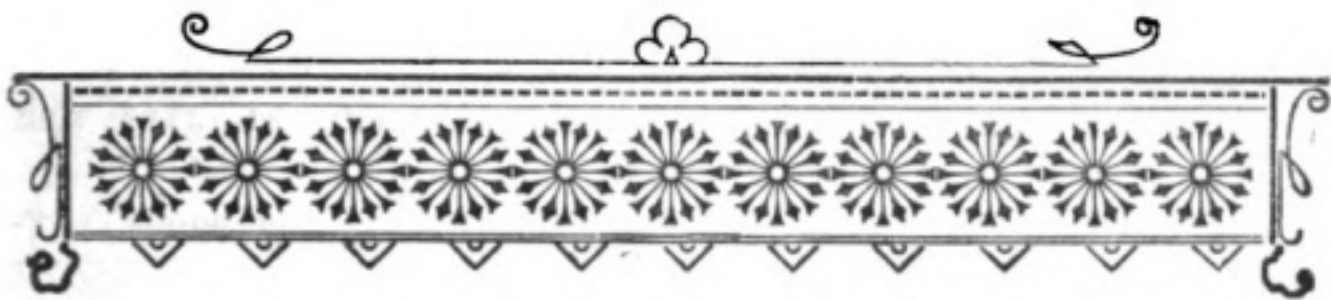
сжечь наши дома“. Я былъ отпущенъ въ 3 часа съ приказаніемъ вернуться въ 7 ч. И такъ я поѣхалъ обѣдать домой къ своей именинницѣ и со всей семьей. Моя жена вчера подвернула себѣ ногу и до сихъ поръ еще хромаетъ. Въ 6 часовъ я уѣхалъ и, приѣхавъ въ Таврической дворецъ, узналъ, что меня уже спрашивали. Я былъ принятъ, но послѣ 8 ч. опять свободенъ. Императрица сегодня подписала приказъ о сформированіи милиціи, за медленное отправленіе которой она уже бранила вчера Вольфа, который увѣрялъ, что онъ до сего дня ничего не зналъ, тогда какъ онъ присутствовалъ при всѣхъ переговорахъ.

Уже восемь дней, какъ стоитъ чудная погода, а сегодня даже очень жарко.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

Къ бою 7-го іюля 1812 года при Гр.-Эккау.

Имѣніе Гроссъ-Эккау на р. Эккау принадлежитъ роду гр. Палена. Въ пасторатѣ при этомъ имѣніи сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія о боѣ 7-го іюля.

Пасторъ церкви при Гроссъ-Эккау, Карлъ-Эристъ-Генрихъ Кюнъ, бывшій здѣсь пасторомъ съ 1811—45 г. и съ 56 по 59 годъ, занесъ въ церковную книгу слѣдующія данныя о боѣ между русскими и пруссаками.

За нѣсколько дней до боя пасторатъ былъ занятъ русскими войсками. Въ третье воскресенье послѣ Троицы, во время богослуженія начался бой. Въ это время пасторъ крестилъ троицхъ дѣтей, которыя послѣ первыхъ выстрѣловъ были взяты прибѣжавшими людьми и спрятаны въ погребахъ пастората. Пруссаки наступали изъ такъ называемаго французскаго лѣска, и главная ихъ атака была направлена на садъ при пасторатѣ и церковь. Слѣдами сраженія являются непріятельскіе снаряды, попавшіе въ церковную башню и надъ ризницей. Теперь на стѣнѣ сдѣлана надпись: „7-го іюля 1812 года“. Въ корчмѣ также вдѣланы въ стѣну попавшіе туда два снаряда.

Наиболѣе сильное столкновение было въ саду пастората и въ лѣскѣ при пасторатѣ, которые были „изрыты“ непріятельскими снарядами.

Правѣ пастората погребены 50 павшихъ воиновъ. Позднѣе могила эта была обсажена тополями, которые уже выросли до большихъ размѣровъ, но были вырваны бурей 8-го іюля 1848 года. Жена пастора Кюнъ—Юлія посадила на этой могилѣ въ 1862 году сосну.

Большое количество убитыхъ было похоронено въ лѣсу при м. Рагге и при Эккауской мельницѣ.

Изъ убитыхъ офицеровъ въ церковной книгѣ помѣщены слѣдующіе:

Матвѣй Киселевъ, капитанъ 4-го Егерскаго полка, 43 лѣтъ, уроженецъ Черниговской губерніи. Онъ былъ убитъ у воротъ пастората неприятельскимъ снарядомъ, оторвавшимъ ему правую ногу.

Въ этомъ же мѣстѣ палъ маіоръ Кузнецовъ, раненый неприятельскимъ снарядомъ. Его отвезли въ Баускъ, гдѣ въ лазаретѣ онъ и умеръ 22-го іюля.

У корчмы Самсонъ былъ убитъ младшій офицеръ кн. Багратіонъ, тѣло котораго отвезено въ Ригу.

Съ прусской стороны въ бою 7-го іюля были убиты: ротмистръ 1-го драгунскаго полка ф.-Ессенбекъ, похороненъ въ лѣсу при Рагге; лейтенантъ фонъ-Валлисъ, похороненъ при Эккауской мельницѣ.

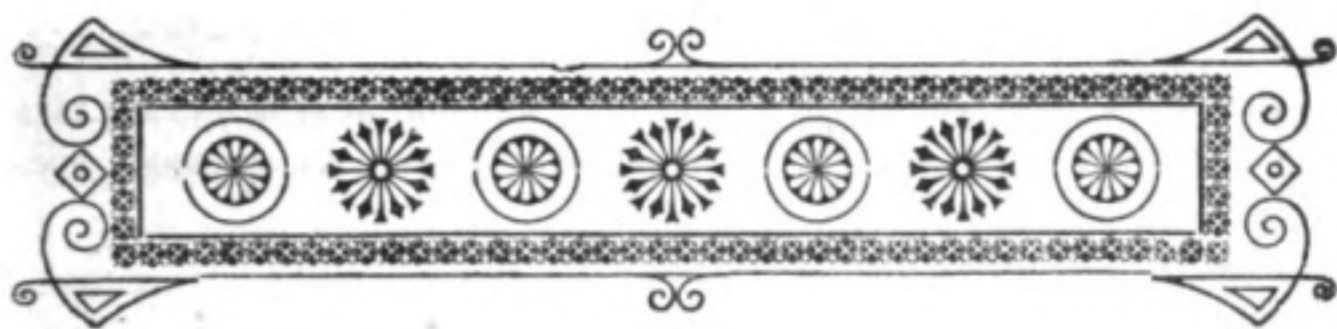
По отступленіи русскихъ, пасторатъ былъ занятъ пруссаками и обращенъ въ лазаретъ.

Въ воскресенье, 15-го сентября, также во время богослуженія, разыгрался второй бой при Эккау. Побѣда осталась за русскими.

7-го декабря во время отступленія послѣднихъ войскъ французъ замокъ Гр.-Эккау занималъ маршалъ Макдональдъ.

Сообщилъ Ка-эль.

„День Субботній“.

кончить заниматься! Табуреты на мѣста!.. Во фронтъ! Нараспѣвъ, пріятнымъ теноромъ, командовалъ фельдфебель-кадетъ старшаго класса, входя въ рекреационный залъ неранжированной роты Энскаго кадетскаго курпуса.

Малыши приговорительнаго и перваго классовъ, одѣтые въ однобортныя курточки чернаго сукна съ бѣлыми погонами и стоячими крѣпкими воротниками, подпиравшими ихъ миниатюрны подбородки, сидѣвшіе, до команды, у своихъ конторокъ и еле-еле смотрѣвшіе своими сонными глазѣнками въ ненавистныя имъ учебники, мигомъ вскочили со своихъ мѣстъ, поставили табуреты подъ конторки, тянувшіяся вдоль стѣнъ зала, и, быстро построившись во фронтъ, замерли, держа руки „по швамъ“ и смотря прямо передъ собою.

Право-фланговый, краснощекій и крѣпко сложенный 12-ти лѣтній мальчикъ, круглый сирота, только что двѣ недѣли тому назадъ привезенный изъ далекой провинціи опекуномъ назначеннымъ отъ дворянства, молодцовато стоялъ, вытянувшись, славно онъ уже давно прошелъ всю мудрость фронтовой выправки, но щипки, которыми его надѣлялъ товарищъ, стоящій въ задней шерингѣ, не давали ему покоя, и онъ, невольно, пошевелился.

— „Эй! ты! новичёкъ! что ты тамъ вертишься!“ ... крикнулъ фельдфебель, стоящій передъ фронтомъ.

Федя молчалъ.

— „Останься безъ ужина!“ крикнулъ ему фельдфебель и затѣмъ молодцовато скомандовалъ: „Рота на право! Ша-гомъ маршъ!“ И рота, стройно маршируя, вышла въ корридоръ, поднялась по

лѣстницѣ и „не сбиваясь съ ноги“ длинной лентой потянулась къ своимъ столамъ, стоящимъ перпендикулярно къ стѣнамъ громадной столовой.

Другія четыре роты стояли уже у своихъ столовъ.

Барабанъ пробилъ „на молитву“.

На средину столовой вышелъ великовозрастный кадетъ, оставилъ правую ногу, отклонилъ свой корпусъ нѣсколько назадъ, откашлялся и чрезъ секунду заплѣлъ бархатнымъ баритономъ:

— „Очи всѣхъ на...“ — „Тя Господи уповають...“ стройно подхватилъ хоръ изъ пятисотъ голосовъ. По окончаніи молитвы и по знаку, данному дежурнымъ по корпусу штабъ-офицеромъ, барабанщикъ ударилъ сигналъ, по которому можно было садиться.

Подали картофель въ „мундирѣ“ и по куску масла, формою своею напоминающему маленькій огарокъ свѣчки.

Федя, обладавшій изряднымъ аппетитомъ, съ завистью смотрѣлъ на товарищей, которые, сдѣлавъ изъ картофеля „тюрю“, намазывали ее тонкимъ пластомъ на толстые ломти хлѣба, въ изобиліи подаваемые на столъ.

Выпивъ изъ серебряной чаши - стопы „приза Синопскаго сраженія“ вкуснаго корпуснаго кваса, Федя тихонько стащилъ ломоть чернаго хлѣба и спряталъ его за голенище. — „Какъ васъ?.. Что ты нагибаешься подъ столъ? спросилъ Федю унтеръ-офицеръ, сидѣвшій за „старшаго“.

— Нога что-то зачесалась—отвѣтилъ Федя и покраснѣлъ.

— „Ну-съ... чтобы у васъ ноги не чесались, то послѣ ужина встать подъ часы до половины одиннадцатаго, сказалъ унтеръ-офицеръ.

Федя, какъ ни крѣпился, но лицо его стало подергиваться судорогою, и онъ уже собирался заплакать.

— Эхъ ты, нюнька!... Плакса! насмѣшливо глядя на него, сказалъ товарищъ, сидящій vis-a-vis.

Федя удержался и попробовалъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки вышла жалкая гримаса.

— „Ты что это вздумалъ рожи корчить? — слышался грозный окликъ строгаго унтеръ-офицера—оставайся завтра безъ пирожнаго!“

Въ это время дежурный по корпусу махнулъ киверомъ, при чемъ черный буйволоный султанъ красиво мелькнулъ въ воздухѣ. Барабанщикъ, уловивъ сигналъ, съ ловкостію жонглера, перекидывая барабанными палками, пробилъ на „молитву“.

Опять вошелъ регентъ, и подъ его дирижерствомъ была процѣта благодарственная молитва.

По окончаніи молитвы всѣ роты стройно разошлись по своимъ помѣщеніямъ.

Голодный Оеда шелъ во флангъ, и вдругъ сзади его идущій товарищъ шепнулъ: „Не горюй! Мы для тебя вынесли и картошки, и хлѣба да и масла немного набрали... ѣшь на здоровье. Какъ только тебя отпуститъ „злыдня“, такъ ты и поглядывай, когда онъ заснетъ... Тогда и „контуй“—все будетъ сложено подъ твоимъ тюфякомъ!“

Оеда понялъ и просіялъ. Послѣ молитвы на сонъ грядущій кадеты были распушены и быстро разбѣжались. Кто пошелъ къ своей кровати, кто побѣжалъ въ „умывалку“, чтобы первому захватить сапожныя щетки и начистить сапоги на завтра, а иные, не успѣвшіе приготовить уроковъ, съ разрѣшенія дежурнаго офицера, сѣли за длинный столъ, освѣщаемый двумя тускло горѣвшими масляными лампами.

Въ половинѣ одиннадцатаго, Оеда былъ прощенъ и уволенъ спать.

Дождавшись, когда его „мучитель“ заснулъ, Оеда сталъ ужинать, съ аппетитомъ уплетая смявшійся въ лепешку картофель, хлѣбъ, масло — все пахнущее кожей, такъ какъ всѣ эти продукты путешествовали за голенищами добрыхъ товарищей.

Сложивъ кожуру и другіе остатки въ голенища своихъ сапогъ, Оеда прокрался въ „уборную“ и высыпалъ остатки трапезы въ ярко топившійся каминъ и тѣмъ же путемъ возвратился, легъ въ постель и заснулъ невиннымъ сномъ младенца.

Слѣдующій день была суббота.

Въ приготовительномъ классѣ, большой свѣтлой комнатѣ, въ которой сидѣлъ и Оеда по малограмотности, на двухъ черныхъ доскахъ, стоявшихъ перпендикулярно на двухъ мольбертахъ, мѣломъ, довольно художественно были нарисованы колбасы и колбаски разныхъ сортовъ и отъ каждой штучки шла нарисованная ниточка и всѣ эти ниточки соединялись въ руки съ длинными ногтями карикатурно нарисованнаго нѣмца.

Въ другой рукѣ нѣмецъ держалъ бутылку и на этикетѣ было написано: „мозоль-вейнъ“, а подъ всею картиною каллиграфическимъ почеркомъ была выведена надпись: „Ты баронъ?—фонфоронъ! Распугалъ ты всѣхъ воронъ!..“

—„Идѣтъ!“ крикнулъ крѣпышъ—смуглый мальчикъ, стоявшій на караулѣ у входныхъ дверей, и съ этимъ возгласомъ стремглавъ кинулся къ своему мѣсту и, какъ ни въ чемъ не бывало, уставилъ свои глазенки въ раскрытый учебникъ.

Въ классъ вошелъ молодой учитель гордо, закинувъ голову назадъ.

Форменный виць-мундиръ плотно облегалъ его стройную фигуру.

Раздвинувъ фалды фрака, онъ усѣлся за учительскимъ столомъ, положилъ классный журналъ на столъ и, доставъ изъ бокового кармана изящное зеркальце и маленькую гребеночку, сталъ расчесывать свои пышныя бакенбарды и усы. Осмотрѣвъ себя въ зеркальце, онъ спряталъ туалетныя принадлежности въ карманъ, оттянулъ гуттаперчевый снурокъ, на которомъ висѣло золотое рипс-pez, и быстро выпустилъ. Рипс-pez, мелькнувъ въ воздухѣ, осѣдлало его красивый носъ.

Затѣмъ изъ того же бокового кармана онъ досталъ модный бумажникъ, изъ котораго вынулъ пачку совершенно новыхъ кредитокъ рублеваго достоинства и сталъ вполголоса пересчитывать.

Мальчуганы сперва дружнымъ шопотомъ, а затѣмъ все громче и громче принимали участіе въ этомъ счетѣ:

— „Тридцать пять, тридцать шесть, кашу есть... сорокъ восемь, сѣно косимъ...”

— „Это что за шумъ?“ сказалъ учитель. Мальчики замолчали.

Тогда изъ другого отдѣленія бумажника учитель вынулъ билетъ розоватаго цвѣта съ номеромъ и, поднявъ его, спросилъ: „Который номеръ?!“

Мальчики, сидѣвшіе на передней скамейкѣ, дружно крикнули: 52-ой! А затѣмъ и весь классъ громко заоралъ: пятьдесятъ второй!

— А знаете ли вы, что это за № 52-ой?! снова спросилъ учитель и, не получивъ отвѣта, продолжалъ:

— Это будетъ для входа въ 4-ый рядъ Маріинскаго театра... Сегодня опера! Хотя я и не привыкъ сидѣть такъ далѣко отъ сцены, но... и вдругъ учитель, не докончивъ фразы, пріятнымъ теноромъ запѣлъ:

— „Рата-блямъ! Рата-блямъ! Рата-блямъ, блямъ-блямъ“ ... подражая пѣвцу Саріоти, пѣвшему партію акта оперы Гугеноты. Мальчуганы хихикали.

— „Ахъ какъ это прелестно“ говорилъ учитель, расхаживая по классу, но, взглянувъ мимоходомъ на доски, увидѣлъ изображенное и сказалъ: „швейнъ“.

Усѣвшись на стулъ, онъ развернулъ журналъ и недовольнымъ тономъ вызвалъ лучшаго крѣпыша.

— „Чижи́ковъ! къ доскѣ!“

Крѣпышъ сидѣлъ и не выходилъ къ доскѣ.

— „Чижи́ковъ!“ снова вызвалъ учитель, смотря на мальчика.

Тотъ продолжалъ сидѣть. Тогда учитель покраснѣлъ, завернулъ на правомъ рукавѣ лацканъ и, подойдя къ крѣпышу, схватилъ его за ухо и потащилъ къ доскѣ.

Мальчикъ завизжалъ, какъ поросенокъ.

— „Развѣ ты не слышалъ, что я тебя вызываю“, говорилъ учитель, продолжая тащить мальчика.

— Моя фамилія Чижиковъ, а не Чижиковъ—продолжая визжать, говорилъ шалунъ.

— „Сотри съ досокъ! приказалъ учитель, выпуская побагровѣвшее ухо мальчика.

Но губки не оказалось. Дежурный по классу отправился за губкой, но не торопился возвращаться: зашелъ въ „уборную“, гдѣ просидѣлъ добрыхъ десять минутъ, и затѣмъ уже возвратился съ класснымъ служителемъ, который и стеръ картину.

Давъ просохнуть доскамъ, учитель герръ Оттонъ, еще выше засучивъ правый рукавъ форменнаго вицъ-мундира, взялъ въ руки мѣлъ и красивымъ почеркомъ написалъ на доскѣ:

Атаманъ и Ананасъ.

И весь классъ, доставъ разлинованныя тетради, громко читая нараспѣвъ, выводили каракулями слова, написанныя учителемъ чистописанія, который въ этомъ импровизованномъ хорѣ, громко пѣвшемъ, выдѣлялся пріятнымъ своимъ теноромъ.

Забилъ барабанъ. Перемѣна.

Словно спуганная стая воробьевъ, выскочили ребятишки изъ класса въ корридоръ, опережая учителя и выстроившись лицомъ къ лицу въ двѣ шеренги пропустили герра Оттона, идущаго съ гордо откинутою головою назадъ, и при этомъ мальчуганы тѣ, которыхъ учитель уже прошелъ, напѣвали: „Мозоль-вейнъ! мозоль-вейнъ, ейнъ, цвей, дрей“.

Дѣло въ томъ, что герръ Оттонъ поступилъ учителемъ чистописанія по протекціи своего отца, служившаго годовымъ мозольнымъ операторомъ у графа Гудлерберга, а братъ учителя торговалъ въ колбасной.

Второй урокъ, географіи, прошелъ при полной тишинѣ. Никому изъ шалуновъ не хотѣлось испробовать крѣпость чернаго дерева, изъ котораго была сдѣлана старая флейта, которую учитель географіи всегда приносилъ съ собою и безпощадно лупилъ незнавшаго урока.

Но тѣмъ не менѣе, тѣмъ же таинственнымъ художникомъ на доскѣ былъ нарисованъ старикъ, варящій на очагѣ въ котлѣ какое-то снадобье. Подписано было: „Вакса“.

Ребятишки замѣтили, что старикъ-учитель красилъ свои сѣдые усы и бакенбарды въ черный цвѣтъ, и рѣшили, что это возможно производить только ваксой.

Старикъ на это не обижался.

Въ 11 часовъ утра уроки на этотъ день окончились, и кадеты, получивъ и мигомъ съѣвъ по половинѣ французской булки, иногда даваемой на завтракъ, были поставлены во фронтъ, и ротный командиръ сталъ вызывать тѣхъ кадетъ, которые въ теченіе недѣли получили изъ предметовъ десять и болѣе балловъ по двѣнадцатибальной системѣ, а также и тѣхъ, кто получилъ ноль или единицы.

И первыхъ, и вторыхъ набралось достаточно. Отдѣливъ „козлицъ“, фронтомъ въ двѣ шеренги повели всѣхъ въ обѣденное зало и поставили: „прилежныхъ“ вдоль правой стѣны, а „лѣнивыхъ“ — лѣвой стѣны въ такомъ порядкѣ: кто получилъ изъ 6-ти и болѣе предметовъ вышеозначенные баллы, тѣ стояли впереди, за ними слѣдовали въ понижающейся степени.

Батальонный командиръ вздрагивающей походкой ходилъ по залу въ ожиданіи директора.

Въ одномъ концѣ зала, поперекъ ея были поставлены нѣсколько обѣденныхъ столовъ въ одинъ рядъ, и на этихъ столахъ пирамидально высились апельсины и яблоки.

Въ отворенныя настежь двери вбѣжалъ барабанщикъ, караулившій приходъ директора.

— Смирно! скомандовалъ батальонный командиръ, и фронтъ замеръ.

Вдали корридора показался директоръ со свитой, состоящей изъ инспектора классовъ, завѣдывающего хозяйствомъ, главнаго доктора и корпусныхъ офицеровъ, не занятыхъ въ этотъ день службою.

Обернувшись спиной къ „лѣнивымъ“, директоръ поздоровался съ „прилежными“: Здравствуйте, дѣти!

— Здравія желаемъ вашему превосходительству, гаркнулъ „прилежный фронтъ“.

Подойдя къ столамъ, на которыхъ были разложены фрукты, и ставъ по срединѣ, директоръ приказалъ инспектору классовъ вызывать прилежныхъ, и каждому подходящему офицеры давали по столько яблоковъ и апельсиновъ, сколько онъ получилъ хорошихъ отмѣтокъ.

Раздача фруктовъ окончилась, и вбѣжавшіе служителя быстро убрали столы; а прилежные были уведены по ротамъ.

Тотчасъ же затѣмъ изъ боковыхъ дверей выскочили два барабанщика, неся скамейку, покрытую грубой простыней, а за ними, нагибаясь подъ тяжестью охапокъ березовыхъ прутьевъ, медленно выплыли два служителя. Скамейка и розги были поставлены и разложены по срединѣ залы.

— „А! ты опять“... обратился директоръ къ одному изъ великовоз-

растныхъ кадетъ, стоящихъ въ передней шеренгѣ и умудрившемуся за недѣлю получить по круглому полю изъ шести предметовъ.

— „Ступай ложись! сказалъ директоръ, „пятьдесятъ“, добавилъ онъ, обращаясь къ батальонному командиру, и затѣмъ со свитой вышелъ изъ залы.

Приговоренный, раскачиваясь на ходу, словно онъ шѣлъ по колеблющейся палубѣ корабля во время бури, медленно подошелъ къ скамейкѣ, раздѣлся и предоставилъ въ распоряженіе начальства свою „касательную линію“.

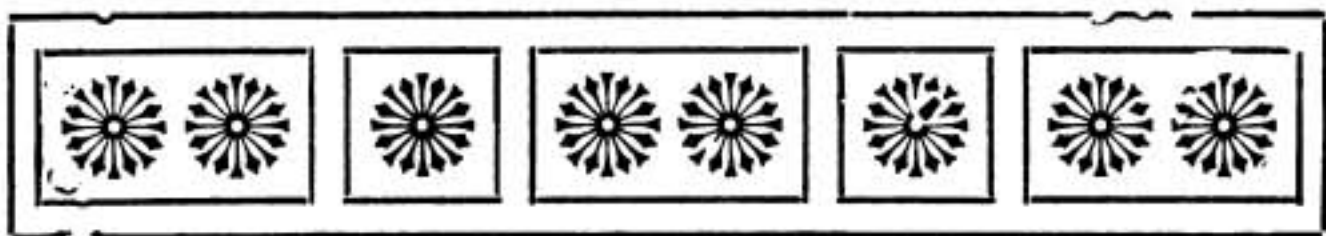
Закусивъ большой палецъ руки, во все время наказанія онъ не издалъ ни одного звука и, получивъ „полсотни“, хладнокровно одѣлся и тою же походкой возвратился на свое мѣсто во фронтъ.

Началась экзекуція и менѣе виновныхъ въ лѣности, ротные командиры увели по ротамъ и тамъ уже dokonчили по своему разумію.

Затѣмъ начались отпуска „за корпусъ“ тѣхъ воспитанниковъ, у которыхъ родные или знакомые жили въ городѣ.

Д. Перскій.

По поводу воспоминаній г. И. И. Янжула.

амѣчательныя воспоминанія г. И. И. Янжула, конечно, съ интересомъ читаются многими; но въ нихъ, по моему мнѣнiю, есть существенный недостатокъ: касаясь главнымъ образомъ людей исключительно счастливыхъ, заслужившихъ „вообще уваженіе и славу“, они окрашены розовымъ колоритомъ и потому не совсѣмъ вѣрно отражаютъ эпоху.

Между тѣмъ, на жизненномъ пути почтеннаго академика, среди его интереснаго и разнообразнаго знакомства, встрѣчались люди загадочные и очень даровитые, къ которымъ судьба отнеслась или не совсѣмъ милостиво, или уже вовсе не милостиво, люди, о которыхъ г. Янжулъ или упоминаетъ лишь вскользь, или совсѣмъ не упоминаетъ, видимо не желая печалить себя и читателей...

Единственный и очень памятный мнѣ вечеръ довелось мнѣ провести въ близкомъ мнѣ семействѣ, въ Москвѣ, съ г. Янжуломъ, который былъ извѣстенъ тогда, среди интеллигентныхъ людей столицы, какъ видный ученый и строгій профессоръ, но какъ добрый и симпатичный человѣкъ, интересный и многосторонній собесѣдникъ; былъ называемъ за глаза, и знакомыми, и незнакомыми, по имени и отчеству, Иваномъ Ивановичемъ.

На этомъ вечерѣ И. И. былъ предметомъ вниманія и слушанія.

Говорилъ И. И. о томъ, что плохая газета приноситъ большой вредъ, ежедневно принижая читателя и умственно, и нравственно, и портя его вкусъ, и что молодымъ впечатлительнымъ людямъ отъ чтенія такихъ газетъ по возможности надо воздерживаться; но что, къ сожалѣнiю, и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ совсѣмъ почти нечего читать. Изобразилъ г. Боборыкина такъ живо, наглядно, детально, что оригинальная, исключительно жизненная личность почтеннаго

беллетриста до сихъ поръ живеть у меня передъ глазами въ своемъ тогдашнемъ обликѣ. Правильно назвалъ А. Н. Пышина ученымъ, прикомандированнымъ къ литературѣ. Упомянулъ о Тургеневѣ, какъ о хорошемъ знакомомъ, который однажды, отдавая визитъ И. И. въ Лондонѣ, потрудился взобраться на шестой этажъ. Рассказывалъ о Достоевскомъ, который, при встрѣчахъ, производилъ на И. И. впечатлѣніе неблагоприятное, какъ и на многихъ: печатныя воспоминанія о знаменитомъ писателѣ отмѣчаютъ его угловатость и непонятныя странности въ обращеніи съ людьми.

Съ особенною теплотою распространился И. И. о Толстомъ, котораго засталъ, незадолго передъ тѣмъ, въ его домѣ, въ Хамовникахъ, за шитьемъ сапогъ, съ учителемъ его въ этомъ искусствѣ, какимъ-то мастеровымъ. Тогдашнія воззрѣнія Толстого И. И. считалъ близкими къ воззрѣніямъ „христіанскихъ соціалистовъ“. „Ну, Андрей, оставимъ теперь работу, ко мнѣ гость пришелъ!“—сказалъ Л. Н. учителю, здороваясь съ И. И.

Тогда уже начинались волненія среди учащейся молодежи, и на вечерѣ по этому поводу зашла рѣчь объ одномъ учебно-административномъ вопросѣ. Молодой, но уже строгій господинъ, обращаясь къ И. И., внушительно сказалъ: „Я думаю, разъ существуетъ законъ, надо его исполнять!“—„По-моему это не совсѣмъ такъ,—спокойно возразилъ И. И.,—въ Англіи до сихъ поръ еще не отмѣненъ законъ, разрѣшающій мужу вывести свою жену на рынокъ и продать!..“

Удивлены были присутствовавшіе, узнавъ, что въ Англіи существовалъ такой законъ; но конечно для всѣхъ было ясно, что законъ этотъ съ давнихъ поръ, съ глубины средневѣковья, не могъ имѣть примѣненія, такъ что не было надобности его и отмѣнять. Вѣдь и крѣпостное право никогда въ Англіи формально не отмѣнялось, но само собой исчезло безвозвратно ко временамъ Стюартовъ. Англичане не терпятъ крутыхъ и внезапныхъ перемѣнъ своего быта, не любятъ формальныхъ отмѣнъ чего-либо существующаго. Своей внутренней государственной жизни предоставляютъ они полную свободу сообразоваться съ новыми временами, съ новыми требованіями жизни, постепенно вливаться въ новыя формы быта. Мы же, наоборотъ, склонны многое въ своей жизни формально отмѣнять, формально устанавливать, не долго думая, подъ вліяніемъ вдохновенія и благородныхъ порывовъ...

Просматривая недавно старинныя наши журналы, я, къ удивленію своему, усмотрѣлъ слѣдующее извѣстіе: „Старый обычай продавать женъ еще существуетъ въ Англіи. Цѣна женъ упала въ прошедшемъ году необыкновенно: въ Эйленбургѣ мужъ взялъ за

жену менѣе трехъ рублей, а въ Манчестерѣ супругъ въ придачу къ 3 ливр. и 12 су выторговалъ только одну кружку пива („Московскій Телеграфъ“, 1825 г. № 5, стр. 85, Иностранная Извѣстія).

Я думаю, что и самъ ученый профессоръ, при всемъ своемъ знаніи англійской жизни, не подозрѣвалъ, что законъ, который, казалось, былъ большою нелѣпостью даже во времена Эдуарда Исповѣдника, благополучно осуществлялся въ цивилизованной странѣ до недавняго даже времени! У насъ до начала прошлаго вѣка продавали крѣпостныхъ по публикаціямъ въ газетахъ и недавно, въ юбилейные дни, мы съ отвращеніемъ и ужасомъ разсматривали снимки съ этихъ публикацій. Между тѣмъ въ Англій („образованная нація, мореплаватели“!) чуть не въ половинѣ девятнадцатаго вѣка мужья преспокойно и публично продавали своихъ женъ и за какую дешевую цѣну! Вѣдь при такихъ цѣнахъ на товаръ, мало-мальски состоятельный человекъ могъ закупить себѣ чужихъ женъ сколько угодно!

О продажѣ женъ среди русскаго народа нигдѣ не было слышно: ни былины, ни древнія наши отечественныя лѣтописи нигдѣ о семъ не упоминаютъ. Правда, проигралъ однажды какой-то тамбовскій казначей, въ пылу увлеченія предосудительной страстью, свою жену въ карты; но это былъ совсѣмъ исключительный случай, которому Лермонтовъ посвятилъ цѣлую поэму („Казначейша“), случай, о которомъ городъ Тамбовъ (издавна страстный игрокъ, не такъ давно весь продулся въ лото) до сихъ поръ хранитъ свѣжее преданіе—указываютъ улицу и домъ, гдѣ такое,—все-таки печальное, событіе случилось.

Много было говорено и писано объ отсталости Россіи, русскаго народа по сравненію съ западными государствами, съ западными народами.

Въ отношеніи техническихъ знаній, торговли и промышленности несомнѣнно это такъ; но въ нравственномъ, гуманитарномъ отношеніи такъ ли это и было и есть? Петръ В. былъ всецѣло подъ вліяніемъ иностранцевъ, но однако изумлялъ тогдашнихъ россиянъ своею жестокостью, и нѣтъ свѣдѣній, чтобы кто-либо изъ иностранцевъ пытался смягчить его нравъ. И послѣ Петра россияне терпѣли отъ свирѣпыхъ по существу Бирона, Остермана и Миниха. Смягченіе нравовъ въ Россіи началось со времени имп. Елизаветы—то есть тогда именно, когда получили возможность заявить о себѣ подлинныя русскіе нравы...

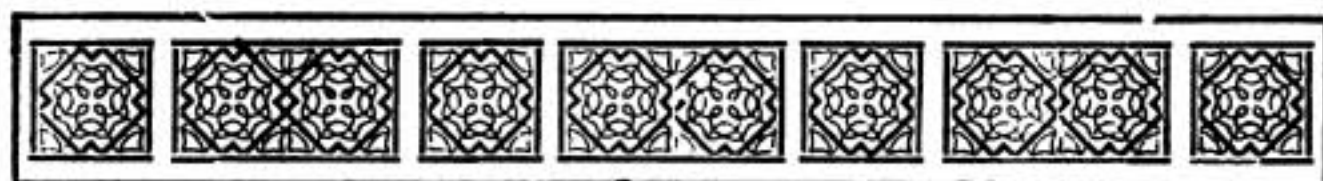
Камъ бы тамъ ни было, но о продажѣ женъ никогда въ Россіи не было слышно...

Послѣ ужина гости перешли въ гостиную; могучая фигура профессора возвышалась у рояля, и вѣяло отъ нея задушевымъ добродушнымъ русскимъ юморомъ. Строгій, аккуратный молодой человекъ былъ въ ужасѣ, что, не замѣтивъ въ оживленномъ разговорѣ времени, такъ долго засидѣлся въ гостяхъ и сталъ торопить свою супругу поскорѣе собираться домой; но молодая дама, не спуская съ И. И. своихъ прекрасныхъ глазъ, промолвила: „постой, погоди, онъ такъ хорошо говоритъ“.

Съ горестью нужно признать, что такіе, хорошо говорящіе, образованные русскіе люди уходятъ въ область прошлаго, и на смѣну имъ появляется нѣчто совсѣмъ иное...

S.

По поводу ст. „Встрѣчи и столкновенія“, Р. Сементковскаго.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ,

Въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ Р. И. Сементковскій, вспоминая о своихъ литературныхъ сношеніяхъ съ покойнымъ Маврикіемъ Осиповичемъ Вольфомъ, заявляетъ, что за заказанную подготовку для предпринятаго М. О. Вольфомъ изданія сочиненій Мицкевича на русскомъ языкѣ „Курса славянской литературы“, читанной поэтомъ въ Парижѣ и за переводъ переписки Мицкевича ему, Сементковскому, не было выдано 8 руб. 60 коп., которые Вольфъ хотѣлъ будто бы сэкономить на „бѣлыхъ мѣстахъ, окончаніяхъ главъ“ и т. п.

Сообщеніе не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Согласно двумъ условіямъ, хранящимся въ подлинникахъ въ архивахъ Товарищества М. О. Вольфъ, съ собственноручными росписками Р. И. Сементковскаго отъ 24 сентября 1882 г. и 7 января 1883 г. за выборъ и переводъ переписки Мицкевича г. Сементковскій получилъ по 30 рублей за печатный листъ въ 35.000 буквъ, за переводъ же „Курса славянской литературы“ по 20 рублей за печатный листъ, что составило въ общемъ 365 рублей, сполна уплаченныхъ г. Сементковскому. Сумма же 8 р. 60 к., упоминаемая г. Сементковскимъ, представляетъ собою переборъ, полученный г. Сементковскимъ, сверхъ условленнаго гонорара, авансомъ.

Никакихъ „пререканій“ относительно бѣлыхъ мѣстъ, окончанія главъ и т. п. между М. О. Вольфомъ и Р. И. Сементковскимъ не могло быть, такъ какъ въ условіи ясно указано, что гонораръ

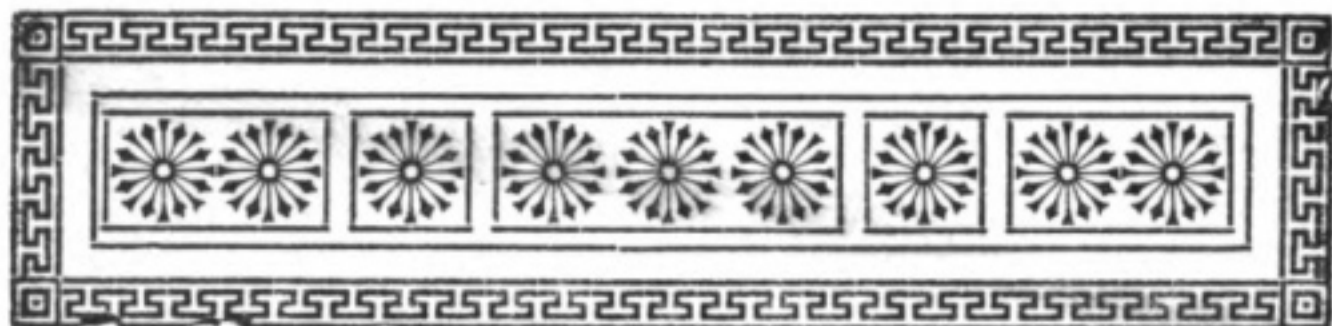
(кстати замѣтимъ по тому времени для переводовъ сравнительно высокій) былъ условленъ за листъ съ опредѣленнымъ числомъ буквъ, 35.000, и точный расчетъ въ этомъ отношеніи помѣщенъ на условіи отъ 24 сентября 1882 г.

Націоналистической выходки и заключеній о мнимыхъ бюрократическихъ ухищреніяхъ, которыя позволилъ себѣ при этомъ сдѣлать г. Сементковскій, на основаніи невѣрнаго своего соображенія, мы, конечно, касаться не будемъ.

Позвольте надѣяться, г-нъ редакторъ, что въ видахъ возстановленія истины, вы не откажете помѣстить на страницахъ Вашего журнала настоящую поправку.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности. Товарищество М. О. Вольфъ, издательское, книжное и печатное дѣло. Директоръ Правленія Л. М. Вольфъ.

Посѣщеніе Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной, 1 мая 1818 г. и Императоромъ Александромъ I, 23 августа 1823 года ¹⁾).

Въ маѣ 1818 года вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна пожелала посѣтить Ростовскій Спасо-Яковлевскій Дмитріевскій монастырь и поклониться его святымъ мощамъ ростовскихъ святителей Іакова и Дмитрія. Такъ какъ въ это время еще не былъ назначенъ новый настоятель послѣ смерти послѣдняго настоятеля, архимандрита Аполлинарія (Пуляшкина), переведеннаго въ Ростовъ изъ московскаго Златоустовскаго монастыря 9 апрѣля 1806 года и умершаго 28 апрѣля 1818 г., то московскій архіепископъ Августинъ далъ также предписаніе архимандриту московскаго ставропигіальнаго Симонова монастыря Герасиму:

„Какъ Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволить отправиться въ Ростовъ въ Іаковлевскій монастырь для поклоненія святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ, то посему именовъ Московской Синодальной конторы по случаю кончины Іаковлевскаго архимандрита предписывается Московскаго Ставропигіальнаго Симонова монастыря архимандриту и кавалеру Герасиму отправиться въ Іаковлевскій монастырь для встрѣчи и принятія Ея Величества и какимъ образомъ учреждена и произве-

---

¹⁾ По архивнымъ документамъ Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря.

дена будетъ встрѣча оной, архимандритъ имѣеть рапортовать въ Синодальную контору.

Августинъ Архіепископъ Московскій.

1818 года—мая 8 числа № 27.

Получивъ такое предписаніе, архимандритъ Герасимъ немедленно отправился въ Ростовъ и въ 7 часовъ утра 10 мая вмѣстѣ со всей монастырской братіей встрѣтилъ Государыню Императрицу, а за поѣздку изъ Троице-Сергіевой лавры въ Ростовъ и обратно получилъ 80 рублей прогонныхъ денегъ отъ казначея Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря, іеромонаха Досифея, коему и выдалъ такую росписку:

1818 года мая 10 дня во исполненіе предписанія Святѣйшаго Синода Члена Преосвященнѣйшаго Августина, Архіепископа Московскаго, издержанные на проѣздъ отъ Сергіевой лавры до Ростова на прогоны и обратно изъ Ростова до лавры, всего 80 рублей, Яковлевскаго монастыря отъ казначея іеромонаха Досифея получилъ Симонова монастыря

Архимандритъ Герасимъ.

О самой встрѣчѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны подробно донесла въ Московскую Синодальную контору братія Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря такимъ рапортомъ отъ 14 мая 1818 года за № 28, при чемъ рапортъ подписанъ тремя старшими членами монастырской братіи: казначеемъ іеромонахомъ Досифеемъ, гробовымъ іеромонахомъ Амфилохіемъ и ризничимъ іеромонахомъ Иннокентіемъ.

Въ Московскую Святѣйшаго Правительствующаго Синода контору.

Ростовскаго Яковлевскаго монастыря
монашествующей братіи

рапортъ.

Сего маія 10 числа къ несказанному обрадованію осчастливлена обитель наша Высочайшимъ посѣщеніемъ Ея Императорскаго Величества Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Того числа въ 6 часовъ утра по предварительному приказанію начался благовѣстъ въ этой обители и продолжался до самаго прибытія Ея Величества, которое и послѣдовало при звонѣ начатомъ въ обители и всего града выходѣ 7-го часа слѣдующимъ порядкомъ:

во святыхъ воротахъ Всемиловѣйшая посѣтительница встрѣчена была московскаго ставропигіальнаго Симонова монастыря архимандритомъ и кавалеромъ Герасимомъ обще тоя обители съ братією въ самолучшемъ облаченіи со святымъ крестомъ и священою водою. Отъ коихъ вратъ и началось шествіе Ея Величества по устланномъ ковромъ и сукнамъ въ соборную церковь, гдѣ почиваютъ мощи угодниковъ Божіихъ святителей Іакова и Дмитрія, чудотворцевъ Ростовскихъ. По прибытіи въ оную церковь, началась Божественная литургія, кою совершалъ упомянутый архимандритъ и кавалеръ Герасимъ соборне съ братією тоя обители. По окончаніи Божественныя литургіи изволили Ея Императорское Величество съ тоекратнымъ поклоненіемъ прикладываться къ мѣстнымъ святымъ иконамъ Спасителя и Божіей Матери, также къ святымъ мощамъ обоихъ угодниковъ Іакова и Дмитрія, и къ частямъ святыхъ мощей преподобномучениковъ Сергія, Іоанна и Патрікія, въ обители святого Саввы убіенныхъ отъ Срацынъ, потомъ обоимъ святителямъ при мощахъ чудотворца Дмитрія отпѣтъ былъ соборне молебень тѣмъ же архимандритомъ и кавалеромъ со всею обители тоя братією съ провозглашеніемъ многолѣтія всему Августѣйшему дому съ колокольнымъ звономъ, при семъ онъ же архимандритъ поднесъ Ея Величеству къ тому случаю нарочно приготовленную икону въ оправѣ сребро-позлащенной святителя Дмитрія, потомъ и вся свита Ея Величества благословляема была иконами святителя. По отправленіи молебна Ея Величество съ таковымъ же тоекратнымъ поклоненіемъ изволила прикладываться къ близъ стоящимъ святыхъ мощей чудотворца Дмитрія бывшимъ келейнымъ его иконамъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія и Боголюбскія. По поклоненіи онымъ старшаго тоя обители гробоваго іеромонаха Амфилохія жаловала къ рукъ и много съ нимъ разговаривать изволила и весьма ему похвалила какъ внѣшнее, такъ и внутреннее сего храма прекрасное благолѣпіе, потомъ онъ іеромонахъ былъ удостоенъ отъ Ея Величества высочайшаго всемиловѣйшаго приглашенія во дворецъ Ея Величества, что предъ обѣденнымъ столомъ тѣмъ іеромонахомъ всеподданнѣйше и было исполнено. Послѣ Ея Величество изволила шествовать въ теплую церковь святителя Іакова, въ которой на разныхъ столахъ приуготовлена была ризница той обители ризничимъ порядкомъ сперва царская, а потомъ разныхъ благотворителей тоя обители покровы и ризы, тамъ же на особомъ столѣ приуготовлены были вещи: 1) святая митра чудотворца Дмитрія, изъ одной шелковой матеріи состоящая и нимало не истлѣвшая, бывшая въ землѣ 42 года. 2) святой убрусецъ, или платъ бѣлаго полотна съ шитьемъ по угламъ, бывшій при жизни въ собственномъ употреб-

леніи сего святителя Божія. 3) Книга первыхъ выходовъ печати Кіевской минеи четьихъ часть мартъ, апрѣль и маія собственной рукою святителя по первымъ листамъ подписанная, когда онъ еще былъ архимандритомъ, также книга, писанная уставомъ полной службы и чудесъ Гурія и Варсонофія чудотворцевъ казанскихъ, вся поправленная рукою святителя. На всѣ оныя священные предметы Ея Величество первое и особенное имѣла вниманіе: на митру святителя довольно изволила смотрѣть и съ высочайшимъ своимъ благоговѣніемъ къ оной приложиться. На убрусецъ также съ большимъ уваженіемъ долго смотрѣли, сама оной своею особою разгибала и паки своею Императорскою особою его сложить изволила; что жъ касается до двухъ книгъ, то въ оныхъ подписи и многіе во второй книгѣ состоящіе поправки руки святителя Дмитрія съ высочайшимъ своимъ вниманіемъ и удовольствіемъ своею августѣйшею особою прочитывать изволила. По осмотрѣ и сей ризницы изволила шествовать въ новую святителя Дмитрія церковь, устроенную иждивеніемъ покойнаго графа Николая Петровича Шереметева, архитектуру и все внутреннее и наружное благолѣпіе внимательно изволила разсматривать, сравнивала съ соборнымъ храмомъ Свято-Троицкія Александро-Невскія лавры и, наконецъ, всей оной церкви устройство изволила всеавгустѣйшаго своего одобренія. Изъ коей при выходѣ вся монашествующая братія той обители всемилостивѣйше жалованы къ рукѣ Ея Величества, потомъ всеавгустѣйшая посѣтительница показаннымъ архимандритомъ и со всею братією при собраніи многочисленнаго народа съ крестомъ и священою водою провождаема была черезъ святыя ворота до самой кареты, предъ вшествіемъ въ карету Ея Величество оному архимандриту и монашествующей братіи и всему народу благоволила изъявить высокомонаршее свое благоволеніе.

По отбытіи Ея Величества присланъ былъ нарочно чиновникъ для приглашенія упомянутаго архимандрита и кавалера Герасима къ обѣденному столу. И наконецъ въ тотъ же день въ 2 часа по полудни всемилостивѣйшая Государыня изволила отбыть обратно въ царствующій градъ Москву; по отбытіи отъ лица Ея Величества нашею братією чрезъ ростовскаго купца Ѳедора Борисовича Мясникова всемилостивѣйше пожаловано 1.000 рублей, о чемъ московская Святѣйшаго Правительствующаго Синода контора симъ благопочтеннѣйше рапортуетъ.

Казначей Іеромонахъ Доснѣей.
Гробовой Іеромонахъ Амфилохій.
Ризничій Іеромонахъ Иннокентій.

Маія 14 дня
1818 года
№ 28.

Черезъ пять лѣтъ эту же обитель посѣтилъ и августѣйшій сынъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Императоръ Александръ I. Въ это время настоятелемъ Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря былъ знаменитый подвижникъ и проповѣдникъ, архимандритъ Иннокентій, родной племянникъ не менѣ знаменитаго другого ростовскаго подвижника, гробового іеромонаха Амфилохія. Со всею монастырскою братією архимандритъ Иннокентій весьма торжественно встрѣтилъ Императора Александра I, привѣтствовалъ его краткою рѣчью у святыхъ воротъ обители, соборне съ братією монастыря совершилъ Божественную литургію и послѣ нея молебенъ ростовскимъ святителямъ Іакову и Дмитрію. Императору такъ понравилась эта встрѣча, что послѣ обѣдни посѣтилъ келью настоятеля монастыря, архимандрита Иннокентія, разспрашивалъ о монастырѣ и его исторіи, откушалъ монастырской хлѣбасоли и въ тотъ же день вторично посѣтилъ обитель, молился въ ней, осмотрѣлъ всѣ ея святыни и достопримѣчательности и побывалъ въ келіи гробового монаха Амфилохія. На другой день отъ архимандрита Иннокентія привялъ хлѣбъ-соль у себя во дворцѣ. Обо всемъ этомъ архимандритъ Иннокентій рапортами донесъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и въ Московскую Синодальную контору. Оба рапорта сходны между собой по своему содержанию, и первый рапортъ отправленъ 24 августа 1823 года за № 83, а второй 28 августа того же года за № 84. Содержаніе рапортовъ таково:

Въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

Ростовскаго Яковлевскаго Монастыря

Архимандрита Иннокентія

рапортъ.

Сего 23-е числа здѣшняя обитель имѣла счастье удостоиться Высочайшаго посѣщенія Его Величества всемилостивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича. Августѣйшій монархъ проѣздомъ отъ Ярославля въ Москву благоволилъ по пути сперва посѣтить Ростовскій соборъ, а потомъ изъ онаго прибыть въ $\frac{1}{2}$ 11-го часа утра въ сей монастырь за литургією. Его Императорское Величество встрѣченъ былъ мною съ братією у святыхъ монастырскихъ вратъ въ наилучшемъ полномъ ризничномъ облаченіи со святымъ крестомъ, хоругвями, запрестольными иконами, освященною водою, свѣщами и кадилами, при колокольномъ звонѣ, и когда благоволилъ приложиться ко святому кресту и принять окропле-

ніе священною водою, привѣтствованъ былъ мною краткою рѣчью, потомъ изволилъ шествовать въ церковь предъидущимъ всѣмъ намъ при кропленіи святою водою пути, устланнаго сукнами и коврами, при пѣніи тропаря святителю Дмитрію и святому кресту. По входѣ въ оную я по прочтеніи обычнаго ектенія провозглашено было Его Величеству и всей Августѣйшей фамиліи многолѣтіе, послѣ чего Государь Императоръ приказалъ начинать литургію съ изъясненіемъ таковымъ, что къ святымъ иконамъ и мощамъ будетъ прикладываться послѣ литургіи, которая и начата была мною немедленно и совершена соборно; по окончаніи оной Его Величество паки приложились ко святому кресту, изволилъ прикладываться ко святымъ иконамъ и мощамъ святителей Іакова и Дмитрія съ троекратнымъ поклоненіемъ до земли, при чемъ поднесена Его Величеству мною отъ гроба святителя Дмитрія икона обоихъ святителей, по принятіи коей и цѣлованіи благоволилъ удостоить Высочайшимъ Своимъ посѣщеніемъ настоятельскія келіи, въ кои сопровождаемъ былъ мною съ братією со святымъ крестомъ въ томъ же облаченіи, при колокольномъ звонѣ, гдѣ паки провозглашено было всей Августѣйшей фамиліи многолѣтіе, и довольное время присутствуя въ оныхъ, изволили разспрашивать о началѣ и состояніи обители и въ изъясненіе своего благоволенія вкусить изволилъ отъ предложенія монастырскихъ яствъ и питія и потомъ отправиться въ приуготовленный въ городѣ дворецъ, сопровождаемъ будучи до святыхъ вратъ монастырскихъ таковымъ же порядкомъ, какъ и встрѣченъ былъ; по возвращеніи нашемъ въ церковь принесено было Господу Богу соборно о здравіи Его Величества и всей августѣйшей фамиліи благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и колокольнымъ звономъ, послѣ чего въ 5 часовъ по полудни по требованію чрезъ нарочно присланнаго отъ Государя Императора имѣлъ я счастье представляться Его Величеству во дворцѣ, гдѣ Его Величество между прочимъ изволилъ изъяснить волю свою быть въ 7 часовъ вечера паки въ обители сей для слушанія молебна, повелѣвъ при томъ, чтобы никакой при томъ церемоніальной встрѣчи и народнаго собранія не было. По прибытіи Его Величества въ назначенное время въ сію обитель, немедленно былъ совершенъ мною соборно со всею братією молебенъ святителю Дмитрію съ приложеніемъ многолѣтія Его Величеству и всей августѣйшей фамиліи, по окончаніи коего Государь Императоръ еще изволилъ прикладываться къ святымъ мощамъ обоихъ святителей съ троекратнымъ же до земли поклоненіемъ и потомъ посѣтить монастырскую ризницу и смотрѣть достопамятныя вещи и вклады, какъ Августѣйшихъ предковъ своихъ, такъ и другихъ знамени-

тыхъ лицъ, изъяви при томъ Высочайшую волю свою на присланіе новой ризницы для полнаго соборнаго служенія.

Послѣ сего изволилъ осматривать новоустроенную на коштъ покойнаго графа Николая Петровича Шереметева церковь во имя святителя Димитрія и наконецъ благоволилъ удостоить монаршимъ посѣщеніемъ своимъ келью гробового старца іеромонаха Амфилохія, а потомъ въ 9-мъ часу и изволилъ отправиться во дворецъ. На другой день поутру имѣлъ я смѣлость при отбытіи Его Величества поднести отъ обители нашей въ знакъ благодарности за милостивѣйшее монаршее посѣщеніе хлѣбъ и соль, что Его Величествомъ принято весьма благовольтельно. По отбытіи же Его Величества въ 7-мъ часу утра изъ Ростова паки мною съ братією отправлено было по литургіи благодарственное Господу Богу молебствіе со звономъ, о чемъ Святѣйшему Правительствующему Синоду симъ во извѣстіе всепокорнѣйше доношу.

Вашего Святѣйшества всенижайшій послушникъ Яковлевскаго монастыря

Архимандритъ Иннокентій.

Августа 24-го дня
1823 года
№ 83.

Точно такого же содержанія рапортъ отправленъ въ Московскую Синодальную Контору 28 августа 1823 года за № 84.

Кромѣ того, архимандритъ Иннокентій послалъ описаніе Высочайшаго посѣщенія Императоромъ Александромъ I ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“ при своемъ отношеніи такого содержанія:

Императорскаго Московскаго Почтамта въ Газетную Экспедицію.

№ 96. Ставропигіального Ростовскаго Яковлевскаго монастыря отъ архимандрита Иннокентія.

Препровождая при семъ описаніе Высочайшаго Его Императорскаго Величества посѣщенія показанной обители, прошу Газетную Экспедицію напечатать оное въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за прилагаемыя у сего деньги 25 рублей ассигнаціею 1818 года за № 4390054-мъ съ тѣмъ, есть ли оныхъ не будетъ достаточно, то по требованію имѣю дополнить. Сентября 23 дня 1823 года. Но Газетная Экспедиція небрежно исполнила просьбу архимандрита Иннокентія, и потому онъ вторично ей написалъ такого содержанія отношеніе:

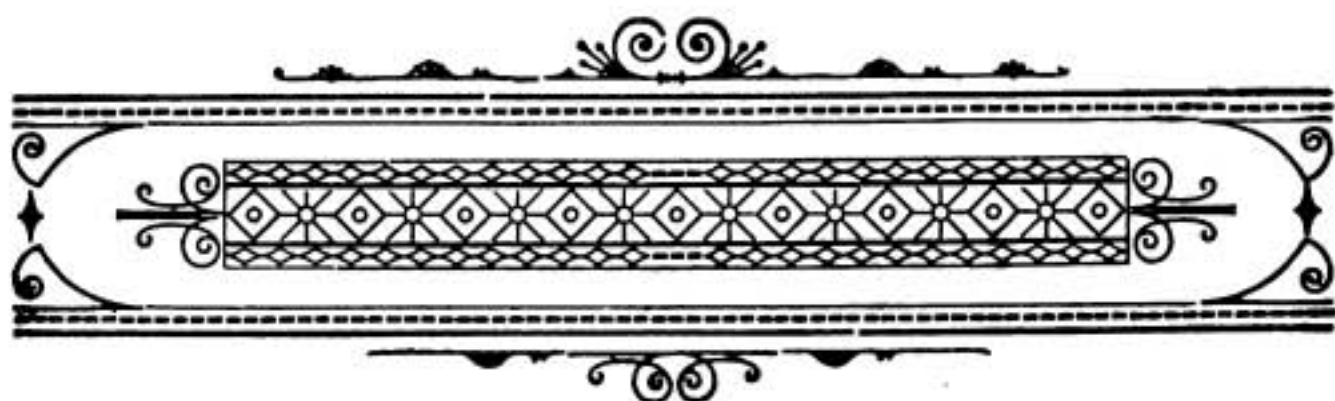
Поелику въ статьѣ, напечатанной въ 82 № „Московскихъ Вѣдомостей“ о посѣщеніи Его Величества Государя Императора 23 августа обители здѣшнія, не помѣщены самыя нужныя началь-

ныя рѣчи: изъ Ростовскаго Ставропигіальнаго Яковлевскаго монастыря, но сказано только изъ Ростова, а какую именно обитель Государь благоволилъ посѣтить, то умолчано, ибо въ Ростовѣ обители многи, и потому Газетную Экспедицію прошу въ слѣдующій № слова оныя припомнить. Октября 16 дня 1823 года. № 102.

Вещественными памятниками посѣщенія Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря являются въ ризницѣ его дары Императора Александра I: драгоцѣнный наперсный крестъ съ аметистами и брилліантами, пожалованный гробовому іеромонаху Амфилохію, и облаченія для полнаго соборнаго служенія изъ тяжелой бѣлой парчи съ затканными золотыми и зелеными цвѣтами, пять священническихъ фелоней съ эпитрахильяли, палицей, набедренниками, поясами и поручами и столько же діаконскихъ стихарей съ орарями и поручами.

Н. Лашковъ.

Къ характеристикѣ патріарха Гермогена¹⁾.

(Къ 300-лѣтію его кончины).

Въ исторической жизни народовъ есть эпохи, отмѣченныя особымъ подъемомъ національнаго чувства, торжествомъ народныхъ идеаловъ. Эти эпохи ознаменованы обыкновенно борьбой за самобытность націи, за ея свободное самоопредѣленіе, какъ живого органа человѣчества, какъ проявленіе индивидуальной исторической личности. Таковы греко-персидскія и пуническія войны, крестовые походы, столѣтняя война, гусситское и казацкія движенія XV—XVII вѣковъ.

Въ эти моменты духовнаго подъема націй историки наблюдаютъ нѣкоторыя общія явленія. Прежде всего, движеніе идетъ снизу, изъ темныхъ нѣдръ народности, обыкновенно стоящихъ внѣ активной исторической жизни. Боевая способность сохраненія накопленнаго вѣками обнаруживается съ особенной силой въ тѣ историческіе моменты, когда духовное богатство, собранное такъ старательно предками, подвергается опасности со стороны чужеземцевъ пришельцевъ-хищниковъ. Тогда во всей силѣ обнаруживаются могучіе задатки, лежащіе въ основѣ народности, обуславливающіе ея стойкость, жизненность и духовную мощь. Встаютъ самоотверженные Гуссы, Жижики, Иеронимы Пражскіе, Жанна д'Аркъ, Богданы Хмельницкіе, Минины и Пожарскіе. Какъ старые крестоносцы, рыцари добраго духовнаго подвига, какъ древніе Мильтіады и Темистоклы, они становятся во главѣ неорганизованныхъ народ-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ Виленской 1-й гимназій 19 февраля 1912 г.

ныхъ массъ, и совершается нѣкоторое подобіе того, что мы съ полнымъ правомъ могли бы назвать чудомъ въ исторіи. Нарушается въ силу какихъ-то темныхъ, неизвѣданныхъ, причинъ правильный планомѣрный ходъ исторической жизни, на время какъ бы меркнетъ сила ума, прочность культуры, слабѣетъ установившійся укладъ государственной жизни передъ новыми грозными боевыми движеніями, которыя, однако, таятъ въ себѣ зародыши болѣе широкой исторической жизни. Можно сказать, что побѣждаетъ въ тяжелой роковой судьбѣ не умъ, не искусство, а энергія, сила воли, горячая преданность устоямъ народности. Передъ толпами вдохновенныхъ гусситовъ съ ихъ грознымъ народнымъ гимномъ въ ужасѣ разбѣгались огромныя стройныя рыцарскія ополченія, передъ дѣвой-крестьянкой во главѣ небольшого французскаго отряда отступаетъ испытанное въ бояхъ англійское войско, передъ рядами степняковъ-украинцевъ чувствуетъ себя слабымъ гордое войско Рѣчи Посполитой.

Этотъ подъемъ народнаго духа самъ по себѣ заслуживаетъ вниманія историка, но онъ особенно поучителенъ тамъ, гдѣ эта борьба затягивается, гдѣ приводятся въ движеніе силы обширной государственной территоріи, гдѣ подвергается опасности вѣковое государственное и народное строительство. Подобное явленіе наблюдается въ русской исторіи въ самомъ началѣ XVII вѣка въ эпоху такъ называемаго смутнаго времени, мѣтко названнаго русскимъ народомъ лихолѣтьемъ.

Эти годы кажущагося распада сѣверной великорусской народности, съ удивительной настойчивостью объединенной въ одно государственное цѣлое отдаленными потомками Іоанна Калиты, знаменательны, какъ поворотный моментъ въ исторіи нашего отечества. Они выносятъ наружу, на свѣтъ историческаго сознанія скрытые источники мощи, которымъ суждено было проявиться въ завидномъ блескѣ, въ теченіе послѣдующихъ двухъ съ половиною вѣковъ, вызвать къ жизни царя-преобразователя, Екатерину II съ ея завоеваніями, время Александра I, съ широкими задачами европейской политики, самобытную культуру, въ которой счастливо сочетались широкія вліянія европеизма и исконныя славянскія начала. Историки и писатели художники съ одинаковымъ интересомъ останавливаются на трудной годинѣ русской жизни, на историческомъ испытаніи, постигшемъ неокрѣпшее еще государство. Они слѣдятъ за тѣми проявленіями исторической жизни, въ которыхъ обнаруживаются поучительныя и наиболѣе цѣнныя свойства русскаго духа. Личности Ляпунова, Скопина-Шуйскаго, Діонисія и Палицына, Минина и Пожарскаго прекрасно характеризуютъ это время. „Раз-

громъ войны, пожары деревень, житье безъ крова, ночи безъ ночлега—вотъ какими чертами изображаетъ тяжелую годину лихолѣтя нашъ историческій драматургъ. Облитая кровью, усѣянная костями своихъ сыновъ по всему широкому простору, русская земля алкала своего избавителя. Этимъ избавителемъ явился русскій народъ и его скромные духовные вожди, люди глубокой, чистой вѣры, смиренія, безкорыстнаго подвига.

Свыше пятивѣковое духовное развитіе въ тиши монастырей, этихъ свѣточей религіозной культуры, въ простотѣ патриархальнаго уклада жизни наложило свой отпечатокъ на личность и судьбы великоросса, отдѣливъ его отъ южныхъ и западныхъ соплеменниковъ. Созданіе національнаго идеала, въ которомъ сочетаются начала религіозныя и государственныя, есть первый прочный камень самобытной культуры, которая дала первенство великороссу среди остальныхъ отраслей славянства и высоко поставила его въ міровой семьѣ народовъ, съ его полной цѣннхъ элементовъ грядущею литературой, въ его своеобразномъ искусствѣ, живыхъ сердечныхъ отзвукахъ собственной души и окружающаго міра. Беречь, лелѣять и хранить эти основные завѣты была призвана старая Нестеровская Русь съ ея духовными вождями. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ патриархъ Гермогенъ. Въ немъ, „начальномъ человѣкѣ“ родной земли, въ тяжелое, безгосударное время, воплотились лучшіе завѣты нашей старины. Глубоко религіозный съ оттѣнкомъ нетерпимости, нравственно-стойкій, напоминавшій по складу личности лучшихъ представителей русской духовной жизни въ лицѣ Θεодосія Печерскаго и выдающихся московскихъ митрополитовъ Петра, Алексѣя и Филиппа, онъ былъ проникнутъ тѣми стремленіями древнерусскаго идеализма, которыя сдѣлали его центральной личностью эпохи. Не на широкой аренѣ государственности отстаивалъ онъ родную народность. Въ смятенной Москвѣ, готовой сплотиться отъ послѣдняго представителя государственной власти, слабого Василя Шуйскаго, въ тѣсномъ заключеніи, во время столь же слабой семибоярщины, среди раздиравшихъ страну междоусобій, передъ которыми меркнуть смуты удѣльной системы, этотъ самоотверженный, убѣжденный мужъ неустрашимо берегъ и охранялъ наиболее дорогіе завѣты родной земли. По благословенію святѣйшаго патриарха велись переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ объ умиротвореніи русской земли, по благословенію того же Гермогена вставали на защиту родной земли сѣверные города. Его дышавшія пламенной любовью къ родинѣ и вѣрѣ призывныя грамоты читались въ городахъ верхняго Поволжья и Понизовья, въ Вологдѣ и Тотъмѣ, Устюгѣ и Перми, въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири.

Гермогенъ явился для русскихъ людей лихолѣтя эмблемой объединенія родной земли, тѣмъ крѣпкимъ началомъ государственности, которое явилось созидательнымъ элементомъ и въ выработкѣ племенныхъ особенностей великорусса и въ многолѣтней его борьбѣ за преобладаніе на Востокѣ. Нельзя видѣть въ Гермогенѣ исключительно защитника вѣры. Нужно вспомнить значеніе, которое имѣли московскіе митрополиты еще до сверженія татарскаго ига, когда государственное начало не достигло высоты самоопредѣленія, даннаго ему правленіемъ Василія III и обоихъ Іоанновъ. Эпоха Грознаго, оставившая яркій слѣдъ въ народной литературѣ, должна быть разсматриваема, какъ завершеніе вѣкового государственнаго строительства. Завоеванія царя на Востокѣ, распространеніе русскаго владычества за Каменнымъ поясомъ въ отдаленной Сибири, твердый оплотъ на западѣ по линіи Пскова, Смоленска и сѣверскихъ городовъ знаменовали территоріальное единство русской земли. Въ связи съ этимъ создается и крѣпнетъ теорія не только общерусскаго, но и, такъ сказать, вселенскаго значенія Московскаго государста, идея третьяго Рима, создавшаяся на религіозно-исторической почвѣ. Представители духовенства были ближайшими и наиболѣе ревностными поборниками этихъ воззрѣній, въ которыхъ византійскіе элементы сочетались съ національно-русскими. Теорія придавала устойчивость борьбѣ; она объединяла и усиливала значеніе тѣхъ внѣшнихъ побужденій самообороны, которыми богаты страницы смутнаго времени. Не только за неприкосновенность вѣры, но и за единство земли боролись представители духовнаго сословія, наравнѣ съ земскими людьми, горожанами, купцами и міромъ чернаго крестьянства. Эти устои народности нашли себѣ вождя въ патриархѣ. Для всего русскаго сѣвера, какъ и для Троицкой лавры, явившейся не только религіознымъ, но и политическимъ центромъ этой народной борьбы, авторитетный голосъ Гермогена будилъ наиболѣе живыя и устойчивыя стремленія народности. И Гермогенъ въ этомъ отношеніи стоялъ на завидной исторической высотѣ. Онъ вписалъ свое имя въ почетный мартирологъ борцовъ и страдальцевъ за родную землю. Онъ былъ твердъ предъ лицомъ смерти, не страшился угрозъ, не шелъ на компромиссы, оставаясь вѣренъ долгу печальника земли и пастыря. Историки единогласно отмѣчаютъ высоту его нравственной личности. Соловьевъ говоритъ, что „патриархъ былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ, готовый страдать за свои убѣжденія, за правду и неприкосновенность ввѣреннаго ему дѣла; такимъ образомъ патриархъ по природѣ своей былъ совершенно въ уровень своему высокому положенію въ бурное смутное время“. Онъ же называетъ Гермогена блюстителемъ вѣры.

Костомаровъ отмѣчаетъ въ патріархѣ „суровый и дѣятельный характеръ“; по словамъ этого историка Гермогенъ „былъ человекъ прямой, честный, непоколебимый, свято служившій своимъ убѣжденіямъ, а не личнымъ цѣлямъ“. Последнія для него не существовали вовсе. Вся жизнь этого народнаго бойца, этого богатыря духа была направлена къ благу родины. Его ранніе годы жизни неизвѣстны. Исторія застаётъ его казанскимъ митрополитомъ. Здѣсь Гермогенъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы сохранить въ чистотѣ лучшіе завѣты православія среди пестраго инородческаго населенія. Въ немъ проявляется необходимая твердость и проницательность. Казань была крайнимъ пунктомъ сѣверо-востока, откуда должно было шириться и крѣпнуть русское вліяніе на отдаленныя окраины Приуралья и сосѣдней Сибири. Потомъ мы видимъ Гермогена въ Москвѣ, въ короткое царствованіе перваго Дмитрія, видимъ защитникомъ народности и вѣры. Онъ вмѣстѣ съ немногими іерархами и духовными лицами поднялъ голосъ противъ двусмысленнаго въ религіозномъ отношеніи поведенія жены перваго самозванца Марины Мнишекъ. Суровый блюститель благочестія былъ сосланъ въ свою епархію. Уже и тогда авторитетъ его былъ такъ великъ, что Гермогенъ былъ избранъ патріархомъ, въ началѣ царствованія Василя Шуйскаго. Отнынѣ начинается его роль, какъ защитника государственнаго строя, радѣльца за единство и безопасность родной земли. Избраніе на царство Василя Шуйскаго нельзя было признать удачнымъ. Эта историческая личность нашла себѣ оцѣнку и на страницахъ современныхъ ей источниковъ, и въ научной исторіографіи, и въ художественной литературѣ. Всѣ сходятся въ томъ, что это былъ человекъ дюжинный, бояринъ до мозга костей, личность стараго закала, недовѣрчивая и подозрительная. Естественно, что прямой и открытый характеръ патріарха не могъ прійтись по нраву новому царю, а патріархъ не любилъ царя, говорилъ ему въ глаза правду. Духъ дѣятельный, человекъ долга и нравственной инициативы, Гермогенъ не могъ идти окольными путями, не могъ выжидать благопріятнаго исхода событій, какъ это дѣлалъ Шуйскій. Но въ Шуйскомъ Гермогенъ уважалъ представителя царской власти, видѣлъ въ немъ тотъ стягъ, возлѣ котораго въ годину общественныхъ бѣдъ и государственной разрухи могли соединиться вѣрные государству и народности элементы. И во все время короткаго, но бурнаго царствованія Василя патріархъ былъ его вѣрнымъ союзникомъ, защитникомъ значенія Москвы, которая, по его выраженію, „всегда указывала всѣмъ городамъ“. Гермогену обязанъ Шуйскій и извѣстною продолжительностью своего царствованія. Патріархъ умѣлъ давать отпоръ крамолѣ, за-

говорамъ, лишая ихъ необходимой народной поддержки. Двусмысленная рѣчь Шуйскаго въ отношеніи его славнаго и даровитаго племянника, его неумѣнье сойтись съ лучшимъ человѣкомъ земли Ляпуновымъ подготовило его паденіе, котораго не могъ уже предотвратить и авторитетъ Гермогена. Послѣ низложенія Шуйскаго начинается самый тяжелый періодъ лихолѣтья.

Поднимаютъ голову антигосударственные элементы, олицетворяемые многочисленной и буйной казацкой вольницей, терзаютъ родную землю разные Сапѣги и Лисовскіе, угрожаютъ цѣлости государства недавніе союзники шведы, надвигается съ запада многочисленное войско Сигизмунда; трагизмъ эпохи выражается тяжелой борьбой подъ стѣнами Смоленска, этого западнаго оплота русской земли. И въ это тяжелое время, которое современный лѣтописецъ считаетъ чѣмъ-то въ родѣ апокалипсическихъ ужасовъ, лютымъ временемъ Божія гнѣва, какого не бывало отъ сотворенія міра, Гермогенъ одинъ стоялъ на стражѣ народныхъ интересовъ. Чуть не вся русская земля опустѣла, по краснорѣчивому свидѣтельству лѣтописца.

Но патриархъ вѣрилъ въ силы родного народа. По его призыву поднялось первое освободительное движеніе.

Ему предшествовала глухая борьба Гермогена съ поляками и ихъ русскими приверженцами въ родѣ извѣстнаго противника патриарха Михайлы Салтыкова, пріобрѣвшаго извѣстность человѣка, проклятаго патриархомъ за измѣну.

Стойкость Гермогена въ отстаиваніи интересовъ родины, въ вопросѣ объ избраніи на царство Владислава показываетъ его принципиальность и пониманіе государственныхъ интересовъ, особенно если мы вспомнимъ современную намъ Болгарію, гдѣ вопросъ о вѣроисповѣданіи главы государства является одной изъ основныхъ статей конституціи. Гермогенъ продолжалъ въ стѣнахъ Москвы борьбу съ боярствомъ, забывшимъ объ интересахъ родной земли. Онъ взывалъ къ гуманности и христіанскимъ чувствамъ фанатическаго Сигизмунда III, этого Филиппа II славянщины, во имя мира и національнаго чувства „неисчетныхъ“ народовъ, населявшихъ восточныя отъ Польши земли. Но главная вѣра его была въ народныя силы. „Сѣмя народнаго возстанія, брошенное рукою доблестнаго патриарха, разрослось“, говоритъ историкъ смутнаго времени. Изъ своей московской темницы въ Чудовомъ монастырѣ Гермогенъ благословлялъ подвиги Ляпунова. Еще раньше патриархъ проявилъ необыкновенную твердость и стойкость въ оборонѣ интересовъ государства. Его знаменитая слова, сказанныя Салтыкову 5 декабря 1610 г. и въ мартѣ 1611 года, облетѣли русскую

землю и стали достояніемъ исторіи. „Вы мнѣ обѣщаете злую смерть, говорилъ страдалецъ боярамъ, а я надѣюсь черезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду“. Его смерть, предполагають, отъ голода, не дала ему возможности видѣть торжество ополченія Минина и Пожарскаго, но духъ благороднаго страдальца за родную землю былъ съ этими людьми. Во имя блага земли могъ примириться въ трудную годину и съ врагами Гермогенъ, если видѣлъ съ ихъ стороны желаніе быть справедливыми въ отношеніи ея интересовъ. Это снимаетъ съ него обвиненіе въ узкомъ націонализмѣ, которое налагають на него односторонніе и пристрастные польскіе историки, современные и новѣйшіе. Свѣтлый умъ, нравственная стойкость и пламенная любовь къ родной землѣ дали ему силу довести до конца свой подвигъ, умереть спокойно, сохранивъ вѣру въ неумирающую мощь и историческую живучесть родного народа.

Въ памяти современниковъ образъ Гермогена стоялъ высоко „Патріархъ Гермогенъ, говоритъ историкъ Соловьевъ, вообще является въ лучезарномъ блескѣ, а самый блескъ этотъ препятствуетъ различать отдѣльныя черты въ образѣ; только предатель-хронографъ нашептываетъ слова, нарушающія общее впечатлѣніе“. Съ этимъ отзывомъ наиболѣе объективнаго и серьезнаго изъ нашихъ выдающихся историковъ необходимо считаться. Даже незначительные для такой выдающейся личности слабости и диссонансы разсматриваются у Соловьева, какъ черты, облекающія нѣкоторой дымкой этотъ чистый и незапятнанный образъ. Но и самыя указанія хронографа важны для насъ; они отмѣчаютъ неизбѣжныя для всякаго историческаго дѣятеля препоны чисто личнаго характера, не дававшія возможности недюжиннымъ силамъ развернуться во всей полнотѣ и блескѣ. Мы не должны забывать, въ какую трудную эпоху пришлось дѣйствовать Гермогену. У всѣхъ людей смутнаго времени, кромѣ развѣ одного Скопина-Шуйскаго, были эти тѣневныя стороны; отъ нихъ не свободны ни Ляпуновъ, ни Пожарскій, ни Палицынъ, лучшіе люди лихолѣтя. Отъ неизмѣримо большихъ слабостей и дефектовъ не свободны такіе богатыри русскаго духа, какъ Никонъ и Петръ Великій. Въ свѣтлой и чистой личности Гермогена эти незначительныя слабости, имѣющія отношеніе преимущественно къ умѣнью различать людей, поддаваться вліянію окружающихъ, съ почетомъ заслоняются высокими душевными свойствами, безстрашіемъ, чувствомъ долга, пламенною любовью къ родинѣ. Эти высшія свойства даютъ Гермогену почетное мѣсто на страницахъ нашей исторіи. Пути, по которымъ шелъ Гермогенъ, привели къ торжеству народности и обезпечили ей широкое и сво-

бодное развитіе. И для послѣдующихъ русскихъ поколѣній, доколѣ живы русское чувство и русское слово, величавый, осѣненный ореоломъ страданія, образъ патріарха Гермогена будетъ лучшимъ за вѣтомъ старой допетровской Руси, призывающимъ къ бодрой работѣ для блага родной земли въ годину государственныхъ и общественныхъ неурядицъ.

Адр. Круковскій.

Отцу бить сына плетью (1680 г.).

Государю преосвященному Симону, архиепископу Вологодцкому и Белоозерскому, бьетъ челомъ царьской и твой святительской богомолецъ твоей святительской вотчины Леского волоку вдовой попъ Михайло. Жалоба, государь, мнѣ на сына своего, на Николаевского попа Диомида. Родилъ ево, сына своего, и поилъ, и кормилъ, и отъ грамотного учения і въ земляной распашке і въ дворовом строенъе животишка свої истощилъ, и устарѣлъ и въ монастырѣ, государь, ни в какую службу не гожусь. А тотъ сынъ мой тобою, государемъ, благословленъ и поставленъ на мое мѣсто в попы и нажитками своими я ево наделилъ, а далъ онъ, сынъ мой, попъ Деомидъ, на себя запись, что по мою смерть поступится мнѣ въ полѣ по полоске на годъ пахать, а сея, государь, весны пахати мнѣ не далъ. Да онъ же сынъ мой, напився пьянъ, меня, богомольца твоего, въ нынѣшнемъ во 188 году апрѣля въ 20 день, изождавъ безъ людей, у воротъ своихъ билъ и увѣчилъ на смерть, и тотъ бой видя надо мной, жена ево, попадья, меня у него отняла, а тѣми, государь, побоями я, богомолецъ твой, ево не поклепалъ, сказываю по священству. А по прикащика, государь, для досмотру посылалъ и прикащикъ за водами не поѣхалъ, послалъ соцкого, и соцкой, государь, тоѣ моі побой с людьми досматривал и тому записку учинилъ. Умилостивися, государь, преосвященный Симонъ, архиепископъ Вологодцкии и Белоозерскии, пожалуй меня, богомольца своего, для моей древней старости: вели, государь, противъ записи сыну моему въ поле земли по полоске давать по мою смерть, чтобъ мнѣ, бродя въ мире, голодною смертию не помереть, а въ бою моемъ і въ увѣчье что ты, святитель, укажешь. Государь, святитель, смилуйся.

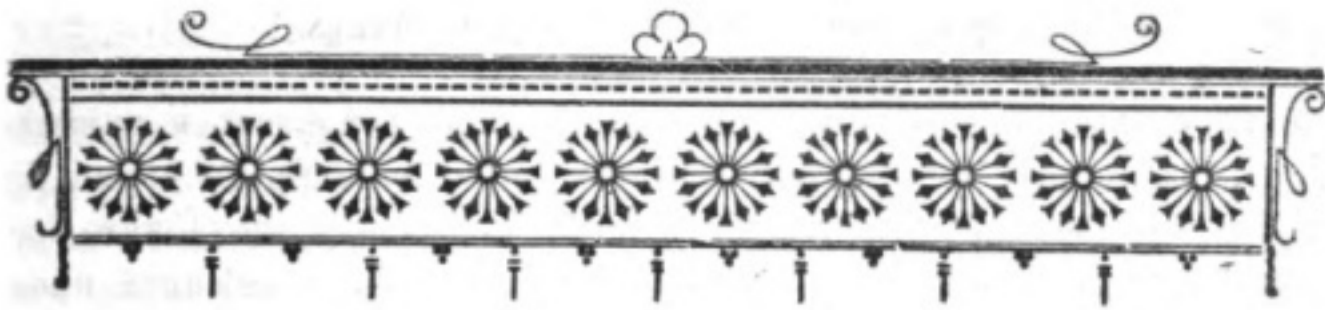
Наобор.: К сей челобитной попъ Михайло руку приложилъ.

Резолюція: 188-го июня въ 28 д. Послать память къ прикащику, велѣть досмотра записи і противъ записи землею ему, попу Михайлу, владѣть, а что онъ, попъ Деомидъ, билъ ево, отца своего, і за то, взявъ ево, попа, на мирскую сходку и при мирскихъ людяхъ велѣть отцу ево, попу Михайлу, бити сына своего, ево, попа Деомеида, своими руками, битъ плетью по ево волѣ. И послать къ прикащику соцково записка, і все ихъ челобітье, да противъ того ихъ челобітья и противъ записки и противъ ссылки тѣхъ всѣхъ людей допросить и по розыску велѣть ево, попа Деомеида, отцу ево смірать.

Собщ. Ив. Суворовъ.

**Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни.
(1870—1875 г.).**

Г л а в а X¹⁾.

Посѣщеніе Кіева Императоромъ Александромъ II.

еще не такъ скоро наступитъ время для полной исторической оцѣнки царствованія Императора Александра II-го. Великія реформы прошлаго царствованія по своей сложности и разнообразію ждуть еще своихъ историковъ; для характеристики же личныхъ качествъ Царя-мученика своевременно и теперь сообщать всѣ тѣ отдѣльные случаи и эпизоды изъ его жизни, какіе сохраняются пока въ памяти живыхъ свидѣтелей минувшаго царствованія. Одинъ изъ такихъ эпизодовъ я воспроизвожу въ своей памяти, эпизодъ, указывающій на необыкновенное добродушіе покойнаго государя, на удивительную его довѣрчивость къ учащейся молодежи.

Лѣтняя пора 1871 г. Живописно расположенный по холмамъ и долинамъ Кіевъ, весь въ зелени на берегу такъ красиво и величественно разливающегося у подножія города р. Днѣпра, производитъ на зрителя своимъ картиннымъ видомъ чарующее впечатлѣніе. Въ городѣ замѣчается оживленная суэта: красятъ заборы, обмѣтаютъ улицы и тротуары, бѣлятъ наружные фасады домовъ; вездѣ по улицамъ оживленіе снующей толпы; слышится громкій говоръ въ народѣ, обществѣ и среди учащейся молодежи: ожидали всѣ пріѣзда въ Кіевъ Императора Александра II съ семействомъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюнь 1912 г

на нѣсколько дней. Кіевъ готовился на славу встрѣтить и принять дорогихъ гостей. Во главѣ городского управленія въ то время находился извѣстный (уже умершій) князь Демидовъ-Санъ-Дonato, городской голова—человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ, красоты и виѣшной представительности, не говоря о его богатствѣ; краемъ управлялъ генералъ-губернаторъ князь Дондуковъ-Корсаковъ. Демидову-то и не хотѣлось ударить „лицомъ въ грязь“ передъ Царемъ и его свитой, и онъ не скупился деньгами, чтобы со средствами, отпущенными городскимъ управленіемъ, достойно принять Царскую Семью, сдѣлать для нея пребываніе въ городѣ пріятнымъ. И дѣйствительно, городъ былъ разукрашенъ на славу, иллюминированъ, а въ заключеніе, на противоположномъ берегу Днѣпра былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Въ свое время, во многихъ газетахъ довольно подробно описаны три дня пребыванія Царской Семьи въ Кіевѣ.

Здѣсь я желаю подѣлиться личнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня въ пору студенчества первой встрѣчей лицомъ къ лицу съ Царемъ, первой въ жизни возможностью близко увидѣть Царскую Семью. Какъ въ описываемое время, такъ и позже, молодежь, въ особенности студенчество, укоряли въ „завиральности“ идей, въ антиправительственныхъ стремленіяхъ, радикализмѣ; но и тогда, какъ и теперь, нельзя подобные взгляды обобщать, распространяя ихъ на все студенчество огуломъ, такъ какъ „дурное“ студенчество составляло лишь исключеніе—и печальное исключеніе изъ общей его массы. Въ достопамятные дни пребыванія въ Кіевѣ Царской Семьи едва-ли не самыми горячими энтузіастами встрѣчи дорогихъ гостей—были студенты, и врядъ-ли кто другой изъ народной толпы употреблялъ столько усилій, чтобы поближе пробраться къ мѣсту нахождения Государя и семьи Его, чтобы лучше ихъ видѣть и глубже запечатлѣть въ душѣ дорогіе образы. Царское величіе при обстановкѣ появленія Государя, восторженное настроеніе народной массы, такъ обаятельно дѣйствуетъ на молодое сердце юноши, такъ много говоритъ его уму, поражаетъ его воображеніе...

Говорится это по личнымъ впечатлѣніямъ и по рассказамъ тѣхъ изъ товарищей-студентовъ, съ которыми приходилось вспоминать дни пребыванія въ Кіевѣ Царской Семьи. Но возвращаюсь къ событію дня. Въ одинъ изъ яркихъ солнечныхъ дней гулъ колоколовъ въ многочисленныхъ церквахъ Кіева, отдаленный, глухой шумъ народныхъ массъ возвѣстили о прибытіи Государя въ старинную столицу Владиміра „Красное Солнышко“. Кіевъ, побѣленный, „приаккураченный“ въ зелени деревьевъ и холмовъ, блестя золотистыми куполами своихъ церквей, всюду декорированный,

оживленный движеніемъ празднично-разодѣтой толпы,—радостно привѣтствуетъ своего Царя. За отдаленнымъ шумомъ мірскаго говора явственно слышится дружное „ура!“; всюду суета и торопливое движеніе толпы, въ особенности по направленію къ Софійскому собору: туда поѣхалъ Царь поклониться древней русской святынѣ. Лишь мелькомъ пришлось намъ (нѣсколькимъ студентамъ) увидѣть величественный образъ Царя, его ласковую улыбку въ сторону радостно взволнованной народной массы, его свѣтлый покойный взглядъ, частые наклоны головы. Мы не были удовлетворены мимо-летней встрѣчей Государя и дали себѣ слово, во что бы то ни стало при первомъ удобномъ случаѣ, ближе увидѣть Царя и его Семью. Цѣлый день мы бѣгали, какъ угорѣлые, по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ должно было находиться Царское Семейство; но напрасно.

Наконецъ, узнаемъ, что вечеромъ на другой день прибытія Государя на противоположномъ берегу р. Днѣпра, противъ Аскольдовой могилы, сожгутъ великолѣпный фейерверкъ, и этотъ фейерверкъ будетъ смотрѣть Царская Семья изъ бесѣдки вблизи Аскольдовой же могилы. Забираемся „спозаранку“ въ Царскій садъ, выбираемъ получше мѣста для встрѣчи Царя и терпѣливо поджидаемъ Царскаго приѣзда. Вотъ и вечерѣть. Всѣ деревья аллей верхняго сада, увѣшанныя китайскими фонариками, плашками, начинаютъ мало-помалу освѣщаться; собираются толпы народа; слышатся тамъ и сямъ пріятные звуки духовой музыки, народъ подваливаетъ все больше и больше; шумъ, говоръ и оживленіе усиливаются; полицейскій нарядъ суетится, водворяя порядокъ. Уже и стемнѣло; заиграла въ разныхъ мѣстахъ сада военная музыка, садъ весь въ огнѣ; свѣтло, какъ днемъ; народа масса и въ сильномъ волненіи. Со стороны вѣзда въ верхнюю часть сада слышенъ гулъ и крики—„ура!“. Мы стоимъ на срединѣ большой аллей верхняго сада, охвативъ стоявшій у края ея большой стволъ дерева, чтобы толпа не сдвинула насъ съ мѣста; впереди цѣпь полицейскихъ и солдатъ, рѣдко разставленная и едва сдерживавшая натискъ толпы на самую аллею.

Еще нѣсколько минутъ, и крики „ура!“ раздаются вблизи насъ. Поворачиваемъ возбужденныя лица въ сторону надвигающагося Царскаго поѣзда; Царь ѣдетъ шагомъ въ открытомъ экипажѣ, милостиво кланаясь толпѣ. Мы рассчитываемъ моментъ, чтобы прорвать цѣпь и пойти рядомъ съ Царскимъ экипажемъ; экипажъ приближается къ намъ, моментально трое насъ (студентовъ) прорываемъ цѣпь, хватаемся за крылья экипажа и кричимъ оглушительно—„ура!“. Государь повернулъ лицо въ нашу сторону; на лицѣ признакъ неудовольствія. Уловивъ выраженіе неудовольствія на Царскомъ лицѣ, одинъ изъ нашихъ смѣльчаковъ рѣшительно обращается къ Госу-

дарю со словами: „дозвольте, Ваше Императорское Величество, студентамъ сопровождать экипажъ“. „А, студенты; хорошо, идите“, милостиво отвѣчаетъ Императоръ, останавливая въ то же время движеніемъ руки полицейскихъ, бросившихся вслѣдъ за нами, когда мы ворвались на аллею. Говоря приведенныя выше слова, Монархъ поглядѣлъ на насъ такъ доврчиво, послалъ намъ такую чарующую улыбку, впечатлѣніе которой и до сихъ поръ живо въ нашей памяти и не можетъ быть забыто.

Счастливые дозволеніемъ сопровождать Царскій экипажъ на всемъ пути его слѣдованія до бесѣдки около Аскольдовой могилы, мы въ это время считали себя героями дня, свысока поглядывая на густую массу народа, стѣнами окружившую путь слѣдованія Царскаго экипажа; съ дѣтски наивнымъ любопытствомъ всматривались мы въ Царя, вблизи, изучая и запоминая дорогія черты лица обожаемаго Монарха. Проводивъ экипажъ къ бесѣдкѣ, прокричавъ Царю прощальное—„ура!“ и „спасибо!“ за оказанную милость, мы остановились потомъ не въ далекомъ разстояніи отъ бесѣдки, гдѣ уже собралась Царская Семья смотрѣть фейерверкъ, который скоро долженъ былъ быть сожженъ на противоположномъ берегу Днѣпра. Въ бесѣдкѣ, кромѣ Царской семьи и свиты Государевой, находились и высшіе представители мѣстнаго общества съ начальникомъ края и городскимъ головою княземъ Демидовымъ-Санъ-Дonato. Въ бесѣдкѣ велись, повидимому, оживленные разговоры, когда же былъ зажженъ фейерверкъ, то оживленіе сдѣлалось общимъ, при чемъ было замѣтно, что Государыня, подозвавъ къ себѣ Демидова, очень милостиво съ нимъ бесѣдовала.

Фейерверкъ дѣйствительно удался на славу: при тихой погодѣ и прохладномъ вечерѣ, освѣщенная часть Днѣпра съ темной каймой лѣса сзади, съ искрящейся массой огневой воды спереди и усѣянными народомъ горами, освѣщенными отблесками фейерверка, горѣвшихъ смоляныхъ бочекъ и бенгальскихъ огней, все это представляло фантастическую картину, достойную кисти художника; на центральномъ же фонѣ картины горѣла въ огняхъ Царская бесѣдка и виднѣлись оживленные лица высокихъ кіевскихъ гостей. Мы, „фуксы“, находились въ такомъ восторженномъ состояніи отъ всего видѣннаго, отъ Царской милости, что, казалось, утратили всякое представленіе и о мѣстѣ своего пребыванія и о времени. Простоявъ возлѣ бесѣдки до отъѣзда изъ сада Царскаго Семейства и побродивъ немного въ толпѣ, усталые, взволнованные и очарованные впечатлѣніями дня, разбрелись по улицамъ. Царское Семейство лишь на третій день оставило Кіевъ, и образъ Царя и членовъ его семьи навсегда запечатлѣлись въ нашей памяти. До 1875 г.

мнѣ не представлялось случая вновь увидѣть Императора Александра II. Въ 1875 г. покойный Государь опять посѣтилъ Кіевъ.

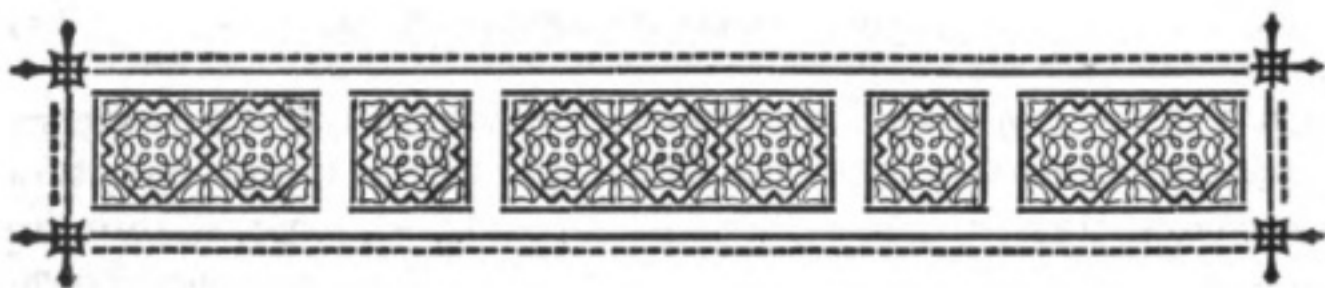
Помнится, какъ сегодня, что прїѣздъ Царя послѣдовалъ около 12 ч. дня, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Студенты группами стояли на Бибиковскомъ бульварѣ, противъ зданія 2-й гимназіи. Въ ожиданіи Царскаго прїѣзда—я осматривалъ всѣхъ высшихъ кіевскихъ чиновъ, спѣшно направлявшихся во всевозможныхъ экипажахъ по Бибиковскому бульвару къ триумфальнымъ воротамъ. Вотъ прїѣзжаетъ и кіевскій городской голова, но не представительный князь Санъ-Дonato, на тысячныхъ рысакахъ, а сгорбленный, тощій и ученый мужъ проф. Ренненкампфъ, „потрухивая“ на поджарномъ „пѣтушкѣ“. Однако, Царскаго прїѣзда мнѣ не пришлось дожидаться, да и не хотѣлось ждать, такъ какъ нахлынувшая вскорѣ масса народа по пути слѣдованія Государя мѣшала ближе взглянуть на его дорогой образъ. На другой день Государь долженъ былъ посѣтить женскую (Фундуклеевскую) гимназію; отправляемся туда заблаговременно, занимаемъ отличную позицію у зданія гимназіи и ждемъ Царя. Императоръ прїѣхалъ и торопливыми шагами, по выходѣ изъ экипажа, входитъ въ парадную дверь гимназіи; всматриваемся въ его лицо — и какая поразительная перемѣна! — взглядъ усталый, тревожный, лицо полное сосредоточенной „думы“ и озабоченности; ни одной улыбки, ни привѣта. Какъ невыразимо грустно стало на душѣ, видя Государя въ такомъ настроеніи, какъ заныло сердце при воспоминаніи прежняго образа Царя и сравненіи съ тѣмъ, какой представлялся намъ сію минуту. Невольно приходилось задаваться вопросомъ, что за причины, вызвавшія такую перемѣну въ выраженіи Царскаго лица? Причины же, конечно, были, и при томъ понятныя даже студенту, только что оставившему школьную скамью. Но несчастью въ числѣ многихъ причинъ, огорчавшихъ гуманнѣйшаго Императора, немаловажной представлялась и та дѣятельность молодежи, то броженіе среди студенчества, какое стало развиваться въ 70-хъ годахъ и, постепенно разрастаясь, привело къ ужасающимъ преступленіямъ, къ чудовищному цареубійству. Не мѣсто здѣсь вдаваться въ объясненія всѣхъ обстоятельствъ, вліявшихъ на пагубное направленіе молодежи 70-хъ годовъ, которому не чужда была и извѣстная часть кіевскаго студенчества, гдѣ попадались всякаго рода — „исты“; но должно торжественно засвидѣтельствовать, что часть „номинальнаго“ студенчества ничего общаго съ массой „дѣйствительнаго“ не имѣла. Не посѣщая университета, бросивъ школьныя занятія, эти номинальные студенты всецѣло отдавались своимъ кружковымъ интересамъ, своей пропагандѣ, разнымъ пагубнымъ ученіямъ, сльвя у трудящагося студенчества за

людей малоспособныхъ, избѣгающихъ серьезныхъ научныхъ занятій, „пустопорожнихъ“ болтуновъ. И въ самомъ дѣлѣ: всѣ эти Рабцевичи, Бохановскіе, Лурье и прочіе изъ кіевскихъ студентовъ „радикальнаго лагеря“ — вмѣстѣ оправдывали собой сложившееся объ нихъ мнѣніе большинства товарищей, при чемъ всѣ эти господа лишены были въ большинствѣ случаевъ правильнаго домашняго воспитанія и твердыхъ нравственныхъ принциповъ. Очень скоро, уже по окончаніи мною университетскаго курса, пришлось узнать о печальной и заранѣе предвидѣнной судьбѣ подобныхъ студентовъ, которая ихъ постигла и которую они вполне заслужили. Не разъ удивлялъ меня еще и тотъ фактъ, что въ 70-хъ годахъ Кіевскій университетъ и студенты въ ректорство гуманнѣйшаго Н. Х. Бунге и при такомъ генераль-губернаторѣ, какъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, пользовались гораздо большей свободой, чѣмъ въ другихъ университетахъ, и, несмотря на это, лишь самая незначительная горсть отдѣльныхъ личностей изъ кіевскихъ студентовъ примкнула въ то время къ кружкамъ „зловредныхъ“ дѣятелей. Но и это меньшинство провинціального студенчества и общее число всей учащейся молодежи не могло не огорчать своимъ поведеніемъ добрѣйшаго Монарха; не могло не скорбѣть его любящее сердце, въ виду той неблагодарности, какая была проявлена молодежью въ отвѣтъ на всѣ оказанныя ей царскія милости. Когда же съ 1874 г. и далѣе покушенія „злодѣйской“ молодежи на жизнь Царя и его Семьи участились, то возможно ли было Монарху съ самыми крѣпкими нервами, съ самой закаленной силой воли — сохранить спокойный, свѣтлый взглядъ, довѣрчивость къ окружающимъ людямъ, привѣтливую улыбку на лицѣ. Тѣмъ не менѣе, великій преобразователь Россіи и до послѣднихъ дней своей жизни, какъ видно, сохранилъ вѣру въ добрыя побужденія молодежи, такъ какъ не предпринялъ противъ студенчества никакихъ исключительныхъ репрессалій. Царь и не ошибался; какъ тотъ крестьянинъ 1861 года, который, получивъ свободу, утромъ и вечеромъ ежедневно первую молитву творить за Царя-Освободителя, такъ и студенты, получившіе высшее образованіе по уставу 1863 года, съ такой же молитвой вспоминали Царя-Просвѣтителя. Многимъ изъ этихъ студентовъ пришлось потомъ практически, въ жизни, — примѣнять и осуществлять великія реформы Императора Александра II, и дѣло это, не обинуясь скажемъ, ведено было ими съ рѣдкимъ усердіемъ и воодушевленіемъ: стоять лишь вспомнить дѣятельность нашей магистратуры съ 1868 года и послѣдующихъ годовъ, земскихъ дѣятелей, военныхъ врачей въ турецкую войну и т. п.! Смерть Великаго Монарха, столь ужасная и неожиданная, никого, быть можетъ, такъ не по-

разила и не огорчила, какъ этихъ благоговѣйныхъ поклонниковъ славныхъ преобразованій Царя-Мученика. Казалось, что при вѣсти о кончинѣ Императора Александра II, свѣтлый образъ котораго такъ неизгладимо запечатлѣлся въ моей памяти, въ пору студенчества, — я потерялъ что-то родное, близкое моему сердцу, такъ много говорящее уму, глубоко запавшее въ душу... Подъ такимъ тягостнымъ впечатлѣніемъ находился и я при вѣсти о смерти незабвеннаго Монарха; но печальное событіе отошло въ область исторіи, а свѣтлый и пріятный образъ добраго Государя и до сихъ поръ живъ въ моей памяти, бережно сохраняется въ моемъ воображеніи.

В. С. Чеважевскій.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ ¹⁾).

52.

Юли 2-го 1812 г.

реди настоящихъ обстоятельствъ утѣшайте хоть вы насъ благоразумными распоряженіями почтеннаго графа. Съ другихъ сторонъ ничего подобнаго не слышимъ. Турецкій миръ ратификованъ. Ожидаемъ токмо повѣстокъ о молебствіи. На этой недѣлѣ оно должно быть непремѣнно. Графъ Кутузовъ ровно недѣля какъ здѣсь. Къ ему многіе ѣздятъ, чтобы вопрошать его какъ нѣкое прорицалище.

Витебская и Могилевская губерніи объявлены въ военномъ состояніи, равно какъ и Курляндская, и Лифляндская.

Сухимъ путемъ не получаемъ никакихъ иностранныхъ извѣстій, да о нихъ и не помышляемъ, лишь бы наши реляціи возвѣстили намъ рядъ побѣдъ надъ супостатомъ. Лористонъ еще не получилъ паспортовъ, прочіе министры также еще не отъѣзжали. Болѣе писать нечего, ибо самъ ничего не знаю. Прилагаю у сего послѣднія извѣстія изъ арміи, да и списываю слѣдующія слова изъ письма главнокомандующаго первою Западною арміею къ Осипу Петровичу Козодавлеву отъ 25 іюня:

„Наконецъ, смѣло могу увѣрить васъ, милостивый государь мой, для увѣренія всей публики, что западныя войска наши въ самомъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюнь 1912 г.

наилучшемъ положеніи. Всѣ сыты, всѣ бодры, и всѣ горятъ нетерпѣніемъ ударить на непримиримаго врага нашего. Вообще до сего времени все благопріятствуетъ намѣреніямъ нашимъ, и мы, надѣясь на Бога и храбрость воиновъ, не имѣемъ ни малѣйшей причины сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ оружія нашего“.

При семъ письмѣ присланъ также приказъ, данный 1-ой Западной арміи іюня 24 слѣдующаго содержанія:

„Съ неожиданымъ и даже наглымъ впаденіемъ непріятели въ границы наши, надѣялся онъ расположенныя болѣе нежели на 800 верстъ силы наши, какъ недостаточныя къ оборонѣ столь значительнаго пространства, разрѣзать колоннами своими на мелкія части и, истребивъ каждую порознь, свершить алчное намѣреніе свое однимъ, такъ сказать, приемомъ. Симъ единственно способомъ сколько ни противенъ онъ правиламъ народнымъ, удалось ему уже побѣдить разныя арміи и покорить державы, обманутыя надеждою на всеобщее уваженіе къ симъ священнѣйшимъ правамъ.

Но какъ ни стремительно было подобное предпріятіе его противъ армій нашихъ, однако здѣсь не имѣло оно желаемаго успѣха. Всѣ отряды войскъ искуснымъ и быстрымъ движеніемъ приняли направленіе свое къ общему соединенію. Уже нѣтъ намъ никакого къ тому препятствія. Вскорѣ соберетесь вы, храбрые воины, вмѣстѣ и общими силами противустанете врагу, дерзнувшему нарушить спокойствіе наше; и ежели бы онъ, утомленный тщетнымъ стремленіемъ на насъ и безчисленными нуждами, въ семъ новомъ напряженіи силъ его, рѣшился избѣгать битвы съ нами, мы сами тогда устремимся на пораженіе его, мы сами съ помощью правосуднаго Бога отомстимъ ему за себя и за всѣхъ, отъ насилій его протерпѣвшихъ. Шагъ къ тому уже сдѣланъ. Вчера аррьергардъ 1-ой Западной арміи, отражая стремленіе авангарда непріятельскаго, въ три раза сильнѣйшаго, заставилъ его скрыться и искать спасенія въ лѣсахъ, съ значительною въ людяхъ потерею. Храбрость подвизавшихся тамъ вскорѣ вознаградится признательностью Монарха. Да будетъ она примѣромъ къ общему подражанію, и мы, конечно, восторжествуемъ“.

А к р о с т и х ъ.

На зло природы всей родившійся драконъ
 Аячіи въ стѣнахъ ехидной былъ вскормленъ,
 Пожравъ уже тьмы жертвъ, но тѣмъ еще не сытый,
 Оскаля челюсти, зубовъ рядъ ядовитый,
 Летитъ Россійскія страны опустошать,
 Европу всю готовъ во гробъ преобразить.

Отмщенье дерзкому неистовству такому!
 Народы! шествуйте во слѣдъ Петрову дому!
 Богъ въ громы облекся,—предъ нимъ падеть злодѣй!
 Орды голодныя! Прочь съ сѣверныхъ полей!
 Надменному врагу близка уже кончина.
 Алчбы его теперь открыта всѣмъ личина,
 Пора, народы, расторгнуть блѣдный страхъ,
 Аттилу истребить и миръ обрѣсть въ домахъ!
 Рокъ мечъ уже извлекъ, и въ битвахъ восклицаетъ:
 Того защититъ Богъ, кто вѣру защищаетъ.

53.

Юля 5-го. 1812 г.

При семь прилагаю вышедшую сегодня реляцію. Она должна насъ приготовить къ важнымъ извѣстіямъ, которыя весьма скоро насъ обрадуютъ. Французы со своими ненадежными союзниками кидаются въ разныя стороны, чтобы открыть гдѣ-нибудь удачное для себя дѣло. Видятъ, что вездѣ ожидаетъ ихъ штыкъ или пика, они и съ артиллеріею не отваживаются на рѣшительную битву. Какъ же рѣшатся атаковать насъ въ ретраншементяхъ? Нѣтъ! ихъ храброванье кончилось. Все готово. Мы на нихъ наступаемъ. Гонимъ, бьемъ ихъ. Ежели они вздумаютъ остановиться, такъ тѣмъ скорѣе совершится истребленіе ихъ силъ.

Рядовые 1-ой арміи не могутъ дожидаться той минуты, чтобы посчитаться съ французами. Ихъ должно уговаривать. Они кипятъ отмщеніемъ. О россы! побѣда вамъ принадлежитъ; но безъ повиновенія и она не можетъ имѣть плодовъ. Положитесь на предусмотрительность вашихъ начальниковъ! Они знаютъ, для чего медлятъ доставить вамъ случай увѣнчать себя лаврами. Ожидающіе васъ—не увядаемы. Представьте себѣ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, что такихъ воиновъ, рвущихся къ сраженію, въ 1-ой арміи 197 тысячъ съ сотнями; во 2-ой слишкомъ 200 тысячъ; подъ начальствомъ Платова отдѣльный корпусъ—болѣе 50 тысячъ наѣздниковъ. Обсерваціонная армія составляетъ за 150 тысячъ, да еще къ западнымъ границамъ спѣшатъ тѣ войска, которыя были противъ турокъ. *Quelle défaite attend nos ennemis!*

Наконецъ сажаютъ Лористона съ прочими министрами 7-го іюля на два нашихъ фрегата въ Кронштадтъ и везутъ въ Гамбургъ.

Лордъ Бентингъ изъ Ревеля проѣхалъ прямо къ Государю. На дорогѣ рассказывалъ онъ нашимъ губернаторамъ, что шведскій на-

слѣдній принцъ (Бернадоттъ) сочтетъ себя счастливымъ, ежели ляжетъ въ гробъ по освобожденіи Франціи отъ ея тиранна. Онъ лучше другихъ можетъ знать сіе чудовище, которое къ несчастію человѣчества изобилуетъ великими талантами.

Англичане готовятъ уже здѣсь праздники. Вчерась прикатила къ намъ иностранная почта и привезла множество писемъ и газетъ. Вы вѣрно у графа будете читать прокламацію, которая задержана.

Простите. Почта отходитъ. Ожидаемъ съ часу на часъ новой иностранной почты.

54.

Іюля 9. 1812.

Сегодня изъ Кронштадта должны отправиться въ Гамбургъ французскіе посолъ и консулъ, посланники вестфальскій, виртембергскій, баварскій и повѣренный въ дѣлахъ неаполитанскій.

Вотъ послѣднія извѣстія изъ арміи. Ждутъ ежечасно курьера съ побѣдою, о которой идутъ въ городъ слухи. Сказываютъ, Багратіонъ разбилъ вестфальскаго короля. Число плѣнныхъ опредѣляютъ до 15 тысячъ. Присовокупляютъ, что французы вышли уже изъ Вильны.

Дай Богъ, чтобъ всѣ эти слухи подтвердились! Adieu.

55.

Іюля 12. 1812.

Хожу, сажу, лежу, и къ вамъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, могу еще писать. Благодареніе Богу! авось не умру прежде, пока не истребимъ вражескихъ силъ, пока не очистимъ предѣловъ нашихъ отъ отчаянныхъ супостатовъ! Манифестъ волнуетъ во мнѣ остальную кровь, напрягаетъ ослабленныя жилы и нервы; чувства возрождаются въ онемѣвшемъ тѣлѣ.

Отечество не узритъ меня позади всѣхъ. Сколько силъ достанетъ, и я устремлюсь на защиту его. Я имѣю жену, дѣтей, дѣтей рѣдкихъ. Какъ и тутъ не исполню моего долга? Что изъ нихъ выйдетъ, когда достанутся въ неволю лютейшему тиранну?

Но нѣтъ! прочь, ужасная, убійственная мысль сія! Сего никогда быть не можетъ. Мы, возванные Царемъ нашимъ, вкупѣ и раздѣльности, клянемся покрыть каждый шагъ непріятельскій трупами его, и буде такъ угодно Провидѣнію, то и нашими тѣлами. Да будутъ они токмо преградою, пропастью дальнѣйшихъ его покушеній. Да избавятъ они Царство Россійское отъ ига иноплемениковъ!—Что вамъ здѣсь при немощахъ моихъ слабо выражаю,

то есть гласъ, произнесенный вѣрными сынами Отечества по прочтеніи манифеста. Не тщетно произнесенъ онъ. Наполеонъ найдеть скоро въ слѣдствіяхъ его пагубу свою и подвергнетъ преждевременной смерти тѣхъ несчастныхъ, которыхъ ведетъ на жертву адскаго своего честолюбія. Богъ извѣдываетъ мужество, твердость духа народовъ, населяющихъ Россію: явимъ, что достойны покровя Его! Удивимъ, восхитимъ, упокоимъ вселенную. Будемъ народомъ избраннымъ!

Я надѣюсь, что Москва до появленія настоящаго письма ужъ будетъ озарена лучами солнца, которое на время отъ насъ закатилось. Слуховъ пропасть. Я затыкаю уши и не хочу внимать кромѣ тѣхъ, кои возвѣстятъ намъ побѣду, побѣду рѣшительную, побѣду торжественно объявленную, за которую всѣ потекутъ во храмы съ колѣнопреклоненіемъ приносить пламенное благодареніе Всесильному Богу.

Мы безъ иностранныхъ газетъ. Да, слава Богу, что ихъ и нѣтъ. Мнѣ по неволѣ должно бы было читать ихъ и—надрываться. Довольно и того, что я имѣю несчастіе видѣть и прокламацію злодѣя въ проклятыхъ вѣдомостяхъ, которыя печатаются подъ его вліяніемъ.

Австрійскій посолъ также отсюда уѣхалъ, токмо пожелалъ намъ въ душѣ своей удачи, которая бы и его отечеству развязала руки.

Призовете ли вы, наконецъ, Дмитрія Прокофьевича и подобныхъ ему патриотовъ? Составивъ Совѣтъ изъ мужей умныхъ и опытныхъ, будетъ легче бить, сокрушать и истреблять враговъ. Я не дерзаю мѣшаться ни въ какія государственныя распоряженія, но не могу при настоящихъ обстоятельствахъ удержаться отъ изъявленія такого желанія, которое мучаетъ меня по любви къ общему благу. Я въ правѣ при томъ не скрыть его предъ другомъ, который такъ близокъ къ возвеличенному по достоянію графу Федору Васильевичу.

Эй! не пренебрегите прокинутымъ словомъ малозначащаго челоука!

56.

Іюля 16. 1812 г.

Въ воскресенье мы праздновали турецкое замиреніе. Боже! услышь моленіе наше, и даждь намъ покой отвсюду! Помози истребить вражескія силы, дерзнувшія въ буйствѣ нарушить цѣлость Царства Россійскаго! Не попусти,—и да вознесемъ главы наши надъ супостатомъ!

О! ежели бы вы знали, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, что за слухи, что за уныніе въ пятницу распространились въ нашемъ городѣ! Мы считали уже себя пловцами безъ мачтъ, безъ кормила, преданными во волѣ Всевышняго во время бури на произволь волнамъ. Полученныя въ субботу извѣстія раздѣлили, прогнали, такъ сказать, ту мглу, отъ которой мы преждевременно задыхались. Не злонамѣренные люди затуманили насъ: нѣтъ! Любезный другъ, ежели изверги сіи и существуютъ между нами, то они крайне сдѣлались робки, превратились будто бы въ безсловесныя твари. Они знаютъ, что патріоты, коими Россія исполнена, держатъ теперь наготовѣ камни въ рукахъ, чтобъ при появленіи мгновенно пришибить чудовищъ сихъ.—Увы! сердце стѣсняется, когда помыслишь, что виновники такимъ мрачнымъ впечатлѣніямъ суть люди, долженствующіе благоразумными распоряженіями ограждать насъ отъ оныхъ. Дивиться сему ни вы, ни я не можемъ. Пѣшки на мѣстѣ слоновъ, коней, ладей, а сіи всѣ на мѣстахъ первыхъ. Продли, Провидѣніе, вѣкъ графа Михайла Иларіоновича.—„Какъ!“—отвѣтствовалъ онъ въ пятницу на сдѣланное предложеніе,—„вы требуете моего мнѣнія для защиты Петрополя въ самомъ Петрополѣ? За 500 верстъ должно готовить ее; но вы ошиблись; вы не то хотѣли у меня спросить. Не вѣрите ли вы снамъ? на яву я ни малѣйшей опасности не вижу“.

Сдѣлай, ежели можешь, Булгаковъ, потомокъ, сынъ Якова Ивановича, наслѣдникъ его дарованій, а не стяжанія, которое ты самъ пріобрѣсти способенъ, чтобъ отвѣтъ сей напечатали въ Сѣв. Почтѣ! Буде сему встрѣтишь препятствіе, доведи его по крайней мѣрѣ до свѣдѣнія изавителя нашего графа Ѳедора Васильевича! На твоёмъ мѣстѣ, чего бы я не говорилъ сему великому мужу для пользы Отечества. Онъ самъ всего знать не можетъ. Да вѣдаетъ все и по усмотрѣнію своему поступаетъ!

Я столько волнуемъ съ пятницы негодованіемъ, что оно производитъ во мнѣ чудеса. Уже чувствую себя бодрѣе, крѣпче: собственная мнѣ пылкость возвращается. Хотя тѣломъ еще далекъ отъ послѣдняго русскаго рядового, но духомъ Ахиллесъ. Кажется, и физически достигну полубогатырства, ежели токмо увижу, что Отечество мое пріосѣнится мудростію поставляемыхъ надъ нимъ возлюбленнымъ Александромъ властей. Сіе сказать другу, патріоту, умному человѣку, яко сочленъ общества, къ которому принадлежу, полное право имѣю. Бѣда всѣмъ, ежели бы у мѣста запрещали благонамѣреннымъ людямъ вѣщать правду, правду, отъ коей зависятъ общее благосостояніе. Ее надобно до тѣхъ поръ твердить, пока не совершится общее желаніе. Ахъ! чтобъ только не опоздали

удовлетворить ему! Чтобъ искусный врачъ заблаговременно призванъ былъ къ больному!

Былъ я въ воскресенье у обѣдни и у молебна въ Казанскомъ соборѣ. Тамъ съ нами приносили благодареніе Подателю всѣхъ благъ съ колѣнопреклоненіемъ и обѣ Императрицы. Такъ-то радостныя извѣстія дѣйствуютъ на русскаго! Тутъ прячется и искусство несравненнаго моего Мильгаузена.

Ходить по рукамъ записка, которую сейчасъ пробѣгалъ, о пораженіи Удинота и Макдональда, равно какъ и объ окруженіи всѣхъ непріятельскихъ армій всѣми нашими силами. О, Владыко, сѣдящій на небесахъ! Сподоби насъ внять истребленію враговъ Россіи! Не удаляй отъ насъ такового восхитительнаго возвѣщенія!

Цѣлую васъ, прижимаю васъ къ сердцу среди такового моленія.

57.

Іюля 19. 1812 г.

Надобно побольше пріискать графовъ Оедоровъ Васильевичей, чтобы поручить имъ истребленіе съ корнемъ нечестивыхъ. Повѣрьте, что прежде ни въ чемъ хорошемъ успѣть будетъ не можно. Къ чему бы послужили внѣшнія побѣды, когда внутренніе враги будутъ поборать отечество? Честолюбецъ, испровергшій старый порядокъ вещей во всей почти Европѣ, ни одной изъ поработенныхъ имъ державъ никогда бѣ въ пагубной власти своей не имѣлъ, ежели бы не умѣлъ воспользоваться развратомъ, который революціею истребленъ во Франціи, гдѣ моральная зараза приготовлена слабымъ правительствомъ, терпѣвшимъ вольнодумцевъ для собственнаго народа и для другихъ земель, въ коихъ также дозволили укореняться разнымъ вреднымъ обществамъ, разливавшимъ и разливающимъ еще весьма искусно ядъ, уподобляющійся вкусомъ цѣлебнымъ веществамъ. *Sapienti sat.*

Вотъ уже 11 часовъ утра, а изъ армій нѣтъ никакихъ извѣстій. Въ такомъ случаѣ лучше не дѣлать никакихъ догадокъ. Божусь вамъ, что самъ себѣ далъ слово никакъ не толковать и даже не думать о сей медленности. Ухожу отъ тѣхъ, которые бы могли меня на то наводить. Чувствую токмо и про себя разумѣю, что графъ Голенищевъ-Кутузовъ здѣсь. Опять повторяю мольбу: продли токмо Богъ жизнь его и здравіе! Его выбрало здѣшнее дворянское сословіе начальникомъ вновь набираемыхъ защитниковъ отечества. Натурально ему отъ сего отказаться было не можно. Но ежели не послѣдуетъ по Высочайшей волѣ полезнѣйшаго для него, а слѣдовательно и для Россіи назначенія, то накажетъ праведный и все-

могущій Судія тѣхъ, которые отъемлютъ у насъ избавителя. Вчерась на сего почтеннаго, заслугами покрытаго мужа не могъ я взи- рать безъ слезъ. И я чихиркиною манерою скажу Александру Булгакову: Ахти! За что-жъ заставляютъ его вахлять, коли онъ дѣло можетъ дѣлать!—Исторгли у него мечъ, а даютъ вмѣсто того кор- тикъ. А вѣдь у него мечъ въ рукахъ такъ же дѣйствуетъ, какъ у Ми- хаила Архангела. Съ кортикомъ-то, Богъ вѣдаетъ, къ чему онъ при- ступить. Да еще, Боже оборони, какъ поспѣетъ онъ къ шапочному разбору. Эй! гласъ общій взываетъ: пустите героя впередъ съ ре- гулярными! Все уцѣлѣетъ, и до заднихъ оруженосцевъ дѣло не дойдетъ. Имъ достанется токмо возсылать къ Богу усердныя благо- даренія за побѣды, за истребленіе врага.—Одинокихъ ли со мною мыслей Александръ Яковлевичъ? Третьяго дня и вчерась въ домѣ графа Безбородко собиралось здѣшнее дворянство. Положили дать со ста четырехъ человѣкъ, вооружить и одѣть ихъ при бородахъ да отпустить на три мѣсяца провіанту. Съ оцѣнки домовъ въ Петербургѣ, которые свѣше 5 т. рублей стоятъ, взять по 2 про- цента. Буде кто имѣетъ нѣсколько домовъ маленькихъ, превышаю- щихъ вмѣстѣ пятитысячную сумму, съ того также взыскивать общую повинность. Купечество совѣщается и, какъ слышу, положило дать два милліона, коимъ будетъ сдѣлана раскладка по капиталамъ.— Дворяне дѣлаютъ еще добровольныя денежныя пожертвованія. Слышу между значительнѣйшими, будто бы графиня Литта¹⁾ еже- годно, пока продолжится настоящая война, обязывается вносить по 50 т. р. Оба Нарышкины по 20 т. р., а тамъ пойдутъ 5-ти тысяч- ники и меньшихъ суммъ. Здѣшняя Лавра отдаетъ серебряный свой сервизъ. Митрополитъ Амвросій всѣ жалованныя ему драгоценныя вещи.—Дадутъ, батюшка Александръ Яковлевичъ, Россіяне и пере- дадутъ, коли требуетъ того Царь ихъ на защиту Отечества. Людей, денегъ бездна явится: пусть изберутъ токмо мудрыхъ вождей, пра- вителей. Съ нами ли барахтаться наемникамъ, вертепамъ, разбой- никамъ! Вождей! Вождей!—Правителей! Правителей! Дай намъ на- дежда наша, Александръ Павловичъ!—Ростопчиныхъ! Кутузовыхъ! Паниныхъ! Троицкихъ! Явятся и новички, подросточки Булгаковы, герои Воронцовы.

Um Gottes Willen zerreißen Sie meine Briefe sobald Sie solche durchgelesen haben.

¹⁾ Графиня Екатерина Васильевна Литта, рожд. Энгельгардъ, р. 1761 г. † 7 февр. 1829; въ первомъ бракѣ была за Павломъ Март. Скаррон- скимъ.

58.

Іюля 23. 1812.

Государь прибылъ и къ намъ ночью въ 2 часа 22 числа. Двѣ ночи народъ спалъ въ Казанскомъ соборѣ, ожидая болѣе двухъ сутокъ возлюбленнаго Александра. Полиція возвѣстила намъ Высочайшее прибытіе 20-го числа. Всѣ добровольно приготовились съ минуты возвѣщенія изъявить радость свою освѣщеніемъ жилищъ своихъ. Вчерась весь городъ и былъ иллюминованъ. У Императрицы Маріи Ѳеодоровны, яко въ день ея тезоименитства, былъ обѣдъ въ Таврическомъ дворцѣ. Не знаю, пріѣхали ли изъ Великихъ Лукъ канцлеръ и графъ Кочубей. Ихъ уже вчерась оттуда съ часу на часъ ожидали.

И здѣсь всякій день дѣйствуютъ теперь два комитета, наряженные по случаю земскаго вооруженія. Не извѣстны мнѣ въ точности его распоряженія, но знаю, что лучше московскихъ быть не могутъ. Прекрасная мысль, что знаменіемъ ополченія сего будетъ у васъ крестъ.

Успѣхъ оружія нашего долженъ былъ быть вамъ извѣстенъ. На починѣ и то хорошо. Ожидаемъ важнѣйшихъ происшествій.

59.

Іюля 26. 1812.

У васъ все кипитъ. Какъ живо и умно обдуманно земское вооруженіе! Тотчасъ видно, кто гораздъ бить въ цѣль.

Вчерась праздновали здѣсь важную побѣду графа Витгенштейна надъ Удиномомъ. Богъ да утѣшитъ насъ и сокрушеніемъ главныхъ непріятельскихъ силъ подъ Смоленскомъ!

Вчерась около вечера пріѣхалъ изъ Великихъ Лукъ Государственный Канцлеръ. Кажется, и графъ Кочубей долженъ уже быть здѣсь.

Болѣе писать любопытнаго нечего, а пустяками развлекать васъ не хочу среди важныхъ занятій. Богъ да подкрѣпитъ ваше здоровье на пользу Отечества. Обнимаю васъ и желаю побѣды рѣшительной подъ Смоленскомъ.

60.

Іюля 30. 1812 г.

Общее вниманіе обращено на военныя происшествія. Никакая другая мысль не находитъ мѣста ни въ чьей головѣ. Побьютъ вра-

говъ подѣ Смоленскомъ: всѣ могутъ остаться спокойными. Бонапарту должно будетъ тогда помышлять о собственной безопасности. Ежели же Божескимъ попущеніемъ прорвутся злодѣи послѣ рѣшительной битвы далѣе, то не вижу, любезный Александръ Яковлевичъ, конца и мѣры бѣдствіямъ, которыя покроютъ отечество наше. Графъ Витгенштейнъ продолжаетъ истреблять силу непріятельскую, шедшую чрезъ Псковъ и Опочку на Новгородъ. Удино-товой арміи какъ будто бы не существовало. Со вчерашняго дня всѣ заговорили, что герой нашъ, по совѣтамъ стараго графа фонъ-деръ Палена, напалъ и на Макдональдову армію, наноситъ ей пораженія и гонитъ передъ собою. Витгенштейнъ есть воспитанникъ графа Петра Алексѣевича. Онъ явился, какъ меня увѣряютъ, къ воспитаннику своему на мѣсто военныхъ происшествій волонтеромъ и преподаетъ ему спасительные совѣты для избавленія Россіи. Пусть прочіе наши главнокомандующіе столько же сдѣлаютъ, сколько успѣла до сихъ поръ армія подѣ начальствомъ графа Витгенштейна. Не дойдетъ тогда дѣло и до земскаго ополченія. Удинова армія состояла изъ однихъ токмо французовъ, которые сражались отчаянно, но тѣмъ больше испытывали пораженіе, чѣмъ упорнѣе противустояли россійскимъ войнамъ, коихъ вель искусный начальникъ. Съ тѣмъ числомъ регулярнаго ополченія, каковое мы теперь имѣемъ, должны мы чрезъ годъ быть въ Парижѣ; надобно только дѣйствовать системою Витгенштейна, системою Суворовскою, системою, которая одна можетъ увѣнчать насъ всегда и вездѣ побѣдою. Ретирады замѣшиваютъ только умъ у полководцевъ, отнимаютъ духъ у солдата, разстраиваютъ внутреннюю связь. Миѣ нечего говорить вамъ о впечатлѣніи, какое до сихъ поръ произвело на умы отступленіе главныхъ нашихъ армій до Смоленска.

Насъ всѣхъ отъ Петербурга до Москвы въ 500 верстахъ отъ непріятеля посадили на порохъ. Приди только французы во Псковъ, то мы отсюда поднялись бы и, можетъ быть, пѣшкомъ съ женами и дѣтьми, кинулись бы, сами не зная куда, искать своего спасенія. Вотъ сколь важна побѣда надъ Удиновымъ корпусомъ. Ни мало, ни много разбойникъ мѣтилъ дѣйствительно вдругъ напираться на обѣ столицы.

Полагать должно, что теперь въ его первоначальномъ планѣ послѣдуетъ перемѣна. Когда мы не рѣшимся его атаковать и прогонять изъ Бѣлоруссіи, то всѣ знающіе увѣряютъ, что ему надобно будетъ самому отступить назадъ, дабы не дожидаться съ тылу Тор-масова, у котораго 70 тыс. войска.—Богъ спасетъ Москву отъ разбойническаго нашествія!

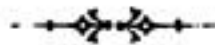
Французы дѣлають ужасы въ городахъ, гдѣ они бывають. Прилагаю у сего копію съ письма моего пріятеля, дабы дать вамъ понятіе, что такое за бѣдствіе попасться въ руки къ извергамъ. Удивляюсь, что французовъ берутъ живыхъ въ плѣнъ. Это суцая зараза, которую вводятъ во внутрь Россіи. Я могу сіе говорить по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣю чрезъ спасшихся отъ истязаній варваровъ. Изверги сіи напитаны такимъ духомъ, что ихъ больше еще должно опасаться плѣнныхъ, нежели сражаясь съ ними. Булгаковъ меня пойметъ.

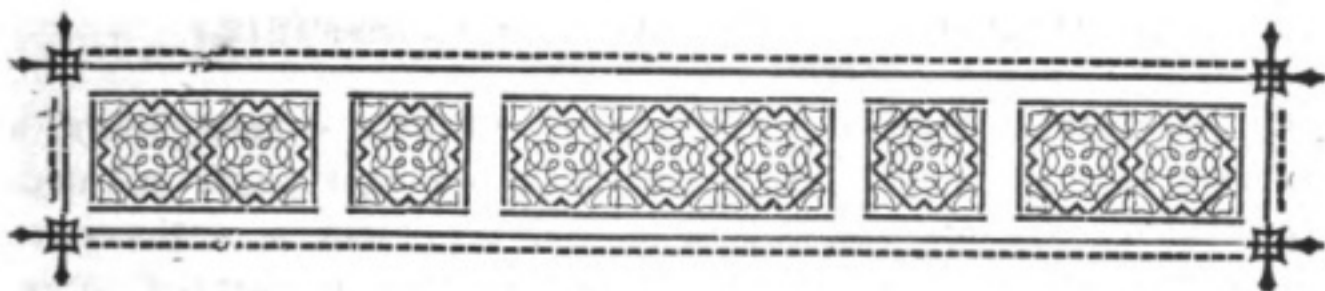
Это все проповѣдники Стройновскаго школы. Шельмы пантомами изъясняются съ мужиками. На что другое догадки у сихъ послѣднихъ не становится, а эти размашки руками они очень хорошо понимаютъ.

Sie schonen die Bauern, bezahlen alles in kliegender Münze; rauben nur die Nädle und misshandeln den Adel.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кто управлялъ русскими войсками въ іюнь 1812 г., послѣ переправы арміи Наполеона черезъ Нѣманъ.

В XIII томѣ матеріаловъ Военно-Ученаго Архива Генеральнаго штаба напечатана интересная переписка начальствующихъ лицъ въ іюнь 1812 года. Документы, изданные въ этомъ томѣ, даютъ возможность оцѣнить взаимодѣйствіе высшаго управленія русскихъ войскъ въ это время.

Курсивъ повсюду нашъ.

П. В.

Донесенія отдѣльныхъ начальниковъ о передвиженіяхъ и дѣйствіяхъ ихъ частей Императору Александру I. Непосредственная передача приказаній Государемъ начальникамъ отрядовъ.

Сношенія Императора Александра I съ княземъ Багратиономъ, и особое положеніе начальника штаба 2-й западной арміи, графа Сенъ-При. Сношенія Барклая-де-Толли съ Государемъ.

Тяжелое положеніе главнокомандующаго 1-й западной арміей и его письмо Государю 25 іюня изъ Бельмонта.

Приказы войскамъ Императора Александра Павловича.

Заключеніе.

14-го апрѣля 1812 года Императоръ Александръ I прибылъ въ главную квартиру 1-й западной арміи въ Вильно; сюда стали поступать къ Государю всѣ донесенія отъ главнокомандующихъ нашими арміями, и все управленіе войсками совершалось по установленному прежде порядку.

12-го іюня, послѣ переправы французскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, порядокъ управленія войсками рѣзко измѣнился: Императоръ Александръ I приказалъ, кромѣ донесеній по командѣ, съ этого вре-

мени доставлять непосредственно ему свѣдѣнія о движеніяхъ и дѣйствіяхъ войскъ не только отъ главнокомандующихъ, но даже отъ командировъ корпусовъ 1-й арміи, а иногда и отдѣльныхъ отрядовъ, при чемъ повелѣнія Государя вручались, по большей части, начальникамъ частей непосредственно чинами Государевой свиты.

Въ приводимой перепискѣ повелѣнія Императора непосредственно передавались графомъ Аракчеевымъ ¹⁾, генераль-адъютантомъ княземъ Волконскимъ ²⁾, флигель-адъютантомъ полковникомъ Бенкендорфомъ ³⁾, флигель-адъютантомъ кн. Волконскимъ ⁴⁾ и флигель-адъютантомъ княземъ Лопухинымъ ⁵⁾.

Не считая донесеній Государю отъ главнокомандующихъ обѣими западными арміями, въ XIII томѣ матеріаловъ Военно-Ученаго Архива Генеральнаго штаба сохранились рапорты Императору Александру I въ теченіе іюня 1812 года отъ слѣдующихъ начальствующихъ лицъ арміи о состояніи и дѣйствіи ввѣренныхъ имъ войскъ: отъ командующаго 3-й обсервационной арміей генерала-отъ-кавалеріи Гормасова—два ⁶⁾, отъ генераль-лейтенанта Эссена 1-го изъ Риги—одиннадцать ⁷⁾, отъ командира 6-го корпуса, генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова—девять ⁸⁾, отъ командира 1-го отдѣл. корпуса, генераль-лейтенанта графа Витгенштейна—десять ⁹⁾, генерала-отъ-кавалеріи войска Донскаго войсковаго атамана Платова—два ¹⁰⁾, отъ командира 2-го корпуса, генераль-лейтенанта Багговута—четыре ¹¹⁾, командира 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, генераль-лейтенанта Уварова — семь ¹²⁾, отъ генераль-маіора Вельяминова изъ Митавы—

¹⁾ Рап. Воен. Мин. 25 іюня 1812 г. № 383.

²⁾ Рап. гр. Витгенштейна Госуд. Импер. 18 іюня 1812 г. № 3.

³⁾ Рап. кн. Багратиона Воен. Мин. отъ 18 мая 1812 г. № 332.

⁴⁾ Рап. ген. Платова Госуд. Импер. отъ 18 іюня 1812 г. № 39.

⁵⁾ Рап. ген. Дохтурова Госуд. Импер. отъ 18 іюня 1812 г. № 40.

⁶⁾ Рапорты Государю Императору изъ Дубно отъ 16-го іюня № 69 и 25-го іюня 1812 г. № 111 изъ Луцка.

⁷⁾ Рапорты Государю Императору отъ 14-го, 15-го, 17-го, № 7—18, № 8—18, 18 письмо на франц. яз., 19-го, № 15—24-го, 24-го письмо на фр. яз., 25-го и 30-го іюня 1812 года.

⁸⁾ Рапорты Государю Императору 16-го, 17-го, 18-го, 20-го, 21-го, 22-го, 25-го, 26-го и 28-го іюня 1812 г.

⁹⁾ Рапорты Государю Императору отъ 17-го, № 2—18-го, № 3—18-го, 19-го, 20-го, 22-го, 24-го, 26-го, 28-го и 30-го іюня 1812 года.

¹⁰⁾ Рапорты Государю Императору отъ 18-го и 20-го іюня 1812 г.

¹¹⁾ Рапорты Государю Императору отъ 16-го, 17-го, 18-го и 19-го іюня 1812 года.

¹²⁾ Рапорты Государю Императру № 25 отъ 19-го, № 26 отъ 19-го, № 27 отъ 19-го, № 29 отъ 20-го, № 30—20-го и два рапорта 20-го іюня 1812 г. безъ номера.

одинъ ¹⁾, начальника 32-й пѣхотной дивизіи генераль-маіора Гамена изъ Динабурга—два ²⁾, командира 1-го резервнаго корпуса, генераль-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго—два ³⁾, коменданта Динабургской крѣпости, генераль-маіора Уланова—два ⁴⁾, командира полка, резервнаго корпуса, 40-й дивизіи полковника Лихарева—одинъ ⁵⁾.

Повелѣнія Императора Александра Павловича войсковымъ начальникамъ не ограничились представленіемъ донесеній о дѣйствіяхъ войскъ; въ скоромъ времени послѣдовали Высочайшія повелѣнія, въ которыхъ давались уже опредѣленные указанія, что надлежитъ войсковымъ частямъ дѣлать.

Эти повелѣнія, по большей части, но не всегда, какъ будетъ указано ниже, были извѣстны главнокомандующему.

Наиболѣе характерныя изъ этихъ повелѣній и донесеній на нихъ приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Государь Императоръ ген.-отъ-инф. Дохтурову, 17 іюня 1812 г. изъ Свенцянь, № 9 ⁶⁾.

Г-ну ген.-отъ-инф. Дохтурову.

Изъ рапорта вашего отъ 16 сего мѣсяца усмотрѣлъ я, что вы съ корпусомъ, вамъ ввѣреннымъ, взяли направленіе двумя колоннами на Кобыльники и Медзель, куда полагаете прибыть не прежде 22 числа.

Вслѣдствіе сего предписываю вамъ ускорить марши ваши, дабы гораздо ранѣе достигъ упомянутыхъ мѣстъ, откуда взять направленіе со всѣмъ корпусомъ на мѣстечко Козяны. На переправахъ при Дунашесѣ и Сморгоняхъ стараться строить мосты какъ можно поспѣшнѣе и въ то же время переправлять войска на плотахъ или судахъ. Пѣхотныхъ баталіоновъ не нужно будетъ вамъ при оныхъ оставлять, ибо ген.-м. гр. Палену дано особенное повелѣніе относительно его движеній, съ коего копію при семъ прилагаю.

Въ маршѣ вашемъ обратите особое вниманіе съ лѣвой стороны, откуда непріятель имѣетъ свое направленіе, сегодня передовыми своими войсками находится онъ по дорогѣ отъ Вильны къ Свенціанамъ, между Неметиномъ и Боярелями.

¹⁾ Рапортъ Государю Императору отъ 20-го іюня 1812 г.

²⁾ Рапорты Государю Императору отъ 21-го и 23-го іюня 1812 г.

³⁾ Рапорты Государю Императору отъ 22-го и 25-го іюня 1812 г.

⁴⁾ Рапорты Государю Императору отъ 22-го и 23-го іюня 1812 г.

⁵⁾ Рапортъ Государю Императору отъ 28-го іюня 1812 г. № 94 изъ Торонца.

⁶⁾ Помѣтка: „Получено 18 іюня“.

Для облегченія какъ людей, такъ и обоза брать обывательскихъ лошадей подъ свозъ аммуниціи и припрягать къ обозу. Относительно же продовольствія войскъ выдавать ежедневно мясную и винную порцію, забирая оныя отъ обывателей подъ квитанціи и высылая для сбора оныхъ напередъ на каждый ночлегъ особенныхъ чиновниковъ.

Подпись: АЛЕКСАНДРЪ.

Государь Императоръ ген.-м. гр. Палену, 17 іюня 1812 г. изъ Свенцянь, № 10 ¹⁾).

Г-ну ген.-м. гр. Палену.

Съ полученіемъ сего имѣете вы немедленно слѣдовать безъ потери времени отъ мѣста вашего пребыванія кратчайшею дорогою на Вильно, къ соединенію съ 6-мъ корпусомъ, который взялъ направленіе свое на Козяны. Если непріятель воспрепятствуетъ взять сіе направленіе, въ такомъ случаѣ, держась правѣе, старайтесь присоединиться къ арміи кн. Багратіона, которая слѣдуетъ чрезъ Новогрудокъ на Вилейку. Для облегченія какъ людей, такъ и обозовъ брать обыкновенныхъ лошадей подъ свозъ аммуниціи и припрягать къ обозу. Относительно продовольствія войскъ выдавать ежедневно мясную и винную порцію, забирая оныя отъ обывателей подъ квитанціи и высылая для сбора оныхъ напередъ на каждомъ ночлегѣ особенныхъ чиновниковъ.

Подпись: АЛЕКСАНДРЪ.

Генераль-отъ-кавалеріи Платовъ доноситъ 18-го іюня 1812 г. изъ Ищолкъ, № 39:

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе отъ 16-го числа сего мѣсяца, черезъ флигель-адъютанта князя Волконскаго, я вчерашняго числа въ 11 часовъ по полудни въ селеніи Милковщизнѣ имѣлъ счастье получить и имѣю всеподданнѣйшій долгъ исполнить оное.

Теперь съ полками корпуса слѣдую черезъ Щучинъ къ Лидѣ и буду стараться дѣйствовать на непріятеля, гдѣ найду его.....

18-го іюня 1812 г. ком. 6-го корп. ген.-отъ-инф. Дохтуровъ доноситъ изъ Дунашева:

17-го іюня по полуночи въ 1-мъ часу я имѣлъ счастье получить черезъ флиг.-адъют. кн. Лоцухина Высочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества (далѣе слѣдуетъ изложеніе повелѣнія).

¹⁾ Помѣтка: „Получено 18 іюня“.

Сегодня 18 пришедъ въ Дунашево получилъ другое отъ воен. министра, писанное по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію. . . . . слѣдовать въ Линдулы.

18-го іюня 1812 г. за № 3, ком. 1-го корп. генер.-лейт. кн. Витгенштейнъ доноситъ изъ Таурогена:

Ген.-ад. кн. Волконскій въ отношеніи отъ вчерашняго числа объявилъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы идучи изъ Покольинъ къ Видзамъ имѣлъ я наблюденіе за непріятелемъ со стороны мѣстечка Таурогена . . . . .

. . . . . (далѣе слѣдуетъ изложеніе предписанія для дѣйствій корпуса отъ Военнаго министра отъ 8-го іюня за № 262). Донесеніе гр. Витгенштейнъ заканчиваетъ такъ: я уже прибылъ сегодня въ Таурогенъ и завтра пойду на Солокъ, гдѣ буду ожидать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія.

19 іюня ген.-лейт. Уваровъ доноситъ за № 25 изъ Антомѣста о полученномъ повелѣніи и заканчиваетъ свое донесеніе такъ:

При корпусѣ гр. Витгенштейна видѣлъ графа Остермана, который съ тѣмъ пріѣхалъ, чтобы ожидать начала, а какъ оно уже объяснилось переходомъ непріятеля границы и даже пушками и ружьемъ подъ Вилькомиромъ, то и полагаетъ явиться графъ Остерманъ въ главную квартиру съ тѣмъ, чтобы быть готову на всякое употребленіе, какъ заблагоразсудите, ежели не иначе, то хотя на ординарцы къ Вашему Величеству; сіе похоже на графа Остермана и на настоящаго русскаго; я сіе все написалъ, дабы Ваше Величество заранѣе знали, а тамъ поступить какъ вамъ угодно; я въ чувствахъ своихъ за такой поступокъ графа Остермана не могу довольно уважать.

О погодѣ ничего не говорю, другой день пренесносная, наипаче для бивуаковъ, но теперь не время объ ономъ говорить, впереди еще предстоитъ всего много.

Вѣрный нашъ Уваровъ вамъ желаетъ здоровья, а бороться съ тысячами непріятностей будетъ для васъ не ново.

19 іюня ген.-лейт. гр. Витгенштейнъ изъ м. Солокъ *всеподданнѣйше проситъ позволить сдѣлать роздыхъ въ селѣ Щетъ.*

20 іюня ген.-лейт. Витгенштейнъ доноситъ изъ Солокъ.

...Къ дальнѣйшему слѣдованію буду ожидать Вашего Императорскаго Величества повелѣнія.

22 іюня 1812 г. за № 50. ген. Платовъ доноситъ воен. министру изъ Бакшта. На марши отошедши отъ Бакшты къ сторонѣ Волошина двѣ мили, имѣлъ счастье получить чрезъ адъютанта Его Величества, полковника Штерберга, Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, и во исполненіе онаго обратилъ слѣдованіе

мое опять на Бакшты, гдѣ теперь нахожусь, а отъ сюда послѣдую далѣе для соединенія съ арміею г. ген.-отъ-инф. кн. Багратіона, вообще съ нимъ буду дѣйствовать на непріятеля.

Командиръ 6 корпуса, ген.-отъ-инф. Дохтуровъ 21 іюня доноситъ изъ Поставы Государю Императору „съ корпусомъ отправляюсь въ Козяны, гдѣ буду ожидать повелѣнія“. Онъ же доноситъ, 22 іюня изъ Козянь Государю: „прибылъ въ Козяны, гдѣ буду ожидать повелѣнія“. Онъ же доноситъ 25 іюня изъ Новгорода: „сходно повелѣнія Вашего Императорскаго Величества я приказалъ генералъ-маіору графу Палену высылать отъ себя разъѣзды до Замосца и по дорогѣ къ Ширковщизнѣ“. Онъ же доноситъ 26 іюня изъ Крюки: Сего 26 іюня въ часъ дня я съ ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ прибылъ въ дер. Старые Крюки, на высотѣ за деревней расположился. На своей позиціи *ожидаю повелѣнія Вашего Императорскаго Величества.*

26 іюня изъ м. Друя ген.-лейт. кн. Витгенштейнъ доноситъ: завтрашній день перейду на ту сторону рѣки (Десна у м. Друя), *гдѣ и останусь впредь до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія.*

Подобный же запросъ повелѣній идетъ къ Императору Александру, со стороны начальника 9-й кавалерійской дивизіи ген.-маіора кн. Репнина 29 іюня за № 273 изъ Придруйска: я поспѣшаю тотчасъ отправить курьера къ Вашему Императорскому Величеству, испрашивая Высочайшихъ повелѣній, какимъ образомъ поступать мнѣ, ежели непріятель здѣсь усилится.

Повелѣнія Императора Александра I въ іюнѣ 1812 года касались не только большихъ войсковыхъ частей, они нисходили до самыхъ небольшихъ отрядовъ и частей.

Изъ приведеннаго выше донесенія командира 6 корпуса ген.-отъ-инф. Дохтурова отъ 22 іюня 1812 года видно, что Высочайше повелѣно было графу Палену высылать разъѣзды до Замосца и по направленію къ Ширковщизнѣ.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 20 іюня 1812 года за № 34 было указано гр. Витгенштейну транспорты, идущіе изъ Самогитіи, отправлять ¹⁾ ниже Динабурга на Браславъ.

25 іюня 1812 г. генералъ-отъ-инфантеріи Римскій-Корсаковъ доноситъ отъ Юстинова: адъютантъ Вашего Императорскаго Величества графъ Потоцкій отправляетъ теперь больныхъ въ Себежъ, Люцинъ, Псковъ и Опочку, также и партикулярные обозы высылаетъ по предписанію ему данному.

¹⁾ Донесеніе Гос. Им. отъ 22 іюня № 6 изъ Рымшанъ.

Полковникъ Лихаревъ доноситъ 28 іюня изъ Торопца: по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію резервные баталіоны Торопецкой бригады полковъ Кременчугскаго и 4-го Егерскаго сего мѣсяца 28 числа выступили въ назначенное имъ мѣстечко Дриссу.

Иногда случалось, что Высочайшее повелѣніе войсковому начальнику противорѣчило предписанію главнокомандующаго или повелѣніе было главнокомандующему неизвѣстно.

Это произошло съ командиромъ 2 корпуса генераль-лейтенантомъ Багговутомъ и генераль-лейтенантомъ гр. Остерманомъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ донесеній.

Ген.-лейт. Багговуть военному министру, 19 іюня 1812 г. изъ Колтиньянъ, № 402 ¹⁾).

Повелѣніе вашего высокопр-ства отъ 18-го іюня за № 337 изъ Баярели писанное получилъ я 19 числа въ 6 часовъ утра въ Колтиньянахъ, о прибытіи моемъ туда донесъ я вамъ 18-го числа въ вечеру за № 393. Причина почему я поспѣшилъ занять Колтиньяны 18-го числа есть та, чтобы выполнить во всей точности предписаніе ваше отъ 15-го сего мѣсяца за № 313, дабы прибыть въ тотъ самый день въ Колтиньяны, когда ваше высокопр-ство съ 3-мъ и 4-мъ корпусами прибудете въ Свенціяны, дабы такимъ образомъ дѣйствовать соображая генеральному плану въ 8-й день сдѣланному при отношеніи начальника Главнаго Штаба за № 98, ко мнѣ доставленному и дабы отступить въ параллельной дирекціи съ корпусомъ гр. Витгенштейна, который увѣдомилъ меня, что онъ изъ своей стороны, согласно генеральнаго плана, отступаетъ и уже 17-го числа хотѣлъ быть въ Покельно.

При семъ доношу вашему высокопр-ству, что сказанной мой рапортъ за № 393 распечатанъ въ Свенціанахъ Государемъ Императоромъ и Его Императорское Величество *Высочайше предписать соизволимъ занять 20-го числа сего іюня мѣсяца позицію въ Довгелишкахъ*. Съ обѣихъ бумагъ какъ сказаннаго Высочайшаго повелѣнія за № 25, такъ и съ того моего рапорта, на который сіе повелѣніе послѣдовало, представляю у сего копію.

Но дабы имѣть сего числа непременно коммуникацію съ 3-мъ корпусомъ, то предписалъ я полковнику Потемкину вернуться въ Малзуны, оттуда однако 20-го числа сего іюня долженъ онъ выступить въ мѣстечко Колтиньяны какъ и 1-й отрядъ авангарда ввѣреннаго мнѣ корпуса, поелику въ силу Высочайшаго повелѣнія долженъ я съ корпусомъ выступить того же числа въ Довгелишки. Ген.-лейт. Уваровъ увѣдомилъ меня, что 19-го числа прибудетъ онъ въ Полуши.

¹⁾ Помѣтка: „Получено 19 іюня“.

Днося о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ вашему высокопр-ству, я ожидаю теперь отъ васъ дальнѣйшаго повелѣнія, присовокупя къ тому, что разъѣзды, высланные отъ обоихъ отрядовъ ввѣреннаго мнѣ арріергарда, нигдѣ непріятели не примѣтили.

Подпись: ген.-лейт. Багговуть.

Р. S. Сейчасъ получилъ я повелѣніе вашего высокопр-ства отъ 18-го сего іюня за № 341, какъ оно несходно съ Высочайшимъ повелѣніемъ вышеупомянутымъ, то ожидаю дальше ваше предписаніе.

Военный министръ Государю Императору, 25 іюня 1812 г. изъ Бельмонта № 388.

Его Императорскому Величеству Военнаго министра рапортъ.

Сейчасъ получилъ я отъ ген.-лейт. Остермана донесеніе, что онъ чрезъ ген. гр. Аракчеева получилъ повелѣніе сего же дня слѣдовать въ Навлоки, почему и я завтра пополудни въ два часа выступлю съ войсками въ Иказню, а сегодня сблизу свой арріергардъ.

Я приказалъ гр. Остерману оставить свой арріергардъ въ Замоши, дабы прикрыть мой лѣвой флангъ или правой флангъ ретирады и увѣдомить о семъ гр. Витгенштейна.

Не зная настоящихъ причинъ сего движенія, я долженъ былъ сдѣлать сіе распоряженіе, не дождавшись повелѣнія Вашего Величества на мой рапортъ къ вамъ сего числа въ 8 часовъ отправленной, дабы не терять время. Пѣхота моя не прежде какъ въ 8 часовъ пополудни выступить въ лагерь, будучи всю ночь въ маршѣ по причинѣ дурной погоды.

Движеніе ген. Дохтурова на Новгородъ есть мѣра очень благо-разумная и взятая во время.

Подпись: Военный министръ Барклай-де-Толли.

Бывали и такіе случаи: корпусный командиръ доноситъ главнокомандующему, а повелѣніе по этому рапорту посылаетъ Императоръ Александръ Павловичъ, какъ это и произошло съ рапортомъ ген.-лейт. Багговута отъ 18 іюня за № 393.

Ген.-лейт. Багговуть Военному министру, 18 іюня 1812 г. изъ Колтиньянъ, № 393.

Сего числа я прибылъ съ ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ въ мѣстечко Колтиньяны и занялъ позицію лицомъ къ м. Лабонары, а

спиною къ озеру Жейменѣ и рѣкѣ Жейменѣ. Сія позиція для упорнаго сраженія противъ сильнѣйшаго непріятелиа вовсе не выгодна, ибо въ случаѣ неудачи, нѣтъ никакой возможности къ отступленію, за сказаннымъ озеромъ и рѣкою, она также невыгодна: 1) высоты, которыя я теперь занялъ, командуютъ всѣмъ мѣстоположеніемъ за рѣкою лежащимъ, и 2) она такъ мало пространства имѣетъ, что нигдѣ даже полка въ фронтѣ поставить не можно. Посланный отъ меня съ симъ донесеніемъ по квартирмейстерской части поручикъ Брунъ изложитъ вашему высокопр-ству всѣ подробности, въ отношеніи выше сего сказаннаго.

Представляя о семъ вашему высокопр-ству, я ожидаю отъ васъ разрѣшеніи, принять ли мнѣ на той позиціи сраженіе, ежели буду атакованъ, или отступить мнѣ далѣе, въ обоихъ случаяхъ прошу покорнѣйше снабдить меня повелѣніемъ, означивъ въ послѣднемъ и дирекцію. Разъѣзды, высланные сего числа изъ арріергардовъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, нигдѣ непріятелиа не примѣтили.

Подпись: Ген.-лейт. Багговуть.

Государь Императоръ ген.-лейт. Багговуту, 19 іюня 1812 г. изъ Свенцянь, № 25.

Г-ну ген.-лейт. Багговуть.

Въ отвѣтъ на рапортъ вашъ Военному министру, нахожу нужнымъ вамъ предписать, по случаю невыгодности позиціи въ Колтивьянахъ, чтобы вы единственно поддерживали вашъ арріергардъ невходя въ дѣло съ непріятелиемъ. Въ случаѣ же сильнаго напора изберите позицію между Колтивьянами и Довгелишками. 20-го же займете позицію въ Довгелишкахъ. О всемъ происходящемъ рапортуйте меня и Военнаго министра въ Свенціянахъ. Сохраняйте сношенія непрерывныя съ корпусомъ ген.-лейт. гр. Витгейштейна и Уварова, которые будутъ находиться между Литмянь и Синишки.

Подпись: АЛЕКСАНДРЪ.

Р. S. Отошлите пакеты на имена ген.-лейт. Уварова и Витгенштейна немедленно въ Литмяны.

Въ разсматриваемое нами время въ особыхъ условіяхъ командованія находился главнокомандующій 2-й западной арміей генераль-отъ-инфантеріи кн. Багратионъ. Отдаленный на нѣсколько переходовъ отъ 1-й арміи, оперируя противъ превосходныхъ въ числѣ войскъ Даву и Вестфальскаго короля, онъ сносился съ военнымъ министромъ и главнокомандующимъ 1-й арміи, а также съ Государемъ Импера-

торомъ, представляя письменныя донесенія. Таковыхъ донесеній Императору Александру Павловичу въ теченіе іюня послѣдовало одиннадцать ¹⁾).

Изъ этихъ донесеній, а также изъ отзывовъ кн. Багратіона военному министру отъ 12 іюня № 310 1812 г. изъ Волковыска, 13 іюня, 14 іюня № 323 изъ того же мѣста можно усмотрѣть слѣдующую картину начальническихъ отношеній по высшему управленію арміей. За исключеніемъ генерала-отъ-кавалеріи графа Платова, состоявшаго во временномъ подчиненіи князю Багратіону, Императоръ Александръ I не отдавалъ никакихъ приказаній строевымъ начальникамъ 2-й арміи, помимо князя Багратіона. О Высочайшихъ повелѣніяхъ графу Платову было уже указано выше. Повидимому, князь Багратіонъ не былъ надлежащимъ образомъ освѣдомленъ объ общемъ планѣ войны, такъ въ перепискѣ съ военнымъ министромъ отъ 12 іюня 1812, № 310 кн. Багратіонъ пишетъ:

„Впрочемъ мое мнѣніе какъ особенное на простомъ понятіи, безъ смѣшенія выводовъ политическихъ и другихъ неизвѣстныхъ мнѣ досель и обстоятельствъ сходящихся въ кругъ предположеній о военныхъ операціяхъ, можетъ быть и не будетъ сообразно съ тѣми видами, по коимъ дѣлается войсками нашими направленіе“.

Не будучи посвященъ въ общій планъ дѣйствій, кн. Багратіонъ представляетъ 13 и 14 іюня свои соображенія для дѣйствій 2-й арміи военному министру для доклада Государю Императору и не получая отъ военнаго министра отвѣта, 15 іюня 1812 г. за № 328 спрашиваетъ по этимъ соображеніямъ указаній Императора Александра Павловича, при чемъ еще 13 іюня кн. Багратіонъ указывалъ, что непріятель можетъ раньше его занять Минскъ.

Никакихъ особыхъ указаній кромѣ ниже приведенныхъ директивъ князь Багратіонъ не получилъ, но запросъ по этому поводу у самого Государя, повидимому, послужилъ причиной неудовольствія Барклая-де-Толли противъ князя Багратіона.

Князю Багратіону дано было только одно общее указаніе: „чтобы съ сильнымъ непріателемъ избѣгать всѣхъ рѣшительныхъ сраженій“ ²⁾).

Послѣ перехода французскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 2-й арміи ставилось цѣлью подкрѣплять генерала Платова, когда онъ пойдетъ

¹⁾ Рапорты Государю Императору въ іюнь 1812 г. отъ 15 іюня № 1900, 15 іюня № 328, 18 іюня № 339, 19 іюня № 243, 20 іюня, 24 іюня № 372, 26 іюня № 2007, 26 іюня, 28 іюня № 397, 28 іюня № 399 и 30 іюня № 403.

²⁾ Рапортъ кн. Багратіона Государю Императору 26 іюня 1812 г. на маршъ въ Несвижъ.

во флангъ и тылъ непріятеля ¹⁾ и въ другомъ отношеніи, приложенномъ къ рапорту военнаго министра Государю Императору отъ 16 іюня 1812 г. № 322, было сказано:

Ваше сіятельство... „старайтесь, чтобы непріятель не могъ отрѣзать Вамъ дороги черезъ Минскъ къ Борисову“.

Всѣ эти Высочайшія повелѣнія сообщались князю Багратіону военнымъ министромъ.

18 іюня 1812 года, когда главная квартира 2-й арміи находилась въ Зельвѣ, въ 2 часа пополудни къ князю Багратіону пріѣхалъ флигель-адъютантъ Бенкендорфъ и передалъ Высочайшее повелѣніе, чтобы войска 2-й арміи взяли направленіе свое черезъ Новогрудокъ на Вилейку на соединеніе съ 1-й арміей. Князь Багратіонъ повелъ свои войска, согласно Высочайшему повелѣнію и сообщилъ о томъ военному министру ²⁾.

Такимъ образомъ 2-й арміи предписывалось идти на соединеніе съ 1-й арміей, совершая, рискованный, фланговый и отступательный маршъ передъ наступающими войсками Даву и Вестфальскаго короля. 1-я армія не приняла предположеннаго сраженія у Свѣицянъ и стала отступать къ Дриссѣ. Этимъ распоряженіемъ армія кн. Багратіона ставилась въ очень тяжелое положеніе.

24 іюня кн. Багратіонъ рѣшилъ послушаться повелѣнія и началъ отступленіе черезъ Несвижъ на Минскъ ³⁾, но въ это время, пользуясь отступленіемъ 1-й арміи, корпусъ Даву устремился къ Минску и занялъ его раньше, чѣмъ войска кн. Багратіона туда подошли, а кн. Багратіонъ форсированнымъ маршемъ пошелъ черезъ Несвижъ, Слуцкъ къ Бобруйску ⁴⁾.

Князь Багратіонъ имѣлъ гражданское мужество донести 24 іюня на маршѣ въ Несвижъ Государю Императору: „Ваше Императорское Величество изъ подносимей при семъ копій съ отношенія моего военному министру, отправленный въ 13 день іюня, усмотрѣть соизволите, что я имѣлъ несчастіе предвидѣть занятіе непріятельскими войсками Минска прежде меня. Но все бы еще достигнуть возможно было соединенія армій черезъ оный, если бы я не получилъ направленія въ Зельвѣ черезъ Новогрудокъ ⁵⁾“.

Въ донесеніи Императору отъ 30 іюня 1812 г. № 403 кн. Ба-

¹⁾ Отзывъ кн. Багратіона военному министру отъ 14 іюня 1812 № 323.

²⁾ Рапортъ кн. Багратіона Государю Императору отъ 18 іюня изъ Зельвы, отзывъ кн. Багратіону военному министру отъ 18 іюня № 390.

³⁾ Рапортъ Государю Императору отъ 24 іюня № 372 изъ Кареличъ.

⁴⁾ Рапортъ Государю Императору отъ 24 іюня на маршѣ въ Несвижъ.

⁵⁾ Тамъ же.

гратіонъ пишетъ еще отчетливѣй о томъ въ какое положеніе ставило 2-ю армію Высочайшее повелѣніе полученное, 18 іюня въ Зельвѣ: „данное же мнѣ направленіе на Новогрудокъ не только отнимали у меня способы къ соединенію черезъ Минскъ, но угрожали потерей всѣхъ обозовъ, лишеніемъ способовъ къ продовольствію и совершеннымъ пресѣченіемъ даже сношеній съ 1-й арміей.

Бывъ въ таковомъ положеніи съ изнурительными войсками отъ десяти-дневныхъ форсированныхъ маршей по песчанымъ весьма дорогамъ, я принялъ оное за крайность, въ которой и Ваше Императорское Величество позволяете отступленіе къ Бобруйску“.

28-го іюня армія Багратіона достигла Несвижа, а 5 іюля подошла къ Бобруйску, а затѣмъ перейдя у Ново-Быхова черезъ Днѣпръ, черезъ Пропойскъ, Мстиславль, достигла Смоленска, гдѣ и соединилась съ 1-й арміей.

Кромѣ враговъ внѣшнихъ, французовъ, кн. Багратіонъ имѣлъ въ составѣ арміи лицъ, не особенно къ нему расположенныхъ.

Къ таковымъ надлежитъ причислить и самого Барклая-де-Толли.

Въ письмѣ Государю Императору отъ 17 іюня, написанномъ по-французски, Барклай между прочимъ пишетъ: „Но, Ваше Императорское Величество, слишкомъ непріятно видѣть, что князь Багратіонъ вмѣсто того, чтобы исполнять тотчасъ приказанія Вашего Императорскаго Величества, теряетъ время въ совершенно излишнихъ разсужденіяхъ ¹⁾ и, сообщая ихъ еще и генералу Платову, сбиваетъ съ толку этого генерала, который и безъ того такъ мало образованъ и невѣжественъ. Все же я надѣюсь, что, на основаніи Высочайшихъ повелѣній, каковое Ваше Величество имъ обоимъ послали, они будутъ имѣть еще время исправить недостатокъ точности и рвенія, проявленныхъ ими при исполненіи“ ²⁾.

Въ письмѣ Императору Александру I 27 іюня 1812 г., написанномъ по-французски, Барклай-де-Толли пишетъ: „Непростительно, Ваше Величество, что князь Багратіонъ направился на Несвижъ, хотя возможно было, что онъ встрѣтилъ бы непріятеля передъ Минскомъ и безъ сомнѣнія прогналъ бы его, потому что непріятель не могъ быть въ большихъ силахъ, тогда онъ установилъ бы сообщеніе съ Борисовымъ; теперь Платовъ и Дороховъ его под-

---

¹⁾ Вѣроятно это было написано послѣ вышеуказаннаго рапорта кн. Багратіона отъ 15 іюня № 328, по которому онъ не получилъ разъясненій отъ Барклая.

²⁾ Военно-Ученый Архивъ отд. II, № 1873.

крѣпили и князь достаточно силенъ, чтобы бороться противъ Даву¹⁾; теперь моментъ, чтобъ онъ атаковалъ его; съ тѣмъ количествомъ легкихъ войскъ, какое у него въ арміи, никакое движеніе непріятеля у него не ускользнетъ и ему легко принять свои мѣры. Князь Багратіонъ могъ идти на Игумень, прикрываясь легкой кавалеріей и идя параллельно съ ней²⁾“.

Начальникъ штаба арміи князя Багратіона графъ Сенъ-При имѣлъ полномочія писать непосредственно письма Императору Александру I.

Въ разбираемомъ XIII томѣ приведены на французскомъ языкѣ письма гр. Сенъ-При отъ 17 іюня, 18 іюня, 29 іюня и еще письмо въ іюнь безъ обозначенія числа. Въ письмѣ отъ 29 іюня гр. Сенъ-При считаетъ, что корпусъ генерала Платова болѣе необходимъ для 1-й арміи, а не для арміи князя Багратіона. „Я предложилъ эту идею Вашему Величеству, потому что считалъ эту мысль полезной для блага службы, соотвѣтственно инструкціямъ, которыя Ваше Величество мнѣ дали передъ отъѣздомъ изъ Петербурга“.

Дѣйствительно въ XIII томѣ на стр. 408—415 напечатаны эти инструкціи, гдѣ изложены операціонные планы, отъ которыхъ безъ Высочайшаго повелѣнія отступать не должно: а) когда война съ нашей стороны откроется наступательной, б) когда война внутри нашихъ предѣловъ ведется оборонительной; причемъ въ III пунктѣ этого отдѣла сказано: дается наставленіе для дѣйствій:

III) Когда непріятель обратитъ главную силу противъ 2-й арміи.

Очевидно, что когда князь Багратіонъ проектировалъ указанные выше операціонные планы, о которыхъ Барклай писалъ Государю, что онъ „теряетъ время въ совершенно излишнихъ разсужденіяхъ“, князь не зналъ о существованіи этой инструкціи.

Да и трудно было ему знать, потому что въ началѣ инструкціи для Сенъ-При напечатано: „Посему, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, предписывается Вамъ для единственнаго Вашего свѣдѣнія“.

Князь Багратіонъ посылалъ Императору Александру I въ іюнь 1812 года свои донесенія безъ упоминанія слова Главнокомандующаго и начиналъ ихъ такъ:

Его Императорскому Величеству, генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона рапортъ,

¹⁾ Неуспѣшныя сраженія при Салтановкѣ и Дашковой показали, насколько не вѣрны были предположенія Барклая о силахъ французовъ.

²⁾ Военно-Ученый Архивъ отд. II, № 1813 ст. 206—207.

а главнокомандующій 1-й арміей слѣдовалъ такому же принципу и писалъ:

Его Императорскому Величеству, Военнаго
Министра рапортъ.

Въ описываемое время Барклай-де-Толли посылалъ Государю Императору ежедневно отъ 2 до 5 донесеній на русскомъ и французскомъ языкахъ и всего ихъ послано въ юнѣ тридцать четыре донесенія¹⁾.

Приведенные уже выше примѣры: а) когда корпусные командиры многократно испрашивали для своихъ дѣйствій непосредственно Высочайшаго повелѣнія, а не приказанія главнокомандующаго, б) Высочайшія повелѣнія, противорѣчивыя съ приказаніемъ главнокомандующаго²⁾, полученіе командиромъ корпуса Высочайшихъ повелѣній, неизвѣстныхъ главнокомандующему³⁾, Высочайшее повелѣніе въ отвѣтъ на рапортъ командира корпуса⁴⁾, все вмѣстѣ не могло не повліять на главнокомандующаго 1-й арміей и военнаго министра, генерала-отъ-инфантеріи Барклая де-Толли. Всѣ эти примѣры приведены выше въ подлинникахъ.

Неоднократное распечатываніе приведенныхъ ниже донесеній не могло не вселять въ душу главнокомандующаго сомнѣнія, что онъ не пользуется свыше полнымъ довѣріемъ.

Ген.-адъют. кн. Волконскій доноситъ военному министру, 17 юня 1812 г. изъ Свенцянь, № 1699.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопр-ству рапортъ ген.-отъ-инф. Дохтурова, посланный отъ него на ваше имя съ фельдъ-егеремъ Лукиненкою и распечатанный Государемъ Императоромъ и копію съ его донесенія къ Его Величеству, получен-

¹⁾ 16 юня изъ Братинишки, 16 юня изъ Вильны № 322, 16 юня № 325, 16 юня на франц., 16 юня № 326, 17 юня № 334, 17 юня на франц., 18 юня по-франц., 18 юня № 338, 18 юня № 342, 18 юня по-франц., 19 юня № 358, 19 юня по-франц., 19 юня № 362, 20 юня по-франц., 20 юня № 365, 21 юня № 366, 21 юня № 367, 23 юня, 23 изъ Опса, 23 по-франц., 24—изъ Опса № 384, 24—по-франц., 25—№ 387, 25—№ 388, 25 юня № 390, 25—по-франц., 25—по-франц. стр. 301, 26 юня, 27 юня изъ Малахова по-франц., 27—по-франц., 27—по-франц., 27—по-русски изъ Леомпоса, 28—по-франц.

а) Рап. Багговута воен. мин. отъ 14 юня № 402.

б) Рап. воен. мин. Госуд. Импер. 25 юня № 388.

в) Рапортъ ген. Багговуту воен. мин. 18 юня № 383 и Высоч. повел. ген. Багговуту отъ 19 юня № 25.

наго съ нарочно-посыльнымъ къ нему фл.-адъют. полк. кн. Волконскимъ, которое было писано позднѣе вышесказаннаго къ вамъ рапорта и послѣдовавшія на оной Высочайшія повелѣнія къ нему и къ ген.-м. Палену, отправленныя сего числа съ фл.-адъют. кн. Лопухинымъ.

Подпись: ген.-адъют. кн. Волконскій.

Ген.-адъют. кн. Волконскій доноситъ военному министру, 18 іюня 1812 г. изъ Свенцянь, № 1701.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопр-ству два рапорта отъ ген.-лейт. Багговута и гр. Витгенштейна, къ вамъ послѣдовавшіе, *которые были распечатаны Государемъ Императоромъ*, и донесеніе Его Императорскому Величеству отъ ген.-лейт. гр. Витгенштейна. Вслѣдъ за симъ отправится къ вашему высокопр-ству квартирмейстерской части подполковникъ Клаузевицъ, для сообщенія ему данныхъ порученій.

Подпись: ген.-адъют. кн. Волконскій.

Выше былъ напечатанъ рапортъ командира 2 корпуса военному министру отъ 19 іюня № 402, гдѣ сказано: „при семъ доношу Вашему высокопревосходительству, что сказанный мой рапортъ за № 393 *распечатанъ въ Свенціанахъ Государемъ Императоромъ*“.

Всѣ указанныя выше распоряженія поколебали у Баркляя-де-Толли увѣренность въ своихъ силахъ, и онъ начинаетъ дѣйствовать по примѣру своихъ подчиненныхъ, т. е. испрашивать для дѣйствій арміи Высочайшихъ повелѣній; такъ въ письмѣ Государю Императору отъ 18 іюня 1812 г. онъ пишетъ ¹⁾:

Ваше Величество, усмотрите рапортъ графа Витгенштейна отъ 16 числа изъ Вилькомира, который я имѣлъ честь послать Вашему Величеству, что графъ, сражаясь съ маршаломъ Удино, изъ предосторожности долженъ былъ отступить; тѣмъ не менѣе непріятелю не удалось обойти правый флангъ 1-й арміи, но онъ можетъ броситься на Динабургъ, который беззащитенъ, *и такъ какъ я не знаю, какіе планы Ваше Величество имѣете на будущее время, то я не могу ничего предписать по рапорту графа Витгенштейна. Ожидаю почтительно, каковы будутъ приказанія мнѣ Вашего Величества, и осмѣливаюсь умолять Ваше Величество послать эти приказанія прямо графу, чтобы не терять времени* ²⁾.

¹⁾ Письмо воен. мин. отъ 18 іюня безъ номера и обозн. мѣста. Подлинникъ писанъ на франц. яз.

²⁾ Курсивъ нашъ.

20 іюня № 362 онъ доноситъ изъ Свенцянь: Вслѣдствіе Высочайшей воли Вашего Величества, завтрашняго числа выступаютъ войска и будутъ слѣдовать въ нижеслѣдующія мѣста ¹⁾.

20 іюня пишетъ изъ Свенцянь: „такъ какъ *Ваше Величество разрѣшили мнѣ распорядиться* ²⁾ маршемъ графа Витгенштейна, то я ему пошлю приказаніе идти завтра на Каврогани ³⁾“.

25 іюня доноситъ изъ Опсы № 387. *Испрашиваю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія* ⁴⁾, прикажете ли завтрашній день войскамъ дать роздыхъ или слѣдовать по назначенію ⁵⁾.

25 іюня онъ доноситъ изъ Бельмонта № 390. *Высочайшее повелѣніе* Вашего Императорскаго Величества отъ сего числа я имѣлъ счастье получить и буду стараться въ точности оное исполнить ⁶⁾.

26 іюня воен. мин. доноситъ за № 366 изъ м. Переброды. Главную мою квартиру расположилъ въ м. Переброды. О дальнѣйшемъ слѣдованіи корпусовъ, съ коими иду, дерзаю испросить Вашего Величества повелѣнія.

Въ письмѣ Императору Александру I отъ 25-го іюня изъ Бельмонта Барклай-де-Толли пишетъ ⁷⁾ между прочимъ: войска чувствуютъ усталость отъ похода — лошади ослабѣваютъ. Въ диспозиціи для марша *повелѣно, что должны выполнить 26 іюня войска. Я прошу Ваше Величество указать, нѣтъ ли измѣненій въ этомъ повелѣніи* ⁸⁾.

Самымъ интереснымъ письмомъ Барклайя является письмо Государю изъ Бельмонта отъ 25-го же іюня ⁹⁾. Въ немъ главнокомандующій 1-й арміи пишетъ: „Я только что получилъ приказаніе Вашего Величества отправиться въ Милашево. Не премину исполнить Высочайшую волю ¹⁰⁾... Остальная часть пѣхоты II корпуса прибыла сюда только въ 2 часа по полудни. Ошибочно предполагать, что непріятель прибудетъ раньше насъ въ Дриссу, потому что корпусъ Мюрата противъ Дохтурова; тотъ же Мюратъ былъ третьяго дня противъ меня. Нѣтъ никакой возможности предположить, чтобы непріятель былъ вездѣ въ превосходныхъ силахъ.“

¹⁾ Рапортъ Госуд. Импер. 20 іюня 1812 г.

²⁾ Курсивъ нашъ.

³⁾ Письмо воен. мин. на франц. яз.

⁴⁾ Курсивъ нашъ.

⁵⁾ Рапортъ воен. мин. отъ 25 іюня.

⁶⁾ Рапортъ Госуд. Импер. отъ 25 іюня.

⁷⁾ Письмо на франц. языкѣ—безъ №.

⁸⁾ Курсивъ нашъ.

⁹⁾ Письмо на франц. языкѣ и въ дѣлахъ Воен.-Уч. Архива значится въ II отд. № 1873, л. 185—186.

¹⁰⁾ Курсивъ вездѣ нашъ.

Неприятельская пѣхота и кавалерія очень утомлены. *Быстрота нашего отступленія не соответствуетъ обстановкѣ. Я не знаю къ чему она. Я не могу скрыть и считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что вліяніе этого поспѣшнаго отступленія начинаетъ сказываться между солдатами, которые громко выражаютъ свое неудовольствіе, дѣлаютъ различныя предположенія о причинахъ, особенно злонамѣренны поляки, видятъ въ этомъ зловѣщіе признаки и готовы воспользоваться этимъ при первомъ случаѣ.*

Въ заключеніе я не знаю, что мы будемъ дѣлать въ укрѣпленномъ лагерѣ подѣ Дриссой.—Послѣ такого поспѣшнаго отступленія мы теряемъ окончательно неприятеля изъ виду и будемъ принуждены выслать впередъ большой корпусъ. Не знаю также, что будетъ дѣлать корпусъ графа Витгенштейна на правомъ берегу Двины, потому, что мы можемъ скорѣй ожидать неприятеля со стороны нашего лѣваго фланга.

Я думаю, что лучше будетъ отдѣлить не одинъ армейскій корпусъ, но бѣольшую часть арміи на лѣвое крыло вѣ района укрѣпленного лагеря, чтобы отбить неприятеля, который приближается съ этой стороны или оперировать во флангъ и тылъ неприятеля, который будетъ дѣйствовать противъ князя Багратіона, потому что невозможно, чтобы неприятель былъ одинаково въ превосходныхъ силахъ и противъ насъ, и противъ Багратіона.

Вотъ, Ваше Величество, мнѣніе, откровенно высказанное солдатомъ, который твердо рѣшился не вѣшничаться болѣе со своими совѣтами, но умереть за своего Государя“.

Какимъ высокимъ гражданскимъ мужествомъ и истинной любовью къ родинѣ вѣветъ отъ этихъ строкъ, въ которыхъ онъ открыто высказываетъ свое несогласіе съ переданными ему приказаніями.

На это письмо Императоръ Александръ Павловичъ отвѣтилъ чарующимъ письмомъ. О полученіи этого письма можно судить изъ письма Барклая Государю. (Отъ 27-го іюня 1812 г., за № 1873, II отд. Военно-Ученаго Архива).

Самое же письмо, вѣроятно, хранится въ фамиліальныхъ бумагахъ потомковъ почившаго фельдмаршала.

Какой подробной заботливостью о нуждахъ войскъ отличался Императоръ Александръ Павловичъ во время своего пребыванія въ арміи въ іюнь 1812 г., служатъ два приводимые ниже приказа.

Приказъ по арміямъ, глав. квар. г. Видзы, 21 іюня 1812 г. № 1.

Усмотрѣны Мною лично безпорядки при движеніяхъ обозовъ, кои не только въ маршахъ своихъ не наблюдаютъ правила поле-

ваго воинскаго учрежденія, но имѣютъ даже при себѣ чрезвычайно много строевыхъ чиновъ, которые во-первыхъ отдѣлясь изъ полковъ уменьшаютъ число въ дѣйствующихъ войскахъ, а во-вторыхъ, будучи безъ начальства, легко могутъ дѣлать по дорогамъ безпорядки, кои считаю Я главнѣйшимъ зломъ въ арміи, почему и нахожу нужнымъ предписать строгое и точное наблюденіе слѣдующихъ правилъ:

1. Каждый отрядъ обоза долженъ имѣть начальника по силѣ полеваго Военнаго уложенія.

2. Начальнику надлежитъ отъ начальства своего имѣть Ордеръ, въ коемъ должно означено быть имя его, число повозокъ, строевыхъ и нестроевыхъ людей и маршрутъ его слѣдованію.

3. Начальникъ обоза долженъ имѣть именной списокъ всѣхъ людей, съ означеніемъ каждаго, за своею подписью.

4. Начальникъ никогда не отлучается отъ обоза ни на малѣйшее время, чтобы каждый проѣзжающій могъ его видѣть.

5. Ордеръ и списокъ имѣетъ онъ всегда при себѣ, дабы могъ немедленно предъявить всякому, кто отъ него оныя потребуетъ.

6. Онъ по сему списку отвѣчаетъ за всѣхъ людей, находящихся у него въ обозѣ, и малѣйшій безпорядокъ наказывается по Воинскому полемому уложенію.

7. Ни одинъ человекъ, какъ строевой, такъ и нестроевой, не можетъ находиться по одиночкѣ по дорогамъ безъ билета; найденныхъ же таковыхъ немедленно брать полкамъ и развѣздамъ и наказывать въ то же время, какъ бѣглыхъ; а по исполненіи оставлять при полкахъ на службѣ до удобнаго случая, когда будетъ возможность сдать его вѣрно въ команду.

8. Всякій отрядъ войскъ, найдя идущій обозъ въ безпорядкѣ, обязанъ рапортовать о томъ въ главную квартиру, и если есть возможность и время, то привести его въ порядокъ; когда жъ найдеть строевыхъ людей не только въ грабительствѣ, но хотя бы въ отлучкахъ по одиночкѣ отъ обоза, то беретъ ихъ въ отрядъ и наказываетъ по Воинскому положенію на тѣхъ же мѣстахъ.

Я надѣюсь отъ господъ начальниковъ корпусныхъ и дивизионныхъ, что все сіе исполнено будетъ въ точности, и что впредь не случится Мнѣ дѣлать подобныхъ замѣчаній.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою: АЛЕКСАНДРЪ.

Приказъ по арміямъ, глав. квар. г. Видзы, 21 іюня 1812 г., № 2.

Расположеніе войскъ на бивакахъ, подвергающее иногда людей сырымъ и ненастнымъ погодамъ, требуютъ для подкрѣпленія силъ

и здоровья ихъ достаточнаго продовольстія пищею, почему и повелѣваю, чтобы всѣ начальники обращали особенное на то вниманіе и попеченіе. Храбрость открываетъ путь къ славѣ и побѣждаетъ непріятеля исправностью оружія; и Я надѣюсь, что каждый частный начальникъ приложитъ всевозможное стараніе о сбереженіи онаго отъ непогодъ и содержаніи въ чистотѣ.

Всякія самовольныя отлучки солдатъ отъ мѣста бивакъ, безъ строгаго наблюденія воинскихъ правилъ, разстроивая общій порядокъ, могутъ обратиться къ обидамъ, притѣсненіямъ и даже къ насиліямъ противъ проѣзжающихъ и самыхъ обывателей.

Для отвращенія сего, повелѣваю: имѣть строжайшее смотрѣніе всѣмъ воинскимъ начальникамъ, чтобы не только командированные отряды, но даже и малыя команды, посылаемыя для собственныхъ нуждъ или потребностей солдатъ, производимы были по всей точности военнаго положенія; въ противномъ же случаѣ повелѣваю непремѣнно виновныхъ наказывать немедленно въ томъ же мѣстѣ, по всей строгости военнаго Полеваго учрежденія. — Наблюденіе за всѣмъ онымъ остается уже на отвѣтственности главнокомандующихъ арміями и корпусныхъ начальниковъ.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою: **АЛЕКСАНДРЪ.**

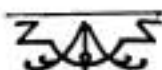
Въ дѣлахъ Военно-Ученаго Архива сохранились не всѣ документы, касающіеся всѣхъ распоряженій начальствующихъ лицъ въ іюнь 1812 года. Мы можемъ сказать это съ увѣренностью, потому что и въ приведенныхъ нами документахъ есть указанія на письменныя распоряженія, коихъ нѣтъ въ архивѣ.

На вопросъ, поставленный въ заглавіи статьи, мы можемъ отвѣтить, что въ іюнь 1812 г. высшее командованіе арміей было въ рукахъ Императора Александра I.

Несомнѣнно, что тренія въ высшемъ управленіи дѣйствующихъ армій были причиной подачи Императору Александру I Аракчеевымъ, Балашевымъ и Шишковымъ 30-го іюня 1812 г. докладной записки объ отъѣздѣ Государя изъ дѣйствующей арміи. (См. „Русск. Стар.“ іюнь сего года „Императоръ Александръ Павловичъ въ дѣйствующей арміи“).

Въ ночь съ 6-го на 7-е іюля Императоръ Александръ Павловичъ покинулъ армію.

П. Вороновъ.

Приложеніе къ „Русской Старинѣ“.

Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 г. ¹⁾.

О времени уничтоженія Польши, 1794 года, исчезло имя ея съ земли и не существовало поляковъ. Въ 1807 году заключенный съ Франціею миръ въ Тильзитѣ произвелъ на свѣтъ герцогство Варшавское, вмѣстѣ съ надеждою распространить его, въ случаѣ несогласія между сосѣдственными ему державами. Наполеонъ исчислилъ мѣру страха, коимъ господствовалъ онъ надъ сердцами царствующихъ его современниковъ: понесенныя каждымъ изъ нихъ въ войнахъ огромныя потери, блистательныя и постоянныя оружія его успѣхи, страхъ тотъ болѣе и болѣе распространявшіе, и далъ надежду возрожденія Польшѣ. Воспламенились умы, и въ короткое время всѣ употреблены усилія надеждѣ сей дать видъ правдоподобія! Въ 1809 году Варшава уже союзница наша противъ Австріи, и мы въ пользу ея, вопреки пользѣ собственной, исторгаемъ часть Галиціи. Въ нынѣшней войнѣ она уже противъ насъ, въ общемъ союзѣ Европы, и содѣйствуетъ Австріи. Мы умножили силы ея и вооружили противъ себя; для пользы ея, попеременно вонзаемъ мечъ въ сердце одинъ другого, и судьба, къ ослѣпленію нашему, прибавляетъ сѣтованіе, что недовольно глубоки наносимыя раны! Неужели не исполнится мѣра наказанія Бога мстителя?

Князь Багратіонъ, проходя Бобруйскъ, оставилъ въ крѣпости больныхъ изъ всей арміи и отъ скорости движенія усталыхъ въ большомъ количествѣ; изъ числа гарнизона присоединилъ къ арміи

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюнь 1912 г.

шесть баталіоновъ пѣхоты; командующаго въ оной артиллеріи генераль-маіора Игнатьева утвердилъ въ званіи военнаго губернатора. Въ окрестности начали появляться непріятельскіе отряды, но до того генераль Игнатьевъ, удерживая народъ въ послушаніи и порядкѣ, не отягощая его, собралъ возможные пособія для снабженія крѣпости, и его распорядительности обязаны, что проходившая армія не малая получила вспоможенія. Крѣпость не подверглась опасности; ибо непріятель, не имѣя средствъ предпринять осады, долженъ былъ ограничиться обложеніемъ. Итакъ осталось неразрѣшенною проблемою, могъ ли генераль Игнатьевъ быть болѣе упорнымъ, окруженный крѣпостнымъ валомъ, нежели въ сраженіи при Аустерлицѣ, гдѣ быть таковымъ онъ не находилъ надобности? Судьба отсрочила испытаніе до другого времени.

Армія князя Багратіона слѣдовала отъ Бобруйска на Быховъ; преслѣдовавшій ее Вестфальскій король съ своимъ корпусомъ и польскія войска, или утомленные продолжительнымъ походомъ, или неудобныя къ равной скорости, далеко отставши, потеряли ее изъ виду. Она безпрепятственно продолжала свой путь.

Корпусъ генераль-лейтенанта Раевского атаковалъ, при селеніи Дашковкѣ, часть войскъ маршала Даву, овладѣвшаго Могилевомъ. Въ началѣ сраженія силы непріятели слабыя, въ продолженіи умножились значительно, напротивъ войска Раевского ослабѣвали, но въ немъ та же была неустрашимость и твердость, и онъ, шедши въ головѣ колонны, ударилъ на непріятели. Самый упорный бой происходилъ на лѣвомъ крылѣ, гдѣ не могъ непріятель остановить 26 пѣхотную дивизію, которую генераль-маіоръ Паскевичъ, съ немовѣрною рѣшительностію, неустрашимо, при всемъ неудобствѣ мѣстности, провелъ чрезъ частый лѣсъ и угрожалъ уже конечности праваго непріятельскаго фланга, но долженъ былъ уступить несоизмѣрнымъ силамъ. Дѣйствіе генерала Раевского, заслоня совершенно движеніе арміи, представляло князю Багратіону удобство, которымъ не помыслилъ онъ легко воспользоваться и, сдѣлавъ безпрепятственно ускоренный переходъ, выиграть разстояніе для избѣжанія преслѣдованія. Но, вмѣсто того, армія расположилась на ночлегъ на той позиціи, которую генераль Раевскій ¹⁾ занялъ послѣ сраженія. Маршалъ Даву, принявъ корпусъ Раевского за авангардъ и въ слѣдъ за нимъ ожидая арміи и генеральнаго сраженія, отошелъ къ главнымъ своимъ силамъ въ Могилевъ, гдѣ и остался, приуготовляясь къ оборонѣ. Въ семъ положеніи долгое

¹⁾ Подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ генерала Раевского сопровождалъ сынъ его, въ самомъ юномъ возрастѣ.

время удержалъ его атаманъ Платовъ, появившійся съ своими войсками у самыхъ окоповъ Могилева. Князь Багратионъ, отправляя его въ соединеніе съ 1-ю арміею, далъ ему сіе направленіе. Грубая ошибка Даву была причиною соединенія нашихъ армій; иначе никогда, ниже за Москвою, невозможно было ожидать того, и надежда, въ крайности не оставляющая, исчезала!

Если бы кто изъ нашихъ генераловъ впалъ въ подобную погрѣшность, его строго бы осудило общее мнѣніе. Маршалъ Даву, болѣе 10 лѣтъ подъ руководствомъ великаго полководца служащій, сотрудникъ его въ знаменитѣйшихъ сраженіяхъ, украшавшій неоднократно лаврами корону своего владыки, лавры себѣ снискавшій и имя побѣдъ въ прозваніе, сдѣлалъ то, чего избѣжали бы, конечно, многіе изъ насъ. Князю Багратиону оставалось единственное средство пробиваться, дабы соединиться съ 1-ю арміею. Цѣль Даву—не допускать къ тому, и онъ долженъ былъ стоять упорно, зная, что князь Багратионъ преслѣдуемъ весьма сильными войсками. Конечно, ничего славнаго не ожидалъ Даву отъ короля Вестфальскаго, но предполагать не могъ, что онъ даже ходить не умѣетъ и выпустить изъ виду непріятели.

Убѣдитесь посвятившіе себя военному ремеслу, а паче званія генерала достигшіе, вразумитесь, что навыкъ одинъ (routine) достоинства военнаго человѣка не замѣняетъ, не подчиненъ правиламъ, управляемъ случайностію. Конечно, частое повтореніе однихъ и тѣхъ же происшествій, или сходство въ главныхъ обстоятельствахъ, даетъ нѣкоторую удобность съ большею ловкостію и приличіемъ приравнивать, или, такъ сказать, прикладывать употребленныя прежде въ подобныхъ случаяхъ мѣры; но сколько мало-важной надобно быть разницы, чтобы приравниваніе необходимо подверглось важнѣйшимъ измѣненіямъ! Убѣдитесь въ истинѣ сего, достигшіе званія генерала!

Наполеонъ въ маршалахъ своихъ имѣлъ отличнѣйшихъ исполнителей его воли; въ присутствіи его не было мѣста ихъ ошибкамъ, или онѣ мгновенно имъ исправляемы были. Даву собственныя распоряженія его изобличаютъ.

Въ Будиловѣ представилъ я главнокомандующему мысль мою перейти на лѣвый берегъ Двины: основывалъ ее на томъ расчетѣ, что непріятель проходилъ по берегу рѣку путемъ труднымъ и неудобнымъ; что только кавалерія непріятельская усмотрѣна была противъ Полоцка, но главныя силы и артиллерія были назади и отъ насъ не менѣе какъ въ трехъ переходахъ. Переправившись, слѣдовать послѣшно на Оршу, заставить маршала Даву развлечь силы его въ то время, когда все его вниманіе обращено было на

движеніе 2-й арміи, и тѣмъ способствовать князю Багратиону соединиться съ 1-ю армію. Уничтожить расположенный въ Оршѣ непріятельскій отрядъ и, перейдя на лѣвый берегъ Днѣпра, закрыть собою Смоленскъ. Отправить туда прямою изъ Витебска дорогою всѣ обозы и тягости, дабы не препятствовали арміи въ быстромъ ея движеніи. Все сіе можно было совершить, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, по отдаленію непріятеля. Весьма польстило мнѣ одобреніе главнокомандующаго, и я получилъ приказаніе возвратить два кавалерійскіе корпуса, прошедшіе впередъ, и двѣ понтонныя роты для устройства моста при Будиловѣ ¹⁾.

Все приуготовлялось къ переправѣ, и перешедшимъ намъ, успѣхъ предстоялъ вѣрный. Не прошло часу послѣ отданныхъ приказаній, главнокомандующій перемѣнилъ намѣреніе. Я примѣчалъ, кто могъ отклонить его, и не подозреваю другого, кромѣ флигель-адъютанта Вольцогена. Сей тяжелый нѣмецкій педантъ пользовался большимъ его уваженіемъ. Разумѣя, что теряются выгоды, которыя рѣдко даруетъ счастье и дорого иногда стоитъ упущеніе ихъ; увѣренъ будучи, что не имѣю права на полную главнокомандующаго ко мнѣ довѣренность, собственно по лѣтамъ моимъ, съ которыми опытность не совмѣстна, я склонилъ нѣкоторыхъ изъ корпусныхъ командировъ представить ему о томъ собственныя убѣжденія, но онъ остался непреклоннымъ, и армія продолжала путь къ Витебску. Въ Будиловѣ оставленъ сильный постъ: ему приказано поступить въ арріергардъ, когда онъ приблизится. Генераль-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ посланъ за Двиною съ лейбъ-казачьимъ полкомъ, для наблюденія за непріателемъ: ему приказано свѣдѣнія о приближеніи его доставлять прямо въ Витебскъ и отступать по той сторонѣ рѣки.

Армія пришла въ Витебскъ. 6 корпусъ оставался въ большомъ маршѣ, при селеніи Старомъ. Арріергардъ выгодно расположился, прикрытый рѣчкою и озерами. Постъ изъ Бѣшенковичей присоединенъ. Дѣйствія преслѣдующаго непріятеля были незначительны. Между тѣмъ французская конница на лѣвомъ берегу Двины показала на равной высотѣ съ арріергардомъ, но пѣхота была въ маломъ еще количествѣ.

Армія два уже дня покойно пребывала въ Витебскѣ, полагая, что графъ Орловъ-Денисовъ благовременно предупредитъ о при-

¹⁾ Государь, отъѣзжая изъ арміи, между данными мнѣ наставленіями, приказалъ доводить до свѣдѣнія его обо всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Первое письмо мое Его Величеству было о сдѣланномъ главнокомандующему предложеніи. Оно послано съ генераль-адъютантомъ Кутузовымъ (Павель Васильевичъ, генераль-маіоръ).

ближеніи непріятели; но, вѣроятно, не хорошо разставлены были передовые посты и нерадиво дѣлались разъѣзды, такъ что въ трехъ верстахъ отъ нашего лагеря усмотрѣна непріятельская партія. Это побудило главнокомандующаго послать навстрѣчу непріятели нѣсколько полковъ конныхъ при одномъ корпусѣ пѣхоты. Я предложилъ генераль-лейтенанта графа Остермана-Толстого, который отличился въ послѣднюю войну храбостію и упорствомъ въ сраженіи. Надобенъ былъ генераль, который дождался бы силъ непріятельскихъ, и онѣ бы его не устрашили. Таковъ точно Остерманъ, и онъ пошелъ съ 4-мъ корпусомъ.

Дано приказаніе 6-му корпусу расположиться противъ города. Мостъ черезъ Двину былъ цѣль, и еще устроенъ понтонный. Арріергардъ приблизился, чтобы не быть отрѣзаннымъ съ лѣваго берега.

Графъ Остерманъ встрѣтилъ въ двѣнадцати верстахъ часть передовыхъ непріятельскихъ постовъ и преслѣдовалъ ихъ до Островна. Здѣсь предстали ему силы не соразмѣрныя, и дѣло началось весьма жаркое. Непритель наступалъ рѣшительно. Войска наши, роптавшія на продолжительное отступленіе, съ жадностію воспользовались случаемъ сразиться; отдаленіе подкрѣпленій, казалось, удвоило ихъ мужество. Лѣсистыя и скрытыя мѣста препятствовали непрителю развернуть его силы; кавалерія дѣйствовала частями, но, по малочисленности нашей, онѣ совершенно были въ пользу нашу. Графъ Остерманъ, имѣя противъ себя всегда свѣжія войска, долженъ былъ, наконецъ, уступить нѣкоторое разстояніе, и ночь прекратила сраженіе. Неосмотрительностію командира двухъ эскадроновъ лейбъ-гусарскаго полка потеряно шесть орудій конной артиллеріи ¹⁾. Уронъ былъ значителенъ съ обѣихъ сторонъ. Въ подкрѣпленіе графу Остерману посланъ съ 3 пѣхотною дивизіею генераль-лейтенантъ Коновницынъ ²⁾. На другой день рано по утру занявъ выгодную позицію, съ свойственною ему неустрашимостію, онъ удержалъ ее долгое весьма время, ни шагу непрителю не уступая. Графъ Остерманъ, ему содѣйствуя, составлялъ резервъ; прибыла кирасирская дивизія, но, по свойству мѣстоположенія, не была употреблена. Артиллерія постоянно оказывала большія заслуги.

¹⁾ Эскадроны введены въ лѣсъ, преслѣдуя непріятельскіе аванпосты, внезапно атакованные опрокинуты, орудія захвачены неснятыя съ передковъ.

²⁾ Въ царствованіе Екатерины II командовалъ пѣхотнымъ полкомъ; въ послѣднюю противъ поляковъ кампанію, дѣйствуя имъ отдѣльно, далъ замѣтить себя отлично храбрымъ и предприимчивымъ офицеромъ. Дивизія подъ начальствомъ его обращала на себя вниманіе примѣрнымъ порядкомъ.

Главнокомандующій, желая имѣть точныя свѣдѣнія, приказалъ мнѣ отправиться на мѣсто боя. Вскорѣ послѣ присланъ генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й съ гренадерскою дивизіей, и положеніе наше было твердо! Въ два дни времени непріятель соединился съ главными своими силами, которыхъ чувствуемо было присутствіе по стремительности атакъ ихъ. Ни храбрость войскъ, ни самого генерала Коновницына безстрашіе не могли удержать ихъ. Опрокинутые стрѣлки наши быстро отходили толпами. Генераль Коновницынъ, негодуя, что команду надъ войсками принялъ генераль Тучковъ, не заботился о возстановленіи порядка, послѣдній не внималъ важности обстоятельствъ и потребной дѣятельности не оказывалъ. Я сдѣлалъ имъ представленіе о необходимости вывести войска изъ замѣшательства и обратить къ устройству. Они отдали кирасиръ, прибывшихъ съ генераль-адъютантомъ Уваровымъ, и другія излишнія войска, производившія тѣсноту, и сдѣлали то, по крайней мѣрѣ, что отступленіе могло быть не бѣгствомъ. Не возможно оспаривать, что, продолжая съ успѣхомъ начатое дѣло, пріятно самому его кончить, но не простительно до того простирать зависть и самолюбіе, чтобы допустить безпорядокъ, съ намѣреніемъ обратить его на счетъ начальника. Въ настоящемъ случаѣ это было слишкомъ очевидно!

Пославши генерала Коновницына съ дивизією къ графу Остерману, главнокомандующій приказалъ 6-му корпусу и арріергарду графа Палена присоединиться къ арміи: сообщеніе съ правымъ берегомъ прервано, мостъ разрушенъ и понтоны сняты.

Въ тотъ же день утромъ осматривалъ главнокомандующій занимаемую для арміи позицію полковникомъ Толемъ. Я сопровождалъ его, и удивленъ былъ, что онъ не обратилъ вниманія на множество недостатковъ, которые заключала въ себѣ позиція. Мѣстоположеніе по большей части покрыто было до того густымъ кустарникомъ, что квартиргеры, не видя одинъ другого, откликались на сигналы; позади трудный переходъ чрезъ глубокій ровъ; сдѣлать спуски не доставало времени. Главною цѣлью было закрыть городъ. Я возразилъ противъ неудобствъ позиціи, объяснивъ слѣдующее мое мнѣніе. Дать генеральное сраженіе опасно, будучи отдаленными отъ средствъ пополнить потери. Еще не уничтожена совершенно надежда соединиться съ 2-ю армією, главнымъ предметомъ, съ нѣкотораго времени, нашего отступленія. При неудачѣ большая часть войскъ должна проходить чрезъ городъ, остальная необходимо чрезъ ровъ. Если рѣшено принять сраженіе, то лучше несравненно устроить армію по другую сторону города, имѣя во власти своей кратчайшую на Смоленскъ дорогу. Уступивши Витебскъ, мы при-

бавимъ однимъ городомъ болѣе ко многимъ потеряннымъ губерніямъ, и легче пожертвовать имъ, нежели другими удобствами, которыхъ сохраненіе гораздо важнѣе. Главнокомандующій изъявилъ согласіе, но готовился дать сраженіе, и приказалъ избрать мѣсто за городомъ на дорогѣ къ Смоленску.

Сраженіе при мѣстечкѣ Островнѣ кончилось съ наступленіемъ вечера, и, возвратясь уже ночью, я донесъ обо всемъ главнокомандующему, а отъ него узналъ о приуготовленіи новой позиціи. Я осмотрѣлъ ее съ началомъ дня, когда въ нее вступали уже войска. Нашелъ, что она также лѣсистая, также трудная между войскъ сообщенія, обширная и требуетъ гораздо большаго числа силъ. На правомъ флангѣ два корпуса графа Остермана и Багговута отрѣзаны глубокимъ оврагомъ, чрезъ который и въ отсутствіи непріятеля съ трудомъ перевозили артиллерію. На лѣвомъ флангѣ были высоты, на которыхъ устроенныя батареи могли дѣйствовать на продолженіе нашихъ линій; перемѣнить боевой порядокъ не возможно, не затрудняя отступленія. Предположивъ атаку праваго крыла, надобно было подкрѣпить его, а съ успѣшностію совсѣмъ не возможно, развѣ безъ артиллеріи.

Генералу графу Палену составленъ особый авангардъ, съ которымъ вступилъ онъ въ дѣло, смѣнивши войска генерала Тучкова 1-го, графа Остермана и Уварова, не далеко уже отъ занятой арміею позиціи. Долго въ виду ея удерживалъ стремленіе непріятеля. Наконецъ, отступивши за рѣчку Лучесу, искусно воспользовался крутыми ея берегами для защиты находящихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ бродовъ. Французская армія, занявъ всѣ противъ лежащія возвышенія, казалось, развернулась для того, чтобы каждому изъ своихъ воиновъ дать зрѣлище искуснаго сопротивленія съ силами несравненно меньшими, показать примѣръ порядка, словомъ, показать графа Палена и вразумить ихъ, что если російская армія имѣетъ нѣсколько ему подобныхъ, то нужны имъ усилія необычайныя, опыты возможнаго мужества! Не были вы свидѣтелями, достойные его сотоварищи: Раевскій, равный ему непоколебимымъ хладнокровіемъ и предусмотрительностію, графъ Ламбертъ, подобный мужествомъ и распорядительностію, и ты, Меллеръ-Закомельскій, въ коемъ соединены лучшія ихъ свойства, достоинства замѣчательныя, но котораго можно упрекнуть одною чрезмѣрною скромностію.

Непріятель успѣлъ переправить часть войскъ, и видно было намѣреніе его, отброся авангардъ къ рѣкѣ, заставить его отходить чрезъ городъ.

Приближалась та минута, въ которую всѣ усилія графа Па-

лена могутъ сдѣлаться тщетными. Не опрокинувъ авангарда, не могъ непріятель сдѣлать обзорніе позиціи, занимаемой нашею арміею. Главнокомандующій послалъ въ подкрѣпленіе нѣсколько баталіоновъ пѣхоты: приказалъ генералу-маіору Шевичу, съ полками 1-го кавалерійскаго корпуса, приблизиться къ лѣвому флангу авангарда, наблюдая пространство между имъ и арміею.

Внимательно разсмотрѣвъ невыгодное расположеніе арміи, рѣшился я представить главнокомандующему объ оставленіи позиціи немедленно. Предложеніе, всеконечно, смѣлое, предпримчивость молодого человѣка, но расчетъ, впрочемъ, былъ съ моей стороны: лучше предпринять отступленіе съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, совершить его безпрепятственно, нежели принять сраженіе, и безъ сомнѣнія, не имѣть надежды на успѣхъ, а можетъ быть подвергнуться совершенному пораженію. Въ одномъ случаѣ, по мнѣнію моему, можно не отвергнуть сраженія, если другая армія готова остановить торжествующаго непріятеля и преодолѣть его, обезсиленнаго потерей. Мы были совсѣмъ въ другомъ положеніи. Ближайшія къ намъ войска въ Калугѣ—малыя числомъ, слабыя составомъ, и начальствовавшей ими, генераль-отъ-инфантеріи, Милорадовичъ, по единообразному одѣянію называлъ ихъ воинами. Если бы дождались мы непріятеля въ позиціи, вѣроятно не съ фронта началъ бы онъ атаку, но, частію войскъ занимая насъ, перешелъ со всѣми силами рѣку Лучесу выше, гдѣ повсюду есть броды, и обратился бы на лѣвое наше крыло, слабѣйшій пунктъ, о которомъ сказалъ я выше. Не возможно предположить неудачи со стороны непріятеля, но и тогда безпрепятственно отходилъ онъ на дорогу къ Борисову, усиливался всѣмъ корпусомъ маршала Даву и переходилъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Сей день сдѣлалъ я первый надъ собою опытъ и удостовѣрился, что крайность лучшее побужденіе къ рѣшительности, и что самая трудность предпріятія въ глазахъ исчезаетъ. Надобно, чтобы то же убѣжденіе, тотъ же духъ руководилъ исполнителями. Нѣтъ времени размышленію, гдѣ одному дѣйствию мѣсто. Рѣшить часто одна минута!

Главнокомандующій колебался согласиться на мое предложеніе. Ему, какъ военному министру, извѣстно было во всемъ объемѣ положеніе наше и, конечно, требовало глубокаго соображенія! Генераль-квартирмейстеръ Толь, вопреки мнѣнію многихъ, утверждалъ, что позиція соединяетъ всѣ выгоды, что должно принять сраженіе. Генераль Тучковъ 1-й, видя необходимость отступленія, объ исполненіи его разсуждалъ не безъ робости. Рѣшительность не

была его свойствомъ: онъ предлагалъ отойти ночью ¹⁾. Генераль адъютантъ баронъ Корфъ былъ моего мнѣнія, не смѣя утверждать его. Не ищетъ онъ стяжать славу мѣрою опасностей. Подобно мнѣ и многимъ, душа его доступна страху, и ей сраженіе не пища. Простительно чувство боязни, когда опасность угрожаетъ общему благу! Я боялся непреклонности главнокомандующаго, боялся и его согласія. Наконецъ онъ даетъ мнѣ повелѣніе объ отступленіи. Паль жребій, и судьба исхитила у непріятели лавръ побѣды!

Былъ первый часъ по полудни, авангардъ въ жесточайшемъ огнѣ, между армій близкое разстояніе, и о присутствіи Наполеона извѣстили насъ плѣнные.

О дерзость, божество, предъ жертвенникомъ котораго военный человѣкъ не разъ въ жизни своей долженъ преклонить колѣна! Ты иногда спутница благоразумія, не рѣдко оставляя его въ удѣлъ робкому, провождаешь смѣлаго къ великимъ предпріятіямъ; тебѣ въ сей день принесена достойная жертва!

Въ нашемъ лагерѣ всеобщее движеніе. Войска тремя колоннами совершаютъ выступленіе: лѣвая изъ 5-го и 6-го корпусовъ и большей части резервной артиллеріи, кратчайшею на Смоленскъ дорогою. Въ арріергардѣ ея былъ генераль-маіоръ Шевичъ съ полками 1-го кавалерійскаго корпуса. Графъ Остерманъ со 2-мъ и 4-мъ корпусами большою дорогою на Порѣчье; ему приказано подкрѣпить арріергардъ, если бы непріатель рѣшительно преслѣдовалъ его. Среднюю колонну составляли 3-й корпусъ и главная квартира; въ арріергардѣ его 2-й кавалерійскій корпусъ барона Корфа. Черезъ полчаса времени лѣсистое мѣстоположеніе скрыло всѣ войска отъ глазъ непріятели. Всѣ шли ускореннымъ шагомъ. Генераль-лейтенантъ Лавровъ, командующій пѣшей гвардіею, долженъ былъ пробудить лѣтами усыпленную живость, чтобы явить нужное по обстоятельствамъ проворство. Таковы требованія всѣхъ и каждаго усилія!

Не скрою нѣкотораго чувства гордости, что главнокомандующій, опытный и чрезвычайно осторожный, нашелъ основательнымъ предложеніе мое объ отступленіи.

Глаза мои не отрывались отъ авангарда и славнаго графа Палена. Отдаляющаяся армія, ввѣривъ ему свое спокойствіе, не могла оградить его силами, непріятелю соразмѣрными, но поколебать му-

---

¹⁾ Надобно быть увѣрену, сказалъ я, что дозволить вамъ Наполеонъ дожить до вечера. Но для насъ необходимо было выиграть время, чтобы не быть преслѣдуемымъ по пятамъ большими силами непріятели, чему легко могло подвергнуться замедленіе съ нашей стороны.

жества его ничто не въ состояніи! Я скажу съ Гораціемъ: „Если разрушится вселенная, въ развалинахъ своихъ погребетъ его неустрашеннымъ“. До пятого часу продолжалось сраженіе съ равнымъ упорствомъ, и арріергардъ отошелъ на другую сторону города, оставя непріятеля, удивленнаго порядкомъ, и городъ имъ занятъ не прежде слѣдующаго утра съ большою осторожностію.

Въ самый день отступленія отъ Витебска прибылъ князя Багратіона адъютантъ, князь Меншиковъ съ извѣстіемъ о сраженіи при селеніи Дашковкѣ, и что армія его идетъ безпрепятственно въ соединеніе. Отправляя атамана Платова съ его войскомъ, князь Багратіонъ приказалъ ему ускорить движеніе, и по расчету времени онъ долженъ былъ скоро прійти.

Въ одномъ переходѣ отъ Витебска арріергардъ имѣлъ сильное кавалерійское дѣло. Графъ Паленъ, лично распоряжая дѣйствіями конницы, удержалъ успѣхъ на нашей сторонѣ, и далѣе непріятель ограничился однимъ наблюденіемъ за движеніемъ нашихъ колоннъ.

Посланные отъ меня съ письмомъ къ атаману Платову Бугскаго казачьяго полка одинъ офицеръ и урядникъ привезли отвѣтъ. На возвратномъ пути не разъ проѣзжали они вблизи непріятеля. Главнокомандующій наградилъ ихъ чинами.

Маршалъ Даву, пропустя князя Багратіона, могъ войсками своими, расположенными въ Оршѣ и Дубровнѣ, занять временно Смоленскъ, воспрепятствовать составленію ополченія, приуготовляемаго въ немъ, истребить запасныя магазины и разорить городъ. Потеря магазиновъ была бы намъ чувствительна, ибо продовольствіе арміи производилось и недостаточное и неправильное. Главнокомандующій, имѣя сіе въ виду, 5-му и 6-му корпусамъ приказалъ слѣдовать поспѣшнѣе, а атаману Платову заслонить ихъ движеніе.

Изъ Витебска главнокомандующій далъ порученіе Великому Князю Константину Павловичу отправиться въ Москву къ Государю. Неизвѣстно мнѣ, но сомнѣваюсь, чтобы онъ сдѣлалъ то по собственному побужденію. Великій Князь весьма огорченъ былъ, подозрѣвая, что порученіе не заключало въ себѣ такой важности, чтобы не могло быть исполнено другимъ. Я замѣтилъ многихъ, сожалѣвшихъ объ его отъѣздѣ и, къ чести его, людей непосредственно ему подчиненныхъ. Командуя гвардейскою дивизіею, я въ томъ же былъ отношеніи къ его особѣ, и не помню случая ни малѣйшаго неудовольствія, или непріятностей.

Армія выступила въ Порѣчье; 5-й и 6-й корпуса прибыли въ Смоленскъ. Государь, проѣзжая сей городъ, поручилъ генераль-адъютанту барону Винценгероде составленіе ополченія. Часть не-

большая онаго, весьма худо вооруженная, съ нѣсколькими резервными эскадронами, формировація генераль-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, и запасною, бывшею въ Смоленскѣ, артиллеріею, составляла отрядъ подъ командою генераль-маіора Оленина, вступившаго предъ тѣмъ въ службу. Отрядъ, къ которому присланъ одинъ полкъ отъ войска атамана Платова, расположился далѣе Краснаго, у селенія Лядъ.

Непріятель съ нѣсколькими эскадронами ворвался въ городъ Велижъ, изрубилъ часть рекрутъ построенаго на площади баталіона и, разсѣявши прочихъ, захватилъ мостъ чрезъ рѣку Двину. Проходившій изъ Невеля съ восемью баталіонами рекрутъ штабъ-офицеръ, не имѣя свѣдѣнія о близости французовъ, разставилъ въ городѣ караулы, строго смотрѣлъ за исправностію ихъ, всю ночь держалъ баталіонъ подъ ружьемъ, а патроны уложены были въ возахъ и ни одного на людяхъ! Прочіе всѣ баталіоны, бывши на правомъ берегу, уклонившись съ дороги, избѣжали пораженія.

Непріятель истребилъ одинъ артиллерійскій небольшой паркъ на 166 лошадахъ, по худому ихъ состоянію отставшій отъ прочихъ. Посланный за симъ паркомъ изъ Порѣчья артиллеріи полковникъ Тишинъ едва спасся бѣгствомъ ¹⁾.

Въ Порѣчьи генераль-провіантмейстеръ Лаба докладывалъ военному министру, что комиссіонеръ, въ похвальномъ намѣреніи не допустить непріятеля воспользоваться магазиномъ, сжегъ его. Въ немъ находилось нѣсколько тысячъ четвертей овса и 64 тысячи пудовъ сѣна. Не восхитился министръ восхваляемою расторопностію, а я испросилъ позволеніе его справиться по дѣламъ, какъ давно объ учрежденіи магазина дано было повелѣніе: нашлось, что отъ подписанія бумаги двѣ недѣли. Есть ли возможность въ одинъ пунктъ свезти такое большое количество запасовъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ во множествѣ взяты обывательскія подводы въ пособіе арміи? Я осмѣлился сказать министру, что за столь наглое грабительство достойно бы, вмѣстѣ съ магазиномъ, сжечь самого комиссіонера ²⁾.

Порѣчье—первый старый русскій городъ на пути нашего отступ-

¹⁾ Еще допускаетъ судьба Артиллерійскую Экспедицію имѣть его въ числѣ ея членовъ, и едва-ли можетъ быть искуснѣйшій для всѣхъ таинственныхъ ея хозяйственныхъ изворотовъ.

²⁾ Генераль-провіантмейстеръ Лаба выслушалъ все, не смущаясь; во время отправленія имъ должности, происшествіе сіе, конечно, не первое, ему встрѣтившееся. Искусное употребленіе провіантскихъ регуловъ не рѣдко утомляло преслѣдующее правосудіе и спасало преступника. Беззаконіе, содѣлываемое компаніею, менѣе страшно. Комиссіонеръ одинъ никогда не погрѣшаетъ.

ленія, и расположеніе къ намъ жителей было другое. Прежде проходили мы губерніи литовскія, гдѣ дворянство, обольщенное мечтою возстановленія Польши, возбуждало противъ насъ слабыя умы поселянъ, или губерніи бѣлорусскія, гдѣ чрезмѣрно тягостная власть помѣщиковъ заставляла желать переменъ. Здѣсь, въ Смоленской губерніи, готовы были видѣть въ насъ избавителей. Не возможно было изъяслять ни болѣе ненависти къ врагамъ, ни живѣйшаго усердія къ преподанію намъ всѣхъ способовъ, предлагая содѣйствовать, ни собственности не жалѣя, ни жизни самой не щадя!

Поселяне приходили ко мнѣ съ вопросомъ: позволено ли имъ будетъ вооружиться противъ враговъ и не подвергнутся ли за то отвѣтственности? Главнокомандующій приказалъ издать воззваніе къ жителямъ Смоленской губерніи, приглашая ихъ противостать непріятелю, когда дерзнетъ поругаться святынѣ, въ жилища ихъ внесетъ грабежъ, въ семейства безчестіе.

Изъ Порѣчья вышли мы ночью, избѣгая сильныхъ жаровъ. Желая знать духъ солдата и мысли о безпорядкахъ и грабежѣ, которые начали размножаться, среди ихъ, въ темнотѣ, не узнаваемый ими, я спрашивалъ: солдатъ ропталъ на безконечное отступленіе и въ сраженіи ожидалъ найти конецъ ему; недоволенъ былъ главнокомандующимъ, виновнымъ въ глазахъ его, почему онъ не русскій. Если успѣхи не довольно рѣшительны, не совсѣмъ согласны съ ожиданіями, первое свойство, которое русскій солдатъ приписываетъ начальнику-иноземцу, есть измѣна, и онъ не избѣгаетъ недовѣрчивости, негодованія и самой ненависти. Одно средство примиренія—побѣда! Нѣсколько ихъ даютъ неограниченную довѣренность и любовь. Обстоятельства неблагопріятны были главнокомандующему, и не только не допускали побѣдъ, ниже малыхъ успѣховъ. Въ Порѣчѣ тогда оставалось мало очень жителей; въ опустѣлыхъ домахъ разсѣянные солдаты производили грабежъ и разбой. Я самъ выгонялъ ихъ, и скажу, къ сожалѣнію, даже изъ церкви. Никого не встрѣтилъ я изъ ближайшихъ начальниковъ ихъ, которые должны были замѣтить ихъ отлучку. Въ равнодушіи семъ къ исполненію обязанностей надобно искать причинъ чрезвычайнаго уменьшенія людей во фронтѣ. Въ этомъ возможно упрекнуть не однихъ командировъ полковъ.

На первомъ переходѣ отъ Порѣчья, неожиданно возвратился Великій Князь Константинъ Павловичъ изъ Москвы. Получено извѣстіе отъ князя Багратіона, что онъ приближается безпрепятственно къ Смоленску и, если нужно, вступить однимъ днемъ послѣ насъ. Непонятно намѣреніе, съ какимъ сообщилъ мнѣ главнокомандующій слѣдующее разсужденіе: „Какъ уже соединеніе армій не подвержено

ни малѣйшему затрудненію, полезнѣе, полагаетъ онъ, дѣйствовать по особенному направленію, предоставивъ 2-й арміи операціонную линію на Москву. Продовольствія для двухъ армій будетъ недостаточно. Въ Торопцѣ и по Волгѣ большіе заготовлены запасы, и Тверская губернія пожертвовала значительное количество провіанта, что потому предполагаетъ онъ съ 1-ю арміею идти по направленію на Бѣлый и вверхъ по Двинѣ“. Легко было найти возраженіе, но, по недостатку во мнѣ благоразумія, труднѣе было сдѣлать его съ покорностію. Я съ горячностію сказалъ ему: „Государь отъ соединенія армій ожидаетъ успѣховъ и возстановленія дѣлъ нашихъ. Соединенія желаютъ войска съ нетерпѣніемъ. Къ чему послужили 2-й арміи перенесенные ею труды, преодоленныя опасности, когда вы повергаете ее въ то же положеніе, изъ котораго вырвалась она сверхъ всякаго ожиданія? Движеніе ваше къ Двинѣ выгодно для непріятели: онъ, соединя силы, уничтожитъ слабую 2-ю армію, отдалитъ васъ навсегда отъ полуденныхъ областей, отъ содѣйствія прочимъ арміямъ! Вы не смѣете сего сдѣлать; должны, соединясь съ княземъ Багратіономъ, начертать общій планъ дѣйствій и тѣмъ исполнить волю и желаніе Императора! Россія, успокоенная на счетъ участи армій, ни въ чемъ упрекнуть не будетъ имѣть права!“ Главнокомандующій выслушалъ меня съ великодушнымъ терпѣніемъ. Мнѣ казалось, что я проникнулъ настоящую мысль его. Соединеніе съ княземъ Багратіономъ не могло быть ему пріятнымъ; хотя, по званію военнаго министра, на него возложено начальство, но князь Багратіонъ, по старшинству въ чинѣ, могъ не желать повиноваться¹⁾. Это былъ первый примѣръ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и, конечно, не могъ служить ручательствомъ за удобство распоряженій.

Власть, даръ Божества безцѣннѣйшій! Кто изъ смертныхъ не вкушалъ сладостнаго твоего упоенія? Кто, недостойный, не почиталъ тебя участникомъ могущества Божія, его благостию удѣляемаго? Но для чего ты украшаешь не однихъ, идущихъ путемъ чести? Для чего одаряешь исторгающихъ тебя беззаконіемъ?

Главнокомандующій, послѣ разговора моего съ нимъ, не переѣнилъ расположенія своего ко мнѣ, или не легко было то замѣтить;

---

¹⁾ Трудно лучше меня знать князя Багратіона—и сколько безпредѣльна преданность его Государю, для котораго жизнь почиталъ онъ малою жертвою; но совсѣмъ тѣмъ ничто не заставило бы подчиниться Барклаю-де-Толли, въ кампанію 1806 и 1807 годовъ служившему подъ его начальствомъ. Война отечественная, въ его понятіи, не должна допускать расчетовъ честолюбія и находила его на все готовымъ.

ибо ни холоднѣе, ни менѣе обязательнымъ въ обращеніи быть никакъ не возможно.

Армія продолжала путь къ Смоленску. Главнокомандующій отправился туда съ послѣдняго перехода. На другой день прибыла армія, и тотчасъ приступлено къ заготовленію хлѣба и сухарей. Магазины были скудны; изъ губерній не могли привозить вдругъ большого количества припасовъ.

Итакъ я въ Смоленскѣ, тамъ, гдѣ въ ребячествѣ живалъ я съ моими родными, гдѣ служилъ въ молодости моей, имѣлъ многихъ знакомыхъ между дворянствомъ, привѣтливомъ и гостепріимнымъ. Теперь я въ лѣтахъ, прешедшихъ время пылкой молодости, и если не по собственному убѣжденію, то по мнѣнію многихъ, человѣкъ довольно порядочный и занимаю видное въ арміи мѣсто. Удивительные и для меня самаго едва-ли постижимые перевороты!

На другой день, по прибытіи арміи къ Смоленску, еще въ 12-ти верстахъ отъ города находилась 2-я армія. Князь Багратионъ пріѣхалъ къ главнокомандующему, сопровождаемый нѣсколькими генералами, большой свитой, пышнымъ конвоемъ. Они встрѣтились съ возможнымъ изъявленіемъ вѣжливости, со всѣми наружностями пріязни, съ холодностію и отдаленіемъ въ сердцахъ одинъ отъ другого. Различныя весьма свойства ихъ, нерѣдко ощутительна ихъ противоположность. Оба они служили въ одно время, довольно долго въ небольшихъ чинахъ и вмѣстѣ достигли званія штабъ-офицеровъ.

Барклая-де-Толли долгое время невидная служба, скрывая въ неизвѣстности, подчиняла порядку постепеннаго возвышенія, стѣсняла надежды, смиряла честолюбіе. Не принадлежа превосходствомъ дарованій къ числу людей необыкновенныхъ, онъ излишне скромно цѣнилъ хорошія свои способности и потому не имѣлъ къ самому себѣ довѣрія, могущаго открыть пути, отъ обыкновеннаго порядка не зависящіе. Онъ замѣченъ былъ въ чинѣ генералъ-маіора, бывши шефомъ егерскаго полка, который превосходно былъ имъ приуготовленъ къ службѣ въ военное время. Многихъ офицеровъ полка онъ не остановилъ на изученіи одного фронтоваго мастерства, но сообщалъ имъ необходимыя по званію свѣдѣнія.

Князя Багратиона счастье въ среднихъ степеняхъ сдѣлало извѣстнымъ и на нихъ его не остановило. Война въ Италіи дала ему быстрый ходъ; Суворовъ, геній, покровительствовавшій ему, озарилъ его славой, собралъ ему почести, обратившія на него общее вниманіе. Поощряемая способности внушали довѣріе къ собственнымъ силамъ.

Барклай-де-Толли, быстро достигнувши чина полного генерала совсѣмъ неожиданно званія военнаго министра, и вскорѣ соединя съ нимъ власть главнокомандующаго 1-ю Западною арміею, возбудилъ во многихъ зависть, пріобрѣлъ недоброжелателей. Неловкій у Двора, не расположилъ къ себѣ людей, близкихъ Государю; холодностію въ обращеніи не снискалъ пріязни равныхъ, ни приверженности подчиненныхъ. Приступивши въ скоромъ времени къ нѣкоторымъ по управленію перемѣнамъ, изобличая тѣмъ недостатки прежнихъ распоряженій, онъ вызвалъ злобу сильнаго своего предмѣстника, который поставлялъ на видъ малѣйшія изъ его погрѣшностей. Между приближенныхъ къ нему мало имѣлъ способныхъ, и потому, рѣдко допуская ихъ раздѣлять съ нимъ труды его, все думалъ наполнить своею дѣятельностію. Въ началѣ произошло медленное теченіе дѣлъ, въ послѣдствіи несогласное частей и времени несоразмѣренное дѣйствіе, и наконецъ запутанность неизбѣжная!

Князь Багратіонъ, на тѣ же высокія назначенія возведенный (исключая должности военнаго министра), возвысился согласно съ мнѣніемъ и ожиданіями каждаго. Конечно, имѣлъ завистниковъ, но менѣе возбудилъ враговъ. Ума тонкаго и гибкаго, онъ сдѣлалъ при Дворѣ сильныя связи. Обязательный и пріятливый въ обращеніи, онъ удержалъ равныхъ въ хорошихъ отношеніяхъ, сохранилъ расположеніе прежнихъ пріятелей. Обогащенный воинскою славой, допускалъ раздѣлять труды свои, въ настоящемъ видѣ представляя содѣйствіе каждаго. Подчиненный награждался достойно, почиталъ за счастье служить съ нимъ, всегда боготворилъ его. Никто изъ начальниковъ не давалъ менѣе чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повиновался съ большею пріятностію. Обхожденіе его очаровательное! Не трудно воспользоваться его довѣренностію, не только въ дѣлахъ, мало ему извѣстныхъ. Во всякомъ другомъ случаѣ характеръ его самостоятельный. Недостатокъ познаній, или слабая сторона способностей, можетъ быть замѣчаема только людьми, особенно приближенными къ нему.

Барклай-де-Толли, до возвышенія въ чины, имѣлъ состояніе весьма ограниченное, скорѣе даже скудное, долженъ былъ смирять желанія, стѣснять потребности. Такое состояніе, конечно, не препятствуетъ стремленію души благородной, не погашаетъ ума высокія дарованія; не бѣдность, однако же, даетъ способы явить ихъ въ приличнѣйшемъ видѣ. Удаляя отъ общества, она скрываетъ не обходимо среди малаго числа пріятелей, не допуская сдѣлать обширныя связи, требующія нерѣдко взаимныхъ послугъ, иногда даже самыхъ пожертвованій. Семейная жизнь его не наполняла всего

времени уединенія: жена не молода, не обладаетъ прелестями, которыя могутъ долго удерживать въ нѣкоторомъ очарованіи, всѣ другія чувства покоряя. Дѣти въ младенчествѣ, хозяйства военный человѣкъ не имѣетъ! Свободное время онъ употребилъ на полезныя занятія, обогатилъ себя познаніями. По свойствамъ воздерженъ во всѣхъ отношеніяхъ, по состоянію неприхотливъ, по привычкѣ безъ ропота сносить недостатки. Ума образованнаго, положительнаго, терпѣливъ въ трудахъ, заботливъ о ввѣренномъ ему дѣлѣ; нетвердъ въ намѣреніяхъ, робокъ въ отвѣтственности; равнодушенъ въ опасности, недоступенъ страху. Свойствъ души добрыхъ, не чуждый снисходительности; внимателенъ къ трудамъ другихъ, но болѣе людей, ему приближенныхъ. Сохраняетъ память претерпѣнныхъ неудовольствій: не знаю, помнитъ ли оказанныя благотворенія. Чувствителенъ къ наружнымъ изъясненіямъ уваженія, недоувѣрчивъ къ истиннымъ чувствамъ онаго. Остороженъ въ обращеніи съ подчиненными, не допускаетъ свободнаго и непринужденнаго ихъ обхожденія, принимая его за несоблюденіе чинопочитанія. Боязливъ предъ Государемъ, лишенъ дара объясняться. Боятся потерять милости его, недавно пользуясь ими, свыше ожиданія воспользовались. Словомъ, Барклай-де-Толли имѣетъ недостатки, съ большею частію людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающія, въ настоящее время, весьма немногихъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ генераловъ. Онъ употребляетъ ихъ на службу съ возможнымъ усердіемъ, съ безпредѣльною приверженностію Государю наилучшаго вѣрноподданнаго!

Князь Багратіонъ, съ равнымъ недостаткомъ состоянія, брошенъ былъ случайно въ общество молодыхъ людей, въ вихрь разсѣянности. Живыхъ свойствъ по природѣ, пылкихъ наклонностей къ страстямъ, нашель пріятелей и сдѣлалъ съ ними тѣсныя связи. Сходство свойствъ уничтожало неравенство состоянія. Расточительность товарищей отдаляла отъ него всякаго рода нужды, и онъ сдѣлалъ привычку не покоряться расчетамъ умѣренности. Связи сіи облегчили ему пути по службѣ; но наставшая война, отдаляя его отъ пріятелей, предоставивъ собственнымъ средствамъ, препроводила въ Италію подъ знамена Суворова. Война упорная требовала людей отважныхъ и рѣшительныхъ, тяжкая трудами—людей, исполненныхъ доброй воли. Суворовъ остановилъ на немъ свое вниманіе, проникъ въ него, отличилъ, возвысилъ! Современники князя Багратіона, исключая одного Милорадовича, не были ему опасными. Сколько ни умѣренны были требованія Суворова, но ловкій ихъ начальникъ, провождая ихъ къ общей цѣли, отдалилъ столкновение частныхъ ихъ выгодъ. Багратіонъ возвратился изъ Италіи въ сіяніи

славы, въ блескъ почестей. Неприлично уже было ни возобновить прежнія связи, ни допустить прежнія вспомошествованія: надобно было собственное состояніе. Государь избралъ ему жену прелестнѣйшую, состояніе огромное, но въ сердце жены не вложилъ онъ любви къ нему, не сообщилъ ей постоянства! Нѣтъ семейнаго счастья, нѣтъ домашняго спокойствія! Уединеніе — не свойство Багратіона; искать средствъ въ самомъ себѣ было уже поздно, разсѣянность сдѣлалась потребностію; ее усиливало безпрерывное въ службѣ обращеніе. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ безъ наставника, совершенно безъ состоянія, князь Багратіонъ не имѣлъ средствъ получить воспитаніе. Одаренный отъ природы счастливыми способностями, остался онъ безъ образованія и опредѣлился въ военную службу. Всѣ понятія о военномъ ремеслѣ извлекалъ онъ изъ опытовъ, всѣ сужденія о немъ изъ происшествій, по мѣрѣ сходства ихъ между собою, не будучи руководимъ правилами и наукою и впадая въ погрѣшности; нерѣдко, однако же, мнѣніе его было основательнѣйшимъ. Неустрашимъ въ сраженіи, равнодушенъ въ опасности. Не всегда предприимчивъ, приступая къ дѣлу; рѣшителенъ въ продолженіи его. Неутомимъ въ трудахъ. Блюдеть спокойствіе подчиненныхъ; въ нуждѣ требуетъ полнаго употребленія силъ. Отличаетъ достоинство, награждаетъ соотвѣтственно. Нерѣдко, однако же, преимущество на сторонѣ тѣхъ, у кого сильныя связи, могущественное у Двора покровительство. Утонченной ловкости предъ Государемъ, увлекательно лестнаго обращенія съ приближенными къ нему. Нравомъ кротокъ, несвоеобычливъ, щедръ до расточительности. Не скоръ на гнѣвъ, всегда готовъ на примиреніе. Не помнитъ зла, вѣчно помнитъ благодѣянія. Короче сказать, добрыя качества князя Багратіона могли встрѣчаться во многихъ обыкновенныхъ людяхъ, но употреблять ихъ къ общей пользѣ и находить въ томъ собственное наслажденіе принадлежитъ ему невыразимому добродушію! Если бы Багратіонъ имѣлъ хотя ту же степень образованности, какъ Барклай-де-Толли, то едва-ли бы сей послѣдній имѣлъ мѣсто въ сравненіи съ нимъ.

Наконецъ 2-я армія прибыла къ Смоленску; совершенно соединеніе! Тебѣ благодареніе, знаменитый Даву, столько пользамъ Россіи послужившій!

Радость обѣихъ армій была единственнымъ между ними сходствомъ. Первая армія, утомленная отступленіемъ, начала роптать и допустила безпорядки, признаки упадка дисциплины. Частные начальники охладѣли къ главному, низшіе чины колебались въ довѣренности къ нему. Вторая армія явилась совершенно въ другомъ духѣ! Звукъ не умолкающей музыки, шумъ не перестающихъ пѣсней,

оживляли бодрость воиновъ. Исчезъ видъ понесенныхъ трудовъ, видна гордость преодолѣнныхъ опасностей, готовность къ превозможенію новыхъ. Начальникъ—другъ подчиненныхъ, они—сотрудники его вѣрные!

По духу 2-й арміи можно было думать, что пространство между Нѣманомъ и Днѣпромъ она не отступая оставила, но прошла торжествуя! Какія другія ополченія могутъ уподобиться вамъ, несравненные русскіе воины? Вѣрность ваша не пріобрѣтается мѣрою золота, допущеніемъ безпорядковъ, терпимостію своевольствъ. Не страшитъ васъ строгая подчиненность, и воля Государя творитъ героями! Когда предъ рядами вашими станетъ подобный Суворову, чтобы изумилась вселенная!

Во время расположенія арміи при Смоленскѣ, войска Донскія подъ начальствомъ атамана Платова, подкрѣпленные однимъ гусарскимъ и двумя егерскими полками, находились въ 15 верстахъ по дорогѣ на Рудню. Не далеко отъ него расположенъ авангардъ графа Палена. Полковникъ Крейцъ съ драгунскимъ полкомъ по направленію на Катань. Въ селеніи Холмѣ, по дорогѣ къ Порѣчью, генераль-маіоръ Иловайскій 4-й съ казачьими полками и Елисаветградскимъ гусарскимъ полкомъ, непрерывнымъ движеніемъ партій обезпечивая правое крыло арміи, генераль-адъютантъ Винценгероде съ Казанскимъ драгунскимъ полкомъ и тремя казачьими наблюдалъ непріятеля отъ стороны Велижа. Въ городѣ Красномъ расположенъ отрядъ генераль-маіора Оленина, посылая развѣзды до селенія Лядъ. Арміи оставались въ бездѣйствіи.

Въ Смоленскѣ, по званію моему, имѣлъ я частыя сношенія съ гражданскимъ губернаторомъ, барономъ Ашъ. Въ званіи его не возможно было найти челоуѣка болѣе бесполезнаго для арміи; безопасность его до того простиралась, что онъ, не зная о прибытіи ея къ Порѣчью, отправлялъ въ Витебскъ обозы съ хлѣбомъ для ея продовольствія. Я долженъ былъ замѣтить ему, что грозящая опасность губерніи могла бы допустить большее со стороны его любопытство. Не много болѣе пользы извлекла армія изъ губернскаго предводителя дворянства, Лесли, и многіе остались удивленными, что, отличное заслугами и благородствомъ, Смоленское дворянство избрало его своимъ представителемъ.

Въ Смоленскѣ нашли мы начало составленія земскаго ополченія: собранныя толпы мужиковъ, безъ всякаго на лѣта ихъ вниманія, худо снабженныя одеждою, совсѣмъ не вооруженныя. Въ начальники ополченія назначенъ генераль-лейтенантъ Лебедевъ, старый челоуѣкъ, совершенно неспособный, ожесточившійся противъ смерти и долготіемъ достигшій сего званія. По распоряженію

главнокомандующаго, отобранныя отъ кавалеріи негодныя ружья обращены на ополченіе ¹⁾). Нѣкоторые изъ начальниковъ жалѣли о нихъ; многимъ казалось страннымъ, какъ можно разстаться съ ними; никто не смѣлъ назвать ихъ бесполезною ношею! Изъ коннаго ополченія составлена команда для исправленія дорогъ и мостовъ; пѣшая милиція обращена на производство земляныхъ при арміи работъ.

Въ Смоленскѣ въ одно время получено извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ графомъ Витгенштейномъ и генераломъ-отъ-кавалеріи Тормасовымъ, и симъ послѣднимъ доставлены приобрѣтенныя знамена.

Наполеонъ, проходя Полоцкъ, оставилъ въ немъ корпусъ войскъ маршала Удино (Duc de Reggio), превосходящій силами войска подъ начальствомъ графа Витгенштейна, расположенныя противъ Дриссы. Въ то же время корпусъ маршала Макдональда вступилъ въ Курляндію, и уже передовыя войска его начали показываться около Крейцбурга. Положеніе дѣлалось затруднительнымъ: ни долѣе остаться у Дриссы, ни отойдя оставаться въ бездѣйствіи, равно было не возможно; ибо непріятель, постави его между двухъ огней, подвергалъ опасности неизбѣжной. Графъ Витгенштейнъ рѣшился предупредить соединеніе, вышелъ къ селенію Клястицы, лежащему на дорогѣ отъ Полоцка къ Себежу, и, закрывши себя отъ маршала Макдональда небольшимъ отрядомъ, съ главными силами обратился на корпусъ маршала Удино.

Большое разстояніе между непріятельскими корпусами, трудность отъ того въ соглашеніи дѣйствій, внутреннее положеніе между ними, давали графу Витгенштейну превосходство выгодъ. Удино вышелъ изъ Полоцка, но Макдональдъ не перешелъ Двины. Гора свалилась съ плечъ Витгенштейна! Принявъ за рѣшительное отступленіе движеніе къ селенію Клястицамъ, Удино не всѣми преслѣдовалъ силами и неосмотрительно; встрѣтивъ наши силы въ совокупности, не могъ удержаться, побѣжалъ! Войска его, въ отдаленіи разбросанныя, приспѣвая въ подкрѣпленіе частями, уничтожались! Потерявъ приобрѣтенныя въ началѣ дѣйствія выгоды, понесши весьма большой уронъ, Удино возвратился въ Полоцкъ. Графъ Витгенштейнъ, преслѣдовавши, остановилъ авангардъ въ одномъ маршѣ отъ Полоцка и возвратился въ прежнюю позицію. Долгое время оставался Удино въ бездѣйствіи. Макдональдъ ничего

---

¹⁾ Отъ Великаго Князя Константина Павловича, генераль-инспектора кавалеріи, ожидаемо было возраженіе, и безъ него не обошлось, но исполненіе не остановлено.

не предпринялъ, или не ввѣряясь войскамъ прусскимъ, составлявшимъ его корпусъ и другимъ Рейнскаго союза, съ малымъ числомъ при нихъ французскихъ войскъ, имѣя въ виду нашъ десантный корпусъ, привезенный изъ Финляндіи, или приуготовляясь къ осадѣ Риги, главному предназначенному предмету его дѣйствій. Графу Витгенштейну принадлежитъ слава побѣды и самаго предпріятія, основаннаго на искусномъ соображеніи. Многіе относятъ его на счетъ начальника корпуснаго штаба, генераль-маіора Довре. Сужденіе, можетъ быть, внушаемое завистію. Я точнаго о томъ свѣдѣнія не имѣю.

Генераль Тормасовъ напалъ на корпусъ Саксонскихъ войскъ подъ командою французскаго генерала Ренъе, перешедшій границы наши въ Брестѣ Литовскомъ, и, не допустивши его соединиться съ австрійцами подъ начальствомъ князя Шварценберга ¹⁾, встрѣтилъ сопротивленіе упорно, но, силы имѣя превосходныя, преодолѣлъ. Непритель понесъ значительный уронъ и отступилъ въ безпорядкѣ съ поспѣшностью. Въ рукахъ нашихъ оставилъ плѣнными одного генерала и болѣе двухъ тысячъ человекъ, восемь пушекъ и четыре знамени.

Во время четырехдневнаго пребыванія арміи въ Смоленскѣ, употреблены всѣ средства заготовить хлѣбомъ. Главнокомандующій, пригласивши Великаго Князя и главнѣйшихъ изъ генераловъ, предоставилъ сужденію ихъ предстоящія дѣйствія арміи. Общее всѣхъ мнѣніе было атаковать. Съ особеннымъ уваженіемъ замѣчено разсужденіе Константина Павловича, скромно изложенное, съ соображеніемъ основательнымъ ²⁾. Главнокомандующій всѣхъ другихъ менѣе охотно далъ свое согласіе на атаку, ожидая точнѣйшихъ извѣстій о непрителѣ отъ передовыхъ войскъ. Достоверно знали, что небольшимъ количествомъ конницы занимаютъ французы Порѣчье; въ Велижѣ, равнообразно какъ и въ Суражѣ, находятся въ большихъ силахъ; противъ атамана Платова расположена кавалерія и начальствующій всею Мюратъ, король Неаполитанскій, находился недалеко. Главная квартира Наполеона была въ Витебскѣ; при ней вся гвардія и паркъ многочисленной резервной артиллеріи. Корпусъ маршала Даву медленно собирался при Оршѣ, въ Лядахъ сильный отъ него отрядъ. Все благоприятствовало предпринимаемой

¹⁾ Въ случаѣ даже соединенія ихъ онъ былъ гораздо сильнѣе: потеря могла быть значительнѣе; но въ успѣхѣ ни малѣйшаго сомнѣнія

²⁾ На случай могущихъ встрѣтиться затрудненій предлагалъ приличныя мѣры, подкрѣпляемыя дальновиднымъ и весьма благоразумнымъ соображеніемъ.

со стороны нашей атакѣ. Разсѣянные на большомъ пространствѣ непріятельскія войска, обезпеченныя нашимъ бездѣйствіемъ и, въ надеждѣ продолжительнаго нашего отдохновенія, покоящіяся, способствовали успѣху. Не тотчасъ непріятель могъ быть извѣщенъ о нашемъ движеніи, и ему не менѣе трехъ дней надобно было на соединеніе силъ, не говоря объ отдаленнѣйшихъ, тогда какъ переднія были бы уже атакованы. Дано повелѣніе къ походу, и радость войскъ описать невозможно! Съ изумленіемъ смотритъ Смоленскъ на силы ополченій; шумитъ Днѣпръ, гордясь согласнымъ пути ихъ теченіемъ!

Первая армія наступала двумя колоннами по направленію на Рудню, чрезъ селеніе Приказъ Выдра. Съ лѣвой ея стороны, недалеко отъ Днѣпра, проходила вторая армія. Отрядъ изъ нѣсколькихъ егерскихъ полковъ отъ обѣихъ армій, въ командѣ генераль-маіора барона Розена, занималъ позицію у селенія Катань и большіе лѣса, прилежащіе къ нему. Равномѣрно какъ сей отрядъ, другой нѣсколько меньшій, съ генераль-маіоромъ княземъ Шаховскимъ, посланъ былъ благовременно въ селеніе Касплю. При выходѣ изъ Смоленска, отъ 2 арміи послана въ городъ Красный пѣхотная дивизія генераль-маіора Невѣровскаго, въ подкрѣпленіе отряда генераль-маіора Оленина, и приданъ Харьковскій драгунскій полкъ. Въ дивизіи, недавно изъ рекрутъ составленной, два полка черемѣнены старыми. Въ Смоленскѣ собраны хлѣбопеки отъ всѣхъ полковъ обѣихъ армій. Оставленъ одинъ полкъ для удержанія порядка; раненые и больные вывезены въ Вязьму.

Въ разстояніи небольшого перехода отъ Рудни, арміи остановились. Главнокомандующій колебался идти впередъ; князь Багратионъ требовалъ того настоятельно. вмѣсто быстрого движенія, въ предпріятіи нашемъ лучшаго ручательства за успѣхъ, данъ арміямъ день безполезнаго отдыха, непріятелю лишній день для соединенія силъ! Онъ могъ уже узнать о нашемъ приближеніи.

Атаманъ Платовъ, подкрѣпленный авангардомъ графа Палена, встрѣтилъ при селеніи Лешнѣ сильный отрядъ французской конницы, разбилъ его и преслѣдовалъ до Рудни, которую непріятель оставилъ. Въ плѣнъ взято: одинъ израненный полковникъ, нѣсколько офицеровъ и 500 нижнихъ чиновъ ¹⁾. Полковникъ сообщилъ, что о

---

¹⁾ Великій Князь Константинъ Павловичъ принялъ храбраго полковника съ особеннымъ вниманіемъ и сдѣлалъ ему вспомошествованіе. Узнавши послѣ, что съ нимъ говорилъ родной братъ Императора, онъ удивленъ былъ чрезвычайно деликатностію.

приближеніи нашемъ они не имѣли извѣстія и на то особенныхъ распоряженій не сдѣлано, равномерно въ другихъ корпусахъ никакихъ движеній не происходитъ. Изъ взятыхъ бумагъ въ квартирѣ командовавшаго генерала Себастьяни видно было распоряженіе для передовыхъ постовъ и наставленіе генераламъ, кто изъ нихъ, для которой части войскъ и съ какими силами долженъ служить подкрѣпленіемъ для сохраненія общей связи. Еще обстоятельства благопріятствовали намъ, если бы главнокомандующій твердъ былъ въ намѣреніи. Пораженіе при Лешнѣ, конечно, пробудило непріятеля, но близки были новые ему удары, и кратко время для избѣжанія ихъ. Главнокомандующій не только отклонился отъ исполненія условленнаго плана, но и перемѣнилъ его совершенно.

1-я армія отошла въ селеніе Мощинки, въ 18 верстахъ отъ Смоленска, на дорогѣ въ Порѣчье. Отрядъ князя Шаховскаго остался въ Касплѣ. Въ подкрѣпленіе ему и для обезпеченія сообщенія его съ арміею, часть авангарда графа Палена расположена въ селеніи Луцѣ. Взятые отъ него обратно къ арміи пять егерскихъ полковъ остановлены въ деревнѣ Лавровой. Войска атамана Платова, занявши лѣвымъ крыломъ Иньково и закрывая отрядъ въ Касплѣ, протянулись до селенія Вороны.

2-я армія стала на мѣстѣ первой; авангардъ ея впереди селенія Гавриковъ, имѣя передовые посты лѣвѣе Инькова, чрезъ Лешню на Катань и до Днѣпра. Отрядъ барона Розена упраздненъ, и мѣсто его занялъ сильный постъ отъ авангарда. Чрезъ день 2-я армія по причинѣ худого качества воды, вреднаго для войскъ, и не менѣе по недостатку въ ней, возвратилась въ Смоленскъ. Авангардъ ея, подъ командою генераль-адъютанта Васильчикова, остался въ своемъ мѣстѣ, и въ подкрѣпленіе ему корпусъ генераль-лейтенанта князя Горчакова.

Въ селеніи Мощинкахъ 1-я армія находилась четыре дня безъ дѣйствія. Полки передовыхъ постовъ ничего важнаго не открыли. Изъ отряда генераль-адъютанта барона Винценгероде посланныя партіи къ Велижу донесли, что стоявшій въ окрестности 4-й корпусъ вице-короля Италіанскаго вышелъ и до самаго Суража не было французскихъ войскъ. Одна партія отъ атамана Платова во-рвалась въ Порѣчье, но была изгнана. Вскорѣ затѣмъ увѣдомили жители, что французы удалились изъ города.

Невозможно было постигнуть причины, которая заставляла главнокомандующаго предпочитать дѣйствія арміи со стороны Порѣчья. Ни одного изъ корпусовъ непріятельскихъ нельзя было отбросить такъ, чтобы не могъ онъ соединиться съ другими. Непріятель, если бы въ необходимости нашелся отступать, конечно, не

избралъ бы направленія на Витебскъ, или бы въ немъ не остано-
 вился; ибо дорога на Борисовъ представляетъ всѣ выгоды. Корпусъ
 маршала Даву, присоединяя къ себѣ корпусъ вестфальскихъ войскъ
 и польскую кавалерію князя Понятовскаго, идетъ навстрѣчу главной
 своей арміи, и она до такой усилится степени, что ей слишкомъ
 достаточно средствъ и нашу опрокинуть армію, и значительную
 часть войскъ отправить кратчайшимъ путемъ для занятія Смоленска.
 Допуская самыя грубыя ошибки со стороны Наполеона (чего, ка-
 жется, ожидать безразсудно), сосредоточась у Витебска, онъ будетъ
 имѣть не менѣе того числа войскъ, отъ котораго наша армія весьма
 недавно отступала. Допуская, что опрокинутый, онъ будетъ брошенъ
 на тѣ самыя мѣста, которыми шелъ впередъ, то и въ семъ случаѣ
 театра войны нельзя перенести въ Литву, гдѣ непріятель оставилъ
 бы землю опустошенную и истребивши послѣдніе ея способы. Го-
 раздо съ большимъ правдоподобіемъ прелположить возможно, что
 расположенный въ Велижѣ корпусъ вице-короля Италіанскаго, от-
 туда вышедшій уже, и другой, бывший въ Суражѣ, отступая предъ
 нашею арміею, и вели бы ее къ Витебску, и Наполеонъ, при-
 соединя къ своей гвардіи войска, расположенныя къ сторонѣ Рудни
 и Любавичей, перешелъ бы на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ селеніе
 Ляды занято уже было войсками отъ корпуса маршала Даву, и
 былъ бы подъ стѣнами Смоленска, прежде нежели Барклай-де-Толли
 могъ прислѣть къ нему. 2-я армія, одна не въ состояніи будучи
 защищать городъ, должна была бы послѣшно отступить къ Дорого-
 бужу. Возвращающаяся 1-я армія, отброшенная движеніемъ Напо-
 леона, теряла бы возможность соединиться съ княземъ Багратио-
 номъ. Движеніе наше къ Руднѣ не было извѣстно непріятелю, какъ
 видно изъ показаній плѣнныхъ; атака разбросанныхъ войскъ и ис-
 требленіе немалаго числа ихъ легко могли совершиться, и армія,
 какъ то предположено было, должна была тотчасъ возвратиться въ
 свою позицію, около Смоленска. Я думаю, что главнокомандующій,
 отличающійся опытностію и благоразумною осторожностію, не сдѣ-
 лалъ бы иначе и не былъ бы увлеченъ успѣхомъ, съ опасностію
 лишиться приобрѣтенныхъ выгодъ.

Не забуду я страннаго намѣренія твоего, Барклай-де-Толли,
 слышу упреки за отмѣну атаки на Рудню. За что терпѣлъ я отъ
 тебя упреки, Багратионъ, благодѣтель мой! При первой мысли о
 нападеніи на Рудню, не я ли настаивалъ на исполненіи ея, не я
 ли убѣждалъ употребить возможную скорость? Я всѣми средствами
 старался удерживать между вами, яко главными начальниками,
 доброе согласіе, боясь малѣйшаго охлажденія одного къ другому.
 Скажу и то, что въ сношеніяхъ и объясненіяхъ вашихъ, чрезъ

меня происходившихъ, не рѣдко холодность и невѣжливость Барклая-де-Толли представлялъ я предъ тебя въ тѣхъ видахъ, которые могли казаться пріятными. Твои отзывы, иногда грубые и колкіе, передавалъ ему въ выраженіяхъ обязательныхъ. Ты говаривалъ мнѣ, что, сверхъ ожиданія, нашелъ въ Барклаѣ-де-Толли много хорошаго ¹⁾). Не разъ онъ повторялъ мнѣ, что онъ не думалъ, чтобы можно было, служа вмѣстѣ съ тобою, не встрѣчать неудовольствій. Благодаря довѣренности ко мнѣ васъ обоихъ, я долго удержалъ бы васъ въ семъ мнѣніи, но причиною вражды между вами помощникъ твой, графъ Сень-При. Онъ съ завистью смотрѣлъ на то, что я употребляемъ болѣе, нежели онъ. Должность моя при главномъ начальникѣ и въ то же время военномъ министрѣ давала мнѣ родъ нѣкоего первенства надъ нимъ и занятіямъ моимъ болѣе видную наружность. Онъ въ сужденіи своемъ не первое далъ мѣсто общей пользѣ; хотѣлъ, значить, болѣе, нежели могъ! Ты, почтенный благодѣтель мой, излишне уважалъ связи при дворѣ избалованнаго счастіемъ молодого человѣка, и въ довѣренности къ нему не всегда былъ осмотрительнымъ.

Потерявши много времени напрасно, 1-я армія выступила изъ Мошинокъ по той же дорогѣ обратно къ Руднѣ. Не извѣстно, было ли намѣреніе искать непріятеля, чтобы дать сраженіе, или дожидаться его прибытія, но довольно двинуться впередъ, чтобы князь Багратіонъ сѣшилъ присоединиться.

1-я армія прибыла къ селенію Гаврики, гдѣ стоялъ авангардъ генераль-адъютанта Васильчикова; войска 2-й арміи были уже на второмъ переходѣ отъ Смоленска и должны были занять лѣвое крыло позиціи. Корпусъ генераль-лейтенанта Раевского въ первый день не болѣе 15 верстъ отошелъ отъ Смоленска, выступивши тремя часами позднѣе надлежащаго. Впереди его приказано было идти 2-й гренадерской дивизіи, но она не трогалась съ мѣста ²⁾). Промедленіе сіе было впоследствии важнѣйшею пользою; ибо генералу Раевскому предстояло совсѣмъ другое назначеніе.

Въ день прибытія арміи къ с. Гаврики, атаманъ Платовъ сдѣлалъ усиленный переходъ отъ с. Холма до с. Инькова; не остано-

---

¹⁾ О Барклаѣ-де-Толли князь Багратіонъ всегда спрашивалъ: „Что дѣлаетъ твой Даву?“

²⁾ Дивизіею начальствовалъ генераль-лейтенантъ принцъ Карлъ Мекленбургскій. Наканунѣ онъ, проведя вечеръ съ пріятелями, былъ пьянъ, проспался на другой день очень поздно, и тогда только могъ дать приказъ о выступленіи дивизіи. Послѣ этого винный откупъ святое дѣло, и принцъ достоинъ Государственнаго наипитка!

вась у него, вышелъ впередъ авангарда генераль-адъютанта Васильчикова, открылъ Рудню, гдѣ не было уже непріятеля, который, по показанію жителей, выступилъ полторы сутки назадъ и у селенія Расасни переправляется на лѣвый берегъ Днѣпра. Передовые посты авангарда ничего о томъ не знали ¹⁾. Одна изъ партій, посланныхъ атаманомъ Платовымъ, настигла послѣднія войска, идущія къ Расаснѣ; другая, по слѣдамъ непріятеля, спустилась по правому берегу рѣчки Березины, его уже не застала. Остановясь самъ въ Руднѣ, атаманъ донесъ обо всемъ главнокомандующему и ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній.

Въ сіе время князь Багратіонъ получилъ рапортъ генераль-майора Невѣровскаго, что 3-го числа іюля непріятель въ большихъ силахъ атаковалъ его въ г. Красномъ, гдѣ онъ, упорно защищавшись, вытѣсненъ, стремительно преслѣдуемъ, потерпѣлъ большой уронъ, потерялъ нѣсколько пушекъ и отступаетъ къ Смоленску. Офицеръ съ рапортомъ былъ сутки въ дорогѣ, и потому можно полагать, что непріятель уже въ движеніи къ Смоленску. Слышенъ былъ глухой звукъ выстрѣловъ: ближайшіе къ Днѣпру передовые посты извѣстили о сильной канонадѣ.

Г.-л. Раевскому приказано идти поспѣшнѣе съ корпусомъ въ подкрѣпленіе г.-м. Невѣровскому; 2-я армія немедленно послѣдовала къ Смоленску и въ слѣдъ за нею 1-я армія. Атаманъ Платовъ, собравши партіи, расположился у с. Приказъ Выдра. Отрядъ г.-м. князя Шаховскаго возвратился къ арміи; часть егерей и кавалеріи отходила дорогою по берегу Днѣпра, наблюдая броды. Ротмистру Чеченскому, извѣстному храбростію, приказалъ я, выбравъ охотниковъ изъ конвойной команды Бугскаго казачьяго полка, отправиться на лѣвый берегъ Днѣпра и осмотрѣть на маршѣ силы непріятельскія. Возвращаясь отъ селенія Гаврики, склонилъ я флигель-адъютанта полковника Кикина вступить въ должность дежурнаго генерала, оставленную имъ по болѣзни и непріятностямъ ²⁾.

Прощай, Ставраковъ, плачевный дежурный генералъ, комендантъ главной квартиры несравненный! Ты не будешь уже доставлять без-

¹⁾ Авангардомъ командовалъ генераль-адъютантъ Васильчиковъ, изъ числа отличныхъ офицеровъ арміи, недавно храбростію обратившій на себя вниманіе, но мало имѣющій опытности, не прежде какъ въ чинѣ генераль-майора начавши служить противъ непріятеля. До того—шефъ блистательнаго Ахтырскаго гусарскаго полка, подвигаемый къ почестямъ сильными связями.

²⁾ Полезныхъ способностей, дѣятельности неутомимой, строгихъ правилъ чести, находился при образованіи Главнаго Штаба арміи и введеніи новаго порядка управленія по положенію о большихъ дѣйствующихъ арміяхъ.

прерывныя упражненія моею дѣятельности и, благодаря полковнику Кикину, я буду имѣть минуты отдохновенія! О лѣность, всегда мною чтимая! прими меня, возвращающагося къ тебѣ; клянусь вѣчнымъ постоянствомъ!

Г.-л. Раевскій прибылъ съ корпусомъ къ Смоленску и расположился въ предмѣстяхъ города. Г.-м. Невѣровскому, съ отрядомъ бывшему только въ семи верстахъ впереди, приказалъ присоединиться къ своему корпусу. Если бы г.-л. Раевскому не воспрепятствовала 2-я гренадерская дивизія выступить ранѣе, какъ то надлежало, онъ, сдѣлавши большой переходъ, возвратился бы въ Смоленскъ слишкомъ поздно и могъ даже найти въ немъ французовъ.

Городъ Красный защищаемъ былъ авангардомъ генераль-маіора Оленина, которому въ подкрѣпленіе дана была 27-я пѣхотной дивизіи егерская бригада флигель-адъютанта полковника Воейкова. Французы были уже въ улицахъ и не разъ изгнаны. Полки, никогда не видавшіе непріятели, не знающіе опасности, дрались отчаянно; но уступая, наконецъ, возобновляемымъ усиліямъ, авангардъ отошелъ къ отряду, стоящему на большой дорогѣ, въ двухъ верстахъ за городомъ. Непритель продолжалъ преслѣдовать одною конницею, весьма сильною, съ нѣкоторымъ количествомъ орудій. Пѣхота не прежде появилась, какъ подходя уже къ Смоленску. Генераль-маіоръ Невѣровскій, офицеръ отлично храбрый, и его не устрашали опасности, но, рѣдко весьма и въ малыхъ чинахъ бывши въ дѣйствіи, при способностяхъ очень обыкновенныхъ, нашелся въ такомъ трудномъ положеніи, которое требовало, по крайней мѣрѣ, навыку и смѣтливости. Если кто немного знаетъ французскую конницу, повѣритъ нѣкоторой возможности удерживать порывы ея шестью тысячами пѣхоты, отступающей по волнистому мѣстоположенію, дорогою, обсаженною по бокамъ двумя рядами деревьевъ, и когда при ней батарейная рота. Генераль-маіоръ Невѣровскій, имѣя одинъ Харьковскій драгунскій полкъ, подвергъ его значительному урону. Не довольно связнымъ дѣйствіемъ пѣхоты, и отправивши назадъ батарейную артиллерию, онъ далъ возможность непріятельской конницѣ дѣлать удачныя атаки. Она, пользуясь многочисленностію своею, дѣйствовала въ тылу его и овладѣла большею частію отосланной назадъ артиллеріи, въ ея движеніи. Если бы генераль-маіоръ Невѣровскій къ знаніямъ своимъ военнаго ремесла присоединилъ искусство построенія каре, прославившее многихъ въ войнахъ противъ турокъ, оно, покоряя обыкновенному образу хода, не допустило бы до бѣгства, и ты, Анушкинъ, батарейную роту свою не исчислялъ бы дробями. Со всѣмъ этимъ непритель не могъ не уважать неустрашимости генераль-маіора Невѣровскаго, и, по счастью,

пѣхота французская появилась предъ нимъ въ близкомъ отъ Смоленска разстояніи, и онъ поступилъ въ распоряженіе генераль-лейтенанта Раевского.

4-го числа іюля генераль-лейтенантъ Раевскій съ однимъ своимъ корпусомъ и 27 дивизією дрался въ продолженіе цѣлаго дня, и не только защитилъ городъ, но и занявши предмѣстія, не допустилъ овладѣть ими, при всѣхъ усиліяхъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, при возможной со стороны его предприимчивости. Немногіе изъ генераловъ рѣшились бы на то, что Раевскому не казалось исполнить труднымъ. Могло казаться удобнѣйшимъ, уступя Смоленскъ, защищать переправу чрезъ Днѣпръ, ибо арміи не могли въ скоромъ времени прійти въ помощь. Защищаясь въ крѣпости, надобно было размѣстить артиллерію по бастіонамъ и, въ случаѣ отступленія, опасаться потерять ее, имѣя къ выходу одни ворота. Силы непріятеля очевидно умножались, но онъ не зналъ положенія города и окрестностей и продолжалъ безплодные усилія по большой дорогѣ отъ Краснаго противъ Маалховскихъ воротъ. Если бы обратился онъ къ лѣвому флангу крѣпости, прилежавшему къ рѣкѣ и, взявъ продолженіе стѣны, учредилъ сильную противъ моста батарею, Раевскій нашелся бы въ затрудненіи дѣйствовать съ большими силами, препятствуемый тѣсною улицъ, и войска, подверглись бы ужасному истребленію артиллеріи. Поздно вечеромъ прибыла 2-я армія, не прежде ночи пришла 1-я армія, и обѣ расположились на правомъ берегу Днѣпра. Раевскій до того не допустилъ овладѣть ни одною частію предмѣстій, не потерялъ ни одного шагу. На другой день смѣнившій его генераль Дохтуровъ съ корпусомъ, присоединивъ 27-ю пѣхотную дивизію, долгое время удерживался въ тѣхъ же предмѣстіяхъ, не допуская къ стѣнамъ города. Раевскій 5 числа присоединился къ арміи. Въ десять часовъ утра войска наши должны были войти въ крѣпость и расположились подъ защитою зубцовъ стѣны, у прикрытія батарей, и составили изъ себя резервы. Артиллерія въ большемъ числѣ заняла земляные предъ стѣнами бастіоны. Незадолго предъ тѣмъ посланный на подкрѣпленіе генераль-лейтенантъ Коновницынъ съ 3-ю дивизією занялъ часть города, лежащую направо. Ближайшіе дома форштадта, простирающагося къ Днѣпру, были еще въ нашихъ рукахъ, и стрѣлки наши внѣ окруженія стѣнъ. Превосходствомъ силъ непріятель въ одно время обнялъ весь городъ, атаковалъ предмѣстіе съ праваго фланга, и со всѣхъ сторонъ загорѣлся ужасный пушечный и ружейный огонь; во многихъ частяхъ города начались пожары. По распоряженіямъ генераль-лейтенанта Коновницына, 3-я дивизія опрокинула непріятеля; имъ же направленный отрядъ генераль-маіора Оленина не мало способство-

валь отраженію, и егерская бригада полковника Потемкина дѣйствовала отлично. Непрiятель, усмотрѣвши удобство мѣстоположенія, главнѣйшія силы направилъ на лѣвое крыло и не разъ уже былъ у самыхъ Никольскихъ воротъ. Одно мгновеніе могло рѣшить участь города, но неустрашимость генераль-маіора Невѣровскаго и присутствіе генераль-маіора графа Кутайсова, начальника артиллеріи 1-й арміи, направлявшаго дѣйствіе батарей, всегда торжествовали надъ усиліями непрiятеля. Устроенная на правомъ берегу батарея подполковника Нилуса много вредила его атакамъ. Постоянное стремленіе на одинъ пунктъ, умножаемое количество артиллеріи, обнаружили намѣренія непрiятеля и побудили послать въ подкрѣпленіе лѣваго крыла 4-ю дивизію принца Евгенія Виртембергскаго. Полетѣли полки по слѣдамъ молодого начальника, отличнаго храбростію, ими любимаго! Главнокомандующій поручилъ мнѣ осмотрѣть, въ какомъ положеніи дѣла наши въ городѣ. Сраженіе продолжалось съ жестокостію; уронъ съ нашей стороны чувствителенъ; уронъ непрiятеля несравненно большій; ибо насъ отъ дѣйствія артиллеріи охраняли крѣпостныя стѣны. За часъ до вечера непрiятель былъ близко къ стѣнамъ, часть предмѣстія по лѣвой сторонѣ во власти его; единственный мостъ нашъ на Днѣпрѣ осыпаемъ былъ ядрами; городъ во многихъ мѣстахъ объятъ пламенемъ; внѣ стѣнъ не было уже ни одного изъ нашихъ стрѣлковъ. Не пощадилъ Наполеонъ польскія войска въ семъ случаѣ, и они, рабственно покорствуя его волѣ, понесли на себѣ главнѣйшую часть всей потери. Съ началомъ дня сильная часть войскъ непрiятельскихъ отправилась вверхъ по лѣвому берегу Днѣпра, по дорогѣ на Ельню. За движеніемъ симъ наблюдала 2-я армія, 5 числа перешедшая на Московскую дорогу, имѣвшая цѣлью обезпечить переправу чрезъ Днѣпръ, въ 40 верстахъ отстоящую отъ Смоленска. Авангардъ ея, подъ командою генераль-лейтенанта графа Горчакова, расположенъ былъ въ шести верстахъ отъ города; казачьи войска ея большею частію на лѣвомъ берегу Днѣпра, не выпуская изъ глазъ непрiятеля; сообщеніе съ 1-ю арміею содержали кавалерійскіе посты. Непрiятель, прошедши 12 верстъ на Ельню, возвратился къ городу, а потому 2-я армія имѣла ночлеги по близости.

Князь Багратионъ склонилъ главнокомандующаго еще одинъ день продолжать оборону города, переправиться за Днѣпръ и атаковать непрiятеля, и что онъ то же сдѣлаетъ съ своей стороны. На вопросъ главнокомандующаго отвѣчалъ генераль-квартирмейстеръ полковникъ Толь, что надобно атаковать двумя колоннами изъ города. Удивило меня подобное предложеніе челоуѣка съ его взглядомъ и понятіями. Я сдѣлалъ замѣчаніе, что въ городѣ весьма мало

воротъ, и они съ поворотами въ башняхъ. Большое число войскъ скоро пройти ихъ не можетъ, равно какъ и устроиться въ боевой порядокъ, не имѣя впереди свободнаго пространства и подъ огнемъ батарей, близко къ стѣнѣ придвинутыхъ. Скоро ли можетъ присѣсть, сопровождающая атаки, артиллерія, и какъ большое количество войскъ собрать безъ замѣшательства въ тѣсныхъ улицахъ города, среди развалинъ домовъ, разрушенныхъ бомбами? Я предложилъ на разсужденіе случай необходимаго отступленія, когда всѣ неудобства и затрудненія предстоятъ гораздо въ большемъ размѣрѣ. Военный министръ нашелъ основательными мои замѣчанія. Разсуждаемо было, что если необходимо нужно атаковать, то удобнѣе перейти за Днѣпръ у самаго города, съ правой его стороны, устроивъ мосты подъ защитою батарей праваго фланга крѣпости. Предмѣстіе не было еще оставлено нами: противъ него была одна только непріятельская батарея, и къ ней удобный доступъ садами, далеко простирающимися. Въ случаѣ отступленія, занявъ монастыри и церкви въ предмѣстіи, можно не допустить натиска его на мосты. 2-я армія не должна переправиться за Днѣпръ выше города, и еще менѣе атаковать правый флангъ непріятеля, какъ то предполагалъ князь Багратіонъ. Легко было воспрепятствовать переправѣ арміи, или, отбросивши атаку, разорвать сообщеніе съ 1-ю арміею, уничтожить согласіе въ дѣйствіи войскъ и способы взаимнаго вспоможенія. Небольшими силами непріятель могъ войска наши не выпускать изъ крѣпости и свои войска сосредоточить по произволу. Представленные мною разсужденія не воздержали меня отъ неблагоприятнаго, въ свою очередь, поступка. Я поддерживалъ мнѣніе гг. корпусныхъ командировъ еще одинъ день продолжать защиту города. Желаніе ихъ доведено до свѣдѣнія чрезъ генераль-маіора графа Кутайсова. Защита могла быть необходимою, если бы главнокомандующій намѣревался атаковать непременно. Но собственно удержать за собою Смоленскъ въ разрушеніи, въ которомъ онъ находился, было совершенно бесполезно. Сильнаго гарнизона отдѣлить армія не могла, а въ городѣ и слабый не нашелъ бы средствъ къ существованію. И такъ рѣшено главнокомандующимъ оставить Смоленскъ! Встрѣтились затрудненія собрать войска, по всему пространству города разсѣянныя, артиллерію, размѣщенную во всѣхъ его частяхъ. Долго вечеромъ продолжалось сраженіе; войска вышли изъ города ночью безпрепятственно, послѣдніе изъ полковъ предъ разсвѣтомъ и истребили мостъ. Въ слѣдъ за нимъ непріятель вступилъ въ городъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового
 союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой
 по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ
 магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20.
 „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ
 Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д.
 Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ,
 № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).
 Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ
 Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о
 цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и
 XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ
 дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ,
 артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства:
 переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—
 V. Отказы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—
 Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго време-
 ни.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к.
 послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными
 для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничто-
 жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ
 не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за
 слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г.,
 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
 Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъячская ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLIII-й.

АВГУСТЪ.

1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Сто лѣтъ назадъ. Письма И. П. Одентали къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. . . 165—171
- II. Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 года. В. В—на. . . 172—207
- III. Въ Румыніи передъ войной 1877 г. Г. П. Бобринкова. . . . . 208—212
- IV. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1806 г. Сообщ. Н. А. Вилламовъ. 213—217
- V. Бѣжаницкое народное училище. II. . . . . 218—231
- VI. Взятіе русскими Ганджи (Елизаветполя). (По архивнымъ даннымъ). С. Фарфоровскаго. . . . 234—238
- VII. Изъ воспоминаній стараго надела в Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. М. М. Рота. . 239—249
- VIII. Характеристика архіереевъ Саратовской епархіи за шестьдесятъ пять лѣтъ. (Изъ записокъ стараго помѣщика). В. А. Шомпулева. . . . . 250—257
- IX. 1812-й годъ. Бородинское сраженіе 26 августа. (Съ приложеніемъ плана Бородинскаго сраженія). В. М. Коллюбакина. . . . . 258—281
- X. Изъ записной книжки „Русской Старины“:
- а) Наказаніе монахини (1690 г.). Сообщилъ Пв. С—въ. . . . . 232—233
- XI. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).
- XII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 18 августа по 1 сентября 1911 г. (на оберткѣ).
- Въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“ — Записки генерала Ермолова, въ Отечественную войну 1812 года. . . . 46—120

Приложенія: Портретъ Барклая-де-Толли. Рисунки: а) Бой 24 августа 1812 года у Шевардина; б) Бородинское сраженіе 26 августа 1812 года и в) Планъ Бородинскаго сраженія.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1912.

Библиографическій листокъ.

Не имѣя никакой возможности помѣщать отзывы о многочисленныхъ сочиненіяхъ, касающихся отечественной войны, которыя присылаются для отзыва, редакция считаетъ своимъ долгомъ приложить списокъ болѣе или менѣе изъ нихъ выдающихся:

Матеріалы Военно-Ученаго Архива Генеральнаго Штаба. Отечественная война 1812 года, томъ XIV. Боевыя дѣйствія въ 1812 г. (іюль), томъ XV. Боевыя дѣйствія въ 1812 году (іюль—декабрь), томъ XVI. Боевыя дѣйствія въ 1812 году (августъ), томъ XVIII. Боевыя дѣйствія въ 1812 году (октябрь—декабрь).

Нашествіе Наполеона и Отечественная война 1812. Изданіе Прокудинъ-Горскаго и Лаурсона. Томы 4 и 5.

Воспроизведенныя въ этихъ выпускахъ картины отличаются такими же достоинствами, какъ предшествовавшіе выпуски.

Къ столѣтію Отечественной войны 1812. Издательство Бѣлокурова,—портреты Императора Александра I, Наполеона, Кутузова и воспроизведеніе картины Мазуровскаго, Казачья атака лавой, при м. Миръ, 26 іюня 1912 г. Эти портреты и картины выполнены прекрасно.

Акты, издаваемые Виленской комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXXVII. Вильна 1912 г.

Документы и матеріалы, относящіеся къ исторіи Отечественной войны 1812 г.

Полоцко-Витебская Старина. Изданіе Витебской Ученой Архивной Комиссіи, часть I. Въ этой книгѣ напечатаны матеріалы для исторіи Отечественной войны 1812, извлеченные изъ Витебскаго Губернскаго Архива М. А. Мельниковой.

Историческій обзоръ Отечественной войны и ея причинъ Н. П. Муратова. Изданіе Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи. Тамбовъ 1912 г. Краткое и прекрасное изложеніе событій 1812 г.

Бородино. По новымъ даннымъ. А. Геруа. 1912 г.

Россія и Наполеонъ. Отечественная война въ мемуарахъ, документахъ и художественныхъ произведеніяхъ, иллюстрированный сборникъ. Москва 1912 г.

1812 г. Первое „Утро“, посвященное Отечественной войнѣ.

Походъ въ Москву. Мемуары участника, французскаго генерала графа де-Сегюра. Москва 1911 г.

Пожаръ Москвы. По воспоминаніямъ и перепискѣ современниковъ. Москва. 1911.

Самыми интересными записками о 1812 годѣ считаются „Записки Алексѣя Петровича Ермолова“—часть I, 1801—1812 г. Изданіе Н. П. Ермолова. Москва 1865 г. Нераспродавныя части I и II этого, исполненнаго историческаго значенія, изданія имѣются въ Петербургѣ въ магазинѣ Главнаго Штаба.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы

съ 18 августа по 1 сентябрю 1911 г.

Епифановъ, Ив. Игорь князь Новгородо-Сѣверскій (1905 г.). Половецкій походъ. Историческій рассказъ. М. 1912. Изд. 2-е, М. В. Ключкина (Ваганьковск. пер., 9). Тип. Поплавскаго (Лялинъ пер., соб. д.). 8° (17×22). 32 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Въсь 6 л. 3.000 экз.

Кудринскій, Ф. А. Исторія великаго дня (19 февраля 1861 г.). Вильна. 1911. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (16×24). 31 стр. Ц. 25 к. Въсь 3 л. 100 экз.

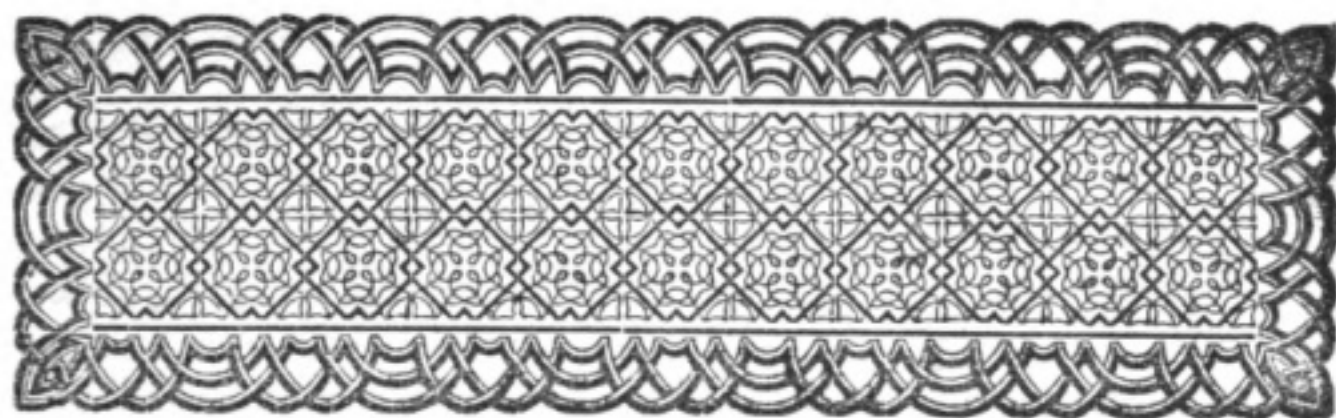
Малецкій, П. И. Исторія Христіанской церкви. Вып. послѣдній. Отъ раздѣленія церквей (1054 г.) до настоящаго времени. Тула. 1911. Изд. автора (Дух. семинарія). Тип. Е. И. Дружининой (Кіевская. 18). 8° (18×27). VIII+324+4 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 6 л. 2.400 экз.

Саркисаг Мокри

СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ ¹⁾.

62.

Августа 2-го 1812 г.

то прикажете сказать вамъ, любезный Александръ Яковлевичъ? Мы здѣсь ничего не знаемъ, ничего не понимаемъ. Тому и книги въ руки, кто читать гораздъ. Кутузова сдѣлали свѣтлѣйшимъ; да могли ли его сдѣлать лучезарнѣе его дѣяній? Публика лучше бы желала его видѣть съ титуломъ генералиссимуса. Всѣ увѣрены, что когда онъ приметъ главное начальство надъ арміями, такъ всякая позиція очутится для русскаго солдата превосходною. Продлятъ долѣе козни: такъ и Богъ отъ насъ отступится. Миѣ ужъ представляется, что Бонапарте задалъ всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ нашимъ большой дозисъ опиума. Они спятъ, а вмѣсто нихъ дѣйствуютъ Фули, Вольцогены. Проснутся—и увидятъ, кому они ввѣрили судьбу нашу. Сюда прибылъ еще Штейнъ ²⁾.

¹⁾ См. „Русская Старина“, июль 1912 г.

²⁾ Штейнъ, баронъ Генрихъ-Фридрихъ-Карль, род. въ 1756 г. † въ 1831 г. одинъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Европы, врагъ Наполеона, изгнанный имъ изъ Пруссіи. Въ іюнѣ 1812 г., по приглашенію Императора Александра I, Штейнъ пріѣхалъ въ Россію.

Вотъ еще дѣтина! — Что жъ намъ прикажутъ несчастнымъ дѣлать?—Увы!—воздыхать.—Есть уже разные слухи о Фулѣ. Весьма жаль, ежели онъ дѣйствительно ушелъ отъ насъ. Много бы сказалъ вамъ изустно, да и то прерывающимся голосомъ, а рука не можетъ писать того, что теперь узнаешь.—Русскіе войны! не медлите! принимайте разбойниковъ на штыки. Они не могутъ противъ васъ устоять. Узнаемъ, что васъ пустили уже въ бой; такъ наше безпокойство кончится.

63.

С.-Петербургъ. Августа 6-го 1812 г.

Мнѣ нечего къ вамъ писать, любезный Александръ Яковлевичъ, ибо радостнаго ничего не знаю.

Вчера даны Сенату два указа. 1-ый объ открытіи въ Англіи торговли на нынѣ существующихъ постановленіяхъ впредь до размѣна ратификацій, а 2-ой о рекрутскомъ наборѣ въ тѣхъ губерніяхъ, которыя изъяты манифестомъ отъ ополченія. Это узнаете вы, можетъ быть, прежде меня. Говорятъ, что Государь изволилъ на сихъ дняхъ ѣхать въ Ревель или Або.

Реляцію и Journal du Nord у сего посылаю. — Когда будетъ вѣрная оказія, такъ ждите отъ меня сообщеній. — Что-то къ вамъ пишетъ теперь кн. Багратионъ?

64.

Августъ 13, 1812 г.

Свѣтлѣйшаго Кутузова, наконецъ, назначили главнокомандующимъ всѣми арміями, о чемъ вы уже должны быть извѣстны. Третьяго дня поутру около 11 часовъ отправился онъ чрезъ Новгородъ въ Смоленскъ. Онъ взялъ съ собою для письменныхъ дѣлъ историка Суворова—Егор. Бор. Фукса. Государь изволилъ прислать ему дорожную карету и коляску. Въ субботу ввечеру по уполномочію распечаталъ онъ донесеніе къ Императору графа Витгенштейна, который въ третій разъ нанесъ Удиному корпусу пораженіе. У непріятели легло на мѣстѣ до 3-хъ тысячъ человекъ, въ плѣнъ взято болѣе 2-хъ тысячъ, отбито 8 пушекъ. Увѣряютъ, что самъ Удино тяжело раненъ, и вмѣсто него принялъ начальство генераль С.-Сиръ. Кажется, что сраженіе происходило подъ Полоцкомъ.

Реляціи печатной до сихъ поръ вѣтъ, поелику Кутузовъ, прочтя донесеніе, немедленно за своею печатью отправилъ его съ тѣмъ же

курьеромъ къ Государю въ Финляндію. Говорятъ, будто третьяго дня прискакалъ еще другой курьеръ изъ большой арміи также съ радостнымъ извѣстіемъ. О сей побѣдѣ, одержанной будто бы Раевскимъ, рассказываютъ различно—и такъ сбивчиво, что лучше дожидаться подтвержденія.

Наполеонъ долженъ быть въ Витебскѣ, Мюратъ въ Оршѣ, а Геронимъ въ Толочинѣ. Бѣглецы изъ Витебска, которымъ разбойники по неволѣ забили лбы, сказывали, что тамъ за фунтъ хлѣба платили по рублю серебромъ. Въ непріятельскихъ войскахъ пропасть больныхъ, наиболѣе же страдаютъ они опухолью въ ногахъ. Бѣлорусскіе жители не могутъ имѣть хлѣба: французы у нихъ отнимаютъ, коль скоро иснекутъ его. Несчастные изъ спрятанной въ лѣсахъ муки дѣлаютъ родъ поленты и тѣмъ только и пробаваются.

Изъ Великихъ Лукъ имѣю отъ 6-го августа письма, а изъ Пскова отъ 7-го. Въ обоихъ сихъ городахъ никто уже посѣщенія Чингисхановыхъ ордъ не боится. Между прочимъ пишутъ мнѣ, что во Псковъ привели цѣлый голландскій полкъ, который добровольно сдался графу Витгенштейну.

Вчера съ тѣхъ, которые на листахъ, полицейскими офицерами разносимыхъ, въ домахъ своихъ на пожертвованія подписались, должны были оныя въ сѣзжіе дворы представить, а въ принятіи выдавались имъ росписки. Изъ сего вы можете видѣть, что комитетъ нашъ имѣетъ еще помощниковъ въ полицейской командѣ. Позвольте васъ подразнить; такихъ средствъ вы съ графомъ не умѣли придумать, чтобъ обогатить и сборщиковъ.

Начинаютъ, сударь, и у насъ отличатся. Одинъ министръ внесъ 10 тысячъ. Прочіе министры и знать приготовили уже большія суммы, ожидаютъ токмо, чтобъ государственный канцлеръ по возвращеніи изъ Финляндіи показалъ имъ примѣръ. Государя ждутъ къ 15-му августа. Тогда будутъ праздновать и миръ съ Англіей.

Новая биржа въ тотъ же самый день торжественно откроется. Графъ Бентингъ живетъ въ трактирѣ. Мнѣ неизвѣстно, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ. Посломъ сюда будетъ лордъ Каткартъ. Онъ привезетъ съ собою и ратификацію дружественнаго и торговаго трактата. Сей послѣдній имѣетъ основаніемъ тарифъ 1797 года.

Наше временное ополченіе приведется къ концу до Успеньева дня. Оно и въ половину не будетъ противъ московскаго. Не слышать еще, кого выберутъ главнокомандующимъ надъ онымъ вмѣсто Свѣтлѣйшаго. — Два смертоносные или безцардонные полка, набираемые нѣкими Оливіери и Боде изъ людей свободнаго состоянія,

скоро также укомплектуются. На сихъ дняхъ герои сіи дрались въ казармахъ между собою. Около 20 человѣкъ отнесли по окончаніи битвы въ лазаретъ. Все молодежь, все хваты, одѣты въ красивые мундиры на подобіе казацкихъ. Въ нихъ такъ кипитъ кровь, что, не видя еще французовъ, рады со своими воевать. За ними крѣпкій дѣлается надзоръ.

Поздравляю васъ съ пожалованіемъ братца ¹⁾ въ статскіе совѣтники. Я уже въ субботу читалъ указъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ. Будьте, господа, оба скорѣй министрами; вы оба достойны важнѣйшихъ мѣстъ въ государствѣ. Не забудьте моего Митеньку. Я ручаюсь, что будете имъ довольны.

Предметъ финляндскаго вояжа долженъ быть важный. Что-то сдѣлаетъ рѣшительно Бернадоттъ. Говорятъ, что онъ явится въ Або для условій. — Не взыщите, какъ удалось, такъ и навалялъ. Я всѣмъ разстроенъ, и теперь болѣе духомъ, нежели тѣломъ. Авось Кутузовъ поставитъ меня своими побѣдами въ мою тарелку. Я отъ него многого ожидаю. Не забывайте меня. Я весь вашъ.

PS. Что за дьявольщина съ Ключ—мъ ²⁾! Какъ это быть можетъ? Не по злобѣ ли кто губить его хочетъ? Я съ нимъ въ ссорѣ, но буду крайне жалѣть, ежели онъ дѣйствительно по иллюминатству своему дошелъ до послѣдней степени сумасшествія. Не Брокеръ ли тутъ опять доносчикомъ? Остерегайтесь! Въ васъ есть душа.

65.

С.-Петербургъ. Августа 16-го 1812 г.

Храбрость, руководимая разсудкомъ, начатаго счастливо не оставляетъ безъ довершенія. Что въ побѣдѣ, когда она не доводитъ до цѣли. Такъ мыслить нашъ герой графъ Витгенштейнъ: согласно тому и поступаетъ. Увѣряютъ, что онъ успѣлъ уже разбить и Сенъ-Сира, который также раненъ и съ остаткомъ Удинотова корпуса спасается въ страшномъ безпорядкѣ бѣгствомъ. По симъ извѣстіямъ опять тысячи враговъ легли на мѣстѣ, тысячи взяты въ плѣнъ, 17 пушекъ и весь обозъ достались въ руки побѣдителямъ. Письма, которыя завтра непременно получу изъ Пскова, должны извѣстить меня, очищенъ ли Полоцкъ отъ непріятели, какъ

¹⁾ Константина Яковлевича Булгакова.

²⁾ Т. е. Ключаревымъ, Федоромъ Петровичимъ, московскимъ почтъ-директоромъ, высланнымъ впоследствии по представленію гр. Ростопчина на жительство въ Вологду за сношенія съ Верещагинымъ.

теперь утвердительно здѣсь то говорятъ. Какъ ни радостны сіи извѣстія, любезный Александръ Яковлевичъ, они однако же растворяются горестными чувствованіями отъ провсшествій въ большой арміи. Русскій солдатъ, кромѣ лавровъ, ничего пожинать не умѣетъ. Храбростію и мужествомъ его страшное нанесено пораженіе врагу; но предводители не знали коварныхъ умысловъ его. Злодѣй прорвался къ Смоленску тамъ, гдѣ того не предполагали. Невѣровскаго дивизія слишкомъ была слаба, чтобы не пасть среди отчаяннаго защищенія противъ силы, которая вдесятеро ее превышала. Не я буду описывать вамъ ужасы, которымъ отъ худого распоряженія подвергся Смоленскъ.

Сильно достанется теперь Михайлѣ Ларионовичу поправлять ошибки!

Какъ можно было дать начальство надъ арміею такому человеку, котораго нигдѣ кромѣ ручнаго боя нельзя употреблять, да и то много съ 10-ю тысячами! Надѣюсь, что Кутузовъ всѣхъ этихъ храбрецовъ поставитъ на своемъ мѣстѣ. До сихъ поръ мы сами себѣ были враги. Не такъ пойдутъ дѣла, какъ умъ возьметъ поверхность надъ интригами. Ему должны теперь покоряться, ибо отъ него зависитъ избавленіе Россіи.

Къ успокоенію общему подошелъ къ большой арміи изъ Калужской губерніи Милорадовичъ съ сильнымъ корпусомъ. Его тотчасъ можно будетъ употребить для пресѣченія врагу дальнѣйшаго пути во внутренность Россіи.

Сказываютъ, что Чичаговъ съ Каменца-Подольскаго пошелъ влѣво и пробираться будетъ къ Варшавѣ. Богъ вѣдаетъ, гдѣ находится Тормасовъ съ большими своими силами. Императора ожидаютъ обратно завтра или наипозднѣе въ воскресенье. На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда Цесаревичъ.

Скоро долженъ прибыть и Барклай-де-Толли. Вмѣсто него команда надъ первою арміею, какъ увѣряютъ, отдана Беннигсену. Кажется, и вторая получитъ новаго начальника.

Армфельдъ, одинъ изъ членовъ Военнаго Совѣта, который болѣе не существуетъ при главнокомандующемъ, проскакалъ здѣсь въ Або къ Государю. Я его почитаю другимъ Бернадоттомъ. Могу теперь съ достовѣрностью сказать вамъ, что здѣшнее ополченіе состоитъ не болѣе 12-ти тыс. съ сотнями. Оно все собрано въ здѣшнихъ казармахъ, одѣто, снабжено провіантомъ, но еще совсѣмъ не вооружено.

Генераль-адъютантъ кн. Трубецкой женится на сихъ дняхъ на дочери виленаго полицеймейстера Вейса. Онъ смертельно въ нее влюбленъ. Знающіе невѣсту отзываются объ ней какъ о Клеопатрѣ.

Нечему же дивиться, что онъ среди настоящихъ обстоятельствъ имѣетъ охоту жениться.

Вчера съѣдалъ я вмѣстѣ съ бойкимъ казанскимъ протопопомъ. Онъ до слезъ тронулъ меня и всѣхъ присутствовавшихъ рассказомъ объ отъѣздѣ Михаила Ларионовича! Будущій избавитель нашъ въ дорожномъ экипажѣ въ воскресенье предъ самою обѣднею при великомъ стеченіи народа пріѣхалъ служить молебенъ въ Казанскій соборъ. Во все продолженіе онаго стоялъ онъ на колѣняхъ; вся церковь съ нимъ. Онъ заливался слезами, воздѣвая руки къ Распорядителю судебъ; вся церковь рыдала. По окончаніи молитвы всякъ хотѣлъ подхватить русскую надежду подъ руки. Два протопопа собора воспользовались симъ счастьемъ. Народъ тѣснился вокругъ почтеннаго старца, прикасался его платья, умолялъ его: „Отецъ нашъ! оставови лютаго врага, низложи змія“.—Несчастливымъ считаю себя, что не зрѣлъ сего величественнаго и умилительнаго шествія.

Кутузовъ! Ты восторжествовалъ надъ кознями. Съ обѣтомъ народа, съ твоимъ умомъ, съ твоею опытностью, съ любовію къ Отечеству, ты восторжествуешь и надъ страшнымъ врагомъ. Гони вонъ строптивыхъ, мнимыхъ героевъ, сдѣлай въ начальствѣ другой распорядокъ, разставь непобѣдимыхъ такъ, чтобъ коварство вездѣ обрѣтало себѣ оплотъ.

Имѣй на первый случай въ виду закрытіе Москвы и Твери. Москва—русское сердце, а Тверь теперь житница.

Мори съ голоду разбойниковъ, преслѣдуй ихъ по пятамъ. Въ два мѣсяца предѣлы наши будутъ очищены. Дай намъ скорѣе устремиться на помощь разореннымъ.

Весь вашъ, любезный Александръ Яковлевичъ.

66 ¹⁾.

С.-Петербургъ, ликующій
неизречно отъ побѣды въ
самый Александровъ день
1812 г.

Кидаюсь на васъ мысленно, несравненный мой Александръ Яковлевичъ, обнимаю васъ, прижимаю васъ и поздравляю васъ съ побѣдою надъ страшнымъ, ужаснымъ, лютымъ врагомъ. Не имѣю силъ къ изліянію на бумагѣ въ сердце ваше тѣхъ радостныхъ чувствованій, коими волнуется душа моя. Чего не могу по немощамъ моимъ выразить, о томъ судите по собственнымъ вашимъ

¹⁾ Судя по нумерации писемъ, сдѣланной Олентаемъ, предъ этимъ письмомъ были еще два, не дошедшихъ до Булгакова, или утраченныхъ.

чувствованіямъ. Торжествуй, Россія! вознеси главу твою превыше всѣхъ царствъ земныхъ! А ты, счастливый Помазанникъ ея, возвеличенный, облеченный руками Кутузова во славу и сіяніе, спѣши съ умиленіемъ къ гробницѣ во святыхъ почивающаго Александра Невскаго пасть на колѣни и принести ему за предстательство у Всемогущаго Владыки смиренное благодареніе. Угодникъ сей хотѣлъ тебя утѣшить въ день тезоименитства Твоего, поелику ты утѣшилъ Россію, давъ ей избавителями Кутузова и Ростопчина. Восчувствуй, колько царство твое можетъ быть твердымъ и могущественнымъ, когда одни токмо достойные мужи будутъ блюсти престолъ Твой. О! кроткій Александръ! не ввѣрай насъ болѣе—увы!—Я не дерзну обречь ихъ настоящимъ наименованіемъ. Врагъ опрокинуть, сбить съ мѣста, преслѣдуемъ нашими героями. Сказываютъ, что до 15 тысячъ повалили его разбойниковъ; плѣнныхъ множество, а между трофеями есть и пушки. Ну! Михайла Архангель, докатывай! Трудно было тебѣ токмо сначала разстроить коварнаго злодѣя, а теперь мы на тебя какъ на каменную гору надѣмся, что ты его саранчу до тла истребишь. Надобно людей? такъ Ростопчинъ дастъ еще тебѣ половину дружины своей, чтобы некуда было увильнуть крокодилу.

Я весь трясусь отъ радости. Ночью не могъ отъ нея спать, да также и ничего дѣлать. Спѣшу, не взирая на слабость, идти въ Невскую Лавру, чтобъ узрѣть радужнаго Александра и быть участникомъ ликующаго народа. Сладка будетъ и смерть въ такомъ торжествѣ.

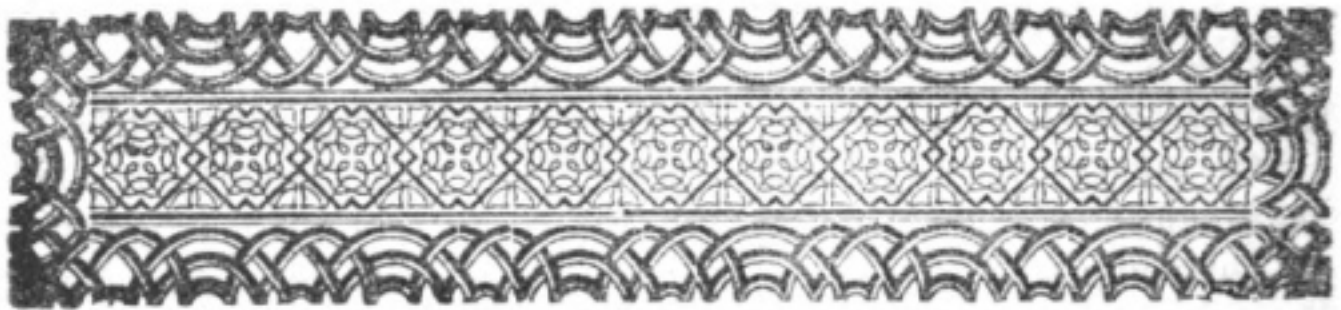
Вашъ 27 я получилъ. Бога ради! не оставляйте меня. Присылайте за недосугами хотя одни бюлетени ваши и картинки. Первыхъ нельзя ли побольше? Одолжи, милый Булгаковъ. Узнаешь меня покороче. Скоро все вскроется. Дай, Боже, только мнѣ дожить до вождѣльнаго сего вскрытія.—Императоръ, какъ слышу, скачетъ къ вамъ, безсмертнымъ, завтра съ разсвѣтомъ вдругъ.—Извини—ей, ей! не способенъ писать.—*J'ai bien des choses à vous dire.*—Да! Вашъ шаръ и казакъ довольно дали работы угадать загадку. Не знаю, другіе угадали ли, а я, кажется, попалъ на отводъ. *Quel homme qu'est le Comte! Non ce n'est pas un simple mortel.*—Обнимаю васъ.

Митя всѣхъ гостей встрѣчаетъ рѣзкимъ своимъ голосомъ: „Знаете ли, что Кутузовъ побилъ французовъ?“ — Какъ онъ во зится съ двумя присланными картинками. Это его собственность.

Adieu. Пожелайте мнѣ подкрѣпленія въ силахъ. Худъ я.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г.

Мирный договоръ или вѣриѣ дружественный союзъ Россіи съ Франціею, заключенный 25 іюня (7 іюля) 1807 года въ Тильзитѣ, оказался столь непрочнымъ, что уже годъ спустя понадобилось возобновить его въ Эрфуртѣ. Со стороны Наполеона искренности нельзя было и ожидать; если онъ приглашалъ Александра къ новому свиданію и увѣрялъ, что день пріѣзда русскаго монарха въ Парижъ былъ бы „лучшимъ его жизни“ ¹⁾, то имѣлъ на это свои причины: дѣла въ Испаніи, гдѣ онъ вознамѣрился низвергнуть Бурбоновъ въ пользу своего брата Іосифа, стали принимать серьезный оборотъ; чтобы покончить съ ними, необходимо было обезпечить себя со стороны волновавшейся Австріи, а для этого онъ нуждался въ содѣйствіи Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мечталъ о походѣ въ Индію съ участіемъ 20—25.000 русскихъ войскъ ²⁾. Но и Александръ, воевавшій тогда съ Турціею и Швеціею, соглашался на новое свиданіе только потому, что считалъ союзъ съ Наполеономъ необходимымъ; личныя же къ нему восторженныя чувства, вынесенныя изъ Тильзитскаго сближенія, продолжались недолго; это удостовѣряется словами, сказанными имъ вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ французскому посланнику Савари: „говорятъ, что Императоръ даетъ мнѣ обѣщанія, которыя не намѣренъ исполнить, и что отношенія его измѣнятся, какъ только онъ достигнетъ отъ меня чего желаетъ“ ³⁾. На сколько вѣрно, русскій монархъ уже

¹⁾ Инструкція Наполеона своему посланнику въ Петербургъ, въ февраль 1808 г.

²⁾ Тьеръ. Часть VIII, стр. 172.

³⁾ Тьеръ. Часть VIII, стр. 172.

тогда понималъ своего друга, усматривается также изъ его отвѣта князю Волконскому, передавшему ему, по возвращеніи изъ Франціи, слова Наполеона: „Скажите Вашему Государю, что я его другъ, если мы останемся въ союзѣ, міръ будетъ принадлежать намъ; мы можемъ его раздѣлить на двѣ части, какъ это яблоко, которое я держу въ рукахъ, и каждый изъ насъ получитъ половину“. На это Александръ замѣтилъ; „Сначала онъ удовольствуется одною половиною яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую“.

Въ сентябрѣ 1808 г. оба монарха съѣхались въ Эрфуртъ. Тамъ они скрѣпили мнимый союзъ свой снова и напередъ обязались признать: съ одной стороны возможное приобрѣтеніе Дунайскихъ княжествъ Россією, съ другой—проблематическое воцареніе Наполеоновской династїи въ Испанїи. При этомъ Александру удалось однако облегчить судьбу Пруссїи. Еще передъ тѣмъ онъ столь рѣшительно отклонилъ предложеніе предоставить Франціи Силезїю, взамѣнъ уступки Дунайскихъ княжествъ Россїи ¹⁾, что Наполеонъ поспѣшилъ успокоить его увѣренїемъ, что онъ отказывается отъ этой мысли ²⁾. Теперь онъ выговорилъ уменьшенїе контрибуціи на 20 милліоновъ франковъ, разсрочку ея уплаты и выводъ французскихъ войскъ изъ прусскихъ предѣловъ. Что же касается Австрїи, то попытки возстановить противъ нея Императора Александра повели только къ весьма неопредѣленному обѣщанїю оказать содѣйствїе въ случаѣ объявленїя ею войны Наполеону. Такимъ образомъ, главная цѣль „Эрфуртской комедїи“ въ сущности не была достигнута. Обманутымъ остался самъ Наполеонъ. „Императоръ Александръ расположенъ все сдѣлать, что я захочу“ ³⁾, сказалъ онъ Талейрану въ 1-й день свиданїя. Передъ отъѣздомъ онъ заговорилъ другое: „я ни въ чемъ не успѣлъ у Императора Александра; впрочемъ, одинъ ужъ фактъ нашего свиданїя испугаетъ Австрїю: она подумаетъ, что есть тайныя статьи, и не я ее разувѣрю“ ⁴⁾. Послѣ 17-ти дневнаго пребыванїя въ Эрфуртъ монархи разстались, чтобы никогда болѣе не видѣться.

Послѣдовавшїя затѣмъ событїя, съ одной стороны: война Россїи съ Швецією и возобновленныя ею послѣ продолжительнаго застоя боевыя дѣйствїя на Балканахъ, а съ другой: неожиданное сопротивленїе, встрѣченное Францією въ Испанїи, и возгорѣвшаяся въ 1809 г. война ея съ Австрїєю, — настолько поглотили вниманїе

¹⁾ Mémoires du prince de Talleyrand. T. I, стр. 395.

²⁾ Письмо отъ 2 февраля 1808 г. Correspondence de Napoléon I. T.

³⁾ Mémoires du prince de Talleyrand. T. I, стр. 423.

⁴⁾ Тамъ же стр. 439.

обоихъ императоровъ, что личныя ихъ отношенія стали постепенно охлаждаться, а потомъ и обостряться. Наполеонъ дорожилъ союзомъ съ Россіею до окончательнаго подавленія центральной Европы,— когда же цѣль эта была достигнута, союзникъ сталъ соперникомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и противникомъ. „Черезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ“, сказалъ Наполеонъ послѣ Шенбруннскаго мира; „остается только Россія, но я подавлю ее“...¹⁾ Въ этихъ словахъ заключается объясненіе всей послѣдующей его политики. Къ тому же въ политикѣ чисто персональной, какова была политика Наполеона, личныя чувства имѣютъ первостепенное значеніе; это подтвердилось и относительно Россіи, когда явилось обстоятельство, возбуждавшее въ самолюбивомъ корсиканцѣ ненависть и жажду мщенія. Уже въ Эрфуртѣ французскій императоръ, не имѣвшій наследника и рѣшавшійся расторгнуть свой первый бракъ, выразилъ желаніе породниться съ російскимъ императорскимъ домомъ; но во время переговоровъ великая княжна Екатерина Павловна была поспѣшно обручена съ принцемъ Ольденбургскимъ. Наполеонъ не хотѣлъ понять этого отказа, и около года спустя предметомъ его желаній сдѣлалась другая сестра Александра, Анна Павловна; онъ возобновилъ свое предложеніе, но и на этотъ разъ встрѣтилось препятствіе: слишкомъ большая молодость великой княжны. Тогда озлобленный императоръ, не дождавшись даже окончательнаго отвѣта, обратился къ австрійскому двору, со стороны котораго успѣхъ былъ обезпеченъ.

Первымъ наружнымъ поводомъ къ несогласіямъ между Россіею и Франціею послужило усиленіе герцогства Варшавскаго западною Галиціею, съ населеніемъ слишкомъ въ полтора милліона. Открытые вслѣдствіе того переговоры о томъ, что Польское королевство не будетъ возстановлено, были сначала приняты весьма благоклонно Тюльерійскимъ кабинетомъ, который отвѣчалъ, что императоръ Наполеонъ готовъ даже содѣйствовать, чтобы имя Польши и поляковъ исчезло изъ государственныхъ актовъ и исторіи“²⁾. Когда же заключенная конвенція была послана въ Парижъ, Наполеонъ отказалъ въ ея ратификаціи; это было первое мщеніе оскорбленнаго самолюбія. Теперь послѣдовалъ длинный рядъ упрековъ и обвиненій: Россія принимала слишкомъ слабое участіе въ войнѣ 1809 года; континентальная система не соблюдается ею довольно строго; Фридрихсгамскимъ трактатомъ обѣщано содѣйствіе къ из-

¹⁾ Dans cinq ans je serai le maître du monde; il ne reste que la Russie, mais je l'écraserai. Gardien. Histoire des traités de paix.

²⁾ Денеша французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 14 октября 1809 года.

мнѣнію нѣкоторыхъ постановленій этой системы въ пользу Швеціи и т. д. Но у Наполеона обвиненія имѣли всегда двойную цѣль: для будущаго онѣ подготовляли давно уже задуманную войну, а для настоящаго служили оправданіемъ совершаемыхъ насилій. Такъ и въ этомъ случаѣ; упрекая Александра въ неправоподобностяхъ, онѣ самъ позволилъ себѣ дѣйствія, которыя, по произволу, едва-ли не превосходили всѣ прежнія. Въ іюль 1810 года Голландія была присоединена къ французской имперіи; но въ ноябрѣ та же участь постигла Валезкую республику; въ началѣ декабря Ганзейскіе города и все побережье Сѣвернаго моря до Эльбы были объявлены принадлежащими Франціи, а въ концѣ того же мѣсяца герцогъ Ольденбургскій былъ лишенъ своихъ владѣній. Эта послѣдняя мѣра была отчасти направлена противъ русскаго монарха, такъ какъ Ольденбургское герцогство, доставшееся младшей линіи Гольштейнъ-Готторнскаго дома, должно было, въ случаѣ пресѣченія этой линіи, поступить въ обладаніе Императорской россійской династіи. Тѣмъ не менѣе на представленія нашего посла послѣдовали лишь уклончивые отвѣты: „Императоръ Наполеонъ сдѣлаетъ всевозможное, чтобы вознаградить герцога, небольшія государства не могутъ сохранить своей самобытности, коль скоро она несогласна съ выгодами великихъ державъ“ и тому подобныя фразы. Тогда Императоръ Александръ объявилъ протестъ въ формальной деклараціи, которая была разослана всѣмъ европейскимъ дворамъ. Замѣчательно, что при общемъ раболѣпствѣ къ Наполеону, русскимъ посланникамъ стоило даже труда, чтобы вручить протестъ дворамъ, при которыхъ они были акредитованы. Эта декларація, какъ актъ политики самостоятельной, не могла не раздражить Наполеона. Но въ большей еще степени его неудовольствіе было возбуждено подобнымъ же актомъ внутренняго управленія, появившимся почти одновременно съ предъидущимъ; это былъ тарифъ 19-го (21-го) декабря 1810 года. Континентальная система лишала Россію возможности сбывать моремъ свои сырыя произведенія и вынуждала покупать мануфактурные и колоніальные товары дорогою цѣною. Для Наполеона же эта система служила не только мѣрою противъ Англии, но и давала ему поводъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла государствъ и обращаться къ нимъ съ постоянными требованіями. Понятно, поэтому, съ какимъ негодованіемъ онѣ встрѣтилъ новый русскій тарифъ, по которому пошлина на колоніальные товары была уменьшена, тогда какъ предметы роскоши, производимые преимущественно во Франціи, были либо высоко обложены, либо запрещены вовсе. Всѣ эти обстоятельства внесли въ отношенія обоихъ монарховъ взаимное недовѣріе; люди, про-

ницательные давно уже видѣли, что Наполеонъ ищетъ разрыва, и что война рано или поздно должна разразиться, а Императоръ Александръ, хотя и не совсѣмъ еще раздѣлялъ убѣжденія пессимистовъ, признавалъ однакожь необходимымъ готовиться къ возможной борьбѣ. Для исполненія этой-то задачи былъ призванъ Барклай.

Барклай-де-Толли пользовался уже тогда репутаціею выдающагося генерала; въ арміи и въ обществѣ имя его произносилось съ уваженіемъ и даже будущіе враги: Беннигсенъ, Багратионъ, Аракчеевъ были въ числѣ особенныхъ его почитателей. Участіе въ войнѣ 1806—1807 г. вывело его изъ неизвѣстности: авангардный бой у Колозомба, гдѣ со слабымъ отрядомъ онъ задержалъ напоръ двухъ французскихъ корпусовъ; сраженіе подъ Пултускомъ, въ которомъ онъ такъ много содѣйствовалъ побѣдѣ; искусныя дѣйствія арріергарда, которымъ онъ прикрывалъ продолжительное отступленіе арміи; наконецъ и геройская защита 27 января (8 февраля) Пр.-Эйлау, гдѣ непріятельская пуля раздробила ему кость правой руки,—это были подвиги, выходившіе изъ ряда обыкновенныхъ. Наполеонъ пожелалъ узнать имя генерала, столь смѣло и искусно преграждавшаго ему путь отъ Алленштейна до Эйлау; а Императоръ Александръ, пріѣхавшій въ концѣ марта на театръ войны и посѣтившій королевско-прусскую чету въ Мемелѣ, гдѣ Барклай лѣчился отъ тяжелой раны, не ограничился оффиціальными заявленіями своего благоволенія ¹⁾, но удостоилъ его личными посѣщеніями и продолжительными бесѣдами. Это личное сближеніе монарха съ Барклаемъ, вызвавшее съ одной стороны полное довѣріе, а съ другой безпредѣльную преданность, имѣло большія послѣдствія: Александръ узналъ того, которому нѣсколько лѣтъ спустя ввѣрялъ судьбу отечества.

Къ этому времени относится также знаменательное изреченіе Барклая, произнесенное имъ въ разговорѣ съ историкомъ Нибуромъ о лучшемъ образѣ дѣйствій противъ Наполеона. „Въ случаѣ вторженія его въ Россію“, сказалъ онъ, бесѣдуя съ названнымъ ученымъ въ Мемелѣ, „слѣдуетъ искуснымъ отступленіемъ заставить непріятеля удалиться отъ операціоннаго базиса, утомить его мелкими предпріятіями и завлечь во внутрь страны, а затѣмъ съ сохраненными войсками и помощью климата подготовить ему, хотя-бы за

---

¹⁾ Ему были пожалованы орд. Св. Георгія 3-й ст. и Св. Владиміра 2 ст., производство въ генераль-лейтенанты и назначеніе начальникомъ 6 дивизіи.

Москвою, новую Полтаву“¹⁾. Слова эти врезались Нибуру въ память, и когда въ 1812 г. назначеніе Барклая главнокомандующимъ сдѣлалось извѣстнымъ, онъ сообщилъ ихъ генералу Дюмо, а послѣдній—маршалу Бертье²⁾.

Возгорѣвшаяся въ 1808 г. война съ Швеціею призвала Барклая, едва излѣчившагося отъ раны, къ новымъ подвигамъ, изъ которыхъ особенно прославилъ его въ началѣ 1809 г. знаменитый переходъ русскаго отряда по льду Ботническаго залива изъ Финляндіи въ шведскій гор. Умео. Движеніе это, около 110 в., было совершено чрезъ проливъ Кваркенъ по цѣльному снѣгу зимней пустыни, не представлявшей никакихъ предметовъ для ориентированія, но пересѣченной мѣстами разбросанными бурями, ледяными глыбами, при 15 гр. мороза и при вѣтрѣ, стѣснявшемъ дыханіе, отчасти даже въ густомъ туманѣ какъ въ ледяномъ облакѣ. Бивачные огни послѣдней стоянки и первые выстрѣлы нашихъ казаковъ произвели на жителей потрясающее впечатлѣніе; никто не хотѣлъ вѣрить въ возможность появленія русскихъ войскъ изъ лежащей за моремъ Финляндіи, и самъ гр. Кронстедтъ, распустившій передъ тѣмъ часть своихъ войскъ по домамъ, призналъ это появленіе „совершившимся чудомъ“. Не удивительно поэтому, что онъ послѣшилъ выслать парламентарера и затѣмъ пріѣхалъ самъ для переговоровъ, на которые Барклай согласился съ условіемъ, чтобы непріятель немедленно сдать ему г. Умео со всѣми боевыми и продовольственными запасами и очистилъ Вестерботнію до Гернесанда, въ 220 в. къ югу отъ Умео. Въ тотъ же день, 10 марта изнемогавшія войска наши вступили въ городъ и нашли въ немъ, кромѣ военной добычи, всякаго рода запасы. На другой день прибылъ туда послѣдній полкъ перешедшаго отряда, и Барклай, въ ожиданіи изъ Финляндіи остальныхъ трехъ полковъ экспедиціоннаго корпуса, сталъ готовиться къ новымъ операціямъ. Но уже 12 марта все измѣнилось: гонецъ привезъ отъ главнокомандующаго извѣстіе о внезапномъ заключеніи перемирія и предписаніе безотлагательно возвратиться въ Финляндію. О перемирії извѣстилъ его вслѣдъ затѣмъ и шведскій генералъ Кронстедтъ. Однако Барклай не счелъ нужнымъ торопиться обратнымъ движеніемъ, такъ что головной эшелонъ выступилъ лишь 15, а арріергардъ 17 марта; при этомъ онъ возвратилъ шведамъ военную добычу и убѣждалъ свои войска особымъ приказомъ „не запятнать пріобрѣтенной славы и оставить въ чужомъ краѣ память,

¹⁾ М. Dumas, Souvenirs. Ч. III, стр. 416—417.

²⁾ Дюмо полагаетъ, что эти слова не могли не быть переданы Наполеону.

которую бы чтито потомство". И они послушались своего начальника, эти герои Кваркена; это удостоверяется самим Барклаемъ, въ дневникѣ котораго читаемъ: „При выступленіи изъ Умео явился ко мнѣ губернаторъ, въ сопровожденіи магистрата и депутацій, и благодарилъ за сохраненный войсками порядокъ и соблюденную ими дисциплину; въ произнесенной имъ рѣчи онъ сказалъ, что ихъ поведеніе оставить у него и его согражданъ неизгладимую память. Признаюсь, въ эту минуту я чувствовалъ себя счастливымъ“.

Такъ кончилась безпримѣрная въ военной исторіи экспедиція черезъ Кваркенъ, прославившая русское оружіе и его вождя. Достигнутые ею результаты оказались гораздо важнѣе, нежели можно было ожидать; не говоря уже о нравственномъ впечатлѣніи, побудившемъ шведское правительство поспѣшить заключеніемъ мира, она повліяла и непосредственно на ходъ военныхъ дѣйствій: генералъ Грипценбергъ, атакованный графомъ Шуваловымъ изъ Торнео, получивъ 13 (25) марта извѣстіе о занятіи русскими въ тылу его г. Умео, нашелся вынужденнымъ положить оружіе.

Императоръ Александръ выразилъ свою признательность Барклаю производствомъ его въ генералы-отъ-инфантеріи, хотя онъ былъ изъ младшихъ генералъ-лейтенантовъ. Но этимъ благорасположеніе къ нему монарха не ограничилось; вслѣдъ затѣмъ онъ назначилъ его главнокомандующимъ финляндской арміи, а недѣли двѣ спустя и генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Для человѣка скромнаго, какъ Барклай, производство показалось преждевременнымъ и незаслуженнымъ, такъ что гр. Шуваловъ писалъ ему: „могу Васъ увѣрить, что Вамъ воздано по заслугамъ, что Вашъ переходъ вызываетъ удивленіе“. Новыя же назначенія даже испугали Барклая; онъ зналъ людей и понималъ, что успѣхъ возбуждаетъ зависть и вызываетъ вражду; онъ также зналъ искусство Аракчеева предубѣждать монарха противъ людей самостоятельныхъ, которыхъ онъ самъ, при своемъ близорукомъ высокомеріи, переносить не могъ. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ Барклай написалъ письмо Императору Александру, въ которомъ просилъ о сохраненіи къ нему довѣрія и въ случаѣ недоброжелательныхъ толкованій его дѣйствій со стороны завистниковъ ¹⁾. На это письмо послѣдовалъ самый снисходительный отвѣтъ: „Призвавъ васъ къ командованію Финляндскою арміею, я руководствовался лишь чувствомъ справедливости и уваженія къ вашимъ военнымъ дарованіямъ и личнымъ качествамъ. Имѣя столь прочное основаніе, мое мнѣніе о васъ не можетъ никогда измѣниться; оно одно достаточно, чтобы отразить зависть,

¹⁾ Письмо Барклая-де-Толли отъ 12 мая 1809 г.

если бы таковая поспѣла когда-либо подняться противъ васъ ¹⁾. Къ этому же времени относится и рескриптъ о назначеніи Барклая генераль-губернаторомъ Финляндіи, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „зная усердіе ваше къ добру и ваши либеральныя правила, я убѣжденъ, что это назначеніе будетъ имѣть самое благотворное вліяніе на общую пользу страны и преуспѣяніе ея жителей“. Слова: „либеральныя правила“ могли бы показаться не соответствующими стоическому характеру Барклая; но если видѣть въ нихъ безразличное уваженіе человѣческаго достоинства и права каждаго, отвращеніе къ употребленію права сильнаго и тотъ благотворный духъ реформъ, который стремится къ совершенству, то онъ дѣйствительно былъ человѣкъ либеральный и доказалъ это не только въ своихъ сношеніяхъ съ людьми, но и во всѣхъ дѣйствіяхъ своей административной дѣятельности.

Миръ съ Швеціею былъ подписанъ 5 (14) сентября въ Фридрихсгамѣ. Россія приобрѣла всю Финляндію съ Аландскими островами; граница Имперіи на западѣ, проведенная по Аландсгафу, Ботническому заливу съ р. Торнео и Умео, была отодвинута до крайнихъ естественныхъ предѣловъ, и этимъ прекращены дальнѣйшіе поводы къ возобновленію вѣковыхъ войнъ, отъ которыхъ Финляндія наиболѣе страдала.

Дѣятельность Барклая въ Финляндіи, какъ составной части имперіи, вступившей въ новую политическую эру мирнаго развитія, была непродолжительна. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и 20 января 1810 г. вступилъ въ управленіе столь важнаго въ то время военнаго министерства.

Барклаю-де-Толли было тогда 48 лѣтъ, но по лицу онъ казался старѣе, что было послѣдствіемъ страданій во время продолжительнаго лѣченія раны. Страданія эти никогда, впрочемъ, не покидали его совершенно; раненою рукою владѣть свободно онъ болѣе не могъ и даже, по снятіи повязки, долженъ былъ искать для нея подпоры или поддерживать лѣвою рукою; садиться на лошадь онъ также безъ посторонней помощи не могъ. Блѣдное, продолговатое лицо его имѣло серьезное и нѣсколько задумчивое, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно доброе выраженіе; раннія морщины лежали посреди открытаго, высокаго лба, обнаруживавшаго силу воли и глубину

¹⁾ Отвѣтъ отъ 23 мая 1809 г.: „En vous appelant au commandement de mon armée en Finlande, je n'ai suivi que le mouvement de la justice et de l'estime, que j'ai conçu pour vos talents militaires et votre caractère personnel. Fondée sur ces motifs, mon opinion sur votre compte ne saurait jamais varier; seule elle suffira pour repousser l'envie si jamais elle osait s'élever contre vous“.

мысли. Барклай былъ высокаго роста и держался прямо; во всей наружности его проявлялась нѣкоторая величавость, которая становилась поразительною въ бою, когда, среди опасности и общаго волненія, онъ неподвижно сидѣлъ на конѣ, спокойно слѣдилъ за ходомъ дѣла и хладнокровно отдавалъ приказанія; въ такія минуты онъ внушалъ окружающимъ невольное удивленіе, и, какъ выражался одинъ изъ его адъютантовъ ¹⁾, имъ казалось, что неподвижная его фигура растетъ на ихъ глазахъ. Въ обращеніи своемъ Барклай былъ простъ, вѣжливъ со всѣми и ласковъ съ подчиненными ²⁾; но вообще онъ держался нѣсколько вдали отъ людей и рѣдко съ кѣмъ сближался. Несообщительность, лежавшая въ его характерѣ, сдѣлалась еще замѣтнѣе послѣ событій 1812 года, и справедливо выразился одинъ изъ его современниковъ, сказавъ, что Барклай, „ненавидимый тогда всею Россіею, оскорбленный и осмѣянный, никогда, ни однимъ словомъ неудовольствія или оправданія не выразилъ того, что у него было на душѣ, и когда его невинность и высокія заслуги были признаны, онъ никогда о нихъ не говорилъ ³⁾“. Дѣйствительно, если бы письма его къ женѣ не сохранились, то осталось бы навсегда скрытою та внутренняя борьба, которую онъ испыталъ въ тяжкій годъ отечественной войны. Съ приближенными Барклай не былъ фамиліаренъ, но принималъ въ нихъ самое теплое участіе. „Во время сраженія“, рассказываетъ Левенштернъ ⁴⁾, когда глаза его зорко слѣдили за ходомъ боя, онъ не замѣчалъ пуль, наносившихъ тяжелыя и смертельныя раны окружающимъ его и близкимъ ему лицамъ; но вслѣдъ за тѣмъ онъ снова обращался въ заботливаго начальника, принимавшаго къ сердцу страданія своихъ подчиненныхъ“. Солдатъ онъ любилъ, имѣлъ о нихъ самое тщательное попеченіе и никогда не употреблялъ противъ нихъ бранныхъ словъ ⁵⁾; неумолимъ онъ былъ только въ случаяхъ нарушенія дисциплины и нанесенія обиды жителямъ. Заботливость его распространялась и на офицеровъ, положеніе которыхъ, весьма мало обезпеченное, возбуждало его сочувствіе. Въ одной изъ записокъ, поданныхъ имъ Государю, было сказано: „необходимо улучшить судьбу нашихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ,

¹⁾ Левенштернъ. *Denkwürdigkeiten eines Livländers*. Ч. I, стр. 227.

²⁾ Въ первыхъ числахъ мая 1808 года И. П. Липранди, явившійся къ нему по случаю назначенія колонновожатымъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: „Не видавъ до сего времени боевыхъ генераловъ, я былъ пораженъ простою и вѣжливостью, внушавшими какое-то особенное уваженіе“.

³⁾ Автобіографическія записки Егора Ѳедоровича Ф.-Брадке.

⁴⁾ *Denkwürdigkeiten eines Livländers*. Ч. I, стр. 231.

⁵⁾ Воспоминанія Булгарина.

имѣющихъ худшее положеніе, нежели солдаты, ибо для послѣднихъ требуется лишь лучшее обращеніе, т. е. чтобы ихъ считали людьми, одаренными чувствами и патриотизмомъ ¹⁾“. Барклай былъ строгъ по службѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно справедливъ; къ молодежи онъ еще относился снисходительно, но отъ начальниковъ требовалъ серьезнаго исполненія обязанностей. Онъ не любилъ много-словія, а въ особенности хвастовства; фанфаронство презиралъ, лихую удалъ не цѣнилъ, а запальчивой храбрости всегда предпочиталъ спокойное мужество. Образомъ жизни и привычками онъ отличался отъ своихъ современниковъ не менѣе, нежели свойствами характера. Не имѣя состоянія, Барклай долженъ былъ жить весьма скромно, но онъ не находилъ въ этомъ лишенія, не позволяя себѣ роскоши и не чувствуя въ ней потребности, онъ однакожъ былъ радушнымъ хозяиномъ; въ домѣ его не встрѣчалось, конечно, того широкаго раздолья, которое составляло тогда въ глазахъ многихъ какъ бы необходимую принадлежность высокаго званія, но онъ находилъ удовольствіе видѣть за своимъ столомъ сослуживцевъ и подчиненныхъ и прислушиваться за обѣдомъ къ сужденіямъ молодежи; въ разговорахъ этихъ онъ самъ большого участія не принималъ, но слѣдилъ за ними и выражалъ свое сочувствіе одобрительными улыбками ²⁾. Вообще онъ любилъ простоту, считалъ книги и занятія лучшимъ развлеченіемъ и находилъ въ семейной жизни и въ исполненіи долга полное довольство. Чтеніе въ особенности составляло для него потребность, и въ книгахъ онъ дѣлалъ обыкновенно свои помѣтки; до какой степени онъ къ нимъ былъ привязанъ, усматривается между прочимъ изъ его письма къ женѣ, отправленнаго въ 1812 году изъ Тулы, когда, страдая тѣломъ и душою, онъ удалился отъ арміи и ждалъ отставки: „я ни на что болѣе не рассчитываю“, писалъ онъ ей 1-го октября, „даже ни на то, чтобы 30-лѣтняя, честная моя служба была принята во вниманіе; готовься къ уединенному и скудному образу жизни, продай все, что ты сочтешь излишнимъ, но сохрани только мою бібліотеку, собраніе картъ и рукописи въ моемъ бюро. Человѣку немного нужно, и даже съ ничтожными средствами онъ можетъ быть счастливъ, лишь бы у него сердце билось спокойно и достало духу возвыситься надъ дразгами ежедневной жизни“. Возрѣнія Барклая мало со-

¹⁾ Записка, представленная Барклаемъ Императору Александру 22 января 1812 года: *Il faut améliorer le sort de nos officiers et bas-officiers, qui sont vraiment plus mal à leur aise que nos soldats, car pour ces derniers il ne leur faut qu'un meilleur traitement.*

²⁾ Изъ разсказовъ И. П. Липранди.

отвѣтствовали понятіямъ тогдашняго времени, когда блестящія по-
 верхностно и пышныя фразы имѣли большее значеніе и открывали
 дорогу. Неудивительно поэтому, что даже остроумный Ермоловъ
 составилъ далеко не вѣрную его характеристику. „Барклай-де-Толли“,
 говоритъ онъ, „неловкій у двора, не расположилъ къ себѣ людей
 близкихъ къ Государю; холодностью обращенія не снискалъ пріязни
 равныхъ, ни приверженности подчиненныхъ. До возвышенія въ чины
 имѣлъ состояніе весьма ограниченное, долженъ былъ смирять жела-
 нія, стѣснять потребности. Такое состояніе, конечно, не препят-
 ствуетъ стремленію души благородной, не погашаетъ ума высокія
 дарованія; но бѣдность однако жъ даетъ способы явить ихъ въ при-
 личнѣйшемъ видѣ, не допуская сдѣлать обширныя связи, требую-
 щія нерѣдко взаимныхъ послугъ, иногда даже пожертвованій. Се-
 мейная жизнь не наполняла всего времени уединенія: жена не
 молода, не обладаетъ прелестями, которыя могутъ долго удерживать
 въ нѣкоторомъ очарованіи, всѣ другія чувства покоряя. Свободное
 время онъ употребилъ на полезныя занятія, обогатилъ себя позна-
 ніями. Ума образованнаго, положительнаго, терпѣливъ въ трудахъ,
 заботливъ о ввѣренномъ ему дѣлѣ, твердъ въ намѣреніяхъ, недосу-
 пенъ страху, нечуждый снисходительности, внимателенъ къ трудамъ
 другихъ и т. д., словомъ Барклай-де-Толли имѣетъ недостатки, съ
 большею частью людей неразлучные, достоинства же и способности,
 украшающія весьма немногихъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ гене-
 раловъ“. Изъ враговъ Барклая Ермоловъ едва-ли не болѣе всѣхъ
 повредилъ ему въ 1812 году; но въ то время, когда онъ писалъ
 свои впечатлѣнія, чувства его къ прежнему начальнику давно уже
 измѣнились, и онъ, быть можетъ, охотно загладилъ бы прежнюю
 вину. Если и затѣмъ написанная имъ картина лишена сходства, то
 это доказываетъ только, что съ такими взглядами на жизнь и на-
 значеніе человѣка, какіе имѣлъ Ермоловъ, нельзя было понять
 Барклая. Разгадать его могли лишь тѣ, которые не въ наслажде-
 ніяхъ искали задачу жизни, которые чувствовали, хотя бы несо-
 знательно, что самоотверженіе есть высшая добродѣтель,—а къ
 числу ихъ принадлежали не только нѣкоторые изъ окружавшихъ
 его и приближенныхъ къ нему лицъ, но и безчисленные простые
 воины, видѣвшіе въ немъ осуществленіе этой истины. Дѣйстви-
 тельно, 3-й егерскій полкъ, по выраженію Булгарина, обожалъ
 своего шефа ¹⁾, а армія 1812 года, не взирая на интриги и кле-
 вету, и несмотря на прибытіе новаго главнокомандующаго, продол-
 жала въ великій день Бородина признавать въ Барклаѣ своего

¹⁾ Воспоминанія. Ч. IV, стр. 175. Командиръ назывался тогда шефомъ.

главнаго вождя и привѣтствовала его на полѣ битвы громкими криками: ура! ¹⁾).

Главное военное управленіе того времени не имѣло еще надлежащаго устройства. Министерство военно-сухопутныхъ силъ замѣнило прежнюю военную коллегію въ 1802 году; въ томъ же году была образована при немъ инженерная экспедиція для завѣдыванія крѣпостями и зданіями, а въ 1805 году было прибавлено особое военно-медицинское управленіе. Дальнѣйшія преобразованія послѣдовали въ 1808 году съ назначеніемъ Аракчеева военнымъ министромъ, который сдѣлался и докладчикомъ по военной части. Тогда же и военно-походная Его Величества Канцелярія поступила въ вѣдѣніе министерства. Затѣмъ были учреждены рекрутскія депо, которыя послужили въ послѣдствіи къ образованію резервовъ. Дальнѣйшія преобразованія Аракчеева относились къ артиллеріи. Такимъ образомъ, перемѣны, совершившіяся при немъ по самому министерству, клонились преимущественно къ централизаціи всѣхъ отраслей военнаго вѣдомства и къ увеличенію значенія министра; внутреннее же устройство оставалось въ томъ же положеніи, въ которомъ находилось въ 1802 году, и недостатки его, съ присоединеніемъ новыхъ управленій, сдѣлались еще болѣе ощутительными. Къ улучшенію войсковыхъ управленій также ничего не было сдѣлано; при отсутствіи надлежащей регламентаціи, кругъ дѣйствій и взаимныя отношенія различныхъ органовъ этихъ управленій, въ особенности хозяйственныхъ, а также права, обязанности и отвѣтственность начальниковъ оставались совершенно неопредѣленными, что нерѣдко имѣло пагубное вліяніе на состояніе войскъ и на самый ходъ военныхъ дѣйствій. Собственно, боевая организація арміи находилась въ болѣе удовлетворительномъ состояніи съ тѣхъ поръ, какъ прежнія инспекціи были замѣнены дивизіями. Однакожъ дивизіи измѣнялись въ своемъ составѣ, а управленіе ими было предоставлено личному усмотрѣнію и произволу начальниковъ: корпусовъ не существовало, за исключеніемъ развѣ военнаго времени, когда они составлялись какъ бы случайно. Наконецъ, военныя силы имперіи, хотя и были увеличены вновь сформированными въ 1806 и послѣдующіе годы войсками, далеко еще не были достаточны для поддержанія самостоятельной ея политики, а тѣмъ болѣе для гигантской борьбы, ей угрожавшей.

Въ такомъ положеніи находилось военное вѣдомство, когда, 20 января 1810 года, состоялось назначеніе Барклая военнымъ

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій, Описаніе отечественной войны 1812 года. Ч. II, стр. 273.

министромъ. Ближайшія обстоятельства этого назначенія до насъ не дошли; извѣстно только, что онъ выказалъ свою самостоятельность тѣмъ, что не счелъ возможнымъ подчиниться Аракчееву, назначенному предсѣдателемъ военнаго департамента въ новомъ государственномъ совѣтѣ, и приобрѣлъ то же положеніе, которымъ пользовался его предмѣстникъ ¹⁾. Задача, предстоявшая ему, была тройкая; она заключалась въ организаціи самого министерства, въ установленіи учрежденій для управленія арміи и ея составныхъ частей, и, наконецъ, въ увеличеніи и преобразованіи военныхъ силъ государства. Эту задачу постановилъ себѣ самъ Барклай и уже вскорѣ по принятіи новой должности онъ представилъ императору, вмѣстѣ съ проектами объ учрежденіи военнаго министерства, особый докладъ о „распорядкѣ арміи“, въ которомъ были изложены его мысли, какъ объ установленіи учрежденій, опредѣляющихъ „обязанности, предѣлы власти, отвѣтственность каждаго званія и порядокъ служенія въ военное и мирное время“, такъ и объ увеличеніи военныхъ силъ и введеніи преобразованій, вызываемыхъ „усиленіемъ арміи и перемѣнами въ самыхъ началахъ военнаго искусства“ ²⁾.

На основаніи этой главной программы, Барклай немедленно началъ усиленные работы, которыя продолжались до конца 1811 года и поступили тогда на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, послѣ чего, 27 января 1812 года, „учрежденіе военнаго министерства и учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи“ были Высочайше утверждены.

Учрежденіе военнаго министерства заключало въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: совѣтъ военнаго министерства; двѣ канцеляріи, общая и особенная; два дежурства, по арміи и по рекрутской части, каждое въ вѣдѣніи дежурнаго генерала; семь департаментовъ: артиллерійскій, инженерный, инспекторскій, аудиторскій, комиссаріатскій, провіантскій и медицинскій; военно-ученый комитетъ, военно-топографическое депо и типографія. Каждое изъ этихъ управленій было подраздѣлено на отдѣленія, а каждое отдѣленіе на столы: кругъ дѣйствія департаментовъ, обязанности отдѣленій и занятія столовъ были опредѣлены и разграничены съ точностью, не допускавшей недоразумѣній. Квартирмейстерская часть, какъ видно, не была причислена къ министерству, хотя она и считалась соединенною съ собственнымъ Его Величества депо картъ, вошедшимъ въ со-

¹⁾ Исторія царствованія Императора Александра I, Т. II, стр. 490.

²⁾ Докладъ № 612 подъ заглавіемъ: „общее положеніе о составѣ и распорядкѣ арміи“.

ставъ его. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что генеральный штабъ, незадолго до организаціи министерства, въ 1810 году, уже получилъ новое управленіе, подъ названіемъ „канцеляріи управляющаго квартирмейстерскою частью“, и что Барклай считалъ нужнымъ сохранить этому управленію самостоятельность, подобно тому, какъ таковая была сохранена главнымъ управленіемъ артиллеріи и инженеровъ, одна лишь хозяйственная часть которыхъ вошла въ вѣдѣніе артиллерійскаго и инженернаго департаментовъ. Барклай смотрѣлъ на вновь учрежденное министерство какъ на высшее хозяйственное, административное и инспекторское управленіе военнаго вѣдомства, которому армію, а вмѣстѣ съ нею и спеціальныя роды оружія, подчинять не слѣдуетъ близко; знакомый съ войскомъ, онъ, какъ это ясно видно изъ объявленнаго вслѣдъ затѣмъ „учрежденія для управленія дѣйствующей арміи“, признавалъ необходимымъ дать главнымъ военно-начальникамъ высокое и вполне самостоятельное положеніе, согласно чему и вся служба при войскахъ должна была пріобрѣсть такое значеніе, чтобы званіе командира полка, дивизіи, корпуса цѣнилось выше всякихъ военно-административныхъ должностей. При такой обстановкѣ ограждались и матеріальныя интересы войскъ, которые, какъ потребители всѣхъ предметовъ, снабжаемыхъ попеченіемъ министерства, пріобрѣли независимость, столь необходимую во взаимныхъ отношеніяхъ пріемщиковъ и поставщиковъ. Впрочемъ, для генеральнаго штаба, получившаго въ лицѣ князя Волковскаго просвѣщеннаго и дѣятельнаго начальника, это можетъ считаться временемъ его возрожденія. Изъ дневника Барклая 1805 года видно, что онъ придавалъ квартирмейстерской части большое значеніе и признавалъ необходимымъ дать ей надлежащее устройство; теперь онъ могъ осуществить свои взгляды, открывъ генеральному штабу, какъ сейчасъ увидимъ, обширное служебное поприще и доставивъ вновь учрежденному военно-топографическому депо значительныя средства для распространенія своей дѣятельности.

Одновременно съ учрежденіемъ военнаго министерства появилось въ свѣтъ и другое твореніе Барклая: „учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи“, которое, по словамъ одного изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ генераловъ, достаточно, чтобы увѣковѣчить его имя въ Россіи ¹⁾. Исполненіе этой второй задачи представляло еще болѣе затрудненій, но это не остановило Барклая; испытывъ въ предшествовавшихъ войнахъ, въ особенности въ кампаніи 1807 года, до какой степени недостатки организаціи вредно

¹⁾ Ф. Ф. Шубертъ, въ своихъ запискахъ.

отзываются на войскахъ и военныхъ дѣйствіяхъ, онъ незадумавшись взялся за дѣло и неуклонно довелъ его до конца. Сотрудниками его въ этой важной работѣ были генералы Опперманъ, баронъ Меллеръ-Закомельскій, князь Волконскій, Гогель, графъ Сенъ-При и полковникъ Перскій, составившіе подъ его предсѣдательствомъ особую комиссію ¹⁾; личными же секретарями Барклая по этой части были Воейковъ, его прежній бригадъ-маіоръ, и Канкринъ, извѣстный впослѣдствіи министръ финансовъ. Матеріалами для составленія новаго кодекса послужили всѣ постановленія по военной части, существовавшія въ Россіи и изданныя во Франціи съ 1791 года. Вновь выработаннымъ уложеніемъ высшее управленіе дѣйствующей арміи сосредоточено въ четырехъ отдѣлахъ: Главномъ штабѣ и главныхъ управленіяхъ: Инженерномъ, Артиллерійскомъ и Интендантскомъ. Къ Главному штабу отнесены: Начальникъ штаба, генераль-квартирмейстеръ съ офицерами генеральнаго штаба, дежурный генераль съ старшими адъютантами, генераль-аудиторъ, генераль-гевальдигеръ, комендантъ главной квартиры, генераль-вагенмейстеръ, директоръ военныхъ сообщеній, генераль-штабъ-докторъ, полевой почтдиректоръ, капитанъ надъ вожатыми, полевой оберъ-священникъ и конвой главной квартиры. Главному интенданту подчинены: генераль-провіантмейстеръ съ провіантскими комиссіями и комиссіонерствами, генераль-крюгсъ-комиссаръ съ комиссаріатскими комиссіями и земскіе правители или комиссары для управленія занятыхъ областей. Затѣмъ при главнокомандующемъ учреждена особая канцелярія, съ дипломатическимъ отдѣленіемъ. Подобно главному управленію арміи были также организованы управленія корпусовъ и дивизій, названныя корпусными и дивизионными штабами; штабы эти составлены: корпусные—изъ начальника штаба, оберъ-квартирмейстера, дежурнаго штабъ-офицера, оберъ-провіантмейстера, оберъ-крюгсъ-комиссара, оберъ-гевальдигера, оберъ-вагенмейстера, оберъ-аудитора, корпуснаго штабъ-доктора и канцеляріи корпуснаго командира; дивизионные—изъ дивизионнаго квартирмейстера, старшаго адъютанта, провіантмейстера, гевальдигера, вагенмейстера, аудитора, дивизионнаго доктора и канцеляріи начальника дивизіи. Въ случаѣ отдѣленія корпуса или дивизіи прибавлялось: къ корпусному штабу—начальники инженеровъ и артиллеріи, священникъ, почтмейстеръ, земскій комиссаръ и конвой, а къ дивизионному—начальники: штаба, инженеровъ и артиллеріи, крюгсъ-комиссаръ, земскій комиссаръ и конвой. Всмотриваясь ближе въ „учрежденіе о большой дѣйствующей арміи“, нельзя не

¹⁾ Исторія царствованія Императора Александра I. Т. III, стр. 10—11.

подивиться, съ какою тщательностью выработаны всѣ его различныя части, въ особенности интендантская и госпитальная, находившіяся прежде въ совершенномъ запущеніи. Замѣчательна также точность, съ которою обозначена дѣятельность каждаго управленія, и полнота, съ которою опредѣлены права и отвѣтственность каждаго начальника. Затѣмъ проявляются въ немъ еще двѣ отличительныя черты: самостоятельное положеніе высшихъ начальниковъ и боевой характеръ войсковыхъ управленій. Глубоко убѣжденный, что всякое стѣсненіе главнокомандующаго можетъ имѣть только вредныя послѣдствія, Барклай счелъ нужнымъ предоставить ему въ военное время, по всѣмъ отраслямъ военнаго, хозяйственнаго и гражданскаго управленій, права, ограниченныя только Высочайшею властью. Точно также и начальники главныхъ управленій пріобрѣли, каждый по своей части, въ весьма значительной степени свободу дѣйствій. Что касается войсковыхъ управленій, то они получили, какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени, одинаковое устройство и почти одинаковый составъ; это дало возможность скрѣпить узы, связывающія войска съ начальниками, и внести въ ихъ взаимныя отношенія необходимое довѣріе. Наконецъ, „учрежденіе о большой дѣйствующей арміи“ имѣло также огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе квартирмейстерской части; установленіемъ должностей начальниковъ штабовъ и квартирмейстеровъ въ арміи, корпусахъ и дивизіяхъ, и постановленіемъ, чтобы дежурные штабъ-офицеры въ корпусныхъ штабахъ были избираемы изъ свитскихъ офицеровъ, оно открыло генеральному штабу обширную карьеру; съ другой стороны, возложеніемъ на него новыхъ и важныхъ обязанностей по „приготовительнымъ соображеніямъ къ военнымъ операціямъ и приведенію ихъ въ дѣйствіе“, оно возвысило его значеніе и доставило ему при войскахъ положеніе, соотвѣтствовавшее его достоинству.

„Учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи“, также какъ и „учрежденіе военнаго министерства“, сохранило свою силу въ продолженіе болѣе полустолѣтія; составляя трудъ людей, пріобрѣвшихъ извѣстность не только своими познаніями, но и боевою опытностью, и имѣвшихъ въ своей главѣ генерала, командовавшаго и въ мирное и въ военное время отдѣльными частями и отдѣльными отрядами, оба уложенія, обнимавшія всю организацію военныхъ силъ имперіи въ мирное и военное время, доказали свою полную состоятельность въ многочисленныхъ и большихъ войнахъ минувшаго столѣтія, начиная съ Отечественной. Обратимся теперь къ третьей задачѣ Барклая—развитію и преобразованію сухопутныхъ силъ.

При вступленіи Барклая въ должность военнаго министра наша армія состояла изъ 145 полковъ и 3 батал. пѣхоты, 64 пол. кавалеріи и 136 ротъ артиллеріи; составъ полковъ былъ весьма различный, общее же число баталіоновъ доходило до 370, а эскадроновъ до 380; артиллерія находилась еще въ формированіи. Всѣ эти войска были распределены по 26 дивизіямъ, составъ которыхъ измѣнялся. Численность полевыхъ войскъ была вообще слабая; изъ тогдашнихъ вѣдомостей усматривается, что даже списочное состояніе не превышало 350—400 чел. въ батальонѣ; кромѣ того имѣлись еще гарнизонныя и инвалидныя войска и иррегулярныя, казачьи, число которыхъ измѣнялось сообразно имѣвшейся въ нихъ надобности.

Послѣдовавшія теперь преобразованія и усиленія арміи, вызванныя отчасти ожиданіемъ возможнаго разрыва съ Наполеономъ, продолжались до весны 1812 года; а потому описаніе ихъ заключаетъ въ себѣ и самое описаніе нашихъ приготовленій къ отечественной войнѣ.

Съ наступленіемъ 1811 года начался рядъ формированій новыхъ полковъ и отдѣльныхъ частей. Гвардія увеличена гвардейскимъ экипажемъ, сформированнымъ еще въ концѣ 1810 года, л.-гв. Финляндскимъ полкомъ, преобразованнымъ изъ баталіона того же названія (приказъ отъ 19 октября 1811 года) и л.-гв. Литовскимъ полкомъ (приказъ отъ 7 ноября 1811 г.), образованнымъ изъ одного изъ баталіоновъ Преображенскаго полка, оставшагося затѣмъ въ трехъ-баталіонномъ составѣ. Къ гвардейской кавалеріи прибавлена л.-гв. Черноморская сотня (18 мая 1811 г.). Армейская пѣхота усилена сперва тринадцатю (Высочайшій указъ 7 января 1811 года, полки: Воронежскій, Брянскій, Литовскій, Подольскій, Эстляндскій, Орловскій, Галицкій, Великолуцкій, Пензенскій, Саратовскій, Софійскій пѣхотные, 47 и 48 егерскіе), а потомъ еще шестю (Высочайшій указъ 6 ноября 1811 года, полки: Одесскій, Тарнопольскій, Виленскій и Симбирскій пѣхотные, 49 и 50 егерскіе) новыми полками, сформированными изъ лучшихъ гарнизонныхъ войскъ, и кромѣ того четырьмя полками, составленными изъ флотскихъ экипажей и названными поэтому морскими. Тогда же сформированъ 3-й учебный гренадерскій баталіонъ (16 іюля 1811 года). Армейская кавалерія увеличена двумя новыми кирасирскими полками (12 октября 1811 года, Астраханскимъ и Новгородскимъ), а полевая артиллерія—нѣсколькими ротами, изъ которыхъ сформирована новая бригада (15 октября 1811 года, 27-я бригада). Наконецъ пионерные полки, находившіеся въ составѣ двухъ баталіоновъ, получили третьи баталіоны. Въ то же время мушкетерскіе полки были переименованы: 1 въ гренадерскій, 14 въ егерскіе, всѣ остальные въ пѣхотные. Изъ новыхъ 23-хъ полковъ было 19-ть пѣхотныхъ и 4 егерскихъ. Въ концѣ 1810 года всѣ пѣхотные полки получили трехъ-баталіонный и всѣ баталіоны—четырехъ-ротный составъ; недоставшіе въ полкахъ баталіоны были тогда же сформированы. Въ кавалеріи гвардейскіе, кирасирскіе и драгунскіе полки получили по пяти эскадроновъ, а уланскіе и гусарскіе по десяти. Составъ артиллерійскихъ бригадъ опредѣленъ въ

три роты, одну батарейную и двѣ легкія; составъ этотъ распространенъ на всѣ полевыя бригады.

Вмѣстѣ съ гѣмъ и гарнизонныя, а также мѣстныя войска были пополнены, усилены и переформированы въ составѣ 12 полковъ, 19 баталіоновъ и 46 губернскихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ. Артиллерійскихъ ротъ и командъ, которыми были также снабжены взятыя отъ Турціи крѣпости, увеличено всего до 77. Наконецъ и инвалидныя части были преобразованы въ подвижныя роты и уѣздныя команды; первыхъ, въ составѣ 170 челов., было сформировано, соотвѣтственно числу губернскихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ, 46, а послѣднихъ, въ составѣ 68 чел.—419 (27-го марта 1811 г.).

По сформированіи всѣхъ вышеозначенныхъ войскъ, составъ арміи сдѣлался слѣдующимъ:

Пѣхота: 6 гвардейскихъ полковъ 18 бат., гвардейскій экипажъ 1 бат., 14 гренадерскихъ полковъ 42 бат., 100 пѣхотныхъ (въ томъ числѣ 4 морскихъ) 300, 50 егерскихъ 150 бат., 3 учебныхъ гренадерскихъ баталіона 3 бат. всего 514 бат.

Кавалерія: 6 гвардейскихъ полковъ 28 эск. (л.-гв. казачій въ составѣ 3-хъ эск.), 2 гвардейскія сотни 2 эск., 8 кирасирскихъ полковъ 40 эск., 36 драгунскихъ 180 эск., 11 гусарскихъ 110 эск., 5 уланскихъ 50 эск., всего 410 эск.

Артиллерія (въ свѣдѣніяхъ о состояніи артиллеріи, части, едва только формировавшіяся, нерѣдко показывались наличными и самыя исчисленія производились иногда по роду артиллеріи, иногда по бригадамъ, при чемъ итоги не одинаковы; а потому въ показанія объ артиллеріи могли вкрасться неточности): Гвардейская артиллерія 6 ротъ, полевая 81 рота, резервная 40 ротъ, всего 159 ротъ (изъ нихъ нѣкоторыя еще формировались).

Инженерныя войска: 2 піонерныхъ полка 6 бат.

Опредѣленными тогда штатами положено было имѣть строевыхъ чиновъ: въ гвардіи по 764 въ баталіонѣ и по 160 къ эскадронѣ, а въ арміи по 738 въ баталіонѣ и по 150 въ эскадронѣ; въ артиллеріи полагалось, смотря по роду ея, отъ 250 до 300 ч. въ ротѣ, а въ піонерахъ по 2.270 ч. въ полку. Такимъ образомъ комплектное число полевыхъ войскъ должно было быть: пѣхоты около 380.000 (379.826) чел., кавалеріи 62.000 (61.800) чел., артиллеріи 43.500 (43.776) чел., піонеровъ 4.500 (4.540) чел., всего около 490.000 чел.

Число полевыхъ орудій простиралось всего до 1.600.

Для доведенія войскъ до комплектнаго числа, были сдѣланы наборы: въ 1810 году по 3, а въ 1811 году по 4 человѣка на 500 душъ населенія (указъ отъ 16 сентября).

Общее число войскъ гарнизонныхъ и внутренней стражи было въ то же время слѣдующее: 12 гарнизонныхъ полковъ и 19 баталіоновъ—около 39.000 (39.326 чел.); 77 артиллерійскихъ и лабораторныхъ гарнизонныхъ ротъ и командъ—16.000 (16.016); 46 губернскихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ—22.000 (22.008); 419 уѣздныхъ инвалидныхъ командъ—20.000 (20.112); 46 подвижныхъ ротъ—8.000 (7.820). Всего около 105.000 чел.

Войска эти не могли конечно увеличить нашу боевую силу непосредственно, но, исполняя гарнизонную службу въ городахъ и отчасти въ крѣпостяхъ, они доставляли возможность употребить всѣ полевыя войска въ дѣло.

Одновременно съ увеличеніемъ военныхъ силъ было приступлено къ правильному и равномѣрному соединенію отдѣльныхъ частей въ дивизіи. Изъ 6 полковъ гвардейской пѣхоты образована гвардейская пѣхотная дивизія; изъ 12 гренадерскихъ полковъ 1 и 2 гренадерскія; а изъ 96 пѣхотныхъ и 48 егерскихъ полковъ—пѣхотная дивизія №№ 3 до 26; изъ 6 послѣднихъ вновь сформированныхъ полковъ составлена 27 дивизія (Высочайшій указъ отъ 6 ноября 1811 года).

Пѣхотнымъ дивизіямъ данъ одинаковый составъ въ 3 бригады, каждая бригада въ 2 полка; въ гренадерскихъ дивизіяхъ всѣ полки были гренадерскіе, а въ другихъ по 4 пѣхотныхъ и по 2 егерскихъ. Въ Оренбургскомъ краѣ и западной Сибири приступлено къ сформированію 28 и 29 дивизій. Кавалерія, полки которой оставались до того времени одиночными и сводились только для боя по особому на то приказанію и съ подчиненіемъ особо назначеннымъ генераламъ, получила теперь также постоянную организацію; изъ ней были составлены отдѣльныя дивизіи: гвардейская (гвардейскіе кирасирскіе полки: кавалергардскій и л.-гв. конный поступили въ составъ 1-й кирасирской дивизіи), 2 кирасирскія и 8 кавалерійскихъ; въ кирасирскія дивизіи назначено по пяти полковъ, въ томъ числѣ кавалергардскій и конногвардейскій, а въ кавалерійскія по 4 драгунскихъ и по 2 гусарскихъ или уланскихъ. Въ устройствѣ артиллеріи произошли также перемѣны: гвардейскій артиллерійскій баталіонъ переименованъ въ л.-гв. артиллерійскую бригаду (въ октябрѣ 1811 г.), а гвардейская конная артиллерія раздѣлена на двѣ батареи (2 сентября 1811 года); вся артиллерія раздѣлена: на одну гвардейскую, 27 полевыхъ, 10 резервныхъ и 4 запасныхъ бригадъ (24 февраля и 15 октября 1811 года). Каждый піонерный баталіонъ приведенъ въ составъ 2 понтонныхъ, 1 саперной и 1 минерной роты. Гарнизонные полки и баталіоны были распределены по крѣпостямъ и нѣкоторымъ губернскимъ городамъ. Губернскіе же баталіоны и полубаталіоны, вмѣстѣ съ инвалидными ротами и командами, составили внутреннюю стражу, которая была раздѣлена на 8 округовъ каждый въ составѣ 3 бригадъ.

Одновременно съ внутреннимъ устройствомъ войскъ, были приняты мѣры и къ составленію изъ ихъ среды боевыхъ резервовъ и запасныхъ частей; для образованія первыхъ были назначены гренадерскія роты каждого баталіона, а послѣднихъ—вторые баталіоны и послѣдніе эскадроны каждого полка. Для дальнѣйшаго формировація резервовъ служили рекрутскія депо, число которыхъ увеличено вновь образованными въ 9-ти мѣстахъ новыми рекрутскими депо 2-й линіи (10 сентября 1811 года: въ Петрозаводскѣ, Новгородѣ, Твери, Москвѣ, Орлѣ, Калугѣ, Курскѣ, Харьковѣ и Екатеринославѣ). Рекрутскія депо 1-й линіи образовали два резервныхъ корпуса, каждый изъ двухъ резервныхъ дивизій, и одной резервной артиллерійской бригады.

Въ концѣ 1811 года всѣ исчисленныя выше полевая войска были распределены слѣдующимъ образомъ: въ Молдавской арміи, подъ начальствомъ Кутузова, дивизіи: 8-я, большая часть 9-я, 10-я, 15-я, 16-я и 22-я пѣхотная, 6 и 7-я кавалерійскія; въ Новороссійскомъ краѣ подъ начальствомъ герцога Ришелье: 13-я пѣхотная, другая часть 9-я и 8-я кавалерійская; на Кавказѣ и въ Грузіи, подъ начальствомъ Ртищева и маркиза Паулуччи: 19-я и 20-я пѣхотная и три полка драгунъ; въ Финляндіи подъ начальствомъ Штейнгеля: 6-я, 21-я и 25-я пѣхотная и два полка драгунъ;

27-я дивизія, Невѣровскаго, еще формировалась въ Москвѣ; 28-я, князя Волковскаго, и 29-я, Глазенапа, формировались на дальнемъ востокѣ. Затѣмъ въ окрестностяхъ Петербурга, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи и на Волыни находились дивизіи: гвардейская, 1-я и 2-я гренадерскія, 3-я, 4-я, 5-я, 7-я, 11-я, 14-я, 17-я, 18-я, 23-я, 24-я и 26-я пѣхотныя и 1-я и 2-я кирасирскія, гвардейская, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я кавалерійскія.

Въ началѣ 1812 года были получены извѣстія о военныхъ приготовленияхъ Наполеона, предвѣщавшихъ неминуемую войну; тогда послѣдовало распоряженіе о движеніи войскъ изъ Петербурга и Прибалтійскаго края къ западной границѣ, о привлеченіи туда же 9 и 15 дивизій изъ Молдавіи, трехъ кавалерійскихъ полковъ съ юга и другихъ еще казачьихъ полковъ съ Дона, а также о составленіи войсковыхъ и общихъ резервовъ. Къ началу войны таковыхъ было сформировано: 1 и 2 сводныя гренадерскія дивизіи и сводная гренадерская бригада, а также 32, 33, 34, 35 и 36 пѣхотныя и 9, 10 и 11 кавалерійскія дивизіи. Оставшіяся затѣмъ запасныя и резервныя части поступили на укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ: По объявленіи весною 1812 года дополнительнаго набора по 2 человека съ 500 ¹⁾, приступлено къ образованію 12 новыхъ пѣхотныхъ полковъ ²⁾, а вскорѣ затѣмъ и 4 украинскихъ конныхъ №№ 1—4; пѣхотные полки, удержанные на мѣстѣ формированія, съ августа мѣсяца начали выдѣлять маршевыя части на укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ, а конные уже въ концѣ іюня поступили въ составъ арміи Торماسова.

Въ мартѣ и апрѣлѣ 1812 года послѣдовало образованіе корпусовъ и армій въ войскахъ, собиравшихся у западной границы имперіи. Тамъ, какъ извѣстно, сосредоточивалось, вмѣстѣ съ гвардіею, 15 пѣхотныхъ и 8 кавалерійскихъ дивизій, къ которымъ прибавились 9-ая и 15-ая, слѣдовавшія изъ Молдавіи, три сводныя гренадерскія (изъ нихъ одна въ составѣ бригады) дивизіи и три кавалерійскихъ полка, такъ что общее число пѣхотныхъ дивизій возрасло до 20-ти, а полковъ регулярной кавалеріи до 49-ти. Эти-то войска вмѣстѣ со своею артилеріею были раздѣлены на 10 пѣхотныхъ и 5 кавалерійскихъ корпусовъ. Пѣхотные корпуса были составлены изъ двухъ дивизій съ своими артиллерійскими бригадами. Распределеніе въ нихъ кавалеріи было неодинаковое; цѣлыми дивизіями она была придана лишь 5-му и 8-му корпусамъ, въ составъ которыхъ вошли 1-ая и 2-ая кирасирскія дивизіи; въ 1-ый корпусъ

¹⁾ Указъ отъ 29 марта 1812 г.

²⁾ Въ Ярославлѣ, Костромѣ, Владимірѣ, Рязани, Тамбовѣ и Воронежѣ.

поступили три полка, а въ прочіе по одному восьми-эскадронному полку. Изъ остальной затѣмъ кавалеріи были образованы сначала четыре корпуса, а потомъ еще пятый (Ламберта); первые въ составѣ 5-ти, а послѣдній—8 полковъ. Конныя артиллерійскія роты, числомъ 16, были распределены по кавалерійскимъ частямъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ корпусовъ.

Изъ вновь сформированныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ корпусовъ были сначала образованы двѣ арміи: первая и вторая западныя ¹⁾. Въ составъ первой было назначено 6 пѣхотныхъ и 3 кавалерійскихъ корпуса, а въ составъ второй—4 пѣхотныхъ и 1 кавалерійскій. Третью армію, обсервационную, и двѣ резервныя предполагалось организовать изъ запасныхъ и резервныхъ войскъ. Но такъ какъ передъ началомъ войны оказались сформированными изъ запасныхъ и резервныхъ баталіоновъ и эскадроновъ только пять пѣхотныхъ и три кавалерійскихъ дивизіи, пришлось ограничиться образованіемъ изъ нихъ одного дѣйствующаго корпуса (Сакена) и двухъ резервныхъ (Меллера-Закомельскаго и Эртеля). Вскорѣ однако жъ явилась необходимость увеличить наши силы у границъ герцогства Варшавскаго, куда, казалось, устремлялись войска со всѣхъ странъ Европы; а потому 9-й и 10-й корпуса, привлеченные изъ войскъ Молдавской арміи и находившіеся у Днѣстра, были выдѣлены состава 2-й арміи ²⁾, а остальныя войска сей послѣдней притянуты къ сѣверу и усилены 27-ою пѣхотною дивизіею, получившей приказаніе слѣдовать изъ Москвы къ западной границѣ. Для образованія же на югѣ обсервационной арміи поступили, сверхъ 9-го и 10-го корпусовъ, еще корпусъ Сакена и вышеозначенный 5-й кавалерійскій корпусъ (Ламберта). Затѣмъ всѣмъ тремъ арміямъ были еще приданы казачьи полки: первой—18, второй—9 и обсервационной—9, а также и нѣсколько понтонныхъ и піонерныхъ ротъ.

Такимъ образомъ наши дѣйствующія арміи на западѣ получили слѣдующій составъ: первая западная—6 пѣхотныхъ корпусовъ и 3 кавалерійскихъ, всего 150 баталіоновъ, 132 эскадрона, 49 артиллерійскихъ ротъ съ 552 орудіями, 2 піонерныя и 2 понтонныя роты и 18 казачьихъ полковъ; вторая западная—2 пѣхотныхъ корпуса, къ которымъ прибавилась 27 дивизія, и 1 кавалерійскій, всего 46, а съ 27 дивизіею 58 баталіоновъ, 42 эскадрона, 18 артиллерійскихъ ротъ съ 216 орудіями, 1 понтонная и 1 піонерная

¹⁾ Высочайшее повелѣніе отъ 19 марта.

²⁾ Высочайшее повелѣніе отъ 8 мая.

роты и 9 казачьих полковъ; третья, обсервационная—2 пѣхотныхъ корпуса, 1 кавалерійскій и корпусъ Сакена, всего 54 баталіона, 76 эскадроновъ, 14 артиллерійскихъ ротъ съ 64 орудіями, 1 понтонная и 1 піонерная роты и 9 казачьихъ полковъ. Затѣмъ къ началу войны оказались еще сформированными два резервныхъ корпуса, первый изъ 32-й и 33-й пѣхотныхъ и 9-й кавалерійской, а второй изъ 34-й и 35-й пѣхотныхъ и 10-й кавалерійской дивизій. Подробный составъ дѣйствующихъ армій усматривается изъ показаннаго ниже общаго распisanія войскъ.

Обращаясь къ численному составу войскъ, собранныхъ у западной границы и предназначенныхъ противостать подходившимъ силамъ Наполеона, нужно, для полученія точныхъ данныхъ, сдѣлать нижеслѣдующія исчисленія ¹⁾. Комплектное число всѣхъ дѣйствующихъ войскъ въ Россіи, какъ выше показано, простиралось до 489.000 чел. Принимая число недоставшихъ до комплекта въ одну шестую общаго числа, что по свидѣтельству Толя, принца Евгенія Виртенбергскаго и др. близко подходитъ къ истинѣ, оказывается, что въ дѣйствительности имѣлось всего 407.500 чел. Изъ этого числа находилось: въ Молдавской (Дунайской) арміи 57.000 чел.; въ Новороссійскомъ краѣ 19.500; въ Грузіи и на Кавказской линіи 34.000; въ Финляндіи 30.000; въ запасныхъ войскахъ, за вычетомъ сформированнаго изъ нихъ корпуса Сакена, вмѣстѣ со всѣми командами въ рекрутскихъ депо и резервныхъ частяхъ до 72.000 человекъ. Наконецъ были также войска, вовсе не входившія въ составъ дивизій и корпусовъ: учебные баталіоны, часть піонеровъ и артиллеріи; въ нихъ считалось 12.000 чел. Затѣмъ на западной границѣ, включая и 27 дивизію, которая присоединилась къ войскамъ 2-й арміи до встрѣчи ихъ съ противникомъ, оставалось около 183.000 чел., къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить 18.000 казаковъ. Такимъ образомъ общее число войскъ въ трехъ западныхъ арміяхъ доходило до 201.000 чел., а именно: въ первой 110.000; во второй, вмѣстѣ съ 27 дивизіею, 45.000; въ 3-й обсервационной 46.000. За ними, во второй линіи, находились ихъ запасныя и резервныя войска, а также пѣхотные и кавалерійскіе полки, сформированіе которыхъ было окончено во время войны. Изъ 34.000 запасныхъ войскъ, большая половина приняла непосредственное участіе въ войнѣ. Резервные баталіоны и эскадроны, хотя и послужили къ образованію двухъ резервныхъ корпусовъ, поступили также большею частью прямо на укомплектованіе дѣйствующихъ полковъ:

---

¹⁾ Нижепоказанныя числа извлечены изъ всѣхъ имѣющихся источниковъ, которые отдѣльно не показаны.

около 46.000 въ пѣхоту и болѣе 9.000 въ кавалерію. На формированіе двѣнадцати пѣхотныхъ полковъ было назначено 23.888 рекрутъ, а въ четырехъ украинскихъ полкахъ имѣлось 3.600 чел. Изъ этого видно, что общее число войскъ 2 линіи, подкрѣпившихъ дѣйствующія арміи по мѣрѣ ихъ отступленія во внутрь Россіи, простиралось до 100.000 чел.

Дѣятельность Барклая во время двухлѣтняго его управленія министерствомъ не ограничилась организаціею и усиленіемъ арміи. Она распространилась и на другія отрасли подчиненнаго ему вѣдомства и выразилась рядомъ весьма важныхъ мѣръ, изъ которыхъ по тогдашнему времени особеннаго вниманія заслуживаютъ: установленіе постоянного наблюденія за военными учрежденіями и боевыми силами иностранныхъ государствъ; обзорѣніе и изученіе западнаго пограничнаго пространства, какъ важнѣйшаго театра войны въ предѣлахъ Россіи; усиленіе оборонительныхъ линій на этомъ театрѣ войны искусственными укрѣпленіями; учрежденіе въ виду ожидавшейся войны продовольственныхъ магазиновъ и артиллерійскихъ парковъ.

Для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о военныхъ учрежденіяхъ и боевыхъ силахъ иностранныхъ государствъ, Барклай считалъ лучшимъ средствомъ имѣть при посольствахъ особыхъ агентовъ военнаго званія. До того времени командировались для этого за границу, когда было нужно, офицеры. Такъ князь Волконскій былъ командированъ вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира и изучалъ военныя постановленія европейскихъ государствъ болѣе двухъ лѣтъ; привезенныя имъ свѣдѣнія послужили драгоцѣннымъ матеріаломъ при послѣдовавшемъ тогда образованіи нашихъ новыхъ военныхъ учрежденій. Барклай считалъ однакожъ необходимымъ имѣть нѣсколько постоянныхъ военныхъ агентовъ, которые бы слѣдили за всѣми измѣненіями и распоряженіями по военной части и своевременно бы сообщали о томъ министерству. Въ одномъ изъ докладовъ Барклая въ концѣ 1810 года говорится о „свѣдущихъ и достойныхъ военныхъ чиновникахъ“, назначенныхъ въ Вѣну и Берлинъ, и испрашивается соизволеніе на назначеніе такового же въ герцогство Варшавское. Въ Парижѣ особаго военнаго агента не было, такъ какъ обязанности его исполнялъ какъ нельзя лучше флигель-адъютантъ Чернышевъ, находившійся почти постоянно при Наполеонѣ въ качествѣ довѣреннаго лица Императора Александра.

Для ближайшаго ознакомленія съ мѣстностью, которая могла послужить театромъ военныхъ дѣйствій, уже съ весны 1810 года было предпринято обзорѣніе западной пограничной полосы; эта работа,

возложенная на офицеровъ квартирмейстерской части, подъ руководствомъ полковника Довре ¹⁾, была произведена въ обширныхъ размѣрахъ. Въ 1811 году она была повторена, при чемъ уже прямо было указано, на какіе предметы обратить особенное вниманіе. Результатами этихъ работъ были: военная карта западнаго пограничнаго пространства, множество плановъ позицій и подробныя рекогносцировки, общая сводка которыхъ была возложена на заведывавшаго военно-топографическимъ депо генерала Оппермана и состоявшаго при немъ флигель-адъютанта, инженеръ-полковника Барклая-де-Толли ²⁾. Независимо сего, обзоръ западнаго театра войны было также возложено на извѣстнаго военного писателя и ученаго, флигель-адъютанта Вольцогена, при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ полученное имъ лѣтомъ 1811 г. отъ Барклая указаніе относительно выбора пункта между Динабургомъ и Бобруйскомъ, для укрѣпленія его съ цѣлью прикрытія пути на Оршу и Смоленскъ.

Въ открытой и плоской мѣстности западнаго пограничнаго пространства только нѣкоторыя рѣки теченіемъ своимъ образуютъ линіи, которыя въ извѣстной степени могутъ быть названы оборонительными. Одну изъ нихъ, у самой тогдашней границы, составляютъ Нѣманъ, Боберь, Наревъ и Бугъ; другую, въ разстояніи до 350 верстъ отъ предъидущей, образуютъ Западная Двина, Березина и Днѣпръ; эта послѣдняя служитъ также чертою между кореннымъ русскимъ населеніемъ и инороднымъ, что давало ей въ то время особенное значеніе. На всемъ этомъ пространствѣ было только два укрѣпленныхъ пункта, Рига и Кіевъ, отдаленные при томъ отъ центра дѣйствій и находившіеся въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Вскорѣ по вступленіи Барклая въ должность военного министра было принято рѣшеніе исправить и усилить укрѣпленія Риги и Кіева и заложить двѣ новыя крѣпости, у Динабурга и Бобруйска. Работы эти, начатыя весною 1810 года, были поведены съ большою энергіею, такъ что около года спустя, лѣтомъ 1811 г., Вольцогенъ уже доносилъ о значительныхъ результатахъ, достигнутыхъ по возведенію новыхъ крѣпостей. Когда же враждебность Наполеона болѣе обнаружилась, Барклай, озабочиваясь прикрытіемъ дороги во внутрь Россіи, призналъ необходимымъ укрѣпить соотвѣтственный пунктъ на пути къ Смоленску и съ этою цѣлью предни-

¹⁾ Одного изъ способнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, пріобрѣтшаго въ 1812—1814 г. извѣстность въ званіи начальника штаба отдѣльнаго корпуса, а затѣмъ и арміи Витгенштейна.

²⁾ Братъ министра. „Исторія русскаго генеральнаго штаба“. Н. Глиноцкаго.

саль Вольцогену осмотрѣть Борисовъ и Зембинъ ¹⁾. Вольцогенъ высказался въ пользу Борисова ²⁾, укрѣпленіе котораго и было вслѣдъ затѣмъ начато; наконецъ, съ наступленіемъ весны 1812 года, съ цѣлью обезпечить сообщенія между отдѣльными частями армій и согласно выработанному ученымъ генераломъ Перуль и утвержденному Императоромъ операціонному плану, были предприняты работы по укрѣпленію переправъ у мѣстечекъ Мосты и Сельцы на Нѣманъ и Ясольдъ и по устройству укрѣпленныхъ лагерей у Дриссы и Кіева. Къ началу возгорѣвшейся вскорѣ войны, предпринятая работы оказались въ слѣдующемъ положеніи: Рига, Бобруйскъ и Кіевъ были приведены въ состояніе выдержать осаду; въ Динабургѣ успѣли окончить одно лишь мостовое укрѣпленіе; Борисовъ былъ приведенъ въ оборонительное положеніе; на переправахъ были сооружены тетъ-де-поны; изъ укрѣпленныхъ лагерей Дрисскій былъ почти совсѣмъ оконченъ.

Устройство артиллерійскихъ парковъ и провіантскихъ магазиновъ было весьма обширное; достаточно сказать, что во время всей войны войска ни въ чемъ не нуждались.

Ознакомившись въ главныхъ чертахъ съ военно-административною дѣятельностью Барклая, нельзя не подивиться громадности результатовъ, достигнутыхъ имъ въ короткое время управленія министерствомъ. Въ два года были созданы всѣ органы военнаго управленія для мирнаго и военнаго времени, были преобразованы и удвоены военныя силы государства, были, наконецъ, организованы новыя средства и заготовлены всякаго рода запасы на случай войны. Между тѣмъ, объ этой именно дѣятельности Барклая въ нашихъ военныхъ сочиненіяхъ почти не упоминается; въ нихъ говорится только о мѣрахъ, принятыхъ въ виду угрожавшей борьбы съ Наполеономъ, и указывается на ихъ недостаточность. Боевыя силы Россіи, сказано въ нихъ, увеличенныя всего на 50.000 чел. ³⁾, были на западной границѣ совершенно недостаточны ⁴⁾; крѣпости, какъ исправленныя, такъ и вновь заложенныя, не принесли пользы, тогда какъ дорога въ Москву была оставлена открытою ⁵⁾; магазины были расположены слишкомъ близко къ границѣ и подвергались опасности быть захваченными непріятелемъ ⁶⁾; все это указываетъ на отсутствіе преднамѣреннаго плана дѣйствій, и знаменитое от-

¹⁾ Предписаніе Барклая отъ 9 августа 1811 года.

²⁾ Записка отъ 15 сентября.

³⁾ Smitt. Aufklärung über den Krieg von 1812, стр. 261.

⁴⁾ Bernhardi. Tolls Denkwürdigkeiten I, стр. 231—235.

⁵⁾ Smitt. Aufklärung über den Krieg von 1812, стр. 251.

⁶⁾ Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 г. I, стр. 64—65.

ступленіе совершилось только случайно, въ силу обстоятельств ¹⁾. Эти сужденія однакожь совершенно неосновательны въ отношеніи и войскъ, и крѣпостей, и магазиновъ.

Какъ изъ предшествовавшаго видно, число вновь сформированныхъ частей, не говоря уже о резервахъ, не ограничилось 76-ю баталіонами, поступившими въ 1811 г. въ составъ преобразованной арміи, и 36-ю баталіонами, сформированными въ 1812 г. изъ рекрутъ послѣдняго набора ²⁾; къ нимъ нужно еще прибавить многочисленныя третьи баталіоны, наибольшая часть которыхъ существовала передъ тѣмъ только на бумагѣ или вовсе не существовала. Но и не въ этомъ одномъ состояло умноженіе нашихъ силъ; оно заключалось также въ огромномъ увеличеніи численнаго состава арміи, который въ 1810 г. былъ столь слабъ, что не доставалъ и на половинное число тогдашнихъ боевыхъ едениць. Такъ въ корпусѣ Каменскаго, въ которомъ, при возобновленіи въ августѣ 1808 г. военныхъ дѣйствій, состояло 13 пѣхотныхъ полковъ, считалось, вмѣстѣ съ кавалеріею и артиллеріею, 10.500 чел., т. е. около 750 чел. на полкъ; въ другихъ корпусахъ Финляндской арміи, а также и въ арміи Молдавской численный составъ былъ не выше. Вообще при назначеніи въ 1810 г. Барклая министромъ, дѣйствительное число всѣхъ полевыхъ войскъ имперіи не превышало 200.000 чел. Въ 1812 году, хотя война на Дунаѣ и на Кавказѣ продолжалась и занятіе Финляндіи и Новороссійскаго края попрежнему поглощало цѣлую армію, на одномъ западномъ театрѣ войны было собрано 200.000 чел. въ первой линіи и 100.000 во второй. При тогдашнихъ обстоятельствахъ эти силы были громадны; онѣ уступали конечно силамъ Наполеона, но не слѣдуетъ забывать, что въ 450.000 арміи, первоначально вступившей въ Россію, считалось не болѣе 200.000 французовъ,—остальные были италіанцы, испанцы, голландцы, вестфальцы, пруссаки, австрійцы, поляки, баварцы, саксонцы и т. д. Къ тому же въ то время, какъ удостовѣряютъ Клаузевиць, Вольцогенъ, Евгенийъ Виртембергскій и др., никому и въ мысль не приходило, чтобы армія Наполеона могла достигнуть такихъ размѣровъ; такъ Вольцогенъ еще незадолго до войны высказалъ предположеніе, что число союзныхъ войскъ достигаетъ 160.000 чел. ³⁾, а наслѣдный принцъ Шведскій, недавній

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе отечественной войны I, стр. 148—149.

²⁾ Въ 12 новыхъ полкахъ.

³⁾ Записка отъ 30 января 1812 г., приложенная къ мемуарамъ Вольцогена.

маршалъ Франціи, знавшій средства своего бывшего повелителя утверждалъ въ началѣ 1812 года, что „войска Наполеона будутъ состоять изъ 250.000 чел., изъ которыхъ только 150.000 чел. пойдутъ въ дѣло, а остальные по необходимости останутся въ тылу“¹⁾. Что касается крѣпостей, то возведеніе ихъ требуетъ времени; понятно поэтому, что прежде всего слѣдовало озаботиться исправленіемъ и усиленіемъ тѣхъ, которыя уже имѣлись; изъ нихъ Рига, прикрывавшая ближайшую дорогу въ столицу, могла получить большое значеніе и, какъ извѣстно, не осталась безъ вліянія на ходъ дѣйствій. Динабургъ, вновь заложенный, не могъ быть оконченъ и оказать существеннаго вліянія на войну 1812 года; Бобруйскъ же принесъ большую пользу второй арміи, обезпечивъ ей переправу черезъ Березину, на которой она легко могла быть предупреждена маршаломъ Даву. Остается московская дорога. Нѣтъ сомнѣнія, что сильная крѣпость по этому пути поставила бы непріятеля въ немалое затрудненіе, но крѣпости, какъ уже сказано, не создаются. Барклай и самъ созналъ важность этого направленія въ то время, когда никто о немъ не помышлялъ, что ясно усматривается изъ его предписанія — Вольцогену относительно укрѣпленія Борисова; предпріятыя же вслѣдствіе сего работы по недостатку времени не могли достигнуть значительныхъ размѣровъ. Впрочемъ, въ то время о возможности отступленія въ глубь Россіи, кромѣ Барклая, никто и не думалъ. Напротивъ, дипломатическіе переговоры повели весной 1812 г. къ заключенію съ берлинскимъ кабинетомъ военной конвенціи, на основаніи которой наши войска должны были двинуться черезъ границу и соединиться съ пруссаками. Конвенція была уже условлена между прусскимъ военнымъ министромъ и Барклаемъ, который началъ приготовленія къ возможному выдвигенію русскихъ армій къ Вислѣ. Все это достаточно выясняетъ распоряженія военнаго министерства относительно магазиновъ, которые по необходимости должны были быть учреждены ближе къ границѣ, гдѣ они, вслѣдствіе продолжительнаго расположенія тамъ западныхъ армій, были большею частью израсходованы до начала войны. Но что сказать о выведенномъ отсюда заключеніи, будто отступленіе къ Москвѣ было дѣломъ случайнымъ. Конечно, отступленіе, а тѣмъ болѣе отступленіе во внутрь своего отечества не можетъ составлять такого рода желательную цѣль, которую главнокомандующій хотѣлъ бы достигнуть во что бы то ни стало; и нѣтъ сомнѣнія, что Барклай, заключая прусскую кон-

¹⁾ Деша барона Николай отъ 10 февраля 1812 г. Сношенія Россіи съ европейскими державами, А. Н. Попова.

венцію, не имѣлъ намѣренія отступить къ Москвѣ. Но намѣреніе это явилось, какъ только обстоятельства выяснились, какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что эта самая Пруссія заключила союзъ съ Франціею, когда обнаружилось, съ какими силами предстоитъ борьба. Тогда стало ему ясно, что нанесеніе противнику смертельнаго удара возможно только въ сердцѣ Россіи, и это убѣжденіе руководило всѣми его дѣйствіями съ той минуты, какъ управленіе арміи перешло въ его руки. Нѣтъ сомнѣнія, что памятникъ, который по выраженію Шуберта поставилъ себѣ Барклай „учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи“, можетъ въ одинаковой степени свидѣтельствовать о заслугахъ его по всѣмъ отраслямъ военнаго управленія.

Успѣху всѣхъ тогдашнихъ преобразованій не мало способствовало и близкое участіе, принятое въ нихъ самимъ монархомъ. Императоръ Александръ, въ высшей степени интересовавшійся всѣми новыми проектами, обсуждалъ ихъ со своимъ министромъ еще прежде, нежели они были разрабатываемы, и изъ докладовъ того времени видно, что многіе важные вопросы, по которымъ испрашивалось Высочайшее утвержденіе, уже были ему извѣстны. Вообще отношенія между этими двумя благородными личностями имѣли особый характеръ. Барклай никогда не принадлежалъ къ числу любимцевъ Государя и близкихъ ему людей; недоступный низкопоклонству, лести и интригамъ, онъ царедворцемъ и быть не могъ. Онъ стоялъ хотя и дальше другихъ отъ своего монарха, но несравненно выше: онъ пользовался въ рѣдкой степени его уваженіемъ. Это уваженіе составляло отличительную черту всѣхъ сношеній Императора Александра съ Барклаемъ, какъ официальныхъ, такъ и частныхъ; замѣчательно, что въ многочисленныхъ императорскихъ рескриптахъ на его имя нельзя найти ни малѣйшаго намека на какое-либо вознагражденіе за оказанныя или ожидаемыя услуги, тогда какъ въ подобныхъ документахъ того времени встрѣчаются весьма часто не только намеки такого рода, но и прямыя обѣщанія; достаточно вспомнить рескриптъ Кутузову, отъ 5-го апрѣля 1812 года, въ которомъ между прочимъ сказано: „нахожу приличнымъ, чтобы вы прибыли въ Петербургъ, гдѣ ожидаютъ васъ награжденія“. Въ частныхъ и личныхъ своихъ сношеніяхъ монархъ, обладавшій вообще обворожительною любезностью, высказывалъ Барклаю вниманіе, которое также выходило изъ обыкновеннаго. Это всего лучше усматривается изъ простыхъ рассказовъ самого Барклая въ его письмахъ къ женѣ. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ: „Маневръ, на которомъ я сегодня присутствовалъ, продолжался отъ 7-ми часовъ утра до 12-ти, и я много терпѣлъ отъ жары. Госу-

дарь, отправляясь на маневръ, оказалъ мнѣ милость захватить за мною въ своей коляскѣ, а при возвращеніи подвезти меня домой. По дорогѣ мы встрѣтились съ вдовствующей императрицею; Государь приказалъ остановиться и поднялся съ своего мѣста, чтобы отдать честь своей матери, стоя. Я стоялъ вправо отъ него, опершись раненною рукою къ краю коляски; Его Величество, замѣтивъ это, охватилъ меня своею правою рукою и сказалъ: „я поддержу тебя, побереги свою руку ¹⁾“. Подобными знаками своей особенной ко мнѣ милости Государь такъ щедръ, что я не нашелъ тутъ ничего необыкновеннаго; но постороннихъ оно поразило, и извѣстіе объ этомъ распространилось по городу, какъ бѣглый огонь ²⁾“. Со своей стороны Барклай питалъ къ императору Александру безпредѣльную преданность, въ которой не было и тѣни эгоизма. Слава монарха была ему всегда дороже собственной славы, и для пользы его онъ готовъ былъ принести всякую жертву. Это чувство никогда его не покидало; даже въ ту эпоху 1812 года, когда, не признанный и оскорбленный, онъ покинулъ армію, Барклай не позволялъ себѣ говорить объ Императорѣ иначе, какъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, и это не только въ присутствіи постороннихъ, но и въ интимныхъ письмахъ къ женѣ, въ которыхъ были излиты всѣ горькія чувства, наполнявшія тогда его душу. Таковая же почтительность встрѣчается также въ дневникѣ Барклая и доказываетъ, до какой степени этотъ человѣкъ, презиравшій низкопоклонство и лесть, въ то же время былъ проникнутъ благоговѣніемъ къ лицу монарха.

Отношенія Барклая къ обѣимъ Императрицамъ, Маріи Теодоровнѣ и Елизаветѣ Алексѣевнѣ, имѣли подобный же характеръ; сохранившіяся собственноручныя ихъ письма служатъ тому свидѣтельствомъ. Для примѣра приводимъ два изъ нихъ, полученныя Барклаемъ въ концѣ описываемой эпохи, когда онъ уже находился въ Вильнѣ въ званіи главнокомандующаго. Письмо вдовствующей Императрицы отъ 10 іюня 1812 г. изъ Павловска заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „Съ удовольствіемъ прочла я Ваше письмо отъ 5 сего мѣсяца и чрезвычайно обрадовалась, что Вамъ пріятно было получить вещи, отправленныя мною въ войска. Будьте увѣрены, что я нахожу особенное утѣшеніе въ томъ, чтобы содѣйствовать, на сколько отъ меня зависитъ, къ облегченію участи нашихъ храбрыхъ воиновъ и высказать имъ мою признательность за ихъ любовь и вѣрность Государю, моему любезнѣйшему сыну. Если бы

¹⁾ Въ то время честь отдавалось лѣвою рукою.

²⁾ Письмо Барклая къ женѣ отъ 17-го іюня 1811 года.

понадобились какіе-либо другіе предметы или другого рода помощь, то прошу Васъ, располагайте мною; я Вамъ буду искренно обязана, если Вы мнѣ доставите случай быть полезною. Твердо уповая, что усердіе и храбрость войскъ, способности и достоинства начальниковъ и правота нашего дѣла не будутъ оставлены Провидѣніемъ безъ поддержки, я ежедневно молюсь объ успѣхѣ Вашихъ усилій и о ниспосланіи небеснаго благословенія на предпріятія Императора, клонящіяся ко благу человечества. Примите также мои искреннія пожеланія къ сохраненію Вашего здоровья, въ которомъ я принимаю живѣйшее участіе, и вѣрьте чувствамъ уваженія и расположенія, съ которыми остаюсь благоволящая къ Вамъ Марія“. Письмо императрицы Елизаветы, отъ 15 іюня изъ Каменнаго острова, имѣетъ подобное же содержаніе: „Съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣла я изъ Вашего письма отъ 5 іюня, что вещи, предназначенныя мною въ госпитали арміи, уже доставлены; благодарю Васъ за это извѣщеніе. Сожалѣю, что я должна ограничиться столь слабымъ доказательствомъ моей любви и моего участія къ арміи, храбрѣйшей и лучшей во всемъ свѣтѣ; я почла бы себя счастливою, если бы могла оказать ей болѣе дѣйствительную помощь. Ваши попеченія о ней и та доля ея славы, которая принадлежитъ Вамъ, доставляютъ мнѣ двойное удовольствіе выразить Вамъ эти чувства. Возсылаю къ небу самыя теплыя молитвы о благоденствіи и успѣхѣ какъ арміи, такъ и Вашемъ въ особенности. Виолнѣ къ Вамъ расположенная Елизавета“.

Между тѣмъ грозовыя тучи, собиравшіяся на политическомъ горизонтѣ Европы, какъ Наполеонъ и ни старался скрывать ихъ различными оптическими обманами, стали видимо приближаться къ нашимъ границамъ.

По мѣрѣ того, какъ отношенія Александра къ Наполеону стали охлаждаться, С.-Петербургскій кабинетъ долженъ былъ естественно озаботиться пріисканіемъ союзниковъ. Но въ этомъ отношеніи обстоятельства намъ мало благопріятствовали. На югѣ все еще продолжалась война съ Турціею; на сѣверѣ миръ едва только былъ заключенъ и надѣяться на расположеніе Швеціи, послѣ отнятія у нея Финляндіи, было невозможно. Австрія, послѣ Эрфутскаго конгресса, выказывала намъ мало дружелюбія; Пруссія находилась въ такой зависимости отъ Франціи, что не могла дѣйствовать по собственному влеченію. Такимъ образомъ, на оконечностяхъ нашей европейской границы, такъ сказать на флангахъ нашего боевого расположенія, можно было ожидать отъ сосѣдей только враждебныхъ дѣйствій; а въ центрѣ, предъ нашимъ западнымъ фронтомъ, хотя перспектива представлялась болѣе успокоительною, но и съ

этой стороны нельзя было рассчитывать на содѣйствіе пограничныхъ монархій. Вскорѣ однакожь всѣ эти предположенія оказались невѣрными: государства, отъ которыхъ, въ случаѣ разрыва съ Франціею, намъ угрожала, повидимому, опасность, заключили миръ и союзъ, а державы, расположеніе которыхъ казалось болѣе обезпеченнымъ, выставили противъ насъ свои войска.

Война съ Турціею тянулась уже съ 1806 года. Она велась безъ энергіи и одновременно съ мирными переговорами. Вмѣшательство другихъ государствъ только портило дѣло; какъ Франція, взявшаяся за примиреніе обѣихъ сторонъ, такъ и Австрія, посредничество которой было отвергнуто, только возбудили Порту противъ Россіи и подбивали ее не дѣлать уступокъ. Съ другой стороны, признанное Наполеономъ и громко возвѣщенное имъ присоединеніе Дунайскихъ княжествъ къ Россіи какъ бы вынуждало Императора Александра настаивать на приобрѣтеніи этихъ давно уже занятыхъ провинцій¹⁾. Между тѣмъ возраставшія несогласія съ Франціею требовали сосредоточенія большихъ силъ на западѣ и прекращенія войны. „Въ виду тѣхъ замысловъ, которые питаетъ противъ насъ Императоръ Наполеонъ“, писалъ въ началѣ 1811 года князь Курякинъ, „миръ съ Турціею и союзъ съ Австріею и Пруссіею не былъ бы ли гораздо полезнѣе для насъ, нежели приобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи“²⁾. Въ такомъ же смыслѣ доносилъ и Чернышевъ изъ Парижа, а также другіе представители Россіи при европейскихъ дворахъ. Но всѣхъ болѣе былъ заинтересованъ Барклай, который, по званію военнаго министра, а впослѣдствіи и главнокомандующаго, ежедневно испытывалъ, до какой степени безконечная война на югѣ затрудняла и тормозила всѣ административныя и военныя распоряженія на западѣ. Въ замѣткахъ его встрѣчаются весьма рѣзкія порицанія политики, стремящейся, вопреки видимой опасности отечества, къ бесполезнымъ приобрѣтеніямъ. Неудовольствіе его было также въ сильной степени возбуждено беспорядками и злоупотребленіями въ управленіи Дунайской арміи и жалобами туземцевъ на притѣсненія со стороны нашихъ войскъ, что онъ приписывалъ старости и слабости тогдашняго главнокомандующаго Кутузова, нравственныя правила котораго ему также не внушали довѣрія. Барклай не скрывалъ этого отъ императора, и въ одномъ изъ его донесеній мы читаемъ: „Уже нѣсколько разъ я съ сожа-

¹⁾ Присоединеніе Дунайскихъ княжествъ къ Россіи было признано Наполеономъ въ Эрфуртѣ и возвѣщено имъ законодательному собранію въ послѣдовавшей вскорѣ затѣмъ тронной рѣчи.

²⁾ Сношенія Россіи съ европейскими державами. А. Н. Попова.

лѣніемъ до свѣдѣнія Вашего Величества о томъ, какими способами производится содержаніе войскъ и снабженіе ихъ продовольствіемъ въ Молдавіи, и вообще о происходящихъ тамъ недостойныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ“¹⁾. Но въ большей еще степени тревожило Барклая невыгодное вліяніе этой войны въ стратегическомъ отношеніи. „При сомнительномъ положеніи Австріи“, писалъ онъ изъ Вильны, „вторая армія не можетъ выдвинуться далеко впередъ, потому что австрійцы оставались бы со своими двусмысленными дѣйствіями на флангъ и даже въ тылу ея. Если бы мы не имѣли на рукахъ войны съ Турціею, то нашъ лѣвый флангъ былъ бы обезпеченъ частью Дунайской арміи. Вглядываясь въ положеніе этого фланга, я каждый разъ сокрушаюсь при видѣ затрудненій, проистекающихъ отъ продолженія войны съ турками“²⁾. Императоръ Александръ самъ желалъ мира и сознавалъ его необходимость, но только требованія его дотога расходились съ условіями, предложенными Портою, что трудно было достигнуть соглашенія³⁾.

Къ тому же эти требованія не соответствовали положенію дѣлъ на театрѣ войны. Бессарабія, Молдавія и Валахія находились, правда, въ нашихъ рукахъ уже съ 1806 года, но послѣдовавшія затѣмъ дѣйствія фельдмаршала Прозоровскаго, кн. Багратіона и гр. Каменскаго не были настолько успѣшны, чтобы вынудить Порту къ принятію нашихъ условій. Между тѣмъ оказалось нужнымъ отозвать съ театра войны пять дивизій для усиленія войскъ на западѣ; понятно, что задача новаго главнокомандующаго стала теперь несравненно труднѣе. Новый главнокомандующій этотъ былъ Кутузовъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ лучшій выборъ едва-ли возможно было сдѣлать. Съ уменьшеніемъ числа войскъ почти на половину о наступательныхъ дѣйствіяхъ нельзя было помышлять; нужно было ограничиться сохраненіемъ прежнихъ пріобрѣтеній, пользоваться ошибками непріятели и стараться искуснымъ веденіемъ переговоровъ убѣдить его въ бесполезности войны. А потому отъ новаго вождя требовалось не столько дарованій полководца, сколько талантовъ тонкаго политика и ловкаго дипломата. Этими-то качествами Кутузовъ обладалъ въ рѣд-

¹⁾ Письмо Барклая отъ 31 марта 1812 года.

²⁾ Письмо отъ 9 апрѣля 1812 года.

³⁾ Императоръ Александръ требовалъ Бессарабію и Дунайскія княжества, Анапу, признанія Христіанскихъ закавказскихъ провинцій — принадлежащими Россіи и т. д., а Порта соглашалась на миръ на основаніи *status quo ante bellum*.

кой степени, и благодаря имъ былъ заключенъ 16 (28 мая), хотя не на такихъ условіяхъ, какъ думали, столь необходимый для Россіи миръ.

Швеція, обезсиленная войною и внутренними смутами, мало тревожила нашъ кабинетъ. Но смерть герцога Зюдерманландскаго и неожиданное избраніе маршала Бернадота наслѣдникомъ шведскаго престола измѣнили положеніе дѣлъ. Избраніе это имѣло тѣмъ болѣе значенія, что, при старости и болѣзненности Карла XIII, управленіе государствомъ должно было перейти въ руки наслѣднаго принца, извѣстнаго не только своими военными дарованіями, но и самостоятельностью характера; съ другой стороны выборъ французскаго маршала нельзя было не приписать вліянію Наполеона. Вскорѣ однакожь обнаружилось противное; выборъ Бернадота далъ французскому императору поводъ относиться къ нему какъ къ подчиненному; при географическомъ же положеніи Швеціи, его угрозы были безопасны и могли только возбудить Бернадота противъ него. Такъ и случилось. Понимая, что единственное государство, отъ котораго шведской территоріи могла угрожать опасность, была соприкосновенная ей Россія, Бернадотъ старался, вопреки вѣковой политикѣ Швеціи, снискать расположеніе Императора Александра, союзъ съ которымъ могъ имѣть послѣдствіемъ пріобрѣтеніе Норвегіи; кромѣ того и континентальная система, непремѣнное условіе французскаго союза, разоряла Швецію и вынуждала ее измѣнить свою политику. При такихъ условіяхъ, сближеніе между Стокгольмскимъ и С.-Петербургскимъ кабинетами повело скорѣ къ союзному договору, которымъ Швеція обязалась, взявъ обѣщанной ей Норвегіи, выставить противъ Франціи и ея союзниковъ отъ 25 до 30 тысячъ войскъ. Договоръ былъ подписанъ въ Петербургѣ 24 марта (5 апрѣля) 1812 года, при чемъ было постановлено пригласить къ союзу и Англию. Тогда же былъ отправленъ въ Стокгольмъ генералъ Сухтеленъ, съ порученіемъ вступить въ переговоры съ прибывшимъ туда дипломатическимъ агентомъ Англии и условиться съ наслѣднымъ принцемъ о будущихъ совокупныхъ дѣйствіяхъ шведско-русскаго корпуса въ сѣверной Германіи.

Политика Австріи имѣла для насъ первостепенное значеніе, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторой зависимости отъ нея находились и рѣшенія сосѣдней ей Пруссіи. Склонить эту политику въ нашу пользу, когда управленіе ею перешло въ руки Меттерниха, сдѣлалось невозможнымъ. Глава вѣнскаго кабинета считалъ напротивъ сближеніе Франца I съ Наполеономъ и разрывъ послѣдняго съ Александромъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для возвращенія Австріи того положенія въ Европѣ, которое она занимала прежде. Чтобы востор-

жествовать надъ предубѣжденіями своего монарха, достаточно было напомнить ему Эрфуртъ и указать на Дунайскія княжества, приобрѣтеніе которыхъ Россіею сдѣлается, по словамъ Наполеона, „Австрію постояннымъ врагомъ ея“¹⁾. Меттернихъ, незамѣтно возбуждая Наполеона противъ Императора Александра, намекалъ на возможность союза съ Австріею и предлагалъ даже свое содѣйствіе привлечь къ этому союзу Порту и Швецію. Наконецъ, 2 (14 марта) 1812 года австрійскимъ посломъ въ Парижѣ Шварценбергомъ былъ заключенъ союзный договоръ, обязавшій Австрію выставить прочивъ Россіи вспомогательный корпусъ изъ 24.000 чел. пѣхоты, 6.000 кавалеріи и 60 орудій, съ такимъ расчетомъ, чтобы съ 1-го мая въ 15 дней онъ могъ быть собранъ въ Львовѣ²⁾. Извѣстіе объ этомъ пришло въ Петербургъ не изъ Парижа и не изъ Вѣны, а изъ Стокгольма, гдѣ австрійскій посланникъ, согласно полученнымъ прямо отъ Шварценберга инструкціямъ, долженъ былъ пригласить къ союзу Швецію и обѣщать ей возвращеніе Финляндіи; однакожъ Бернадотъ не только отказался отъ всякаго участія въ этомъ, какъ онъ выразился—„скверномъ союзѣ“³⁾, но и поспѣшилъ сообщить о всемъ генералу Сухтелену. Эта неожиданность не смутила Меттерниха; онъ нашелъ даже возможнымъ успокоить нашего посланника въ Вѣнѣ увѣреніемъ, что „жертва“, принесенная Австріею, вынуждена крайнею необходимостью, что между обоими правительствами можетъ быть сохранено доброе согласіе и что, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, 200.000 войскъ, остающіяся въ распоряженіи Императора Франца, могутъ „послужить съ пользою для Россіи, какъ угроза для Франціи при будущихъ мирныхъ переговорахъ“⁴⁾. Такимъ образомъ, дальновидный дипломатъ, съумѣвшій вывести Австрію изъ враждебнаго къ Франціи положенія въ положеніе державы дружественной, а затѣмъ и союзной, уже тогда предвидѣлъ возможность той обратной политики, которой онъ послѣдовалъ годъ спустя, когда онъ столь же искусно возвратился изъ отношеній союзныхъ въ отношенія нейтральныя, а, наконецъ, и враждебныя.

Пруссія находилась въ другомъ положеніи; поставленная между

¹⁾ Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войною 1812 г. А. Н. Попова.

²⁾ Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войною 1812 г. А. Н. Попова.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Сношенія Россіи съ европейскими державами. А. Н. Попова.

двумя огнями, она по необходимости должна была присоединиться къ той или другой сторонѣ. Стремленія народа были въ пользу Россіи, которая одна могла освободить его отъ тяжелаго, постыднаго ига; но чувство самосохраненія, особенно сильное у короля и его приближенныхъ, естественно влекло къ Франціи, союзъ съ которою вѣрнѣе обезпечивалъ цѣлость сохранившихся владѣній. Въ столь затруднительномъ положеніи Фридрихъ-Вильгельмъ III незамѣтно возвратился къ двойственной политикѣ 1805 года. Въ одно и то же время были поведены тайные переговоры съ Россіею и Франціею, дошедшіе до того, что въ концѣ 1811 года ¹⁾ была заключена военная конвенція въ Петербургѣ, а въ началѣ 1812 года ²⁾ состоялся союзный договоръ въ Парижѣ.

Такимъ образомъ геніальному корсиканцу удалось ополчить всѣ націи континентальной Европы противъ единственнаго народа, сохранившаго свою самостоятельность: въ то время какъ италіянцы и тирольцы спускались съ Апеннинскихъ, а испанцы и португальцы съ Пиренейскихъ Альпъ, какъ голландцы и вестфальцы, франки и швабы, баварцы и саксонцы снаряжали свои контингенты, какъ французы легіонами валили въ Германію, а поляки толпами вооружались въ пользу своего мнимаго освободителя,—и послѣднія двѣ, недавно еще столь могущественныя державы, имѣвшія нѣкоторую независимость, нашлись также вынужденными обнажать свой мечъ противъ прежняго союзника и друга.

Между тѣмъ Наполеонъ не переставалъ успокоительными увѣреніями отклонять Россію отъ приготовленій къ войнѣ. Любезности его къ флигель-адъютанту Чернышеву не знали границъ; онъ бралъ его даже за ухо—высшее выраженіе Наполеоновскаго благоволенія—увѣряя честнымъ словомъ (въ 1811 году), что не сдѣлаетъ на насъ нападенія въ продолженіе 4 лѣтъ, и отправилъ его на другой день по заключеніи съ Пруссіею союза въ Петербургъ со словами: „я положительно Васъ увѣряю, что не начну съ Вами войны въ этомъ году“. Но всѣ эти увѣренія не обманули прозорливаго Чернышева, зорко слѣдившаго за всѣми распоряженіями французскаго императора и доносившаго о нихъ въ Петербургъ. Такой же системы обмана и лжи держалась также внѣшняя политика Наполеона. „Передовые отряды италіанской арміи уже находятся въ Мюнхенѣ“, писалъ герцогъ Бассано посланнику въ Петербургъ, „и повсюду производится общее движеніе войскъ. Ста-

¹⁾ 5 (17) октября.

²⁾ 12 (24) февраля.

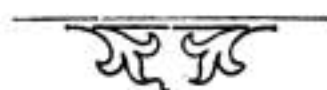
райтесь при всякомъ случаѣ заявлять, что если будетъ война, то въ этомъ виновата сама Россія“¹⁾).

Не таковы были дѣйствія Императора Александра. Искренно желая предотвратить бѣдствія войны, онъ былъ готовъ на уступки, незатрогивавшія чести и достоинства государства. Для сохраненія мира онъ пожертвовалъ конвенціею о польскомъ вопросѣ, предоставилъ разрѣшеніе Ольденбургскаго дѣла самому Наполеону и изъявилъ даже готовность измѣнить статьи тарифа, казавшіяся невыгодными и оскорбительными для Франціи. Затѣмъ онъ имѣлъ право писать Наполеону: „Если начнется война, то только потому что Вы ее желали; употребивъ всѣ усилія, чтобы предотвратить ее, я съумѣю сражаться и дорого продамъ свое существованіе“²⁾. Безукоризненность политики Императора Александра была признана и новымъ посломъ Наполеона, который, подобно своему предшественнику, не могъ найти въ ней того, чего желалъ ихъ повелитель. „Я могу видѣть только то, что дѣйствительно вижу, и описывать то, что вижу“, доносилъ въ началѣ 1812 года Лористанъ своему правительству. Положеніе дѣлъ таково, какъ я его описывалъ, и если не хотите удовлетвориться единственно возможными уступками, то будетъ война и будетъ потому, что Вы сами ее хотите. Но эта война будетъ ужасная, судя по всему тому, что я вижу и что замѣтилъ на моемъ пути“.

Такъ началась воинственная эпопея, кончившаяся общимъ замиреніемъ лишь въ октябрѣ 1815 г., когда виновникъ ея былъ отвезенъ плѣнникомъ на островъ Св. Елены.

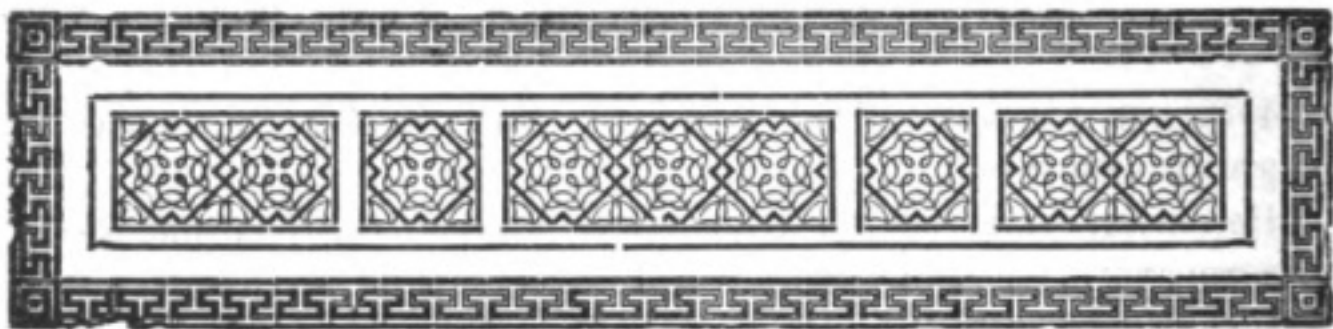
В. В—нъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Депеша отъ 25 февраля 1812 г. Сношенія Россіи съ европейскими державами. А. Н. Попова.

²⁾ Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войною 1812 г. А. Н. Попова.

Въ Румыніи передъ войной 1877 г.

II ¹⁾.

Восѣщая страны Балканскаго полуострова, преимущественно славянскія, я такъ съ ними освоился, что вездѣ былъ какъ дома, въ обстановкѣ, мнѣ близко знакомой. Немудрено поэтому, что дѣло въ моихъ рукахъ спорилось, и я быстро и точно выполнялъ возлагаемыя на меня порученія. Это была система милутино-обручевскаго направленія дѣятельности офицеровъ генеральнаго штаба. Не имѣй я возможности со всѣмъ близко познакомиться заблаговременно, я дѣйствовалъ бы какъ въ потемкахъ, нерѣшительно и вяло, теряя массу времени для предварительнаго ознакомленія съ людьми и обстановкой, въ условіяхъ которыхъ приходится работать. Какъ человѣка, привыкшаго къ спертому воздуху, свѣжій просторъ опьяняетъ, такъ и офицеръ генеральнаго штаба, воспитанный среди шкафовъ и столовъ и мирно-военной лагерной службы, совершенно растеряется, когда вдругъ будетъ поставленъ дѣйствовать въ жизненной обстановкѣ.

То, что мною выяснено, справедливо въ примѣненіи не къ однимъ только отдѣльнымъ личностямъ, но и къ цѣлымъ штабамъ. Примѣромъ можетъ служить полевой штабъ дѣйствующей арміи, заслужившій названіе секретнаго. Взятому изъ тропическаго прозябанія, ему все казалось неожиданнымъ, неблагоприятнымъ, опаснымъ. Въ результатъ полное отсутствіе способности чѣмъ-либо своевременно распорядиться. Выходило много курьезовъ, справедливо питавшихъ общественный юморъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1912 г.

Стратегическимъ центромъ Румыніи является Бухарестъ. Между тѣмъ какъ же такъ вышло, что мы по конвенціи обязались не только не имѣть тамъ никакого военнаго управленія и не только лишили себя права расквартированія своихъ войскъ, но и прохожденія по городскимъ улицамъ. Подходившія наши колонны приходилось направлять въ обходы. Ни о продовольственныхъ пунктахъ, ни о госпиталяхъ и лазаретахъ не было сдѣлано никакихъ распоряженій. Какъ будто съ заключеніемъ контракта съ еврейскимъ триумвиратомъ всѣ заботы о войскахъ переходили на ихъ обязанность. Но триумвиры думали только о своей личной выгодѣ и для увеличенія удобствъ войсковыхъ частей и удовлетворенія ихъ крайнихъ нуждъ не считали себя обязанными ударять палецъ о палецъ. Въ то время какъ Малая Валахія была покрыта стогами урожайнаго сѣна, продававшася за ничто, компанія требовала возвышенія цѣны на сѣно, которое предполагала выписывать изъ Россіи.

Курьезный случай вышелъ съ продовольствіемъ и фуражемъ, заготовленнымъ контрагентами на дорогѣ къ югу отъ Бухареста для колонны генерала барона фонъ-Дризена. Войска пришли на ночлежный пунктъ и ничего нигдѣ не нашли. Пользуясь близостью къ Бухаресту, баронъ Дризенъ пріѣзжаетъ ко мнѣ. Я требую къ себѣ Когана съ тѣми распоряженіями полевого штаба, на основаніи которыхъ онъ дѣлалъ заготовки. Оказывается въ его рукахъ самое подробное маршрутное и дислокаціонное росписание, собственно-ручно писанное генераль-квартирмейстеромъ, составлявшее для войскъ непроницаемую тайну. Въ росписаніи стоитъ Адунаци, но этихъ Адунаць три: Коначени, Дежось и Дазусъ. Товарищество устроило складъ при первомъ изъ нихъ, какъ для себя удобнѣйшемъ. Между тѣмъ сосѣдняя рѣченка разлилась и отдѣлила склады отъ расположенія войскъ. Чтобы какъ-нибудь выйти изъ затруднительнаго положенія, условились: сейчасъ войска возьмутъ провіантъ и фуражъ собственными средствами, а Коганъ сдѣлаетъ распоряженіе о немедленной перевозкѣ всего склада въ расположеніе войска.

По улицамъ Бухареста все чаще и чаще стали бродить команды слабыхъ, которыхъ отбрасывали отъ себя проходившія колонны, направляя ихъ въ госпиталь, въ полной увѣренности, что таковыя гдѣ-нибудь да устроены въ большомъ городѣ. Пришлось выпрашивать помѣщеніе нашихъ больныхъ въ румынскомъ госпиталѣ Фиварста, гдѣ устраивать и свои отдѣленія; приткнуться въ казармахъ Кузы для проходящихъ командъ. Въ то же время насѣхъ образовывались помѣщенія въ Контрочекахъ и для Краснаго Креста.

Бывали случаи серьезнаго недоразумѣнія, которые, къ счастью оканчивались благополучно. Одинъ разъ мнѣ сообщаютъ, что арестованъ турецкій шпионъ подъ вымышленнымъ именемъ негоціанта Любы, а это оказался нашъ капитанъ 2 ранга Новосельскій. Въ другой разъ приходитъ ко мнѣ почтенное лицо, въ полномъ отчаяніи. Имѣеть, говорить, порученіе государственной важности и не можетъ его выполнить, между тѣмъ ему строго запрещено кому бы то ни было о порученіи говорить. Оказалось, что рѣчь идетъ о заблаговременномъ устройствѣ проѣзда Императорской главной квартыры къ Зимницѣ. И его дѣло пришлось взять въ свои руки. Былъ у меня и гвардейской конной артиллеріи штабъ-ротмистръ Квитницкій, въ роли офицера генеральнаго штаба, получившій приказаніе о доставкѣ къ Дунаю осадной артиллеріи. Попутно былъ сдѣланъ и заемъ каменнаго угля для дунайской флотиліи. Былъ и инженеръ-капитанъ Ивановъ, съ величайшимъ секретомъ направленный въ Карпаты для заготовленія на верховьяхъ Ольту понтоновъ и лѣса для плотовъ. Были и военные врачи, собиравшіе санитарныя данныя, тоже съ величайшими секретами. Было очень много, и всѣ прошли мои руки. Всѣ получали въ полевомъ штабѣ арміи напутствіе приблизительно такого содержанія: извольте отправиться туда-то и немедленно приступить къ выполненію возложеннаго на Васъ порученія, но предварительно, съ соблюденіемъ величайшей тайны!

Призрачныя опасенія какихъ-то нескромностей, шпионства, предательства, къ сожалѣнію, весьма часто сильно вредили дѣлу, до крайности изолировали нашу дѣятельность, нерѣдко лишая важныхъ преимуществъ. Мнѣ чрезвычайно было жаль потери сотрудничества инженера Юліуса, извѣстнаго въ Турціи картографа-сотрудника Каница, которому отказали все изъ-за тѣхъ же опасеній. Юліусъ не только предлагалъ богатый матеріалъ, имъ собранный для составленія карты Европейской Турціи, но и былъ готовъ исполнить эту работу, если бы для этого даже потребовалось собраніе дополнительныхъ свѣдѣній на мѣстѣ. Онъ имѣлъ большую семью, изъ-за которой принялъ турецкую службу дорожнаго инженера, но, какъ христіанинъ, былъ только-что отставленъ отъ службы и терпѣлъ большія лишенія. Всѣ его условія сводились къ обезпеченію семьи въ Россіи, а себѣ просилъ вознагражденія по заслугамъ.

Чтобы оцѣнить, какую непоправимую ошибку мы сдѣлали, отказавшись отъ улучшенія картъ страны, достаточно сказать, что, несмотря на всевозможныя усилія, мы имѣли ихъ весьма мало удовлетворительными. Составлены онѣ были по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, поверхностнымъ рекогносцировкамъ прежняго времени и

даннымъ австрійскаго источника. Чтобы воспользоваться скудными свѣдѣніями, мною былъ составленъ и отпечатанъ сборникъ маршрутовъ и переваловъ Балканской зоны. Генеральнаго штаба капитанъ Протопоповъ мнѣ говорилъ, что безъ указаній сборника его рекогносцировка не удалась бы, и колонна генерала Дандевилля не перешла бы Балканы.

Не мало хлопотъ было съ устройствомъ артиллерійскаго депо со складомъ пороха и огнестрѣльныхъ снарядовъ. Послѣ тщательныхъ поисковъ въ окрестностяхъ Бухареста наши офицеры остановились на мѣстности къ западу отъ города. Но оказалось, что по сосѣдству находился дѣтскій сиротскій пріютъ, состоявшій подъ непосредственнымъ покровительствомъ княгини. Въ тотъ же день явился ко мнѣ вице-предсѣдатель мѣстнаго человѣколюбиваго общества и Краснаго Креста, главный медикъ румынской арміи. Они описали состояніе ужаса княгини за жизнь питомцевъ до того яркими красками, что пришлось тотчасъ отмѣнить уже сдѣланныя распоряженія и самому выѣхать на мѣсто въ сопровожденіи румынскаго представителя. На слѣдующій же день все было улажено, выбрана мѣстность и послѣдовало соглашеніе съ мѣстной властью. Я имѣлъ возможность послать въ Плоэшти на имя князя Масальскаго, начальника артиллеріи дѣйствующей арміи, телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Баракы для артиллерійскаго склада будутъ устроены румынскимъ правительствомъ, которое дѣлаетъ все безъ всякихъ предва-вительныхъ условій, полагаясь на мою оцѣнку. Думаю, что баракы обойдутся не свыше десяти тысячъ франковъ. Если вѣтвь желѣзной дороги къ складу обойдется тоже не свыше десяти тысячъ франковъ, то полагаю ее устроить, ибо наемъ подводъ едва-ли будетъ стоить дешевле. Прошу прислать сапера для устройства громоотводовъ“.

Удостоверяю полную готовность румынскаго правительства во всемъ намъ служить. Не было случая, чтобы оно не только въ чемъ-либо намъ отказывало, но напротивъ все старалось идти навстрѣчу нашимъ желаніямъ. При этомъ выказывало большую любезность. Даже такая вещь, какъ устройство конскаго депо, вызвало предложеніе воспользоваться ихъ учрежденіемъ, нѣчто въ родѣ государственнаго завода. По этому поводу я телеграфировалъ въ Плоэшти генералу Непокойчицкому: „Для устройства конскаго депо я предложилъ Квитницкому или Дерфельдену осмотрѣть мѣста къ югу отъ Слатины, которыя предлагаются намъ занять съ этою цѣлью румынскимъ правительствомъ“.

Весь періодъ наступленія къ Дунаю съ занятіемъ Румыніи и устройствомъ временной базы далеко не отличался стройнымъ вы-

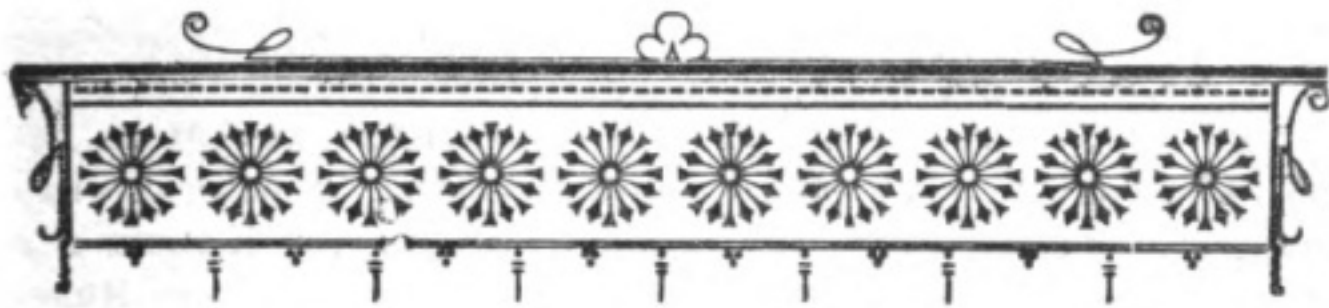
полненіемъ заблаговременно разработаннаго плана войны. Полевой штабъ дѣйствующей арміи помнилъ только о среднемъ Дунаѣ, указанномъ ему еще въ Петербургѣ для избранія пункта переправы, чтобы выйти на зону шоссе и появиться въ ближайшемъ разстояніи отъ центральнаго Балкана, гдѣ группа удобнѣйшихъ переваловъ обѣщала болѣе легкій доступъ въ южную Болгарію. Это была главная цѣль, все остальное ей подчинялось. Но и эта главнѣйшая задача вовсе не была надлежащимъ образомъ разработана. Напрасно группа офицеровъ генеральнаго штаба по собственной инициативѣ обсуждала обстановку надвигавшейся войны и предстояшія операціи на театрѣ военныхъ дѣйствій, напрасно обращалась къ генераль-квартирмейстеру за инструкціями, тщетно домогалась своей специальной работы.

Безпристрастно вникая въ сущность дѣла, справедливость требуетъ отклоненія большинства горячихъ нареканій на бездѣятельность и неспособность стоявшихъ у дѣла. Да, они не проявили особыхъ воинскихъ дарованій, даже не представили въ своихъ распоряженіяхъ равновѣсія ума, познаній и характера; но дѣйствительную вину все-таки слѣдуетъ отнести не къ личностямъ, а къ системѣ и организаціи военнаго дѣла. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, становится очевидною необходимость еще въ мирное время быть въ совершенной готовности на всѣхъ театрахъ войны, въ такомъ обиліи и разнообразіи прилегающихъ къ государственнымъ границамъ. Военные таланты всегда были, есть и будутъ, но воплощеніе ихъ до безконечности разнообразно. Для того, чтобы дарованія свободно развивались и были бы способны проявиться съ особою силою, необходимо, чтобы сама форма, организація, къ тому благопріятствовала. Между тѣмъ, хотя для военнаго дѣла было сдѣлано чрезвычайно много, но нравственной стороны не уберегло. Воинскій духъ во многомъ былъ угашенъ.

Г. И. Бобриковъ.

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1806 г.¹⁾

27 ноября. Вторникъ. Всталъ поздно около 9 часовъ и поѣхалъ во дворецъ. Императрица также встала поздно, и я попалъ во-время. Сегодняшняя газета приводила извѣстiе изъ Кенигсберга, что перемирие заключено между Пруссiею и Францiей.

Послѣ обѣда возвратился во дворецъ, и мы занимались духовнымъ завѣщанiемъ. Возвратившись домой около 9 часовъ, я сталъ переписывать его набѣло. Сегодня Императрица сообщила (и то же повторилъ Роджерсонъ и Крейтонъ) извѣстiе, что французскiй посолъ въ Вѣнѣ объявилъ: что въ Богемiи число войскъ должно быть уменьшено, а всякое увеличенiе будетъ принято за объявленiе войны, равно какъ и выѣздъ эрцъ-герцога Карла изъ Вѣны. Крейтонъ выводилъ изъ этого весьма правдоподобное заключенiе, что Бонапартъ намѣренъ до нападенiя на насъ обрушиться всѣми силами на Австрию и раздавить ее, и ищетъ для того предлогъ, а потомъ обратится на насъ черезъ Галицiю, чтобы двинуться между нашими двумя армiями. Послѣдняя часть его заключенiя, и я высказывалъ это еще ранѣе, что Бонапартъ вмѣсто атаки съ фронта-можетъ обойти черезъ Силезiю и Галицiю и разъединить наши армiи, войдя въ страну, гдѣ его не ожидаютъ. Я сидя дома писалъ духовное завѣщанiе и былъ прерванъ извѣстiемъ о пожарѣ.—Горѣли въ концѣ Невскаго хлѣбные магазины.

28 среда. Сегодня у Императрицы были приглашенные къ обѣду,

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1912 г.

въ томъ числѣ и я, а послѣ обѣда она пригласила къ себѣ въ кабинетъ камергера Сергія Михайловича Голицына. За обѣдомъ было много разговоровъ о должностяхъ при дворѣ Великой Княжны и о лицахъ, которыя должны были ихъ занять. Я полагаю, что Императрица, позвавъ въ кабинетъ Голицына, желала ему предложить какую-либо должность, но не могъ угадать кому, наконецъ я вспомнилъ о Великой Княгинѣ Аннѣ Павловнѣ и думаю, что его хотятъ назначить гофмейстеромъ ея. Утромъ я получилъ отъ графа Кочубея постановленія послѣднихъ уѣздовъ Тверской губерніи относительно согласія дворянства устроить при Екатерининскомъ институтѣ въ Москвѣ—Тверское отдѣленіе вмѣсто новаго института, который дворянство хотѣло основать въ Твери. Приговоры другихъ уѣздовъ уже были получены ранѣе. Дворянство ассигновало для этой цѣли капиталъ въ 127 т. руб., положенный на проценты и который возросъ теперь до 136 т., и этотъ капиталъ даетъ въ годъ 6.800 руб. (считая по 5⁰/₀ на сто), и конечно этотъ доходъ не достаточенъ для содержанія института, но хватитъ для отдѣленія. Сегодня вечеромъ я окончательно перечиталъ духовное завѣщаніе Императрицы, что меня заняло до 2-хъ часовъ ночи.

29-го. Четвергъ. Императрица сказала мнѣ, что въ газетахъ есть извѣстіе о присоединеніи къ Франціи—Гамбурга, что Любекъ разграбленъ, и французы устроили за городомъ вродѣ рынка, продавая награбленное; что Мекленбургъ разоренъ ими, и что они говорили: вотъ выгода русскаго протекторіата; что они объявили блокаду Британскихъ острововъ, воспрещая входъ туда всѣмъ судамъ; что они объявили прокламацію въ Польшѣ, и что многіе знатные поляки присоединились къ нимъ въ Познани; что Бонапартъ двинулся изъ Берлина въ Кюстринъ. Говоря о нашемъ положеніи, я замѣтилъ, довольно ли сильна наша армія на границѣ. Она отвѣтила, что мы имѣемъ 170.000 человекъ, хотя мы считаемъ на бумагѣ 600.000. Я на это замѣтилъ: ничто намъ не препятствуетъ имѣть 300.000 въ Польшѣ, а вовсе не нужно содержать 400.000 внутри Россіи. Императрица сказала на это: что наше военное министерство очень виновно въ этомъ отношеніи. Дѣйствительно непонятно, какимъ образомъ, имѣя такую сильную армію, какъ наша, довольствоваться выставленіемъ 170.000 человекъ противъ побѣдоноснаго непріятеля, который располагаетъ къ тому же 300.000 человекъ. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы собрать въ Польшѣ столько корпусовъ въ 50.000, 60.000 и 70.000, сколько возможно, которые слѣдовали бы постоянно эшелонами, мнѣ кажется еще, что 2—3 корпуса, двинутыхъ къ корпусамъ Беннигсена и Буксгевдена, дали бы намъ численный перевѣсъ, а этотъ перевѣсъ въ такую критическую минуту стоитъ тѣхъ

жертвъ, которыя онъ потребуеть и къ которымъ народъ относится съ усердіемъ, если объявятъ о грозящей опасности. Рекрутъ, подаей, ничего не слѣдуетъ жалѣть въ такую рѣшительную минуту, когда дѣло идетъ о нашемъ политическомъ существованіи.

Императрица сказала мнѣ, что въ Лондонѣ составляются пари о томъ, что 1-го іюня Бонапартъ будетъ въ Петербургѣ. Ранѣе она говорила, что онъ хвастался быть у насъ 1-го января.

30-го. Пятница. Такъ какъ было назначено сегодня празднество во дворцѣ, то я одѣлся сообразно объявленія, но, пріѣхавъ туда, узналъ, что оно отмѣнено, къ общему и весьма основательному неудовольствію. Случай безъ того рѣдки, когда видятъ сближеніе Императорской фамиліи съ публикой, что не слѣдовало бы еще сокращать подобные праздники, напоминающіе о прежней торжественности, съ которой они справлялись, и тѣмъ увеличить ихъ неудовольствіе, показывая, такъ сказать, преднамѣренное желаніе удалять публику отъ семейства своего Государя.—Сегодня прибылъ курьеръ отъ Великой Княгини, которая все еще въ Шлезвигѣ; въ письмѣ она говоритъ, что отложила свой отъѣздъ въ Копенгагенъ. Послѣ обѣда въ 7 часовъ Императрица прислала за мной. Она показала мнѣ извлеченіе изъ письма мисъ-Диллонъ (англичанка при Вел. Кн. Маріи Павловнѣ) къ мистеру Друсъ (англичанину при Вел. Кн. Екатеринѣ Павловнѣ), гдѣ она говоритъ, что брилліанты Великой Княгини были отправлены графомъ Вартембеномъ съ Левандовскимъ и Богъ знаетъ за чѣмъ¹⁾, прибавила она. Еще сказала она, что Великая Княгиня получила паспортъ для проѣзда въ Веймаръ, и сколько мнѣ помнится, что въ этомъ извлеченіи изъ письма была рѣчь о поѣздкѣ туда, но Диллонъ разсудила очень вѣрно; что это только приманка, и какъ только Вел. Княгиня пріѣдетъ туда, что оттуда ее не выпустятъ. Императрица приказала мнѣ отправиться съ этимъ извлеченіемъ къ Будбергу, чтобы сообщить о поѣздкѣ Левандовскаго, который отправился неизвѣстно куда, такъ какъ о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій, и просить его написать въ Кенигсбергъ, въ Швецію, Данію, чтобы розыскать, гдѣ онъ. Выйдя изъ кабинета, я засталъ камердинера Штехмеца въ уборной, возвратившагося отъ Будберга, куда онъ былъ посланъ съ тѣмъ же самымъ порученіемъ, онъ принесъ извѣстіе, что курьеръ оставилъ Левандовскаго въ Або. Я былъ позванъ обратно, и приказаніе отмѣнено. Такъ какъ курьеръ сказалъ, что онъ оставилъ кромѣ Левандовскаго еще двухъ курьеровъ, я долженъ былъ спросить Будберга, какіе это курьеры, т. е. ѣхали ли они къ Вел.

¹⁾ Dieu sait pourquoi.

Княгинѣ или отъ нея. Выходя изъ кабинета, я узналъ отъ Штехмеца, который дожидался меня, что онъ получилъ то же самое порученіе. Такъ какъ было смѣшно идти къ Будбергу, чтобы исполнить то же порученіе, которое дано камердинеру, я оставилъ его исполнить одного, прося доложить Императрицѣ, что, встрѣтивъ его для той же цѣли, я не пошелъ къ Будбергу.

Декабрь 1. Суббота. Совѣтъ опекуновъ былъ собранъ къ 2-мъ часамъ, и они приглашены къ обѣду. Около 3-хъ часовъ Императрица позвала меня къ себѣ и просила передать этимъ господамъ ея извиненіе, что, занятая необходимыми письмами, она увидится съ ними послѣ обѣда. Она сказала, что Государь прислалъ ей бумаги, и просила меня отмѣтить на картѣ расположеніе нашей арміи. Эта бумага было донесеніе Беннигсена, который заставилъ прусакъ отступить на Торнъ, Плоцкъ и Вышгородъ на Ново-Място и Пултускъ, а его корпусъ стоялъ у Остроленки, имѣя передовые посты на Вислѣ. Буксгевденъ со своей арміей стоялъ между Домброво и Соколкой. Бенкендорфъ доносилъ, что фельдмаршала ждали въ Бѣлостокѣ. Послѣ обѣда господа члены Совѣта имѣли аудіенцію, а князь Волконскій и я получили порученіе ѣхать завтра въ Павловскъ на открытіе тамъ училища глухонѣмыхъ.—Г-жа Адлербергъ имѣла также аудіенцію. Она привезла бумаги относительно дѣла Биронъ и г.г. Вартенбергъ. Братья двухъ этихъ воспитаницъ Смольнаго монастыря предложили имъ недавно 100 или 120 тысячъ талеровъ, чтобы окончить дѣло полюбовно; такъ какъ право на личное владѣніе Вартенберговъ не было утверждено, то согласились на эту сдѣлку, и Совѣтъ Смольнаго выдалъ по этому дѣлу актъ. Теперь князья увѣряютъ, что нашли подтвержденіе своего права короля Фридриха II-го, заключающееся въ письмѣ короля принцу Эрнесту Бирону, и требуютъ, чтобы Совѣтъ отказался добровольно отъ своихъ требованій отъ имени князей; и если хотятъ довести дѣло до процесса, то княжны проиграютъ его, между тѣмъ въ случаѣ полюбовной сдѣлки они обязуются обезпечить имъ или пенсію или приданое. Императрица приказала мнѣ сообщить эти бумаги графу Завадовскому и спросить его мнѣніе.

2. Воскресенье. Князь Волконскій пріѣхалъ ко мнѣ въ 9 часовъ, и мы отправились въ Павловскъ въ 10-мъ; мы были при освѣщеніи зданія глухонѣмыхъ; учениковъ было 4, и мы присутствовали при ихъ обѣдѣ. Спальни, классы хорошо устроены, но пища, состоящая изъ щей и каши съ коноплянымъ масломъ, была невзрачная. Мы обѣдали у Крузе и уѣхали въ 4 часа.

3. Понедѣльникъ. Я узналъ, что Левандовскій, которому Великая Княгиня поручила доставить брилліанты, пріѣхалъ; Императрица

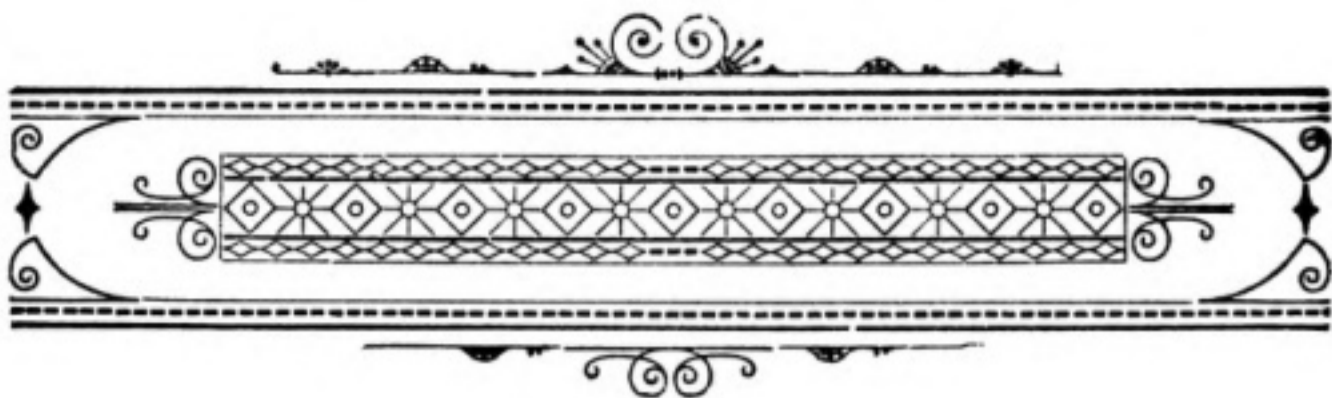
мнѣ передала письмо Великой Княгини, заключавшее просьбу объ исполненіи денежныхъ порученій, а именно: получить изъ банка проценты, взять изъ ломбарда свидѣтельство на 2.000 талеровъ. Обѣдалъ дома, а послѣ обѣда возвратился во дворець. Дѣло окончилось только въ 2 часа ночи.

Между прочимъ Великая Княгиня прислала копіи съ паспортовъ, данныхъ Бонапартомъ для возвращенія въ Веймаръ, но Императрица ей положительно воспретила ѣхать туда, потому что она сдѣлается тамъ въ родѣ заложницы въ рукахъ французовъ. Она совѣтовала ей ѣхать въ Копенгагенъ и другое безопасное мѣсто, пока состояніе погоды дозволить ей пріѣхать въ Россію. Великая Княгиня писала, что она рѣшилась непременно ѣхать въ Россію даже безъ мужа, но что не можетъ предпринять путешествіе иначе, какъ по полученіи согласія изъ Веймара. Сегодня объявленъ манифестъ о созывѣ ополченія въ 612.000 человекъ. Губерніи, изъятыя согласно стиха, приложеннаго къ манифесту, должны содѣйствовать провіантомъ, деньгами, оружіемъ. Въ числѣ губерній изъятыхъ значатся Польскія послѣдняго раздѣла. Эта оговорка весьма хороша, какъ случай отбрать у изъятыхъ губерній оружіе, которое у нихъ должно быть. Я бы желалъ видѣть въ числѣ губерній исключенными также Лифляндію и Эстляндію, потому что нахожу неудобнымъ вооружать тамъ мужика.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бѣжаницкое народное училище.

Малое знакомство съ народною школою интеллигентнаго класса, въ большинствѣ получающаго образованіе, минуя народную школу, позволяетъ мнѣ думать, что предлагаемыя вниманію читателей записки о народной школѣ, ученикомъ которой я пробылъ въ теченіе двухъ лѣтъ, представляютъ нѣкоторый интересъ.

Школа, о которой идетъ рѣчь, называется „Бѣжаницкое народное училище“. Находится она въ селѣ Бѣжаницахъ, Новоржевскаго уѣзда, Псковской губерніи. Попалъ я въ это училище случайно, такъ какъ принадлежу къ тому классу общества, который минуетъ народную школу, и мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ я попалъ въ училище, съ цѣлью обратить вниманіе на воспитательную силу школы.

Въ раннемъ дѣтствѣ я отличался необыкновенной дикостью характера и самоволіемъ. Несмотря на всѣ принимаемыя моими родителями мѣры воспитанія и наказанія, включительно до розогъ, невозможно было добиться отъ меня послушанія. Я проводилъ на улицахъ и въ окрестностяхъ Новоржева цѣлые дни, въ обществѣ моихъ товарищей, маленькихъ бродягъ, предаваясь всевозможнымъ по преимуществу злымъ, забавамъ. Безъ спросу я уходилъ изъ дома, возвращался, когда заблагоразсудится, на замѣчанія отвѣчалъ дерзостями. Объ ученіи я и не думалъ. Пробовали меня посылать учиться къ одной барышнѣ, потомъ въ городское училище, но попытки были неудачны. Въ классъ я всегда опаздывалъ, уходилъ изъ училища до окончанія занятій, во время уроковъ занимался разговорами и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на учителей. Въ то время я былъ настолько далекъ отъ сознательнаго мышле-

ніа, что на шкому смотрѣлъ, какъ на мѣсто новыхъ забавъ, безъ всякаго соотношенія съ чѣмъ-либо серьезнымъ. Впрочемъ, я пробылъ въ городскомъ училищѣ очень недолго, всего вѣсколько недѣль: родители, отчаявшись, взяли меня изъ школы той-же осенью, чтобы помѣстить въ БѢжаницкое народное училище, на попеченіе старшаго учителя, Петра Ильича Привалова, нашего знакомаго и хорошаго педагога. Я жилъ у него, но время занятій и свободные часы проводилъ съ моими новыми товарищами,—дѣтьми крестьянъ. Рѣшеніе моихъ родителей вызвало много разговоровъ въ нашемъ, полномъ предрасудковъ, кружкѣ помѣщиковъ и чиновниковъ. Объ этомъ говорили какъ о непозволительномъ униженіи достоинства нашего класса и жестокости по отношенію къ ребенку. Можно ли сажать своего сына „рядомъ съ мужикомъ“. Какъ мало мы знали крестьянъ. Два года провелъ я въ ихъ средѣ, и эти два года—лучшее воспоминаніе моей жизни.

Однимъ хорошимъ, осеннимъ утромъ 1878 года, когда съ безоблачнаго неба солнце свѣтило и грѣло, какъ лѣтомъ, у воротъ нашего дома остановился почтовый тарантасъ. Солидный мужикъ,—ямщикъ Степанъ, слѣзъ съ козелъ, чтобы отворить ворота. Увидавъ это, я бросился къ тарантасу, влѣзъ на козла, схватилъ въ руки возжи и кнутъ и, какъ только ворота отворились, сталъ хлестать лошадей, чтобы лихо прокатиться по двору. Но едва лишь лошади тронулись съ мѣста, какъ я, потерявъ равновѣсіе, упалъ подъ колеса. Сами ли лошади остановились или во-время замѣтилъ Степанъ, только экипажъ не успѣлъ проѣхать по мнѣ, колесо лишь слегка придавило животъ: чтобъ извлечь меня изъ-подъ экипажа, Степанъ долженъ былъ осадить лошадей. Оправившись, я выслушалъ брань Степана и кузарки, а затѣмъ, когда лошади были привязаны, то вновь уже вертѣлся около нихъ, вновь лазилъ въ экипажъ и на козлы, стараясь натягать изъ лошадиныхъ хвостовъ волосъ на ласы и на силки для голубей и развлекался такъ до тѣхъ поръ, пока не представилась новая забава въ укладкѣ моихъ вещей. Прекрасно помню, что я не отдавалъ себѣ отчета, зачѣмъ грузится экипажъ моими вещами. Когда я, наконецъ, сѣлъ въ тарантасъ рядомъ со Степаномъ и мы выѣхали со двора, то, поглощенный весь удовольствіемъ минуты, я былъ очень далекъ отъ мысли о БѢжаницахъ, училищѣ и Приваловѣ.

Случайно или умышленно отецъ и мать отсутствовали. Если мнѣ раньше и говорили что-нибудь о БѢженицахъ, я объ этомъ теперь не вспомнилъ и только дорогою узналъ отъ Степана объ ожидающей меня судьбѣ.

Былъ храмовой праздникъ, когда мы въѣхали въ село. Един-

ственная улица была наполнена народомъ въ праздничныхъ костюмахъ. Проѣхавъ мимо церкви, площадь передъ которой была заставлена телѣгами и балаганами, мы остановились передъ крыльцомъ двухъ-этажнаго дома, подъ вывѣской „Бѣжаницкое народное училище“. Петръ Ильичъ Приваловъ встрѣтилъ меня, распорядился о размѣщеніи моихъ вещей, велѣлъ мнѣ раздѣться и оставаться въ назначенномъ для меня помѣщеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ за мною. Утомленный дорогою (Бѣжаницы расположены въ 36 верстахъ отъ Новоржева), полный новыхъ впечатлѣній и инстинктивнаго сознанія большого значенія для меня настоящаго дня, я застылъ въ безучастной позѣ передъ окномъ, смотря на полную народомъ улицу, и машинально обрывая мелкіе листочки стоявшаго на окнѣ какого-то растеньица. Вѣроятно, много больше часа прошло прежде, чѣмъ ко мнѣ вернулась способность дѣйствовать. Я взялъ шапку, чтобы идти на улицу, но въ дверяхъ столкнулся съ Петромъ Ильичемъ.

— „Ты куда?“ спросилъ онъ.

— „На улицу“.

— „Мнѣ сейчасъ некогда съ тобою идти, а потому положи шапку на мѣсто. Когда я освобожусь, то пойдемъ вмѣстѣ“. И замѣтивъ порчу мною цвѣтка,—сказалъ: „а вотъ это, Леша, очень не хорошо и на будущее время подобнаго не дѣлай; да и вообще не касайся вещей, тебѣ не принадлежащихъ“.

Первый разъ въ моей жизни я безпрекословно исполнилъ приказаніе, безмолвно выслушалъ замѣчаніе и принялъ его къ свѣдѣнію.—Этотъ маленькій эпизодъ навсегда установилъ наши отношенія, сразу отнявъ у меня рѣшимость своеволия. Въ теченіе всего проведеннаго въ училищѣ времени, я ни одного разу не только не пошелъ въ разрѣзъ съ его волею, но даже такого желанія во мнѣ не появлялось. Съ перваго же дня Приваловъ пріобрѣлъ мое полное довѣріе, сдѣлавшись для меня образцомъ подражанія. Я былъ перевоспитанъ очень быстро. Помогло ему въ этомъ, разумѣется, то обстоятельство, что я былъ совершенно одинокъ и изолированъ отъ привычной обстановки, но, главнымъ образомъ, здѣсь играли роль выдающіяся педагогическія способности Привалова. Онъ сумѣлъ добиться у меня сознанія въ необходимости исправленія и, такимъ образомъ, меня самого сдѣлалъ своимъ союзникомъ въ моемъ же воспитаніи. Скоро я сталъ его спрашивать: „исправляюсь ли я“? Его замѣчанія никогда не носили обидной формы, но въ то же время выражались категорически. Дѣлались замѣчанія лишь въ такихъ случаяхъ и въ такихъ выраженіяхъ, что выслушивающій замѣчаніе самъ сознавалъ свою вину. Незачѣмъ, я думаю, говорить, что

Петръ Ильичъ никогда не возвышалъ голоса. За два года пребыванія въ училищѣ я ни разу не подмѣтилъ нотки раздраженія. Зато нерѣдко онъ заливался откровеннымъ, заразительнымъ смѣхомъ.

Новоржевскій уроженецъ, 17-ти лѣтъ онъ окончилъ земскую учительскую семинарію въ Псковѣ, и уже 10 лѣтъ учительствовалъ въ Бѣжаницахъ. Скромное званіе, ничтожное жалованье (20 рублей въ мѣсяць) не помѣшали ему войти въ кругъ городской интеллигенціи, а его воспитанность, развитіе и музыкальность (онъ игралъ на скрипкѣ) открыли предъ нимъ двери аристократическаго семейства Ф...., имѣніе котораго, „Богдановское“, находилось въ 2 верстахъ отъ Бѣжаницъ, и тамъ онъ былъ принятъ, какъ близкій знакомый. Создалъ онъ себѣ положеніе самъ и даже выучился играть на скрипкѣ почти самоучкой. Шатенъ, средняго роста, съ большими задумчивыми глазами, всегда корректный, съ гордо откинутою головою, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка серьезнаго, обладающаго чувствомъ собственнаго достоинства. Мать часто приводила намъ его въ примѣръ различныхъ добродѣтелей, но въ особенности—аккуратности, умѣнью сохранять долгое время въ хорошемъ видѣ костюмы и умѣнью жить на 20 рублей. Кромѣ жалованья Петръ Ильичъ имѣлъ еще квартиру. Помѣщалась она въ самомъ зданіи училища и состояла изъ одной комнаты, отдѣлявшейся перегородками отъ прихожей, въ которой помѣщался я, и отъ другой небольшой комнатки, въ которой жилъ второй учитель, Федоръ Авдѣевичъ Авдѣевъ. Перегородки были такъ тонки, что малѣйшее движеніе каждаго изъ насъ было слышно двумъ остальнымъ. Это въ особенности было неприятно Авдѣеву, любившему пѣть, свистать, ходить изъ угла въ уголь, чего онъ не могъ, однако, дѣлать, дабы не мѣшать Петру Ильичу, проводившему вечера за исправленіемъ тетрадей, чтеніемъ и подготовкой къ экзамену на учителя приготовительнаго класса гимназій. Черезъ сѣни, въ томъ же нижнемъ этажѣ зданія, была ученическая спальня, а верхъ былъ отведенъ подъ классы. Зданіе было хорошо выстроено, теплое, сухое и свѣтлое. На училищномъ дворѣ былъ еще одноэтажный флигель, въ которомъ готовили уроки, обѣдали и спали тѣ ученики, которымъ не хватало мѣста внизу и гдѣ жилъ сторожъ. Въ мое время во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ училища было около 100 учениковъ. Одна четверть ихъ, изъ ближайшихъ деревень, уходила вечеромъ домой, а остальные ночевали въ училищѣ. 15 или 20 было дѣвочекъ. День онѣ проводили вмѣстѣ съ мальчиками, ночевали же на верху, въ помѣщеніи перваго отдѣленія, на полу и скамейкахъ. Ученики спали на нарахъ, на которыя стлали зипуны и полушубки. Подушки были не у всѣхъ, а покрытый бѣлымъ сѣнникъ, подушка

съ перемѣняющейся наволочкой и одѣяло лишь у одного, — сына дьячка. Сверхъ того, только одинъ носилъ сапоги, остальные ходили въ лаптяхъ.

Довольствовались ученики изъ общаго котла. Ежедневно варилося одно блюдо—пустыя щи. Капуста доставлялась, на сколько помню, земствомъ, а все остальное, какъ-то: сало, толокно, хлѣбъ, соль, картофель—ученики привозили изъ дома. Главную пищу учениковъ, какъ и всѣхъ крестьянъ, составлялъ хлѣбъ. Чай до сихъ поръ еще лакомство для крестьянъ, а потому его и не было въ училищѣ.

Внутренній порядокъ школы соблюдался строго. Утромъ сторожъ будилъ за часъ до начала занятій. Дежурные мели комнаты, по звонку шли въ классы, въ опредѣленный часъ кончали занятія передъ обѣдомъ, и послѣ обѣда (обѣдали въ 12 часовъ), спать шли въ 9, и всѣ сразу, а днемъ въ спальнѣ собираться не разрѣшалось. Печи топилъ сторожъ, но воду привозили въ бочкѣ съ рѣчки сами ученики, на себѣ. Ѣздить „по воду“ составляло для насъ развлеченіе, въ которомъ принимала участіе цѣлая толпа учениковъ. Всѣ помѣщенія содержались въ образцовой чистотѣ.

Возрастъ учениковъ былъ самый разнообразный, отъ 7 до 19 лѣтъ, по сословію всѣ были крестьяне, кромѣ меня и сына дьячка. Училище было снабжено достаточнымъ количествомъ учебниковъ и книгами для чтенія. Было порядочное количество стѣнныхъ таблицъ по зоологій и ботаникѣ, была разъемная модель человѣка; географическія карты, глобусъ, микроскопъ, волшебный фонарь. Бумагу, карандаши, грифеля и перья ученики должны были сами приобрѣтати. Покупали они ихъ здѣсь же, въ училищѣ, отъ Петра Ильича, который получалъ эти припасы отъ земства и долженъ былъ продавать по опредѣленной цѣнѣ. Учебники, кажется, тоже большинство приобрѣтало въ собственность.

Балловъ вовсе не ставилось. Экзаменъ былъ только при выпускѣ. Онъ обставлялся торжественно, происходилъ въ присутствіи члена земской управы; лучшимъ раздавались книги. На второй годъ почти никогда не оставляли.

Училище состояло изъ трехъ отдѣленій. Съ младшимъ занимался Федоръ Авдѣевичъ, а съ двумя старшими, помѣщавшимися въ одной комнатѣ, Петръ Ильичъ. Подъ руководствомъ Петра Ильича дѣло преподаванія было поставлено образцово. Мы не только проходили грамоту, но попутно приобрѣтали массу свѣдѣній изъ различныхъ наукъ, въ особенности по зоологій и ботаникѣ. Такія слова, какъ завязь, пестикъ, тычинка, двудомные, корневище и проч., были намъ великолѣпно извѣстны. Сообщеніе этихъ свѣдѣній начиналось, можно сказать, ранѣе, чѣмъ грамота.

Кстати, я здѣсь разскажу о маленькомъ эпизодѣ, случившемся на одномъ изъ первыхъ уроковъ. Ѳедоръ Авдѣевичъ ставитъ на доску букву О изъ составной азбуки, затѣмъ, придвигая, къ ней букву С, тянетъ вмѣстѣ съ нами ооо...ссс... потомъ двигаетъ еще а, и такимъ образомъ получается ооо...ссс...ааа... „оса“. Послѣ этого Ѳедоръ Авдѣевичъ достаетъ изъ папки таблицу, на которой красками изображена, въ увеличенномъ размѣрѣ, оса, и даетъ намъ урокъ истественной исторіи. Путемъ отвѣтовъ учениковъ на задаваемые вопросы мы узнаемъ, что оса „насъкомое“, узнаемъ, что такое насъкомое, чѣмъ оса питается, какъ живетъ, какія гнѣзда строить, узнаемъ, что ея тѣло состоитъ изъ головы, груди, брюшка и конечностей.

— „А не знаетъ ли кто, что у осы вотъ здѣсь?“ спрашиваетъ Ѳедоръ Авдѣевичъ, показывая указкой, „вотъ это; видите? на самомъ концѣ брюшка“.—Поднимается нѣсколько рукъ.—„Ну, Денисъ, скажи“, говоритъ Ѳедоръ Авдѣевичъ. Денисъ, 12 лѣтній, бѣлобрысый, робкій мальчикъ съ моргающими глазками, встаетъ и пренаивно отвѣчаетъ „....“. Я засмѣялся, но большинство даже не улыбнулось столь обыденному слову для нихъ. Ѳедоръ Авдѣевичъ машетъ рукой,—„садись“, „скажетъ тоже“, и объясняетъ намъ самъ, что такое жало. Урокъ продолжается, какъ вдругъ сконфуженный и огорченный неудачей, Денисъ начинаетъ всхлипывать, и слезы текутъ по его блѣднымъ щекамъ, Ѳедоръ Авдѣевичъ прерываетъ объясненіе, говоритъ Денису нѣсколько ободряющихъ словъ и посылаетъ его напиться воды. Инцидентъ исчерпанъ. Этотъ случай былъ моимъ первымъ знакомствомъ съ Денисомъ, скоро мы стали пріятелями, сѣли рядомъ и провели такъ двѣ зимы.

Училищный день проходилъ приблизительно такъ:

Въ восьмомъ часу утра раздавалось восклицаніе Петра Ильича: „Леша, просыпайся, пора вставать“. Но я уже проснулся и слушалъ, какъ Петръ Ильичъ плескается въ рукомойникѣ. Не съ особенной охотой вылѣзаю я изъ-подъ своего теплаго одѣяла. Входитъ Петръ Ильичъ съ полотенцемъ въ рукахъ. „Ну что, какъ спалъ?“ спрашиваетъ онъ. Сторожъ приноситъ самоваръ. День вступаетъ въ свои права. Я застилаю кровать, моюсь, долго и тщательно вытираюсь, подражая въ этомъ своему наставнику, и иду пить чай. Общее чаепитіе, во время котораго Ѳедоръ Авдѣевичъ зѣваетъ и еще только приходитъ въ себя, скоро кончается и, ровно въ 8 ч., мы идемъ въ классы. Тамъ уже всѣ на мѣстахъ; кто читаетъ, кто пишетъ, но безъ дѣла не остается никто. Нѣтъ той возни, той суеты и шума, какіе царятъ въ средне-учебномъ

заведеніи передъ приходомъ учителя. Крестьянскія дѣти, вообще, гораздо спокойнѣе горожанъ; нѣтъ въ нихъ беззаботности, ибо съ ранняго дѣтства они привыкають смотрѣть на себя какъ на работника семьи. Серьезно они смотрятъ и на школу, которую огромное большинство посѣщаютъ, несмотря на наносимый этимъ ущербъ семьѣ. Лѣнтяевъ въ школѣ не было, наоборотъ, глубокое проникновеніе убѣжденіемъ „ученье—свѣтъ, неученье—тьма“ держало учениковъ въ вѣчно напряженномъ стремленіи къ знанію. Здѣсь не надо было побуждать заниматься. Какая полная тишина царяла въ ихъ флигелѣ по вечерамъ, когда ученики готовили уроки. Усиліемъ и трудомъ здѣсь въ теченіе 3 лѣтъ пріобрѣталось столько знаній, сколько при системѣ средней школы и въ 5 лѣтъ было бы не усвоить.

Въ классѣ я занялъ свое мѣсто на третьей скамейкѣ, между 10 лѣтней дѣвочкой Пелагеей и ея братомъ Денисомъ. Двѣ первыя скамьи были заняты исключительно дѣвочками. Всѣ онѣ повязаны платками и одѣты либо въ сарафаны, либо въ ситцевыя платья; мальчики въ полосатыхъ домотканыхъ рубахахъ. Впереди меня сидятъ рядомъ дочери управляющаго сосѣднимъ имѣніемъ; старшей изъ нихъ лѣтъ 16. Во время перемѣнъ она часто оборачивается ко мнѣ для разговоровъ, немного жеманится и, очевидно, конфузясь своей безграмотности, не рѣдко упоминаетъ о той болѣзни, которая помѣшала ей во-время выучиться читать. Когда Федоръ Авдѣевичъ задаетъ намъ общій вопросъ, она любитъ отвѣтить на него раньше всѣхъ, и тогда въ ея глазахъ блеститъ скрытая гордость превосходства. Какъ теперь я понимаю, она была довольно хвастлива и потому любила говорить о семьѣ, лошадяхъ, о различныхъ вещахъ ихъ домашней обстановки, о какомъ-то комодѣ, о серебряныхъ ложкахъ и т. п. Въ общемъ же главною темою разговоровъ въ классѣ было наше ученье. Каждая прочитанная фраза, каждый маленькій рассказикъ вызывали живой обмѣнъ мыслей.

Въ 12 часовъ начиналась большая перемѣна, во время которой ученики обѣдали. Придя послѣ обѣда въ классъ, я нашелъ уже тамъ Дениса. Обернувшись къ сидѣвшему за нимъ сыну дьячка, онъ пересматривалъ, собранную нами общими силами, коллекцію куколокъ. Всевозможнаго цвѣта и всевозможныхъ величинъ онѣ находились въ разныхъ стадіяхъ зрѣлости. Нѣкоторыя были почти готовы выпустить изъ себя бабочку, другія только сегодня перестали шевелить хвостами, третьи еще не обнаруживали происходящаго внутри ихъ процесса. Ежедневно мы вытягивали куколокъ на свѣтъ, выкладывали подъ дѣйствіе солнечныхъ лучей и производили различныя наблюденія. Сколько удовольствія доставляли

намъ торжественныя минуты выхода изъ скорлупы бабочки. Тутъ отличался обыкновенно сынъ дьячка, который умѣлъ помочь бабочкѣ выйти на Божій свѣтъ. Онъ былъ такъ методиченъ и аккуратенъ во всемъ. Какъ онъ берегъ свои вещи, какъ чистенько былъ всегда одѣтъ, съ какой заботой выводилъ буквы на страницахъ своей безукоризненной тетради. У него, у единственнаго, была маленькая коллекція перьевъ, былъ перочинный ножичекъ, былъ пеналъ и много еще подобныхъ рѣдкостей. Вдругъ въ классъ вбѣгаетъ ученикъ 3 отдѣленія Архипъ и громко объявляетъ: „братцы, бѣгите смотрѣть, къ Макарову (купецъ) привезли 2 волковъ битыхъ; вотъ громадные“, но замѣтивъ, что Петръ Ильичъ уже въ классъ, онъ конфузится своего восторга и нѣсколько теряется. Петръ Ильичъ, какъ и всѣ, улыбается и собирается ему что-то сказать, но тутъ отворяется дверь и въ классъ входитъ самъ охотникъ, застрѣлившій волковъ, высокій, здоровый и красивый молодой крестьянинъ, лѣтъ 25, въ хорошемъ, дубленомъ тулупѣ, бывший ученикъ Петра Ильича. „А, Фадѣй, здравствуй! какими судьбами ты здѣсь?“ спрашиваетъ Петръ Ильичъ. „Здравствуйте, Петръ Ильичъ. Да вотъ привезъ волковъ продавать и завернулъ васъ провѣдать, да кстати и бумаги купить“. Петръ Ильичъ знаетъ его родню, расспрашиваетъ о его домашнихъ и о томъ, что онъ дѣлаетъ. Любовь къ Петру Ильичу и удовольствіе его видѣть читается на мужественномъ лицѣ Фадѣя.

Бывшіе ученики часто посѣщали Петра Ильича и не только ради удовольствія, но также за совѣтами. Одно время за утѣшеніемъ и разрѣшеніемъ сомнѣній ходилъ къ нему Андрей, 19 лѣтній парень, кончившій школу за годъ до моего поступленія. Андрей обладалъ большими способностями. Поступивъ совершенно безграмотнымъ, въ видѣ исключенія былъ переведенъ изъ I отдѣленія въ III, окончивъ такимъ образомъ школу въ 2 года. Это былъ худощавый блондинъ, съ блестящими голубыми глазами и съ печатью скорби на блѣдномъ, интеллигентномъ лицѣ. Отсутствіе средствъ и необходимость обрабатывать свой клочекъ земли ради пропитанія матери (отца и братьевъ у него не было) не позволяли ему думать о дальнѣйшемъ образованіи. Жажду знаній онъ утолялъ чтеніемъ, обративъ работу мысли на исканіе истины въ религіозномъ смыслѣ. Стараніе постигнуть тайны апокалипсиса повліяло на психику, онъ сталъ задумываться, видѣть странные сны и даже галлюцинировать. Помню, однажды онъ рассказывалъ Петру Ильичу свой сонъ. Онъ видѣлъ, что стоялъ на берегу какого-то озера, вдругъ появляется человекъ, подходитъ къ нему и кладетъ ему на лобъ печать, говоря: „вотъ печать антихриста“. Петръ Ильичъ подолгу говорилъ

съ нимъ наединѣ, но какой это имѣло результатъ, не знаю, такъ какъ я потерялъ его изъ вида.

Въ 3 часа кончились классы. Былъ теплый солнечный, осенній день. Петръ Ильичъ предложилъ желающимъ пройтись съ нимъ въ Богдановское. Охотниковъ и охотницъ нашлось много. Окруживъ Петра Ильича, мы гурьбой двинулись по селу. Злобой дня былъ случившійся ночью пожаръ въ сосѣдней съ Бѣжаницами деревнѣ. Лѣтъ 20 тому назадъ, лучина въ Псковской губерніи не была вытѣснена керосиномъ. Осенью съ нею мiali и трепали ленъ, — удивительно, что осень становилась сезономъ пожаровъ.

Богдановское отстояло отъ Бѣжаницъ на 2 версты и соединялось съ нимъ березовою аллеей. Когда мы прошли полдороги, Петръ Ильичъ устроилъ игру въ горѣлки, и самъ принималъ въ ней живое участіе. Уже солнце стояло очень низко, когда мы вошли въ усадьбу Богдановскаго. Это было старое гнѣздо большого барина, гдѣ не было конца затѣямъ разнымъ, и всѣ эти затѣи содержались въ образцовомъ порядкѣ. Впослѣдствіи я къ нимъ присмотрѣлся, но вначалѣ они производили на меня сильное впечатлѣніе. Первой затѣей я счелъ крышу дома изъ разноцвѣтной черепицы, ярко горѣвшей въ лучахъ заходящаго солнца. Главная прелесть Богдановскаго заключалась въ паркѣ, тянувшемся версты на двѣ въ длину и на столько же въ ширину. Прорѣзанный дорожками, аллеями, большими прудами разнообразной формы съ проточками и перекинутыми черезъ нихъ причудливыми мостиками, онъ дѣйствительно былъ великолѣпенъ. Въ паркѣ росли всевозможныя деревья, были устроены горки, красивые павильоны, рощицы и полянки, бесѣдки, цвѣтники, искусственное эхо, пещера, шедшая въ глубь горы на сотню сажень. Мѣстами была устроена искусственная чаща, черезъ которую было не продраться; березки стояли рядомъ съ пихтой или кедромъ; искусно подстриженная аллея елокъ ввела меня въ заблужденіе: я только съ разстоянія 10—15 шаговъ догадался, что вижу деревья, а не стоги зеленаго сѣна. Этотъ великолѣпный паркъ, теперь объятый спокойнымъ сномъ, наполнялся весною жизнью и звуками. Стрекотали кузнечики, пѣли птицы, носились бабочки и стрекозы, въ прудахъ играли рыбы, на деревьяхъ прыгали рѣзвыя бѣлки, а по вечерамъ въ густыхъ вѣтвяхъ заливались соловьи. Владѣлецъ имѣнія проводилъ въ немъ только лѣто; ни весной, ни осенью ничто насъ не стѣсняло въ предоставленномъ школѣ правѣ посѣщать, когда угодно, этотъ чудный паркъ. Какъ пріятно бывало сидѣть на какой-нибудь горкѣ, подъ столѣтними соснами, и слѣдить за движеніями бѣлки, слушать перебой соловьевъ и вести мирныя бесѣды съ моими товарищами. Здѣсь мы чаще всего говорили о

крѣпостномъ правѣ. Всѣ эти пруды, всѣ эти барскія затѣи орошены были потомъ и кровью ихъ отцовъ, и соединены были съ легендами о вынесенныхъ тѣми мукахъ. Такимъ образомъ, какъ памятникъ отшедшаго въ вѣчность рабства, этотъ паркъ имѣлъ для моихъ товарищей особое значеніе. Память о крѣпостномъ правѣ тогда еще была жива въ населеніи, и Царь Освободитель еще жилъ; пѣсня „Ахъ ты, воля моя, воля“ пѣлась съ особымъ чувствомъ. Долго мы гуляли по парку, или вѣриѣ по дорожкамъ парка; Петръ Ильичъ насъ предупредилъ не ходить между деревьями, чтобы чего-нибудь не испортить, но я думаю, что и безъ этого предупрежденія ничего не было бы сломано и попорчено. Сколько разъ я бывалъ въ Богдановскомъ, но не помню, чтобы кто-нибудь позволилъ себѣ отломить хотя бы вѣтку. Въ уваженіи къ порядку, въ уваженіи къ неприкосновенности чужой собственности, въ деликатности, мои товарищи стояли неизмѣримо выше учениковъ средней школы, нравы которой и нынѣ не далеко ушли отъ нравовъ бурсы.

По контрасту мнѣ вспомнилось вотъ о чемъ: въ 1898 году я, будучи проѣздомъ въ Сянгапурѣ, зашелъ въ извѣстный на востокѣ ботаническій садъ. При входѣ въ садъ, и внутри его, при входѣ въ оранжерею, висятъ объявленія на русскомъ языкѣ (и только на одномъ русскомъ), предупреждающія о томъ, что рвать цвѣты и плоды воспрещается подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Пассажиры III-го класса парохода ничего не тронули, а мои спутники по I классу возвратились изъ сада съ цвѣтами, вѣтвями и плодами, сорванными по ихъ словамъ „на зло англичанамъ, осмѣлившимся имѣть столь дурное мнѣніе о русскихъ“. Неудивительно, что одно время входъ въ этотъ садъ русскимъ былъ совершенно закрытъ; только послѣ хлопотъ консула, это распоряженіе было отмѣнено.

Вышли мы изъ Богдановскаго уже въ глубокихъ сумеркахъ и на обратномъ пути пѣли. Пѣніе въ училищѣ процвѣтало. Въ зимніе вечера оно устраивалось во флигелѣ, а весной и осенью во время прогулокъ, или же на крыльцѣ школы. Часто возвращаясь домой съ послѣобѣденной прогулки, если я ее совершалъ безъ Петра Ильича, я находилъ на крыльцѣ уже большое общество учениковъ и ученицъ, окружающихъ или Петра Ильича, или Ѳедора Авдѣевича, или обоихъ вмѣстѣ, и поющихъ хоромъ. Репертуаръ былъ довольно большой и пестрый, но нынѣ я помню слова и мотивы лишь слѣдующихъ пѣсенъ:

Ахъ, ты воля, моя воля.

Птичка надъ моимъ окошкомъ.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Въ темномъ лѣсѣ.

Какъ поѣхали два брата.

Нива, моя нива.

Ахъ, попалась птичка, стой.

Запѣвалъ большею частью Федоръ Авдѣевичъ, обладавшій звучнымъ и пріятнымъ теноромъ. Иногда онъ и одинъ пѣлъ какой-нибудь романсъ... Помню красивую музыкальную фразу, на такія дѣтскія слова: „въ гнѣздѣ воробушекъ живетъ, утромъ рано встаетъ: чирикъ, чикъ-чикъ, чирикъ, чикъ-чикъ, чикъ, чикъ, чикъ, чикъ, чикъ, чикъ“.

Пѣть мы любили, и какую-нибудь „Птичку подъ моимъ окошкомъ“ 18 лѣтніе парни и дѣвушки распѣвали съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и 8—9 лѣтнія дѣти. Пѣли мы стройно, на разные голоса, заучивая партіи другъ отъ друга. Пѣнія въ видѣ занятія не существовало. Только пѣнію нѣсколькихъ молитвъ мы обучались Петромъ Ильичемъ, который иногда собиралъ насъ для этого въ свой классъ и разстанавливалъ по голосамъ. Изрѣдка эти молитвы мы пѣли хоромъ въ церкви.

Посѣщать церковь не было обязательнымъ, но мы по собственному желанію ходили въ церковь часто и любили ее. Впослѣдствіи, въ кадетскомъ корпусѣ, я обязанъ былъ ходить въ церковь каждый праздникъ и канунъ праздника, и, несмотря на глубокую набожность, любовь къ церкви поэтому быстро прошла.

Въ школѣ же все касающееся церкви для насъ было мило. Любили мы церковно-славянскій языкъ и церковно-славянскую печать. Уроки Закона Божьяго тоже составляли для насъ одно изъ большихъ удовольствій.

Преподавалъ Законъ Божій настоятель церкви, глубокой старикъ отецъ Николай. Онъ, также какъ и учитель, никогда не кричалъ, никогда не сердился, а тихо и спокойно излагалъ намъ „правило вѣры“ въ „образѣ кротости“. Въ противоположность средней школѣ вызовъ для отвѣта считался нами праздникомъ. Ученье не было мученьемъ, оно каждому изъ насъ представляется самымъ свѣтлымъ временемъ въ жизни, рядомъ удовольствій. Сколько наслажденія доставляли даже простые успѣхи въ чтеніи, а затѣмъ географія, исторія, зоологія, ботаника, первыя свѣдѣнія изъ астрономіи, съ какимъ восторгомъ разсматривали мы въ микроскопъ волосъ, листокъ, чесоточнаго паразита, каплю воды, каплю крови и т. п., а съ какимъ захватывающимъ интересомъ слѣдили за рассказомъ Петра Ильича о строеніи человѣческаго тѣла, демонстрируемаго на разборной модели. Какъ намъ нравились естественно-историческія статейки о жизни животныхъ, птицъ, высшихъ насѣкомыхъ...

Какая громадная работа совершалась въ такой скромной по виду лабораторіи по обработкѣ человѣческихъ мозговъ. Школа не ограничивалась наученіемъ механизму чтенія, письма и ариметики. Она попутно съ этимъ давала полное первоначальное знаніе міра Божьяго. Курсъ ея былъ вполне законченный кругъ опредѣленныхъ рамокъ образованія.

Оканчивавшіе училище обладали достаточными знаніями, чтобы сознательно относиться къ совершающемуся въ природѣ и жизни. Они не только умѣли читать, но умѣли прочитанное понять, рассказать и изложить на бумагѣ. Умѣли написать дѣльное, обстоятельное письмо, безъ пересыцанья его нескончаемыми поклонами. Имѣли отчетливое представленіе о географическомъ положеніи своей родной деревни, объ относительной величинѣ Россіи, о ея населеніи, о другихъ странахъ, о моряхъ и рѣкахъ и, не видя никогда желѣзной дороги и парохода, знали, что это такое, и какая сила заключается въ парѣ. Они имѣли хорошее понятіе о всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ Русской исторіи, о Владимірѣ, Ярославѣ, татарахъ, объ Іоаннахъ, о Смутномъ времени, о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, о 12 годѣ, о суровомъ Николаѣ и о Царѣ Освободителѣ. „То мореплаватель, то плотникъ“, Петръ Великій, былъ предметомъ постояннаго восхищенія, также какъ его современникъ Ломоносовъ. Я думаю, что не одно сердце билось гордымъ сознаніемъ этого великаго мужа къ крестьянской средѣ. Ломоносовъ нами относился къ разряду ученыхъ и писателей,—двѣ категоріи людей, особенно нами чтимыхъ. Про нихъ такъ много говорили наши учителя, что Крыловъ, Пушкинъ, Никитинъ, Кольцовъ, Гоголь, Тургеневъ и въ особенности Некрасовъ стали намъ хорошо извѣстны. Хотя немного стиховъ Некрасова мы читали, но все-таки были проникнуты глубокимъ благоговѣніемъ къ имени этого печальника за обездоленный крестьянскій людъ. Мой пріятель Денисъ по окончаніи школы сталъ именовать себя Некрасовымъ (до тѣхъ поръ у него фамиліи не было) „въ честь нашего великаго писателя и заступника за крестьянъ“,—какъ онъ мнѣ сообщилъ объ этомъ въ письмѣ.

Я уже говорилъ, что по зоологіи и ботаникѣ въ училищѣ давалось много свѣдѣній, включительно до проникновенія посредствомъ микроскопа въ царство инфузорій. Сущность явленія грома, дождя, снѣга, росы, вѣтра, сущность дыханія и горѣнія были хорошо усвоены. Какой громаднѣйшій трудъ долженъ быть затраченъ, чтобы въ теченіе 3 зимъ снабдить такимъ запасомъ свѣдѣній. Если бы всѣ свѣдѣнія изложить печатно, получилось бы нѣсколько томовъ.

Усвоеніе этихъ знаній только и можно объяснить тѣснымъ общеніемъ учителей съ учениками, тѣмъ, что учителя проводили среди учениковъ

цѣлые дни, вливали знанія,—развивали,—путемъ бесѣдъ. Гуляя съ учениками, заходя по вечерамъ въ ихъ флигель, учителя незамѣтно для учениковъ просвѣщали ихъ. Нескончаемыя бесѣды велись на темы о явленіяхъ и красотахъ природы, о суевѣріяхъ и предрасудкахъ, о жизни животныхъ, о чужихъ странахъ и другихъ народахъ, о фабрикахъ и заводахъ, о воздухѣ, объ ископаемыхъ, о медицинѣ и гигиенѣ, о былой жизни русскаго народа и царства, о крѣпостномъ правѣ, о наукахъ и писателяхъ и т. п. Говорили и о злобахъ мѣстной жизни и о мѣстныхъ интересахъ. Это тѣсное общеніе, эти бесѣды имѣли, кромѣ образовательнаго, еще воспитательное значеніе. Школа не только питала умъ, она питала душу и вселяла въ ученикахъ отвращеніе ко всему нравственно грязному. Я засталъ школу уже въ томъ періодѣ, когда она имѣла свои традиціи, строго установленные нравственные принципы, которые исключали возможность малѣйшаго отступленія отъ нихъ. И какая это была высоконравственная школа. Среди учениковъ не было ни воровства, ни дракъ, ни даже ругани, ни другихъ пороковъ. Дѣвочки цѣлый день проводили вмѣстѣ съ мальчиками на полной свободѣ, но и намека не было на опасность такой близости. Въ самой тѣсной связи съ учениками провелъ я два года, получивъ, мѣсяца черезъ два пребыванія у Привалова, разрѣшеніе ходить, когда и куда мнѣ угодно, и проводить съ учениками все свободное время, и я не слышалъ ни одного циничнаго слова. Единственный разъ, помню, одинъ мальчикъ обругалъ свою сестру „паршивымъ чортомъ“, изъ чего вышла цѣлая исторія.

Приваловъ съумѣлъ такъ поставить дѣло, что и по выходѣ изъ нея ученики не прерывали связи съ нимъ, руководствуясь въ дальнѣйшей жизни его наставленіями, заботясь о реномѣ училища, боясь отклониться отъ трудовой, честной жизни изъ стыда предъ Петромъ Ильичемъ. Любовь и уваженіе его бывшихъ учениковъ и примѣръ собственной скромной жизни (онъ не игралъ въ карты, не пилъ, даже не курилъ), высокая интеллигентность, отзывчивость и тактичность сдѣлали его авторитетомъ въ училищномъ районѣ.

Въ сравненіи съ этой школой средне-учебныя заведенія почти нельзя называть воспитательными; всякій выходитъ изъ средне-учебнаго заведенія болѣе развращеннымъ, чѣмъ въ него поступилъ. Одна рѣчь учениковъ, обыденно пересыпанная циничными словами, чего стоитъ.

Бѣжаницкое народное училище было истинно воспитательнымъ заведеніемъ, выработывавшимъ изъ своихъ питомцевъ честныхъ и преданныхъ родицѣ гражданъ. Только при той свободѣ, сердечности и разумности, какая была въ Бѣжаницкой школѣ, и при условіи вы-

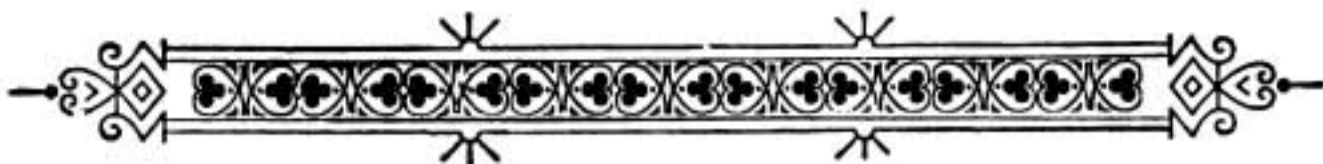
сокой нравственности самихъ учителей, возможно выработать изъ учениковъ такихъ гражданъ, какіе родинѣ нужны.

Въ 1880 году я оставилъ училище, никогда тамъ съ тѣхъ поръ не былъ и лишь нѣкоторое время узнавалъ о немъ изъ писемъ Дениса. Крупными буквами и съ большими грамматическими ошибками онъ сообщалъ мнѣ новости о Бѣжаницахъ, о своей трудовой жизни на скудномъ надѣлѣ и неизмѣнно слалъ благословенія нашей школѣ.

Петръ Ильичъ въ слѣдующемъ 1881 году былъ переведенъ на лучшее мѣсто въ Петербургъ.

И.

Наказаніе монахини (1690 г.).

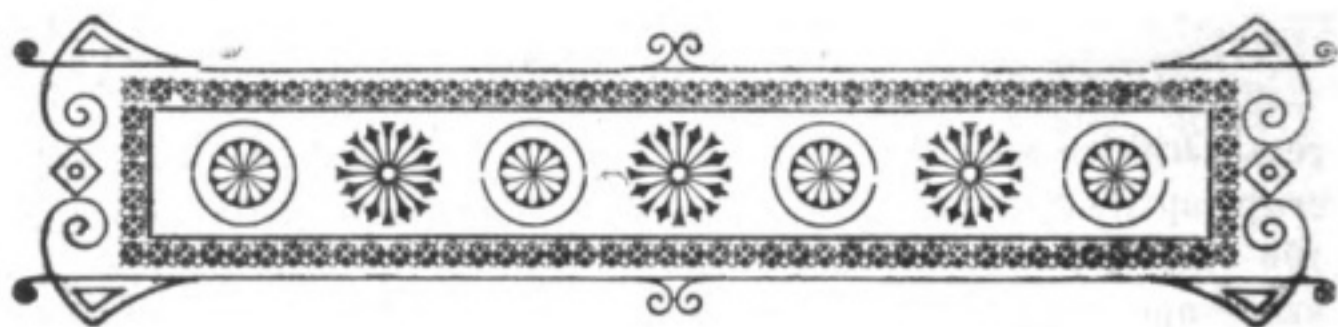
Лѣта 7199-го октября въ 22 день. По указу преосвященнаго Гавриіла, архіепископа Вологодского и Бѣлоозерского. На Белоозеро въ Воскресенскій дѣвичь монастырь, что въ Горахъ, игуменьѣ Анѳисѣ съ сестрами. Въ нынѣшнемъ во 199 году октября въ 20 день преосвященный архіепископъ, отписки вашей слушавъ, указалъ черницу Марѳу за воровство еѣ, за презрѣніе страху Божіа и іноческаго обѣщанія, что забывъ страхъ Божій и преданіе святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и монашеское свое обѣщаніе, сплутала и сплутавъ, похотя свое плутовство скрыть, збежала, вывезть на дровняхъ за монастырь и закопать въ берегъ безъ всякого церковного отпѣванія и безъ провожденія и къ церкви Божіи объ ней приношенія не принимать і въ синоникъ имени еѣ не писать и о томъ указъ преосвященнаго архіепископа посланъ Кириллова монастыря къ архимандриту Іосифу. И какъ къ тебѣ ся память придетъ и тебѣ бѣ начальную еѣ старицу, у которой она въ кельѣ жила, за то, что она, видя еѣ плутовство, укрывала, а вамъ игуменьѣ не извѣщала, велѣтъ сковать на шесть недѣль, а послѣ того смирить передъ сестрами по монастырскому чину; также и той старице, которая еѣ скрывала, чево было надъ ней чинить не довелось, также посадить въ смиреніе и смирить предъ сестрами, чтобъ на то смотря инымъ такъ плутать и іноческаго образа поругать не повадно было, да и впредь бы тебѣ того смотреть накрѣпко, чтобъ такова безчинія не было, а буде какая старица въ такомъ безчинствѣ объявица впредь, і вамъ бы такихъ велѣтъ держать за береженіемъ скованныхъ и распрашивать, а къ преосвященному архіепископу писать, а очистительные молитвы велѣтъ дать безъ мотчанія.

Государю преосвященному архіепископу Гавриілу, архіепископу Вологодскому и Белозерскому царского и твоего, государь, свяи-

тельскаго богомолія Успенія Пресвятыя Богородицы Кирилова монастыря архимандритъ Іосифъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, 199 году октября въ 27 день по твоему, государь, архіерейскому указу присланъ ко мнѣ твой архіерейской указъ, а въ указѣ написано: писали къ тебѣ, государю преосвященному архіепископу, Белозерскаго уѣзду Воскресенскаго дѣвicha монастыря, что въ Горахъ, игуменья Анѣиса съ сестрами: того жъ де монастыря черница Марѣа, забывъ страхъ Божій і монашеское обѣщаніе, своровавъ, приживъ блудно, родила мертвoго ребенка въ Михайлове помѣстьѣ Пятаго въ сельцѣ Микулинѣ и отъ того рожденія умре, и кокъ твой архіерейской указъ ко мнѣ, богомольцу твоему, придетъ и мнѣ-бъ приказать еѣ черницу за поруганіе монашескаго образу и за то еѣ воровство велѣть вывезть на дровняхъ за монастырь и закопать въ берегъ или гдѣ подъ лесомъ. И по твоему, государь, архіерейскому указу тоѣ черницу на дровняхъ вывезть и въ берегъ закопать велѣлъ, а того монастыря сестры для показанія были тутъ же, а къ Михаилу Пятову для допросу посылалъ і онъ въ домѣ своемъ не сказался. А Никицкаго монастыря черный священникъ Тихонъ подалъ за своею рукою сказку і тоѣ сказку послалъ я къ тебѣ, государю преосвященному архіепископу, подъ сею отпискою. А черница Марѣа на исповѣди ему священнику Тихону, сказала: изнасиловалъ еѣ блудно монастырской нашъ черной попъ Сергѣй Траецкой, а какъ та черница пришла въ село Микулино і онъ Сергѣй, слыша, что она объявилася въ близости, изъ монастыря отъ насъ сбежалъ ночью безвѣстно і въ погоню за нимъ посылали и сыскать нигдѣ не могли, а какъ онъ попъ Сергѣй-гдѣ объявитца и мы велимъ ево поймать и къ тебѣ, государю архіепископу, будемъ о томъ писать.

Сообщ. Ив. С—въ.

Взятіе русскими Ганджи (Елизаветполя).

(По архивнымъ даннымъ).

Ганджа (или Канджа)—просторная ¹⁾, нынѣ Елизавет. губернія, играла большую роль еще при расцвѣтѣ Ассиріи, когда Греція и Римъ находились въ младенчествѣ. До сихъ поръ тутъ и тамъ въ разныхъ уголкахъ Елизав. губ., куда еще не проникалъ европеецъ, и только заходитъ кочевникъ въ поискахъ за лучшими пастбищами, мы находимъ развалины городовъ, по величинѣ очень большихъ, можно себѣ составить даже представленіе о планѣ города и т. д. Никто не раскапывалъ ихъ, но несомнѣнно попытка изслѣдователя увѣнчается крупнымъ успѣхомъ. Кто только ни побывалъ здѣсь: Турція, Персія, Мидія, Месопотамія, Ассирія, Албанія знали цѣну этому прочному стратегическому базису. Владѣть Ганджею значило владѣть не только всею прикуринскою равниною, но и всѣмъ Азербейджаномъ, всѣми владѣніями на южномъ склонѣ Кавказа.

Въ 1735 году, лишь только Надиръ-шахъ разбилъ при Ганджѣ турокъ, отнявъ у нихъ крѣпость, всѣ отдаленныя владѣнія на южномъ склонѣ Кавказа сейчасъ же подпали подъ власть Персіи. Точно также раньше турки, отнявъ Ганджу отъ Грузіи, немедленно покорили своей власги всю прикуринскую равнину, которой владѣли 30 лѣтъ. Турки же выстроили въ Ганджѣ ту самую крѣпость, на стѣнахъ которой 4-го января 1804 г. палъ, сидя верхомъ на пушкѣ, послѣдній изъ ганджинскихъ хановъ, Джеватъ-ханъ и которая была совершенно разобрана лишь въ концѣ 80-хъ годовъ.

¹⁾ Есть такое слово производства канджахъ—владѣтельница Делосскихъ сокровищъ.

Важное значеніе Ганджи было извѣстно еще шахъ-Аббасу Великому, считавшему этотъ городъ ключемъ подвластныхъ ему азербейджанскихъ провинцій, почему онъ не только перенесъ его съ того мѣста, гдѣ теперь находится „зеленая мечеть“, на нынѣ занимаемое мѣсто, но и всячески заботился о немъ. Онъ построилъ существующіе и по настоящее время Джумуа-мечеть для мусульманъ шіитовъ, церковь для армянъ и темные ряды лавокъ для торговцевъ и ремесленниковъ. По его же приказу были произведены въ Ганджѣ посадки всѣхъ тѣхъ чинаровыхъ деревьевъ, которыя доселѣ поражаютъ взоръ своею мощностью ¹⁾. Это гиганты растительнаго царства востока.

Географическое значеніе Ганджи, какъ стратегическаго пункта, повелѣвающаго всѣмъ Азербейджаномъ, было понято также и княземъ Циціановымъ, считавшимъ поэтому завоеваніе его дѣломъ первостепенной важности, какъ для упроченія навсегда безопасности Грузіи отъ вторженія въ нее персіянъ, такъ и для облегченія возможности дальнѣйшихъ русскихъ операцій военнаго характера въ предѣлахъ Азербейджана.

И дѣйствительно, мы видимъ, что, вслѣдъ за паденіемъ Ганджинскаго ханства, пали и текинское, и карабагское, и ширванское, и всѣ остальные ханства въ восточномъ Закавказьѣ.

До начала XIX вѣка та часть Закавказья, которая теперь именуется Елизаветпольской губерніей, состояла изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ владѣній, каждое изъ которыхъ изнемогало подъ огнемъ и мечемъ враждебныхъ сосѣдей, жизнь и достояніе населенія внутри каждаго ханства подвергались всякимъ случайностямъ. Люди жили въ самыхъ первобытныхъ условіяхъ. Но прошло сто лѣтъ, и картина измѣнилась. Населеніе мирно развивается и идетъ впередъ по пути прогресса.

Черезъ губернію проведена желѣзная дорога, привозящая произведенія промышленности внутреннихъ губерній Россіи и Западной Европы и вывозящая на русскіе и европейскіе рынки произведенія мѣстныя. Проложены шоссеыя и грунтовыя дороги въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде мулъ съ трудомъ тащилъ на своей спинѣ произведенія примитивнаго сельскаго хозяйства и гдѣ тяжелую неповоротливую арбу замѣнили болѣе усовершенствованныя перевозочныя средства. Въ области земледѣлія появились новыя цѣнныя культуры. Грубая сила, ловкость въ употребленіи ружья и кинжала постепенно уступаютъ мѣсто просвѣщенію и знаніямъ.

¹⁾ Императоръ Александръ II, обративъ на нихъ вниманіе (будучи еще наследникомъ престола), приказалъ ихъ охранять.

Ко многимъ отраслямъ труда примѣняется современная техника, и паровая машина постепенно освобождаетъ человѣка отъ гнета тяжелаго физическаго труда. Правда, мѣстами еще сохранились старые обычаи и порядки въ своей первобытной формѣ, полудикіе нравы подчасъ даютъ себя чувствовать, но ихъ вѣковые устои уже пошатнулись, и лучи свѣта съ каждымъ днемъ все больше и больше проникають во всѣ дѣбри и ущелья горъ.

Все это совершается подъ вліяніемъ тѣхъ культурныхъ началъ гражданственности и правового порядка, которыя постоянно вносились Россію, ея учрежденіями и школой.

Наиболѣе характернымъ выразителемъ вліянія русскаго владычества въ теченіе болѣе 100 лѣтъ служитъ Ганджа, переименованная княземъ Циціановымъ, тотчасъ же послѣ ея завоеванія, въ „Елизаветполь“ въ честь Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Перенесемъ же въ моментъ завоеванія Ганджи и постараемся на основаніи архивныхъ данныхъ возстановить картину этого завоеванія.

Успѣшный ходъ дѣлъ русскихъ войскъ къ Грузіи имѣлъ послѣдствіемъ добровольное вступленіе, 4-го декабря 1803 года, въ русское подданство владѣльца Мингреліи князя Георгія Дадіани, женатаго на дочери послѣдняго грузинскаго царя.

Съ уничтоженіемъ старинныхъ враговъ Грузіи, издавна грабившихъ Кахетинію, князь Циціановъ, чтобы оградить русскія владѣнія отъ персовъ и турокъ, задумалъ въ томъ же году овладѣть ближайшимъ къ Грузіи Ганджинскимъ ханствомъ, потомъ идти на Эривань, взять Баку и, такимъ образомъ, утвердить русское вліяніе на Каспійскомъ побережьѣ.

Возстаніе грузинъ отвлекло часть войскъ Циціанова, отрядившаго противъ нихъ князя Гулякова. Пришлось идти на Ганджу съ 6 батальонами пѣхоты, съ Нарвскимъ драгунскимъ полкомъ и 12 орудіями.

Передъ выступленіемъ въ походъ Циціановъ, какъ высокоблагородный человѣкъ, отправилъ къ Джевать-хану письмо: „Первая и главная причина моего похода сюда, пишетъ онъ, что Ганджа со времени царицы Тамары принадлежала Грузіи и отторгнута отъ оной слабостью царей грузинскихъ. Всероссійская имперія, принявъ Грузію въ свое высокомогущее покровительство и подданство, не можетъ быть равнодушной къ расторженію Грузіи. Пришедъ съ войсками, брать городъ, я, по обычаю европейскому и по вѣрѣ, мною исповѣдуемой, долженъ, не приступая къ пролитію крови, предложить вамъ о сдачѣ города. Буде завтра въ полдень не по-

лучу я отвѣта, то брань возгорится, понесу подъ Ганджу огонь и мечъ, и вы узнаете, умѣю ли я держать свое слово“.

Джеватъ-ханъ отвѣчалъ: „если русскія пушки длиною въ аршинъ, мои длиною въ 4 аршина. Русскіе не храбрѣе персіянъ... Несчастнѣй рокъ завелъ васъ сюда“.

Послѣ этого самоувѣреннаго отвѣта, русскія войска овладѣли садами, городскими предмѣстьями и каравансараемъ и открыли огонь изъ орудій.

При этомъ былъ раненъ пулею навывлетъ въ ногу капитанъ Котляревскій, и отличился поручикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка графъ Воронцовъ, ставшій черезъ 40 лѣтъ намѣстникомъ Кавказа.

На этомъ мѣстѣ былъ поставленъ памятникъ. Когда мы нынѣ хотѣли лучше осмотрѣть его, то лишены были возможности ...онъ обращенъ въ отхожее мѣсто, и за ограду памятника проникнуть мѣшаетъ чувство брезгливости.

Джеватъ-ханъ защищался геройски. Цѣлый мѣсяць длилась осада. Пять разъ требовалъ Циціановъ сдачи крѣпости.

„Я возьму крѣпость и убью тебя“, писалъ онъ упрямому хану. „—Ты найдешь меня мертвымъ на крѣпостной стѣнѣ“,—отвѣчалъ Джеватъ-ханъ. Оба клятвами подкрѣпляли свои слова.

2-го января 1804 г. рѣшили быть окончательному штурму на завтра.

Циціановъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны. Два батальона Кавказскаго гренадерскаго и Севастопольскаго пѣхотнаго полковъ и два эскадрона Нарвскихъ драгунъ были поручены генераль-маіору Портнягину. Два батальона 17-го егерскаго полка составляли другую колонну, порученную полковнику Карягину.

Ночь со 2-го на 3 января была темной. Войска тихо отнесли знамена и штандарты на монетный дворъ, куда потянулась и вся татарская милиція.

Бросили въ ровъ подсвѣты, зажгли ихъ, приставили лѣстницы. Штурмовыя колонны двинулись. Съ крѣпости загремѣли орудія, посыпались стрѣлы, камни.

Генераль Портнягинъ шелъ къ Карабагскимъ воротамъ и принялъ влѣво, чтобы ворваться черезъ брешь, пробитую въ земляной стѣнѣ. Противъ этого отверстія крѣпостныя войска сосредоточили всѣ свои силы. Тогда храбрый генераль велѣлъ приставить лѣстницы и штурмовать стѣну. Два раза войска шли на приступъ и два раза были отбиты съ урономъ. Тогда Портнягинъ въ третій разъ бросился, ставъ во главѣ колонны, и первымъ взошелъ на стѣну. За нимъ взошелъ поручикъ Клейтъ и тутъ же былъ убитъ, убитъ

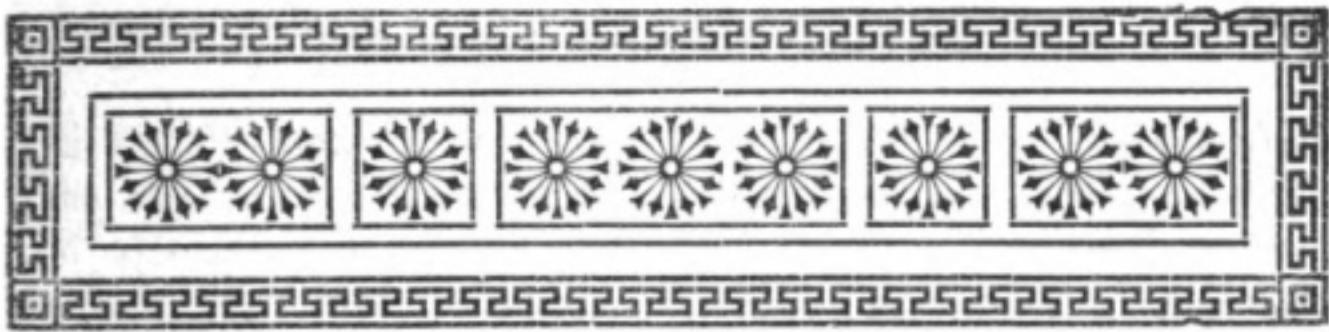
быль и маіоръ Бартеневъ, старикъ, бросившійся впереди севастопольцевъ. Полковникъ Симановичъ кое-какъ во главѣ гренадеръ взобрался на лѣстницу и выручилъ Портнягина, уже окруженнаго ганджинцами.

Въ это время со стороны Тифлисскихъ воротъ вошла на стѣну вторая колонна съ полковникомъ Карягинымъ. Она овладѣла главной башнею. Другія двѣ башни были взяты маіоромъ Лисаневичемъ, и въ одной изъ нихъ былъ убитъ самъ Джеватъ-ханъ, не захотѣвшій искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ сѣлъ на пушку и съ саблей въ рукахъ защищался, пока не былъ изрубленъ капитаномъ Каловскимъ, убитымъ вслѣдъ за Джеватъ-ханомъ.

Такъ была взята Ганджа.

С. Фарфоровскій.

**Изъ воспоминаній стараго кадета о Государь Императоръ
Николаѣ Павловичѣ.**

Въ 1844 году въ августѣ мѣсяцѣ я, пишущій эти строки, 13 лѣтъ поступилъ въ Дворянскій полкъ. Корпусъ нашъ помѣщался на Петербургской сторонѣ въ огромномъ трехъэтажномъ зданіи, выстроенномъ покоемъ изъ красного нештукатуреннаго кирпича, съ большимъ плацомъ для ученій внутри. Какъ новичка, меня опредѣлили въ шестую не-ранжированную роту, которой командовалъ ротный командиръ, фамиліи не упомяну. Это былъ строгій и суроваго вида, по происхожденію шведъ или финнъ. Директоромъ корпуса былъ генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Пуцинъ, человекъ съ большой педагогической опытностью и горячо любившій свое дѣло и ввѣренныхъ ему кадетъ. Поступилъ я въ первый классъ, и такъ какъ я выросъ въ польской семьѣ родныхъ моей матери, хотя нѣмецъ по отцу, въ первый годъ учиться мнѣ было трудно, и я остался на второй годъ въ первомъ классѣ. Въ слѣдующій же годъ я учился очень хорошо и попалъ на красную доску. Записанные на красную доску въ классѣ пользовались тѣмъ преимуществомъ, что во время пріѣзда высочайшихъ особъ въ корпусъ встрѣчали въ дежурной комнатѣ своей роты, подъ такой же красной доской. Инспекторомъ классовъ былъ полковникъ Дмитрій Михайловичъ Павловскій, человекъ строгій и въ рапортчикахъ, посылаемыхъ каждый день ротнымъ командирамъ, объ отмѣткахъ, полученныхъ наканунѣ кадетами, прописывалъ наказанія: безъ одного блюда, безъ двухъ и нерѣдко „подсѣчь“; это значить, что ротному командиру нужно было наказывать лѣнивца розгами,—обыкновенно десять и не болѣе двад-

цати ударовъ; тѣмъ не менѣе за справедливое отношеніе къ кадетамъ его любили. Но самымъ строгимъ наказаніемъ считалось снятіе погонь. Помню, что такому наказанію за какую-то шалость былъ подвергнутъ на короткое время и славный покоритель Ташкента Черняевъ, находившійся уже въ старшихъ ротахъ корпуса. Директоръ корпуса всѣми мѣрами заботился о преуспѣяніи его воспитанниковъ, такъ они назывались, а не кадетами, не только въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, но и въ привитіи къ нимъ сознанія о долгѣ, чести и обязанностяхъ предъ царемъ и отечествомъ. Поэтому въ корпусѣ устраивались литературные вечера, балы, на которые приглашались родные воспитанниковъ, и не рѣдко осчастливливали корпусъ особы Высочайшаго двора. Нѣтъ надобности упоминать о томъ, что воспитанники обучались музыкѣ, пѣнію, танцамъ, живописи и проч., для чего директоромъ приглашались лучшіе изъ извѣстныхъ учителей. Вообще же Пущинъ придумывалъ съ своей стороны всякаго рода мѣры для поощренія чѣмъ-нибудь отличившихся, такъ, напр., каждому, обратившему по своимъ успѣхамъ его вниманіе, онъ давалъ небольшой шарикъ, выточенный изъ орѣховаго дерева, съ № на немъ. Получившій такіе три шарика представлялъ ихъ директору и получалъ отъ него подарокъ, хорошую книгу или что-нибудь дорогое. Я получилъ три шарика: одинъ за отвѣтъ по-французскому языку, другой за танцы и третій за фронтное ученіе.

Такъ какъ корпусъ нашъ заключалъ въ себѣ до восьмисотъ воспитанниковъ, составляющихъ семь ротъ и два баталіона, состоящіе изъ одной гренадерской роты, пяти дворянскихъ и 6-й неранжированной, то поэтому назывался не корпусомъ, а Дворянскимъ полкомъ; весной передъ выходомъ въ лагерь неранжированная рота расформировывалась, и воспитанники ея распредѣлялись по строевымъ ротамъ двухъ баталіоновъ. Я на второй годъ пребыванія въ корпусѣ былъ переведенъ во вторую дворянскую роту, гдѣ ротнымъ командиромъ былъ капитанъ Александръ Максимовичъ Савриновичъ, а фельдфебелемъ Драгомировъ, впоследствии генераль-губернаторъ и командующій войсками одного изъ западныхъ военныхъ округовъ.

И въ этой второй дворянской ротѣ мнѣ тоже пришлось стоять подъ красной доской во время пріѣзда въ корпусъ начальства, а рядомъ со мной, подъ другой красной доской, стоялъ кадетъ старшаго класса Романовъ; и вотъ, что случилось въ томъ же году, когда въ корпусъ пріѣхалъ Государь Николай Павловичъ. Войдя въ нашу роту и увидавъ въ дежурной комнатѣ насъ двухъ подъ красными досками, онъ поздоровался съ нами и, не останавливаясь,

кинулъ Романову вопросъ съ улыбкой: „Ты мнѣ родня?“ и, получивъ, отвѣтъ: „Такъ точно, Ваше Величество“, Государь быстро повернулся къ нему и спросилъ: „Какимъ образомъ?“; Романовъ отвѣтилъ: „Вы отецъ Россіи, а я сынъ ея“.

Государь улыбнулся, поцѣловалъ его и сказалъ: „Вотъ тебѣ поцѣлуй отъ твоего дѣдушки“.

Затѣмъ Государь прошелъ дальше въ залы, гдѣ кадеты нашей роты уже выстроились для встрѣчи его, поздоровался съ ними, а когда остановился въ концѣ залы и заговорилъ о чемъ-то съ директоромъ, то всѣ кадеты сошли со своихъ мѣстъ и окружили его. Одинъ кадетъ, увидавъ конецъ носового платка, высунувшагося изъ задняго кармана сюртука Государя, потянулъ его, и мигомъ этотъ платокъ былъ изрѣзанъ перочиннымъ ножомъ на сотни частей и раздѣленъ между всѣми нами „на память“. Говорили, что Государь уже привыкъ къ этому и не сердился за это.

Такъ какъ Дворянскій полкъ открытъ былъ по желанію и въ честь Наслѣдника престола Великаго Князя Константина Павловича, какъ говорили тогда, въ замѣнъ корпуса волонтеровъ, плохо поставленнаго, въ который поступали даже женатые молодые люди, то Пушину пришлось много поработать, чтобы преданія и духъ корпуса волонтеровъ не перешли въ Дворянскій полкъ. Къ сожалѣнію, Н. Н. Пущинъ въ 1845 году почти потерялъ зрѣніе и вскорѣ умеръ и похороненъ былъ на Волковомъ кладбищѣ среди своихъ воспитанниковъ, по выраженному имъ передъ смертью собственному желанію.

Вообще, въ корпусѣ намъ жилось очень хорошо: кормили насъ превосходно, за обѣдомъ всегда были три блюда, а въ посту, когда наступятъ оттепели, и продавцы, опасаясь за порчу оставшейся непроданной дичи, сбавляли на нее цѣну, за обѣдомъ у насъ появлялись зайцы, гуси, утки и даже индѣйки. По утрамъ вмѣсто чаю давали очень вкусный сбитень и къ нему полъ-французскаго хлѣба и два куска чернаго хлѣба, намазаннаго масломъ, вечеромъ тоже сбитень или молоко съ французскимъ хлѣбомъ. Но зимамъ на плацу устраивались для кадетъ горы для катанья на санкахъ и катки для коньковъ, а сами кадеты устраивали изъ снѣга крѣпости съ амбразурами и рвами вокругъ нихъ и брали ихъ приступомъ, устраивая подобіе войны. Кромѣ коренныхъ воспитанниковъ Дворянскаго полка къ намъ въ корпусъ ежегодно привозили для окончанія курса кадеты изъ другихъ провинціальныхъ корпусовъ: изъ Полтавскаго, Брестъ-Литовскаго, Бахтина-Орловскаго, Тамбовскаго и Полоцкаго. Кадеты эти поступали въ послѣдніе два спеціальные класса, въ которыхъ проходили науки: высшую математику, механику, химію, физику, артиллерію, тактику, фортификацію и статистику.

Кадеты эти вообще были хорошо выдержаны и весьма симпатичны, кромѣ кадетъ Полоцкаго корпуса, которые по своему направленію были просто отвратительны. Всѣ они были „табаколюхи“, и это у нихъ вкоренилось въ такой степени, что считалось какъ бы почетнымъ спортомъ. У всякаго изъ нихъ въ карманѣ или за обшлагомъ былъ запасъ нюхательнаго табаку, и, встрѣчаясь, они привѣтствовали другъ друга слѣдующими словами: „Не знаю вашего ни рода, ни племени, смѣю васъ спросить объ одолженіи почерпнуть изъ глубины вашего сосуда вашего благороднаго зелія; смѣю спросить, какой вы употребляете, березинскій или бобковый, и въ чемъ вы его содержите, въ тавлиночкѣ или въ бумажечкѣ; въ тавлиночкѣ неблагопристойно, въ бумажечкѣ сохнетъ, но зато крѣпче“. Последнія эти слова произносились нараспѣвъ, затѣмъ происходило взаимное угощеніе. Кадеты этого корпуса отличались отъ другихъ крайней неопрятностью и частыми нарушеніями установленныхъ порядковъ: ходили въ разстегнутыхъ на послѣднія пуговицы курткахъ, съ грязными руками и вообще производили очень непріятное впечатлѣніе. Кромѣ кадетъ изъ разныхъ корпусовъ, на лѣтній лагерный сборъ пріѣзжали къ намъ кадеты изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса. Это былъ чопорный несимпатичный народъ. По зимамъ въ корпусъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ Великій Князь Михайлъ Павловичъ, бывшій главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, и одинъ разъ въ зиму Государь Императоръ Николай Павловичъ. Пріѣзды ихъ были всегда неожиданные и всегда очень желательные, такъ какъ за ними слѣдовалъ отпускъ на нѣсколько дней. Великій Князь Михайлъ Павловичъ ввелъ во всѣхъ корпусахъ прическу чубъ, и всѣ кадеты, и офицеры должны были подчиняться этому, такъ какъ и онъ украшалъ свою голову такимъ же чубомъ. Однажды Михайлъ Павловичъ пріѣхалъ къ намъ девятаго ноября и, войдя въ нашу шестую нераджированную роту, поздоровался: „Здравствуйте, карапузы“, а затѣмъ спросилъ: „Кто у васъ былъ именинникомъ?“. Меня ротный командиръ выдвинулъ впередъ къ нему. Великій Князь поздравилъ меня и, надѣвъ на меня свою трехугольную шляпу, велѣлъ за нимъ носить. Я въ этой шляпѣ ходилъ за нимъ по всѣмъ этажамъ корпуса. Шляпы эти съ чернымъ перомъ надѣвались офицерами внѣ фронта, по установленной въ то время формѣ. Зимой въ хорошую погоду по одной ротѣ изъ каждаго корпуса, вмѣстѣ съ гвардейскими полками, вступающими въ тотъ день въ городской караулъ, должны были присутствовать на разводѣ съ церемоніей, въ Михайловскомъ манежѣ и кадеты. Парадъ этотъ устраивался въ присутствіи Государя Императора и обязательно Великаго Князя Михаила Павловича. Я, какъ хорошій

Фронтоникъ, часто являлся ординарцемъ къ нимъ. На этихъ разводахъ присутствовалъ тоже и начальникъ штаба кадетскихъ корпусовъ генералъ-маіоръ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, впоследствии выдающійся дѣятель по реформѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Послѣ смерти Н. Н. Пущина директоромъ нашего дворянскаго полка назначенъ былъ генералъ-маіоръ Грессеръ, пробылъ онъ директоромъ недолго.

Передъ выступленіемъ войскъ въ лагерь, обыкновенно, въ Петербургѣ на Марсовомъ полѣ, устраивался большой „Майскій парадъ“. Всѣ войска гвардіи вмѣстѣ съ кавалеріей, артиллеріей и саперами и даже армейскіе полки, квартирующие около Петербурга, а также кадеты всѣхъ корпусовъ разставлялись на этой огромной площади въ нѣсколько линій въ баталіонныхъ колоннахъ, съ музыкой и знаменами. На правомъ флангѣ въ первой линіи занималъ мѣсто конвой Государя Императора, состоящій изъ людей, собранныхъ отъ всѣхъ кавказскихъ племенъ: кубанцевъ, черкесовъ, лезгинъ, дагестанцевъ, кабардинцевъ, грузинъ, татаръ и пр. народовъ, всѣ верхами въ своихъ національныхъ костюмахъ и вооруженіи. Рядомъ съ ними въ первой линіи стояли кадеты всѣхъ корпусовъ, а далѣе гвардейскіе полки всѣхъ дивизій кавалеріи, артиллеріи и саперъ въ нѣсколько линій. Одновременно съ пріѣздомъ Государя Николая Павловича пріѣзжала для присутствія на парадѣ и вся Царская Фамилія съ придворными дамами и помѣщалась въ большой роскошно устроенной палаткѣ. Государь Николай Павловичъ подъѣзжалъ къ правому флангу первой линіи, гдѣ его встрѣчалъ командующій парадомъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ рапортомъ. Подъѣхавъ къ своему конвою, онъ здоровался: „Саламаликъ, мой конвой“, на что кавказцы отвѣчали: „Аликумъ Сала Николай Паулейшъ“. По мѣрѣ приближенія Государя къ каждой части, войска отдавали честь, онъ здоровался съ войсками, музыка играла встрѣчу, знамена склонялись къ землѣ, а затѣмъ музыка играла народный гимнъ, а потомъ „Коль славенъ“... Эти разнообразные мотивы, не переставая во все время отъѣзда, наполняли воздухъ величественной симфоніей.

Окончивъ объѣздъ всѣхъ линій, Государь со свитой подъѣзжалъ къ палаткѣ, и войска проходили передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно, затѣмъ второй разъ въ сомкнутыхъ колоннахъ и при прохожденіи удостаивались царскаго спасиба.

Особенно весело проходило лагерное время. Кадетскій лагерь всѣхъ корпусовъ былъ въ Петергофѣ, на огромной площади, особенно для этого отведенной. Въ лагерь кадеты всѣхъ корпусовъ

выступали по окончаніи экзаменовъ въ концѣ мая. При выступленіи около Нарвской заставы провожалъ насъ всегда Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Шли мы въ Петергофъ два дня съ ночлегомъ около Ораніенбаума. Кадеты очень любили этотъ походъ, такъ какъ въ это время они пользовались совершенной свободой. Передъ вступленіемъ въ Петергофъ походная форма замѣнялась парадной, и всѣ кадетскіе корпуса проходили черезъ Александрійскій паркъ мимо дворца церемоніальнымъ маршемъ передъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ и всей Царской Семейей и затѣмъ уже направлялись въ лагерь. Лагерный кадетскій отрядъ состоялъ изъ кадетъ всѣхъ петербургскихъ корпусовъ и составлялъ два отдѣльных полка, по три баталіона въ каждомъ. Первый баталіонъ составляли кадеты Пажескаго корпуса, школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и инженерное училище, cadaго изъ этихъ корпусовъ по одной ротѣ. Второй баталіонъ составляли три роты перваго кадетскаго корпуса, а третій баталіонъ—три роты втораго кадетскаго корпуса. Второй полкъ составляли два баталіона кадетъ Дворянскаго полка и третій баталіонъ три роты Павловскаго кадетскаго корпуса. Всѣ кадеты вооружены были небольшими кремневыми ружьями, хотя въ гвардейскихъ полкахъ были уже введены пистонныя гладкоствольныя ружья, заряжающіяся съ дула.

Въ лагеряхъ палатки, отдѣльныя для cadaго взвода кадетъ устраивались очень прочно, и жилось въ нихъ превосходно. Позади палатокъ помѣщались навѣсы-столовыя для обѣдовъ, а дальше кухни, погреба и проч. Между четырьмя и пятью часами почти каждый день раздавался крикъ: „Всѣмъ на переднюю линію“. Это значило, что проѣзжаетъ по лагерю кто-нибудь изъ Царской Семейи. Особенно часто проѣзжалъ Государь Николай Павловичъ со своимъ семействомъ. Онъ самъ правилъ лошадьми, запряженными въ четырехмѣстный шарабанъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла Императрица Александра Ѳеодоровна, на второй скамейкѣ помѣщался Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ Цесаревной Маріей Александровной, а на задней скамейкѣ—Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи въ формѣ перваго кадетскаго корпуса. Государь, проѣзжая по линіи, улыбаясь, здоровался съ кадетами и салютовалъ имъ длиннымъ бичемъ, который держалъ въ правой рукѣ. Проѣхавъ весь лагерь, царское семейство возвращалось въ Александрію. По праздникамъ послѣ обѣда, кадеты всѣхъ корпусовъ партіями по десяти человѣкъ, при одномъ старшемъ, безъ офицера, отправлялись въ Александрію. Часто намъ удавалось застать царскую семью еще за обѣдомъ. Мы подходили смѣло къ открытому окну и любовались на дорогую всѣмъ намъ царскую семью. Насъ

угощали конфектами, и затѣмъ мы гуляли по всему саду безъ всякаго стѣсненія, качались на качеляхъ вмѣстѣ съ Великими Князьями, бѣгали на гигантахъ, лазили по мачтамъ и вообще проводили время очень весело, а въ восемь часовъ возвращались въ лагерь. Государь Николай Павловичъ очень любилъ кадетъ и, когда былъ въ духѣ, то даже позволялъ всякія вольности съ собой. Помню, какъ однажды вечеромъ, послѣ зари съ церемоніей, на которой присутствовалъ Государь, онъ, окруженный кадетами, направился къ своей коляскѣ и, обращаясь къ кадетамъ, скомандовалъ: „Орудіе въ передки“. Кадеты догадались и подхватили Государя, кто за ноги, кто за талию и посадили въ коляску. Но затѣмъ послѣдовала вторая команда: „Второе орудіе въ передки“, но кадеты остановились въ недоумѣніи, т. к. не допускали, чтобы эта вторая команда относилась къ начальнику лагеря ген. Судгову, тутъ же стоящему около коляски, но, увидавъ, что къ экипажу быстро приближается Наслѣдникъ Цесаревичъ, подхватили его и посадили также въ коляску.

Въ жаркіе дни почти каждый день кадетъ водили купаться на возморье въ Финскій заливъ. Нерѣдко случалось застать тамъ купающихся Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, съ ихъ воспитателями, генералами Философовымъ и другимъ, точно не упомяну, кажется, Карцевымъ. Кадеты не входили въ воду, ожидая выхода изъ воды Великихъ Князей. А выкупавшіеся генералы, обтираясь простынями на палубѣ, торопили своихъ воспитанниковъ, чтобы выходили скорѣй и пустили купаться кадетъ. И вотъ, не желая выходить изъ воды, Великіе Князья шалили—хватали со дна грязи и бросали въ своихъ воспитателей, и имъ приходилось опять по лѣстницѣ спускаться въ воду, чтобы окунуться, и такимъ образомъ, время купанія удлинялось. Вообще лагерная жизнь доставляла намъ много развлеченія и удовольствій.

Лѣтомъ пріѣзжалъ изъ Петербурга знаменитый тогда въ Петербургѣ циркъ Лежара и Гвера и давалъ представленія на открытомъ воздухѣ, за городомъ. На эти представленія приводили по приказанію Государя и кадетъ. Однажды былъ такой случай: когда представленія кончились и вся публика ушла, Государь велѣлъ остаться только кадетамъ, подозвалъ ихъ къ своей палаткѣ, въ которой находилась и вся царская семья, велѣлъ встать всѣмъ въ рядъ и по командѣ его: разъ, два, три, обѣжать всю арену кругомъ и тому, кто опередитъ всѣхъ, обѣщалъ дать подарокъ. Всѣ, конечно, побѣжали, и всѣхъ опередилъ долгоногій кадетъ школы гвардейскихъ подпранорщиковъ и получилъ отъ Государя золотые часы. Затѣмъ началось угощеніе кадетъ конфектами, и тутъ про-

изошелъ со мной оригинальный случай. Такъ какъ полъ палатки возвышался надъ землей аршина на полтора, а перила, ограждающія ее, были еще выше его, то чтобы закрыть внутренность постройки, съ перилъ до земли спущено было красное сукно. Государь велѣлъ двумъ фрейлинамъ подать намъ конфетъ въ огромныхъ вазахъ и пирамидахъ. Фрейлины поставили ихъ на балюстраду перилъ и удерживали, въ рукахъ, а кадеты должны были своими руками брать съ пирамидъ конфеты. Вслѣдствіе желанія захватить какъ можно больше царскихъ конфетъ, произошла давка; я былъ еще въ младшемъ классѣ, маленькаго роста, и меня совершенно прижали къ периламъ. Замѣтивъ, что масса конфетъ падаетъ на землю, я нагнулся, чтобы подобрать ихъ, а мое мѣсто было тотчасъ занято другими, и я очутился подъ поломъ палатки и сталъ набивать свои карманы конфетами; но вдругъ я услышалъ сердитый голосъ Государя, кричавшаго: „Назадъ, невѣжды, олухи! фрейлины не могутъ удержать вазы!“ Я испуганно поднялъ закрывшее меня сукно и увидалъ, что всѣ кадеты уже отступили отъ палатки на нѣсколько шаговъ и стоятъ въ великомъ испугѣ и смущеніи. Положеніе мое было очень критическое, но во что бы ни стало я долженъ былъ присоединиться къ товарищамъ, и вотъ я ползкомъ, почти на карачкахъ, сталъ ползти въ ряды кадетъ. Вѣроятно, это было очень смѣшно, потому что въ палаткѣ раздавался сдержанный хохотъ всѣхъ присутствующихъ.

Одиннадцатаго іюля въ день именинъ Великой Княжны Ольги Николаевны, намъ прислали изъ дворца каждому въ особомъ пакетѣ конфетъ. Вечеромъ, поздно, когда кадеты легли уже спать, дежурные барабанщики ударили тревогу. Кадеты наскоро одѣвались и, захвативъ ружья, выбѣгали на переднюю линію, строились въ баталіонныя колонны и ожидали дальнѣйшихъ командъ. Оказалось, что тревогу сдѣлалъ Государь Николай Павловичъ, пріѣхавъ въ лагерь съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ гостей, иностранныхъ государей или принцевъ.

На первомъ плацу продѣлывалось ученіе и оканчивалось церемониальнымъ маршемъ.

Однажды, когда я былъ уже въ старшемъ классѣ, и былъ старшимъ въ палаткѣ, и долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы послѣ зари всѣ кадеты лежали уже въ постели и спали, многіе еще разговаривали, а я, по праву старшаго, еще не легъ и стоялъ подъ фонаремъ на серединѣ палатки и читалъ Монтекристо. Но вдругъ я услышалъ у самаго входа въ палатку голосъ Наслѣдника Александра Николаевича, очень хорошо мнѣ знакомый. Чтобы прекратить разговоры, я крикнулъ: „Господа! Наслѣдникъ!“ и бросился къ

своей постели, стоявшей какъ разъ у самаго входа, и спрятался подъ одѣяло. Наслѣдникъ вошелъ въ палатку съ дежурнымъ по лагерю и своимъ адъютантомъ и, проговоривъ веселымъ голосомъ: „Обо мнѣ предупреждаютъ“ выговаривая „р“ гортанно, прошелъ вдоль по всей палаткѣ въ слѣдующую.

Вообще лагерное время оставило по себѣ въ моей памяти много очень пріятныхъ воспоминаній. Въ царскіе торжественные дни у большого Петергофскаго дворца кадетамъ дѣлались парады, для чего изъ каждаго корпуса призывались по одной или по двѣ роты. Помню, что одиннадцатаго іюля въ день именинъ Великой Княжны Ольги Николаевны былъ такой большой парадъ. Я и еще одинъ кадетъ Дворянскаго полка были назначены уборными унтеръ-офицерами къ дворцовой церкви. Парадомъ командовалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ ожиданіи выхода Царской Фамиліи въ церковь, я съ товарищемъ заняли мѣста около входа въ церковь и должны были держать ружье у ноги по-ефрейторски, при чемъ большой палецъ правой руки долженъ былъ лежать на штыковой трубкѣ вдоль шомпола. Забывши это правило, я этимъ пальцемъ обхватилъ всю штыковую трубку, и, по разсѣянности, не замѣтилъ, какъ подошелъ ко мнѣ командующій парадомъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ; замѣтивъ мою оплошность, подошелъ ко мнѣ и поправилъ палецъ, поставилъ его на должное мѣсто, но черезъ нѣсколько времени непослушный мой палецъ опять обхватилъ штыковую трубку. Тогда Великій Князь подошелъ ко мнѣ и строго перевелъ палецъ на должное мѣсто. По окончаніи обѣдни кадеты прошли церемониальнымъ маршемъ на площади передъ дворцомъ въ присутствіи Императора Николая Павловича, а затѣмъ отправились въ лагерь.

Въ лагеряхъ каждый день производились ученія, съ шести до семи часовъ ротныя, а потомъ два часа баталіонныя. На баталіонное ученіе пріѣзжали со своими воспитателями Великіе Князья Николай и Михайлъ Николаевичи и становились въ рядахъ первой роты Перваго кадетскаго корпуса. Производились также ученія Артиллерійскаго училища съ полнымъ вооруженіемъ, съ пушками и стрѣльбой холостыми зарядами. А кадетскіе саперы и инженеры занимались наводкой понтоновъ и постройкой укрѣпленій.

Кадетская форменная одежда наша состояла: изъ куртки съ желтыми погонами съ краснымъ воротникомъ, сѣрыхъ панталонъ и фуражки безъ козырька, а парадная изъ мундира съ галунами на воротникѣ, черныхъ панталонъ, каски съ гербомъ двухглаваго орла въ сіяніи и чернымъ султаномъ. Это была и отпускная форма. Во фронтѣ на парадахъ къ этой формѣ надѣвалась еще патронная сумка; она висѣла сзади на двухъ, перекрещивавшихся на груди

ремняхъ въ 2 вершка шириной, толстыхъ, изъ лосиной кожи, выбѣленныхъ бѣлилами и отдѣланныхъ подъ глянецъ. У сумки висѣлъ тоже и тесакъ. Эти ремни были очень тяжелы, давили грудь и совершенно неудобны. Въ походѣ кадеты сверхъ ремней носили за спиной ранцы, но меньше солдатскихъ и легче.

Помню, какъ въ 1849 году, когда наши войска находились въ Венгріи, спасали Австрію отъ разгрома Венгріей, однажды вечеромъ пріѣхала къ намъ въ лагерь Государыня Императрица Александра Θεодоровна. Кадеты тотчасъ окружили ея экипажъ, прибѣжалъ начальникъ кадетскаго лагеря генераль-маіоръ Судговъ. Государыня трясущейся рукой и головой передала ему только-что полученную отъ Государя, изъ Варшавы, телеграмму и велѣла громко прочесть. Въ телеграммѣ значилось: „Ура!“ Мы побѣдили. Дебречинъ взятъ нами и Гергей сдался.

Мы, конечно, закричали „ура!“, и Государыня очень была довольна общимъ нашимъ энтузіазмомъ.

Въ 1849 году было бракосочетаніе Великаго Князя Константина Николаевича. Въ іюнь мѣсяцѣ Его Высочество пріѣхалъ къ намъ въ лагерь вмѣстѣ съ молодой женой Великой Княгиней Александрой Гіосифовной, оба верхами. Я былъ дежурнымъ по ротѣ и встрѣтилъ Ихъ Высочества на средней линейкѣ. Великій Князь узналъ меня и, улыбаясь, спросилъ: „а палець выучились ли держать какъ слѣдуетъ“. Я засмѣялся и отвѣтилъ: „Отлично выучился и никогда не забуду, Ваше Императорское Высочество“. Оба они разсмѣялись и поѣхали дальше.

Въ 1850 году я перешелъ во второй спеціальный классъ и затѣмъ былъ произведенъ въ старшіе унтеръ-офицеры и назначенъ знаменщикомъ.

Въ день крещенія каждый годъ бываетъ на Дворцовой площади большой крещенскій парадъ: гвардейскіе полки устраиваются на площади передъ дворцомъ около Александровской колонны, а кадеты по одному взводу отъ cadaго корпуса со знаменемъ стоятъ съ ружьемъ въ залахъ дворца.

По выходѣ изъ церкви митрополита съ духовенствомъ и за нимъ всей Царской фамиліи, кадеты отдають имъ честь, а знаменщики со знаменами отъ cadaго корпуса пристраиваются сзади и вмѣстѣ съ духовенствомъ и Царской фамиліей направляются на Неву въ устроенный тамъ павильонъ—Іордань.

Въ этомъ павильонѣ совершается водосвятіе въ присутствіи Государя Императора, и провозглашается многолѣтіе Государю и всему Царствующему дому и окропляются святой водой знамена. По окончаніи водосвятія, полковыя знамена возвращаются къ своимъ ча-

стямъ, а знаменщики-кадеты возвращаются въ залы дворца. Государь Императоръ войскамъ, стоящимъ на площади, дѣлаетъ смотръ и пропускаетъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. На крещенскомъ парадѣ 1851 года Государь въ формѣ лейбъ-казацкаго полка, по окончаніи парада войскамъ, сдѣлалъ нарядъ кадетамъ и пропустилъ всѣхъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ тихимъ шагомъ.

Знамена въ нашемъ корпусѣ были даны намъ шефомъ корпуса Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, участвующія съ нимъ въ войнѣ съ Наполеономъ, безъ полотенъ съ однимъ на древкахъ орломъ и кистями и съ слѣдами попадавшихъ въ нихъ пуль.

Мнѣ, какъ знаменщику, марширующему впереди своего взвода при двухъ офицерахъ ассистентахъ, пришлось салютовать знаменемъ Государю Императору и, пройдя уже Государя, поднявъ знамя, кисти знамени вслѣдствіе взмаха ими запутались было въ люстру, но офицеры ассистенты успѣли скоро саблями откинуть ихъ, и такимъ образомъ случай этотъ, могущій задержать около люстры весь взводъ, сзади идущіе разрѣшили благополучно.

Лагерь 1851 года былъ для меня послѣднимъ. Изъ лагеря мы двинулись въ Петербургъ обычнымъ порядкомъ—маневрами. Ночевали на бивуакахъ и къ утру явились въ такъ называемый „Красный кабачекъ“ въ 7-ми верстахъ отъ Петербурга.

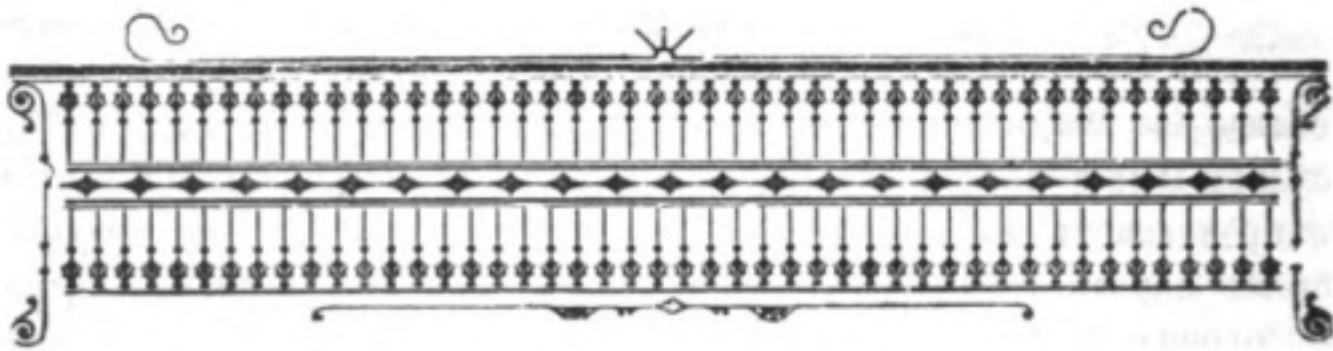
Здѣсь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба Ростовцевымъ вызвали всѣхъ назначенныхъ къ выпуску кадетъ, поздравили ихъ и раздали каждому приказъ о производствѣ въ офицеры.

Хотя и жаль было разставаться съ корпусомъ, такъ какъ семь лѣтъ, проведенныхъ въ корпусѣ, оставили по себѣ самыя пріятныя воспоминанія, но жизнь манила впередъ, и потому мы радовались. Затѣмъ, по прибытіи въ корпусъ, выпускныхъ кадетъ отдѣлили въ особое помѣщеніе, стали обмундировывать и отправлять въ назначенныя мѣста служенія.

Такъ окончилась оставившая на всю жизнь свои незгладимые слѣды корпусная „эпопея“.

М. М. Ротъ.

Характеристика архіереевъ Саратовской епархіи за шесть-десять пять лѣтъ.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

аратовъ, какъ извѣстно, будучи маленькимъ поселеніемъ, находился въ старыя времена по другую сторону Волги, выше Покровской слободы, на рѣкѣ Саратовкѣ, и, перенесенный впоследствии на то мѣсто, гдѣ онъ теперь, настолько разросся, что уже въ XVIII столѣтіи, при нашествіи Пугачева, былъ губернскимъ городомъ, хотя духовенство еще долго было подчинено архіереямъ сосѣднихъ губерній, почему не буду упоминать объ этихъ епископахъ, такъ какъ мы знали только послѣдняго пензенскаго—Моисея, пребывавшаго значительное время въ Саратовѣ, и затѣмъ бывшаго экзарха Грузіи.

При моей жизни, Саратовъ ранѣе кончался Ильинской улицей, и теперешняя Митрофановская площадь, получившая это названіе вслѣдствіе построеннаго на ней храма во имя Св. Митрофанія, была загородной, на которой на большомъ черномъ эшафотѣ наказывали преступниковъ плетьюми. Центромъ же города считалась лучшая по постройкамъ Московская улица и главной церковью былъ Старый соборъ, новый же, нынѣ существующій кафедральный соборъ, построенъ только въ началѣ XIX столѣтія, и крайній домъ этой Соборной площади принадлежалъ моей бабкѣ—Маріи Ѳедоровнѣ Дмитріевой, которая принимала горячее участіе при постройкѣ собора, и, не говоря о дорогомъ престольномъ одѣяніи, плочаницѣ съ драгоценными камнями, громаднхъ ризахъ и пр. пр., она выстроила отдѣльную колокольню съ большимъ колоколомъ, и масса серебра

въ немъ дала ему на рѣдкость чудный звукъ, подобный которому я слышалъ только въ Кіевѣ. А такъ какъ кромѣ собора она дѣлала большія пожертвованія въ церковь мужского монастыря, употребивъ на все это больше 200.000 рублей, то Синодъ назначилъ Марію Ѳедоровну Дмитріеву попечительницей кафедральнаго собора, причисливъ домъ ея къ нему приходомъ, тогда какъ кафедральные соборы преимущественно приходомъ не имѣютъ, а городъ называлъ улицу, гдѣ она жила, Дмитріевской. Послѣ же ея смерти улица эта называлась Дворянской, и наконецъ впоследствии, не знаю по чьей инициативѣ, ей дано глупѣйшее названіе Большой Кострижной.

Эта моя бабка, вдовая и бездѣтная, не пожелавъ, чтобы мою единственную сестру отвозили въ Смольный монастырь, куда она была зачислена, взяла ее къ себѣ, оставивъ ей послѣ смерти этотъ домъ, въ которомъ мнѣ и пришлось очень часто видѣть посѣщавшихъ мою бабку, а затѣмъ мою мать и сестру, мѣстныхъ архіереевъ, начиная съ преосвященнаго Іакова, о подвижничествѣ и прозорливости котораго я уже ранѣе говорилъ въ моихъ запискахъ „Провинціальныя типы 40-хъ годовъ“.

Преосвященный Іаковъ разсказалъ моей бабкѣ, что въ молодости онъ былъ обрученъ, но невѣсту его убило громомъ, что и было причиной его монашества, а такъ какъ имя невѣсты было Варвара, то въ память этого бабка сдѣлала въ нижней части собора придѣлъ Св. великомученицы Варвары, и въ день этого престольнаго праздника, какъ преосвященный Іаковъ, такъ и всѣ бывшіе затѣмъ до послѣдняго времени, саратовскіе архіереи, послѣ обѣдни со всѣмъ причтомъ посѣщали владѣлицъ этого дома, служа молебень, и дѣлали это также въ праздники Св. Пасхи и Рождества Христова.

Послѣ Іакова назначенъ былъ въ Саратовъ преосвященный Аѳанасій, бывший ранѣе ректоромъ Петербургской академіи, чело-вѣкъ съ большимъ образованіемъ, хорошо знавшій даже иностранные языки. И скромная обитель Іакова, занимавшаго одноэтажный деревянный домикъ на Царицынской улицѣ, замѣнена была уже почти дворцомъ архіерейскаго дома на Соборной площади. Архіерейская служба сдѣлалась особенно торжественной при большомъ хорѣ пѣвчихъ въ щегольскихъ одѣянιάхъ съ золотыми галунами и кистями. Но, къ сожалѣнію, преосвященному Аѳанасію не доставало монашескаго смиренія и, за его беспокойный характеръ и частыя столкновенія съ мѣстной администраціей и губернаторомъ Кожевниковымъ, онъ былъ перемѣщенъ въ томъ же епископскомъ санѣ въ Астраханскую епархію, гдѣ впоследствии, уже бывъ на покой архіепископомъ, страдалъ подъ конецъ жизни ужаснѣйшей болѣзью, и, какъ мнѣ передавалъ нашъ преосвященный Тихонъ,

ѣздившій въ Астрахань навѣстити Аѳанасія, что онъ самъ видѣлъ, какъ у этого страдальца во время невыносимаго зуда тѣло чесали щетками, и на посланную простыню сыпалась изъ кожи масса мельчайшихъ паразитовъ, которые обыкновенно у людей водятся только въ головѣ, кисти же рукъ его, покрытыя ранами, были въ бинтахъ.

Слѣдующимъ послѣ Аѳанасія назначенъ былъ въ Саратовъ преосвященный Іоанникій I и послѣ него Евѳимій, и оба они оставили по себѣ хорошую память добрыхъ святителей, заботившихся о церкви и духовенствѣ, но, къ сожалѣнію, болѣзненному Евѳимію не суждено было жить долго, и онъ похороненъ въ нижней церкви кафедральнаго собора. Затѣмъ въ Саратовъ былъ назначенъ Іоанникій II, дѣятельность котораго слѣдуетъ считать вообще особо выдающейся, такъ какъ помимо его заботъ, какъ святителя, онъ былъ большимъ администраторомъ и хозяиномъ. При немъ умѣлымъ способомъ основанъ свѣчной заводъ и произведена масса построекъ, не только увеличившихъ скудное содержаніе архіерейскаго дома, но и обезпечившихъ существованіе открытаго женскаго епархіальнаго училища. И кромѣ того по его иниціативѣ образована была особая коммиссія по улучшенію быта духовенства Саратовской губерніи, въ работахъ которой и мнѣ пришлось участвовать по должности предводителя дворянства. Этотъ архипастыръ, какъ извѣстно, былъ впоследствии экзархомъ Грузіи, затѣмъ митрополитомъ, сначала московскимъ, а потомъ кіевскимъ.

Далѣе мы видимъ въ Саратовѣ епископа Тихона, который, какъ замѣчательный проповѣдникъ, ранѣе былъ священникомъ одного изъ самыхъ аристократическихъ кварталовъ Петербурга, но, лишившись семьи, онъ принялъ монашескій санъ. Преосвященный Тихонъ, обладая всѣми необходимыми качествами архипастыря и администратора, былъ въ то же время свѣтскимъ человѣкомъ, котораго любили и общество, и власти.

Въ своихъ сужденіяхъ о религіи онъ говорилъ убѣдительно и просто, и осуждая, напримѣръ, невѣрующую молодежь, объяснялъ, что ежели они отрицаютъ будущую жизнь и вѣчныя муки, то пусть хотя подумаютъ, что ежели дѣйствительно все это такъ? тогда что ждетъ ихъ? Вѣра же даетъ лучшее успокоеніе человѣку.

Онъ во время своего пребыванія въ Саратовской губерніи неутомимо посѣщалъ не только уѣздные города, но и села, гдѣ были церкви, въ которыхъ онъ служилъ и проповѣдывалъ, поэтому его знали какъ крестьяне, такъ и помѣщики. Особенно онъ любилъ дѣтей, которыхъ, по окончаніи церковной службы въ селеніяхъ, онъ отечески ласкалъ и благословляя дарилъ имъ крестики и образочки.

Служа много лѣтъ предводителемъ дворянства съ конца 50-хъ годовъ, я, помимо отношеній бабки, матери и сестры къ соборному духовенству и архіереямъ, съ послѣдними былъ въ особо хорошихъ отношеніяхъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ—почти въ дружескихъ, доказательствомъ чего могутъ служить сохранившіяся письма ко мнѣ этихъ архипастырей; и преосвященный Тихонъ настолько былъ хорошъ со мной, что пріѣзжалъ ко мнѣ каждое лѣто въ деревню, отдыхая у меня по нѣсколько дней, а однажды даже прожилъ около двухъ недѣль, купался и пилъ минеральныя воды. Когда же онъ въ 1882 году былъ назначенъ архіепископомъ волынскимъ и житомирскимъ, то проводы его въ Саратовъ были необыкновенны: не говоря уже о духовенствѣ, все и вся съ губернаторомъ, предводителями и военнымъ начальствомъ собралось въ вокзалъ, а солдаты, съ разрѣшенія своего начальства, выстроились на всемъ протяженіи въ двѣ линіи отъ тюремнаго замка до вокзала и во время проѣзда его привѣтствовали громкими криками „ура!“. Преосвященному Тихону настолько было тяжело разставаться съ Саратовомъ, что, уступая его просьбамъ, я поѣхалъ его проводить до Воронежа, гдѣ познакомился съ архіепископомъ Серафимомъ, который, по желанію преосвященнаго Тихона, помѣстилъ насъ рядомъ въ комнатахъ, и, благодаря этой поѣздкѣ, я удостоился видѣть раскрытыя мощи Св. Митрофанія, и затѣмъ въ Задонскѣ—Св. Тихона, и по совѣсти могу сказать, что видѣлъ и поклонился нетлѣннымъ мощамъ этихъ чудотворцевъ.

Послѣ даннаго Серафимомъ въ честь преосвященнаго Тихона—оффиціального обѣда съ властями, намъ до Задонска пришлось ѣхать на лошадяхъ по шоссе, и въ скромномъ уголкѣ монастырской обители мы провели только сутки, гдѣ, помѣстившись въ покояхъ настоятеля монастыря архимандрита, изъ отставныхъ кавалерійскихъ полковниковъ, совершенно слѣпого на оба глаза, и онъ во время обѣда, предварительнаго принятія пищи, опускалъ каждый разъ палецъ въ кушанье и питье.

Затѣмъ доѣхавъ изъ Задонска до первой желѣзнодорожной станціи, мы простились съ преосвященнымъ Тихономъ. Онъ до самой своей кончины не переставалъ писать мнѣ съ Волыни, знакомя меня съ многими интересными эпизодами своей жизни. Когда же пришлось ему ѣхать въ Кіевъ на бывшій тамъ съѣздъ архіепископовъ, то онъ настоятельно просилъ меня туда пріѣхать, что я и исполнилъ, остановившись у него въ кельѣ Кіево-Печерской Лавры. Высокопреосвященный Тихонъ въ своихъ письмахъ обѣщалъ мнѣ сюрпризъ въ Кіевѣ, если я туда пріѣду; и дѣйствительно я нашелъ тамъ архимандрита настоятелемъ Лавры, моего однокашника по

корпусу. Это былъ сынъ помощника инспектора классовъ Павловскаго кадетскаго корпуса—Виктора Андреевича Половцева.

На этомъ съѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ кіевскаго митрополита Платона, присутствовали наши архіепископы разныхъ мѣстностей и бывший тогда оберъ-прокуроръ Побѣдоносцевъ. Во время же одной литургии мнѣ пришлось видѣть въ числѣ нашихъ архипастырей знаменитаго сербскаго митрополита Михаила, который въ это время жилъ въ Кіевѣ. Въ этотъ разъ происходило посвященіе одного профессора Кіевской духовной академіи въ архимандриты и затѣмъ тутъ-же хиротонія его въ епископы. Церемонію эту намъ, свѣтскимъ людямъ, рѣдко приходится видѣть и она очень интересна во многихъ отношеніяхъ.

Въ бесѣдахъ съ митрополитомъ Платономъ я находилъ много интереснаго, и между прочимъ онъ мнѣ разсказалъ о своемъ переводѣ за руссофильство изъ Прибалтійскаго края на Донъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ онъ имѣлъ большое содержаніе, пользуясь которымъ, помогъ родной своей племянницѣ-сиротѣ получить хорошее музыкальное образованіе, и, когда на Дону ему пришлось жить на довольно скудное архіерейское жалованье, то племянница эта Л., сдѣлавшись уже знаменитостью, помогала ему въ свою очередь.

По окончаніи Кіевскаго съѣзда, высокопреосвященный Тихонъ уговаривалъ меня ѣхать съ нимъ въ Почаевскую лавру, гдѣ онъ проводилъ лѣто, но я никакъ не могъ по моимъ служебнымъ обязанностямъ, и затѣмъ это было мое послѣднее съ нимъ свиданіе, такъ какъ владыко черезъ нѣсколько лѣтъ скончался отъ раны въ ногѣ, отказавшись ее ампутировать.

Послѣ преосвященнаго Тихона въ Саратовѣ были епископами Павель, Авраамій, Николай, Іоаннъ и Гермогенъ, — и всѣ они высокочтимые іерархи.

Епископъ Авраамій, какъ и другіе, посѣщалъ меня въ деревнѣ. Онъ много видѣлъ, много зналъ, и разговоръ съ нимъ былъ крайне интересенъ. Ранѣе онъ состоялъ епископомъ въ Сибири, гдѣ не только зналъ Ѳедора Кузьмича, но даже и исповѣдывалъ его. По наружному виду онъ казался здоровымъ, и никакъ нельзя было предположить, что это будетъ не надолго, такъ какъ вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ городъ, я засталъ его уже больнымъ, и онъ умеръ почти на ногахъ. За два дня до его смерти я былъ у него, и, отъѣзжая въ деревню, простился и принялъ его благословеніе, прося обо мнѣ помолиться, но онъ, въ свою очередь, просилъ помолиться о немъ, говоря, что онъ хотя много моложе меня, но чувствуетъ, что жить ему остается не долго; и дѣйствительно, едва я пріѣхалъ въ деревню, какъ мнѣ дали знать о кончинѣ преосвя-

щеннаго Авраамія, который и похороненъ у насъ въ нижней церкви каедральнаго собора.

Епископъ Николай былъ потомъ назначенъ архіепископомъ финляндскимъ, епископъ Іоаннъ переведенъ членомъ синодальной конторы въ Москвѣ, а преосвященный Павелъ былъ потомъ епископомъ въ Пензѣ и Астрахани, и затѣмъ жилъ на покой при Балашовскомъ монастырѣ Саратовской губерніи. Я останавлиюсь на немъ, такъ какъ нѣсколько случаевъ въ Саратовѣ указали на его прозорливость, онъ, какъ Іаковъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова монахъ-аскетъ, и только послѣ его перевода въ Пензу, сдѣлалось извѣстно отъ его служки, которому онъ строго запретилъ говорить, что онъ носилъ вериги. Служкѣ же его открылось это обстоятельство, когда преосвященный Павелъ угорѣлъ въ банѣ и находился долго безъ чувствъ, почему пришлось выломать дверь и въ бѣльѣ владыки оказались вериги. Прозорливость же его обнаруживалась часто, и о двухъ крупныхъ случаяхъ я расскажу, а именно: передъ открытіемъ въ Саратовѣ Крестьянскаго банка, было изъ Петербурга сдѣлано распоряженіе, чтобы до устройства назначеннаго для него дома, его временно открыли при Саратовскомъ отдѣленіи Государственнаго банка, почему бывшіе въ то время саратовскій губернаторъ Зубовъ и управляющій отдѣленіемъ Государственнаго банка — дѣйствительный статскій совѣтникъ Шарбау просили преосвященнаго Павла отслужить молебенъ и освятить это временное помѣщеніе, но владыко, закрывъ глаза рукой, задумался и затѣмъ наотрѣзъ отказался, сказавъ: „подождите, а то и самъ не поѣду и попа не пришлю“. Губернаторъ и управляющій должны были донести о томъ, такъ какъ безъ освященія открыть было нельзя, но, не желая, чтобы донесеніе было похоже на жалобу, составляли цѣлую недѣлю бумагу, и когда она уже была готова для отправления, то къ общему удивленію послѣдовала изъ Петербурга телеграмма о приостановкѣ открытія этого банка впродъ до особаго распоряженія. Нѣмецъ Шарбау долго не могъ успокоиться, допытываясь, отъ кого изъ петербургскихъ властей преосвященный могъ узнать о приостановкѣ открытія банка.

Второй случай слѣдующій: въ Саратовѣ жилъ извѣстный старикъ купецъ Славинъ, который много разъ просилъ преосвященнаго благословить его домъ, и наконецъ владыко въ рождественскій постъ сказалъ, что пріѣдетъ къ нему ѣсть блины. Вдовая дочь Славина устроила все, что было возможно для его приема. Уѣзжая изъ дома, владыко благословилъ всѣхъ, и, положивъ свои руки на головы маленькихъ внучатъ Славина, глубоко вздыхая, грустно говорилъ: „Боже мой, Боже мой. Какъ тяжело выростить и затѣмъ

терять такихъ дѣтей“. А на вопросъ Славина, когда онъ еще осчастливитъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, отвѣтилъ, что пріѣдетъ скоро опять на блины. И къ общей неожиданности дѣти эти черезъ нѣсколько дней заболѣли дифтеритомъ и умерли.

Съ преосвященнымъ Павломъ я особенно часто видѣлся,—послѣ того, какъ онъ прогостилъ у меня нѣсколько дней въ деревнѣ, и, проведя это время глазъ на глазъ, рассказалъ мнѣ всю свою жизнь съ дѣтства, и изъ всего мною слышаннаго можно заключить, что рѣдкое смиреніе присуще было ему съ малыхъ лѣтъ.

Передъ отъѣздомъ ко мнѣ въ деревню, преосвященный Павелъ предположилъ побывать въ слободѣ Рыбушкѣ, находившейся отъ моего имѣнія въ двѣнадцать верстахъ, гдѣ онъ рѣшилъ отслужить обѣдню, для чего и распорядился къ воскресному дню отправить туда своихъ пѣвчихъ, ключаря, протодіакона и проч. И вотъ совершенно неожиданно въ Рыбушкѣ во всю большую площадь возлѣ церкви его встрѣтили сотни дѣтей въ разноцвѣтномъ хохлацкомъ одѣянніи, выстроившихся въ двѣ линіи, а остальная часть площади была запружена религіознымъ хохлацкимъ населеніемъ, такъ что владыко долженъ былъ выйти изъ кареты и пройти до церкви пѣшкомъ среди выстроившихся дѣтей, которыя посыпали ему путь цвѣтами, что глубоко тронуло владыку. Но это его свѣтлое настроеніе было омрачено двумя эпизодами, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть. Первый изъ нихъ произошелъ въ алтарѣ, гдѣ я находился во время обѣдни, и видѣлъ, что владыко много разъ дѣлалъ ключарю знаки головой, замѣтивъ, что у него распахнулась ряса и видно было бѣлье на ногахъ, а затѣмъ, когда владыко, по окончаніи обѣдни, уѣзжая, началъ благословлять народъ и хотѣлъ раздать дѣтямъ образочки, то таковыя, какъ оказалось, ключарь забылъ въ Саратовѣ. Это настолько разстроило владыку, что когда мы сѣли въ карету, уѣзжая ко мнѣ въ имѣніе, онъ погрозился помогавшему ему сѣсть ключарю, и тихо сказалъ: „отростилъ ты себѣ животъ, и ничего не видишь и не помнишь“. Ключарь этотъ дѣйствительно былъ высокаго роста и необыкновенно тучный, любившій, какъ извѣстно, хорошо пожить. Дорогой же владыко вздыхалъ, на глазахъ у него были слезы, и онъ говорилъ: „Господи, Господи, зачѣмъ я такъ обидѣлъ этого человѣка“. Почему, желая успокоить преосвященнаго, я безъ его вѣдома, изъ деревни послалъ въ Рыбушку за ключаремъ, и когда онъ явился, владыко былъ несказанно радъ, благословлялъ и цѣловалъ его.

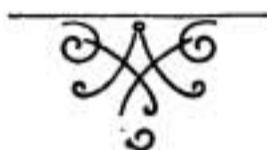
Какъ я упоминалъ ранѣе, мнѣ пришлось быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ архіереями вообще, а съ нѣкоторыми въ особен-ности, такъ что въ письмахъ своихъ они даже называли меня за-

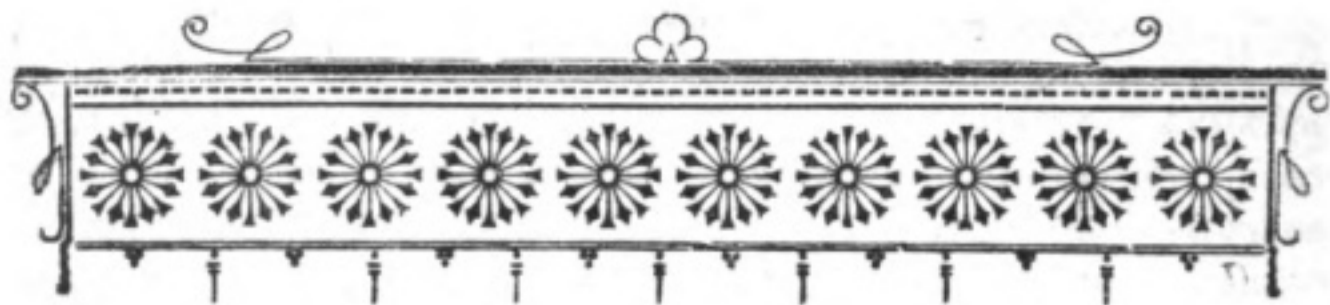
вѣтнымъ другомъ, и преосвященный Павелъ, будучи на покоѣ, писалъ, что онъ мечтаетъ хотя еще одинъ разъ обнять меня, своего единственнаго въ жизни друга. Это я и успѣшилъ исполнить, посѣтивъ владыку въ Балашовѣ, гдѣ въ разстояніи версты отъ монастыря находился его домикъ, окруженный паркомъ. Владыко не сказано было обрадованъ моимъ прїѣздомъ, и, выслушавъ мой рассказъ о пожалованіи мнѣ Государемъ Императоромъ большого портрета съ собственноручной надписью, въ которой онъ благодарилъ меня за долголѣтнюю доблестную службу, и затѣмъ о милостивомъ прїемѣ Государемъ и Государынями, владыко подошелъ къ стоявшему передъ иконами у него въ гостиной аналою и усердно помолился за Царя и Царицъ.

Послѣ этого мнѣ пришлось преосвященнаго Павла еще одинъ разъ посѣтить, но я нашелъ его уже очень слабымъ, и два года назадъ онъ, отслуживъ обѣдню, сѣлъ отдохнуть въ кресло и заснулъ навѣки.

Живя на покоѣ, онъ не мало писалъ въ журналъ „Вѣра и Церковь“; и особенно интересна статья его „Нѣсколько словъ о судьбѣ церкви Божьей на землѣ“.

В. А. Шомпулевъ.

1812-ЫЙ ГОДЪ.

Бородинское сраженіе 26 августа ¹⁾.

(Съ приложеніемъ плана сраженія при Бородинѣ).

„Это было прекраснѣйшее, но вмѣстѣ и ужаснѣйшее сраженіе. Изъ пятидесяти данныхъ мною сраженій это было сраженіе, въ которомъ проявлено наиболѣе доблестей и достигнуто наименѣе результатовъ“. *Наполеонъ.*

„Сей день пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ мужества и отличной храбрости россійскихъ войскъ. Французская армія не превозмогла твердость духа россійскаго солдата, жертвовавшаго съ бодростью жизнью за свое отечество“. *Кутузовъ.*

„Все испытано въ этотъ день, до чего можетъ возвыситься достоинство человѣка“. *Ермоловъ.*

„26-го августа показали мы врагу и всему свѣту, какъ можемъ мы защищать себя“. *Барклай.*

Война 1812 года запечатлѣна въ исторіи подъ названіемъ— „Отечественной войны“ и представляетъ одно изъ величайшихъ событій исторіи Россіи.

Все значеніе войны 1812 года заключается въ проявленіи въ этой войнѣ русскимъ народомъ громаднаго напряженія всѣхъ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, напряженія, приведшаго насъ къ стѣнамъ Парижа и къ низложенію величайшаго политическаго и военнаго генія.

Наиболѣе яркимъ и знаменательнымъ явленіемъ войны было единственное общее и рѣшительное сраженіе подъ *Бородинымъ*.

Слово Бородино—Бородинское сраженіе пріятно звучитъ для русскаго человѣка, ласкаетъ его слухъ, возвышаетъ его душу и преисполняетъ его чувствомъ народной гордости.

И въ исторіи, и въ народномъ сознаніи Бородино оставило впечатлѣніе необычайнаго героическаго подвига, подвига всей, поголовно, сражавшейся здѣсь арміи.

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюль 1912 г.

Бородинское сраженіе представляетъ высокій интересъ во всѣхъ отношеніяхъ и является однимъ изъ поучительнѣйшихъ въ исторіи борьбы человѣчества.

Въ этомъ сраженіи наша армія безпримѣрно въ исторіи войнъ народовъ была преисполнена тѣмъ высокимъ и мощнымъ духомъ, тѣмъ, такъ называемымъ, духомъ арміи, духомъ „чрезвычайнымъ“, по опредѣленію Кутузова, который удивилъ современниковъ и весь міръ, который продиктовалъ на поляхъ Бородинскихъ свою волю значительно превосходившей его числомъ и военнымъ искусствомъ побѣдоносной дотолѣ арміи, руководимой величайшимъ военнымъ гениемъ всѣхъ временъ и народовъ.

Наполеонъ, какъ въ подготовкѣ этого сраженія, такъ и въ его розыгрышѣ проявилъ огромное напряженіе своего генія, сознавая громадную трудность сломить сопротивленіе этой безпримѣрно стойкой и одушевленной арміи, и приложилъ въ этомъ сраженіи верхъ своего искусства.

Кутузовъ уступалъ этому первоклассному гению въ искусствѣ, въ боевой подготовкѣ арміи въ широкомъ и тѣсномъ значеніи слова, уступалъ числомъ и организаціею управленія войсками, т. е. въ условіяхъ этого управленія, такъ какъ онъ не имѣлъ, подобно Наполеону, въ органахъ управленія гибкихъ и послушныхъ единицъ, не говоря уже о всѣхъ преимуществахъ командованія арміею самимъ императоромъ-полководцемъ.

Столь во многомъ уступая своему могущественному и гениальному противнику, Кутузовъ проявилъ здѣсь весь свой тонкій умъ, весь свой громадный опытъ и превосходное знаніе человѣческаго сердца и свойствъ и качествъ русской арміи и ея начальниковъ, и неоправданіе его расчетовъ и соображеній объясняется встрѣчей его съ гениемъ, поборовшимъ его высоко-мастерской комбинаціею.

Войска обѣихъ сторонъ, соревнуя въ доблестяхъ, сражались съ неимовѣрнымъ отчаяннымъ мужествомъ.

Наполеонъ призналъ это сраженіе „прекраснѣйшимъ“ изъ всѣхъ имъ данныхъ и одновременно „ужаснѣйшимъ“.

„Изъ пятидесяти данныхъ мною сраженій“, говорилъ Наполеонъ, „это было сраженіе, въ которомъ проявлено наиболѣе доблестей и достигнуто наименѣе результатовъ“.

Это было дѣйствительно прекраснѣйшее сраженіе по проявленію въ немъ сторонами искусства и несравненной доблести, по необычайному одушевленію сторонъ и полному презрѣнію смерти и ужаснѣйшее—по огромнымъ потерямъ и страшному кровопролитію на небольшомъ сравнительно пространствѣ земли.

Восторгъ, восхищеніе и одновременно ужасъ—таковы впечатлѣнія большинства французскихъ участниковъ.

Бородинское сраженіе—это рядъ взаимныхъ искусныхъ ходовъ и контрходовъ, завершившихся страшными общими свалками; послѣ ряда невѣроятныхъ общихъ свалокъ—игра въ ничью.

„26-го августа показали мы врагу нашему и цѣлому свѣту, какъ можемъ мы защищать себя“, говорилъ Барклай.

„Извѣстно, что онъ, отраженный отъ всѣхъ пунктовъ съ безчисленными потерями, удалился съ мѣста сего, можно сказать, безпримѣрнаго сраженія. Одному только высшему начальству извѣстны причины отступленія нашихъ побѣдоносныхъ армій отъ Бородина“ продолжаетъ Барклай свою характеристику сраженія.

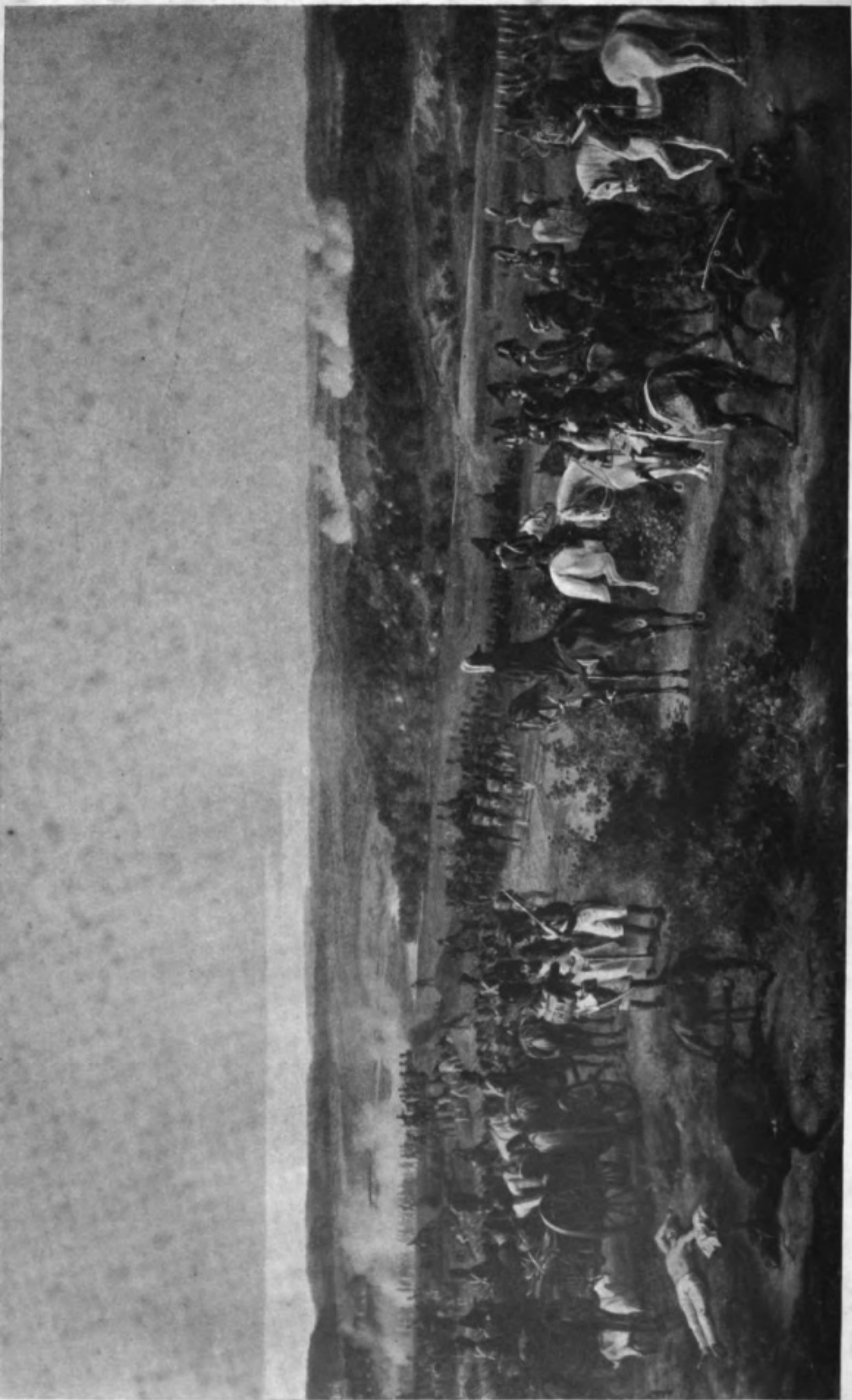
Въ другой объяснительной запискѣ Барклай говоритъ: „Никогда и никакія войска не сражались столь мужественно, какъ сіи двѣ храбрыя арміи (I-я и II-я наши) и непріятель, *истоцивъ всть свои* ужасныя усилія, первый прекратилъ нападеніе и оставилъ пріобрѣтенныя имъ нѣкоторыя выгоды, дабы отвести войска свои нѣсколько назадъ. Арміи наши остались на мѣстѣ сраженія, могли по всей справедливости считать себя побѣдителями въ достопамятномъ дѣлѣ и, когда всѣ были въ упованіи вступить на другой день въ новый бой, тогда ночью повелѣно было отступать“.

Ермоловъ такъ характеризуетъ Бородинское сраженіе: „Сраженіе сіе, жесточайшее изъ всѣхъ въ послѣднія войны. Не было сраженія, въ которомъ бы оказано болѣе равнодушія къ опасностямъ, болѣе терпѣнія, твердости, рѣшительнаго презрѣнія къ смерти. Сомнѣніе въ успѣхѣ не ослабило духа войскъ, только вызвало къ напряженіямъ, едва силы человѣческія не превосходящимъ. Все испытано въ этотъ день, до чего можетъ возсытятся достоинство человѣка. Любовь къ отечеству, преданность Государю, никогда не имѣли достойнѣйшихъ жертвъ; повиновеніе безпредѣльное, строгость, соблюденіе порядка, чувство гордости быть отечества защитникомъ не имѣли славнѣйшихъ примѣровъ“.

Высоко знаменательно, обнимая въ нѣсколькихъ словахъ все содержаніе, всю сущность этого знаменитаго сраженія и какъ бы объясняя опредѣленіе его Наполеономъ какъ „прекраснѣйшимъ и ужаснѣйшимъ“, Кутузовъ такъ доноситъ Императору Александру: „Сей день пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ мужества и отличной храбрости россійскихъ войскъ, гдѣ вся пѣхота, кавалерія и артиллерія дрались отчаянно: желаніе всякаго было умереть на мѣстѣ и не допустить непріятеля. Французская армія, предводимая самимъ Наполеономъ, будучи въ превосходныхъ силахъ, *не превозмогла*

Бой 24 августа 1812 года у Шевардина.

На первомъ планѣ войска IV итальянскаго корпуса, двигающіеся къ Бородину и наблюдающія атаку Шевардинскихъ позицій дивизіею Кайпана. На горизонтѣ въ срединѣ виднѣнъ курганъ Раевского, правѣе войскъ IV корпуса видно теченіе р. Колочи, а за рѣкой и дальсами кишеть Шевардинскій бой.

По фотографіи съ оригинальной картины описаннаго события художникомъ А. Савинымъ.

твердость духа російскаго солдата, жертвовавшаго съ бодростью жизнью за свое отечество“.

Гдѣ-либо вблизи Можайска *Кутузовъ* рѣшилъ прекратить всѣми осуждаемое и проклинаемое отступленіе и, по докладу чиновъ квартирмейстерской части и, главнымъ образомъ, полковника *Толя* на возвышенномъ и открытомъ правомъ берегу р. Колочи, на позиціи, „наилучшей въ сихъ плоскихъ мѣстахъ“, армія стала грудью для прикрытія Москвы.

Прямо съ похода и съ утра 22-го августа стали здѣсь войска на протяженіи отъ роши у д. *Маслово* на *Бородино*, *Горки*, *Шевардино* до дер. *Доронино*, расположившись сразу рядомъ сплошныхъ линій, сплоченно, почти равномерно и однообразно, совершеннооткрыто, т. е. стали—согласно господствовавшему тогда у насъ понятіямъ и представленіямъ боевого расположенія и веденія боя.

По невыясненнымъ причинамъ ¹⁾ армія наша стала здѣсь не перпендикулярно наступленію противника, а слѣдуя теченію р. *Колочи*, подъ угломъ, подавъ значительно впередъ лѣвое и осадивъ назадъ правое крыло, почему лѣвое крыло представлялось изолированно подъ удары противника и еще легко обходилось, какъ и все наше расположеніе, по старой Смоленской дорогѣ и полосой бывшихъ на лѣвомъ флангѣ лѣсовъ и кустовъ, дававшихъ здѣсь скрытый подступъ къ этому флангу.

Отвѣтственность за подобное неправильное и опасное расположеніе ложилась на начальника штаба *Беннигсена* и еще болѣе на полковника *Толя* ²⁾.

Такимъ образомъ, слабымъ мѣстомъ расположенія являлся нашъ лѣвый флангъ, поданный впередъ и окруженный лѣсами.

Барклай говоритъ, что идея расположенія лѣваго фланга у *Шевардина* принадлежала *Беннигсену*, и что князь *Багратионъ*, немедленно по расположеніи, донесъ *Кутузову*, что лѣвый флангъ его— „въ величайшей опасности“.

Наиболѣе сильнымъ мѣстомъ нашего расположенія являлся правый флангъ (1-я армія *Барклая*), обрамленный *Колочей*, протекавшей здѣсь въ крутыхъ и недоступныхъ берегахъ и не имѣвшей

¹⁾ Можетъ быть отсутствіе правильной карты и правильно ориентированнаго плана сраженія, или спѣшность выбора позиціи служили тому причиной, или неосмотрительность много на себя бравшаго *Толя*, или желаніе использовать *Колочу*, какъ преграду, или другія причины, неизвѣстно, только вопросъ этотъ остается открытымъ.

²⁾ Какъ на начальника штаба и на второго—какъ на генераль-квартирмейстера и, особенно, какъ на лицо, облеченное полнымъ довѣріемъ *Кутузова*.

бродовъ; но, будучи сильнымъ для обороны, флангъ этотъ былъ и пассивнымъ. Донесеніе князя *Багратиона* вызвало *Кутузова* на личный осмотръ лѣваго фланга и на рѣшеніе отвести его назадъ, за р. *Каменку*, что и исполнить 24-го. Но, по настоянію *Беннигсена*, „не желавшаго“, говоритъ *Барклай*, „опорочить своего выбора“, рѣшено войска лѣваго фланга оставить временно на мѣстѣ, отойдя лишь подъ напоромъ противника, чему предлогомъ было соображеніе дать время устроить новое расположеніе этого фланга и укрѣпить его флешами.

Кутузовъ правильно оцѣнилъ недостатки лѣваго фланга и 23-го донесъ Государю: „слабое мѣсто на лѣвомъ флангѣ исправлю посредствомъ искусства“, т. е. возведеніемъ здѣсь укрѣпленій (флеша и батареи) и соответственнымъ расположеніемъ войскъ.

Боевое расположеніе наше начиналось съ праваго фланга съ занятія роши у д. *Масловой*, укрѣпленной и занятой егерями I-й арміи, фронтомъ прямо на сѣверъ, а далѣе влѣво, уже вдоль теченія р. *Колочи*, стали 2-ой, 4-ый и отъ д. *Горки* до Семеновскаго 6-ой и 7-ой корпуса, имѣя впереди и внѣ линіи расположенія такъ называемый центральный курганъ (батарея Раевского); у дд. *Шевардино* и *Доронино* оставался, пока временно, стоятъ сводный корпусъ князя *Горчакова* (27-ая дивизія Невѣровскаго, егеря и часть кавалеріи), а за пѣхотными корпусами стала кавалерія, сведенная въ 6 массъ. Въ общемъ резервъ *Кутузовъ* сохранилъ 3-ій и 5-ый корпуса съ 2-мя кирасирскими дивизіями, ставшими у *Князьково*, и резервную артиллерію, ставшую у *Псарева*.

Вызывая противника на лобовую атаку (что онъ ставилъ условіемъ Наполеону) и рассчитывая разстроить его сильной обороной войскъ, исполненныхъ „чрезвычайнымъ духомъ“ и огнемъ значительной артиллеріи, *Кутузовъ* въ войскахъ общаго резерва и массахъ кавалеріи имѣлъ органъ маневра, т. е. средство атаковать и самому разстроеннаго и истощеннаго противника.

23-го, съ утра на позиціи продолжалось возведеніе укрѣпленій, особенно въ I-й арміи, болѣе богатой людьми, саперами и инструментомъ, и разверстка и распределеніе послѣднихъ подкрѣпленій: запасной кавалеріи, артиллеріи, рекрутовъ пѣхоты и ополченцевъ.

Одновременно съ утра того же дня, Наполеонъ, послѣ 2-хъ дневнаго отдыха армія у *Гжатска*, перешелъ съ ней въ энергичное наступленіе и, тѣсняя и обходя правый флангъ кавалеріи нашего арріергарда, вынудилъ ее очистить *Твердиково* и отойти на пѣхоту у *Гриднево*. *Коновницынъ* держался у *Гриднева* до вечера, но съ

наступленіемъ темноты, угрожаемый обходомъ своего необезпеченнаго праваго фланга, отошелъ къ *Колоцкому* монастырю.

24-го съ ранняго утра французы перешли въ наступленіе и, угрожая *Коновницыму* тѣмъ же обходомъ, вынудили его къ послѣшному отходу прямо на позицію, на с. Бородино и мимо нашего выдвинутаго впередъ лѣваго фланга у *Шевардино* и *Доронино*, къ которому присоединился также неотвязно тѣснымъ 5-мъ польскимъ корпусомъ лѣвый арріергардъ (II-й арміи).

Наполеонъ лично слѣдовалъ при главномъ (среднемъ) арріергардѣ, лично руководя движеніями авангардныхъ корпусовъ и многочисленной кавалеріи авангарда. Во 2-мъ часу дня передъ глазами Наполеона открылась вся панорама нашего расположенія на Бородинскихъ поляхъ, и отсюда произвелъ онъ свое первое общее обозрѣніе.

Приказавъ сблизиться къ центру фланговымъ корпусамъ, Наполеонъ приказалъ немедленно атаковать выдвинутое и изолированное расположеніе лѣваго фланга II-й арміи у *Шевардина*.

Въ нашей арміи не ждали столь быстраго подхода сюда въ этотъ день непріятеля, а тѣмъ болѣе и такъ называемый *Шевардинскій бой* 24-го августа былъ для насъ въ значительной степени неожиданнымъ.

Въ 3-мъ часу V-ый корпусъ *Понятовскаго*, свернувъ влѣво съ старой Смоленской дороги, вышелъ лѣсами во флангъ *Шевардинскому* отряду, угрожалъ и тылу; упорный бой завязался въ лѣсахъ и рощахъ нашего здѣсь лѣваго фланга, а въ 4 часа перешли *Колочу* и части главнаго авангарда и повели атаку съ фронта и въ обходъ нашего здѣсь праваго фланга. Лѣса, рощи и овраги способствовали приближенію противника, охватывавшаго нашъ *Шевардинскій* отрядъ съ 3-хъ сторонъ своими превосходными силами. До глубокой темноты геройски стояли и геройски дрались здѣсь егеря и полки 27-ой дивизіи, подкрѣпленные 2-ой гренадерской и 2-й кирасирской дивизіями.

Несмотря на свое подавляющее превосходство, непріятель не рѣшался атаковать и предпринялъ обходъ обоихъ фланговъ, но всѣ попытки обходовъ обоихъ фланговъ были парированы егерями, полками 27-й и 2-й гренадерской дивизій, обходъ же въ полной темнотѣ нашего праваго фланга былъ парированъ блестящими атаками нашихъ кирасиръ и драгунъ, приведшихъ противника въ большое смущеніе и взявшихъ при этомъ 8 орудій.

Только въ полной темнотѣ и по приказанію *Кутузова* отошли на главную позицію мужественные защитники *Шевардинскаго* гребня, и прекратился бой—прелюдія *Бородинскаго* сраженія или, вѣрнѣе, первый день этого сраженія.

Обѣ стороны понесли значительныя потери, особенно чувствительны были наши потери въ начальникахъ и офицерахъ.

Всѣ роды войскъ, особенно же наша кавалерія, покрыли себя славой ¹⁾.

Мужественная оборона Шевардинской позиціи произвела сильное впечатлѣніе на противника и вызвала большое его удивленіе. „Ихъ мало убить, надо еще повалить“, обратился по поводу этого боя, утромъ 25-го *Коленкуръ* къ *Наполеону*. „Ну, у меня къ утру 7-го (26-го ст.ст.) будетъ вся моя артиллерія, и я ихъ поваляю“ отвѣтилъ *Наполеонъ*, придававшій въ предстоящемъ сраженіи особое значеніе артиллеріи.

Наши оборонявшія позицію войска были исполнены сознаниемъ честно и славно исполненнаго долга, и бой 24-го въ сознаниіи массы сохранилъ впечатлѣніе героическаго подвига, еще болѣе поднявъ духъ арміи ²⁾.

Помимо чувствительныхъ потерь, къ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ боя 24-го слѣдуетъ отнести близость расположенія противника къ нашимъ позиціямъ, занятіе имъ опорнаго пункта въ Шевардинскомъ курганѣ, въ 2-хъ всего верстахъ отъ Багратионовыхъ флешей, и сидѣніе войскъ V-го корпуса въ лѣсу, охватывавшемъ нашъ лѣвый флангъ, что вызвало князя *Багратиона* держать въ этомъ же лѣсу у верховья оврага р. *Каменки*, по очереди, полки 27-ой и 2-ой гренадерской дивизіи, ведшіе въ этомъ лѣсу бой весь день 25-го и лишь къ первому свѣту 26-го отозванные на главную позицію.

Присматривавшійся и прислушивавшійся къ бою 24-го *Кутузовъ* въ тотъ же вечеръ, вѣрно оцѣнивъ положеніе дѣлъ, рѣшилъ, для обезпеченія своего лѣваго фланга, поставить въ Утицкомъ лѣсу, какъ бы въ засадѣ, весь 3-ій корпусъ *Тучкова* (изъ состава общаго резерва) въ цѣляхъ контръ-атаки имъ во флангъ и въ тылъ французамъ, если бы они атаковали нашъ лѣвый флангъ отъ *Шевардина*. На кроки этого лѣса *Кутузовъ* собственноручно отмѣтилъ мѣсто его расположенія, приписавъ—„поставить скрытно“.

¹⁾ Въ эти дни наши—*Кіевскій*, *Новороссійскій*, *Харьковскій* и *Черниговскій* драгунскіе и *Малороссійскій* и *Глуховской* кирасирскіе полки покрыли себя вѣчной славой.

²⁾ Въ сущности бой 24-го составилъ первый актъ Бородинскаго сраженія, предрѣшившій во многомъ ходъ боя 26-го, такъ какъ *Наполеонъ* въ участкѣ бывшаго расположенія нашего лѣваго фланга у *Шевардино* получилъ исходное положеніе для атаки вообще нашего лѣваго фланга.

Къ сожалѣнію кроки было невѣрно снято и ввело въ заблужденіе *Кутузова*, а ставившій на мѣстѣ 3-й корпусъ полковникъ *Толь* поставилъ его южнѣе старой Смоленской дороги, уже искаживъ идею *Кутузова* значительнымъ удаленіемъ мѣста отъ лѣваго фланга а *Беннигсенъ* 25-го, не посвященный въ замыселъ *Кутузова*, выдвинулъ корпусъ этотъ на дорогу, поставивъ его верхомъ на дорогѣ, чѣмъ, хотя и приблизилъ его къ лѣвому флангу, но окончательно парализовалъ превосходную идею *Кутузова*, лишивъ расположеніе характера засады.

Изъ расположенія арміи видно, что *Кутузовъ* лично, или подъ давленіемъ докладовъ *Баркляя* и *Толя*, и послѣ боя 24-го продолжалъ придавать значеніе своему правому флангу, что легко объясняется постоянными маневрами сильнаго IV непріятельскаго корпуса еще отъ *Дорогобужа* въ обходъ нашего праваго фланга, что и вынуждало центральный арріергардъ нашъ къ постоянному преждевременному отступленію, доведеніями *Крейца*, шедшаго въ правомъ арріергардѣ, что непріятель и здѣсь его преслѣдуетъ и окружаетъ, а также настоящимъ и въ день 25-го расположеніемъ главныхъ силъ французовъ на большой почтовой дорогѣ и на лѣвомъ берегу р. *Колочи* и присутствіемъ сравнительно незначительныхъ силъ у *Шевардина* и вообще противъ нашего лѣваго фланга и на правомъ берегу р. *Колочи* (демонстрація Наполеона).

Кутузовъ естественно рассчитывалъ успѣть, въ случаѣ необходимости, перевести своевременно войска съ праваго на лѣвый флангъ, который, на случай, какъ ему казалось, онъ обезпечилъ засадою 3-го корпуса и расположеніемъ массъ резервой артиллеріи у *Псаревъ*.

При объѣздѣ позиціи 25-го *Кутузовъ* рѣшилъ продвинуть фланги 6-го и 7-го корпусовъ впередъ и примкнуть ихъ къ центральному кургану, на которомъ возвести укрѣпленіе, снабдивъ его 18-ю орудіями, но это столь прославленное въ описаніяхъ сраженія укрѣпленіе (батарея Раевского, la grande redoute и т. п.), начатое съ 5-ти часовъ этого дня, ко дню сраженія оставалось во многомъ неготово, какъ и Багратионовы флешы лѣваго берега Семеновскаго оврага, что объясняется позднимъ начатіемъ работъ, недостаткомъ шанцеваго инструмента ¹⁾ и малоожиданнымъ боемъ 24-го числа. Теперь, за всѣми измѣненіями, наше боевое расположеніе имѣло

---

¹⁾ Высланный графомъ *Раstopчиннымъ* изъ *Москвы* шанцевый инструментъ былъ доставленъ на позиціи лишь къ вечеру 26-го, когда въ немъ уже не было надобности.

форму тупого угла, обращеннаго вершиной къ непріятелю; вершина угла находилась примѣрно у центральнаго кургана.

Къ предстоящему общему рѣшительному сраженію Наполеону было необходимо сосредоточить свою растянувшуюся армію, притянуть резервную артиллерію, развѣдать мѣстность и расположеніе противника и выработать планъ атаки, и онъ широко воспользовался днемъ 25-го августа.

Еще 24-го Наполеонъ произвелъ общее обозрѣніе, ночью на 25-е велъ развѣдки; а день 25-го посвятилъ всецѣло развѣдкѣ и обработкѣ плана атаки.

Наше открытое расположеніе весьма облегчало его опредѣленіе, но разобраться въ мѣстности, изобиловавшей оврагами, было значительно труднѣе, и Наполеонъ исполнилъ эту развѣдку съ большимъ для себя напряженіемъ, тщательно входя во всѣ подробности и тутъ же на мѣстѣ объясняя начальникамъ принятый имъ планъ дѣйствій и намѣченный ходъ боя.

Результатомъ напряженной дѣятельности Наполеона въ области ориентированія было ясное представленіе о мѣстности и о нашемъ расположеніи, важнѣйшими данными котораго были: расположеніе входящимъ угломъ, недоступность и пассивность праваго фаса этого расположенія и доступность лѣваго, легко еще и обходимого, и охватываемаго полосой лѣсовъ и кустарниковъ.

Изъ этихъ данныхъ и также исключительныхъ качествъ русской арміи исходилъ планъ Наполеона, геніальный по своей простотѣ, смѣлости и, одновременно, осторожности и полному соответствію всѣмъ условіямъ обстановки.

Задача разбить русскую армію 1812 года, предводимую *Кутузовымъ* и ставшую грудью для прикрытія *Москвы*, была задача нелегкая, даже при всѣхъ факторахъ превосходства Наполеона, и предпринять такую задачу могъ только Наполеонъ, да еще и въ условіяхъ крайняго напряженія своего генія.

„Я вынужденъ атаковать въ лобъ, но я использую расположеніе угломъ“, рассуждалъ и рассчитывалъ геніальный полководецъ, „использую и пассивность русскаго праваго крыла. Я привлеку вниманіе и силы русскихъ къ этому пассивному правому крылу рядомъ искусныхъ и непрерывныхъ демонстрацій и ночью скрытно переведу всю армію на правый берегъ р. *Колочи* противъ лѣваго открытаго и необезпеченнаго фаса русскихъ, стану со всѣми моими силами возможно ближе къ этому фасу, и чуть свѣтъ 26-го обрушусь на лѣвый флангъ русскихъ сразу значительными и превосходными силами и овладѣю лѣвымъ берегомъ Семеновскаго оврага.

Мои сообщенія, большая дорога со всѣми моими обозами и тыломъ прикрыты болотистой р. *Войной*, а далѣе еще и *Колочей*, но я обезпечу ихъ еще и укрѣпленіями и одной дивизіею, которая чуть-свѣтъ займетъ *Беззубово* и *Бородино* и составитъ на все время сраженія неподвижную ось всего моего маневра. IV корпусъ, до времени, останется на лѣвомъ берегу и, когда бой разовьется, и я стану крѣпко по Семеновскому оврагу, то и онъ перейдетъ на правый берегъ р. *Колочи* и составитъ лѣвый неподвижный флангъ всего моего развертыванія на лѣвомъ фасѣ русскихъ. Захвативъ Семеновскія флешы, я стану на флангъ всей русской арміи и выдвину сюда 400 орудій и, взявъ во флангъ правый фасъ расположенія русскихъ, разгромлю отсюда русскую армію, подготовлю отсюда ударъ и тогда нанесу ей отсюда рѣшительный ударъ, отбросивъ ее къ рр. *Колочъ* и *Москвѣ*. Изумительная стойкость, упорство и мужество русскихъ вынуждаютъ меня на крайнія мѣры, я вынужденъ броситься на лѣвый флангъ русскихъ съ близкаго разстоянія, внезапно и значительными силами, я навалюсь здѣсь на нихъ, чуть свѣтъ, сразу громадными силами, и поведу бой съ еще невиданной и ни разу мной не примѣненной интенсивностью; за атакующей пѣхотой направлю немедленно всю свою кавалерію и артиллерію. Только примѣненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ могу я одолѣть эту страшную русскую армію 1812 года и провести этого хитраго и тонкаго Кутузова, не давая ему времени на принятіе мѣръ противодѣйствія и на контръ-маневры. Мои демонстраціи противъ праваго фланга русскихъ, а затѣмъ противъ центра и быстрота нападенія придержать здѣсь русскія войска на все необходимое мнѣ для захвата ихъ лѣваго фланга время.

Все это должно быть исполнено въ порядкѣ и методически“.

Атака лѣваго русскаго крыла будетъ исполнена уступами справа и правый уступъ, слѣдуя лѣсомъ и по опушкѣ, захватитъ крайнюю флешь (лѣвую), что дастъ точку опоры всей атакѣ, оставленные уступы берутъ другую флешь (правую), сел. *Семеновское* и возвышенный берегъ оврага ниже; одновременно артиллерія, будучи наготовѣ, развернетъ свои 400 и болѣе орудій на лѣвомъ берегу Семеновскаго оврага, и начнется грандіозная подготовка послѣдняго и рѣшительнаго удара,—*coup de collier* великаго Наполеона.

Для обезпеченія праваго фланга и тыла со стороны старой Смоленской дороги и для обезвреженія этой дороги, по ней, въ глубокой обходъ двинется V корпусъ Понятовскаго.

Весь планъ былъ тщательно и строго обдуманъ и рассчитанъ.

„Всѣ мои сраженія“, говаривалъ Наполеонъ, „не что иное, какъ расчетъ“. Плану присущи — поразительная смѣлость и, одновре-

менно, такая же осторожность. Въ смѣлости—душа полководца, въ расчетѣ и осторожности—его умъ, гармоническое сочетаніе смѣлости и осторожности и есть истинная характеристика великаго полководца.

Какъ ни высоко стоялъ духъ арміи Наполеона, какъ ни была безгранична въ арміи вѣра въ геній полководца-императора и вѣра арміи въ свои силы, но Наполеонъ не пренебрегъ еще болѣе приподнять духъ арміи и довести его до высоты, требуемой исключительными обстоятельствами. Въ день сраженія приказано войскамъ быть въ полной парадной формѣ, самое сраженіе названо именемъ Москвы, указывая на его значеніе и близость великаго города, а передъ началомъ сраженія объявленъ приказъ, въ которомъ великій знатокъ человѣческаго сердца и солдатской души обѣщаль войскамъ все то, чего они жаждали послѣ продолжительнаго похода: *сраженіе*, котораго они жаждали съ начала войны, *квартиры* и *изобиліе*, *заключеніе мира*, *окончаніе войны*, *возвращеніе домой* и *слава*, *слава* и *вѣчная слава*.

Для обезпеченія успѣха этого знаменитаго сраженія, сраженія подъ Москвой, — древней столицей великой и необъятной Россіи, Наполеонъ, при крайнемъ напряженіи своего генія, принялъ рѣшительно всѣ мѣры въ области духа и матеріи.

Кто могъ тогда выдержать стремительный напоръ этой перво-классной и побѣдоносной арміи, исполнявшей высоко-мастерскую комбинацію величайшаго полководца всѣхъ временъ и народовъ!!...

Какъ ни былъ увѣренъ геніальный человѣкъ въ успѣхѣ, онъ не могъ все же избѣжать передъ сраженіемъ той душевной борьбы, которая всегда сопровождала его передъ рѣшительными его сраженіями. „Никто не можетъ понять“, говорилъ Наполеонъ, „ту страшную душевную борьбу, которую испытываетъ полководецъ передъ рѣшительнымъ сраженіемъ“.

Сознаніе громадной отвѣтственности передъ исторіею, предвидѣніе страшнаго и жестокаго сраженія, предвидѣніе громадныхъ потерь вообще и потерь многихъ вѣрныхъ, славныхъ и близкихъ сотрудниковъ, все это, въ общей совокупности, увеличивало остроту и тяжесть душевной борьбы великаго полководца наканунѣ этого „прекраснѣйшаго изъ всѣхъ данныхъ и ужаснѣйшаго“ Бородинскаго сраженія.

Одновременно заканчивалась подготовка сраженія и въ русской арміи.

День 25-го проходилъ спокойно, если не считать боя въ лѣсу на лѣвомъ флангѣ II-й арміи, веденнаго польской пѣхотой V-го корпуса и нашими егерями и дежурными полками II-й арміи, не позволявшими противнику распространяться въ этомъ лѣсу и продвигаться въ цѣляхъ развѣдыванія.

По свидѣтельству *Барклая* и *Ермолова*, *Беннигсенъ* предложилъ *Кутузову* продвинуть всю армію влѣво, имѣя правый флангъ I-й арміи у *Горокъ*, а всю II-ю армію въ *Утицкомъ* лѣсу, но предложеніе это не было приведено въ исполненіе, и остается неизвѣстнымъ, что тому помѣшало: искусныя ли демонстраціи Наполеона на лѣвомъ берегу р. *Колочи*, позднее ли время и невозможность въ темнотѣ исполнить это сложное передвиженіе, или доводы *Толя* или какія-либо другія обстоятельства, намъ неизвѣстныя.

Кутузовъ могъ считать, что онъ принялъ достаточныя мѣры на случай атаки главными силами Наполеона его лѣваго фланга.

Въ самомъ дѣлѣ, князь *Багратионъ* съ геройскими своими войсками сдержитъ первый напоръ непріятельской арміи, а тутъ подосиѣтъ кавалерія 4-го и 3-го корпусовъ, выѣдетъ резервная артиллерія отъ *Псарева*, а изъ *Утицкаго* лѣса во флангъ атакующимъ французамъ выѣдетъ *Тучковъ* съ 3-мъ корпусомъ. Этихъ силъ должно было быть достаточно сдержать непріятели на время, необходимое для прибытія изъ *Князькова* гвардіи, а за ней возможно будетъ притянуть и 2-й и 4-й корпуса съ праваго фланга.

Могъ ли *Кутузовъ* предвидѣть этотъ ночной подходъ къ *Шевардину* 120.000 массы съ лѣваго берега *Колочи* и расположеніе этой массы, ночью же, въ такой страшной близости къ его лѣвому флангу. По истинѣ, вся бѣда и вся вина *Кутузова*—въ встрѣчѣ съ величайшимъ военнымъ геніемъ!!.

Въ своихъ боевыхъ распоряженіяхъ *Кутузовъ* предоставилъ свободу дѣйствій старшимъ начальникамъ, всѣ боевыя его указанія были просты, дышали увѣренностью и рѣшимостью, и онъ никого не тормозилъ, и не суетилъ, не безпокоя войска никакими контръ-приказаніями.

Князь *Багратионъ*, сознавая опасность своего расположенія, предписалъ войскамъ скрытное расположеніе и полную боевую готовность.

Какъ ни былъ духъ въ арміи „чрезвычайнымъ“, и какъ ни рвалась армія къ бою, *Кутузовъ* приподнялъ духъ арміи еще болѣе, на небывалую высоту; войскамъ приказано облачиться въ полную

парадную форму, во всѣхъ частяхъ служили молебны, по фронту арміи возили взятыя 24-го французскія орудія, а затѣмъ пронесли слѣдовавшую при арміи отъ Смоленска чудотворную икону Божьей Матери, и вся армія, начиная съ самого Кутузова, съ чувствомъ глубокой вѣры и умиленіемъ встрѣчала и поклонилась образу Божьей Матери.

Съ вечера чины арміи чистились, прибирались и надѣвали чистыя рубахи.

Какъ высшіе чины арміи, начальники, командиры, офицеры, такъ и вся масса нижнихъ чиновъ, всѣ одинаково, спокойно, торжественно и увѣренно готовились къ славному и смертному часу.

Съ 2-хъ часовъ ночи массы французской арміи съ биваковъ лѣваго берега р. Колочи и большой дороги тронулись въ полномъ мракѣ къ наведеннымъ заблаговременно мостамъ на р. *Колочъ* и, соблюдая тишину и образцовый порядокъ, скрытно перешли на правый берегъ рѣки и постепенно расположились у Шевардинскаго кургана, противъ лѣваго фланга нашего. Къ 5-ти часамъ этотъ ночной походъ и сосредоточеніе 120.000 массы было кончено въ порядкѣ, въ тишинѣ и съ точностью часового механизма.

Незадолго до перваго свѣта войскамъ былъ прочтенъ приказъ императора-полководца, приглашавшій ихъ къ новымъ подвигамъ и обѣщавшій скорый отдыхъ и славу участія въ сраженіи, которое будетъ прославлено вѣками.

Было еще темно, и въ низинахъ еще стлался туманъ, когда на лѣвомъ флангѣ тронулась впередъ для захвата *Бородина* дивизія *Дельзона*, на правомъ—дивизіи *Даву* и *Нея*, назначенныя для захвата флешей, и V корпусъ *Понятовскаго* потянулся лѣсами на старую Смоленскую дорогу. Начинало чуть свѣтать.

Въ 6 часовъ утра раздался первый выстрѣлъ съ батареи праваго фланга, немедленно принятый влѣво, и вскорѣ артиллерійскій огонь обѣихъ сторонъ загорѣлся по всей линіи.

Съ первыми выстрѣлами направились отъ верховья *Каменки*, лѣсомъ, двѣ дивизіи *Даву* для захвата лѣвой нашей флешы, за ними, позади, остальные части, согласно плану атаки.

Одновременно дивизія *Дельзона*, уже по лѣвому берегу р. *Войны*, бѣглымъ шагомъ бросилась на *Бородино* и атаковала оборонявшій селеніе и переправу *лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ*.

Горячій бой завязался и у лѣвой флешы. Французы, встрѣченные

жестокимъ огнемъ, теряя начальниковъ и неся потери, было, замаялись на опушкѣ кустовъ, но „храбрѣйшій изъ храбрыхъ“, маршалъ Ней, бывший лѣвѣе, ввелъ свои полки и овладѣлъ первой флешью, но подоспѣла 27-я дивизія, и страшный бой, бой на жизнь и смерть, завязался у флешей. Подоспѣла и славная наша кавалерія, далеко прошла за флешю, ей навстрѣчу бросилась французская, и общая, неописуемая свалка завязалась у флешей. Послѣ неимовѣрной и общей свалки 3-хъ родовъ войскъ и только благодаря введенію здѣсь французами втрое и вчетверо превосходныхъ силъ (2-хъ дивизій Даву, 3-хъ Нея, 2-хъ VIII корпуса, кавалеріи этихъ корпусовъ и 2-хъ кавалерійскихъ), поддержанныхъ огнемъ ста орудій и руководимыхъ храбрѣйшими маршалами (Неемъ и Мюратомъ), французы окончательно овладѣли флешами.

Одновременно французы послѣ горячаго боя овладѣли *Бородинымъ* и, владѣя переправой и у *Беззубово*, оградилъ теперь свой лѣвый флангъ теченіемъ р. *Войны*. Столпленіе полковъ *Дельзона* у *Бородина* и самый бой за это селеніе, перенесенный даже на правый берегъ р. *Колочи*, привлекли сюда наше вниманіе и въ извѣстной степени повліяли на энергію поддержки атакованнаго главными силами Наполеона нашего лѣваго фланга.

Князь *Багратионъ*, изъ *Семеновскаго*, повялъ всю крайнюю опасность своего положенія и, ободряя войска въ неравномъ бою, послалъ за дивизією *Коновницына* 3-го корпуса, просилъ *Кутузова* о подкрѣпленіи и, притянувъ 4 баталіона 12-й дивизіи слѣва и ставъ лично въ головѣ 2-й Гренадерской дивизіи, произвелъ отъ д. *Семеновской*, съ свойственнымъ ему умѣніемъ, ту блистательную контръ-атаку, о которой такъ много говорятъ французскіе источники. Произошла новая неописуемая свалка на линіи флешей, и *Багратионъ* едва не вырвалъ здѣсь побѣду у французовъ; атаки нашихъ Малороссійскихъ и Глуховскихъ кирасиръ лѣвѣе, едва не захватившихъ Мюрата, оказали значительное содѣйствіе этому нападенію.

Однако выгоды мѣстности были на сторонѣ французовъ, оборонявшихъ теперь, въ свою очередь, высоты флешей. *Мюратъ* и *Ней* напрягли новыя усилія, ввели въ бой свѣжія части, а усиленная артиллерія встрѣтила атаку *Багратиона* убійственнымъ огнемъ съ близкихъ разстояній. Одушевленные присутствіемъ *Багратиона*, войска бурной волной обрушились на флешю, и здѣсь все смѣшалось. Общая свалка уже начала было подаваться къ оврагу р. *Каменки*, но выбитіе изъ строя героя *Багратиона* и почти всѣхъ начальниковъ и командировъ остановило успѣхъ дѣла, и послѣ чувстви-

тельныхъ потерь войска подались обратно къ Семеновскому оврагу, нѣсколько разъ, по пути, пытаясь вновь перейти въ наступленіе.

Вѣсть о ранѣ князя *Багратіона* поселила смущеніе въ его геройскихъ войскахъ, остатки которыхъ расположились на правомъ берегу оврага.

Только теперь начали подходить подкрѣпленія.

Съ самаго начала боя у флешей, *Кутузовъ* оцѣнилъ значеніе этого боя и общее положеніе дѣлъ и не задумываясь выслалъ къ Семеновскому изъ общаго резерва л.-гвардіи Измайловскій, Литовскій, Финляндскій полки съ двумя гвардейскими батареями, кирасиръ Его, Ея Величества и Астраханскихъ съ гвардейской конной ротой, за ними Сводную Гренадерскую бригаду и одновременно приказалъ 2-му корпусу съ крайняго праваго фланга спѣшить на лѣвый. На прибытіе всѣхъ этихъ подкрѣпленій требовалось часа полтора—два, а пока *Багратіонъ* бился съ одними своими войсками.

Первой прибыла отъ Утицы къ Семеновскому 3-я дивизія доблестнаго *Коновницына* и стремительно бросилась въ штыки на флешу.

Завязалась третья общая свалка на заваленныхъ трупами флешахъ. Ней ввелъ послѣднія свѣжія части своего и VIII корпуса, *Мюратъ*—всю бывшую подъ руками кавалерію.

Послѣ отчаяннаго боя, 3-я дивизія, подавленная превосходствомъ, вынуждена была также отойти за оврагъ, ставъ выше *Семеновскаго*, и войска лѣваго фланга окончательно оставили позиціи лѣваго берега оврага, залитыя кровью нашихъ героевъ. Но и французскія войска понесли большія потери и пришли здѣсь въ полное разстройство ¹⁾.

Только къ этому времени подошли сюда отъ *Князьково* части нашей Гвардіи и стали вдоль оврага, выше селенія, составивъ прочный остовъ новаго принимаемаго нами здѣсь расположенія, къ которому пристроились остатки 27-ой, 12-й, 2-й Гренадерской и 3-й дивизіи.

¹⁾ Въ полное разстройство приведены знаменитыя дивизіи Даву — Дессе и Кампаня и корпуса Ней—Лерію, Разу и Маршаня; первыя 4 дивизіи 16-ти и 20-ти баталіоннаго состава, тогда какъ наша 27-ая дивизія имѣла всего 8 малочисленныхъ баталіоновъ, столько же и 3-я дивизія, и 10 баталіоновъ всего 2-я Гренадерская.

Въ артиллеріи здѣсь все время французы имѣли огромное превосходство, выдвинувъ ее сразу въ массѣ 100, затѣмъ 130 и въ концѣ болѣе 400 орудій.

Новая грозная стѣна стала теперь на правомъ берегу Семёновскаго оврага и остановила надолго успѣхъ дальнѣйшаго здѣсь движенія Нея и Мюрата.

Согласно указанію Наполеона, лично руководившаго войсками своего праваго атакующаго крыла, на линію флешей вынеслась масса французской артиллеріи, и болѣе 400 орудій расположились вдоль лѣваго берега оврага на всемъ его протяженіи и открыли убійственный огонь въ цѣляхъ сломить здѣсь это новое сопротивленіе и приготовить рѣшительную атаку. Невыгоды нашего общаго расположенія, теперь уже въ формѣ болѣе остраго угла, способствовали дѣйствительности огня массъ французской артиллеріи, поражавшей во флангъ нашъ центръ настильно-рикошетнымъ огнемъ. Мужественно отвѣчала наша артиллерія, уступая числомъ и выгодами расположенія, и твердо стояли подъ губительнымъ огнемъ наша пѣхота и кавалерія.

Около этого времени французы перевели съ лѣваго берега рѣки *Колочи* всѣ свои остальные силы. Руководившій лѣвымъ крыломъ вице-король *Евгеній Богарне*, находя уже излишнимъ продолженіе демонстрацій у *Бородино*, перевелъ всѣ силы своего IV корпуса на правый берегъ р. *Колочи*, оставивъ у *Бородина* и *Беззубово* одну дивизію *Дельзона* и, занявъ центральную рошу, вошелъ въ линію общаго построенія всей арміи противъ лѣваго русскаго фаса, составляя неподвижную ось всего маневра. Ставъ въ этомъ расположеніи противъ центральнаго кургана, вице-король продолжалъ придерживать нашъ центръ и привлекать на себя его вниманіе все въ тѣхъ же цѣляхъ возможнаго облегченія праваго французскаго атакующаго крыла.

Между тѣмъ *Кутузовъ*, прислушивавшійся къ бою, къ боевымъ голосамъ и опредѣлявшій по этимъ звукамъ, по донесеніямъ и говору свиты, такъ сказать, пульсъ боя, послѣ отправленія на лѣвый флангъ первыхъ подкрѣпленій изъ общаго резерва, продолжилъ свои распоряженія по усиленію этого фланга. Торопя 2-й корпусъ прибытіемъ на лѣвый флангъ, *Кутузовъ* опредѣлилъ остроту боя на лѣвомъ флангѣ и отправилъ туда *Ермолова* и *графа Кутайсова* съ большими полномочіями.

Оба генерала спѣшили на этотъ флангъ кратчайшимъ путемъ, и *Ермоловъ* подхватилъ на пути три конныя роты.

Кутузовъ могъ рассчитывать, что пока отправленные имъ подкрѣпленія и 3-й корпусъ *Тучкова* сдержатъ новый напоръ французовъ, подоспѣютъ *Ермоловъ* и *Кутайсовъ* и распорядятся согласно полномочію, выдвинуть массы артиллеріи (3 конныхъ роты и ре-

зервная артиллерія) и возстановятъ здѣсь бой снова и прочно въ нашу пользу, а тамъ поспѣетъ и 2-й корпусъ.

Казалось, маневру Наполеона *Кутузовъ* не упустилъ своевременно противопоставить свой контръ-маневръ и бой на лѣвомъ флангѣ долженъ быть окончательно возстановленъ въ нашу пользу. Но гениальный полководецъ уже готовилъ новыя средства для ослабленія мѣропріятій *Кутузова*.

Наполеонъ и вице-король зорко слѣдили за всѣмъ, что происходитъ на нашихъ позиціяхъ и, обнаруживъ движеніе полковъ гвардіи, конныхъ ротъ *Ермолова* и, особенно, массъ 2-го корпуса, а за нимъ начало движенія 4-го, приняли свои мѣры парализовать своевременное ихъ прибытіе на нашъ лѣвый флангъ и на смѣну центра. Являлось необходимымъ отвлечь наше вниманіе и силы отъ лѣваго фланга, придержать эти силы на мѣстѣ и привлечь ихъ къ центру.

И вотъ, для войскъ этого центра, изъ центральной роши, занятой 4-мъ корпусомъ, внезапно бросилась бѣгомъ на центральный курганъ дивизія *Морана*, и одинъ полкъ этой дивизіи налетомъ захватилъ центральное наше укрѣпленіе.

Искусная демонстрація эта достигла цѣли.

Несмотря на достаточныя здѣсь силы для обратнаго захвата курганнаго укрѣпленія, на мѣры *Раевского* и *Паскевича*, пламенный *Ермоловъ* и еще болѣе пламенный, молодой и талантливый графъ *Кутайсовъ*, поравнявшись съ курганомъ и замѣтивъ на немъ смятеніе, круто повернули вправо, къ кургану.

Здѣсь *Ермоловъ* исполнилъ свой извѣстный подвигъ обратнаго занятія центрального укрѣпленія, ставъ лично во главѣ перваго попавшагося батальона и „толпою, въ образѣ колонны“, ворвавшись въ люнетъ, гдѣ все было заколото штыками, исключая удѣлѣвшаго генерала *Бонами*.

Люнетъ остался за нами, снабженъ свѣжей артиллеріею и вновь открылъ огонь во всѣ стороны.

Но ни *Ермоловъ*, вскорѣ выбывшій изъ строя за контузіею, ни убитый въ атакѣ и въ началѣ боя безвременно павшій герой графъ *Кутайсовъ*, не достигли лѣваго фланга; также остались въ центрѣ веденныя Ермоловымъ три конныя роты, нетронутыми остались у *Псарева* массы резервной артиллеріи, и приостановлена въ центрѣ 4-я дивизія принца *Виртембергскаго* 2-го корпуса, и только 17-я дивизія того же корпуса достигла уже позднѣе Утицкаго лѣса и здѣсь, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, у *Утицкаго* кургана поддержала 1-ю гренадерскую дивизію и возстановила бой въ нашу пользу.

Быль уже 11-й часъ дня. Артиллерійскія массы французовъ, охватывая насъ съ двухъ сторонъ, перекрестнымъ огнемъ поражали наше стѣсненное расположеніе угломъ, и Наполеонъ готовилъ рѣшительный ударъ на нашъ лѣвый фась. Съ лѣваго берега Семеновскаго оврага болѣе 400 орудій и около 200 орудій съ праваго берега р. *Колочи* и изъ опушки центральной роши скрещивали свои выстрѣлы. Не было мѣста въ нашемъ расположеніи, которое не поражалось бы ядрами, достигавшими до послѣдняго резерва нашего—полковъ: *Преображенскаго*, *Семеновскаго*, *кавалергардовъ* и *конной гвардіи*, придвинутыхъ *Барклаемъ* отъ *Князьково* ближе къ центральному кургану и сел. *Семеновскому*.

Близился полдень. Подготовка достигла уже высокаго градуса.

Согласно плану, Наполеону, до рѣшительнаго удара, оставалось захватить участокъ праваго берега *Семеновскаго* оврага и самое селеніе и въ этихъ цѣляхъ, за полнымъ разстройствомъ войскъ *Даву* и *Нея*, ведшихъ бой за флешы, *Наполеонъ*, согласно плану, вводитъ послѣдній уступъ атакующаго крыла—дивизию *Фриана*. Для обезпеченія захвата этой дивизіею *Семеновскаго* и участка ниже и для отвлеченія вниманія нашихъ войскъ на время атаки *Фриана*, великій мастеръ военнаго дѣла бросилъ на нашъ фронтъ праваго берега оврага массы кавалеріи: лѣвѣе селенія—4-й кавалерійскій и правѣе—1-й кавалерійскій корпуса. И вотъ массы болѣе 4-хъ кавалерійскихъ дивизій перешли оврагъ и подъ нашимъ огнемъ бросились на нашу пѣхоту и артиллерию, встрѣтившія стойко эту атаку. То тамъ, то здѣсь, навстрѣчу французской кавалеріи, бросилась наша, и по всему лѣвому берегу оврага завязались общія свалки, гдѣ обѣ стороны соперничали въ беззавѣтномъ мужествѣ.

Особенно стойко были встрѣчены кирасиры *Сенъ-Жерменя* (кареями) нашей гвардейской пѣхоты, измайловцами, литовцами и фінляндцами, стоявшими въ образцовомъ и грозномъ порядкѣ.

Контръ-атаки нашей кавалеріи, *кирасиръ Его*, *Ея Величества* и *Астраханскихъ* и въ тылъ быстро подоспѣвшихъ *Ахтырскихъ* гусаръ порѣшили съ кирасирской дивизіею *Лоржа* 4-го корпуса, а 2-й кирасирской дивизіи съ кирасирами *Сенъ-Жерменя* и легкой дивизіей *Брюера* 1-го корпуса; лѣвый берегъ оврага былъ совершенно очищенъ отъ французской кавалеріи, и только отдѣльные всадники и лошади долго еще носились по всему полю боя.

Но пока все наше вниманіе было привлечено красивой и грозной атакой этихъ массъ кавалеріи и ихъ отраженіемъ, *Фрианъ*, какъ изъ засады, бѣглымъ шагомъ густыми цѣпями и малыми за ними колоннами бросается на *Семеновское* и послѣ короткаго, но жесто-

каго боя съ остатками оборонявшей селеніе 2-й гренадерской дивизіи, овладѣваетъ западной частью селенія и возвышеніемъ ниже.

Французы пріобрѣтаютъ здѣсь точку опоры для дальнѣйшихъ дѣйствій во флангъ центра нашей арміи.

По обратномъ возвращеніи французской кавалеріи, возобновляется и усиливается страшная артиллерійская подготовка и постепенно доходитъ до наивысшаго напряженія,—температура боя постепенно доводится до наивысшаго градуса.

Часами потрясаемая и уничтожаемая этимъ страшнымъ концентрическимъ огнемъ, войска лѣваго крыла ослаблены матеріально и еще болѣе ослаблены и изнурены духовно; истощеніе и изнуреніе это уже превосходитъ человѣческія силы!!..

2-й корпусъ большей частью еще не вошелъ, согласно назначенію, въ линію войскъ крайняго лѣваго крыла, 4-й корпусъ не вступилъ и не замѣнилъ ослабленную войска бывшаго центра; минута была критическая.

Все готово для рѣшительнаго удара на весь нашъ лѣвый фасъ.

Наполеонъ требуетъ лошадей. Направивъ, для завершенія удара, гвардейскую дивизію *Роге* къ *Семеновскому* и дивизію *Клапареда* къ вице-королю, на лѣвый флангъ, Наполеонъ ѣдетъ лично въ *Семеновское*.

Чувствуется приближеніе обычнаго „coup de collier“ великаго мастера, чувствуется, что подготовка созрѣла и вотъ—наступитъ рѣшеніе.

Наполеонъ уже достигнулъ, на пути въ *Семеновское*, оврага р. *Каменки*. Но вотъ что-то случилось на лѣвомъ флангѣ и въ тылу великой арміи, тамъ произошло какое-то смятеніе, произошло какое-то событіе, приведшее лѣвый флангъ, обозы и тылъ арміи въ смятеніе и смущеніе, мгновенно пробѣжавшее по всему фронту и достигшее конечнаго и рѣшительнаго удара!! На крайнемъ лѣвомъ флангѣ, на р. *Войкъ*, у *Беззубова*, съ угрозой обозамъ, тылу и сообщеніямъ великой арміи, внося переполохъ въ этомъ тылу на большой почтовой дорогѣ, показались массы кавалеріи *Платова* и *Уварова*!!...

Кутузовъ таки обошелъ Наполеона и въ критическую для своей арміи минуту сраженія предпринялъ искусный маневръ, совершившій переломъ въ ходѣ сраженія и нарушившій его теченіе въ нашу пользу.

Дивизія *Роге* пріостановлена Наполеономъ у оврага р. *Каменки*, и самъ онъ повернулъ обратно къ *Шевардину*, откуда поскакалъ на лѣвый флангъ.

Вице-король, уже устраивавшій свои массы въ центральной рошѣ, смущенный и озабоченный, поскакалъ таже на *Войну*, приказавъ слѣдовать за нимъ и перейти обратно р. *Колочу* итальянской гвардіи и гвардейской кавалеріи, а остальнымъ дивизіямъ быть въ готовности слѣдовать туда же.

Всѣ приготовления на фронтѣ атаки приостановлены. Не придетъ ли и вовсе отъ нея отказаться?!

Кутузовъ, сидя на скамейкѣ, казалось, дремалъ, и единственный, уцѣлѣвшій глазъ его былъ закрытъ. Но дремота его была только кажущейся.

Въ свитѣ громко обсуждали ходъ дѣлъ и дѣлились новостями и впечатлѣніями боя, и *Кутузовъ* все слышалъ.

Маститый полководецъ прислушивался къ боевымъ голосамъ и къ говору свиты, взвѣшивалъ и оцѣнивалъ содержаніе донесеній и просьбы о подкрѣпленіи и самый характеръ докладовъ и т. п., Короче, по всѣмъ этимъ разнообразнымъ и уловимымъ только для умудреннаго опытомъ военачальника признакамъ, постигалъ положеніе дѣлъ, степень напряженности боя, и именно тогда, когда подготовка Наполеономъ боя достигла наивысшаго градуса, *Кутузовъ* какъ бы проснулся, потребовалъ дрожки и прибылъ на батарею у *Горокъ*. Отсюда *Кутузову* было все видно и то, что онъ постигъ раньше, увидѣлъ теперь во-очію.

Результатомъ этого обзрѣнія поля сраженія отъ *Горокъ* и была высылка *Платова* и *Уварова* на лѣвый берегъ *Колочи*,—къ р. *Войнтъ* и большой почтовой дорогѣ.

Этотъ поискъ *Платова* и *Уварова* на флангъ и сообщенія великой арміи, благодаря принятымъ Наполеономъ мѣрамъ по обезпеченію своего фланга и сообщеній и вице-королемъ по своевременному передвиженію сюда войскъ, а также по недостатку искусства и настойчивости его исполненія, могъ имѣть значеніе только диверсія, но для *Кутузова* этого было достаточно, и онъ достигъ своей цѣли: 2 и 4-ый корпуса вошли согласно разсчета, въ линію, артиллерія наша оправилась и освѣжилась новыми батареями, температура боя понизилась, и вся армія передохнула.

Когда все успокоилось на фронтѣ французской арміи, Наполеонъ возобновилъ свои приготовления и вообще подготовку и повернулъ свою лошадь опять въ *Семеновское*. Артиллерія возобновила свой огонь, и массы пѣхоты и кавалеріи начали устраиваться.

Но подготовка не могла уже дойти до своей прежней интенсивности и доведена до бывшей температуры. Передохнувшая и устроившаяся русская армія потребовала новыхъ усилій ея потрясенія, изнуренія и ослабленія.

Прибывъ въ *Семеновское*, Наполеонъ оглядѣлъ отсюда общее положеніе дѣлъ и быстро пришелъ къ заключенію, что нанесеніе отсюда удара не обѣщаетъ успѣха. На крайнемъ правомъ его флангѣ, на старой Смоленской дорогѣ, по даннымъ Наполеона и по внѣшнимъ признакамъ, успѣхъ дѣйствій V-го корпуса и VIII-го въ Утицкомъ лѣсу былъ приостановленъ. Отъ Утицкаго лѣса до верховья Семеновскаго оврага боевыя линіи русскихъ кипѣли жизнью и за пѣхотой обрисовывались стройныя линіи кирасиръ и 4-го кавалерійскаго корпуса, а далѣе влѣво вдоль оврага грозно и въ стройномъ порядкѣ вытягивались 9 баталіоновъ гвардіи съ своей артиллеріей и кирасирами позади и поддерживали живой огонь. За этими частями шагахъ въ 600-ахъ—800-ахъ въ образцовомъ и грозномъ порядкѣ стояла внушительная масса *Преображенцевъ*, *Семеновцевъ*, *Кавалергардовъ* и *Конной-Гвардіи*, а за этой массой собирались полки 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ, устраиваемые распоряженіемъ *Барклая*.

Еще лѣвѣе нашей гвардіи резерва Наполеонъ видѣлъ вступившія въ линію центра войска свѣжаго 4-го корпуса, стройно ставшія уступами, осадивъ назадъ лѣвый флангъ.

Повсюду видѣлъ Наполеонъ боевыя линіи русскихъ войскъ, полныя жизни и одушевленія.

Гдѣ же, могъ себѣ сказать Наполеонъ, эти потрясенныя и истощенныя войска русскаго лѣваго фланга?!. Гдѣ же результаты этой настойчивой искусной и напряженной подготовки?!. Скорѣе надо ожидать перехода здѣсь русскихъ въ наступленіе!

Оцѣнивъ опытнымъ глазомъ положеніе здѣсь дѣлъ, Наполеонъ окончательно отказался отъ атаки нашего лѣваго фланга. Смущенный и сумрачный оставилъ Наполеонъ *Семеновское*, давъ указанія *Фриану*, какъ ему расположиться на случай перехода русской арміи въ наступленіе, а артиллеріи приказалъ возможно усилить огонь.

Отказавшись отъ атаки съ фронта *Семеновскаго* оврага и *Утицкаго* лѣса, Наполеонъ рѣшаетъ ограничиться хотя бы частнымъ успѣхомъ на своемъ лѣвомъ крылѣ съ сравнительно еще свѣжими войсками IV корпуса, овладѣвъ центральнымъ кургавомъ. Для содѣйствія этой атакѣ, пользуясь выгодами расположенія массъ кавалеріи у Семеновскаго оврага, Наполеонъ направляетъ въ тылъ и во флангъ войскамъ нашего бывшаго центра (теперь уже праваго крыла) массу 2-хъ кавалерійскихъ корпусовъ—2-го и 4-го.

Бородинское сражение 26 августа 1812 года.

Атака дивизіями Брусе и Морана IV-го италянского корпуса кургана Раевского въ 3 часа дня.

Во ф... (фигуры) артиллерійской бригады съ штабомъ. Въ лѣвомъ углу видны за рѣкой куполъ и колокольня церкви селенія Бородино.

Наполеонъ вернулся на *Шевардинскій* курганъ, откуда выжидаль развитія дѣйствія артиллеріи и окончанія устройства войскъ IV корпуса, вновь располагаемыхъ у центральной роши и устья р. Каменки.

Въ 3 примѣрно часа дня, послѣ непрерывнаго сильнаго концентрическаго огня французской артиллеріи, когда всѣ приготовленія атаки были закончены, 2-й и 4-й кавалерійскіе корпуса (бывшій *Монбрень*, веденный теперь *Коленкуромъ*, и *Латуръ-Мобура*), по условію, перешли *Семеновскій* оврагъ ниже селенія и ринулись на фланги и тылъ нашего 4-го корпуса.

Коленкуръ велъ кирасирскую дивизію *Ватье*, ставъ во главѣ 5-го кирасирскаго полка, и велъ направленіе значительно правѣе центрального кургана.

Мгновенно пѣхота нашего центра была наводнена волнами французской кавалеріи. *Коленкуръ*, поравнявшись (съ кирасирскимъ полкомъ) съ центральнымъ курганомъ, круто поворачиваетъ полкъ налѣво и врывается съ тыла черезъ горжу въ люнетъ центрального кургана; правѣе и лѣвѣе *Коленкура* проносятся другія части кавалеріи. *Коленкуръ* палъ здѣсь изъ первыхъ.

Все вниманіе наше привлечено теперь кавалерією и борьбой съ нею, особенно на курганѣ, гдѣ пѣхота и артиллерія банниками уничтожали кирасиръ, но въ это самое время пѣхота IV Итальянскаго корпуса, масса 5-ти пѣхотныхъ дивизій, окрыленныхъ кавалерією, беретъ центральный курганъ съ фронта.

Послѣ страшной общей свалки у кургана и оврага позади, мы отошли нѣсколько назадъ, быстро устроились и—уже ни шагу дальше.

Всѣ попытки IV корпуса продвинуться далѣе были отбиты съ страшными потерями для французовъ.

Тогда Наполеонъ предпринялъ новую атаку массами кавалеріи, съ фланга тѣми же 2-мъ и 4-мъ корпусами, а съ фронта 3-мъ корпусомъ.

Новая, неописуемая общая свалка, въ которой ничего нельзя было разобрать, въ которой высшіе генералы бились, какъ простые рядовые бойцы, завязалась правѣе и лѣвѣе центрального кургана. Многіе генералы, какъ и *Барклай*, обнажившій оружіе, отбивались и поражали непріятельскихъ всадниковъ.

Замѣтивъ особую опасность атаки непріятели (дивизіи *Шастеля*) правѣе кургана, на фронтъ 7-й дивизіи, *Барклай* бросилъ имъ навстрѣчу *Кавалергардовъ* и *Конную-Гвардію*.

Знаменитые полки эти блестящей атакой смяли здѣсь французскую кавалерію и далеко въ глубину внесли смущеніе въ рядахъ

противника, а подоспѣвшіе сюда части 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ, завершили успѣхъ нашей здѣсь кавалеріи.

Схлынули, наконецъ, волны кавалеріи, и обозначилось окончательное расположеніе здѣсь сторонъ; французы не продвинулись далѣе центральнаго кургана, и имъ противустала живая стѣна нашихъ на высотахъ передъ курганомъ.

Въ 5 часовъ Наполеонъ прибылъ лично на курганъ и подъ страшнымъ, неумолкавшимъ огнемъ нашей артиллеріи обозрѣлъ положеніе дѣлъ.

Чувствуя неудовлетвореніе и сознавая ограниченность результатовъ, гордый своими успѣхами полководецъ намѣревался было захватить еще и позицію у *Горокъ*, но за очевидной невозможностью сломить дальнѣйшее сопротивленіе этой страшной русской арміи, за полнымъ духовнымъ истощеніемъ своихъ испытанныхъ войскъ, Наполеонъ окончательно отказался и отъ продолженія, и завершения сраженія!.....

До 5-ти часовъ поддерживала огонь артиллерія сторонъ, и въ 5-ть часовъ, постепенно замирая, онъ прекратился вовсе.

За полнымъ истощеніемъ атакующаго и при общемъ у него сознаніи невозможности сдвинуть далѣе съ мѣста эту высокодуховитворенную, несокрушимую и страшную русскую армію и общей рѣшимости въ русской арміи—не трогаться ни шагу назадъ, прекратилось безпримѣрное, „прекраснѣйшее и ужаснѣйшее“ Бородинское побоище.

Въ русской арміи, за всѣми страшными усилями и потерями, господствовало чувство побѣды. Этимъ чувствомъ, купно съ арміею, проникнуть былъ и маститый вождь ея, и онъ разослалъ по всему фронту арміи приказъ о переходѣ съ утра слѣдующаго дня въ общее наступленіе, принятый восторженно и исполнившій чиновъ арміи новыми силами!!..

Только поздней ночью, къ общему огорченію и даже негодованію многихъ, полученъ приказъ объ отступленіи.

Съ первымъ свѣтомъ 27-го наша армія многими колоннами потянулась къ *Можайску*.

Русская армія подъ Бородинымъ покрыла себя вѣчной славой. Она сражалась, уступая своему противнику подготовкой и числомъ.

Ослабленная на половину, потерявшая десятки генераловъ, сотни командировъ и офицеровъ тысячами, эта армія, сильная своимъ

„чрезвычайнымъ духомъ“, сражавшаяся въ столь невыгодныхъ условіяхъ расположенія и мѣрившаяся съ первоклассной арміею, воспитанной и руководимой величайшимъ военнымъ гениемъ, эта армія продиктовала ему свою волю — „ни шагу впередъ“, и онъ отступился и, послѣ кровавыхъ жертвъ подготовки, впервые отказался завершить сраженіе общей и рѣшительной атакой.

И мы оставили обогрѣнную кровью героевъ Бородинскія поля по своей волѣ, безъ боя и безъ тѣни преслѣдованія, въ грозномъ спокойствіи, гордые сознаниемъ честно и славно исполненнаго долга.

Бородинское сраженіе на вѣки вѣковъ есть памятникъ великаго подвига духа русской арміи, — великаго подвига духа великаго русскаго народа.

Б. М. Колюбакинъ.

Приложеніе къ „Русской Старинѣ“.

Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 г. ¹⁾.

Нѣсколько егерскихъ полковъ расположились въ предмѣстіи, на правомъ берегу Днѣпра, защищая переправу. Сообщившійся отъ моста огонь схватилъ ближайшіе дома. Воспользовавшійся замѣшательствомъ непріятель, подъ прикрытіемъ своихъ батарей, перешедши въ бродъ у самага моста, занялъ предмѣстіе и мгновенно показался на горѣ у батареи, которая, его не ожидая, не была готова его встрѣтить; но генераль-лейтенантъ Коновницынъ приказалъ ближайшимъ батальонамъ ударить въ штыки, и непріятель опрокинутъ. Устроившіеся въ порядокъ егеря преслѣдовали бѣгущихъ въ замѣшательствѣ, и многіе изъ нихъ потонули. Въ продолженіе дня не прерывалась канонада и перестрѣлка. Сгорѣвшіе по берегу дома, не закрывая уже егерей нашихъ, подвергали ихъ картечнымъ выстрѣламъ. По маловажности дѣйствія потеря наша была очень чувствительна. Непріятельская конница во многихъ мѣстахъ испытывала броды, но важнаго ничего не предпринимала.

Я приказалъ вынести изъ города образъ Смоленской Божіей Матери, укрывая его отъ безчинствъ и поруганій Святыни! Отслуженъ молебенъ, который произвелъ на войско полезное дѣйствіе.

6-го числа августа сдѣлано распоряженіе объ отступленіи 1-й арміи. Того же дня 2-я армія отошла къ селенію Пнева Слобода, гдѣ, переправясь за Днѣпръ, должна была дождаться 1-й арміи.

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюль 1912 г.

Оставленный на шестой верстѣ отъ города, подъ командою генераль-лейтенанта князя Горчакова, авангардъ не прежде долженъ былъ оставить мѣсто, какъ по смѣнѣ его войсками отъ 1-й арміи, ибо онъ закрывалъ собою дорогу, на которую должна выйти одна ея колонна. Генераль-маіоръ Тучковъ (Павель Алексѣевичъ) отправленъ съ отрядомъ занять его мѣсто. Трудный путь умедлилъ движеніе отряда, и онъ, вышедши на большую дорогу, на двѣнадцатой верстѣ отъ города, не засталъ уже генераль-лейтенанта князя Горчакова, который отправился въ соединеніе со 2-ю арміею, не давши о томъ знать и снявши посты, содержавшіе сообщеніе между имъ и 1-ю арміею. Князь Багратіонъ приказалъ ему отступить предъ свѣтомъ, чтобы не утомлять людей ночнымъ переходомъ, но не иначе, какъ по смѣнѣ его ¹⁾. Непритель его не беспокоилъ; ему изъ диспозиціи на то число видно было направленіе 1-й арміи и что, если непритель захватитъ тотъ пунктъ, гдѣ съ большою дорогою соединяется проселочная дорога, по которой идутъ войска 1 арміи, ей не остается другого пути, ни даже обратнаго, ибо ее долженъ былъ преслѣдовать непритель. Всѣ сіи обстоятельства должны были объяснить генераль-лейтенанту князю Горчакову необходимость держаться въ своемъ расположеніи, если бы даже то совсѣмъ не сходствовало съ приказаніемъ князя Багратіона. Генераль-маіоръ Тучковъ, вышедши на большую дорогу, хотѣлъ подвинуться къ Смоленску, чтобы закрыть собою важный пунктъ соединенія дорогъ, но не далѣе какъ въ одной верстѣ встрѣтилъ непрителя, и началась перестрѣлка. Въ такомъ положеніи онъ ожидалъ прибытія войскъ ²⁾.

Главнокомандующій, въ полной увѣренности, что движеніе арміи совершенно закрыто отрядомъ генераль-маіора Тучкова и что князь Горчаковъ, конечно, дождался его, приказалъ нѣкоторымъ войскамъ отступать въ 8 часовъ вечера; тѣмъ же, кои были на виду у непрителя,—тогда, какъ начнетъ быть темно. Генераль-адъютантъ баронъ Корфъ долженъ былъ, снявъ до свѣту всѣ посты, отступить съ арріергардомъ отъ города.

Итакъ оставили мы Смоленскъ, привлекли на него всѣ роды

---

¹⁾ Князь Горчаковъ всякое порученіе, при исполненіи котораго надобны храбрость и настойчивость, совершилъ наилучшимъ образомъ, и видъ опасности его не устрасилъ; но съ этими, достойными уваженія, преимуществами не въ равной степени можетъ быть способность распорядительная

²⁾ Генераль-маіору Тучкову представились совершенно неожиданныя обстоятельства и опасность въ высшей степени, но они нашли въ немъ соотвѣтственную имъ твердость. Непритель былъ въ силахъ и близко, онъ отъ арміи отдаленъ и скорой помощи ожидать не могъ. Онъ рѣшился удерживать мѣсто и тѣмъ уничтожилъ затрудненія арміи.

бѣдствій, превратили въ жилище ужаса и смерти. Казалось, упрекая намъ, снѣдающимъ его пожаромъ, онъ, къ стыду нашему, расстачалъ имъ мракъ, скрывающій наше отступленіе.

Разрушеніе Смоленска познакомило меня съ новымъ совершенно для меня чувствомъ, котораго войны, виѣ предѣловъ отечества выносимыя, не сообщаютъ. Не видѣлъ я опустошенія земли собственной, не видѣлъ пылающихъ городовъ моего отечества. Въ первый разъ въ жизни коснулся ушей моихъ стонъ соотчичей, въ первый раскрылись глаза на ужасъ бѣдственнаго ихъ положенія. Великодушіе почитаю я даромъ Божества, но едва-ли бы далъ я ему мѣсто прежде отмщенія!

Началось седьмое число, происшествіями достопамятное! Главнокомандующій, полагая, что войска, отступившія съ вечера, успѣли отдалиться, удивленъ былъ, найдя на мѣстѣ весь корпусъ генераль-лейтенанта Багговута. Проселочная дурная дорога, худыя переправы, ночь необычайно темная затрудняли движеніе артиллеріи, и войска едва подвигались впередъ. Ночи оставалось уже непродолжительное время, и до разсвѣта едва возможно было удалиться изъ виду непріятельской арміи. Не было сомнѣнія, что французы стануть сильно преслѣдовать, и положеніе наше очевидно дѣлалось опаснымъ¹⁾. Онъ приказалъ мнѣ ѣхать, употребилъ даже просьбу, чтобы я старался всячески ускорить движеніе войскъ. Проѣхавъ версты три, понуждая впередъ артиллерію, нашелъ я, среди колонны пѣхоты, два эскадрона Сумскаго гусарскаго полка, и офицеръ донесъ мнѣ, что въ трехъ стахъ шагахъ отсюда, изъ занимаемаго имъ поста онъ вытѣсненъ французами и имѣетъ раненыхъ; что бывшіе съ нимъ егеря отъ авангарда князя Горчакова отошли прежде, нежели отрядъ генераль-маіора Тучкова прошелъ сіе мѣсто, и непріятель скоро послѣ появился. Поправить сего было не возможно; темнота не позволяла видѣть мѣста и силъ непріятели; оставалось только спѣшить пройти это мѣсто, гдѣ и переправа около мельницы была неудобна. Я донесъ обо всемъ главнокомандующему и поѣхалъ далѣе. Начинало разсвѣтать, когда войска, прошедши около десяти верстъ, остановились, потому что генераль-адъютантъ Уваровъ приказалъ 1-му кавалерійскому корпусу заpastись фуражемъ и въючить на лошадей сѣно. Самую вѣзливую послалъ я ему записку, а по званію моему предложилъ, не ожидая пѣхоты, идти

¹⁾ Понятна была опасность нашего положенія; ибо приказаніе далъ онъ на французскомъ языкѣ, чтобы не всѣ разумѣть могли подробности наставленія, мнѣ даннаго. Я готовъ былъ не найти ничего труднаго, чтобы дѣлать угодное начальнику, одушевленъ бывши его примѣромъ заботливости и рвенія.

на мѣсто, гдѣ наша проселочная дорога выходитъ на большую. Вскорѣ, услышавши пушечные выстрѣлы, приказалъ я пѣхотѣ слѣдовать сколько возможно поспѣшнѣе. Не могли сыскать начальствовавшего всею колонною, генераль-лейтенанта Тучкова (Николая Алексѣевича), который весьма покойно ночевалъ въ деревнѣ; я объяснился съ генераль-лейтенантомъ Коновницынымъ и былъ увѣренъ, что по извѣстной его неустойчивости и любви къ порядку, онъ все исполнилъ наилучшимъ образомъ. Если пушечные выстрѣлы были со стороны арріергарда, мы могли подвергнуться потерѣ, но никакимъ другимъ слѣдствіямъ; но ежели въ дѣйствіи отрядъ генераль-маіора Тучкова, онъ можетъ быть опрокинутъ, соединеніе дорогъ захвачено, мы атакованы на маршѣ, и безъ потери артиллеріи нѣтъ средства соединиться съ другою колонною арміи, которая отправлена прямо на переправу чрезъ Днѣпръ, у Пневои Слободы. Изъяснивъ опасенія мои главнокомандующему, я послалъ ему моего адъютанта. Для ускоренія движенія приказалъ я посадить людей на орудія и идти рысью. Вскорѣ главнокомандующій увѣдомилъ меня, что арріергардъ сильно преслѣдуемъ, что, занявши высоты, у дороги лежащія, отрѣзалъ его такъ, что часть кавалеріи его должна была проскакать подъ выстрѣлами, и онъ принужденнымъ нашелся возвратить 2-й корпусъ генерала Багговута, который вытѣснилъ непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи и открылъ путь арріергарду, но что сраженіе продолжается съ упорствомъ и что присутствіе его тамъ необходимо. Между тѣмъ генераль-адъютантъ Уваровъ вышелъ съ кавалерійскимъ корпусомъ на большую дорогу, въ слѣдъ за нимъ 1-я гренадерская и 3-я пѣхотная дивизіи. На самомъ соединеніи дорогъ стоялъ Елисаветградскій гусарскій полкъ изъ отряда генераль-маіора Тучкова, котораго полагали въ шести верстахъ впереди, на мѣстѣ, гдѣ былъ авангардъ князя Горчакова. Командиръ полка донесъ, что отрядъ не далѣе версты впереди, и подтвердилъ, что, не дождавшись его, князь Горчаковъ отправился къ арміи, оставивши три полка Донскіе подъ командою генераль-маіора Карпова, которымъ также приказано слѣдовать къ арміи. Полки сіи оставлены мною и, закрывая отрядъ нашъ, продолжали слабую перестрѣлку съ непріятелемъ, который впередъ не подавался. Пользуясь симъ, генераль-маіоръ Тучковъ выигралъ небольшое разстояніе. На представленіе мое о необходимости подкрѣпить его, генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й, согласясь, приказалъ полковнику Желтухину идти съ полками, лейбъ-гренадерскимъ, графа Аракчеева и полуротою батарейной артиллеріи. Всѣ прочія войска отошли на ночлегъ въ шести верстахъ позади. Было десять часовъ утра, и со стороны Смоленска довольно

спокойно, но сомнительно было, чтобы во весь день продолжилось спокойствіе; ибо неприятелю явно было намѣреніе наше выйти на большую дорогу и что, не допустивъ насъ къ тому, онъ пріобрѣталъ неисчислимыя выгоды. Еще не прибылъ до того корпусъ генераль-лейтенанта графа Остермана, и много разбросано по дорогѣ артиллеріи; арріергадъ былъ въ далекомъ разстояніи, и корпусъ генераль-лейтенанта Багговута, служившій ему опорой, вмѣстѣ съ нимъ. Итакъ, не взирая на всѣ невыгоды занимаемой нами позиціи, необходимо было удерживать ее до соединенія нашихъ войскъ. Правый флангъ ея простирался по холму, коего защита была существенною для насъ важностію; ибо онъ закрывалъ у подошвы его сходящіяся позади дороги; имѣя его, удобно было подкрѣплять каждую часть войскъ всего боевого устройства. Центръ покрывался густымъ кустарникомъ по низкому и частію болотистому мѣсту; къ лѣвому крылу нѣсколько впередъ выдавался не обширный, но весьма густой лѣсъ, на оконечности котораго пространное поле, для дѣйствія кавалеріи удобное, склонялось назадъ къ ручью очень тинистому. Надобно было занять поле и имѣть на немъ значительную артиллерію, дабы не допустить неприятельскихъ батарей, которымъ представлялся тылъ большей части нашей линіи и къ ней ведущая дорога. Генераль-маіоръ Тучковъ далъ знать, что замѣчено умноженіе неприятельскихъ силъ, и прислалъ схваченныхъ двухъ виртембергскихъ гусаръ, которые показали, что собранная въ большомъ числѣ конница ожидаетъ прибытія пѣхоты, и тогда начнется атака. Донского войска генераль-маіоръ Карповъ извѣстилъ, что посланные отъ него развѣзды осмотрѣли французскую армію, переходящую на правый берегъ Днѣпра по нѣсколькимъ устроеннымъ мостамъ. По представленію моему генераль-лейтенанту Тучкову 1-му возвращены войска, отошедшія на ночлегъ, а главнокомандующему донесъ я объ извѣстіяхъ, и получилъ повелѣніе вступить въ сраженіе, и что онъ посиѣшитъ прибыть, устройтъ дѣла арріергарда.

Въ реляціи подробно изложены всѣ обстоятельства сего сраженія. Представивъ ее главнокомандующему, я получилъ приказаніе его представить ее прямо отъ себя его свѣтлости, фельдмаршалу, князю Кутузову ¹⁾.

---

¹⁾ Медленно доставленные начальниками войскъ списки объ отличившихся были причиною, что я не прежде могъ представить реляцію, какъ 22 сентября № 501. Главнокомандующій, готовый къ отъѣзду изъ арміи, не могъ заняться ею и приказалъ мнѣ обратиться съ нею къ князю Кутузову, что и исполнено.

Важныя обстоятельства, сопровождавшія сіе сраженіе, не лишили войскъ нашихъ возможности кончить его съ честію и выгодами, тогда какъ сами они находились въ величайшей опасности. Особенное чувство удовольствія производитъ во мнѣ воспоминаніе о семъ происшествіи; ибо главнокомандующій изъявилъ мнѣ въ сей день высокую степень довѣренности и большую часть успѣха обратилъ собственно на счетъ мой.

Реляція о сраженіи 7 числа августа при селеніи Заболотьѣ или Валутинѣ.

„По трехдневномъ защищеніи города Смоленска опредѣлено было отступленіе арміи. 2-я армія прикрывала переправу чрезъ Днѣпръ, большими силами непріятеля угрожаемую; авангардъ ея былъ въ 6 верстахъ отъ Смоленска на Московской дорогѣ. 1-я армія слѣдовала двумя колоннами: первая подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова, изъ 5 и 6-го корпусовъ и арріергарда генерала-отъ-кавалеріи Платова, проходила дорогою, отъ непріятія отклонившеюся и безопасною. 2, 3 и 4-й корпуса и арріергардъ генераль-адъютанта барона Корфа должны были сдѣлать фланговой маршъ, для достиженія большой Московской дороги, путями трудными и гористыми, ходъ ихъ умедлявшими. Въ продолженіе сего авангардъ 2-й арміи отошелъ, и на смѣну его заблаговременно посланный отрядъ генераль-маіора Тучкова 3-го, состоящій изъ 20 и 21 егерскихъ, Ревельскаго пѣхотнаго и Елисаветградскаго гусарскаго полковъ, встрѣтилъ уже непріятеля на одиннадцатой востѣ отъ города.

Арріергардъ генераль-адъютанта барона Корфа въ близкомъ отъ Смоленска разстояніи былъ атакованъ большими непріятеля силами. Ваше Высокопревосходительство, свидѣтель сего упорнаго сраженія, должны были ввести въ дѣло 2-й корпусъ генераль-лейтенанта Багговута; прочіе корпуса продолжали путь свой. Я получилъ повелѣніе Вашего Высокопревосходительства ускорить ихъ движеніе. Важность обстоятельствъ того требовала: надобно было захватить соединеніе дорогъ. Не возможно было употребить довольно поспѣшности. Соединеніе было близко отъ Смоленска. Отрядъ генераль-маіора Тучкова 3-го слабъ противъ непріятеля. Именемъ Вашего Высокопревосходительства приказалъ я 1-му кавалерійскому корпусу генераль-адъютанта Уварова поспѣшно занять соединеніе дорогъ, что было исполнено безъ замедленія. 3-й корпусъ генераль-лейтенанта Тучкова 1-го, горящій желаніемъ встрѣтить непріятеля, пришелъ по свѣжимъ слѣдамъ кавалеріи. Генераль-маіору Пассеку поручилъ я проводить артиллерію рысью. 4-й корпусъ генераль-лейтенанта графа Остермана-Толстого пришелъ мало времени спустя. Я нашелъ

отрядъ генерала-маіора Тучкова 3-го въ двухъ только верстахъ отъ соединенія дорогъ, приказалъ часть пѣхоты подвинуть впередъ, подкрѣпилъ его бригадою полковника Желтухина изъ лейбъ-гренадерскаго и графа Аракчеева полковъ и 6-ю батареями орудіями. Передовые посты были въ перестрѣлкѣ, но непріятель былъ слабъ. 3 и 4-й корпуса отошли на назначенный ночлегъ, въ 6 верстахъ разстоянія. Въ два часа по полудни усилился огонь на передовыхъ постахъ, и два дезертѣра объявили, что непріятель, въ числѣ двѣнадцати полковъ пѣхоты и конницы, готовъ сдѣлать нападеніе, коль скоро большія силы, переправляющіяся съ лѣваго берега Днѣпра, къ нимъ придутъ. Командующій передовыми постами войска Донского, генераль-маіоръ Карповъ, далъ извѣстіе, что непріятель со многими силами переходитъ рѣку. Я извѣстилъ о семъ генераль-лейтенанта Тучкова 1-го, и 3-му корпусу приказалъ прійти поспѣшнѣе. Передовые посты уступили силамъ непріятеля, и къ пятому часу долженъ былъ уже и 4-й корпусъ приблизиться. Я донесъ Вашему Высокопревосходительству, и вамъ угодно было приказать мнѣ расположить войско въ боевое устроеніе, въ ожиданіи вашего прибытія изъ арріергарда. Вскорѣ началось дѣло во всей силѣ. Непріятель употребилъ всѣ усилія по большой почтовой дорогѣ, но выгодное положеніе съ нашей стороны и не приспѣвшая еще дотолѣ непріятельская артиллерія дали возможность удержаться. Непріятель умножилъ стрѣлковъ на лѣвомъ флангѣ отряда генераль-маіора Тучкова 3-го, но по распоряженію его употребленный 20 егерскій полкъ съ генераль-маіоромъ княземъ Шаховскимъ удержалъ его и далъ время 3-й дивизіи полкамъ: Черниговскому, Муромскому и Селенгинскому приспѣть и утвердиться.

Вскорѣ прибыла непріятельская артиллерія, и канонада съ обѣихъ сторонъ усилилась чрезвычайно. Ваше Высокопревосходительство изволили прибыть къ сражающимся войскамъ. Появилась непріятельская кавалерія, и какъ туча возлегла на правомъ крылѣ своемъ. Всю бывшую при корпусахъ кавалерію, кромѣ 1-го корпуса, надобно было по необходимости употребить на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Силы непріятеля были превосходны, мѣстоположеніе въ его пользу. Позади нашей кавалеріи болотистый ручей, трудная переправа артиллеріи. Но бригада подъ командою генерала-маіора князя Гуріела, быстро вытѣснившая непріятельскую пѣхоту изъ лѣсу, къ которому прилежала его кавалерія, сдѣлала атаки ея нерѣшительными, робкими; паче же Перновскій полкъ съ генераль-маіоромъ Чоголковымъ, выстроенный въ колоннѣ, среди самаго непріятеля, подкрѣпляя нашу кавалерію, удвоилъ ея силу. 24 орудія сдѣлали ее непреодолимою. По силамъ непріятельской кавалеріи, казалось, должно было

одной лишь быть атакѣ и вмѣстѣ съ нею истребленіе лѣваго нашего крыла, но по храбрости войскъ нашихъ, каждая атака обра-щаема была въ бѣгство, какъ съ потерей, равно со стыдомъ не-пріятеля. Кавалерією и казаками приказалъ я командовать гене-ралъ-адъютанту графу Орлову-Денисову. Съ обѣихъ сторонъ по-вторенныя атаки и отраженія продолжались довольно долго. Въ сіе время прибыла 17 дивизія генералъ-лейтенанта Олсуфьева и, утомленные въ дѣлѣ арріергардомъ генералъ-адъютанта барона Корфа полки употреблены были въ подкрѣпленіе праваго крыла, какъ пункта, отъ главныхъ не-пріятеля атакъ удаленнаго. На центрѣ усилились батареи не-пріятеля, но противостоявшіе неустрашимо 3-й дивизіи полки: Черниговскій, Муромскій и Селенгинскій, удержа-мѣсто, отразили не-пріятеля, который, бросаясь на большую дорогу, привелъ въ замѣшательство часть войскъ, оную прикрывавшихъ. Въ должности дежурнаго генерала-флигель-адъютанта полковникъ Кикинъ, адъютантъ мой, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручикъ Граббе и, состоявшій при мнѣ, штабъ-ротмистръ Деюнкеръ, адъю-тантъ генерала Милорадовича, собравъ разсѣянныхъ людей, броси-лись съ барабаннымъ боемъ въ штыки и въ короткое время очи-стили дорогу, возстановя тѣмъ связь между частями войскъ. Не успѣвшій въ намѣреніи не-пріятель отклонилъ атаку и устремилъ послѣднее усиліе на правое наше крыло. Батарея наша изъ четы-рехъ орудій была сбита, и я, не вѣряя утомленнымъ полкамъ 17-й дивизіи возстановленіе прервавшагося порядка, лейбъ-гренадерскій полкъ, въ присутствіи Вашего Высокопревосходительства, повелъ самъ на батарею не-пріятельскую. Полковникъ Желтухинъ, дѣйствуя отлично храбро, опрокинулъ все, что встрѣтилось ему на пути. Я достигалъ уже батареи, но сильный картечный огонь, храброму сему полку пресѣкшій путь, привелъ его въ разстройство. Атаки не-пріятеля, однако же, прекратились. Полкъ занялъ прежнее свое мѣсто, и съ обѣихъ сторонъ возгорѣлся сильный ружейный огонь. Екатеринославскій гренадерскій полкъ пришелъ въ помощь, и полки 17-й дивизіи участвовали больше стрѣлками. Генералъ-маіоръ Туч-ковъ 3-й, опрокинувъ сильную не-пріятельскую колонну и увлечен-ный успѣхомъ, во время, къ ночи уже клонящееся, взялъ въ плѣнъ. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, не взирая на сильный повсюду не-пріятельскій огонь, оттѣснилъ не-пріятеля на всѣхъ пунктахъ праваго крыла на большое разстояніе, мѣсто сраженія, и даже да-лѣе, удержалъ за нами. Онъ учредилъ посты, отпустилъ артилле-рію, снялъ войска съ позиціи въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, и армія безпрепятственно отступила къ Дорогобужу и соединилась со 2-ю армією.

Списки объ отличившихся чиновникахъ, господами начальниками на имя Вашего Высокопревосходительства препровожденные, имѣю честь представить, съ моей стороны довѣренность Вашего Высокопревосходительства стараясь заслужить справедливою моего донесенія.“

Въ продолженіе сраженія были минуты, въ которыя не возможно было допускать увѣренности въ счастливомъ окончаніи онаго. Я послалъ къ Великому Князю записку, что необходимо ускорить движеніе къ переправѣ чрезъ Днѣпръ и тотчасъ перейти его, дабы сражающіяся войска не встрѣтили препятствій при переправѣ, ибо надлежало ожидать, что непріятель будетъ насъ преслѣдовать стремительно.

Командующій арріергардомъ баронъ Корфъ, далеко еще не дошедши до большой дороги, замѣтилъ, что непріятель не только не понуждалъ его къ скорѣйшему отступленію, напротивъ старался, занимая перестрѣлкою, его задерживать, въ томъ вѣроятно, предположеніи, что отброситъ сражающіяся наши войска отъ пункта соединенія дорогъ, и арріергардъ нашъ останется отрѣзаннымъ. Не имѣли успѣха сіи соображенія его, и арріергардъ прибылъ къ войскамъ.

8-го числа арріергардомъ командовалъ генераль-адъютантъ графъ Строгановъ ¹⁾ (Павель Александровичъ): 1-й кавалерійскій корпусъ и гренадерскіе полки: Павловскій, С-Петербургскій и Таврическій, съ достаточною артиллеріею его составляли. Судя по силамъ, употребленнымъ въ сраженіи, по кратковременности его, нельзя было потерю непріятели полагать чрезвычайною, но таковою утверждали ее всѣ, доставшіеся намъ, плѣнные офицеры. Итакъ непріятель ограничился однимъ за нами наблюденіемъ. Большую часть дня я оставался съ арріергардомъ, страшась и за слабость его состава, и сомнѣваясь въ искусствѣ начальствующаго имъ. Не вдалекѣ назади главнокомандующій приказалъ, на случай подкрѣпленія, имѣть готовыя войска.

Медленно отступающій арріергардъ я оставилъ далеко и, поздно уже возвратясь къ арміи, удивленъ былъ, найдя ее еще не переправившеюся за Днѣпръ; ибо опоздавшій со своею колонною генераль Дохтуровъ занималъ переправу. Можно почестъ весьма счастливымъ случаемъ, что непріятель не пришелъ къ переправѣ въ одно

¹⁾ Быстрый ходъ по службѣ не допустилъ нужной опытности, не представились случаи обнаружить особенныя способности военнаго человѣка. Изъ всѣхъ наилучшихъ качествъ, украшающихъ Строганова, военныя не суть превосходнѣйшія. Никому не уступая въ отважности, готовый встрѣчать опасность; но не среди звука оружія можетъ возгремѣть имя его.

время съ нами, чему, по положенію мѣста, трудно было препятствовать, или не иначе, какъ съ чувствительнымъ весьма урономъ.

9-го числа вся 1-я армія, соединясь за Днѣпромъ, пришла къ селенію Усвятѣ. Днемъ прежде, 2-я армія расположилась недалеко отъ Дорогобужа. Въ составъ арріергарда поступили многіе егерскіе полки и кавалерія. Ими командовалъ генераль-маіоръ баронъ Розенъ, состоя въ полномъ распоряженіи генерала-отъ-кавалеріи Платова, которому приказано оставаться у самой переправы долѣе, дабы собрались люди усталые. Сильныя партіи должны отправиться вверхъ по Днѣпру, наблюдая, чтобы не беспокоилъ непріятель отправленные изъ Смоленска обозы и транспорты чрезъ Духовщину на Дорогобужъ. Всѣ прочія тяжести и всѣ раненые отправлены изъ Духовщины въ Вязьму и были внѣ опасности.

10-го числа войска имѣли растахъ. Арріергардъ былъ далеко. Главнокомандующій, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и княземъ Багратіономъ, сопровождаемые всѣми корпусными командирами и многими изъ генераловъ, осматривали выбранную полковникомъ Толемъ для арміи позицію. Главнокомандующій замѣтилъ ему, что на правомъ флангѣ находится высота, съ которой удобно дѣйствовать на протяженіе первой линіи, и что надлежитъ избѣжать сего недостатка. На предложеніе его занять высоту редутомъ, ему указано на озерцо между высотой и конечностію линіи, препятствующее давать подкрѣпленіе редуту и даже способствовать ему дѣйствіемъ батарей, расположенныхъ ниже его. Если устроить обширное укрѣпленіе, на оборону его обращенная часть войскъ будетъ свидѣтелемъ сраженія, участія въ немъ не принимая. Вытѣсненная, можетъ лишиться средствъ отступленія. Полковникъ Толь отвѣчалъ, что лучшей позиціи быть не можетъ, и что онъ не понимаетъ, чего отъ него требуютъ, давая разумѣть, что онъ знаетъ свое дѣло. Главнокомандующій выслушалъ его съ неизвѣстной холодностію, но князь Багратіонъ напомнилъ ему, что, отвѣчая начальнику и, сверхъ того, въ присутствіи брата Государя, дерзость весьма не у мѣста, и что за то надлежало бы слишкомъ снисходительному главнокомандующему надѣть на него солдатскую суму, и что онъ, мальчишка, долженъ бы чувствовать, что многіе не менѣе его знакомы съ предметомъ. Найдены также лѣвый флангъ позиціи весьма порочнымъ, и по тому войска, не занимая позиціи, перешли на ночлегъ, не доходя Дорогобужа, а полковнику Толю приказано расположить ихъ на другой день подлѣ города. Между тѣмъ село Усвятѣ заняла пѣхота арріергарда. Передовые посты были уже не далеко и тѣснимы непріателемъ. Отрядъ генераль-адъютанта Васильчикова, оставшійся на лѣвомъ флангѣ прежней позиціи, всту-

пилъ въ дѣло, и корпусъ генераль-лейтенанта Раевского готовъ былъ ему въ помощь, но кончилось незначущею перестрѣлкою, и далѣе ничего не предпринялъ непріятель. Арріергардъ атамана Платова остался въ с. Усвятѣ и отрядъ генераль-адъютанта Васильчикова въ прежнемъ мѣстѣ, на лѣвомъ крылѣ.

Атаманъ Платовъ сказывалъ мнѣ о показаніи взятаго въ плѣнъ унтеръ-офицера польскихъ войскъ, что, будучи у своего полковника на ординарцахъ, видѣлъ онъ два дня сряду пріѣзжавшаго въ лагерь польскій, подъ Смоленскомъ, нашего офицера въ большихъ серебряныхъ эполетахъ, который говорилъ о числѣ нашихъ войскъ и весьма невыгодно о нашихъ генералахъ. Разговорились мы съ генераломъ Платовымъ о другихъ, не совсѣмъ благонадежныхъ и совершенно бесполезныхъ, людяхъ, осаждающихъ главную квартиру и, между прочими, о флигель-адъютантѣ полковникѣ Вольцогенѣ, къ которому замѣчена была особенная привязанность главнокомандующаго. Атаманъ Платовъ, въ веселомъ расположеніи ума, довольно смѣшными въ своемъ родѣ шутками говорилъ мнѣ: „Вотъ, братъ, какъ надобно поступать. Дай мысль поручить ему обзорѣніе французской арміи и направь его на меня, а тамъ ужъ мое дѣло, какъ разлучить нѣмцевъ. Я дамъ ему провожатыхъ, которые такъ покажутъ ему французовъ, что въ другой разъ онъ ихъ не увидитъ“. Атаманъ Платовъ утверждалъ, что знаетъ другихъ, достойныхъ равной почести. „Не мѣшало бы, сказалъ онъ, если бы князь Багратіонъ прислалъ къ нему г. Жамбара, служащаго при начальникѣ Главнаго штаба, графѣ Сен-При, въ распоряженіи котораго онъ много вмѣшивается“. Много посмѣявшись съ атаманомъ Платовымъ, я говорилъ ему, что есть такіе чувствительные люди, которыхъ можетъ оскорбить подобная шутка, и филантропы сіи, облекающаяся наружностію человеколюбія, состраданія, выставляютъ себя защитниками правъ человека.

Обѣ арміи находились у Дорогобужа. Отрядъ 2-й арміи на правомъ берегу Днѣпра, противъ города, смѣненъ корпусомъ генераль-лейтенанта Багговута. Полки кавалерійскіе, въ командѣ генераль-маіора графа Сиверса, замѣщены драгунскимъ полкомъ полковника Крейца и частію казаковъ. Позиція занята была стѣсненная и обращенная въ противную сторону. Главнокомандующими замѣчена грубая ошибка полковника Толя: не доставало мѣста для расположенія войскъ, при другихъ ея недостаткахъ. Ему сдѣланъ жесточайшій выговоръ, исправить ошибки поручено другому. Послѣдствій отъ того не было, и намѣреніе ожидать непріятели вскорѣ отмѣнено. Полковникъ Толь, отличныя имѣющій познанія своего дѣла, не могъ впасть въ подобную ошибку иначе, какъ разстроены будучи

строгимъ замѣчаніемъ князя Багратіона за неприличные, излишне смѣлые, отвѣты его главнокомандующему, военному министру. Чрезмѣрное самолюбіе его поражено было присутствіемъ многихъ весьма свидѣтелей.

1-я армія осталась до вечера; 2-я армія тотчасъ начала выступать и потянулась вверхъ по лѣвому берегу рѣки Осьмы, дабы занять идущую отъ стороны Ельни дорогу и не дать неприятелю воспользоваться ею, также и для удобнѣйшаго движенія обѣихъ армій. Князь Багратіонъ имѣлъ неосторожность приказать арріергарду своей арміи слѣдовать за нею. Командующій онымъ, генераль-адъютантъ Васильчиковъ, отходя, оставилъ, однако же, небольшой отрядъ конницы съ генераль-маіоромъ Панчулидзевымъ (Черниговскаго драгунскаго полка), для удержанія связи съ главнымъ арріергардомъ атамана Платова и чтобы скрыть отступательное движеніе нашихъ войскъ. Генераль-маіоръ Панчулидзевъ отошелъ, не извѣстивъ атамана Платова. Неприятель занялъ его мѣсто на флангѣ нашего арріергарда и небольшою частію конницы наблюдалъ его движеніе. Она, обманувшись дорогою, обошла генераль-маіора Панчулидзева, совсѣмъ того не желая, и нашлась между имъ и арміею. Встрѣтившись внезапно и не безъ опасенія, открыли одинъ другому путь свободный, не сдѣлавши выстрѣла.

Во время пребыванія арміи при Дорогобужѣ, неприятель въ нѣкоторыхъ силахъ, далеко оставя за собою нашъ арріергардъ, прошевши по дорогѣ, называемой старою Смоленскою, въ трехъ верстахъ отъ города расположился на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Безпечная охраненіемъ арріергарда наша армія не знала о столько близкомъ присутствіи неприятеля, но и онъ ничего предпринять не смѣлъ противъ силъ нашихъ въ совокупности. Сіе происшествіе можетъ служить наставленіемъ, что если арріергарды въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, они всѣ должны быть подчинены одному начальнику, для содержанія общей между ними связи. Бываютъ случаи, что, по мѣрѣ обширности цѣпи, въ составъ ея входящія разнаго рода войска имѣютъ своихъ частныхъ начальниковъ, которые не согласуютъ своихъ дѣйствій съ общимъ распоряженіемъ. Изъ самаго опыта усмотрѣвъ сіи неудобства, начальство удалило ихъ введеніемъ полезныхъ измѣненій.

При отступленіи арміи отъ Дорогобужа, арріергардъ атамана Платова имѣлъ горячее съ неприятелемъ дѣло. Пѣхота наша, состоявшая изъ егерей, получила новое право на уваженіе неприятеля, и данъ ему урокъ быть осмотрительнымъ. Послѣ многихъ неудачныхъ усилій, понесши примѣтный уронъ, неприятель остановился. Арріергардъ удержался въ позиціи и отступилъ, когда армія

довольно уже удалась. Наконецъ прошелъ чрезъ Дорогобужъ, не болѣе двухъ верстъ, давши арміи время достигнуть до селенія Семлева. Никогда армія не бывала въ такомъ отдаленіи, и для того предположено остановиться два дня, для отдохновенія утомленнымъ войскамъ, и нужно было починить обувь солдатамъ. Было также въ виду, чтобы спасающіеся жители изъ городовъ и селеній, обозами своими затруднявшіе движеніе арміи, могли отойти далѣе. Въ первый день отдохновенія атаманъ Платовъ прислалъ занимать лагерь для арріергарда, донося, что, стремительно атакующій его, непріятель допустилъ его остановиться въ восьми верстахъ, а въ ночи онъ придетъ въ селеніе Семлево. Причина столько скорого отступленія заключалась въ томъ, что пѣхота арріергарда не была употреблена въ продолженіе дня, и непріятели должна была удерживать одна застава (такъ была названа) изъ двухъ сотъ казаковъ при одномъ есаулѣ. Мѣста были довольно лѣсистыя, и нѣсколькихъ стрѣлковъ достаточно, разгоняя казаковъ, безпрепятственно открывать себѣ путь.

1-я армія должна была оставить Семлево; равномерно отошла и 2-я армія, на одной съ нею высотѣ по лѣвую сторону находившаяся. Атаманъ Платовъ не разъ уже былъ замѣчаемъ нерадиво исполняющимъ свои обязанности, а князь Багратионъ сказывалъ мнѣ, что, когда находился онъ съ нимъ при отступленіи изъ Литвы, онъ изыскалъ ¹⁾ способъ возбуждать его къ предпримчивости и дѣятельности чрезвычайной, провѣдавъ непреодолимое его желаніе быть графомъ. Мнѣ причиною недѣятельности его казалось просто незнаніе распорядиться разнаго рода регулярнымъ войскомъ, особенно въ дѣйствіяхъ продолжительнаго времени. Быть начальникомъ казаковъ рѣшительнымъ и смѣлымъ не то, что быть генераломъ, отъ котораго требуется другой родъ распорядительности, въ связи съ искусствомъ непремѣнно. Атаманъ Платовъ, принадлежа къ числу людей весьма умныхъ и отлично проицательныхъ, не могъ не видѣть, что война 1812 года, въ свойствахъ своихъ, не сравнивается съ тѣми, въ которыхъ онъ болѣе многихъ другихъ оказалъ способностей.

Отъ генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича получено извѣстіе, что съ войсками, сформированными имъ въ городѣ Калугѣ, въ числѣ шестнадцати тысячъ человекъ, большею частію пѣхоты, по-

¹⁾ Поставляя на видъ одного изъ генераловъ войска Донского (Денисова), который, не будучи атаманомъ, имѣлъ графское достоинство. Я сдѣлалъ то же. Послѣ сего всегда спрашивалъ онъ меня о получаемыхъ повелѣніяхъ Императора и какія кому назначаемы были награды, при всей хитрости, не умѣя скрыть нетерпѣливыхъ ожиданій.

спѣшаетъ прибыть къ арміи. Снявъ ранцы и съ пособіемъ подводъ, пѣхота проходила не менѣе сорока верстъ въ сутки. Войска сіи нужны были для пополненія убыли въ полкахъ, особенно въ кавалеріи, непрерывно употребляемой при арріергардѣ.

Атаману Платову приказано удерживать непріятеля сколько можно, не оставляя пѣхоты безъ дѣйствія. Генераль-лейтенанту Багговуту ¹⁾, идущему съ корпусомъ на правомъ флангѣ арміи, предписано наблюдать идущаго за нимъ въ большихъ силахъ непріятеля; его арріергарду имѣть связь съ передовыми войсками атамана Платова съ лѣвой стороны; съ правой съ Донскими полками генераль-маіора Краснова, также преслѣдуемыми особенною частію войскъ по направленію отъ Духовщины. Отъ сихъ полковъ долженъ быть сильный постъ въ селѣ Покровѣ, гдѣ пересѣкаются дороги изъ Дорогобужа въ Сычевку и изъ Вязьмы въ Бѣлый.

Отправленъ отрядъ изъ двухъ драгунскихъ полковъ, двухъ гренадерскихъ баталіоновъ и четырехъ орудій конной артиллеріи въ командѣ генераль-маіора Шевича, которому приказано, пройдя Вязьму, выйти на дорогу къ Духовщинѣ и подкрѣпить генераль-маіора Краснова, дабы дать время обозамъ и тяжестямъ 1-й арміи пройти Вязьму, куда проникнувъ, небольшая партія могла бы произвести замѣшательство.

Отряду генераль-адъютанта барона Винценгероде, весьма легкому по его составу, предоставлено дѣйствовать на флангѣ непріятеля и по возможности угрожать его тылу. Изъ расположенія его между Духовщиною и Бѣлымъ, въ случаѣ, если усилится непріятель, онъ долженъ отступить къ Сычевкѣ и давать о себѣ извѣстіе чрезъ генераль-маіора Краснова.

Инженеръ генераль-лейтенантъ Трузсонъ и обѣихъ армій генераль-квартирмейстеры отправлены въ Вязьму, для изысканія позиціи арміямъ и укрѣпленія оной.

Всѣ вообще распоряженія принимали видъ важныхъ приуготовленій. Начальнику артиллеріи приказано имѣть запасные парки ближе къ арміи.

Главнокомандующему, при рапортѣ моемъ, представилъ я въ подлинникѣ рапортъ полковника Толя, просившаго увольненія отъ должности генераль-квартирмейстера, чувствуя, будто-бы, себя неспособнымъ отправлять оную. Я объяснилъ при томъ, что, имѣя

---

¹⁾ Непріятель захватывалъ всѣ возможныя дороги, желая огромныя силы свои имѣть на одной высотѣ и въ тѣснѣйшей связи между собою. Это представляло ему удобство угрожать части войскъ нашихъ быть обойденной и повуждало насъ необходимо раздробляться.

его подъ начальствомъ, я свидѣтелемъ былъ трудовъ его, усердія и дѣятельности; въ сраженіяхъ же онъ являлъ опыты предусмотрительности. Должность его не поручена никому другому, и онъ продолжалъ отправлять ее. Впрочемъ, непродолжительно было снисхожденіе главнокомандующаго къ просьбѣ моей, и онъ получилъ приказаніе выѣхать изъ арміи, и отправился въ Москву, гдѣ оставался безъ всякой должности.

Благовременно сдѣлалъ я распоряженія, чтобы раненые, находившіеся въ Вязьмѣ, были всѣ вывезены далѣе. По настоятельности главнаго по медицинской части инспектора, Вилліе, долженъ я былъ также дать направленіе раненымъ 2-й арміи, избѣгая столкновенія на одной дорогѣ. Москвѣ, столицѣ утраченной, горестно было бы зрѣлище нѣсколькихъ тысячъ страждущихъ ¹⁾.

Атаманъ Платовъ доставилъ взятаго въ плѣнъ французскаго полковника, посланнаго вице-королемъ Италіанскимъ къ Неаполитанскому королю, Мюрату, въ село Семлево, изъ котораго намѣревался онъ вытѣснить нашъ арріергардъ. Полковникъ, прибывшій изъ Италіи, первое знакомство съ русскими сдѣлалъ въ ихъ лагерѣ, принявъ его за бивуакъ свой.

Французы въ сей день весьма сильно атаковали нашъ арріергардъ. Пѣхота наша дралась упорно, непріятель съ большимъ урономъ оставилъ село Семлево въ нашихъ рукахъ. Часть успѣха принадлежитъ генераль-маіору барону Розену, которому атаманъ Платовъ предоставилъ полное дѣйствіе.

Инженеръ генераль-лейтенантъ Трузсонъ не нашелъ позиціи, которая бы закрывала Вязьму. По превосходству силъ, непріятель могъ, обходя флангъ арміи, угрожать дорогѣ на Гжатскъ.

Главнокомандующій, пробывши одинъ день въ Вязьмѣ, перешелъ въ село Федоровское, въ десяти верстахъ отъ города.

Раненыхъ отправлено большое количество; оставалось еще 1.600 человекъ; но, благодаря дѣятельности дежурнаго генерала Кикина, которому много вспомоществовалъ Ставраковъ, комендантъ главной квартиры, ни одинъ изъ нихъ не достался непріятелю. Успѣли даже увезти сто тысячъ аршинъ холста, который одинъ купецъ предложилъ на госпиталь, и 70 пудовъ разныхъ лѣкарствъ изъ вольной аптеки. Замѣтитъ надобно, что непріятель приближался, и купецъ, для оказанія великодушія защитникамъ отечества, жи-

¹⁾ При отправленіи раненыхъ было цѣлю обойти Москву: дальнѣйшее о нихъ попеченіе и размѣщеніе въ военные госпитали возложено было на распоряженіе Военнаго Министерства непосредственно. Раненые, которые могли возвратиться въ скоромъ времени, содержались въ ближайшихъ госпиталяхъ.

далъ сигнала французской пушки. Главнокомандующій занималъ прекрасный домъ богатаго откупщика; въ погребѣ у него столоваго хорошаго вина болѣе нежели на 20 т. рублей, и ни за какую цѣну нельзя было достать одной бутылки. Откупщикъ опасался выказать, гдѣ оно было закопано. Впослѣдствіи расторопные французы дали свѣтъ сокрытымъ сокровищамъ, на сожалѣніе бережливому откупщику и, конечно, не менѣе всѣмъ уѣзднымъ собесѣдникамъ.

Позиція при селѣ Федоровскомъ имѣла немалыя выгоды и уже воздвигнута нѣкоторыя укрѣпленія. Недостатокъ воды—важнѣйшій порокъ ея. Озеро на лѣвомъ крылѣ арміи заключалось въ берегахъ болотистыхъ и топкихъ, съ трудомъ доступныхъ. Полковникъ Манфреда, по части пути сообщенія при арміи, сдѣлалъ насыпь, входящую въ озеро, но, по причинѣ отдаленія, была она для людей затруднительна. Непрiятель, приблизясь къ позиціи, могъ овладѣть водопоемъ, въ чемъ воспрепятствовать ему не возможно было. Итакъ армія продолжала отступление.

Около селенія Царево-Займище усмотрѣна весьма выгодная позиція, и главнокомандующій опредѣлилъ дать сраженіе. Начались работы инженеровъ, и армія заняла боевое расположеніе. Мѣста открытыя препятствовали непрiятелю скрывать его движенія. Въ рукахъ нашихъ возвышенія, давая большое превосходство дѣйствию нашей артиллеріи, затрудняли приближеніе непрiятеля; отступление было удобно.

Много разъ армія наша, приготавливаемая къ сраженію, перестала уже вѣрить возможности онаго, хотя желала его нетерпѣливо, но приостановленное движеніе арміи, ускоряемыя работы показывали, что намѣреніе главнокомандующаго рѣшительно, и всѣ возвратились къ надеждѣ видѣть конецъ отступления.

Получено извѣстіе о назначеніи генерала-отъ-инфантеріи, князя Голенищева-Кутузова главнокомандующимъ всѣми дѣйствующими арміями и о скоромъ прибытіи его изъ С.-Петербурга ¹⁾. Почти въ слѣдъ за извѣстіемъ пріѣхалъ въ Царево-Займище князь Кутузовъ и принялъ начальство надъ 1-ю и 2-ю Западными арміями. Если единоначаліе не могло совершенно прекратить несогласія между командующими арміями, по крайней мѣрѣ, оно было уже безвредно и продолжалось подъ лучшими формами. Но возродило оно, ощутительнымъ образомъ, въ каждомъ изъ подчиненныхъ, надежду на прекращеніе отступления, большую степень порядка и успѣхи. Не-

---

¹⁾ Всѣхъ тяготило безконечное отступление, и общее было желаніе рѣшительнаго боя. Казалось твердымъ намѣреніе Кутузова, хотя люди опытные усматривали неудобства мѣстоположенія.

справедливо было бы упрекать генерала Барклая-де-Толли отступленіемъ. При Смоленскѣ видно было превосходство силъ непріятельскихъ, и точнѣйшія полученныя свѣдѣнія дѣлали его необходимымъ.

Князь Кутузовъ, на пути своемъ къ арміи, приказалъ Московскому ополченію слѣдовать въ соединеніе съ арміею.

Главнокомандующій, справедливо недовольный безпорядочнымъ командованіемъ атамана Платова арріергардомъ, уволивъ его отъ онаго, позволилъ отправиться изъ арміи, и онъ находился въ Москвѣ, когда князь Кутузовъ далъ ему повелѣніе возвратиться къ Донскимъ войскамъ въ армію. Арріергардъ порученъ генераль-лейтенанту Коновницыну, и онъ, отступая отъ Вязьмы, упорно защищался на каждомъ шагу.

Первый приказъ князя Кутузова былъ объ отступленіи по направленію на Гжатскъ. Въ немъ объяснена была потребность присоединить идущія къ арміи подкрѣпленія.

Отъ Гжатска въ арріергардѣ было нѣсколько горячихъ сшибокъ съ чувствительною съ обѣихъ сторонъ потерею, но генераль-лейтенантъ Коновницынъ доставлялъ арміи несравненно болѣе спокойствія, нежели прежде атаманъ Платовъ.

Въ Гжатскъ прибыли войска подъ командою генерала Милорадовича въ числѣ 16-ти тысячъ человекъ и раздѣлены по полкамъ.

Князь Кутузовъ вознамѣрился дать сраженіе близъ Колоцкого монастыря ¹⁾. Также производилось построеніе укрѣпленій, и также позиція оставлена. Она имѣла свои выгоды и не менѣе недостатковъ. Правый флангъ, составляя главнѣйшія возвышенія, господство-

¹⁾ Сомнительно, чтобы главнокомандующій не имѣлъ извѣстія о назначеніи князя Кутузова. Ускореніе работъ на занимаемой позиціи обнаруживаетъ намѣреніе его дать сраженіе до его пріѣзда. Какъ Военный Министръ, онъ зналъ, что армія никакихъ подкрѣпленій имѣть не будетъ, что Кутузовъ равными, какъ и онъ, распоряжаясь способами, не большую можетъ допускать надежду на успѣхъ: рѣшился предупредить его въ томъ, что, конечно, было поставлено на видъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ.

1805 года Кутузовъ съ малочисленною арміею, посланною въ помощь Австріи, совершилъ знаменитое отступленіе изъ Баваріи, среди сильныхъ ополченій непріятельскихъ, старавшихся отрѣзать ему пути. Командовалъ при Аустерлицѣ, гдѣ понесенныя несчастія не должны выгладиться изъ памяти русскаго, въ конхъ хотя не имѣлъ участія, бывши несогласенъ съ намѣреніемъ атаковать, понесъ, однако же, неблаговоленіе Государя, присутствовавшего при арміи. Былъ военнымъ губернаторомъ въ Литвѣ, безъ уваженія, въ забвеніи. Впослѣдствіи главнокомандующимъ противъ турокъ, которыхъ, по ужасномъ ихъ пораженіи, заставилъ желать мира, подписалъ прелиминарные его пункты и, отозванный въ столицу, получилъ порученіе приуготовить С.-Петербургское ополченіе (назначеніе, конечно, не

валъ мѣстами на протяженіи всей линіи, но если бы не возможно было удержать его, отступленіе дѣлалось затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что въ тылу лежала тѣсная и заселенная долина. Здѣсь оставленъ былъ арріергардъ, но въ 12 верстахъ назади избрана для обѣихъ армій позиція, при селеніи Бородинѣ, лежащемъ близъ Москвы рѣки. Знаменитость сего мѣста требуетъ нѣкотораго описанія. Впереди праваго фланга протекала въ крутыхъ берегахъ, мѣстами неприступныхъ, рѣчка Колоча; самый флангъ упирался въ лѣсъ, гдѣ сдѣланы большія засѣки; на обширномъ полѣ, прилежащемъ къ лѣсу, устроены укрѣпленія, охраняющія и конечность, и тылъ фланга. Поле, для дѣйствія кавалеріи удобное, обнаруживало всякое движеніе. Недалеко отъ Бородина, по большой дорогѣ, на высотѣ у селенія Горки, находилась батарея: подошва высоты обнесена окопомъ подъ защитою пѣхоты. Впереди село Бородино, занятое передовыми войсками, соединялось съ позиціею мостомъ чрезъ рѣчку Колочу. Въ центрѣ позиціи, предъ линіями войскъ, лежала главнѣйшая высота, господствующая окрестностію во всѣхъ направленіяхъ, и занята была сильною батареею отъ 2-й арміи. Здѣсь была конечность лѣваго фланга 1-й арміи. Предъ батареею, на картечный выстрѣлъ, простиралось чистое поле, пересѣченное широкою и глубокою долиною, совершенно отъ насъ сокрытою; до спуска въ сіе углубленіе, съ противоположной стороны, доходилъ весьма частый лѣсъ. Въ лѣвую сторону отъ батареи незначительныя возвышенія оборонялись построеннымъ твердымъ редутомъ ¹⁾. Конечность лѣваго крыла 2-й арміи обращалась къ обширному и весьма частому лѣсу, отдѣленному отъ редута тѣсною долиною, единственною для дѣйствія кавалеріи на всемъ крылѣ. На малое разстояніе, въ тылу войскъ, протягивалась глубокая лощина, неудобная для сообщеній. Въ верстѣ отъ лѣваго крыла проходила чрезъ лѣсъ старая почтовая на Можайскъ дорога, склоняясь въ обходъ позиціи.

Князь Кутузовъ, осматривая расположеніе войскъ, приказалъ отклонить лѣвое крыло такъ, чтобы глубокая лощина пролегала предъ его фронтомъ; конечность онаго, въ новомъ его мѣстѣ, приказалъ укрѣпить нѣсколькими флешами. За сею перемѣною редутъ, оставаясь далѣе пушечнаго выстрѣла, сдѣлался совершенно для насъ бесполезнымъ, и потому защищать и удерживать его не нужно

весьма лестное). Въ настоящее время возведеніе его въ достоинство главнокомандующаго арміями противъ сильнаго и опаснаго врага, проникшаго въ Россію, было слѣдствіемъ общаго всѣхъ желанія, и хвала Государю, имѣвшему великодушіе не воспротивиться ему.

¹⁾ При селеніи Шевардинѣ.

было. Въ прямой линіи устроенія арміи сдѣланъ переломъ у самаго центра позиціи.

Августа 24 числа арріергардъ, стремительно атакованный, долго защищаясь противъ собравшихся превосходныхъ силъ непріятеля, долженъ былъ наконецъ вступить рано въ позицію. На лѣвомъ крылѣ часть арріергарда, составленная изъ войскъ 2-й арміи, отступила такъ поспѣшно и о движеніи своемъ не предваряя армію, что преслѣдующій непріятель появился на высотахъ прежде, нежели перемѣнена была позиція по указанію князя Кутузова. Передвиженіе производились предъ лицомъ непріятеля и, какъ ни быстро совершено, данъ былъ непріятелю поводъ къ атакѣ. Безполезный редутъ надлежало удерживать по необходимости, чтобы войскамъ дать время занять назначенную имъ линію, иначе могъ непріятель препятствовать и даже привести войска въ замѣшательство. По устроеніи ихъ должно было тотчасъ оставить редутъ. Командующій 27-ю дивизією генераль-маіоръ Невѣровскій не смѣлъ сдѣлать того безъ приказанія. Частный начальникъ, генераль-лейтенантъ князь Горчаковъ, не усмотрѣлъ пользы его оставить. Продолжались атаки непріятеля на редутъ и лѣсъ, устойчиво нами защищаемые, и вскорѣ, превратясь въ дѣло чрезвычайно упорное, заставили большую часть войскъ 2-й арміи принять въ немъ участіе, и оно продолжилось до глубокой ночи. Видно было рѣшительное намѣреніе непріятеля овладѣть редутомъ, и не разъ, нами потерянный, былъ онъ возвращенъ штыками. Не разъ взяты были у непріятеля орудія, но огонь сильнѣйшихъ батарей исторгалъ ихъ изъ рукъ овладѣвшихъ ими. Атака на батареи нашихъ кирасиръ 2-й дивизіи имѣла полный успѣхъ, и взято нѣсколько пушекъ, но, обращаясь между лѣсомъ и высотами, сильно занятыми, дивизія подвергалась чувствительному урону. Отчаянно оборонявшая редутъ пѣхота должна была наконецъ оставить его въ рукахъ непріятеля съ малымъ числомъ орудій, и сраженіе прекратилось.

25-го августа арміи въ полномъ бездѣйствіи обозрѣвали одна другую. Въ ночи взять у насъ редутъ при селеніи Шевардинѣ; изъ него видно лѣвое наше крыло со всѣми недостатками мѣстности, недостроенными укрѣпленіями¹⁾, и не могло быть сомнѣнія, что оно будетъ предметомъ атакъ, и уже въ томъ направленіи замѣчены

¹⁾ Въ инженерныхъ паркахъ соединенныхъ армій не было достаточно шанцеваго инструмента и всѣ укрѣпленія вообще производились ничтожными способами частныхъ начальниковъ, назначаемыхъ для обороны ихъ. Военный министръ требовалъ изъ Москвы шанцевый инструментъ, но онъ доставленъ въ самый день сраженія. Безполезный въ настоящее время, обращенъ въ составъ запаса впослѣдствіи.

генераломъ Беннигсеномъ главныя силы непріятеля, хотя по превосходству повсюду было ихъ достаточно. Исправляя должность начальника главнаго штаба всѣхъ дѣйствующихъ войскъ при князѣ Кутузовѣ, онъ предложилъ, какъ мѣру предосторожности, сократить линію заблаговременно, оставя на правомъ крылѣ, въ лѣсу и за сѣкахъ, нѣсколько егерскихъ полковъ, два пѣхотные корпуса, бесполезно стоящіе по близости, передвинуть къ центру, дабы могли воспомоществовать 2-й арміи; предложеніе не уважено!

Непріятель на лѣвомъ своемъ флангѣ устраивалъ Италіянскую армію въ оборонительное положеніе; воздвигались окопы и батареи противъ довольно открытой мѣстности, удобной для наступательнаго дѣйствія нашей конницы въ большомъ количествѣ.

Рано утромъ князь Кутузовъ осматривалъ армію. Не всюду могли проходить большія дрожки, въ которыхъ его возили. Не многіе изъ генераловъ и малая свита его сопровождали; я ѣхалъ у колеса, для принятія приказаній. Генераль Беннигсенъ ¹⁾ остановилъ его у возвышенія, господствующаго надъ окрестностію, на которомъ конечность крыла 2-й арміи (праваго) занимала только-что начатое укрѣпленіе, вооруженное 12-ю батарейными и 6-ю легкими орудіями. Прикрытіемъ служила пѣхотная дивизія корпуса генерала Раевского ²⁾. Возвышеніе это называлъ генераль Беннигсенъ ключемъ позиціи, объясняя необходимость употребить возможные средства удерживать его, ибо потеря его можетъ быть причиною гибельныхъ послѣдствій. Князь Кутузовъ ограничился тѣмъ, что, не измѣняя положенія 1-й арміи въ самомъ мѣстѣ прикосновенія къ ней 2-й арміи, приказалъ лѣвое ея крыло довольно далеко отклонить назадъ, отъ чего конечность избѣгала внезапныхъ атакъ скрывающагося въ лѣсу непріятеля и возможности быть обойденною. Но въ то же время преломленіе линіи, образуя исходящій уголъ, давало непріятелю выгоду продольныхъ рикошетныхъ выстрѣловъ. Никакихъ болѣе не сдѣлавши распоряженій, князь Кутузовъ возвратился въ квартиру.

26-го августа. Насталъ, наконецъ, желанный день!

Скрывающееся въ туманѣ солнце продолжило до шести часовъ утра обманчивое спокойствіе. Первые лучи его освѣтили то мѣсто,

---

¹⁾ Главнокомандующій противъ Наполеона въ 1806 и 1807 годахъ, до заключенія мира въ Тильзитѣ. Изъ современныхъ военачальниковъ нашихъ неоспоримо опытнѣйшій, обладающій знаніемъ военнаго ремесла, изученнаго на основаніи глубокой теоріи. Императрицѣ Екатеринѣ II онъ былъ извѣстенъ съ полковничьяго чина не одною отличною храбростію.

²⁾ По этому называли укрѣпленіе батареею, иногда люнетомъ Раевского.

гдѣ, съ полнымъ самоотверженіемъ, готовы русскіе принять безтрепетно неравный бой!

Здѣсь, величественная Москва, участь твоя ввѣряется жребію. Еще нѣсколько часовъ и, если твердою грудью русскихъ не будетъ отвращена грозящая тебѣ опасность, развалины укажутъ мѣсто, гдѣ, во времена благоденствія, ты горделиво воздымалась!

Боевое устроеніе 1-й и 2-й нашихъ армій.

На конечности праваго крыла, въ лѣсу, засѣкахъ и укрѣпленіи, три егерскихъ полка, которые, не принимая прямого участія въ дѣйствіи, потеряли нѣсколько человекъ съ самыхъ отдаленныхъ батарей безъ цѣли сдѣланными выстрѣлами. Отъ нихъ, по направленію къ центру, пѣхотные корпуса: II-й генераль-лейтенанта Багговута, IV-й генераль-лейтенанта графа Остермана-Толстого; и VI генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова, заключалъ протяженіе 1-й арміи. Далѣе по отклоненной назадъ линіи войска 2-й арміи: VII корпусъ генераль-лейтенанта Раевского; VIII корпусъ генераль-лейтенанта Бороздина и, на конечности лѣваго крыла, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Горчакова 2-го дивизіи: сводная гренадерская генераль-маіора графа Воронцова и 27-я пѣхотная генераль-маіора Невѣровскаго.

Въ составъ общаго резерва для армій назначены: вся вообще кавалерія; исключается небольшая ея часть при пѣхотныхъ корпусахъ и гвардейская конница; III-й пѣхотный корпусъ генераль-лейтенанта Тучкова 1-го; 2-я гренадерская дивизія принца Карла Мекленбургскаго; пѣхота V-го гвардейскаго корпуса Великаго Князя Константина Павловича ¹⁾ въ командѣ генераль-лейтенанта Лаврова; гвардейскій резервный кавалерійскій корпусъ генераль-адъютанта Уварова и атаманъ Платовъ съ полками войска Донскаго на правомъ крылѣ 1-й арміи. Московское ополченіе, въ числѣ двадцати пяти тысячъ человекъ, вооруженныхъ пиками, прибывшее за два дня, раздѣлено по корпусамъ, для принятія раненыхъ, не отвлекая для того людей отъ фронта ²⁾.

Въ шесть часовъ утра замѣчено движеніе въ непріятельскихъ

¹⁾ Великій Князь отправленъ военнымъ министромъ съ доносеніемъ къ Императору о состояніи арміи, вѣроятно, по испрошенному предварительно соизволенію. По взаимнымъ отношеніямъ нѣтъ сомнѣнія, что военный министръ не желалъ присутствія его въ арміи.

²⁾ Раненые отправлялись въ учрежденные прежде военные госпитали. Для отвоза ихъ въ губерніяхъ, занятыхъ непріателемъ, снаты станція съ почтовыхъ трактовъ съ исправными повозками, полнымъ числомъ погонщиковъ и лошадей. Не менѣе шести сотъ троекъ находилось при главной квартирѣ для разныхъ потребностей.

войскахъ противъ праваго нашего крыла, и вскорѣ началась атака на село Бородино. Впереди его, гвардейскаго егерскаго полка баталіонъ, содержащій передовые посты, опрокинутъ и, менѣе нежели въ полчаса, весь полкъ въ замѣшательствѣ отброшенъ до моста черезъ рѣчку Колочу, и по лѣвому ея берегу разсыпались стрѣлки его во множествѣ. Стоявшій противъ моста 1-й егерскій полкъ стремительно бросился впередъ, обратилъ непріятели и пропустилъ гвардейскихъ егерей, которые тотчасъ отосланы въ свою дивизію ¹⁾. Опасно было положеніе 1-го егерскаго полка, отдаленнаго отъ прочихъ войскъ, почему приказано командиру онаго ²⁾, не занимая села Бородина, отойти за рѣчку и сжечь мостъ. Стоявшая близъ него рота легкой артиллеріи отогнала стрѣлковъ, и тѣмъ ограничилось дѣйствіе на этомъ пунктѣ. Видно было, что не здѣсь ожидать надлежало важнѣйшихъ предпріятій.

Вдругъ загорѣлся на лѣвомъ нашемъ крылѣ пушечный и ружейный огонь. Двинулись страшныя громады силъ и, не взирая на сопротивленіе наше, въ ужасающемъ видѣ медленными подоидя шагами, овладѣли укрѣпленіями нашими впереди села Семеновскаго. Не долго, однако же, могли удерживаться въ нихъ: изгнанные, съ безпримѣрнымъ урономъ отступили. Раздраженный неудачею, непріатель собралъ разсѣянныхъ, присоединилъ къ нимъ свѣжія войска и возобновилъ нападеніе. Полки наступающіе, разрушаемые губительнымъ огнемъ нашихъ батарей и пѣхоты, шли безтрепетно впередъ. Дивизіи графа Воронцова и Невѣровскаго встрѣтили ихъ штыками, и любимое оружіе русскаго солдата одно могло продлить сопротивленіе. Изъ рукъ въ руки переходили батареи: потеря съ нашей стороны свыше вѣроятія, и графъ Воронцовъ раненъ; командиръ сводной гренадерской бригады, полковникъ князь Кантакузенъ, изгоняя непріятели изъ захваченнаго имъ укрѣпленія, убитъ. Распоряжающійся сими войсками на конечности лѣваго крыла арміи, генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ 2-й (Андрей Ивановичъ) получилъ рану.

Главнокомандующій князь Багратіонъ, одушевляя войска, идущія впередъ, своимъ присутствіемъ, чувствуетъ себя пораженнымъ, и избѣгая вреднаго дѣйствія на духъ боготворящихъ его войскъ,

---

¹⁾ Въ баталіонѣ на аванпостахъ до того была велика безпечность, что многіе нижніе чины спали, снявши мундиры. Прочихъ баталіоновъ неравной степени была неосторожность, но не много менѣе безпорядковъ. Доселѣ храброму полку не было упрека.

²⁾ Полковникъ Карпенко неустрашимый, но умственные его способности ограничиваются понятіемъ повелѣнія: „Впередъ!“ Послѣдняго не всегда выжидаетъ.

скрываетъ терзающую его боль, но ослабѣвая отъ истекающей крови, въ глазахъ ихъ едва не упадаетъ съ лошади. Въ мгновеніе пронесся слухъ о его смерти, и войскъ не возможно удержать отъ замѣшательства. Никто не внемлетъ грозящей опасности, никто не брежетъ о собственной защитѣ: одно общее чувство—отчаяніе! Около полудня 2-я армія была въ такомъ состояніи, что нѣкоторыя части ея не иначе, какъ отдаля на выстрѣль, возможно было привести въ порядокъ.

Прибыль съ донесеніемъ къ князю Кутузову полковникъ князь Кудашевъ и обстоятельно представилъ положеніе 2-й арміи.

Князь Кутузовъ далъ повелѣніе корпусу графа Остермана идти туда послѣшнѣе и соединиться съ корпусомъ Багговута, не за долго передъ симъ посланнымъ; отправлены полки гвардейской пѣхотной дивизіи. Гинералу-отъ-инфантеріи Дохтурову поручилъ начальство надъ войсками 2-й арміи и всѣми вообще находящимися на лѣвомъ крылѣ. Мнѣ приказалъ отправиться немедленно во 2-ю армію, снабдить артиллерию снарядами, въ которыхъ оказался недостатокъ. Удостоилъ меня довѣренности представить ему замѣчанія мои, если усмотрю средства полезныя въ мѣстныхъ обстоятельствахъ настоящаго времени.

Извѣстно мнѣ было, что начальникъ главнаго штаба 2-й арміи, графъ Сенъ-При, раненъ и, не многихъ весьма имѣя знакомыхъ между замѣнившими прежнихъ начальниковъ, ожидалъ я встрѣтить большія затрудненія, и чтобы не появиться вполнѣ бесполезнымъ, предложилъ начальнику артиллеріи 1-й арміи, графу Кутайсову, назначить въ распоряженіе мое три конно-артиллерійскія роты съ полковникомъ Никитинымъ, извѣстнымъ отличной своей храбростію. Во весь карьеръ неслись роты изъ резерва, и Никитинъ уже при мнѣ за приказаніемъ.

Между тѣмъ генераль Тучковъ, видя совершенное разстройство 2-й арміи, потерявшей главнаго и важнѣйшихъ частныхъ начальниковъ, и что невозможно рассчитывать на твердое сопротивленіе раздробленныхъ частей ея ¹⁾, велѣлъ III-му его корпусу немедленно войти въ бой, занялъ конечность лѣваго крыла арміи 1-ю гренадерскою дивизіею и успѣлъ стать на Можайской старой почтовой дорогѣ, гдѣ, близъ селенія Утицы, находились уже польскія войска,

¹⁾ Если бы, по постоянію генерала Беннигсена, II и IV корпуса, прежде сраженія, поставлены были ближе и въ непосредственное сношеніе со 2-ю арміею, при содѣйствіи ихъ, войска, ее составляющія, не одни противостали бы непрестанно возобновляемымъ съ чрезвычайными усиліями атакамъ непріятели. Армія не подверглась бы ужасному раздробленію. Не такъ далеки были соображенія князя Кутузова, и то доказали послѣдствія.

предводимыя княземъ Понятовскимъ. Началась канонада противъ слабой нашей батареи, стоявшей на курганѣ, и остановлены быстрые шаги непріятели къ успѣхамъ. Допустить его и утвердиться на этомъ пунктѣ было для насъ опасно. Генераль Тучковъ 1-й, лично указывая путь храбрымъ гренадерамъ 1-й дивизіи подѣ картечнымъ огнемъ, удержалъ мѣсто, охранилъ укрѣпленіе, но тяжелая, нанесенная ему, рана не допустила подвига болѣе прочнаго. При селеніи Утицѣ 3-я пѣхотная дивизія, опрокинувъ стрѣлковъ, долго боролась съ подкрѣплявшими ихъ массами. Мужество генерала Коновницына явилось въ сей день въ полномъ его блескѣ. Подѣ начальство его поступилъ III-й пѣхотный корпусъ. Генераль Багговутъ со II-мъ корпусомъ вышелъ на старую Можайскую дорогу.

Когда посланъ я былъ во 2-ю армію, графъ Кутайсовъ желалъ непремѣнно быть со мною. Дружески убѣждалъ я его возвратиться къ своему мѣсту, напомнилъ ему замѣчаніе князя Кутузова, съ негодованіемъ выраженное, за то, что не бываетъ при немъ, когда наиболѣе ему надобенъ ¹⁾: не принялъ онъ моего совѣта и остался со мною.

Приближаясь ко 2-й арміи, увидѣлъ я правое крыло ея на возвышеніи, которое входило въ расположеніе корпуса Раевского. Оно было покрыто дымомъ и охранявшія его войска разсѣянныя. Многимъ изъ насъ извѣстно было и слишкомъ очевидно, что важный пунктъ этотъ, по мнѣнію генерала Беннигсена, не возможно оставить во власти непріятели, не подвергаясь самымъ вреднымъ послѣдствіямъ. Я немедленно туда обратился. Гибельна была потеря времени, и я приказалъ изъ ближайшаго VI-го корпуса Уфимскаго пѣхотнаго полка 3-му баталіону маіора Демидова идти за мною развернутымъ фронтомъ, думая остановить отступающихъ.

Долго, при неравныхъ средствахъ, слабое укрѣпленіе наше держалось противъ сосредоточеннаго огня сильныхъ непріятельскихъ батарей, но при находящихся въ немъ восемнадцати орудіяхъ не было уже ни одного заряда, и угасшій огонь ихъ облегчилъ приближеніе французовъ. По тѣснотѣ укрѣпленія, весьма мало пѣхоты помѣщалось во внутренности его; стоявшая снаружи, истребляемая картечью, разсѣяна. Недостаточны были способы для защиты мѣстности, при всѣхъ усиліяхъ извѣстнаго неустрашимостію генералъ-маіора Паскевича, командующаго дивизіею. Позицію осматривалъ генераль Раевскій, но лично не находился во время атаки, которая произведена совершенно внезапною образомъ.

¹⁾ Графъ Кутайсовъ съ самоотверженіемъ наблюдалъ за дѣйствіемъ батарей, давая имъ направленіе, находился повсюду, гдѣ присутствіе начальника необходимо, преимущественно, гдѣ наиболѣе угрожала опасность.

Подойдя къ небольшой углубленной долинь, отдѣляющей занятое непріателемъ возвышеніе, нашелъ я егерскіе полки 11, 19 и 40-й, служившіе резервомъ. Не смотря на крутизну восхода, приказалъ я егерскимъ полкамъ и 3-му баталіону Уфимскаго полка атаковать штыками, любимымъ оружіемъ русскаго солдата. Бой яростный и ужасный не продолжался болѣе получаса: сопротивленіе встрѣчено отчаянное, возвышеніе отнято, орудія возвращены, и не было слышно ни одного ружейнаго выстрѣла.

Израненный штыками, можно сказать, снятый со штыковъ, неустрашимый бригадный генералъ Болами получилъ пощадку ¹⁾; плѣнныхъ не было ни одного, изъ всей бригады спаслись бѣгствомъ не многіе ²⁾. Признательность генерала за оказанное ему уваженіе была совершенна. Уронъ со стороны нашей весьма великъ и далеко несоразмѣрный численности атакующихъ баталіоновъ ³⁾. Три конно-артиллерійскія роты, прибывшаго со мною полковника Никитина, много содѣйствовали успѣху. Расположенные по лѣвую сторону отъ возвышенія, долго обращали онѣ на себя огонь непріятельскихъ батарей сильнѣйшаго калибра.

Графъ Кутайсовъ разстался со мною при самомъ началѣ атаки возвышенія, и я уже не видалъ его болѣе. Не встрѣтился со мною и генералъ Паскевичъ, котораго разбросанная дивизія, по сторонамъ возвышенія, толпами нестройными погналась за спасающимися, и, какъ слышно было, ихъ видѣли вмѣстѣ среди толпы. По занятіи возвышенія я приказалъ бить сборъ, и ко мнѣ явился раненый полковникъ Савоини, съ малымъ числомъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Опасаясь, что опрокинутыя толпы наши приведутъ за собою сильнаго непріятеля и онъ лишитъ насъ пріобрѣтенныхъ успѣховъ, послалъ я адъютантовъ моихъ и другихъ офицеровъ, дабы послѣш-

¹⁾ Я отправилъ его въ городъ Орель и просилъ отца моего имѣть непрерывно особенное о немъ попеченіе.

²⁾ Не разъ случалось мнѣ видѣть, какъ бросаются подчиненные за идущимъ впередъ начальникомъ: такъ пошли и за мною войска, видя, что я приказываю самимъ ихъ полковымъ командирамъ. Сверхъ того, я имѣлъ въ рукѣ пукъ Георгіевскихъ лентъ со знаками отличія военнаго ордена, бросалъ впередъ по нѣсколько изъ нихъ, и множество стремилось за ними. Являлись примѣры изумляющей неустрашимости. Внезапность происшествія не дала мѣста размышленію; совершившееся предпріятіе не допускало возврата. Неожиданная мною встрѣча съ егерскими полками. Предпріятіе перестало быть безразсудною дерзостію, и моему счастью не мало было завиствующихъ!

³⁾ Полки въ дѣйствующихъ арміяхъ состояли изъ двухъ баталіоновъ, средней второй баталіонъ отдѣлялся для составленія резервной арміи, формирующей собираемыхъ по губерніямъ рекрутъ.

нѣе возвратить ихъ и тѣмъ обнаружить лежащую впереди мѣстность ¹⁾). Послѣ жестокой схватки баталіоны мои были малочисленны, при орудіяхъ въ укрѣпленіи ни одного заряда, нападеніе угрожало очевидно. Всюду, гдѣ есть опасность, находился главнокомандующій—военный министр. Внимательно наблюдая за дѣйствіями, онъ видѣлъ положеніе мое и, не ожидая требованія помощи, прислалъ немедленно батарейную роту и два полка пѣхоты, такъ что подъ руками у меня было все готово, и въ излишествѣ. Сосредоточивъ достаточныя силы, онъ предотвратилъ попытки Италіанской арміи.

Ставши довольно твердою ногою и замѣнивъ свѣжими войсками утомленныя, я отправилъ ихъ въ резервъ; три конно-артиллерійскія роты съ полковникомъ Никитинымъ, понесшія уронъ въ неравномъ бою, обратилъ въ прежнее ихъ мѣсто.

На лѣвомъ нашемъ крылѣ прибыла изъ резерва 2-я гренадерская дивизія принца Карла Мекленбургскаго, служившая большою помощію, но вскорѣ онъ раненъ.

Генераль Дохтуровъ повсюду среди опасности ободрялъ своимъ присутствіемъ войска, свидѣтели его неустрашимости и твердости ²⁾); но замѣнить не могъ князя Багратіона, его быстрой распорядительности, вѣрованія въ него приверженныхъ ему войскъ. По свойству мѣстности, сражаясь частями, кирасирскіе полки и вообще конница наша быстротою атакъ имѣла очевидныя выгоды на своей сторонѣ, но лишалась ихъ отъ многочисленности непріятеля и возобновляемыхъ имъ свѣжими силами нападеній. Преслѣдуя опрокинутую, являлся онъ предъ полками нашей гвардіи. Измайловскій и Литовскій, устроенные въ карре, стояли твердо, но не остановили его залпы, многіе нашли смерть на штыкахъ, и значительный уронъ могъ одинъ понудить удалиться. Тогда же полки: Преображенскій подверглись дѣйствію артиллеріи, Семеновскій несравненно съ меньшею потерей, Финляндскій разсыпанъ былъ въ стрѣлкахъ.

Облегчая дѣйствія 2-й арміи, нѣсколько прежде приказалъ князь Кутузовъ генераль-адъютанту Уварову съ гвардейскимъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ и атаману Платову со всѣми казаками и ихъ артиллеріею дѣйствовать на лѣвый флангъ непріятеля. Вне-

---

¹⁾ Нѣкоторые изъ адъютантовъ военнаго министра и служащихъ при немъ, также и чиновники Главнаго штаба, сдѣлали мнѣ честь находиться при мнѣ, и заслуги ихъ по истинѣ выше всякой похвалы.

²⁾ Не въ тѣхъ войнахъ, которыя удивляли Европу славою нашего оружія, испытаны его способности; не подъ знаменами безсмертнаго Суворова, не на поляхъ Италіи, не среди тѣснинъ и пропастей Альпійскихъ горъ, пожиналъ онъ лавры!

запное появленіе произвело общее въ лагерѣ движеніе: стремительно собиралась пѣхота, выдвигалась артиллерія, со многихъ позицій направлены въ помощь отряды. По всей линіи дѣйствія непріятели были менѣе настойчивы, и многимъ изъ насъ казалось это время отдохновеніемъ. Командующій гвардейскою легкою кавалерійскою дивизіею, генераль-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ, слѣдуя собственному соображенію обстоятельствъ, не могъ извлечь изъ нихъ никакой пользы; остановилъ полки, открылъ батареи далекія и слабыя, потерялъ время, и потомъ, хотя подъ сильнымъ огнемъ, отважно пошли полки за ручей Войну, протекающій въ крутыхъ берегахъ въ рѣчку Колочу; Италіянская армія была вся подъ ружьемъ, нѣкоторыя части ея устроены въ карре, и въ одномъ изъ нихъ находился вице-король Италіянскій ¹⁾.

Атамана Платова совершенно одинаковы были соображенія и не болѣе распорядительности. Войска наши не пріобрѣли успѣха, мало нанесли вреда и подверглись уролу. Генералу Уварову приказано возвратиться, атаманъ Платовъ за нимъ послѣдовалъ ²⁾.

Временно смягчившійся бой возгорѣлся съ обѣихъ сторонъ; громъ болѣе тысячи орудій артиллеріи производилъ непрерывный ревъ; не слышны были ружейные выстрѣлы; повсюду, гдѣ возможно было, кавалерія замѣняла пѣхоту. На старой Можайской дорогѣ II-й корпусъ неустрашимаго Багговута, въ борьбѣ съ превосходнымъ непріятеlemъ, удерживался съ твердостію, но слабая наша батарея противъ селенія Утицы была уже въ его рукахъ; чрезвычайная густота лѣса была единственнымъ препятствіемъ обойти его съ тылу. Очевидно было, что не иначе могъ онъ удержаться въ расположеніи своемъ, развѣ при чрезвычайныхъ пособіяхъ. Недостаточны были средства наши, и князь Кутузовъ, пребывающій постоянно на батареѣ у селенія Горки, не видя близко мѣсть, гдѣ явно было, сколько сомнительно и опасно положеніе наше, допускалъ надежду на благопріятный оборотъ. Военный министръ, все обозрѣвая самъ, давалъ направленіе дѣйствіямъ, и ни одно обстоятельство не укрывалось отъ его вниманія.

¹⁾ Карре, служащее убѣжищемъ, и возводимыя укрѣпленія объясняютъ, что лѣвое крыло французской арміи признается пунктомъ, подверженнымъ опасности.

²⁾ Въ тылу арміи соединены были экипажи главной квартиры Наполеона, знатнѣйшихъ особъ, канцелярія министровъ, письменныя дѣла штабовъ главныхъ частныхъ начальниковъ, подвижные госпитали, артиллерійскіе парки, пекарни, огромные обозы съ запасами разнаго рода. Замѣтно было смятеніе между ними. Платовъ, угрожая имъ, понудилъ бы, для охраненія ихъ, употребить значительное количество кавалеріи.

Въ третьемъ часу по полудни, находясь на занятомъ мною возвышеніи, обезпеченный съ избыткомъ всѣми средствами къ оборонѣ, я получилъ извѣстіе о смерти графа Кутайсова. Верховая лошадь его прибѣжала въ лагерь, сѣдло и чепракъ на ней обрызганы кровью и мозгомъ ¹⁾. Не долго послѣ я получилъ рану и принужденъ удалиться ²⁾. Но прежде изъ ближайшаго VI-го корпуса вызвалъ я командующаго дивизіею, генераль-маіора Лихачева ³⁾, и онъ заступилъ мое мѣсто.

Переставъ быть дѣйствующимъ очевидцемъ, продолжаю я описаніе происшествій, заимствуя свѣдѣнія отъ участвовавшихъ въ нихъ и лицъ, мною собственно употребленныхъ для наблюденій, которыя сообщаемы мнѣ были до конца сраженія. Не одно со стороны моей любопытство могло быть побужденіемъ; успѣхъ былъ не невозможенъ; обстоятельства, сопровождающія ходъ дѣла, указывали неизбежность пожертвованій.

Пѣхота наша на лѣвомъ флангѣ, предводимая Милорадовичемъ, Коновницынымъ и графомъ Остерманомъ, генералами испытанной неустрашимости, при чрезвычайныхъ усиліяхъ, должна была оставить въ рукахъ непріятеля потерянные укрѣпленія, и, большія встрѣчая затрудненія въ дѣйствіи, не взирая на все то, успѣла твердостью своею оборону нашу сдѣлать менѣе сомнительною. VII корпусъ генераль-лейтенанта Раевского, при малочисленности своей, удерживалъ свое мѣсто и сообщеніе обѣихъ армій съ примѣрною непоколебимостию. Въ четвертомъ часу по полудни почти

¹⁾ Въ лѣта цвѣтущей молодости, среди блистательнаго служенія, занимаемая важное мѣсто, пресѣклась жизнь его. Не однимъ ближнимъ горестна потеря его: одаренный полезными способностями, могъ онъ впоследствии оказать отечеству великія услуги. Мнѣ предоставлено было судьбою познакомиться съ первыми войны опасностями (1806). Вѣчнымъ будетъ сожалѣніе мое, что онъ не внялъ убѣжденіямъ моимъ возвратиться къ своему мѣсту, и если бы не желаніе непремѣнное быть со мною, быть можетъ, не палъ онъ бесполезною жертвою. На другой день офицеръ, принявшій его упавшаго съ лошади уже безъ дыханія, доставилъ мнѣ ордена и саблю, которыя отправилъ я къ родному его брату.

²⁾ Картечь, поразившая на смерть унтеръ-офицера, прошедъ сквозь его ребра, пробила воротникъ моей шинели, разодрала воротникъ сюртука, но шелковый на шеѣ платокъ смягчилъ ударъ контузіи. Я упалъ, нѣкоторое время былъ безъ чувствъ, шея была синяго цвѣта, большая вокругъ опухоль, и сильно помяты на шеѣ жилы. Меня снесли съ возвышенія, и отдыхъ возвратилъ мнѣ чувства.

³⁾ Командовалъ егерскимъ полкомъ на Кавказской линіи подъ начальствомъ знаменитаго князя Циціанова. Офицеръ въ равной степени неустрашимый и предприимчивый; нынѣ командующій дивизіею въ VI пѣхотномъ корпусѣ.

повсюду прекратились атаки пѣхоты, или ничего не обнаруживали рѣшительнаго. Ихъ замѣнили дѣйствія кавалеріи. Мѣстоположеніе не представляло пространства для большихъ массъ. Частныя атаки давали намъ большое преимущество, которое могла преодолевать одна многочисленность и возможность замѣнять свѣжими войсками утомленныя. Не могли французы сравниться съ нами въ стремительности атакъ легкой нашей кавалеріи. Полки лейбъ-гвардіи кавалергардскій и конный, также прочіе кирасирскіе полки, дѣйствовали съ особеннымъ мужествомъ.

Въ пять часовъ по полудни, послѣ жестокой борьбы непріятельской кавалеріи съ нашею, отрѣзанный отъ сообщенія съ прочими войсками люнетъ, который защищалъ генераль-маіоръ Лихачевъ слабою своею дивизіею, отовсюду окруженный большими силами, не могъ долго противиться и впасть во власть непріятеля. Генераль-маіоръ Лихачевъ взятъ въ плѣнъ и потеряно нѣсколько пушекъ. Опасаясь со стороны нашей усилій возвратить люнетъ, непріятель не рѣшился занять высоты артиллеріею, которая могла нанести величайшій вредъ, и по тому только войска наши остались въ прежнемъ расположеніи. II-й корпусъ генераль-лейтенанта Багговута употребленъ былъ на оконечности лѣваго нашего крыла, дабы не допустить непріятеля обойти насъ старою почтовою дорогою. Много способствовало намъ лѣсистое мѣстоположеніе, ибо непріятель встрѣчалъ затрудненіе употребить большія силы. Въ концѣ дня, однако же, II-й корпусъ потерялъ много разстоянія и могъ бы даже лишиться связи съ прочими войсками, что, по темнотѣ ночи, не тотчасъ было замѣчено.

Такимъ образомъ прекратился бой Бородинскій. Князь Кутузовъ приказалъ объявить войскамъ, что завтрашній день онъ возобновляетъ сраженіе ¹⁾. Не возможно выразить болѣе признательности къ подвигамъ войскъ, какъ увѣренностію въ мужествѣ и твердости ихъ во всякомъ случаѣ! Начальники и подчиненные, вообще всѣ, приняли объявленіе съ восторгомъ!

Получивши обстоятельное донесеніе, что II-й корпусъ отброшенъ, и лѣвое наше крыло открыто совершенно, князь Кутузовъ отмѣнилъ намѣреніе, и приступлено къ составленію диспозиціи объ отступленіи. Резервная артиллерія, раненые и всѣ тяжести отправлены немед-

---

¹⁾ Адъютантъ мой, артиллеріи поручикъ Граббе, былъ посланъ съ сямъ объявленіемъ. Въ нѣсколькихъ полкахъ приглашаемъ онъ былъ сойти съ лошади, офицеры цѣловали за радостную вѣсть, нижніе чины приняли ее съ удовольствіемъ.

ленно, желая облегчить ожидаемыя препятствія, ибо дороги отмѣсть, занимаемыхъ армію, соединялись въ одну, приближаясь къ Можайску; при самомъ городѣ неудобный по крутизнѣ спускъ, не допускающій скорости движенія, и къ тому еще ночь непродолжительная. Отступленіе произошло довольно порядочно.

Въ день битвы Бородинской российское воинство увѣнчало себя безсмертною славою! Огромное превосходство силъ непріятельскихъ по необходимости подчиняло дѣйствіямъ оборонительнымъ, ему не свойственнымъ. Потеря отличныхъ начальниковъ, во множествѣ товарищей, все казалось соединившимся противъ него, но, конечно, не было случая, въ которомъ оказано болѣе равнодушія въ опасности, болѣе терпѣнія, твердости, рѣшительнаго презрѣнія смерти. Успѣхъ, долгое время сомнительный, но чаще клонившійся на сторону непріятеля, не только не ослабилъ духъ войскъ, но воззвалъ къ напряженіямъ, едва силы человѣческія не превосходящимъ. Въ этотъ день все испытано, до чего можетъ возвыситься достоинство человѣка. Любовь къ отечеству, преданность Государю, никогда не имѣли достойнѣйшихъ жертвъ; безпредѣльное повиновеніе, строгость въ соблюденіи порядка, чувство гордости быть отечества защитникомъ, не имѣли славнѣйшихъ примѣровъ!

Непріятель одержалъ побѣду, не соотвѣтствующую его ожиданіямъ, и утомленный отчаяннымъ сопротивленіемъ находилъ отдохновеніе необходимымъ, и когда прошло уже нѣсколько часовъ дня, началъ преслѣдовать весьма медленно арріергардъ нашъ въ командѣ атамана Платова, составленный изъ регулярныхъ войскъ съ артиллерією и всѣхъ полковъ войска Донского ¹⁾).

Въ Можайскѣ нашли мы всѣхъ раненыхъ прошедшаго дня и большіе обозы 2-й арміи, также множество повозокъ Московскаго ополченія, и съ этого времени начались въ арміи разнаго рода, доселѣ незнаемые, беспорядки. Нестройно двигались арміи по одной дорогѣ, съ боковъ тѣснимыя обозами.

Государю представлено донесеніе о совершенной побѣдѣ. Князь Кутузовъ видѣлъ невозможность спасти Москву; хитро приуготовлялъ къ тому общее мнѣніе; онъ высказывалъ, что потеря Смоленска была предверіемъ паденія Москвы, не скрывая намѣренія набросить невыгодный свѣтъ на дѣйствія главнокомандующаго военнаго министра, въ которомъ и не любящіе его уважали большую опытность, заботливость и отличную дѣятельность.

¹⁾ Взятый на перестрѣлкѣ плѣнный показалъ, что взятая ими возвышенность (которую защищали генераль Лихачевъ) была оставлена ночью въ томъ предположеніи, что русскіе овладѣютъ ею. Казаки были на ней ночью, и о томъ донесено атаману Платову.

Съ прибытія къ арміямъ князя Кутузова извѣстны мнѣ были непріятности, дѣлаемыя имъ Барклаю-де-Толли, который негодовалъ на безпорядокъ въ дѣлахъ, принявшихъ необыкновенный ходъ. Съ начала приказанія князя отдавались начальникамъ Главнаго штаба, мнѣ и генералъ-адъютанту графу Сень-При, чрезъ полковника Кайсарова, исправляющаго при немъ должность дежурнаго, чрезъ многихъ другихъ, и даже чрезъ капитана Скобелева, не рѣдко одни другимъ противорѣчація, изъ которыхъ происходили недоразумѣнія, запутанности и непріятныя объясненія. Случалось иногда, что приказанія доставлялись непосредственно къ корпуснымъ и частнымъ начальникамъ, которые, приступая къ исполненію, извѣщали, для доклада главнокомандующимъ, когда войска выступили изъ лагеря, или возвращались. Приказанія объявляемы были также генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи Толемъ ¹⁾, гвардія полковникомъ княземъ Кудашевымъ ²⁾.

Послѣ сраженія при Бородинѣ осталось одно именованіе 2-й арміи: войска присоединены къ 1-й арміи, главные штабы составляли одинъ; я остался въ прежнемъ званіи.

27-го числа августа армія имѣла ночлегъ не далеко отъ Можайска. Занявшій городъ, арріергардъ атамана Платова былъ изъ него вытѣсненъ непріателемъ, но въ сей день онъ не преслѣдовалъ далѣе.

28 числа армія продолжала отступленіе, непріатель преслѣдовалъ сильнѣе, и въ арріергардѣ была схватка довольно горячая.

Князь Кутузовъ показывалъ намѣреніе, не доходя Москвы, собственно для спасенія ея, дать еще сраженіе. Частные начальники были о томъ предувѣдомлены. Генералу барону Беннигсену поручено избрать позицію; чины квартирмейстерской части его сопровождали. Кто могъ имѣть свѣдѣнія о средствахъ непріателя, о нашей потерѣ, конечно, не находилъ того возможнымъ; многіе, однако же, ожидали, и самъ я вѣрилъ нѣсколько. Нескромны были обѣщанія князя Кутузова: „скорѣе пасть при стѣнахъ Москвы, нежели предать ее въ руки враговъ“. Не обманулся ими начальствующій въ Москвѣ, генералъ-

---

¹⁾ Полковникъ Толь, офицеръ отличныхъ способностей, пользовался особеннымъ благоволеніемъ князя Кутузова, который, выказывая свою прозорливость, говорилъ, что бывши главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ Толя предвидѣлъ въ немъ необыкновенныя дарованія военнаго начальника. Узналъ его впоследствии, ничего не предвидѣлъ!

²⁾ Князь Кудашевъ, зять Кутузова, много теряющій тѣсною этою связью; ибо на счетъ ея относится по большей части то, что, по строгой справедливости, принадлежитъ его достоинствамъ.

отъ-инфантеріи, графъ Ростопчинъ, который, хотя дѣлалъ извѣстною переписку свою съ княземъ Кутузовымъ, показывалъ видъ спокойствія и безопасности, но всѣхъ менѣе тому вѣрилъ. Москву старался приуготовить къ такому состоянію, чтобы непріятель не могъ извлечь изъ нея ничего для себя полезнаго.

Я позволилъ себѣ нѣкоторыя предположенія, о которыхъ не сообщилъ никому, въ той увѣренности, что по недостатку опытности въ предметѣ, требующемъ обширныхъ соображеній, могли они подвергаться большому погрѣшностямъ. Я думалъ, что армія наша отъ Можайска могла взять направленіе на Калугу и оставить Москву. Непріятель не смѣлъ бы занять ее слабымъ отрядомъ, не рѣшился бы отдѣлать большихъ силъ, въ присутствіи нашей арміи, за которой долженъ былъ слѣдовать непременно. Конечно, не обратился бы къ Москвѣ со всею арміею, оставя тылъ ея и сообщеніе подверженными опасности.

Если бы непріятель, наблюдая движеніе наше на Москву, со всѣми силами пошелъ по направленію на Калугу, намъ предстояли другого рода неудобства. Изъ Калуги онъ доставалъ бы продовольствіе, въ большомъ количествѣ заготовленное. Съ арміею адмирала Чичагова и войсками подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Торماسова сношенія наши подверглись бы медленности. Богатѣйшія провинціи, снабжающія армію потребностями, были бы отрѣзаны. Непріятель сохранялъ въ полной безопасности прежнія свои сообщенія, отклонивъ ихъ изъ Смоленска, чрезъ Ельню, по направленію къ Калугѣ, мѣстами не опустошенными войною. Москва могла быть спасена такимъ образомъ, но армія наша поставлена въ необходимость дать сраженіе, прежде нежели усилена была свѣжими подкрѣпленіями и во множествѣ излѣчившимися ранеными. Сраженіе надобно было выиграть противъ арміи, мало еще разстроенной, сравнительно съ нашею, по ея числительности.

Наполеонъ, занявъ Москву, вѣроятно, думалъ поразить Россію ужасомъ и положить скорѣйшій конецъ войнѣ трудной и жестокой. Не зналъ онъ хорошо мужественнаго характера Императора Александра; не зналъ свойствъ русскаго народа, твердаго въ опасности, въ несчастіи терпѣливаго, и Богъ, мститель ненасытимаго властолюбія Наполеона, назначилъ Москву быть гробомъ величія его и славы!

Армія наша, тѣснимая непріателемъ, имѣя арріергардъ въ безпрерывномъ огнѣ и всѣ мѣста, ею перейденныя, не находя довольно твердыми позиціями, ни на одной изъ нихъ не остановясь, приближалась къ самымъ предмѣстіямъ Москвы.

Мѣсто, на которомъ предположено было устроить армію, про-

стиралось отъ урочища Фили, впереди селенія того же имени, чрезъ рѣчку Карповку и на Воробьевы горы. Позиція была осмотрѣна полковникомъ Толемъ и имъ найдена довольно хорошею. Трудно предположить, чтобы князь Кутузовъ не видѣлъ ея слишкомъ ощутительныхъ недостатковъ; но, желая увѣрить въ рѣшительномъ намѣреніи своемъ дать сраженіе, онъ показывалъ видъ согласія съ мнѣніемъ полковника Толя, и разсуждая количество войскъ, несообразнаго обширности мѣстоположенія, вознаграждать избыткомъ артиллеріи.

1-го числа сентября, рано по утру, вмѣстѣ съ прибывшими войсками къ селенію Фили, пріѣхалъ князь Кутузовъ, и тотчасъ приказалъ строить на возвышеніи, называемомъ Поклонная гора, обширный редутъ и у самой большой дороги батареи, назначая ихъ быть конечностію праваго фланга; лежащій недалеко по правую сторону лѣсъ наполнить егерями, прочія войска расположить по ихъ мѣстамъ. Въ присутствіи окружающихъ его генераловъ, спросилъ онъ меня, какова мнѣ кажется позиція? Почтительно отвѣчалъ я, что, по одному взгляду, невозможно судить положительно о мѣстѣ, назначаемомъ для шестидесяти, или болѣе, тысячъ чело-вѣкъ, но что весьма замѣтные въ немъ недостатки допускаютъ мысль о невозможности на немъ удержаться. Князь Кутузовъ взялъ меня за руку, оцупалъ пульсъ и сказалъ: „здоровъ ли ты“? Подобный вопросъ оправдываетъ сдѣланное съ нѣкоторою живостію возраженіе. Я сказалъ, что драться на немъ онъ не будетъ, или будетъ разбитъ непременно. Ни одинъ изъ генераловъ не сказалъ своего мнѣнія, хотя немногіе могли догадываться, что князь Кутузовъ никакой въ томъ нужды не имѣетъ, желая только показать рѣшительное намѣреніе защищать Москву, совершенно о томъ не помышляя. Князь Кутузовъ, снисходительно выслушавъ замѣчаніе мое, съ изъявленіемъ ласки приказалъ мнѣ осмотрѣть позицію и ему донести. Со мною отправились полковникъ Толь и генеральнаго штаба Кроссаръ.

По тщательномъ обзорѣніи я доложилъ князю вкратцѣ слѣдующія замѣчанія: мѣстоположеніе отъ праваго фланга къ центру имѣетъ довольно большую наклонность, частію для насъ выгодную, частію подъ сильнымъ огнемъ. Его разрѣзываетъ рѣчка Карповка, крутоберегая къ сторонѣ Воробьевыхъ горъ; взѣзды на нихъ неудобны, требуютъ времени для исправленія. Устроенные на рѣчкѣ мосты подвергаются непріятельскимъ батареямъ; удаленные отъ нихъ, умедляютъ сообщеніе между войскъ. Лѣвый флангъ арміи, занимая вершину Воробьевыхъ горъ, долженъ имѣть весьма сильныя укрѣпленія, защищаемыя главною частью войскъ, ибо на противо-

лежащей равнинѣ можетъ непріятель расположить тридцать и болѣе тысячъ войскъ, готовыхъ къ атакѣ. Въ тылу у насъ Москва рѣка, единственное отступленіе фланговымъ движеніемъ въ рѣчкѣ Карповкѣ. Князь Кутузовъ, выслушавъ, приказалъ сдѣлать вторичное обзрѣніе, и по возвращеніи я доложилъ ему, что, расположивъ армію на Воробьевыхъ горахъ, перехвата Калужскую дорогу впереди заставы, можно удержать за собою Серпуховскую дорогу и отступить на нее, проходя малую часть Замоскворѣчья. Въ заключеніе я сказалъ, что позиція чрезвычайно невыгодна, отступленіе очень опасно и трудно арріергарду удержаться столько времени, чтобы армія успѣла отдалиться. Отступленіе войскъ, защищающихъ Можайскую дорогу, не иначе какъ черезъ городъ, неудобно согласовать съ общимъ движеніемъ арміи. Князь Кутузовъ, выслушавши мое объясненіе, ничего не сказалъ, а войска продолжали устраиваться по прежнему его приказанію. VI-й корпусъ генерала Доктурова направленъ на Воробьевы горы; работа окоповъ продолжалась.

Я нашелъ у князя генерала графа Растопчина, съ которымъ онъ (какъ я узналъ) долго очень объяснялся. Увидѣвши меня, графъ отвелъ въ сторону и спросилъ: „Не понимаю, для чего усиливаетесь вы непременно защищать Москву, когда, овладѣвъ ею, непріятель ничего не приобрѣтетъ полезнаго. Принадлежащія казни сокровища и все имущество вывезены; изъ церквей, за исключеніемъ немногихъ, взяты драгоцѣнности, богатые золотые и серебряные украшения. Спасены важнѣйшіе государственные архивы. Многіе владѣльцы частныхъ домовъ укрыли лучшее свое имущество. Въ Москвѣ останется до пятидесяти тысячъ самаго бѣднѣйшаго народа, не имѣющаго другаго пріюта“. Весьма замѣчательны послѣднія его слова. „Если безъ боя оставите вы Москву, то, вслѣдъ за собою, увидите ее пылающую! ¹⁾“ Графъ Растопчинъ уѣхалъ, не получивъ рѣшительнаго отзыва отъ князя Кутузова. Ему по сердцу было предложеніе графа Растопчина, но не за долго предъ симъ клялся онъ своими сѣдыми волосами, что непріятелю нѣтъ другаго пути къ Москвѣ, какъ чрезъ его тѣло. Онъ не остановился бы оставить Москву, если бы не ему могла быть присвоена первая мысль о томъ. Данная имъ клятва его не удерживала, не у предверія Москвы можно было помышлять о боѣ; не доставало времени

¹⁾ Конечно, званіе мое обратило вниманіе его на меня; до того гордый вельможа не зналъ меня. Въжливо отвѣчалъ я: „В. С.-во, видите во мнѣ исполнителя воли начальника, не допускающаго свободы разсужденія“. Онъ не скрылъ отъ меня подозрѣнія, что Кутузовъ далекъ отъ желанія дать сраженіе.

сдѣлать необходимыя укрѣпленія: едва-ли достаточно было, чтобы порядочно расположить армію, и 29-го числа августа имъ подписано повелѣніе калужскому губернатору о направленіи транспортовъ съ продовольствіемъ изъ Калуги на Рязанскую дорогу.

Князь Кутузовъ подробно разсказалъ мнѣ разговоръ его съ графомъ Растопчинымъ и, со всею простотою души своей и невинностью, увѣрялъ меня, что до сего времени онъ не зналъ, что непріятель пріобрѣтеніемъ Москвы не снищеть никакихъ существенныхъ выгодъ, и что нѣтъ, конечно, причинъ удерживать ее съ чувствительною потерею, и спросилъ, какъ я думаю о томъ? Избѣгая вторичнаго испытанія моего пульса, я молчалъ; но когда приказалъ онъ мнѣ говорить, подозрѣвая готовность обойтись безъ драки, я отвѣчалъ, что прилично было бы арріергарду нашему, въ честь древней столицы, оказать нѣкоторое сопротивленіе.

День клонился къ вечеру, и еще не было никакихъ особенныхъ распоряженій. Военный министръ призвалъ меня къ себѣ, съ отличнымъ благоразуміемъ и основательностію истолковалъ мнѣ причины, по коимъ полагаетъ онъ отступленіе необходимымъ, пошелъ къ князю Кутузову и мнѣ приказалъ идти за собою. Никому лучше военнаго министра не могли быть извѣстны способы для продолженія войны, и какими изъ нихъ въ настоящее время пользоваться возможно; чтобы употребить болѣе благонадежныя, надобно выиграть время, и для того оставить Москву необходимо.

Князь Кутузовъ, внимательно выслушавъ, не могъ скрыть восхищенія своего, что не ему присвоена будетъ мысль объ отступленіи, и, желая сколько возможно отклонить отъ себя упреки, приказалъ къ восьми часамъ вечера созвать г.г. генераловъ на совѣтъ ¹⁾.

Въ селеніи Филя, въ своей квартирѣ, принялъ князь Кутузовъ собравшихся генераловъ. Совѣтъ составили: главнокомандующій, военный министръ, Барклай-де-Толли, генералъ баронъ Беннигсенъ, генералъ Дохтуровъ, генералъ-адъютантъ Уваровъ; генералъ-лейтенанты: графъ Остерманъ-Толстой, Коновницынъ и Раевскій; послѣдній пріѣхавшій изъ арріергарда, бывшаго уже не въ далекомъ отстояніи отъ Москвы, почему генералъ Милорадовичъ не могъ отлучиться отъ него. Военный министръ началъ объясненіе настоящаго положенія дѣлъ слѣдующимъ образомъ: „позиція весьма невыгодна; дожидаться въ ней непріятели опасно; превозмочь его, располагающаго превосходными силами, болѣе нежели сомнительно. Если бы

¹⁾ Князь, конечно, не полагалъ, чтобы извѣстно было сужденіе на счетъ его знаменитаго Суворова, который говорилъ: „Его и Рибасъ не обманетъ“. Впрочемъ, въ нынѣшнее время многіе его угадываютъ!

послѣ сраженія могли мы удержать мѣсто, но такой же потерѣли уронъ, какъ при Бородинѣ, то не будемъ въ состояніи защищать столько обширнаго города. Потеря Москвы будетъ чувствительною для Государя, но не будетъ внезапнымъ для него происшествіемъ, къ окончанію войны его не склонитъ и рѣшительная воля его продолжать ее съ твердостью. Сохранивъ Москву, Россія не сохраняется отъ войны жестокой, разорительной; но, сберегши армію, еще не уничтожаются надежды отечества, и война, единое средство къ спасенію, можетъ продолжаться съ удобствомъ. Успѣютъ присоединиться, въ разныхъ мѣстахъ за Москвою приготавливаемая, войска; туда же благовременно перемѣщены всѣ рекрутскія депо. Въ Казани учрежденъ вновь литейный заводъ; основанъ новый ружейный заводъ Кіевскій; въ Тулѣ оканчиваются ружья изъ остатковъ прежняго металла. Кіевскій арсеналь вывезенъ; порохъ, изготовленный въ заводахъ, передѣланъ въ артиллерійскіе снаряды и патроны и отправленъ внутрь Россіи⁴. Военный министръ предпочиталъ взять направленіе на городъ Владиміръ, въ намѣреніи сохранить сообщеніе съ С.-Петербургомъ, гдѣ находилась Царская Фамилія. Князь Кутузовъ приказалъ мнѣ, начиная съ младшаго вѣка, по прежнему порядку, объяснить мое мнѣніе. Совершенно убѣжденный въ основательности предложенія военнаго министра, я осмѣлился замѣтить одно направленіе на Владиміръ не согласующимся съ обстоятельствами. Царская Фамилія, оставя Петербургъ могла назначить пребываніе свое во многихъ мѣстахъ, совершенно отъ опасности удаленныхъ¹), не порабощая армію невыгодному ей направленію, которое нарушало связь нашу съ полуденными областями, изобилующими разными для арміи потребностями, и чрезвычайно затрудняло сообщеніе съ арміями генерала Торماسова и адмирала Чичагова. Не рѣшился я, какъ офицеръ, не довольно еще извѣстный, страшась обвиненія соотечественниковъ, дать согласіе на оставленіе Москвы, и не защищая мнѣнія моего, вполне неосновательнаго, предложилъ атаковать непріятеля. Девять сотъ верстъ непрерывнаго отступленія не располагаютъ его къ ожиданію подобнаго со стороны нашей предпріятія; что внезапность сія, при переходѣ войскъ его въ оборонительное состояніе, безъ сомнѣнія, произведетъ между ними большое замѣшательство, которымъ его свѣтлости, какъ искусному полководцу, предлежитъ воспользоваться, и

⁴) Великому князю Константину Павловичу доказывалъ я о совершенно безопасномъ пребываніи въ Петербургѣ, въ опроверженіе словъ его: „Сестра Екатерина Павловна не знаетъ, гдѣ во время родовъ можетъ быть покойна“. Я осмѣлился предложить, шутя, закладъ, и видно изъ происшествій, что могла она не оставлять Петербурга.

что это можетъ произвести большой оборотъ въ нашихъ дѣлахъ. Съ неудовольствіемъ князь Кутузовъ сказалъ мнѣ, что такое мнѣніе даю я потому, что не на мнѣ лежитъ отвѣтственность. Слишкомъ поспѣшно изъявилъ онъ свое негодованіе, ибо не могъ сомнѣваться, что многихъ мнѣнія будутъ гораздо благоразумнѣйшія, на которыя могъ онъ опираться. Генераль-адъютантъ Уваровъ далъ однимъ словомъ согласіе на отступленіе. Генераль-лейтенантъ Ковницынъ былъ мнѣнія атаковать. Оно принадлежало ему, какъ офицеру предприимчивому и неустрашимому, но не была испытана способность его обнимать обширныя и многосложныя соображенія. Генераль Дохтуровъ говорилъ, что хорошо бы идти навстрѣчу неприятелю, но послѣ потери въ Бородинскомъ сраженіи многихъ изъ частныхъ начальниковъ, на мѣста которыхъ поступившіе другіе, мало извѣстные, будучи, по необходимости, исполнителями распоряженій, не представляютъ достаточнаго ручательства въ успѣхѣ ихъ, и потому полагаютъ отступить. Генераль баронъ Беннигсенъ, извѣстный знаніемъ военнаго искусства, болѣе всѣхъ современниковъ испытанный въ войнѣ противъ Наполеона, далъ мнѣніе атаковать, подтверждающее изложенное мною. Увѣренный, что онъ основалъ его на вѣрнѣйшихъ расчетахъ правдоподобія въ успѣхѣ, или, по крайней мѣрѣ, на возможности не быть подавленными въ сопротивленіи, много я былъ ободренъ имъ, но, конечно, были удивленные предложеніемъ. Генераль-лейтенантъ графъ Остерманъ былъ согласенъ отступить, но, опровергая предложеніе дѣйствовать наступательно, спросилъ барона Беннигсена, можетъ ли онъ удостовѣрить въ успѣхѣ? Съ непоколебимою холодностію его и едва обратясь къ нему, Беннигсенъ отвѣчалъ: „если бы не подвергался сомнѣнію предлагаемый сужденію предметъ, не было бы нужды сзывать совѣтъ, а еще менѣе надобно было бы его мнѣніе“. Пріѣхавшему послѣ всѣхъ, генераль-лейтенанту Раевскому приказано мнѣ было пересказать разсужденіе военнаго министра и мнѣніе каждаго изъ членовъ совѣта. Онъ изъявилъ согласіе на отступленіе. Всѣмъ одинаковаго мнѣнія служило руководствомъ предложеніе военнаго министра, безъ всякаго со стороны ихъ объясненія причинъ, и, конечно, не могло быть мѣста болѣе основательному разсужденію. Раздѣляя его вполнѣ, князь Кутузовъ приказалъ сдѣлать диспозицію къ отступленію. Съ приличнымъ достоинствомъ и важностію, выслушивая мнѣніе генераловъ, не могъ онъ скрыть удовольствія, что оставленіе Москвы было требованіемъ, не дающимъ мѣста его волѣ, хотя, по наружности, желалъ онъ казаться готовымъ принять сраженіе.

Въ десять часовъ вечера армія должна была выходить двумя

колоннами: одна, подъ командою генераль-адъютанта Уварова, чрезъ заставу и Драгомиловскій мостъ. При ней находился князь Кутузовъ. Другая колонна, подъ начальствомъ генерала Дохтурова, проходила чрезъ Замоскворѣчье на Каменный мостъ. Обѣ колонны направлены чрезъ Рязанскую заставу. Переправы, тѣсныя улицы, большіе за арміею обозы, приближенные въ ожиданіи сраженія, резервная артиллерія и парки, и въ то же время толпами спасающіеся жители Москвы, до того затрудняли движеніе войскъ, что армія до самаго полудня не могла выйти изъ города.

Князь Кутузовъ послалъ меня къ генералу Милорадовичу, чтобы онъ, сколько возможно, удерживалъ непріятеля, или бы условился съ нимъ, дабы имѣть время вывезти изъ города тяжести. У Драгомиловскаго моста съ частію войскъ арріергарда нашелъ я генераль-лейтенанта Раевского, которому сообщилъ я данное мнѣ приказаніе, для передачи его генералу Милорадовичу ¹⁾.

Арріергардъ нашъ былъ преслѣдуемъ; генераль Милорадовичъ скорѣе отступалъ, потому что непріятель, усиливаясь противъ отряда генераль-адъютанта барона Винценгероде, показывая намѣреніе ворваться въ городъ, могъ прійти въ тылъ арріергарду. Онъ послалъ сказать непріятельскому генералу Себастиани, что если думаетъ онъ преслѣдовать въ самыхъ улицахъ города, то его ожидаетъ жесточайшее сопротивленіе и, защищаясь въ каждомъ домѣ, прикажетъ онъ наконецъ зажечь городъ. Въ условленное время вступилъ непріятель безъ боя, и обозы арміи, равно какъ и самихъ жителей, выходили безпрепятственно; всѣ заставы заняты.

Я наблюдалъ, какое дѣйствіе произведетъ надъ войсками оставленіе Москвы, и замѣтилъ съ радостію, что солдаты не терялъ духа, не допускалъ ропота. Начальниковъ поражала потеря древней столицы ²⁾. Въ Москвѣ было уже мало жителей, и по большей части не имѣющихъ пристанища въ другомъ мѣстѣ. Дома были пусты и заперты; обширныя площади уподоблялись степямъ; въ нѣкоторыхъ улицахъ не встрѣчалось человѣка. Въ рѣдкой изъ церквей не было молящихся жертвъ, остающихся на произволь

¹⁾ Сойдя съ лошадей, поговорили мы нѣкоторое время; смотря на Москву, погрустили объ ней. Впереди ничто не представлялось намъ утѣшительное, и большой перемѣны въ положеніи нашемъ предвидѣть было не возможно. Отъ князя Кутузова чего-то ожидали, но не съ полною предавались довѣренностію.

²⁾ Нижніе чины Московскаго гарнизоннаго полка, извѣстнаго нѣкогда подъ именемъ Архаровскаго, пережившіеся, съ семействами, занимавшіеся торгомъ и ремеслами, совершенно подобные янычарамъ, выходили изъ Москвы въ порядкѣ, пѣсельники впереди!

враговъ безчеловѣчныхъ. Душу мою раздиралъ стонъ раненыхъ, оставляемыхъ во власти непріятеля. Въ городѣ Гжатскѣ князь Кутузовъ далъ необдуманное повелѣніе свозить отовсюду больныхъ и раненыхъ въ Москву, которыхъ она до того не видала, и болѣе двадцати тысячъ ихъ туда отправлено ¹⁾. Съ негодованіемъ смотрѣли на это войска. На полѣ сраженія иногда видятъ солдатъ остающихся товарищей, не разумѣетъ другой причины, какъ недостатокъ средствъ къ ихъ сохраненію. Но въ Москвѣ, гдѣ есть способы успокоить раненаго воина, жизнью искупающаго отечество, гдѣ богачъ въ нѣгѣ вкушаетъ сладкій покой за твердою его грудью, гдѣ подъ облака возносятся гордые чертоги его, воинъ оmyваетъ кровію своею послѣднія ступени его лѣстницы, или послѣднія истощаетъ силы на каменномъ помостѣ двора его. Оскорбительное равнодушіе столицы къ бѣдственному состоянію солдатъ не охладило, однако же, усердія ихъ, и всѣ готовы были на ея защиту.

Итакъ армія прошла наконецъ Москву.

Не далеко за городомъ нашель я князя Кутузова и доложилъ ему о переданномъ мною повелѣніи его генералу Милорадовичу. Вскорѣ за тѣмъ слышны были въ Москвѣ два взрыва и обнаружился большой пожаръ. Я вспомнилъ слова графа Растопчина, сказанныя мнѣ наканунѣ, и Москва стыдъ поруганія скрыла въ развалинахъ своихъ и пеплѣ! Собственными нашими руками разнесенъ пожарающій ея пламень. Напрасно возлагать вину на непріятеля и оправдываться въ томъ, что возвышаетъ честь народа. Россіянинъ каждый частно, весь народъ вообще, великодушно жертвуетъ общей пользѣ. Въ добровольномъ разрушеніи Москвы усматриваютъ враги предзнаменованіе ихъ бѣдствій. Всѣ доселѣ народы, счастію Наполеона болѣе пятнадцати лѣтъ покорствующіе, не явили подобнаго примѣра. Судьба сберегла его для славы россіянъ! Пятнадцать лѣтъ побѣждая всѣ противоборствующіе народы, въ торжествѣ проходилъ Наполеонъ столицы ихъ; чрезъ Москву назначенъ путь къ паденію славы его и могущества! Въ первый разъ устрешенная Европа осмѣлилась увидѣть въ немъ человѣка!

Армія наша имѣла ночлегъ и растахъ 3-го числа, въ 15 верстахъ отъ Москвы. Арріергардъ, пройдя спокойно чрезъ Рязанскую заставу и расположивъ передовые посты въ трехъ верстахъ отъ города, ночевалъ по близости.

Переправа арміи чрезъ Москву рѣку у Боровскаго перевоза, по множеству обозовъ спасающихся изъ Москвы жителей, совершилась съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ и въ неимовѣрномъ безо-

¹⁾ Распоряженіе, не соотвѣтствующее его прозорливости!

рядкѣ. Слышны были пушечные выстрѣлы въ арріергардѣ, но непріятель не тѣснилъ его. Здѣсь отмѣнено было, предложенное военнымъ министромъ, направленіе на Владиміръ, и рѣшено выйти на Тульскую дорогу ¹⁾. Мысль сія принадлежитъ генералу барону Беннигсену, и онъ настаивалъ, чтобы скорѣе перейти на Калужскую дорогу. Смѣлое и рѣшительное фланговое сіе движеніе, по близости непріятели не безопасное, совершенно безпрепятственно, и армія, въ самое ненастное время, гнусными проселочными дорогами, была у города Подольска. Здѣсь, безъ всякой надобности, князь Кутузовъ пробылъ двое сутокъ, не переходя на Калужскую дорогу не отъ того, чтобы увѣренъ онъ былъ, что непріятель не можетъ предупредить его. За одну сію ошибку непріятель сдѣлалъ двѣ грубѣйшія. Удержанный въ Москвѣ грабежемъ, пьянствомъ и распутствомъ, онъ имѣлъ въ виду одну отступающую нашу армію, и ни о чемъ не заботился. По медленности движенія нашего изъ Москвы, онъ, правымъ берегомъ Москвы рѣки, могъ предупредить насъ на переправѣ, или, по крайней мѣрѣ, отбросить насъ на Рязань, преграждая всѣ прочіе пути. Сверхъ того, принявъ за арріергардъ нашей арміи небольшой казачій отрядъ, въ командѣ храбраго полковника Ефремова, преслѣдовалъ его къ Бронницамъ, и поздно увидѣвъ себя обманутымъ, возвратился поспѣшно въ Москву, но армія была уже на Калужской дорогѣ, у селенія Красной Пахры.

Фланговое движеніе наше къ Подольску прикрывалъ корпусъ генераль-лейтенанта Раевского; далѣе впереди его находился отрядъ генераль-маіора Дорохова, отъ котораго казаки, подъ начальствомъ полковника Иловайскаго 2-го (Тимоеея), опрокинувъ часть французской конницы, вогнали ее въ селеніе и атаковали съ тылу, много истребили и взяли въ плѣнъ. Первый ударъ встрѣтила она, не допущенная устроиться въ порядокъ.

Армія наша совершенно спокойно дошла до селенія Красной Пахры, но, нашедши позицію неудобною, слѣдовала далѣе на Вороново и далѣе до Тарутина. Арріергардъ расположился въ с. Красной Пахрѣ, наблюдаемый до того весьма слабымъ, ничего не предпринимавшимъ, непріателемъ, и потому довольно оплошно размѣщены были передовые наши посты. Не были высланы разѣзды. Недалеко отъ лагеря, отдѣленнаго непроходимымъ оврагомъ, находился прекрасный господскій домъ съ обширнымъ садомъ, который

---

¹⁾ Многіе присвоивали себѣ это соображеніе, но оно принадлежитъ собственно генералу Беннигсену, что мнѣ извѣстно со всеми, сопровождавшими мелочными, обстоятельствами. Князь Кутузовъ желалъ отнести это любимцу своему Толю.

посѣтивши генераль Милорадовичъ, начальствующій арріергардомъ, едва не попался въ плѣнь ¹⁾).

Вскорѣ послѣ, въ схваткѣ съ кавалеріею, лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ совершенно разбилъ два эскадрона драгунъ гвардіи Наполеона.

Близъ селенія Мочи арріергардъ былъ сильно тѣснимъ непріателемъ; трудная позади переправа у селенія Воронова была причиною большого въ войскахъ безпорядка, и правому флангу угрожала опасность быть отрѣзаннымъ. До того странно было распределение войскъ арріергарда, что генераль-лейтенантъ Раевскій, полагая имѣть впереди себя кавалерію, не зналъ, что съ цѣлымъ корпусомъ пѣхоты и всею батарейною артиллеріею проводилъ ночь, составляя собою передовые посты. Кавалерія, не завися отъ него, не почла нужнымъ закрыть корпусъ собою, и если никакихъ не произошло отъ того послѣдствій, то единственно потому, что арріергардъ долженъ былъ на завтра отойти назадъ.

21-го числа сентября армія прибыла въ селеніе Тарутино. Послѣ упорнаго дѣла у деревни Чириково, непріатель заставилъ арріергардъ нашъ отойти на послѣднія возвышенія въ виду изъ Тарутина, въ разстояніи трехъ верстъ.

22-го числа въ арміи при селеніи Тарутино производились земляныя работы, для укрѣпленія позиціи. Непріатель съ жестокостію возобновилъ атаки свои противъ нашего авангарда; генераль Милорадовичъ отражалъ ихъ мужественно. Не возможно было уступить одного шагу; ибо позади, на большое пространство къ сторонѣ лагеря продолжающаяся покатошь оканчивалась рѣчкою, и непріатель, овладѣвши возвышеніями, могъ видѣть всякое движеніе въ нашемъ лагерѣ, а по рѣчкѣ расположа передовые свои посты, препятствовать водопою. Во время сраженія со стороны нашей сохраненъ былъ отличный порядокъ. Непріатель, перемѣняя направленіе атакъ своихъ, всегда былъ предупреждаемъ силами соразмѣрными, которыя, соединяясь съ чрезвычайною быстротою, не допустили воспользоваться малѣйшею выгодною; резервы не вступали въ дѣло. Генераль-маіоръ Шевичъ, съ искусствомъ распоряжаясь кавалеріею на правомъ

---

¹⁾ Милорадовичъ, довольствующійся пзбою, вздумалъ роскошествовать и занялъ подъ свою квартиру великолѣпный домъ, пригласилъ къ обѣду многихъ изъ генераловъ, въ полной увѣренности весело отдохнуть отъ трудовъ. Въ это время эскадронъ непріательскій, прошедши черезъ садъ, приближался къ дому; другой былъ въ резервѣ. Стоявшій на дворѣ козвой успѣлъ сѣсть на коня и отразилъ ближайшій эскадронъ, другой не пришелъ на помощь. Схваченные въ плѣнь показали, что эскадроны были прусскіе.

флангъ, выигралъ даже нѣкоторое разстояніе; французскіе кирасиры не могли сдержать стремительнаго нападенія нѣсколькихъ эскадроновъ гвардейскихъ нашихъ уланъ, которыхъ пикн притуплены были о ихъ желѣзную броню. 1-й егерскій полкъ, въ командѣ полковника Карпенка, открывалъ себѣ штыками путь къ успѣхамъ; артиллерія была превосходна; двѣ батареинныя роты съ подполковникомъ Гулевичемъ, не будучи никакъ охраняемы, закрывали собою движеніе войскъ, и непріятель ничего не предпринялъ противъ нихъ. Около вечера непріятель отступилъ на всѣхъ пунктахъ и не подалеку расположился лагеремъ. Въ продолженіе войны обстоятельства, возлагая на насъ горькую необходимость отступленія, облегчали непріятелю достиженіе его намѣреній. Здѣсь въ первый разъ безвозмездны были его усилія!

По окончаніи сраженія войска авангарда возвратились въ соединеніе съ арміею; на мѣстѣ оставлена сильная кавалерія съ нѣсколькими конными батареями.

На другой день совершенное спокойствіе въ лагерѣ непріятельскомъ заставляло думать, что ожидается прибытіе большихъ силъ. Напротивъ, отъ сего дня, на нѣкоторое время, безъ всякаго условія прервались дѣйствія, и не сдѣлано ни одного выстрѣла. Г.г. генералы и офицеры съѣзжались на передовыхъ постахъ съ изъясненіемъ вѣжливости, что многимъ было поводомъ къ заключенію, что существуетъ перемиріе ¹⁾).

Лагерь при Тарутинѣ былъ укрѣпленъ тщательно. Фронтъ прикрытъ сильными батареями; на лѣвомъ крылѣ, внѣ лагеря, открытое мѣсто, удобное для дѣйствія кавалеріи. Ощутительны также были и невыгоды позиціи: лагерь весьма тѣсный, внутри его перемѣщеніе войскъ затруднительно, по множеству землянокъ и избъ; къ лѣвому

---

¹⁾ Государь Императоръ былъ симъ недоволенъ, и въ письмѣ къ князю Кутузову собственноручно выразилъ, сколько неприличны подобныя свиданія съ генералами, и въ особенности приказалъ замѣтить генералу барону Беннигсену, что ему это болѣе другихъ непозволительно.

Генералъ Милорадовичъ не одинъ разъ имѣлъ свиданіе съ Мюратомъ, королемъ Неаполитанскимъ. Изъ разговоровъ ихъ легко было замѣтить, что въ хвастовствѣ не всегда французамъ принадлежало первенство. Если бы можно было забыть о присутствіи непріятеля, казалось бы свиданье ихъ представленіемъ на ярмаркѣ, или подъ качелями. Мюратъ являлся, то одѣтый по-гишпански, то въ вымышленномъ преглуномъ парадѣ, съ собольей шапкою, въ газетовыхъ панталонахъ. Милорадовичъ—на казачьей лошади, съ плетью, съ тремя шалями яркихъ цвѣтовъ, не согласующихся между собою, которыя, концами обвернутыя около шеи, во всю свою длину развѣвались по волѣ вѣтра. Третьяго подобнаго не было въ арміяхъ!

крылу прилежація возвышенія въ пользу непріятели; отдѣляющій ихъ ручей, въ крутыхъ берегахъ, кавалеріи нашей, въ случаѣ дѣйствія на той сторонѣ, не представлялъ удобнаго отступленія. Если бы непріятель атаковалъ позицію и былъ отбитъ повсюду, то, отступая подъ огнемъ батарей, расположенныхъ имъ на возвышенномъ берегу рѣчки, господствующемъ всею долиною, и не болѣе какъ въ трехъ стахъ саженьяхъ встрѣчая насъ картечью, могъ остановить успѣхи наши. Мы, со стороны своей, впереди позиціи, не имѣли противопоставить наши батареи. Ничто не могло побуждать непріятели атаковать сильно укрѣпленную позицію, а еще менѣе съ праваго ея крыла, какъ того многіе ожидали. Довольно было непріятелю показать силы на Калужской дорогѣ, которую мы слабо наблюдали, и мы оставили бы Тарутино.

По совершеніи арміею фланговаго движенія, когда прибыла она въ городъ Подольскъ, генералъ баронъ Беннигсенъ, предлагалъ расположиться у г. Боровска, или въ укрѣпленномъ при Малоярославцѣ лагерѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе безпокоило бы непріятели и намъ доставляло выгоды, особенно, когда его кавалерія истощалась отъ недостатка фуража, когда умножившіеся партизаны наши наносили ей вредъ и истребленіе. Не взирая на это, кажется, не совсемъ бесполезно было уклониться отъ сего предложенія; ибо непріятель пребываніе наше у Тарутина сносилъ терпѣливѣе, нежели у Малоярославца, или паче у Боровска. Онъ не уважилъ слабый отрядъ генералъ-маіора Дорохова, имѣя противъ него небольшую часть войскъ въ г. Вереѣ, далъ намъ время для отдохновенія, возможность укомплектовать армію, поправить изнуренную конницу, учредить порядочное доставленіе всякаго рода припасовъ. Словомъ, возродилъ въ насъ надежды, силы на противоборствіе и даже на преодоленіе потребныя. Если бы съ тѣми силами, которыя имѣли мы подъ Москвою, не соединяясь съ пришедшими впоследствии подкрѣпленіями, съ двадцатью шестью полками прибывшихъ съ Дону казаковъ, въ разстроенномъ состояніи конницы, съ войсками, продолжительнымъ отступленіемъ утомленными, остановились мы въ Боровскѣ, тѣмъ скорѣе атаковалъ бы насъ непріятель, и былъ въ необходимости то сдѣлать, дабы отдалить насъ отъ своихъ сообщеній, и безъ того подверженныхъ опасности отъ возстающихъ во многихъ мѣстахъ поселянъ, раздраженныхъ грабежемъ и неистовствомъ.

Вскорѣ по оставленіи Москвы докладывалъ я князю Кутузову, что артиллеріи капитанъ Фигнеръ предлагаетъ доставить свѣдѣніе о состояніи французской арміи въ Москвѣ и, буде есть, какія чрезвычайныя приуготовленія въ войскахъ; князь далъ полное соизволеніе.

Въ штабѣ арміи приказалъ я дать ему подорожную въ Казань, не переставая признавать главную квартиру врагомъ всякой тайны.

Возвратившись изъ Москвы, онъ явился въ Подольскѣ къ генералъ-лейтенанту Раевскому, который, въ прошедшую съ турками войну, знавши Фигнера храбрымъ и предприимчивымъ офицеромъ ¹⁾, не усомнился въ показаніи его, что ему приказано отъ меня, у перваго изъ частныхъ начальниковъ, къ которому найдетъ онъ возможность пройти, просить о назначеніи ему небольшого кавалерійскаго отряда, для дѣйствія на коммуникаціяхъ непріятели, и тотчасъ же отправился на дорогу между Можайскомъ и Москвою. Онъ прибылъ къ арміи въ Тарутино. Князь Кутузовъ былъ весьма доволенъ первыми успѣхами партизанскихъ его дѣйствій, нашелъ полезнымъ умножить число партизановъ, и вторымъ послѣ Фигнера назначенъ гвардейской конной артиллеріи капитанъ Сеславинъ, и послѣ него вскорѣ гвардіи полковникъ князь Кудашевъ. Въ короткое время ощутительна была принесенная ими польза. Плѣнные въ большомъ количествѣ приводились ежедневно; не проходили транспорты и парки безъ сильнаго прикрытія; французы на фуражированіе не иначе выходили, какъ съ пѣхотою и пушками, никогда не возвращались безъ потери. На всѣхъ сообщеніяхъ являлись отряды партизановъ; жители служили имъ вѣрными проводниками, доставляли обстоятельныя извѣстія, и, наконецъ, взявъ сами оружіе, большими присоединялись къ нимъ толпами. Фигнеру первому справедливо можно приписать возбужденіе поселянъ къ войнѣ, которая имѣла пагубныя для непріятели слѣдствія.

Въ Москвѣ скудные найдены французами припасы, и чрезъ короткое время войска даже половинной дачи продовольствія не получали, никакихъ особенныхъ мѣръ предпринимаемо не было, и

---

¹⁾ При выходѣ изъ Москвы Фигнеръ досталъ себѣ французскій билетъ, какъ хлѣбопашецъ г. Вязьмы, возвращающійся на жительство. Переодѣтый въ крестьянскомъ платьѣ, взявъ онъ въ проводники небольшимъ отрядомъ идущимъ отъ Можайска. Цѣлый переходъ слѣдуетъ съ нимъ, высматриваетъ, что пѣхоту составляютъ выдоровѣвшіе изъ госпиталей, сопровождающіе шесть орудій итальянской артиллеріи, идущей изъ Павія. Съ ночлега Фигнеръ бѣжалъ; ибо въ лѣсу, не далеко отъ дороги, скрытъ былъ отрядъ его, и онъ рѣшился сдѣлать нападеніе. Все взято было почти безъ сопротивленія. Въ числѣ плѣнныхъ былъ полковникъ, уроженецъ изъ Ганновера. Я былъ свидѣтелемъ свиданія его съ генераломъ барономъ Беннигсеномъ, знакомымъ его съ самой юности, по связи семействъ ихъ.

совершенное во всемъ бездѣйствіе изобличало надежды Наполеона на миръ, въ которомъ мнилъ онъ начертать условія. Не знаю достовѣрно, въ чемъ могли состоять оныя, но легко понимали всѣ, что присланный отъ Наполеона генераль Лористонъ, передъ войною бывший посломъ при нашемъ дворѣ, конечно имѣлъ порученіе объяснить желаніе прекратить войну. Москва, древняя столица, собственными руками превращенная въ пепель, доказывала, что нѣтъ тяжелыхъ жертвованій для русскаго народа и готовность его отомстить за войну несправедливую, войною жестокою. Генераль Лористонъ пріѣхалъ чрезъ нѣсколько дней послѣ прибытія арміи въ Тарутино. Въ самое это время, между прочими, и я находился въ квартирѣ Кутузова, но всѣмъ намъ приказано выйти. Послѣ носилась молва, будто князь обѣщаль довести до свѣдѣнія Государя положить конецъ войнѣ, долженствующей возгорѣться съ бѣльшимъ противъ прежняго съ ожесточеніемъ. Хитрый военачальникъ уловилъ довѣрчивость посланнаго, и онъ отправился въ ожиданіи благоприятнаго отзыва. Такимъ образомъ дано время отдохновенія утомленнымъ войскамъ, прибыли новонабранныя и обучались ежедневно, кавалерія поправилась и усилена, артиллерія въ полномъ комплектѣ.

Въ Тарутинѣ генераль-лейтенантъ Коновницынъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при князѣ Кутузовѣ. Справедливо пріобрѣлъ онъ извѣстность отлично храбраго и твердаго въ опасности офицера, но многіе обманулись, ожидавшіе въ немъ соотвѣтствующихъ способностей и распорядительности. Въ царствованіе Екатерины II служилъ онъ полковникомъ и командовалъ полкомъ; долго потомъ живши въ отставкѣ, возвратился онъ на службу; войны настоящаго времени представили ему новую сцену, на которой, при чрезмѣрномъ честолюбіи и неукротимомъ желаніи возвыситься, одной храбрости было уже недостаточно; онъ, какъ человекъ очень умный и еще болѣе хитрый, ловко умѣлъ пользоваться слабостію князя, въ чемъ способствовалъ ему полковникъ Толь, сильное имѣвшій вліяніе, съ которымъ вошелъ онъ въ тѣсную связь. Послѣ производства князя Кутузова генераль-фельдмаршаломъ за Бородинское сраженіе, нашель онъ нужнымъ имѣть при себѣ дежурнаго генерала, съ намѣреніемъ, какъ угадывать легко, не допускать близкаго участія въ дѣлахъ (по новому положенію о дѣйствующихъ арміяхъ) генерала барона Беннигсена, къ которому отношенія его были очень непріязненны, но званіе, послѣднимъ носимое, необходимо къ нему приближало.

Получено извѣстіе о кончинѣ достойнѣйшаго и незабвеннаго

князя Багратиона. Въ память его осталось имя 2-й арміи на нѣкоторое время, но она уже не существовала.

23-го числа сентября военный министръ, генераль Барклай-де-Толли, оставилъ армію и чрезъ Калугу отправился далѣе. Не стало терпѣнія его: видѣлъ съ досадою продолжающіеся беспорядки, негодовалъ за недовѣрчивое къ нему расположеніе, невнимательность къ его представленіямъ ¹⁾. Мнѣ извѣстно было намѣреніе его удалиться, и потому, не задолго предъ отъѣздомъ его, подалъ я рапортъ, что, чувствуя себя къ отправленію моей должности неспособнымъ, прошу возвратить меня въ армію. Представленный въ подлинникъ рапортъ мой фельдмаршаломъ оставленъ безъ отвѣта. вмѣстѣ съ Барклаемъ-де-Толли уѣхалъ директоръ собственной его канцеляріи, флигель-адъютантъ, гвардіи полковникъ Закревскій, офицеръ отлично благородныхъ свойствъ, съ которымъ былъ я въ отношеніяхъ совершенно дружескихъ, раздѣляя и горести неудачной войны, и пріятныя въ ней минуты. Остался одинъ близкій мнѣ человекъ, исправляющій должность дежурнаго генерала, флигель-адъютантъ, полковникъ Кикинъ, почтенный благородными свойствами, искренно мною уважаемый. Едва-ли кому могъ я нравиться, бывши точнымъ исполнителемъ воли взыскательнаго начальника, и я не видѣлъ доброжелательствующихъ мнѣ, но завидующихъ многихъ. Генераль-лейтенантъ Коновницынъ, въ новой должности своей, встрѣтившись съ дѣлами, совершенно ему незнакомыми, затрудняющими его, нашелъ облегченіе въ томъ, что препровождалъ ихъ ко мнѣ огромными кучами, чтобы на нихъ надписывалъ я приличествующія разрѣшенія. Нѣкоторое время исполнялъ я это изъ уваженія къ нему, не взирая на чрезмѣрную ограниченность его способностей. Но когда самолюбіе воспрещало ему раздѣлять труды со мною, и онъ думалъ продолжать мои занятія, для него весьма выгодныя, я объяснилъ ему, что не нахожу удовольствія изыскивать зависимости, когда могу ея избавиться. Не скрывалъ въ то же время сожалѣнія, что должности его обширной и многосложной онъ исправить не въ состояніи.

---

¹⁾ На другой день послѣ Бородинскаго сраженія, главнокомандующій Барклай-де-Толли, самымъ лестнымъ для меня образомъ одобрилъ дѣйствія мои въ сраженіи, бывши ближайшимъ свидѣтелемъ ихъ, и говоря о многихъ обстоятельствахъ, сказалъ мнѣ: „Вчера я искалъ смерти и не нашелъ ея“. Имѣвши много случаевъ узнать твердый характеръ его и чрезвычайное терпѣніе, я съ удивленіемъ видѣлъ слезы на глазахъ его, которыя онъ скрыть старался. Сильны должны быть огорченія!

Коновницынъ со врожденною ему хитростію, искусно придавая ей наружность простосердечія, говорилъ всѣмъ, что вопреки его желанія, сколько ни старался онъ уклониться отъ возложенной на него должности, не могъ успѣть въ томъ. Напротивъ, онъ въ восхищеніи былъ отъ назначенія.

До сего доклады фельдмаршалу дѣлалъ я, и приказанія его мною отдаваемы были, но при новомъ вещей порядкѣ, одни только чрезвычайные случаи объяснялъ я ему лично и замѣтилъ, сколько много перемѣнилось прежнее его особенно благосклонное ко мнѣ расположеніе ¹⁾. Пронырствомъ не искалъ я обратить его къ себѣ милости и воспользовался возможностью переѣхать жить въ ближайшую отъ главной квартиры маленькую деревню; къ фельдмаршалу являлся не иначе какъ по его приказанію; съ Коновницынымъ видался не рѣдко, но чаще переписывался, отталкивая порученія его, которыя я не имѣлъ обязанности исполнять, и въ перепискѣ со мною онъ, конечно, не выигрывалъ. Безъ ошибки могу предположить, что онъ вредилъ мнѣ въ тайнѣ и прочнѣе! Природа мало создаетъ людей, у которыхъ наружность всегда спокойная, неразгадываемая. Коновницынъ имѣетъ лицо, на всякаго рода впечатлѣнія одинаково составленное, на которомъ является измѣнническое равнодушіе, улыбка уловляющей простоты, располагающая къ откровенности. Однако не можетъ онъ покорить—чувства завистливости: оно обнаруживается блѣдностію, покрывающею лицо его.

Въ такихъ отношеніяхъ былъ я съ Коновницынымъ, который охладилъ ко мнѣ расположеніе полковника Толя, въ дружбѣ коего доселѣ не имѣлъ я причины сомнѣваться; обоимъ имъ надобно было полное на князя Кутузова вліяніе, и они вмѣстѣ успѣли поселить вражду между нимъ и генераломъ Беннигсеномъ. Уменьшившіяся мои занятія заставили меня повторить рапортъ

---

¹⁾ Въ главную квартиру, при селеніи Красной Пахрѣ, присланъ отъ Государя генераль-адъютантъ князь Волконскій собрать подробныя свѣдѣнія о состояніи армій. Отъ него узналъ я, что, отправляя изъ Петербурга Кутузова къ арміямъ, Государь отдалъ ему подлинныя мои къ нему письма, дабы могъ онъ составить нѣкоторое понятіе о дѣлахъ и обстоятельствахъ до прибытія его на мѣсто. Это истолковало мнѣ совсѣмъ не прежнее расположеніе ко мнѣ Кутузова, сколько, впрочемъ, ни было оно прикрито благовидною, со стороны его, наружностію. Предъ отъѣздомъ своимъ князь Волконскій объявилъ мнѣ, что Государь, желая узнать, отъ чего Москва оставлена безъ выстрѣла, сказала: „Спроси Ермолова: онъ долженъ это знать“. По просьбѣ его я обѣщалъ ему записку, но съ намѣреніемъ уѣхать изъ главной квартиры.

мой объ удаленіи отъ должности, но безъ успѣха; итакъ остался я принадлежащимъ главной квартирѣ, свидѣтелемъ чванства разныхъ лицъ, возникающей знатности, интригъ, пронырства и происковъ.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ партизанами, видно было, что непріятельскій авангардъ, состоящій въ командѣ Неаполитанскаго Короля, Мюрата, до самой Москвы не имѣлъ никакихъ войскъ въ подкрѣпленіе и потому не могъ во-время имѣть помощи. Фельдмаршалъ рѣшился атаковать его. Невозможно было устранить отъ составленія диспозиціи генерала Беннигсена, начальника главнаго штаба всѣхъ дѣйствующихъ армій; не хотѣлось допустить участія въ успѣхѣ, въ чемъ, по превосходству силъ нашихъ, не было сомнѣнія; онъ же, сверхъ того, предлагалъ вести самъ войска, назначенныя къ первой атакѣ. Положеніе мѣста тщательно осмотрѣно. сдѣлана диспозиція; первыя войска, назначенныя къ дѣйствию, выступили изъ лагеря въ ночи на 6 число октября, всѣ прочія 6-го числа, предъ разсвѣтомъ, переправились за рѣчку Нару и были въ готовности. I-й кавалерійскій корпусъ генераль-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, впереди котораго генераль-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ со многими полками донскихъ казаковъ, должны были обходить лѣвый флангъ непріятеля и по возможности дѣйствовать въ тылъ; въ то же самое время на оконечность фланга направлена была атака генераль-лейтенанта Багговута съ II пѣхотнымъ корпусомъ, въ слѣдъ за которымъ шелъ IV корпусъ генераль-лейтенанта графа Остермана-Толстого; резервомъ для нихъ служилъ III корпусъ пѣхотный генераль-адъютанта графа Строгонова; VI корпусъ генерала Дохтурова назначенъ въ центръ; лѣвое крыло, подъ начальствомъ генерала Милорадовича, составлено изъ VII корпуса генерала-лейтенанта Раевского и войскъ, бывшихъ въ авангардѣ. Въ резервѣ были вся гвардія и кирасирскіе полки; фельдмаршалъ при нихъ находился.

Вскорѣ по разсвѣтѣ услышаны были рѣдкіе пушечные выстрѣлы. Непріятель, расположенный спокойно, безъ всякой предосторожности, при внезапномъ ударѣ казаковъ, пришелъ въ замѣшательство и, не допущенный устроиться въ порядокъ, защищался слабо. II корпусъ безъ затрудненія вышелъ изъ лѣсу и ударилъ. Казаки, съ храбрымъ полковникомъ Сысоевымъ, бросились на пушки и взяли нѣсколько орудій. При самомъ началѣ сраженія, изъ первыхъ выстрѣловъ, убитъ ядромъ генераль-лейтенантъ Багговуть ¹⁾, IV кор-

---

¹⁾ Извѣстный блистательною храбростію и предпримчивостію, уважаемый за отлично благородныя его свойства, фельдмаршалъ далъ повелѣніе

пусъ гепераль-лейтенанта графа Остермана, по недостатку распорядительности съ его стороны, не прибылъ во-время къ своему назначенію и въ дѣлѣ почти не участвовалъ. Сраженіе могло кончиться несравненно съ большею для насъ выгодною, но вообще мало было связи въ дѣйствіи войскъ. Фельдмаршалъ, увѣренный въ успѣхѣ, оставался при гвардіи, собственными глазами ничего не видалъ; частные начальники распорядились по произволу. Огромное количество кавалеріи нашей, близко къ центру и на лѣвомъ крылѣ, казалось болѣе собраннымъ для парада, красуясь стройностію болѣе, нежели быстротою движенія. Можно было не допустить непріятеля соединить разсѣянную по частямъ его пѣхоту, обойти и стать на пути его отступленію; ибо между лагеремъ его и лѣсомъ было не малое пространство. Непріятелю дано время собрать войска, свезти съ разныхъ мѣстъ артиллерію, дойти безпрепятственно до лѣсу и пролегающею черезъ него дорогою отступить черезъ селеніе Вороново. Непріятель потерялъ 22 орудія до 2.000 плѣнныхъ, весь обозъ и экипажи Мюрата, короля Неаполитанскаго. Богатые обозы были лакомою приманкою для нашихъ казаковъ: они занялись грабежемъ, перепились и препятствовать непріятелю въ отступленіи не помышляли.

За день предъ симъ непріятель имѣлъ свѣдѣніе о намѣреніи нашемъ сдѣлать нападеніе; войска были въ готовности и строгая повсюду осторожность въ продолженіе всей ночи, но ожиданіе было напрасно. Нынѣшнюю ночь непріятелемъ сдѣлано распоряженіе объ отступленіи артиллеріи и обозамъ дано было повелѣніе; войска собраны на своихъ мѣстахъ. Адъютантъ, присланный съ приказаніемъ къ начальнику артиллеріи, нашедши его спящимъ, не хотѣлъ разбудить его, не зная важности приказанія и, подобно прошедшему дню, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, войска были распущены и отдыхали, и потому наши войска нашли ихъ почти сонными, стражу оплошную, лошадей въ кавалеріи неосѣданныхъ.

дежурному генералу Коновницыну отправиться и, по обзорѣн, что происходитъ, ему донести; мнѣ также приказалъ ѣхать и остаться при дѣйствующихъ войскахъ. Мнѣ встрѣтились случаи, въ которыхъ нашелъ я нужнымъ употребить имя фельдмаршала: видѣлъ, что дѣлалось и что должно быть сдѣлано. Генераль баронъ Беннигсенъ, назначивъ войскамъ праваго крыла цѣль ихъ дѣйствій, не взялъ на себя общихъ распоряженій, полагая, что ими озаботится самъ фельдмаршалъ, которому подробно объяснилъ обстоятельства, лично находившись при атаковавшихъ войскахъ и давши имъ направленіе.

Первое наступательное дѣйствіе арміи нашей въ продолженіе кампаніи весьма ободрило войска наши и противное вліяніе произвело на непріятели, который наказанъ за дерзость стоять противъ насъ съ силами столько слабыми и въ далекомъ разстояніи отъ прочихъ его войскъ.

Съ мѣста сраженія, верхомъ у колеса дрожекъ фельдмаршала, сопровождалъ я его до лагеря, и изъ словъ его легко могъ понять, въ какомъ смыслѣ готовился онъ сдѣлать донесеніе Государю ¹⁾. На другой день, не дожидая рапорта генерала Беннигсена, который, по начертанному имъ плану, предводилъ войска, назначенныя къ атакѣ, и началъ сраженіе, не сказавши ему ничего, отправилъ донесеніе. Съ сего времени непріязнь между ними усилилась. Вѣроятно, не отдано ему должной справедливости и объ насъ, подчиненныхъ его, не упоминается!

Генераль-маіоръ Дороховъ, съ отрядомъ на лѣвомъ крылѣ нашемъ находящійся, донесъ, что занялъ городъ Верею, взялъ штурмомъ устроенный въ немъ редутъ и защищающій его непріятельскій гарнизонъ, и что послѣшавшій къ нему на помощь отрядъ отступилъ.

Партизаны Сеславинъ и Фигнеръ, осмотрѣвши непріятели при селеніи Оминскомъ, обратились къ генераль-маіору Дорохову, прося его съ отрядомъ подкрѣпить ихъ атаку. Обнадеженные имъ, начали они перестрѣлку, но онъ, прибывши одинъ, былъ свидѣтелемъ ихъ неудачи и, по несоразмѣрности средствъ, нѣкоторой потери. Партизанъ Фигнеръ объяснилъ о семъ поступкѣ дежурному генералу Коновницыну, но генераль-маіоръ Дороховъ не только не подвергся замѣчанію, но не надѣясь на позволеніе непосредственно, по собственному распоряженію, овладѣть селомъ Оминскимъ, сдѣлалъ слѣдующее представленіе, 9-го числа октября, что непріятель занимаетъ село Оминское, деревню Котово, и небольшая часть силъ его расположена около города Боровска, что повсюду его не

---

¹⁾ Разговоръ его со мною начинался выраженіемъ „голубчикъ“, особенно, когда намѣревался онъ не высказать настоящей мысли своей, и только по различной степени, всегда, впрочемъ, смягчаемаго звука голоса, можно было ожидать болѣе или менѣе притворства. Было уже темно, сокрыта игра его фізіономіи и овъ свободнѣе. „Какой даль Богъ славный намъ день! Непріятель потерялъ ужасно. Взято много пушекъ и, говорятъ, по лѣсамъ разбросано ихъ много; а плѣнныхъ—толпами ихъ гонять! Надобно собрать точныя свѣдѣнія“. Пушки всѣ и плѣнныхъ я видѣлъ. Непріятель не былъ тѣснимъ въ отступленіи и не былъ въ положеніи бросать пушки. Выслушавши рассказъ, я не обманусь, заключая, что донесеніе будетъ не безъ украшеній.

болѣе восьми тысячъ человѣкъ, и что онъ разобьетъ его, если къ отряду его прибавлено будетъ два полка пѣхоты съ артиллеріею. По дружественному расположенію, генераль Коновницынъ, готовый исполнить его желаніе, доложилъ фельдмаршалу, но всегда осторожный, онъ разсудилъ за благо поручить исполненіе генералу-отъ-инфантеріи Дохтурову. Съ нимъ назначенъ VI пѣхотный корпусъ, 1-й кавалерійскій корпусъ генераль-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, рота конной артиллеріи полковника Никитина и нѣсколько казачьихъ полковъ. Мнѣ приказано находиться при генералѣ Дохтуровѣ ¹⁾.

Партизаны Сеславинъ и Фигнеръ отправлены прежде осмотрѣть, нѣтъ ли непріятели близко къ селу Оминскому, который могъ бы прійти на помощь.

Войска выступили 10 числа октября. Мелкій осенній дождь портилъ очевидно худую проселочную дорогу. Труденъ былъ переходъ, движеніе замедляла батарейная артиллерія, безпрестранно вытаскиваемая пѣхотою изъ грязи. Генераль согласился на предложеніе мое оставить ее подъ небольшимъ прикрытіемъ, впредь до назначенія, куда ей слѣдовать. Легкая артиллерія при войскахъ была въ огромномъ количествѣ.

Присоединившійся съ своимъ отрядомъ, генераль-маіоръ Дороховъ донесъ, что непріятель, въ числѣ двухъ тысячъ пѣхоты, отъ города Боровска преслѣдуетъ войска донского подполковника Власова съ тремя казачьими полками. Около деревни Котова бивуакъ на четыре тысячи человѣкъ. Близъ села Оминскаго лагерь въ лѣсу, почему невозможно опредѣлить силъ; ночью видны огни, у моста чрезъ Нару стоятъ батареи.

Не доходя до селенія Котова, войска расположились на ночлегъ такъ, чтобы, на разсвѣтѣ взявши его, атаковать тотчасъ село Оминское. Всѣмъ войскамъ запрещено разводить огни, чтобы зарево не обнаружило близкое ихъ пребываніе. 1-й кавалерійскій корпусъ и всѣ казачьи полки остановились впереди. Я былъ съ генераль-адъютантомъ барономъ Меллеромъ.

Давно прошла полночь и сближалось время двинуть войска. Не было извѣстія отъ партизановъ, которые должны были отыскать меня. Вскорѣ услышанъ топотъ лошадей по грязной равнинѣ. На окликъ часового отозвался Сеславинъ. Совсѣмъ неожиданны были

¹⁾ Фельдмаршалъ, призвавши меня, встрѣтилъ обыкновеннымъ, ничего не значущимъ, привѣтствіемъ, „голубчикъ“; говорилъ, что желаетъ очень овладѣть селомъ Оминскимъ, и заключилъ словами: „Ты пойдешь съ Дохтуровымъ; я буду покоенъ; увѣдомляй чаще о томъ, что будетъ!“

доставленные имъ извѣстія, измѣнившія планъ всѣхъ вообще дѣйствій нашей арміи.

Въ четырехъ верстахъ не доходя села Ооминскаго, укрывшись въ лѣсу близъ дороги, Сеславинъ видѣлъ Наполеона съ огромною его свитою, за нимъ его гвардію и другія многочисленныя войска. Пропустивши ихъ, схватилъ нѣсколько плѣнныхъ и расторопнѣйшаго изъ нихъ, гвардейскаго унтеръ-офицера, привезъ съ собою, который показалъ слѣдующее: „Уже четыре дня, какъ мы оставили Москву. Маршалъ Мортъе, съ его отрядомъ, по взорваніи Кремлевскихъ стѣнъ, присоединится къ арміи. Тяжелая артиллерія, кавалерія, потерявшая лошадей, и всѣ излишнія тяжести отправлены по Можайской дорогѣ, подъ прикрытіемъ корпуса польскихъ войскъ, въ командѣ генерала князя Понятовскаго. Завтра главная квартира императора въ городѣ Боровскѣ. Далѣе направленіе на Малоярославецъ“.

Немедленно доложено о томъ генералу Дохтурову, и тогда же дежурный штабъ-офицеръ корпуса отправленъ имъ съ донесеніемъ къ фельдмаршалу, спокойно пребывающему въ Тарутинѣ. Онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ генераль-адъютанта барона Винценгероде, находящагося съ отрядомъ въ окрестностяхъ Москвы.

Если бы партизанъ Сеславинъ не могъ предупредить благовременно, VI пѣхотный корпусъ и прочія съ нимъ войска, при атакѣ села Ооминскаго, понесли бы неизбежно сильное пораженіе, и былъ бы Малоярославецъ безпрепятственно занятъ непріателемъ.

Весьма благосклонно принялъ генераль Дохтуровъ мое представленіе: вмѣстѣ съ разсвѣтомъ слѣдовать обратно и, присоединивъ оставленную батарейную артиллерію, поспѣшить въ Малоярославецъ. Согласился также, чтобы генераль баронъ Меллеръ, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, конно-артиллерійскою ротою полковника Никитина и казачьими полками, произвелъ обзрѣніе къ сторонѣ Боровска и потомъ возвратился къ корпусу. Я отправился съ нимъ.

Туманно было утро, и не рано начали проясняться предметы. Мы увидѣли Боровскъ, окрестности его, занятыя войсками и артиллеріею въ большихъ силахъ; часть пѣхоты, вышедшую изъ города по почтовой дорогѣ; по рѣчкѣ Протвѣ, во многихъ мѣстахъ, конные пикеты, которые тотчасъ сбиты, но, подкрѣпленные скрытыми въ лѣсу резервами, усилили перестрѣлку. Генераль баронъ Меллеръ, хотя и не желалъ, по краткости дня, завязать дѣло, принужденъ былъ, однако же, послать часть войскъ и половину конно-артиллерійской роты. Проскакавши съ версту молодымъ березникомъ, еще сохранившимъ листь, представилась намъ не вдалькѣ

почтовая изъ Боровска дорога и на ней бивуакъ арміи Италіянскаго вице-короля Евгенія и французскій корпусъ маршала Даву. Не теряя времени, возвратились мы на лѣвый берегъ рѣчки Протвы. Войска Донскаго храбраго Сысоева полка, избранному расторопному офицеру приказаль я съ нѣсколькими казаками непріятельскимъ берегомъ доѣхать до Малоярославца, узнать, что происходитъ въ городѣ, и ночью отыскать насъ на возвратномъ пути къ генералу Дохтурову. Гораздо за полночь догналъ онъ насъ и донесъ, что мостъ черезъ рѣчку Лужу, у самаго Малоярославца, разобранъ жителями, съ которыми онъ переговаривался чрезъ рѣчку. Отъ атамана Платова присланъ въ городъ разъѣздъ казаковъ. У моста стоятъ три баталіона непріятельской пѣхоты. Въ девять часовъ утра городничій и другіе гражданскіе чиновники были при своихъ мѣстахъ, но вскорѣ потомъ удалились, и въ городѣ большое смятеніе.

Прошедши всю ночь, съ краткими для отдохновенія привалами, рано по утру соединились мы съ VI корпусомъ ¹⁾. Онъ расположенъ былъ близъ города, на дорогѣ въ Калугу. Съ лѣваго же фланга стоящей батареей артиллеріи дѣйствіе направлено было на мостъ, который непріятель всячески старался исправить.

Первый полкъ, присланный генераломъ Дохтуровымъ, былъ 33-й егерскій. Долго противился онъ, выгодно расположенный на вершинѣ крутого отъ рѣчки подъема, но часть города, прилежащая къ мосту оставалась постоянно въ рукахъ непріятели, и онъ успѣлъ, по набросаннымъ кладкамъ, перевезти въ городъ два орудія. Войска его умножались и начинали вступать въ улицы. Противолежащій берегъ покрылся войсками вице-короля Италіянскаго.

Въ помощь 33-му егерскому присланы, подъ командою полковника Вуича, 6 и 19-й егерскіе полки. Генералъ Дохтуровъ войска, находящіяся въ городѣ, поручилъ въ мое распоряженіе. Неустрашимо защищались они, но, преодолевая превосходствомъ, должны были отступить и, тѣснимые, съ трудомъ вывезли мы нашу артиллерію, и нашихъ не было уже въ городѣ. Непріятель занималъ крайнюю черту его, при ограниченномъ числѣ артиллеріи.

Въ это время, противъ праваго фланга нашего лагеря, появилась пѣхота, вѣроятно, высланная для обозрѣнія силъ нашихъ и расположенія ихъ: ибо въ короткое время, дѣйствіемъ батарей на-

---

¹⁾ Съ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ служили мы вмѣстѣ, въ однихъ чинахъ, прежде отечественной войны, въ дивизіи свѣтлѣйшаго князя Суворова, утонувшаго въ Рымникѣ, всегда хорошими пріятелями, теперь дѣйствуемъ мы единомышленно.

шихъ, понуждена возвратиться въ городъ. По приказанію генерала Дохтурова, съ неимоверною быстротою явились ко мнѣ пѣхотные полки Либавскій и Софійскій. Каждый полкъ особенно приказалъ я построить въ полковыя колонны, лично подтвердилъ нижнимъ чинамъ не заряжать ружья и безъ крику „ура!“ ударить въ штыки. Генераль-маіору Талызину назначилъ вести Либавскій полкъ; съ Софійскимъ послалъ полковника Халяпина. Вмѣстѣ съ ними пошли всѣ егерскіе полки. Атакѣ ихъ предшествовала весьма сильная канонада съ нашей стороны. Съ большимъ урономъ сбитый непріятель оставилъ намъ довольное пространство города, въ серединѣ котораго храбрый полковникъ Никитинъ ¹⁾ занялъ возвышенность, гдѣ было кладбище, и на ней поставилъ батарейныя орудія. Долго непріятель не могъ употребить противъ насъ равнаго количества артиллеріи, вѣроятно, остерегаясь подвергнуться опасности, по затрудненію, въ случаѣ отступленія.

Прошло уже за половину дня. Большія массы войскъ французской арміи приблизились къ городу и расположились за рѣчкою Лужею; умножилась артиллерія, и атаки сдѣлались упорнѣе. Я приказалъ войти въ городъ Вильманстрандскому пѣхотному и 2-му егерскому полкамъ, составлявшимъ резервъ. Они способствовали намъ удержаться, но уже не въ прежнемъ выгодномъ расположеніи, и часть артиллеріи я приказалъ вывезти изъ города.

Испросивши позволеніе генерала Дохтурова, я поручилъ генераль-адъютанту графу Орлову-Денисову, отъ имени моего, донести фельдмаршалу во всей подробности о положеніи дѣлъ нашихъ и о необходимости ускорить движеніе арміи, или городъ впадетъ во власть непріятели. Армія стояла на рѣкѣ Протвѣ, у села Спасскаго. Неприятнымъ могло казаться объясненіе мое фельдмаршалу, когда свидѣтелями были многіе изъ генераловъ. Онъ отправилъ обратно графа Орлова-Денисова безъ всякаго приказанія.

Не съ большою благосклонностію принять былъ вторично посланный отъ меня (также многіе изъ генераловъ находились при фельдмаршалѣ), и съ настойчивостію объясненная потребность въ скорѣйшемъ присутствіи арміи могла имѣть видъ нѣкотораго замѣчанія, или упрека. Онъ съ негодованіемъ плюнулъ такъ близко къ стоявшему противъ него посланному, что тотъ досталъ изъ карма-

---

¹⁾ Состоявшіе въ распоряженіи его мои адъютанты: гвардіи поручикъ фонъ-Визинъ, на передовыхъ постахъ наблюдалъ за движеніями непріятели; артиллеріи поручикъ Поздѣвъ, сидя на ближайшей колокольнѣ, направлялъ дѣйствіе батареи на колонны, которыя, закрываемы будучи рядами домовъ, подвигались въ улицахъ.

на платокъ, и замѣчено, что лицо его имѣло болѣе въ немъ надобности.

Не бесполезною, однако же, оказалась употребленная мною настойчивость, ибо къ тремъ часамъ прибылъ генералъ-лейтенантъ Раевскій съ своимъ корпусомъ ¹⁾. Занявши съ праваго фланга довольно большую часть города и устроивъ свои резервы, онъ далъ возможность войскамъ, прежде тамъ бывшимъ, подвинуться впередъ.

Прежде вечера прибылъ фельдмаршалъ съ арміею ²⁾, которая заняла позицію по обѣимъ сторонамъ дороги, идущей въ Калугу, по возвышенностямъ, въ двухъ верстахъ съ половиною отъ города. Приказалъ генералъ-лейтенанту Бороздину 1-му вступить съ корпусомъ въ городъ, смѣнить утомленные полки, съ самаго начала сраженія защищавшіе городъ, послѣ чего и я не возвращался уже туда; приказалъ также, на ближайшей отъ черты города пушечный выстрѣлъ, строить нѣсколько редутовъ и тотчасъ приступить къ работамъ.

Съ величайшимъ упорствомъ дрались французы, и въ особенности тѣснимый корпусъ генерала Бороздина не могъ уже противостоятъ. Мѣсто его заняли свѣжія войска въ значительныхъ силахъ. Окончательно введены гренадерскіе полки, и почти до полуночи продолжалась жесточайшая борьба. Войсками распоряжался дежурный генералъ Коновницынъ, съ обычною его неустрашимостью

¹⁾ Давно уже былъ онъ близко къ Малоярославцу; но корпусъ его не иначе могъ выступить, какъ по собственному повелѣнію фельдмаршала; я видѣлъ его, какъ любопытнаго зрителя, прїѣзжавшаго прежде, и отъ него я зналъ, что корпусъ его не въ дальнемъ разстояніи.

²⁾ Генералъ Дохтуровъ, изъ доставленныхъ извѣстій партизаномъ Сеславинимъ усмотрѣвъ невозможность атаковать село Томинское, 11-го числа октября отправился обратно, чтобы поспѣшиѣе прибыть къ Малоярославцу. Донесеніе о томъ получилъ фельдмаршалъ рано утромъ того же 11-го числа.

Если бы немедленно выступившей изъ Тарутина арміи приказано было ускорить движеніе и не останавливаться въ селѣ Спасскомъ на рѣкѣ Протвѣ, она пришла бы къ Малоярославцу по крайней мѣрѣ три часа ранѣе, заняла бы ту же позицію на дорогѣ въ Калугу. Не надлежало приступать къ устроенію редутовъ, которые казались всѣмъ неумѣстными, и не только не умножать въ большомъ количествѣ свѣжія войска, для удержанія за собою города, напротивъ, полезно было вывести тѣ, которыхъ необходима была упорная защита до прибытія арміи. Это сократило бы потерю не одной тысячи человекъ, и доказывається тѣмъ, что Наполеонъ, имѣвши во власти городъ, видѣвши удаленіе арміи нашей, ничего предпринять не рѣшился, и ясно видно было, что не существовало ни малѣйшихъ прїуготовленій къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

и изъ послѣднихъ оставилъ городъ. Овладевъшій имъ непріятель, въ крайней чертѣ его (въ опушкѣ) расположилъ артиллерію и въ продолженіе ночи ничего не предпринялъ!

13-го числа октября, поутру армія занимала ту же позицію. Атаманъ генералъ Платовъ, собравши на оконечности лѣваго нашего крыла большое количество Донскихъ войскъ, перешелъ рѣчку Лужу и ударилъ на непріятельскую конницу. Внезапное нападеніе произвело большой безпорядокъ и смятеніе. Казаки взяли плѣнныхъ, тринадцать пушекъ и одно знамя. Отступили тогда, какъ большія массы войскъ обратились на нихъ. При семъ случаѣ понесъ огромную потерю уланскій полкъ польской гвардіи.

Атаманъ Платовъ оставилъ нѣсколько полковъ, приказавши имъ находиться и по возможности дѣйствовать въ тылу непріятельской арміи.

По приказанію фельдмаршала, взятые пушки и знамя провезены по лагерю, для показанія войскамъ.

Призвавши меня, князь Кутузовъ сказалъ о намѣреніи его отойти съ арміею по направленію на Калугу. Стараясь убѣдить его остаться въ позиціи, если не весь день, по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ, я долженъ былъ войти въ подробности и говорилъ, что съ самаго начала дня не умножена артиллерія въ опушкѣ города, ничто не обнаруживаетъ приуготовленій къ дѣйствіямъ наступательнымъ. Не отъ Наполеона можно ожидать безразсудной рѣшительности атаковать нашу армію въ ея выгодной позиціи, имѣя въ виду городъ, въ маломъ числѣ тѣсныя улицы, повсюду неудобные къ рѣчкѣ спуски, пагубные, въ случаѣ отступленія, мосты подъ нашими выстрѣлами. Армія наша превосходила въ силахъ, особенно послѣ отпращиванія на Можайскъ польской арміи и большаго числа тяжелой артиллеріи¹⁾. Кавалерія наша свѣжая и въ хорошемъ состояніи; у непріятели большой въ ней недостатокъ. Можно было подозрѣвать, что городъ занятъ однимъ авангардомъ, ибо главныя массы обозрѣны были за рѣчкою Лужею. Фельдмаршалъ настаивалъ доказать выгоду отступленія арміи. Меня спросилъ онъ, какъ я думаю. Я допускалъ движеніе арміи, но только на малое разстояніе, по направленію на Медынь. „Какъ можно это, въ виду непріятели?“ Я отвѣчалъ, что Платовъ взялъ пушки на той сторонѣ рѣчки Лужи. „Я люблю говорить съ тобою, ибо никогда обстоятельства не представляются

¹⁾ Вскорѣ изъ показанія плѣнныхъ объяснилось, что князь Понятовскій съ польскою арміею и малымъ весьма числомъ кавалеріи находится при Наполеонѣ, но что вся прочая, вмѣстѣ съ французскою и всѣхъ другихъ союзниковъ конницею, отправлена сѣшенная изъ Москвы чрезъ Можайскъ.

тебѣ въ худомъ видѣ“. Таковыми, конечно, казались они всякому. Я увѣренъ, что Кутузовъ не ожидалъ атаки со стороны Наполеона, не противорѣчилъ разсужденію моему, что недостаточно цѣлаго дня, чтобы продвинуть черезъ городъ всю армію съ ея артиллеріею, и необходимо имѣть пространство, гдѣ бы расположить ее въ какомъ-либо предварительномъ порядкѣ. Со всѣмъ тѣмъ армія на одинъ переходъ отошла по Калужской дорогѣ, гдѣ уже находился Кутузовъ 14-го числа октября, при самомъ началѣ дня. Оставленъ арріергардъ подъ начальствомъ генерала Милорадовича, составленный изъ II-го пѣхотнаго корпуса, бывшего генерала Багговута; IV-го пѣхотнаго корпуса графа Остермана; кавалерійскаго корпуса генераль-адъютанта барона Корфа, и нѣсколькихъ Донскихъ полковъ съ генераль-маіоромъ Карповымъ.

14-го числа октября, предъ полуднемъ, высланъ изъ города небольшой отрядъ пѣхоты; бывшая при немъ артиллерія перестрѣливалась съ артиллеріею передовыхъ постовъ нашего арріергарда. Прочія войска не приняли въ томъ участія, и день кончился безъ послѣдствій ¹⁾).

Ночью уже возвратился я въ главную квартиру и, отогрѣваясь въ своей избѣ, не имѣлъ нужды быть у фельдмаршала. Вдругъ неожиданно требуетъ онъ меня къ себѣ. Первые слова его: „Милорадовичъ доноситъ, что непріателемъ оставленъ Малоярославецъ и занятъ нашими войсками. Наполеонъ съ арміею въ пяти верстахъ за городомъ“. Съ покорностію изъявилъ я ему, что безъ вниманія оставлена просьба моя не отдалять арміи къ Калугѣ. Фельдмаршалъ продолжалъ: „Непріателя наблюдаютъ одни передовые казачьи посты. Милорадовичъ приказалъ генераль-адъютанту барону Корфу съ кавалерійскимъ корпусомъ и донскими полками генерала Карпова слѣдовать за непріателемъ, по исправленіи мостовъ чрезъ рѣчку Лужу, въ самомъ городѣ обоимъ пѣхотнымъ корпусамъ не сдѣлалъ назначенія. Отправляйся теперь же къ Милорадовичу, собери всѣ свѣдѣнія и извѣстія, назначь приличное направленіе войскамъ, и Милорадовичу объяви на то мое повелѣніе. Миѣ обо всемъ давай знать подробно. Впредь до особеннаго приказанія оставайся у Милорадовича! Ты знаешь, голубчикъ, что въ рапортѣ не все можно писать, и потому увѣдомляй меня просто

¹⁾ Одинъ изъ генераловъ, командующій дивизіею, давалъ обѣдъ корпусному своему командиру, графу Остерману, гдѣ я находился также. На открытомъ мѣстѣ, воздухъ чрезвычайно свѣжій, не противился нѣкоторому умноженію тостовъ. Не рано кончилась бесѣда, и я, сѣвши въ телѣгу, приказалъ везти себя шагомъ, чтобы отдохнуть и даже уснуть немного, и спокойно отправился въ главную квартиру.

записками! Движеніе арміи я буду согласовать съ дѣйствіями авангарда.“ Отправляясь, я доложилъ фельдмаршалу, что, какъ уже объяснилось рѣшительное отступленіе Наполеона, то полезно усилить авангардъ, и выпросилъ генераль-маіора Паскевича, извѣстнаго храбростію, съ командуемою имъ 26-ю пѣхотною дивизіею, и ему приказано тотчасъ слѣдовать. Милорадовича нашелъ я въ Малоярославцѣ и за ужиномъ у барона Корфа веселую бесѣду. Много оставалось еще ночи, и въ расположеніи войскъ не было никакой перемѣны. На томъ же мѣстѣ стоялъ лагерь Наполеона, вѣроятно, давая время собраться разбросаннымъ въ разныя стороны отрядамъ. Извѣстія отъ окрестныхъ жителей противорѣчили одни другимъ. Слышно было, что большія силы замѣчены къ сторонѣ Боровска и Вереи. Я объявилъ волю фельдмаршала, чтобы съ разсвѣтомъ II и IV пѣхотные корпуса выступили по направленію въ городъ Медынь. Съ началомъ дня кавалерійскій корпусъ, съ нимъ генераль баронъ Корфъ и всѣ донскіе полки были въ виду непріятеля. Наполеонъ продолжалъ отступленіе, далеко въ правой сторонѣ оставляя городъ Верею, но точнаго направленія не легко было угадать. Не дошедши до Медыни, я получилъ свѣдѣнія, что атаманъ Платовъ преслѣдуетъ непріятеля, взялъ уже флангъ его, что посланный отъ него съ частію казаковъ генераль-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ нанесъ совершенное пораженіе выступившему изъ Медыни отряду польскихъ войскъ.

Генераль Милорадовичъ, ускоривъ движеніе свое, прошелъ чрезъ село Одоевское, село Кременское на рѣчкѣ Лужѣ и село Георгіевское, мѣстами спокойными, гдѣ жители не оставляли домовъ своихъ, и намъ ни въ чемъ не было недостатка.

Атаманъ Платовъ между тѣмъ, близъ Колоцкаго монастыря, на дорогѣ отъ Можайска въ Гжатскъ, отнялъ двадцать пять орудій безъ большихъ усилій; во множествѣ плѣнные доставались ежедневно; всякаго рода недостатки обнаруживали худое состояніе поспѣшно отступающей французской арміи. Преслѣдуя до Гжатска, Платовъ сближался съ авангардомъ Милорадовича, который доходилъ до села Никольскаго, на дорогѣ отъ Гжатска до Юхнова. Здѣсь установлено между нами сношеніе. Изъ села Георгіевскаго писалъ я фельдмаршалу, что армія можетъ сократить путь и прямо идти на городъ Вязму, будучи совершенно закрытою авангардомъ. Онъ взялъ предложенное мною направленіе, но ничего не отвѣчалъ, и мы знали только, что армія изъ лагеря при селѣ Дичинѣ пошла на Медынь. По извѣстіямъ атамана Платова и по показаніямъ плѣнныхъ подтверждалось, что Наполеонъ, сопровождаемый своею гвардіею, идетъ впереди на цѣлыя сутки; три корпуса его

арміи вмѣстѣ, но въ величайшемъ безпорядкѣ. Начальствующій ими Евгений, вице-король Италіанскій, видя всегда однихъ казаковъ, не подозрѣваетъ, чтобы на лѣвомъ флангѣ его могла быть пѣхота наша въ значительныхъ силахъ, скрытно наблюдавшая его въ близкомъ разстояніи отъ большой дороги. Недостатокъ кавалеріи у французовъ лишилъ ихъ возможности обозрѣвать окрестности.

Основательно заключалъ генералъ Милорадовичъ, что, отрѣзавъ у непріятеля единственную дорогу, стать съ однимъ авангардомъ противъ всей арміи было небезопасно: онъ рѣшился идти къ селенію Царево Займище, гдѣ хорошо извѣстное намъ мѣстоположеніе представляло намъ большія выгоды. На послѣднемъ переходѣ къ селенію, особенно подтверждено было начальникамъ идущихъ въ головѣ войскъ, чтобы мѣсто ночлега ихъ скрыто было непременно; воспрещены были огни на бивуакѣ. Никогда не было болѣе необходимо присутствіе при нихъ самого Милорадовича, но вотъ что произошло.

При Милорадовичѣ находился отлично способный и храбрый полковникъ Потемкинъ, нѣчто въ родѣ начальника штаба. Въ этотъ день на переходѣ давалъ онъ обѣдъ Милорадовичу; восхваляемъ былъ искусный его поварь; не безъ вниманія смотрѣли на щеголеватый фургонъ, въ которомъ хранился фарфоровый сервизъ и во множествѣ разные лакомые припасы. Было мѣсто и для шампанскаго. Полки проходили съ пѣснями и кричали „ура!“ Коротокъ былъ день, и ночлегъ не близокъ. Не доѣхавши еще до него, услышали мы ружейные выстрѣлы. Поспѣшно прискакавши, мы нашли сильную уже перестрѣлку. Начальникъ 4-й пѣхотной дивизіи, принцъ Евгений Виртембергскій, вопреки распоряженію, не только не старался скрыть пребыванія своего, но такъ близко къ дорогѣ, по которой безпечно проходилъ непріятель, подвинулъ посты свои, что онъ долженъ былъ взять предосторожности, выслать стрѣлковъ и составленныя съ поспѣшностію массы въ особенномъ устройствѣ. Безразсудное дѣйствіе принца Евгенія, любимаго войсками, неустрашимаго, но мало способнаго къ соображеніямъ, хотя нѣсколько сложнымъ, поставило въ необходимость графа Остермана подкрѣпить его IV-мъ корпусомъ и всѣмъ прочимъ войскамъ приказать быть въ готовности. Непріятель, пользуясь темнотою продолжительной ночи, и не остановясь на ночлегъ, съ поспѣшностію продолжалъ движеніе, и мы лишились случая нанести ему сильное пораженіе. Генералъ Милорадовичъ, человекъ при дворѣ ловкій, сообразивъ, что принцъ Евгений принадлежалъ царскому нашему дому, былъ къ нему весьма снисходительнымъ. Я, объяснивъ ему важность послѣдствій неисполненнаго распоряженія, сообщилъ, что

въ званіи моемъ я обязанъ донести обо всемъ фельдмаршалу, и увѣренъ былъ, что принцъ почиталъ его несравненно превосходящимъ ловкостію генерала Милорадовича.

Если бы непріятель не былъ встревоженъ неожиданнымъ нашимъ появленіемъ, онъ расположился бы на ночлегъ, и на другой день былъ бы атакованъ на маршѣ. Авангардъ могъ напасть на часть войскъ, соразмѣрную своимъ силамъ, и ее уничтожить.

Выступивши рано на другой день, мы нашли за селомъ Царево Займище весьма длинное дефіле, состоящее изъ высокой насыпи, по которой пролежала вязкая дорога, обсаженная огромными тополями. Видно было, какія представляла она затрудненія проходившему ночью непріятелю. Во многихъ мѣстахъ оставлены въ грязи тяжелыя орудія, фуры съ зарядами и обозы, или сброшены съ дороги, чтобы не препятствовали послѣдующимъ. Не менѣе двухъ часовъ употребили мы, чтобы авангардъ продвинуть чрезъ дефіле.

Послѣ записки моей фельдмаршалу, посланной изъ села Георгіевскаго, послалъ я другую, прося убѣдительно прійти съ арміею къ городу Вязьмѣ 22-го октября. Теперь, какъ видно, я вполне оправданъ самими обстоятельствами, и, конечно, не иначе можемъ мы встрѣтить сопротивленіе, какъ приближаясь къ Вязьмѣ. Отъ имени фельдмаршала получилъ я письмо полковника Толя, въ которомъ чувствительно было негодованіе за настойчивость моихъ представленій, и что князь, конечно, предупредилъ бы самъ такимъ распоряженіемъ, если бы чаще извѣщаемъ былъ о дѣйствіяхъ авангарда, и сообщилъ, что армія прибудетъ 21-го числа октября въ окрестности города Вязьмы.

Генераль Милорадовичъ получилъ повелѣніе фельдмаршала 26-ю пѣхотную дивизію съ генераль-маіоромъ Паскевичемъ ¹⁾ и три кавалерійскіе полка отправить къ войскамъ атамана Платова, дѣйствующимъ по большой дорогѣ. Онъ желалъ ²⁾, чтобы я былъ съ нимъ, и 22-го числа я переѣхалъ къ нему.

¹⁾ Дивизія тогда находилась еще въ слѣдованіи къ авангарду.

²⁾ Я готовъ былъ сдѣлать это по собственному побужденію, находя нужду въ отдохновеніи отъ безпорядковъ, какихъ не видывалъ я въ жизни моей, и съ которыми Милорадовичъ не могъ разлучиться на одну минуту. Въ ежедневной дислокаціи войскъ авангарда назначалась его квартира, и ни одного разу онъ въ ней не находился. Посылаемые за приказаніями офицеры, сталкиваясь по дорогамъ, его отыскивали. Въ квартирѣ Милорадовича помѣщался графъ Остерманъ, и я вмѣстѣ съ нимъ. Пробуждаясь не рѣдко ранѣ ихъ, въ той же избѣ, подъ ихъ глазами, писалъ Милорадовичу, сообщалъ распоряженія фельдмаршала, никакихъ отъ него не получая, и которыя, безъ сомнѣнія, присвоить себѣ его окружающіе.

Непріятель во весь день отступалъ поспѣшно, слабо защищаясь, и атаманъ Платовъ имѣлъ ночлегъ въ 27 верстахъ отъ города Вязьмы. Извѣстно было отъ плѣнныхъ, что непріятель намѣревался удерживать городъ, и что Наполеонъ впереди на разстояніи небольшого перехода. Милорадовичъ и Платовъ, желая вознаградить потерянные труды четырехъ переходовъ вѣрнымъ успѣхомъ при селеніи Царево Займище, не могли имъ воспользоваться, и потому назавтра, 22-го октября, условились дѣйствовать всѣми силами соединенно. Авангардъ, проселочною дорогою ускоривъ движеніе, долженъ быть въ готовности атаковать правый флангъ непріятеля, когда, отступая, придетъ онъ къ селу Федоровскому. Платовъ тотъ день началъ преслѣдовать позже обыкновеннаго, рассчитывая, что авангардъ не прежде одиннадцати часовъ можетъ прійти къ назначенному мѣсту, отправилъ два отряда казаковъ съ артиллеріею, и при нихъ генераль-маіоровъ Иловайскаго 5-го и Кутейникова. Изъ 26 пѣхотной дивизіи, бывшей еще въ нѣкоторомъ отдаленіи, посадивъ на конь 300 человекъ 5-го егерскаго полка, приказалъ прибыть поспѣшнѣе и самъ выступилъ съ ночлега въ семь часовъ. Непріятель показалъ арріергардъ слабый. Въ девять часовъ слышна была съ лѣвой стороны канонада, предполагаемая противъ отрядовъ Иловайскаго и Кутейникова, но вскорѣ они присоединились и извѣстили, что непріятель въ большихъ силахъ удерживаетъ движеніе авангарда. Прибыли посаженные на конь егеря, и съ необычайною скоростію приближался генераль-маіоръ Паскевичъ съ дивизіею. Атаманъ Платовъ поручилъ въ распоряженіе мое регулярныя войска, придавъ имъ нѣсколько казачьихъ полковъ. Непріятель упорно защищалъ выгодную возвышенность, умножилъ на ней силы. Я подвинулъ прибывшіе съ полковникомъ княземъ Вадбольскимъ кавалерійскіе полки, и началась канонада. Курляндскій драгунскій полкъ ударилъ на приближавшуюся пѣхоту и, не взирая на картечный огонь, разсѣялъ съ большимъ ея урономъ. Но полки наши не только отгѣснены были, но и самой батареѣ было угрожаемо. Въ это самое время прибѣжали полки 26 пѣхотной дивизіи, возстановили порядокъ и непріятеля весьма усилившагося отразили. Авангардъ Милорадовича, встрѣчая менѣе сопротивленія, подвинулся впередъ. Донскіе полки съ частію артиллеріи посланы обойти собравшуюся не въ большой массѣ непріятельскую конницу съ праваго ея фланга. Она не допустила атаки нашей кавалеріи, поддерживаема будучи сильною пѣхотою. Одну изъ ея колоннъ храбро атаковалъ и опрокинулъ Каргопольскій драгунскій полкъ. Войска атамана Платова вошли въ связь съ войсками авангарда, по всей линіи загорѣлась сильная канонада, и непріятель, упорно сопротивляясь, отступилъ

во всѣхъ пунктахъ, направляясь на лежащую не далеко гораздо лучшую позицію, сосредоточивъ свои силы. Сократилась и наша линія. Происходили между частей войскъ удачныя и не вполне успѣшныя схватки. Казалось намъ всѣмъ, по времени, клонящемуся къ вечеру, по силамъ непріятеля, что, вспомооществуемый выгодною мѣстоположеніемъ, онъ удержится до ночи и займетъ городъ для удобнѣйшаго отступленія. Но совершенно удивлены мы были, увидѣвъ, что, по мѣрѣ приближенія нашего, непріятель оставлялъ позицію. Быстро преслѣдовали войска наши, умножая на каждомъ шагу замѣшательство въ полкахъ непріятельскихъ и, не останавливаясь на лежащей предъ городомъ равнинѣ, соединился весь авангардъ генерала Милорадовича. Сильно занята была опушка города, и нѣкоторое время одна артиллерія была въ дѣйствиіи. На конечности праваго нашего крыла войска донскія съ ихъ артиллеріею находились подъ личнымъ предводительствомъ атамана. Намъ извѣстно было, что фельдмаршалъ стоялъ съ арміею въ близкомъ разстояніи, но съ мѣста не двигался. Но въ продолженіе канонады нашей прибыла кирасирская дивизія съ гвардейскою конною артиллеріею и открыла батареи свои съ малымъ весьма вредомъ непріятелю, который примѣтно уменьшилъ принятыя имъ въ началѣ предосторожности, увидѣвъ одну только кавалерію. Командующій генераль-адъютантъ Уваровъ благоразумно избѣгалъ бесполезной потери въ лучшихъ полкахъ арміи, кавалергардскомъ и конной гвардіи. Тогда видѣлъ я генерала Беннигсена, который говорилъ мнѣ, что армія наша не далеко, что онъ здѣсь любопытнымъ зрителемъ происшествій. Въ то же время пріѣзжалъ Коновницынъ, но, въ званіи дежурнаго генерала, ни во что не вмѣшивался. Становилось уже темно, и генераль Беннигсенъ, чувствуя холодъ, сказалъ, что отогрѣется чаемъ въ Главной квартирѣ.

Замѣчено, что слабѣе охраняема опушка города, и рѣшена общая атака по всей линіи. Со стороны авангарда назначенъ г. Милорадовичемъ начальникъ 11-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ Чоголковъ, и полки Перновскій и Кексгольмскій ударили въ штыки и вошли въ городъ. Встрѣтившая ихъ колонна гренадеръ италіянской арміи поражена и преслѣдована въ городъ. Въ то же самое время и въ ближайшую улицу, изъ войскъ, порученныхъ аманомъ въ мое распоряженіе, генераль-маіоръ Паскевичъ съ 26 дивизіею, штыками открылъ себѣ путь по тѣламъ противоставшаго непріятеля, и, минуты не остановясь, перешелъ рѣку, преслѣдуя бѣгущихъ до крайней черты города. Самъ атаманъ Платовъ съ правой оконечности нашей вступилъ въ городъ и, перейдя за рѣку, завялъ большую часть онаго. Мгновенно ворвались въ городъ: состоявшій при

Милорадовичъ адъютантъ мой, поручикъ Граббе, съ командою стрѣлковъ и двумя орудіями конной артиллеріи, а съ противоположной стороны партизаны Сеславинъ и Фигнеръ. Повсюду уступалъ непріятель; поспѣшно удаляясь, зажегъ нѣсколько домовъ, гдѣ была артиллерійская лабораторія, и пламя, распространясь, охватило большой военный госпиталь, сдѣлавшійся жертвою. Войска наши, занимая городъ, частію силъ расположились по наружности. Въ этотъ день взято нами въ плѣнъ: одинъ генералъ, много офицеровъ и нижнихъ чиновъ болѣе двухъ тысячъ, два знамени и нѣсколько пушекъ. Плѣнные показали, что ихъ было три корпуса: вице-короля Италіянскаго Евгенія, маршаловъ Даву и Нея, всего сорокъ тысячъ человекъ. Маршалъ Ней былъ уже въ 17 верстахъ за городомъ, но, услышавъ канонаду, возвратился въ помощь сражающимся. Говорятъ, но не утверждая, что и самъ Наполеонъ былъ въ городѣ, когда мы приближались къ нему, но отправился къ гвардіи своей и войскамъ, продолжающимъ отступленіе къ Смоленску.

Непріятель, оставивши городъ, занялъ ближайшее къ нему кладбище и на немъ учредилъ батарею. На главной площади города стояла наша пѣхота, большое число казаковъ при атаманѣ Платовѣ, и я вмѣстѣ съ нимъ. Огни бивуака служили цѣлью и часто не безъ вреда упали ядра. Въ опушку города выслана рота артиллеріи, но мы должны были оставить площадь ¹⁾.

Если бы стоявшая вблизи армія присоединилась къ авангарду, на первой позиціи былъ бы опрокинутъ непріятель; оставалось большое пространство для преслѣдованія; могли быть части войскъ совершенно уничтоженныя и гораздо прежде вечера городъ въ рукахъ нашихъ. Съ превосходствомъ силъ нашихъ не трудно было отбросить часть непріятели на Духовщину и всегда предупреждать ее на худой дорогѣ въ слѣдованіи къ Смоленску.

Въ Вязьмѣ въ послѣдній разъ мы видѣли непріятельскія войска, побѣдами своими вселяющія ужасъ повсюду и въ самихъ насъ уваженіе. Еще видѣли мы искусство ихъ генераловъ, повиновеніе подчиненныхъ и послѣднія усилія ихъ.

На другой день не было войскъ, ни къ чему не служила опыт-

---

¹⁾ Фельдмаршалъ, узнавши, что Наполеонъ оставилъ Малоярославецъ, занятый уже нашими войсками, медленно двинулъ армію, въ двадцати верстахъ стоящую при селеніи Дичинѣ, и усматривая, съ извѣстною своею прозорливостію, что огромное пространство, начинающееся жестокое время года, голодъ и всякаго рода лишенія уготовятъ гибель французской арміи, не намѣревался тѣснить ее. При Вязьмѣ же находилась гвардейская кирасирская дивизія, и конечно полагаетъ Государь, что могла быть въ дѣйствіи и вся армія! Тутъ всякій узнаетъ Кутузова!

ность и искусство генераловъ, исчезло повинненіе солдатъ, отказались силы ихъ, каждый изъ нихъ болѣе или менѣе былъ жертвою голода, истощенія и жестокости погоды. Въ четырехъ верстахъ далѣе Вязьмы, на переправѣ чрезъ небольшой ручей, нашли мы нѣсколько брошенныхъ орудій. Поспѣшность въ отступленіи не происходила отъ того, чтобы авангардомъ нашимъ тѣснимъ былъ неприятель, всю ночь шедшій безпрепятственно.

23-го числа октября авангардъ въ прежнемъ его составѣ, подъ начальствомъ Милорадовича, при которомъ дано мнѣ приказаніе находится, преслѣдовалъ неприятеля по большой дорогѣ на Дорогобужъ. Атаманъ съ казаками и ихъ конною артиллерію пошелъ въ правую сторону отъ большой дороги. Фельдмаршалъ съ арміею взялъ направленіе на городъ Ельню. Морозъ былъ необыкновенный!

Авангардъ, не сдѣлавъ выстрѣла до села Семлева, взялъ въ плѣнъ болѣе тысячи нижнихъ чиновъ и нѣсколько офицеровъ, совершенно изнуренныхъ и больныхъ. По всей дорогѣ разбросаны были пушки, зарядныя фуры и обозы безъ упряжи. Единственная пища людей была лошадиное мясо, но и того было мало, ибо чуть годныхъ лошадей брали подъ артиллерію. Неприятель отступилъ поспѣшно: отдыхалъ немного днемъ, не достигаемый нашимъ авангардомъ; въ ночи, тревожимый казаками, продолжалъ движеніе. Слѣды его означали разрушеніе спасающейся бѣгствомъ арміи.

Не дошедши восьми верстъ до города Дорогобужа, неприятель, переправясь за рѣчку Осьму, расположился на ночлегъ; мостъ сохраненъ былъ для послѣднихъ его войскъ. Передовые наши отряды, стремительно преслѣдуя ихъ, въ такое привели замѣшательство, что они, стѣсняясь на мосту, бросили пушки въ воду и лагерь подвергся близкому дѣйствию нашихъ орудій. Но сильная колонна неприятельской пѣхоты быстро кинулась чрезъ мостъ на нашу сторону, и не малая опасность угрожала нашимъ батареямъ.

Атаманъ Платовъ изъ Вязьмы отправился на Духовщину, по извѣстіямъ, что туда идетъ паркъ тяжелой артиллеріи, высланный въ Можайскъ предъ выступленіемъ Наполеона изъ Москвы. Медленно было его движеніе, по причинѣ огромнаго количества повозокъ подъ канцеляріями различныхъ штабовъ и экипажей множества чиновниковъ (*non combattans*). Прикрытіе состояло большею частію изъ войскъ арміи вице-короля Италіянскаго и прочихъ союзниковъ. Уклонясь отъ большой дороги, они почитали себя въ безопасности, не соблюдали порядка, ни малѣйшей осторожности. Внезапное появленіе тучи казаковъ съ самимъ атаманомъ Платовымъ привело все въ замѣшательство; никто не помышлялъ о защитѣ, всякій искалъ спасенія. Взятъ въ плѣнъ: одинъ генералъ, занимающій

важное мѣсто въ арміи, всѣ чиновники, много нижнихъ чиновъ и многочисленная коллекція картъ и плановъ¹⁾). Казакамъ, при самой незначительной потерѣ, достались въ руки шестьдесятъ три орудія и богатая весьма добыча.

Атаманъ Платовъ, пришедши на правый берегъ Днѣпра, остановился противъ предмѣстія Смоленска, укрѣпленнаго французами. Наполеонъ съ гвардіею и вся армія занимали городъ.

Изъ Дорогобужа предписано генералу Милорадовичу съ авангардомъ слѣдовать къ арміи, а мнѣ приказано пріѣхать въ главную квартиру.

Отъ рѣки Осьмы до Дорогобужа генераль-маіоръ Юрковскій съ двумя егерскими полками и легкою кавалеріею преслѣдовалъ неприятельскій арріергардъ, который, слабо защищаясь, оставилъ нѣсколько пушекъ. Далѣе, разбивши его у Соловьевой переправы, отнялъ много орудій и отъ Смоленска возвратился къ своему мѣсту, въ авангардъ.

Прежде прибытія арміи нашей въ городъ Ельню, генераль-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ посланъ съ отрядомъ овладѣть французскими рекрутскими депо, расположенными въ разныхъ мѣстахъ окрестности, частію осмотрѣнными уже партизанами, Давыдовымъ, Фигнеромъ и Сеславинимъ.

Въ Ельнѣ находился генераль-маіоръ князь Яшвиль (Владиміръ Михайловичъ), командовавшій милиціею Калужской губерніи. Узнавши о движеніи генерала Ожеро, онъ оставилъ городъ, но, наступившій, долженъ былъ принять неравный бой противъ сильнаго рекрутскаго депо. Внезапно прибывшій генераль графъ Орловъ-Денисовъ охранилъ милицію и, преслѣдуя генерала Ожеро, атаковалъ его, упорно защищаясь въ занимаемомъ селеніи. Графу Орлову-Денисову содѣйствовали трое нашихъ партизановъ. Огнемъ артиллеріи нашей взорваны фуры съ патронами, и генераль сдался. Взято плѣнными болѣе полутора тысячъ человекъ. Спѣшившій на помощь съ рекрутскою своею конницею, генераль Шарпантье, потерявъ часть ея, отброшенную въ болото, удался. Въ селеніи Клементинѣ сожжены магазины съ заготовленіями разнаго рода. Встрѣченный нашими партизанами съ рекрутскимъ пѣхотнымъ депо, генераль Бараге д'Илье, узнавши о сдачѣ генерала Ожеро, размѣнявшись нѣсколькими ружейными выстрѣлами, поспѣшно отступилъ.

¹⁾ Изъ числа ихъ карту большей части Германіи, огромнаго размѣра, изыщю въ всѣхъ подробностяхъ отдѣланную (рисованную и оттушеванную кистью), видѣлъ я у князя Волковскаго, начальника главнаго штаба Государя Императора. Наше депо картъ обогатилось такими съемками, какихъ тогда уже, конечно, не было во Франціи.

Въ движеніи отъ Смоленска до Москвы непріятельская армія, для обезпеченія сообщеній, располагала военные посты, достаточно укрѣпленные противъ внезапныхъ нападеній, въ церквахъ и отдѣльныхъ строеніяхъ, гдѣ удобно могли храниться запасы продовольствія и другія снабженія для войскъ, идущихъ къ арміи. Но беззаботливость до такой простиралась степени, что нигдѣ и никакихъ запасовъ заготовляемо не было.

Не прежде окрестные поселяне Москвы вѣялись за оружіе, какъ по занятіи ея Наполеономъ. Быстрое движеніе его арміи не давало времени тревожить деревни, лежащія близко по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Жители не покидали домовъ своихъ, производили прежнія сельскія работы и ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Непріятелю могли служить чрезвычайно важнымъ пособіемъ находящіяся въ тылу арміи селенія, если бы шедшія за нею нестройныя толпы развратной союзной сволочи воздерживаемы были отъ безчинствъ и разбоевъ. Между народомъ спокойнымъ и не раздраженнымъ, разсыпанныя ловкимъ образомъ деньги, въ уплату за доставляемые припасы, если бы и не могли предотвратить возстанія, то, конечно, не сдѣлалось бы оно общимъ и столько гибельнымъ; но даже нѣтъ сомнѣнія, что нашлись бы и готовые усердствовать.

Наполеонъ, видѣвши нашу армію въ грозномъ порядкѣ отступившую послѣ ужасной битвы Бородинской, Москву, оставленную безъ защиты, обреченную произвольно на истребленіе пламенемъ, долженъ былъ убѣдиться, что продолженіе войны неизбежно, и особенно, когда, долго ожидая тщетно предложеній о мирѣ со стороны фельдмаршала, прислалъ онъ съ объясненіями генерала Лористона ¹⁾ въ главную его квартиру, селеніе Тарутино.

Правдоподобно было, что онъ умножить армію идущими свѣжими войсками, призваны будутъ недалеко расположенные сильныя во множествѣ резервы. Но каждый далекъ былъ отъ мысли, чтобы такъ скоро и въ самое неблагоприятное время предпринялъ онъ отступленіе.

Главная квартира фельдмаршала была въ городѣ Ельнѣ; графу Остерману съ IV пѣхотнымъ корпусомъ приказано быть недалеко впереди, для наблюденій. Доходили слухи, что въ Смоленскѣ собраны огромныя запасы, и фельдмаршалъ допускалъ мысль, что Наполеонъ, давши отдыхъ арміи, возстановитъ въ ней порядокъ; но, конечно, нелѣпыми казались ему толки главной квартиры, что если наша армія приблизится къ Красному, тогда Наполеонъ пой-

---

¹⁾ Бывшаго при нашемъ Дворѣ посломъ предъ самою войною, всѣми отлично уважаемаго за вѣжливое и обязательное обращеніе.

детъ изъ Смоленска, чрезъ Мстиславль, и въ городъ Могилевъ, присоединивши къ себѣ польскія войска генерала Домбровскаго, возьметъ дальнѣйшее направленіе къ Литвѣ, мѣстами не опустошенными.

Въ Смоленскѣ Наполеонъ не нашелъ никакихъ заготовленій, даже гвардіи его не доставало полныхъ раціоновъ; направился на Красный, занялъ его своею гвардіею и слабымъ корпусомъ маршала Даву, въ ожиданіи главныхъ своихъ силъ, которыя медленно двигались по большой дорогѣ, каждый корпусъ особенно, безъ всякой между собой связи, безъ взаимной обороны, въ совершенномъ разстройствѣ, со множествомъ людей безсильныхъ владѣть оружіемъ, до невѣроятности изнуренныхъ голодомъ.

Фельдмаршалу докладывалъ я, что изъ собранныхъ отъ окрестныхъ поселянъ показаній, подтвержденныхъ изъ Смоленска выходящими жителями, графъ Остерманъ доноситъ, что тому болѣе уже сутокъ, какъ Наполеонъ выступилъ съ своею гвардіею въ Красный. Не могло быть болѣе пріятнаго извѣстія фельдмаршалу, который полагалъ гвардію гораздо сильнѣйшую, составленную изъ приверженцевъ, готовыхъ на всякое отчаянное пожертвованіе. Выслушавши докладъ мой, онъ предложилъ генералу Беннигсену завтракать съ собою и, положивши на тарелку котлету, съ особенною привѣтливостію подалъ мнѣ ее и вмѣстѣ рюмку вина. Съ ними отправился я къ окошку, ибо по тѣснотѣ негдѣ было посадить меня. При семъ случаѣ баронъ Беннигсенъ представлялъ необходимость скорѣйшаго движенія арміи на Красный. Онъ удивленъ было грубою ошибкою Наполеона, который, если бы въ Смоленскѣ не потерялъ напрасно трое сутокъ, успѣлъ бы, по устроенному въ мѣстечкѣ Дубровнѣ мосту перейти на правый берегъ Днѣпра, не только не преслѣдуемый, ниже замѣченный нашими арміями ¹⁾.

Приказано составить подъ начальствомъ генерала Милорадовича авангардъ изъ корпусовъ 1-го и 2-го кавалерійскихъ, II и IV пѣхотныхъ, сильной артиллеріи и нѣсколькихъ казачьихъ полковъ. На меня возложена обязанность находиться при авангардѣ.

Испрашивая снисхожденія къ чувству нѣкотораго самодовольствія со стороны моею, я долженъ объяснить, что оно произведено

---

¹⁾ По окончаніи завтрака, просилъ я генерала Беннигсена съ настойчивостію объяснить необходимость предложеннаго имъ. „Если бы не зналъ я тебя, Ермоловъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, съ самаго ребячества твоего, впоследствии долгое время подъ начальствомъ моимъ, я могъ бы думать, что ты желаешь противнаго; ибо, что предлагаю я, по мнѣнію моему, полезное, по большой части оно приводится иначе въ исполненіе. Ты не можешь не знать этого“.

лестнымъ одобреніемъ генерала Беннигсена, когда изложилъ я ему соображеніе мое на счетъ предстоящихъ дѣйствій. Я полагалъ, что Наполеону выгоднѣе было выступить изъ Смоленска правымъ берегомъ Днѣпра. Морозы, скрѣпившіе болота, сдѣлали пути столько же удобными, какъ почтовая дорога. Направленіе на Смоляны оставяло въ сторонѣ городъ Оршу и Дубровну, сокращало разстояніе и ускоряло сближеніе съ маршаломъ Удино. Наполеону не могло быть извѣстно, что городъ Полоцкъ уже въ рукахъ нашихъ, и что происходитъ съ войсками, защищавшими его, и тѣми, которыя содѣйствовали гарнизону по сдачѣ города. Много было причинъ, побуждавшихъ къ поспѣшности.

Генераль-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ доносилъ, что, по болѣзни, не въ состояніи заниматься, бывшимъ въ его распоряженіи, отрядомъ, просилъ о передачѣ его. Не скрывая негодованія своего, онъ принималъ за оскорбленіе, что, при разбитіи рекрутскаго депо генерала Ожеро и разсѣянніи другихъ его частей, признано содѣйствіе нашихъ партизановъ, а не одному ему приписанъ весь успѣхъ. Въ командованіе отрядомъ его вступилъ генераль-маіоръ Бороздинъ. Составленъ новый отрядъ изъ 19-го егерскаго полка, шести орудій артиллеріи и достаточнаго количества казаковъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта графа Ожаровскаго. Приблизившись къ Красному, не соблюлъ онъ должной осторожности, полагая, что отступающій непріятель ничего не предприметъ. Ночью графъ Ожаровскій атакованъ стремительно гвардіею Наполеона въ большихъ силахъ. Велика была потеря въ храбромъ егерскомъ полку; особеннымъ счастіемъ уцѣлѣла артиллерія, и при общемъ замѣшательствѣ, темнота была спасительнымъ покровомъ. Молвъ о случившейся неудачѣ старались дать желанное направленіе, что, впрочемъ, не препятствовало самимъ подробностямъ сдѣлаться извѣстными. Государю описано происшествіе съ выгоднѣйшимъ истолкованіемъ, и всѣ остались довольными! Непріятель самъ торжествовалъ побѣду въ своемъ лагерѣ. Итакъ прославленному вождю открытъ путь къ возобновленію подвиговъ!

Генералу Милорадовичу съ авангардомъ приказано уже было идти къ городу Красному.

Атаманъ Платовъ, по занятіи Вязмы и блистательномъ набѣгѣ на Духовщину, гдѣ овладѣлъ огромнымъ паркомъ артиллеріи и другими важными предметами, явился предъ укрѣпленнымъ французами предмѣстьемъ города Смоленска, на правомъ берегу Днѣпра, когда Наполеонъ находился въ городѣ. Слѣдуя этимъ берегомъ, атаманъ полагалъ предупредить Наполеона въ Дубровнѣ, или Оршѣ, и, затрудняя его при переправѣ, сколько возможно замедлить его

движеніе, но узналъ, что, спокойно перешедши Днѣпръ, Наполеонъ, находится въ Оршѣ. Не могъ представить себѣ атаманъ Платовъ, чтобы армія наша, знавшая въ подробности состояніе непріятели, съ неимовѣрною поспѣшностію уходящаго, не тронулась даже съ мѣста.

Ноября 3 числа авангардъ генерала Милорадовича, не дойдя десять верстъ до Краснаго, приблизился къ идущей изъ Смоленска большой дорогѣ. Мѣсто IV корпуса заступилъ VII корпусъ генерала Раевского. Часть кавалеріи авангарда вступила въ дѣло, непріятель скрылся въ лѣсъ. Взяты плѣнные и въ обозѣ богатая изъ Москвы добыча.

Въ этотъ день наша пѣхота мало была употреблена, и авангардъ отошелъ на ночлегъ въ ближайшее, разоренное селеніе, оставленное жителями. Передовые извѣщательные посты наблюдали дорогу.

Ноября 4 числа вице-король Италіанскій, слѣдовавшій изъ Смоленска съ остатками своей арміи, къ которой присоединено было нѣсколько частей другихъ войскъ, миновавши правую оконечность нашего авангарда, сошелъ съ большой дороги и рѣшительно атаковалъ VII пѣхотный корпусъ. Генералъ Раевскій съ свойственною твердostí встрѣтилъ непріятели, которому картечный огонь нашей артиллеріи, въ количествѣ гораздо превосходномъ, наносилъ ужасный вредъ, но и корпусъ Раевского потерпѣлъ значительный уронъ. Прежде прошедшая въ Красный непріятелиская колонна возвратилась на звуки выстрѣловъ въ тылъ слабой части 4-й пѣхотной дивизіи храбраго принца Евгенія Виртембергскаго, угрожая отличному Бѣлозерскому полку. Горяча была схватка, но приспѣли полки 1-го каралерійскаго корпуса генераль-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, и колонна опрокинута въ разстройство.

Въ то время, когда атака вице-короля Италіанскаго была отражена, и онъ принужденъ былъ удалиться, Московскій драгунскій полкъ, подъ командою неустрашимаго полковника Давыдова (Николая Владиміровича), врубился въ отдалившуюся колонну пѣхоты, изъ двухъ тысячъ человѣкъ; но до того изнурены были лошади въ полку, что изъ середины колесны не могли проникнуть до ея хвоста. Въ таковой же степени истощенія и усталости была непріятелиская пѣхота, что не имѣла силъ не только защищаться, но даже двигаться, бросила оружіе и сдалась въ плѣнъ. Взять орелъ, принадлежавшій одному изъ знаменитыхъ полковъ. Успѣхъ оружія нашего въ дѣйстви нынѣшняго дня могъ имѣть важнѣйшія послѣдствія, но наступившая темнота заставила войска отойти на отдохновеніе, для всѣхъ необходимое, на прежній ночлегъ. Расположенные

сторожевые казачьи посты извѣстили, что вице-король прошелъ ночью въ Красный.

Ноября 5-го числа на разсвѣтѣ авангардъ, возвратясь къ большой дорогѣ, сталъ параллельно ей, но къ Красному ближе прежняго. Войска наши въ этотъ день были очень умножены: присоединились дивизіи гренадерская и 3-я пѣхотная, полки гвардейской легкой кавалеріи и кирасирскіе.

Главной квартирѣ фельдмаршала служила прикрытіемъ гвардія. Изъ полковъ ея два пѣшіе съ артиллерією, два полка кирасирскіе и казаки составляли отрядъ генераль-маіора барона Розена (командира лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка). Подъ начальствомъ его находились отряды генераль-адъютанта графа Ожаровскаго и генераль-маіора Бороздина. Составъ этого войска наименованъ авангардомъ, и ему назначено быть у селенія Доброе, весьма близко отъ Краснаго.

Усмотрѣнный вдали непріятель, въ продолженіе большой части дня, проходилъ отдѣльными толпами, изъ которыхъ рѣдкія были выше двухъ тысячъ человѣкъ, въ совершенномъ разстройствѣ. Подъ огнемъ батарей нашихъ оставляли они орудія, бросали обозы и разсѣянные, съ огромною потерей, спасались въ лѣса. Нѣкоторые отважно прошли далѣе, но пали подъ штыками дивизіи гренадерской графа Строгонова и 3-й пѣхотной. Одну изъ колоннъ атаковали полки лейбъ-гвардіи драгунскій, гусарскій и уланскій и, хотя нанесли ей чувствительный уронъ, но глубокій снѣгъ во рвахъ по бокамъ дороги не допустилъ истребить ее и, прикрываясь ружейнымъ огнемъ, не отклоняясь даже съ дороги, она прошла въ Красный.

Противъ генерала барона Розена, ближайшаго къ городу, высланы изъ него колонны. Не долго и не твердо противлялись онѣ, бросили пушки и удалились пораженныя. Упорно дрались части Наполеоновой молодой гвардіи и корпуса маршала Даву, но не выдержали они стремительнаго удара лейбъ-гвардіи егерскаго полка; когда баронъ Розенъ ворвался въ городъ, онъ взялъ оставленныя орудія, всѣ тяжести, экипажи маршала Даву, секретную его переписку и его маршальскій жезлъ. Войскамъ досталась богатая добыча.

Подвигомъ этимъ заключилось 5 число. Гвардія наша вошла въ Красный. Армія, сосредоточенная, провела ночь у самаго города. Баронъ Розенъ, имѣя подкрѣпленіе, могъ слѣдовать за непріятелемъ, наблюдая, по крайней мѣрѣ, за его дѣйствіями, но ему приказано не выходить изъ города.

Ноября 6-го числа, съ началомъ дня, замѣченъ непріятель, идущій отъ Смоленска. Долго густой туманъ мѣшалъ опредѣлить его число, но схваченные плѣнные показали, что будетъ проходить маршалъ Ней съ арріергардомъ, составленнымъ изъ остальныхъ людей всѣхъ вообще корпусовъ, довольно значительной артиллеріи и конницы съ девятьсотъ человекъ соединенныхъ одиннадцати полковъ разныхъ націй, всего до пятнадцати тысячъ человекъ, изъ которыхъ корпусъ самого маршала, весьма уже малолюдный, отличался примѣрнымъ порядкомъ.

Генераль Милорадовичъ, съ VII пѣхотнымъ и 1 кавалерійскимъ корпусами, занялъ позицію на самой дорогѣ, предъ Краснымъ въ четырехъ верстахъ. Позади были его резервы, фронтъ прикрывали сильныя батареи, не далеко отъ спуска въ долину, въ которой переправа. Подходя къ этому мѣсту, маршалъ Ней поставилъ батарею на противолежащей высотѣ, но она не долго выдерживала дѣйствіе нашей артиллеріи. Тогда, выславши большое число стрѣлковъ, заставилъ нашихъ стрѣлковъ отдалиться, исправилъ переправу и рѣшился пробиваться. Долгое время разстилался густой туманъ по землѣ; скрываемаыя имъ три колонны подвигались подъ картечнымъ огнемъ нашимъ съ неимовѣрною твердостью, въ глубокомъ молчаніи, ни одного не дѣлая выстрѣла. Батареи наши были уже связаны, и оставалось пѣхотѣ прекратить путь ихъ. Храбрый генераль-маіоръ Паскевичъ, командующій дивизіею VII пѣхотнаго корпуса, съ двумя полками оной, стремительно ударилъ на одну изъ колоннъ, нанесъ ей ужасное пораженіе и разметалъ слабыя ея остатки. На другую колонну бросился Павловскій гренадерскій полкъ и не съ меньшимъ урономъ ее опрокинулъ и разсѣялъ. При третьей колоннѣ шли пять орудій. Быстра была атака лейбъ-гвардіи уланскаго полка на колонну. Орудія остались, не сдѣлавъ выстрѣла, но согласно поддержанный ружейный огонь пѣхоты ограничилъ гораздо меньшимъ числомъ удары конницы, и колонна избѣгла истребленія. Маршалъ Ней, самъ предводившій войска, убѣдившись въ невозможности соединиться съ своею арміею, принужденъ былъ, въ крайнемъ положеніи своемъ, укрываться въ лѣсу. Еще были у него войска, еще была артиллерія. Наполеонъ, хотя и не далеко былъ отъ Краснаго, ничего, однако же, не предпринялъ въ помощь маршалу Нею. Ничто лучше не объясняло положенія Наполеона, но арміи нашей не возбудило дѣятельность. Непоколебимъ пребывалъ фельдмаршалъ, и занятіемъ арміи были однѣ остатки погибающаго Ней.

Въ продолженіе сраженія генераль Милорадовичъ, для развлеченія силъ непріятели, приказалъ генераль-адъютанту барону Корфу

кавалерійскій его корпусъ ¹⁾ подвинуть впередъ. Онъ представилъ, что охраняеть правое крыло авангарда. Такое же повелѣніе другія войска исполнили безъ затрудненія. Имѣя порученіе наблюдать за дѣйствіями противъ скрывающагося въ лѣсу Нея, лично могъ я видѣть, сколько неудобно было вдаваться въ глубину лѣса по разбросаннымъ тропинкамъ; приказалъ я, прекративъ бесполезную перестрѣлку, дѣйствовать артиллеріею въ приличныхъ случаяхъ. Я донесъ генералу Милорадовичу, что вышедшія изъ опушки лѣса непріятельскія колонны, соединившись, взяли направленіе на нашу позицію, остановились не далеко отъ батарей нашихъ и отправили отъ себя для переговоровъ офицера, который объявилъ, что число всѣхъ чиновъ, состоящихъ въ колоннѣ и сдающихся плѣнными, болѣе шести тысячъ человекъ; оружіе у нихъ далеко неравное числу людей, пушки ни одной.

Ужасенъ былъ видъ на нихъ близкаго разрушенія отъ голода. Весьма немногихъ сохранить возможно было.

Фельдмаршалъ разрѣшилъ сдѣланное прежде генераломъ Розеномъ представленіе выступить съ отрядомъ для наблюденія; въ составъ его назначены полки гвардейской пѣхоты, два полка кирасиръ и три казачьихъ полка войска Донского. Но всѣмъ казалась чуждою всякаго соображенія мысль воспретить генералу Розену идти далѣе первой почтовой станціи, въ селеніе Ляды.

Маршалъ Ней, послѣ сдачи значительной части его войскъ, видя гибельное свое положеніе, рѣшился на отчаянное предпріятіе, перейти чрезъ Днѣпръ, какъ единственное средство спасенія.

Генералъ Милорадовичъ, отдѣливъ часть войскъ, для собранія въ одно мѣсто разбросаннаго по лѣсамъ непріятели, возвратился въ Красный, и я сопровождалъ его.

Ноября 7-го числа сдѣлалъ я представленіе фельдмаршалу: уси-

---

¹⁾ Нерѣдко, досадуя, слыхалъ я надъ барономъ Корфомъ насмѣшки оскорбительныя, будто, въ случаѣ дѣйствій наступательныхъ, всегда находилъ онъ подлежащія ему пути трудными, неудобными, и тѣ же самые пути казались ему весьма годными, когда непріятель дѣлалъ движеніе впередъ. Генералъ баронъ Корфъ отличался вѣжливостію въ обращеніи, постоянствомъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ и пользовался большимъ уваженіемъ сослуживцевъ.

Не подвергающійся сомнѣнію въ смѣлости, генералъ-лейтенантъ князь Долгоруковъ (Сергѣй Николаевичъ) вызвалъ заключеніе, что командиромъ корпуса могъ онъ быть при князѣ Кутузовѣ. Прозорливый царедворецъ не рѣшится подозрѣвать неспособности въ человекѣ, имѣющимъ у двора связи. Искусная классификація родовъ (фамилій) не бесполезнымъ была для него соображеніемъ.

ливъ отрядъ генерала Розена, приказать ему идти впередъ, и просилъ поручить его мнѣ.

Съ особенною благосклонностію выслушавъ меня, изъявилъ соизволеніе, и немедленно сдѣлана перемѣна въ составѣ отряда. По собственному назначенію его поступили лейбъ-гвардіи егерскій и Финляндскій полки, кирасирскіе полки Его и Ея Величествъ, гвардейская пѣшая артиллерія и батарейная рота ковной артиллеріи. Присоединенные батальоны пѣхоты, въ числѣ 12-ти, имѣли при себѣ полевые орудія.

Долго не имѣвши случая видѣть никого изъ лицъ, обладающихъ главнѣйшимъ вліяніемъ на дѣла, слышалъ я, что генераль-квартирмейстеръ Толь съ настойчивостію доказывалъ необходимость наблюденія къ сторонѣ Днѣпра и селенія Сырокоренья, но дежурный генераль Коновницынъ, далеко не равныхъ способностей для соображеній дальновидныхъ и сложныхъ, отвергъ его предложеніе, и, конечно, ему обязанъ маршалъ Ней своимъ спасеніемъ. Безпрепятственно дошедши до селенія Сырокоренья, рѣшился онъ на отчаянное предпріятіе: перейти Днѣпръ по льду. Недостаточно сильны были морозы, и ледъ гнулся подъ ногами. Оставивъ на берегу десять пушекъ, мало весьма тяжестей, Ней пустился, сопровождаемый до полуторы тысячъ человекъ; за нимъ вели верховую, его единственную, лошадь.

Нерѣшительныя и медленныя дѣйствія арміи при Красномъ, фельдмаршалъ, въ донесеніи Государю, представилъ баталіями, данными въ продолженіе нѣсколькихъ дней, тогда какъ сраженія корпусовъ были отдѣльными, не всѣми ихъ силами въ совокупности, не въ одно время, не по общему соображенію. Робкимъ дѣйствіемъ надобно было дать благовидное окончаніе, и какое можетъ быть лучше баталій? а онѣ составились по произволу. вмѣстѣ съ тѣмъ поставлены на видъ потери и разстройство непріятельской арміи, готовыя пораженія, и даже не отвергалась мысль совершеннаго ея уничтоженія при переправѣ черезъ рѣку Березину, куда адмиралъ Чичаговъ обращенъ со всѣми его силами.

Отправляясь къ порученному мнѣ отряду, получилъ я наставленіе фельдмаршала въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Голубчикъ, будь остороженъ, избѣгай случаевъ, гдѣ ты можешь понести потерю въ людяхъ!“—„Видѣвши состояніе непріятельскихъ войскъ, отвѣчалъ я ему, которыя гонять, кто хочетъ, не входитъ въ мой расчетъ отличиться подобно графу Ожаровскому“. Свѣтлѣйшій воспретилъ переходить Днѣпръ, но переслать часть пѣхоты, если атаманъ Платовъ найдетъ то необходимымъ. Ручаясь за точность исполненія, я перекрестился, но долженъ признаться, что тогда же

рѣшился поступить иначе. Его желаніе было, чтобы Наполеона полагали не далеко, и что онъ готовъ преслѣдовать его.

Атаманъ Платовъ намѣревался затруднить непріятеля при переправѣ чрезъ Днѣпръ въ Дубровнѣ, или Оршѣ, но уже прошелъ онъ безпрепятственно.

Съ возможною скоростію прибылъ отрядъ мой въ Дубровну, но посланный впередъ генераль-маіоръ Бороздинъ, не помысливъ объ исправленіи моста, переправился за Днѣпръ. Узнавъ, что мостъ устроенъ былъ, подъ руководствомъ французскаго офицера, жителемъ города, я заставилъ его исправить мостъ по возможности. Ему выданы цѣпи и канаты отъ артиллеріи, отъ всѣхъ полковыхъ обозовъ выданы веревки. Сваи до поверхности воды были тверды. Въ продолженіе полутора сутокъ, на малое время отлучался я отъ работъ, и все приуготовлено было.

Пѣхота переведена безъ остановки, также артиллерія, подвигаемая людьми, по толстымъ доскамъ, посланнымъ вдоль моста. Большое затрудненіе представляли ей лошади, несмотря на принятые мѣры осторожности; ибо мостъ былъ потрясаемъ и грозилъ разрушеніемъ. Лошадей двухъ кирасирскихъ полковъ не иначе переправили, какъ спутывая ноги каждой изъ нихъ и, положивши на бокъ, протаскивали за хвостъ по доскамъ. Лошади казачьихъ полковъ перегнаны вплавъ. Я поспѣшалъ соединиться съ атаманомъ Платовымъ, который находился на томъ берегу и требовалъ пѣхоты. Средствомъ сообщенія служили намъ двѣ малыя лодки. Онъ переслалъ мнѣ захваченныхъ значительныхъ двухъ чиновниковъ (поп combatans), изъ которыхъ одного отправилъ я при письмѣ фельдмаршалу ¹⁾. Усилившійся на Днѣпрѣ ледъ разрушилъ мостъ, и остались на мѣстѣ всѣ вообще обозы, часть патронныхъ ящиковъ и всѣ провіантскія фуры ²⁾.

Фельдмаршалъ приказалъ отрядамъ графа Ожаровскаго и Бороздина слѣдовать, для наблюденія, къ городу Могилеву, полагая, что тамъ войска польскія генерала Домбровскаго. Партизаны: Давыдовъ, переправясь за Днѣпръ вплавъ, схватилъ депо кирасиръ; Славинъ оставленъ въ распоряженіи атамана Платова.

¹⁾ Прося удостоить его полчаса разговора, ибо онъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о состояніи арміи Наполеона, бывши съ нею въ одно время въ Смоленскѣ. Впоследствии видѣлъ я сочиненіе въ одномъ томѣ господина Рибиске кавалера ордена св. Анны второго класса, который получилъ, находясь при особѣ фельдмаршала.

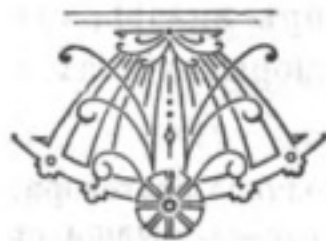
²⁾ Нѣкоторыя подробности о переправѣ допустилъ я потому единственно, что она совершенна необыкновеннымъ способомъ, и въ доказательство, что возможно все съ несравненнымъ русскимъ солдатомъ.

Армія, въ видахъ удобнѣйшихъ средствъ продовольствія, изъ Краснаго пошла въ городъ Копысь.

Отрядъ мой недалеко за Днѣпромъ имѣлъ ночлегъ при хуторѣ, принадлежащемъ одному изъ монастырей города Орши. Атаманъ сообщилъ мнѣ, что, удалясь отъ Смоленска, когда Наполеонъ и его армія тамъ еще находились, онъ съ того времени не имѣлъ никакихъ извѣстій и былъ чрезвычайно удивленъ, когда захваченный плѣнный со всею подробностію рассказалъ ему, что маршалъ Ней, съ малымъ числомъ сопровождавшихъ его, перейдя Днѣпръ съ большою опасностію и слышавъ отъ поселянъ, что въ окрестности появились казаки во множествѣ, скрывался въ лѣсахъ недалеко отъ Дубровны, но высланные къ нему изъ Орши полки, освободивъ его, дали возможность идти впередъ съ полною безопасностію. Я донесъ фельдмаршалу о переходѣ моемъ за Днѣпръ и получилъ съ нарочнымъ приказаніе остановиться въ мѣстечкѣ Толочинѣ, до прибытія авангарда Милорадовича. Это обнаруживало внушеніе окружающихъ его, дабы, вмѣстѣ съ приходомъ авангарда, могла быть допущена мысль, что и сама армія готова быть у рѣки Березины.

Здѣсь, на первомъ ночлегѣ моемъ, явился ко мнѣ еврей съ рапортомъ князю Кутузову графа Витгенштейна, что маршалъ Викторъ стоитъ съ корпусомъ въ прежней позиціи, у мѣстечка Черен, вѣроятно, закрывая собою войска маршала Удино, и что кавалерія его много препятствуетъ наблюденію за нимъ. Прочитавъ рапортъ, я вложилъ въ него записку съ замѣчаніемъ моимъ, что, поставя часть войскъ предъ графомъ Витгенштейномъ, для сокрытія движенія своего, могъ непріятель дать войскамъ направленіе по внѣшней сторонѣ озера Долгое, обращенной къ рѣкѣ Березинѣ, и ускорить соединеніе съ Наполеономъ, однимъ, по крайней мѣрѣ, очень большимъ переходомъ ¹⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ отсутствіе мое изъ Главной квартиры, для исполненія особенныхъ порученій фельдмаршала, мнѣ дано было приказаніе раскрывать посылаемые на имя его донесенія, присоединяя къ нимъ нужныя свѣдѣнія, или подписывая просто: „Читалъ начальникъ Главнаго Штаба такой-то“.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Мордовцевъ, Д. Л. Новые историческія повѣсти и рассказы. (2-е собраніе). Первое полное удешевл. собраніе сочиненій изъ 60 томовъ (1-я серія изъ 20 томовъ). Т. XVIII. Спб. 1911. Изд. Русскаго книгоизд. П. П. Перевозникова (Банковский пер., 31—32, соб. домъ). Тип. Царское. Центр. С. М. Боровкова (Царское Село. Малая ул., 61). 8° (15×21). 380+1 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 29 л. 1.500 экз.

Назаревскій, Борисъ. Великорусскія народныя пѣсни. Чтенія для фабрично-заводскихъ рабочихъ. М. 1911. Изд. Комис. по устр. чтеній для рабоч. (Трубиновск. пер., д. Ржановой). Тип. Русская Печатня (Садовая-Триумфальная, 170). 8° (17×25). 177 стр. Ц. 50 к. Въсь 18 л. 6.000 экз.

Народный Вождь Прокопій Ляпуновъ. Спб. 1911. Изд. Всероссийскаго Национальнаго Клуба (Литейный, 10). Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (14×21). 28 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 10.000 экз.

Нелидовъ, З. Сочиненія и Планы. Часть IV. Новѣйшая литература и отвлеченныя темы для старшихъ классовъ среди. учебныхъ заведеній. Спб. 1911. Изд. 2-е, испр. и доп., Цуккермана (Спб., площ. Александр. театра, 5). Тип. Мильштейна (Нижегородск., 14). 8° (17×24). 186 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 18 л. 2.200 экз.

Овсянко-Куликовскій, Д. Н. Собрание сочиненій. Томъ VII. Исторія русской интеллигенціи. Часть первая. Спб. 1911. Изд. т-ва „Обществ. Пользы“ и кн-ства „Прометей“. Тип. Т-ва „Общ. Пользы“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (17×24). XII+324 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 3 л. 5.000 экз.

Полное собраніе сочиненій праведника Божія Іоанна Кронштадскаго. Томъ первый. Спб. 1911. Изд. Р. П. Лукшевиць. Тип. Графическаго Института (5 Рождественская, 44). 8° (18×27). 526 стр. Въсь 1 ф. 19 л. 5.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Исторія Пугачевского бунта. Иллюстрированная Пушкинская библіотека, № 34. Спб. 1911. Изд. Павленкова. Тип. М. Меркушева. 16° (10×16), 160 стр. Съ рис. Складъ: кн. маг. Луковникова, Лештуковъ пер., 2. Ц. 20 к. Въсь 6 л. 5.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Цыганы (поэма) для старшахъ. (Библіотека Новой Школы № 39. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова). М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 16° (13×17). 31 стр. Ц. 3 к. Въсь 2 л. 10.000 экз.

Риттихъ, А. Ф. Обиженный Край. Спб. 1911. Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (17×25). 49 стр. и карта Зап.-Русскаго края. Въсь 6 л. 100 экз.

Смирновскій, П. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Часть первая. Древній и средній періоды. М. 1911. Изд. А. С. Панафиной (Лялинъ пер., 11), 14-е. Тип. А. Левенсона (Трехпрудный пер., св. д.). 8° (15×22). 388 стр. Ц. 1 р. 40 к. Въсь 1 ф. 15.000 экз.

Тарацыгинъ, Ф. А. Годъ русской славы. (Незабвенный 1912 годъ). Редакція Ф. А. Витберга. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (17×24). XIV+221 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Въсь 26 л. 10.500 экз.

Фаусекъ, В. Великій гражданинъ Александръ Ивановичъ Герценъ и его роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Историко-литературный очеркъ. Посвящается памяти 19 февраля. Харьковъ. 1911. Тип. Утро А. А. Жмудскаго. (Солянковскій, 12). 8° (17×25). 24 стр. 3 портр. Въсь 5 л. 1.000 экз.

Царскосельская юбилейная выставка. Въ память 200-лѣтія Царскаго Села. Сельско-хозяйственное Товарищество при Сѣверномъ Сельско-хозяйственномъ Обществѣ. С.-Петербургъ. Загородный проспектъ, 33. Спб. 1911. Тип. Разсвѣтъ (Гороховая, 17). 8° (16×24). 13 стр. Въсь 2 л. 1.000 экз.

Щегловъ, Борисъ. В. Г. Бѣлинскій, какъ націоналистъ. Рефератъ, прочитанный на собраніи студентовъ-націоналистовъ въ университетъ Св. Владиміра, 26 марта 1911 г. Харьковъ. 1911. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15×23). 26 стр. съ портр. Въсь 3 л. 400 экз.

Василичъ, Г. Легенда о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ. Императоръ Александръ I и старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ. По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ. М. 1911. Изд. Т-ва Образованіе (Камергерск. п., 4), 4-е. Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ п., соб. д.) 8° (18×26). 156 стр. съ рис.+5 лист. рис. Въсь 1 ф. 5 л. 4.000 экз.

Глѣбовъ, И. В. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній (отъ Бѣлинскаго до Чехова включительно). Новочеркасскъ. 1911. Изд. автора, 3-е. Тип. Ф. Туякова. 8° (17×28). 343+V+17 стр. Ц. 1 р. 60 к. Въсь 1 ф. 10 л. 1.200 экз.

Гогинъ, И. Практическая учебная русская хрестоматія. Ч. IV. Для четвертаго класса среднихъ учебныхъ заведеній. Съ объясненіями, планами, выводами главной мысли, задачами для письменныхъ работъ и популярнымъ изложеніемъ курса теоріи русской словесности. М. 1912. Изд. к-ва К. Н. Тиханова (Кузнецкій мостъ). Тип. Русск. тов. (Чистые Пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (17×24). 281 стр. Ц. 60 к. Въсь 26 л. 4.000 экз.

Голицынъ, Сергій Михайловичъ, кн. Душевная Памятка добрымъ Нарвцамъ о славномъ и доблестномъ Шефѣ Полка Генераль-Фельдмаршалѣ Князь Михайлѣ Михайловичѣ Голицынѣ. М. 1911. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., соб. д.). 8° (17×25). 38 стр. Съ рис.+8 лист. рис. Въсь 9 л. 1.400 экз.

Елизавета Грузинская. Грузинскій вопросъ (на основаніи Импер. Манифестовъ Павла I отъ 18-го января 1801 г. и Александра I отъ 12-го сентября 1801 г. Полнаго Собранія Законовъ т. XXII). Спб. 1911. Тип. Т-ва „Свѣтъ“ (Невскій, 136) 4° (25×33). 7 стр. Въсь 3 л. 1.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового
 союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой
 по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ
 магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20.
«Новое Время», Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ
 Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д.
 Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ,
 № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).
 Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ
 Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ **«РУССКОЙ СТАРИНѢ»** помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о
 цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и
 XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ
 дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ,
 артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства:
 переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—
 V. Отрывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—
 Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго време-
 ни.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к.
 послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными
 для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничто-
 жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ
 не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **«Русскую Старину»** за
 слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г.,
 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
 Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLIII-й.

СЕНТЯБРЬ.

1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Матеріалы для біографіи князя М. И. Голенищева-Кутузова. К. Волховского	283—288	1812 года и памятникъ ему въ Новгородѣ. П. Лашкова	394—401
II. Сто лѣтъ назадъ. Письма П. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова	289—293	XI. Студенческіе годы. (Воспоминанія о Варшавскомъ университетѣ). К. Н. Тура	402—442
III. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1806 г. Сообщ. П. А. Вилламовъ	295—300	XII. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
IV. Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 года. Ф. В—на	301—331	а) Замѣчательный указъ 25 января 1808 г. Сообщ. П. В. Федоровъ	294
V. Въ Румыніи передъ войной 1877 г. Г. И. Бобрикова	332—342	б) Обмануть Наполеона. Сообщилъ П. Л.	372
VI. Древнія русскія монеты X—XVI в. Н. Я. Кирилловича	343—356	XIII. А. Ѳ. Кони. На жизненномъ пути. Томъ первый. Изъ записокъ судебного дѣятеля.—Житейскія встрѣчи. С.-Петербургъ. 1912 г.	1
VII. Мѣропріятія правительства и церкви противъ народныхъ суевѣрій. А. В. Кубищева	357—371	XIV. Военная галлерей 1812 г.	2—3
VIII. Изъ записокъ Н. А. Скалона. Сообщ. П. Скалонъ	373—374	XV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 25 августа по 15 сентября 1911 г. (на оберткѣ).	
IX. Замѣтки о поѣздкахъ по С.-В. Персіи. П. Гладышева	375—393	Въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“ — Записки генерала Ермолова, въ Отечественную войну 1812 года.	121—140
X. Новгородское ополченіе			

Приложенія: Портретъ князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова и карта войны 1812 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва и. ф. „Электро-Тип. П. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1912.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы

съ 25 августа по 15 сентября 1911 г.

Елизавета Грузинская. Грузинскій Вопросъ (возникшій вслѣдствіе грузино-русскаго трактата отъ 24-го іюля 1783 г. и манифестовъ Имп. Павла I и Александра I отъ 18-го января и отъ 12-го сент. 1801 г.). Спб. 1911. Тип. Т-ва „Свѣтъ“ (Невскій, 136). 4° (25×33). 7 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Жизнь и кончина Свят. Іоасафа Горленко, епископа Бѣлгородскаго и Обоинскаго М. 1911. Изд. А. С. Балашова (Трубная, 13). Тип. Ломоносовъ. 18° (11×18). XVI стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Вып. 39. Спб. 1911. Тип. главн. упр. удѣловъ (Моховая, 40). 8° (21×29) 166 стр. Съ рис.+XVIII табл. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 900 экз.

Извѣстія калужской ученой архивной комиссіи. Вып. XXI. Изд. подъ ред. В. И. Аесонова. 1911 годъ. Калуга. 1911. Тип. Е. Г. Архангельской. 8° (16×24). 84 стр.+2 листа чертеж. Ц. 1 р. Вѣсъ 12 л. 200 экз.

Катаевъ, И. М. Смуга московскаго государства и отраженіе ея въ Нижнемъ-Новгородѣ. Историческій очеркъ къ 300-лѣтію смутнаго времени. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. 2-е, нижегор. учен. арх. коммис. Тип. нижегор. печ. дѣла. 16° (12×17). 68 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Павловъ, А. Біографіи Русскихъ образцовыхъ писателей. Пособіе для городскихъ училищъ. Спб. 1911. Изд. 16-е и тип. Гутзаца (Шпалерная, 26). 8° (17×23). 48 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій въ двухъ частяхъ. Съ приложеніемъ пяти картъ (составленныхъ И. Н. Михайловымъ). Спб. 1911. Изд. 4-е. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17×22). 492 стр. и 5 картъ. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 40.000 экз.

Прозрителевъ, Г. Изъ прошлаго Сѣвернаго Кавказа. Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи. Ставрополь. 1911. Тип. М. Т. Вайнבלата. 8° (18×28). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Прозрителевъ, Г. Къ 125-лѣтію гор. Ставрополя (на Кавказѣ). Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи. Ставрополь. 1911. Тип. М. Т. Вайнבלата. 8° (18×28). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 600 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Ч. I. Выпускъ II. (Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в.). Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова, 5-е испр. Тип. М. Волковича (Садовая, 60) и т-ва „Трудъ“. 8° (17×24). XVI+251 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 10.000 экз.

Собріевскій, А. С. Князь Воронцовъ и наши архивы. Докладъ общему собранію членовъ Ставропольскаго губернскаго статистическаго комитета 8-го апрѣля 1905 г. Ставрополь. 1911. Тип. М. Т. Вайнבלата. 8° (18×27) 14 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Труды четырнадцатаго археологическаго сѣзда въ Черниговѣ 1909. Подъ редакціи Уваровой. Томъ III. М. 1911. Изд. Археол. Общ. Тип. В. Воронова (Моховая, домъ князя Гагарина). 4° (26×35). VI+469+136 стр. Съ рис.+X табл. рис. Вѣсъ 5 ф. 4 л. 625 экз.

Федоровъ, Ив. Опытъ хронологической канвы къ біографіи В. Г. Бѣлинскаго, съ приложеніемъ бібліографическаго указателя 1811—1911 г. Смоленскъ. 1911. Тип. А. Н. Подземскаго. 8° (16×24). 45 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Бирюковъ, П. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. По неизданнымъ матеріаламъ (воспоминанія и письма Л. Н. Толстого). Томъ I. М. 1911. Изд. Посредника (Арбатъ, д. Тѣстова), 2-е. Тип. т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовская, св. д.). 8° (14×20). 520 стр.+30 лист. рис. и портр. Ц. 2 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 5.200 экз.

Бродскій, Н. Л. Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Pamфлеты, пѣсни, сказки, заговоры, пословицы, поговорки, драмы-комедіи, великорусскіе, малорусскіе и бѣлорусскіе (Универсальная бібліотека, №№ 506—7). М. 1911. Изд. Польза, В. Антикъ и К° (Казницкій, 2). Тип. Левенсонъ. 16° (9×14). 190+2 неч. стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 5.200 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. Съ автографами и письмами автора, указателемъ разбираемыхъ писателей и произведеній, указателемъ темъ и вопросовъ, затрагиваемыхъ авторомъ попутно въ различныхъ статьяхъ, съ критико-біографическимъ очеркомъ Г. В. Александровскаго. Подъ ред. Б. К. Фукса. Т. VI. Кіевъ. 1911. Изд. Книгоизд. Б. К. Фукса. Тип. К. Круглянскаго (Суасская, 6). 8° (16×24). 374+104 стр. Складъ: Кни. маг. В. А. Просяниченко (Фундуклеевская, 6). Ц. за 6 т. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 6.000 экз.

Исторія русской арміи и флота. Роскошно-иллюстрированное изданіе. Т. IV. М. 1911. Изд. Книгоизд. т-во „Образованіе“. Тип. „Русскаго т-ва“ (Мыльниковъ пер., св. д.) 8° (19×27). 155+II+2 неч. стр. Съ 23 рис. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 5.000 экз.

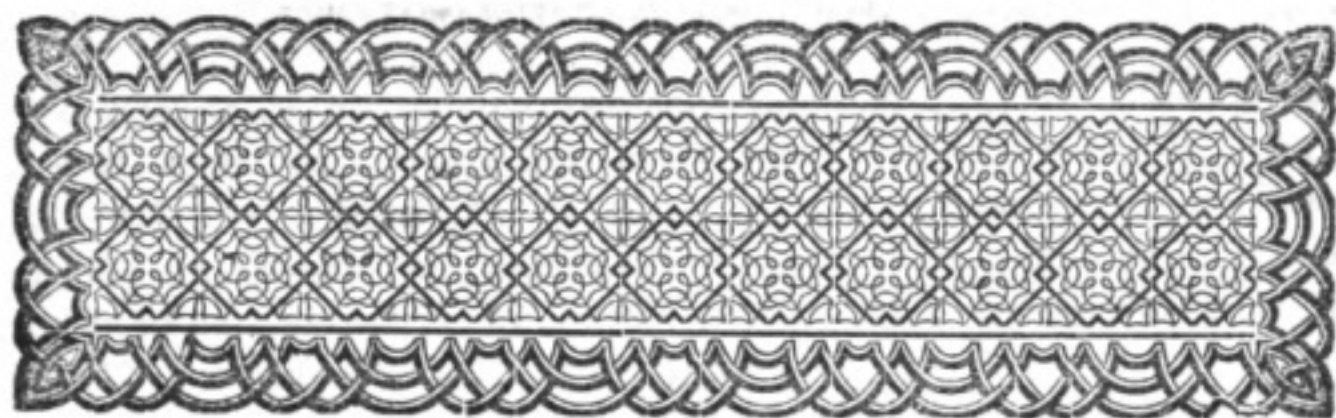
Кольцовъ, А. В. Полное Собраніе сочиненій. Спб. 1911. Изд. 3-е и тип. Академіи Наукъ и Р. Голике и А. Вильборга. 8° (17×23). XI+471 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 4 л. 15.000 экз.

Alexander S. Pushkin.

Матеріалы для біографіи князя М. И. Голенищева-Кутузова.

Выписка изъ списка, отъ Мариупольскаго полка, доставленнаго за Генварскую треть 1785 года. „Генераль-маіоръ, военнаго ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-го класса кавалеръ, Михайло Голенищевъ-Кутузовъ 37 лѣтъ ¹⁾“. Изъ Россійскихъ дворянъ, за отцемъ его во Псковскомъ и Пусторжевскомъ уѣздахъ мужеска полу восемьсотъ душъ, закона вѣры Греческаго исповѣданія. 759 г. октября 10-го вступилъ въ службу Артиллеріи капраломъ (2), каптенармусомъ 759 г. октября 20-го, въ Инженерный корпусъ кондукторомъ 760 г. января 1-го; прапорщикомъ 761 г. января 1-го; Его Свѣтлости г. генераль-фельдмаршала принца Ф. Голштейнскаго флигель-адъютантомъ 1762 г. марта 1-го; а потомъ переименованъ капитаномъ 1762 августа 21-го. Оберъ-квартирмейст. премьеръ Маіорскаго чина 770 г. іюля 1-го; подполковникомъ 771 г. декабря 8-го, полковникомъ 777 г. іюня 28-го. Бригадиромъ 782 г. іюня 28-го. Ген-маіоромъ 784 г. ноября 24. Въ походахъ и у дѣлъ противъ непріятеля былъ 764 и 765 г. Польшѣ въ минувшую войну, въ 769 г.

¹⁾ По справкѣ въ энциклопедическихъ словаряхъ Березина, Эфрона и другихъ, а равно въ Военномъ энциклопедическомъ лексиконѣ годъ рожденія генераль-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Кутузова, князя Смоленскаго, показанъ 1745 годъ, а въ Военномъ энц. лексиконѣ, кромѣ года 1745, обозначено 3 сентября—день рожденія. Слѣдовательно, въ 1785 году, Кутузову не могло быть 37 лѣтъ, а шель сороковой годъ. Относительно другихъ неточностей, встрѣчающихся въ этомъ послужномъ спискѣ, будетъ сказано въ концѣ.

въ Польшѣ; 770 г. въ Молдавіи противъ непріятели въ сраженіяхъ: іюня, 10-го при Рябой могилѣ, въ сраженіи подъ командою господина генераль-квартирмейстеръ Баура въ Прутѣ, іюня 5-го и 7-го на баталіи при Ларгѣ, 21 іюля въ баталіи при рѣкѣ Кагулѣ, въ 1771 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ при по Полештахъ, въ сраженіи, при разбитіи сорока тысячъ непріятели; былъ 772, 773 г. въ Крыму. 773 г. ноября 6-го. 774 г. апрѣля по 22-ое число въ отдѣленномъ detachmentѣ подъ господина генераль-майора Кохиуса прѣ Днѣпрѣ въ урочищѣ Алешкахъ противъ Кимбурна; въ томъ же 774 году въ Крыму на дѣйствительномъ съ непріятели сраженіи при взятіи непріятельской укрѣпленія въ деревнѣ Шуммѣ близъ Алуштинской пристани, гдѣ и раненъ пулею навывлетъ въ голову позади глазъ; 778 г. мая съ 20-го сентября по 29-ое число внутри Крыма находился. Грамотѣ читать и писать по Россійски умѣеть, а также нѣмецкій и французскій, фортификаціи и артиллеріи знаетъ. Въ отпускахъ 765 г. сентября 1-го 786 г. мая по 1-ое того же годовъ, сент. 1-го 767 году по 16 сент. и на данные сроки при командѣ являлся. Въ штрафахъ подъ судомъ и безъ суда не былъ при отлучкахъ. Въ комплектѣ на полковничьей вакансіи, и находился въ домѣ его, состоящемъ въ Псковскомъ намѣстничествѣ, уволенъ Его Свѣтлостію генфельд. княземъ Григор. Алекс. Потемкинымъ † 784 г. сентября 3-го.

Подписано Михаил. Рахманов. 6 класса. Съ подчиталъ 9 класса Глазуновъ.

Награжденъ Георгіевскими крестами: 4-ой степени, въ войнѣ съ Турками при Алуштѣ 24 іюня 1774 г. со знаменемъ въ рукахъ ворвался въ укрѣпленное селеніе „Шуммы“, раненъ въ правый глазъ. 3-ей степени—25 марта 1791 г. за взятіе Измаила.

2-ой 1791 г. за „Мачинское дѣло“, 1-ой за окончательное пораженіе и изгнаніе остатковъ арміи Наполеона изъ предѣловъ Отечества въ 1812 г.

Выписки изъ Высочайшихъ приказовъ.

М. И. Голенищевъ-Кутузовъ 1793 г. сентября 12 за № 4835.

2 сентября 1793 г. за службу его жалуются въ вѣчное и потомственное владѣніе двѣ тысячи душъ.

15 сентября 1794 г. генераль-директоромъ Императорскаго Сухопутнаго Корпуса (нынѣ 1-й кадетскій корпусъ) ¹⁾.

¹⁾ Кутузовъ въ качествѣ директора кад. корпуса обращалъ особенное вниманіе на молодыхъ людей, оказывающихъ успѣхи въ наукахъ и приглашалъ ихъ къ себѣ. Желая ознакомить ихъ съ высшею военною наукою, онъ учредилъ въ корпусѣ классъ тактики, не только для кадетъ, но и для офицеровъ, гдѣ самъ занимался преподаваніемъ, а чертить фигуры поручалъ кадетамъ—преимущественно К. Ѳ. Толю, котораго полюбилъ съ

1797 года декабря 24-го по Высочайшему повелѣнію фельдмаршалъ Графъ Каменскій, по прошенію его, по слабости здоровья отъ службы увольняется съ ношеніемъ Армейскаго мундира, а на мѣсто его назначается Инспекторомъ и Шефомъ Рязанскаго пѣхотнаго полка Генераль-Лейтенантъ Голенищевъ-Кутузовъ.

1798 года января 4-го по Высочайшему повелѣнію Всемиловѣйше пожалованъ въ Генераль-отъ-Инфантеріи. 1799 года сентября 27-го назначенъ къ командованію корпусомъ въ Голландіи.

1799 года октября 26-го назначенъ Шефомъ въ Мушкетерскій полкъ, бывшій Лассія.

1801 года іюня 18-го назначенъ С.-Петербургскимъ Военнымъ Губернаторомъ.

1801 года іюля 11-го назначенъ Инспекторомъ Финляндской Инспекціи.

1802 года августа 29-го, по прошенію его за болѣзнію, уволенъ въ отпускъ на годъ.

1804 года августа 14-го Его Императорское Величество объявилъ свою совершенную благодарность, какъ за устройство произведенныхъ маневровъ, такъ и за исправность и порядокъ, соблюдаемые въ войскахъ во время оныхъ¹⁾.

1806 года октября 5-го поручена должность Кіевскаго Военнаго Губернатора.

1809 года іюля 3-го поручена должность Виленскаго Военнаго Губернатора.

1810 года декабря 2-го уволенъ въ отпускъ по 1-ое февраля 1811 года.

1812 года марта 16-го дня по именному Высочайшему указу, Правительствующему Сенату данному, Всемиловѣйше утверженъ въ званіи Главнокомандующаго Дунайскою Арміею со всѣми правами, властію и преимуществами главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею.

юныхъ его лѣтъ и который, впоследствии (1812 г.) былъ при немъ генераль-квартирмейстеромъ. (Извлечено изъ Сб. свѣд. о воен.-учеб. зав. въ Россіи. Н. Мельницкаго стр. 118).

¹⁾ Въ этихъ выпискахъ изъ приказовъ не приведено участіе Кутузова въ походахъ 1783, 1787, 1788, 1789, 1790 и 1791 гг.; не сказано, что при осадѣ Очакова Кутузову вторично прострѣлили голову, при чемъ лечившій его докторъ писалъ: „Надобно думать, что Провидѣніе сохраняетъ этого человѣка для чего-нибудь необыкновеннаго, потому что онъ исцѣлился отъ двухъ ранъ, изъ коихъ каждая смертельна“. Не указано, что подъ Аустерлицемъ Кутузовъ раненъ третій разъ въ лицо. Не упомянуто также, что въ 1793 году Кутузовъ былъ посломъ въ Константинополь, а въ 1805 году въ Австріи имѣлъ подъ начальствомъ русскія и австрійскія войска. *Ред.*

1812 года іюля 31-го въ Высочайшемъ повелѣніи, на Имя Его Свѣтлости послѣдовавшемъ, изображено „по назначеніи Васъ Главнокомандующимъ формируемаго въ С.-Петербургѣ Корпуса, нахожу нужнымъ поручить Главному Начальству Вашему всѣ войска, находящіяся въ С.-Петербургѣ, Кроншталтѣ и Финляндіи, не исключая и морскихъ, дабы вы, имѣя оныя въ единственной своей командѣ, могли въ случаѣ надобности употреблять и соединять оныя, имѣя въ то же время наблюденіе; дабы распоряженія Ваши, о морскихъ войскахъ дѣлаемая, были не иначе, какъ по сношенію съ Морскимъ Министромъ, дабы предписанія Ваши не были вопреки дѣлаемыхъ имъ распоряженій по флоту, вслѣдствіе данныхъ мною Морскому Министру предписаній“.

1812 года августа 12-го за № 21011 изъ указа Правительствующаго Сената между прочимъ видно, что въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату отъ 8-го августа, изображено: „Нашему Генералу-отъ-Инфантеріи Князю Кутузову Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть Главнокомандующимъ надъ всѣми Арміями нашими, съ присвоенными къ сему званію преимуществами послѣдними узаконеніями“.

(Изъ дѣла 1-го отдѣленія бывшей общей канцеляріи Военнаго Министерства).

По донесенію на Высочайшее Имя.

Августа 30-го за № 1122 Его Свѣтлость въ донесеніи къ Государю Императору 27-го августа же Всеподданнѣйше доноситъ о бывшемъ 26-го числа достопамятномъ сраженіи при селѣ Бородинѣ, на полѣ рукою Генераль-отъ-Артиллеріи графа Аракчеева написано: „Его Императорское Величество въ воздаяніе знаменитыхъ заслугъ Генераль-отъ-Инфантеріи князя Кутузова, Всемилоствѣйше произвелъ его въ Генераль-Фельдмаршалы и пожаловалъ ему 100.000 руб.“.

1812 года октября 31-го за № 418 на такомъ же донесеніи Его Свѣтлости отъ 7-го октября изъ д. Леташевки, объ одержанной побѣдѣ надъ французскимъ корпусомъ, бывшимъ подъ командою короля Неаполитанскаго, рукою же Графа Аракчеева написано: „Его Императорское Величество за одержанную побѣду надъ непріятелемъ, жалуетъ Генераль-Фельдмаршалу князю Кутузову шпагу, богато украшенную алмазами, съ лавровыми вѣнками“.

1812 года декабря 24-го за № 29123 изъ указа Правительствующаго Сената явствуетъ, что въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату сего декабря въ 6-й день, собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: „въ память незабвенныхъ заслугъ Нашего Генераль-Фельдмаршала Князя Голенищева-Кутузова, довед-

шаго многочисленныя непріятельскія войска искусными движеніями своими и многократными побѣдами до совершеннаго истощенія, истребленія и бѣгства, особливо же за нанесенное въ окрестностяхъ Смоленска сильное врагу пораженіе, за которымъ послѣдовало освобожденіе сего знаменитаго града и послѣднее преслѣдуемыхъ непріятелей изъ Россіи удаленіе, жалуемъ Мы ему титулъ Смоленскаго, повелѣвая Правительствующему Сенату заготовить на оный Грамоту и внести къ Нашему подписанію“.

Выше означенныя выписи изъ послужнаго списка (формуляра) князя Кутузова и Высочайшихъ приказовъ доставлены ¹⁾ директору 2-го кадетскаго корпуса и помѣщены въ приложеніяхъ къ исторіи этого корпуса, напечатанной въ текущемъ году, въ юбилейномъ изданіи, которое разошлось по подпискѣ среди бывшихъ кадетъ этого корпуса.

Вслѣдствіе этого документы о князѣ Кутузовѣ остались мало извѣстными, несмотря на ихъ цѣнность въ виду столѣтія Отечественной войны.

Кромѣ того, въ нихъ встрѣчаются неточности относительно начала службы и ученія кн. М. И. Голенищева-Кутузова, такъ, на примѣръ, въ формулярѣ говорится, что Кутузовъ вступилъ въ службу 10-го октября капраломъ. Между тѣмъ, историкъ 2-го кадетскаго корпуса Ломинъ ²⁾, на стр. 102 говоря объ артиллерійской и инженерной школѣ, въ которой обучался Кутузовъ, указываетъ, что „при школѣ получили образованіе многіе молодые люди, прославившіеся впоследствии на поприщѣ государственной службы, и между прочимъ герой 1812 г. Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ“.

Еще находясь въ школѣ, Кутузовъ обращалъ на себя вниманіе, какъ замѣчательными способностями, такъ и прилежаніемъ. Въ спискахъ за 1759 годъ, онъ показанъ артиллеріи фурьеромъ и 28 октября того же 1759 года произведенъ за прилежаніе къ наукамъ въ артиллеріи каптенармусы; „слѣдовательно, Кутузовъ не могъ вступить въ службу 20 октября, такъ какъ въ это время онъ еще учился въ школѣ. За тѣмъ далѣе г. Ломинъ сообщаетъ, что „29 декабря ордеромъ, даннымъ графомъ Шуваловымъ ³⁾, Кутузовъ произведенъ въ инженеръ-кондукторы 1-го класса, съ оставленіемъ при школѣ къ вспоможенію офицерамъ для обученія прочихъ. Такимъ образомъ, продолжая еще курсъ наукъ, Кутузовъ

¹⁾ Изъ Военнаго Министерства.

²⁾ Историческое обозрѣніе 2 кадет. корпуса, изданное по случаю столѣтняго юбилея, исполнившагося въ 1862 году.

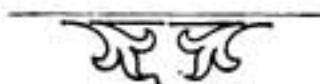
³⁾ Генераль-фельдцейхмейстеръ, въ подчиненіи котораго состояла соединенная арт. и Инж. школа.

въ то время занимался преподаваніемъ ариѳметики и геометріи въ соединенной солдатской школѣ“. Въ 1761 году, по представленію Мордвинова ¹⁾, Кутузовъ былъ произведенъ въ инженеръ-прапорщики, и затѣмъ 5 іюня того же года (а не 1 января) отчисленъ отъ школы, для опредѣленія въ дѣйствительную службу. Кромѣ знанія языковъ французскаго и нѣмецкаго, о которыхъ упоминается въ выпискѣ изъ формуляра, по школьнымъ свѣдѣніямъ Кутузовъ зналъ латинскій языкъ, т. е. „на латинскомъ разумѣль автора“.

Въ заключеніе остается указать, что во всѣхъ энциклопедическихъ словаряхъ, не исключая военнаго, сказано, что Кутузовъ воспитывался въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ корпусѣ. Подобнаго наименованія того заведенія, въ которомъ обучался Кутузовъ въ 1759—1761 г.г. не было, а именовалось оно *Соединенною Артиллерійскою и Инженерною Дворянскою школою*. Ибо Артил. и Инженер. Шляхетный кадетскій корпусъ былъ учрежденъ лишь 25 октября 1762 г., а въ 1800 году былъ переименованъ во 2-ой кадетскій корпусъ.

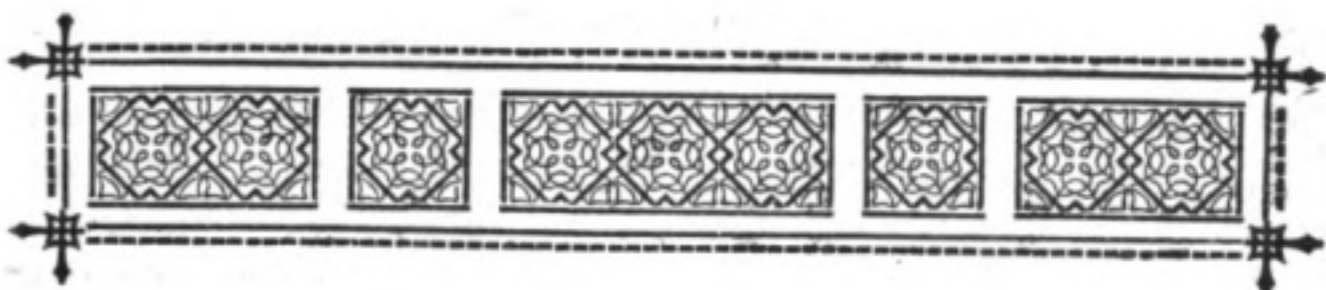
При основаніи своемъ Артил. и Инженер. кад. корпусъ предназначался къ подготовленію свѣдущихъ офицеровъ для Артиллеріи и Инженернаго вѣдомства. Онъ замѣнилъ собою существовавшія для этой же цѣли спеціальныя школы, которымъ начало положено было еще Петромъ Великимъ. Эти школы вошли въ составъ корпуса, при его учрежденіи. Такъ что это было непереименованіемъ, даже не преобразованиемъ, а дѣйствительнымъ основаніемъ новаго военно-учебнаго заведенія по образцу—учрежденнаго Императрицею Анною Іоанновною Шляхетнаго кадетскаго корпуса (173—32 г.г.), нынѣ 1-го кадетскаго. Что касается до Петровскихъ военныхъ школъ, то свѣдѣнія о нихъ въ виду отсутствія таковыхъ весьма смутны. Архивъ 1-го кадетскаго корпуса пострадалъ отъ пожара, а 2-го кадетскаго корпуса—тоже не полонъ, такъ какъ исчезло нѣсколько дѣлъ стараго времени. Только Архивъ Морского вѣдомства довольно полонъ, что дало возможность написать генералу Веселаго довольно полную и правдивую исторію Морского корпуса, не прибѣгая къ обобщеніямъ, чтобы доказать связь съ историческимъ прошлымъ—старыхъ военно-учебныхъ заведеній XVIII-го вѣка съ таковыми XIX и XX вѣковъ.

К. Волховской.

¹⁾ Начальника этой школы.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ ¹⁾).

67 ²⁾).

Сентября 3. 1812 г. Вторникъ.

Мнѣ стыдно и совѣстно требовать отъ васъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, за мою рѣпу ваши ананасы; но поелику они составляютъ для меня не лакомство, а душевное лекарство, то надѣюсь, что изъ свойственнаго вамъ состраданія продолжите пользоваться меня вашими несравненными посланіями. Авось Провидѣніе еще будетъ ко мнѣ столь милостиво, что не совсѣмъ утомленіями отвлечетъ васъ отъ неоставленія меня. Когда не будете имѣть свободныхъ минутъ за дѣлами службы, то посылайте мнѣ по крайней мѣрѣ графскіе бюллетени.

Вашъ 28 № съ приложеніями имѣлъ утѣшеніе получить. Тургеневу ту же минуту послалъ нарочнаго, а другое письмо отнесъ самъ черезъ часъ по полученіи. Не заставъ въ городѣ В., я вручилъ его ей матери въ церкви и предложилъ мою готовность переслать отвѣтъ. Принесутъ, такъ доставлю Вамъ оный.

Государь еще здѣсь, и я не слышу болѣе о днѣ его отъѣзда къ вамъ или въ другое мѣсто. Кутузовъ Александровъ день превра-

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1912 г.

²⁾ За сентябрь дошло только два письма—отъ 3-го и отъ 6-го числа; остальные, если и были, очевидно, пропали вслѣдствіе занятія Москвы французами, октябрьскія письма начинаются съ 15-го числа.

тиль сего года въ Петербургѣ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Всѣ, поздравляя другъ друга съ побѣдою, обнимались, лобызались. Не можно описать радости и восторга, которые изображались на всѣхъ лицахъ. Самые плуты французы пустились на изверга сочинять каламбуры. *Voilà, disoient-ils, on savoit même en France qu'il n'aura plus de succès, assitôt qu'il aura un successeur.* Погода была прекрасная. Народу по Невскому проспекту отъ самаго адмиралтейства до монастыря двигалось чрезъ цѣлый день такое множество, что англійскій посоль сказалъ: „*Ma foi! en jugeant d'après cette multitude je n'oserai prononcer, si Londres est plus peuplé que Pétersbourg.*“ Высочайшій Именинникъ былъ чрезвычайно веселъ. Онъ шествіе свое совершалъ взадъ и впередъ на лошади. Воздухъ наполнялся восклицаніями народа. Я самъ съ нимъ кричалъ ура! Гдѣ жъ объ этомъ упомянуто? Меня, конечно, редакторы во множествѣ отдѣльно слышать не могли, но какъ оглохли они до такой степени, чтобъ не слышать восклицаній, отъ коихъ колебался воздухъ? *Notez cela.* Знайте также, что я видѣлъ несчастныхъ, которые въ радостный день стояли въ церкви, повѣся носъ, а послѣ увѣряли, что мы преждевременно радуемся. У васъ этикіе мерзавцы составляютъ невидимое ополченіе злодѣя, а у насъ они гордятся, что могутъ явно быть ему помощниками. Ихъ, къ счастью, теперь не слушаютъ, и потому-то побѣдителя сдѣлали фельдмаршаломъ, пожаловали ему 100 т. рублей, супруга его возведена въ статсъ-дамы, а племянница Яхонтова въ фрейлины. Въ тотъ же день Горголи¹⁾ пожалованъ генераль-маіоромъ и утвержденъ оберъ-полицій-мейстеромъ: одному полиціймейстеру дали алмазные знаки, а служащему у министра полиціи, дѣйств. ст. совѣтнику Лаврову—1-й степени Анны. Пусть за великимъ Кутузовымъ и этотъ народъ прихвостничаетъ, а я сдѣлалъ хвостъ къ скромной „Сѣв. Почтѣ“, прибавя, что молебствіе воспѣто было съ пушечными выстрѣлами для побѣды, и что въ вечеру добровольно весь городъ былъ освѣщенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ стоитъ, то не было еще толь радостнаго Александрова дня, каковъ онъ былъ въ прошедшую пятницу. О, злодѣи! и вы этого не хотите возвѣстить? Вамъ только и пихать дерьмо въ ваши листы о Великихъ Лукахъ. Ростопчинъ, смотри въ Тихвинъ. Пошли туда вѣрнаго человѣка въ ризничью монастыря, но скорѣй, дабы захватить тамъ скарбъ одного изъ злодѣевъ. Раздай его по окончаніи дѣла разореннымъ смольянамъ.—*Adressez*

¹⁾ Горголи, Иванъ Саввичъ, род. 1770 г. † 18 марта 1862 г.; съ 25 сентября 1811 г. по 22 августа 1821 г. былъ петербургскимъ оберъ-полицій-мейстеромъ.

moi un courier, je vous dirai alors la chose plus intelligiblement. Богомъ клянусь, что я въ гробъ лѣзу, видя разные маневры внутреннихъ злодѣевъ. Одна надежда на графа и Трощинскаго, что накажутъ ихъ.

Наше ополченіе въ числѣ 12 тысячъ въ воскресенье на Исакиевской площади получило одно знамя. Оно совсѣмъ готово и выступаетъ въ четвертокъ на Псковъ. Вѣроятно, посылаютъ его къ герою Витгенштейну, къ которому идетъ изъ Ревеля и 25-ти-тысячный корпусъ, высаженный изъ Финляндіи. Тутъ находится и 5 тысячъ шведовъ. Кажется, что ополченіемъ командовать будетъ генер.-маіоръ Бегичевъ.

Англійскій посолъ Каткартъ получилъ достовѣрное извѣстіе, что Мармонтъ умеръ. Ему оторвало ядромъ плечо. Сульть въ безпорядкѣ ретируется, а Іосифъ Бонапарте сдался англичанамъ съ тѣмъ, чтобы его не выдавать немилосердному брату, ни гишпанцамъ. Въ воскресенье свита Каткарта представлялась двору. Вотъ ея списокъ ¹⁾. У сего найдете и послѣднее донесеніе Эссена ²⁾.

Мы ждемъ съ послѣднимъ нетерпѣніемъ извѣстій отъ новаго фельдмаршала. Сказываютъ, что злодѣй отступилъ токмо на 15 версть. Ахъ! кабы подоспѣлъ Тормасовъ, такъ тотчасъ бы рѣшились напасть на голодную, но отчаянную сволочь. Ее постоянно поятъ виномъ. Медленность Кутузова основана на пощадѣ своихъ. Онъ доканааетъ Бонапарте болѣе голодомъ. Скажите! какая необходимость лѣзть на его необъятную артиллерію? Такъ, несравненный Булгаковъ! Кутузовъ побѣдитъ, Россія избавится, Европа воскреснетъ. Онъ задохнется отъ славы; онъ умретъ отъ радости. Какой блаженный конецъ! Для него нѣтъ другой награды кромѣ безсмертія.

Посылайте всѣ бюллетени ваши къ Келембету для доставленія другу моему Бабичеву въ деревню.

68.

Сентября 6. 1812 г. Пятница.

Впечатлѣнія, производимыя посланіями вашими, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, можно токмо чувствовать, а не описывать.

¹⁾ Le lord Walpole, secretaire d'Ambassade. Le General major de Dornberg. Le Comte Tyronnel, aide de camp de S. A. R. le Duc de York. M-r les Honnables: Frédéric Cathcart, premier aide de camp et secretaire, George Cathcart, St. Macdonald, George Dawson, François Forbes, M-r Werry, Secretaire, M-r l'honorable Perceval, Gentilhomme de l'Ambassade, M-r le capitaine Bowles, capitaine de la marine de S. M. Britannique, M-r Saumarez, fils de M-r l'amiral et chevalier Jaumarez.

²⁾ Донесенія не оказалось.

При чтеніи 29-го № я плакалъ и восхищался. Нельзя не быть человѣкомъ, слыша о гибели и язвахъ толикаго числа героевъ, между коими находятся еще знакомые, и друзья, и кровные. Сердце поражается, слезы текутъ ручьями, но, представляя себѣ избавленіе Отечества, забываешь всѣ чрезвычайныя жертвы, приносимыя для достиженія сей паче жизни вождѣльной цѣли. Какъ же иначе могъ отвѣчать вамъ съ возвышенною своею душою о сию пору увѣнчанный безсмертіемъ графъ Ѳеодоръ Васильевичъ? Далекъ я равняться съ симъ богодарованнымъ Россіи мужемъ, но увѣряю тебя, Булгаковъ, что вчерась, провожая въ изнеможеніи моемъ остальное ополченіе, плакалъ токмо отъ того, что тысяча препятствій удержали меня раздѣлится съ нимъ славу пасть или побѣдить, сражаясь за Отечество. Я не на ратномъ полѣ могу однакоже быть болѣе полезнымъ Отечеству. Мнѣ чуждо военное искусство. Послѣ сего я самый плохой офицеръ, а богатырской силы не имѣю, чтобы отличиться въ ратникахъ. Связаны руки. Что хотите, чтобы я сдѣлалъ? Схожу однако же съ ума. Надобно, дабы я на что-нибудь рѣшился, въ чемъ болѣе имѣю надежды успѣть: безъ того не могу оправиться въ моемъ здоровьѣ. Приступилъ уже къ исполненію моего намѣренія. Будетъ ли духъ въ томъ человѣкѣ, къ которому я адресовался? Увижу. Не теряю еще до сихъ поръ надежды явиться скоро туда, гдѣ находится Булгаковъ. Прошу въ случаѣ моего успѣха не дивиться появленію.

Приложенія ваши вѣрно и немедленно доставлены. Отвѣта не получилъ изъ дома Вяземской. Я все для васъ сдѣлалъ, а что тамъ черезъ меня ни пишутъ, въ томъ я не виновать.

Есть отъ 1-го сентября отъ Витгенштейна реляція. Макдональдъ, оставя около Риги и Динабурга до 14-ти тысячъ войскъ, пошелъ самъ съ остальными силами чрезъ Эзерось, и герой нашъ догадывается, что онъ подкрѣпитъ намѣренъ Ренье и Шварценберга противъ Тормасова.

Вчерась при Дворѣ не было большого стола. Тезоименитство Ея Имп. Величества праздновано одною токмо иллюминаціею.

Я рвусь, Булгаковъ, видя, какъ безъ малѣйшей опасности укладываются, ѣдутъ. Вотъ чѣмъ хотятъ пособлять спасенію погибающаго отъ безсмертнаго Кутузова злодѣя! Какъ въ настоящее время года за 700 верстъ на сѣверѣ, гдѣ нѣтъ хлѣба для томимаго голодомъ врага, могутъ тревожиться благомыслящіе люди? Разрѣшите загадку?—Дѣйствуютъ и успѣваютъ внутренніе враги. Какъ же терпѣть ихъ? О бездна! изъ коей должно насъ еще графу вытащить. Зачѣмъ Чичаговъ командуетъ арміею? Ему бы надлежало быть здѣсь.

То-то наша и бѣда, что все растасовано такъ, чтобъ болѣе вредить можно было отечеству. Que veut-il faire avec son enthousiasme, en commandant les troupes de terre? Pour le moment il serait l'homme le plus nécessaire près de la personne sacrée de S. M. I. Il aurait lâché le vrai mot. И болѣе нѣтъ ни у кого духа настоять на удаленіи извѣстныхъ людей. Авось все поправится тѣмъ же человѣкомъ, который спасъ Москву, истребя якобинцевъ.

Объ отъѣздѣ Императора ничего болѣе не слышу, а говорятъ, что Императрица Марія Ѳеодоровна изволить отправиться къ В. К. Екатеринѣ Павловнѣ въ Ярославль.

Свѣтлѣйшій на маршѣ; вотъ все, что объ немъ могъ узнать. Ежели теперь не истребятъ Бонапарте, то заряжать поскорѣе пистолеть. Онъ у насъ въ рукахъ, развѣ злодѣи помѣшаютъ Кутузову довершить безсмертное дѣло. Чего добраго! По настоящему ходу вещей, увы! все останется. Я внѣ себя. Какая же связь можетъ быть въ мысляхъ. До свиданія.

Каткартъ до пѣны у рта бѣсится. P.S. Разрѣшенъ ввозъ англійскихъ суконъ и ситцовъ. Сахаръ и кофе удивительно подешевѣли. Фунтъ сахару 80, а кофе 60 копѣекъ.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣчательный указъ 25 января 1808 г.

(М. о. А. Г. Ш. 1808 г. Оп. 56, св. 343, д. № 46).

25 генваря 1808 г. послѣдовалъ замѣчательный указъ, контра-
сигнированный воен. мин. Аракчеевымъ и имъ же по всей вѣроят-
ности составленный и поднесенный на утверждение.

„Приемля въ уваженіе, что мин. воен.-сух. силъ при исправле-
ніи дѣлъ, какъ по сей его должности, такъ и прочихъ по особой
довѣренности, отъ Меня возложенныхъ, *не можетъ имѣть времени*
заниматься разсмотрѣніемъ всѣхъ производящихся по военной кол-
легіи и ея по онымъ рѣшеній, а потому *облегчая его въ трудахъ*,
повелѣваю *согласно съсланному имъ представленію* вносить на
разсмотрѣніе его тѣ только изъ нихъ, кой заслуживаютъ особен-
ное вниманіе; по прочимъ же предметамъ во включаемой здѣсь
запискѣ упомянутымъ, разсмотрѣніе и окончаніе производить имѣеть
сама коллегія“.

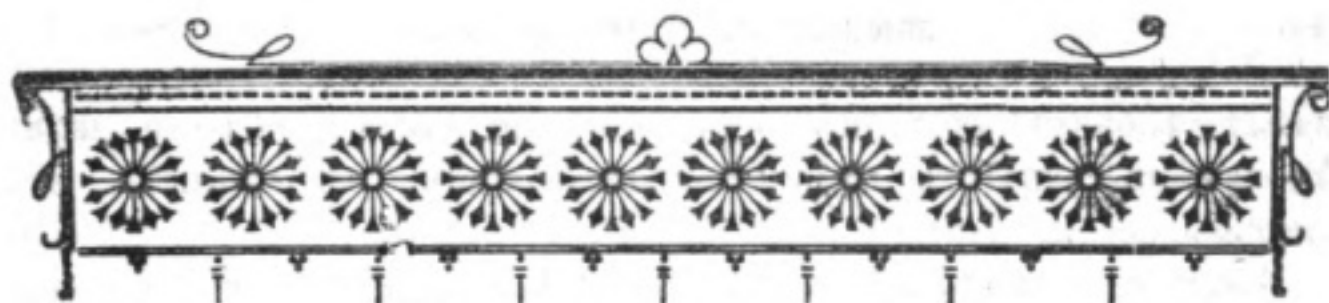
Въ упомянутую записку внесено было 18 пунктовъ, содержа-
щихъ въ себѣ по родамъ и количеству дѣлъ значительное „облег-
ченіе“ воен. министру гр. Аракчееву, автору ея.

До 5-го только декабря того же года пользовалась впрочемъ
коллегія свободой рѣшеній и доклада. Пожалѣлъ Аракчеевъ выпу-
щенной изъ рукъ полной власти и рѣшилъ опять взять ее въ свои
руки. 5 декабря была Высоч. утвержд. новая записка, въ которой
читаемъ:

„*Ваше Императорское Величество соизволили означить въ*
Высоч. конфир. отъ 25 генв. сего года запискѣ *предметы*, въ ка-
кихъ случаяхъ воен. кол. можетъ производ. разсмотрѣніе и оконч.
дѣлъ своихъ сама собою, безъ представл. воен. мин. на утвержд.“
Далѣе говорится, что впредь дѣла такого рода, которыя представ-
ляется доводить до свѣд. Гос. Имп., снова докладывать воен. мин.
и только *частная переписка* остается на рукахъ самой коллегіи.
Мотивъ выставленъ такой: „представля на апробацію воен. мин.,
коллегія болѣе будетъ обращать тогда вниманіе на существо са-
маго дѣла и на свое по оному мнѣніе“.

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1806 г.¹⁾.

4-го декабря, вторникъ. Сегодня я получилъ отчеты мануфактуры и докладъ, въ которомъ испрашивалось 178.000 руб. Императрица разсердилась, спросила объясненій, которыхъ я дать ей не могъ, такъ какъ только что получилъ отчетъ и не имѣлъ времени провѣрить счеты. Она говорила относительно управляющаго, что Вильсонъ дѣлаетъ еще больше расходовъ, нежели Гаскоинъ, что надо лучше слѣдить за счетами и пр. и пр. все въ томъ же родѣ, что я имъ долженъ былъ сказать, объяснить, провѣрить и т. д.

И между прочимъ сказалъ ей, что тѣ, которые тамъ находятся, не могутъ вести счетовъ иначе, и что они и впредь будутъ вести такъ; если же ихъ способъ не годится, то надо назначить другихъ, что тотъ, кто знаетъ или долженъ лучше знать, такъ это Полетика, но странно, что именно онъ говоритъ, что объ этомъ слышать даже не хочетъ.

Она возразила мнѣ, что Полетика этого дѣла не понимаетъ и онъ Вамъ это тотчасъ же самъ скажетъ. Мы говорили это всѣ, отвѣтилъ я. Волконскій сказалъ давно, что онъ ничего не понимаетъ, я никогда не имѣлъ дѣла съ мануфактурами и ничего не знаю и т. д. Вильсонъ въ жизни своей не видалъ прядильныхъ фабрикъ и знаетъ только то, чему выучился тамъ въ теченіе полутора года, что онъ тамъ. Да—сказала Она, но онъ выучился у Гаскоина, который самъ ничего не зналъ, возразилъ я, который никогда не

¹⁾ См. „Русская Старина“ августъ 1912 г.

видѣлъ фабрикъ въ этомъ родѣ, и хотя его способности дали возможность охватить цѣлое, но подробности онъ выучился въ Александровскѣ.

Возьмемъ подробный счетъ, заключающій расходы копѣйку въ копѣйку, рассмотримъ, есть ли между нами кто-нибудь, кто можетъ сказать: вотъ гдѣ лишній расходъ, здѣсь можно сбавить, тамъ уменьшить на одного человѣка — нѣтъ, никто! Наконецъ, сказала Она смягчившись, возьмите все это, призовите этихъ господъ, просмотрите все; необходимо привести все въ ясность, я хочу все видѣть ясно и потомъ мнѣ все представите, и приказала послать тотчасъ за Волконскимъ, несмотря на мое заявленіе, что невозможно въ минуту объяснить всѣ счета и пр. Часа черезъ два я къ счастью получилъ записку отъ Волконскаго, который пріѣхалъ только что изъ Александровска и посѣщалъ больного корью, а потому не смѣетъ явиться во дворецъ. Я былъ душевно радъ, потому что объясненіе счетовъ было бы плохое, такъ какъ не имѣли времени просмотрѣть ихъ, и только прибавило бы нѣсколько не вѣрныхъ взглядовъ и все кончили бы тѣмъ, что и разсердили бы еще болѣе. Она сказала мнѣ, что дастъ мнѣ послѣобѣденное время, чтобы все устроить. Я послалъ къ Вильсону и Волконскому приглашеніе пріѣхать ко мнѣ 7 — 8 часовъ вечера. Волконскій не пріѣхалъ, получивъ мою записку только въ 10 часовъ вечера.

5-го Среда. Я рѣшился сказаться больнымъ, чтобы имѣть время для работы. Вечеромъ только состоялось совѣщаніе съ Вильсономъ и Волконскимъ по отчету мануфактуры, и я составилъ вѣдомость того, что нужно для мануфактуры. Результатъ общій вышелъ 190.000 рублей.

24-го Понедѣльникъ. Получивъ приказаніе прибыть къ Императрицѣ въ 2 часа, я пріѣхалъ ранѣе и засталъ большой сѣздъ къ обѣднѣ. Я встрѣтилъ Вильсона, который сообщилъ мнѣ новость, что получено извѣстіе о побѣдѣ надъ французами. Кюльвейнъ подтвердилъ его сообщеніе, слышавъ лично о немъ отъ Императрицы.

Французы сражались подъ личнымъ предводительствомъ Бонапарта. Я надѣялся видѣть Императрицу радостной. Она была въ церкви. Когда она возвратилась, то сказала мнѣ: мы получили отличныя извѣстія изъ арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ самыя позорныя о фельдмаршалѣ. Это было ужасное омраченіе радости. Я Вамъ все скажу послѣ, сказала она и сѣла писать, но скоро пришелъ Государь и другія лица; прождавъ напрасно до 4-хъ часовъ, я ушелъ домой.

25-го Вторникъ. Рождество. Ко мнѣ пришелъ князь Владиміръ Волконскій и сказалъ, что узнавъ черезъ брата условія, при кото-

рыхъ хотятъ его послать въ Англію, онъ не можетъ предпринять этого путешествія (2.000 р. содержанія и 300 червонцевъ на дорогу). Я вполне понялъ, что онъ не можетъ и предвидѣлъ, что его дѣло кончено. Онъ мнѣ передалъ письмо, въ которомъ пишетъ, что условія эти для него недостаточны, и просилъ покончить скорѣй съ этимъ дѣломъ, жалуясь, что его долго задержали здѣсь.

Я поѣхалъ во дворецъ, но забылъ взять его письмо, или лучше сказать хотѣлъ послать завтра, чтобы его получили не при мнѣ.

Сегодня былъ молебень по случаю побѣды. Говорили одни, что фельдмаршалъ Каменскій боленъ, а другіе, что онъ уже выздоровѣлъ. Петръ Дивовъ рассказывалъ, что въ день сраженія 14-го Каменскій неожиданно покинулъ армію, сказавшись больнымъ, и уѣхалъ въ Гродно, и на это обстоятельство смотрѣли, какъ на трусость или предательство. Онъ полагаетъ, что нѣтъ ли тутъ какой-либо интриги и можетъ быть ранѣе еще разными большими неприятностями заставили фельдмаршала сдѣлать этотъ неожиданный шагъ; что Буксгевденъ и Ливенъ оба лифляндцы и держатся другъ за друга. Я, сознаюсь, думалъ также, тѣмъ болѣе, когда вспомнилъ все то, о чемъ говорили прежде, что Каменскій писалъ Аракчееву, чтобы онъ пріѣхалъ въ армію позаботиться о артиллеріи, послѣ чего Аракчеевъ заболѣлъ; что потомъ онъ жаловался на князя Волконскаго касательно вещевого и провіантскаго довольства, что это никогда не доставляется своевременно къ арміи, и я полагаю, что если этотъ послѣдній здоровъ, т. е. слишкомъ прочно стоитъ, чтобы заболѣть, то слѣдственно очередь заболѣванія за фельдмаршаломъ.

Когда я вошелъ къ Императрицѣ, она сказала мнѣ: что въ день сраженія войска уже были выстроены, вдругъ Каменскій оставляетъ армію, садится при всѣхъ въ телѣгу для отъѣзда въ Гродно въ госпиталь, хотя передъ этимъ два дня подъ рядъ объѣзжалъ передовые посты какъ казакъ, что вовсе не подобало фельдмаршалу, а въ минуту начала боя онъ уѣхалъ и сдалъ командованіе Буксгевдену, что онъ писалъ Государю, что онъ себя болѣе не признаетъ принадлежащимъ арміи, что онъ не чувствуетъ ни бодрости, ни рѣшимости, ни терпѣнія переносить утомленіе и просить разрѣшеніе возвратиться къ себѣ въ имѣніе. Она прибавила, что онъ отдалъ приказъ о возвращеніи арміи въ Россію, наконецъ, что онъ сталъ отдавать послѣдовательно то приказаніе, то отмѣну его; что, по словамъ генераловъ, наши успѣхи были бы еще большіе, если бы онъ не отдалъ приказанія отступить; что Буксгевденъ находится въ большомъ затрудненіи. Я позволилъ себѣ спросить: дѣйствительно ли все это правда? Императрица отвѣтила, что она лично видѣла депешу, написанную безъ здраваго смысла; что это

истинная правда, и что Она ничего сообразить не можетъ. Она повидимому вѣрила, будто-бы Каменскій былъ заплаченъ французами, чтобы не командовалъ арміей, потому что Она поручила мнѣ справиться по вѣдомостямъ, когда онъ положилъ деньги въ московскую кассу, такъ такъ она помнила объ этомъ обстоятельстве. Оказалось, что положившіе деньги были: какой-то Михайль Сергѣевичъ и Николай Михайловичъ Каменскіе, изъ которыхъ первый положилъ 4-го октября 60.000, а второй 10-го октября 20.000.

Выходя, я встрѣтилъ князя Дмитрія Волконскаго, который мнѣ говорилъ о предполагаемомъ бѣгствѣ фельдмаршала, и что старый графъ Татищевъ сказалъ ему утромъ: „что Каменскій не струситъ и не продастъ, въ томъ я ручаюсь головой“, и т. д. Я увидѣлъ изъ всего этого, что тутъ есть интрига, и зная, до какой степени Государь мало расположенъ къ Каменскому, думаю, что не трудно было уронить его во мнѣніи Государя, представляя все то, что онъ дѣлаетъ, въ томъ видѣ, какъ желательно, и отвѣчалъ на его требованія Богъ знаетъ какъ, такъ что наконецъ старикъ, видя всѣ эти проски, привялъ рѣшеніе рѣзко безъ дальнѣйшихъ объясненій, или считая объясненія ниже своего достоинства. Говорятъ, что онъ покинулъ армію въ день сраженія, другіе говорятъ, что онъ страдаетъ грыжей и усталость двухъ дней ѣзды верхомъ его привела къ изнеможенію.

Говорятъ, что онъ приказалъ арміи возвратиться въ Россію; можетъ быть онъ приказалъ отступить къ границамъ, потому что не хватало провіанта; одно можетъ быть объяснено, какъ подлость и предательство, другое какъ умная мѣра. Его осуждаютъ, что онъ скакалъ по передовымъ постамъ какъ казакъ, употребляя это выраженіе какъ презрительное. Если бъ онъ одержалъ большую побѣду, то говорили бы тоже въ видѣ похвалы о его неутомимой дѣятельности. Я говорилъ въ этомъ смыслѣ Крейтону, и онъ согласился, что это возможно. Желательно видѣть, какъ разрѣшится эта загадка. Я видѣлъ Императрицу утромъ слишкомъ на короткое время, чтобы высказать то, что я думаю. Я получилъ приказаніе придти послѣ обѣда.

26. Среда. Императрица, окончивъ дѣла, говорила о Каменскомъ, что онъ возвратился къ своему посту, прибавивъ къ тому, что изъ этого видно, что такъ какъ наша армія была принуждена отступать и что Каменскій въ виду предстоящаго рѣшительнаго сраженія, не желая рисковать своей военной репутаціей, удалился, но какъ дѣло вышло хорошо—онъ вернулся.

Я передалъ Императрицѣ общія разсужденія о Каменскомъ, и что полагаютъ его жертвой интриги.--Она согласилась, что въ

этомъ согласно общественное мнѣніе, но его противурѣчивые приказы по арміи доказываютъ, что онъ съ ума сошелъ. Относительно продовольствія они сказали, что жалобъ на это нѣтъ, но конечно солдаты истратили свой трехдневный запасъ въ теченіе трехъ дней сраженій, и что это она находитъ весьма естественно, но вообще въ провіантѣ не нуждаются. Что она говорила съ графомъ Кочубеемъ и фельдмаршаломъ Салтыковымъ на счетъ впечатлѣнія, произведеннаго на публику, которая вѣритъ въ интригу, но они не нашли возможности оправдывать фельдмаршала, и даже графъ Толстой, который убѣждалъ Государя назначить Каменскаго главнокомандующимъ, находилъ этотъ поступокъ возмутительнымъ; что она читала письмо, гдѣ онъ говоритъ о противурѣчіяхъ въ его распоряженіяхъ. Я ей сказалъ о замѣчаніяхъ, которыя дѣлаются, что все касающееся Каменскаго проходитъ черезъ руки лифляндцевъ: Ливена и Буксгевдена, она отвѣтила, что Буксгевденъ уже отозванъ. Между прочимъ она сказала мнѣ, что вся эта исторія крайне прискорбна для нея, такъ какъ она изъ числа другихъ наиболѣе настаивала у своего сына о назначеніи Каменскаго, считая его, желаемого народомъ. Вы знаете, сказала она, что это было общее желаніе—конечно, отвѣтилъ я, и, продолжала она, Государь отвѣтилъ мнѣ тогда, Матап—вѣдь онъ сумасшедшій! (Матап—с'est un fou), между тѣмъ его видѣли на маневрахъ въ Красномъ Селѣ, и онъ былъ военнымъ губернаторомъ.

Наконецъ, дай Богъ, чтобы это не была интрига, но все-таки ужасно потерять главнокомандующаго, на котораго возлагали всѣ упованія въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Дай Богъ, чтобы это не имѣло печальныхъ послѣдствій для успѣховъ нашего оружія, и чтобы войска воспользовались выгодами, которыя имъ представляются, уже одна мысль, что чары разорваны, и Бонапартъ болѣе не непобѣдимъ.

Когда я замѣтилъ, что послѣ жалобы фельдмаршала, какъ говорили, на Аракчеева сейчасъ же заболѣлъ, а теперь выздоровѣлъ, какъ только заболѣлъ фельдмаршалъ; что жалоба на Волконскаго не произвела такого дѣйствія и, конечно, надо было заболѣть фельдмаршалу, такъ какъ Волконскій имѣлъ хорошую поддержку. Она согласилась, что всѣ кричатъ противъ Аракчеева; противъ Волконскаго тоже, возразилъ я; да, сказала она—онъ глупъ, но мнѣ кажется, что его поддерживаетъ фельдмаршалъ Салтыковъ. Я сказалъ, что всѣ стали кричать противъ него въ особенности послѣ соединенія двухъ такихъ большихъ департаментовъ (я не хотѣлъ сказать наиболѣе доходныхъ). Да, сказала она, нѣтъ такой человѣческой силы, которая могла объять все это и т. д.

27. *Четвергъ.* Я окончилъ вечеромъ уставъ для Маріинскаго Института, равно какъ и штатъ и проектъ прихода отъ обученія питомцевъ Воспитательнаго дома.

28. *Пятница.* Я составилъ штатъ для Вдовьяго дома, который и расположилъ на нѣсколько лѣтъ а именно: на 1807 и 1809-й года, (годъ, когда они перейдутъ въ новый домъ), 1814, 1819 и 1823 г., въ которомъ комплектъ дойдетъ до 600.

29. *Суббота.* Я опять былъ дежурнымъ и показалъ проектъ штата Вдовьяго дома и проектъ устава Маріинскаго Института Императрицы.

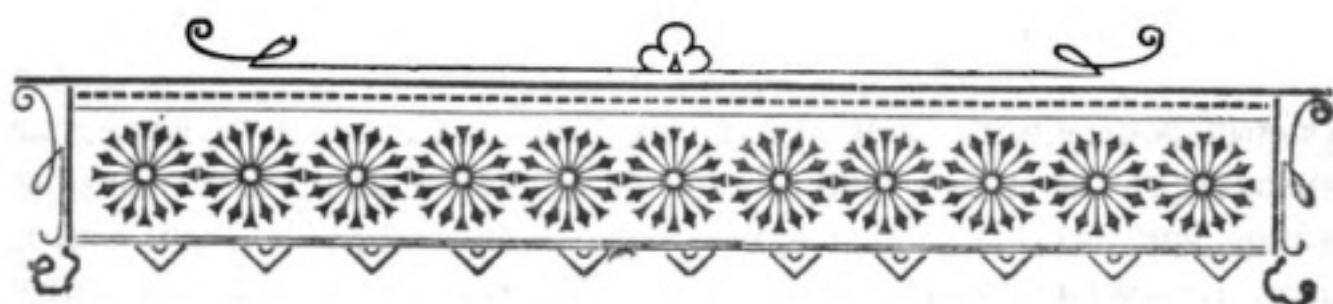
Она осталась довольна первымъ и сдѣлала нѣсколько перемѣнъ во второмъ и подписала приходъ объ обученіи воспитанниковъ, который и послали къ г-ну Шиле.

30. *Понедѣльникъ.* Я составилъ штатъ для лазарета Воспитательнаго дома, штатъ для Маріинскаго Института, проектъ прихода объ обученіи дѣтей Воспитательнаго дома въ Москвѣ въ 2½ часа ночи.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г. ¹⁾.

Но мѣръ того какъ вѣроятность разрыва между Франціею и Россіею возростала, стали появляться всякаго рода проекты и планы дѣйствій на случай войны; изъ нихъ наиболѣе выдавались и не остались безъ вліянія на послѣдовавшія событія записка Вольцогена и операціонный планъ Пфуля. Баронъ Вольцогенъ, служившій въ виртембергскихъ и прусскихъ войскахъ, поступилъ въ концѣ 1807 г. въ русскій генеральный штабъ и въ 1811 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Императора Александра, высоко цѣнившаго его умъ и основательныя познанія. Генераль Пфуль поступилъ въ русскую службу въ началѣ 1811 г.; въ прусскомъ генеральномъ штабѣ онъ пользовался репутаціею необыкновенно даровитаго и свѣдущаго офицера. Въ Берлинѣ они оба слышали отъ министра Штейна переданныя ему Нибуромъ слова Барклая о необходимости завлечь Наполеона въ сердце Россіи для нанесенія ему смертельнаго удара; оцѣнивъ это воззрѣніе, они, и особенно Вольцогенъ, также рекомендовали дѣйствія, исключаяющія возможность молніеобразныхъ развязокъ; но какъ отъявленные теоретики, они стали затѣмъ обсуждать разные мудреные проекты и въ концѣ концовъ выработали такой операціонный планъ, который, если бы не былъ внезапно брошенъ Барклаемъ, повелъ бы къ катастрофѣ.

Совѣщанія о дѣйствіяхъ, которыя въ ближайшемъ будущемъ могли сдѣлаться неотложными, происходили въ кабинетѣ монарха. Пфуль, развивавшій свои теоріи съ большимъ талантомъ, сумѣлъ пріобрѣсть неограниченное довѣріе Александра; самъ же онъ былъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюль 1912 г.

ученый доктринеръ, замкнутый въ тѣсной умственной сферѣ, не признавалъ военнаго генія Наполеона, твердо вѣрилъ, что подражаніе Фридриху II и неуклонное исполненіе стратегическихъ правилъ Бюлова обезпечиваютъ успѣхъ. Являясь на войну съ готовыми предположеніями, онъ терялъ всякую почву подъ собою, какъ только дѣйствительность не соответствовала его ожиданіямъ. Замѣчательно, что даже въ ноябрѣ 1812 г., когда гибель Наполеоновской арміи стала для всѣхъ очевидною, онъ съ сокрушеніемъ говорилъ: „Повѣрьте, изъ этого ничего путнаго не выйдетъ“¹⁾. Къ совѣщаніямъ этимъ, имѣвшимъ сначала общій характеръ, былъ привлекаемъ и Барклай, которому однако такая сфера доктринерскихъ преній была не по нутру; принимая вынужденное участіе въ продолжительныхъ и мало полезныхъ разсужденіяхъ, онъ настаивалъ только на выдвиганіи армій впередъ, дабы выиграть просторъ и время для задуманной имъ системы отступленія. Въ этомъ духѣ была также заключена тогда военная конвенція съ Пруссіею. Когда же въ февралѣ 1812 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что послѣдняя заключила союзъ съ Франціею, пришлось отъ выдвиганія нашихъ войскъ въ восточную Пруссію и герцогство Варшавское отказаться и приготовиться къ встрѣчѣ противника въ собственныхъ предѣлахъ; тогда монархомъ было поручено Пфулю выработать вмѣстѣ съ Вольцогеномъ, безъ вѣдома Барклая²⁾, соответственный операціонный планъ. Пресловутый планъ этотъ былъ рассчитанъ ими на театрѣ дѣйствій весьма ограниченныхъ размѣровъ между Нѣманомъ и Двиною; излюбленные принципы Бюлова нашли въ немъ конечно первенствующее примѣненіе, а въ особенности его изреченіе: „важные пункты обороняются лучше фланговою позиціею, нежели фронтальною“. Важнымъ пунктомъ былъ признанъ г. Вильно, а лучшею фланговою позиціею — укрѣпленный лагерь на лѣвомъ берегу Двины у Дриссы, между двумя главными путями въ Петербургъ и Москву. По предположенію Пфуля 1-я западная армія въ 120.000 ч., съ вступленіемъ противника въ наши предѣлы, сосредоточивается у Свѣянцанъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ принимаетъ тамъ сраженіе, въ противномъ случаѣ отходитъ въ Дрисскій лагерь, что ставитъ непріятеля въ крайне затруднительное положеніе: куда бы онъ ни обратился, русская армія у него на флангѣ. Если непріятель переведетъ часть силъ на правый берегъ Двины, то 1-я армія, оставивъ 50.000 ч. въ укрѣпленіяхъ, съ

¹⁾ Der Feldzug von 1812 in Russland. Gen. C. v. Clausewitz, стр. 9.

²⁾ М. Богдановичъ. Исторія Отечественной войны 1812 г. Т. I, стр. 2. Bernhardi, Denkwürdigkeiten des Grafen Toll. Ч. I, стр. 259.

остальными 70.000 также переходить черезъ Двину и атакуеть; если же непріятель перейдетъ Двину съ главными силами, то русская армія вся выходитъ изъ лагеря и нападаетъ на оставшихся. Между тѣмъ 2-я армія въ 80.000 ч., усиленная многочисленными казачьими полками, дѣйствуетъ въ флангъ и тылъ Наполеона. Но воображеніе Пфуля дополняло то, чего въ дѣйствительности не доставало; Динабургской крѣпости, снабжающей лагерь всѣмъ нужнымъ, не было; въ 1-й западной арміи числилось не 120.000, а 110.000 ч., въ 2-й же не 80.000, а 45.000 ч.; силы Наполеона предполагались только немногимъ превышавшими наши войска, въ дѣйствительности же были почти двойныя. Столь авторитетный критикъ, какъ Клаузевицъ, поступившій тогда въ русскую службу, пишетъ о Дрисскомъ лагерѣ, что наша армія была бы атакована въ немъ съ тыла и вынуждена къ капитуляціи. Операціонный планъ Пфуля остался тайною до прибытія монарха въ главную квартиру въ Вильно, изъ чего можно заключить, что онъ хотѣлъ принять на себя лично главное командованіе надъ всѣми войсками; къ счастью Барклай, получившій по отъѣздѣ Императора изъ Дриссы полную свободу дѣйствій, успѣлъ своевременно вывести оттуда свою армію.

Расположеніе нашихъ войскъ по западной границѣ наканунѣ войны было слѣдующее:

Первая западная армія, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Барклая-де-Толли,—150 бат., 136 эск., 18 казач. пол., 49 арт. ротъ, 2 піонер., 2 понтон. роты, всего 110.000 ч. съ 558 орудіями,—занимала пространство отъ Россіены до Лиды. Главная квартира въ Вильнѣ.

I пѣх. корпусъ (дивизіи: 5 пѣх. Берга, 14 пѣх. Сазонова, 1 кав. Каховскаго) гр. Витгенштейна—28 бат., 16 эск., 3 казач. пол., 9 артил. ротъ, 2 понтон. и 1 піонер. роты, около 19.600 ч.—на правомъ флангѣ, у Кейданы; отрядъ у Россіены.

II пѣх. корпусъ (дивизіи: 4 пѣх. принца Евгенія Виртембергскаго, 17 пѣх. Олсуфьева, Елизаветградскій гусар. п.) Багговута—24 бат., 8 эск. и 7 артил. ротъ, около 15.000 ч. у Орбритенъ.

III пѣх. корпусъ (дивизіи: 1 гренад. гр. Строганова, 3 пѣх. Коновницына, лейбъ-казаки) Тучкова—24 бат., 4 эск., 1 казач. п. и 7 артил. ротъ, около 15.000 ч.—у Новыхъ Трокъ.

IV пѣх. корпусъ (дивизіи: 11 пѣх. Бахметьева 2-го (потомъ Чоглокова) 23 пѣх. Бахметьева 1-го (потомъ Лапшева) Изюмскій гусар. п.) Гр. Шувалова (съ 1 іюля Остермана)—23 бат. 8 эск. и 6 артил. ротъ, около 14.500 ч.,—у Олкенякъ. Эти три корпуса имѣли центральное расположеніе.

VI пѣх. корпусъ (дивизіи: 7 пѣх. Капцевича, 24 пѣх. Лихачева, Сумскій гусар. п.) Доктурова—24 бат., 8 эск. и 7 артил. ротъ, около 15.000 ч.—на лѣвомъ флангѣ, у Лиды.

3-й резервный кавалерійскій корпусъ гр. Палена—24 эск. съ 1 кон. артил. ротю, около 2.500 ч.—у Лебюды. Затѣмъ во 2-й линіи:

V пѣх. (гвардейскій) корпусъ (гвардейская пѣх. дивизія Ермолова (съ 1 іюля Шувалова, съ 23 іюля Лаврова), гвард. экипажъ, сводная гренадер. дивизія (7 бат.), 1 кирасирская дивизія Депрерадовича) Цесаревича Константина Павловича — 26 бат., 20 эск., 5 артил. ротъ и 2 кон. батареи, около 18.000 ч.—у Свѣнцянъ.

1-й резервный кавал. корпусъ Уварова—20 эск. съ 1 кон. артил. ротою, около 2.000 ч.,—у Вилькомира.

2-й резервный кавал. корпусъ бар. Корфа — 24 эск. съ 1 артил. ротою, около 2.400 ч.,—у Сморгони.

Летучій корпусъ Платова — 14 казач. п. съ 1 донскою артил. ротою, всего около 6.000 ч., — у Гродно, въ промежуткѣ между первою и второю арміею.

Вторая западная армія, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи кн. Багратиона,—46, а съ прибытіемъ (21 іюня) 27-й пѣх. дивизіи—58 бат., 52 эск., 9 казач. полковъ, 18 артил. ротъ, 1 піонер. и 1 понтон. роты, всего 45.000 ч. съ 216 орудіями—была расположена между Нѣманомъ и Бугомъ. Главная квартира въ Волковискѣ.

VII пѣх. корпусъ (дивизіи: 26 пѣх. Паскевича, 12 пѣх. Колюбакина, Ахтырскій гусар. п.). Раевского — 24 бат. 8 эск. и 7 артил. ротъ, около 15.600 ч.—у Новаго-Двора.

VIII пѣх. корпусъ (дивизіи: 2 гренадерская принца Карла Мекленбургъ-Шверинскаго, сводная гренадерская гр. Воронцова (10 бат.), 2 кирасирская Кнорринга) Бороздина—22 бат., 20 эск. и 5 артил. ротъ, около 15.400 ч.—у Волковиска.

27-я пѣхот. дивизія Невѣровскаго—12 бат., около 7.500 ч. — въ слѣдованіи на Минскъ.

4-й кавалерійскій корпусъ гр. Сиверса—24 эск., 1 кон. артил., 1 понт. и 1 піонер. роты, около 2.500 ч.—у Зельвы.

Летучій казачій отрядъ Иловайскаго—9 казач. полковъ съ 1 донскою артил. ротою, около 4.000 ч.—у Бѣлостока.

Третья резервная обсервационная армія, подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Торماسова, — 54 бат., 76 эск., 9 казач. полковъ, 14 артил. ротъ, 1 понтон. и 1 піонер. роты, всего 46.000 ч. съ 164 орудіями. — занимала Волынь. Главная квартира въ Луцкѣ.

Корпусъ гр. Каменскаго (18 пѣх. дивизія кн. Щербатова, сводная, гренадерская бригада (6 бат.), Павлоградскій гусар. полкъ)—18 бат., 8 эск., 4 артил. роты, всего около 12.400 ч.—въ окрестностяхъ Луцка.

Корпусъ Маркова (дивизіи: 15 пѣх. Назимова, 9 пѣх. Удома, Александрійскій гусар. п.)— 24 бат., 8 эск., 7 артил. ротъ, всего около 15.800 ч.,—у Ковеля.

Корпусъ Сакена (дивизіи: 36 пѣх. Сорокина, 11-я кавалерійская, Лубенскій гусар. п.)—12 бат., 24 эск., 2 артил. роты, всего около 10.200 ч.,—у Заслова и ст. Константинова.

Кавалерійскій корпусъ гр. Дамберта — 36 эск., около 3.600 ч., — у Владимира.

Казачи, 9 полковъ, около 4.000 ч.,—по различнымъ отрядамъ.

Каждая изъ этихъ армій имѣла своего вождя, но общаго главнокомандующаго не было, хотя двѣ арміи должны были дѣйствовать на одномъ и томъ же театрѣ войны. Полагали, что монархъ намѣ-

ренъ возложить это званіе на себя; однакожь никакихъ распоряженій по этому предмету не было сдѣлано. Думалъ ли Императоръ Александръ своимъ присутствіемъ придать главнокомандующему 1-й арміи атрибуты генералиссимуса, которыми не рѣшался облечь кого-либо изъ своихъ генераловъ.

Старѣйшій изъ выдававшихся въ то время военачальниковъ былъ Кутузовъ. Не очень старый, но дряхлый, способный, но эгоистъ, онъ не внушалъ Императору Александру I довѣрія; и дѣйствительно, въ такую эпоху, когда всякіе личные интересы должны были исчезнуть передъ великимъ дѣломъ спасенія отечества, для полководца требовались другія качества, нежели умъ и хитрость¹⁾. Беннигсенъ считался искуснымъ и опытнымъ генераломъ, но онъ выказалъ въ 1807 году столько безпечности и склонности къ интригамъ, что утратилъ репутацію, пріобрѣтенную Пултускомъ и Эйлаускимъ сраженіями. Русскій баярдъ Милорадовичъ не обладалъ качествами главнокомандующаго, также какъ и храбрый его сподвижникъ Багратионъ, который, хотя и носилъ это званіе въ 1810 г. на Дунаѣ, но не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Къ числу лучшихъ генераловъ принадлежалъ и Тормасовъ, но онъ былъ очень слабъ здоровьемъ. Оставался Барклай. Онъ не имѣлъ еще случая выказать дарованій полководца, но во всѣхъ войнахъ проявлялъ столько хладнокровія и распорядительности, что монархъ, узнавъ ближе его возвышенный характеръ, возымѣлъ къ нему особенное уваженіе и неограниченное довѣріе. Однако, онъ былъ моложе всѣхъ. Быть можетъ, это обстоятельство было причиною, что вопросъ объ общемъ командованіи остался открытымъ, даже и по отъѣздѣ Государя изъ арміи. Александръ, вѣроятно, полагалъ, что Барклай по званію военнаго министра могъ настаивать на своихъ требованіяхъ и безъ главнаго на то условія, столь мѣтко выраженнаго Суворовымъ: „полная мочь избранному полководцу“. Рождается вопросъ: имѣло ли оставленіе столь важнаго вопроса безъ надлежащаго рѣшенія пагубныя послѣдствія или нѣтъ?

По мнѣнію Жомини, важнѣйшія качества полководца составляютъ: „великій характеръ, или нравственное мужество, ведущее къ великимъ рѣшеніямъ, и хладнокровіе, или физическое мужество, господствующее надъ опасностями. Умѣніе стоитъ на третьемъ планѣ“²⁾. Если изреченіе знаменитаго писателя и можетъ, какъ общее правило, показаться нѣсколько одностороннимъ, то при обстоятель-

¹⁾ Редакція „Русской Старины“ не раздѣляетъ взглядовъ автора на Кутузова, доказавшаго въ 1812 году, что онъ обладалъ всѣми качествами полководца для борьбы съ Наполеономъ.

²⁾ Précis de l'art de la guerre. Ч. I, стр. 110.

ствахъ Отечественной войны оно оказывается неоспоримою истиною. Противъ тройныхъ силъ Наполеона никакое умѣніе не могло бороться, и всякій другой операціонный планъ, какъ бы онъ искусенъ ни былъ, неминуемо имѣлъ бы самыя бѣдственныя послѣдствія. Какъ только обнаружилось, что силы, съ которыми онъ вступилъ въ наши предѣлы, простирались за 600.000 ч., оставался одинъ лишь способъ дѣйствій,—тотъ, который былъ высказанъ Барклаемъ еще въ 1807 году и выполненъ въ 1812-мъ, т. е. ослаблять врага постояннымъ противодѣйствіемъ, не вдаваясь въ рѣшительный бой до уравненія силъ, хотя бы за Москвой. Но при выполненіи этого плана пришлось имѣть дѣло не съ однимъ только непріателемъ: пришлось бороться и съ общественнымъ мнѣніемъ, видѣвшимъ въ немъ чуть ли не измѣну; пришлось также бороться съ интригами и кознями ближайшихъ сотрудниковъ и исполнителей, не постигавшихъ такой образъ дѣйствій и возненавидѣвшихъ его представителя; пришлось еще бороться съ порывами войскъ, горѣвшихъ желаніемъ помѣряться съ врагомъ; пришлось, наконецъ, бороться съ самимъ собою, съ естественнымъ стремленіемъ испытать счастье и сбросить съ себя тяжкія подозрѣнія и клевету. Былъ ли другой въ состояніи это исполнить? Для этого геніальности было мало; нуженъ былъ именно тотъ „великій характеръ“ и то „хладнокровіе“, о которыхъ говоритъ Жомини. Барклай не былъ геніальнымъ полководцемъ, но онъ неизмѣримо выдавался надъ современниками „нравственнымъ мужествомъ, ведущемъ къ великимъ рѣшеніямъ“, и „физическимъ мужествомъ, господствующимъ надъ опасностями“. Проникнутый могучимъ убѣжденіемъ, онъ безмолвно, но непреклонно до самоотверженія шелъ къ непроницаемъ для другихъ, но ясной для него цѣли, презирая популярность и не заботясь объ общественномъ мнѣніи.

Силы, назначенныя Наполеономъ для вторженія въ Россію, простирались до 600.000 ч.¹⁾; онѣ были раздѣлены на 12 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ корпусовъ, въ которыхъ считалось 604 баталіона, 530 эскадроновъ, 1.242 орудія полевой и 130 орудій осадной артиллеріи и 180.000 лошадей. Армія громадная, хотя и не цѣльная: французскія войска составляли въ ней лишь половину; но и всѣ прочія, подъ начальствомъ маршаловъ и особенно въ присутствіи Наполеона, дрались отлично. Однако не всѣ означенныя войска могли вступить въ наши предѣлы одновременно; 150.000 ч. находились еще назади, послужили резервами и перешли границу

¹⁾ 472.000 ч. пѣхоты и пѣшей артиллеріи, 96.000 кавалеріи и конной артиллеріи, 20.000 ч. инженерныхъ, осадныхъ и обозныхъ войскъ.

во время войны. Такому небывалому числу войск соответствовали также заготовленія продовольствія и перевозныхъ средствъ, при чемъ главнымъ складочнымъ пунктомъ назначена крѣпость Данцигъ. Для перевозки провіанта за войсками было приказано собрать 5—6.000 повозокъ и до 10.000 погонщиковъ. „Съ такими средствами, писалъ Наполеонъ, мы поглотимъ всѣ препятствія“ ¹⁾. Но тутъ рождается вопросъ: какія же чрезвычайныя причины вызвали необходимость столь громадныхъ усилій. Самъ Наполеонъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ: „Россія была слишкомъ сильна, чтобы войти въ передѣланную мною систему Европы: нужно было вытѣснить ее оттуда. Трудности войны не могли меня остановить. Мой геній быстро обнималъ ихъ, но въ то же время находилъ средства къ преодоленію препятствій“ ²⁾.

„Война будетъ, писалъ онъ королю Виртембергскому; она будетъ вопреки моей волѣ и вопреки волѣ Императора Александра, вопреки интересовъ Франціи и вопреки интересовъ Россіи“ ³⁾. Если онъ писалъ: „вопреки моей волѣ“, то былъ правъ потому, что его воля подчинялась таинственной, демонской силѣ, которую онъ самъ называлъ „своей судьбою“.

Движеніе великой арміи къ русской границѣ происходило среди увѣреній Наполеона въ дружбѣ къ русскому монарху и желаніи войти съ нимъ въ соглашеніе. Дѣлая видъ, что миру опасности не угрожаетъ, и отправивъ съ этою цѣлью гр. Нарбонна съ письмомъ къ Александру, онъ оставался въ Парижѣ до послѣдней возможности и только 9 мая (н. с.) выѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ собрались для его привѣтствованія всѣ монархи центральной Европы. Послѣ 12-дневнаго пребыванія въ саксонской столицѣ Наполеонъ поѣхалъ черезъ Познань и Торнъ въ Данцигъ, объявилъ этотъ городъ присоединеннымъ къ Франціи и прибылъ 31 мая (12 іюня), въ Кенигсбергъ. Наконецъ, 9 (21) іюня, онъ перенесъ свою главную квартиру въ Вильковишки, гдѣ уже находилась его гвардія.

Направленіе, данное Наполеономъ своимъ войскамъ, какъ только расположеніе русскихъ армій ему сдѣлалось извѣстнымъ, соответствовало образу дѣйствій, которому онъ охотно давалъ предпочтеніе—прорыву центра. Выработаннаго операціоннаго плана не было; онъ не имѣлъ привычки составлять таковыя письменно, да и не нуждался въ томъ, такъ какъ командовалъ арміями самъ; онъ

¹⁾ Богдановичъ. Исторія отечеств. войны 1812 г., ч. I, стр. 52.

²⁾ Napoléon au tribunal de César, etc. ч. IV, стр. 4—5; 8—9; 15—16.

³⁾ Письмо отъ 2 апрѣля 1811 года. Lafrey, Histoire de Napoléon I, ч. 5, стр. 441.

усвоивалъ себѣ лишь общія идеи, предоставляя осуществленіе ихъ вдохновенію минуты. Тѣмъ не менѣе всѣ его войны обнаруживаютъ глубокой и вѣрный, предварительный расчетъ. Такъ и въ 1812 году. Всѣ подготовительныя дѣйствія ясно указываютъ на намѣреніе сосредоточить незамѣтнымъ образомъ большія силы въ герцогствѣ Варшавскомъ, а послѣдовавшія затѣмъ распоряженія обличаютъ существованіе вполне обдуманнаго плана клинообразнымъ движеніемъ на Вильно разъединить арміи Барклая и Багратиона, отбросить первую къ сѣверу, а послѣднюю въ болота Припечи, и обнажить операціонный путь на Москву. Дрисскій укрѣпленный лагерь какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ этому намѣренію: отступленіе туда 1-й арміи еще болѣе отдѣляло ее отъ второй и успокаивало Наполеона относительно дошедшихъ до него свѣдѣній о намѣреніи Барклая уклоняться отъ рѣшительнаго боя и отступать въ глубь Россіи.

Согласно этому плану великая армія была двинута къ Нѣману тремя массами: главныя силы подъ непосредственнымъ начальствомъ императора—гвардія, пѣхот. корп.: Даву, Удино и Нея, и кавал. корп. Нансути и Монбрюна, всего 220.000 ч. (гвардія (старая марш. Лефевра, молодая марш. Мортье, легіонъ Вислы, к. марш. Бесьеръ): 54 б. и 35 эск., всего 47.000 ч.—1-й кор. марш. Даву: 88 б. и 16 эск., всего 72.000 ч.—2-й к. марш. Удино: 51 бат. и 20 эск., всего 37.000 ч.—3-й кор. марш. Нея: 48 бат. и 24 эск., всего 40.000 ч.—1-й рез. кав. кор. гр. Нансути: 60 эск., 12.000 ч.—2-й рез. кав. кор. гр. Монбрюнъ: 60 эск., 10.000 ч. Итого, съ императ. коновоемъ, болѣе 220.000 ч.—къ Ковно. Вся кавалерія была еще подчинена королю Неаполитанскому Мюрату. Средняя колонна принца Евгенія вице-короля италійскаго: пѣхотн. корп. вице-короля (итал.) и Сень-Сира (бавар.) и кав. корп. Груши, всего 80.000 ч. (4-й кор. вице-короля: 57 бат. и 24 эск., всего 45.000 ч.—6-й кор. гр. Сень-Сира: 28 бат. и 16 эск., всего 25.000 ч.—3-й рез. кор. гр. Груши, 60 эск., 10.000 ч. Итого 80.000 ч.)—къ Пренамъ. Правая колонна короля Иеронима: пѣхот. кор. Понятовскаго (польск.), Рейнье (саксон.) и Жюно (вестфал.) и кав. к. Латуръ-Мобура, всего также до 80.000 ч. (5-й кор. кн. Понятовскаго: 44 бат. и 20 эск., всего 36.000 ч.—7-й кор. гр. Рейнье: 18 бат. и 16 эск., всего 17.000 ч.—8 кор. марш. Жюно: 16 бат. и 12 эск., всего 18.000 ч.—4-й кав. кор. гр. Латуръ-Мобура: 44 эск., 8.000 ч. Итого съ войсками главной квартиры слишкомъ 80.000 ч.—къ Гродно и Бѣлостоку. Прикрытіе главной арміи съ сѣвера и юга было возложено на фланговые корпуса: лѣвый Макдональда (сводный со всѣми частями прусскаго корпуса), всего 32.500 ч. (10-й кор. марш. Макдональда: 36 бат. (въ томъ числѣ 16 непрусскихъ) и 16 эск., всего 32.500 ч.) направленный на Тильзитъ, и правый Шварценберга (австрійскій), всего 33.000 ч. (австр. кор. кн. Шварценберга: 27 бат. и 54 эск., всего 33.000 ч.)—двинутый къ Драгочину на Бугъ. Всѣ эти войска, численностью до 450.000 ч., были сосредоточены въ половинѣ іюня у пунктовъ переправы. Для подкрѣпленія же ихъ и пополненія убыли слѣдовали еще за ними: пѣх. корпусъ Виктора 33.000 ч. (9-й кор. марш. Виктора: 54 бат. и 16 эск., всего 33.000 ч.); двѣ дивизіи резервнаго корпуса Ожеро, 27.000 ч. и около 80.000 ч. маршевыхъ частей и сформированныхъ въ Литвѣ полковъ.

Такимъ образомъ общее число непріятельскихъ войскъ, вступившихъ въ предѣлы Россіи и принявшихъ участіе въ кампаніи 1812 года, со включеніемъ артилл. парковъ, составляло 608.000 чел. ¹⁾.

Главныя силы великой арміи, составлявшія исходящій уголь общаго расположенія, были переправляемы черезъ Нѣманъ 12 (24) іюня; вице-королю же было предписано переправиться лишь 18 (30), а королю вестфальскому еще нѣсколькими днями позже. Это послѣднее распоряженіе очевидно имѣло цѣлью [усыпить бдительность Багратиона и удержать его на мѣстѣ до выдвигенія главныхъ силъ настолько, чтобы охватить правый флангъ нашей 2-й арміи и подготовить ей, при быстромъ затѣмъ наступленія Іеронима, неминуемую катастрофу.

Между тѣмъ и фланговые корпуса вступили въ наши предѣлы: 12 (24) іюня Макдональдъ перешелъ Нѣманъ у Тильзита, 19 іюня (1 іюля) Шварценбергъ переправился черезъ Бугъ у Драгочина. Такимъ образомъ къ концу іюня около 450.000 ч. непріятельскихъ войскъ перешли границу, изъ которыхъ болѣе 400.000 были сосредоточены на сѣверномъ театрѣ войны; съ нашей стороны имъ могли быть противопоставлены не болѣе 155.000 ч.

Назначеніе Барклая главнокомандующимъ 1-й западной арміи съ оставленіемъ въ должности военнаго министра, состоялось 19 марта, а 23 онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Ригѣ, онъ продолжалъ путь черезъ Шавли и Ковно въ Вильно, куда прибылъ 30-го въ 8 ч. вечера. Въ письмѣ, приложенномъ къ донесенію о состояніи Риги, онъ писалъ Государю: „но главныя силы крѣпости заключаются въ личности ея коменданта. Я увѣренъ, что онъ предпочтетъ погребсти себя подъ развалины крѣпости, нежели сдать противнику, но тѣмъ не менѣе плохо ее будетъ оборонять“ ²⁾. Далѣе, указывая на необходимость безотлагательно открыть дѣйствія, онъ проситъ объявить военное положеніе въ Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ.

По прибытіи въ Вильно, Барклай получилъ свѣдѣнія, сильно его озаботившія: противникъ быстро приближался къ границѣ герцогства Варшавскаго, тогда какъ наши арміи оставались неподвижными. Становилось очевиднымъ, что оптимизмъ русскаго кабинета, не вѣрившаго въ разрывъ, или же нежеланіе Александра сдѣлать

¹⁾ По весьма точнымъ исчисленіямъ М. Богдановича, — Исторія отечественной войны 1812 г.

²⁾ Письмо Барклая-де-Толли 28 марта 1812 г.

первый шагъ, лишали насъ всѣхъ выгодъ инициативы. Это обстоятельство вызывало со стороны Барклая энергическія представленія; въ письмѣ отъ 9 апрѣля читаемъ: „Ваши арміи, государь, сосредоточены и готовы драться; но ихъ начальникамъ все еще неизвѣстно, гдѣ предѣлы терпимаго приближенія врага, и когда война можетъ быть признана объявленною“. Затѣмъ, убѣдившись въ невозможности предупредить противника въ Варшавѣ и Кенигсбергѣ, онъ пишетъ о немедленномъ выдвигеніи иррегулярныхъ войскъ, усиленныхъ частями регулярной кавалеріи и легкой пѣхоты, и заключаетъ словами: „но безъ особаго повелѣнія никто не въ правѣ предпринять такія дѣйствія, такъ какъ они послужили бы сигналомъ войны, рѣшеніе которой не предоставлено ли единственно волѣ Вашего Величества“. Однако представленія эти остались безъ послѣдствій; Императоръ Александръ, въ сущности предпочитавшій выжидательную систему Пфуля, отказался отъ какой-либо инициативы дѣйствій.

Штабъ Барклая былъ составленъ не совсѣмъ удачно относительно двухъ важнѣйшихъ его сотрудниковъ: начальника штаба и генераль-квартирмейстера. Первымъ былъ генераль-лейтенантъ Лавровъ, мало соответствовавшій этой должности и при томъ настолько неподвижный, что съ трудомъ садился на лошадь¹⁾; послѣдній—генераль-маіоръ Мухинъ, отличный съемщикъ и картографъ, но плохой офицеръ генеральнаго штаба. Неудивительно поэтому, что оба, вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій, были замѣнены другими лицами, а именно: Лавровъ—маркизомъ Паулуччи, а черезъ 10 дней генераломъ Ермоловымъ; Мухинъ полковникомъ Толемъ. Прочіе начальники отдѣльныхъ управленій были: дежурный генераль—генер.-маіоръ Кикинъ, начальникъ артиллеріи—ген.-м. гр. Кутайсовъ, начальникъ инженеровъ—ген.-лейт. Трузсонъ, генераль-интендантъ д. с. с. Канкринъ²⁾. Затѣмъ къ главной квартирѣ принадлежали начальники управленій полевого штаба, офицеры генеральнаго штаба³⁾, адъютанты и ординарцы⁴⁾. Исключительное

¹⁾ *Denkwürdigkeiten eines Livländers*, стр. 179.

²⁾ Впослѣдствіи графъ и извѣстный министръ финансовъ. Нѣсколько позже (6 іюня) было учреждено главное управленіе по продовольствію арміи, возложенное на т. с. Ланского.

³⁾ Полк. Мишо, подполк. Нейдгардъ I, пор. Богдановичъ и Діестъ, подпор. Озерскій и Муравьевъ I, прап. Муравьевъ 2, Муравьевъ 5, кн. Голицынъ 2, и колоннов. Мухинъ.

⁴⁾ Полк. Закревскій (управляющій полевою канцеляріею военнаго министра); маіоръ Левенштернъ и Рейцъ; капит. Сеславинъ, Вельяминовъ и Краминъ; шт.-капитаны Каверъ, Клингеръ, Гурко, Нарышкинъ и Каши-

положеніе занималъ состоявшій при главнокомандующемъ флигель-адъютантъ полковникъ Вольцогенъ; онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ Государя и былъ близкимъ человѣкомъ Пфулю, а потому весьма вѣроятно, что самъ Монархъ назначилъ его какъ бы соединительнымъ звеномъ между симъ послѣднимъ и Барклаемъ. Изъ многочисленныхъ адъютантовъ, штабсъ-капитанъ Каверъ былъ особенно близокъ къ Барклаю и никогда его не покидалъ; всѣ другіе имѣли съ нимъ болѣе служебныя отношенія, хотя, конечно, въ различной степени пользовались его довѣріемъ; но всѣ они раздѣляли съ нимъ боевыя опасности, труды бивачной жизни и простой солдатскій обѣдъ. По свидѣтельству Левенштерна, Барклай обращался со своими адъютантами и ординарцами съ сердечнымъ участіемъ, но былъ требователенъ и строгъ¹⁾.

Въ половинѣ апрѣля, а именно 14 (26), пріѣхалъ въ Вильно Императоръ Александръ и лично вступилъ въ главное начальствованіе надъ всѣми арміями. Тогда послѣдовало распоряженіе о передвиженіи 2-й арміи къ Пружанамъ и Волковиску, а 6-го корпуса—къ Лидѣ. Тогда же операціонный планъ Пфуля былъ объявленъ къ руководству. Особеннаго военнаго управленія при Монархѣ не было; имѣя при себѣ министра, онъ повидимому признавалъ таковое ненужнымъ, хотя генералы кн. Волконскій и Пфуль состояли при немъ какъ бы въ видѣ начальника штаба и генераль-квартирмейстера. При первомъ состоялъ тогда полковникъ Толь, а при послѣднемъ знаменитый впоследствии Клаузевицъ. Впрочемъ, Волконскій, по свойственной ему скромности, уклонялся отъ всякаго вмѣшательства и ограничивался передачею Высочайшихъ повелѣній; Пфуль же, по совершенному незнанію русскаго языка, былъ неспособенъ къ какой-либо практической дѣятельности. Тѣмъ болѣе оставалось простора для вмѣшательства прочихъ лицъ, окружавшихъ Государя, изъ которыхъ, кромѣ принцевъ Георгія Ольденбургскаго и Александра Виртембергскаго, наиболѣе выдавались: генералы Беннигсенъ, Паулуччи, Аракчеевъ и гр. Армфельдъ. Лица эти не имѣли ни отвѣтственныхъ должностей, ни опредѣленныхъ занятій и потому занимались лишь критикованіемъ всѣхъ распоряженій и интригами, отчасти для достиженія личныхъ цѣлей; при этомъ критика ихъ и интриги были направлены противъ Барклая, котораго, какъ человѣка самостоятельнаго и мало доступнаго, занимавшаго

цевъ; поруч. Ламсдорфъ, Бокъ, Ростопчинъ, Барклай-де-Толли, Сиверсъ и Граббе. Затѣмъ въ видѣ ординарцевъ находились при немъ адъютанты другихъ лицъ: Бартоломей, Тимротъ и Варденбургъ, Орловъ, Петерсонъ-Чихачевъ.

¹⁾ Denkwürdigkeiten eines Livländers, стр. 197.

важнѣйшій въ имперіи военный постъ, они ненавидѣли. Они только и говорили объ ошибкахъ и неспособности главнокомандующаго; Беннигсенъ, не покидавшій надежды достигнуть этого званія, горячо имъ вторилъ ¹⁾ и выставлялъ свои соображенія; Паулуччи, со свойственною ему манерою подсмѣиваться, порипалъ все въ видѣ шутокъ; Аракчеевъ, озлобленный противъ своего преемника за открытыя злоупотребленія и введенныя преобразованія, вредилъ ему сколько могъ ²⁾; Армфельдъ, наконецъ, видѣлъ въ интригахъ пріятное препровожденіе времени. Затѣмъ при Монархѣ находились и гражданскіе сановники: гр. Румянцевъ, гр. Кочубей, Шишковъ, гр. Толстой, извѣстный прусскій министръ Штейнъ и др.; хотя они въ военное дѣло мало вмѣшивались, но уже одно пребываніе ихъ въ главной квартирѣ характеризуетъ тогдашнее управленіе армій. Насколько вся эта обстановка тяготила Барклая, видно изъ того, что онъ съ перваго же дня военныхъ дѣйствій отдѣлился отъ главной квартиры. „Я нахожусь при войскахъ въ виду непріятеля, пишетъ онъ женѣ 26 іюня, и въ главной квартирѣ почти не бываю, потому что это настоящій вертепъ интригъ и кабалы, дѣлающій нашего прекраснаго Монарха нерѣшительнымъ и недовѣрчивымъ³⁾“. Однако жъ Барклаю не удалось совершенно предотвратить неизбежныя при такихъ обстоятельствахъ столкновенія и недоразумѣнія; это усматривается, между прочимъ, изъ письма къ нему Императора Александра по поводу состоявшагося помимо военнаго министра и главнокомандующаго назначенія гр. Остермана командиромъ 4-го корпуса вмѣсто графа Шувалова, и недоставленія посланныхъ ему генераломъ Эссенемъ донесеній: „Вчерашнія письма ваши, признаюсь, вызвали во мнѣ чувство огорченія. Возможно ли, что послѣ столькихъ доказательствъ уваженія, привязанности, довѣрія и, позвольте прибавить, явнаго предпочтенія даже передъ лицами моего семейства, Вы находите удовольствіе быть несправедливымъ ко мнѣ. Въ минуту отъѣзда изъ Бельмонта получаю письмо отъ гр. Шувалова, въ которомъ онъ говоритъ, что не въ состояніи командовать корпусомъ, не можетъ болѣе держаться на лошади и собрать двухъ мыслей въ головѣ,—вотъ его выраженія. Нельзя было терять времени, а въ распоряженіи моемъ былъ одинъ только Остерманъ. Подлинное письмо Шувалова я вручилъ Вольцогену съ приказаніемъ представить его Вамъ и передать отъ моего имени, что въ виду возможности атаки со стороны противника, я счелъ полезнымъ не-

¹⁾ Вольцогенъ, Клаузевицъ, Бернарди, Левенштернъ и др.

²⁾ Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 г. Ч. I, стр. 133.

³⁾ Письмо отъ 26 іюня изъ Бельмонта.

медленно отправить туда Остермана“. Далѣе въ письмѣ говорится также о донесеніяхъ генерала Эссена и въ заключеніи: „Итакъ, это должно васъ убѣдить, что съ моей стороны ни малѣйшаго недовѣрія не было и что вы меня несправедливо обвиняли“. Письмо великодушнаго Монарха, оправдывающагося передъ подданнымъ и успокаивающаго его, указываетъ однако жъ на существовавшій въ управленіи разладъ. Трудно допустить, чтобы Барклай сталъ заявлять въ такое серіозное время личную претензію даже по такому поводу, какъ назначеніе корпуснаго командира помимо его. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ рѣшился на этотъ шагъ лишь послѣ нѣкоторыхъ случаевъ подобнаго рода, съ цѣлью оградить столь необходимую для успѣха дѣла неприкосновенность своихъ отвѣтственныхъ правъ; а что это было нужно, усматривается между прочимъ изъ разногласія инструкцій, отправленныхъ въ то время и имъ, и Императоромъ Александромъ князю Багратиону, разногласія, имѣвшаго, какъ увидимъ, рѣшающее вліяніе на послѣдующія событія.

Поздно вечеромъ 11 (23) іюня главные силы французской арміи, собранныя у Ковно, начали переправляться черезъ Нѣманъ. Извѣстіе о томъ пришло въ Вильно сутками позже, во время бала, устроеннаго генераль-адъютантами въ Закретѣ, загородномъ домѣ Беннигсена. Въ ту же ночь Императоръ Александръ отдалъ повелѣніе войскамъ 1-й и 2-й армій отступать согласно принятому плану дѣйствій. Тогда же онъ подписалъ приказъ арміямъ и рескриптъ столицѣ на имя фельдмаршала гр. Салтыкова, кончающійся слсвами: „Я не положу оружія, доколѣ ни одинаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“. Въ слѣдующую ночь генераль-адъютантъ Балашевъ былъ посланъ съ письмомъ къ Наполеону, которому Монархъ поручалъ сказать, что „если онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ начаться могутъ, съ однимъ условіемъ, но непреложнымъ, то есть, чтобы арміи его вышли за границу“. Какъ ни странно, но переправа непріятели черезъ Нѣманъ была для многихъ неожиданна. Придворно-гражданской главной квартирѣ вообще не вѣрилось, что война сейчасъ должна начаться, что она нѣкоторымъ образомъ уже началась; полумилліонная армія Наполеона подступила къ нашимъ границамъ, а министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Румянцевъ не переставалъ утверждать, что все кончится демонстраціею. Непонятное выжиданіе, противъ котораго Барклай дѣлалъ столь горячія представленія еще въ началѣ апрѣля, продолжалось до послѣдней минуты и имѣло естественнымъ послѣдствіемъ, что многія, весьма нужныя распоряженія послѣдовали слишкомъ поздно. Этимъ объясняется, что лишь 3 (15) іюня было предписано корпуснымъ командирамъ принять мѣры для вывоза запасовъ или

истребленія тѣхъ, которыхъ пришлось бы оставить въ случаѣ отступленія, и что не прежде 12 (24) дано приказаніе вывести изъ Вильны казну и архивы. Многіе писатели обвиняютъ Барклая, что нѣкоторые запасы достались непріятелю; но во-первыхъ потеря эта была ничтожна, за исключеніемъ лишь колтынянскаго магазина, а во-вторыхъ распоряженія передъ войною зависѣли не отъ него. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что вѣсть изъ Ковно разразилась какъ громовой ударъ среди яснаго неба. „При общемъ смятеніи лица выражали внутреннее возбужденіе, безпокойство, озлобленіе“, пишетъ очевидецъ ¹⁾, и вся придворная квартира послѣшила выѣхать утромъ 14 (26) іюня изъ Вильно въ Свѣнцяны. Послѣшность эта не понравилась Барклаю ²⁾ уже потому, что могла быть замѣчена войсками, отступленію которыхъ онъ съ перваго же дня хотѣлъ придать совершенно другой характеръ. А потому, сдѣлавъ распоряженія о передвиженіи войскъ 1-й арміи съ цѣлью сближенія къ Свѣнцянамъ, онъ спокойно остался еще 2 дня въ Вильнѣ. Согласно этимъ распоряженіямъ войска двинулись: 1-й корпусъ къ Вилькомиру, гдѣ соединился съ 1-мъ кавалерійскимъ; 2-й корпусъ на Ширвинты; 3-й и 4-й корпуса на Вильно; 6-й пѣхотный и 3-й кавалерійскій корпуса на Ольшаны и Сморгонь; 2-й кавалерійскій корпусъ на Михалишки. Гвардія оставалась у Свѣнцянь. Атаману Платову Барклай въ то же время предписалъ отступать на соединеніе съ 1-ю арміею, стараясь при этомъ мелкими предпріятіями тревожить противника и затруднять его движеніе. Сообщая кн. Багратіону о концентрическомъ отступленіи всѣхъ войскъ 1-й арміи и приглашая его согласовать съ этимъ свои дѣйствія, Барклай, желавшій приблизить къ себѣ 2-ю армію, писалъ: „старайтесь, чтобы непріятель не могъ отрѣзать Вамъ дороги черезъ Минскъ къ Борисову, и оберегайте свой правый флангъ“. Инструкція эта, отправленная 15 (27) іюня изъ Вильны, 16-го получена Багратіономъ, который въ тотъ же день выступилъ по указанному направленію, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ 27 дивизіею, шедшею изъ Москвы на усиленіе 2-й арміи. Между тѣмъ Императоромъ Александромъ 16-го числа было также послано Багратіону повелѣніе сблизиться съ 1-ю арміею, но не черезъ Минскъ и Борисовъ, а черезъ Бѣлицу или Новогрудскъ на Вилейку; а потому Багратіонъ изъ Слонима свернулъ на Новогрудскъ и, присоединивъ къ себѣ 27 дивизію на Николаевъ, гдѣ сталъ переправляться черезъ Нѣманъ. Оказалось однако жъ, что дорога въ Вилейку уже въ рукахъ непріятеля. Тогда

¹⁾ Левенштернъ, *Denkwürdigkeiten eines Livländers*, стр. 164.

²⁾ Записки Вольцогена, стр. 99.

онъ успѣшилъ возвратиться на прежній путь, но не успѣлъ болѣе предупредить противника въ Минскѣ и двинулся къ Бобруйску, вслѣдствіе чего желаемое соединеніе его съ 1-ю арміею отодвинулось на мѣсяць.

Барклай выѣхалъ изъ Вильны 16 іюня съ арріергардомъ послѣднихъ войскъ, но не верхомъ, а въ каретѣ, что всѣхъ удивило, такъ какъ онъ никогда не совершалъ ни одного перехода иначе какъ верхомъ; здѣсь же онъ хотѣлъ показать, какъ передаютъ его приближенные ¹⁾, что отступленіе предпринято добровольно и не требуетъ спѣха. Вскорѣ французы настигли нашъ арріергардъ. У Антополя произошли схватки между ихъ конницею и казаками, при чемъ послѣдними десятокъ всадниковъ, въ томъ числѣ гр. Сегюръ, взяты въ плѣнъ. Черезъ четыре дня, 19-го (1-го іюля), главныя силы первой арміи прибыли въ Свѣянцы. Продолжительное пребываніе въ Вильнѣ и медленное движеніе войскъ сильно волновало Пфуля, опасавшагося, что Наполеонъ предупредитъ насъ въ Дриссѣ; по этому поводу онъ нѣсколько разъ посылалъ къ Барклаю своего адъютанта Клаузевица, но послѣдній, какъ онъ самъ рассказываетъ, возвращался все съ тѣмъ же извѣстіемъ, „что главнокомандующій спокоенъ и снѣшить не хочетъ“. Другой рассказъ того же Клаузевица характеризуетъ тогдашнюю обстановку. Въ Видзахъ получено было въ Императорской главной квартирѣ извѣстіе о движеніи большихъ силъ въ обходъ нашего фланга, что произвело немалую тревогу. Пфуль, Аракчеевъ и Волконскій собрались у Государя для обсужденія дѣла и принятія рѣшенія; отъ перваго, какъ стратега, всѣ ожидали совѣта, но онъ, совершенно растерявшись, повторялъ только, что все произошло отъ медленности Барклая. Тогда адъютанты генераловъ, опасаясь ежеминутнаго появленія Монарха, рѣшились предложить имъ свое мнѣніе, заключавшееся въ томъ, чтобы ничего не предпринимать, а оставить все по-прежнему. Это мнѣніе, весьма простое и удобное, было тотчасъ принято; оно оказалось и самымъ лучшимъ, такъ какъ вскорѣ обнаружилось, что извѣстіе объ обходѣ ошибочно ²⁾. Подобные эпизоды и недоразумѣнія не ускользали отъ проницательности Императора Александра и должны были вызвать сомнѣнія относительно достоинствъ принятаго имъ плана дѣйствій. Движенія противника съ перваго же дня обнаружили, что предположенія Пфуля не оправдывались, и что назначеніе, данное Багратиону и Платову, неисполнимо. Это не могло не поколебать и вѣру въ несокрушимость Дрисскаго лагеря, въ

¹⁾ Левенштернъ, Вольцогенъ.

²⁾ General Carl von Clausewitz. Der Feldzug von 1812 in Russland.

особенности послѣ того, какъ возвратившійся оттуда 16-го (24-го) Клаузевицъ, вмѣсто восторженной похвалы, которую ожидали, весьма сдержано отозвался о выгодахъ осмотрѣнной имъ позиціи.

Дальнѣйшее движеніе нашихъ войскъ къ Дриссѣ совершилось безпрепятственно. Преслѣдованіе ихъ было возложено Наполеономъ на короля неаполитанскаго Мюрата, при чемъ происходили многочисленныя стычки, изъ которыхъ выдается лихая атака ротмистра Голева, пробившагося съ своимъ эскадрономъ при возвращеніи съ рекогносцировки черезъ три полка французской кавалеріи. Болѣе серьезное дѣло было 23-го іюня (5-го іюля) при Кочергишгахъ, гдѣ съ каждой стороны вышло изъ строя болѣе 200 ч. и въ числѣ взятыхъ нами плѣнныхъ оказался принцъ Гогенлое. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ наша кавалерія выказала столько отваги, что Барклай упоминаетъ о ней даже въ своей замѣткѣ изъ Бельмонта: „наша кавалерія, и что всего замѣчательнѣе, польская конница дралась съ необычайною храбростью“. Отступленіе войскъ нашего праваго фланга совершилось также легко. Прибывъ 15-го (27-го) іюня въ Вилькомирь и соединившись тамъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, Витгенштейнъ перешелъ черезъ Свенту подъ прикрѣпленіемъ арріергарда Кульнева, который 16-го (28-го) имѣлъ дѣло у Девельтово. Утромъ означеннаго числа передовыя войска корпуса Удино, отряженнаго съ кирасирскою дивизіею Дюмерка противъ Витгенштейна, показались на дорогѣ въ Вилькомирь. Кульневъ съ двумя егерскими, Гродненскимъ гусарскимъ полками и 6 орудіями встрѣтилъ ихъ впереди Девельтово и затѣмъ продолжалъ бой на выгодной позиціи за означеннымъ пунктомъ. Далѣе гр. Витгенштейнъ, присоединивъ къ себѣ отрядъ Властова, шедшаго изъ Россіи, и транспорты Тельскаго и Шавлскаго магазиновъ, продолжалъ слѣдованіе къ Друѣ и переправился тамъ на правую сторону Двины. Отступленіе лѣваго фланга Барклая и войскъ 2-й арміи встрѣтило болѣе затрудненій; для уясненія ихъ необходимо взглянуть на дѣйствія противника.

Какъ уже сказано, планъ Наполеона заключался въ томъ, чтобы клинообразнымъ выдвиженіемъ своихъ войскъ разъединить наши западныя арміи и при этомъ отрѣзать лѣвый флангъ 1-й арміи отъ ея главныхъ силъ. Съ этою цѣлью собранныя имъ у Ковно силы уже 13-го (25-го) іюня двинулись на Вильно, за исключеніемъ войскъ маршала Удино, высланнаго противъ Витгенштейна. По занятіи 16-го (28-го) Вильны, Мюратъ, поддержанный корпусомъ Нея, послѣдовалъ за Барклаемъ; а гр. Нансуги съ двумя кавалерійскими и одною пѣхотною дивизіями отряженъ въ Михалишки на перерѣзъ

Дохтурову; въ то же время маршалъ Даву, съ 40.000 отрядомъ ¹⁾ направленъ на Вишневь и Воложинъ для прегражденія пути Багратиону. Между тѣмъ вице-король, переправившись 18-го (30-го) іюня черезъ Нѣманъ у Пренъ, двинулся со своимъ корпусомъ на Сморгони и направилъ корпусъ Сенъ-Сира въ Вильно, откуда сей послѣдній перешелъ вслѣдъ за французскою гвардіею въ Глубокое. Наконецъ, и король Іеронимъ выступилъ 22-го іюня (4-го іюля) со своими тремя пѣхотными и однимъ кавалерійскимъ корпусами изъ Гродно и Бѣлостока съ цѣлью атаковать Багратиона и отбросить его, при содѣйствіи маршала Даву, въ Полѣсье. Тѣмъ не менѣе превосходныя соображенія Наполеона ожидаемой пользы ему не принесли. Согласно полученнымъ отъ Барклая приказаніямъ, 6-й корпусъ Дохтурова долженъ былъ слѣдовать черезъ Сморгони на соединеніе съ главными силами арміи, а 3-й кавалерійскій корпусъ Палена получилъ назначеніе прикрывать этотъ фланговый маршъ. Дохтуровъ выступилъ 16-го (28-го) іюня по указанному направленію, избѣжавъ при этомъ столкновенія съ отрядомъ Нансуги. Паленъ же выступилъ 14-го (26-го) изъ Лиды и, выдвинувъ боковой отрядъ Крейца ²⁾ къ Ошмяны, прикрывалъ означенное движеніе, а потомъ послѣдовалъ за 6-мъ корпусомъ. Между тѣмъ полковникъ Крейцъ, найдя Ошмяны занятыми противникомъ, ворвался 17-го (29-го) на разсвѣтъ въ городъ и вытѣснилъ изъ него французовъ: то былъ головной отрядъ колонны Даву. Вскорѣ онъ самъ былъ атакованъ превосходными силами и сталъ отступать въ видѣ арріергарда. Затѣмъ оба корпуса, войдя въ связь съ главными силами 1-й арміи, продолжали движеніе къ Дриссѣ. Менѣе удачными оказались предпріятія Дорохова и Платова, которые, вмѣсто предписаннаго соединенія съ первою арміею, примкнули къ второй. Генералъ Дороховъ, командовавшій авангардомъ IV корпуса ³⁾, отошелъ согласно данной ему инструкціи 15-го (27-го) іюня къ Олькеникамъ, гдѣ однакожь корпуса своего болѣе не засталъ. Того же 15-го числа адъютантъ Барклая, капитанъ Сеславинъ, былъ посланъ къ нему навстрѣчу съ приказаніемъ слѣдовать не на Вильно, откуда первая армія должна была на другой день выступить, а ближайшимъ путемъ на Михалишки ⁴⁾; но, по неизвѣстной причинѣ, это приказаніе получено Дороховымъ въ ночь на 17-е,

¹⁾ Пѣхотныя дивизіи: Дезе и Компанъ, кавалерійскія: Шастель, Лагуссе и бригады Пажоль и Бордусель, Валанса.

²⁾ 4 эскадрона Сибирскихъ драгунъ и 2 Мариупольскихъ гусаръ.

³⁾ Полки: 1-й и 18-й егерскіе, Изюмскій гусарскій, два казачьихъ и рота артиллеріи.

⁴⁾ Исторія Отечественной войны 1812 г. М. Богдановича. Т. I, стр. 150.

когда назначенный ему путь не былъ болѣе свободенъ. Тогда Дороховъ свернулъ на Ольшаны, а узнавъ, что оттуда нельзя болѣе пробраться въ Михалишки, двинулся на Воложинъ на соединеніе съ второю арміею и послѣ утомительныхъ маршей вошелъ въ связь съ Платовымъ. Съ своей стороны атаманъ, отступивъ съ казачьимъ корпусомъ отъ Гродно къ Лидѣ, выступилъ оттуда 20-го іюня (2-го іюля) въ Ивіе, куда прибылъ лишь на другой день; получивъ 22-го извѣстіе о занятіи непріателемъ Вишнева, онъ свернулъ на Бакшты для сближенія съ Дороховымъ. Такимъ образомъ, и Дороховъ, и Платовъ, первый по неполученію отпращеннаго къ нему приказанія, послѣдній, вслѣдствіе медленности въ движеніяхъ, отклонились отъ предписанной имъ цѣли и присоединились 25-го іюня (7-го іюля) къ войскамъ второй арміи.

Между тѣмъ кн. Багратіонъ, возвращаясь съ Николаевской переправы, слѣдовалъ на Миръ, съ намѣреніемъ продолжать движеніе на Минскъ. Но въ Мирѣ онъ получилъ донесеніе Дорохова о появленіи у Минска французовъ. Тогда Багратіонъ, не рѣшаясь открыть себѣ дорогу силою, двинулся на Несвижъ, гдѣ 26-го (8-го) присоединилъ къ себѣ отрядъ Дорохова, а оттуда на Слуцкъ и Бобруйскъ. Прикрытіе этого движенія со стороны Новогрудска, куда въ то время уже подошли головныя войска короля Іеронима, было возложено на Платова, прибывшаго 25-го (7-го) въ Кареличи. Тамъ 26-го числа (8 іюля) между непріятельскою кавалеріею и казаками произошла схватка, послѣ которой атаманъ отошелъ къ Миру, гдѣ на слѣдующій день состоялся болѣе серьезный и весьма удачный бой: устроенная казаками засада имѣла результатомъ пораженіе трехъ полковъ уланской дивизіи Рожницкаго, потерявшихъ одними плѣнными 248 чел.¹⁾ На 28 (10) число можно было ожидать появленія болѣе значительныхъ силъ противника, а потому Платовъ былъ усиленъ 16-ю эскадронами генераль-адъютанта Васильчикова. И дѣйствительно, на томъ же мѣстѣ, гдѣ происходилъ бой наканунѣ, Васильчиковъ былъ атакованъ шестью полками кавалеріи. Однакожъ дѣйствія обѣихъ сторонъ оставались долго безъ послѣдствій, пока совершенно неожиданно на флангѣ непріятеля показался казачій отрядъ генераль-маіора Кутейникова, возвращавшійся съ поисковъ; это послужило сигналомъ къ дружному удару различныхъ частей нашей конницы, кончившемуся разсѣяніемъ противника. При дальнѣйшемъ отступленіи арріергардъ 2-й арміи, усиленный еще 5-мъ егерскимъ полкомъ, имѣлъ нѣсколько стычекъ около Несвижа и 2-го (14) іюля удачное дѣло у Романова,

¹⁾ Исторія отечественной войны 1812 г. М. Богдановича. Т. I, стр. 162.

гдѣ непріятель лишился 18 офицеровъ и 360 нижнихъ чиновъ плѣнными ¹⁾. Послѣ этого дѣла преслѣдованіе Багратіона прекратилось; войска Іеронима, поступившія подѣ начальство маршала Даву, получили другое назначеніе и потянулись: 8-й корпусъ (Вестфальскій) на Минскъ-Оршу, 5-й (польскій) и кавалерійскій Латуръ-Мобура на Игуменъ-Могилевъ, а 7-й (саксонскій) назадъ къ Слониму, откуда онъ былъ направленъ противъ Тормасова. Принятое главнокомандующимъ 2-й арміи въ Мирѣ рѣшеніе уклониться отъ боя, которымъ бы онъ могъ проложить себѣ путь къ 1-й арміи, объяснялось имъ тѣмъ, что ему было предписано: „избѣгать рѣшительныхъ сраженій съ сильнѣйшимъ непріателемъ“. Что маршалъ Даву имѣлъ при себѣ лишь двѣ дивизіи, ему могло быть неизвѣстно; но онъ почему-то полагалъ, что вся армія Наполеона противъ него, и бранилъ Барклая за то, что 1-я армія не атакуетъ ее для отвлеченія хоть бы части ея силъ отъ 2-й арміи ²⁾. Потеря времени, причиненная разногласіемъ въ направленіи, указанномъ Барклаемъ и предписанномъ Государемъ, отчего Багратіонъ не успѣлъ предупредить противника въ Минскѣ, а затѣмъ и непонятная осторожность, побудившая его свернуть на Бобруйскъ, имѣли послѣдствіемъ, что 1-я армія должна была сообразовать свои дальнѣйшія дѣйствія съ кружными и продолжительными движеніями 2-й арміи. Но всѣ эти случайныя и непредвидѣнныя обстоятельства намъ вреда не нанесли, тогда какъ Наполеонъ долженъ былъ убѣдиться, что искусныя комбинаціи остались безъ результатовъ. Ни Дохтуровъ не былъ задержанъ, ни Дороховъ не былъ захваченъ, ни Багратіонъ не подвергся катастрофѣ. Послѣдняя неудача особенно возбуждала негодованіе Императора противъ своего брата, котораго онъ обвинялъ въ медленности и несогласованіи своихъ движеній съ дѣйствіями Даву, а потому онъ подчинилъ его этому маршалу, на что Іеронимъ отвѣтилъ отъѣздомъ въ свою резиденцію Кассель. Между тѣмъ усиленные марши по дурнымъ дорогамъ чрезвычайно утомили французскія войска и до-нельзя затруднили продовольствіе. Уже 17 (29) іюня наступили проливные дожди, а затѣмъ послѣдовала невыносимая жара; обозы разстроились и до того отстали, что отрядъ короля Іеронима остался безъ хлѣба и соли; другія части, въ особенности корпусъ пр. Евгенія, потеряли множество лошадей, преимущественно артиллерійскихъ. Теперь наступило какъ бы общее временное затишье.

Между тѣмъ, 27—29 іюня (9—11 іюля) первая армія вступила

¹⁾ Тамъ же, стр. 209.

²⁾ Письмо кн. Багратіона ген. Ермолову.

въ Дрисскій лагерь. Благодаря медленности отступленія Барклая, Витгенштейнъ и Дохтуровъ спокойно съ нимъ соединились. Первый переправившійся 28 іюня (10 іюля) на правую сторону Двины у Друи, гдѣ онъ былъ усиленъ резервами въ числѣ 2.200 ч. пѣхоты и 1.300 ч. кавалеріи, занялъ позицію противъ Леонполя, на продолженіи праваго фланга лагерь. Дохтуровъ расположился на продолженіи лѣваго фланга укрѣпленій. Прочія войска заняли самый лагерь въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-й корпусъ на правомъ флангѣ, 3-й корпусъ въ центрѣ, 4-й корпусъ на лѣвомъ флангѣ; за ними три кавалерійскіе и гвардейскій корпуса. Высочайшимъ приказомъ отъ 27 іюня (9 іюля) августѣйшій вождь возвѣщалъ своимъ войскамъ, что они „достигли той цѣли, къ которой стремились, и соединились на мѣстѣ предназначеномъ“. Да, цѣль была достигнута, та самая цѣль, которая издавѣка и на бумагѣ представлялась кабинетнымъ стратегамъ несокрушимою твердынею, о которую всѣ усилія врага разбивались въ прахъ. Но чѣмъ оказалась эта твердыня вблизи и въ дѣйствительности?

Укрѣпленный лагерь находился на лѣвомъ берегу Двины, образующей немного ниже Дриссы колѣно, которое огибаетъ тылъ позиціи; фронтъ сей послѣдней имѣлъ болѣе 4 в. протяженія, а глубина, у центра, до 3 в. Пространство это пересѣчено оврагами, затрудняющими сообщенія, движенія резервовъ и спуски къ рѣкѣ. Для укрѣпленія позиціи были возведены редуты и люнеты съ батареями, палисадами и засѣками: въ 1 линіи 10, во 2 лин. 6, въ 3 лин. 1, а для защиты 4 мостовъ тетъ-де-поны. Передъ фронтомъ мѣстность отчасти лѣсистая, мѣстами болотистая, а въ тылу—открытая и доступная. Такимъ образомъ, предположенное Пфүлемъ выдвиженіе изъ лагерь 70.000 войскъ для атаки той или другой части непріятельской арміи, если бы даже разность въ численности сторонъ тому не препятствовала, оказалось бы затруднительнымъ, тогда какъ подступы непріятеля съ фронта прикрывались лѣсомъ, а съ тыла ничѣмъ не были обороняемы. Но въ какомъ положеніи находилась бы въ этомъ лагерѣ наша I армія, въ которой и тогда считалось около 110.000 ч., если бы она была окружена войсками Наполеона, вице-короля Италійскаго и почти всей бывшей арміи Іеронима, численность которыхъ превышала 250.000 ч. Что укрѣпленный лагерь могъ имѣть большое значеніе, признавалъ и Барклай, но только въ смыслѣ конечнаго пункта продолжительнаго упорнаго отступленія арміи, выдвинутой для встрѣчи противника за Кенигсбергъ, точно также какъ укрѣпленный лагерь у Кіева могъ служить конечнымъ опорнымъ пунктомъ отступленія II арміи отъ Варшавы. Когда же выдвиженіе армій было отклонено,

и Пфулю поручено выработать свой операционный планъ, Дрисскій укрѣпленный лагерь могъ только вовлечь въ преждевременный бой. Неудивительно потому, что и теперь, за нѣсколько дней до вступленія арміи въ лагерь, Барклай попытался еще разъ отклонить Монарха отъ рокового рѣшенія ¹⁾. Вслѣдствіе ли его представленія или по другой причинѣ, флигель-адъютантъ полковникъ Мишо, отличный инженеръ, перешедшій изъ сардинской службы въ русскую, былъ тотчасъ посланъ для осмотра укрѣпленнаго лагеря, и уже 27 іюня Императоръ отправился лично для его обозрѣнія. Сопровождавшій его генераль Пфуль объяснилъ выгоды позиціи и значеніе укрѣпленій, которыя показались весьма слабыми, а потому и объясненія его повидимому никого не удовлетворили; Государь старался разгадать мысли окружавшихъ его генераловъ, но кромѣ недовѣрія на лицахъ ихъ ничего прочесть не могъ. Однакожь ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день перемѣны въ главныхъ распоряженіяхъ не послѣдовало, такъ что Барклай 28 іюня писалъ женѣ изъ Дриссы: „Я привелъ сюда армію, потому что Государь этого желалъ, и теперь ожидаю, что будетъ далѣе“ ²⁾. Между тѣмъ трудное положеніе Пфуля стало, послѣ состоявшагося и всѣхъ разочаровавшаго обозрѣнія лагеря, невыносимымъ; какъ честный человѣкъ, онъ не могъ не чувствовать, что нравственная отвѣтственность за очевидную опасность, въ которую вовлечена армія, падаетъ на него; а потому, и уступая убѣжденіямъ столь близкаго ему Клаузевица, онъ рѣшился испросить у Государя аудіенцію и выразить ему необходимость возложить главное и самостоятельное начальство войскъ на Барклая-де-Толли ³⁾. Это значило отказаться отъ своего плана и признать его несостоятельность. Императоръ Александръ принялъ Пфуля съ тою рыцарскою вѣжливостью, которая всегда его отличала, и отнесся къ его заявленію весьма благосклонно. Нѣтъ сомнѣнія, что Монархъ и самъ пришелъ къ такому же заключенію, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ выдающихся лицъ его свиты были проникнуты убѣжденіемъ, что особѣ Монарха не слѣдуетъ подвергаться какимъ бы то ни было случайностямъ войны, предвидѣть которыя невозможно, и что трое изъ нихъ: Балашевъ, Аракчеевъ и Шишковъ подали Государю убѣдительную записку въ этомъ смыслѣ ⁴⁾. Тогда, 29 іюня, Императоромъ Александромъ былъ собранъ военный совѣтъ для обсужденія и рѣшенія вопроса: оборо-

¹⁾ Представленіе Барклая-де-Толли отъ 25 іюня изъ Бельмонта.

²⁾ Письмо Барклая-де-Толли къ женѣ отъ 28 іюня 1812 г.

³⁾ Этотъ разсказъ столь правдиваго Клаузевица подтверждается, какъ лучшій исходъ для Пфуля изъ тяжелаго его тогда положенія.

⁴⁾ Н. Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Т. III, стр. 86—88.

нять ли Дрисскій лагерь или нѣтъ. Въ совѣтѣ приняли участіе: Барклай, Аракчеевъ, принцъ Ольденбургскій, Волконскій и Вольцогенъ, послѣдній какъ представитель отсутствовавшего Пфуля. Совѣщанію предшествовалъ докладъ полковника Мишо объ осмотрѣнныхъ имъ укрѣпленіяхъ. Затѣмъ Барклай, не отрицая выгодъ укрѣпленной позиціи для всякаго отряда, вынужденнаго дать отпоръ болѣе сильному противнику, изобразилъ положеніе арміи, замкнутой въ такой позиціи и окруженной войсками, превышающими ее болѣе чѣмъ вдвое. Въ такое положеніе была бы поставлена I армія, а потому очевидный разгромъ ея, хотя бы съ равносильною потерей непріятеля, лишилъ бы насъ главной опоры для дальнѣйшаго веденія войны. Въ виду сохраненія арміи для будущихъ дѣйствій онъ настаивалъ на необходимости вывести ее изъ Дрисскаго лагеря. Съ его мнѣніемъ согласились всѣ прочія лица, не исключая даже Вольцогена, отъ котораго ожидали горячей защиты лагеря. Въ состоявшемся тогда постановленіи совѣта не было однако указано, куда направить армію. По Михайловскому-Данилевскому было опредѣлено „взять какое-нибудь другое направленіе“¹⁾. Такое странное рѣшеніе можетъ быть объяснено намѣреніемъ Императора Александра предоставить главнокомандующему полную свободу дѣйствій и желаніемъ сохранить въ тайнѣ задуманный Барклаемъ и вѣроятно сообщенный имъ совѣту планъ фланговаго движенія на Витебскъ. Что онъ передъ тѣмъ уже имѣлъ такой планъ, усматривается изъ того, что на вопросъ Аракчеева относительно продовольствія арміи, Барклай отвѣтилъ, что таковое обезпечено Велижскимъ магазиномъ. Потаенныя мысли его находимъ также въ письмѣ къ женѣ отъ того же 29 іюня, въ которомъ читаемъ: „Непріятель выдвинулъ часть своихъ превосходныхъ силъ между 1-ю и 2-ю армією съ цѣлью открыть себѣ дорогу въ сердце Россіи. Съ Божією помощью я надѣюсь, что это будетъ предотвращено; я нахожусь теперь на скользкомъ пути, на которомъ многое зависитъ отъ счастья. Если Господь даруетъ успѣхъ предпріятію, которое я имѣю въ виду, то я заслужу справедливую благодарность отечества,—твоя молитва и наше искреннее упованіе на Бога помогутъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ“²⁾. Задуманное Барклаемъ столь смѣлое фланговое движеніе совершено имъ, какъ увидимъ, вполне благополучно.

Въ числѣ лицъ, находившихся при Императорѣ Александрѣ, былъ

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе отечественной войны 1812 года, I, стр. 226.

²⁾ Письмо Барклая-де-Толли къ женѣ, отъ 29 іюня (11 іюля) 1812 года.

также принцъ Александръ Виртембергскій, который, будучи витебскимъ генераль-губернаторомъ, былъ посвященъ главнокомандующимъ въ его намѣренія. Принцъ хорошо зналъ окрестности своей резиденціи и могъ сообщить послѣднему, что вблизи города имѣется позиція, весьма выгодная для принятія боя. Это какъ нельзя болѣе соответствовало видамъ Барклая, надѣявшагося соединиться подъ Витебскомъ съ кн. Багратиономъ и дать тамъ сраженіе ¹⁾. Въ тотъ самый день, когда состоялось рѣшеніе отказаться отъ прежняго операціоннаго плана, Императоръ Александръ оставилъ I армию и поѣхалъ на нѣсколько дней въ Полоцкъ, а затѣмъ навстрѣчу II арміи, когда же это оказалось неисполнимымъ—прямо въ Москву. Выѣзжая изъ Дриссы, Государь заѣхалъ къ Барклаю, пробылъ у него болѣе часа, крѣпко обнялъ при разставаніи и, пожимая руку, сказалъ; „прощайте и еще разъ прощайте; оставляю мою армию на Вашемъ попеченіи, не забывайте никогда, что она у меня одна“ ²⁾. Послѣднія распоряженія, тогда послѣдовавшія, заключались въ слѣдующемъ: Дунайской арміи Чичагова повелѣно двинуться на Волынь для соединенія съ арміею Торماسова, которому предписано дѣйствовать наступательно. Къ 12 полкамъ, вновь формируемымъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, приказано генералу Клейнмихелю образовать еще 6 полковъ изъ рекрутскихъ депо. Милорадовичу предписано сформировать изъ рекрутскихъ депо въ Калугѣ корпусъ въ 55 баталіоновъ, 26 эскадроновъ и 14 ротъ артиллеріи. Объявленъ манифестъ о наборѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ по 5 рекрутъ съ 500 душъ. Наконецъ, изданъ манифестъ о всеобщемъ ополченіи. По этому послѣднему поводу Государь писалъ Барклаю еще 27 іюня: „Я рѣшился призвать народъ къ истребленію врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы, какъ къ такому дѣлу, котораго требуетъ самая вѣра. Надѣюсь, что мы въ этомъ отношеніи не уступимъ испанцамъ“. Тогда же состоялись перемѣны въ личномъ составѣ главнаго штаба арміи, о чемъ уже было упомянуто, а именно замѣна начальника шт. Лаврова и вре-

¹⁾ М. Богдановичъ пишетъ въ своей исторіи войны 1812 г. Ч. I, стр. 172: По предложенію герцога Александра Виртембергскаго, поддержанному Барклаемъ, принято направленіе къ Витебску, гдѣ I-я армія, занявъ выгодную позицію, должна была соединиться со второю. Здѣсь очевидно недоразумѣніе. Герцогъ къ совѣщанію не привлеченный, никакого предложенія сдѣлать не могъ; но ему, какъ витебскому генераль-губернатору, принятое рѣшеніе было немедленно сообщено Барклаемъ, при чемъ онъ и рекомендовалъ позицію на знакомой ему мѣстности. Въ такомъ смыслѣ переданъ этотъ эпизодъ и въ „Запискахъ гр. Толя“ Бернарди, ч. I, стр. 301.

²⁾ *Denkwürdigkeiten eines Livländers* W. v. Lowenstern.

менно исправлявшего его должность Паулуччи, генераломъ Ермоловымъ и генераль-квартирмейстера Мухина полковникомъ Толь. Мнѣніе Барклая о своемъ ближайшемъ сотрудникѣ неизвѣстно. Ермоловъ относился къ нему почтительно и дѣлалъ даже видъ, что ему преданъ, а потому благородный Барклай не могъ подозрѣвать въ немъ скрытаго врага; достовѣрно только то, что онъ ему не довѣрялъ, съ нимъ не сближался и не совѣтовался. Ермоловъ въ своихъ запискахъ говоритъ, конечно, другое; онъ много рассказываетъ о поданныхъ имъ совѣтахъ и предложенныхъ планахъ, но и тѣ и другіе остались для всѣхъ неизвѣстными. Точно также оказываются вымышленными повѣствованія его о неудовольствіи Барклая противъ Толя, „получившаго, не взирая на его, Ермолова, заступничество, приказаніе выѣхать изъ арміи и отправившагося въ Москву, гдѣ остался безъ всякой должности“ ¹⁾. Не могъ однакожъ начальникъ штаба, Ермоловъ, не знать, что съ его ежедневнымъ сотрудникомъ, генераль-квартирмейстеромъ Толемъ, ничего подобнаго не было.

Полковникъ Толь, получившій тогда же назначеніе и. д. генераль-квартирмейстера, былъ отличный офицеръ генеральнаго штаба, съ выдающимися дарованіями, основательными свѣдѣніями, твердою волею и благороднымъ характеромъ. Если бы при этомъ онъ обладалъ достаточнымъ тактомъ, то вѣроятно и отношенія его къ Барклаю были бы тѣснѣе; но честный и правдивый Толь хотя не всегда взвѣшивалъ слова въ своихъ представленіяхъ главнокомандующему, не зналъ другихъ побужденій, какъ чувство долга и пользу дѣла.

„По отъѣздѣ Государя изъ арміи, Барклай, какъ рассказываетъ очевидецъ ²⁾, сдѣлался, если возможно, еще спокойнѣе и положителнѣе въ своихъ распоряженіяхъ. Вокругъ него все измѣнилось какъ по волшебному знаку. Приемная, съ нѣкотораго времени опустѣвшая, снова наполнилась тѣми же лицами, которыя сейчасъ только его такъ порицали. Но онъ, холодный и спокойный, какъ всегда, не показалъ ни малѣйшей перемѣны въ обращеніи и обошелся со своими недоброжелателями столь же учтиво, какъ всегда. При всемъ своемъ спокойствіи Барклай не могъ однако не сознавать всю тяжесть своего положенія: успѣхъ задуманнаго предпріятія зависѣлъ отъ дѣйствій не одной только первой арміи, которой онъ остался полнымъ хозяиномъ, но и второй, ему не подчинен-

¹⁾ Записка А. П. Ермолова, изд. 1863 г., стр. 72.

²⁾ Воспоминанія тогдашняго адъютанта Барклая, генерала Левенштерна. *Denkwürdigkeiten eines W. v. Livänders.* стр. 180—181.

ной. Вопросъ объ общемъ командованіи опять остался открытымъ и по отъѣздѣ Государя; этому отъѣзду старались даже придать видъ временнаго отсутствія и, какъ бы въ подтвержденіе этого, военная свита была оставлена. Такимъ образомъ, успѣхъ дѣла много зависѣлъ отъ доброй воли кн. Багратіона на котораго приходилось дѣйствовать убѣжденіями и просьбами. Честный воинъ и горячій патриотъ, Багратіонъ, не былъ, конечно, способенъ вредить дѣлу изъ-за личныхъ побужденій, но онъ не въ состояніи былъ обнять и обсудить общее положеніе. „Непріятели войска бы шапками закидали“, писалъ онъ Ермолову 3 іюля, „мы проданы, я вижу, насъ ведутъ на гибель“. И даже гораздо позже, 29 іюля, когда положеніе дѣла вполнѣ уже выяснилось, писалъ: „не понимаю Вашихъ мудрыхъ маневровъ. Мой маневръ искать и бить“. Къ тому же Багратіонъ и самъ добивался главнаго командованія; это ясно высказано въ концѣ того же письма: „Но что мнѣ еще писать Государю, самъ не вѣдаю. Я писалъ, что соединился, просилъ, чтобъ одному быть начальникомъ, а не двумъ. Если написать мнѣ прямо, чтобы далъ обѣими арміями мнѣ командовать, тогда Государь подумаетъ, что я сего ищу не по моимъ заслугамъ и талантамъ, но по единому тщеславію“. На какое послѣ этого содѣйствіе могъ рассчитывать Барклай, чтобы совокупными дѣйствіями битва становилась возможною. Барклай горѣлъ желаніемъ сразиться, но не считалъ себя въ правѣ этого исполнить до наступленія возможности одержать побѣду или пріобрѣсть успѣхъ, а что для этого требовалось болѣе мужества и самоотверженія, Багратіоны того времени не постигали.

Послѣ 3-хъ дневнаго пребыванія въ Дрисскомъ лагерѣ, 2-го (14) іюля, войска I арміи незамѣтно перешли на правый берегъ Двины; на лѣвомъ берегу остались для маскированія переправы и наблюденія только 2-й и 3 кавалерійскіе корпуса. Для полученія же вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, на слѣдующій день, 3 (15) іюля авангардомъ 1-го арм. корпуса была произведена рекогносцировка за р. Друю, при чемъ казаки и гродненскіе гусары подполковника Ридигера атаквали и преслѣдовали встрѣченную ими французскую кавалерію 15 верстъ и захватили 144 ч. въ плѣнъ, въ томъ числѣ генерала Сенъ-Женъе и 3 офицеровъ ¹⁾).

Около того же времени, т. е. въ первыхъ числахъ іюля, происходили также дѣйствія у Динабурга. Заложенная тамъ крѣпость

¹⁾ Кромѣ того, непріятель лишился убитыми и ранеными около 300 чел.; съ нашей стороны вышло изъ строя 75 чел. Исторія отеч. войны М. Богдановича, I, стр. 173.

не представляла еще какой-либо преграды, но предме́стное укрѣпленіе уже находилось въ оборонительномъ положеніи и было занято нѣсколькими, хотя и весьма слабыми, запасными баталіонами. Этимъ-то укрѣпленіемъ французы (изъ корпуса Удино) нѣсколько разъ пытались овладѣть, но были отбиты. Въ то время больные и казенное имущество вывозились изъ Динабурга, и только 15 (27) іюля, когда передовыя войска Макдональда стали подходить изъ Курляндіи, командовавшій тамъ генераль Гаманъ началъ медленно отступать къ Дриссѣ.

Дѣла у Дриссы и Динабурга утвердили, повидимому, противника въ мнѣніи, что мы будемъ отстаивать Дрисскій лагерь; по крайней мѣрѣ, ничего не было предпринято для затрудненія нашего движенія въ Витебскъ, что Клаузевицъ ставилъ Наполеону въ большую ошибку ¹⁾. Послѣдній и самъ сознавалъ ее, но приписалъ это злему року: „Во всей этой войнѣ“, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾, „я находился подъ вліяніемъ дурного генія, порождавшаго въ рѣшительныя минуты препятствія, которыя не могли быть предусмотрѣны. Могъ ли я предвидѣть, что русская армія не останется болѣе 3 дней въ лагерь, стоявшемъ нѣсколько мѣсяцевъ работы и огромныхъ суммъ“.

Оставивъ Витгенштейна у Дриссы для прикрытія путей въ Петербургъ, Барклай двинулся 4 (16) іюля съ прочими войсками къ Витебску. Въ головѣ шелъ I кавалерійскій корпусъ Уварова, въ хвостѣ—6-й корпусъ Дохтурова; прикрытіе движенія было возложено на 2-й и 3-й кавал. корпуса бар. Корфа и гр. Палена, перешедшіе черезъ Двину у Дриссы и Дисны 3-мя днями позже. 7-го (19) ч. I армія имѣла въ Полоцкѣ дневку за исключеніемъ корпуса Уварова, высланнаго впередъ для занятія и прикрытія Витебска; а 11-го (23) іюля выступили туда и главныя силы. По прибытіи въ Витебскъ армія расположилась: III, IV и V пѣхотные и I кавалерійскій корпуса—на лѣвомъ берегу Двины, по р. Лучосѣ, на рекомендованной герцогомъ А. Виртембергскимъ позиціи; II пѣхотный и II кавалерійскій—на правой сторонѣ рѣки у города; VI пѣхотный Дохтурова, слѣдовавшій за арміею въ разстояніи перехода, у стараго села на Полоцкой дорогѣ; III кавалерійскій корпусъ Палена—въ полупереходѣ отъ послѣдняго, въ видѣ арріергарда.

Въ Витебскѣ было получено извѣстіе, что передовыя войска кн. Багратіона вступили въ Могилевъ. Обрадованный Барклай считалъ соединеніе армій обезпеченнымъ и надѣялся, какъ писалъ

¹⁾ Der Feldzug von 1812 in Russland.

²⁾ Vie politique et militaire de Napoléon. Ч. IV, стр. 70—71.

смоленскому губернатору, перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Но вскорѣ пришло другое извѣстіе, пояснявшее, что вступленіе означенныхъ войскъ въ Могилевъ еще не состоялось, а со дня на день ожидается. Тогда Барклай рѣшился движеніемъ отряда на Оршу содѣйствовать операціямъ своего товарища. Для исполненія этого намѣренія нужно было притянуть къ себѣ Дохтурова и Палена и получить достовѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ. Съ этою послѣднею цѣлью уже 12-го (24) ч. были высланы отряды: Тучкова 3—на Бабиновичи, Орлова-Денисова—на Сѣнно, и корпусъ гр. Остермана-Толстого, усиленный четырьмя кавалерійскими полками,—къ Островно. Отряженіе столь значительныхъ силъ къ Островно было вызвано донесеніями передовыхъ постовъ о приближеніи большихъ массъ противника къ Бѣшенковичамъ. Увѣдомляя главнокомандующаго второю арміею о своемъ намѣреніи и приглашая его къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ, Барклай счелъ нужнымъ послать къ нему флигель-адъютанта Вольцогена и просить его согласоваться съ операціями первой арміи и сообщить о своихъ дѣйствіяхъ. Опасаясь, какъ бы самолюбіе старшаго въ чинѣ не повліяло на его рѣшенія, онъ писалъ князю: „Передъ мыслью, что намъ ввѣрена защита отечества въ нынѣшнее рѣшительное время, умолкнуть всѣ прочія разсужденія и все то, что въ обыкновенное время могло бы повліять на взаимныя отношенія: голосъ отечества призываетъ насъ къ согласію, которое есть вѣрнѣйшій залогъ нашихъ успѣховъ. Соединимся и сразимъ врага Россіи. Отечество благословитъ согласіе наше ¹⁾“.

Между тѣмъ французская армія также двигалась къ Витебску. Мюратъ, получивъ извѣстіе объ оставленіи русскими укрѣпленнаго лагеря и отступленія къ Полоцку, отрядилъ корпусъ Удино съ кавалерійскою дивизіею Дюмерка къ Дриссѣ и двинулся съ остальными силами—корпусъ Нея, три дивизіи корп. Даву, кавал. корпуса Нансути и Монбрюнъ—къ Диснѣ. Тамъ онъ перевелъ Монбрюна на правый берегъ Двины и самъ продолжалъ движеніе на Бѣшенковичи, куда между тѣмъ прибыли головныя войска принца Евгенія. Къ тому времени, 12 (24) іюля, подошли туда остальныя войска вице-короля, корпусъ Сень-Сира, старая гвардія, молодая гвардія, гвардейская кавалерія и кавал. корпусъ Груши. Вечеромъ 12 (24) іюля пріѣхалъ въ Бѣшенковичи и самъ Наполеонъ, который тотчасъ приказалъ навести мостъ черезъ Двину и произвести рекогносцировку на правомъ берегу рѣки; удостовѣрившись, что

¹⁾ Отношеніе Барклая отъ 13 (25) іюля. Записки Толя, издан. Бернарди. Ч. I, стр. 314—315.

русская армія уже у Витебска, онъ поручилъ Монбрюну дальнѣйшее наблюденіе за Паленомъ и Дохтуровымъ и сталъ готовиться къ устремленію всѣхъ собранныхъ имъ силъ на Барклая. При такихъ обстоятельствахъ предположенное движеніе нашей I арміи на Оршу для возможнаго соединенія съ II арміею сдѣлалось невыполнимымъ. Но что предпринять? Продолжать отступленіе—это значило отказаться надолго отъ содѣйствія кн. Багратіона; принять сраженіе—это значило драться одному противъ двухъ и подвергнуться вѣрному пораженію. Барклай нашелъ другой исходъ изъ этого труднаго положенія, исходъ, соотвѣтствовавшій принятому имъ общему способу дѣйствій противъ превосходныхъ силъ Наполеона: онъ сталъ дѣлательно готовиться къ битвѣ, съ твердымъ намѣреніемъ уклониться отъ рѣшительнаго боя, если къ участію въ таковомъ не прибудетъ II армія. Въ обоихъ случаяхъ, какъ пишетъ Барклай съ собственноручныхъ замѣткахъ, онъ вынуждалъ Наполеона терять время на изнурительныя передвиженія своихъ главныхъ силъ къ Витебску и привлеченіе туда отъ Могилева прочихъ войскъ Даву, что съ другой стороны облегчало кн. Багратіону переправиться черезъ Днѣпръ и спѣшить къ соединенію съ I арміею.

Въ 7 верстахъ отъ Витебска головной отрядъ гр. Остермана встрѣтился съ передовыми войсками Нансути; послѣднія повернули назадъ и, преслѣдуемая нашею кавалеріею, отошли за Островно. Не доходя этого пункта, Остерманъ остановился и занялъ позицію по обѣ стороны дороги, примыкая флангами къ болотамъ и лѣсистой мѣстности. Отрядъ его состоялъ изъ 23 бат., 28 эскад. и 70 орудій¹⁾. Рано утромъ 13 (25) іюля Мюратъ выдвинулъ къ Островно всю кавалерію Нансути, которой былъ приданъ полкъ егерей; впереди шла бригада Пире. Съ нашей стороны вышли впередъ безъ всякой предосторожности два эскадрона лейбъ-гусаръ, за которыми слѣдовали 6 конныхъ орудій; какъ только французы ихъ замѣтили, они бросились въ атаку, разсѣяли гусаръ и захватили орудія. Между тѣмъ вся бригада Пире стала развертываться; она строилась еще въ боевой порядокъ, когда на правомъ ея флангѣ показался нашъ Нѣжинскій полкъ; однако два полка французской кавалеріи успѣли броситься на нашихъ драгунъ, опрокинули ихъ и взяли до 200 ч. въ плѣнъ. За то другіе два полка корпуса Нансути, вышедшіе изъ Островно и кинувшіеся на пѣхоту Остермана, были разстроены встрѣтившимъ ихъ сильнымъ огнемъ и по-

¹⁾ II-я пѣх. дивизія Бахметьева 2-го, 23-я пѣх. див. Бахметьева 1-го; Изюмскій, Сумскій и лейбъ-гусарскій, Ингерманландскій и Нѣжинскій драгунскіе полки; 6 р. пѣх. и 6 р. кон. артиллеріи.

несли большія потери. Корпусъ Остермана занималъ двѣ линіи: въ первой стояла II-я дивизія въ развернутомъ фронтѣ, во второй 23-я дивизія въ баталіонныхъ колоннахъ и кавалерія; впереди 1-й линіи расположились батареи. Противъ этихъ батарей и нашей стрѣлковой цѣпи были разсыпаны французскіе егеря. Графъ Остерманъ приказалъ тогда тремъ баталіонамъ лѣваго фланга отгѣснить ихъ, что однакожь не удалось исполнить, такъ какъ нѣсколько эскадроновъ непріятельской кавалеріи, какъ только баталіоны начали движеніе, появились на ихъ флангѣ. Другія попытки Остермана противъ обоихъ фланговъ Мюрата остались безъ послѣдствій въ виду большого перевѣса послѣдняго въ кавалеріи. Впрочемъ, задача его заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы замедлять и затруднять наступленіе противника; до полудня исполнить это было нетрудно, но тогда прибыла въ Островно вся дивизія Дельзона, т. е. 19 баталіоновъ, такъ что превосходство общихъ силъ уже въ несоразмѣрной степени перешло на сторону французовъ. Тѣмъ не менѣе гр. Остерманъ, стойкость котораго составляла отличительную черту его боевыхъ качествъ, продолжалъ спокойно отстаивать свою позицію. Главнокомандующій прислалъ къ нему въ это самое время три полка кавалеріи на помощь, но они не были введены въ дѣло. Съ другой стороны и дивизія Дельзона была такъ утомлена успѣшнымъ переходомъ, что должна была ограничиться выдвиженіемъ своей артиллеріи. Такимъ образомъ, Остерманъ, не взирая на большія потери, понесенныя нѣкоторыми полками отъ артиллерійскаго огня, продержался до ночи. Сюда относятся его изреченія, пріобрѣвшія столь большую извѣстность: на донесеніе о большомъ уронѣ отъ непріятельской картечи и вопросъ что дѣлать, онъ отвѣчалъ „ничего не дѣлать, стоять и умирать“; а на докладъ батарейнаго командира, что много убито канонировъ и есть подбитыя орудія, какъ графъ прикажетъ поступить, послѣдній сказалъ: „стрѣлять изъ остальныхъ“. Барклай-де-Толли, которому ходъ дѣла былъ ежечасно сообщаемъ своими адъютантами ¹⁾, счелъ, однако жъ, нужнымъ смѣнить корпусъ Остермана другимъ отрядомъ. Въ тотъ же день 3 дивизія Коновницына, усиленная нѣсколькими кавалерійскими полками, была выслана по дорогѣ къ Островно и расположена въ 11 верстахъ отъ Витебска на хорошей позиціи, фронтъ которой былъ прикрытъ оврагомъ, правый флангъ Двиною, а лѣвый болотистымъ лѣсомъ. Коновницынъ получилъ приказаніе пропустить войска Остермана и Уварова и

¹⁾ Левенштернъ и Сеславинъ.

преградить неприятелю дальнѣйшее наступленіе; Остерманъ же получилъ предписаніе сняться на разсвѣтъ съ бивака и, отойдя за позицію Коновницына, составить резервъ. Утромъ 14 (26) іюля король Неаполитанскій двинулся съ войсками Нансуги и вице-короля Италійскаго по Витебской дорогѣ и въ 8 ч. подошелъ къ позиціи Коновницына. Вскорѣ по всей линіи завязался бой. Сначала неприятель попытался сильнымъ огнемъ поколебать стойкость нашихъ войскъ; затѣмъ пѣхота вице-короля двинулась въ атаку обоихъ фланговъ, при чемъ нѣсколько эскадроновъ стали обходить нашу позицію по бродамъ Двины. Атака лѣваго фланга была отбита; на правомъ же флангѣ наши баталіоны подались назадъ. Тогда Коновницынъ выдвинулъ свой резервъ, усиленный двумя полками II дивизіи, и снова оттѣснилъ противника; при этомъ одинъ изъ его баталіоновъ увлекся за оврагъ и подвергся нападенію неприятельской кавалеріи. Это послужило сигналомъ общему наступленію французовъ, принудившихъ, наконецъ, нашъ отрядъ отходить къ Витебску; дальше всѣхъ оставался на мѣстѣ центръ и не покидавшая своей позиціи артиллерія; послѣдняя подверглась даже большой опасности отъ бросившейся на нее кавалеріи, но храбрые Перновцы и Кексгольмцы отстояли ее, а Черниговцы выхватили даже изъ рукъ французовъ уже захваченныя ими три орудія. Отступленіе Коновницына послѣдовало затѣмъ въ совершенномъ порядкѣ, и Мюратъ, увидя за нимъ войска Остермана готовыми къ бою, не отважился его преслѣдовать. Съ прибытіемъ Наполеона дѣйствія возобновились, но не имѣли послѣдствій. Коновницынъ остался до 5 ч. у селенія Комары, а затѣмъ послѣдовалъ на соединеніе съ своимъ 3-имъ корпусомъ, который, какъ и войска Остермана, Уварова, Дохтурова и Палена, примкнулъ къ главнымъ силамъ арміи. Для прикрытія же послѣдней былъ назначенъ особый отрядъ изъ 8 баталіоновъ пѣхоты, почти всей легкой кавалеріи и 2-хъ казачьихъ полковъ подъ начальствомъ гр. Палена, который расположился на позиціи на лѣвой сторонѣ Лучесы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ главныхъ силъ:

Дѣла 13 (25) и 14 (26) іюня, въ которыхъ Остерманъ и Коновницынъ отдѣльно боролись съ авангардомъ французской арміи, превосходившимъ силы cadaго изъ нихъ, вызываютъ вопросъ, почему Барклай-де-Толли не выдвинулъ противъ этого авангарда оба отряда совокупно и не усилилъ ихъ, дабы не только отбросить противника, но и преслѣдовать и разбить его. Но онъ былъ слишкомъ опытный воинъ, чтобы не предвидѣть вѣроятныя послѣдствія такого образа дѣйствій: противъ превосходныхъ силъ Мюратъ не сталъ бы держаться, а отступая на Бѣшенковичи, навелъ бы

нашъ отрядъ на главныя силы Наполеона, спѣшившія со всѣхъ сторонъ къ Витебску, что легко могло бы имѣть послѣдствіемъ его уничтоженіе. Къ тому же другая еще причина побуждала Барклая держать свои войска въ сборѣ: приглашая кн. Багратіона двинуться изъ Могилева на Оршу для скорѣйшаго соединенія съ I арміею, онъ избѣгалъ всякаго выдѣленія войскъ, не вызываемаго необходимою.

Ф. В—нъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ Румынія передъ войной 1877 г. ¹⁾:

III.

Вима, проведенная мною въ Бухарестѣ предъ войной, заставила меня много и самостоятельно думать о такихъ предметахъ, которые при обыкновенныхъ условіяхъ, конечно, не пришли бы мнѣ въ голову. Выдвинутый впередъ предъ мобилизованной арміею, я сосредоточивался мыслями на боевыхъ потребностяхъ предстоящей войны. Но всѣ мои начинанія парализировались глубокимъ убѣжденіемъ верховъ арміи въ мирномъ разрѣшеніи крайне напряженного состоянія. Такое убѣжденіе являлось вовсе не логическимъ слѣдствіемъ слагавшейся обстановки. Отнюдь нѣтъ. Напротивъ, по образному выраженію политиковъ, тучи сгущались и предвѣщали скорѣе бурю, чѣмъ миръ. Но по какому-то странному сочетанію свойствъ русскаго характера, слѣдствіе не вытекало изъ явленій жизни, даже шло ему въ разрѣзъ. Мысль какъ-бы искусственно усыплялась, можетъ-быть, въ силу какого-то особаго намъ невѣдомаго закона, чтобы потомъ съ особою силою развернулась родная мощь.

Въ такія-то минуты, въ началѣ февраля, я рѣшился набросать на бумагу мои мысли, назрѣвшія гораздо ранѣе, какъ результатъ моего знакомства съ славянскими странами Балканскаго полуострова, которыя мнѣ удалось посѣтить. Занимаясь послѣдніе годы предъ войною широкою подготовкою къ войнѣ, я тайлъ эти

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1912 г.

мысли, не находя возможнымъ на нихъ останавливаться въ такую эпоху, когда весь былъ проникнутъ боевыми интересами. Затѣмъ вновь выдвинуло эти мысли, и я подѣлился ими съ Н. Н. Обручевымъ. Военный министръ нашелъ полезнымъ съ ними познакомиться государственнаго канцлера и князя Черкаскаго.

Вотъ это письмо ¹⁾).

---

¹⁾ Чѣмъ болѣе я знакомлюсь съ деталями и внутреннимъ смысломъ того, что въ общемъ цѣломъ называется восточнымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе прихожу къ убѣжденію, что наше участіе въ этомъ вопросѣ должно быть активнымъ исключительно въ нравственномъ отношеніи. Юго-славяне должны сливаться съ нами нравственно и съ такою же неотвратимою силою, съ какою механически притягиваются металлическія былинки къ магниту. Активная дѣятельность Россіи въ судьбѣ юго-славянъ, т. е. ея матеріальная помощь, къ какимъ бы лаврамъ ни привела нашу армію, ничего другого создать не можетъ, какъ рядъ затрудненій и противодѣйствій со стороны державъ Западной Европы, а со стороны нашихъ южныхъ братьевъ—полное отчужденіе. Нашъ мечъ долженъ быть въ готовности, но только для того, чтобы закрѣпить всемірною печатью тотъ благополучный исходъ, къ которому рано или поздно приведутъ естественныя усилія юго-славянъ въ ихъ борьбѣ съ исламомъ. Вѣрный инстинктъ славянъ въ благоразумныя минуты заставляеть ихъ говорить, что они ничего большаго не желаютъ, какъ гарантій относительно внѣшнихъ силъ, съ внутренними же врагами, т. е. османами, они справятся сами.

Какой бы результатъ ни имѣло наше настоящее состояніе, окончилось бы оно приведеніемъ арміи на мирное положеніе, или блестящею побѣдою надъ турецкими войсками, во всякомъ случаѣ славяне еще разъ неминуемо убѣдятся, что мы не въ силахъ дать имъ того идеала, до котораго долетаетъ крылатая фантазія ихъ большинства. Времена миѣческія—возрожденія феникса изъ пепла—безвозвратно прошли. Суровая дѣятельность вслѣдъ за порывомъ сердечныхъ увлеченій вступаетъ въ свои права и кладетъ грань нашей всеобщей любви къ братьямъ. Если простительно легко увлекающимся болгарамъ и сербамъ мечтать о великихъ царствахъ, то съ нашей стороны было бы по меньшей мѣрѣ наивно серьезно думать о томъ же въ настоящее время. Это слишкомъ очевидно, чтобы доказывать: гдѣ внутренняя интеллектуальная сила этихъ государственныхъ организмовъ. Та ли это крупица силы княжескаго правительства Сербіи, которая закрутилась въ вихрѣ національнаго движенія турецкой провинціи болѣе изъ зависти возможнаго участія Черногоріи, чѣмъ отъ сознанія арблости минуты борьбы, силы правительства, не посмѣвшаго встать въ челѣ арміи, утонувшаго въ пересудахъ и не уразумѣвшаго ни собственной мощи, ни средствъ и свойствъ противника, ни общаго политическаго положенія. Или эта сила гнѣздится на Черной горѣ, стройная и удивительная, но еще слишкомъ ничтожная въ государственномъ отношеніи. Или эта сила сгруппировалась въ бухарестскомъ комитетѣ болгарскихъ патриотовъ. Нѣтъ, эту силу нужно еще вырабатывать, выращивать постепенно, начавъ съ подъема нивы народнаго развитія.

И теперь, послѣ 35 лѣтъ, я отъ тогдашнихъ мыслей своихъ не отказываюсь и ихъ не признаю отжившими свою эпоху. Форма стала неподходящею къ современной обстановкѣ, но сущность оста-

---

Программа реформъ, выработанныхъ въ Константинополь для Болгаріи, прекрасна, но она невозможна при условіи всеобщаго оглашенія и немедленнаго примѣненія въ ея цѣломъ объемѣ. По содержанію она не оставляетъ желать ничего лучшаго, но блестящая форма губитъ дѣло. Какъ нельзя разомъ создать сильнаго государства болгарскаго, такъ точно нельзя одѣлать страну эту разомъ всеми жизненными реформами. Нельзя потому, что конечная цѣль этихъ реформъ, созданіе сильнаго славянскаго государства, слишкомъ ясна для многочисленныхъ враговъ славянства; нельзя потому, что огульное примѣненіе самыхъ благодѣтельныхъ реформъ на практикѣ можетъ только омертвить страну. Совершенно другое бы значеніе имѣло постепенное примѣненіе этой программы, дѣйствительно замѣчательной и заслуживающей самаго глубокаго вниманія. Вотъ существеннѣйшія изъ ея началъ.

1. Введеніе организація общинъ съ народонаселеніемъ не свыше 10 т. человекъ жителей обоюго пола.

2. Уравненіе правъ христіанъ съ мусульманами.

3. Устройство собственныхъ судовъ.

4. Ограниченіе подати, ежегодно выплачиваемой общиною центральному правительству, извѣстной суммой или процентомъ съ общаго ея дохода.

и 5. Образованіе народной силы.

Существующая администрація турецкой провинціи по формѣ либеральна, въ сущности деспотична. Либеральна потому, что составъ меджлисовъ образуется изъ народныхъ выборныхъ; деспотична потому, что меджлисы служатъ только послушнымъ орудіемъ слѣпой воли паша. Но чѣмъ съ меньшаго участка собирались бы выборные, тѣмъ связь между ними и населеніемъ была бы крѣпче, а контроль дѣйствительнѣе. Трудно ожидать, чтобы благодѣтельные результаты введенія выборнаго управленія въ общину были бы быстры, но тѣмъ не менѣе они несомнѣнно обнаружались бы.

Дѣйствительное уравненіе правъ христіанъ съ мусульманами на первыхъ порахъ должно быть осуществлено разрѣшеніемъ христіанамъ носить оружіе открыто наравнѣ съ мусульманами. Другое равенство передъ судомъ, остающееся до сихъ поръ мертвымъ закономъ, возымѣло бы дѣйствительную силу вмѣстѣ съ прочнымъ развитіемъ общиннаго самоуправленія. Окрѣпла бы община, уравнились бы и прочія права относительно податей и налоговъ, отбыванія государственныхъ работъ натурой и т. д.

Правильное судоустройство можетъ укрѣпиться въ странѣ лишь при условіи существованія въ ней и всѣхъ высшихъ инстанцій суда, съ апелляціонными и кассационными включительно. Ибо, какъ идея о справедливости можетъ утвердиться, если высшій судъ будетъ находиться подъ постояннымъ давленіемъ администраторовъ мусульманскаго центра. Но это начало, само по себѣ несомнѣнно важное, не имѣетъ однако того характера настоятельной необходимости, какими обладаетъ организація самоуправления общины.

лась вѣрною. И теперь признаю воспитательное начало, предложенное тогда, какъ начало организаціи славянскихъ народностей, лучшимъ средствомъ къ образованію стойкаго государственнаго орга-

---

Болгарская провинція въ дѣйствительности не бѣдна. Она могла бы даже процвѣтать, если бы всякаго рода административные поборы ограничивались бы тѣмъ размѣромъ налоговъ и податей, какой опредѣленъ закономъ. Уже одно упроченіе общины ослабитъ зло, но было бы въ высшей стѣпени благотвительно для страны опредѣлить общую сумму податей, которую бы община должна была платить центральному правительству ежегодно огуломъ или по срокамъ. Размѣръ подати даже могъ бы быть допущенъ болѣе нынѣ существующаго по расчету, ибо только осуществленіе этой мѣры далеко превзошло бы въ матеріальномъ отношеніи всякую надбавку. Какъ палліативную мѣру до осуществленія опредѣленной общей подати, можно было бы уничтожить систему откуповъ, этого дѣйствительнаго бича народнаго экономическаго благосостоянія.

Наконецъ, образованіе народныхъ милицій можно было бы примѣнить на первыхъ порахъ не въ смыслѣ народной арміи, а только въ смыслѣ мѣстной полиціи. Право общины имѣть собственную полицейскую стражу отнюдь бы не было новостью въ странѣ. Во многихъ мудирликахъ издавна уже имѣются христіанскіе пандуры, и даже кордонная линія по Дунаю на $\frac{4}{5}$ своего протяженія охраняется болгарскими стражниками. Когда страна освоилась бы съ собственными средствами и окрѣпла бы въ силахъ, народная стража для охраны внутренняго порядка сама собою бы развилась въ вооруженныя силы возродившагося народа.

Всѣ эти благотвительныя начала, имѣющія безспорно жизненное значеніе для Болгаріи, могутъ быть примѣнены и даже съ большимъ успѣхомъ постепенно. Не такъ важны мысли реформы въ ихъ совокупности, сколько разумное и дѣйствительное ихъ примѣненіе. А это послѣднее можетъ быть достигнуто только при условіи тщательнаго наблюденія со стороны нашихъ въ странѣ консуловъ. Собственно въ Болгаріи мы имѣемъ консульство только въ Русчукѣ, Адрианополѣ, Битолѣ и Солунѣ и вице-консульства въ Филипполѣ, Призренѣ, Тульчѣ; было бы въ высшей стѣпени полезно имѣть еще въ Софіи, Казанлыкѣ, Сливенѣ, Виддинѣ, Тырновѣ, Силистріи и Варнѣ. Если бы содержаніе этихъ консульствъ увеличило нашъ бюджетъ на 200 т. р., то лучше примириться съ этой затратою, чѣмъ отступиться отъ разумной традиціи поддержанія славянскихъ народностей.

Въ связи съ расширеніемъ нашего консульскаго надзора находится строгое охраненіе капиуляцій и открытіе срочныхъ пароходныхъ рейсовъ по Дунаю и болгарскому побережью Чернаго моря, если бы даже только до Варны. О важности охраненія капиуляцій говорить излишне. Открытіе пароходныхъ рейсовъ настоятельно необходимо. Не говоря уже о собственномъ значеніи этой мѣры, нѣсколько разъ до очевидности разъясненной, наши пароходы на Дунаѣ уже необходимы для того, чтобы мотивировать открытіе новыхъ консульствъ.

Присутствіе нашей дѣйствующей арміи въ Бессарабіи отразилось возбужденіемъ умовъ въ Болгаріи. Тамъ, гдѣ говоритъ сердце, умъ слабѣетъ. Наше вооруженіе было для болгаръ вѣрнымъ признакомъ начала брани за

низма. Къ тому же, воспитывая другихъ, самъ воспитываешься, и кто не убѣдился въ могущественномъ средствѣ усвоенія предмета, обучая ему другихъ! Обстоятельства сложились иначе. Событія дали другую исторію, нами не только не предусмотрѣнную, но къ образованію которой мы сами не мало содѣйствовали, какъ это ни странно при первомъ съ ними знакомствѣ. Нельзя насъ укорять,

---

ихъ народность. Ръяное болгарское юношество позабыло уроки исторіи и всю систему политическаго равновѣсія Европы, поспѣшило увѣровать въ несомнѣнность нашей окупаціи ихъ отечества и опрометчиво сбросило съ себя личину преданности, которую носило до того предъ турецкою администраціею. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуется даже нашъ генеральный консулъ въ Русукѣ. Въ будущемъ будетъ ли вся армія двинута за Балканы, или приведена на мирное положеніе, репрессалии со стороны мусульманъ христіанамъ, за сочувствіе къ намъ, несомнѣнно будутъ. Остается только вопросъ объ ихъ размѣрѣ. Надѣяться на амнистію, продиктованную побѣдителемъ, трудно, а на охраненіе страны продолжительнымъ занятіемъ вооруженною силою немислимо.

Наши враги уже теперь начинаютъ громко говорить о нашей гнилости и безсиліи что-либо сдѣлать для юго-славянъ. Англійскій консулъ изъ Русука осенью прошлаго года прямо говорилъ болгарской сходкѣ въ Сливенѣ, что для спасенія народности болгарамъ остается одинъ путь—возложить всѣ надежды на Великобританію; но англійская нація только тогда поможетъ Болгаріи, когда она отречется отъ насъ и докажетъ свою преданность Англій. Настроеніе умовъ въ Болгаріи находится въ напряженномъ состояніи и должно разрѣшиться по сложившимся обстоятельствамъ въ сторону, для насъ неблагоприятную. Не даромъ же англійскій консулъ открыто выступаетъ проповѣдникомъ новыхъ воззрѣній. Помышлять о возстановленіи въ странѣ нашего значенія силою оружія невозможно, не потому, чтобы побѣда была сомнительна, а потому, что арміи въ этомъ случаѣ пришлось бы создавать новый порядокъ вещей въ цѣлой Европѣ. Допуская даже успѣхъ послѣдняго, едва-ли было бы благоразумно идти путемъ меча и огня въ такомъ дѣлѣ, которое само по себѣ должно сложиться въ нашу пользу. Уясненіе нашей программы дѣйствій и твердое ея примѣненіе, по всему вѣроятію, упрочатъ нашу общеславянскую миссію и отстранятъ навсегда новыя возбужденія европейскихъ вопросовъ. Покрытіе Болгаріи консульствами съ упроченіемъ нашего пароходства на Дунаѣ и обезпеченіе самоуправленія мелкой общины съ правомъ носить раіѣ оружіе,—вотъ тѣ краеугольные камни, на которыхъ съ постепенностью должно строиться зданіе болгарской государственной самостоятельности. Ваволнованные умы въ странѣ отвлекутся дѣятельностью консульствъ на строеніе болгарскихъ общинъ и новизною торговыхъ съ нами сношеній. Камней за камнемъ будутъ воздвигаться права христіанъ на твердыхъ основаніяхъ, и новое зданіе болгарскаго государства безъ порывовъ и тревоженій возникнетъ, сохранивъ чувства признательности къ намъ и отстранивъ всѣ посягательства со стороны Западной Европы“.

6 февраля 1877 г.

почему не достигнуты тѣ или другіе результаты; но мы отвѣтственны и повинны, если къ событіямъ относились пассивно, не проявляя ни своей энергіи, ни своей воли, лишь прислушиваясь къ голосу сильнѣйшаго и лавируя въ тихихъ водахъ.

Я уже имѣлъ случай коснуться не разъ тѣхъ, не оставлявшихъ желать ничего лучшаго, отношеній, которыя у меня установились съ предсѣдателемъ совѣта румынскихъ министровъ, Иваномъ Бра-тіано, въ то время объединявшимъ правительство молодого государства, начало котораго нами же было положено и нами организовано. Какая же основная мысль легла въ наши къ нему отношенія? Общность цѣлей съ уваженіемъ взаимныхъ интересовъ. Не правда ли? Выраженіе мысли осуществилось въ военной съ нимъ конвенціи. Но въ воздухѣ еще носилась обида, нанесенная намъ Парижскимъ договоромъ отторженіемъ отъ государственной территоріи нижней части Бессарабіи. Понятно поэтому, что общее вниманіе было направлено въ эту сторону, и что въ строкахъ конвенціи должно было находиться предрѣшеніе этого капитальнаго вопроса. Румынскіе патріоты вздохнули свободнѣе, успокоившись въ неприкосновенности своей территоріи. Но сущность вопроса вовсе не заключалась въ ненарушимости предѣловъ Румыніи. Всѣ хорошо понимали, что такая могущественная держава, какъ Россія, не можетъ не искать возстановленія своего престижа въ полномъ объемѣ и во всѣхъ отношеніяхъ. Румыны легко поступились бы всѣмъ, хорошо понимая, что компенсація территориальнымъ вознагражденіемъ превзошла бы размѣры потери; но, если мы щекотливы въ своемъ самолюбіи, то должны уважать и чувства другихъ. Требовались также и деликатность обращенія, а ихъ-то и не оказалось у тѣхъ, которые даже по роду своей службы должны ими обладать всегда и во всемъ.

Съ переходомъ арміи черезъ Дунай, я покинулъ Бухарестъ, и моя связь съ румынскимъ правительствомъ порвалась. Въ началѣ августа я былъ уполномоченъ Великимъ Княземъ главнокомандующимъ на веденіе сербской коопераціи. Въ Бѣлградѣ доходили слухи о все болѣе и болѣе обострившихся отношеніяхъ къ румынскому правительству; но я далеко былъ отъ мысли, чтобы эти отношенія могли когда-нибудь дойти до почти открытаго столкновенія. Серьезныхъ къ тому поводовъ не существовало, а злоба дня—возстановленіе нашей границы по Дунаю, по моимъ понятіямъ, могла лишь наши отношенія обострить, но никакъ не довести почти до разрыва. Черезъ годъ въ Берлинѣ, въ срединѣ іюня, все стало для меня яснымъ. Въ самый разгаръ засѣданій конгресса румынскіе делегаты были допущены къ изложенію своихъ желаній, и черезъ

нѣсколько дней я нашелъ у себя визитную карточку Ивана Братіано. Я очень былъ радъ свиданію съ другомъ, и въ тотъ же вечеръ мирно лилась наша бесѣда о событіяхъ во время нашей разлуки. По-прежнему невозмутимо спокойный Братіано скручивалъ папирску и не спѣша и сжато излагалъ факты своихъ тревоженій.

„Вы помните, говорилъ онъ, какъ меня смущалъ территоріальный вопросъ, какую глубокую вызывалъ онъ во мнѣ заботу, несмотря на всеобщій оптимизмъ послѣ заключенія военной конвенціи. Найти спокойствіе въ баронѣ Стюартѣ я рассчитывать не могъ по многимъ причинамъ. Даже слова вашего государственнаго канцлера, въ это время жившаго въ дипломатическомъ агентствѣ, не могли меня успокоить.

„Я рѣшился обратиться къ источнику власти, Императору Александру II, и для этой цѣли прибылъ въ Горный Студень; но тутъ я не выдержалъ, успокаиваемый лицами ближайшей свиты Государя, и отказался отъ запроса. Мнѣ вдругъ показалось, что спрашивать о предметѣ, обусловленномъ въ конвенціи, было бы съ моей стороны въ высшей степени не деликатно. Глубоко каюсь, такъ какъ увѣренъ, судя по милостивому приему, что тутъ же получилъ бы рѣшеніе по мучившему меня вопросу. Какъ бы то ни было, но я повернулъ весь курсъ внутренней политики сообразно обстановкѣ. Что же я могъ сдѣлать, когда мнѣ пришлось докладывать камерамъ о Вашемъ требованіи уступить отторженное. Если бы я былъ своевременно предупрежденъ, я сумѣлъ бы подготовить общественное мнѣніе и добыть рѣшеніе для общаго успокоенія. Если бы я выступилъ защитникомъ требованія, власть моя неминуемо пала бы и досталась самымъ крайнимъ элементамъ. Силою обстоятельствъ, я долженъ былъ отдаться потоку страстей, чтобы постепенно имъ овладѣть и спасти государственный порядокъ...“ Въ сильномъ волненіи Братіано всталъ и прерывистымъ голосомъ продолжалъ: „Меня обвиняютъ въ непослѣдовательности, измѣнѣ, коварствѣ. Все очень громкіе эпитеты, но справедливо ли, и не страдаетъ ли отъ всего этого хаоса дѣло? Вамъ судить, Вы теперь все знаете, и на Вашъ судъ я полагаюсь“. Послѣ возбужденія наступила реакція. Онъ опустился на кресло, и вдругъ обильныя слезы появились на его глазахъ. Все это была суцая правда, не прикрашенная и вѣрно освѣщенная. Предо мной былъ горячій патриотъ, влагавшій въ дѣло всю душу свою. Много ли у насъ такихъ!

Совершенно другимъ характеромъ отличались мои отношенія къ князю Карлу. Сохраняя свойства дома Гогенцоллерновъ, къ которому принадлежалъ, онъ всегда и во всемъ былъ въ высшей степени

корректнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ любезнымъ, даже предупредительнымъ. Интересуясь современнымъ политическимъ положеніемъ, въ особенности съ военной точки зрѣнія, онъ часто приглашалъ меня къ себѣ для бесѣдъ на боевыя темы. Развертывалась на составленныхъ вмѣстѣ двухъ столахъ карта зоны Дуная съ прилегающею мѣстностью, и по ней я излагалъ свѣдѣнія, имѣвшія значеніе для военныхъ операцій. Нужно отдать справедливость князю. Слушалъ онъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Любознательности его не было конца, часто допытывался до моихъ личныхъ мнѣній и предположеній на будущее время. Крайне осторожно мнѣ приходилось ему въ этомъ отказывать, хотя въ то же время я пояснялъ его свѣтлости, что въ самомъ моемъ разсказѣ, какъ ни стараюсь я его вести безпристрастно, уже невольно выражаются мои мысли. Иногда онъ дѣлалъ весьма мѣткія замѣчанія, происходившія, однако, не столько отъ врожденнаго дарованія, сколько отъ традиціоннаго родового навыка. Относительно предстоявшихъ военныхъ операцій и участія въ нихъ румынскихъ войскъ мы строили разные планы. Онъ больше склонялся на самостоятельныя дѣйствія въ Малой Валахїи, прикрывая нашъ правый флангъ при движеніи на Дунаѣ. Я предпочиталъ имѣть молодая румынскія войска въ резервѣ съ назначеніемъ ихъ для наблюденія за крѣпостями. Впрочемъ, эти разсужденія носили на себѣ болѣе академическій характеръ, такъ какъ штабъ арміи къ нашимъ заявленіямъ относился довольно равнодушно и не считалъ нужнымъ своевременно высказываться ни въ ту, ни въ другую сторону. Простекало ли это равнодушіе отъ недосуга, не знаю, но скорѣе думаю, что въ мирное время этотъ вопросъ не разрабатывался, а теперь не знали, какъ къ нему приступить. Въ одномъ только отношеніи эти аудіенціи были для меня тягостны. Требовалась точность, такъ какъ ровно въ два или въ два съ половиною часа раздавался въ пріемной звонокъ—знакъ для дежурнаго приглашать меня въ княжескій кабинетъ, а я былъ такъ занятъ! Да еще необходимость каждый разъ заблаговременно облекаться въ фрачную пару, такъ какъ съ разрѣшенія главнокомандующаго я носилъ въ Бухарестѣ штатское платье, чтобы не обращать на себя всеобщаго вниманія, а князь былъ неумолимо формаленъ, требуя соблюденія формы. Вотъ почему, когда по объявленіи войны главная квартира перебралась въ Плоэшти, и князь обратился ко мнѣ съ просьбою освободиться отъ прочихъ обязанностей и остаться только въ его единоличномъ распоряженіи, я предложилъ ему въ этомъ случаѣ отдать предпочтеніе

генеральнаго штаба полковнику Дохтурову, какъ георгіевскому кавалеру ¹⁾).

Думаю, что князь остался мною доволенъ, такъ какъ къ занятіямъ выказывалъ много усердія и довольно порядочно усвоилъ общій характеръ предстоявшаго театра военныхъ дѣйствій. Онъ безошибочно говорилъ о Дунаѣ, какъ оборонительной линіи, и давалъ правильную оцѣнку турецкимъ крѣпостямъ по ихъ вліянію на ходъ военныхъ дѣйствій. Что же касается до командованія войсками, что онъ практиковалъ почти ежегодно, на маневрахъ, мы были съ нимъ старые знакомые. Впослѣдствіи во время своего пребыванія въ Петергофѣ уже королемъ, онъ очень интересовался меня видѣть, и, когда вмѣсто меня Его Величеству былъ представленъ мой братъ, онъ нашелъ во мнѣ большую перемѣну. По его словамъ, я очень пополнѣлъ.

Не могу не вспомнить съ величайшею признательностью гостепріимный кровъ нашего дипломатическаго агента барона Дмитрія Федоровича Стурта. За его радушнымъ столомъ собирались родные по крови, по службѣ и по сердцу. Несмотря на переживаемыя тяжелыя минуты, на разнаго рода административныя и хозяйственныя невзгоды, домашній барометръ здѣсь неизмѣнно показывалъ beau-temps. Природный юморъ и неожиданныя, всегда остроумныя импровизаціи барона были способны согнать заботу съ самаго закоренѣлаго пессимиста. Въ особенности онъ былъ неподражаемъ, когда

---

¹⁾ Отзывъ барона Стурта по случаю назначенія полковника Дохтурова состоятъ при князѣ Карлѣ.

— C'est en apprenant par le télégramme de Votre Excellence la nomination d'un Agent militaire ici que je me suis permis de regretter que le choix ne soit pas tombé sur le Général Georges Bobrikoff, qui dans les deux apparitions qu'il a faite ici, a sù se concilier l'attachement et l'estime de tout le monde par son caractère franc et tranquille et par la droiture et la lucidité de son jugement. Bobrikoff a assisté ici aux grandes manoeuvres, et a sù conquérir alors les sympathies du parti conservateur et du Général Floresco qui était au pouvoir. Depuis, ayant fait les fonctions d'Agent militaire avant la guerre, il a gagné une véritable affection de la part de Bratiano, et la considération la plus sincère de tous ceux avec lesquels il s'est trouvé en relations d'affaires. Le Prince Charles le connaît beaucoup et apprécie en lui, tant ses qualités de spécialiste, que d'homme du monde sachant conserver des relations agréables même dans les moments les plus difficiles. Son Altesse Royal m'a fait l'honneur de me dire qu'Elle avait espéré, que ce serait Bobrikoff qui serait désigné pour l'assister au début de la guerre—poste avait été confié au Colonel Doktouroff, et je suis persuadé, que si le poste d'Agent militaire pourrait être confié au Général Bobrikoff, l'ensemble des raisons sus énoncées faciliterait beaucoup sa tâche et amènerait des résultats précieux.

громилъ Западъ и требовалъ китайской стѣны на нашей западной границѣ. Большимъ зломъ для Россіи онъ считалъ существованіе великихъ державъ, и „зачѣмъ только, говаривалъ онъ, русскіе люди повадились ѣздить за границу. Брать бы съ нихъ по-прежнему, а еще лучше вовсе туда не пускать“. При оригинальномъ его паосѣ трудно было разобрать, высказывалось ли это по убѣжденію, или иносказательно, образной картиной.

Если миѣ подчасъ приходилось трудно, то ему, конечно, было въ десять разъ труднѣе. Въ эпоху предъ объявленіемъ войны и въ послѣдующее время, наше дипломатическое агентство было какимъ-то средоточіемъ самыхъ разнобразныхъ интересовъ политическихъ и военныхъ, куда обращались всѣ по всевозможнымъ предметамъ переживаемой сумятицы. Бѣдный Дмитрій Федоровичъ по нѣскольکو разъ въ день хватался за голову и большую часть времени проводилъ у письменнаго стола въ безконечной перепискѣ съ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи. Кого, кого только не приходилось тутъ видѣть. Перебывали представители всѣхъ военныхъ отдѣловъ, уполномоченные разныхъ отдѣлковъ общественной дѣятельности, корреспонденты своихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ, агенты товариществъ и торговыхъ фирмъ. Но постоянными членами нашего общества были чины дипломатическаго вѣдомства, Казариновъ, Няга и Золотаревъ, да мы съ П. Д. Паренсовымъ и инженеромъ путей сообщенія Измайловымъ. Жизнь текла усиленнымъ ходомъ, и дни быстро смѣнялись, принося калейдоскопомъ все новыя и новыя событія; но неизмѣнно патриархально оставалась семейная жизнь. По-прежнему предъ завтракомъ и обѣдомъ подходили къ образу дѣти Стюарта, Володя съ Колей, а впереди ихъ маленькая Маруся, и пѣли молитву подъ голосъ послѣдней.

Большое оживленіе вносили въ нашу жизнь пріѣзды выдающихся дѣятелей и корреспондентовъ, въ особенности Н. Н. Каразина, и совершенно измѣнилъ строй нашихъ привычекъ пріѣздъ государственнаго канцлера.

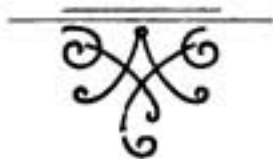
— Вы увидите, говорилъ кто-то изъ нашего общества предъ обѣдомъ, что Каразинъ былъ очевидцемъ взрыва „Луфти-джелиль“ Дубасовымъ и Шестаковымъ, и что даже ояъ успѣлъ набросать нѣсколько штриховъ будущей картины. Къ общему удовольствію такое предположеніе блистательно оправдалось послѣ второго блюда. Да и стоитъ ли переносить всѣ трудности жизни корреспондента, если не видѣть всего своими собственными глазами.

Съ прибытіемъ маститаго канцлера всѣ ожидали рѣшеній самыхъ назрѣвшихъ вопросовъ, къ которымъ и прикоснутся никто

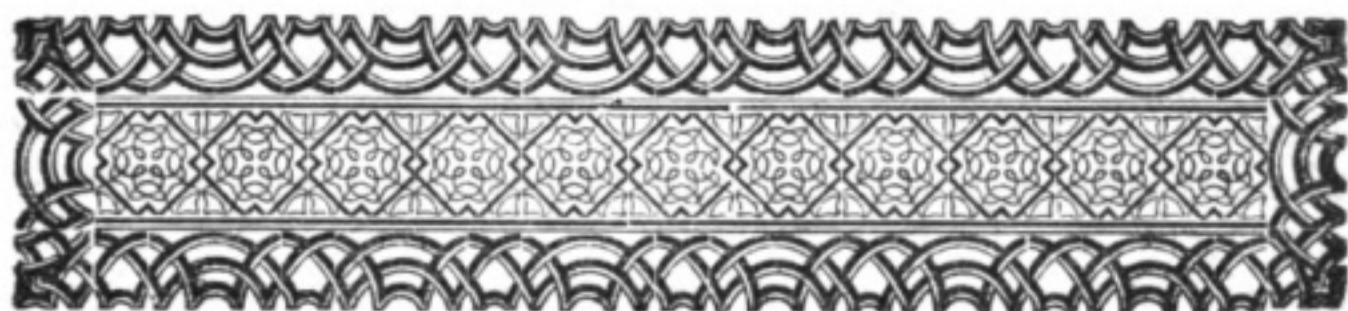
не смѣлъ. Но у всѣхъ на лицахъ вмѣсто складокъ на лбу скоро заиграли игривыя улыбки. Глава дипломатическаго вѣдомства вовсе не считалъ нужнымъ утруждать себя серьезнымъ трудомъ, ко всему относился благодушно и скоро примкнулъ къ городской уличной жизни Бухареста.

Баронъ уговаривалъ меня разрѣшить ему просить канцлера дать мнѣ вакантный постъ дипломатическаго агента въ Бѣлградѣ, но я не рѣшился.

Г. И. Бобриковъ.

Древнія русскія монеты X—XVI в.

I.

Въ мѣстности между Юрьевомъ и Чудскимъ озеромъ часто попадаются старинныя русскія, шведскія, польскія, ливонскія и другія европейскія монеты; изъ нихъ русскія монеты XVI и XVII вв. служатъ даже предметомъ торговли на рынкѣ за рѣчкой Эмбахомъ. На главной, Рыцарской улицѣ въ Юрьевѣ можно встрѣтить захудалаго старика-крестьянина, предлагающаго купить у него по повышенной цѣнѣ серебряныя монеты XVIII и начала XIX столѣтія; одну такую русскую монету 1801 г. приобрѣлъ я на память о пребываніи въ г. Юрьевѣ. Она принадлежитъ къ такъ называемымъ мальтійскимъ монетамъ и имѣетъ на лицевой сторонѣ внутри квадрата надпись: „Не намъ, не намъ, а имени твоему“; въ нижнемъ лѣвомъ углу квадрата буквы С. М., въ правомъ А. И.; на оборотѣ помѣщенъ мальтійскій крестъ съ коронами на концахъ креста, а кругомъ надпись: 1801 монета цена рубль“. Въ 1910 году въ мѣстности Карлово подъ самымъ Юрьевомъ землекопъ нашелъ глиняную кубышку съ русскими мелкими серебряными монетами XV и XVI вв. Къ сожалѣнію мнѣ сообщили объ этой находкѣ уже тогда, когда онъ успѣлъ продать на славъ цѣлую пригоршню монетъ еврею-ювелиру, но 12 монетъ—денегъ—я получилъ черезъ вторыя руки.

Надъ собираніемъ древнихъ монетъ особенно трудится въ г. Юрьевѣ въ теченіе многихъ лѣтъ ученое эстонское общество, имѣющее свой кабинетъ въ музеѣ отечественныхъ древностей при Юрьевскомъ университетѣ. Тамъ находится богатая коллекція монетъ ливонскихъ, древне-нѣмецкихъ XI в., найденныхъ въ Лодейномъ полѣ Олонецкой губ., древне-саксонскихъ, германскихъ, швед-

скихъ и русскихъ. Послѣднихъ немного, но онѣ заслуживаютъ вниманія любителей потому, что между ними есть одинъ экземпляръ серебряной монеты Владиміра Св. и монеты удѣльнаго періода, начиная съ половины XIV в. Значительное количество древнихъ монетъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ объясняется тѣмъ, что изъ Пскова черезъ Чудское озеро и Эмбахъ лежалъ естественный водный путь въ прибалтійскій край и западную Европу; черезъ Юрьевъ направлялись товары изъ южной части Новгородской области и Пскова въ Ревель, Перновъ или Ригу для дальнѣйшаго слѣдованія въ Готландъ и другіе ганзейскіе города. Черезъ Псковъ—Юрьевъ—Ревель обыкновенно проѣзжали посольства изъ Москвы въ западную Европу и обратно. По этому пути отправлялась въ Москву въ 1471 г. невѣста В. Кн. Ивана Васильевича, Софья Палеологъ. Хотя Юрьевъ былъ резиденціей и владѣніемъ католическаго епископа, но тамъ жили всегда въ значительномъ числѣ православные русскіе люди, что подтверждается существованіемъ въ немъ двухъ православныхъ каменныхъ церквей въ XV вѣкѣ. Въ 1435 году проѣзжалъ черезъ Юрьевъ по пути во Флоренцію извѣстный отступникъ отъ православія митрополитъ Исидоръ, который посѣтилъ обѣ церкви и пораженъ былъ ихъ хорошимъ видомъ и состояніемъ. Въ 1472 г., по сказаніямъ Печерскаго монастыря (подъ Псковомъ), въ Юрьевѣ были спущены въ прорубь на Эмбахѣ священникъ Исидоръ и 72 православныхъ за то, что вопреки запрещенію епископа совершили въ Крещеніе Господне крестный ходъ къ рѣкѣ. Другой священникъ Іоаннъ, родомъ изъ Новгородской области, шестникъ, какъ опредѣляется его происхожденіе въ сказаніи, заблаговременно удалился изъ Юрьева. Со времени Вел. Кн. Іоанна III Юрьевскій округъ, въ случаѣ войны съ ливонцами, а впослѣдствіи съ поляками или ихъ преемниками по владѣнію, шведами, всякій разъ подвергался опустошительнымъ нашествіямъ русскихъ; съ 1558 г. по 1578 Юрьевъ былъ во власти русскихъ, имѣлъ православнаго епископа и русскаго воеводу; первымъ воеводою въ г. Юрьевѣ былъ знаменитый Андрей Михайловичъ Курбскій, который послѣ одной неудачной битвы съ ливонцами бѣжалъ черезъ Вольмаръ въ Литву въ 1564 г. Продолжительное сравнительно русское управленіе г. Юрьева содѣйствовало распространенію въ этомъ округѣ русскихъ монетъ времени Грознаго, а военныя неудачи и боязнь за свои сбереженія заставили осторожныхъ людей прятать свои цѣнности въ землѣ, какъ безопасномъ и недоступномъ мѣстѣ. Благодаря этому обстоятельству рабочіе при строительныхъ и землекопныхъ работахъ наталкивались на отдѣльные экземпляры монетъ и на клады.

II.

Важнѣйшей весьма цѣнной находкой въ Юрьевскомъ уѣздѣ, какъ мы выше сказали, была серебряная монета князя Владиміра Святого, по объему равная нынѣшнему полтиннику (50 к.), по толщинѣ гораздо тоньше его; вѣсъ и проба монеты не установлены. Она довольно правильной круглой формы; на лицевой сторонѣ ея изображенъ князь, сидящій на тронѣ-креслѣ со спинкой и ручками; на головѣ князя корона изъ точекъ, увѣчанная крестомъ, на концахъ котораго также находится по точкѣ; лицо князя съ продолговатой узкой бородой и спускающимися ниже губъ усами; отъ короны внизъ по щекамъ расположены въ линію точки, вѣроятно, обозначавшія виты, унизанныя драгоцѣнными камнями; вокругъ головы сіяніе (нимбъ) изъ точекъ, на кончикахъ ушей помѣщено по точкѣ—серьгѣ; въ правой рукѣ князя скипетръ, оканчивающійся вверху крестикомъ съ точками по концамъ. Лѣвая рука прижата къ груди, вокругъ изображенія надпись уставными буквами: *Владимиръ на столе*; за надписью, у самаго обрѣза, находится ободокъ изъ точекъ. На обратной сторонѣ (реверсѣ) монеты помѣщенъ рисунокъ, значеніе котораго объясняется различно учеными; съ правой стороны рисунка изображенъ крестъ; внизу рисунка символическіе знаки христіанства; кругомъ его надпись: *a se ego серебро*. Выраженіе „на столѣ“ значитъ то же, что на престолѣ; мы теперь говоримъ—вступить на престолъ; слѣдовательно, оно составляетъ метафорическій оборотъ, означающій верховную власть князя. Описанная монета составляетъ разновидность другихъ такихъ же монетъ Владиміра, находящихся въ русскихъ нумизматическихъ кабинетахъ. Надписи на нихъ различаются очертаніемъ и формой буквъ, а рисунокъ на реверсѣ не одинаковъ по выполненію и отчетливости линій.

Болѣе тщательный рисунокъ, помѣщенный на одной изъ такихъ монетъ, можно принять за рыболовный снарядъ съ двумя крючками, обращенными остриемъ внутрь; на каждомъ остриѣ виситъ по рыбкѣ. На другихъ древнихъ монетахъ съ боку основой рисунка помѣщается звѣзда, или крестъ, или дискъ солнца. На оттискѣ одной мелкой монеты Владиміра находятся греческія буквы *ΙϞ*, т. е. *ихтіос*, греческое слово, значитъ рыба; греческое названіе рыбы употреблялось уже въ древнѣйшую пору христіанства какъ символъ его, потому что первая и послѣдняя буквы этого слова соотвѣтствуютъ первой и послѣдней буквѣ словъ *Иисус Христос*. Иногда на памятникахъ вмѣсто слова *ихтіос* рисовали

рыбу; слѣдовательно, рисунокъ на реверсѣ монетъ Владиміра и Ярослава былъ придуманъ греческими мастерами и служилъ символомъ князя-христіанина, а вмѣстѣ съ тѣмъ служить доказательствомъ, что русскія монеты, по крайней мѣрѣ извѣстныя до сихъ поръ, чеканились въ Кіевѣ уже послѣ принятія русскими христіанства, т. е. послѣ 988 г. Какое же названіе монеты, по объему равной полтиннику? какъ монету серебряную, ее называютъ сребреникомъ, но это слово не означало монеты опредѣленной цѣнности, а прилагалось къ серебрянымъ монетамъ вообще; въ этомъ смыслѣ и въ евангеліяхъ говорится о 30 сребреникахъ, т. е. серебряныхъ монетахъ, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть еврейскіе шекели.

На основаніи новѣйшихъ изслѣдованій нумизматовъ, особенно гр. Ив. Ив. Толстого, монеты этого размѣра назывались *гривнами*. Слово гривна, первоначально употреблявшееся какъ прилагательное, обратилось въ послѣдствіи въ существительное, подобно современнымъ словамъ—портной, столовая, передняя. Оно произошло отъ слова грива, что означало шею. Гривнами назывались шейныя украшенія въ формѣ медалей или луницъ (пряжекъ, напоминающихъ серпъ луны), а также въ формѣ цѣльныхъ, металлическихъ обручей съ орнаментами по концамъ. Гривенная цѣпь состояла изъ медальоновъ, соединенныхъ звеньями, и давалась высшимъ лицамъ въ государствѣ и князьямъ.

Слово гривна употреблялось такъ же, какъ единица вѣса въ Кіевской и Новгородской Руси: въ первой она соотвѣтствовала 12 лотамъ, а во второй русскому полуфунту. Какъ монета, гривна кіевская первоначально вѣсила почти 24 золотн. Вѣсъ монеты и составъ ея постепенно измѣнялись, а въ связи съ этимъ уменьшалась и ея цѣнность. Монета гривна была въ обращеніи до XV вѣка, когда въ качествѣ высшей оборотной цѣнности введенъ былъ рубль, а гривна составляла уже незначительную часть рубля; въ XVIII в. это названіе измѣнилось въ *гривенникъ*, который обозначалъ десятую часть рубля, но по объему, количеству серебра и вѣсу былъ гораздо выше нынѣшнихъ 10 к.

Отъ времени Владиміра сохранились также золотыя монеты, по объему почти равныя 25 коп. серебрянымъ и исполненныя по греческому образцу греческими мастерами. На лицевой сторонѣ одной такой монеты изображенъ князь, а кругомъ надпись частію греческими, частію славянскими буквами: *Васили на столе*; Василій было христіанское имя Владиміра. На другой монетѣ вырѣзана надпись: „*Владимеръ а се его злто*“; на реверсѣ этихъ монетъ изображенъ Христосъ и кругомъ надпись *Исус Христос*. Эти монеты принято

называть златниками,—словомъ, которое хоть и сходно съ славянскимъ злато и русскимъ золото, но повидимому есть передача греческаго слова солиды. Монеты въ древности изготовлялись разными мастерами съ разрѣшенія правительства; отъ искусства и опытности мастеровъ зависѣла различная отдѣлка рисунковъ, надписей и самой формы монетъ, которая не во всѣхъ мѣстахъ одинаково кругла, а отъ добросовѣстности мастеровъ зависѣлъ вѣсъ; во избѣжаніе обмана монеты принимались по вѣсу.

III.

Во времена Владимира чеканились также и мелкія серебряныя монеты ¹⁾, по своему объему подходящія къ современнымъ 5, 10 и 15 серебрянымъ копейкамъ; онѣ различны по надписямъ и изображеніямъ на лицевой сторонѣ: на одной изъ такихъ монетъ вычеканена въ серединѣ буква К, окруженная кольцомъ изъ 19 точекъ, внутри кольца еще 6 точекъ, около ободка надпись Володимиръ, на другой монетѣ въ кольцо изъ точекъ помѣщены буквы IS и имя *Володимиръ*, на третьей, по объему нѣсколько менѣе 5 серебряныхъ копѣекъ, помѣщена голова съ острымъ подбородкомъ, непохожая на изображеніе Владимира на крупныхъ монетахъ; къ ней прибавлены 2 руки грубой работы, одна съ мечемъ, другая, четырехпалая, прижата ниже головы; на головѣ корона изъ ломаной линіи, повидимому трехлиственная, съ боку буква Е. На оборотѣ этой монеты надпись *a se denъga кесар*. На первыхъ двухъ монетахъ знакъ на оборотѣ такой же, какъ на гривнѣ. Если 3-я монета не составляетъ поддѣлки и принадлежитъ древнему періоду Руси, то она интересна уже потому, что указываетъ на оффиціальное употребленіе слова *денъга* еще въ ту пору, когда о введеніи денъги, какъ мелкой монеты, составлявшей двухсотую часть московскаго рубля, не было и помину. Названіе позднѣйшей денъги (15 вѣка) нумизматы производятъ отъ татарскаго *тенга*, но не будетъ ли правильнѣе производить его отъ западно-европейскаго *денъе* (*denier*),—общераспространенной на западѣ мелкой серебряной монеты; а *денъе* есть передѣлка латинскаго слова денарій, слѣдовательно, денъга, денъе и денарій одного общаго корня. Буквы К, IS и Е на монетахъ соотвѣтствуютъ арабскимъ цифрамъ 20, 16 и 5; обозначали ли эти цифры вѣсъ или стоимость или только количество

¹⁾ Снимки монетъ этихъ помѣщены въ соч. Шимана *Russland, Polen und Livland*, составляющемъ часть *Allgemeine Geschichte v. Oncken*, стр. 77.

серебра, вошедшее въ сплавъ, я не рѣшусь опредѣленно высказаться. Что касается названій этихъ монетъ, то намъ слѣдуетъ обратиться къ древнему письменному памятнику—Русской Правдѣ; тамъ, въ древнѣйшей части памятника,—Ярославовой Правдѣ—мы найдемъ слѣдующія названія монетъ: гривна, ногата, куна и векша. Въ академическомъ спискѣ Правды куна замѣнена при тождественныхъ цифрахъ словомъ рѣзана. Быть можетъ, монеты съ буквами цифирными имѣютъ отношеніе къ названіямъ: векша, ногата, куна.

Векша была самой мелкой серебряной монетой въ Кіевской Руси и потому возможно, что монета съ Буквой Е называлась въ обиходѣ *векшей*; вмѣсто названія *векши* встрѣчается синонимъ его бѣлка, какъ теперь мы вмѣсто официальныхъ названій употребляемъ слова: цѣлковый, канарейка, карбованецъ и т. д. Названіе „*ногата*“ Куникъ и Пабсть производятъ отъ эстонскаго *paḥad* (ливскаго *paḡod*), что значитъ шкурки мѣха; *paḥad* есть множественное число отъ эстонскаго слова *hauk* — шкурка; если признать ногату за эстонское слово, успѣвшее распространиться не только въ Новгородской, но и въ Кіевской Руси X-го вѣка, то и остальные названія русскихъ монетъ, во избѣжаніе противорѣчія, мы должны бы признать не русскими, а какими-нибудь иностранными по происхожденію. Извѣстно, что русскіе лѣтописцы передаютъ въ русскомъ переводѣ даже названія мѣстностей Эстонскаго края: вмѣсто Оденне, Варбола, Вайга у лѣтописцевъ стоятъ: Медвѣжья Голова, Воробинь, Клинь. Эстонское Тарпата русскіе переименовали въ г. Юрьевъ; поэтому, смѣло можно утверждать, что и ногату русскіе сумѣли бы передать соотвѣтствующимъ русскимъ словомъ. Признавая русское происхожденіе названій другихъ монетъ, поищемъ и для слова ногата подходящаго объясненія; въ русскомъ языкѣ встрѣчаются прилагательныя, аналогичныя слову ногата: брюхатый, бородатый, чреватый, образованныя отъ именъ существительныхъ; точно также и прилагательное ногата образовано, вѣроятно, отъ существительнаго нога, а объясненіе самого названія не кроется ли въ самомъ рисункѣ оборотной стороны древнихъ монетъ, который былъ для русскихъ не понятенъ: по сходству рыболовныхъ крючковъ, обращенныхъ остриемъ внутрь, онъ напоминаетъ отчасти вывороченныя ноги. Исслѣдованіями Мрочекъ-Дроздовскаго, Ив. Толстого и Трутовскаго выяснено, что ногатой назывался на Руси не мѣхъ или часть его, а мелкая серебряная монета, равная $\frac{1}{20}$ части гривны— $2\frac{1}{2}$ кунамъ.

Куна, подобно гривнѣ, имѣла въ древности разныя значенія; это слово означало названіе животнаго и его мѣха, во-вторыхъ, ку-

ной назывались въ древнюю эпоху, до XIV вѣка включительно, вообще деньги, мелкія и крупныя, какъ теперь мы называемъ деньгами совокупность всякихъ денежныхъ знаковъ—металлическихъ и кредитныхъ. Встрѣчающееся въ письменныхъ памятникахъ выраженіе *гривна кунъ* или просто *гривна* означало серебряную монету низкопробнаго серебра, напротивъ, гривна серебра указывала на металлическій слитокъ вѣсомъ въ полфунта въ Новгородѣ и въ 12 лотовъ въ Кіевѣ при Ярославѣ Мудромъ. Гривна серебра была равна по цѣнности при Ярославѣ Мудромъ двумъ гривнамъ кунъ, а позднѣе четыремъ гривнамъ кунъ. Куна вообще въ значеніи денегъ употребляется, напр., подъ 1068 г. въ Лаврентьевской лѣтописи: разграбиша безчисленное множество серебра *кунами и бѣлью*, т. е. въ деньгахъ и въ кускахъ. Въ 1194 г. новгородцы взяли куны съ полуторы тысячи гривенъ. Въ значеніи определенной единицы цѣнности куна ($\frac{1}{50}$ часть гривны) встрѣчается и въ Русской Правдѣ и въ позднѣйшихъ памятникахъ до XV вѣка.

Вмѣсто слова куна, какъ монеты определенной цѣнности, употреблялось въ Кіевской Руси слово *рѣзана*, образованное отъ глагола *рѣзать* и указывающее, какъ подтверждаетъ Трутовскій, на то, что въ древней Руси на-ряду съ болѣе крупной серебряной монетой были въ ходу отрѣзки отъ нея, т. е. *рѣзаны*, какъ мелкія серебряныя монеты. Подобныя отрѣзки были въ употребленіи и въ Западной Европѣ.

IV.

Надъ вопросомъ о монетной системѣ въ древней Руси трудились въ теченіе прошлаго столѣтія историки, археологи, нумизматы и юристы, пользуясь для этой цѣли письменными русскими, арабскими и византійскими памятниками, свидѣтельствами западно-европейскихъ путешественниковъ, историческими рисунками, а также находками кладовъ и отдѣльныхъ монетъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Достаточно назвать такія общеизвѣстныя имена, какъ Карамзинъ, Погодинъ, Френъ, Рейхель, Кругъ, бар. Шодуаръ, Бѣляевъ, Куникъ, Ланге, Прозоровскій, Мрочекъ-Дроздовскій, Ключевскій, гр. Ив. Толстой, а теперь, въ XX в., Трутовскій. Одни изъ нихъ—Карамзинъ, Ланге, Арцыбашевъ, бар. Шодуаръ—развили теорію о существованіи въ древней Руси кожаныхъ денегъ, опираясь на названія оборотныхъ цѣнностей; куна, рѣзана, векша, бѣлка, ногата и мортка, и подкрѣпляя свои взгляды ссылками на свидѣтельства Марко-Поло и Рубруквиса, путешествовавшихъ въ Монголіи въ

серединѣ XIII вѣка. Другіе изслѣдователи, болѣе поздняго періода, а именно: Мрочекъ-Дроздовскій, Прозоровскій, Ив. Толстой, Трутовскій отвергли эту теорію на основаніи многочисленныхъ находокъ металлическихъ монетъ и анализа историческихъ и юридическихъ памятниковъ древней Руси, изъ которыхъ видно, что въ оборотѣ были серебряныя монеты даже въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за татарскимъ опустошеніемъ и разореніемъ Руси; они утверждаютъ, что вышеуказанныя названія относятся къ серебрянымъ, а не кожанымъ деньгамъ. Серебряныя монеты были болѣе распространены въ Новгородской и Кіевской Руси, находившихся въ оживленныхъ политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ западомъ и востокомъ; такъ въ 1075 г. Ярополкъ Изяславичъ просилъ нѣмецкаго короля Генриха IV заступиться за него предъ великимъ княземъ Святославомъ; папы Григорій VII и Климентъ III дѣлали попытку подчинить своей верховной власти русскую церковь; въ XI вѣкѣ въ Кіевѣ при великомъ князѣ Святополкѣ II поселилась масса евреевъ и своими коммерческими приемами и плутнями успѣла въ короткое время вооружить противъ себя кіевлянъ до такой степени, что они, воспользовавшись отсутствіемъ высшей власти въ Кіевѣ въ 1113 г., произвели погромъ „жидовъ“. Въ 1229 г. смоленскій князь Мстиславъ заключилъ торговый договоръ съ Ригой; въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ украсили Софійскій соборъ царскими, такъ называемыми Корсунскими вратами, которыя представляютъ памятникъ художественной работы западныхъ мастеровъ. Дѣятельныя торговыя сношенія Руси съ западомъ и востокомъ были причиной того, что въ древней Руси до появленія собственныхъ монетъ были въ оборотѣ разныя иностранныя монеты: арабскія диргеми (названіе, происшедшее изъ греческой драхмы), византійскіе солиды и сребреники и германскіе пфенниги; но кромѣ цѣльныхъ монетъ были въ ходу и отрѣзки отъ крупной серебряной монеты—по-русски названныя *рѣзаны*—прилагательное отъ слова рѣзать.

Происхожденіе названій монетъ: векша, бѣлка, куна,—объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что на Руси не только въ доисторическую эпоху, но и въ позднѣйшую пору вплоть до XVII вѣка употреблялись соболя, куньи и бѣличьи мѣха въ качествѣ оборотныхъ цѣнностей: ими платили впоследствии, при покупкѣ вещей на западѣ, наши посольства, ихъ же посылали московскіе государи въ подарокъ иностраннымъ дворамъ; названія мѣховъ перешли затѣмъ на монеты.

Для объясненія слова мортка слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что ни въ новгородскихъ, ни въ псковскихъ лѣтописяхъ этого

слова не встрѣчается, а Никоновская лѣтопись употребляетъ его именно при разсказѣ о новгородскихъ денежныхъ оборотахъ, при которыхъ вмѣсто русскихъ, или на-ряду съ русскими монетами, вращались монеты ливонскія, нѣмецкіе пфенниги и марки, шведскія артиги и даже польско-литовскіе гроши; такъ, въ 1214 году новгородскій князь прошелъ съ войскомъ чрезъ Эстонию (чудь) къ Воробьину (эстонской Варбомъ) и взялъ съ эстовъ дань въ количествѣ 700 марокъ ногатами ¹⁾. Нѣмецкіе пфенниги обратились у русскихъ въ пенязи, шведскія артиги въ артуги—(Artige значитъ по-русски ушко). Въ псковской 2-ой лѣтописи подъ 1410 г. сказано: „Псковичи отложиша кунами торговати и начаша торговать пенязи“ т. е. нѣмецкими деньгами, а въ Никоновской подъ 1424 г. замѣчено, что „Псковичи сковаша деньги серебряныя и начаша ими торговати, а мортки оставиша“; ясно, что здѣсь мортками названы тѣ монеты, которыя подъ 1410 г. названы въ псковской лѣтописи пенязями; можно поэтому предположить, что мортки есть передѣлка нѣмецкой марки, по созвучію обратившейся въ русскую мордку, которую защитники теоріи кожаныхъ денегъ приводили въ подтвержденіе своихъ воззрѣній.

Что касается ссылокъ изслѣдователей на свидѣтельства Марко-Поло и Рубруквиса, то первый ²⁾ говоритъ собственно о татарскихъ деньгахъ, приготовленныхъ изъ коры дерева, обработанной на подобіе бумаги, а второй о кожаныхъ деньгахъ татарскаго издѣлія, предназначенныхъ для русскихъ. Въ самой Золотой Ордѣ были въ ходу со времени Батыя металлическія монеты: золотыя, серебряныя и мѣдныя, которыя чеканились въ Булгарѣ на Камѣ, Сараѣ, Азовѣ—Азака, Хорезмѣ—хивѣ и др. ³⁾ На лицевой сторонѣ этихъ монетъ чеканилось имя хана и разныя восхваленія, напр., „султанъ справедливый“, „султанъ великій“, „слава міра и религіи“; на оборотѣ отмѣчалось мѣсто и годъ чеканки.

Во время крупныхъ переворотовъ и войнъ чувствовался иногда недостатокъ мелкой монеты, и тогда торговцы прибѣгали къ разнымъ временнымъ мѣраамъ для мелкаго кредита; такъ при Петрѣ I около 1700 г. внутри Россіи вмѣсто мелкой монеты употреблялись *жеребы*, которые указомъ его были замѣнены мѣдными деньгами; даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи евреи, вмѣсто сдачи деньгами, выдавали цвѣтныя бумаги съ напечатанными на нихъ цифрами стои-

¹⁾ Хроника Генриха Латыша на латинскомъ языкѣ.

²⁾ II, 21.

³⁾ Публ. Румянц. музей Нумизмат. кабинетъ. Вып. III Москва 1886 г.

мости и нѣмецко-еврейскимъ словомъ, насколько я помню, „Zettel“. Но и жеребьи и цеттели не были деньги, а служили только временной замѣной ихъ, и торговцы, выдавая ихъ вмѣсто сдачи, потомъ принимали обратно въ уплату за продаваемый ими товаръ.

V.

Съ наступленіемъ монгольскаго ига послѣ опустошительнаго похода Батяя чрезъ Русь, несомнѣнно произошелъ въ первое время упадокъ денежнаго оборота на Руси и отливъ металлической монеты изъ Руси въ орду. Съ половины XIV-го вѣка начинается и прежняя кунная система: въ качествѣ единицы оборотной цѣнности выпускаются впервые серебряные рубли—продолговатые слитки, похожіе по формѣ на бруски, вѣсомъ въ полфунта, и вводится счетъ рублями; такъ, вел. кн. Василій Дмитріевичъ въ концѣ XIV вѣка взялъ въ Новгородѣ выкупъ въ 8 тысячъ рублей; но новая монетная система, получившая начало въ Москвѣ, еще не восторжествовала надъ старой: кунами, въ значеніи денегъ, назывались еще и рубли и гривны. Въ качествѣ мелкой серебряной монеты появляется въ Московской Руси *деньга*; такихъ денегъ въ московскомъ рублѣ заключалось 200 штукъ. Въ Новгородѣ, послѣ того какъ великій князь Василій Дмитріевичъ отнялъ у него Двинскую землю и взялъ за нее выкупъ въ 8 тысячъ рублей, чувствовался большой недостатокъ въ монетѣ. Между тѣмъ въ 1410 г. литовцы вмѣстѣ съ русскими и поляками нанесли рѣшительное пораженіе Тевтонскому ордену въ битвѣ подъ Грюнвальдомъ и Танненбергомъ и по миру въ Торнѣ взяли съ побѣжденныхъ вознагражденіе въ 100 тысячъ марокъ. Какъ разъ въ эти годы, 1409—11, въ Новгородѣ и Псковѣ оставили „торговать кунами и ввели любекскіе пфенниги (лобцы), польско-литовскіе гроши и шведскіе артуги (artige). Вел. кн. литовскій Витовтъ былъ въ это время на высотѣ своего могущества; новгородцы, по недостатку собственной монеты и вслѣдствіе могущества Литвы, склоняются больше къ Литвѣ, чѣмъ къ Москвѣ. Московское княжество, сильно пострадавшее отъ нашествія сперва Тамерлана, а потомъ Эдигея, снова оправилось, успокоилось и стало налегать на Новгородъ и Псковъ; вліяніе это сказалось на введеніи въ этихъ городахъ новой монетной системы, существовавшей уже въ Москвѣ; именно съ 1420 г. новгородцы и съ 1424 г. псковичи начали ковать серебряныя деньги и „торговать ими“, а мортки, т. е. нѣмецкія и шведскія монеты, сбывли въ Ливонію. По Новгородской 1-ой лѣтописи, съ 1424 г. „начаша

по всей русской землѣ торговати деньгами“. Такъ установилась новая монетная система, при которой высшей единицей сталъ рубль вѣсомъ въ полфунта; но существовали слитки серебра—рубли значительно меньшаго вѣса—въ 24 золотника, т. е. въ $\frac{1}{4}$ русского фунта. Въ XV столѣтіи, при замѣнѣ прежней кунной системы новою денежною, на рубль иногда шло до 30 гривенъ кунныхъ. Въ Новгородѣ гривна серебра въ XV вѣкѣ называлась рублемъ. Постоянная чеканка рубля въ формѣ медали началась только съ 1704 г. Цѣнность рубля по сравненію съ теперешней была неизмѣримо выше въ прежнія времена; по изслѣдованію проф. Ключевскаго, рубль около 1500 г. соотвѣтствовалъ по цѣности 100 рублямъ кредитнымъ, въ началѣ XVII былъ равенъ 12 рублямъ кредитнымъ; въ началѣ XVIII-го 9 руб. кредитнымъ. Въ XV и XVI вѣкахъ деньги отбивались ¹⁾ въ Москвѣ, Псковѣ и Новгородѣ: для отбивки рѣзали металлическія палочки на куски, ударомъ молота расплющивали отрѣзки и затѣмъ штемпелевали. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича прекратили выпускъ монетъ въ Псковѣ и Новгородѣ, а въ Москвѣ съ царствованія Іоанна IV былъ открытъ монетный дворъ. Вѣсъ рубля и мелкихъ монетъ былъ различенъ въ разныхъ городахъ; точно также различное количество денегъ шло на рубль въ Москвѣ и въ Новгородѣ: московскій рубль состоялъ изъ 200 денегъ, новгородскій изъ 216, но по вѣсу новгородскія монеты были выше московскихъ, именно: сто новгородскихъ денегъ—новгородокъ соотвѣтствовали московскому рублю, слѣдовательно, одна новгородка была равна двумъ московскимъ деньгамъ. Мельче новгородки, равной по вѣсу 18 долямъ, была въ Новгородѣ полушка, равная по вѣсу $4\frac{1}{2}$ долямъ, а болѣе низкая по цѣнѣ мелкая овальная монета была *пуло*, существовавшая въ XV вѣкѣ. На лицевой сторонѣ новгородки, до покоренія Новгорода, изображался вел. кн. московскій, стоящій или сидящій, предъ нимъ нагой человѣкъ, наклонившись впередъ съ протянутыми руками, въ которыхъ держалъ дары; на оборотѣ значилось: „*великаго Новагорода*“, а послѣ 1478 г.: „*деньга великаго князя*“ или „*печать великаго князя*“. На псковскихъ монетахъ на оборотѣ стояло: „*деньга псковская*“. При Іоаннѣ III выпускались въ Москвѣ деньги съ именемъ Іоанна по-русски и по-арабски, очевидно, для восточной Россіи съ татарскимъ населеніемъ. Надписи на монетахъ и медаляхъ измѣнялись при каждомъ князѣ; такъ въ княженіе Василя III-го въ грамотѣ его „Вколыванъ бѣргоместеромъ и ратманомъ“, помѣченной годомъ

¹⁾ Въ первой половинѣ XV-го отбивались монеты и въ другихъ городахъ Россіи Твери, Кашинѣ, Переяславлѣ.

ЗКГ—7023 написано: „Отъ великого государя василя Божією милостію царя и великого князя владимерскаго московского новгородцко-го“... а на печати при грамотѣ значитъ: „Васілеі Божією милостію царь всея русі і великіи князь“. Точно также на монетѣ, приписываемой Василю III, помѣчено: „Великій Господарь Василеі Божією милостію царь и государь всея руси и Великі князь“. Быть можетъ, эта монета относится къ времени царя Василя Ивановича Шуйскаго. На лицевой сторонѣ московскихъ денегъ до 1535 г. великій князь верхомъ на конѣ съ саблей (мечемъ) на отмахъ въ правой рукѣ, а въ этомъ году повелѣно было изображать князя съ копьёмъ; на основаніи изображеній прежнія деньги назывались „мечевыми“, а новыя „копейными“, отъ послѣдняго прилагательнаго образовалось впоследствии названіе сотой части рубля—*копѣйка*. Къ деньгамъ частью мечевымъ, частью копейнымъ относятся 13 монетъ, прибрѣтенныхъ мною въ Юрьевѣ изъ числа бывшихъ въ глиняной кубышкѣ, найденной въ землѣ подъ Юрьевомъ въ окт. 1910 г.

Изображенія и надписи на нихъ слѣдующія:

Лицевая сторона.	Оборотная.	Вѣсъ въ доляхъ.
Великокняжескія монеты.		
1. Князь съ саблей наотмахъ ѣдетъ на конѣ; корона стерлась; внизу у ободка часть буквъ Н, должно быть, новгородская полушка и относится къ концу княженія Ивана 3 ^{го} .	1) о с п о д а р ь в с е я р о у с и и	7
2. Князь въ коронѣ съ саблей наотмахъ ѣдетъ на конѣ. (Псковскаго издѣлія).	к н з в е л и к и і в а н ь п с к	9
3. Тоже.	к н я з ь в е л и к і і в а н	6

¹⁾ Первое о въ № 1, 10 и 12 изображено омегой.

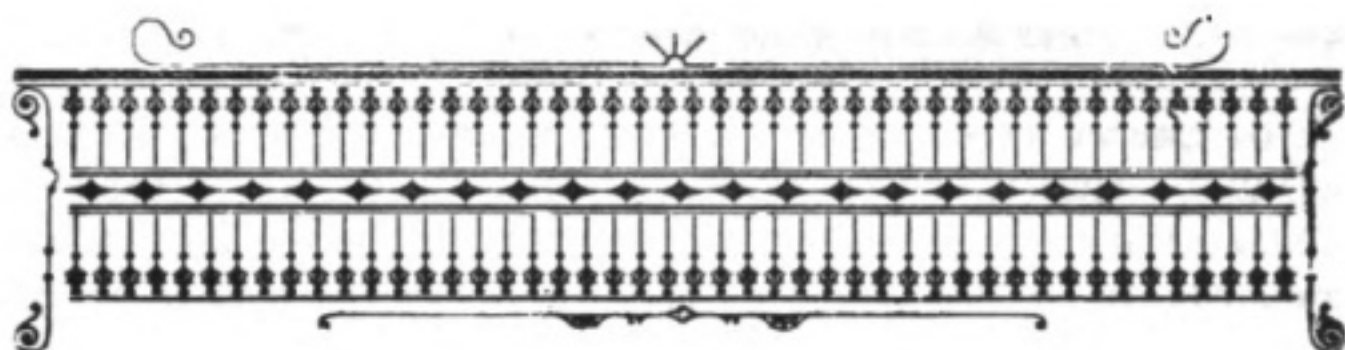
Лицевая сторона.	Оборотная.	Вѣсъ въ доляхъ.
4. Скачущій на конѣ князь; корона стерлась; правой рукой держитъ конецъ копья; на оборотѣ слѣдъ буквы Н.	к н в е л и к и г а р ь в с е і а р у с и	10
5. Тоже.	(нѣтъ к н) остальное тоже	9
Царскія монеты.		
6. Князь въ трехзубчатой коронѣ скачетъ на лошади, нижній конецъ копья наклоненъ впередъ: внизу пс. (псковская).	ц р к н з ь в е л и к і і в а н ь в с е і а р у с	11
7. Тоже	ц р ь и к н з ь в е л и к і и в а н ь в с е і а р у с и	6
8. Тоже. Внизу буквы пс.	ц р ь в е л и к к н з ь і в а н ь в с е і а р у с і и	10
9. Тоже. Внизу пс.	ц р ь и в е л и к и к н я з ь і в а н ь в с е і а р у с і и	11 (3 м.)
10. Тоже.	ц р ь и к н я з ь в е л и к и ф е о д о р ь в с е р у с и	

Лицевая сторона.	Оборотная.	Вѣсъ въ доляхъ.
11. Князь въ коронѣ скачетъ на конѣ, съ копьемъ въ правой рукѣ; внизу Н̄.	и к н з ь м о с Ѡ е о д. ц р ь	7 (3 м.)
12. Князь скачетъ на конѣ; у ободка пс.	ц р ь к н з ь в е л і к и Ѡ е о д о р ь в с е і а р у с и	10
13. Монета сомнительная; буквы перепутаны на реверсѣ.	н и к н з ь к Ѡ е о д в і р с е с и	11

Всего 8 номеровъ псковской работы, 4 новгородской и 1 неизвѣстной.

Н. Я. Киприановичъ.

Мѣропріятія правительства и церкви противъ народныхъ суевѣрій ¹⁾.

Очеркъ народныхъ суевѣрій. Тайственные явленія или привидѣнія. Сновидѣнія. Слышимые тайственные голоса. Знаменія небесныя. Языческій фетишизмъ, чудодѣйственныя узелки. Гаданіе по Библии. Кудесничество. „Коровья смерть“. „Чародѣйная порча“. Колдовство. Знахарство и ворожба. Привидѣнія. Предвѣщанія. Примѣты и гаданья. Святочныя гаданья дѣвушекъ о замужествѣ. „Катанье на нечистыхъ“. Заколдованные клады и обряды при ихъ добываньи. Домовые и лѣшіе. Оборотни. Чародѣи и чародѣйки. Кликуши. Пускаемые по вѣтру „дьявольскіе червяки“. Чародѣйное похищеніе дѣтей у роженицъ. Волшебное вызываніе тѣней умершихъ и угадываніе чужихъ мыслей. Чародѣйные заговоры и наговоры. Нашептанные корешки съ цѣлю приворожить женщину. Наговоры картежниковъ. Чародѣйное средство для мнительныхъ мужьевъ испытывать супружескую вѣрность своихъ женъ. Чародѣйный обрядъ любовниковъ съ цѣлю приворожить дѣвушку. Мнимые юродивые—прозорливцы, лживые пророки и пророчицы.

Русское общество эпохи царствованія Екатерины II въ общемъ представляло картину хаотическаго смѣшенія свѣта просвѣщенія съ тѣнями и мракомъ невѣжества, малокультурности и мистицизма. Изъ этой темной массы лишь немногіе выдѣлялись истинно просвѣщенными понятіями и здравыми взглядами на вещи; они составляли счастливое исключеніе. Невѣжество же и полупросвѣщеніе всегда и вездѣ были источникомъ грубыхъ предрасудковъ и суевѣрій. Такъ было и у насъ. „Русскіе суевѣрнѣйшій народъ въ свѣтѣ“, говоритъ венеціанецъ Казанова въ своихъ запискахъ отъ 1765—6 г. ²⁾.

¹⁾ Статья эта составляетъ одну (вторую) главу изъ обширнаго и научнаго труда А. В. Кубинцева. Ред.

²⁾ Русс. Стр. 1874 года, т. IX, 543.

Въ самомъ дѣлѣ, въ это время чуть не всѣ, не исключая и видныхъ общественныхъ дѣятелей, были заражены суевѣріями. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Чичаговъ и Потемкинъ вѣрили въ примѣты и предсказанія, позднѣе Аракчеевъ вѣрилъ въ ворожбу ¹⁾. Прочтемъ чьи угодно мемуары того времени—записки Державина, Дмитріева, Мертваго, Давыдова, Болотова и др., и мы непременно найдемъ въ нихъ одинъ или нѣсколько рассказовъ о таинственныхъ событіяхъ, явленіяхъ, привидѣніяхъ, чародѣяніяхъ, которые приводятся составителями записокъ, какъ такіе факты, которые имѣли мѣсто или въ ихъ личной жизни, или же въ жизни ихъ родственниковъ, знакомыхъ и чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ въ нашей жизни людей ²⁾. Разказы эти несомнѣнно свидѣтельствуютъ о большей или меньшей склонности къ суевѣріямъ самихъ мемуаристовъ. Державинъ, посланный для поимки Пугачева, остановился со своими товарищами переночевать въ одной крестьянской избѣ. „Тутъ, рассказываетъ онъ, привидѣлось ему на баснь похожее видѣніе, котораго онъ тогда никому не объявлялъ, дабы не привести болѣе въ робость“ (сопутствовавшихъ ему).

А именно: когда онъ (Державинъ) разговаривалъ, стоя среди покоя въ квартирѣ своей, съ бригадиромъ Лодыженскимъ, да съ секретаремъ П. Ив. Новосильцевымъ, то, взглянувъ нечаянно въ боковое, маленькое, крестьянское окно, увидѣлъ изъ него выставившуюся голову скелета, бѣлую, подобно какъ бы изъ тумана составленную, которая, вытараща глаза, казалось, хлопала зубами. Сіе хотя онъ въ мысляхъ своихъ принялъ за худое предвѣщаніе, но однакоже въ предпринятый свой путь безъ всякаго отлагательства поѣхалъ ³⁾. Между дворянами екатерининскаго времени переходило изъ устъ въ уста преданіе, будто императрица Анна Ивановна передъ смертію видѣла тѣнь свою на тронѣ, испугавшись, пригласила гренадеръ и велѣла стрѣлять въ нее изъ ружей,—тѣнь пропала; но на другой день императрицы не стало ⁴⁾. Сновидѣнія не только для людей малообразованныхъ, но и для людей просвѣщенныхъ, особенно масоновъ, казались иногда таинственно-пророческими внушеніями ⁵⁾, языкомъ добраго или злого генія, предупрежденіемъ, знакомъ и предсказаніемъ.

¹⁾ „Дѣло“ 1873 г. 12,309.

²⁾ Зап. Держ. 83; Зап. Дмитр. 43—44. Зап. Мертваго 153. Русск. Стр. III, 784.

³⁾ Зап. Державина, 83.

⁴⁾ Дмитр. „Взглядъ на мою жизнь“, 97; ср. „Записки Энгельгардта“, стр. 5—8.

⁵⁾ „Зап. Болотова“ IV, 707.

Въ Русской Старинѣ ¹⁾ разсказывается, между прочимъ, какъ одна княгиня слышала во снѣ чей-то голосъ, повелѣвавшій ей послать мужу, воевавшему съ пруссаками, икону съ изображеніями съ одной стороны Николая Чудотворца, а съ другой—Живоноснаго Источника. „Она исполнила повелѣніе“.

Болотовъ простодушно разсказываетъ, что онъ предъ своей женитьбой видѣлъ во снѣ не одинъ разъ свою невѣсту, которой онъ прежде не зналъ. Принявъ сновидѣніе за таинственныя указанія, онъ женился на ней, ничуть не сомнѣваясь, говоритъ онъ, въ счастливомъ выборѣ жены ²⁾. Вѣрившіе въ необыкновенное пророческіе сны иногда впадали въ мрачное настроеніе, теряли обычную „веселость“, когда сновидѣніе казалось имъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Александръ Ильичъ Давыдовъ видѣлъ себя во снѣ діакономъ, служащимъ съ архіереемъ; предъ началомъ пѣнія „вѣрую“ онъ замѣтилъ, что волосы съ его головы упали къ его ногамъ, и что на плечахъ его мертвая голова.

Принявъ этотъ сонъ за предзнаменованіе своей скорой смерти, онъ лишился своей прежней веселости ³⁾. Видѣвшій во снѣ „попа“ опасался получить какую-нибудь непріятность ⁴⁾. Болотовъ находилъ въ нѣкоторыхъ снахъ указаніе на имѣющія совершиться въ недалекомъ будущемъ, „удивительныя происшествія“ ⁵⁾. Потемкинъ также занимался снотолкованіями и привидѣніями ⁶⁾. Вообще, вѣра въ предвѣщаніе сновъ была общераспространенною, какъ и вѣра въ таинственныя привидѣнія и предчувствія ⁷⁾. Появленіе облаковъ на небѣ въ необыкновенной формѣ, думали, предсказываетъ о весьма важныхъ событіяхъ, имѣющихъ вскорѣ совершиться въ сферѣ жизни политической или общественно-народной и пр. ⁸⁾. Сѣверное сіяніе казалось многимъ особымъ небеснымъ знаменіемъ. Такъ многіе думали о сѣверномъ сіяніи, бывшемъ въ 1770 г. Простой народъ видѣлъ въ немъ предсказаніе сильной кровавой войны ⁹⁾.

Особенно сильное впечатлѣніе производили на суевѣрный народъ необыкновенныя явленія міра астральнаго. Комета 1744 года

¹⁾ IV, 694.

²⁾ Зап. Болотова, т. II, 462, 475.

³⁾ Русск. Ст. III, 784.

⁴⁾ Зап. Болот. т. IV, 237.

⁵⁾ Т. III, 150.

⁶⁾ Русск. Стар. V, 467.

⁷⁾ Русск. Стар. V, 463, 554, 564—69; IV, 694; VШ, 831

⁸⁾ Русск. Стар. V, 185; „Зап. Порошина“ 33 стр.

⁹⁾ Зап. Болотова, т. II, 820.

съ длиннымъ хвостомъ и шестью загнутыми лучами волновала суевѣрнымъ страхомъ городскихъ и сельскихъ жителей.

Въ Шацкомъ уѣздѣ (Тамбовской губерніи), было дѣло по поводу слуховъ о предвѣщаемыхъ будто бы этой кометою бѣдствіяхъ ¹⁾. Не менѣе того проникался народъ суевѣрнымъ страхомъ при появленіи моровой язвы, засухи, голода и т. п. общественныхъ бѣдствій. Поражаемый ужасомъ смерти, онъ искалъ чудесъ, какъ, наприм., во время московской чумы въ 1770 году. Во время подобныхъ народныхъ бѣдствій въ народѣ появлялись сновидцы, которые, въ предовращеніе бѣдъ, призывали народъ къ служенію молебновъ съ возжженіемъ свѣчъ предъ той или другой иконой въ ожиданіи отъ нея чудесныхъ исцѣленій.

Въ Москвѣ „попъ Всѣхъ Святыхъ, что на Кулижкахъ“, объявилъ во время чумы въ 1770 г. икону Боголюбской Богоматери на Варварскихъ воротахъ чудотворной ²⁾. Напрасно правительство во время московской чумы прибѣгало къ санитарнымъ мѣропріятіямъ въ видахъ сохраненія общественнаго здоровья. Религіозное суевѣріе оказывалось сильнѣе здраваго смысла, и тѣмъ легче первое брало перевѣсъ надъ послѣднимъ, что при тогдашнемъ религіозномъ невѣжествѣ, набожность часто смѣшивалась съ самымъ грубымъ суевѣріемъ; такъ, напримѣръ, Чичаговъ чародѣйственнымъ „узелкамъ“ приписывалъ одинаковую спасительную силу съ иконами Николая Чудотворца и Іоанна Войственника ³⁾. Библия обращалась иногда въ средство для гаданій. Болотовъ прибѣгалъ къ гаданію по ней въ тѣхъ случаяхъ, когда затруднялся рѣшиться на то или другое дѣло; для этого онъ открывалъ съ „молитвеннымъ вздохомъ“ Библию и прочитывалъ первыя попавшіяся на глаза строки; мысль, найденная имъ въ прочтенныхъ строкахъ, рѣшала занимавшій его вопросъ. Въ этомъ отношеніи онъ называлъ Библию наилучшимъ совѣтодателемъ ⁴⁾.

Религіозные предметы и дѣйствія обращались иногда въ кудесничество. Такъ, родители, у которыхъ рождавшіяся дѣти умирали, прибѣгали къ слѣдующимъ суевѣрнымъ средствамъ, чтобы дѣти ихъ жили: они писали образъ по мѣркѣ съ рожденнаго, изображали четыре рождества на одной иконѣ, а также заставляли крестить новорожденнаго первыхъ встрѣтившихся мужчинъ и женщинъ.

„Когда же эти средства не помогали, то въ отцы и матери

¹⁾ Зап. Державина, стр. 6.

²⁾ Болотовъ, т. III, 17—18.

³⁾ Зап. Храповицкаго, 271.

⁴⁾ Болот., IV, 243.

крестные отыскивали такихъ людей, которые бы точно такихъ именъ были, какъ отецъ и мать родные, и точно тѣхъ ангеловъ“¹⁾. Не странно поэтому свидѣтельство Болотова, что народъ во время московской чумы бросалъ по дорогамъ, во избѣжаніе чумы, шляпы, палки, либо другія какія вещи изъ одежды, принадлежавшей зачумленнымъ: ибо черный народъ, говоритъ онъ, выбралъ тогда самое адское суевѣріе и предразсудокъ пагубный, если хотять, чтобы чума гдѣ пресѣклась, то надобно что-нибудь зачумленное кинуть на дорогу, и тогда, если кто подниметь и принесетъ (брошенное) домой, то тамъ сдѣлается чума, а въ прежнемъ мѣстѣ пресѣчется²⁾. Во время скотскихъ падежей народу казалось, что причина мора—„коровья смерть“: какой деревней или селомъ она пробѣжитъ, тамъ и моръ. Фантазія народа усвоила ей причудливый образъ; нѣкоторые ее видѣли: она вся отъ ногъ до головы бѣлая, бѣгаетъ очень быстро; ноги коровьи, голова бычачья. Изловить ее очень трудно,—пропадаетъ; для этого одно средство: вырыть глубокій ровъ, поставить туда корову, а сверху, по бокамъ рва, натыкать пикъ. Идя къ коровѣ, смерть наткнется на пики и умретъ³⁾. При общей суевѣрной настроенности всѣ простыя, но непонятныя для темныхъ людей явленія объяснялись или ворожбой или порчей злыхъ людей. Подозрѣніе этого рода всего чаще падало на тѣхъ, съ кѣмъ жили въ несогласіи или ссорѣ. Предразсудками этого рода было заражено даже духовенство, охотно раздѣлявшее простонародную вѣру въ колдовство и чародѣйную порчу. Въ запискахъ Болотова разсказывается, что въ селѣ Болотовкѣ у одного изъ двоихъ священниковъ о. Иларіона сгорѣлъ домъ; погорѣвшій никакъ не хотѣлъ строиться вновь, и особенно на новомъ мѣстѣ, изъ опасенія, чтобы сослуживецъ его о. Иванъ чего не „наворожилъ“ на новомъ мѣстѣ. Въ подтвержденіе своего, якобы справедливаго, подозрѣнія на отца Ивана, онъ разсказалъ Болотову слѣдующую исторію, когда тотъ совѣтовалъ отцу Иларіону заняться постройкою дома.

„Случилось мнѣ однажды, говорилъ онъ, новыя ворота ставить. Выкопавши подъ верей ямы, не успѣли мы въ тотъ день оныя поставить и отложили дѣло сіе до другого дня. Но между тѣмъ люди добрые сыграли надъ воротами моими штуку. Не успѣли мы на другой день верей поставить, ямы законать и ворота отдѣлать, какъ вдругъ не хотѣла въ оныя идти ни одна скотина: бѣгали кругомъ, ревели, и въ ворота вогнать никоимъ обра-

¹⁾ Зап. Болотова, I, 201—2.

²⁾ Болот., т. III, 39.

³⁾ Зап. Болот., т. II, 689.

зомъ ни одну было невозможно. Сколько мы ни дивились, скотина не шла, и мы не знали, что дѣлать. Наконецъ одинъ усердствующій мнѣ бобыль вывелъ дѣло наружу и сказалъ мнѣ, чтобы я, выкопавши веревъ, посмотрѣлъ, что подъ ними закопано. Сдѣлалъ по его совѣту. И что жъ мы нашли подъ ними? Зарытую человѣческую кость, которая, по мнѣнію отца Иларіона, была положена отцомъ Иваномъ. Кость вынули, веревъ опять поставили и зарыли, и скотина пошла какъ слѣдуетъ. Увѣряя Болотова въ дѣйствительности этого происшествія, о. Иларіонъ присовокупилъ, что онъ того самаго опасается и нынѣ на новомъ мѣстѣ строиться; ибо слышалъ, что товарищъ его посылалъ къ какой-то вѣдьмѣ и что будто не одну ночь собаки его мечутся къ тому мѣсту, гдѣ онъ строиться былъ намѣренъ“¹⁾.

Въ 1795 году аткарскій священникъ Прохоровъ увидѣлъ въ церкви на крестовомъ гайтанѣ (шнуркѣ) посадскаго человѣка Ивана Полякова узелокъ, въ которомъ было что-то зашито. Это обстоятельство послужило священнику поводомъ преслѣдовать Полякова судебнымъ порядкомъ, обвиняя его въ занятіи колдовствомъ²⁾.

Не одинъ аткарскій священникъ вѣрилъ въ колдовство и чародѣйство: такихъ священниковъ, нужно полагать, было очень много³⁾. Болѣзни, сопровождавшіяся бредомъ, истеріей, объяснялись злона-

¹⁾ Зап. Болот., т. II, 795.

²⁾ „Заря“ 1871 г. № 1, 175. Ст. Мордовцева: „Русскіе чародѣи и чародѣйки конца прошлаго вѣка“.

³⁾ Если мы встрѣчаемся съ укоренившимися въ духовенствѣ суевѣрїями, то въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Въ первой половинѣ XVIII в. воспитанники Московской академіи выносили твердое убѣжденіе въ возможность колдовства, чародѣйныя порчи и т. п. изъ находившагося въ догматическомъ богословіи трактата „De contractibus diabolicis“. Теофилактъ Лопатинскій представляетъ слѣдующее опредѣленіе и дѣленіе этого понятія: *Contractus diabolicus est pactum, cum diabolo initum et dividitur in magiam, divinacionem, superstitionem, vanam, observantiam et maleficium*. „Колдуны, говоритъ онъ, рукою вырываютъ съ корнемъ крѣпчайшее дерево; цѣлыя поля съ засѣвами переставляютъ съ мѣста на мѣсто, обращаются въ невидимокъ, измѣняютъ фигуру человѣка“.

Особый родъ колдовства есть порча, *maleficium*. Противъ сего ала совѣтуется сжигать повязки, пряди волосъ, узлы и т. п. знаки порчи, брить волосы на головѣ колдуна прежде, нежели начнутъ его пытать, потому что въ нихъ, можетъ быть, скрывается сила, дѣлающая его нечувствительнымъ къ пыткамъ. (Истор. слав.-греко-лат. акад., стр. 150). Дѣти родителей, почерпнувшихъ изъ догматики ученіе о колдовствѣ, естественно должны были проникнуться этими суевѣрными понятїями и перенести ихъ во вторую половину XVIII вѣка.

мѣренной порчей и колдовствомъ кого-нибудь изъ недруговъ ¹⁾, и больные большею частію обращались не къ врачамъ, а къ знахарямъ ²⁾. Существовали городскіе колдуны ³⁾, какъ въ настоящее время—городскіе врачи. Ворожбой и гаданьемъ занимались по преимуществу цыганы.

Отъ даннаго времени остались записанными примѣты и гаданія. Такъ получить, въ самый день рожденія дитяти или на другой день, какой-нибудь подарокъ—значило, что новорожденный будетъ любимъ всѣми, его знающими ⁴⁾.

Рожденіе ребенка, совпадавшее съ появленіемъ сѣвернаго сіянія, также служило добрымъ предзнаменованіемъ ⁵⁾. Кукованіе кукушки повергало въ глубокую печаль того, кто слышалъ кукованіе ея „натошакъ“, ибо это предвѣщало ему скорую смерть ⁶⁾. Если при выѣздѣ со двора за какимъ-нибудь дѣломъ, снесетъ вѣтромъ съ головы шапку, то думали, что въ предпріятіи не будетъ успѣха. Во избѣжаніе этого слѣдствія нужно было воротиться на часъ домой ⁷⁾. Крикъ сверчка въ комнатѣ предвѣщаль дурное тому, кто входилъ въ комнату изъ постороннихъ; чтобы избѣжать дурныхъ послѣдствій, нужно было пройти въ другую комнату ⁸⁾. Просыпанная соль, 13 человекъ за столомъ, вытье и рытье земли собакой, карканье вороны надъ домомъ—дурныя примѣты, снесенное пѣтухомъ яйцо (?), пѣнье курицы пѣтухомъ, найденная иголка безъ ушка, булавка безъ головки, положенные на крестъ ножъ и вилка—все это тоже не къ хорошему. Если сговоренная дѣвушка не „выла“, то думали, что житье ея будетъ дурно. „Коли не поплачешь за столомъ, говорили матери и бабушки своимъ сговореннымъ дочерямъ и внучкамъ, такъ наплачешься за столбомъ“ ⁹⁾. Въ комедіи „Подражатель“, Скопидомова учитъ свою дочь: „Тихонько положи на порогъ замокъ, и какъ женихъ перейдетъ черезъ порогъ, такъ ты замокъ замкни и спрячь“. Это примѣта, чтобы женихъ отъ сватовства не отсталъ ¹⁰⁾. Та же Скопидомова заставляетъ свою дочь

¹⁾ Болот. т. III, 706, 711.

²⁾ „Живописецъ“ 149.

³⁾ Сочин. Имп. Екатер. II, т. II, 499.

⁴⁾ Зап. Болот. 4, 1078

⁵⁾ Ibid 11, 1076.

⁶⁾ Болот. 688.

⁷⁾ Соч. Екат. II, т. I, 444.

⁸⁾ Соч. Екат. II, т. II, 25.

⁹⁾ „Русск. сатир. журн.—1769—74 г.“ Аванасьева.

¹⁰⁾ Ibid.

чернить зубы: по ея мнѣнію, у которой дѣвушки зубы черны, та будетъ счастлива“¹⁾. Жениха съ невѣстою послѣ вѣнца сажали на „двѣ“ овчинныя и весьма косматыя шубы: это значило, по словамъ „И то и се“, „жить имъ богато“²⁾. За ужиномъ наканунѣ вѣнчанія, женихъ долженъ былъ въ продолженіе стола держать невѣсту за руку, не опуская ее ни на минуту, потому что отъ опущенія ея, думали, случается великое несогласіе между мужемъ и женою³⁾.

Заключалась нѣкоторая задача и въ предосторожности, чтобъ невѣста за ужиномъ не брала въ руки вилку, а принимала кушанье изъ жениховыхъ рукъ устами⁴⁾.

Святки сопровождались гаданьями. Наканунѣ этого праздника, по захожденіи солнца, изъ разныхъ домовъ собирались дѣвушки въ одну, назначенную ими, комнату, брали красное деревянное блюдо, покрывали его большимъ платкомъ и клали на него небольшой кусокъ хлѣба и уголь. Послѣ этого дѣвушки загадывали на перстняхъ, на кольцахъ, на запонкахъ и другихъ подобныхъ вещахъ, касались ими краевъ блюда и клали ихъ подъ платокъ. Затѣмъ усаживались всѣ рядомъ и запѣвали пѣснь хлѣбу... Окончивъ пѣніе, ломали хлѣбъ и дѣлили кусочки между собою. Эти кусочки завертывали онѣ въ рукавъ и спали съ ними, чтобы пригрезились вѣщіе сны. Послѣ этого пѣли подблюдныя пѣсни; за каждой пѣснію вынимали изъ блюда вещи и, по значенію пѣсенныхъ словъ, гадали о судьбѣ той, чья вещь вынулась. По окончаніи подблюдныхъ пѣсенъ, шли въ пустую комнату, гдѣ стояло на столѣ зеркало съ зажженными по сторонамъ его свѣчами; гадающая дѣвушка садилась предъ нимъ и, загадывая, произносила: „суженый, ряженый, покажися мнѣ въ зеркалѣ!“ Зеркало начинало тускнѣть, и дѣвушка протираетъ его нарочно приготовленнымъ полотенцемъ. Наконецъ, суженый является и смотритъ изъ-за ея плечъ въ зеркало; разсмотрѣвъ его черты, дѣвушка кричитъ: „чуръ сего мѣста!“ и нечистый пронадаетъ⁵⁾. Гадая, дѣвушки спрашивали вечеромъ имя перваго попавшагося мужчины; его имя должно было быть именемъ жениха и мужа⁶⁾. Кромѣ гаданій, на святкахъ происходило „катанье на нечистыхъ“. Дѣвушки брали воловью шкуру, несли ее на рѣку къ проруби, разстлали и, очертивъ кругъ нарочно сдѣлан-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Русск. Стар. IV, 695.

нымъ для того огаркомъ, садились на нее. Изъ проруби должны были выйти водяные и возить ихъ сколько угодно. Это называлось „катанье на нечистыхъ“¹⁾.

Простонародную вѣру въ существованіе заколдованныхъ кладовъ и въ возможность добыванія ихъ, при соблюденіи суевѣрныхъ обрядовъ, раздѣляли даже такіе люди, какъ напр., могилевскій губернаторъ Энгельгардтъ. Повѣривъ народной молвѣ, что въ верстахъ 40 отъ Москвы, на кладбищѣ, находится богатый кладъ, онъ послалъ прокурора губернскаго магистрата Полтавцева для открытія сокровища. Полтавцевъ пригласилъ до 40 человѣкъ лопатниковъ, взрылъ кладбище, но кладъ „не дался“²⁾. Люди корыстолюбивые, желавшіе обогатиться во что бы то ни стало посредствомъ добыванія кладовъ, иногда рѣшались на преступленіе, убійство, если только этого требовалъ, по ихъ мнѣнію, кладъ. Такъ въ Сибири во 2-ой половинѣ XVIII в. существовало всеобщее убѣжденіе, что недалеко отъ Кяхты скрывается богатѣйшій кладъ. Многіе хотѣли овладѣть этимъ кладомъ, но безуспѣшно. Наконецъ двое братьевъ (кяхтинскіе мѣщане) рѣшились, во что бы то ни стало, добыть таинственный кладъ. Они изрыли всѣ тѣ мѣста, гдѣ, по ихъ соображенію, находился кладъ; но все напрасно; служили молебны, постились, а кладъ не давался.

Выведенные изъ терпѣнія неудачей, они рѣшились прибѣгнуть къ мудрости шамана, который жилъ гдѣ-то недалеко отъ Кяхты и славился по всей окрестности дивными чудесами. Запасшись подарками, братья отправились къ шаману. Шаманъ отвѣчалъ имъ, что съ просьбами подобнаго рода онъ никогда не обращался къ духамъ, а потому не знаетъ, благоволятъ ли они удостоить его отвѣтомъ. Братья съ почтеніемъ поднесли шаману подарки: плитку кирпичнаго чаю и пачку табаку, обѣщая сверхъ того жирнаго барана, въ случаѣ успѣха. Шаманъ рѣшился испросить волю духовъ относительно клада; облекся въ свой нарядъ, взялъ бубенъ и принялся работать языкомъ и тѣломъ. Долго кричалъ и кривлялся шаманъ, наконецъ, онъ растянулся и пророческимъ голосомъ проговорилъ: „принесите духу въ жертву человѣка—и сокровище—ваше!“ По долгомъ размышленіи объ этомъ отвѣтѣ, братья рѣшились принести въ жертву духу свою больную сестру. Прибывъ на мѣсто кладорытія съ сестрой, они разожгли костеръ, связали сестру и лишь только хотѣли совершить жертвоприношеніе, какъ на

¹⁾ „Русскіе сатирическіе журн.“ Афанасьева.

²⁾ „Запвски Добрынина“, гл. XXXIX.

нихъ наѣхали сторожевые казаки, которые и избавили жертву отъ смерти ¹⁾).

Въ то время вѣрили, какъ и теперь еще вѣрятъ, что клады по временамъ показываются то какимъ-нибудь звѣркомъ съ бѣлою шерстью, то птицею такого же цвѣта, иногда надъ кладомъ видится огонекъ необыкновеннаго цвѣта. Если какой смѣльчакъ будетъ приближаться къ этому огоньку, онъ начнетъ удаляться и заведетъ неопытнаго человѣка въ болото. Вѣрили, что призраки кладовъ являются только людямъ чистымъ, и чтобы воспользоваться кладомъ, нужно ударить призракъ наотмашь, и сказать слѣдующее: „аминь, аминь, разсыпся“!

Языческая вѣра въ существованіе домовыхъ, лѣшихъ была также очень распространенной. Нѣкоторые изъ высшаго даже класса общества вѣрили искренно, что домовый иногда перетаскиваетъ соннаго человѣка съ одного мѣста на другое ²⁾. Лѣшихъ, думали, такъ много, что они ходятъ толпами; если лѣшій обойдетъ человѣка, то послѣдній не выйдетъ изъ обойденнаго круга ³⁾. Остатки языческой суевѣрной древности выразились и въ вѣрованіи въ оборотней.

Лѣкарь шацкой провинціи Ралтау доносилъ шацкой провинціальной канцеляріи объ открытыхъ имъ оборотняхъ. Онъ писалъ: „По прибытности моей сюда, въ шацкую провинцію, приходитъ ко мнѣ много изъ деревенскихъ обывателей мужеска и женска полу, объявляя о себѣ внутренняя порчи, но токмо какія оныя порчи—въ медицинѣ и наукѣ признать невозможно, ибо уповательно какъ—черезъ еретичество.“

Нынѣшняго года февраля, во второй день, призванъ я былъ въ городъ Темниковъ, въ домъ воеводскій, для пользованія у жены его перста; и будучи въ трактѣ сталъ ночевать въ деревнѣ Будныхъ Майданахъ у крестьянина Алексѣя Иванова. Онаго Иванова мать стала мнѣ жалобы приносить, что сноха ея, Алексѣева жена Алена, уже двадцать лѣтъ съ мужемъ живетъ, а дѣтей не родитъ и все сохнетъ, которая ей признается въ порчи. Того-жъ вечера, послѣ свекрови пустила (въ избу?) помянутая Алена трехъ видовъ овецъ и спустила къ нимъ изъ коровья одного ягненка и загасила огонь,—въ которыхъ овецъ, погода черезъ часъ, сталъ великій стукъ, и съ хозяйкою стали человѣческимъ голосомъ сквернословить, тихо говорить болѣе двухъ часовъ, которыхъ я признаваю—едино еретичество; отчего я, отъ великаго страху и ужаста, принужденъ

¹⁾ Живоп. Обзор. 1874 г., № 22 стр. 342—3.

²⁾ „Заря“ 1871 г. кн. 12, ст. „Истор. мастер.“.

³⁾ Собр. еоч. Импер. Ек. II, т. I. 454.

изъ избы выбѣжать и разбудить имѣющагося при мнѣ города Темникова солдата Петра Жаветина, который спалъ въ возкѣ моемъ для аптеки, я велѣлъ ему огонь вздуть и послалъ за старостой Ѳеодоромъ Слезкинымъ. И промежь того время, при огнѣ стали тѣ овцы паче человѣческимъ голосомъ репортировать съ тѣхъ словъ, что безъ огня говорили. И по приходѣ старосты, объявилъ я ему оныя безпорядки, чтобы онъ тѣхъ овецъ держалъ, и въ деревнѣ осматрѣлся, кого въ той деревнѣ въ домѣхъ крестьянъ не имѣется. Но токмо оный староста съ великимъ страхомъ отвѣтствовалъ мнѣ: „этакихъ овецъ у насъ много, и онѣ надобны, ты не фискаломъ ли сюда пріѣхалъ?“ А когда онъ услышалъ объ моемъ имени, откуда я, то онъ сталъ покорень и просилъ, чтобы я это дѣло уничтожилъ, и за то хотѣлъ, съ народомъ собрався, мнѣ поклонъ отдать, на что я ему сказалъ, что ни его поклонъ, ни тысяча мнѣ не надобны, а присяги своей не нарушу. И староста пошелъ; а овцы паки, при помянутомъ солдатѣ человѣческимъ голосомъ говорить, меня по имени, отечеству и фамиліи называютъ, также и о себѣ имена человѣческія сказываютъ; одинъ изъ нихъ Ѳеодоръ, и двое Гаврилы, и называющійся Ѳеодоромъ показался съ затылку въ видѣ дьявольскомъ; весь чернаго лица, изъ лѣваго уха высунулъ большой красный языкъ. Также много кратъ при ономъ солдатѣ мое имя, отечество и прозваніе называли и просили: „выпусти насъ!“ Напротивъ того я говорилъ: староста отступился; какъ хочеть хозяйка, а я васъ не выпущу! Объявилъ я этой хозяйкѣ: „егда ты ихъ хочешь?“ А хозяйка мнѣ объявила: „какъ мнѣ сосѣдовъ не знать!“ По которому ея отвѣту овцы начали многократно при солдатѣ человѣческимъ голосомъ говорить: „Алена, выпусти насъ!“ И тогда она, хозяйка, про прежнюю свою утайку и стыда ради, вся въ лицѣ покраснѣла и зачала плакать“ ¹⁾).

Вслѣдствіе особенно сильно распространенной вѣры въ колдовство, чародѣйство и кликушество чародѣи, чародѣйки и кликуши появлялись въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи цѣлыми десятками, не только въ сельской и деревенской глуши, объятай сумракомъ невѣжества, но и въ городахъ. Вѣра въ кликушество, какъ чародѣйную порчу, была широко распространеннымъ явленіемъ не въ одной только простонародной массѣ, но и среди лицъ многочисленной бюрократіи. Такое же распространеніе имѣло вѣрованіе въ чародѣйныхъ червяковъ, пускаемыхъ по вѣтру злостными чародѣями на людей. Въ 1762 году въ Ростовѣ явилось нѣсколько женщинъ-кликушъ ²⁾).

¹⁾ Рус. Стар. VII, 725—6.

²⁾ П. С. З. т. XII, 11.698.

Изъ сенатскаго указа 1766 г. видно, что въ Переяславль-Залѣскомъ, кромѣ прежде присланныхъ въ переяславскую провинціальную канцелярію двухъ женокъ, выкликавшихъ на ямщикову жену Ѳедору Иванову, было еще десять женъ, которыя кликали въ церкви ¹⁾.

Въ 1770 г. въ Яранскомъ уѣздѣ нѣсколько безпутныхъ женокъ „дѣвокъ“, притворяясь испорченными, выкликали на восемь мужчинъ и женщинъ печенгской и устенской волостей, пускавшихъ по вѣтру чародѣйныхъ червяковъ ²⁾. Въ 1785 г. въ пинегскомъ округѣ, Архангельской губерніи, было 19 кликушъ и въ мезенскомъ уѣздѣ нѣсколько челоуѣкъ ³⁾—чародѣевъ, чародѣекъ и кликушъ ⁴⁾.

Въ Саратовскомъ совѣстномъ судѣ отъ 1786 г. по 1795 г. разбиралось пять дѣлъ о колдовствѣ и чародѣйствѣ, и каждый разъ привлекалось къ суду по нѣсколькѣ челоуѣкъ.

Въ одной собственноручной запискѣ Императрицы Екатерины II къ князю Вяземскому (года и числа не показано) видно, что въ Яранскѣ было возбуждено судебное преслѣдованіе колдуновъ и что дѣло это, дошедшее до Сената, разсматривалось самой Императрицей, которая предписала „послать въ Яранскъ кого ни есть нарочно, чтобы все точно по сенатскому приговору было исполнено“ ⁵⁾.

Колдунамъ и колдуньямъ, какъ и въ двоевѣрную старину, приписывались разнаго рода вредительныя дѣйствія. Не только простой народъ, но и дворяне были искренно убѣждены, что колдуны и колдуньи посредствомъ своихъ чаръ похищаютъ у матерей, въ моментъ рожденія, дѣтей, наводя на рождающую и всѣхъ ея окружающихъ глубокой сонъ. Болотовъ передаетъ относительно этого предмета слѣдующій любопытный рассказъ знакомой ему госпожи Темирязевой: „У одного, неподалеку отъ Тулы жившаго, помѣщика пропало семь ребенковъ. Не успѣетъ жена его собраться родить, какъ всѣ заснутъ, и сама она заснетъ также сномъ крѣпчайшимъ. И въ самое то время она родитъ, и ребенокъ пропадетъ и куда дѣнется, никто не знаетъ. Сей помѣщикъ, видя такое несчастіе, не зналъ наконецъ, что думать, ибо всѣ о семъ разное говорили и толковали; но какъ всѣ почти единогласно утверждали, что происходитъ это отъ какого-нибудь волшебства, то положилъ онъ искать противъ того помощи отъ такихъ же колдуновъ. Въ близости той

¹⁾ П. С. З. т. XVII, 12.568.

²⁾ П. Собр. Зак. т. XIX, 13.427.

³⁾ „Вѣстн. Евр.“ 1863 г. кн. 10, 658.

⁴⁾ „Заря“ 1873 г.

⁵⁾ „Полн. собр. соч. Имп. Екат. II“, т. III, 490.

деревни, гдѣ жила госпожа Темирязева, жилъ на мельницѣ мельникъ, весьма своимъ волшебствомъ славившійся. Всѣ почитали его наибольшимъ докою. Къ сему-то мельнику предпріялъ помѣщикъ свое приѣжище въ то время, какъ жена его восьмого ребенка родить собиралась. Онъ пріѣхалъ къ нему самъ и убѣдилъ его ѣхать къ себѣ и быть при родахъ. Однако сей мужикъ не сталъ дожидаться родовъ, несмотря на сильныя просьбы остаться; онъ сказалъ, что ему быть не для чего, а довольно, если исполнено будетъ всё, что онъ прикажетъ. Сія приказанія его, данныя имъ самому господину въ тайнѣ, состояли только въ томъ, чтобы самому ему не отлучаться ни на пядень въ то время, когда жена его рожать станетъ; что увидитъ онъ вышедшую въ то время изъ-подъ кровати черную большую собаку, у которой бы онъ, поймавъ, обрубилъ обѣ переднія лапы, и тогда всё будетъ благополучно... Что мужикъ говорилъ, то и сдѣлалось. Какъ скоро госпожа собралась родить, то всѣ разошлись и напалъ на всѣхъ сонъ. Мужъ наблюдалъ уже сіе время и не отходилъ отъ жены ни пяди. Наконецъ, заснула и сама жена его. И въ то самое время видитъ онъ превеликую черную собаку, вышедшую изъ-подъ кровати и прямо къ нему идущую. Затрепеталъ онъ тогда отъ ужаса и не зналъ, что дѣлать. Однако, собравшись съ духомъ, бросился онъ на нее, схватилъ и обрубилъ обѣ лапы и потомъ выбросилъ собаку въ окно. Не успѣлъ онъ сего сдѣлать, какъ жена его очнулась и тотчасъ родила благополучно сына. Радость была тогда неописанная у сего дворянина; онъ тотчасъ разбудилъ всѣхъ, созвалъ людей и крестьянъ и рассказалъ имъ всё происхожденіе, показалъ имъ лапы, которыя онъ отрубилъ у собаки... Примѣчанія достойно было при томъ, что всѣ люди пришли, и не было одной только старухи-мамы. Господа спрашивали о ней, куда она дѣвалась, но никто того не зналъ, и даже самые сыновья ея не видали, но сіе такъ до утра и оставили! Поутру нужно было смотрѣть за окномъ собаку, но какъ всѣ удивились, когда, пришедъ на то мѣсто, никакой собаки не нашли, но только одно окровавленное мѣсто; однако былъ кровавый слѣдъ, по сему слѣду пошли еѣ искать,—слѣдъ шелъ прямо къ рубкѣ сына мамина. Но какое было всѣхъ, бывшихъ при томъ, удивленіе, когда и въ полѣ, и въ клѣтѣ, вмѣсто мнимой собаки нашли саму маму съ обрубленными руками“. Такимъ образомъ, открылось, что всѣ прежнія пропажи младенцевъ происходили отъ нея. Она сама въ томъ призналась и сыскали всѣхъ семерыхъ, которые были у ней высушены и спрятаны въ коробкѣ. Какъ всё сіе было весьма особенное дѣло, то тотчасъ донесено было о томъ въ городъ; дѣло было изслѣдовано, и сія старуха казнена въ Тулѣ,

по обыкновенію того времени наимучительнѣйшею смертію: она была сперва колесована „а потомъ ее четвертовали“¹⁾. Колдунамъ и волшебникамъ приписывали необыкновенную волшебную силу: думали, что они могутъ, при помощи магіи и волшебства, вызывать тѣни умершихъ и угадывать мысли другихъ людей. По свидѣтельству Болотова, вѣра эта была широко распространенной²⁾.

Колдовство было тѣсно связано съ чародѣйными заговорами и наговорами, какъ средствами для врачевства, вредительства, обаянія и пр. т. п. Кто хотѣлъ пробудить къ себѣ любовь другихъ, долженъ былъ носить при себѣ какіе-то нашептанные корешки, перевязанные крестъ-на крестъ волосами³⁾. У страстныхъ картежныхъ игроковъ существовали наговоры, какъ новичковъ заводитъ въ игру⁴⁾. У крестьянъ, мнительныхъ мужьевъ (Шенкурскаго уѣзда, Арханг. губ.), существовало средство испытывать вѣрность своихъ женъ, спрашивая ихъ же самихъ объ этомъ. По совѣту „травенника“ для этого нужно найти траву, которую знахари называютъ „рясна“, растетъ кустиками, маленька, синенька, по землѣ разстилается; нашедши этой травы, нужно положить стебель ея женѣ въ головы— и секретъ открытъ, — жена все скажетъ: что бывало и съ кѣмъ жила и что на тебя мыслить; положить еѣ не просто“⁵⁾. Любовники, желавшіе возбудить къ себѣ любовную страсть въ женщинѣ или дѣвушкѣ, по старой памяти, также прибѣгали къ чародѣйству. Для этого существовалъ особенный чародѣйственный обрядъ, отъ точнаго выполненія котораго зависѣлъ успѣхъ очарованія. „Въ 1760 г. сержантъ Тулубьевъ, желая привлечь къ себѣ дочь разночинки Ириану Тверитину, жившую въ Тюмени, обрѣзавъ, взялъ хлѣба печенаго ломоть и увелъ ее съ собою въ одну баню, и, совокупя къ тому хлѣбу воскъ, печину, соль, волосовъ по части, обтиралъ съ себя тѣмъ хлѣбомъ въ банѣ потъ, такимъ образомъ: на-перво съ правой руки, а потомъ съ лѣвой ноги, и скоблизъ съ ногъ своихъ ножомъ кожу, и взялъ съ парнаго вѣника три листа, и сомнетъ тотъ хлѣбъ въ одно мѣсто съ печиною, воскомъ, солью, волосами со скобленною съ ногъ кожею и съ парнаго вѣника листьевъ и сдѣлалъ колобокъ, и послѣ того въ той же банѣ изъ нея же женки Ирины такимъ же образомъ потъ особливымъ хлѣбомъ отиралъ, и снималъ по вышечисанному—и, вышедъ изъ бани, на оныя

¹⁾ „Записки Болотова“, т. II, 787—789, 786.

²⁾ Болот. т. III, 1201—4.

³⁾ Ком.: „О время“, стр. 46.

⁴⁾ Зап. Державина, 37

⁵⁾ „Отеч. Записки“ 1848 г., т. LVII, 153, смѣсь.

колобки смотря и въ имѣвшуюся у него книгу, которую носилъ при себѣ сокровенно, невѣдомо, что шепталъ, а куды оныя съ волшебствомъ хлѣбные колобки употребилъ, того она, Ирина, не знаетъ“. (Этногр. сборн. VI, 141) ¹⁾.

Рядомъ съ самыми грубыми явленіями суевѣрія въ обществѣ не мало было и такихъ явленій, которыя происходили отъ ложно-направленнаго религіознаго чувства, отъ невѣжественнаго пониманія вѣры и предметовъ, имѣющихъ религіозное значеніе для вѣрующаго человѣка. Кто по чувству благочестія не хотѣлъ обращаться къ колдунамъ, знахарямъ и чародѣямъ, тотъ въ нужныхъ случаяхъ обращался къ тѣмъ, которые своимъ наружно-богоугоднымъ поведеніемъ давали чувствовать, что они люди высокой набожности, безукоризненно-строгаго благочестія и святости, въ силу чего они и могутъ помогать людямъ въ ихъ бѣдахъ и напастяхъ своими молитвами и ходатайствомъ предъ Богомъ.

Таковы именно были юродивые, провидцы, мнимые пророки и пророчицы, которые, прикрываясь личиною святости, въ сущности были тѣмъ же для народа, чѣмъ и чародѣи съ чародѣйками.

Въ монастыряхъ, случалось, жили мнимые провидцы—предсказатели ²⁾.

А. В. Кубинцевъ.

¹⁾ Въ книгѣ оной, вѣроятно, читалъ заговоръ, какъ приворожить дѣвушку въ родѣ слѣдующаго, записаннаго въ одной изъ позднѣйшихъ рукописей: „Истопа баню жарко, и взойди въ нее; когда взопрѣешь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ и выжми тряпицу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда глаголи трижды сей заговоръ: На морѣ—на кіанѣ, на островѣ на Буянѣ стояло древо, на томъ дровѣ сидѣло 70, какъ одна птица, эти птицы щипали вѣти, эти вѣти бросала на землю, эти вѣти подбирали бѣси, и приносили къ сатанѣ сатановичу. Ужъ ты видѣ (?) бѣсь! И кланяюсь тебѣ и поклоняюсь, сослужи ты мнѣ службу и сдѣлай дружбу: зажги сердце (имрекъ) по мнѣ и зажги всѣ печени и легкое и всѣ суставы по мнѣ (имрекъ). Будь мое слово крѣпко, крѣпче всѣхъ булатовъ во вѣки. Вели пряникъ съѣсть. („Вѣсти. Евр.“ 1868 г., 10, 667).

²⁾ Зап. Энгельгардта, стр. 217.

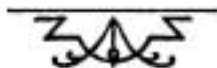
Обмануть Наполеона.

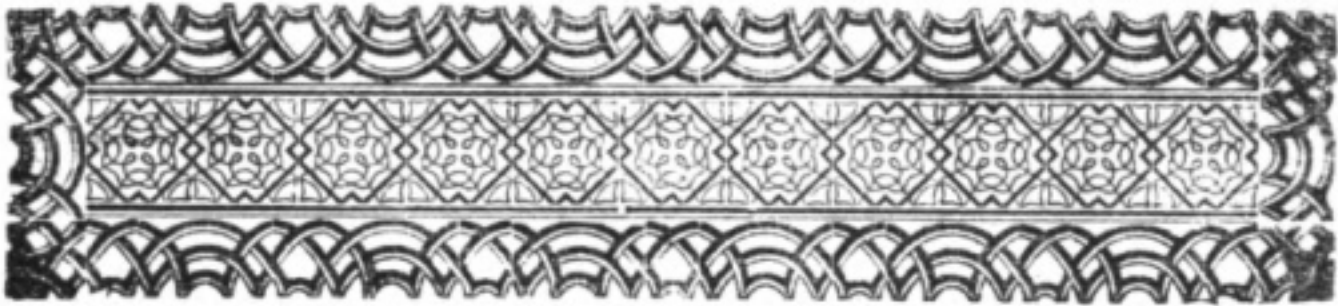
Изъ незаданной части дневника И. М. Снегирева.

Подъ 10 октября 1825 г. записано: „Когда кн. Кутузову поручили начальство надъ арміею въ 1812, и когда онъ, задумавшись, сидѣлъ облокотясь, зять его Ѡ. Опочининъ спросилъ его: О чемъ вы задумались? Вѣрно о томъ, какъ разбить Наполеона?—Нѣтъ, мой другъ, я не о томъ думаю, какъ бы разбить его, на это надобна такая же армія, какъ его, а о томъ, какъ бы его обмануть!“.

Сообщилъ Н. Л.

Изъ записокъ Н. А. Скалона.

Вказъ 19 февраля 1861 года навелъ меня на мысль о замѣнѣ глагола *работать*, происходящаго отъ существительнаго *рабъ*,—глаголомъ *трудовать*, имѣющимъ корнемъ своимъ существительное *трудъ*. Кажется, онъ можетъ быть принятъ и народомъ и литературой и внесень въ академическій словарь со всѣми своими существительными и прилагательными: труда, трудина, трудовина, затрудокъ, раструдка, трудовикъ, трудовой, трудовный.

Божіе рабы.

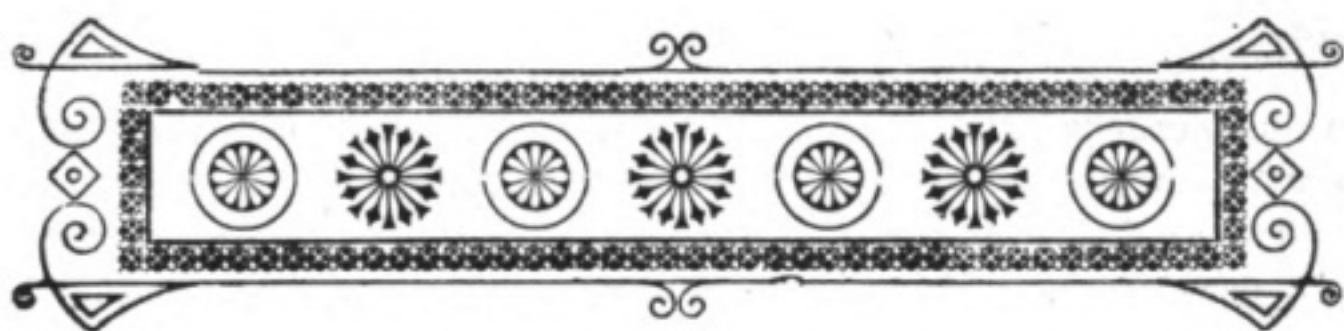
Царь-человѣкъ свободу даровалъ!
Никто теперь не рабъ и не работникъ:
Ужъ человѣкъ идетъ не для работъ—
А весело спѣшить на *трудовину*,
Трудину, *трудъ*—какъ *трудникъ*, *трудовикъ*,
Чтобъ *раструдить* свое—чужое поле,
Чтобъ получить, сберечь *затрудокъ* свой
Для подати, для нуждъ своихъ домашнихъ.
Затрудовать себѣ на черный день;
Натрудовать на отдыхъ и довольство.
И у него не валится изъ рукъ,
А полымемъ горитъ *труда*, *трудина*.
За то ему отъ Бога благодать,
Отъ общества, отъ земства исполать:
Онъ человѣкъ, всѣ скажутъ, *трудовитый*
Онъ барину *сотрудникъ*, а не рабъ;

День праздника святого, день молитвы
Считаетъ онъ, зоветъ *нетрудовымъ*.
Теперь прочны и *трудова*я силы,
И *трудова*хъ у насъ мильоны рукъ,
Теперь сдана работа на машины
Да на ярмо, хомуть, сѣдло скотины.
Трудуютъ всѣ—такъ заповѣдалъ Богъ—
Ремесленникъ, художникъ, земледѣлецъ,
И гражданинъ, и воинъ, и ученый
Съ *трудою* вознося къ Творцу мольбы,
Что всѣ теперь—лишь Божіе рабы!

Сообщилъ П. Скалонъ.

Замѣтки о поѣздкахъ по С.-В. Персіи.

Вредлагаю свои отрывочныя воспоминанія изъ 2-хъ поѣздокъ въ Текинскій оазисъ и сосѣднія части Персіи. Я ѣздилъ туда 2 лѣта подрядъ, въ 1881 и 1882 годахъ. Ручаюсь за правду, но не могу поручиться за интересъ этихъ воспоминаній; многія подробности стоятъ передо мной какъ живыя, случившіяся какъ будто бы совсѣмъ недавно, на другихъ поблекли краски, а можетъ быть, онѣ даже немного искажены памятью, третьи же вовсе утрачены; въ особенности ошибки возможны въ названіяхъ именъ.

1881-й годъ.

Въ серединѣ мая я пріѣхалъ въ Асхабадъ.

Покорителя Ахаль-Теке генерала Скобелева уже не было, и я засталъ новаго командующаго войсками генерала Рерберга.

Переѣздъ изъ Тифлиса, гдѣ я находился на службѣ, въ Асхабадъ (куда я былъ командированъ), занялъ болѣе полумѣсяца. Трактъ черезъ Елизаветополь, Мингичауръ съ тучами комаровъ, рѣчки Акъ-су и Геокъ-чай, станцію Карамарьянъ, населенную русскими, памятную мнѣ своимъ роскошнымъ, цвѣтнымъ лугомъ, покрытымъ желтыми тюльпанами и красными маками, далѣ живописную Шемаху съ своими цвѣтущими садами и, наконецъ, Баку, требовалъ на переѣздъ по меньшей мѣрѣ около недѣли времени, и безъ увѣренности, что путешествіе совершится благополучно, такъ какъ переправы въ бродъ черезъ горныя рѣчки Акъ-су и Геокъ-чай были иногда не вполнѣ безопасны. Баку представился

въ непривлекательномъ видѣ—сѣрый, песочный, палимый солнцемъ, безъ клочка зелени, съ улицами политыми нефтью.

Таковъ былъ старый трактъ Тифлисъ—Баку, но уже въ слѣдующемъ году началась постройка линіи желѣзной дороги, и трактъ этотъ сдѣлался достояніемъ прошлаго, а мнѣ было жаль его, несмотря даже на всѣ невзгоды, какими часто надѣлялъ онъ меня (я говорю не въ частности только объ этомъ трактѣ); но не стало его, а мнѣ кажется, что мою свободу умалили,—раньше я самъ располагалъ своей поѣздкой, а теперь меня везутъ; жизнь какъ бы сдѣлала лишній шагъ въ направленіи къ социальнымъ порядкамъ будущаго, а мнѣ жаль прошлаго, жаль его, какъ стараго друга.

На одной изъ станцій я встрѣтился съ полковникомъ А. командиромъ одного изъ казачьихъ полковъ, онъ ѣхалъ въ Тифлисъ изъ Асхабада. Видъ у полковника былъ необыкновенно внушительный—я себя представлялъ именно такимъ Тараса Бульбу. Впослѣдствіи мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться и не особенно дружелюбно. Въ ближайшіе дни изъ Баку въ Красноводскъ отходилъ пароходъ общества Кавказъ и Меркурій; переѣздъ былъ короткій, насколько помню, меньше сутокъ, но былъ тяжелый съ несносной качкой. Красноводскъ расположенъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря у бухты съ довольно длинной дамбой. Двухъ, а можетъ быть и 3-хъ-этажный домъ, построенный тутъ же на берегу со всѣми затѣями и стоившій, вѣроятно, не малыхъ денегъ, служилъ квартирою начальника Красноводскаго приставства; въ этомъ домѣ и я нашелъ пріютъ; были, можетъ быть, еще домики кромѣ этого, но память сохранила только сакли съ плоскими крышами, лавченки и жильѣ армянъ-торговцевъ; не вдалекѣ была выведена каменная оборонительная стѣнка, а дальше голыя горы и пустыня съ 3-хъ сторонъ, а съ 4-й море. Нигдѣ ни одного дерева. Дѣлались попытки развести здѣсь растительность—привозились посадки и земля изъ Ленкорани, но эти начинанія постигла полная неудача. Отъ Красноводска предстоялъ небольшой переѣздъ на маленькомъ пароходѣ до поста „Михайловскій заливъ“—начальной станціи Закаспійской желѣзной дороги. (Въ настоящее время желѣзная линія идетъ прямо отъ Красноводска). Первоначально желѣзной дорогѣ была поставлена ближайшая цѣль—поборотъ на пути пески и большой, безводный солончакъ у Бала-Ишема и Акча-куйма. Сбиться съ дороги на старомъ трактѣ было нельзя—онъ былъ рѣзко обозначенъ скелетами верблюдовъ. Было убѣжденіе и не у однихъ, кажется, солдатъ, что верблюда можно навьючивать сверхъ всякой мѣры и что тѣмъ особенно пригоденъ, что его можно почти не кормить, да и воды онъ не требуетъ, но горькій опытъ показалъ,

что навьючивать его болѣе какъ 8-ю пудами не слѣдуетъ, а кормъ и вода ему одинаково нужны. Верблюды идутъ и несутъ тяжесть до изнеможенія, и если послѣ ночлега утромъ онъ не поднимется, то это значитъ, что силъ у него нѣтъ болѣе, и онъ погибнетъ; нѣкоторые бессмысленные варвары изъ солдатъ вожаковъ (какъ мнѣ говорили) подкладывали горячіе угли къ бокамъ верблюда, чтобы побудить его встать и идти, но онъ только жалобно мычалъ и все-таки не поднимался. Вода на линію доставлялась повъздами изъ Михайловскаго залива, гдѣ работало два опрѣснителя (эта вода конечно удовлетворяла потребность, но она была совершенно безвкусною). Въ Михайловскомъ заливѣ и далѣе по линіи можно было встрѣтить совершенно новенькіе бревенчатые дома; построены они были въ Астрахани и доставлены сюда въ разобранномъ видѣ съ нумерованными бревнами. Дорога только что строилась и, когда я проѣзжалъ въ маѣ, была доведена до Казанжика, а къ осени дошла до Кизиль-Арвата. Дальнѣйшее передвиженіе отъ конца укладки до Асхабада совершалось на перемѣнныхъ казенныхъ лошадяхъ, имѣвшихся на станціяхъ Бами, Бесурма, Арчманъ, Дурунъ, Геокъ-тепе, Безменъ и Асхабадъ. Дорога мѣстами была необыкновенно плохая, именно тамъ, гдѣ лежалъ сплошной камень круглякъ, вынесенный сюда съ горъ дождевыми потоками. Оазисъ собственно начинался отъ Кизиль-Арвата (первая приточная и обильная вода) и тянулся неширокою полосой на юго-востокъ. Слева не вдалекѣ залегли пески Кара-Кумъ, а справа тянулась цѣпь горъ Копеть-дага.

12-го января пало Геокъ-тепе, и теперь здѣсь, спустя всего какихъ-нибудь 4 мѣсяца, чувствовалась полнѣйшая безопасность—можно было ѣхать и ночью. Подѣзжая ближе къ Геокъ-тепе, приходилось часто встрѣчать на станціяхъ дѣтей въ возрастѣ 7—10 лѣтъ, никому не принадлежавшихъ—у нихъ не было ни отца, ни матери, ни старшихъ братьевъ—все это было перебито гранатами или погибло при штурмѣ и преслѣдованіи. Вообще разгромъ Геокъ-тепе былъ полный, и туркменамъ не оставалось ничего другого, какъ подчиниться, что они сдѣлали, не тая мысли о возмедіи.

Я позволю себѣ далѣе привести нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія и небольшую историческую справку.

Позднѣе, въ сентябрѣ я провелъ ночь въ Геокъ-тепе, на холмѣ Денгиль-тепе, и трупный запахъ чувствовался очень сильно,—кругомъ въ ямахъ были зарыты тѣла убитыхъ и, вѣроятно, недостаточно глубоко, хотя ямы были залиты известкой. Разгромленная крѣпость была совершенно пустыня, и лишь вблизи Денгиль-

тепе я встрѣтилъ какое-то сомнительное жилье персіанина-огородника; огородъ его былъ тутъ же и, кажется, вполне удался.

Взятіе Геокъ-тепе сопровождалось грабежемъ ковровъ, серебра, оружія, коней. Въ большинствѣ все это за безцѣнокъ перешло въ руки армянъ-скупщиковъ, попользовались и офицеры—громадный коверъ, цѣна которому была сотня рублей и больше, продавался за 3, за 5 рублей. Солдату все равно нельзя было взять ковра съ собой, и онъ отдавалъ его за то, что ему предлагали; говорили, что полковникъ А. приобрѣлъ такое количество этихъ чудныхъ ковровъ, что впоследствии для вывоза ихъ въ Тифлисъ ему понадобились 12 молоканскихъ (парныхъ) фургоновъ, и я думаю, что это, можетъ быть, и близко къ истинѣ.

Геокъ-тепинское пораженіе было возмездіемъ за неудачу 1879 года, когда управленіе генераловъ Ломакина, Борха и кн. Долгорукова потерпѣло крупную неудачу подъ тѣми же стѣнами Геокъ-тепе.

Худая и хорошая слава (разумѣется, прикрашенная) быстро распространяется на Востокъ, въ особенности, если поражено воображеніе, и генераль Скобелевъ сдѣлалъ все для того: при началѣ штурма взорвалась большая мина, затѣмъ начался рѣшительный штурмъ съ трехъ сторонъ и жестокое преслѣдованіе бѣгущихъ кавалеріей и конной артиллеріей въ теченіе цѣлаго дня, и въ результатъ павшій оплотъ съ 15 т. убитыхъ и то настроеніе, которое привело къ покорности Мервъ спустя 3 года. Несомнѣнно, что впечатлѣніе было усилено и допущеннымъ грабежомъ. Приемъ былъ жестокъ, онъ привелъ къ обогащенію одного, другого десятка хищниковъ, но онъ угнетающе подѣйствовалъ на психику туркменъ и способствовалъ прочности настроенія.

Я бесѣдовалъ съ Буджнурскимъ ханомъ какъ-то и на мой вопросъ: могутъ ли туркмены возстать противъ насъ, онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, не могутъ, они теперь будутъ вашими вѣрными слугами“. Позднѣе при Кушкѣ они доказали, что они дѣйствительно сдѣлались вѣрными слугами Россіи. Въ томъ бою погибъ мой знакомый туркменъ изъ рода Алиели изъ селенія Каахка Саидъ-Назаръ Юзъ-баши—мужчина колоссальнаго роста, пользовавшійся среди своихъ большимъ уваженіемъ. Онъ умеръ героемъ.

Жизнь туркменъ была построена на родовомъ началѣ. Текинцы дѣлились на 2 главныхъ рода—Тохтамышей и Утамышей, изъ которыхъ каждый подраздѣлялся на посредствующія группы. Власть, скорѣе представительство, находилась въ рукахъ наследственныхъ хановъ—у Мервскихъ текинцевъ, у Тохтамышей главою былъ Кара-Кули-ханъ, а у Утамышей—Сары-Сердаръ. Занимались отчасти земле-

дѣліемъ, разведеніемъ овецъ, верблюдовъ, тканьемъ ковровъ (женщины), а преимущественно разбоями. Каждое персидское селеніе, обыкновенно слабо защищенное, останавливало на себѣ жадное вниманіе туркменъ. Въ защиту отъ нихъ персидская деревня представляла всегда крѣпостцу (калу) въ формѣ квадрата съ глинобитными стѣнами, имѣлись одни ворота, которыя вечеромъ запирались на ночь и держался караулъ. Нападенія туркменъ совершались большею частью подъ утро; значительная партія ихъ подъ начальствомъ сардара внезапно появлялась, приставляла привезенныя лѣстницы и врывалась въ калу. Жители, способные къ работѣ, уводились въ плѣнъ, старики и дѣти избивались, а все цѣнное имущество увозилось. На базарахъ въ Хивѣ и Бухарѣ цѣна раба-перса доходила до 100 руб. и сбытъ имъ здѣсь былъ всегда надежный, а также и женщинамъ. При взятіи Хивы русскими въ 1873 году было освобождено до 60 т. рабовъ персіянъ и всѣ они были возвращены на родину. Жизнь сосѣднихъ персіянъ (въ Хоросанѣ живутъ собственно переселенные курды) протекала подъ вѣчнымъ страхомъ смерти, плѣна и всяческаго насилія; на пашняхъ тамъ и сямъ встрѣчались небольшія глиняныя защиты, гдѣ прятался вооруженный пахарь въ случаѣ внезапнаго нападенія днемъ во время работы; укрывшись туда и заваливъ изнутри низенькое входное отверстіе заранѣе приготовленнымъ камнемъ, онъ встрѣчаетъ нападеніе.

Персидское правительство, не располагавшее организованными военными силами, на своей окраинѣ, съ трудомъ защищалось отъ нападеній туркменъ; я встрѣтилъ по р. Кешефъ-руду по дорогѣ въ Мешхедъ длинную полосу разграбленныхъ и брошенныхъ селеній, хотя впереди находилась цѣлая оборонительная линія по Гери-руду съ крѣпостью Серахсомъ и фортами Доулетъ-абадъ, Наурузъ-абадъ и далѣе Зурабадъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія персіяне собрали значительныя силы и двинулись отъ Серакса къ Мерву, чтобы покорить туркменъ, но экспедиція потерпѣла полную неудачу: персидское войско было разбито, орудія отняты, обширный обозъ разграбленъ, а несчастные сарбазы частью перебиты, частью уведены въ плѣнъ. Послѣдующій промежутокъ времени въ 20 лѣтъ (съ момента пораженія персіянъ) по 1881 годъ туркмены безраздѣльно владычествовали на всемъ сѣверо-востокѣ Персіи. Паденіе Хивы было первымъ предупрежденіемъ для нихъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ плѣнъ къ туркменамъ попадали и русскіе; такъ въ 1881 году въ Мервѣ находился фейерверкеръ Кидяевъ, захваченный въ Туркестанѣ. Онъ жилъ на волѣ и пользовался любовью и довѣріемъ и занимался

врачеваніемъ. Мервцы требовали съ генерала Рерберга большой выкупъ за освобожденіе Кидяева, а ген. Рербергъ предложилъ имъ очень скромную сумму, полагая, что уплата большихъ денегъ подала бы только поводъ къ нападеніямъ для захвата плѣнныхъ; я впоследствии слышалъ, что Кидяевъ вскорѣ же былъ возвращенъ безъ всякаго вознагражденія.

Не часто, но все-таки попадали и туркмены въ плѣнъ къ персіанамъ и несли тогда по-истинѣ горькую участь. Въ Буджнурдѣ на перекресткѣ 2-хъ улицъ я видѣлъ сидящаго въ клѣткѣ туркмена Гоклана; большія желѣзные цѣпи шли отъ желѣзнаго ошейника на немъ къ рукамъ и ногамъ; онъ былъ почти голый съ всклокоченными волосами и ѣлъ то, что ему бросали. Другого, туркмена-Сарыка, я встрѣтилъ въ Серахсѣ, работъ у коменданта (сартипа). Тоже въ цѣпяхъ, онъ въ жаркую пору дня брызгалъ лопатою изъ канавы воду на траву, которою была закрыта задняя сторона глинянаго открытаго навѣса, въ которомъ мы сидѣли; вслѣдствіе жары и сухого воздуха, вода немедленно испарялась и температура подъ навѣсомъ сильно понижалась, такъ что въ знойный августовскій полдень, подъ широтою 36° здѣсь чувствовалась живительная прохлада; но видъ этого полуизмученнаго человѣка заставилъ меня обратиться съ просьбой прекратить его работу и увести отсюда.

Побѣда подъ Геокъ-тепе кореннымъ образомъ измѣнила складъ жизни въ оазисѣ. Воинъ-туркмень обратился въ землепашца и въ скотовода (въ пескахъ особенно хороши условія разведенія овецъ), а былая слава его подвиговъ сдѣлалась преданіемъ и сюжетомъ пѣсни; вздохнулъ и сосѣдъ персіянинъ, переставъ трепетать за свою жизнь и за жизнь своихъ близкихъ; вѣроятно на его нивахъ уже не встрѣчаются болѣе старыя конусообразныя глиняныя защиты для укрытія; онѣ сдѣлались ненужными, и ближайшее время уничтожило ихъ.

Въ началѣ августа я шелъ по Атеку, направляясь въ Серахсѣ; со мной шелъ небольшой грузъ инструментовъ на мулахъ, конвой изъ 10 человѣкъ казаковъ, переводчикъ и нѣсколько туркменъ. Караванъ тянулся гуськомъ съ небольшими промежутками. Направо, по направленію къ горамъ, въ разстояніи можетъ быть версты отъ дороги или менѣе, нѣсколько человѣкъ пахало землю; въ моментъ, когда мы подошли къ нимъ поближе, они съ крикомъ бросились по направленію къ намъ, подбѣжали сначала къ передовому казаку, потомъ къ слѣдующему, потомъ ко мнѣ, снова къ казаку и пр., всѣмъ намъ пожимали руки, оживленно и весело говорили что-то и нѣкоторые показывали на свою шею; переводчикъ передалъ такъ: „они говорятъ, что были рабами въ Хивѣ, что сидѣли въ желѣз-

ныхъ ошейникахъ тамъ, что русскіе ихъ освободили, и что они очень благодарны русскимъ“. Сцена была трогательная, — въ лицѣ нашемъ они приносили благодарность всѣмъ русскимъ.

Въ Асхабадѣ я не долго оставался по пріѣздѣ. Нужно было обратиться къ предстоявшимъ поѣздкамъ по Персіи. Цѣль поѣздки—опредѣленіе географическихъ координатъ различныхъ точекъ, т. е. широтъ и долготъ ихъ, для исправленія карты сѣверо-восточной Персіи. Широты опредѣлялись измѣреніемъ зенитныхъ разстояній Polaris и другой южной звѣзды на той же высотѣ; а разности долготъ перевозкою 6 столовыхъ хронометровъ и опредѣленіями времени по одной или по 2 парамъ соотвѣтственно выбранныхъ звѣздъ на востокъ и на западъ (тоже измѣреніемъ зенитныхъ разстояній). Дѣло это облегчалось тѣмъ, что какъ въ оазисѣ, такъ и въ сосѣдней Персіи всѣ дни и ночи были сплошь безоблачны, и это продолжалось май, іюнь, іюль, августъ и часть сентября (страна лѣтняго бездождія) и лишь въ концѣ сентября начали появляться облака и мѣшали наблюденіямъ, а ночи сдѣлались достаточно холодными.

Сборы были непродолжительныя—пріобрѣтеніе вьючныхъ животныхъ и сѣделъ не представило труда, такъ какъ въ это время нѣкоторыя учрежденія расформировывались, и имущество ихъ продавалось. Не безъ нѣкотораго тренія получилъ я отъ полковника А—аго назначенныхъ штабомъ мнѣ казаковъ; отъ него же я долженъ былъ получить и кормовыя для нихъ и фуражныя для ихъ лошадей, въ общемъ деньги довольно значительныя, вслѣдствіе поднятыхъ цѣнъ военнаго времени. Я къ нему зашелъ самъ, чтобы скорѣе подвинуть это дѣло, но оказывается, по словамъ полковника, что оно далеко не такъ просто, какъ мнѣ казалось, и что ему требуются какія-то справки и пр. Короче, онъ не даетъ мнѣ ни казаковъ, ни денегъ. Ничего не оставалось какъ уйти; уходя, я сказалъ ему, что пойду сейчасъ къ генералу Рербергу, доложу и попрошу его помощи. Не успѣлъ я сдѣлать десятка шаговъ, какъ я слышу: „Капитанъ, вернитесь, что вы такъ горячитесь? Это можно устроить“, и дѣйствительно черезъ какіе-нибудь $\frac{1}{2}$ часа я получилъ и казаковъ и деньги на нихъ. Просто, человекъ хотѣлъ поломаться и показать свою мнимую власть. Деньги казакамъ я выдавалъ на руки впередъ на мѣсяцъ, и они сами довольствовались и кормили своихъ лошадей; при дешевизнѣ въ Персіи и при высокихъ окладахъ кормовыхъ и фуражныхъ, у нихъ у cadaго, за 5 мѣсяцевъ поѣздки, получились крупныя сбереженія—до 200 р. и болѣе; особенно былъ дешевъ и хорошъ фуражъ—ячмень и сѣно изъ люцерны (сѣянной травы съ синенькими цвѣточками), но, несмотря на всю эту деше-

визну, казаки, какъ потомъ оказалось, не пренебрегали добывать сѣно еще болѣе дешевое, т. е. попросту воровать, но дѣлали это такъ искусно, что до меня не дошло ни одной жалобы.

Жара въ Асхабадѣ стояла большая, въ моей войлочной палаткѣ юламейкѣ (домовъ тогда не было тамъ) Реомюръ показывалъ 32,5°—стеариновая свѣча обтекала; воздухъ былъ удушливъ и неподвиженъ, и тучами носились назойливыя мухи; въ одежду и на кровать забирались иногда скорпионы—отвратительныя твари, воскового цвѣта, похожія на рака съ колѣнчатымъ хвостомъ; укусъ ихъ впрочемъ слабо ядовитъ (они тѣмъ болѣе ядовиты, чѣмъ жарче мѣсто, напр. въ Мурзукѣ, въ Африкѣ укушеніе ихъ смертельно), а по ночамъ по верху юламейки прыгали фаланги, уничтожавшія мухъ; въ довершеніе всего не разъ приползали въ юламейку небольшія земляныя черепахи, исчезавшія потомъ куда-то.

Скоро я выѣхалъ.

Первая поѣздка моя была въ Мамудъ-абадъ, центръ провинціи Дерегезъ съ владѣтелемъ Алаярь-ханомъ. Кстати сказать, колесныхъ дорогъ въ Персіи совершенно не было тогда, передвигаться нужно было верхомъ, а вещи перевозить вьюкомъ. Большая часть дня уходила на самый переѣздъ, въ среднемъ верстъ 35; въ серединѣ пути дѣлался привалъ съ кормомъ лошадей, а часа за 2 до захода солнца приходили на ночлегъ; сейчасъ же ставился инструментъ, и шли приготовленія къ ночнымъ наблюденіямъ, которыя продолжались часа 3—4, на слѣдующій день то же самое и такъ нѣсколько дней подъ рядъ, а затѣмъ нѣсколько дней отдыха и людямъ и лошадямъ. Была полная свобода передвиженій и наблюденій, безъ какихъ бы то ни было помѣхъ, короче—какъ у себя дома.

Алаярь-ханъ, человекъ уже пожилой, тщедушный, говорятъ, жестокій, принялъ меня очень любезно; мнѣ отвели его загородный домъ въ саду, съ очень красивымъ мѣстоположеніемъ. На другой день я свидѣлся съ Алаярь-ханомъ въ оффиціальной встрѣчѣ, въ присутствіи его приближенныхъ; онъ освѣдомился о моемъ здоровьѣ, пожалѣлъ о неудобствахъ пути, спросилъ, наконецъ, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь? Я ему отвѣтилъ, что у меня есть все, что мнѣ нужно, что на всѣ расходы я получаю деньги отъ Государя; это его удовлетворило; какъ-то онъ присутствовалъ при моихъ вечернихъ наблюденіяхъ и счелъ поэтому своимъ долгомъ прислать мнѣ на другой день стеариновыхъ свѣчей, кажется, 2 ф., но я поблагодарилъ и отклонилъ подарокъ.

Самый Мамудъ-абадъ, обнесенный глиняной стѣной, имѣлъ очень непривлекательный видъ—сѣрые однообразные заборы, окружавшіе

жилые, выходила на пыльные, узкія улицы, кажется, ни одного дерева въ городѣ и много нищихъ, самаго отвратительнаго вида.

Отсюда я поѣхалъ въ Кучанъ, слѣдующее сосѣднее ханство, самое богатое; это владѣнія Сюджа-доуле, полуразрушеннаго старика, ежедневно къ вечеру напивавшагося виномъ. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ подъ Геокъ-тепе, онъ вскорѣ явился съ поздравленіями и подарками; Скобелева уже не было — онъ былъ далеко впереди, а его принялъ бравый полковникъ А—ій; рассказывали, что, отдаривая въ свою очередь, онъ подарилъ Сюджа-доуле вещь, самую для него дорогую (по его словамъ)—башлыкъ или что-то въ этомъ родѣ, вышитый руками его покойной жены или любимой дочери—лучшаго онъ ничего не имѣлъ и потому рѣшилъ разстаться даже съ этой вещью, драгоценною по трогательнымъ воспоминаніямъ прошлаго. Не знаю, въ какой мѣрѣ оцѣнилъ Сюджа-доуле самопожертвованіе полковника и его подарокъ—эмблему; но ничего нѣтъ невѣроятнаго, что онъ былъ тронутъ, принимая даже и этотъ подарокъ изъ рукъ побѣдителя; ореолъ славы Скобелева и его доблестныхъ войскъ лежалъ на всемъ окружающемъ, не исключая и полковника.

Въ Кучанѣ я помѣстился въ абрикосовомъ саду хана, гдѣ для меня разбили прекрасную палатку. Вечеромъ явился Сюджа-доуле и затѣялъ большое торжество; казаки пѣли по его просьбѣ и онъ велѣлъ дать каждому изъ пѣвцовъ по золотой монетѣ; вечеръ заключился тѣмъ, что хана подняли, поставили на ноги и повели къ себѣ, поддерживая за обѣ руки. На другой день я двинулся на Буджнурдъ черезъ маленькій городокъ Ширванъ, принадлежавшій тоже Сюджа-доуле; здѣсь я испыталъ небольшое землетрясеніе; впоследствии, лѣтъ 10 спустя страшное землетрясеніе постигло самый Кучанъ—городъ былъ разрушенъ съ большими жертвами.

Кучанъ и Буджнурдъ принадлежатъ къ области верхняго Атрека, рѣки, впадающей послѣ длиннаго пути въ юго-восточную часть Каспійскаго моря. По нижнему и среднему теченію Атрека, отъ Чакишляра на Каспійскомъ морѣ, пролегала первоначальная наша коммуникаціонная линія въ оазисъ.

Обѣ провинціи чрезвычайно плодородны; сплошныя нивы дозрѣвавшаго хлѣба, во всю ширину долины, встрѣчалъ я при переѣздахъ; это дало возможность Скобелеву организовать здѣсь закупку необходимаго продовольствія для дѣйствовавшихъ войскъ (главнымъ образомъ зерна), и съ этой стороны надежно обезпечить успѣхъ дѣла. Замѣчу, что картофель тутъ былъ почти неизвѣстенъ.

Буджнурдскій ханъ, имени котораго не помню, производилъ

впечатлѣніе болѣе цивилизованнаго человѣка; въ рукахъ его я видѣлъ однажды глобусъ, и онъ мнѣ показалъ, приблизительно вѣрно, мѣсто его Буджнурда (глобусъ онъ получилъ въ подарокъ отъ какого-то заѣзжаго англичанина). Мнѣ онъ задалъ такой вопросъ: „Что вы за люди такіе, что убили своего Государя“?—Я ему сказалъ, что среди сотни милліоновъ русскихъ нашлась ничтожная шайка негодяевъ—изувѣровъ, которая и совершила это кровавое, позорное дѣло; но что конечно косвенно и на насъ на всѣхъ легла мрачная тѣнь этого ужаснаго преступленія, и отъ этого чувства нельзя отдѣлаться!—большинство убійцъ были русскіе, а мы всѣ не сумѣли предотвратить злодѣянія (не даромъ же вотъ и ханъ началъ словами: „Что вы за люди...“). Память злодѣевъ для насъ презрѣнна, и народъ уничтожилъ бы ихъ, если бы ихъ отдали на его судъ. Переводчикъ мой, молодой армянинъ съ Кавказа, былъ человѣкъ порядочный самъ по себѣ, но плохо говорившій по-русски и вообще невѣжественный, возможно, что и по-туркменски (турецки) онъ говорилъ не лучше, и всѣ объясненія съ ханами были крайне затруднительны въ случаяхъ, когда рѣчь шла о понятіяхъ общихъ, отвлеченныхъ, выходявшихъ изъ ряда обыденности; приходилось ему втолковывать, и все-таки онъ перевиралъ меня, вѣроятно, такъ же какъ передавалъ невѣрно смыслъ фразъ хана; но даже и при вѣрной передачѣ, во всякомъ случаѣ, духъ живой фразы пропадалъ, а оставался только ея скелетъ, воспринятый человѣкомъ, не привыкшимъ разбираться въ разныхъ отвлеченныхъ тонкостяхъ. Объясняясь черезъ переводчика, приходилось понижаться до уровня его пониманія. Въ Буджнурдѣ я встрѣтился съ учителемъ дѣтей хана, выходцемъ изъ Египта; отсюда онъ вынесъ слабое знаніе французскаго языка съ ужаснѣйшимъ выговоромъ, онъ произноситъ, напр., *an раи* вмѣсто *un реи* (немного); вообще надо было очень внимательно прислушиваться, чтобы уловить смыслъ его фразы, а къ этому же и самъ я былъ не силенъ во французской рѣчи и разговаривая намъ къ несчастію почти не пришлось. Онъ обучалъ дѣтей хана въ числѣ разныхъ предметовъ и французскому языку и получалъ ничтожное вознагражденіе. Кстати замѣчу, что знаніе французскаго языка среди персидскихъ властей не исключительная рѣдкость; знаніе же другихъ европейскихъ языковъ отсутствуетъ совершенно.

Поѣздка въ Серахсъ.

Возвращаясь изъ Буджнурда въ Мамудъ-абадъ, я узналъ, что у генерала Рерберга въ Асхабадѣ находится депутація независимыхъ

тедженскихъ туркменъ, явившаяся съ покорностію и съ предложеніемъ подданства власти Россіи. Я рѣшилъ воспользоваться этою депутаціей, какъ охраной, для своей поѣздки въ Серахсъ. Путь пролегалъ по Атреку, гдѣ не ступала нога европейца (думаю, что не ошибаюсь въ этомъ); рѣдкія поселенія туркменъ по дорогѣ были враждебны, а все пространство находилось во власти разбойничьихъ мервскихъ шаекъ. Депутація была малочисленна и матеріально конечно не могла меня особенно усилить, но, своимъ присутствіемъ, въ составѣ конвоя, она давала мнѣ нравственную поддержку; это была своего рода страховка безопасности—за нашу неудачу отвѣтило бы все населеніе тедженскихъ туркменъ.

По пріѣздѣ въ Мамудъ-абадъ я немедленно отправилъ съ казакомъ донесеніе въ Асхабадъ къ генералу Рербергу съ просьбой поручить прибывшимъ туркменамъ проводить меня въ Серахсъ, а также прислать ко мнѣ офицера для производства глазомѣрной съемки пути.

Ждать мнѣ пришлось недолго—кажется, на третій день къ вечеру пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Мамудъ-абадъ офицеръ и говоритъ, что онъ командированъ генераломъ Рербергомъ сопутствовать мнѣ для производства съемки, что экспедиція туркменъ приказано меня сопровождать до Серахса, и что она уже выѣхала и завтра будетъ въ Лютфабадѣ, въ 20 верстахъ отъ Мамудъ-абада. Въ первый моментъ, когда я услышалъ все это, я былъ безконечно счастливъ и встрѣтилъ этого офицера какъ родного; картины предстоявшей поѣздки, полной приключеній, возникали въ моей головѣ; временами казалось, что это только мечта, но присутствіе рядомъ со мной посторонняго спокойнаго офицера убѣждало, что это дѣйствительность, и я снова чувствовалъ приливъ высокой радости.

Лютфабадъ лежитъ на кратчайшемъ пути въ Серахсъ, и мнѣ завтра предстояло тоже двинуться туда, чтобы, встрѣтившись съ туркменами, продолжать путь далѣе. Я отдалъ соотвѣтственныя распоряженія по своей маленькой казачьей командѣ и отправился произвести необходимыя начальныя наблюденія. По окончаніи ихъ нужно было лечь спать скорѣе, такъ какъ завтра предстоялъ ранній выходъ, но сонъ бѣжалъ отъ глазъ и одна греза смѣняла другую.

Переѣздъ въ Лютфабадъ занялъ часовъ 5, и къ 11 часамъ я былъ на мѣстѣ, въ помѣщеніи сына Алаяръ-хана, посаженнаго отцомъ правителемъ Лютфабада. Туркмены были здѣсь. Это были: Ходжа-Кули-ханъ, невзрачный, тихій, пожилой человекъ и Овась-Сердаръ, тоже не молодой, но полный жизни, тучный, шумно-говорливый ве-

ликанъ; остальныхъ было человѣка 4, но это были лица второстепенныя, частью слуги; одного изъ этихъ послѣднихъ, Акъ-Мурата, я взялъ вскорѣ къ себѣ въ услуженіе за 30 р. въ мѣсяць въ качествѣ проводника.

У туркменъ оказались подарки генерала Рерберга, напр. халаты, часы и др. Овась-Сердаръ успѣлъ уже испортить часы и очень настойчиво просилъ меня, чтобы я ему ихъ поправилъ, но я былъ не въ силахъ сдѣлать это. Часы для него были забавной и отчасти цѣнной игрушкой, а сами по себѣ, какъ указатель времени, совершенно ему были не нужны. Солнце на небѣ и собственныя ощущенія достаточно точно указывали ему, что ему дѣлать—чувство голода призывало его къ ѣдѣ, и онъ тогда весь отдавался этому занятію, ѣлъ до отвала, а въ заключеніе говорилъ: „баста“. (Такимъ образомъ употребительное нынѣ слово забастовка туркмено-турецкаго корня); также онъ отдавался и сну; вообще никакихъ ограниченій, никакихъ рамокъ. Можетъ быть, несложныя хлопоты по хозяйству, изрѣдка болѣзнь, заботы о молодой женѣ приносили и ему тревоги, являясь небольшими темными пятнами на ясномъ фонѣ его безмятежнаго настроенія; но во всякомъ случаѣ пятна эти скоро исчезали, и стоялъ онъ снова здоровый, могучій съ видомъ полной удовлетворенности.

Я обратился къ нимъ съ привѣтомъ, сказалъ, что мужество и храбрость ихъ извѣстны всѣмъ и вызываютъ удивленіе, что я самъ, если бы не былъ русскимъ, хотѣлъ бы сдѣлаться туркменомъ и пр. Было рѣшено на слѣдующій день утромъ выѣхать, но они дали мнѣ замѣтить, что порученіе генерала Рерберга было для нихъ неожиданно и совершенно не отвѣчало ихъ желаніямъ. Этотъ разговоръ я не продолжалъ и предложилъ имъ чаю. Остатокъ дня мы провели отдѣльно, а вечеромъ я занялся наблюденіями въ Лютфабадѣ.

Первый день пути прошелъ, какъ проходили всѣ дни и раньше въ путешествіяхъ по Персіи, т. е. была сдѣлана сперва часть перехода (версть 15), затѣмъ остановились на 2-хъ часовой привалъ и наконецъ прошли остальную часть до мѣста ночлега и наблюденій. Я и казаки помѣстились въ *tente-abri*, а туркмены въ калѣ у своихъ пріятелей. Инструментъ стоялъ на мѣстѣ, и я выжидалъ сумерекъ, чтобы начать наблюденія. Подходить переводчикъ и заявляетъ, что пришелъ по порученію туркменъ передать мнѣ ихъ требованіе-ультиматумъ: ежедневно я долженъ выдавать на продовольствіе Ходжа-Кули-хану и Овась-Сердару каждому по 3 рубля, а если я откажусь это сдѣлать, то они меня покинутъ. Ничего не

оставалось, какъ согласиться. Они сдѣлали подсчетъ своихъ силъ и нашихъ и пришли къ выводу, благопріятному для себя, почему и предъявили такое требованіе, а я, уступивъ имъ, какъ бы тѣмъ призналъ, что оцѣнка силъ была сдѣлана ими правильно. Расходъ денегъ на удовлетвореніе ихъ требованія былъ въ сущности не великъ, не болѣе 50 р. за 8 дней пути, но форма требованія была обидно-безцеремонна. Ночь прошла безъ всякихъ приключеній, держался 2-мя смѣнными казаками строгій караулъ. Настало ясное утро, и мы тронулись въ путь. На привалѣ произошелъ инцидентъ довольно глупаго свойства и по моей винѣ, вслѣдствіе моей уступчивости. Приходитъ изъ калы большая толпа туркменъ, предводимая Сердаромъ, и требуетъ, чтобы я ихъ рассудилъ (случай какого-то довольно сложнаго воровства); я рѣшительно отказывался отъ роли судьи, говоря, что я занятъ совершенно другимъ дѣломъ, что у меня нѣтъ опыта, что у насъ другіе законы, но Сердаръ твердилъ свое и началъ опять угрожать—что не поѣдетъ со мной, если я не исполню ихъ просьбы, и я имѣлъ слабость уступить; и вотъ начинается сумбуръ безтолковаго судилища, а самъ я очутился вполнѣ беспомощнымъ; къ счастью все это кончилось ничѣмъ, и мы благополучно добрались до ночлега.

Вечеръ проходилъ обычнымъ порядкомъ, т. е. я наблюдалъ и въ свободныя минуты въ ожиданіи появленія той или другой нужной звѣзды, пилъ чай. Пилъ и Сердаръ въ калѣ свой гекъ-чай и надумалъ, что ему будетъ гораздо покойнѣе выступать съ ночлега не одновременно со мной, а позднѣе и догонять меня на привалѣ, пользуясь разностью нашихъ ходовъ—его быстрого прохода (скорѣе чѣмъ шагъ) и моего караваннаго шага; съ этимъ предложеніемъ явился переводчикъ. Хотя при новомъ порядкѣ движенія охрана временами прерывалась, но я не могъ не согласиться и не уступить. Переводчикъ такъ началъ: „Сердаръ говоритъ, что вы идете тихо, а конь его идетъ скоро, и ему тяжело съ вами идти и т. д. „Вся суть была, конечно, въ томъ, что Сердаръ, учитывая силы, считалъ господиномъ положенія самого себя и предъявлялъ одно требованіе за другимъ. Такъ на другой мы и вышли одни, а туркмены догнали насъ только на привалѣ. Цѣны на продукты и на фуражъ чувствительно поднялись въ пути, можетъ быть, въ два или три раза. Для меня это послужило опредѣленнымъ указаніемъ на недрожелюбное настроеніе придорожныхъ туркменъ и съ этой стороны меня потревожило. Казаки тоже насторожились—это было замѣтно и по ихъ строгому виду и по тишинѣ, царствовавшей на бивакѣ; трудно, конечно, сказать, что происходило въ это время въ казачьей душѣ, но я думаю, что матеріальная потеря (переплата

нѣсколькихъ рублей) сыграла тоже не послѣднюю роль въ ихъ самочувствіи. Молча, безъ шутокъ и смѣха поднялись и пошли дальше. Путь тотъ же—сплошная равнина и впереди и слѣва горизонтъ совершенно открытъ, а направо высокія горы Келата. Тонкой ниткой вытянулся караванъ и ступаетъ безмолвно; дѣлается по видимому все то же, что и раньше, но только съ какою-то оглядкой, чтобы не нарушить грустно-тяжелое чувство, овладѣвшее всѣми; я думаю, что таково бываетъ настроеніе похоронной процессіи.

Я крикнулъ, чтобы выѣхали пѣсельники впередъ и, кажется, предугадалъ тѣмъ общее желаніе, и громкая пѣсня огласила неподвижный воздухъ. Бодрящіе звуки стройнаго хора призывали къ единенію, къ взаимной выручкѣ, и маленькій отрядъ ожилъ и сдѣлался неузнаваемымъ. Пѣсня лилась почти безъ перерыва, и съ нею мы подошли къ мѣсту ночлега, къ большому селенію Душакъ, когда уже вечерѣло, и на верхушкахъ Келатскихъ горъ лежали слабо окрашенныя розовыя тѣни.

Высыпавшія кучки туркменъ окружили мѣсто нашего бивака четвертымъ кольцомъ зрителей, молчаливыхъ, упорно и недружелюбно смотрѣвшихъ. Такъ они сидѣли долго, пока совершенно не стемнѣло, а потомъ понемногу начали расходиться. Я тогда приступилъ къ наблюденіямъ; ночь прошла тихо, а утромъ вышли дальше. Дошли и до привала, напились чаю ¹⁾, накормили и напоили лошадей, а туркменъ все нѣтъ; я велѣлъ вьючить лошадей, чтобы идти дальше, какъ Акъ-Муратъ, вглядываясь вдаль въ едва замѣтныя точки на горизонтѣ, сказалъ: „вонъ ѣдетъ Сердаръ, его надо подождать, а то будетъ сердиться“. Часть каравана я все-таки отправилъ впередъ, а остался самъ, оставилъ мула съ принадлежностями для чая, переводчика и двухъ или трехъ казаковъ. Подѣзжаетъ Сердаръ съ видомъ страшно недовольнымъ; снимаетъ сапогъ и показываетъ мнѣ на ногѣ слабо стертое мѣсто, переводчикъ передаетъ: „Сердаръ говоритъ, что это все черезъ васъ, что онъ очень сердитъ“. „Пусть пьетъ чай“, сказалъ я. Онъ отказывается отъ чая, ругается еще. Я почувствовалъ, что именно теперь рѣшается вопросъ—попаду ли я въ Серахсъ, или нѣтъ. Я подхожу къ Сердару, зову переводчика и говорю такъ: „скажи ему, что онъ с...нъ сынъ“. Переводчикъ широко раскрылъ глаза и молчалъ. Я крикнулъ: „говори же“. Наконецъ сказано. Сердаръ быстро встаетъ и надѣваетъ сапогъ. „Говори ему теперь“,—продолжаю я,— „если онъ думаетъ, что я его боюсь, то пусть знаетъ, что жизнь

¹⁾ Въ жару въ походѣ чай драгоцѣнное, не замѣнимое средство утолить жажду и подкрѣпить силы.

миѣ не дорога, и вспомнить, что у насъ есть 10 берданокъ и на каждую берданку ляжетъ 10 негодяевъ“. Передано. Тонъ моего голоса—рѣзкій, повелительный и слова, не оставлявшія сомнѣнiя, произвели волшебное дѣйствiе. Сердаръ, забывъ про боль въ ногѣ, бросился къ моей лошади и, держа стремя, сказалъ: „садись, баяръ, я твой слуга“.

Это былъ дѣйствительно счастливый моментъ, въ который и рѣшилась судьба поѣздки. Всѣ поняли и я, и Сердаръ, казаки и туркмены, что съ этого мгновенiя господиномъ положенiя сдѣлался я, а туркмены съ Сердаромъ—покорными нашими слугами. Выигрываетъ тотъ, кто стоитъ за себя до послѣдняго. Я предложилъ Сердару все-таки выпить чаю, но онъ отказался, и мы тронулись. Казаки шли съ лѣснею, и смѣлое настроенiе неизмѣнно царило въ маленькой командѣ.

Сердаръ и нѣсколько туркменъ отдѣлились отъ насъ и взяли вправо, ближе къ горамъ.

Немного позднѣе Акъ-Муратъ обратилъ мое вниманiе на нихъ, „фазановъ ловятъ“,—сказалъ Акъ-Муратъ. Мы увидѣли, что туркмены неслись карьеромъ, затѣмъ остановились, слѣзли съ лошадей, помѣшкали, снова сѣли и поѣхали въ нашу сторону.

Дѣло же происходило у нихъ такъ: они подняли фазановъ и понеслись за ними, отставая отъ нихъ сначала; но фазаны летятъ недолго и скоро опускаются, а въ это время подскакиваютъ туркмены; фазаны поднялись снова, и погоня продолжалась; перелеты усталыхъ фазановъ дѣлались все короче и короче и, наконецъ, обезсиленные, они были уже не въ состоянiи больше летѣть и ихъ взяли живыми прямо руками. Сердаръ миѣ вручилъ собственно-ручно 2-хъ живыхъ фазановъ.

Ночлегъ былъ въ Меана, гдѣ мы расположились совершенно спокойно; ночью наблюдалъ. На другой день былъ сдѣланъ небольшой переходъ въ Чаача, куда мы пришли, вѣроятно, до 12-ти часовъ. Отсюда до Серакса оставался только одинъ переходъ, верстъ въ 60, безводный. Ночью наблюдалъ; блестящiя, мѣдныя части инструмента привлекали вниманiе туркменъ, они думали, что это золото—я часто слышалъ произносимое ими слово „Кизылъ“, что значитъ золото и красный. Утромъ запаслись водою и вышли—переходъ нужно было сдѣлать въ одинъ день. На привалѣ сварили чай, а остатокъ воды отдали лошадямъ, каждой пришлось по кастрюлѣ средней величины, и вышли, чтобы сдѣлать послѣднiй полупереходъ.

Тяжело было идти—устали и люди и лошади. Насталъ вечеръ, вечеръ смѣнился ночью, а мы все шли. Ночь была темная, хотя

небо было безоблачное, какъ всегда. Сердаръ указалъ рукою направление на Серахсъ, а опредѣлилъ по Полярной на глазъ азимуть этого направленія—Ю.-З-ый градусовъ 30°. Я самъ повелъ партію, оглядываясь временами назадъ на Полярную, а Сердаръ отказался вести, сказавъ, что онъ не былъ здѣсь лѣтъ 15 и можетъ заблудиться. Замѣчу здѣсь, что туркмены, какъ степняки, отлично знакомы съ суточнымъ движеніемъ звѣздъ. Они прекрасно знаютъ Полярную, считаютъ ее неподвижною и называютъ ее Темиръ-Казыкъ, что значитъ желѣзный колъ, затѣмъ сказаніе ихъ говоритъ такъ: къ этому желѣзному колу привязаны 2 лошади—Акъ-бузатъ и Кекъ-бузатъ (бѣлая и буланая лошади) двѣ яркія звѣзды Малой Медвѣдицы β и γ ; а 7 братьевъ разбойниковъ (7 яркихъ звѣздъ Большой Медвѣдицы) хотятъ украсть этихъ 2-хъ лошадей, но это имъ не удастся—такъ крѣпко тѣ привязаны къ желѣзному колу. Оригинальная фантазія, созданная народомъ-хищникомъ. Мы шли подъ конецъ дороги, но къ счастью мѣсто было вездѣ одинаково ровное, безъ малѣйшихъ препятствій. Ночь была глубокая, чувствовался даже предразсвѣтный холодокъ, а мы все шли и въ упоръ наткнулись на Серахсъ.

Какъ вѣрно дано было значить направленіе! На крѣпостныхъ стѣнахъ замелькали огни, послышались крики. Тогда только, вглядываясь въ пространство передъ собою, я сталъ отличать неопредѣленную темную массу, еще болѣе темную, чѣмъ была сама ночь. Я подѣхалъ съ переводчикомъ ближе къ стѣнѣ въ направленіи къ виднѣвшемуся на верху фонарю; оттуда послышались крики, чтобы мы не подѣзжали близко, а то будутъ стрѣлять; я остановился, а переводчикъ подѣхалъ ближе. Переговоры ни къ чему не привели, въ крѣпости полагали, что пришли туркмены, чтобы ограбить. Что было дѣлать? Я призвалъ Сердара на совѣтъ и предложилъ ему отойти отъ крѣпости и ждать разсвѣта, до котораго оставалось очень не долго; но Сердаръ, старый степной волкъ, сказалъ, что этого отнюдь не слѣдуетъ дѣлать—что персіане сами нападутъ, рассчитывая на нашу слабость, что, напротивъ, нужно подойти къ воротамъ и начать переговоры. Мы такъ и сдѣлали. Все населеніе крѣпости было на ногахъ. Сквозь большія предольныя щели массивныхъ воротъ видны были сарбазы, заряжавшіе съ дула свои ружья. Сверху, изъ выступа стѣны на насъ глядѣло нѣсколько паръ глазъ, и оттуда кричали: „пришли на алламанъ“, т. е. пришли грабить—они видѣли папахи туркменъ и казаковъ и убѣждались въ своемъ предположеніи. Ворота не отпирали, говорили, что отпереть сами они не могутъ или, вѣрнѣе, не имѣютъ права, что сартицъ въ Мешедѣ, а сынъ его въ банѣ. Наконецъ

убѣдились, вѣроятно, что страхи ихъ были напрасны, отворили ворота и провели меня въ какое-то помѣшеніе.

Настало утро. Я былъ помѣщенъ въ какой-то глиняной полуоткрытой постройкѣ, устланной коврами. Вблизи была крѣпостная стѣна, именно одинъ изъ исходящихъ угловъ ея.

Явился сынъ сартипа, человекъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, и очень любезный. Послѣ всякихъ ненужныхъ разговоровъ, которые однако считаются обязательными, въ родѣ освѣдомленія о моемъ здоровьѣ, онъ предложилъ мнѣ взойти на барбетъ въ исходящемъ углу, гдѣ открыто стояло мѣдное орудіе, примѣрно 4-хъ ф. калибра; продѣланы были приемы заряжанія орудія артистически, въ особенности прекрасно дѣйствовалъ номеръ съ банникомъ. Орудіе заряжалось съ дула; помѣстили на мѣсто зарядъ и снарядъ и выстрѣлили передъ собою; въ общемъ, конечно, это было не особенно смертоносное орудіе, но даже и такихъ орудій было немного на вооруженіи Серахса. Не успѣли мы возвратиться назадъ, какъ насъ привѣтствовалъ хоръ трубачей, но я плохой цѣнитель музыки и былъ не въ состояніи отнестись къ разыгрываемому произведенію съ тѣмъ вниманіемъ, какого оно заслуживало; помню, что я былъ очень радъ, когда трубачи ушли.

Серахсъ, какъ крѣпость, имѣлъ ничтожное значеніе, развѣ только какъ оплотъ противъ туркменъ; стѣны изъ сбитой глины, толщиной до сажени, могли быть совершенно срыты 9 фун. старыми орудіями, передъ стѣною, кажется, не было даже рва, а стѣна въ планѣ представляла рядъ входящихъ и исходящихъ частей; съ внутренней стороны шелъ непрерывный банкетъ.

Окрестные туркмены держали Серахсъ въ постоянной осадѣ—отобьютъ у сартипа стадо барановъ, а потомъ ему же и продадутъ ихъ. Защитники Серахса, сарбазы, вызывали во мнѣ преимущественное чувство жалости; я зналъ, что эти люди были оторваны отъ далекой родины и заброшены въ постылый Серахсъ на томительное, безотрадное существованіе. Нерѣдко между ними попадались и старики. Днемъ бывалъ моментъ (мнѣ такъ говорили), когда весь жалкій гарнизонъ предавался куренію терьяка (опіумъ) и впадалъ въ забытье и галлюцинировалъ. Дѣйствительность была такъ жалка, а грезы были такъ прекрасны, что отъ бѣднаго сарбаза требовались нечеловѣческія усилія, чтобы противостоятъ искушенію уйти изъ этой жалкой дѣйствительности и не предаться грезамъ. Въ Серахсѣ я пробылъ 2 дня; къ вечеру перваго дня собрались въ обратный путь Ходжа-Кули-ханъ и Овасъ-Сердаръ. Вели они себя здѣсь очень скромно. Сердаръ просилъ меня, чтобы я обезпечилъ ему беспрепятственный отъѣздъ домой на Тедженъ. „Персіане плохой народъ“.

прибавлялъ онъ тихо: „видя малочисленность нашу, они на насъ нападутъ“. Я обратился къ сыну сартипа и просилъ его самого успокоить на этотъ счетъ Сердара. Разстались добромъ. Акъ-Мурать остался у меня.

Обѣ ночи я наблюдалъ; сейчасъ же послѣ наблюденій второй ночи мы вышли изъ Серакса на Мешхедъ. Меня сопровождалъ до перваго ночлега сынъ сартипа; онъ же настоялъ на выходѣ ночью, желая вѣроятно избѣгнуть дневной жары, хотя это противорѣчило и желанію моему и обыкновенію—идти днемъ и оставаться на мѣстѣ ночью.

За всѣ любезности сына сартипа, я, къ несчастію, не имѣлъ ни малѣйшей возможности чѣмъ-нибудь его отдарить: со мной не было ни одной порядочной вещи, которую можно бы было оставить ему на память. Дальнѣйшій путь пролегалъ долиною Кешефъ-руда, вѣроятно одною изъ историческихъ дорогъ; вода въ рѣкѣ солоноватая. Здѣсь лежала та полоса разграбленныхъ и покинутыхъ селъ, о которой я упоминалъ ранѣе. Ближе къ Мешхеду стали попадаться жилыя мѣста.

Переводчикъ какъ-то передалъ мнѣ, что попутные персіане спрашивали Акъ-Мурада про меня—молюсь ли я Богу? „Должно быть, что молится“, отвѣтилъ Акъ-Мурадъ, „я видѣлъ, какъ онъ на солнце смотреть часто“.—„А не ѣсть ли онъ змѣй?“ спросили персіане.—„Утвердительно сказать не могу, не видѣлъ“, отвѣтилъ Акъ-Мурадъ.

Къ Мешхеду я подходилъ часовъ въ 11.

Издали были видны зеленыя живописныя кущи садовъ, на которыхъ отдыхалъ глазъ послѣ вида желтыхъ, мертвенно-печальныхъ горъ, окаймлявшихъ долину. Надъ зеленью возвышался, блестящей яркимъ золотомъ, шаровой куполъ храма Имамъ-Ризы. Четыре гигантскія свѣчи окружали храмъ, онѣ горѣли яснымъ, колеблющимся пламенемъ, воздухъ надъ ними рѣялъ и поднимался къ небу. Видъ былъ чарующій, а впечатлѣніе отчетливо реально. Я не сомнѣваюсь, что душа правовѣрнаго должна испытывать высокое молитвенное настроеніе при видѣ этого необыкновеннаго зрѣлища. Но это были не четыре горѣвшія свѣчи, а четыре минарета съ золочеными головами, тонкіе, изящно-вытянутые вверхъ; я не могу отчетливо разобратъ въ этомъ свѣтовомъ эффектѣ. Несомнѣнно, что солнце нагрѣвало золоченые верхи минаретовъ, отъ нихъ нагрѣвался прилегающій воздухъ и колеблясь поднимался къ верху.

Въ Мешхедѣ я остановился въ домѣ нашего консула г. Насарбекова, татарина, уроженца Кавказа. Я пробылъ у него сутки, а затѣмъ перебрался за городъ и расположился въ палаткѣ: всегда и вездѣ я предпочитаю останавливаться у самого себя, т. к. здѣсь мнѣ было удобнѣе наблюдать, а главное—была возможность связаться съ

куполомъ Имамъ-Ризы. Мѣсто вокругъ храма (тутъ же находится главная торговля) считается, по словамъ Насарбекова, запретнымъ, куда немусульмане входить не могутъ. Улицы, по которымъ я проѣзжалъ, были почти пустыньны, жилые дома не выходятъ на улицу, они скрыты высокими глиняными стѣнами, между которыми, какъ корридоръ, пролегаетъ улица. Незадолго до моего приѣзда прибылъ въ Мешхедъ на сотняхъ муловъ новый правитель Хоросана Сапехъ-Соляръ-садразамъ, смѣнившій брата шаха (Шахъ-Заде), человѣкъ европейски образованный, первый сановникъ Персiи, ѣздившій въ Петербургъ поздравлять отъ имени шаха Государя Александра III-го со вступленіемъ на престолъ. Кажется, что онъ попалъ въ немилость и посланъ былъ въ почетную ссылку.

Насарбековъ былъ противъ того, чтобы я представлялся Сапехъ-Соляру, а я особенно на этомъ не настаивалъ и уѣхалъ отсюда, не видѣвъ его. Спустя мѣсяцъ или можетъ быть два, я узналъ въ Асхабадѣ, что Сапехъ-Соляра уже нѣтъ болѣе въ живыхъ—его отравили. Было ли это дѣло муллъ, которыхъ потревожилъ Сапехъ-Соляръ, желая установить отчетность по расходу суммъ храма Имамъ-Ризы или таково было приказаніе изъ Тегерана, я не знаю. Онъ былъ отравленъ въ Келатѣ, при объѣздѣ провинцій.

Для мусульманъ-шіитовъ Мешхедъ—святыня; паломники прибываютъ сюда издалека; всякій побывавшій въ Мешхедѣ можетъ прибавить къ своему имени названіе „Мешады“.

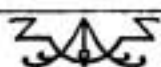
Невдалекѣ отъ Мешхеда находятся раскопки бирюзы на древнихъ кладбищахъ. Новая бирюза (ени маденъ) зеленовато-голубого цвѣта, плоская, очень дешева; старая бирюза (ески маденъ) темно-голубого цвѣта и высокой формы, очень дорога.

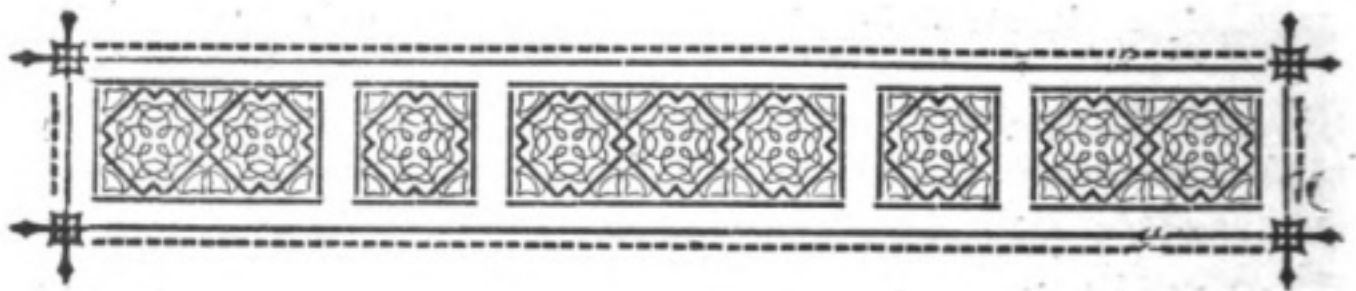
Я до сихъ поръ ни слова не сказалъ о моемъ спутникѣ офицерѣ Ставропольскаго полка Л—въ; это былъ, спокойный человѣкъ, не расположенный къ изліяніямъ, и мы дѣлали каждый свое дѣло, мѣшая другъ другу. Свою работу онъ отвезъ въ штабъ. Я не могу не сказать въ заключеніе, что успѣхомъ своей поѣздки въ Серахсъ я цѣликомъ обязанъ снисходительному ко мнѣ расположенію и содѣйствію во всемъ командующаго войсками П. Θ. Рерберга.

Изъ Мешхеда я вернулся въ Мамудъ-абадъ, а затѣмъ въ Асхабадъ. Потомъ сдѣлалъ еще нѣсколько рейсовъ по оазису и поѣхалъ черезъ Красноводскъ, Баку обратно въ Тифлисъ, куда прибылъ 13 декабря.

П. Гладышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новгородское ополченіе 1812 года и памятникъ ему въ Новгородѣ.

---

6 іюля 1812 года Императоръ Александръ I манифестомъ объявилъ своимъ вѣрноподаннымъ:

„Непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестию въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска наши, кипяція мужествомъ попать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разnodержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе наше воинство, полагаемъ мы за необходимо нужное: собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподаннымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній.

Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ

его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій Синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи; народъ Русской! храброе постоянство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремившихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и со оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

„Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ, предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными, и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель“.

Услыхавъ царскій призывъ на защиту родины, новгородцы „всякаго чина и званія“ единодушно поднялись на „супостата“ и въ одинъ мѣсяць собрали ополченіе въ 20.000, при чемъ всѣ хлопоты по составленію ополченія и его содержаніе приняли на себя дворяне, а купцы пожертвовали 200.000 рублей на военныя нужды.

Ополченіе состояло изъ 4 бригадъ, въ 1813 году переформированныхъ въ 2 бригады, 12 дружинъ и 48 сотенъ, или изъ 27 штабъ-офицеровъ, 244 оберъ-офицеровъ, 681 урядника, 94 барабанщика и 9.747 солдатъ, изъ которыхъ 9.440 были строевые, и 307 нестроевые, и 43 писаря; кромѣ того, при ополченіи еще были 4 священника, 4 причетника, 3 врача и 2 фельдшера.

„Губернскимъ начальникомъ новгородскаго ополченія“ былъ избранъ генераль-отъ-инфантеріи, Николай Сергѣевичъ Свѣчинъ, а „командующимъ ополченіемъ“—генераль-маіоръ и камергеръ, Александръ Алексѣевичъ Жеребцовъ.

Какъ только ополченіе было составлено, оно немедленно выступило въ походъ и, прибывъ въ дѣйствующую армію, вошло въ составъ корпуса графа Витгенштейна, съ которымъ и было во всѣхъ дѣлахъ и сраженіяхъ. Особенно отличилось Новгородское ополченіе при взятіи города Полоцка и затѣмъ въ наступательномъ движеніи корпуса графа Витгенштейна по лѣвому берегу рѣки Двины при осадѣ и взятіи города Данцига.

Изумительное мужество и храбрость новгородскаго ополченія засвидѣтельствовано самимъ Императоромъ Александромъ I въ „Указѣ Сенату, объ освобожденіи отъ службы ополченій: С.-Петербургскаго, Новгородскаго, Ярославскаго, Тульскаго и Калужскаго и о роспускѣ оныхъ по домамъ 22 января 1814 года“ такого содержанія:

„Безпрерывная цѣпь побѣдъ, въ кампанію 1813 года одержан-

ныхъ надъ непріятелемъ, привела союзныя арміи въ нѣдра уже самой Франціи, и многія знаменитыя крѣпости, составлявшія твердую защиту его, уступили храбрости, мужеству и терпѣнію побѣдоносныхъ войскъ Россійскихъ.

Такъ покоренъ нынѣ послѣ годичнаго упорнаго сопротивленія и Данцигъ, при осадѣ коего столь много разъ отличало себя ополченіе, на защиту отечества въ 1812 году возставшее. Принеся благодареніе Всевышнему, покровительствующему оружіе наше и правое дѣло, мы не считаемъ болѣе нужнымъ послѣ успѣховъ таковыхъ удерживать на службѣ ополченія: С.-Петербургское, Новгородское, Ярославское, Тульское и Калужское, и потому, исполняя обѣщаніе наше, повелѣваемъ распустить оное по домамъ.

Изъявляя отъ лица признательнаго отечества благодарность всѣмъ чинамъ ополченія сего за ревность и усердіе, съ каковымъ продолжали они временную службу, мы желаемъ, чтобы воины, приобрѣвшіе славу на полѣ чести, наслаждались оною среди семействъ своихъ въ полномъ спокойствіи и обратили себя по-прежнему на труды и промыселъ мирныхъ гражданъ". Въ то же время Императоръ написалъ рескриптъ командирующему Новгородскимъ ополченіемъ о роспускѣ послѣдняго, удивительный по своей отеческой заботливости, такого содержанія:

Командующему Новгородскимъ ополченіемъ.

„Съ покореніемъ Данцига, призналъ я нужнымъ распустить по домамъ ополченіе, перенесшее въ осадномъ корпусѣ необыкновенныя труды и неоднократно оказавшее мужество и храбрость въ дѣлахъ съ непріятелемъ, во изъявленіе же особеннаго благоволенія моего, приказалъ выдать при семъ случаѣ нижнимъ чинамъ не въ зачетъ жалованья по пяти рублей на человѣка единовременнаго награжденія.

Въ дополненіе тѣхъ наставленій, кои получите вы отъ мѣстнаго начальства, въ особенную обязанность и отвѣтственность вашу поставляю сбереженіе въ пути людей, такъ усердно защищавшихъ Отечество, и потому Я повелѣваю вамъ:

1-е. Не вступать въ Россію иначе, какъ чтобъ непремѣнно люди имѣли на себѣ исправную одежду, обувь и шубы, которыя отпущены будутъ изъ состоящихъ нынѣ на лицо въ Кенигсбергѣ и изъ ожидаемыхъ отъ управляющаго военнымъ министерствомъ. Дорогою тоже имѣть попеченіе объ нихъ, исправляя что нужно изъ экстраординарной суммы, какая отпущена вамъ будетъ.

2-е. Продовольствіе воиновъ въ пути и призрѣніе больныхъ составлять должны особенную заботу вашу.

3-е. Строгой порядокъ и дисциплина да соблюдается во ввѣренномъ вамъ ополченіи по самое то время, какъ каждой воинъ вступить въ свое семейство.

4-е. Предъ выступленіемъ донесите мнѣ о числѣ людей, какое отправлено будетъ изъ Данцига и какое количество останется въ командировкахъ и госпиталяхъ; равно какое число людей получено вами было при выступленіи съ губерніи; а по прибытіи въ губернію сколько распущено будетъ по домамъ и особенно сколько гдѣ по дорогѣ останется въ госпиталяхъ и умретъ. Донесенія сіи адресовать мнѣ въ собственныя руки, дабы ближе видѣть я могъ, да какой степени простиралось попеченіе ваше о войнахъ.

5-е. Награжденіе выдать по рукамъ до вступленія въ Россію, а съ возвращеніемъ, во всей суммѣ, какая отпущена вамъ будетъ, представить отчетъ министру финансовъ“.

Александръ.

Рукою Государа

Францыя

вандевръ.

Генваря 22 дня

1814 года

Скрѣпа Аракчеева: Предсѣдатель военнаго децартамента Г. Аракчеевъ“.

Этотъ рескриптъ былъ данъ гвардіи полковнику, Дмитрію Петровичу Десятову, ставшему командиромъ ополченія послѣ отъѣзда Жеребцова въ главную квартиру съ ключами крѣпости „Данцигъ“, о чемъ свидѣтельствуется предписаніе Свѣчина Десятову 25 января 1815 года объ образованіи въ городѣ Новгородѣ подъ его, Десятова, предсѣдательствомъ особаго „присутствія для приведенія къ окончанію дѣлъ по новгородскому ополченію и для выправки по Архиву“; въ составъ этого присутствія, независимо отъ лицъ по выбору самого Десятова, собственно „для окончанія внутренняго“, были назначены еще правитель канцеляріи капитанъ Горемыкинъ и адъютантъ отъ артиллеріи капитанъ Бабинъ и коллежскій ассессоръ Мягковъ. На жалованіе всѣмъ чиновникамъ этого присутствія и на канцелярскіе расходы было назначено 2.000 рублей.

Высочайшій рескриптъ и предписаніе Свѣчина Десятову хранятся въ „Новгородскомъ Музеѣ Древностей“, при чемъ первый документъ переданъ въ музей на храненіе бѣлозерскимъ помѣщикомъ, Аристархомъ Николаевичемъ Десятовымъ. По возвращеніи ополченія на родину, новгородцы задумали памятникомъ увѣковѣчить подвиги его, а также и своихъ доблестныхъ земляковъ, „за вѣру, царя и отечество на полѣ брани животъ свой положившихъ“, и испросить разрѣшеніе на сооруженіе въ Новгородѣ памят-

ника ополченію 1812 года, передавъ на храненіе въ Новгородскій Софійскій соборъ знамя ополченія и его деньги въ количествѣ 7.615 рублей.

Въ 1818 году Комитетъ Министровъ разрѣшилъ подписку, которая вскорѣ открылась, а потомъ по неизвѣстнымъ причинамъ затянулась, и только 12 февраля 1839 года собравшіеся на губернское собраніе новгородскіе дворяне, по предложенію бывшаго новгородскаго губернатора Сенявина, постановили прибавить 2.195 рублей 87 копѣекъ, недостающіе по смѣтѣ, къ имѣвшимся уже для памятника 12.874 рублямъ 13 копѣйкамъ, собравъ ихъ со всѣхъ дворянъ, бывшихъ на собраніи и подписавшихъ объ этомъ постановленіе.

Всѣхъ дворянъ, участвовавшихъ на собраніи 12 февраля 1839 года, было 49 человекъ; это были слѣдующія лица: и. д. губернскаго предводителя дворянства, Новгородскій уѣздный предводитель дворянства—Рыкачевъ, уѣздные предводители: Кресгицкій—Мусинъ-Пушкинъ, Демянскій—Аклечеевъ, Тихвинскій—Уньковекій, Боровичскій—Аничковъ, Валдайскій—Азарьевъ, Устюженскій—Теслевъ, Череповецкій—Кудрявый, Кирилловскій—Головинъ и Бѣлозерскій—Алексѣевъ. Дворяне: генераль-маіоръ Вахарловскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Диринъ, статскій совѣтникъ баронъ Ренне, капитанъ 2 ранга Шамшевъ, гвардіи штабсъ-капитанъ Николай Веригинъ, поручикъ Алексѣй Бровцынъ, маіоръ Петръ Пыхачевъ, флота капитанъ 2 ранга Осокинъ, поручикъ князь Ухтомскій, флота мичманъ Ушаковъ, флота лейтенантъ Ѳедотъ Бровцынъ, подпоручикъ Семень Апрѣлевъ, коллежскій регистраторъ Мартыновъ, корнетъ Александръ Завалишинъ, маіоръ Селиванъ Гейнъ, прапорщикъ Яковъ Мельницкій, полковникъ Алексѣй Верещагинъ, маіоръ Александръ Дедевкинъ, подпоручикъ Сухинъ, артиллеріи штабсъ-капитанъ Кемецкій, флота лейтенантъ Качаловъ, штабсъ-капитанъ князь Ухтомскій, поручикъ Естифѣевъ, поручикъ Палицынъ, штабсъ-капитанъ Вороновъ, капитанъ Мельгуновъ, коллежскій ассесоръ Яковъ Рейнгольдтъ, поручикъ Ѳедоръ Гордѣевъ, подпоручикъ Егоръ Стоговъ, флота лейтенантъ Степанъ Бачмановъ, поручикъ Василій Косаговскій, штабсъ-ротмистръ Статеръ, гвардіи штабсъ-капитанъ графъ Головинъ, титулярный совѣтникъ Кононовъ, капитанъ-лейтенантъ Александръ Тешевъ, артиллеріи поручикъ Ѳедоръ Струговщиковъ, губернский секретарь Николай Мартьяновъ, коллежскій секретарь Нилъ Мартьяновъ и скрѣпилъ и. д. секретаря дворянства Петръ Николаевскій.

Благодаря такому обороту дѣла, сооруженіе памятника быстро пошло впередъ, и чрезъ годъ памятникъ былъ уже готовъ. Архитекторъ Брюловъ составилъ „Чертежи предполагаемаго къ соору-

женію въ Новгородѣ въ крѣпости противъ Софійскаго собора памятника существовавшему въ незабвенномъ для Россіи 1812 году ополченію Новгородской губерніи „съ такими изъясненіями“: „Монументъ предполагается изъ чугуна. Надписи на пьедесталѣ вызолочены:

1) Признательные дворянство и всѣ сословія Новгородской губерніи.

2) Имена чиновниковъ, служившихъ въ Новгородскомъ ополченіи.

3) Имена чиновниковъ, павшихъ за отечество на полѣ брани.

4) Отъ корпуса присутственныхъ мѣстъ: имена начальника губерніи, дворянскихъ: губернскаго и уѣзднаго предводителей, при которыхъ сооруженъ памятникъ.

Архитекторъ Брюловъ“.

Чертежъ памятника былъ представленъ на Высочайшее одобреніе Императору Николаю I, который его разсмотрѣлъ, собственноручно начертавъ надъ орломъ корону и написавъ: „прибавить корону“, и одобрилъ, что такъ отмѣчено на чертежѣ.

„Государь Императоръ рисунокъ сей разсматривать изволилъ въ С.-Петербургѣ 28 апрѣля 1839 года, при чемъ на ономъ послѣдовало собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе: „Прибавить корону“, которую Его Величество изволилъ начертать надъ орломъ.

Статсъ-Секретарь Бахтинъ“.

По одобреніи чертежа памятникъ былъ отлитъ на С.-Петербургскомъ Александровскомъ литейномъ заводѣ за 5.876 рублей $3\frac{4}{7}$ копейки и поставленъ въ центрѣ новгородскаго кремля, между Софійскимъ соборомъ и зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ и стоялъ до 1862 года.

Открытіе памятника было очень торжественно: 6 іюня 1840 года викарій Новгородской митрополіи, преосвященный Θεодотій, епископъ Старорусскій освятилъ его, выйдя изъ собора съ крестнымъ ходомъ, совершилъ молебенъ у новаго памятника въ присутствіи властей, именитаго дворянства, съѣхавшагося на такое торжество со всей губерніи, купечества, войскъ и другихъ почетныхъ сословій; по открытіи памятника былъ парадъ войскамъ, находившимся на торжествѣ.

Памятникъ сдѣланъ въ видѣ четырехграннаго кверху суживающагося обелиска изъ зеленаго чугуна, въ 5 сажень вышиной, на трехъ небольшихъ ступенькахъ, покоющихся на высокомъ куби-

ческомъ основаніи съ тремя широкими каменными ступенями на всѣ стороны. Верхъ обелиска украшенъ золоченымъ двуглавымъ орломъ съ Императорской короной на головѣ; на всѣхъ сторонахъ обелиска золоченыя изображенія: 1812, подъ нимъ развернутое знамя ополченія, подъ знаменемъ лавровый вѣнокъ. Пьедесталь обелиска украшенъ слѣдующими золочеными надписями между такими же горельефами изъ различныхъ воинскихъ доспѣховъ: мечей, касокъ и щитовъ. Содержаніе надписей на пьедесталѣ слѣдующее:

1. На лицевой сторонѣ памятника (противъ Лѣтняго сада): „Признательное дворянство и всѣ сословія Новгородской губерніи“.

2. На правой сторонѣ памятника (противъ Чудинцевой улицы): „Чиновники служившіе въ Новгородскомъ ополченіи въ 1812 году.“

Начальники ополченія:

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. С. Свѣчинъ и генералъ-маіоръ, дѣйствительный камергеръ А. А. Жеребцовъ.

Бригадные начальники:

Полковники: графъ И. С. Головинъ, А. А. Погребовъ, Д. П. Десятовъ и Н. П. Диринъ.

Дружинные начальники:

Подполковники: Н. О. Ушаковъ, Е. О. Амбаловъ, И. В. Свербѣевъ, князь Ѳ. Е. Мышецкій, Н. Н. Карманалѣевъ, П. А. Пѣвцовъ, М. В. Плехановъ, флота капитаны 2-го ранга В. Я. Древицкій и С. М. Бровцынъ“.

3. На лѣвой сторонѣ памятника (противъ Софійской гостиницы): „чиновники ополченія, павшіе на полѣ брани въ 1812 и 1813 годахъ.“

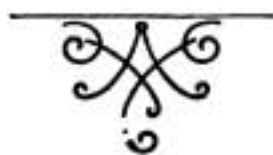
Полковникъ А. А. Погребовъ, полковникъ Н. О. Ушаковъ, маіоръ С. Н. Кисилевъ, подпоручики: Н. Квостовъ и А. Соколовъ, прапорщикъ П. Мордвиновъ“.

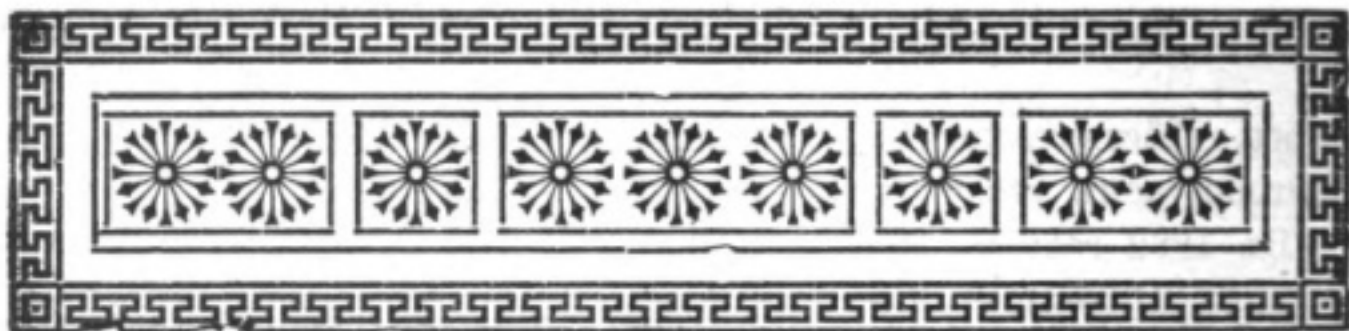
4. На задней сторонѣ памятника (противъ Дворянскаго собранія): „Сооруженъ въ 1840 году при состоящемъ въ должности Новгородскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ, И. Г. Сенявинѣ и дворянскихъ предводителяхъ: губер-

скомъ, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ, Н. И. Бѣлавинѣ и Новгородскомъ уѣздомъ, поручикѣ А. П. Бровцынѣ“.

Въ 1862 году въ Новгородѣ былъ сооруженъ превосходный памятникъ 1000-лѣтія Россіи работы М. О. Микѣшина, благодаря чему памятникъ ополченія 1812 года былъ перенесенъ изъ кремля на Софійскую площадь, или „на газонъ“, противъ дома дворянскаго собранія, гдѣ и находится теперь, со всѣхъ сторонъ окруженный низенькой чугунной рѣшеткой изъ небольшихъ круглыхъ тумбъ, соединенныхъ между собою чугунными цѣпями.

Н. Лашковъ.

Студенческіе годы.

(Воспоминанія о Варшавскомъ университетѣ).

14 іюня 1872 года я сдалъ послѣдніе два гимназическіе экзамена и готовъ былъ поступить въ университетъ. Сдать въ то время гимназическій экзамень не значило еще сдѣлаться студентомъ. Восьмыхъ классовъ гимназіи и аттестатовъ зрѣлости въ тѣ годы еще не существовало. Всякій, окончившій 7 классовъ гимназіи, долженъ былъ еще подвергнуться до зачисленія въ студенты особому повѣрочному испытанію въ присутствіи университетской коллегіи.

По обстоятельствамъ мнѣ выпало на долю поступить въ Императорскій Варшавскій университетъ, за три года до того преобразованный изъ Варшавской главной школы. Я избралъ юридическій факультетъ.

Вмѣстѣ со мною поступали на тотъ же факультетъ нѣсколько моихъ гимназическихъ товарищей, окончившихъ подобно мнѣ тогда же Варшавскую 1-ю гимназію. Что такое этотъ повѣрочный экзамень въ университетѣ, ни я, ни мои товарищи, ни многіе, къ кому я обращался, доподлинно не знали. Хотѣлъ я пріобрѣсти программу этого испытанія, но ея нигдѣ не оказалось, да ея и совершенно не было. Навѣдывался я въ университетъ, но тамъ мнѣ сказали, что будетъ повѣрка знаній нашихъ профессорами и только. Признаться, эта повѣрка меня не мало смущала въ теченіе всѣхъ каникулъ. Однако дѣлать было ничего. Пришлось опять взяться за только что оставленные гимназическіе учебники и кой-что повторять по нимъ. Въ университетѣ, куда я частенько заходилъ, я узналъ, что повѣрочные экзамены назначены на конецъ августа и вскорѣ затѣмъ было вы

вѣшено росписаніе ихъ, которое внимательно читали являшіеся подобно мнѣ по тому же случаю въ университетъ молодые люди, окончившіе въ этомъ году гимназическій курсъ. Были и семинаристы. Наконецъ, томительно ожидаемый мною, да, вѣроятно, и другими, день повѣрочныхъ экзаменовъ наступилъ.

Университетъ открылъ намъ свои двери.

Не скажу, чтобы этотъ, какъ его принято называть, храмъ науки произвелъ на меня подавляющее или даже благоговѣйное впечатлѣніе.

Храмъ этотъ во многомъ, въ очень многомъ напоминалъ оставленную мною гимназію. Простота и отсутствіе всякаго величія бросались въ глаза на каждомъ шагу. Корридоръ только былъ шире гимназическаго, да аудиторіи побольше классовъ, вотъ и все. Экзаменъ былъ назначенъ въ первый день почему-то вечеромъ. Пригласили насъ, желающихъ поступить на юридическій факультетъ, въ особую аудиторію, куда вскорѣ явился маленькій человекъ въ форменномъ синемъ мундирѣ, удивительно кривлявшійся и некрасивый. Это былъ профессоръ русскаго и церковно-славянскаго языка Колосовъ. Онъ предложилъ намъ написать подъ его диктовку стихотвореніе Лермонтова „Родина“. Страннымъ показалось мнѣ, что окончившихъ гимназію испытываютъ въ диктовкѣ на подобіе учениковъ 2 или 3 класса. Пришлось, однако, писать эту диктовку, которую затѣмъ тотъ же профессоръ унесъ съ собою, и я, по крайней мѣрѣ, не узналъ никогда, какъ написалъ ее. Затѣмъ тотъ же профессоръ съ другимъ—профессоромъ русской исторіи или, какъ его называли въ шутку,—я узналъ это впоследствии, — докторомъ царицы Софіи Алексѣевны,—за монографію о которой онъ получилъ степень доктора русской исторіи, Аристовымъ, предложили намъ выбрать изъ числа нѣсколькихъ данныхъ ими темъ одну и написать по ней разсужденіе. Я выбралъ тему о Владимірѣ Мономахѣ и, конечно, многого и новаго ничего написать я не могъ, тѣмъ болѣе, что въ распоряженіе былъ данъ какой-нибудь часъ времени; ограничился я только тѣмъ, что зналъ объ этомъ князѣ изъ учебника Иловайскаго и „Поученія дѣтямъ“. О результатѣ и этой работы я тоже ничего не зналъ.

Экзамены шли за экзаменами въ разныхъ аудиторіяхъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Въ одномъ мѣстѣ экзаменовались юристы, въ другомъ математики, тамъ филологи и, наконецъ, медики. По нѣкоторымъ предметамъ, напр., исторіи экзаменовали юристовъ и филологовъ вмѣстѣ; по древнимъ языкамъ къ нимъ присоединили и медиковъ.

Замѣчательнъ былъ экзаменъ по русской литературѣ и славян-

скому языку. Экзаменовали тѣ же Колосовъ и Аристовъ. Случалось, что вопросы, предлагаемые ими, были для насъ совершенно новы, особенно по древней литературѣ, и тогда мы ссылались на то, что этого у насъ не преподавали. Не разъ приходилось намъ выслушивать, особенно отъ г. Аристова, насмѣшки по адресу нашихъ преподавателей. По церковно-славянскому языку знатокъ его Колосовъ, прокзаменовавъ нѣсколькихъ изъ моихъ товарищей по 1-й гимназіи, заявилъ Аристову, какъ ассистенту, при одномъ моемъ неудачномъ отвѣтѣ, что вообще незачѣмъ насъ и экзаменовать по этому языку, такъ какъ все равно ни одинъ изъ насъ ровно ничего не знаетъ. И это было совершенно вѣрно. Славянскій языкъ мы проходили слегка, кажется, въ четвертомъ классѣ, потомъ, конечно, основательно все забыли и только въ 7 классѣ стали повторять это немного, но такъ какъ на языкъ этотъ нашъ гимназическій педагогъ особенно не налегалъ, то мы объ этомъ языкѣ имѣли очень слабое понятіе. А тутъ пришлось держать по немъ экзаменъ передъ специалистомъ профессоромъ. Естественно, что мы торжественно провалились.

Экзаменовали насъ, юристовъ, по русской и всеобщей исторіи, латинскому и греческому языкамъ. При этихъ испытаніяхъ изъ предѣловъ гимназическаго курса выходили мало, да и профессора попались довольно снисходительные. Всѣ они напоминали мнѣ нашихъ учителей и профессорскаго, въ томъ видѣ, какъ я въ качествѣ новичка представлялъ его себѣ, оказалось въ нихъ мало. Были между ними, однако, и извѣстные ученые, напр., проф. всеобщей исторіи полякъ Павинскій, серьезный человекъ со скорбнымъ выраженіемъ лица. Спрашивалъ онъ меня о германскомъ императорѣ Карлѣ IV, и я ему рассказалъ все, что зналъ по Иловайскому, за что онъ и поставилъ мнѣ 4.

Наконецъ, повѣрочные экзамены кончились. Черезъ день или два узнаемъ, что мы, говорю о выпускныхъ ученикахъ 1-й гимназіи, въ количествѣ 6—7 человекъ изрядно таки порѣзались, но объ этомъ рѣчь впереди. Тѣмъ не менѣе, однако, послѣ тревожнаго ожиданія нашей участи мы прочли на вывѣшенномъ объявленіи, что всѣ мы приняты въ число студентовъ. Изъ числа моихъ товарищей по гимназіи на математическій факультетъ поступилъ одинъ, на медицинскій—одинъ и юридическій шесть человекъ, при чемъ одинъ вольнымъ слушателемъ, т. к., вѣроятно, совсѣмъ уже плохо держалъ повѣрочный экзаменъ. Здѣсь я долженъ забѣжать немного впередъ.

Результаты нашихъ повѣрочныхъ экзаменовъ сказались спустя полгода,—зимою. Тогда именно обнаружилось, что нѣкоторые изъ профессоровъ, производившихъ повѣрку гимназическихъ знаній вновь поступавшихъ студентовъ, дѣйствовали подъ вліяніемъ ректора уни-

верситета Лавровскаго, который будто бы поставилъ себѣ цѣлью доказать кому слѣдуетъ, что преподаваніе въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа, особенно русскаго языка, исторіи и литературы, стоитъ не на надлежащей высотѣ и ведется не въ русскомъ духѣ. Ударъ направлялся противъ попечителя округа Э. Э. Витте, человѣка нѣмецкаго происхожденія. Витте имѣлъ покровителя въ лицѣ тогдашняго намѣстника Царства Польскаго графа Берга, тоже лица несомнѣнно нѣмецкаго происхожденія. Лавровскій, говорятъ, прикрывался министромъ народнаго просвѣщенія извѣстнымъ графомъ Д. А. Толстымъ, который былъ нерасположенъ къ Витте, какъ иностранцу, но Витте пользовался сверхъ того протекціей принца Ольденбургскаго, попечителя училища Правовѣдѣнія, и былъ даже лично извѣстенъ Государю Александру II. Какъ бы тамъ ни было, инцидентъ былъ исчерпанъ такимъ образомъ, что Витте восторжествовалъ, а ректоръ Лавровскій былъ переведенъ тогда же на должность попечителя Оренбургскаго учебнаго округа.

Мнѣ пришлось только видѣть его и то два—три раза. Это былъ человѣкъ суровой наружности и, повидимому, сухой ученый; ученый онъ, однако, былъ извѣстный; въ университетѣ онъ читалъ на филологическомъ факультетѣ сравнительную грамматику. Имѣла ли указанная выше исторія другія, болѣе важныя послѣдствія, мнѣ не извѣстно. Возвращаюсь къ началу занятій. Открытіе лекцій было назначено на 4 сентября. Неудивительно, что въ этотъ день я былъ въ аудиторіи, гдѣ должна была происходить первая лекція по исторіи римскаго права, за долго до начала ея. Долженъ сказать, что молодежь собралась въ очень большомъ количествѣ. Какъ водится, болѣе предусмотрительные захватили мѣста на первыхъ скамьяхъ, опоздавшіе сѣли подальше. Грѣшный человѣкъ, на первыхъ же порахъ вступленія въ храмъ науки я, каюсь въ томъ, сдѣлалъ большую олошность. Не взирая на то, что на первыхъ скамьяхъ всѣ мѣста были уже заняты—студенты занимали ихъ, помѣщая въ ящики скамеекъ свои фуражки и тетради для записыванія лекцій, я рѣшилъ, что долженъ получить мѣсто на первой скамьѣ, и положилъ свою тетрадь и фуражку въ ящикъ, гдѣ уже что-то лежало. Вскорѣ явился занявшій раньше меня это мѣсто, и надо было видѣть его,—справедливое, впрочемъ,—негодованіе по поводу моей продѣлки. Я долго потомъ слышалъ сзади себя его сердитый голосъ и рассказы нѣсколькимъ человѣкамъ о моей продѣлкѣ. Несомнѣнно продѣлка была мальчишеская. Студента этого, поляка К., я хорошо потомъ помнилъ. Дальнѣйшихъ послѣдствій это происшествіе не имѣло, но я самъ устыдился, раздумавъ о своемъ поступкѣ.

Но вотъ все стихло, и появился на кафедрѣ профессоръ. Сту-

денты не привѣтствовали его однако, подобно, гимназистамъ вставаніемъ.

Профессоръ оказался сравнительно молодымъ человѣкомъ лѣтъ 30-ти. Лекція его ничего особеннаго въ себѣ не заключала. Это было самое обыкновенное введеніе въ курсъ исторіи римскаго права. Профессоръ Д. полякъ,—хотя далеко не принадлежалъ не только къ свѣтиламъ науки, но считался даже однимъ изъ самыхъ слабыхъ профессоровъ юридическаго факультета, оказался тѣмъ не менѣе человѣкомъ вполне приличнымъ. Читалъ онъ жидкій, очень жидкій курсъ исторіи римскаго права на 1-мъ курсѣ и догму права на 2-мъ и то по тетрадкѣ, но къ студентамъ не придирался и на экзаменахъ велъ себя порядочно, что не всегда можно сказать о слабыхъ профессорахъ, которые свою бездарность желаютъ прикрыть ненужною строгостью и педантизмомъ, примѣръ чего укажу въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Профессоръ Д. какъ началъ курсъ, такъ и продолжалъ его, читая по тетрадкѣ, при чемъ изрѣдка сходилъ съ кафедры и вступалъ со студентами въ бесѣду по поводу прочтеннаго. Экзаменъ у него оказался не труднымъ. Въ слѣдующемъ году онъ читалъ на 2-мъ курсѣ догму права съ такимъ же успѣхомъ.

Послѣ исторіи римскаго права пошли въ тотъ же день и послѣдующія лекціи исторіи Россіи, исторіи философіи древней и новой исторіи, всеобщей, средней и новой, логики, русскаго языка, которыя мы слушали совмѣстно съ филологами. Читалась намъ изъ юридическихъ наукъ кромѣ исторіи римскаго права энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ. Утромъ ежедневно отъ 8 до 9 часовъ читался совмѣстно съ филологами французскій и нѣмецкій языки, и послѣднія лекціи посѣщались по выбору, т. е. того или другого языка. Вотъ и всѣ предметы, которые я слушалъ въ теченіе 1-го курса.

Энциклопедія юридическихъ наукъ читалась солиднымъ, пожилымъ уже профессоромъ полякомъ К.; онъ былъ, кажется, раньше профессоромъ Краковскаго или Львовскаго университета. Несмотря на всѣ свои почтенныя качества, несмотря на всю свою проглядывавшую въ лекціяхъ несомнѣнную ученость и эрудицію, профессоръ К. подъ именемъ энциклопедіи юридическихъ наукъ преподносилъ намъ въ полномъ смыслѣ виногретъ изъ исторіи философіи и права. Весь курсъ его заключался во введеніи и разнаго рода общихъ обзорахъ; до самаго же предмета онъ такъ таки и не добрался. Судя по той программѣ, которую онъ намъ намѣтилъ въ одномъ изъ общихъ обзоровъ, курсъ его долженъ былъ растянуться на нѣсколько лѣтъ, въ его же распоряженіи былъ только годъ съ пятью лекціями

въ недѣлю. Читалъ онъ по тетради и начиналъ всегда очень тихо, затѣмъ оживлялся и говорилъ громче. Съ внѣшней стороны его лекціи оставляли желать довольно многого, но матерьялъ сырой онъ давалъ въ обильномъ количествѣ. Чего только въ этихъ лекціяхъ не было. Профессоръ видимо самъ былъ подавленъ своими познаніями и обиліемъ нагромождаемыхъ имъ свѣдѣній; онъ постоянно отвлекался въ сторону, и мы не могли положительно уловить какой-либо системы въ его изложеніи. Лекціи К. были по-просту ученымъ разговоромъ—много знающаго учителя съ учениками. Другого значенія они не имѣли и понятіе объ энциклопедіи права, какъ наукѣ, давали слабое. При всемъ томъ, однако, не могу не сознаться, что, несмотря на всякое отсутствіе системы, профессоръ К. приносилъ несомнѣнно пользу своимъ слушателямъ, развивая ихъ въ научномъ отношеніи и сообщая свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ исторіи и философіи права. К. за свои внутреннія качества пользовался большимъ уваженіемъ какъ профессорской коллегіи, такъ и студентовъ. Подсмѣиваясь надъ его общими обзрѣніями, отклоненіями въ сторону и отсутствіемъ системы въ преподаваніи, послѣдніе его все-таки искренно уважали.

Русскую исторію читалъ извѣстный уже профессоръ Аристовъ. Это былъ довольно ярко выраженный типъ. Средняго роста, коренастый, съ большой окладистой черной бородой и такими длинными же волосами онъ держался, что называется, разухабисто. Кланялся, входя въ аудиторію, по-купечески всѣмъ корпусомъ. На первыхъ же порахъ поражала его нервность. Видимо было, что человѣку не по себѣ, что онъ старается придать себѣ бодрости и показать свою независимость. Нужно замѣтить, что Аристовъ принадлежалъ къ числу профессоровъ полякофобовъ и, входя въ соприкосновеніе съ массою студентовъ поляковъ, которые въ университетѣ вообще и у насъ на юридическомъ факультетѣ представляли въ мое время $\frac{9}{10}$ всего количества студентовъ, не могъ не быть постоянно насторожѣ, зная, что поляки студенты хорошо освѣдомлены относительно его взглядовъ на все польское и на нихъ, какъ представителей польскаго общества.

Аристовъ видимо отличалъ русскихъ студентовъ отъ поляковъ. Въ этомъ я убѣдился по собственному опыту. Когда мнѣ пришлось держать у него экзаменъ при переходѣ на 2-ой курсъ, то я на какой-то вопросъ Аристова имѣлъ неосторожность отвѣтить: „это объясняется очень просто“. Вѣроятно, увѣренный и, можетъ быть, даже развязный мой тонъ не понравился Аристову, который вообще считался довольно строгимъ профессоромъ. „Какъ это такъ для васъ это просто“, заявилъ онъ мнѣ, и тутъ же я замѣтилъ, что онъ на-

строился довольно враждебно противъ меня и сталъ строго относиться къ послѣдующимъ моимъ отвѣтамъ. Того, что называютъ срѣзаться, я не боялся, потому что аккуратно посѣщаль лекціи и хорошо былъ ознакомленъ съ курсомъ, но все-таки положеніе оказалось неприятнымъ. Послѣ ряда отвѣтовъ я уже рассчитывалъ получить не болѣе 3, но тутъ же на моихъ глазахъ профессоръ взглянулъ, перевернувъ страницу, въ печатный списокъ студентовъ, гдѣ противъ фамиліи cadaго было отмѣчено, какого кто изъ нихъ вѣроисповѣданія, а это означало и происхожденіе русское, польское, нѣмецкое или еврейское. Видя, что противъ моей фамиліи стояло „православный“, профессоръ смягчился, и поставивъ мнѣ, несмотря на прежнее недовольство, 4, отпустилъ меня. Я увѣренъ, что, будь я другого происхожденія, мнѣ пришлось бы похуже.

Читалъ Аристовъ русскую исторію съ самыхъ древнихъ временъ и начиналъ чуть ли не съ каменнаго вѣка, держался больше изложенія внутренней жизни, нравовъ, религіи, обычаевъ, экономического быта и т. под. и дошелъ къ концу года, кажется, до временъ Татарскаго ига. Выдающагося курсъ этотъ ничего собою не представлялъ. Профессоръ читалъ громко, довольно увѣренно и заглядывалъ въ конспектъ. Цитаты и тексты источниковъ приводилъ часто изъ лежащей у него на кафедрѣ исторической христоматіи, но чьей не помню. Послѣ экзамена на 2-ой курсъ онъ оставилъ Варшавскій университетъ и перешелъ въ какое-то другое высшее учебное заведеніе въ Россіи.

Всеобщую исторію читалъ очень древній профессоръ Ковалевскій—полякъ, бывшій долгое время профессоромъ и даже ректоромъ Казанскаго университета. Онъ былъ далеко не безвѣстный ориенталистъ и въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ монгольскую словесность въ самомъ Китаѣ. Въ мое время это былъ человекъ уже доживавшій свою ученую дѣятельность. На кафедре онъ входилъ медленно, читалъ по особымъ переплетеннымъ книгамъ слабымъ голосомъ и монотонно.

Замѣчательно, что нѣкоторыя мѣста его лекцій по новой исторіи являлись буквальнымъ повтореніемъ цѣлыхъ страницъ извѣстнаго въ началѣ 60 годовъ учебника исторіи кіевскаго профессора Шульгина. Мы студенты недоумѣвали: Шульгинъ ли сдѣлалъ заимствованіе у Ковалевскаго, или послѣдній у Шульгина. Такъ наше недоумѣніе и осталось неразрѣшеннымъ, по крайней мѣрѣ, для меня, и по настоящее время. Лекціи Ковалевскаго посѣщались сначала усердно, но затѣмъ, благодаря снотворному чтенію и, главнымъ образомъ, тому, что многое изъ нихъ находилось въ учебникахъ Шульгина, число слушателей у этого профессора стало замѣтно умень-

шаться и изъ четырехъ курсовъ: двухъ первыхъ филологическаго факультета и двухъ такихъ же юридическаго бывало на лекціи десятка два студентовъ, тогда какъ должно было бы присутствовать не менѣе 150 человѣкъ (филологовъ вообще было мало въ университетѣ и преобладали юристы).

Курсъ Ковалевскаго, по-моему, привосилъ мало пользы слушателямъ; онъ вообще не отличался отъ гимназическаго. Оригинально происходилъ у этого профессора экзамень. Студенты знали очень мало и только то, что помнили изъ гимназіи. Полагаясь на общеизвѣстную снисходительность профессора, они мало заботились даже о томъ, чтобы возобновить гимназическія знанія и являлись на экзамень совершенно неподготовленными. Профессоръ, видя, что студентъ молчитъ, часто самъ рассказывалъ ему вкратцѣ содержаніе его билета и ставилъ неизмѣнно или 4, или 5. Студенты шутили, что если Ковалевскій почему-либо первому приступившему къ экзамену студенту поставилъ 5, то второму неукоснительно ставилъ только 4, затѣмъ опять 5 и 4 и т. д.—Я этого не провѣрилъ и думаю, что это шутка.

Ковалевскій, благодаря своей продолжительной службѣ, считался самымъ старшимъ членомъ профессорской корпораціи и постоянно исполнялъ должность ректора во время отсутствія послѣдняго. Къ нему вообще относились съ большимъ уваженіемъ за его прежнія ученія заслуги.

Мнѣ приходится теперь перейти къ красѣ не только Варшавскаго университета—впрочемъ, увѣ, въ теченіе очень непродолжительнаго времени, но и всей русской науки. Я говорю о профессорѣ исторіи философіи и психологіи М. М. Троицкомъ. Убѣжденный приверженецъ англійской философіи, Троицкій преподавалъ сначала въ Кіевской духовной академіи, затѣмъ въ Казанскомъ, Варшавскомъ и наконецъ Московскомъ университетѣ. Это была обаятельная личность. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ идеальный профессоръ. Глубокія знанія, острый умъ, ясность пониманія соединялись у него съ удивительною образностью изложенія и замѣчательнымъ даромъ увлекать слушателей. Когда Троицкій читалъ свои лекціи, то было истиннымъ наслажденіемъ не только слушать, но смотрѣть на него; вы почти видѣли, какъ у него возникали въ головѣ мысли, которыя онъ старался въ изящной и понятной формѣ сейчасъ же изложить своимъ слушателямъ. Про него можно сказать, что онъ разжевывалъ науку и вкладывалъ ее въ головы студентовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить чарующую улыбку, которая при удачномъ выводѣ или обобщеніи появлялась на лицѣ профессора, и нѣкоторые его жесты, вполне гармонировавшіе съ его рѣчью. Сравне-

нія его бывали очень поэтичны, рѣчь пластическая и во всякомъ словѣ проглядывало глубокое знаніе. Троицкій прочелъ намъ первокурсникамъ въ теченіе года курсъ древней философіи, закончивъ его Аристотелемъ. Долго потомъ хранилъ я записки по его курсу, и не разъ онѣ помогали мнѣ уяснить многіе вопросы древней философіи. На второмъ курсѣ Троицкій читалъ въ томъ же году психологію и говорятъ, такъ же увлекательно, какъ и древнюю философію. Послѣ моего перехода на второй курсъ онъ былъ переведенъ въ Москву, и Варшавскій университетъ потерялъ звѣзду первой величины.

Знаменательно для меня лично то, что, несмотря на увлеченіе Троицкимъ и его лекціями, я на переводномъ экзаменѣ съ 1-го курса на 2-й получилъ по его предмету только 3, единственную тройку за все продолженіе курса. Дѣло въ томъ, что на мою долю выпало отвѣчать по билету о первомъ греческомъ философѣ Фалесѣ. Философія послѣдняго была, какъ извѣстно, крайне скудна, и мнѣ пришлось отвѣтить очень не много—можетъ быть, за это я и получилъ только 3.

Исторію новой философіи и логику читалъ профессоръ Генрихъ Струве. Это былъ воспитанникъ германскихъ университетовъ, нѣмецъ, и писалъ сочиненія по философіи, главнымъ образомъ, на нѣмецкомъ и отчасти на польскомъ языкѣ; по-русски онъ писалъ мало. Диссертация его на русскую степень доктора философіи „Самостоятельное начало душевныхъ явленій“ вызвала большой шумъ въ свое время (1870 году) въ ученомъ мірѣ въ Россіи. На нее напали Н. Аксаковъ въ статьѣ „Подспудный матеріализмъ“, Усовъ и Страховъ. Защиту Струве взял на себя извѣстный профессоръ Юркевичъ. Полемика велась очень страстно, такъ какъ и Струве отвѣчалъ своимъ противникамъ, которые увидѣли въ немъ скрытаго матеріалиста, тогда какъ Струве во всѣхъ своихъ трудахъ является, напротивъ, поклонникомъ системы идеальнаго реализма, противникомъ позитивизма и систему эту проводилъ въ своихъ лекціяхъ.

Струве представлялъ собою типъ добросовѣстнаго и уравновѣшеннаго нѣмецкаго ученаго и профессора. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ на столько хорошо, что не сразу можно было признать въ немъ иностранца. Читалъ онъ по тетради, и правду сказать, довольно таки монотонно. Какое сравненіе съ Троицкимъ! Но лекціи его все же были обработаны, удобопонятны, отличались систематичностью, и желающимъ онъ давалъ хорошее руководство при изученіи и уясненіи трудныхъ вопросовъ философіи. Профессоръ несомнѣнно владѣлъ своимъ предметомъ и преподносилъ слушателямъ, если не прекрасно приготовленную, то во всякомъ случаѣ

полезную и удобоваримую умственную пищу. На первых порах настъ, новичковъ, не привыкшихъ разбираться въ отвлеченныхъ вопросахъ, лекціи Струве приводили въ отчаяніе. Но въ этомъ нисколько не былъ повиненъ профессоръ, а наше сравнительно малое развитіе для воспріятія философскихъ вопросовъ. Струве читалъ довольно быстро, и это обстоятельство мѣшало многимъ изъ студентовъ записывать его лекціи дословно. Студенты на первыхъ порахъ не понимали, что это напрасный трудъ, и только спустя два-три мѣсяца стали записывать сущность излагаемаго, и это было сдѣлать тѣмъ легче, что профессоръ читалъ вполне удобопонятно и мысли развивалъ подробно. По себѣ судя, могу сказать, что лекціи Струве, быть можетъ и неблестящія по изложенію, но основательныя по своему содержанію, впоследствии не мало помогли мнѣ въ уясненіи трудныхъ философскихъ проблемъ, излагаемыхъ, какъ извѣстно, иногда очень туманно. Болѣе яснаго изложенія философскихъ системъ, чѣмъ у Струве, мнѣ не приходилось впоследствии встрѣчать нигдѣ, даже у прославленнаго по своей популярности изложенія Люиса. Струве, поселившись въ Варшавѣ, ассимилировался здѣсь и могъ даже сойти за поляка. По крайней мѣрѣ онъ не мало писалъ и по-польски и читалъ публичныя лекціи. Публичныя лекціи онъ читалъ, впрочемъ, и по-русски для русской публики, вполне удачно, занимательно и удобопонятно. Струве былъ не только философомъ, но ему не чужды были вопросы искусства, и по этому поводу онъ писалъ статьи и читалъ лекціи. Вообще это былъ далеко не узкій специалистъ, но человекъ многосторонне развитой. Онъ очень долго профессорствовалъ въ Варшавскомъ университетѣ и, только выслуживъ пенсію, сравнительно недавно переселился въ Англію, гдѣ, кажется, здравствуетъ и понынѣ, хотя ему не менѣе 70 лѣтъ. Нужно замѣтить, что его изложеніе логики на столько удобопонятно, что по его учебнику она преподавалась въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа. „Введеніе въ философію“ можетъ служить настольной книгой для всякаго занимающагося вопросами отвлеченнаго мышленія.

Въ Варшавскомъ университетѣ студенты первыхъ курсовъ всѣхъ четырехъ факультетовъ—должны были по уставу слушать лекціи русскаго языка. Языкъ этотъ читался на томъ основаніи, что поляки, которыхъ было въ Варшавскомъ университетѣ подавляющее большинство ($\frac{9}{10}$ всего числа студентовъ), вообще плохо владѣютъ этимъ языкомъ, и потому университетское преподаваніе имѣло цѣлью восполнить недостаточность вынесенныхъ изъ гимназій знаній по этому предмету. Русскій языкъ преподавался и спеціально филологамъ, но здѣсь имѣлась въ виду чисто научная

цѣль, и преподавалъ его другой профессоръ, извѣстный уже Колосовъ.

Студентамъ первыхъ курсовъ преподавалъ русскій языкъ Николай Васильевичъ Бергъ, личность во многихъ отношеніяхъ оригинальная и даже не безызвѣстная. Бергъ не имѣлъ никакой ученой степени и не былъ ученымъ, но сдѣлался таковымъ въ силу обстоятельствъ и по волѣ начальства. Онъ былъ просто-на-просто литераторъ средней руки. Нося нѣмецкую фамилію, Бергъ былъ тѣмъ не менѣе настоящимъ москвичемъ и тяготѣлъ къ московскому кружку Погодина, гдѣ имѣлъ связи. Кой-что онъ писалъ по части путешествій, кой-что переводилъ; главнымъ своимъ литературнымъ трудомъ онъ считалъ переводъ на русскій языкъ поэмы польскаго поэта Мицкевича: „Панъ Тадеушъ“. Переводъ этотъ, впрочемъ, общеизвѣстенъ.—Бергъ отличался большимъ ростомъ и громкимъ зычнымъ голосомъ. Не имѣя ровно никакихъ правъ на профессорское званіе, онъ, какъ я сказалъ, не будучи профессоромъ, пользовался его правами. Получалъ онъ содержаніе экстраординарнаго профессора и, будучи всего лишь лекторомъ, слылъ за профессора и, кажется, самъ повѣрилъ тому, что онъ профессоръ; по крайней мѣрѣ, онъ нисколько не возражалъ противъ того, когда въ русскомъ обществѣ называли его профессоромъ. Въ общемъ, преподаваніе Берга было довольно таки безуспѣшно. Взявъ нѣсколько грамматикъ русскаго языка, нашъ лекторъ составилъ изъ нихъ свой курсъ грамматики, мало чѣмъ отличавшійся отъ гимназическаго. Читался этотъ курсъ въ огромной XII аудиторіи университета съ громадной, особаго устройства кафедрой, громкимъ голосомъ съ театральными повышеніями и пониженіями голоса. Нужно правду сказать, что по части голоса и дикціи Бергъ никому не уступалъ.—Это обстоятельство дѣлало его лекціи до нѣкоторой степени занятными. Для русскихъ студентовъ, хорошо владѣвшихъ своимъ языкомъ, эти лекціи были бесполезны, да и студенты-поляки врядъ ли чему могли научиться изъ нихъ. Преподаваніе разнообразилось чтеніемъ лекторомъ нѣкоторыхъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др. Надо отдать справедливость—читалъ Бергъ мастерски и это, главнымъ образомъ, привлекало въ его аудиторію студентовъ. Устранялъ онъ и, если можно такъ назвать, практическія занятія, которыя состояли въ томъ, что читался отрывокъ изъ какого-либо иностраннаго автора, главнымъ образомъ, Гейне, и студенты общими усиліями переводили его на русскій языкъ, при чемъ главная забота заключалась въ томъ, чтобы переводъ былъ сдѣланъ чистымъ русскимъ языкомъ и образно.

Лекціи Берга иногда посѣщалъ попечитель учебнаго округа

Ө. Ө. Витте, жившій въ зданіи университета. Не будучи ученымъ, но обыкновеннымъ администраторомъ, Витте очевидно прельщался довольно простой и наивной, но тѣмъ не менѣе занимательной формой преподаванія Берга. Тогда и попечитель, и лекторъ иногда попеременно пускались въ объясненіе полякамъ-студентамъ какого-либо русскаго малоупотребительнаго слова. Казалось, что находишься въ 3, 4 классѣ гимназіи, гдѣ сразу два снисходительные наставника просвѣщаютъ учениковъ. На экзаменѣ русскаго языка у Берга, не знаю только по чьей инициативѣ,—вѣроятно того же Ө. Ө. Витте, два—три лучше другихъ отвѣчавшихъ по русскому языку студента записывались Бергомъ и затѣмъ удостоивались полученія изъ средствъ учебнаго округа денежной награды. Такимъ образомъ, и я получилъ за свой отвѣтъ на экзаменѣ въ началѣ слѣдующаго года 25 руб. въ видѣ награды.

Будучи лекторомъ въ университетѣ, Бергъ, благодаря своимъ связямъ и умѣлости, добился назначенія его редакторомъ единственнаго печатнаго органа на русскомъ языкѣ въ Царствѣ Польскомъ—„Варшавскаго Дневника“.—„Варшавскій Дневникъ“, какъ и теперь, такъ и въ то время былъ субсидируемъ правительствомъ, и положеніе его редактора представлялось въ матеріальномъ отношеніи очень заманчивымъ. Газеты этой Бергъ не поднялъ на ту высоту, на которой она могла бы находиться при талантливомъ и, главное, не жалѣющемъ своего труда и средствъ редакторѣ.

Читались намъ и два новые языка. Я посѣщалъ лекціи нѣмецкаго, т. к. допускался выборъ того или другаго. Лекціи этихъ языковъ начинались рано, въ 8 часовъ утра, но слушателей какъ у того, такъ и другаго лектора было достаточно.

Нѣмецкій языкъ преподавалъ полякъ Валерій Пржиборовскій, довольно извѣстный польскій литераторъ; онъ же былъ, кажется, бібліотекаремъ въ одной частной бібліотекѣ какого-то польскаго магната. Читались лекціи новыхъ языковъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ, т. е. 1 и 2 курсовъ. Малая до удивительнаго подготовленность слушателей по этимъ языкамъ дѣлала преподаваніе до крайности элементарнымъ, напр. по нѣмецкому языку одну лекцію дѣлались переводы съ русскаго напр. какого-либо отрывка изъ извѣстнаго русскаго писателя, а другую переводилась проза—„Тридцатилѣтняя война“ Шиллера и поэзія „Мессинская невѣста“ его же. Никакихъ при этомъ грамматическихъ правилъ не проходило и объясненій не дѣлалось. При этомъ происходили нерѣдко удивительные курьезы. Нѣкоторые студенты, особенно изъ семинаристовъ, которые, какъ извѣстно, не проходятъ новыхъ языковъ, буквально не умѣли читать по-нѣмецки и слова произносили

самымъ убійственнымъ образомъ. Хороши были тоже и гимназисты. Приходилось поражаться, что они дѣлали въ гимназіи по языку, въ теченіе семи лѣтъ. Вотъ и попробуйте читать языкъ подобной аудиторіи. Слушатели смотрѣли на посѣщеніе лекцій какъ на неизбѣжную необходимость для полученія на экзаменѣ удовлетворительной отмѣтки, а лекторъ стремился добросовѣстно переводить и только. Несомнѣнно, что при желаніи у лектора было въ распоряженіи очень дѣйствительное средство заставить студентовъ что-нибудь знать по языку—это экзаменъ. Требуя онъ не дѣтскаго лепета, но знанія языка и проваливай на экзаменѣ нерадивыхъ и относящихся спустя рукава къ предмету, и можно было быть увѣреннымъ, что польза отъ преподаванія непременно обнаружилась бы. Но къ сожалѣнію, лектору и въ голову не приходило заставлять студентовъ что-либо знать, а послѣдніе продолжали оставаться гимназистами, привыкшими ничего не дѣлать по языкамъ. Такимъ образомъ, польза отъ преподаванія сводилась къ нулю. Странно, какъ, преподавая языкъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, человѣку не пришла въ голову мысль, что онъ собственно занимается толченіемъ воды и что онъ совершенно бесполезенъ, какъ человѣкъ не додумался до того, что самый способъ преподаванія надо измѣнить и принять мѣры, которыя сами собою напрашивались.

Съ преподаваніемъ французскаго языка, лекціи котораго я посѣщаль рѣдко, было не лучше. Студенты читали плохо, произносили варварски и также недобросовѣстно относились къ дѣлу. Лекторомъ былъ извѣстный въ Варшавѣ преподаватель во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Плонскій. Онъ славился умѣніемъ преподавать образно правила грамматики и, говорятъ, выучивалъ своихъ воспитанниковъ языку если не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ другіе. Какъ онъ преподавалъ въ университетѣ, сказать не могу, п. ч. лекцій его почти не посѣщаль. Памятна мнѣ одна лекція, когда онъ заставлялъ своихъ слушателей по очереди читать по-французски отрывокъ изъ хрестоматіи съ цѣлью провѣрить произношеніе, и что же? Почти ни одинъ студентъ не произнесъ правильно и десяти словъ подрядъ. Думаю, что и Плонскій, подобно Пржиборовскому, относился къ дѣлу формально, потому что при такомъ знаніи языка, о которомъ я только упомянулъ, студенты самымъ исправнымъ образомъ всѣ безъ всякаго исключенія изъ года въ годъ выдерживали экзаменъ, получая удовлетворительныя отмѣтки.

Таковъ былъ составъ профессоровъ и преподавателей на 1-мъ курсѣ.

На второмъ—нѣкоторые изъ нихъ остались тѣ же, напр, лекторы языковъ, профессоръ всеобщей исторіи Ковалевскій, который

читалъ теперь, кромѣ новой, исторію Востока, профессоръ римскаго права Д., читавшій римское гражданское право, пр. Струве, излагавшій психологію; русская исторія читалась и на второмъ курсѣ, но ушедшаго Аристова замѣнилъ новый профессоръ Никитскій. Прибавились предметы: политическая экономія, статистика, исторія русскаго права, государственное право и психологія.

Политическую экономію читалъ доцентъ Шимановскій; онъ несомнѣнно принадлежалъ къ отрицательнымъ профессорскимъ типамъ. Былъ онъ одновременно и присяжнымъ повѣреннымъ и, кажется, служилъ въ частномъ банкѣ. Ш. производилъ впечатлѣніе практическаго дѣльца. Владѣлъ онъ русскимъ языкомъ отвратительно, читалъ свой предметъ прескверно. Курсъ его былъ въ высшей степени слабъ и давалъ малое понятіе о политической экономіи. Цѣлыя лекціи, весьма при этомъ не аккуратно имъ посѣщаемыя, представляли собою болтовню неглунаго человѣка и только.

По поводу неаккуратнаго посѣщенія Шимановскимъ лекцій у многихъ изъ его слушателей осталась навѣрно въ памяти часто обращаемая къ пришедшимъ на лекцію студентамъ фраза педеля-малоросса: „г-да, Шимановскій нѣ будѣ“. Эту фразу мы примѣняли и къ другимъ профессорамъ, почему-либо пропускавшимъ лекцію, замѣняя фамилію Шимановскій соотвѣтственной фамиліей отсутствующихъ профессоровъ. Нѣкоторые русскіе студенты потѣхи ради записывали неловкіе и нерусскіе обороты изъ лекцій Шимановскаго; ихъ въ теченіе часа набиралось нѣсколько, и часто они возбуждали гомерическій хохоть. Не знаю, какъ попалъ Ш. въ доценты,—дальше онъ не пошелъ,—но во всякомъ случаѣ онъ былъ совершенно не на мѣстѣ и ничему почти своихъ слушателей не выучилъ. Самъ онъ былъ высокаго роста, съ длинными висящими бакенбардами, но при этомъ, вѣроятно, вслѣдствіе какого-то недуга изломанный пополамъ. Наружное впечатлѣніе онъ дѣлалъ банкира и финансоваго дѣльца. Тотъ же Шимановскій на 3-мъ курсѣ читалъ намъ финансовое право, послѣ того какъ политическую экономію передалъ другому профессору. Финансовое право читалъ онъ не лучше политической экономіи.

До Шимановскаго финансовое право читалось доцентомъ Ив. Ив. Иванюковымъ. Я не слушалъ его, потому что былъ тогда на низшихъ курсахъ, когда же я перешелъ на 3-й, то Иванюковъ былъ уже переведенъ въ Петровскую Земледѣльч. Академію на кафедру политической экономіи. Иванюкова я только видывалъ въ университетѣ. Это была самая обаятельная личность изъ преподавателей (онъ былъ доцентомъ) для студентовъ. Красавецъ собою, изящный, онъ представлялъ типъ русскаго былиннаго богатыря въ родѣ

Алеши Поповича. Иванюковъ считался самымъ либеральнымъ профессоромъ и за студентовъ стоялъ горой. Общеизвѣстенъ случай, гдѣ онъ отстоялъ на экзаменѣ студента-поляка отъ одного очень придирчиваго профессора, поляка же. Про Иванюкова ходили рассказы, что онъ раньше служилъ въ военной службѣ въ кавалеріи и чуть ли не въ кавалергардахъ, затѣмъ сталъ заниматься, выдержалъ университетскій экзаменъ, получилъ степень магистра политической экономіи, отправился въ Америку и тамъ въ качествѣ чуть не батрака изучалъ практически экономическій бытъ этой страны. Оказалось, что это все было на самомъ дѣлѣ.

Студенты относились къ Иванюкову съ удивительной симпатіей. Иванюковъ преподавалъ исторію въ женской гимназіи, и тамъ всѣ ученицы поголовно были влюблены въ него. Я не слышалъ его говорящимъ, но слышавшіе утверждали, что говорилъ онъ очень красиво, особенно въ обществѣ. Что касается до его качествъ какъ профессора и ученаго въ то время, то о нихъ сказать лично ничего не могу. Нѣкоторые изъ его слушателей говорили мнѣ, что какъ профессоръ, опять таки въ то время, Иванюковъ ничего выдающагося собою не представлялъ. Оставляю это на ихъ совѣсти. Впослѣдствіи Иванюковъ довольно много писалъ, и онъ во всякомъ случаѣ извѣстенъ въ Россіи.

Профессоръ статистики и затѣмъ политической экономіи Ѡ. Г. Симоненко значительно превосходилъ по своимъ качествамъ, какъ профессоръ, Шимановскаго. Курсъ его отличался систематичностью, свѣдѣнія онъ давалъ полезныя и нужныя и вообще про него можно сказать, что какъ профессоръ онъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ. Онъ былъ требователенъ, и это заставляло студентовъ относиться къ его предмету серьезнѣе, чѣмъ къ другимъ. Вообще подъ руководствомъ Симоненко можно было изучить его предметъ, да онъ, кромѣ того, умѣлъ пріохотить имъ заниматься, благодаря хорошему и изящному изложенію его. Я, будучи на 4-мъ курсѣ, рѣшилъ писать сочиненіе на медаль на тему по политич. экономіи. Пришлось, конечно, обратиться къ Симоненко за указаніями и источниками. Онъ охотно откликнулся, и я имѣлъ возможность лично убѣдиться, что это былъ вообще серьезный ученый и профессоръ, знающій свой предметъ. Между студентами, однако, онъ былъ мало популяренъ, его считали скорѣе чиновникомъ-профессоромъ, нежели профессоромъ-ученымъ. Послѣдующія событія показали, что это была правда. С. былъ еще молодой человѣкъ лѣтъ 30 съ небольшимъ, довольно болѣзненный и имѣлъ видъ кабинетнаго ученаго. Еще въ началѣ своей ученой карьеры онъ задумалъ написать, по видимому, очень обширный трудъ подъ заглавіемъ: „Государство,

общество и право съ точки зрѣнія законовъ и народнаго хозяйства“, но издалъ только одинъ томъ, такъ сочиненіе это и осталось неоконченнымъ; впрочемъ, это случается нерѣдко съ нашими вновь начинающими профессорами. Особенно плодovitъ въ своихъ писаніяхъ Симоненко не былъ. Въ концѣ своей ученой дѣятельности онъ увлекся статистикой, былъ даже назначенъ директоромъ статистическаго комитета, состоящаго при варшавскомъ генераль-губернаторѣ, и издавалъ статистическій сборникъ для губерній царства Польскаго. Профессоромъ онъ былъ очень долго и умеръ года два, три тому.

Исторія русскаго права имѣла своимъ представителемъ сначала доцента, а затѣмъ профессора С—ва. Человѣкъ крупный—съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, онъ читалъ по тетради скорѣе археологію, чѣмъ исторію права. Въ сущности С—въ и былъ археологомъ и постоянно занимался раскапываніемъ на своей родинѣ, Малороссіи, кургановъ. Какъ профессоръ, онъ былъ слабъ и никакого понятія объ исторіи русскаго права мы изъ его лекцій не вынесли, потому что собственно ея онъ и не читалъ. Мучилъ онъ насъ результатами своихъ археологическихъ развѣдокъ и много, очень много распространялся о древнихъ русскихъ городахъ, которыхъ насчитывалъ нѣсколько тысячъ, за что подвергся довольно злостной критикѣ знатоковъ, которые называли эти города „С—ми“ (отъ его фамиліи).

Государственное право, а въ томъ числѣ русское, читалъ экстрад. профессоръ Хлѣбниковъ. Это былъ человѣкъ, который по облику и по убѣжденіямъ и взглядамъ напоминалъ Владиміра Соловьева, конечно въ мињютюрѣ. Впрочемъ, послѣдняго онъ копировать не могъ, потому что Соловьевъ въ то время былъ еще 20 лѣтнимъ юношей и, вѣроятно, еще сидѣлъ на университетской скамьѣ.

Впечатлѣніе Хлѣбниковъ производилъ вдохновеннаго, но довольно бездарнаго труженика. Способъ его мышленія и самое изложеніе были очень по временамъ туманны, и мнѣ сдается, что иногда онъ самъ чувствовалъ, что понимаетъ неясно и выражается неудобопонятно. Туманности изложенія способствовалъ и самый предметъ преподаванія, заключающій въ себѣ не мало философскаго, отвлеченнаго элемента.

Нѣсколько лучше, занимательнѣе и съ большимъ успѣхомъ онъ читалъ исторію русскаго государственнаго права, гдѣ меньше философскихъ абстракцій; иногда профессоръ оживлялся и бывалъ даже интересенъ въ изложеніи.

Студенты, плохо понимая профессора, просто-на-просто долбили его курсъ и, не соображая нѣкоторыхъ мѣстъ, говорили подчасъ

на экзаменѣ удивительныя несообразности. Такъ, одинъ молодецъ, отвѣчая о паденіи государствъ, сталъ перечислять признаки паденія ихъ, при чемъ объявилъ: государства падаютъ отъ слѣдующихъ признаковъ. Профессоръ замѣтилъ ему, однако, что онъ говоритъ нелѣпость и что логичнѣе было бы, онъ даже сказалъ, что государство падаетъ отъ призраковъ.

Литературный багажъ Хлѣбникова былъ не великъ. Писалъ онъ что-то о Россіи въ домонгольскій періодъ и издалъ докторскую диссертацию: „Право и Государство“, довольно таки жидкое и мало оригинальное разсужденіе.

Психологію читалъ извѣстный уже Струве съ такимъ же успѣхомъ, какъ и исторію философій.

Изложеніемъ русской исторіи на второмъ курсѣ занимался вновь назначенный въ Варшавскій университетъ вмѣсто Аристова профессоръ Никитскій.

Хотя мы и прослушали у Аристова курсъ русской исторіи съ древнихъ временъ Монгольскаго яга, однако Никитскій началъ изложеніе своего предмета съ самаго начала и при томъ сталъ намъ читать исторіографію, которую довелъ до конца.

Онъ читалъ по запискамъ; съ внѣшней стороны курсъ его не блисталъ, хотъ иногда попадались остроумныя замѣчанія и фразы. Въ сущности же курсъ этотъ оказался очень удачнымъ и полезнымъ для студентовъ. Въ немъ была сосредоточена вся русская исторія въ цѣломъ рядѣ очерковъ системъ всѣхъ выдающихся русскихъ историковъ, такъ что въ занимательномъ и систематическомъ изложеніи профессора студенты имѣли полную возможность ознакомиться съ научными воззрѣніями на ходъ русской исторіи. На экзаменѣ Никитскій оказался довольно строгимъ. Въ наукѣ онъ былъ въ то время извѣстенъ, какъ авторъ двухъ историческихъ монографій: „Историческій очеркъ внутренней жизни Новгорода“ и такой же очеркъ Пскова.

Третій курсъ заполненъ былъ исключительно юридическими и общественными науками. На немъ читались: Уголовное право, Международное право, Полицейское право, Исторія славянскихъ законодательствъ и Финансовое право.

Уголовное право излагалъ профессоръ Будзинскій, одинъ изъ болѣе старыхъ профессоровъ. Во время моего поступленія въ университетъ онъ былъ деканомъ юридическаго факультета. Курсъ Будзинскаго былъ не только далекъ отъ совершенства, но былъ даже скуденъ, поверхностенъ и мало наученъ. Какое напр. сравненіе съ Таганцевымъ! Профессоръ, читая его, очень часто пробаивался анекдотами довольно пикантнаго свойства и старался приво-

дять по большей части примѣры довольно игриваго свойства. Благо предметъ былъ такого рода, что можно было избирать такого характера примѣры. Будзинскій производилъ впечатлѣніе скорѣе практика-юриста, чѣмъ ученаго.

Будзинскій спустя годъ или два, когда я кончилъ уже въ 1876 году университетъ, въ званіи профессора былъ назначенъ членомъ вновь открытой Варшавской судебной палаты.

Служа въ палатѣ, я не разъ слышалъ нападки на Будзинскаго, какъ на человѣка довольно безтолковаго. Онъ оказался очень разсѣяннѣмъ и не разъ удивлялъ почтенныхъ и солидныхъ членовъ судебной палаты, привыкшихъ къ аккуратности и точности, тѣмъ, что во время докладовъ путалъ имена обвиняемыхъ, свидѣтелей, обвинителей, называлъ однихъ вмѣсто другихъ и проч. въ такомъ же родѣ. Удивлялись, какъ ординарный профессоръ уголовного права выказывалъ такое легкомысленное отношеніе къ дѣлу, столь серьезному, какъ отправленіе правосудія.

Какъ бы тамъ ни было, профессоръ Будзинскій профессорствовалъ и судействовалъ довольно долго. Студенты не могли не считаться съ его предметомъ и потому, все-таки, понимая важность его для будущей дѣятельности, занимались имъ довольно усердно и только нѣкоторые ограничивались жидкими лекціями профессора.

Международное право излагалъ ординарный профессоръ, тоже полякъ Б. Онъ по службѣ и по возрасту принадлежалъ къ числу болѣе старыхъ профессоровъ факультета. По характеру это была довольно сухая и педантическая личность; онъ смотрѣлъ на студентовъ почти какъ на учениковъ, которыхъ надо держать въ рукахъ; про него рассказывали, напр., что еще до моего поступленія въ университетъ, встрѣтивъ студента въ зданіи университета курящимъ, Б. не постѣснялся вырвать у него изъ рта папироску. Я самъ на экзаменѣ, гдѣ онъ былъ ассистентомъ, имѣлъ возможность убѣдиться въ его подозрительности по отношенію къ студентамъ. Когда, обдумывая отвѣтъ по финансовому праву, я положилъ передъ собой на окно программу и, облокотившись на то же окно обѣими руками, сталъ ее читать, то Б., подкравшись тихо ко мнѣ сзади, сталъ наблюдать, не читаю ли я конспекта или чего-либо въ такомъ родѣ, и затѣмъ удалился.

Курсъ Б. былъ очень сухъ и скученъ, читалъ онъ въ высшей степени снотворно и незанимательно. На бѣду у него бывали подъ рядъ двѣ лекціи. Высидѣть ихъ, хотя бы съ перерывами между каждой лекціей $\frac{1}{4}$ часа, представляло своего рода подвигъ; я очень хорошо помню, что въ концѣ второй лекціи мною овладѣвало такое утомленіе и я до того чувствовалъ себя разбитымъ, что едва си-

дѣлъ. Очень часто буквально клонило ко сну. Вотъ что значить бездарный профессоръ. Ни у одного изъ остальныхъ профессоровъ я ничего подобнаго не испытывалъ.

Желая вѣроятно разнообразить свои лекціи, профессоръ принимался читать литературу своего предмета. Это было что-то невозможное. Сухой перечень на десяткахъ страницъ сочиненій по международному праву, начиная съ Гуго Гроція и даже раньше, и до нашего времени у всѣхъ народовъ съ обстоятельнымъ указаніемъ года изданія.

Говорятъ, что профессоръ въ прежнее время немилосердно рѣзалъ студентовъ на этой, такъ называемой, литературѣ.

Самый курсъ былъ составленъ педантично, сухо, съ разнаго рода подраздѣленіями, и на экзаменѣ нельзя было пропустить ни одного пункта. Этотъ курсъ въ соединеніи съ личностью профессора въ состояніи были внушить полнѣйшее отвращеніе къ самой наукѣ.

Я сказалъ, что Б. былъ подозрителенъ, сухъ и педантиченъ. Этого мало, онъ былъ золъ и придирчивъ. Могу указать два примѣра. Еще до моего поступленія въ университетъ общеизвѣстенъ фактъ желанія Б. во что бы то ни стало провалить на экзаменѣ студента Р—аго, очень способнаго человѣка, который потомъ въ мин. юстиціи занималъ довольно видную должность по юрисконсультской части. Р—аго отстоялъ, симпатичный Ив. Ив. Иванюковъ, но вызвало это большую сенсацію; собирався другой составъ экзаменаторовъ, и тамъ Р. выдержалъ экзаменъ.

Второй примѣръ былъ у меня на глазахъ. Студентъ Ст—въ, уже заканчивая удовлетворительно свой отвѣтъ Б., на послѣдній вопросъ профессора, читалъ ли онъ какую-то книгу, сказалъ, что не читалъ, но при этомъ имѣлъ неосторожность прибавить, что въ университетской библіотекѣ порядочный беспорядокъ и не всегда можно получить желаемое. Этого оказалось довольно, чтобы разсердить профессора. Какъ, какой-то студентъ-мальчикъ осмѣливается критиковать при профессорѣ университетскіе порядки. Тонъ профессора сразу измѣнился, онъ заявилъ, что г. студентъ слишкомъ рѣзко судить, и сталъ за тѣмъ предлагать ему вновь вопросы, несмотря на то, что совсѣмъ было отпустилъ его, очевидно съ цѣлью допечь. Желаніе провалить оказалось для всѣхъ явнымъ и несомнѣннымъ.

Едва-едва бѣдный Ст—въ выкарабкался, получивъ тройку.

За профессоромъ Б. никакихъ особенныхъ трудовъ не числилось, и продолжалъ онъ быть профессоромъ посредственностью долго послѣ оставленія мною университета.

Профессоръ З., въ то время доцентъ, а впоследствии орди-

нарный профессоръ и деканъ, читаль установленный, кажется, только въ одномъ Варшавскомъ университетѣ предметъ—Исторію славянскихъ законодательствъ. Это была маленькая, худенькая фигурка; несмотря на то, что ему въ мое время не было и 30 лѣтъ, онъ казался совершеннымъ старикомъ, что не мѣшало ему, повидимому, пользоваться хорошимъ здоровьемъ, такъ какъ преподавалъ онъ въ университетѣ послѣ того болѣе 30 лѣтъ и преподаетъ и по нынѣ.

3. отличался удивительно звучнымъ и пріятнымъ голосомъ и читаль по тетради громко, внятно, внушительно. Читаль онъ на 3-мъ—4-мъ курсахъ.

Курсъ его былъ очень спеціаленъ и потому могъ быть пригоденъ только для заправскихъ славистовъ или историковъ права; излагалъ онъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ областное и юридическое устройство Чехіи, да еще въ средніе вѣка. Впослѣдствіи онъ читаль энциклопедію, но съ какимъ успѣхомъ, это сказать не могу, потому что это было далеко уже послѣ моего выхода изъ университета.

Полицейское право на 3-мъ курсѣ и за постояннымъ отсутствіемъ особаго профессора по гражданскому судопроизводству и это послѣднее на 4-мъ курсѣ читаль профессоръ Окольскій.

Это былъ небольшой желчный человекъ среднихъ лѣтъ. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ плоховато, но это однако не мѣшало ему помѣщать въ такомъ солидномъ журналѣ, какъ „Вѣстникъ Европы“, статьи по образованію.

Полицейское право Окольскій читаль по тетради довольно сносно, да по правдѣ сказать и предметъ-то такого свойства, что не требуетъ особенной учености и обширной затраты умственныхъ силъ и способностей. Курсъ этотъ былъ въ общемъ компилятивный.

Преподаваніе устава гражданскаго судопроизводства оставляло желать довольно многого. Чувствовалось на каждомъ шагу, что профессоръ не спеціалистъ и не знатокъ своего предмета и читаетъ его потому, что ему поручено его читать. Окольскій излагалъ намъ (на 4-мъ курсѣ) уставъ гражданскаго судопроизводства 1864 года параллельно съ *code procedure civil*, дѣйствовавшимъ еще въ то время въ предѣлахъ Царства Польскаго, хотя впрочемъ послѣдній годъ. Курсъ судопроизводства былъ очень слабъ; студентамъ онъ давалъ малое представленіе о предметѣ, и несомнѣнно ни одинъ изъ нихъ, приступая къ практической дѣятельности по гражданской части, и не подумалъ заглянуть въ этотъ курсъ, какъ руководство. Окольскій, будучи профессоромъ, одновременно съ этимъ былъ и присяжнымъ повѣреннымъ, но и повѣреннымъ онъ былъ далеко не изъ блестящихъ.

Финансовое право, какъ я уже выше говорилъ, излагалъ до моего перехода на 3 курсъ доцентъ Иванюковъ, а послѣ него я слушалъ курсъ уже извѣстнаго доцента Шиманскаго.

На четвертомъ курсѣ читались: гражданское право, уголовное судоустройство и судопроизводство, продолжался начатый на 3-мъ курсѣ предметъ Исторія славянскихъ законодательствъ, гражданское судоустройство и судопроизводство и судебная медицина и психіатрія.

Гражданское право къ сожалѣнію только въ теченіе одного года читалъ профессоръ В. И. Голевинскій. Это была звѣзда первой величины на горизонтѣ Варшавскаго университета.

Человѣкъ среднихъ лѣтъ, болѣзненный, обладающій тихимъ голосомъ, онъ читалъ по тетради съ внѣшней стороны довольно однообразно и даже, пожалуй, сухо. Но за то по содержанію курсъ его представлялъ очень много достоинствъ. Онъ былъ систематиченъ, полонъ, замѣчательно ясенъ и вполне наученъ. В. И. Голевинскій читалъ намъ параллельно курсъ гражданскаго права по Кодексу Наполеона, дѣйствовавшему тогда и нынѣ дѣйствующему въ предѣлахъ Царства Польскаго, и курсъ гражданскаго права по X тому. Кодексу онъ удѣлялъ больше мѣста и времени, а X томъ излагался имъ главнымъ образомъ для указаній отличій отъ болѣе совершеннаго законодательства Кодекса Наполеона.

При пяти лекціяхъ въ недѣлю профессоръ Голевинскій успѣлъ намъ прочесть полный курсъ гражданскаго права. Впослѣдствіи курсъ этотъ читался имъ уже въ теченіе 2-хъ лѣтъ, т. е. на 3 и 4 курсахъ, что несомнѣнно принесло не мало пользы студентамъ, благодаря возможности болѣе подробнаго изложенія предмета.

Профессоръ Голевинскій пользовался огромнымъ уваженіемъ профессоровъ и студентовъ и постоянно избирался деканомъ юридическаго факультета. Это былъ типъ профессора въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Всегда ровный, невозмутимый, даже безстрастный, онъ глубоко зналъ свой предметъ и постоянно слѣдилъ за наукой права. Писалъ онъ немного, но то, что имъ написано, должно цѣниться на вѣсъ золота.

Писалъ онъ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по дѣйствующему въ Царствѣ Польскомъ праву и „объ обязательствахъ“. Это послѣднее сочиненіе по своей стройности, ясности и разработанности вопроса можетъ быть признано образцовымъ. Оно должно быть для всякаго юриста справочной книгой въ этомъ важномъ отдѣлѣ гражданскаго права и въ дѣйствительности оно на дѣлѣ такимъ и оказалось. Къ сожалѣнію, на русскомъ языкѣ имѣется только первая половина этого сочиненія „о происхожденіи и дѣленіи обя-

зательствъ". Вторая половина, излагающая дѣйствіе и прекращеніе ихъ, не переведена съ польскаго на русскій, но это однако не мѣшало еѹ пользоваться. Нужно сказать, что профессоръ Голевинскій одновременно съ профессорскою дѣятельностью несъ и судейскія обязанности. До судебной реформы, будучи профессоромъ, онъ занималъ довольно высокій постъ начальника отдѣленія Правительственной комиссіи юстиціи въ Царствѣ Польскомъ, а по введеніи судебной реформы въ 1876 г. въ губерніяхъ Царства Польскаго занялъ весьма солидный постъ предсѣдателя гражданскаго департамента Варшавской судебной палаты. На этомъ послѣднемъ посту онъ оставался до 1896 года, когда по причинѣ слабаго здоровья оставилъ совершенно и преподавательскую дѣятельность, и службу по министерству юстиціи.

Съ образованіемъ въ 1882 г. комиссіи для составленія новаго Гражданскаго уложенія В. И. Голевинскій, будучи профессоромъ и предсѣдателемъ департамента судебной палаты, былъ назначенъ членомъ этой комиссіи. Оставивъ однако за собою чтеніе лекцій въ университетѣ, онъ только числился предсѣдателемъ департамента, при чемъ его замѣнялъ старшій членъ судебной палаты, свои же труды по юридической части перенесъ въ комиссію. Вотъ вѣроятно причина, почему онъ такъ мало писалъ. Соединеніе званія профессора, да еще гражданскаго права, съ должностью предсѣдателя гражданскаго департамента палаты требовало немалыхъ знаній и огромнаго труда. Особенно этотъ трудъ долженъ былъ оказаться чувствителенъ на первыхъ порахъ введенія судебной реформы, когда профессору приходилось въ качествѣ предсѣдателя вышаго гражданскаго суда въ краѣ руководить практикой этого суда при малой освѣдомленности съ мѣстными законами русскихъ судей-цивилістовъ.

Въ нравственномъ отношеніи профессоръ Голевинскій являлъ собою типъ безупречнаго во всѣхъ отношеніяхъ мудреца. Зная его нѣсколько и посѣщая на дому по дѣламъ чисто научнаго свойства, я всякій разъ выносилъ чувство удивленія отъ его уравновѣшенности и всепрощенія.

Никогда я не слышалъ отъ него слова осужденія или порицанія. По отношенію къ студентамъ онъ былъ удивительно терпѣливъ и мягокъ. На экзаменахъ онъ никому не ставилъ менѣе 3, и вотъ, если нѣтъ человѣка безъ недостатка, то это былъ едва-ли не единственный недостатокъ профессора Голевинскаго.

Мнѣ случилось присутствовать на засѣданіяхъ судебной палаты подъ его предсѣдательствомъ; удивительное терпѣніе и спокойствіе проявлялъ онъ, несмотря на то, что стороны подчасъ сильно злоупотре-

требляли временемъ и терпѣніемъ судей. Это терпѣніе и спокойствіе не покидало профессора и во время экзаменовъ. Студенты отвѣчали подчасъ удивительныя несообразности; онъ только исправлялъ ихъ, но ни разу не возмутился, а было чѣмъ возмутиться.

Профессоръ уголовного судоустройства и судопроизводства Микляшевскій началъ съ того, что на первой же лекціи, — это былъ впрочемъ его обычай и повторялся постоянно изъ года въ годъ — за гипнотизировалъ насъ важностью и трудностью своего предмета. Онъ объявилъ, что на экзаменахъ будетъ строго требовать основательнаго знанія, и пусть уже студенты не сѣтуютъ на него, если онъ будетъ ихъ проваливать при недостаточномъ знаніи предмета. Удивительно, какъ эта угроза дѣйствовала на студентовъ. Предметъ Микляшевскаго считался у студентовъ самымъ труднымъ, самымъ важнымъ, и носились они съ нимъ, какъ съ яйцомъ. Экзаменъ по уголовному судоустройству и судопроизводству назначался (студентамъ самимъ предоставлялось право распредѣлять экзамены по времени) всегда первымъ, какъ требующій свѣжихъ силъ и по такому предмету, сдавши который, съ болѣе легкимъ сердцемъ можно было приступить къ экзамену по другимъ предметамъ, не столь труднымъ.

Въ сущности, это былъ довольно удачный пріемъ заставить студентовъ серьезно отнестись къ предмету. Уголовное судоустройство и судопроизводство само по себѣ не такой ужъ трудный предметъ, чтобы его бояться такъ, какъ его боялись студенты. Правда, до самаго послѣдняго года студентамъ читался курсъ Австрійскаго и Прусскаго судопроизводства, которое дѣйствовало въ губерніяхъ Царства Польскаго до судебной реформы 1876 г. Судопроизводство это было въ достаточной мѣрѣ сложно и усваивалось гораздо труднѣе, чѣмъ легкіе прозрачно-кристалльные уставы 1864 года, но 1875—1876 г. академическій годъ, годъ перехода моего на 4 курсъ, былъ первымъ годомъ, когда отмѣняемое положеніемъ 19 февраля 1875 г. прежде дѣйствовавшее судоустройство и судопроизводство было замѣнено судебными уставами 1864 г., и естественно поэтому, что Микляшевскимъ стали излагаться только начала судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года. Къ чести профессора надо сказать, что повидимому онъ всецѣло былъ проникнутъ благородными и высокими принципами этихъ уставовъ. Видно было, что онъ приложилъ немало усилій къ изученію совершенно новаго для него законодательства. Изложеніе бывало иногда не строго систематическимъ, съ отклоненіями въ сторону, но все же оно дѣйствовало на слушателей весьма благотворнымъ образомъ. Профессоръ невольно заставлялъ студентовъ проникнуться высокими началами, положенными

въ основу Уставовъ, такъ какъ и самъ очевидно вполне былъ проникнуть ими. Слушая лекціи Микляшевскаго, я благоговѣлъ передъ высотой судейской миссіи, исключительно почетнымъ положеніемъ въ государствѣ и обществѣ служителей правосудія, положеніемъ, рѣзко отличающимъ ихъ отъ всѣхъ остальныхъ представителей власти и при томъ ясно и точно закрѣпленнымъ закономъ. Судьи отвѣтственны только передъ своею совѣстью, они независимы въ своихъ мнѣніяхъ, они независимы отъ усмотрѣнія начальства, несмѣняемы, не получаютъ никакихъ наградъ подобно другимъ чиновникамъ и удостоиваются ихъ только по непосредственному усмотрѣнію верховной власти. Эти слова звучали для молодежи чѣмъ-то удивительно чарующимъ, они побуждали посвятить всѣ свои силы, знаніе, всего себя на служеніе высокому дѣлу правосудія. На меня лично лекціи Микляшевскаго произвели такое впечатлѣніе, что я на всю свою жизнь остался фанатическимъ поклонникомъ началъ, положенныхъ въ основу Судебныхъ уставовъ. Пусть лекціи М. были лишены краснорѣчія, пусть онѣ не отличались строгой системой, тѣмъ не менѣе онѣ западали въ душу и вліяли высоко въ нравственномъ отношеніи. Микляшевскій былъ полякъ и, казалось бы, подобно многимъ интеллигентнымъ полякамъ не долженъ бы былъ увлекаться порядками въ области отправления правосудія, вводимыми русскимъ правительствомъ, по русскому образцу съ одно временною отмѣною употреблявшагося въ судахъ польскаго языка и замѣною старыхъ судей, сплошь поляковъ, русскими судьями. Однако это не мѣшало ему отдавать полное преимущество вновь вводимому порядку сравнительно со старымъ. Честь и слава его справедливости и уму.

По странной однако ироніи судьбы, какъ это нерѣдко случается въ жизни, тотъ же самый М. спустя нѣсколько лѣтъ подвергся гоненію извѣстнаго въ свое время попечителя учебнаго округа Апухтина. Послѣдній ставилъ въ вину Микляшевскому его черезчуръ польскій образъ мыслей и стремленіе проводить съ кафедры польскія тенденціи. Не берусь судить о дѣятельности М. въ то время. Быть можетъ, съ теченіемъ времени образъ его мыслей измѣнился. Жизнь особенно въ послѣднее время представляетъ и не такіе примѣры перехода отъ извѣстныхъ убѣжденій къ діаметрально противоположнымъ.

Запугиванія М—го въ началѣ года имѣли свои благотворныя послѣдствія. По его предмету студенты были подготовлены лучше, чѣмъ по всѣмъ остальнымъ, не исключая и гражданскаго права, которому вообще студенты придавали немало значенія.

Нужно сказать однако, что профессоръ Микляшевскій не поль-

зовался особымъ расположеніемъ студентовъ. По общей молвѣ, переходившей отъ одного курса къ другому послѣдующему, онъ былъ профессоръ мелочной и придирчивый, такъ что увлеченіе духомъ судебныхъ уставовъ и умѣніе заставить проникнуться имъ своихъ слушателей составляло одну только черту преподавательской дѣятельности этого профессора.

Судебная психіатрія и судебная медицина по важности предмета, а главное по способу отношенія къ нимъ студентовъ могли быть названы родными сестрами.

Психіатрія читалась студентамъ 4 курса юридического факультета одновременно съ студентами - медиками 5 курса въ больницѣ для умалишенныхъ Ивана Божьяго.

Мрачная это больница, старое зданіе, въ корридорахъ стоялъ холодъ, гуляли сквозные вѣтры.

Профессоръ съ ассистентомъ и студенты располагались въ обширной спальнѣ умалишенныхъ, которая днемъ была совершенно свободна отъ больныхъ. Иногда намъ приводили для демонстраціи того или другого больного, иногда мы толпою во главѣ съ профессоромъ и ассистентомъ въ соупутствіи служителей отправлялись въ общія камеры больныхъ, и здѣсь профессоръ тоже демонстрировалъ то того, то другого больного. Мы всѣ старались держаться въ кучѣ, близко другъ къ другу, потому что наши посѣщенія общихъ камеръ оканчивались иногда или ударомъ кулака со стороны подкравшагося больного или ударомъ колѣнкомъ какого-либо зазѣвавшагося посѣтителя-студента.

Читалъ психіатрію старикъ, докторъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, довольно извѣстный въ Варшавѣ Пленсковскій. Онъ, несмотря на свои старые годы, былъ всего только доцентомъ и такимъ остался, кажется, до конца жизни. Пленсковскій читалъ по обширному каллиграфически написанному курсу. Курсъ этотъ былъ до-нельзя спеціальнъ и сухъ, и смѣло могу утверждать, что изъ него ничего почти не оставалось въ головѣ слушателей. Зная, что по психіатріи невозможно не выдержать экзамена, такъ какъ никто никогда еще не получалъ по этому предмету неудовлетворительной отмѣтки, студенты даже не записывали лекцій. Привлекало ихъ главнымъ образомъ посѣщеніе больныхъ, т. е. собственно практическія занятія по предмету.

Курьезенъ былъ экзаменъ по психіатріи, который студенты, считая самый предметъ вполнѣ малозначущимъ, отнесли на самый конецъ. Не приобрѣтя изъ лекцій ровно ничего, не имѣя передъ собою курса, я, взявъ въ руки программу наканунѣ дня экзамена и запасшись какой-то небольшой брошюркой или можетъ быть кон-

спектомъ по психіатріи, внимательно прочелъ ихъ, сопоставляя съ программой. Эта подготовка отняла у меня 3—4 часа времени. На экзаменѣ я отвѣчалъ даже сознательно и получилъ 5, то же самое было и съ остальными. Никто не провалился. Вотъ какъ держать иногда экзамены и вотъ какъ иногда бываетъ поставлено цѣлесообразно университетское преподаваніе.

Преподаваніе судебной медицины было поставлено однако солиднѣе.

Читалъ намъ опять-таки совмѣстно съ медиками этотъ предметъ бывший до того профессоромъ въ Харьковѣ Котелевскій. Профессоръ Котелевскій, излагая свой предметъ довольно сносно, не упускалъ случая подчеркнуть наше невѣжество въ медицинѣ и снисходительно объяснялъ то или другое изъ ея области. Онъ даже курсу своему предпослалъ для дальнѣйшаго руководства юристамъ небольшой очеркъ строенія человѣческаго тѣла и его отправления. Студенты посѣщали лекціи судебной медицины довольно аккуратно и усердно, во 1-хъ, потому, что профессоръ излагалъ недурно, ясно и немудрствуя подобно Пленсковскому, а во 2-хъ, еще и потому, что самый предметъ по его содержанію далеко не лишенъ занимательности. Нѣкоторые же отдѣлы, касающіеся вопросовъ половой сферы, вызвали у студентовъ особенный интересъ.

Лекціи Котелевскаго разнообразились посѣщеніемъ анатомическаго театра съ цѣлью присутствовать при вскрытіяхъ. Обыкновенно вскрытіе подъ руководствомъ профессора производилъ студентъ, медикъ, а юристы смотрѣли и слушали объясненія профессора. Пробавлялись мы главнымъ образомъ и почти исключительно дѣтскими трупами. Трупъ взрослога человѣка былъ вскрываемъ передъ нами всего только одинъ разъ.

Судебная медицина считалась легкимъ для изученія предметомъ и усвоивалась она, скажу по собственному опыту, легче другихъ преподаваемыхъ намъ предметовъ. Экзамены по ней сходили всегда благополучно.

Таковъ былъ въ мое время въ 1872—1876 г. составъ профессоровъ юридическаго факультета и ихъ преподаваніе.

Для полноты картины не могу не упомянуть о нѣкоторыхъ профессорахъ на другихъ факультетахъ, хоть это придется мнѣ сдѣлать лишь вскользь, потому что знать всѣхъ профессоровъ остальныхъ факультетовъ я естественно не могъ.

Самымъ выдающимся въ мое время по научному достоинству профессорскаго персонала былъ медицинскій факультетъ. Тамъ были довольно крупныя силы, какъ напр. Бродовскій, читавшій патологію и терапію; это былъ настоящій ученый и практикой

онъ почти не занимался. Гирштовтъ—хирургъ. Этотъ занимался и практикой. Гирштовтъ погибъ отъ руки убійцы, работника типографіи, въ которой печаталась издаваемая имъ медицинская газета по поводу недоразумѣнія относительно уплаты заработныхъ денегъ Бродовскій и Гирштовтъ пользовались большимъ авторитетомъ каждый въ своей спеціальности, особенно Бродовскій. И тотъ и другой были до занятія университетской кафедрой военными врачами. Бродовскій же былъ постоянно избираемъ деканомъ. Оба они, особенно Бродовскій, очень строго относились къ знаніямъ студентовъ, и съ ними считались.

Анатомія читалась въ своемъ родѣ знаменитостью, кажется, изъ Вѣнскаго университета, евреемъ Гиршфельдомъ. Предметомъ, по общимъ отзывамъ, онъ владѣлъ прекрасно, но излагалъ по-русски его просто такъ невозможно.

Затѣмъ нельзя не упомянуть о профессорѣ-хирургѣ Косинскомъ, самомъ въ теченіе многихъ лѣтъ замѣчательномъ операторѣ въ гор. Варшавѣ.

Были хорошіе профессора, діагносты практики, напр. по внутреннемъ, особенно груднымъ болѣзнями, напр. Барановскій. При мнѣ еще гремѣла слава замѣчательнаго польскаго врача Халубинскаго, который недавно оставилъ кафедру. Халубинскаго, какъ врача, считали чуть ли не медицинскомъ богомъ; это былъ польскій Захарьинъ.

Остальные два факультета: математическій съ его подраздѣленіемъ на отдѣленіе чисто математическое и естественное и историко-филологическій особенно крупныхъ и выдающихся силъ не представляли, хотя и тамъ были почтенные ученые и люди серьезнаго труда.

Между математиками отличались своими познаніями и солидной ученостью: Соснинъ, сначала доцентъ, затѣмъ ординарный профессоръ и академикъ и профессоръ астрономіи Востоковъ, человекъ знающій, но очень нервный и раздражительный, устроившій, говорятъ, разъ цѣлое избіеніе студентовъ на экзаменѣ.

Между филологами выдавался по своимъ прежнимъ заслугамъ безсмѣнный почти деканъ факультета, бывшій ректоръ Казанскаго университета, больше оріенталистъ, чѣмъ историкъ, извѣстный уже Ковалевскій. По своимъ прежнимъ заслугамъ по изученію римской литературы былъ извѣстенъ и ректоръ университета Благовѣщенскій, читавшій лекціи по этому же предмету. Профессоръ Павинскій былъ извѣстенъ, какъ польскій историкъ.

Кромѣ нихъ слѣдуетъ упомянуть о Троицкомъ, скоро оставившемъ университетъ, и Струве, о которыхъ я говорилъ подробнѣе выше.

Ректоромъ университета по назначенію отъ правительства (въ Варшавѣ избирались профессорскою комиссіей только деканы),— былъ первые полгода моего пребыванія въ университетѣ Петръ Лавровскій, профессоръ-филологъ, а затѣмъ все остальное время и нѣсколько лѣтъ по окончаніи мною университета тоже профессоръ филологъ Благовѣщенскій.

О Лавровскомъ да и о Благовѣщенскомъ я не могу сказать многого.

Первый изъ нихъ—Лавровскій, кромѣ исполненія обязанностей ректора, читалъ на филологическомъ факультетѣ сравнительную грамматику. Ученый въ своей области онъ былъ извѣстный. Не менѣе его былъ извѣстенъ какъ классикъ Благовѣщенскій; онъ былъ до назначенія его въ началѣ 1873 г. ректоромъ Варшавскаго университета, заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ въ Петербургѣ и извѣстенъ, какъ толкователь и переводчикъ Горація. По характеру да и по наружному своему виду Благовѣщенскій рѣзко отличался отъ своего предшественника, Лавровскаго. Это былъ очень толстый, упитанный человѣкъ, довольно добродушный и мягкій.

Онъ былъ женатъ на дочери какого-то не то банкира, не то негодянта, жена его носила ярко выраженный южный типъ. Благодаря женѣ Благовѣщенскаго, женщины сравнительно молодой и красивой, тихій, заросшій отчасти травою, отчасти покрытый газонами университетскій дворъ, гдѣ помѣщалась между прочимъ въ числѣ многихъ другихъ зданій въ особомъ флигелѣ и квартира ректора, часто оглашался звуками подъѣзжавшихъ пролетокъ и экипажей гвардейской молодежи, которая повидимому охотно посѣщала домъ ректора.

Ректорство Благовѣщенскаго ничѣмъ особеннымъ ознаменовано не было. Рѣдко онъ посѣщалъ лекціи и то главнымъ образомъ являлся тогда, когда въ одной изъ аудиторій предстояло чтеніе первой лекціи вновь назначеннаго профессора.

Въ остальное время студенты могли почти постоянно видѣть ректора гуляющимъ по улицамъ, особенно раннимъ утромъ, когда они спѣшили на лекціи.

Попечителемъ учебнаго округа былъ въ мое время и года три еще послѣ меня сенаторъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте, даже не особенно обрусѣвшій нѣмецъ, старавшійся однако на каждомъ шагѣ доказать, что онъ вполне русскій человѣкъ. Являясь иногда на лекціи и то, сколько помню, только русскаго языка Берга, онъ говорилъ громко, рѣзко и внушительно и вообще видъ имѣлъ строгій по натурѣ. Некрасивъ онъ былъ замѣчательно. Онъ никогда не былъ ни ученымъ, ни профессоромъ и пошелъ на постъ попечителя сначала въ Кіевъ, а затѣмъ въ Варшаву изъ инспекторовъ

училища правовѣдѣнія, благодаря покровительству попечителя училища правовѣдѣнія принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Витте старался быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми сильными міра.

Примѣръ стараній былъ у меня на глазахъ. Медали за написанныя студентами на заданную тему сочиненія раздавались на актѣ, происходившемъ ежегодно 30 августа. Медали раздавалъ студентамъ или генераль-губернаторъ (съ 1874 г. послѣ смерти графа Берга намѣстничество было замѣнено генераль-губернаторствомъ) или архіепископъ. Со свойственною ему пронидательностью Витте сообразилъ, что студенты, получающіе изъ рукъ архіепископа медали, могутъ не подойти подъ благословеніе, а это доказывало бы, что университетское юношество заражено либерализмомъ, вольномысліемъ, что, конечно, говорило бы не въ пользу руководителя учебной части въ краѣ, да и вообще всего учебнаго персонала, выпускающаго изъ стѣнъ университета молодежь съ подобнымъ направлениемъ.

И вотъ, важный Витте, сенаторъ, украшаемый голубой лентой Бѣлаго Орла, сталъ самымъ заискивающимъ образомъ просить медалистовъ-студентовъ, стискивая имъ руки, чтобы они для него подошли подъ благословеніе архіепископа. Мы обѣщали. Случилось однако, что архіепископъ Леонтій не прибылъ, и медали раздавалъ генераль-губернаторъ графъ Коцебу, которому слѣдовало только поклониться. Впрочемъ въ общемъ Витте былъ человекъ недурной и старавшійся по возможности все улаживать миролюбовно.

Я далекъ отъ мысли дать полную характеристику дѣятельности этихъ лицъ, поставленныхъ во главѣ учебнаго дѣла Царства Польскаго. Это совершенно не входитъ въ предѣлы моей задачи. Здѣсь я описываю только результаты моихъ наблюденій какъ студента, которому многое изъ этой дѣятельности было даже и недоступно.

Низшій университетскій персоналъ, или т. наз. инспекція, состоялъ изъ инспектора и двухъ его помощниковъ. Въ теченіе перваго полугодія моего пребыванія въ университетѣ, инспекторомъ былъ Іосифъ Шершеневичъ, извѣстный переводчикъ Энеиды Виргилія. Но я его даже не видѣлъ. Во все остальное время должность инспектора студентовъ занималъ очень толстый и очень смиренный человекъ Серно-Соловьевичъ. Его мало знали, онъ студентамъ не надоѣдалъ. Да и то слѣдуетъ сказать, онъ былъ инспекторомъ Варшавскаго, т. е. самаго смирнаго и покойнаго во всемъ государствѣ, университета. Два его помощника постоянно сидѣли только въ канцеляріи и студентовъ тоже не тревожили. Вообще по отношенію

къ инспекціи дѣло обстояло вполне благополучно и сожителство было самое мирное.

Въ настоящее время перейду къ жизни студентовъ.

Обыкновенно съ понятіемъ студенческихъ годовъ въ жизни человека соединяютъ представленіе съ самымъ лучшимъ временемъ, кипучею умственною дѣятельностью, товарищескимъ общеніемъ и самымъ веселымъ проведеніемъ времени.

Относительно себя и моихъ ближайшихъ товарищей по университету я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что наша жизнь въ Варшавскомъ университетѣ далеко была лишена тѣхъ захватывающихъ, полныхъ всякаго интереса минутъ, которыми обыкновенно такъ богата жизнь студентовъ другихъ университетовъ. Въ этомъ несомнѣнно повинны не мы, но къ нашему несчастью сложившіяся неблагоприятно условія жизни. Я и мои товарищи, русскіе студенты, а говорю я только о насъ, потому что жизнь внѣуниверситетская остального громаднаго большинства студентовъ поляковъ мнѣ мало извѣстна—силою самыхъ обстоятельствъ были поставлены въ совершенно обособленное положеніе.

Прежде всего нужно замѣтить, что въ мое время Варшавскій университетъ былъ чисто польскимъ учебнымъ заведеніемъ не въ смыслѣ преподаванія, но въ смыслѣ наличнаго состава его слушателей.

Въ описываемые мною годы въ Варшавскомъ университетѣ числилось до 1000 студентовъ и русскихъ въ немъ было не болѣе нѣсколькихъ десятковъ человекъ; ясно, что эта сравнительно небольшая кучка терялась въ массѣ поляковъ, растворялась ими. Студенты поляки и евреи, которыхъ было не мало въ университетѣ и которые въ качествѣ мѣстныхъ уроженцевъ, воспринявшихъ много отъ поляковъ, считали себя поляками-моисеева закона, подавляя насъ своею громадною численностью, естественно мало или даже совершенно не считались съ нами—русскими. Всюду въ аудиторіяхъ на лекціяхъ, въ корридорахъ, не говоря уже про улицы, въ общественныхъ собраніяхъ, кондитерскихъ и т. под., гдѣ только появлялись студенты, слышалась постоянно польская рѣчь или разговоры о собственныхъ мѣстныхъ интересахъ.

Я могу болѣе подробно говорить о томъ, что приходилось наблюдать во время университетскихъ моихъ лѣтъ въ стѣнахъ самого университета. Жизнь студентовъ внѣ стѣнъ послѣдняго представлялась для меня и моихъ товарищей по причинѣ разъединенія, существующаго между русскими и поляками, мало доступной наблюденію. Съ самаго начала открытія лекцій стало замѣтно, что поляки студенты сами къ себѣ, русскіе опять сами по себѣ.

Русскіе студенты въ громадномъ большинствѣ совершенно не знали ни польскаго языка, ни мѣстныхъ условій, они или выходили изъ первой гимназій въ Варшавѣ, въ которой обучались исключительно русскіе юноши, родители которыхъ прибыли изъ Россіи на службу, или же изъ пріѣзжихъ изъ Россіи воспитанниковъ семинарій. Впослѣдствіи русской элементъ въ Варшавскомъ университетѣ сдѣлался нѣсколько болѣе разнообразнымъ. Будучи русскимъ по своему происхожденію, образу жизни, нравамъ, привычкамъ и наконецъ языку, вся русская университетская молодежь чувствовала себя среди подавляющей по своей численности польской молодежи совершенно чуждой. Общаго дѣйствительно кромѣ желанія учиться было мало, или, лучше сказать, совсѣмъ не было.

Несомнѣнно, что, будь то не русскіе или поляки, а русскіе и французы или нѣмцы или поляки и французы,—за сближеніемъ, несмотря на разницу въ національныхъ чертахъ, дѣло бы не стало.

Молодость близко сходится и общится на почвѣ науки и общихъ всѣмъ условій университетской жизни. Но слишкомъ много къ тому времени накопилось національной вражды, слишкомъ были обострены отношенія между побѣдителями и побѣжденными. Не прошло вѣдь и 10 лѣтъ со времени послѣдняго возстанія. Отчужденіе проявилось сразу и продолжалось до самаго окончанія курса. Незнакомцами и нежеланными гостями явились въ университетъ русскіе, нежеланными были во все время пребыванія въ университетѣ и совершенно чуждыми покинули они университетъ.

На трудное и безотрадное положеніе обрекла національная отчужденность русскихъ студентовъ Варшавскаго университета, имѣвшихъ несчастіе обучаться въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи. вмѣсто открытыхъ дружескихъ товарищескихъ отношеній, которыми такъ привлекательны университетскіе годы, холодное равнодушіе, подчасъ насмѣшливое и чуть не враждебное отношеніе. Повятно, что ничѣмъ хорошимъ нельзя помянуть эти тяжелые годы.

Въ чемъ же оно заключалось—это отчужденіе? Прежде всего въ томъ, что первоначально ни русскіе студенты, ни студенты-поляки повидимому не обращали другъ на друга вниманія. Русскаго студента сейчасъ можно было отличить по совершенному незнанію польскаго языка да, кромѣ того, поляки отлично всѣ знали другъ друга. Несмотря на видимое игнорированіе русскихъ, поляки проявляли иногда нѣкоторое ироническое къ нимъ отношеніе, хоть дѣлали они это, надо признать, очень осторожно.

Ироническая улыбка и вскользь сказанное тихо другъ другу слово иногда только выдавали ихъ чувства. Особенно возбуждали

ихъ недоумѣніе, смѣшанное съ чувствомъ превосходства, поступавшіе въ число студентовъ воспитанники семинарій.

Семинаристы, какъ то извѣстно вообще, не отличаются свѣтскостью и изящными приѣмами, да и одѣты они были далеко не съ такимъ изяществомъ, какъ обыкновенно привыкли одѣваться поляки-варшавяне. Эти ихъ качества и громкій не стѣсняющійся подчасъ разговоръ по-русски другъ съ другомъ вызывали улыбки поляковъ-студентовъ. Отъ рѣшенія всѣхъ общихъ вопросовъ университетской жизни русскіе студенты были молчаливо устранены. Хоть ихъ и не много было, этихъ вопросовъ, но время отъ времени они возникали и рѣшались келейно самими поляками безъ всякаго участія русскихъ. Къ числу такого рода вопросовъ относились, напр., устройство ежегодно огромнаго концерта въ пользу недостаточныхъ студентовъ,—концерта, въ которомъ принимали участіе всѣ лучшія силы польскаго артистическаго міра и дававшего, благодаря вообще симпатіи польскаго общества къ учащейся польской университетской молодежи, весьма крупный доходъ.

Къ устройству этого концерта были допущены только поляки, деньги распредѣлялись исключительно между ими. Ни одному русскому студенту и въ голову не приходило домогаться принять участіе въ дѣлѣ, которое считалось поляками чисто своимъ, домашнимъ, мѣстнымъ. То же нужно сказать и о балахъ въ пользу студентовъ. Въ рѣдкихъ коллективныхъ сношеніяхъ съ профессорами русскіе студенты тоже участія не принимали.

Несомнѣнно, что въ стѣнахъ университета, при ежедневномъ невольномъ общеніи и сидѣніи бокъ о бокъ на скамьяхъ при слушаніи лекцій съ теченіемъ времени завязывались кой-какія знакомства между русскими и польскими студентами. Иначе и быть не могло, но знакомства эти и отношенія далѣе университетскихъ стѣнъ не проникали и касались только взаимныхъ услугъ по части записыванія и исправленія профессорскихъ лекцій. Въ самомъ уже концѣ университетскаго курса я былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ поляковъ-студентовъ и то съ тѣми, которые старательно посѣщали лекціи. Но далѣе простого знакомства и немногихъ словъ въ стѣнахъ университета дѣло не шло.

Что же касается до студентовъ-аристократовъ, которые всегда попадаются во всѣхъ заведеніяхъ или т. наз. пановъ, какъ ихъ называли сами студенты-поляки, то они держались въ сторонѣ не только отъ русскихъ, но и отъ своихъ братьевъ поляковъ, и мы, русскіе, такъ таки до самаго окончанія курса не проговорили къ нимъ ни слова, какъ равно и они къ намъ.

Въ самомъ концѣ университетскаго курса явился родъ поштыки

нѣкотораго если не сближенія, то во всякомъ случаѣ общенія. Дѣло шло о снятіи фотографической группы всѣхъ безъ исключенія студентовъ, прослушавшихъ вмѣстѣ 4-хъ лѣтній курсъ юридическаго факультета. Группа предполагалась для преподнесенія декану факультета профессору Голевинскому, а копія съ нея должны были получить участники.

Поляки относились особенно недружелюбно къ студентамъ, бывшимъ до того уніатами и затѣмъ перешедшимъ въ православіе. Таковыхъ было нѣсколько человекъ у насъ на 4 курсѣ, и вотъ двоихъ изъ нихъ они забраковали, заявивъ, что не желаютъ, чтобы они приняли участіе въ группѣ, не объясняя при этомъ причины. Русскіе студенты запротестовали, и тогда я и другой студентъ русскій, мой товарищъ по первой гимназій, были приглашены въ качествѣ представителей отъ русскихъ студентовъ на общую сходку для рѣшенія этого вопроса. Сходка была назначена на квартирѣ одного студента, жившаго у родителей. Какъ и слѣдовало предвидѣть, ничего изъ нашего протеста не вышло. Поляки въ концѣ концовъ ничего не сказали опредѣленнаго, но сдѣлали по-своему и двоихъ непріятныхъ имъ студентовъ исключили все-таки изъ группы. Результатъ этой сходки сказался собственно въ томъ, что я высказалъ студентамъ полякамъ нѣсколько сильныхъ словъ по поводу того, что они, не имѣя никакого рѣшительнаго основанія, все время игнорировали русскихъ студентовъ и даже чуждались ихъ. Мои однако слова были выслушаны въ совершенномъ молчаніи и ни отъ кого никакого отвѣта, ни возраженія я не получилъ, отношенія же продолжались прежнія.

Затѣмъ послѣ окончанія экзаменовъ русскіе студенты были приглашены на прощальный пикникъ за городомъ, но я, будучи обиженъ выключеніемъ изъ группы 2 русскихъ моихъ сотоварищей и тѣмъ, что въ снятой къ тому времени группѣ отдѣльные медальоны съ фотографіями русскихъ студентовъ были видимо умышленно помѣщены въ такомъ углу группы, что даже сама Фемида отвернулась отъ нихъ, при чемъ помѣщены они были отдѣльной группой подъ всѣми остальными студентами-поляками и рядомъ со студентами, не пользовавшимися рѣшительно никакимъ авторитетомъ и самими слабыми въ умственномъ отношеніи, я отказался принять участіе въ пирушкѣ. Не помню, приняли ли въ ней участіе другіе русскіе студенты.

На этомъ всѣ попытки сближенія и кончились.

Были среди русскихъ студентовъ и такіе, которые входили въ болѣе близкія сношенія съ поляками, но ихъ у насъ было два-три

человѣка, и это сближеніе они покупали цѣною уступокъ, т. е. должны были непременно говорить по-польски.

Они, конечно, въ счетъ не идутъ. Масса же студентовъ русскихъ и поляковъ осталась совершенно чуждой другъ другу. Что меня поражало, такъ это то, что въ то время, какъ все русское и сами русскіе студенты подвергались совершенному игнорированію, евреи, напротивъ того, играли между тѣми же поляками-студентами по временамъ даже первенствующую роль. Во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ заинтересованы были всѣ студенты, голосъ евреевъ игралъ большую роль и съ ними видимо считались. На самой группѣ студентовъ, въ которой тѣ были размѣщены видимо по рангамъ и степенямъ того уваженія и авторитета, который пріобрѣлъ каждый среди товарищей, евреи поставлены были высоко и занимали видныя мѣста рядомъ съ самыми авторитетными студентами-поляками.

Для насъ, русскихъ, это обстоятельство казалось очень страннымъ. Вообще нужно сказать, что во многихъ случаяхъ евреи были хозяевами положенія и дѣйствовали при этомъ не стѣсняясь. Случалось, что иногда безцеремонность нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ просто возмущала. Былъ въ числѣ студентовъ еврейчикъ, сынъ не то банкира, не то капиталиста; тотъ позволялъ себѣ покровительственно протягивать нѣкоторымъ для пожатія лѣвую руку и ничего, сходило.

Таковы были отношенія въ стѣнахъ университета.

Относительно того, что дѣлали студенты внѣ университета, сказать много по указаннымъ мною выше причинамъ не могу.

Что касается поляковъ, то въ общемъ въ описываемое мною время было сравнительно спокойно, и потому и студенты не проявляли той лихорадочной дѣятельности, какъ, напримѣръ, въ послѣдніе годы.

Какъ извѣстно, эпоха 70-хъ годовъ, середины которой касаются мои наблюденія, въ Россіи была эпохой хожденія въ народъ, преклоненія предъ нимъ, стремленія слиться съ народомъ и учиться у него.

Ничего подобнаго въ польскомъ обществѣ не замѣчалось. Ни о какомъ хожденіи въ народъ, ни о сліянніи съ нимъ такъ называемая интеллигенція не думала. Польское общество того времени занимали другіе идеалы. Подъ вліяніемъ литературы и жизни и главнымъ образомъ совершенной неудачи вооруженнаго возстанія за нѣсколько лѣтъ до этого поляки, а въ томъ числѣ и польская университетская молодежь, чутко отзывавшаяся на дѣянія эпохи, поставили себѣ задачей обособленіе и самосовершенствованіе во всѣхъ отрасляхъ жизни, какъ-то: экономическомъ, умственномъ, нравствен-

номъ отношеніяхъ. Работа должна была быть созидательной, но отнюдь не разрушительной. Отсюда стремленіе къ мирному труду во всѣхъ отрасляхъ.

Понятно, что при такихъ идеалахъ, овладѣвшихъ обществомъ, не могло быть мѣста никакимъ активнымъ проявленіямъ неудовольствія. Этимъ и объясняется, что жизнь студентовъ - поляковъ внѣ стѣнъ университета носила характеръ далеко не похожій на тотъ, какой проявился даже въ Варшавскомъ университетѣ въ послѣдніе годы, когда и этотъ университетъ былъ закрытъ. Что же собственно дѣлали студенты внѣ университета?

Да то же или почти то же, что дѣлали вообще студенты въ прежнее время, не столь богатое разнаго рода явленіями политическаго характера.

Нужно сказать, что польская молодежь, учащаяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по самому своему національному характеру, вообще, а въ описываемое мною время и подавно, далеко не была склонна къ особаго рода излишествамъ и проявленіямъ буйства. О какихъ-либо грандіозныхъ попойкахъ, скандалахъ, нарушеніяхъ общественной тишины со стороны студентовъ не было слышно. Не было въ Варшавскомъ университетѣ традиціоннаго празднованія дня открытія университета подобно осужденному гр. Толстымъ Татьянину дню въ Москвѣ. Студенты даже не интересовались днемъ открытія университета, т. е. собственно преобразования его въ 1869 году изъ такъ называнной польской главной школы въ университетъ.

Университетскій судъ собирался рѣдко. Карцеръ пустовалъ, да сказать по правдѣ, я ничего о немъ за всѣ четыре года моего пребыванія въ университетѣ не слышалъ. Несомнѣнно, что студенты общились между собою, но общеніе это носило мирный характеръ. Особенно развита была жизнь въ кондитерскихъ, которыя студенты посѣщали часто и охотно. Верхи театральные всегда имѣли своихъ завсегдатаевъ изъ студентовъ.

Вотъ все, что могу сказать о жизни большинства тогдашнихъ студентовъ внѣ стѣнъ университета. Русскихъ студентовъ было, какъ я уже сказалъ, лишь нѣсколько десятковъ и, несмотря на ихъ сравнительную малочисленность, они общились между собою только по факультетамъ.

Юристовъ русскихъ было нѣсколько человѣкъ на первомъ курсѣ, переходившихъ за тѣмъ дальше и при моемъ поступленіи на высшихъ курсахъ, кажется, всего навсего три человѣка. Мы, поступившіе позже, не имѣли ничего общаго даже съ этими тремя-четырьмя старшими по курсу студентами. Просто не пришлось по-

знакомиться, да и знакомствъ не искали. Поступившіе со мною на первый курсъ русскіе лишь немногіе бывали другъ у друга. Знакомство ограничивалось чаще всего университетомъ. Ни о какихъ сходкахъ, общихъ бесѣдахъ не было и рѣчи. Почему не было близкаго общенія между русскими юристами, я отвѣчать не берусь. Или народъ былъ больно замкнутый въ себѣ или мало было вообще инициативы. Вѣроятно и то и другое вмѣстѣ. Что касается студентовъ русскихъ на другихъ факультетахъ, то я не могу сказать, сходились ли они ближе, чѣмъ юристы.

Да, собственно говоря, ихъ было не много; больше всего было русскихъ на историко-филологическомъ факультетѣ, наплывъ которыхъ въ Варшавскій университетъ изъ году въ годъ усиливался.

Уроженцевъ Россіи привлекали въ Варшавскій университетъ установленныя нарочно и спеціально съ этою цѣлью стипендіи по 350 р. въ годъ, всего въ количествѣ 30. Во время моего поступленія въ университетъ оставалась незамѣщенной только одна стипендія, впоследствии же времени этихъ стипендій уже не хватало и надо было ожидать, пока онѣ откроются. Университетскія стипендіи, установленныя первоначально въ изобиліи только для русскихъ студентовъ, не могли не составлять предмета нѣкоторой зависти для поляковъ, которые хотя и пользовались пособіями и стипендіями изъ другихъ источниковъ, но несомнѣнно въ меньшемъ размѣрѣ.

Обращаясь къ умственной жизни студентовъ Варшавскаго университета въ описываемое время, слѣдуетъ вообще сказать, что ничего выдающагося она не представляла собою.

Несомнѣнно, что студенты посѣщали лекціи значительно аккуратнѣе и усерднѣе, чѣмъ теперь.

Нынѣ этому частому абсентеизму студентовъ на лекціяхъ способствуетъ много такихъ обстоятельствъ, какихъ въ мое время не было на-лицо.

Теперь, помимо прочихъ условій, имѣются, напр., почти по каждому предмету литографированныя и даже печатныя записки. Не то было раньше. Я даже не могу припомнить предмета, по которому можно было бы найти литографированныя записки, о печатныхъ же никто не имѣлъ и понятія. Попадались изрѣдка писанные курсы лекцій за прежніе годы, но они въ большинствѣ случаевъ оказывались, какъ я имѣлъ возможность лично убѣдиться, пріобрѣта два-три изъ нихъ, или мало, или даже совершенно непригодными для пользованія. И въ самомъ дѣлѣ попробуйте, какъ сдѣлалъ это я, пріобрѣсти курсъ лекцій по энциклопедіи права, когда на другой годъ профессоръ излагаетъ далеко не то, что въ прошломъ году

Отсутствіе литографированныхъ и печатныхъ курсовъ волей не-

волей заставляло студентовъ посѣщать лекціи и записывать ихъ, такъ какъ иначе готовиться къ экзамену не было по чемъ.

Правда, что были студенты, которые рѣдко посѣщали лекціи, по ихъ было очень мало и имъ приходилось во время экзамена пристраиваться къ своимъ товарищамъ, которые вели записки. Было два-три человѣка, совершенно не ходившихъ на лекціи, такъ какъ они занимались въ другихъ мѣстахъ и учрежденіяхъ съ цѣлью заработка; ихъ было очень и очень мало. Только лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ довольно исправно пропускались многими студентами, но это были именно тѣ профессора, въ родѣ Ковалевскаго или Пленсковскаго, по предмету которыхъ можно было отвѣчать и не читая ихъ курса непременно, но какое-либо руководство.

Необходимость посѣщать лекціи съ цѣлью записыванія послѣднихъ и приготовленія научнаго матеріала для изученія предмета и прежде всего для выдержанія экзамена имѣла свою хорошую сторону, которая заключалась въ томъ, что неволью заставляла студентовъ вникать въ лекціи профессора, но одновременно съ этимъ эта же система имѣла тотъ крупный недостатокъ, что, записывая за профессоромъ, слушатели неволью больше слѣдили за тѣмъ, чтобы уловить слова, чѣмъ общій смыслъ читаемаго. И это было неизбежно.

Ежедневный опытъ показывалъ, что студенты, особенно изъ ретивыхъ, дорожа каждымъ словомъ профессора, гонялись часто скорѣе за буквою, чѣмъ за смысломъ.

Несомнѣнно, что самый рациональный способъ заключается въ томъ, чтобы, посѣщая аккуратно лекціи, внимательно выслушивать ихъ и затѣмъ уже дома, на досугѣ прочитывать ихъ. Но это, повторяю, было невозможно за отсутствіемъ печатныхъ и литографированныхъ курсовъ. Послѣдніе можно было завести съ согласія профессора, но въ мое время студенты до этого не додумались; вѣроятно не хватило инициативы. Можно было бы, выслушавъ внимательно лекцію, записать затѣмъ ея содержаніе дома, и это было бы наиболѣе полезно, но подобный способъ требовалъ много времени и еще больше труда, а потому охотниковъ продѣлывать все это не находилось.

Какъ никакъ, посѣщеніе лекцій хотъ и при записываніи ихъ во всякомъ случаѣ приносило больше пользы, чѣмъ отсутствіе на лекціяхъ, и потомъ спѣшная и нелѣпая подготовка въ теченіе нѣсколькихъ дней къ экзаменамъ.

Подобная подготовка вносила въ головы студентовъ хаосъ, все спѣшно нахватанное во время ея оставалось въ головѣ совершенно не претвореннымъ лишь до дня экзамена, а затѣмъ безслѣдно испарялось.

Даже записывая аккуратно лекціи, студенты, не прочитывавшіе ихъ затѣмъ въ теченіе года, бывали въ затруднительномъ положеніи во время подготовки къ экзаменамъ, такъ какъ, записывая, не въ надлежащей мѣрѣ усваивали смыслъ читаемаго и многое для нихъ оказывалось новымъ и неяснымъ. Что же говорить послѣ того о тѣхъ студентахъ, которые лекціи посѣщали мало и въ первый разъ познакомились съ предметами по дурно и нечетко записаннымъ лекціямъ товарищей, разобраться въ которыхъ постороннему составляло подчасъ поистинѣ каторжный трудъ.

Каковъ же былъ уровень знаній студентовъ и степень ихъ развитія?

На этотъ вопросъ могу чистосердечно отвѣтить, что какъ то, такъ и другое, по моему мнѣнію, оставляло въ общемъ ожидать большаго.

Какъ бы тамъ ни было, университетъ наполнялся далеко еще не зрѣлыми юношами.

Трудно было ожидать, чтобы всѣ они сразу прониклись необходимостью строго относиться къ своимъ обязанностямъ. Ихъ прежде всего не научила этому средняя школа, которую они только-что покинули.

Попадая въ университетъ, они пріобрѣтали сразу полную свободу и возможность учиться или ничего не дѣлать и, конечно, мало окрѣпшіе въ умственной, да и нравственной дисциплинѣ юноши—почти дѣти, т. к. гимназію въ мое время кончали сравнительно гораздо раньше, чѣмъ теперь въ среднемъ въ 18, 19, а то случалось и въ 17 лѣтъ, скорѣе слѣдовали второму побужденію. Юношей серьезныхъ-ригористовъ было между нами очень мало. Большинство состояло изъ жизнерадостной молодежи, весьма довольной тѣмъ, что она покинула, наконецъ, гимназическую скамью и жизнь по указкѣ.

Вотъ тутъ-то и слѣдовало университету въ лицѣ его профессоровъ и разныхъ преподавателей принять этихъ юношей подъ свое покровительство, съ тѣмъ чтобы любящей и заботливой рукой вести ихъ дальше по пути университетскаго и нравственнаго совершенствованія путемъ разумнаго воздѣйствія на неокрѣпшія еще молодыя силы.

Къ сожалѣнію, однако высшая школа проявила себя въ этомъ отношеніи безразличной.

Профессора являлись въ университетъ, читали лекціи, экзаменовали и только. Какъ они читали лекціи, я уже указалъ выше. Экзаменовали же они такъ, что давали студентамъ полную возможность почти ничего не дѣлать въ теченіе учебнаго года и, не-

смотря на то, получить удовлетворительную отмѣтку на экзаменахъ, т. е. официальное удостовѣреніе въ томъ, что данный студентъ удовлетворительно изучилъ данную науку, въ то время какъ онъ этой науки не только не изучилъ, но даже и не пытался изучать, а употреблялъ только всякаго рода усилія заставить и себя и профессора думать, что онъ что-то изучалъ и что-то знаетъ.

Я уже указывалъ на то, что тѣ профессора, которые предупреждали въ началѣ года студентовъ о необходимости посѣщать ихъ лекціи и о томъ, что будутъ требовать на экзаменѣ основательныхъ знаній, всегда достигали того, что студенты къ ихъ предмету относились серьезнѣе, изучали его добросовѣстнѣе и несомнѣнно знали лучше, чѣмъ предметы профессоровъ, въ этомъ отношеніи мало требовательныхъ.

Слѣдовательно, сама практика жизни, повидимому, совершенно ясная и простая, подсказывала, какъ слѣдовало относиться профессорамъ къ своимъ слушателямъ. Слѣдовало требовать неуклоннаго посѣщенія лекцій, слѣдовало заботиться о томъ, чтобы студенты больше слушали преподаваніе, чѣмъ записывали лекціи со словъ профессора, для чего надлежало озаботиться доставленіемъ матерьяла для изученія предмета въ теченіе года главнымъ образомъ дома, а затѣмъ къ экзамену и наконецъ, главнымъ образомъ, слѣдовало производить экзаменъ такимъ образомъ, чтобы мало свѣдущіе и малоразвитые студенты получали на экзаменахъ такую оцѣнку, которую они заслуживали.

Все это заставило бы студентовъ волей-неволей добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ и по мѣрѣ возможности изучать серьезно извѣстный предметъ и въ концѣ концовъ знать его, а не усваивать какія-то верхушки знанія, его кусочки и отрывки только для экзамена съ тѣмъ, чтобы послѣ него основательно все выпустить изъ головы.

Я говорю только объ отношеніи къ своимъ слушателямъ профессоровъ на юридическомъ факультетѣ. На медицинскомъ, напр., и историко-филологическомъ при практическихъ занятіяхъ и постоянномъ близкомъ общеніи профессоровъ со студентами подобное отношеніе врядъ ли возможно.

Каковы же были результаты подобной системы преподаванія?

Довольно неутѣшительные. Многіе студенты кончали напр. юридическій факультетъ, очень мало вынося по части знаній по многимъ предметамъ.

Профессора, относясь безразлично къ знаніямъ слушателей на экзаменѣ, мало общаясь съ ними даже въ университетѣ, къ чтенію студентами помимо лекцій, сочиненій и книгъ относились подоб-

нымъ же образомъ. Читалъ научныя сочиненія только тотъ, кто хотѣлъ, или тотъ, кто писалъ сочиненія на заданную факультетомъ тему для полученія медали. Но такихъ студентовъ было мало, очень мало. Большинство же рѣшительно ничего не читало, ограничиваясь лишь подзубриваніемъ лекцій къ экзамену.

Понятно, что уровень развитія огромнаго большинства студентовъ-юристовъ оставлялъ ожидать многого.

Я не разъ, присутствуя на экзаменахъ уже на 3 и 4 курсахъ, поражался тѣмъ незнаніемъ, малымъ пониманіемъ и чуть ли не ученическимъ развитіемъ, которое проявляли студенты. Говорились иногда такія вещи, что казалось невозможнымъ, какъ будущій гражданинъ, имѣющій удостовѣреніе въ окончаніи высшаго учебнаго заведенія, слѣдовательно, и дѣятель на разнаго рода поприщахъ жизни, могъ проявлять столь удивительное невѣжество. Однако факты были на-лицо и ничего, -- все сходило благополучно. Профессоръ поморщится, сдѣлаетъ иногда ироническое замѣчаніе, но все-таки въ концѣ концовъ приложитъ оффиціальнѣйшій штемпель въ видѣ удовлетворительной отмѣтки, долженствующій удостовѣрить всѣмъ и каждому, что данное лицо изучило извѣстную науку, и знаетъ ее и что, слѣдовательно, обладаетъ всѣми качествами для занятія хотя бы самаго высшаго положенія въ государствѣ и въ обществѣ. Случалось, что кончавшіе курсъ студенты выказывали до того поразительное мальчишество, чтобы не сказать больше, что, сидя на стулѣ и обдумывая отвѣтъ, позволяли себѣ держа подъ полузастегнутымъ мундиромъ тетрадь съ записками, читать по ней.

А что сказать, напримѣръ, о выпрашиваніяхъ подчасъ у профессоровъ высшаго балла?

Легкимъ отношеніемъ профессоровъ къ знаніямъ студентовъ объясняется, между прочимъ, то повторяющееся очень часто въ жизни явленіе, что лицо, окончившее высшее образованіе, оказывалось ниже и по знаніямъ, и по развитію лицъ, гораздо меньше учившихся, но имѣвшихъ кой-какой опытъ и смѣлку. Про студентовъ-юристовъ Варшавскаго университета моего времени могу сказать, что многіе изъ нихъ являли собою примѣры подобнаго рода.

Несомнѣнно, что, какъ это бываетъ всегда и вездѣ, среди студентовъ оказывались дѣльные впоследствии люди, но дѣлала ихъ такими не система преподаванія, но они сами выходили дѣльными и знающими, несмотря на эту систему.

Принято, особенно въ послѣднее время считать Варшавскій университетъ самымъ слабымъ въ Россіи по составу профессоровъ и вообще научнымъ его силамъ. Быть можетъ, въ настоящее время это и правда, но мнѣ кажется, что въ мое время было не то.

Хотя нѣкоторые изъ профессоровъ (я говорю о юристахъ) и не стояли вполне на уровнѣ требованій, предъявляемыхъ къ людямъ науки и профессорамъ, тѣмъ не менѣе однако все-таки большинство отвѣчало этимъ требованіямъ, а нѣкоторые такъ даже и превышали эти требованія.

Главный ихъ недостатокъ заключался въ отсутствіи педагогическихъ приемовъ. Въ свои руки въ лицѣ новичковъ-студентовъ они получали сырой матерьялъ, изъ котораго можно было выработать сознательно относящихся къ наукѣ людей. Они же предоставляли эту молодежь самой себѣ, своимъ собственнымъ слабымъ силамъ.

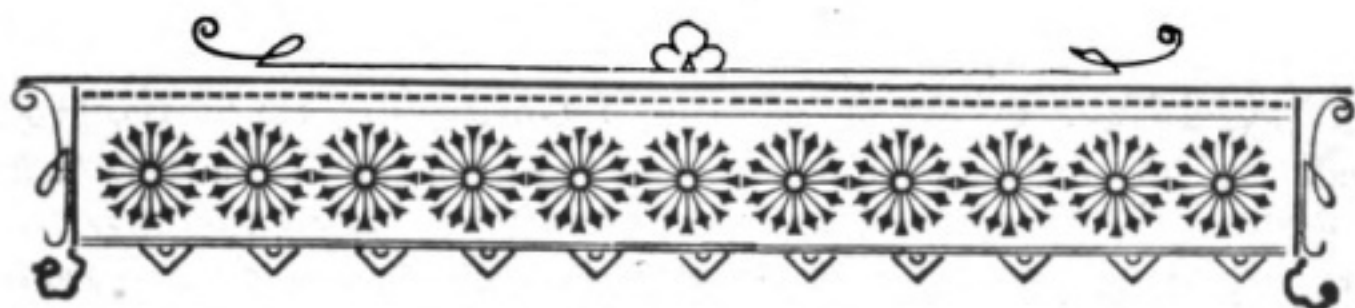
И при такомъ, однако, составѣ, всякій, желавшій учиться и что либо знать, всегда могъ вынести изъ университета эти знанія, и, я увѣренъ, нисколько не уступалъ бы въ развитіи и знаніи студентамъ другихъ болѣе прославленныхъ по своему составу профессоровъ университетовъ Петербургскаго и Московскаго. О студентахъ же медикахъ и говорить нечего. Профессорскій персоналъ здѣсь не уступалъ нисколько другимъ университетамъ, а, пожалуй, даже и превосходилъ его.

Профессора, надо сказать къ ихъ чести, охотно шли навстрѣчу тѣмъ изъ своихъ слушателей, которые проявляли стремленіе къ научнымъ знаніямъ. Такіе студенты всегда могли рассчитывать на всякаго рода содѣйствіе профессора, выражавшееся въ бесѣдахъ на дому, снабженіи источниками и совѣтами.

Относительно себя лично могу сказать, что Варшавскій университетъ далъ мнѣ то, что я былъ въ правѣ ожидать отъ него, какъ высшаго учебнаго заведенія, и увѣренъ, что, окончивъ неэтотъ, но одинъ изъ перворазрядныхъ университетовъ, Петербургскій или Московскій, я не получилъ бы больше знаній и любви къ наукѣ, чѣмъ въ считающемся захудалымъ Варшавскомъ.

К. Н. Туръ.

Приложеніе къ „Русской Старинѣ“.

Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 г. ¹⁾.

(Окончаніе).

Отрядъ мой заходилъ на короткое время въ городъ Оршу, гдѣ незадолго передъ тѣмъ былъ съ частію конницы Мюратъ, король Неаполитанскій, и я поспѣшилъ соединиться съ атаманомъ. Онъ согласился подтвердить донесеніе мое фельдмаршалу, что повелѣніе его, дождаться авангарда въ мѣстечкѣ Толочинѣ, я получилъ, пройдя уже его (хотя я находился за одинъ еще переходъ), и представилъ, съ своей стороны, что, вступая въ огромные лѣса Минской губерніи, ему необходима пѣхота, почему и предложилъ онъ мнѣ слѣдовать съ собою, или сколько можно ближе. Мы находили въ разныхъ мѣстахъ оставленную артиллерію, и даже сброшенную въ воду съ такою торопливостію, что не доставало времени скрыть ее отъ глазъ! Потеря въ людяхъ несравненно превосходила всѣ другія. Тысячи были умершихъ и замерзающихъ людей. Нигдѣ не было пристанища; мѣстечки и селенія обращены въ пепелъ и, умножавшіеся плѣнные, все больные и раненые, большое число чиновниковъ (non combatants), должны были ожидать неизбѣжной смерти. Ежеминутное зрѣлище страждущаго человѣчества истощало состраданіе и самое чувство сожалѣнія притупляло. Каждый изъ сихъ несчастныхъ, въ глазахъ подобныхъ ему, казалось, переставалъ быть человѣкомъ. Претерпѣваемые страданія были общія, бѣдствія свыше всякаго воображенія! Не имѣя средствъ подать помощь, мы видѣли въ нихъ жертвы, обреченныя на смерть.

Атаману Платову сообщено къ свѣдѣнію данное мнѣ приказаніе, содѣйствуя ему исполнять, по возможности, его требованія.

¹ См. „Русск. Старину“ августъ 1912 г.

Обращенный къ городу Могилеву съ отрядомъ, графъ Ожаровскій занялъ Могилевъ, взялъ немногихъ оставшихся поляковъ и гошпитали. Генералъ Бороздинъ съ отрядомъ наблюдалъ дороги въ окрестностяхъ, гдѣ непріятеля уже не было! ¹⁾ Назначеніемъ своимъ Бороздинъ обязанъ покровительству дежурнаго генерала Коновницына, котораго не отказывалъ онъ человѣку, умѣющему способствовать ему ловкимъ образомъ. Дарованіямъ всякаго другого имѣлъ онъ снисхожденіе способствовать не быть на видномъ мѣстѣ.

Наполеонъ отступилъ съ невѣроятною поспѣшностію, опасаясь быть настигнутъ нашею арміею прежде перехода за рѣку Березину. Но опасенія эти были напрасны, и, хотя точныя были свѣдѣнія о непріятельской арміи, фельдмаршалъ не трогался съ мѣста, правдоподобно, съ тѣмъ расчетомъ, что далекій путь, усиливающаяся зима, свирѣпствующій голодъ и предстоящая борьба при Березинѣ, безъ содѣйствія главной арміи, приведутъ французское войско въ состояніе близкое къ разрушенію.

Если бы атаманъ Платовъ изъ главной квартиры имѣлъ во-время извѣщеніе о выходѣ трехъ тысячъ человѣкъ польскихъ войскъ изъ Могилева, они были бы въ рукахъ нашихъ; ибо въ слѣдъ за нимъ шелъ весь отрядъ мой. Непонятно ему было равнодушіе, съ которымъ смотрѣли на важнѣйшій тогда предметъ соединенія съ арміею адмирала Чичагова и необходимость усилить ея средства.

Поздно вечеромъ, окончивши переходъ, 15 числа ноября расположился я на ночлегъ у селенія Лошницы, послѣдней почтовой станціи къ городу Борисову. Здѣсь явился ко мнѣ адъютантъ адмирала Чичагова, поручикъ Лисаневичъ, съ предложеніемъ присоединиться къ нему въ городъ Борисовъ съ моимъ отрядомъ, о слѣдованіи котораго узналъ онъ отъ атамана Платова.

Адъютантъ разсказалъ мнѣ подробно, что атаманъ, приблизившись къ Борисову, имѣлъ впереди храбраго партизана Сеславина, который, не замѣченный въ темнотѣ, ворвался въ городъ. Внезапность происшествія, тысячи появившихся казаковъ произвели общее смятеніе. Слабая дивизія французской пѣхоты генерала Партуно поспѣшно удалилась, въ надеждѣ пройти къ войскамъ, стоявшимъ у переправы, но пресѣкли ей путь войска графа Витгенштейна, и

¹⁾ Задолго прежде вышла изъ Могилева дивизія польскихъ войскъ генерала Домбровскаго, равномѣрно и послѣдніе отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ разныхъ частей войскъ выступили весьма недавно. Бороздинъ донесенія свои отправлялъ непосредственно въ главную квартиру. Если бы Бороздинъ не былъ прежде флигель-адъютантомъ, князь Кутузовъ, со всею провицательностію своею, затруднился бы найти назначеніе, въ которомъ могъ онъ быть на что-нибудь годнымъ. Пѣвецъ искусный и пріятный!

она, равно какъ два кавалерійскіе полка рейнской конфедераціи, принуждены были сдаться плѣнными, и городъ остался во власти нашей и восстановлено сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ рѣки.

Отправивъ обратно адъютанта, я представилъ чрезъ него строевой рапортъ адмиралу, и просилъ доложить ему, что войска, только что сдѣлавшія переходъ, готовы охотно совершить новый, что я, находя нужнымъ дать время на свареніе каши, поправленіе обуви и отдыхъ, всего не болѣе четырехъ часовъ, выступлю непременно.

Быстро шли войска, желающія боя, и задолго предъ полуднемъ вошли въ Борисовъ, не сдѣлавъ на маршѣ привала, и тотчасъ приступили къ работамъ при переправѣ.

На переходѣ моемъ отъ Лошницы въ ночное время слѣдовавшіе позади коши трехъ казачьихъ моихъ полковъ частію захвачены были скрывавшимся въ лѣсу непріателемъ, многія толпы котораго въ добровольной сдачѣ находили расчетъ не умереть съ голоду.

Прибывши въ Борисовъ предъ полуднемъ, явился я къ атаману, который сообщилъ мнѣ желаніе адмирала, чтобы я посидѣлъ присоединиться къ нему, и я приступилъ немедленно къ устройенію переправы. Черезъ рѣку Березину и ея протоки сдѣланы были временные на козлахъ мосты, постланы соломой, поливаемы водою, скрѣпляемою морозомъ. Безъ затрудненія перешла пѣхота, артиллерія и зарядные ящики перевезены не безъ опасности. Особенная способность и ловкость казаковъ отвратили всѣ прочія препятствія; отысканы броды, два кирасирскіе полка переправились безъ потери времени.

Доходившіе до насъ смутные и тревожные слухи объяснились по прибытіи въ Борисовъ. Городъ весьма недавно занятъ былъ адмираломъ съ значительными силами, высланъ авангардъ по направленію на Лошницу подъ команду генерала графа Палена (родного брата знаменитаго Петра Петровича). Непритель, пользующійся лѣсистымъ мѣстоположеніемъ, кавалерію нашу, шедшую впереди, опрокинулъ съ урономъ; она смяла не вдалькѣ подкрѣпившую ее пѣхоту и, не предваря о происшедшемъ, авангардъ въ величайшемъ разстройствѣ явился у Борисова, и за нимъ преслѣдующій непритель ворвался въ городъ. Адмиралъ отступилъ съ войскомъ за мостъ и, по его приказанію, онъ сожженъ. Потеряны обозы съ лошадьми, вмѣстѣ и экипажи адмирала со всѣмъ имуществомъ, дорогими вещами и серебрянымъ сервизомъ на столѣ, готовомъ для обѣда. Прервано наблюденіе на лѣвомъ берегу Березины.

При переходѣ Наполеона чрезъ мѣстечко Бобръ, къ нему присоединились: свѣжій корпусъ маршала Виктора, всѣ войска маршала Удино, защищавшія Полоцкъ (исключая Баварскаго корпуса, съ которымъ генералъ князь Вреде прямо изъ Полоцка отправился въ Литву), равно и войска польскія генерала Домбровскаго.

Въ Борисовѣ былъ генераль графъ Витгенштейнъ съ его главною квартирою. Главныя силы его корпуса были въ близкомъ разстояніи; при немъ находилась часть ихъ, не допускаемая до переправы арріергардомъ маршала Виктора, а съ нимъ войска всѣ на правомъ уже берегу рѣки Березины.

Графъ Витгенштейнъ, по давнему знакомству ¹⁾, принялъ меня съ особеннымъ вниманіемъ, и я нашелъ тѣ же свойства рыцаря и ни малѣйшей гордости, хотя легко могла она выказаться при разсказѣ о соображеніяхъ и планахъ, имъ исполненныхъ, о многихъ выигранныхъ генеральныхъ сраженіяхъ, о мужествѣ войскъ, которымъ ничто противостать не можетъ. Онъ говорилъ мнѣ, что адмиралъ Чичаговъ, имѣя средства возбранить переправу, или нанести арміи Наполеона сильное пораженіе, но, оставя слабый отрядъ генерала Чаплица, со всѣми войсками отдалился на большое разстояніе. Графу отвѣчалъ я, что мнѣ извѣстенъ сообщенный ему общій планъ дѣйствій, Государемъ Императоромъ начертанный, который доставленъ фельдмаршалу флигель-адъютантомъ полковникомъ Чернышевымъ въ селеніе Красная Пахра, въ шестой день по занятіи Наполеономъ Москвы, когда армія наша, правымъ берегомъ Москвы рѣки, совершила достопамятное фланговое движеніе до города Подольска и перешла на Калужскую дорогу. Никто предполагать не могъ, что, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ, Наполеонъ найдетъ въ необходимости предпринять отступленіе, и потому большую еще основательность имѣло соображеніе Государя направить значительныя силы на линію непріятельскихъ коммуникацій, гдѣ находились склады огромныхъ заготовленій, расположены рекрутскія депо, проходили къ арміи отряды и разнаго рода снабженія. Исполненіе сего возлагалъ фельдмаршалъ на адмирала Чичагова, разсчитывая, что къ тому приступитъ онъ не менѣе, какъ съ шестидесятью тысячами человѣкъ. Предписаніе получено имъ, когда находился онъ противъ генерала князя Шварценберга, начальствующаго австрійскими войсками, и корпуса саксонцевъ подъ командою французскаго генерала Ренъе, ревностнаго исполнителя повелѣній Наполеона, требовавшаго съ настойчивостію отъ князя Шварценберга болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Адмиралъ, для удержанія ихъ, оставивши генераль-лейтенанта барона Остенъ-Сакена съ двадцатью шестью тысячами человѣкъ, съ прочими войсками

¹⁾ 1794 года состояли мы при генераль-аншефѣ князѣ Репнинѣ, главнокомандующемъ арміею, расположенною въ Литвѣ. 1796 года въ армію, подъ начальствомъ генераль-аншефа графа Зубова, дѣйствовавшую противъ Аги-Магметъ-Шаха, присланъ былъ курьеромъ полковникъ графъ Витгенштейнъ съ извѣстіемъ о кончинѣ Императрицы Екатерины II.

взялъ направленіе, чрезъ городъ Минскъ, на Борисовъ, главную операціонную линію непріятеля. Въ обязанности его было стараться войти въ сношеніе съ войсками подъ городомъ Полоцкомъ, сопротивленіе котораго не полагалось продолжительнымъ, когда придутъ дружины С.-Петербургскаго и Новгородскаго ополченій, отрядъ генераль-адъютанта Кутузова и значительныя подкрѣпленія генераль-лейтенанта Штейнгеля, призваннаго изъ Финляндіи. Итакъ въ тылу арміи Наполеона, у котораго нельзя было подозрѣвать намѣренія скорого отступленія, могли составиться силы, угрожающія гибельными послѣдствіями. Графу Витгенштейну извѣстно уже было, что причиною отдаленія адмирала къ городу Игумену былъ фельд-маршалъ, имѣвшій неосновательныя свѣдѣнія, что Наполеонъ найдетъ тамъ удобнѣйшую переправу. Сообщивши графу, что сего дня (16 числа ноября) атаманъ Платовъ со всѣми казаками и моимъ отрядомъ, въ теченіе ночи, присоединится къ арміи адмирала, я съ нимъ разстался ¹⁾.

Въ позднее время ночи, на 17 число ноября, атаманъ съ войсками присоединился къ арміи адмирала. Здѣсь узнали мы, что въ слѣдованіи въ своемъ чрезъ городъ Минскъ, адмиралъ овладѣлъ огромными въ немъ складами провіантскихъ запасовъ, комиссаріатскихъ, госпитальныхъ и аптекарскихъ вещей, для охраненія которыхъ оставленъ небольшой отрядъ войскъ. Далѣе на пути авангардъ его, подъ начальствомъ храбраго генераль-адъютанта графа Ламберта, нашель предъ городомъ Борисовымъ занятое непріателемъ мостовое укрѣпленіе, нами прежде устроенное для прикрытія моста, длиною немного менѣе версты, чрезъ болота, прорѣзанныя рѣкою Березиною и ея протоками. Графъ Ламбертъ далъ приказаніе пѣхотѣ сомкнуться въ колонны, немедленно атаковалъ укрѣпленіе и взялъ его штурмомъ. Упорна была защита, великъ непріятеля уронъ. Генераль Домбровскій отступилъ за рѣку и въ городѣ не остановился.

---

¹⁾ Въ главной его квартирѣ, въ должности дежурнаго генерала нашель я артиллеріи генераль-маіора Бѣгичева (Ивана Матвѣевича). При взятіи Суворовымъ, въ 1794 году, штурмомъ Варшавскаго укрѣпленія Праги, онъ служилъ капитаномъ, старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ въ его арміи и командовалъ артиллеріею. Многие изъ насъ, въ равномъ съ нимъ чинѣ, имѣли въ немъ начальника строгаго и взыскательнаго. На вопросъ мой: „Что дѣлаете вы здѣсь хорошаго?“ вотъ точный его отвѣтъ: „Ведемъ себя, какъ ребятишки, которыхъ надобно сѣчь розгами. Знаемъ, что авангардъ близко; первая и вторая линіи ходятъ особенно каждая, и скоро ли придутъ, не знаемъ! Главные дѣятели у насъ: артиллеріи генераль-лейтенантъ князь Яшвиль и квартирмейстерской части генераль-маіоръ баронъ Дябичъ“. Я не могъ ихъ дожидаться, и мы разстались въ генераломъ Бѣгичевымъ.

Досталось побѣдителямъ шесть пушекъ и до двухъ тысячъ плѣнныхъ ¹⁾. Адмиралъ пришелъ къ рѣкѣ Березинѣ, имѣя менѣе тридцати тысячъ человекъ, слѣдовательно, не съ половиною предполагаемаго фельдмаршаломъ количества. Онъ не имѣлъ свѣдѣнія о нашихъ войскахъ; еще менѣе, гдѣ и съ какими силами Наполеонъ. На лѣвомъ берегу Березины, въ городѣ Борисовѣ, находился непріятель, гдѣ, по твердому сопротивленію и хорошему состоянію войскъ генерала Домбровскаго, заключилъ онъ, что и прочія части арміи въ равномъ устройствѣ.

Ноября 17-го числа, съ разсвѣтомъ, явился я къ адмиралу. Благосклонно принявъ меня, онъ говорилъ, что, бывши извѣщенъ о появившейся непріятельской кавалеріи на лѣвомъ берегу Березины, въ 23 верстахъ ниже Борисова, онъ, оставивши съ генераломъ Чаплицемъ отрядъ прикрытія Зембинскаго дефіле, прошелъ мимо Борисова и далѣе по направленію на Игумень. но возвратился съ возможною поспѣшностію, извѣщенный, что въ селеніе Вытча прибылъ непріятель въ большихъ силахъ, занялъ возвышенный лѣвый берегъ Березины огромными батареями, обстрѣливающими противолежащую низменность, устроилъ мосты, и уже значительная часть пѣхоты перешла съ пушками. Генераль-маіоръ Чаплицъ, не имѣя средствъ удерживать ихъ, принужденъ истребить мостъ чрезъ рѣчку Гойну, открыть Зембинское дефіле и отступить въ лѣсъ, котораго за нимъ въ слѣдъ большое пространство захватилъ непріятель. Атаману Платову предложено адмираломъ послать отрядъ казаковъ вверхъ по рѣкѣ Гойнѣ, для того, чтобы, перейдя чрезъ нее, разрушить мосты и гати въ Зембинскомъ дефіле. Я осмѣлился представить адмиралу мои мысли: что, „если бы Наполеонъ встрѣтилъ невозможность идти на мѣстечко Зембинъ, ему оставалось единственное средство овладѣть дорогою на Минскъ, гдѣ при изобильныхъ всякаго рода запасахъ (которыми снабжается армія ваша и всѣ прочія войска), доставить своей арміи отдохновеніе, призвать изъ Литвы подкрѣпленія и возстановить въ ней порядокъ“, адмиралъ отвѣчалъ мнѣ, что, защищая Зембинскую дорогу, онъ исполнялъ въ точности повелѣніе фельдмаршала.

Въ званіи моемъ Начальника Главнаго Штаба 1-й арміи, мнѣ извѣстны предположенія Его Свѣтлости, князя Кутузова. Вы теперь изволите видѣть, сколько не сходствуютъ съ ними настоящія обстоятельства, и сколько велика разность средствъ, состоящихъ въ распоряженіи вашемъ, когда съ Наполеономъ соединились корпусъ

¹⁾ Графъ Ламбертъ получилъ тяжелую рану, и въ арміи адмирала не стало одного изъ отличнѣйшихъ и распорядительнаго генерала.

маршала Виктора и войска маршала Удино, вышедшія изъ Полоцка. Изъ нихъ были плѣнные, взятые еще вчерашній день, слѣдовательно, графъ Витгенштейнъ не воспрепятствовалъ имъ присоединиться ¹⁾.

Рано утромъ 17 числа въ лѣсу загорѣлась перестрѣлка и усиливалась чрезвычайно. Пѣхотою нашею, разсыпаною въ стрѣлкахъ, распоряжался храбрый и отличныхъ способностей генераль-лейтенантъ Сабанѣевъ, начальникъ главнаго штаба арміи адмирала.

Не всѣ еще собраны были войска арміи. Составляющіе резервъ ея гренадерскіе, отличные баталіоны были на возвратномъ маршѣ отъ Игумена. Кавалерія, въ совершенномъ порядкѣ сбереженная, по причинѣ лѣсистаго мѣстоположенія, была бесполезною, и артиллеріи часть ничтожная была употреблена, расположенная въ просѣкѣ лѣса, на почтовой дорогѣ: впереди легкія орудія въ равномъ количествѣ съ непріятельскими; сзади батарейныя, стрѣлявшія навѣсно на столпившуюся въ просѣкѣ пѣхоту. Войска моего отряда составляли резервъ арміи ²⁾. Замѣчено было, что число непріятеля умножилось; онъ замѣнялъ утомленныя войска свѣжими, тѣснилъ наши. Атаки возобновлялись часто и усиленныя. Не было въ лѣсу поляны, гдѣ бы небольшіе отряды кирасиръ не разстроивали нашей пѣхоты, даже нанося уронъ. Причину ожесточеннаго боя объяснили намъ схваченные плѣнные, извѣстивъ, что Наполеонъ переправился черезъ Березину и находится при войскахъ.

На лѣвомъ берегу бывшая пѣхота переходила по мостамъ, оставались во множествѣ тяжелыя орудія, военные обозы и частныя экипажи, заграждавшіе доступъ къ рѣкѣ. Не прежде десяти часовъ утра появились передовыя войска графа Витгенштейна и ограничились перестрѣлкою изъ орудій. Въ первомъ часу по полудни соединился весь его корпусъ; недолго противостоялъ непріятель гу-

---

¹⁾ Расположенному въ окрестностяхъ города Мозыря, генераль-лейтенанту Эртелю съ отрядомъ изъ пятнадцати тысячъ человекъ, благовременно предписано было прибыть къ арміи адмирала; но въ ожиданіи разрѣшеній на бессмысленные свои вопросы, потерявъ время, онъ остался на своемъ мѣстѣ. Генераль Эртель отличался особенными расторопностію и ловкостію; низкою угодливостію, въ должности московскаго оберъ-полицеймейстера, приобрѣлъ онъ извѣстность. Дежурный генераль Коновницынъ, зная враждебное расположеніе князя Кутузова къ адмиралу, изыскалъ способъ генерала Эртеля избавиться отъ ответственности за послушаніе, и тѣмъ не раздражилъ фельдмаршала!

²⁾ Появленіе гвардейскихъ полковъ егерскаго и финляндскаго, гвардейской артиллеріи, лейбъ-кирасирскихъ полковъ Его и Ея Величествъ произвело на духъ войскъ арміи адмирала полезное дѣйствіе. Кто бы не подумалъ, что и фельдмаршалъ съ арміею находится въ близкомъ разстояніи!

бительнымъ его батареямъ; разметавъ препятствія, занимали онѣ возвышенности лѣваго берега рѣки, производя ужасное пораженіе въ отступающихъ войскахъ по низменности праваго берега. Все пришло въ отчаяніе, смятеніе было общее. Всѣ вдругъ бросились на мосты, тысячи безоружныхъ людей открывали себѣ путь, сбрасывая повозки въ воду. Мосты, не выдержавши напора, обрушились.

Въ десять часовъ утра, того же 17 числа, Наполеонъ вступилъ въ Зембинское дефіле. Стремительно бросилась за нимъ пѣхота его, съ большимъ урономъ изгоняемая изъ лѣсу войсками адмирала, и между плѣнными взяты многіе чиновные офицеры ¹⁾. Тогда уже замѣченъ былъ большой безпорядокъ на мостахъ, отъ опасенія впасть въ наши руки, когда берегъ занятъ будетъ нашими, овладѣвшими имъ, войсками.

Атаманъ Платовъ доложилъ адмиралу Чичагову о возвращеніи партіи, посланной имъ для истребленія мостовъ и гатей по дорогѣ на Зембинъ. Надобно было перейти рѣчку Гойну не замерзшую, хотя повсюду не глубокую, но невозможно было ближе тридцати и болѣе саженьей подойти къ ней, по причинѣ непроходимыхъ болотъ, въ которыхъ увязаютъ лошади на всемъ разстояніи до самаго ея берега.

Итакъ непріятельская армія въ полномъ и рѣшительномъ отступленіи. Кончены на рѣкѣ Березинѣ всѣ трудныя и сложныя соображенія и расчеты!

Князь Кутузовъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о гибельномъ положеніи непріятельской арміи; со свойственной ему прозорливостію предусмотрѣлъ неотвратимыя бѣдствія, непрерывно возрастающія и грозящія ей впослѣдствіи. Ей предлежалъ далекій путь до границъ нашихъ, зима наставала лютая и необходимость быстрого отступления, при совершенномъ изнуреніи отъ голода и стужи. Ощутительно было, судя по тысячамъ труповъ, застилающихъ дорогу, что она не избѣгнетъ состоянія, близкаго къ разрушенію. Напротивъ, наша армія, безъ жертвованій, будетъ, сколько возможно, сбережена!

Постоянна была мысль князя Кутузова о томъ, на что можетъ рѣшиться Наполеонъ въ крайности, въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, и что не существуетъ опаснаго и отчаяннаго предпріятія, на ко-

¹⁾ Плѣнный французскій офицеръ, старый, весьма израненный командиръ полка легкой пѣхоты, жившій у меня до выступленія нашего за границу, сказывалъ, что въ сраженіи и при переправѣ погибло не менѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ собственно военнаго званія и множество людей разныхъ націй, состояній и ремесль.

торое не вызвались бы приверженцы Наполеона, его гвардія и самая армія, когда онъ предводительствуетъ ими и единственное остается средство спасти его для славы Франціи, и надежда увидѣть отечество!

Цѣль достигнута! Нѣсколько тысячъ плѣнныхъ болѣе, и если бы даже нѣкоторые изъ маршаловъ, не увеличили бы славы и торжества русскихъ!

Не могла слабая армія адмирала удержать Наполеона. Ему выгоднѣе было направленіе на Минскъ, но болѣе необходимъ былъ кратчайшій путь; ибо могъ ли онъ не полагать, что вся наша армія въ самомъ близкомъ разстояніи и, соединясь съ арміею адмирала для преслѣдованія, могла его уничтожить? Оставивши не мало плѣнныхъ, всѣхъ вообще не имѣвшихъ оружія и больныхъ, Наполеонъ отправился на Зембинъ. За нимъ вскорѣ посланъ генераль-маіоръ Чаплицъ; но какъ слабъ былъ составъ командуемаго имъ авангарда, адмиралъ предложилъ мнѣ подкрѣпить его моимъ отрядомъ. Я охотно исполнилъ приказаніе, предоставляя генералу Чаплицу, хотя младшему чиномъ, полное распоряженіе. Непрiятель, по возможности, старался препятствовать скорости нашего движенія, разрушалъ мосты на протокахъ и оврагахъ, сожигалъ селенія. Не разъ пушечные выстрѣлы наши разгоняли толпы ихъ. Занявши мѣстечко Молодечно, мы захватили офицерскую одежду, которую не успѣли взять съ собою спасшіеся бѣгствомъ. Здѣсь адмиралъ позволилъ мнѣ остановить отрядъ, дать людямъ отдыхъ и далѣе идти по собственному усмотрѣнію. Невдалекѣ за авангардомъ двигалась вся его армія.

Не позволяю себѣ оставить безъ описанія о происходившемъ на рѣкѣ Березинѣ, когда мы оставляли ее, и чего я былъ очевидный свидѣтель. На мостахъ, частями обрушившихся, бывшія пушки, разныя тяжести, упали въ рѣку; толпы людей, сходявшихъ на ледъ, между которыми не малое количество было женщинъ съ дѣтьми и грудными ребятами. Никто не избѣгъ лютости мороза! Никогда не случится видѣть столько ужаснаго зрѣлища! Счастливы окончившіе бѣдствія свои вмѣстѣ съ жизнію. Они оставили завидующихъ ихъ участи! Несчастнѣе несравненно были сохранившіе жизнь для того, чтобы лишиться ея отъ жестокости холода, въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Судьба, отмщающая за насъ, представила намъ всѣ роды отчаянія, всѣ виды смерти. Рѣка покрыта была льдомъ прозрачнымъ, какъ стекло: подъ нимъ видно было, во всю широту рѣки, множество погибшихъ. Непрiятель оставилъ огромное число артиллеріи и обозовъ. Не перешли Березины богатства ограбленной Москвы! Непрiятель понесъ срамъ бѣгства, и ограниченъ срокъ существованія разрушающихся остатковъ его арміи.

Атаманъ Платовъ дѣйствовалъ отдѣльно, истребляя на пути непрiятеля средства, которыми могъ бы онъ воспользоваться.

Графъ Витгенштейнъ не пошелъ вмѣстѣ съ адмираломъ Чичаговымъ, который, въ качествѣ главнокомандующаго арміею, могъ подчинить его своимъ распоряженіямъ; онъ отправился вправо, поставляя на видъ намѣреніе преслѣдовать генерала Вреде, начальствующаго баварскими войсками Рейнской конфедераціи. Вскорѣ по оставленіи Полоцка они отошли въ Литву и, вѣроятно, находятся уже далеко.

Свидѣтель происшествія при Березинѣ, безъ малѣйшаго въ нихъ участія, безпристрастно излагаю я мои замѣчанія.

Нѣтъ побуждающихъ причинъ говорить не въ пользу графа Витгенштейна, извѣстнаго рыцарскими свойствами, предпріимчиваго на все полезное! Не соотвѣтствующія этому случайности могли принадлежать постороннему внушенію.

Адмиралъ Чичаговъ, при первомъ разговорѣ со мною, выказался превосходнаго ума, и я чувствую съ негодованіемъ, насколько бессильно оправданіе мое возлагаемыхъ на него обвиненій.

Проходя съ отрядомъ моимъ по большой дорогѣ на Вильну, на ночлегъ пріѣхалъ неожиданно князь Кутузовъ и расположился отдохнуть. Немедленно явился я къ нему, и продолжительны были разспросы его о сраженіи при Березинѣ. Я успѣлъ объяснить ему, что адмиралъ Чичаговъ не столько виноватъ, какъ многіе представляютъ его не желаютъ. Не извинялъ я сдѣланной ошибки движеніемъ къ Игумену; не скрылъ равномѣрно и графу Витгенштейну принадлежащихъ. Легко могъ я замѣтить, до какой степени простиралось неблагорасположеніе его къ адмиралу. Не нравилось ему, что я смѣлъ оправдывать его. Но въ званіи моемъ не ловко было рѣшительно пренебречь моими показаніями, и князь Кутузовъ не предпринялъ склонить меня понимать иначе то, что я видѣлъ собственными глазами. Онъ принялъ на себя видъ чрезвычайно довольнаго тѣмъ, что узналъ истину, и увѣрялъ (хотя не увѣрилъ), что совсѣмъ другими глазами будетъ смотрѣть на адмирала, но что доселѣ готовъ былъ встрѣтиться съ нимъ непріятнымъ образомъ. Онъ приказалъ мнѣ представить послѣ записку о дѣйствіяхъ при Березинѣ, но чтобы никто не зналъ о томъ.

Недалеко отъ уѣзднаго города Ошмянъ (49 верстъ отъ губернскаго города Вильны), атаманъ Платовъ обошелъ авангардъ арміи адмирала и, не остановясь, продолжалъ движеніе въ ночное время. Независимо отъ распоряженій его, шелъ впереди отрядъ партизана Сеславина¹⁾: проводникомъ его былъ схваченный еврей, житель го-

¹⁾ Сеславинъ не встрѣтилъ препятствій. Арріергардъ французскій (какъ показали взятые изъ него плѣнные) пошелъ противъ передовыхъ войскъ арміи адмирала, и въ главной квартирѣ Наполеона не было о томъ извѣстія такъ что посланный офицеръ съ повелѣніями не засталъ уже его, и взятый

рода, знавшій о пребываніи въ немъ самого Наполеона, и ничего о томъ, какой домъ онъ занимаетъ. Еврей провелъ отрядъ чрезъ лежащія въ сторонѣ мельницы, по тропинкѣ, покрытой глубокимъ снѣгомъ, едва примѣтной. Въ городѣ было спокойно и въ совершенной безопасности.

Сеславинъ обратился къ дому, отличающемуся наружностію: на обширномъ дворѣ его были толпы военныхъ людей. Внезапное появленіе казаковъ произвело большое смятеніе, многіе спасались бѣгствомъ, и до того слабо было сопротивленіе, что казаки безнаказанно наносили пораженіе. Отовсюду, на призывъ тревоги, стекались пробужденные огромными толпами и казаки понуждены были удалиться. Домъ, на который ударилъ Сеславинъ, по количеству при немъ войскъ, принятъ былъ за квартиру Наполеона, но въ немъ расположенъ былъ комендантъ города и отряды разныхъ частей войскъ, поспѣшно отправляемые въ Вильну. Въ отдаленномъ концѣ города была квартира Наполеона, и онъ, съ конвоемъ своей гвардіи, не теряя минутъ, отправился въ Вильну, гдѣ, никѣмъ невидимый, проѣхалъ за границу. Посланная изъ Вильны къ отступающей французской арміи дивизія изъ десяти тысячъ свѣжей пѣхоты не могла служить ей подкрѣпленіемъ, когда въ виду уже были авангардъ арміи адмирала и атаманъ Платовъ со всѣми казаками. Дивизія изъ резервныхъ, вновь набранныхъ конскриптовъ, не вынесла труда, и на разстояніи между городомъ Ошмянами и Вильною была жертвою лютости мороза; малое число спасшихся возвратились въ Вильну. Всѣ большими толпами разбросанные по полю, близко отъ дороги, лежали замерзшіе. Разметаны кости съѣденныхъ лошадей, оставлена новая артиллерія, не бывшая въ употребленіи, обнаружены были трупы, одежда отобрана вмѣвшими силы идти далѣе.

Первый вошелъ съ отрядомъ въ Вильну партизанъ Сеславинъ, но долженъ былъ уступить превосходству непріятели. Пришли атаманъ Платовъ и авангардъ генерала Чаплица, и непріятель съ поспѣшностію оставилъ городъ. Не замедлила прибыть армія адмирала и за нею вскорѣ фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ. Ноября 29 числа (термометръ означалъ 27 градусовъ) вступилъ я съ моимъ отрядомъ въ Вильну и тотчасъ явился къ фельдмаршалу. Имъ дано мнѣ приказаніе на всѣхъ вѣздахъ поставить караулы, къ провіантскимъ магазинамъ, складамъ аммуничныхъ вещей и разнаго рода запасовъ ¹⁾.

казаками представленъ атаману. Онъ подтвердилъ, что Наполеонъ точно въ Ошмянахъ.

¹⁾ Въ чрезвычайныхъ размѣрахъ были заготовленія всякихъ для арміи потребностей. Ничто не упущено изъ виду и ничто не истреблено непріятеlemъ. Цѣнность казеннаго имущества можетъ восходить до огромнаго числа милліоновъ. Остались и частные богатые магазины.

Въ городѣ нашелъ я адмирала Чичагова, но армія его отправлена была къ границамъ Пруссіи и въ ней подъ ружьемъ было не много болѣе пятнадцати тысячъ человекъ, почему и приказано всѣмъ отдѣльнымъ отъ нея частямъ поспѣшнѣе соединиться съ нею.

Графъ Витгенштейнъ, съ корпусомъ начавшій отъ рѣки Березины вымышленное имъ преслѣдованіе войскъ короля Баварскаго и не видѣвши ихъ, дошелъ до мѣстечка Нѣменчина, недалеко отъ Вильны, откуда послалъ съ отрядомъ партизана Теттенборна ¹⁾, чтобы показать содѣйствіе при занятіи города, и онъ расположился въ одномъ изъ предмѣстій.

Предъ проѣздомъ и можно сказать бѣгствомъ Наполеона мимо Вильны, бдительная французская полиція, скрывая пораженія, выпускала молву о его побѣдахъ. Торжества были о взятіи Риги и покореніи Кіева. Блистательно освѣщенъ городъ, выставлены великолѣпныя картины, на площадяхъ гремѣла музыка, хвалебные возглашались хоры, произносились рѣчи, изумляющія наглою дерзостію. 1805 года, послѣ сраженія при Аустерлицѣ, генераль-отъ-инфантеріи Кутузовъ назначенъ былъ литовскимъ военнымъ губернаторомъ, и только два баталіона внутренней стражи были въ его распоряженіи. Общество высшаго разряда очаровано было его привлекательнымъ и особенно вѣжливымъ обхожденіемъ. Женщины польскія, обладающія даромъ плѣнять любезностію и ловкостію, играли при немъ немаловажную роль.

Теперь свѣтлѣйшій князь Кутузовъ-Смоленскій явился фельдмаршаломъ, побѣдителемъ Наполеона, изгнаннаго имъ изъ предѣловъ отечества нашего ²⁾.

У фельдмаршала нашелъ я адмирала Чичагова и графа Витгенштейна, который рассказывалъ ему о нѣсколькихъ, выигранныхъ имъ, генеральныхъ сраженіяхъ и въ такомъ тонѣ, что на долю главной арміи оставались легкія, не весьма значительныя дѣйствія. Неуловимая тонкость князя Кутузова не могла однако жъ скрыть совершенно его негодованія, и онъ давалъ чувствовать его, обращаясь съ отличнымъ вниманіемъ къ адмиралу, довольный соблюдаемою имъ почтительною наружностію. До отъѣзда его въ армію,

¹⁾ Предъ нынѣшнею войною австрійскій генераль князь Шварценбергъ, бывши посломъ при Россійскомъ дворѣ, имѣлъ при себѣ адъютантомъ Теттенборна, который, принявъ будучи въ нашу службу, далъ замѣтить себя, какъ офицеръ отлично храбрый и столько же способный, оказывалъ въ разныхъ случаяхъ достойныя уваженія заслуги.

²⁾ Нѣсколько предъ симъ дней разговоръ князя Кутузова со мною въ точныхъ его выраженіяхъ: „Голубчикъ! Если бы кто два, или три года назадъ сказалъ мнѣ, что меня избересть судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившаго всю Европу, я право плюнулъ бы тому въ рожу!“

взаимныя ихъ отношенія были благовидны, что, впрочемъ, не препятствовало князю Кутузову дѣлать вредъ адмиралу, многими замѣченный впоследствии. Онъ относилъ на счетъ его намѣреніе похитить славу заключенія съ Портою мира, послѣ знаменитой побѣды его надъ великимъ визиремъ при Рущукѣ.

Графъ Витгенштейнъ часто, но всегда довольно неловко, давалъ чувствовать, что Петербургъ ему обязанъ спасеніемъ и путь въ Литву проложенъ его побѣдами. Служа въ арміи Кутузова во время славной ретирады изъ Баваріи 1805 года генераль-маіоромъ, извѣстенъ онъ былъ главнокомандующему блистательной храбрости шефомъ гусарскаго полка. Теперь, находя его на первомъ планѣ дѣйствующихъ лицъ, онъ признавалъ необходимымъ имѣть основательное свѣдѣніе о способности и познаніяхъ, требуемыхъ отъ начальника, которому ввѣряется обширное и нерѣдко трудное командованіе. Разсуждая о разныхъ происшествіяхъ, сопровождавшихъ непредвидѣнный и скорый оборотъ обстоятельствъ, о предстоящихъ дѣйствіяхъ по выступленіи за границу, далъ онъ поводъ графу Витгенштейну высказать его о томъ мнѣніе. Проницательному князю Кутузову достаточно было четверти часа познать его совершенно ¹⁾.

Превозносимый, похвалами многихъ несмысленныхъ почитателей его, спасителемъ Петербурга, я увѣренъ, что онъ не былъ до той степени упоенъ лестію, чтобы мечталъ сравнивать себя съ княземъ Кутузовымъ, который не нашелъ бы въ немъ даже помощника.

Черезъ нѣсколько дней пришла въ окрестности Вильны главная наша армія. Ей назначенъ нужный отдыхъ.

Фельдмаршалъ покоился на пожатыхъ лаврахъ, готовый продолжить бездѣйствіе. Собрались генералы въ Главную квартиру, гдѣ, послѣ многотрудной кампаніи, пріятно было найти удобства и удовольствія, устраниая служебныя занятія.

Доставлены фельдмаршалу, по сдѣланнымъ имъ представленіямъ, назначенныя награды за сраженія, между прочими за битву Бородинскую. Медленно послѣдовало утвержденіе ихъ по той причинѣ, что многіе весьма изъ частныхъ начальниковъ 2-й Западной арміи были убиты и ранены, и временно заступившіе мѣста ихъ присылали представленія порознь, и надобно было, разсматривая достоинство оказанныхъ отличій, соразмѣрять вознагражденія ²⁾.

¹⁾ Трудъ разсуждать не всегда принимаетъ онъ на себя, часто представляя другимъ эту черную работу. Служащіе при немъ близко имѣютъ сильное на него вліяніе, и весьма часто не принадлежатъ къ числу людей достойныхъ.

²⁾ Главнокомандующій военный министръ Барклай-де-Толли, отъѣзжая изъ арміи въ сентябрѣ мѣсяцѣ, поручилъ директору министерской своей

Непріятель продолжалъ оставлять предѣлы наши. Австрійскій корпусъ генерала князя Шварценберга выходилъ изъ Гродненской губерніи. Генералъ Ренье съ корпусомъ Саксонскимъ удалился по направленію къ рѣкѣ Нареву. Войска польскія герцогства Варшавскаго отправились къ Варшавѣ. Корпусъ маршала Макдональда и съ нимъ прусскія войска слѣдовали изъ Курляндіи къ Тильзиту. Остатки большой Наполеоновской арміи (*la grande armée*), близкой къ разрушенію ¹⁾, и съ нею отрывки войскъ прочихъ союзниковъ, направились на Пруссію. Итакъ почти не было уже непріятели на землѣ русской!

Расположеніе армій нашихъ было слѣдующее: армія адмирала Чичагова была у мѣстечка Ездя, на рѣкѣ Нѣманѣ. Туда послѣдовалъ, отряженный отъ нея, сильный корпусъ генерала барона Остенъ-Сакена, возбранявшій австрійскимъ и саксонскимъ войскамъ захватывать обширнѣйшее пространство всѣмъ изобилующей страны. I-й пѣхотный корпусъ графа Витгенштейна, безпрепятственно достигая Нѣмана, въ окрестности города Ковна, наблюдалъ отступающаго маршала Макдональда.

Князь Кутузовъ наслаждался полнымъ покоемъ. Ничто до слуха его допускаемо не было, кромѣ рабственныхъ похвалъ льстецовъ, непремѣнныхъ спутниковъ могущества! О войнѣ вспоминалъ намъ одинъ самовластно господствующій повсюду безпорядокъ, котораго, какъ видно, не менѣе было у самихъ непріятелей нашихъ.

Въ Вильнѣ всѣ удобныя зданія, самыя рефѣкторіи монастырей, заняты были французскими гошпиталями. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, несмотря на жестокую зиму, не было для печей дровъ; нѣсколько вязанокъ разбросанной соломы замѣняли постели. Малому числу больныхъ дана одежда, необходимой посуды никакой. Провожавшій меня изъ старшихъ медиковъ показалъ мнѣ огромную больницу, дверь которой оттокнувши ногою, мы были встрѣчены удушливымъ

канцеляріи, флигель-адъютанту, полковнику Закревскому, показать мнѣ собственноручный рапортъ его фельдмаршалу, которымъ просилъ представить меня къ награждѣ орденомъ Св. Георгія 2-го класса. Конечно, не приличествовало назначить мнѣ награду, къ которой представленъ самъ главнокомандующій; но столько же несправедливо просить Анненскую ленту наравнѣ съ бригадными командирами и шефами полковъ, награду, получаемую за смотры войскъ и парады.

¹⁾ Когда Наполеонъ съ неимоверною скоростію поспѣшилъ къ переправѣ черезъ рѣку Березину, къ нему присоединился въ мѣстечкѣ Бобрѣ свѣжій корпусъ маршала Виктора въ отличномъ порядкѣ, изъ котораго одна только дивизія имѣла участіе въ сраженіи при Чашникахъ. Также и войска маршала Удино, защищавшія Полоцкъ, были довольно въ хорошемъ состояніи. Съ ужасомъ смотрѣли они на бѣдственное положеніе арміи и войскъ союзныхъ Рейнской конфедераціи, не узнавали блистательной гвардіи, которой видна была гибель неотвратимая!

смердомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что есть больницы, совсѣмъ оставленныя врачами, ибо не существуетъ средствъ спасти больныхъ и сообщеніе съ ними угрожало неизбѣжною заразою. По мнѣнію его, надлежало въ продолженіе сильныхъ морозовъ, не допускающихъ совершеннаго разложенія тѣлъ, очистить городъ, вывезти трупы безъ всякой опасности. Многія тысячи труповъ вывезены за городъ, часть ихъ сожжена, прочіе опущены во рвы и засыпаны известью. Фельдмаршалъ приказалъ привести это въ исполненіе.

Въ Вильнѣ хранились огромные запасы всякаго рода предметовъ собственно для продовольствія войскъ, по распоряженію фельдмаршала неприкосновенныхъ до прибытія генераль-интенданта Канкринна. Столько же огромные склады аммуничныхъ вещей, для гошпиталей одежды, бѣлья и посуды, для аптекъ медикаментовъ дорогой цѣны и во множествѣ лучшіе хирургическіе инструменты. Много бочекъ, наполненныхъ хиною, камфорою и проч.

Великій Князь Константинъ Павловичъ испросилъ позволеніе выбрать изъ запасовъ аммуничныхъ вещей необходимо нужныя для нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса, и приказано гвардейской пѣхотной дивизіи генераль-маіору барону Розену, по исполненіи порученія, представить подробный обо всемъ отчетъ ¹⁾.

Въ Вильнѣ нашлись также частныхъ продавцовъ богатые магазины офицерскихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, которыя присвоены себѣ разными лицами ²⁾.

Распространился слухъ о прибытіи Государя. Надобно было заняться распоряженіями о приготовленіи встрѣчи, и роскошный покой фельдмаршала прикрытъ былъ наружностію необыкновенной дѣятельности.

Пріѣхалъ Государь и, въ ознаменованіе признательности своей за великія услуги свѣтлѣйшаго князя Кутузова, возложилъ на него орденъ Святаго Георгія 1-го класса ³⁾. Во множествѣ разсыпаны награды по его представленіямъ, не всегда безпристрастнымъ, весьма часто безъ малѣйшаго разбора. Вскорѣ составилъ Дворъ, и съ нимъ не-

¹⁾ Я былъ свидѣтелемъ разговора, и мнѣ легко было замѣтить, сколько пріятно было фельдмаршалу, что Его Высочество съ равною настойчивостію не коснулся никакихъ другихъ предметовъ. Предполагать должно, что было въ видахъ сбереженіе казеннаго интереса, сколько возможно въ большемъ размѣрѣ.

²⁾ Не чужды Главной квартирѣ и безъ всякой осторожности. При сихъ обстоятельствахъ, многимъ извѣстныхъ, дѣйствія генераловъ Коновницына и Толя соответствующи достоинству аванія.

³⁾ Орденъ этотъ уничтоженъ Императоромъ Павломъ I, восстановленъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, и въ царствованіе его до настоящаго времени князь Кутузовъ наименованъ первый кавалеромъ сего ордена 1-го класса.

разлучныя интриги; поле обширное, на которомъ извѣстный хитростію Кутузовъ, всегда первенствующій, непреодолимый ратоборець!

Между важными событіями упомяну о недавнемъ происшествіи, маловажномъ по себѣ, оригинальномъ по окончанію. Австрійскій корпусъ, вышедшій уже изъ границъ нашихъ, малымъ числомъ послѣднихъ войскъ своихъ занималъ еще городъ Гродно. Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій явился съ отрядомъ, предложилъ о сдачѣ и получилъ отказъ. Съ отрядомъ казаковъ гораздо слабѣйшимъ, партизанъ Давыдовъ, безъ чванныхъ рѣчей придворнаго челоуѣка, не вдаваясь въ политику, приблизился къ передовой непріятельской стражѣ, угрожая, если не будетъ сданъ городъ, атаковать идущимъ за нимъ войскомъ. Раздался звукъ стакановъ между венгерскими гусарами и, при хвалѣ отечественному ихъ напитку, рука въ руку, въ знакъ пріязни. Съ начальникомъ ихъ сдѣлано условіе, и городъ нашъ ¹⁾! Въ одно время дошли до фельд-маршала рапорты: графа Ожаровскаго, что австріецъ не сдастъ города, и партизана Давыдова, что городъ имъ занятъ!

Государь, по прибытіи своемъ, изъявилъ намѣреніе двинуть за границу армію.

Оказывая постоянно высокое уваженіе фельдмаршалу, изъ совѣщаній съ нимъ онъ замѣтилъ, что лѣта его, тяжелыя чрезвычайно раны, труды и заботы послѣдней кампаніи, ослабили въ немъ способности. Государь, желая продолжить его успокоеніе, оставилъ при немъ громкое наименованіе главнокомандующаго и наружный блескъ нѣкоторой власти. Въ распоряженіе арміями входилъ самъ; о состояніи ихъ, о средствахъ снабженія всѣми потребностями, нужныя свѣдѣнія поручилъ собрать находившимся при его особѣ лицамъ, удостоеннымъ особенной довѣренности.

Князю Кутузову полезно было представить главнѣйшими своими сотрудниками дежурнаго генерала Коновницына и генералъ-квартирмейстера 1-й арміи Толя, съ особенными о нихъ похвалами.

Предъ началомъ войны Государь 3-ю пѣхотную дивизію генерала Коновницына, по устройству ея и знанію фронтовой части называлъ примѣрною, нижнимъ чинамъ дана денежная награда не бывалая! Государь принялъ его съ особенною благосклонностію, благодарилъ его за усердіе, во многихъ случаяхъ оказанное мужество. Незвѣстно, удовлетворилъ ли онъ его знаніемъ военнаго

---

¹⁾ Штабъ-офицеру предоставлено возвратиться къ своимъ войскамъ. Въ городъ и окрестностяхъ водворены спокойствіе и порядокъ. Отрядъ партизана Давыдова ожидаетъ повелѣній!

дѣла, если въ разговорахъ съ нимъ испытывалъ мнѣніе его относительно предстоящей кампаніи ¹⁾).

Генераль графъ Аракчеевъ, въ сношеніяхъ съ Коновницынымъ, не получилъ отъ него обстоятельныхъ объясненій на многіе изъ предложенныхъ предметовъ.

Не болѣе пользы извлекъ генераль-адъютантъ князь Волконскій изъ совѣщаній съ Коновницынымъ, и въ соображеніи удобнѣйшихъ способовъ къ соединенію частей войскъ, соотвѣтственно предначертанному плану, руководствовался онъ непосредственно знаніемъ и трудами генерала Толя, о чемъ докладывалъ Государю, который обративъ на него вниманіе, замѣтилъ хорошія его способности.

Генераль Коновницынъ имѣлъ надобность, по домашнимъ обстоятельствамъ, быть въ некоторое время въ своемъ семействѣ. Государь, съ извѣщеніемъ лестнаго вниманія, предоставилъ ему отпускъ, въ видѣ полезнаго послѣ трудовъ, имъ понесенныхъ, отдохновенія. Отсутствіе его изъ арміи мало чувствуемо было, а вскорѣ даже не упоминаемо о немъ.

Генераль-адъютантъ князь Волконскій наименованъ начальникомъ Главнаго Штаба всѣхъ армій при фельдмаршалѣ ²⁾. Съ этого времени отъ самого Государя исходили всѣ распоряженія. Онъ наблюдалъ за исполненіемъ ихъ. При особѣ Его Величества состоялъ генераль баронъ Беннигсенъ, и къ его извѣданной опытности и познаніямъ обращался Государь во всѣхъ случаяхъ, когда важность обстоятельствъ могла требовать точнѣйшихъ соображеній.

Прежде прибытія Государя представилъ я фельдмаршалу, по приказанію его, чтобы никому о томъ извѣстно не было, записку о дѣйствіяхъ адмирала Чичагова, при рѣкѣ Березинѣ ³⁾. Онъ говорилъ

¹⁾ Въ царствованіе Императрицы Екатерины II Коновницынъ былъ полковникомъ, командовалъ пѣхотнымъ полкомъ. Отецъ его, значительный сановникъ, по важности занимаемыхъ имъ должностей, въ связи со многими могущественными особами, разными путями, съ необыкновенною скоростію, проводилъ сына въ чины. При трудныхъ въ тогдешнее время средствахъ образованія молодыхъ людей, если не поступали они въ учебныя заведенія, родители принимали въ дома иностранцевъ, которые сообщали дѣтямъ познанія поверхностныя, безъ всякой системы (методы) въ основаніи. Утративши въ продолжительной отставкѣ прежній практически приобрѣтенный навыкъ, Коновницынъ возвратился въ службу, и совершенно не оказывались военныя его знанія. Блистательна была неустрашимость его, но не могла замѣнить недостатка ихъ.

²⁾ Государю надобенъ былъ человекъ, давао къ нему приближенный и совершенно имъ испытанный. Князь Волконскій преданъ ему безпредѣльно и, конечно, не легко было бы замѣнить его другимъ.

³⁾ Точная копія этой записки, окруженной такою тайною, находится между „Приложеній въ концѣ описанія войны 1812 года“.

Записки этой не оказалось въ бумагахъ А. П. (примѣч. изд.).

миѣ, что готовъ встрѣтить его съ изъявленіемъ пріязненныхъ чувствъ. По миѣнію многихъ, вина Чичагова, въ отношеніи къ князю Кутузову, заключалась въ томъ, что онъ умѣлъ постигнуть его совершенно!

Не могъ фельдмаршалъ оставить безъ вниманія записку мою (начальника Главнаго штаба 1-ой арміи), въ которой показывалъ я себя очевиднымъ свидѣтелемъ, не участвовавшимъ въ пріобрѣтенныхъ успѣхахъ, и что даже пришедшія со мною войска, составляя резервъ, не сдѣлали почти выстрѣла ¹⁾).

Адмиралъ Чичаговъ былъ на маршѣ съ арміею къ границамъ, когда прибылъ Государь, и едва-ли возможно усомниться, что князь Кутузовъ не объяснилъ ему дѣйствій Чичагова при Березинѣ, но только защитилъ его отъ обвиненій неосновательныхъ. Не извѣстно миѣ, видѣлъ ли его Государь, но вскорѣ оставилъ онъ командованіе арміею и удалился. Не касалось это непосредственно выгодъ князя Кутузова, и понятно равнодушіе его!

Выступленіе арміи за границу опредѣлено 1-го числа января 1813 года. Общій планъ дѣйствій хранился въ тайнѣ.

Предварительное расположеніе войскъ слѣдующее:

Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ въ Гроднѣ и къ сторонѣ Бѣлостока. Адмиралъ Чичаговъ въ мѣстечкѣ Езднѣ и къ сторонѣ Олиты. Отдѣленный отъ его арміи корпусъ генерала барона Остенъ-Сакена, наблюдая отступленіе австрійскихъ и саксонскихъ войскъ, остановился на границѣ. Генералъ Дохтуровъ съ VI пѣхотнымъ корпусомъ и другими отрядами расположенъ также у самой границы. Генералъ Тормасовъ со всею гвардіею и ея кавалеріею, 1-ю гренадерскою дивизіею и сильною артиллеріею, занималъ мѣстечко Меречь и окрестности. Здѣсь назначена главная квартира Государя и фельдмаршала. Графъ Витгенштейнъ съ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ недалеко отъ Ковна наблюдалъ отступленіе отъ города Риги прусскихъ войскъ ²⁾).

Атаманъ Платовъ съ большею частію полковъ войска Донского приближенъ былъ къ мѣстечку Меречь; прочіе всѣ готовы были къ выступленію за границу.

¹⁾ Фельдмаршалъ не желалъ удержать при себѣ генерала Беннигсена, часто весьма противнаго съ нимъ миѣнія. Генералъ Толь ловкимъ образомъ пользовался всякимъ случаемъ возжигать между ними несогласіе, съ вѣрнымъ расчетомъ упрочить вліяніе свое на Кутузова.

²⁾ Командующій прусскими войсками генералъ Іоркъ есть одинъ изъ отличнѣйшихъ начальниковъ. Онъ, прекративъ военныя дѣйствія, вошелъ въ переговоры, согласно съ желаніемъ войскъ, особенно ему преданныхъ. Въ крѣпостяхъ Пруссіи были французскіе гарнизоны, и король не могъ одобрить явнаго нарушенія союза съ Наполеономъ.

Генераль-адъютанту барону Винценгероде предположено составить особенный отряд¹⁾).

По упраздненіи Главнаго штаба 1-й арміи, я назначенъ начальникомъ артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ арміи. Я обратился къ фельдмаршалу, прося исходатайствовать отъѣзду назначенія моего, но онъ сказалъ, чтобы я самъ объяснилъ о томъ Государю. Намѣреніе его было, какъ тогда сдѣлалось извѣстнымъ, мѣсто это доставить артиллеріи генераль-маіору Рѣзвому.

Послѣ лестной должности, неожиданно и не по чину мнѣ назначенной, когда, въ неблагопріятномъ положеніи дѣлъ нашихъ, Государю неблагоугодно было предложить ее никому другому, мнѣ дано приказаніе, и оставался долгъ повиновенія!

Теперь новая должность моя объемлетъ часть обширную, но есть и недостатки въ ней, требующіе скорого исправленія, при средствахъ, дѣятельною кампаніею истощенныхъ, въ отдаленіи отъ удоб-

¹⁾ Наблюдательный его отрядъ находился недалеко отъ Москвы, около села Всесвятскаго. Баронъ Винценгероде зналъ зналъ отъ жителей, что Наполеонъ выступилъ съ арміею, и въ городѣ осталось очень мало войскъ. Схваченные плѣнные подтверждали, что оставленному съ малочисленнымъ отрядомъ маршалу Мортье приказано, взорвавъ Кремлевскія башни, оставить Москву и слѣдовать за арміею. Съ малымъ конвоемъ и немногими изъ свиты своей, генераль Винценгероде подѣхалъ къ заставѣ города, конечно, не для обозрѣнія, но правдоподобнѣе, съ намѣреніемъ, устрашивъ непріятели готовностію къ бою, склонить къ сдачѣ Москвы. Сопровождавшій его слабый конвой былъ опрокинутъ и, не предвидя, по принятому всѣми вообще порядку, не подавши знака, что присланъ для переговоровъ (*en parlementaire*), хотя и настоятельно убѣждалъ въ томъ, но всѣ противъ него были обстоятельства, и онъ взятъ подъ стражу. Слабый конвой жандармовъ препровождалъ его плѣннаго, дорогами отдаленными, и уже по ту сторону рѣки Березины, внезапно освобожденъ онъ разѣздомъ казаковъ изъ отряда флигель-адъютанта полковника Чернышева, который отправленъ былъ изъ С.-Петербурга въ Главную квартиру фельдмаршала и далѣе съ повелѣніями Государя адмиралу Чичагову. Чернышевъ изумленъ былъ появленіемъ передъ нимъ Винценгероде, ничего не зная о происшедшемъ съ нимъ. Теперь объяснилось, что судьба лишила его славы быть освободителемъ древней столицы. Взаимна была горестъ, и нѣтъ сомнѣнія, что, изъ двухъ этихъ знаменитостей, каждая освобожденіе оставленной непріятели Москвы весьма охотно внесла бы въ смѣту своихъ подвиговъ. Москва занята вскорѣ потомъ войска Донскаго генераль-маіоромъ Иловайскимъ 4-мъ. Примѣчательно описаніе Чернышева, нелѣпое и чагло хвастливое, трудно преодолевной имъ мѣстности, переплутыхъ имъ рѣкъ и пр., хотя въ то время рѣки скованы были морозами жестокой зимы. Винценгероде прежде всѣхъ зналъ о выступленіи Наполеона изъ Москвы, но о томъ не извѣстилъ фельдмаршала, вкушавшаго невозмутимый покой въ позиціи при Тарутинѣ, послѣ развитія и прогнанія авангарда подъ командою Неаполитанскаго короля Мюрата.

нѣйшихъ способовъ снабженія всѣми потребностями. Болѣе прежняго извѣстный Государю, я признался простосердечно, что меня устрашаютъ трудности и неотвратимыя препятствія, чтобы поставить себя въ готовность къ скорѣйшему исполненію требованій. До сего времени въ каждой изъ армій были отдѣльные начальники артиллеріи и у каждаго свой взглядъ на порядокъ управленія дѣлами. Теперь подчиняются они общему надъ ними начальнику. Государь, благосклонно выслушавши меня, изволилъ утвердить мое назначеніе.

Въ облегченіе изложенныхъ мною затрудненій и ускоряя распоряженія артиллерійскаго департамента, Государь приказалъ мнѣ, составляя вѣдомости о всѣхъ, необходимо надобныхъ предметахъ, доставлять ихъ графу Аракчееву, который, для немедленнаго удовлетворенія требованій, будетъ объявлять волю его инспектору всей артиллеріи, барону Меллеру-Закомельскому. Мѣра эта тѣмъ необходимѣе была, что на укомплектованіе назначеной за границу артиллеріи взято большое число офицеровъ, нижнихъ чиновъ и лошадей. Оставлены въ Вильнѣ и по близости шестьсотъ орудій (600) и готовые кадры для сформированія пятидесяти конныхъ и пѣшихъ ротъ, которыя, по мѣрѣ приведенія въ надлежащій составъ, должны слѣдовать за арміею. Ротамъ, не участвовавшимъ въ дѣйствіяхъ, предписано прійти въ Вильну.

Государь прибылъ въ мѣстечко Меречь; въ то же время и фельд-маршалъ.

Первый день 1813 года ознаменованъ выступленіемъ за границу всѣхъ нашихъ армій.

Итакъ, въ теченіе семи мѣсяцевъ, потерявши не менѣе восьми губерній, впавшихъ во власть непріятеля, лишившись древней столицы, обращенной въ пепель, имѣя въ сердцѣ своемъ болѣе пяти сотъ тысячъ враждебныхъ полчищъ, грозившихъ истребленіемъ, Россія восторжествовала! Императоръ примѣромъ непоколебимой твердости оживилъ въ каждомъ надежду спасенія отечества. Никто не щадилъ жертвованій, призваны въ пособіе всѣ средства, всѣ возможныя усилія. Исполненныя самоотверженія, двинулись храбрыя ополченія Россіи; ударилъ часъ освобожденія, и Богъ поборникъ правыхъ, низложилъ горделивые замыслы враговъ, и уже нѣтъ ихъ на землѣ любезнаго отечества нашего!

Изложивъ извѣстныя мнѣ происшествія въ продолженіи отечественной войны и въ преслѣдованіи до границъ нашихъ спасающагося бѣгствомъ непріятеля, прекращаю я описаніе.

А. Ө. Кони. На жизненномъ пути. Томъ первый. Изъ записокъ
судебнаго дѣятеля.—Житейскія встрѣчи. С.-Петербургъ. 1912 г.

Несомнѣнно, что изъ всѣхъ воспоминаній, появившихся у насъ
въ XX столѣтїи, самое выдающееся мѣсто занимаютъ воспоминанія
А. Ө. Кони.

Огромный житейскій опытъ, тонкая наблюдательность и высокїй
художественный талантъ ставятъ эти воспоминанія на особую высоту.

Почти весь первый томъ „жизненнаго пути“ посвященъ запискамъ
судебнаго дѣятеля, и лишь меньшая часть его отводится житейскимъ
встрѣчамъ.

Могучими штрихами набрасываетъ высокоталантливый авторъ
идеалы и дѣятельность предсѣдателей суда, прокуроровъ, судебныхъ
слѣдователей и мировыхъ судей, даетъ дивныя картины выда-
ющихся судебныхъ процессовъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе,
съ глубокимъ анализомъ психолога разбираетъ душевное состоя-
ніе и дѣятельность обвиняемыхъ, свидѣтелей, свѣдущихъ людей,
экспертовъ, попутно касаясь душевно-больныхъ и вѣкоторыхъ ино-
славныхъ вопросовъ.

Охватывая своимъ громаднымъ умомъ почти весь судебный мїръ,
авторъ дѣлаетъ свой трудъ настольной книгой каждаго судебного
дѣятеля.

Нарисовавъ со свойственнымъ только ему одному особымъ та-
лантомъ образы князя А. И. Урусова, А. Л. Боровиковскаго и
Н. Н. Мясоѣдова, авторъ переходитъ къ житейскимъ встрѣчамъ со
Скобелевымъ, Аксаковымъ и др., не забывая рельефно выставить и
своихъ домочадцевъ.

Каждый образованный человѣкъ прочтетъ съ захватывающимъ
интересомъ прекрасныя страницы „На жизненномъ пути“, изложен-
ныя несравненнымъ языкомъ нашего современнаго златоуста.

В. П.

Военная галерея 1812 года. С.-Петербургъ 1812 года.

На первой страницѣ начертано рѣкой Государя Императора: „Достойнымъ потомкамъ доблестныхъ предковъ. Николай“.

Августѣйшій редакторъ изданія—Великій князь Николай Михайловичъ пишетъ въ началѣ своего предисловія:

„Настоящее изданіе, напечатанное, по повелѣнію Государя Императора, подъ моею редакціей, къ столѣтней годовщинѣ Отечественной войны, представляетъ собой собраніе тѣхъ портретовъ героевъ этой славной и достопамятной эпохи въ исторіи Россіи, которые находятся въ „Военной галереѣ 1812 года“ въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

Здѣсь помѣщены 329 портретовъ одного размѣра (16×14) въ алфавитномъ порядкѣ фамилій изображенныхъ лицъ. Кромѣ того, помѣщены еще 4 большихъ, во весь ростъ, портрета, находящихся въ той же галереѣ, а именно: Императора Александра I на конѣ, Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, князя М. Б. Барклая-де-Толли и князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Послѣдніе портреты воспроизведены гелиографіей по одному на листѣ (таблицы I—IV), остальные же 329 портретовъ помѣщены по 4 на каждой таблицѣ и исполнены фототипіей. Чтобы дать представленіе о „Военной галереѣ 1812 года“ въ Зимнемъ дворцѣ, въ изданіи воспроизводятся два общихъ вида этой галереи (таблицы V и VI)“.

Далѣе въ предисловіи указано, что портретъ Императора Александра I принадлежитъ кисти Крюгера, а остальные написаны извѣстнымъ портретистомъ Георгомъ Дау (Dawe).

Во второй половинѣ книги помѣщены сокращенные послужные списки всѣхъ изображенныхъ лицъ, и эта кропотливая работа исполнена секретаремъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Голомбѣвскимъ.

Изъ всѣхъ юбилейныхъ, художественныхъ, изданій „Военная галлерей 1812 года“ занимаетъ первое мѣсто какъ по самому замыслу изданія, такъ и по истинно-художественному исполненію.

Теперь эта галлерей сдѣлалась общимъ достояніемъ, и къ этому изданію можно примѣнить чудные стихи Пушкина, для Военной галлерей 1812 года:

Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
 Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
 Покрытыхъ славою чудеснаго похода
 И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1912 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ

І Ю Л Ъ , А В Г У С Т Ъ , С Е Н Т Я Б Р Ъ .

Записки и воспоминанія.	СТРАН.
I. Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни (1870--1875 г.). В. С. Чиважевскаго	127—133
II. Изъ воспоминаній стараго кадета о Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. М. М. Рота.	239—249
III. Характеристика архіереевъ Саратовской епархіи за 65 лѣтъ (Изъ записокъ стараго помѣщика).	250—257
IV. Изъ записокъ Н. А. Скалонъ. Собщ. П. Скалонъ.	373—374
V. Студенческіе годы (Воспоминанія о Варшавскомъ университетѣ). К. Н. Тура	404—442

Исслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разказы. — Матеріалы и замѣтки.

I. 1812-й годъ. Избраніе Кутузова главнокомандующимъ надъ всѣми арміями, пріѣздъ его въ армію и первые дни дѣятельности. М. Б. Колюбакіна	3—32, 258—281
II. Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ. Л. Бѣльковича	33— 70
III. Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву. В.	71— 85
IV. Порядокъ провоза иноземцевъ отъ Архангельска къ Вологдѣ (1613 г.). Сообщилъ Ив. Суворовъ.	86— 87
V. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1806 г. Сообщилъ Н. А. Вилламовъ.	88—94, 213—217, 295—300

	СТРАН.
VI. Къ бою 7 іюля 1812 года при Гр.-Эккау. Сообщ. Ка-Эль.	95—96
VII. „День Субботній“. Д. Перскаго	97—103
VIII. По поводу воспоминаній И. И. Янжула. С.	104—107
IX. По поводу ст. „Встрѣчи и столкновенія“, Р. Сементковскаго.	108—109
X. Посѣщеніе Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря Императрицей Маріей Θεодоровной, 1 мая 1818 г., и Императоромъ Александромъ I, 23 августа 1853 года. Н. Лашкова	110—117
XI. Къ характеристикѣ патріарха Гермогена (къ 300-лѣтію его кончины). А. Круковскаго.	118—125
XII. Отцу битъ сына плетью (1680 г.). Сообщилъ Ив. Суворовъ	126
XIII. Сто лѣтъ назадъ. Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. 134—144, 165—171, 288—293	
XIV. Кто управлялъ русскими войсками въ іюнѣ 1812 г. послѣ переправы арміи Наполеона черезъ Нѣманъ. П. Н. Воронова	145—163
XV. Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г. В. В—на	172—207, 300—331
XVI. Въ Румыніи передъ войною 1877 г. Г. И. Бобрикова	208—212, 332—342
XVII. Бѣжаницкое народное училище. И.	218—231
XVIII. Наказаніе монахини (1690 г.). Сообщилъ Ив. С—въ	232—233
XIX. Взятіе русскими Ганджи (Елизаветполя) (По архивнымъ даннымъ). С. Фарфоровскаго.	234—238
XX. Матеріалы для біографіи князя М. И. Голенищева-Кутузова. К. Волховскаго.	283—288
XXI. Замѣчательный указъ 25 января 1808 года. Сообщ. П. В. Федоровъ.	294
XXII. Древнія русскія монеты X—XVI в. Н. Я. Киприановича.	343—356
XXIII. Мѣропріятія правительства и церкви противъ народныхъ суевѣрій. А. В. Кубинцева.	357—371
XXIV. Обмануть Наполеона. Сообщ. Н. Л.	372
XXV. Замѣтки о поѣздкахъ по С.-В. Персіи. П. Гладышева.	375—393
XXVI. Новгородское ополченіе 1812 г. и памятникъ ему въ Новгородѣ. Н. Лашкова	394—401

Приложенія:

Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 года, июль, стр. 16—44, августъ, стр. 45—120, сентябрь, стр. 121—140.

- I. Портретъ князя Петра Ивановича Багратиона (при VII-ой книгѣ).
- II. Портретъ Барклая-де-Толли (при VIII-ой книгѣ).
- III. Бой 24 августа 1812 г. у Шевардина (рисун.) (тамъ же).
- IV. Бородинское сраженіе 26 августа 1812 г. (рисун.) (тамъ же).
- V. Планъ Бородинскаго сраженія (тамъ же).
- VI. Портретъ князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова (при IX-ой книгѣ).
- VII. Карта войны 1812 г. (тамъ же).

Библиографическій листокъ.

1. Книги вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4-го по 18-ое августа 1911 г. (на оберткѣ июльской книги).

2. Списокъ книгъ, касающихся отечественной войны, присланныхъ въ редакцію для рецензій. Матеріалы Военно-ученаго Архива Генеральнаго Штаба. Т. Т. XIV, XV, XVI и XVIII; Нашествіе Наполеона и Отечественная война 1812 г.; Къ столѣтію Отечественной войны 1812 г.; Акты, издаваемые Виленской Комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. XXXVII; Документы и матеріалы, относящіеся къ исторіи Отечественной войны 1812 г.; Полоцко-Витебская Старина, ч. I; Историческій обзоръ Отечественной войны и ея причинъ. Н. П. Муратова; Бородино, по новымъ даннымъ; Россія и Наполеонъ; 1812 г. Первое „Утро“, посвященное Отечественной войнѣ; Походъ въ Москву; Пожаръ Москвы) (на оберткѣ августовской книги).

3. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 18-го августа по 25-ое августа 1911 г. (тамъ же).

4. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 25-го августа по 15-ое сентября 1911 г. (на оберткѣ сентябрьской книги).

5. А. О. Кони. На жизненномъ пути. Томъ первый. Изъ записокъ судебного дѣятеля.—Житейскія встрѣчи. С.-Петербургъ 1912 г. (въ текстѣ стр. 1).

6. Военная галлерей 1812 года (въ текстѣ стр. 2—3).

Краткое пособие къ лекціямъ по исторической грамматикѣ русскаго языка, читаемымъ на Высшихъ Женскихъ Курсовъ проф. В. К. Поржезинскимъ. Введеніе и фонетика. М. 1911. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовск., соб. д.). 8° (19×26). 79 стр. Скл.: кв. маг. Спиридонова и Михайлова (уг. Моховой и Тверской, д. Націон. Гостиницы). Ц. 90 к. Вѣсь 11 л. 1.200 экз.

Кругликовъ-Гречаный, Л. П. Княгиня Ольга. Научно-популярный очеркъ. Кіевъ. 1911. Изд. Автора (Мар.-Благовѣщенская, 103). Тип. И. И. Чоколова (Фундуклеевская, 22). 8° (15×23). 38 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 7 л. 3.000 экз.

Купринъ, А. Разказы. Т. I. Собраніе сочиненій. М. 1911. Изд. Москов. книг. Изд. 4-е. Тип. И. М. Машистова (Б. Садовая, соб. д.). 8°. 336+16 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 8 л. 5.200 экз.

Купринъ, А. Разказы. Т. VI. Собраніе сочиненій. М. 1911. Изд. Моск. Книгоизд. (Мясницкая, 24), 3-е. Тип. А. Левенсонъ (Трехпрудн. п., с. д.). 8° (15×21). 304+16 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 6 л. 5.000 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. № 9. М. 1911. Изд. к-ства „Образованіе“ (Камергерскій пер., д. 4). Тип. „Русскаго товарищества“ (Чистые пруды, св. д.). 4° (25×33). 107 стр.+20 л. рис. Вѣсь 2 ф. 8 л. 4.000 экз.

Народная Война. 1812 годъ. Спб. 1911. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (13×19). 97 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсь 5 л. 11.000 экз.

Поликарповъ, Н. П., полк. Къ исторіи Отечественной войны 1812 года. (По первоисточникамъ). Забытыя и неописанныя военной исторіей сраженія Отечественной войны 1812 года, вызвавшія своимъ ходомъ рѣшительное (генеральное) сраженіе 26 августа 1812 г. при селѣ Бородинѣ. Вып. 1. М. 1911. Изд. Л. Лукьянова. Тип. Русская Печатня (Садовая-Триумфальная, 170). 8° (15×22). 55 стр.+1 карта. Ц. 50 к. Вѣсь 6 л. 1.200 экз.

Пушкинъ, А. С. Библиотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгера. Спб. 1911. Изд. и тип. Брокгаузъ-Ефронъ (Прачешный, 6). 8° (20×28). 552+LXXIV стр. Съ рис. Вѣсь 5 ф. 2 л. 15.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Всѣ баллады и легенды. Спб. 1911. Изд. 5-е, Ф. Павленкова. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 16° (10×16). 92 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 5.100 экз.

Рождествинъ, А. С. Бѣлинскій-критикъ-художникъ. Къ столѣтію дня рожденія 1 іюня 1811—1 іюня 1911 г. Казань. 1911. Тип. Университета. 8° (17×25). 20 стр. Ц. 15 к. Вѣсь 2 л. 300 экз.

Розановъ, И. и Сидоровъ, Н. Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ. (Универсальная библиотека № 508—9). М. 1911. Изд. книгоизд. Польза, В. Антикъ и К^о (Козицк., 2). Тип. А. Левенсонъ (Трехпрудн., с. д.). 16° (9×14). 207 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 6 л. 5.200 экз.

Романовскій, В. Е. Наполеонъ I и Александръ I до и послѣ войны 1812 года. М. 1912. Изд. к-ва К. И. Тихомирова (Кузнецкій м., д. Захарьяна). Тип. Н. И. Гросманъ и Г. А. Вендельштейнъ (М. Златоустовскій пер., д. Хвоцинскаго). 8° (15×22). 106 стр. съ рис. Ц. 40 к. Вѣсь 11 л. 5.000 экз.

Самаринъ, Юрій Ѳедоровичъ. Сочиненія. Томъ четвертый. Крестьянское дѣло съ 1 іюня 1859 по апрѣль 1864 года. М. 1911. Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевскій, 5). 8° (18×27). LVI+559+2 нен. стр. Ц. 2 р. Вѣсь 3 ф. 12 л. 600 экз.

Сидоровъ, А. И. Конспектъ русской исторіи. М. 1911. Тип. Русск. Тов. (Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (15×21). 23 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Смирновъ, Петръ, прот. Исторія христіанской православной церкви. Спб. 1911. Изд. 25-е. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8° (16×23). 280 стр. Съ 5 картинами. Ц. 1 р. Вѣсь 29 л. 20.000 экз.

Троицкій, Д. И. Двѣнадцатый годъ. Очерки и разказы изъ исторіи Отечественной войны. М. 1911. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (17×25). 305 + II стр. Съ рис. Ц. 75 к. Вѣсь 1 ф. 5.000 экз.

Грббаръ, Игорь. Исторія Русскаго Искусства. Вып. 11-й. Спб. 1911. Изд. I. Кнебель—Москва. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 209—312 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсь 1 ф. 16 л. 15.000 экз.

Ефименко, А. Я., проф. Элементарный учебникъ русской исторіи. Курсъ эпизодическій для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова и К^о. Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8° (16×23). VI + 176 стр. Съ 44 рис. и 5 раскраш. карт. Ц. 75 к. Вѣсь 28 л. 7.500 экз.

Ефремовъ, архим. Иргень—мѣсто святое (Миссіонерскій станъ на озерѣ Иргень въ Забайкальской области). Чита. 1911. Тип. Забайкальск. Т-ва печ. дѣла. 8° (16×22). 27 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 3 л. 2.400 экз.

Ивановъ, Е. Историческій Архивъ. Харьковъ. 1911. Тип. Печатное Дѣло (Контрская, Клещ., 3). 8° (17×26). 23 стр. Вѣсь 3 л. 50 экз.

Кабановъ, А. Грамота Патріарха Гермогена въ Нижній-Новгородъ. (Начало нижегородскаго ополченія). 1611—1911 25 августа. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. Нижегород. губ. учен. архив. комисс. Тип. З. А. Остафьевой. 8° (34×45). 1 стр. Съ рис. Вѣсь 1 л. 30.000 экз.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового
 союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой
 по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ
 магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій М-лье и К^о), Невскій просп., д. № 20.
 «Новое Время», Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ
 Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д.
 Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ,
 № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).
 Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ
 Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о
 цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и
 XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ
 дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ,
 артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ:
 переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—
 V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—
 Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго време-
 ни.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к.
 послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными
 для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничто-
 жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ
 не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за
 слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г.,
 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
 Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъяческая ул., д. 7.